(Collar)
1557

*GCA

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

Ἐμοὶ δὲ τὶ αἰσχρον, τοῦς ετέρους μὴ δύνασθαι περὶ ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῶναι μήτε ποιῆσαι; Ορω δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων εν τοῖς ἐπιγιγνομέοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont. IV, 8, 9.

=

ТОМЪ СТО-ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Карла Крайя.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 іюля 1852 года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТО-ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

V.

КРИТИКА.

VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

VII.

СМѢСЬ.

Іюль.

Августъ.

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАМЯТИ ГРАФИНИ Н. А. З.....Й.

Она была какъ Божій день ясна,
Она была радушна и спокойна,
Любви къ добру и ближнему полна,
Родителя душой своей достойна.

Не даромъ онъ къ Суворочкѣ своей
Писалъ свои прекрасныя посланья
Не душу-ль онъ свою провидѣлъ въ ней,
Не всѣ ль она свершала приказанья?

И въ чемъ она ослушалась отца,
И волю въ чемъ великаго забыла?
Какъ онъ велѣлъ — любила молодца,
Какъ онъ велѣлъ — семью и Русь любила!
Какъ онъ велѣлъ — привѣтна и добра,
Она была какъ Руси воплощенье,
Какъ прадѣдовъ радушная пора,
И вѣкъ она не знала осужденья!

И кто бы ей порока вѣсть принесъ?
И гдѣ при ней злословіе проснулось?
Языкъ ее — хулы не произнесъ,
И зло души прекрасной не коснулось!

Родитель ли съ Небесъ ее хранилъ,
Уста ли злымъ смыкало уваженье?
Но домъ ея пріютомъ тихимъ былъ,
Гдѣ мирное бывало воскресенье;

Гдѣ не было злословія при ней,
Гдѣ чада чадъ съ очами голубыми,
Съ любовію смотрѣли въ очи ей,
Гдѣ радостна она бывала съ ними.

И домъ ея пріютный опустѣлъ,
И нѣтъ ее — души семьи родимой,
И кто бы съ ней бесѣдовать хотѣлъ
Съ уныніемъ проходитъ мимо, мимо; —

И мирныя тѣ пиршества прошли,
Гдѣ лаской всѣхъ она одушевляла;
Еще одной нѣтъ доброй на земли,
И дочери Суворова не стало!

Ѣ. Д.

—

ЦЕЗАРЬ ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ АЛЕКСАНДРА.

Когда гляжу на образъ Твой,
Подумать больно мнѣ и стыдно,
Какъ мелокъ я передъ тобой
О! какъ мнѣ часть твоя завидна!
Ты шелъ какъ нѣкій полубогъ,
Законъ Египту несъ и Тиру
А я... а я... что сдѣлать могъ?
Какой я слѣдъ оставлю міру?
Какъ я — былъ юношей и ты,
Но ты властитель полусвѣта
Смотрѣлъ на землю съ высоты,
А я... въ твои что сдѣлалъ лѣта?
Свои ты страсти превозмогъ
Щадилъ прекрасную Статиру,
А я... я женъ позорить могъ!

Такой ли слѣдъ оставлю міру?
Ты бурнымъ вихремъ пробѣгалъ
Свою всемірную державу —
Я Риму зрѣлища давалъ
И забавлялъ его на славу;
Ты мчалъ народы какъ потокъ,
Вмѣстилъ ты ихъ въ свою порфиру,
А я созвать паяцовъ могъ —
Такой ли слѣдъ оставлю міру?
Ты шелъ — сдвигались города,
Пустынямъ жизнь — твое даянье,
А я безъ пользы, безъ стыда,
На что разстратилъ достоянье?
Царей ты свитою увлекъ,
Заставилъ міръ звучать, какъ лиру!
А я,—иль дѣлъ моихъ въ итогъ
Я пѣснь пировъ оставлю міру?
Ты шелъ, — побѣдой знамена
Твои шумѣли надъ Востокомъ
Тобой вселенная полна,
Но слава мнѣ твоя упрекомъ!
Ты видѣлъ плѣнный міръ у ногъ,
Тебѣ служили какъ кумиру,
А я... а я... что сдѣлать могъ?
Какой я слѣдъ оставлю міру?
Ты шелъ — кто могъ противостать
Твоимъ торжественнымъ велѣньямъ?
Ты будто шелъ не воевать,
Но дѣлать смортъ своимъ владѣньямъ!
И міръ путемъ тебѣ пролегъ
Шагнулъ отъ Дарія ты къ Пирру!
А я... а я... что сдѣлать могъ —
Какой я слѣдъ оставлю міру?
Иль все съ собою ты увлекъ,
И мечь, и славу, и порфиру;
Ты міру славы далъ урокъ
И завѣщалъ свой образъ міру!

Во мнѣ ты будто воплощенъ,
Ты будто сталъ моей судьбою
Ты мой тревожишь жаркій сонъ,
И не даешь ты мнѣ покою!
Побѣдъ иль гибели пророкъ,
Даруешь знамя иль порфиру;
Ты кажешь путь мнѣ — путь далекъ,
И гдѣ я слѣдъ оставлю міру?
И нынѣ въ этой тишинѣ
Твои мнѣ слышатся укоры,
И прожигаютъ сердце мнѣ
Твои властительные взоры,
Но ты оставилъ мечъ, порфиру,
И я... еще ли бъ я не могъ
Напомянуть твой образъ міру? —

В. А.

—

ПРОСТИ МОЯ ЮНОСТЬ.

Прости моя юность! — и ты отцвѣла,
И счастья звѣзда не сіяла!
Напрасно ты страстью роскошна была
Любовью, весной разцвѣтала!

Прости моя юность! тебѣ не въ упрекъ,
Немного ты сновъ совершила!
И сколько страданій! И путь мой далекъ!
Надежды всѣ жизнь поглотила!
Но все жъ я тебѣ благодарна душой,
Какъ съ другомъ я добрымъ разстанусь съ тобой!

Прости моя юность! за эти мечты,
За звуки, любовь, вдохновенья,
За міръ осіянный, какъ храмъ красоты,
За полныя нѣги видѣнья,
Прими благодарность за дивные сны
Моей вдохновенной, прекрасной весны!

Прости моя юность! и Югъ и Востокъ
Съ своими цвѣтами, луною,

Какъ звуковъ волшебныхъ волнистый потокъ
Такъ чудно сливались со мною!
Кого красотами такъ міръ упоилъ!
Безъ радости личной кто радостнѣй былъ!

Прости моя юность! — спасибо тебѣ!
Напрасно душа волновалась,
Въ страданьяхъ была я покорна судьбѣ,
И сердцемъ младенцемъ осталась
Мнѣ міра съ судьбою невинность въ залогъ
И въ буряхъ не разумъ, — хранилъ меня Богъ!

В. Д.

—

ЖАЛОБЫ СТАТУЙ.

За тѣнями тѣни мелькаютъ
Все далѣ, въ пространство летятъ!
И чудно ихъ впалыя очи
Какъ льдины при солнцѣ блестятъ!
Иль то осужденныя тѣни,
Иль тамъ уготованъ имъ судъ?
Напрасно пылаетъ тамъ море,
То пламя не имъ суждено,
И тѣни остылыхъ душою
Едваль отогрѣетъ оно.
Стремятся ли къ области свѣта,
Но свѣтъ отъ очей ихъ бѣжитъ!
И будто вопросъ безъ отвѣта
Туманная вѣчность лежитъ
Но топотъ — въ окружномъ молчаньи, —
Чтó дивно проносится тамъ?
Какъ-будто гранитовъ скаканье
По каменнымъ слышно горамъ!
И будто гонимый судьбою,
Одинъ межъ тревожной толпой,
Завидя грозу надъ собою
Блѣднѣетъ Османъ молодой. —

И взорамъ толпы изумленной
Тамъ статуй является ходъ,
И вьютъ какъ будто знамена
Картины съ туманныхъ высотъ?
Османъ убѣжалъ бы, нѣтъ силы
И гдѣ бы нашелъ онъ пріютъ?
Поникъ онъ въ раздумьи — унылый,
Ихъ вѣчный выслушивать судъ.
То рукъ его, думы созданья,
Онъ вызвалъ ихъ въ міръ какъ живыхъ,
И гдѣ жъ онъ въ вѣкахъ, мірозданьи
Укроется нынѣ отъ нихъ?
Къ нему преклонилась статуя,
И Леды онъ взоръ повстрѣчалъ,
И тихимъ моленьямъ прекрасной
Невольно онъ сердцемъ внималъ,
И слышалъ такое онъ слово:
Ты думу во мнѣ воплотилъ,
Но душу мнѣ дать позабылъ!
И образъ ты далъ мнѣ прекрасный,
Чудесной облекъ красотой,
Кто только заглянетъ мнѣ въ очи
Какъ будто свѣтлѣетъ душой.
Гдѣ я, — разцвѣтаютъ тамъ розы,
Гдѣ я — улыбается міръ,
Все полно любви чарованій,
Но что̀ я? — бездушный кумиръ!
Иль вѣчно мнѣ жаждать волненья,
Иль вѣчно любви не узнать?
Не могутъ ли жертвы, моленья
Мгновенія жизни мнѣ дать?
Меня-ль умоляютъ? тоскуя
Внимаю ихъ гимнамъ, мольбамъ,
И счастье ли дать имъ могу я,
Когда себѣ жизни не дамъ?
Волнуясь вздымается море,
Есть пламя земли въ глубинѣ,

Есть сердце въ груди мірозданья,
Но пусто, но пусто во мнѣ!
Подъемлются дружно растенья,
И травка при солнцѣ живетъ,
Иль вѣчно твердить мнѣ въ томленьи:
Кто къ жизни меня воззоветъ!
Ты долженъ! На холмѣ высокомъ,
Что мирный мой сонъ охранялъ
Иль слышалъ мои ты моленья,
Чтобъ образъ ты этотъ мнѣ далъ?
Нѣтъ! чудно — спокойно мнѣ было
Въ прохладной земли глубинѣ
Невольно открылъ ты мнѣ очи,
Такъ дай же и душу ты мнѣ!
Умолкла — статуи, картины,
Признавъ въ немъ творца своего
Печальнымъ задумчивымъ взоромъ
Молили души у него.
Межъ нихъ, попирая Пифона
И съ лирой въ рукахъ золотой,
Стоитъ Аполлонъ величавый,
И голосъ возвысилъ онъ свой:
Меня обожаютъ народы,
Свѣтиломъ прекраснаго дня
И дивнымъ гармоніи богомъ
Пѣвцы величаютъ меня.
Какъ-будто открою я очи,
И взоромъ весь міръ озаренъ;
Какъ будто коснулся я лиры,
И полонъ гармоніи онъ!
Мнѣ гимны вѣковъ, поколѣній,
Какъ будто въ рукѣ все моей;
И молитъ поэтъ вдохновеній,
И лилія молитъ лучей.
А я бездыханный, бездушный,
Внимая мольбамъ по веснѣ,
Чтò крою въ груди равнодушной?

Ни звука, ни жизни во мнѣ!
Богъ свѣта! — въ насмѣшку ли имя
Мнѣ это дано отъ людей?
Нѣтъ, въ каменной груди разсвѣта
Полуночью полно все въ ней!
Богъ звуковъ! въ гармоніи міра,
Безжизненныхъ отзывовъ нѣтъ!
И мертваго ль избралъ кумира
Исполненный страсти поэтъ!

В. Д.

—

СТАТУИ КЪ ОСМАНУ.

Ты вызвалъ насъ солнца къ сіянью,
И долженъ ты насъ дотворить,
И долго ли намъ по созданью
Бездушные трупы влачить?
Мы формы безъ жизни, какъ тѣни,
Мы образъ боговъ безъ души,
Бѣжишь ли отъ нашихъ моленій,
Но прежде ты насъ доверши
Да!.. жизни иль смерти, но полной!
Иль души не въ волѣ твоей?
Такъ снова ничтожества въ волны
И прахъ нашъ въ созданьи развѣй.
И молятъ статуи, картины,
Созданье свое довершай!
Иль миръ ты отдай намъ могилы,
Иль душу, ты душу намъ дай!
Блѣднѣетъ Османъ безотвѣтный,
Онъ въ землю желалъ бы уйти,
Но въ безднѣ какой мірозданья
Пріютъ бы онъ могъ обрѣсти.
И слышитъ — избѣгнуть не можетъ —
Дай смерти иль насъ доверши!
Но форму какъ онъ уничтожитъ?
И дать имъ не можетъ души!

В. Д.

—

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ХАРАКТЕРОМЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

═

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

═

ГЛАВА I,

ВЪ КОТОРОЙ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ДОГАДЫВАЕТСЯ, ЧТО У НЕГО НѢТЪ ХАРАКТЕРА.

Въ 184* году, въ концѣ іюня, Петръ Андреевичъ проснулся однажды очень рано.

Протянувшись на сафьяной кушеткѣ, онъ произнесъ междометіе, невошедшее ни въ одну грамматику, начиная съ россійской грамматики Михаила Васильевича Ломоносова до русской Николая Ивановича Греча включительно. Впрочемъ, по справедливости, издателей грамматикъ и не слѣдуетъ обвинять въ упущеніи, потому-что этого междометія невозможно изобразить никакимъ сочетаніемъ любыхъ изъ тридцати четырехъ буквъ русской азбуки. Его можно бы однако причислить къ междометіямъ, выражающимъ неудовольствіе

досаду и даже боль: всѣ эти чувства еще яснѣе высказались въ гримасѣ, сопровождавшей междометіе.

— Чтó же это такое? сказалъ почти вслухъ Петръ Андреевичъ, разсуждая самъ съ собою. Когда же пройдетъ эта несносная боль? Со вчерашняго дня она еще больше усилилась. Вчера я еще могъ кое-какъ ходить, а сегодня рѣшительно не въ состояніи встать съ постели.

— И очень нужно было мнѣ битыхъ три часа ѣздить по скверныимъ горамъ на чухонской лошаденкѣ!... Вѣрныхъ двадцать-пять верстъ проколесилъ, и все рысью. А зачѣмъ? Вотъ вопросъ! какъ говоритъ Гамлетъ, который самъ, вѣрно, не рѣшилъ бы такого вопроса.

— И что за дороги въ этомъ Парголовѣ! То вверхъ, то внизъ.... Всю душу растрясешь. И вздумалось еще Марьѣ Казимировнѣ скакать впередъ сломя голову! — Петръ Андреичъ, посмотрите какой удивительный видъ! Петръ Андреичъ, взгляните какое живописное озеро на горѣ! — Нужда мнѣ большая до этихъ озеръ и видовъ. Терпѣть не могу всѣхъ этихъ картинъ природы, пейзажей à la Клодъ Лорренъ и болотъ à la Рюйсдаль! А тутъ еще восхищайся изъ учтивости, ахай отъ восторга, повторяй: magnifique! pittoresque! Вотъ тебѣ и pittoresque теперь, когда даже повернуться нельзя съ бóку-нá-бокъ, а кости ноютъ точно будто ихъ погладила инквизиція.

— И чтó я, собственно говоря, за наѣздникъ! Кавалерійской выправки во мнѣ вовсе нѣтъ, и я отроду не учился никакой берейторской хитрости. Хорошъ былъ видъ, когда я скакалъ на этомъ тощемъ рыжемъ Россинантѣ! Конечно, мнѣ было хоть то утѣшеніемъ, что вся наша компанія ѣздитъ также плохо, какъ и я. Въ особенности красивъ былъ верхомъ Семенъ Сергѣичъ съ его короткими ножками и арбузоватымъ животомъ. Каждую минуту длинный носъ его исчезалъ въ растрепанной гривѣ лошади, а соломенная шляпа съѣзжала на затылокъ. Хороша была также и мисъ Сусъ, подпрыгивавшая въ сѣдлѣ на четверть аршина всякую минуту и возившаяся безпрестанно, то съ своей зеленой вуалью, то съ хвостомъ своей амазонки. А еще Англичанка!

— Но неискусство другихъ въ верховой ѣздѣ не извиняетъ моего собственнаго неискусства, и все-таки я очень глупо сдѣлалъ, что согласился участвовать въ этой кавалькадѣ. Всего на все, сколько припомню, я ѣздилъ верхомъ только три раза въ моей жизни. И то въ первый разъ лошадь моя не хотѣла ни за что выѣхать изъ воротъ, когда мы отправлялись гулять, въ большой компаніи, — и я поневолѣ остался дома. Во второй разъ, мнѣ удалось проѣхать версты три по полямъ и кочкамъ. Я держался кое-какъ въ сѣдлѣ хоть съ невѣроятными усиліями; всѣ, разумѣется, опередили меня, и видя, что мнѣ не угоняться за ними, я предпочелъ, благоразумія ради, ѣхать шагомъ; но коварное животное и тутъ сыграло со мною самую злую шутку: чтобы ничѣмъ не стѣснять его, я опустилъ поводья и далъ ему совершенную свободу идти какъ вздумаетъ; сначала оно и пошло самымъ ровнымъ, меланхолическимъ шагомъ, который укачивалъ меня довольно пріятнымъ образомъ. Я задумался.... вдругъ моей лошади пришла фантазія чего-то испугаться; она шарахнулась, дернула — и я полетѣлъ изъ сѣдла прямо въ глубокую яму, изъ которой копали глину. Хорошо еще, что на днѣ было на четверть аршина воды, размягчившей глину, и я врѣзался физіономіей въ жидкую и липкую грязь, не переломавъ костей и не вывихнувъ реберъ. Въ этой ямѣ пришлось мнѣ просидѣть часовъ шесть, покамѣстъ продолжался нашъ пикникъ, — и только поздно ночью вытащили меня изъ нея остальные члены нашего общества, возвращаясь назадъ съ прогулки....

— И послѣ этого я рѣшился въ третій разъ ввѣрить себя и жизнь свою капризному животному!... Жизнь моя, на этотъ разъ, конечно, не пострадала и осталась въ цѣлости, но зато какая нестерпимая боль.... О! мочи нѣтъ, просто! такъ и ноетъ.

Петръ Андреевичъ снова сталъ призывать на себя всевозможные упреки. Вдругъ въ головѣ его блеснула утѣшительная, отрадная мысль....

— Я читалъ гдѣ-то, что въ подобныхъ случаяхъ самое дѣйствительное средство — ржаная мука! вскричалъ онъ

съ самой ясной улыбкой. Купить ее, только побольше, потому что надо чаще перемѣнять!...

И Петръ Андреевичъ, взволнованный пріятною мыслью о цѣлебномъ свойствѣ ржаной муки, закричалъ громко и звучно:

— Степанъ!

Степанъ явился. Это былъ низенькій, сѣдоватый, коренастый лакей съ большой лысиной и недовольной физіономіею. Онъ посмотрѣлъ изъ подлобья на барина и спросилъ голосомъ, напоминавшимъ нѣсколько шипѣнье старыхъ часовъ, передъ тѣмъ когда имъ надо бить:

— Чтó прикажете?

— Купи мнѣ полпуда простой ржаной муки̇, сказалъ баринъ.

— Полпуда!... муки̇! повторилъ съ разстановкой лакей, вглядываясь подозрительно въ Петра Андреевича. Да на чтó это вамъ такая пропасть муки̇? Хлѣба мы, кажись, дома не печемъ, покупаемъ готовый....

— Нечего тебѣ разсуждать! крикнулъ Петръ Андреевичъ съ замѣтной раздражительностью. Дѣлай чтó велятъ, а не умничай!

Лакей посмотрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ-будто ему никогда не случалось слышатв рѣзкихъ выраженій отъ своего барина. Петру Андреевичу самому показалось, будто онъ сказалъ чтó-то несовсѣмъ ловкое. Поэтому, онъ прибавилъ уже гораздо тише, не глядя на Степана:

— Мукá мнѣ нужна лечиться отъ верховой ѣзды. Говорятъ, что это самое лучшее средство.

— Говорятъ? кто говоритъ?... спросилъ сердито Степанъ.

— Напечатано было! отвѣчалъ почти съ замѣшательствомъ баринъ.

— Напечатано! повторилъ Степанъ самымъ презрительнымъ и насмѣшливымъ тономъ. Мало-ли у васъ какой вздоръ печатаютъ, благо бумага молчитъ, да терпитъ. Опять вы по печатному лечиться задумали! Забыли что-ли, эти поганыя цыгарки съ канфорой, которыми вы третьяго года взду-

мали было себя коптить, да чуть удушья не нажили. Надоѣло, чтó-ли, вашимъ докторамъ водой лечить — принялись теперь за хлѣбъ.

Говоря это, Степанъ одушевился гораздо болѣе барина, въ которомъ раздражительность утихала помѣрѣ того, какъ возрастала у его стараго дядьки; поэтому Петръ Андреевичъ сталъ уже почти защищаться и оправдываться, объясняя, какую пользу можетъ принести мукá и какъ слѣдуетъ употреблять ее въ его болѣзни.

— Все пустяки! отвѣчалъ Степанъ: рѣшительно никакая тутъ мукá не поможетъ; нужно просто вамъ сходить въ баню и вытереться виномъ съ солью. Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе.

— Но отъ этого будетъ гораздо больнѣе, — замѣтилъ почти съ ужасомъ Петръ Андреевичъ.

— Ничего что больнѣе; за то после легче будетъ! продолжалъ Степанъ съ стоическимъ хладнокровіемъ. Оно же вамъ и по дѣломъ. Очень нужно было верхомъ ѣздить. Чтó вы за кавалеріецъ такой! Могли бы просто сказать, что не умѣете ѣздить. Никакого характеру нѣту!

Петръ Андреевичъ слушалъ увѣщанія Степана, опустивъ голову. Онъ готовъ былъ покориться имъ какъ всегда, но вдругъ послѣдняя фраза старика заставила барина покраснѣть отъ досады и испортила весь эфектъ.

— Молчи, болванъ! закричалъ онъ такъ громко, что самъ удивился силѣ и звучности своего голоса. Твое дѣло исполнять, чтó прикажутъ. Мнѣ надоѣли твои разсужденія. Пошелъ и купи муки.

Степанъ оставался нѣсколько секундъ въ положеніи человѣка, на котораго нашелъ столбнякъ. Повсему было видно, что выходка барина была для его дядьки непонятнымъ, рѣдкимъ, исключительнымъ происшествіемъ. Долго бы еще простоялъ онъ въ нерѣшимости, хлопая глазами, еслибы Петръ Андреевичъ не повторилъ приказанія идти за мукóю самымъ трагическимъ голосомъ.

Тогда въ глазахъ стараго дядьки, вмѣсто удивленія, выра-

зилось сильное безпокойство. Онъ подошелъ къ барину и сказалъ голосомъ, полнымъ участія и опасенія.

— Вы бы прилегли, батюшка Петръ Андреевичъ. Вамъ и вправмъ видно нездоровится. А я вмѣсто муки-то лучше вамъ за докторомъ схожу.

Петръ Андреевичъ вышелъ совершенно изъ себя. Онъ вскочилъ съ кушетки, схватилъ за плечи Степана, повернулъ его лицомъ къ двери, и двинувъ довольно чувствительно впередъ, закричалъ :

— Если ты сію же минуту не уйдешь за мукой, я прогоню тебя и отправлю въ деревню свиней пасти.

Слова эти и поступокъ барина такъ ошеломили старика, что онъ машинально зашагалъ по комнатѣ, и опомнился только на улицѣ, столкнувшись съ бабою, продававшей чорные пряники, при чемъ значительно пострадали лобъ Степана и лотокъ бабы, послѣдній впрочемъ больше перваго.

А Петръ Андреевичъ, оставшись одинъ, началъ было въ волненіи ходить по комнатѣ, забывъ о томъ, что у него болятъ ноги и что костюмъ его вовсе не такой, чтобы въ немъ прогуливаться. Нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ имъ съ большимъ трудомъ и болью, убѣдили его, впрочемъ, весьма скоро, въ невозможности продолжать прогулку, и онъ снова опустился на кушетку, разсуждая уже вовсе не о своей физической болѣзни, а о болѣзни нравственной.

И точно, Петръ Андреевичъ не могъ не сознаться въ глубинѣ души, что онъ болѣнъ, опасно и сильно болѣнъ духомъ, и что безхитростный упрекъ Степана въ недостаткѣ характера растравилъ его свѣжія внутреннія раны, которыя болятъ сильнѣе наружныхъ, если ихъ коснется неосторожное слово.

— И вѣдь онъ правъ, точно правъ! вскричалъ больной въ совершенномъ отчаяніи, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливой исповѣди передъ самимъ собою. У меня точно очень мало, почти что вовсе нѣтъ характера! Петру Андреевичу даже передъ самимъ-собой не хотѣлось признаться въ совершенномъ отсутствіи этого необходимаго ка-

чества, свойственнаго каждому благовоспитанному человѣку, какъ увѣряетъ риторика и антропологія. Человѣкъ наединѣ, съ самимъ-собою, часто еще больше самолюбивъ, чѣмъ передъ другими.

Самолюбіе Петра Андреевича, выразившееся на словахъ признаніемъ въ почти-безхарактерности, сильно пострадало однако, когда онъ сталъ перебирать въ умѣ своемъ всю прошедшую жизнь, чтобы отыскать въ ней хоть что-нибудь похожее на характеръ. Онъ припоминалъ себя еще ребенкомъ, слабымъ, хилымъ, болѣзненнымъ, котораго всѣ въ домѣ считали нежильцомъ на этомъ свѣтѣ, и поэтому не обращали на него особеннаго вниманія. Къ тому же, отецъ его, Андрей Никитичь Угоровъ, чрезвычайно и постоянно озабоченный какою-то важною и многотрудною должностью, не имѣлъ времени слѣдить за развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей своихъ дѣтей. На матери Петра Андреевича лежала также весьма хлопотливая обязанность: поддерживать связи и знакомства, выѣзжать въ свѣтъ и давать у себя вечера, на которыхъ мужъ ея, обремененный занятіями, являлся только впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Поэтому неудивительно, если и Капитолина Сергѣевна Угорова мало занималась воспитаніемъ дѣтей, поручивъ ихъ бдительному надзору швабскаго Нѣмца, Гертера, человѣка близорукаго, долгоносаго, очень строгаго и никогда неулыбавшагося. Кромѣ Нѣмца наставника, въ домѣ Угоровыхъ была еще Француженка, воспитательница старшей сестры Петра Андреевича. Въ то время еще не было въ модѣ выписывать Англичанокъ изъ Шотландіи и Валлиса. Дѣвица Угорова была старше всѣхъ своихъ братьевъ, которыхъ съ Петромъ Андреевичемъ было четверо. Она родилась въ первый годъ счастливаго супружества Угоровыхъ. За этимъ рожденіемъ слѣдовалъ антрактъ въ десять лѣтъ; послѣ чего явился на свѣтъ Никита Андреевичъ, за нимъ Николай Андреевичъ, потомъ Петръ Андреевичъ и, наконецъ, Константинъ Андреевичъ. Эти залоги супружеской любви слѣдовали другъ за другомъ въ довольно краткомъ промежуткѣ

времени, неимѣвшемъ однако же въ себѣ ничего феноменальнаго.

Первые годы дѣтства Петра Андреевича тѣсно связывались въ памяти его съ годами ученія. По причинѣ слабости здоровья и болѣзненнаго расположенія, онъ приступилъ довольно поздно,—на восьмомъ году,—къ этому занятію. Онъ живо помнилъ все горе, которое соединялось для ребенка съ этимъ несноснымъ, невыносимымъ ученьемъ, невмѣщавшимся въ его слабую голову; и чувствовалъ и понималъ ребенокъ, что надо учиться, что стыдно быть дуракомъ, но самый процессъ ученія возбуждалъ въ немъ такія болѣзненныя ощущенія, такъ страшно мучилъ его, что бѣдный ребенокъ плакалъ горькими слезами досады и отчаянія при видѣ всей этой бездны премудрости, которая была для него такъ недоступна. Бывали минуты, когда ему казалось, что есть же какое-нибудь средство узнать то, что́ знаютъ другіе, но что средство это вовсе непохоже на то, которымъ руководствовался герръ Гершеръ при своемъ преподаваніи. Однажды ребенокъ рѣшился даже сказать, что нельзя ли ему, прежде чѣмъ учить наизусть нѣмецкія басни — понять смыслъ ихъ, но Нѣмецъ-преподаватель вскричалъ съ такимъ удивленіемъ, что Петръ Андреевичъ испугался, и очень радъ былъ, когда ему, въ наказаніе, велѣно было выучить только двѣ басни вмѣсто одной.

Мало помнившій и мало понимавшій ребенокъ, которому постоянно ставили въ примѣръ его братьевъ, который на каждомъ шагу слышалъ отъ своего наставника стереотипную фразу: wie kann man so dumm sein! наконецъ и самъ убѣдился, что онъ дѣйствительно глупѣе своихъ братьевъ. Кромѣ слабости умственныхъ способностей, его ставила въ зависимость отъ братьевъ и физическая слабость, дававшая имъ явное превосходство во всѣхъ случаяхъ. Даже Константинъ, который былъ моложе Петра годомъ, не пропускалъ случая подтрунить надъ *фалей*, какъ его обыкновенно называли посемейному, безъ церемоніи. Нечего и говорить, что старшіе братья при всякой возможности обижали безотвѣтнаго фалю, конечно вовсе не отъ злаго

сердца, но по врожденной и свойственной дѣтямъ перемѣнчивости.

Петру Угорову пошелъ девятый годъ, когда сестра его вышла замужъ, съ какой-то большой исторіей. Андрей Никитичъ и Капитолина Сергѣевна были почему-то недовольны этой свадьбой, сердились другъ на друга, разумѣется не при гостяхъ, но только при своемъ семействѣ, обвиняли въ дурномъ выборѣ свою дочь, а болѣе всего ея гувернантку. Капитолина Сергѣевна даже жаловалась разъ одной закадычной пріятельницѣ на свою судьбу, на опрометчивость молодыхъ дѣвушекъ, на пагубное вліяніе французскихъ романовъ, на непростительное потворство гувернантокъ, и заключила тѣмъ, что предоставляетъ дочь свою участи, ею самою выбранной, хотя бы и имѣла полное право не дать своего согласія на бракъ шестнадцатилѣтней дѣвушки. Петръ Андреевичъ, бывшій при этомъ разговорѣ и очень хорошо знавшій, что сестра старше его двѣнадцатью годами, заключилъ, что только въ ариѳметикѣ восемь и двѣнадцать составляютъ двадцать, а если сложить восемь и двѣнадцать лѣтъ, то изъ нихъ выдетъ всего шестнадцать.

Вскорѣ послѣ выхода въ замужство дѣвицы Катерины Угоровой, неполучившей никакого приданаго, въ семействѣ Андрея Никитича случилось еще несчастіе: старшій сынъ его Никита, десяти лѣтъ, умеръ отъ простуды, обратившейся въ жабу. Родители были очень огорчены этимъ происшествіемъ и обвиняли въ несчастіи Нѣмца-наставника, выпустившаго Никиту Андреевича гулять въ дурную погоду въ легкой курточкѣ и безъ платка на шеѣ. Неизвѣстно, на сколько виноватъ былъ Нѣмецъ въ этомъ событіи, только слѣдствіемъ смерти ребенка было то, что наставнику дали отставку, а троихъ мальчиковъ отдали въ пансіонъ къ одному Французу, гдѣ надзоръ за дѣтьми, по увѣренію Капитолины Сергѣевны, былъ чисто материнскій, и гдѣ мальчики изъ соревнованія учатся гораздо лучше, чѣмъ дома.

Въ пансіонѣ положеніе Петра Андреевича сдѣлалось еще незавиднѣе. Константинъ Андреевичъ, въ первый же день вступленія въ среду новыхъ товарищей, сообщилъ имъ,

что брата его еще дома прозвали фалей, и прозванiе это утвердилось торжественно за бѣднымъ мальчикомъ, продолжавшимъ попрежнему корпѣть и мучиться надъ тѣмъ, что другимъ давалось легко и свободно. Казалось даже, что способности ребенка сдѣлались еще тупѣе среди усиленныхъ и разнообразныхъ занятiй. Едва успѣвалъ онъ привыкать къ хитростямъ умноженiя, смутно понимать сущность и цѣль дѣленiя, какъ вдругъ по звонку — декорацiя перемѣнялась, какъ въ пiесѣ, безъ единства дѣйствiй, и на сцену выходили горы и рѣки географiи съ ихъ странными и сбивчивыми названiями, и только-что онъ начиналъ знакомиться съ этими дикозвучащими именами, какъ вдругъ являлся учитель чистописанiя, толковавшiй съ сознанiемъ собственнаго достоинства о равномѣрномъ отолщенiи, пропорцiональномъ удлиненiи буквъ надъ и подъ строкой. Потомъ въ ту самую минуту, какъ рука ребенка привыкала выводить буквы по всѣмъ правиламъ строгаго и глубокомысленнаго соображенiя, новый звонокъ заставлялъ опускать руку и поднимать ногу въ батманахъ и шассé танцовальнаго учителя. Товарищей Петра Угорова, повидимому, нисколько не стѣсняла эта калейдоскопная система образованiя, и онъ одинъ съ грустью, но по необходимости долженъ былъ придти къ тому заключенiю, что только для его слабаго понятiя недоступна и отяготительна эта испытанная и привилегированная метода просвѣщенiя. Въ головѣ мальчика никакъ не могли улечься въ должномъ порядкѣ всѣ эти разнородныя понятiя и познанiя, которыя, сталкиваясь между-собою, превращались въ совершенную кашу; немудрено, что вслѣдствiе непонятливости и безпамятности ребенка, его постоянно наказывали, для примѣра другимъ, и что отъ этого ребенокъ сдѣлался совершенно равнодушенъ и къ наказанiямъ и къ прiобрѣтенiю познанiй....

Но еще болѣе часовъ ученiя боялся Петръ Андреевичъ — часовъ отдохновенiя и дѣтскихъ игръ. Въ это время онъ подвергался отъ своихъ товарищей такимъ гоненiямъ, которыя трудно было вынести даже твердому и рѣшительному характеру, а не ребенку, нелюбившему даже обыкновенной

рѣзвости, свойственной всѣмъ дѣтямъ. Пансіонское начальство защищало конечно, по мѣрѣ возможности, бѣдняка отъ нападокъ его товарищей, но, не говоря уже о томъ, что оно не могло предугадывать и преслѣдовать слишкомъ часто повторявшихся шалостей, самое наказаніе провинившихся обращалось во вредъ Угорова. Его стали называть фискаломъ и мучить еще болѣе. Кончилось тѣмъ, что гонимый ребенокъ почти совсѣмъ одурѣлъ. Андрей Никитичъ не могъ наконецъ не замѣтить этого, и вздумалъ пособить горю тѣмъ, что взялъ сына изъ пансіона, и отдалъ его въ одно изъ казенныхъ заведеній, отличавшихся строгимъ надзоромъ за дѣтьми. Нельзя сказать, чтобы Андрей Никитичъ ожидалъ спасительныхъ послѣдствій отъ этого перевода, считая сына своего совершеннымъ идіотомъ; онъ перемѣстилъ мальчика болѣе всего для очистки совѣсти, не придумавъ ничего лучшаго.

И вдругъ въ новомъ мѣстѣ мальчикъ сталъ неожиданно развиваться, учиться довольно порядочно, выказывать такія способности, которыхъ въ немъ и не подозрѣвали. Здѣсь не было братьевъ, которые разсказывали товарищамъ сцены его дѣтства, объясняли всѣ его недостатки и слабыя стороны, не было поэтому и такихъ товарищей, которые поставляли все свое удовольствіе въ томъ, чтобы мучить мальчика, невиноватаго въ томъ, что онъ слабѣе другихъ силами и способностями. Заведеніе это было весьма скромно; воспитанники гордились его названіемъ и тѣмъ, что принадлежали къ нему; они сами старались, по возможности, чтобы въ семьѣ ихъ не было урода, потому-что изъ этой семьи выходили люди, получавшіе самую громкую извѣстность на всѣхъ поприщахъ жизни. Принятый благосклонно начальниками и снисходительно товарищами, Петръ Угоровъ сдѣлался въ короткое время далеко непослѣднимъ ученикомъ, и это всего болѣе удивило и обрадовало его самого. Успѣхи его были, правда, неблистательны; онъ не отличался быстрымъ соображеніемъ и находчивостью; память его была довольно туга и невоспріимчива, но то, что́ онъ однажды заучивалъ и понималъ — никогда не выходи-

ло изъ головы его. Вліяніе первыхъ лѣтъ дѣтства осталось только въ его характерѣ, через-чуръ уже скромномъ, слабомъ, безотвѣтномъ, нерѣшительномъ. Молодой Угоровъ слишкомъ скоро поддавался всякому постороннему вліянію, слушался каждаго совѣта, исполнялъ всякое требованіе товарищей, какъ бы оно ни было несправедливо, непріятно для него, и хотя бы онъ имѣлъ всѣ причины и способы не исполнить его. Онъ не говорилъ никому отроду: «я хочу»! и только въ рѣдкихъ и экстренныхъ случаяхъ позволялъ себѣ выразиться, что «только: ему хотѣлось бы», а если хотѣніе его исполнялось, онъ бывалъ гораздо болѣе удивленъ, чѣмъ обрадованъ исполненіемъ своихъ желаній.

Изъ заведенія, гдѣ воспитывался Угоровъ, по домамъ распускали только четыре раза въ годъ. Встрѣча съ братьями напоминала ему объ огорченіяхъ его дѣтства, которыя вовсе не такъ скоро изглаживаются изъ памяти, какъ это обыкновенно предполагаютъ. Всѣ въ домѣ смотрѣли на Петра Угорова, какъ на прежняго глупаго, загнаннаго ребенка, обращались съ нимъ съ какимъ-то обиднымъ снисхожденіемъ, не видѣли или не хотѣли видѣть его успѣховъ и выказывали такое удивленіе при каждомъ здравомъ сужденіи мальчика, что онъ вскорѣ вовсе пересталъ выказывать пріобрѣтенныя имъ познанія. Впрочемъ за развитіемъ ихъ некому было и слѣдить. Андрей Никитичъ былъ попрежнему занятъ постоянно исполненіемъ своихъ многотрудныхъ обязанностей, Капитолина Сергѣевна озабочена выѣздами, визитами и пріемомъ гостей. Поэтому мальчикъ чуть не съ удовольствіемъ возвращался въ свое заведеніе изъ подъ отеческаго крова, и съ непритворною радостью принимался за свои классныя занятія, учась усердно, не столько изъ любви къ наукѣ, сколько изъ благодарности къ учителямъ, цѣнившимъ его успѣхи и награждавшимъ за нихъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни, Петромъ Андреевичемъ овладѣло сильное безпокойство. Онъ долженъ былъ въ самомъ скоромъ времени окончить курсъ и выдти изъ заведенія на свѣтское поприще уже совершеннымъ человѣкомъ. Молодаго Угорова пугала эта мысль, и какъ-то все не вѣри-

лось ему, что онъ въ это время сдѣлался юношей, что ему былъ уже восемнадцатый годъ....

Въ самый годъ выхода Петра Андреевича изъ заведенія новое несчастіе постигло семейство Угорова: почти въ одно и то же время умеръ старшій братъ его, Николай, отъ грудной болѣзни, и мать, Капитолина Сергѣевна, отъ нервическаго удара, постигшаго ее, по словамъ Андрея Никитича, вслѣдствіе сильной грусти по умершемъ сынѣ, подававшемъ самыя блистательныя надежды.

Еще годъ жизни и еще несчастіе. Младшій братъ Петра Андреевича, также выпущенный уже въ это время и гдѣ-то служившій, сдѣлалъ какую-то непростительную шалость и проигралъ большую сумму. Отецъ, не разъ уже платившій за него долги и избавлявшій, по своимъ связямъ, отъ разнаго рода непріятностей, на этотъ разъ не могъ выгородить сына изъ довольно неблаговидной исторіи, и въ справедливомъ гнѣвѣ на него запретилъ ему казаться къ себѣ на глаза.

Такимъ-образомъ въ то время, какъ Петръ Андреевичъ началъ вести самостоятельную жизнь, изъ прежняго многочисленнаго семейства его остались только онъ съ отцомъ и съ теткой Анной Никитичной, женщиной глуховатой и подслѣповатой, но носившей бѣлокурые локоны, имѣвшей привычку восхищаться всякими пустяками, вздыхать какъ паровозъ, безо всякой причины, и закатывать глаза подъ лобъ такъ, что за нее становилось страшно. Несмотря на эти маленькіе недостатки, Анна Никитична была весьма полезна обоимъ Угоровымъ—отцу и сыну, завѣдуя всѣмъ хозяйствомъ перваго и ухаживая за вторымъ со всею заботливостью матери. Это было тѣмъ болѣе кстати, что сынъ и не умѣлъ заботиться о себѣ, а отецъ, вѣроятно, отъ тоски по женѣ, перестазъ вовсе заниматься своимъ домомъ, и проводилъ цѣлые дни въ англійскомъ клубѣ, если не былъ занятъ по службѣ.

Въ свѣтѣ Петръ Андреевичъ продолжалъ играть почти такую же роль, какъ и въ заведеніи, гдѣ кончилъ курсъ. Между знакомыми онъ слылъ человѣкомъ очень милымъ, услужливымъ, добрымъ, скромнымъ и внимательнымъ.

Угорова принимали вездѣ даже съ удовольствіемъ: онъ никому не мѣшалъ, никого не заслонялъ собою, не вмѣшивался ни въ какіе споры, соглашался со всѣмъ и со всѣми, и исполнялъ малѣйшія прихоти и порученія прекраснаго пола, за что въ-особенности благоволилъ къ нему этотъ полъ, неумолимый въ своихъ прихотяхъ и порученіяхъ. Непрекрасный полъ встрѣчалъ молодаго человѣка также весьма дружелюбно, зная, что онъ не обидится никакою насмѣшкою, и что у него во всякое время можно занять деньги.

А у Петра Андреевича было что́ занять. Когда послѣ смерти отца, случившейся также въ скоромъ времени, Угоровъ остался единственнымъ и полнымъ обладателемъ всего благопріобрѣтеннаго, онъ удивился огромности суммы наслѣдства. Нето, чтобы оно дѣйствительно было огромно; его порядочно поуменьшила Капитолина Сергѣевна своими выѣздами и пріемами, и Андрей Никитичъ своими обѣдами, бывшими отчасти причиною его несовсѣмъ своевременной кончины; но молодой Угоровъ, привыкшій жить весьма скромно и довольствовавшійся всегда немногимъ, получилъ вдругъ столько, что могъ считать себя обезпеченнымъ на всю жизнь. Друзья попробовали было, по этому случаю, втянуть его въ обѣды, попойки, угощенья, праздники, но скромная натура Угорова дотого противилась этому роду жизни, что, несмотря на всю свою готовность угождать другимъ, онъ отказался на отрѣзъ отъ подобныхъ удовольствій, сто́ившихъ ему даже, при первыхъ попыткахъ, довольно важной болѣзни. Въ карты его также не могли принудить играть никакими средствами.

Разныя коммерческія афферы, акціи и спекуляціи еще менѣе привлекали Угорова. Онъ былъ также совершенно чуждъ изящныхъ искусствъ всякаго рода, какъ–то музыки и танцевъ, и потому особы, служившія этимъ искусствамъ, также не могли побудить его къ усиленнымъ приношеніямъ на алтарь музъ и другихъ болѣе или менѣе скромныхъ мифологическихъ богинь. Оставалось, слѣдовательно, ему тратиться только на сюрпризы и угожденія дамамъ, на заимообразныя ссуды знакомымъ ему лицамъ и благотворительность

[illegible]. Но все это, при ограниченномъ кругѣ знакомства Угорова, не могло разорить его, особенно въ короткое время его жизни въ свѣтѣ.

Получивъ обезпеченное состояніе, онъ оставилъ службу. Ему казалось, что имѣя въ одно и тоже время состояніе и мѣсто, онъ обижаетъ этимъ самымъ лицъ, неимѣющихъ ни того, ни другаго. Поэтому, выйдя въ отставку и поруча управленіе всѣмъ домомъ тетушкѣ Аннѣ Никитичнѣ, Угоровъ сталъ заниматься литературою и немножко науками, чтобы не оставаться безо всякаго дѣла. Энциклопедическія познанія его, пріобрѣтенныя въ заведеніи, были довольно многосторонни и позволяли ему заниматься почти всѣми предметами. Конечно, занятія эти были самыя поверхностныя, но Петръ Андреевичъ и не пускался вдаль, не предполагая въ себѣ возможности блеснуть когда-нибудь своимъ знаніемъ. Онъ даже болѣе всего занимался чисто-легкою литературою и поглощалъ съ удивительною быстротою современные французскіе романы. Романы доставляли ему особенное удовольствіе, хотя онъ всегда говорилъ, что они слишкомъ сказочны, потому-что у героевъ ихъ такіе невозможно-твердые характеры.

И несмотря на это, характеры любящіе, мстящіе, ненавидящіе или злодѣйствующіе, въ двадцати томахъ и на двухъ тысячахъ страницъ, невольно привлекали къ себѣ Петра Андреевича, чувствовавшаго къ нимъ какое-то особенное влеченіе, слабость, расположеніе. Бывали минуты, когда онъ почти завидовалъ этимъ характерамъ, и не разъ приходилось ему, конечно, сравнивать эти несбыточные типы съ своею собственною персоною. И онъ припоминалъ въ эти минуты, что одинъ нецеремонный пріятель назвалъ его какъ-то, за отказъ дать въ сотый разъ въ займы, — не только персоною, но даже мизерною. Неизвѣстно, слова ли эти непріятно дѣйствовали на Угорова, или тяготило его сравненіе своего характера съ такими геройскими характерами, какіе изображены, напримѣръ, въ романѣ «Три мушкетера», гдѣ, несмотря на заглавіе, ихъ даже четыре — и мушкетера, и характера, — только Петръ Андре-

евичъ старался отгонять отъ себя подобныя мысли всякій разъ, когда они приходили къ нему въ голову. Должно сказать, что до минуты, въ которую начался нашъ разсказъ, Угоровъ даже очень рѣдко думалъ объ этомъ, стараясь развлекать всѣми средствами подобное настроеніе мыслей,—и надобно было, какъ нарочно, случиться этой странной и несносной болѣзни, чтобы заставить его обратиться къ чрезвычайно непріятному предмету. Надобно было Степану, какъ нарочно, вывести изъ терпѣнія своего барина, чтобы онъ вздумалъ пересилить себя и начать серьозно разбирать себя и свою жизнь, чтобы отвѣчать на этотъ щекотливый и затруднительный вопросъ: есть ли у него, наконецъ, какой-нибудь характеръ, или вовсе нѣтъ никакого?

ГЛАВА II,

ВЪ КОТОРОЙ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ УБѢЖДАЕТСЯ, ЧТО У НЕГО НѢТЪ ХАРАКТЕРА.

Степанъ, вернувшись съ мукóю, нашелъ своего барина погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Полагая, что припадокъ раздражительности, несвойственный характеру барина, давно уже прошелъ, старый слуга сдѣлалъ снова нѣсколько замѣчаній касательно неосновательности этого способа леченія, но Угоровъ остановилъ его на первыхъ словахъ, сказавъ торжественнымъ и важнымъ голосомъ:

— Замолчи, и слушай, *чтó* я буду говорить тебѣ. Ты больше сорока лѣтъ служишь въ этомъ домѣ, войдя въ него почти мальчикомъ. Не заставляй же выслать тебя на старости лѣтъ. Отецъ мой любилъ тебя и поручалъ меня въ дѣтствѣ твоему надзору; ты носилъ меня на рукахъ, когда я былъ ребенкомъ, и ходилъ за мною, мальчикомъ. Мнѣ самому жаль будетъ прогнать тебя, но я непремѣнно сдѣлаю это, если ты не будешь слушаться меня и не перестанешь разсуждать тамъ, гдѣ отъ тебя требуютъ простаго исполненія приказаній. Понимаешь?

Степанъ смотрѣлъ на барина съ такимъ глупо-пристальнымъ и вмѣстѣ испуганнымъ выраженіемъ, что Петръ Ан-

дсевичъ отвернулся отъ него, чтобы не разсмѣяться, потому-что смѣхъ вовсе не согласовался съ твердостью, какую онъ хотѣлъ принять на себя.

— Повторяю тебѣ, что я разъ навсегда запрещаю всякія возраженія, продолжалъ Угоровъ послѣ минутнаго молчанія. Можешь удивляться, сколько тебѣ угодно, но не иначе, какъ молча. Съ-этихъ-поръ я принялъ твердое намѣреніе перемѣнить свой образъ мыслей, поступки, образъ жизни, однимъ-словомъ, рѣшился сдѣлаться совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ до этого дня. Понимаешь?

Вторичное обращеніе къ пониманію Степана сбило его окончательно съ толку. Грозный тонъ барина ошеломилъ старика. Онъ отвѣчалъ только одно слово, и то совершенно безсознательно.

— Слушаю-съ!

— Ты начнешь съ того, что будешь входить ко мнѣ въ кабинетъ только, когда я тебя позову. Отправляйся сейчасъ же въ людскую, и не впускай ко мнѣ никого. Гостямъ всѣмъ отказывай, говори, что я боленъ и раньше двухъ недѣль не могу никого принять. Понимаешь?

Въ третій разъ Петръ Андреевичъ повторилъ этотъ вопросъ такимъ гробовымъ голосомъ, что Степана проняла дрожь, и онъ, молча, вышелъ изъ кабинета, пятясь задомъ и кланяясь барину съ самою встревоженною физіономіею.

— Рѣшено! вскричалъ Угоровъ по уходѣ лакея. У меня будетъ характеръ. Я докажу этимъ людямъ, докажу цѣлому свѣту, что имѣть характеръ очень легко, и что стóитъ только захотѣть, чтобъ быть человѣкомъ съ характеромъ.

И Петръ Андреевичъ принялся опять разбирать свою прежнюю жизнь, взвѣшивать самымъ безпристрастнымъ образомъ всѣ свои поступки и чувства, находить во всемъ безхарактерность, вялость, отсутствіе всякой опредѣленной цѣли, всякаго самостоятельнаго желанія. Онъ былъ безпощаденъ къ самому-себѣ, унижалъ себя безъ жалости, болѣе чѣмъ съ стоическимъ хладнокровіемъ — съ какою-то любовью, съ чувствомъ, съ наслажденіемъ. Онъ нарочно раздражалъ свое самолюбіе, чтобы заставить его подняться на дыбы и сдѣ-

латься твердымъ, рѣшительнымъ. Его чрезвычайно занима борьба съ самимъ-собою, первое проявленіе твердост столько же радовавшей его, сколько и удивлявшей.

Прежде-всего Петръ Андреевичъ припоминалъ себѣ сво первую любовь. И вообще первая любовь всякаго бывае невесьма утѣшительна для самолюбія, но любовь Угоров молодаго, слабаго человѣка, къ опытной свѣтской дамѣ, бы уже через-чуръ страдательна и покорна. Дама обходила съ нимъ не только безъ церемоніи, но даже безъ совѣст Петръ Андреевичъ вспоминалъ всѣ горькія слезы досады отчаянія, пролитыя имъ наединѣ съ самимъ-собою пос неоднократно повторяемыхъ сценъ, въ которыхъ онъ игра самую незавидную роль. Потомъ вспомнилъ онъ, какъ обм нулъ его — искренній другъ и задушевный пріятель. В самомъ обманѣ не было, конечно, ничего новаго, но онъ сдѣ ланъ былъ такъ нецеремонно, что этимъ могла бы обидѣт ся даже курица. Онъ припомнилъ, одинъ за другимъ, почт всѣ случаи, въ которыхъ знакомые поступали съ нимъ так же нецеремонно, и сознался, что никогда и никто, какъ го ворится, въ грошъ его не ставилъ, что въ кругу обществ къ которому онъ принадлежалъ, между близкими къ нем лицами, онъ былъ всегда нулемъ, тряпкой, безголосным созданіемъ, болваномъ въ вистѣ, который разыгрывало об щество въ его присутствіи. Если онъ и встрѣчалъ въ комъ нибудь участіе — оно, вѣрно, было не безкорыстное; без всякаго сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ метили на его карманъ или разсчитывали на простодушіе. Если спрашивали о чемъ нибудь серьозно его мнѣнія — это было съ явной цѣлью по смѣяться надъ нимъ. Какъ-будто онъ могъ имѣть какое-ни будь мнѣніе! Можно ли было послѣ этого назвать его н только человѣкомъ съ характеромъ, но даже просто человѣ комъ? Не постыдно ли, не унизительно ли такое состояніе? Не долженъ ли былъ онъ стараться всѣми силами выдти изъ этого положенія? Не былъ ли онъ обязанъ самъ создат себѣ характеръ?

И Петръ Андреевичъ принялся думать о томъ, какимъ бы образомъ пріобрѣсти этотъ характеръ. Для этого ему преж

...надобно было отвѣчать самому-себѣ: что-такое характеръ вообще. Отвѣтъ этотъ нетакъ легко было сдѣлать, какъ это казалось съ перваго взгляда. Угоровъ, какъ весьма многіе изъ его собратій, не имѣлъ привычки размышлять и разбирать побужденія своихъ и чужихъ поступковъ. Онъ считалъ это совершенно безполезной и очень трудной работой. Ему приходилось однакоже, въ прежніе годы, кое-что читать и даже изучать о свойствахъ человѣческаго духа. Конечно понятія эти и свѣдѣнія были очень сбивчивы и темны, но между ними высказывалась ясно мысль, что человѣкъ родится безо всякихъ прирожденныхъ идей и способностей, что духъ его — чистая доска, tabula rasa, на которой обстоятельства и явленія жизни пишутъ со дня рожденія человѣка то глубокія, неизгладимыя черты, то легкіе штрихи, которые впослѣдствіи вовсе затушовываются временемъ или замѣняются другими образами, какъ рѣдкій манускриптъ древности, замѣненный на палимпсестъ средне-вѣковою легендою. Угоровъ вѣрилъ, что воспитаніе и образованіе могутъ сдѣлать изъ ребенка по произволу — мудреца или воина, художника или математика. Не зналъ онъ и самъ, какъ называется эта философская система, и какой школѣ обязана она своимъ рожденіемъ, также какъ не зналъ, почему именно это, а не другое убѣжденіе осталось и утвердилось въ головѣ его, но теорія эта, какъ нельзя лучше, отвѣчала его намѣренію измѣнить или, лучше сказать, пріобрѣсти характеръ, и Петръ Андреевичъ былъ очень доволенъ, что вслѣдствіе его философскихъ убѣжденій, онъ можетъ сдѣлать это самъ, если другіе о томъ не позаботились въ дни его дѣтства и юношества.

Все затрудненіе состояло теперь только въ томъ, какого рода характеръ изберетъ онъ себѣ? Болѣе всего привлекала его стоическая твердость, и только ее признавалъ онъ настоящимъ характеромъ. Недаромъ же сдѣлались оба эти слова синонимами въ общемъ понятіи. Онъ сталъ припоминать себѣ историческія лица, отличавшіяся подобнымъ характеромъ. Въ памяти его поднялись образы полумифическихъ героевъ Рима: Муція Сцеволы, Курія Дентата, Коріо-

лана, Регула, Сципіона-Африканскаго, Катона-Утическаг
Къ удивленію своему, Петръ Андреевичъ замѣтилъ, что и
этихъ образахъ, возобновившихся въ его памяти, физическ
твердость неразрывно соединялась съ нравственной, и чуть
еще не превосходила послѣднюю. Одинъ сжегъ себѣ рук
другой бросился въ пропасть, третій спасъ отечество, пог
бивъ самаго-себя, четвертый, чтобы не измѣнить данно
слову, позволилъ скатить себя съ горы въ бочкѣ, утыканн
гвоздями, пятый отличался весьма затруднительной воздерж
ностью, шестой, кромѣ-того, что убилъ себя, при жизни отк
зывалъ себѣ, изъ стоицизма, даже въ порядочномъ обѣдѣ.
такая твердость характера—чуть ли не больше другихъ пр
мѣровъ твердости,—была вовсе не въ натурѣ Петра Андре
вича. Онъ никогда не могъ воздержаться отъ хорошаго об
да, и часто страдалъ отъ этой слабости характера. Нечег
и говорить, что другіе образцы твердости были для него ещ
недоступнѣе. Ему казалась даже странною мысль, что он
можетъ имѣть когда-нибудь подобный характеръ. Необхо
димость требовала ограничиться характеромъ гораздо мельче
скромнѣе, современнѣе. Угоровъ принялся за чтеніе фило
софскихъ и психологическихъ трактатовъ, въ которыхъ тол
ковалось о характерахъ, чтобы узнать, какимъ-образомъ со
ставляются и усвоиваются основныя правила въ жизни.

Во-время своего двухнедѣльнаго затворничества Петръ Андреевичъ прочиталъ все, что было писано объ этомъ предметѣ, и слѣдствіемъ этого чтенія было то, что мысли его еще болѣе спутались. Новаго узналъ онъ немного, но это новое сбивало его съ толку. Всѣ курсы и трактаты толковали о томъ, что характеръ—неизгладимый отпечатокъ господствующей идеи, страсти, наклонности въ каждомъ человѣкѣ, что онъ составляетъ его душевную или моральную физіономію, что собственно такъ-называемыя страсти не составляютъ, однакоже собственно такъ-называемаго характера, потому-что можно предаваться движеніямъ зависти, честолюбія, гнѣва, не бывши ни завистливымъ, ни честолюбивымъ, ни гнѣвнымъ, что, наконецъ, есть столько же различныхъ характеровъ, сколько добродѣтелей, пороковъ, качествъ, недостат-

...нъ и наклонностей въ человѣкѣ. Болѣе глубокомысленныя ...лософскія изслѣдованія увѣряли, что характеръ можетъ ...сть къ поступкамъ, совершенно ему противорѣчащимъ: ...къ трусъ скорѣе можетъ умереть, нежели согласиться под...ргнуть жизнь свою опасности; лѣнивецъ позволяетъ обре...нить его трудомъ, лишь бы только не исполнять легкой и ...стоянной работы; праздный человѣкъ занимается вдругъ ...сячью предпріятій, чтобы не приняться ни за одно изъ ...ихъ какъ слѣдуетъ, и не кончить его какъ должно; ревни...ецъ часто нарочно самъ возбуждаетъ въ любимомъ имъ ...редметѣ непостоянство, чтобы имѣть удовольствіе предать...ся волнующей его страсти. Эти и подобныя имъ тонкости ...сихическихъ оттѣнковъ характеровъ ставили въ тупикъ Угорова. Онъ рѣшительно не понималъ и не могъ нигдѣ най...и объясненія: какими правилами надо руководствоваться, ...тобы составить себѣ характеръ. Этого философія не объяс...ила. Въ одномъ только были согласны всѣ курсы и тракта...ты: это въ томъ, что худшій изъ всѣхъ характеровъ — не ...мѣть никакого характера, а Петръ Андреевичъ чувствовалъ ...себя точно въ такомъ положеніи.

После теоретиковъ, Угоровъ принялся читать практиковъ, ...рочелъ Теофраста и Лабрюйера, но ровно ничего не узналъ ...въ классически-скучныхъ писателей. Тогда совершенное ...тчаяніе овладѣло искателемъ характера.

Нѣсколько дней провелъ онъ въ самомъ тяжеломъ, непрі...ятномъ расположеніи духа, и чуть не захворалъ въ-самомъ-...дѣлѣ отъ постояннаго напряженія мыслей, устремленныхъ ...а одинъ и тотъ же предметъ. Вдругъ, въ-концѣ второй не...дѣли, въ головѣ его мелькнула новая, спасительная мысль, и ...нъ вскричалъ громко въ бесѣдѣ съ самимъ-собою, увле...ченный восторгомъ при своемъ внезапномъ и неожиданномъ ...открытіи:

— Нашелъ! *Ἑυρῆκα!* Наконецъ! Я человѣкъ пустой, сла...бый, безхарактерный. Это всѣми рѣшено и доказано. Стало...быть, чтобы пріобрѣсти характеръ, мнѣ надо поступать со...вершенно иначе, нежели я поступалъ до-сихъ-поръ, передъ ...каждымъ шагомъ подумать: какъ бы я сдѣлалъ его прежде,

— и сдѣлать наоборотъ. Это очень легко и просто. Какъ давно не пришло мнѣ въ голову! Впрочемъ вѣдь и всѣ в кія открытія очень просты, когда ихъ обнародуютъ. И лумбу было такъ же легко открыть Америку, какъ постан яйцо на тарелку. Главное дѣло въ томъ, чтобы помнить кую минуту, что я рѣшился имѣть характеръ.

И Петръ Андреевичъ положилъ дѣйствовать по принят имъ правилу въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ жизни. самому казалось, по временамъ, что рѣшеніе это прин слишкомъ скоро, что трудно вдругъ переломить свою туру, что подобные перевороты дѣлаются постепенно, стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, иногда очень д то нестекающихся. На всѣ эти возраженія онъ отвѣч самому-себѣ, что бываютъ минуты, мгновенно даю совершенно другое направленіе цѣлой жизни, что нуты эти не возвращаются, но уловивъ ихъ и воспользов шись ими, легко совершенно передѣлать себя, что обдум ное и твердо принятое намѣреніе отвѣчаетъ за успѣхъ, а а лизъ своихъ чувствъ и мыслей — равнозначущъ опытнос

На этомъ основаніи Петръ Андреевичъ положилъ, что него будетъ характеръ, — и вскорѣ же ему представился с чай въ первый разъ выказать этотъ характеръ.

Въ одно утро, когда Угоровъ составлялъ въ головѣ пла будущихъ дѣйствій, дверь въ кабинетъ его тихо отво лась, и несмотря на запрещеніе, въ комнату вошла жен на лѣтъ пятидесяти, одѣтая по домашнему, но съ больш изысканностью, съ худымъ, осунувшимся лицомъ и дл ными подвязными локонами, несовсѣмъ подходившими цвѣту сильно бѣлокурыхъ волосъ.

— Извините, что я потревожила васъ, Петръ Андреи сказала дама, жеманясь и выжимая слова. Вы запретили вс входить въ вашъ кабинетъ и вашъ Степанъ ни за что не тѣлъ впустить меня. Но вотъ уже скоро двѣ недѣли, ка вы никуда не выѣзжаете и никого не принимаете. Что не больны — я въ этомъ увѣрена. Степанъ говорилъ, что въ первые дни были нетакъ здоровы отъ изнуренія пос верховой ѣзды, но это вскорѣ же прошло. Еслибы вы б

дѣйствительно больны, никакія запрещенія не удержали бы меня отъ исполненія моей обязанности — посвятить заботы и попеченія всей жизни моему племяннику. Но такъ какъ ваше затворничество было только капризомъ желанія, я не хотѣла нарушать вашего уединенія, и если теперь обезпокоила васъ своимъ посѣщеніемъ, то единственно отъ того, что заключеніе ваше сдѣлалось уже слишкомъ продолжительно, и тревожныя опасенія овладѣли снова моимъ сердцемъ, такъ сильно расположеннымъ въ вашу пользу.

Тетушка Угорова выражалась чрезвычайно краснорѣчиво и книжно, въ память множества романовъ, прочитанныхъ ею отъ скуки въ-продолженіе ея долгаго дѣвственнаго одиночества. Но никогда еще рѣчь ея не выливалась такъ плавно и округленно, какъ въ эту минуту. По всему видно было, что, не говоривши съ племянникомъ около двухъ недѣль, она рѣшилась вознаградить себя за это долговременное молчаніе.

Племянникъ слушалъ тетушку съ выраженіемъ удивленія и неудовольствія, и не отвѣчалъ ни слова на ея рѣчь, чтó также весьма озадачило его собесѣдницу.

— Вы молчите, милый Пьеръ, продолжала тетушка голосомъ, по ея мнѣнію, вкрадчивымъ и мелодическимъ, а на самомъ-дѣлѣ невыносимо приторнымъ. Какъ должна я объяснить это молчаніе? Признаніемъ справедливости моихъ словъ, или смущеніемъ тронутаго сердца, которое понимаетъ наконецъ, какъ дурно поступило, не раздѣляя причины тоски и огорченія съ тѣми, кто вполнѣ симпатизируетъ вамъ.

— Анна Никитична! который вамъ годъ? спросилъ племянникъ вмѣсто отвѣта на высокопарныя слова тетушки.

Вопросъ этотъ до того поразилъ Анну Никитичну, что она сказала едва слышно, также послѣ весьма продолжительнаго молчанія:

— Чтó значитъ этотъ неумѣстный вопросъ?

— Вѣрю, что онъ довольно страненъ, и не прошу на него математически-точнаго отвѣта. Скажите, сколько вамъ лѣтъ примѣрно, около, оптомъ.

— Ваше настаиваніе дѣлаетъ шутку натянутою, отвѣчала

тетушка, совершенно озадаченная холоднымъ тономъ племянника.

— Я, безъ сомнѣнія, долженъ буду помочь вамъ, продолжалъ Угоровъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, еще непривыкшимъ отзываться ироніею, отчего онъ звучалъ еще страннѣе. Вы, вѣрно, подражаете тому философу, который считалъ своихъ овецъ и барановъ, потому-что ихъ могли украсть, а не лѣта, которыхъ никто не украдетъ. Чтобы не оскорбить вашего самолюбія — скажемъ аллегорически : вы вѣдь уже, вѣрно, праздновали ваши десять люстръ.

— Это что́ еще за люстры ? спросила довольно рѣзко тетушка.

— Римское счисленіе времени ; слово это значитъ очищеніе; отъ одного люстра до другаго считалось пять лѣтъ.

Какъ ни слаба была Анна Никитична въ математикѣ, но въ умноженіи пяти на десять трудно ошибиться. По этому, вспыхнувъ до ушей, она отвѣчала дрожащимъ отъ досады голосомъ.

— Вамъ же стыднѣе, еслибы это была правда. Мнѣ кажется, чѣмъ больше лѣтъ теткѣ, тѣмъ больше племянникъ долженъ имѣть къ ней уваженія.

При этихъ словахъ Петръ Андреевичъ покраснѣлъ не меньше тетки. Онъ уже открылъ ротъ, чтобы попросить извиненія въ томъ, что смѣлъ оскорбить ее, какъ вдругъ мысль о характерѣ остановила порывъ его добраго сердца и онъ отвѣчалъ, опустивъ глаза въ землю :

— По этому-то именно, что я хотѣлъ бы уважать ее, я долженъ заботиться о томъ, чтобы она не казалась смѣшною, и поняла, что въ ея лѣта пора отвыкнуть отъ дурныхъ привычекъ молодости и перестать выражаться языкомъ французскихъ романовъ въ московскомъ переводѣ.

— Ваши слова были бы оскорбительны, еслибъ не были смѣшны, отвѣчала съ гордостью Анна Никитична. До-сихъ-поръ вы не находили ничего страннаго въ моихъ словахъ, а сегодня вамъ что́-то вздумалось подмѣтить у меня романтическія фразы.

— Подмѣтилъ я ихъ очень давно, хотя и не говорилъ.

— Что́ же заставляло васъ молчать до-сихъ-поръ?

Петръ Андреевичъ не отвѣчалъ. Объявить теткѣ о своемъ намѣреніи имѣть характеръ казалось ему какъ-то неловко. Пока онъ обдумывалъ возраженіе на слова Анны Никитичны, она сказала прежнимъ восторженно-натянутымъ тономъ:

— Ваше молчаніе и смущеніе лучше всякихъ словъ извиняютъ васъ, доказывая, что ваша раздражительность происходитъ отъ болѣзни, а не отъ желанія оскорбить ту, которая посвятила всю жизнь свою заботамъ о васъ, и можетъ смѣло сказать, что замѣнила вамъ мать.

Тетушка Анна Никитична имѣла способность, впрочемъ общую многимъ женщинамъ, плакать во всякое время, по востребованію, и потому сочла нужнымъ пролить нѣсколько слезъ въ заключеніе своего монолога. Но племянникъ не могъ видѣть ничьихъ слезъ безъ того, чтобы не растрогаться, и забывъ, что онъ человѣкъ съ характеромъ, вскричалъ съ чувствомъ и волненіемъ:

— Какъ могли вы думать, что я хочу оскорбить васъ милая тетушка! Повѣрьте мнѣ....

— Вѣрю! вѣрю! прервала Анна Никитична самымъ трагическимъ тономъ, прижимая платокъ къ глазамъ правою рукою, а лѣвую протягивая къ племяннику. Къ чему слова, когда полно сердце. Перестанемъ говорить объ этомъ минутномъ облакѣ раздора, ставшемъ между нами. Понятно, что вы должны были впасть въ меланхолическое расположеніе духа, сидѣвши столько дней въ уединеніи. Всѣ ваши знакомые безпокоятся объ васъ. Марья Казимировна три раза присылала навѣдаться о вашемъ здоровьи, и Семенъ Сергѣевичъ заходилъ два раза отъ ея имени просить васъ къ ней на дачу. Сестра ваша также была два раза. Я пошлю къ нимъ сказать отъ вашего имени, что вы будете завтра праздновать ваше выздоровленіе. Мы сдѣлаемъ маленькій *соаре дансанъ* для добрыхъ знакомыхъ. Неправда ли, вы согласны?

— Завтра?... Но какъ же?... Я право не знаю!... говорилъ съ разстановкой Угоровъ, совершенно озадаченный словами тетки, лившимися съ необыкновенной быстротою.

— Отчего не знаете? что́ тутъ не знать? прервала опять

тетка. Вечеръ дать необходимо. Вамъ нужно развлеченіе, разсѣять вашу мизантропію. Я повѣщу всѣмъ нашимъ знакомымъ. Вы увидите, какъ всѣ васъ любятъ, сколько у насъ будетъ народу.

— Но это, право, такъ скоро!... Мнѣ бы вовсе не хотѣлось дѣлать вечера. Къ тому же, какіе танцы лѣтомъ?

— Ну, если не дансанъ, простой соаре сдѣлаемъ? Это все равно. Захотятъ танцовать дѣвицы, такъ Анатолій Карловичъ будетъ весь вечеръ играть на фортепіано. Впрочемъ завтра точно слишкомъ скоро. Другіе могутъ быть отозваны. Позовемъ на послѣ-завтра.... Или нѣтъ: лучше на послѣ-послѣ-завтра. Какъ разъ суббота придется, свободный день. У Излера нѣтъ никакой ночи, — всѣ кавалеры пріѣдутъ. Амалія Петровна хотѣла кстати привести къ намъ своего баса; прекрасный случай будетъ. Говорятъ лучше Тамбурини поетъ. Вы познакомитесь. Анна Николаевна просила также представить своихъ племянницъ, только что изъ пенсіона вышли. Я увѣрена, что вамъ будетъ очень весело. Надо будетъ только кой-какія распоряженія сдѣлать, въ городъ съѣздить за разными приготовленіями; у насъ многаго не достаетъ. Вы можете уединяться еще завтрашній день, если хотите, но послѣ завтра вы должны веселиться и танцовать до упаду, слышите-ли, мизантропъ этакой!

И тетушка, сдѣлавъ какой-то неизъяснимый жестъ пальцемъ вверхъ, повернулась такъ быстро на мѣстѣ, что жиденькіе локоны ея запрыгали на костлявой шеѣ, и выбѣжала изъ комнаты съ рѣзвостью пятнадцатилѣтней дѣвушки, напѣвая какую-то польку-трамбланъ, которую она, вѣроятно, сбиралась танцовать на соаре-дансанъ.

По уходѣ Анны Никитичны физіономія Угорова приняла выраженіе самаго глубокаго отчаянія. Онъ упалъ въ кресла обезсиленный сознаніемъ въ своей безхарактерности, осыпая себя самыми язвительными упреками и оскорбленіями.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ безсвязныхъ восклицаній: вижу, что я всегда былъ и останусь мокрой курицой.

III.

Характеръ Петра Андреевича начинаетъ развиваться.

Весь этотъ день на Угорова было жалко смотрѣть, такъ онъ былъ убитъ и печаленъ. Но слѣдующее утро было мудренѣе вечера, и онъ сталъ разсуждать гораздо спокойнѣе и логичнѣе.

— Я напрасно пришелъ вчера въ такое отчаяніе. Никакой трудный и рѣшительный планъ не удается съ перваго разу. Вчерашняя слабость моя сдѣлаетъ меня еще осторожнѣе. Смѣшно, если отъ первой неудачи я растеряюсь и откажусь отъ моего намѣренія. Это и было бы настоящей безхарактерностью. Что я могу быть твердымъ — лучше всего доказываетъ начало моего разговора съ Анной Никитичной. Конечно, потомъ я растрогался, какъ ребенокъ, отъ сущихъ пустяковъ, и эта Анна Никитична заговорила меня такъ, что я не могъ возразить ей ни слова. Теперь ужъ этого не случится. Вчерашній урокъ послужитъ мнѣ въ пользу; я буду чаще припоминать его, чтобы стыдиться своей слабости и поступать съ рѣшимостью и твердостью. Оно даже очень кстати, что Анна Никитична назвала на завтра гостей: я однимъ разомъ покажу всѣмъ, что у меня есть характеръ.

И снова довольный и счастливый Петръ Андреевичъ вышелъ изъ дому и отправился гулять въ садъ Лѣснаго-Института, близъ котораго онъ жилъ на дачѣ.

День былъ ясный и теплый, но гуляющихъ въ саду было немного. Угоровъ шелъ новою, важною поступью; взглядъ его, выраженіе лица—все измѣнилось и прямо говорило каждому, кто встрѣчался съ нимъ: у меня есть характеръ! Нѣкоторые даже съ удивленіемъ оглядывали его, а два мужика, работавшіе въ саду, на которыхъ онъ посмотрѣлъ съ особеннымъ величіемъ, даже сняли шапки и поклонились ему въ поясъ.

Угоровъ между-тѣмъ пришелъ къ расчищенному мѣсту въ рощѣ, гдѣ по праздникамъ играетъ музыка. Идя по аллеѣ, онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ и по сторо-

намъ, какъ будто искалъ кого-то. На скамейкахъ, подъ деревьями, сидѣло нѣсколько дамъ, по песку аллей бѣгало съ полдюжины маленькихъ дѣтей. Петръ Андреевичъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ съ недовольнымъ видомъ и сѣлъ на пустую скамейку.

На этотъ разъ онъ задумался однакоже не о характерѣ. Другой предметъ занялъ мысли его; ясно было, что онъ ждетъ чего-то, потому-что во взглядахъ его, бросаемыхъ на аллеи и на гуляющихъ, проходившихъ мимо, выражались досада и нетерпѣніе.

И вдругъ физіономія его прояснилась. Онъ быстро повернулся въ сторону, и взглянувъ еще разъ на аллею, опустилъ голову и принялъ позу человѣка задумавшагося, необращающаго никакаго вниманія на все, что его окружаетъ.

По аллеѣ бѣжали два мальчика, лѣтъ шести и пяти, катя обручъ; за ними шла дѣвушка, высокаго росту въ свѣтленькомъ ситцевомъ платьѣ и кофточкѣ изъ такой же матеріи, обрисовывавшей ея длинную, стройную талію. На головѣ у нея была гладкая соломенная шляпка съ бѣлой воалеткой; въ одной рукѣ держала она зонтикъ, совершенно закрывавшій лицо, другою вела маленькую дѣвочку, лѣтъ четырехъ, одѣтую въ розовое кисейное платьице, такъ накрахмаленное, что дѣвочка, и безъ того довольно кругленькая и полненькая, казалась настоящимъ шаромъ.

Мальчики, подбѣжавъ къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ Угоровъ, закричали оба въ одинъ голосъ:

— А! Петръ Андреичъ! Петръ Андреичъ! здравствуйте! Принесли конфетъ.

При этихъ словахъ Угоровъ поднялся со скамейки съ удивленнымъ видомъ, а дѣвушка въ соломенной шляпкѣ вздрогнула невольно, и откинувъ зонтикъ на плечо, открыла полное, выразительное личико, блиставшее здоровьемъ и одушевленіемъ, покрытое румянцемъ удовольствія.

— Боже мой? Петръ Андреичъ! Наконецъ-то вы выздоровѣли. Ну, какъ я рада! Васъ такъ давно не видать въ саду. Что съ вами было?

И дѣвушка съ улыбкой, полной радости и добродушія, со

взглядомъ, полнымъ участія, сѣла на скамейку, въ то время какъ дѣти, окруживъ Угорова, лепетали что-то на своемъ языкѣ, въ которомъ можно было ясно понять только одно слово : конфекты.

— Я былъ нетакъ здоровъ, отвѣчалъ довольно сухо Угоровъ, садясь подлѣ дѣвушки и отводя несовсѣмъ ласково рукою мальчиковъ, уже черезъ-чуръ пристававшихъ къ нему.

Дѣвушка замѣтила этотъ жестъ и сказала :

— Дѣти ! отойдите и не тормошите Петра Андреевича. Ненадо ни къ кому лезть такимъ образомъ : это неучтиво. Впрочемъ они высказываютъ вамъ по своему свои ласки, прибавила она, обращаясь къ Угорову, и вы сами немножко избаловали ихъ, позволяя обходиться съ вами безъ церемоній : они такъ привязаны къ вамъ.

— Или къ моимъ конфектамъ, отвѣчалъ Угоровъ иронически.

Дѣвушка съ удивленіемъ взглянула на него и сказала мальчикамъ :

— Ступайте же, играйте въ аллеѣ, но не отходите далеко.

— А что же конфеты ? спросилъ печально одинъ изъ мальчиковъ.

— Петръ Андреичъ не принесъ сегодня конфектъ. Онъ сегодня нетакъ здоровъ, сказала дѣвушка съ лукавой улыбкой.

Мальчики отошли медленно, какъ бы въ раздумьи о томъ, отчего имъ нельзя ѣсть конфектъ, когда нездоровъ Петръ Андреевичъ.

— А ты, Катенька, не пойдешь играть ? спросила дѣвушка, лаская третьяго ребенка.

— Нѣтъ, я буду сидѣть съ тобою, отвѣчала дѣвочка. Дай мнѣ только твой зонтичекъ, Соничка. Я буду большая.

Соничка раскрыла зонтикъ и отдала его маленькой дѣвочкѣ, усѣвшейся подлѣ съ важнымъ и довольнымъ видомъ; потомъ, обернувшись къ Угорову, хотѣла что-то сказать но онъ предупредилъ ее, начавши разговоръ, словами:

— Какъ вы балуете дѣтей, Софья Францовна.

— Чѣмъ же это? спросила дѣвушка съ удивленнымъ видомъ.

— Какъ чѣмъ? Рѣшительно всѣмъ, отвѣчалъ Угоровъ рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ. Сестрѣ вашей всего четыре года, а вы ужъ приучаете ее кокетничать, даете ей зонтикъ, надѣли на нее платье, накрахмаленное до того, что смотрѣть смѣшно, напомадили ее такъ, что за версту резедой пахнетъ. Какъ еще въ корсетъ не затянули бѣднаго ребенка. И добро бы наряжали одну дѣвочку,—главное занятіе всей жизни женщины наряды, — но для чего изъ мальчиковъ дѣлать какихъ-то каррикатурныхъ щеголей. Что̀ за уродливыя курточки на нихъ! Идутъ ли къ нимъ эти широкополыя шляпы á la Цампа, съ красной кокардой. Какъ нестыдно слѣдовать этой глупой модѣ, прикрывающей ихъ ноги до колѣнъ и оставляющей остальную часть до сапожковъ голою? Хорошо-ли, прилично-ли, здорово-ли это? Что̀ мы развѣ подъ экваторомъ живемъ? Отчего же ужъ за одно не одѣть ихъ такъ, какъ ходятъ жители Новой-Голландіи?

Дѣвушка слушала съ возрастающимъ удивленіемъ этотъ прерывистый и рѣзкій монологъ. Въ глазахъ ея, устремленныхъ на Угорова, выражались попеременно недоумѣніе, участіе, опасеніе. Въ концѣ рѣчи, она опустила глаза, и щеки ея загорѣлись яркимъ румянцемъ.

— Петръ Андреичъ, что̀ съ вами? сказала она голосомъ, въ которомъ слышны были слезы и волненіе. Отчего вы сегодня такой злой? Что̀ я сдѣлала вамъ? За что̀ вы такъ сердитесь на меня? Елибы дѣти были даже гораздо хуже одѣты, развѣ я виновата въ томъ? Вы сами знаете, спрашиваетъ ли тетенька моего совѣта, какъ одѣвать и воспитывать ихъ. Вы забыли, что я должна дѣлать только то, что̀ мнѣ прикажутъ. Неужели я, по вашему мнѣнію, могу учить кокетничать, и кого же? мою двоюродную сестру, ребенка, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ! Развѣ я сама кокетка?

И напрасно удерживаемыя слезы брызнули при этихъ словахъ ручьемъ изъ глазъ дѣвушки. И она быстро отвернулась отъ Угорова, чтобы поскорѣе отереть эти досадныя, неумѣстныя слезы....

А онъ при видѣ этихъ чистыхъ слезокъ, этого младенческаго отчаянія, почувствовалъ, что сердце его сжалось какъ-то болѣзненно. Онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ дѣвушки, чтобы выпросить прощеніе въ своихъ оскорбительныхъ словахъ, но въ головѣ его мелькнула мысль: а слезы Анны Никитичны!... а характеръ! и онъ, сжавъ руки на груди, à la Наполеонъ, сдавивъ правой рукою сердце, откинулся на спинку скамейки и положивъ нога на ногу, остался молчаливъ и неподвиженъ въ этой презрительной позиціи.

Дѣвушка между-тѣмъ отирала торопливо платкомъ глаза и щеки, боясь обратить на себя вниманіе постороннихъ лицъ. Кромѣ Угорова, видѣла ея слезы одна маленькая Катенька, и прижимаясь пухленькой щечкой къ таліи своей сестры, спросила:

— Что́ ты плачешь, Соничка? Развѣ онъ злой? Онъ не любитъ тебя?

— Нѣтъ, не любитъ! отвѣчала дѣвущка, позабывъ все на свѣтѣ и судорожно рыдая.

Въ этихъ словахъ было столько чувства и истинной грусти, что врядъ ли можно было хладнокровно выслушать ихъ самому твердому человѣку. Что́ же было дѣлать Угорову? Онъ почувствовалъ въ эту минуту, что любитъ сильно и искренно эту дѣвушку, что она также любитъ его. Можно ли было тутъ думать о твердости, о характерѣ? Въ какомъ-то забытьи, полномъ счастья, грусти, волненія, радости, онъ подвинулся къ ней, крѣпко сжалъ ея руку и сказалъ прерывистымъ голосомъ, наклонясь къ ея уху:

— Софья Францовна, милая добрая дѣвушка, простите меня! Я сумасшедшій! Я не знаю самъ что́ дѣлаю. Не вѣрьте Катенькѣ, она говоритъ неправду.

— Софья долго не могла сказать ни слова отъ волненія и неожиданности. Она сидѣла, опустивъ голову на грудь, высоко поднимавшуюся; по щекамъ ея катились крупныя слезы, но это не были слезы горести и отчаянія; рука ея довѣрчиво лежала въ рукѣ Угорова и слегка отвѣчала на его страстныя пожатія.

Не помня самъ, что́ дѣлаетъ, Угоровъ поднялъ эту теплую, пухлую ручку и прижалъ къ дрожащимъ губамъ своимъ.... Дѣвушка вздрогнула, обвела вокругъ себя глазами, какъ-будто спрашивая отчета у окружающихъ предметовъ, гдѣ она и что́ съ нею. Потомъ румянецъ ярче прежняго выступилъ на ея щекахъ, она быстро отдернула свою руку и сказала шопотомъ:

— Полноте, Петръ Андреичъ! какъ вамъ нестыдно. Ну если кто-нибудь увидитъ. Дѣти могутъ пересказать тетенькѣ, а вы знаете, какъ она строго со мной обращается.

— Я дамъ имъ столько конфектъ, что они забудутъ обо всемъ на свѣтѣ, отвѣчалъ Угоровъ, стараясь опять поймать ея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! это нехорошо, ненужно!... повторяла она въ волненіи. Будемте говорить просто, подружески. Не зачѣмъ вамъ цѣловать мнѣ руки, я и безъ того давно простила васъ.

И движеніемъ, полнымъ дѣтской стыдливости и невиннаго кокетства, она взяла маленькую Катеньку, и перенеся на другую сторону скамейки, посадила между собою и Угоровымъ, сказавъ съ улыбкой:

— Она будетъ мнѣ защитой!

Угоровъ хотѣлъ что́-то отвѣчать, но въ эту минуту въ аллеѣ показались двое мужчинъ, шедшихъ подъ руку. Еще издали закричали они, махая палками и руками:

— А! Угоровъ! здорово братецъ! живъ ли ты!

Сильная досада выразилась во всѣхъ чертахъ Угорова; онъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и отодвинувшись на самый уголъ скамейки, принялъ прежнюю презрительную позу, закинувъ нога за ногу и сложивъ руки.

— Гдѣ ты пропадалъ столько времени? сказалъ одинъ изъ подошедшихъ въ бѣломъ пальто, поклонясь довольно небрежно дѣвушкѣ и оборачиваясь къ ней бокомъ. Мы думали, что ты умерт и ждали приглашенія на похороны.

—А ты, какъ видно, живъ, и очень живъ! кричалъ другой франтъ въ сюртукѣ, коротенькомъ до послѣдней степени возможности, кивнувъ собесѣдницѣ Угорова самымъ нецере-

моннымъ образомъ и косясь на нее съ усмѣшкой, почти презрительной.

Угоровъ не нашелъ что̀ отвѣчать на слова пріятелей, такъ поразило его ихъ обращеніе съ дѣвушкой. Она въ ту же минуту встала со скамейки и сказала, смотря въ землю.

— Прощайте, Петръ Андреевичъ. Не хочу мѣшать разгору съ вашими друзьями, которые такъ давно не видали васъ.

— Но можетъ-быть мы сами помѣшали вамъ? сказалъ господинъ въ невозможно-коротенькомъ сюртукѣ, лорнируя дѣвушку съ ногъ до головы.

— Вы бѣжите отъ насъ, мамзель Шрекъ? говорило бѣлое пальто, махая тростью чуть не подъ шляпкой Софьи Францовны.

— Я очень рада, что оставляю васъ.... съ пріятелемъ, къ которому вы такъ привязаны, отвѣчала дѣвушка съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, удаляясь съ Катенькой по аллеѣ, гдѣ играли мальчики.

— Кажется, эта мамзель думала сказать остроту? спросило съ пренебреженіемъ пальто, обращаясь къ своему товарищу.

Ce qui est possible n'est pas toujours probable! отвѣчалъ тотъ, безъ церемоніи развалившись на томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту сидѣла дѣвушка, между-тѣмъ какъ пальто, опустивъ руки въ карманы и разведя ими, остановилось передъ Угоровымъ въ комфортабельной, но не весьма красивой позиціи.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, господа! выговорилъ наконецъ Угоровъ рѣзкимъ тономъ: отчего это вы, и въ особенности ты, Стразовъ, такъ неучтиво обращаетесь съ Софьей Францовной.

Вмѣсто отвѣта, пальто, къ которому въ особенности относились слова Угорова, развело еще шире руками въ карманахъ и закричало своему товарищу:

— Негляковъ! слышишь! Ты былъ правъ. Онъ точно страдаетъ по этой Нѣмкѣ.

— Еслибъ я и точно страдалъ по ней! вскричалъ въ досадѣ Угоровъ: тѣмъ почтительнѣе вы должны обходиться съ ней, если считаетесь моими пріятелями.

При этихъ словахъ франты расхохотались такъ, что гулявшіе возлѣ обратили на нихъ вниманіе.

C'est impayable! кричалъ Негляковъ, ложась на скамейкѣ, какъ укушенный тарантулою. Аркадія! чистая Аркадія! Стразовъ — ступай за секундантами. Онъ сейчасъ вызоветъ насъ стрѣляться черезъ платокъ.

— Если вы не умѣете ничего отвѣчать на серьозный вопросъ, кромѣ глупостей, въ такомъ случаѣ намъ не о чемъ разговаривать — сказалъ Угоровъ, вставая со скамейки.

Холодный и нецеремонный тонъ Угорова до того поразилъ обоихъ франтовъ, что они не могли ничего отвѣчать ему. Первый опомнился Стразовъ, и схвативъ за руку уже уходившаго Угорова, сказалъ:

— Оборотъ недуренъ, чтобы улизнуть отъ насъ и бѣжать за своей дульцинеей, но мы поняли тебя, хотя въ эту минуту ты былъ настоящимъ сфинксомъ. Чтобы не разстаться съ тобой, мы выслушаемъ, не мигая, всѣ твои импрекаціи и рекриминаціи. Наша дружба способна на это. О чемъ бы ты ни спросилъ насъ — мы будемъ отвѣчать какъ оракулъ, чтобы только насладиться твоимъ лицезрѣніемъ и бесѣдою. Такъ ли, Негляковъ?

— Клянусь отвѣчать спокойно и не улыбаясь на всѣ твои вопросы, о непостижимый изъ смертныхъ! вскричалъ съ комическою важностью Негляковъ: хотя бы тебѣ вздумалось спросить, которой ногой всталъ вчера съ постели Семенъ Сергѣевичъ.

— Я просилъ васъ только объяснить мнѣ причину вашего неприличнаго обращенія съ Софьей Францовной Шрекъ, — сказалъ Угоровъ, рѣшаясь быть сколько можно терпѣливымъ, и не уступать ни въ одномъ словѣ своимъ пріятелямъ.

— Ты хочешь знать это, наивный сынъ девятнадцатаго вѣка? началъ Стразовъ, становясь въ торжественную позу. Изволь, я скажу тебѣ, какъ тѣнь отца Гамлета: «Внимай, внимай! Хотя бы кровь твоя отъ ужаса застыла въ жилахъ, хотябы...»

— Если ты хочешь, чтобы я слушалъ тебя, прервалъ

Угоровъ, говори просто и человѣческимъ языкомъ. Я не расположенъ слушать вздоръ, который вамъ однимъ кажется очень остроумнымъ.

Пріятели опять переглянулись между-собою, и Стразовъ сказалъ мрачнымъ голосомъ опустивъ голову:

—Уважаю твою болѣзненную прихоть, Орестъ мой, и продолжаю безъ всякихъ отступленій и воззваній. И во-первыхъ, возьми скорѣе назадъ одинъ изъ твоихъ эпитетовъ, оскорбившихъ, могу сказать даже опечалившихъ насъ. Ты назвалъ обращеніе наше съ этой Нѣмкой неприличнымъ. Позволь возразить тебѣ, со всъмъ должнымъ уваженіемъ къ твоему мнѣнію, что на этотъ разъ оно совершенно несправедливо. Никто лучше насъ не знаетъ и не соблюдаетъ неумолимыхъ законовъ приличія. Мы всегда были самыми вѣрными и строгими жрецами этого кумира, которому поклоняется наше современное общество. Мы поступили бы напротивъ неприлично, еслибы обошлись съ ней другимъ образомъ, оказали ей какіе-нибудь знаки нашего вниманія или почтенія.

— Развѣ она дурно ведетъ себя? вскричалъ съ запальчивостью Угоровъ.

— Не говоримъ этого, продолжалъ Стразовъ тѣмъ же напыщеннымъ ораторскимъ тономъ. Закулисная хроника гостиныхъ молчитъ о заблужденіяхъ ея сердца. Голосъ собственнаго достоинства и Амаліи Петровны слишкомъ сильно раздается въ ея ушахъ, чтобы она могла забыть хоть на минуту о своемъ долгѣ. Мы даже должны отдать ей полную справедливость въ томъ, что она держитъ себя отшельнически-строго и не допускаетъ ни одной изъ тѣхъ невинныхъ и благопристойныхъ вольностей, которыя придаютъ свѣтскимъ отношеніямъ столько заманчивости и граціозности.

— Ты очень хорошо объясняешься, Стразовъ, сказалъ съ важностью Негляковъ.

— Принимаю съ живѣйшею благодарностью поощреніе моему слабому таланту отъ такаго великаго знатока свѣтскаго краснорѣчія, отвѣчалъ Стразовъ, кладя руку на сердце и почтительно кланяясь.

— Но тогда въ чемъ же вы обвиняете эту дѣвушку? сказалъ Угоровъ, теряя терпѣніе.

— Мы обвиняемъ! вскричалъ Стразовъ, поднимая руки къ небу. Скажи ты, петербургская природа, и вы быстрыя облака, слышали ли вы хоть одно слово обвиненія изъ чистыхъ устъ нашихъ!...

— Шутки въ сторону! прервалъ Негляковъ, видя, что Угоровъ готовъ выйти изъ себя. О какихъ обвиненіяхъ толкуешь ты? Чего ты требуешь отъ насъ? Неужели ты хочешь, чтобы мы обращались съ этой гувернанткой, какъ съ первой львицей петербургскаго общества. Вспомни, кто она и какое ея положеніе въ свѣтѣ. Дочь піаниста для танцевъ, нанимавшагося за два цѣлковыхъ играть на коломенскихъ вечерахъ, она была взята, изъ жалости, своей теткой по смерти всѣхъ остальныхъ родныхъ, и теперь исполняетъ обязанность гувернантки у своихъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Не знаю только чему учитъ она, потому-что все ея воспитаніе ограничивается пятилѣтнимъ пребываніемъ въ какой-то школѣ на Бугоркахъ, гдѣ она не кончила ученія, потому-что отцу нечѣмъ было наконецъ платить за нее. Конечно, тетушка ея сама не блистательнаго образованія и происхожденія, но все это прикрывается именемъ ея мужа, человѣка богатаго, со связями и занимающаго такое важное мѣсто въ обществѣ. По недостатку образованія,тетка дурно обходится съ племянницей и даже не скрываетъ этого; съ наемной гувернанткой она, конечно, не обходилась бы такимъ образомъ, а эта дѣвушка не можетъ оставить дома Амаліи Петровны, потому-что ей некуда дѣваться и никто не возметъ ее даже въ горничныя, послѣ того какъ она смотрѣла за дѣтьми въ такомъ извѣстномъ домѣ.

— Во всемъ этомъ однако же бѣдная дѣвушка нисколько невиновата, сказалъ съ жаромъ Угоровъ.

— Согласенъ, продолжалъ Негляковъ. Но виноваты ли и мы, что не можемъ смотрѣть на нее, какъ на лицо, принадлежащее къ нашему кругу, хотя и видимъ ее въ этомъ кругу. У нея ровно ничего нѣтъ, и тетка не можетъ ей ничего оставить, потому-что у ней самой четверо дѣтей; она не-

образована, манеры у нея дурныя и, наконецъ, она вовсе не такъ хороша собою, чтобы какой-нибудь томный юноша, женился на ней по страсти.

— Прибавь, мой достойный соперникъ въ краснорѣчіи, что она еще съ амбиціей, прервалъ Стразовъ, закуривая папиросу. Недавно на ней сватался каретникъ Амаліи Петровны, человѣкъ съ состояніемъ, хотя и съ краснымъ носомъ, но чувствительная фрейлейнъ отказала ему, ожидая, вѣроятно, предложенія руки какого-нибудь набоба. Но на набобахъ или на бобахъ въ наше время не выѣдешь.

Угоровъ былъ такъ занятъ размышленіями, что не замѣтилъ ни александринско-водевильнаго каламбура Стразова, ни одобрительнаго хохота его товарища, подхватившаго слова Стразова:

— И ты требуешь, чтобы мы сдѣлались соперниками въ любезностяхъ передъ дѣвицею Шрекъ, съ красноносымъ каретникомъ. За что же хочешь ты обречь насъ на вѣчное посмѣяніе? Довольно и того, что мы кланяемся ей, спрашиваемъ иногда о погодѣ, о здоровьѣ АмаліиПетровны, и даже ангажируемъ ее на кадриль, когда недостаетъ vis-à-vis. Не у всякаго такой сговорчивый характеръ, чтобы находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ романической нянюшкой, и оставаться потомъ равнодушнымъ къ насмѣшкакъ общества.

Негодованіе, давно уже кипѣвшее въ Угоровѣ, при этихъ словахъ, неумышленно затронувшихъ его самолюбіе, вылилось наконецъ наружу. Онъ сказалъ громко и рѣшительно:

— Такъ вы находите, что вамъ, львамъ высшаго общества, неприлично быть учтивыми съ бѣдной, но честной дѣвушкой. Вы находите, что это позволительно только мнѣ, человѣку слабому, безхарактерному, на котораго общество будетъ смотрѣть снисходительно, если онъ даже и компрометируетъ себя, потому-что отъ безхарактернаго человѣка нельзя требовать строгаго исполненія общественныхъ условій. Васъ даже удивляетъ то, что мнѣ вздумалось вступиться за эту дѣвушку; вы не вѣрите ушамъ своимъ, не постигаете, какъ могъ рѣшиться на это человѣкъ, отроду никому непротиворѣчившій и соглашавшійся постоянно во всемъ и

со всѣми. Вамъ и въ умъ не приходило, что можетъ же наконецъ такой человѣкъ когда-нибудь опомниться, почувствовать собственное достоинство, высказать свое мнѣніе. Вы думали, что блескъ наружныхъ и кажущихся достоинств вашего круга до того ослѣпилъ глаза довѣрчиваго простака, что онъ уже не въ состояніи никогда увидѣть истины? Позвольте же сказать, что вы ошиблись, что есть всему предѣлъ на свѣтѣ; позвольте наконецъ и мнѣ высказать нѣсколько словъ этой истины, не для того, чтобы указать вам другой, настоящій путь пониманія и дѣйствія,—я знаю, что для васъ это невозможно: воспитанные по одной мѣрк и мѣряющіе все на свой аршинъ — вы никогда не поймет голоса, противорѣчащаго понятіямъ всей вашей жизни, независимаго ни отъ какихъ связей и отношеній. Но если н для васъ, то для самаго себя, хочу я разъ навсегда высказать, что́ думаю объ васъ и подобныхъ вамъ лицахъ, чтобы вы изъ словъ моихъ видѣли, какъ дорожу я мнѣніемъ таких лицъ.

Угоровъ остановился, задыхаясь отъ волненія и отъ длин наго монолога. Въ словахъ его было однако же столько не поддѣльнаго чувства и увлеченія, что пріятелямъ сдѣлало какъ-то неловко. Негляковъ ворочался на скамейкѣ, черт палкой по песку. Стразовъ, курившій папиросу быстро и пре рывисто, попробовалъ однакоже возразить оратору, и во пользовавшись его остановкой, сказалъ съ поддѣльным ужасомъ:

— Негляковъ! ты давича похвалилъ мое ораторское и кусство. Что́ же ты скажешь о неожиданномъ краснорѣчі Угорова? И когда я подумаю, что мы первые открыли этот феноменъ! Что́ калифорнскія розсыпи въ сравненіи съ этим открытіемъ! Вообрази, какой шумъ произведетъ оно, когд мы объявимъ объ немъ въ свѣтѣ. Я увѣренъ, что всѣ Д мосѳены и Цицероны — которыхъ *я*, конечно, никогда н читалъ, — пигмеи въ сравненіи съ Угоровымъ. Мы должн гордиться дружбой такого великаго человѣка.

— Вы можете гордиться всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, толь не этимъ, спокойно отвѣчалъ Угоровъ. Знаю, что сло

дружба, опошленное подобными вамъ, на языкѣ вашего круга имѣетъ самое легкое, эластическое значеніе, но я постараюсь не давать вамъ повода произносить это слово даже въ значеніи самаго обыкновеннаго свѣтскаго знакомства, и прошу васъ съ-этихъ-поръ забыть, что мы воспитывались въ одномъ заведеніи и были когда-то въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

— И все это оттого, что мы не объявили себя поклонниками мамзель Шрекъ? сказалъ съ пренебреженіемъ Негляковъ.

— Если бы мамзель Шрекъ обратила на васъ какое-нибудь вниманіе, сказалъ Угоровъ: я бы не сталъ вступаться за нее. Умная и благородная дѣвушка должна отвѣчать презрѣніемъ на несправедливости свѣта и любезности лицъ, подобныхъ вамъ.

— Ты увидишь, Негляковъ, что мы недостойны даже лобзать слѣды ногъ несравненной Нѣмки, сказалъ Стразовъ съ плачевнымъ видомъ.

— Конечно недостойны! вскричалъ Угоровъ, если зная горькое положеніе ея въ свѣтѣ и то, что она заслуживаетъ своимъ поведеніемъ лучшей участи вы оскорбляете ее вашимъ обиднымъ невниманіемъ и обращеніемъ. Развѣ она виновата, что судьба не дала ей ни воспитанія, ни состоянія? Развѣ вы сами получили и то и другое вслѣдствіе заслугъ вашихъ? Да еслибы она была чудомъ образованности, при теперешней бѣдности, развѣ бы вы лучше обходились съ нею? А имѣй она пятьдесятъ тысячь годоваго дохода и будь глупа до идіотства — какъ бы стали вы ухаживать за ней! А къ чему служитъ вамъ самимъ ваше воспитаніе и состояніе? Первое для того, чтобы, нахватавшись верхушекъ энциклопедическаго познанія, говорить о томъ, чего не изучали и не понимаете, говорить языкомъ, который вы заимствовали у героевъ площадныхъ парижскихъ романовъ, и который вы считаете остроумнымъ, въ то время, когда его нельзя назвать иначе, какъ плоскимъ и пошлымъ. И о чемъ говорите вы на этомъ языкѣ? О лошадяхъ, винѣ, танцоркахъ, женщинахъ безъ страха и упрека — въ хорошемъ поступкѣ. А къ чему

служитъ вамъ состояніе? Къ тому, чтобы не дѣлать ничего, кромѣ долговъ, проводить время въ обществѣ подобныхъ вамъ львовъ и львицъ, тратя даромъ деньги и здоровье, теряя въ этой живописной жизни послѣднія искры чувства и ума, — если у кого-нибудь изъ васъ остались еще умъ и чувство....

— Pardon, mon cher! прервалъ Негляковъ, вставая со скамейки и натягивая желтую перчатку. Краснорѣчіе твое переходитъ границы, обозначенные въ риторикѣ, и становится уже черезъ-чуръ діогеновскимъ. Мы не твои ученики и ты не менторъ нашъ, чтобы говорить намъ грубости подъ формой наставленія. Увлекшись желаніемъ читать нотаціи, ты забываешь, что самъ принадлежишь къ нашему кругу, и позволяешь себѣ такія метафоры и гиперболы, которыхъ недолженъ употреблять порядочный человѣкъ, получившій образованіе. Не знаю какая муха укусила тебя сегодня, или какая болѣзнь перевернула верхъ ногами всѣ твои понятія, но знаю только одно, что благовоспитанный человѣкъ, если хочетъ разойтись съ своими пріятелями, выбираетъ предлогъ немного поискуснѣе или, по-крайней-мѣрѣ, разстается съ ними безъ грубыхъ выходокъ краснорѣчія.

И Негляковъ, сохраняя, какъ истинный левъ, все наружное хладнокровіе, слегка погнулъ шляпу на лѣвую сторону, прижавъ тулью ладонью, застегнулъ верхнюю пуговицу сюртучка, взялъ подъ руку Стразова, и приподнявъ небрежно другую руку къ шляпѣ, сказалъ:

— Тебѣ, кажется, вздумалось разыграть роль героя изъ піесы Коцебу «Ненависть къ людямъ». Не забудь только второй половины названія этой піесы: «Раскаяніе».

И насвистывая серенаду изъ «Донъ-Паскуале», левъ отправился по аллеѣ, подъ руку съ пріятелемъ, махая тростью и слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ этого требуютъ уставы фешьонебельной походки.

А Петръ Андреевичъ, быстро поднявшись со скамейки, пошелъ въ противоположную сторону неровными шагами, съ недовольнымъ выраженіемъ въ лицѣ, пробормотавъ отрывисто:

— По-крайней-мѣрѣ я доказалъ имъ, что у меня есть характеръ.

ГЛАВА IV.

Характеръ Петра Андреевича выказывается въ полной силѣ.

Вечеромъ, разсуждая обо всемъ случившемся, Угоровъ былъ очень доволенъ настоящимъ днемъ. Конечно, онъ оказалъ сначала большую слабость, при свиданіи съ Софьей Францовной, но зато потомъ, въ сценѣ съ двумя франтами, онъ, по собственному своему сознанію, былъ удивителенъ. Къ тому же въ первомъ случаѣ онъ извинялъ себя привязанностью къ дѣвушкѣ, и находилъ, что объявить себя явно ея защитникомъ — значило именно показать характеръ. При этомъ ему пришло однако же на умъ, что онъ можетъ компрометировать Софью своимъ заступничествомъ, и что поутру, въ саду, онъ черезъ-чуръ уже увлекся и сдѣлалъ ей почти формальное признаніе въ любви.

— Я поступилъ однакоже слишкомъ скоро и опрометчиво, думалъ Угоровъ. Давно ли я знаю эту дѣвушку? Мѣсяцевъ пять небольше, и то въ первые мѣсяцы я видѣлся съ нею много, что разъ въ недѣлю. Только въ послѣднее время, какъ я переѣхалъ на дачу, мѣсяца полтора тому назадъ, я сталъ видѣться съ нею очень часто въ саду, гдѣ она гуляетъ съ дѣтьми, каждый день, если хорошая погода. Я, конечно, успѣлъ узнать ее въ это время. Она очень добрая, милая дѣвушка и вовсе нетакъ необразована, какъ увѣряютъ эти фаты. У нея очень много природнаго ума, который легко развить. Даже не ушло время окончить ея воспитаніе... Къ тому же я убѣжденъ, что она любитъ меня.... Она можетъ быть прекрасной женою и матерью.... Съ чего взяли они, что она нехороша собой? Конечно, у нея не греческій профиль, но черты лица все-таки очень привлекательны. Глаза немножко малы, но скорѣе голубоватые, чѣмъ сѣрые, и очень выразительны; ротикъ маленькій, съ бѣлыми и ровными зубками, цвѣтъ лица прекрасный, даже черезъ-чуръ здоровый, волосы немного свѣтлѣе, чѣмъ у блондинокъ, но зато какіе

густые и длинные. Носъ только немного толстъ; но чтó за талія, ручка, ножка!... Ручки тоже немножко красны, но это пройдетъ; ножекъ, я, правду сказать, не видалъ хорошенько. Да однимъ-словомъ, еслибы она была даже просто дурна собою, — чтó за дѣло, если она мнѣ нравится. А я чувствую, что она мнѣ очень нравится, что я самъ люблю ее... Впрочемъ дѣло еще нетакъ далеко зашло, чтобы я не могъ остановиться... А на чтó мнѣ останавливаться? Кто запретитъ или помѣшаетъ мнѣ на ней жениться? Въ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ не слѣдуетъ однакоже торопиться. Надо ждать, какъ пойдетъ оно, какія будутъ обстоятельства, какъ поведетъ себя Софья, въ отношеніи ко мнѣ, послѣ сегодняшней сцены. Мнѣ не слѣдовало бы увлекаться до такой степени... Впрочемъ въ этомъ виноватъ не я, а случай, поставившій насъ обоихъ въ такое положеніе. Чтó если эти фаты видѣли, какъ я цѣловалъ у ней руку?... Они бы не утерпѣли и сказали бы мнѣ объ этомъ, чтобъ посмѣяться надо мною. И безъ того они поднимутъ меня на смѣхъ въ своемъ кругу... А какое мнѣ дѣло до этого!... Во всякомъ случаѣ я спрошу совѣта только у своего собственнаго сердца и ума, не обращая вниманія ни на какіе толки.

Мысли Петра Андреевича были, какъ видно, несовсѣмъ ясны, тверды и категоричны. Очевидно, что онъ еще не умѣлъ давать имъ прямое направленіе. Нравственный переворотъ случился съ нимъ еще такъ недавно, и пересоздать себя совершенно казалось ему дѣломъ очень труднымъ, которое никакъ нельзя было окончить вдругъ, съ одного присѣста.

Впрочемъ онъ готовился съ особою энергіею къ вечеру, который тетка вздумала дать въ честь его выздоровленія. Занятая приготовленіями по хозяйству, Анна Никитична не обратила вниманія на таинственный видъ племянника и на нѣкоторыя фразы, которыя вырывались у него по временамъ и въ другое время привели бы тетушку въ большое недоумѣніе. Онъ даже гласно объявилъ свое неодобреніе на счетъ нѣкоторыхъ распорядительныхъ мѣръ, и возсталъ явно противъ намѣренія тетки освѣтить терассу ихъ дачи китайскими фо-

нарями, говоря, что въ іюнѣ свѣтло и безъ фонарей. Чуть ли не въ первый разъ въ жизни тетка принуждена была уступить племяннику.

Передъ началомъ этого вечера, Угоровъ объявилъ теткѣ, что у него есть одно важное дѣло, которымъ онъ долженъ тотчасъ же заняться, и что, слѣдовательно, она должна одна принимать гостей, потому-что онъ выдетъ къ нимъ нераньше какъ часу въ одиннадцатомъ.

— Но, любезный племянникъ, гости вѣдь къ вамъ пріѣдутъ, а не ко мнѣ, замѣтила тетка.

— Но, любезная тетушка, вѣдь это вамъ вздумалось назвать гостей, а не мнѣ, отвѣчалъ племянникъ.

Этими словами и кончилось объясненіе, потому-что тетку позвали въ эту минуту куда-то по хозяйству, а племянникъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

На вечеръ Угорова съѣхалось очень много народу изъ очень порядочнаго круга. Онъ жилъ хорошо и открыто, и вечера его посѣщались съ удовольствіемъ, потому-что на нихъ веселились отъ души и всего было вдоволь, хоть нельзя сказать, чтобы вообще въ домѣ его былъ большой порядокъ. Самъ Угоровъ ни во что́ не входилъ, тетушка была плохая хозяйка, и домашніе люди, начиная съ экономки до послѣдняго поваренка, пользовались сколько могли господскимъ добромъ. Поэтому, хотя все ставилось на счетъ вдесятеро, но зато ни въ чемъ не было недостатка.

Когда Угоровъ вышелъ въ гостиную, она была полна народу; несмотря на лѣто и жаркую ночь, въ сосѣдней залѣ танцовали подъ фортепіано. Къ хозяину бросились всѣ гости съ разспросами о здоровьи, съ сожалѣніями о болѣзни, и увѣреніями въ привязанности и участіи. Угоровъ отвѣчалъ сухо и отрывисто, былъ вообще очень пасмуренъ и серьозенъ. Анна Никитична также подошла къ нему, и послѣ нѣсколькихъ восклицаній о томъ, какъ всѣ у нихъ веселятся и всѣмъ довольны, сказала:

— Кстати, говорятъ вы вчера въ саду встрѣтились съ вашими друзьями Стразовымъ и Негляковымъ. Они вамъ не говорили, куда ѣдутъ сегодня? Отчего ихъ нѣтъ у насъ?

— Оттого, что я попросилъ ихъ прекратить знакомство со мною, отвѣчалъ спокойно Угоровъ.

На этотъ разъ тетушка сильно удивилась, но удивленію ея помѣшала Анна Николаевна, подошедшая представить своихъ племянницъ. Это были три дѣвушки, очень блѣдныя, очень худыя и затянутыя въ корсетъ до послѣдней степени невозможности. Онѣ одинаково кланялись и улыбались, походка у нихъ была одна и таже; даже голосъ и манера произносить слова нараспѣвъ дѣлали ихъ до того похожими одна на другую, что трудно было различить ихъ.

— Онѣ воспитывались всѣ три въ одномъ заведеніи, сказала Анна Николаевна, оканчивая рекомендацію племянницъ.

— Это весьма замѣтно отвѣчалъ Угоровъ.

— И всѣ три вышли первыми ученицами! прибавила съ торжествомъ тетка молодыхъ дѣвушекъ.

— Это несовсѣмъ вѣроятно, сказалъ хозяинъ.

— Отчего же? спросила Анна Николаевна оскорбленнымъ и удивленнымъ тономъ.

— Оттого, что изъ трехъ только одна можетъ быть первою, а двѣ остальныя — второю и третью.

— Я хотѣла сказать, чтó онѣ всѣ три оказали одинаковые успѣхи.

— Это дѣлаетъ честь ихъ наставникамъ, отвѣчалъ также спокойно Угоровъ.

Анна Николаевна улыбалась какъ-то неоткровенно, несовсѣмъ понимая смыслъ послѣдней фразы, но не успѣла распросить, чтó хотѣлъ сказать Угоровъ, потому-что въ это время въ залѣ раздались звуки вальса, и племянницы начали дергать тетушку за рукава самымъ выразительнымъ образомъ.

Петръ Андреевичъ вышелъ за ними въ залу. Онъ искалъ кого-то глазами и брови его сдвигались все больше и больше по-мѣрѣ-того, какъ передъ нимъ проходили отдѣльныя группы гостей. Замѣтивъ на другомъ концѣ комнаты полную даму съ краснымъ лицомъ и самою будничною физіономіею,

Угоровъ пошелъ къ ней быстрыми шагами, и сказалъ отрывистымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Амалія Петровна. Чтó же вы одни? Гдѣ же ваша племянница, Софья Францовна?

— Осталась дома, съ дѣтьми, отвѣчала дама съ пренебреженіемъ. Ей надо привыкать къ хозяйству, а не къ баламъ. Я привезла къ вамъ одного добраго знакомаго съ удивительнымъ талантомъ: мосье Подшивинъ, пожалуйте сюда! Гдѣ мосье Подшивинъ?

Дама звала такъ громко, что мосье Подшивинъ услышалъ ея голосъ изъ другой комнаты и со всѣхъ ногъ бросился къ Амаліи Петровнѣ. Это былъ высокій, рослый мужчина съ большою лысиною, огромными усами и бакенбардами. Дама рекомендовала его Угорову какъ пѣвца, который легко затмитъ всѣ знаменитости итальянской оперы.

Мосье Подшивинъ уже пѣлъ намъ виравизу изъ «Соннамбулы» и арію изъ «Лукреціи Борджіа», говорила дама. Ахъ какъ это прекрасно, какъ восхитительно! Вы не слыхали? Да, вѣдь васъ не было. Вы больны, кажется. Очень жаль. Впрочемъ, мосье Подшивинъ, вѣрно, будетъ такъ добръ, что не откажется намъ спѣть чтó-нибудь или повторить виравизу.

Вмѣсто отвѣта, мосье Подшивинъ закрутилъ усы, пристукнулъ каблуками и поклонился, округляя руки и опуская голову въ высоко подтянутыя плечи.

— Я не знатокъ въ музыкѣ, отвѣчалъ холодно Угоровъ, и попрошу собственно для меня не безпокоиться. Я слышалъ о музыкальномъ дарованіи мосье Подшивина, и совершенно увѣренъ, что онъ поетъ прекрасно.

Басъ опять поклонился. За него отвѣчала Амалія Петровна:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы непремѣнно должны его слышать. По однимъ разсказамъ нельзя судить о пѣвцѣ, нельзя даже составить никакого понятія. Скажите Анатолію Карловичу, мосье Подшивинъ, чтобы онъ сыгралъ вамъ какой-нибудь акомпаньеманъ.

Мосье Подшивинъ поклонился въ третій разъ и отправил-

ся къ фортепіано. Покровительница его закричала на всю залу.

— Mesdames! мосье Подшивинъ будетъ пѣть арію.

Зала приняла это извѣстіе, повидимому, безъ особаго восторга. Нѣсколько лицъ изъ отдѣльныхъ группъ подошли къ фортепіано, съ выраженіемъ, которое можно было принять и за глубокомысліе знатоковъ, и за необходимость покориться неизбѣжной скукѣ. Остальные гости продолжали разговаривать, не обращая никакого вниманія на предостереженіе о грозившей имъ аріи.

Амалія Петровна начала было разсказывать Угорову еще что-то объ удивительномъ басѣ, но онъ прервалъ ее, сказавъ:

— Извините! я еще не видѣлъ Марьи Казимировны. Она зоветъ меня.

И онъ отправился отъ любительницы басовыхъ арій на другой конецъ залы.

На низкомъ полукругломъ диванѣ сидѣла, или вѣрнѣе, полулежала женщина въ весьма граціозномъ положеніи, которое называютъ, изъ учтивости, роскошнымъ, чтобы не сказать несовсѣмъ скромнымъ. Она была очень хороша собой, хотя далеко не первой молодости: правильныя черты лица, большіе, почти чорные, смѣлые и выразительные глаза, маленькій ротикъ, цвѣтъ лица даже несовсѣмъ естественной свѣжести и бѣлизны, полныя плечи, открытыя даже нѣсколько болѣе, чѣмъ нужно, прекрасный бюстъ, граціозная талія, несмотря на полноту всего стана, и высокій ростъ, самая аристократическая ручка и ножка, — и къ довершенію всего, кокетливый, изысканный нарядъ, отличающійся особеннымъ вкусомъ. Смотря на эту женщину, трудно было сказать, кому она была больше обязана своей красотой — природѣ или искусству; при внимательномъ разсмотрѣніи можно было даже замѣтить въ ней нѣсколько довольно рѣзскихъ недостатковъ, но съ перваго взгляда она могла произвести сильное впечатлѣніе даже на профессора астрономіи или математики.

Вокругъ этой женщины толпился кружокъ молодыхъ лю-

дей — и въ должности оныхъ; на лицахъ ихъ видно было удовольствіе принадлежать къ числу спутниковъ такого великолѣпнаго свѣтила. Болѣе всѣхъ отличался своими поклонами, вертлявостью и самою блаженною улыбкой человѣчекъ маленькаго роста, значительной толщины, завитый самымъ тщательнымъ и одѣтый самымъ безукоризненнымъ образомъ. Его полное, лоснящееся лицо, украшенное тонкими, ровными бакенбардами, сіяло такимъ удовольствіемъ, что становилось даже завидно счастію такого человѣка, незная въ чемъ состоитъ его счастіе. Онъ такъ нѣжно держалъ на лѣвой рукѣ блондовую мантилью своей дамы, какъ-будто мантилья эта была соткана изъ паутины, такъ страстно смотрѣлъ па прихотливый узоръ блондъ, какъ-будто одинъ взглядъ на нихъ переноситъ его въ седьмое небо Магометова рая. Никто не испытывалъ такого наслажденія, какъ этотъ круглый человѣчекъ при одномъ прикосновеніи къ блондовой мантильѣ.

Для контраста съ красавицей, подлѣ нея помѣщалась, грознымъ стражемъ этого сокровища, высокая и тонкая до невозможности женщина, съ крючковатымъ носомъ, зеленоватыми глазами и волосами пламеннаго цвѣта. Съ перваго взгляда не нее можно было смѣло сказать, что эта женщина Англичанка. Только одинъ «коварный Альбіонъ», какъ его называютъ Французы, имѣетъ привиллегію поставлять па весь міръ такіе носы, такіе глаза и волосы; другія страны не производятъ ничего подобнаго.

Красавица, продолжая разговаривать со своими спутниками, замѣтила однако же Угорова на противуположномъ концѣ залы и поманила его къ себѣ граціознымъ жестомъ. Несмотря на постоянную заботу о развитіи своего характера, Петръ Андреевичъ не безъ внутренняго удовольствія склонился передъ этимъ свѣтиломъ, раздвинувъ толпу его спутниковъ.

— Петръ Андреевичъ! сказала дама съ обворожительной улыбкой, протягивая два пальца Угорову, которые тотъ пожалъ самымъ почтительнымъ образомъ. Наконецъ вы явились. Право, васъ нельзя узнать. Вы, самый услужливый изъ

дамскихъ кавалеровъ, самый постоянный изъ моихъ поклонниковъ, не являетесь подлѣ меня цѣлые три часа!... Вѣрно вы были очень нездоровы.

— Нравственно, отвѣчалъ Угоровъ, нѣсколько охладѣвшій отъ словъ красавицы. Въ это время дѣйствительно со мною произошелъ очень важный переворотъ. Благодарю васъ за память обо мнѣ, но удивляюсь, что вы могли замѣтить мое отсутствіе. Въ числѣ вашихъ спутниковъ я былъ самымъ блѣднымъ и незамѣчательнымъ.

— Излишняя скромность — своего рода тщеславіе. Вы очень хорошо знаете, какъ дамы цѣнятъ ваше вниманіе и услужливость.

— Вы хотите сказать, что мои услуги заставляютъ дорожить мною. Это правда. Роль дамскаго угодника очень завидна, оказывать услуги такъ пріятно; но я долженъ признаться вамъ, Марья Казимировна, что болѣзнь измѣнила мой характеръ и сдѣлала меня, къ несчастію, вовсе нетакъ услужливымъ, какъ я былъ до-сихъ-поръ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросила съ удивленіемъ Марья Казимировна. Въ такомъ случаѣ я никогда не прощу себѣ, что лишала вашихъ дамъ такого угодника, пригласивъ васъ участвовать въ парголовской кавалькадѣ. Если не ошибаюсь, эта поѣздка была причиною вашей болѣзни и, слѣдственно, перемѣны вашего характера.

— Поѣздка эта только ускорила перемѣну, которая и безъ того произошла бы очень скоро, отвѣчалъ холодно Угоровъ.

— Надѣюсь однако же, что, принявъ на себя новую роль ненавистника женщинъ, вы не забудете, что нѣтъ правила безъ исключеній?

— Исключенія могутъ встрѣтиться въ будущемъ, хотя я и не разсчитываю на нихъ.

— Это однако же несовсѣмъ учтиво для настоящаго.

Угоровъ не отвѣчалъ, и сдѣлалъ видъ, что слушаетъ мосье Подшивина, начавшаго въ это время адажіо какой-то аріи самымъ гробовымъ голосомъ.

— Вы во-время болѣзни стали также любителемъ музыки? спросила насмѣшливо Марья Казимировна.

— Нѣтъ, но я предпочитаю лучше слушать музыку, нежели говорить то, что́ другимъ непріятно слышать, сказалъ Угоровъ.

— Неужели вы могли захворать такимъ образомъ, и отъ того только, что проѣхали верхомъ какихъ-нибудь десять верстъ! вскричала Марья Казимировна тономъ комическаго участія. Знаете что́? Вы рано вышли; вамъ бы надо было еще полечиться. Это только такъ вамъ кажется, что вы здоровы.

— Очень можетъ-быть. Мнѣ такъ напротивъ, кажется, что я до этого времени былъ болѣнъ всю свою жизнь, и выздоровѣлъ только дня три тому назадъ.

— А! Такъ это серьознѣе, чѣмъ я думала. Ваше убѣжденіе обратилось у васъ, слѣдовательно, въ постоянную идею, въ манію.

— Другими словами, вы хотите сказать, что я помѣшался. И это легко можетъ быть. Вы знаете мнѣніе доктора Крупова о томъ, что весьма многіе люди бываютъ часто, въ извѣстныя эпохи ихъ жизни, помѣшаны на чемъ-нибудь, сами того не замѣчая.

— Можно назвать помѣшаннымъ того, кто напримѣръ, день и ночь думаетъ только объ одной особѣ, замѣтилъ Семенъ Сергѣевичъ, кидая самые пламенные взгляды на красавицу.

Она повернула голову на его сторону, и взглянувъ на него черезъ плечо, сказала, сдѣлавъ скорѣе кокетливую, чѣмъ недовольную мину:

— Я не спрашивала вашего мнѣнія. Вы никакъ не могли утерпѣть, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ. Замѣтьте, что вы дѣлаете это всякій разъ, съ кѣмъ бы я ни начала говорить.

— Я и не отрекаюсь отъ этого! отвѣчалъ Семенъ Сергѣевичъ чрезвычайно развязно, съ самой любезной улыбкой.

— Знаете ли, что это можетъ надоѣсть?

— Не мнѣ! сказалъ круглый кавалеръ, улыбаясь еще интереснѣе.

— Да развѣ кто-нибудь заботится объ васъ? вскричала

Марья Казимировна, тономъ разсерженнаго ребенка. Замолчите пожалуйста и стойте смирно за диваномъ, если не хотите, чтобы я васъ прогнала отъ себя. Съ вашимъ неумѣстнымъ сужденіемъ вы только помѣшали Петру Андреевичу разсказывать чтó-то интересное о сумасшедшихъ. Вы, кажется, говорили о томъ,продолжала она, обращаясь къ Угорову, — что мы всѣ на чемъ-нибудь помѣшаны....

— Не всѣ, и не всегда, но многіе и часто, отвѣчалъ Угоровъ.

— Мнѣ любопытно бы узнать, на чемъ, напримѣръ, я помѣшана, по вашему мнѣнію?

— Я бы могъ отвѣчать на это, но вы уже сдѣлали замѣчаніе, что я неучтивъ.

— Тѣмъ скорѣе можете вы отвѣчать на мой вопросъ. Одной неучтивостью больше или меньше—ничего не значитъ. Къ тому же я сегодня въ хорошемъ расположеніи духа, и по этому обѣщаю вамъ спокойно и не сердясь выслушать самое обидное сужденіе обо мнѣ.

— Но я право не знаю, какъ сказать вамъ....

— Говорите не запинаясь. Я позволяю вамъ быть откровеннымъ до цинизма. Мнѣ хочется услышать колкости, хотя для контраста. Я такъ давно не слышу ничего, кромѣ мадригаловъ... Семенъ Сергѣичъ, пожалуйста не улыбайтесь. За улыбкой у васъ всегда готовъ комплиментъ. Если я когда-нибудь сойду съ ума, такъ именно отъ вашихъ комплиментовъ. Петръ Андреевичъ, я васъ слушаю. Не конфузьтесь и не ищите фразъ. Говорите прямо ваше мнѣніе, съ хладнокровіемъ стоика.

Послѣднія слова придали снова твердость Угорову, начинавшему уже было теряться отъ ироническаго тона и быстрыхъ взглядовъ Марьи Казимировны. Онъ принудилъ себя взглянуть ей прямо въ глаза, чтó было чрезвычайно трудно сдѣлать даже не Петру Андреевичу, и хотѣлъ уже отвѣчать, но, къ досадѣ красавицы, ихъ прервали въ другой разъ.

— Петръ Андреичъ! Васъ ли я вижу! Какъ это вы оставили вашу Ѳиваиду? сказалъ кто-то за его спиною довольно неестественнымъ и непріятнымъ голосомъ.

Угоровъ оглянулся, и на лицѣ его изобразилась смѣсь досады съ неудовольствіемъ, хотя особа, обратившаяся къ нему, не заслуживала, повидимому, ни того, ни другаго.

Это была дѣвушка низенькаго росту, сутуловатая, немножко кривобокая, довольно полная, съ открытыми плечами, въ бѣломъ платьѣ, длинномъ розовомъ кушакѣ и локонахъ à la Севинье. Лицо этой дѣвушки было весьма обыкновенное, вседневное; въ немъ поражали непріятнѣе всего желтоватая и даже зеленоватая блѣдность и впалые глаза, обведенные темнымъ оттѣнкомъ, которымъ она старалась придавать выразительность, закатывая ихъ подъ лобъ во-время разговора, безъ всякой побудительной причины.

— Мамзель Подзорова! сказалъ Угоровъ, сухо кланяясь. Кажется, что всѣ ваши вопросы мнѣ бы слѣдовало сдѣлать вамъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы вы вернулись въ Петербургъ изъ вашего роднаго города?

— Неужели вы думали, что я рождена прозябать въ провинціи! отвѣчала дѣвица Подзорова, обиженно-натянутымъ тономъ. Я устроила только свои дѣла въ этомъ уѣздномъ городѣ — но жить въ немъ!... Развѣ тамъ могли понять и оцѣнить меня?... Съ такимъ воспитаніемъ, какое я получила, можно только въ Петербургѣ выносить кое-какъ бремя этой несносной жизни.

— Гдѣ же можно жить по вашему? спросилъ съ усмѣшкой Угоровъ.

— Нигдѣ. Вездѣ, гдѣ люди — тамъ страданія. Живешь потому, что живется, но просить и ждать чего-нибудь отъ этой жизни, дорожить ею могутъ только матеріальныя натуры. Впрочемъ теперь не время и не мѣсто говорить о такихъ предметахъ; я надѣюсь возобновить съ вами, впослѣдствіи, наши старинные споры о назначеніи человѣчества, и доказать вамъ, какъ вы ошибались, говоря, что жизнь сама по себѣ величайшее благо, и что всякій можетъ найти въ ней счастіе, если не будетъ требовать отъ нея невозможнаго. Я всего дней пять какъ пріѣхала сюда, успѣла побывать у васъ, узнала отъ Анны Никитичны, что вы не здоровы, и получила отъ нея приглашеніе на сегодняшній вечеръ.

Вы, вѣрно, будете танцовать со мною, какъ ни смѣшно это занятіе. Мы поговоримъ покамѣсть хотя о чемъ-нибудь. Вы разскажете мнѣ всѣ новости, все, что́ безъ меня здѣсь было. Не вышло ли какихъ-нибудь новыхъ книгъ, разумѣется кромѣ романовъ, которыхъ, вы знаете, я не читаю.

Марья Казимировна слушала съ особымъ вниманіемъ всѣ эти напыщенныя фразы дѣвицы Подзоровой, отзывавшіяся педантствомъ и страшными претензіями. Угоровъ покраснѣлъ отъ досады и отвѣчалъ отрывисто :

— Признаюсь вамъ, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія возобновлять наши прежніе споры ; они будутъ только напрасною тратою времени, потому-что меня вы не убѣдите въ томъ, что я ошибаюсь, а васъ я не берусь переувѣрить ни въ чемъ, какъ бы ни было твердо мое собственное убѣжденіе. Вы меня извините также, если я не буду танцовать— я еще несовсѣмъ здоровъ. Что́ касае́тся до новостей — вы знаете, я не мастеръ и не охотникъ пересказывать. Книгъ новыхъ не вышло никакихъ, кромѣ тѣхъ, которыя вы взяли у меня, уѣзжая въ вашъ городъ.

— Ахъ да, вы, вѣрно, извините меня, что ваши книги пропали у меня, сама не знаю какъ, сказала дѣвица Подзорова очень спокойнымъ голосомъ. При множествѣ моихъ занятій, я не замѣтила куда онѣ дѣвались. Очень жаль, что это были все старинныя и рѣдкія книги — въ противномъ случаѣ я бы возвратила вамъ новыя; но этихъ нигдѣ нельзя достать.

— Я до-сихъ-поръ не зналъ, что книги эти пропали, и вы совершенно правы, говоря, что потеря эта невознаградима. Я, помнится, писалъ вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, справляясь объ участи моихъ книгъ, но не удостоился получить отъ васъ никакого отвѣта.

—Да, помню. Я не отвѣчала вамъ потому, что была очень занята въ это время моими записками. Впрочемъ сто́итъ ли говорить объ этомъ. Разскажите мнѣ лучше, что́ дѣлали здѣсь безъ меня наши общіе знакомые ? Вспоминали ли они обо мнѣ ?

— Какъ же, и такъ радовались, слыша, что вы устроили въ вашемъ городѣ всѣ ваши дѣла и купили тамъ домъ. Прі-

каль вашъ будетъ для всѣхъ самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Вы конечно извините меня. Марья Казимировна ожидаетъ отъ меня окончанія одного анекдота.

И не дожидаясь отвѣта дѣвицы Подзоровой, Угоровъ быстро отвернулся отъ нея и началъ говорить по-англійски:

— Будьте такъ добры и улыбайтесь мнѣ. Я такъ разсерженъ, что не могу даже ничего говорить, а мнѣ надо какъ-нибудь отвязаться отъ этой мисъ. Пусть она подумаетъ, что я разсказываю вамъ чтó-нибудь интересное. По счастью, занимаясь философіей и алгеброй, она не знаетъ англійскаго языка.

Дѣвица Подзорова осмотрѣла между-тѣмъ въ лорнетъ Марью Казимировну, и сказала съ видимой злостью:

— Не хочу мѣшать вамъ, и охотно вѣрю, что новыя знакомства для васъ интереснѣе старыхъ. Меня, конечно, не могутъ занимать ваши анекдоты.

И она отошла отъ Угорова поступью трагической героини, размахивая лорнетомъ, раскачивая станомъ.

— Чтó это за оригинальное созданіе? спросила Марья Казимировна.

— Больше, чѣмъ оригинальное — невыносимое, отвѣчалъ Угоровъ. Вы могли замѣтить, по немногимъ словамъ, педантизмъ этой дѣвушки. Неглупая отъ природы, недурно воспитанная, она имѣла несчастіе прочесть нѣсколько философскихъ книгъ, и не понявъ ихъ, вообразила себѣ, что она философка; она съ-тѣхъ-поръ сочла своею обязанностью обратиться къ изслѣдованію важнѣйшихъ вопросовъ въ жизни человѣчества. Надо послушать, какъ она разрѣшаетъ ихъ!... Я когда-то имѣлъ глупость вступать съ нею въ философскіе диспуты и даже сообщать ей кой-какія новыя изслѣдованія по этой части, потому-что дѣвица Подзорова остановилась на прочитанныхъ ею книгахъ и не пошла далѣе.

— Вы однако же дѣйствительно перемѣнились, сказала Марья Казимировна. Сколько я могу судить по первому взгляду — эта дѣвушка должна имѣть очень злой языкъ, а вы сказали ей нѣсколько колкостей, которыхъ злопамятный человѣкъ никогда не проститъ.

— Она дѣйствительно большая сплетница, и въ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась до своего отъѣзда въ провинцію, всѣ боялись ея языки, потому-что она перессорила тамъ почти всѣхъ учителей, гувернантокъ и воспитанницъ; но еслибы она и сочинила про меня какую-нибудь сплетню, теперь я только улыбнусь. Прежде я точно услуживалъ всѣмъ, даже дѣвицѣ Подзоровой.

— Оставимте однакоже эту дѣвицу и обратимтесь къ нашему прежнему разговору. Я очень хорошо понимаю ее. Она не можетъ блеснуть ни красотою, ни любезностью, ни веселостью, ни добротою, и потому хочетъ сдѣлаться замѣтною — ученостью, скептицизмомъ и разочарованностью. Это тоже своего рода кокетство, только вовсе неостроумное.

— Кокетство — остроуміе красоты, Марья Казимировна, замѣтилъ Семенъ Сергѣевичъ съ довольной улыбкой, точно также какъ остроуміе кокетство ума.

— Замѣчаніе ваше очень мило, Семенъ Сергѣичъ, отвѣчала дама: но во-первыхъ, я не спрашивала вашего мнѣнія объ этомъ и оно вовсе неумѣстно, а во-вторыхъ, это вѣрно сказалъ Сю или Дюма, но никакъ не вы. Съ вашимъ афоризмомъ вы помѣшали только Петру Андреичу сказать мнѣ наконецъ, на чемъ я помѣшана.

— Я скорѣе далъ ему время обдумать отвѣтъ, проговорилъ нѣсколько сконфуженный спутникъ свѣтила.

— Я вовсе ничего не обдумываю, сказалъ рѣзко Угоровъ и если вы хотите непремѣнно знать мое мнѣніе, то я скажу вамъ прямо : вы помѣшаны на томъ, что никто не въ силахъ устоять противъ вашей красоты и любезности.

— И вѣроятно, моя идея, какъ идеи всѣхъ помѣшанныхъ ложная и несбыточная ? спросила съ улыбкой Марья Казиміровна.

— Вѣроятно ! отвѣчалъ спокойно Петръ Андреичъ.

Щечки красавицы, какъ ни были румяны, покраснѣли еще болѣе. Она посмотрѣла на Угорова такъ грозно и торжественно, что онъ не могъ вынести блеска этихъ глазъ, и поклонившись, чтобы не смотрѣть на нее, быстро отошелъ отъ нея въ другую комнату.

ГЛАВА V.

Петръ Андреевичъ не знаетъ, что́ ему дѣлать со своимъ характеромъ.

На другой день между знакомыми Угорова только и было толковъ, что объ его вечерѣ. Всѣ въ одинъ голосъ удивлялись перемѣнѣ, происшедшей въ хозяинѣ, и не понимали отчего она произошла. Почти каждому изъ гостей Угоровъ сказалъ что́-нибудь рѣзкое, странное, щекотливое; обо всемъ отзывался онъ съ такою грубою правдою, такимъ неразборчивымъ языкомъ, что многіе даже положили отдаляться отъ него. Прежняго милаго, скромнаго, любезнаго, услужливаго, уступчиваго Петра Андреевича не было и въ поминѣ.

Тетушка Анна Никитична не могла также не замѣтить перерожденія своего племянника, и сбиралась поговорить съ нимъ объ этомъ на другой день, но онъ предупредилъ ее, приславши просить ее къ нему въ кабинетъ.

Странную рѣчь произнесъ Угоровъ, сидя за столомъ, заваленнымъ бумагами и счетами. Онъ сказалъ теткѣ, что хозяйство у нихъ идетъ изъ-рукъ-вонъ дурно, что ихъ обираютъ самымъ явнымъ и безсовѣстнымъ образомъ, что они могли бы издерживать вдвое меньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ жить вдвое лучше настоящаго. Онъ привелъ нѣсколько самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ всему, о чемъ говорилъ. Тетка слушала его съ какимъ-то растерянным видомъ, и по окончаніи рѣчи сочла нужнымъ выставить себя обиженною.

— Я не понимаю, для чего вы говорите мнѣ все это? сказала она полу-плаксивымъ, полу-оскорбленнымъ тономъ. Что-жъ, по вашему, я причиною всѣхъ этихъ неустройствъ и безпорядковъ, потому-что не умѣю смотрѣть за хозяйствомъ? Не думаете ли вы, что я имѣю въ этомъ свой интересъ. Такого обиднаго подозрѣнія я не ожидала отъ сына моего роднаго брата, кому я посвятила лучшіе дни моей молодости, заботясь о его воспитаніи!...

Анна Никитична при этихъ словахъ вызвала на свои об-

лезшія рѣсницы нѣсколько капель слезъ, и живописно прикрыла ихъ носовымъ платкомъ; но этотъ маневръ не произвелъ никакого дѣйствія на племянника. Онъ отвѣчалъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ :

— Оставьте, пожалуйста, ваши громкія фразы и слезы. Я давно знакомъ съ ними и предупреждаю васъ, чтобы впередъ вы не трудились расточать ихъ : они будутъ совершенно напрасны и безполезны. Не перетолковывайте также моихъ словъ. Я никогда не думалъ, чтобы вы могли находить свои выгоды въ плохомъ управленіи моимъ хозяйствомъ; но занятые вашими нарядами, городскими и свѣтскими сплетнями, визитами и гостями, вы не обратили должнаго вниманія на это хозяйство, и ввѣрились слишкомъ довѣрчиво людямъ, обманывавшимъ васъ явно и безсовѣстно. Впрочемъ я больше васъ виноватъ въ плохомъ устройствѣ моего дома, потому-что самъ ни во-что не входилъ и не требовалъ ни какого отчета. По этому я рѣшаюсь сколько можно поправить прошедшее, и принимаю съ-этихъ-поръ на себя главный надзоръ за всѣмъ хозяйствомъ. Ни одинъ расходъ по дому не будетъ сдѣланъ безъ моего предварительнаго разрѣшенія. Всѣхъ имѣющихъ какіе-нибудь счеты или требованія прошу присылать ко мнѣ. Вамъ предоставляю я надзоръ за вещами и за всѣмъ, чтó есть въ домѣ, распоряженія по столу и буфету; но всякую уплату и смѣту по этимъ расходамъ вы позволите мнѣ принять на себя.

— Вы хозяинъ — и имѣете полное право распоряжаться какъ вамъ вздумается, отвѣчала Анна Никитична уже не оскорбленнымъ, а скорѣе оскорбительнымъ тономъ. Я не смѣю сказать ни слова, живя изъ милости въ вашемъ домѣ. Вы можете прогнать меня на улицу, заставить протягивать руку жестокосердымъ прохожимъ, умирать съ голоду и холоду.

И говоря это, тетушка терла сухіе глаза батистовымъ платкомъ, обшитымъ валансьенскими кружевами, пропитаннымъ запахомъ eau de mille fleurs и распускала на шеѣ, отъ жару, крепоновый платочекъ, привезенный изъ Парижа и запла-

ченный во французскомъ магазинѣ по парижской цѣнѣ, считая франкъ въ три цѣлковыхъ.

— Опять преувеличенія! вскричалъ въ досадѣ Угоровъ. Вѣрно вы никогда не отучитесь отъ книжныхъ фразъ, также какъ и отъ французскихъ словъ, которыя, сказать мимоходомъ, вы самымъ неудачнымъ образомъ разсыпали на вчерашнемъ вечерѣ. Изъ уваженія къ моему покойному отцу и по долгу родства, я бы никогда не разстался съ вами, еслибы вы имѣли вдесятеро больше слабостей и недостатковъ. Но если вамъ, по какому-нибудь капризу или изъ желанія играть роль гонимой страдалицы и невинной жертвы, вздумается самой оставить меня — я не держу васъ. Въ другомъ мѣстѣ вы можете найти болѣе свободы, комфорта и удовольствій, чѣмъ въ моемъ домѣ; — отъ васъ зависитъ выйдти изъ него, если я мучаю васъ или налагаю на васъ слишкомъ стѣснительныя условія. Вижу, что вы не шутя хотите заплакать, и потому прошу васъ сдѣлать это, по-крайней-мѣрѣ, въ своей комнатѣ. Мнѣ еще надо многимъ заняться, и вы знаете, что я не люблю истерикъ и обмороковъ.

Не отвѣчая ни слова, но вымѣрявъ племянника съ ногъ до головы взглядомъ, по ея мнѣнію убійственнымъ, тетушка вышла изъ кабинета, походкой Семирамиды....

На другой же день весь кругъ знакомыхъ Угорова заговорилъ о томъ, что онъ вздумалъ самъ хозяйничать — и это извѣстіе еще болѣе всѣхъ изумило и озадачило. Петръ Андреевичъ сталъ рѣшительно единственнымъ предметомъ разговоровъ и сужденій цѣлаго общества извѣстныхъ лицъ.

Большаго труда стоило ему однакоже управиться съ этимъ хозяйствомъ и привести его въ должный порядокъ. Нѣсколько разъ, запутавшись въ хитросплетенныхъ счетахъ, утомленный ежеминутными непріятностями, наскучивъ самыми прозаическими подробностями, онъ хотѣлъ бросить все и остаться попрежнему въ своемъ спокойномъ и блаженномъ невѣдѣніи этихъ житейскихъ дрязгъ и мелочей. Но воспоминаніе о характерѣ заставляло его съ новымъ жаромъ приниматься за эту авгіеву работу, для которой онъ былъ далеко не геркулесомъ.

Въ эти минуты для него было всего больнѣе сознаніе, что для подобныхъ трудовъ его терпѣнія станетъ ненадолго. «Развѣ характеръ укрѣпится», думалъ онъ, но характеръ укрѣпляется съ годами, а терпѣніе его истощалось съ каждымъ днемъ. Потомъ ему приходило на мысль, неужели нельзя избавиться отъ этого скучнаго занятія, вовсе ему несроднаго.—«Не всѣ же люди похожи на мошенниковъ, обкрадывавшихъ меня, и на Анну Никитичну, позволявшую меня обкрадывать», думалъ онъ.—«Неужели я не найду порядочнаго человѣка, который управлялъ бы моимъ имѣніемъ и хозяйствомъ.» Но тутъ ему приходили на мысль всѣ поговорки о хозяйскомъ глазѣ, всѣ преданія объ управителяхъ, и онъ не зналъ, на что́ рѣшиться. Въ эти тяжелыя минуты, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, стала его тревожить мысль о женитьбѣ.

Онъ просидѣлъ опять нѣсколько дней дома, хотя погода была прекрасная и даже жаркая. Какое-то странное чувство, въ которомъ онъ не хотѣлъ отдать себѣ отчета, мѣшало ему отправиться въ садъ Лѣснаго-Корпуса. Но въ это время онъ получилъ неожиданно приглашеніе отъ Амаліи Петровны на обѣдъ, по случаю какого-то семейнаго праздника.

Сначала онъ положилъ не ѣхать къ тетушкѣ Софьи Францовны. Потомъ это показалось ему слабостью характера, и онъ поѣхалъ.

— Что́ жъ, думалъ онъ по дорогѣ: если тамъ и будутъ Стразовъ съ Негляковымъ и другими подобными лицами, я очень легко могу не говорить съ ними. Въ большомъ обществѣ это не будетъ замѣтно; можно избѣгнуть всѣхъ случаевъ оставаться наединѣ съ тѣми, кого не хочешь видѣть.

И онъ твердыми шагами взбѣжалъ на крыльцо дома Амаліи Петровны.

— Господа всѣ съ гостями въ саду-съ! сказалъ лакей, снимая пальто съ Угорова.

— Хорошо! я пройду въ садъ черезъ гостиную, отвѣчалъ онъ, продолжая также спокойно идти по комнатамъ.

Поднявъ портьеру въ гостиную, онъ однакоже остановился. Спиной къ нему, у окна, сидѣла дѣвушка съ книгой

въ рукахъ. При входѣ его въ гостиную, она обернулась и вскричала съ непритворною радостью, вскакивая со стула:

— Петръ Андреичъ! Наконецъ!

— Софья Францовна! сказалъ едва слышно Угоровъ, поблѣднѣвъ отчего-то.

— Вы, вѣрно, опять хворали? спросила она съ участіемъ. Скажите, чтó же это съ вами. Отчего вы серьозно не лечитесь? Надо беречь себя, Петръ Андреичъ. Стыдно все быть больнымъ.

— Я не былъ болѣнъ это время, а такъ.... занимался дѣлами, устройствами разными, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Угоровъ.

— Какія же дѣла могли васъ заставить забыть о томъ, что васъ всякое утро дожидаются на музыкѣ въ саду? спросила дѣвушка съ лукавой улыбкой, опуская глазки.

— У меня были очень важныя занятія, сказалъ Угоровъ, также глядя въ землю.

— Ахъ да, скажите, чтó у васъ случилось тамъ на вечерѣ. Всѣ ваши знакомые, которые у насъ бывали, толкуютъ о томъ, что васъ нельзя узнать, что вы какъ-то странно ведете себя, совсѣмъ непохожи на прежняго Петра Андреича.

— Какъ же они объясняютъ эту перемѣну? Чтó говорятъ о моемъ характерѣ?

— О характерѣ? ничего! отвѣчала дѣвушка. Говорятъ только, что вы со многими объяснялись очень рѣзко. Одни приписываютъ перемѣну въ васъ болѣзни, другіе.. .

Болѣзни! вскричалъ съ досадою Угоровъ. Для нихъ болѣнъ тотъ, кто непохожъ на нихъ. А чтó говорятъ другіе?..

— Другіе.... что вы влюблены! сказала краснѣя Софья.

— Влюбленъ! повторилъ тѣмъ же тономъ Угоровъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ и безпокойствомъ. Онъ встрѣтилъ этотъ взглядъ и смутился еще болѣе. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, тяжелое для обоихъ.

— У васъ много гостей? спросилъ наконецъ Угоровъ, чтобы спросить о чемъ-нибудь?

— Чтó за дѣло мнѣ и вамъ до этого! сказала съ упре-

комъ дѣвушка. Развѣ вы для нихъ пришли сюда. Развѣ вамъ нечего сказать мнѣ?

И она подняла на него свѣтленькіе глазки, полные опасенія и привязанности. Онъ отвѣчалъ несовсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Не пойти ли намъ въ садъ? Человѣкъ могъ сказать хозяевамъ, что я уже здѣсь. Могутъ выдти сплетни, если узнаютъ, что я такъ долго оставался съ вами вдвоемъ въ гостиной.

— За себя или за меня боитесь вы? вскричала Софья съ раскраснѣвшимися щечками, оскорбленная, взволнованная.

— Какой вопросъ! я мужчина, но васъ могутъ компрометировать злые языки, могутъ подумать....

— Чтó подумать!... Развѣ мы чужіе теперь, послѣ разговора въ саду? Развѣ вы побоитесь сказать другимъ.... этимъ дамамъ, что вы предпочли имъ меня, хотя я небогата, необразована и нетакъ хороша, какъ всѣ онѣ?...

Положеніе Угорова становилось въ высшей степени затруднительно. Онъ чувствовалъ, что любитъ Софью, но не рѣшался сказать ей этого прямо, сдѣлать такой рѣшительный и невозвратный шагъ. Съ другой стороны молчать — значило уничтожить всѣ надежды дѣвушки, убить въ ней любовь, счастіе, довѣренность. Одно слово могло навсегда рѣшить ея и его участь. Онъ чувствовалъ это и не зналъ, чтó ему дѣлать. Холодный потъ выступилъ на лбу у него, отъ внутренней борьбы съ самимъ собою. Онъ чувствовалъ, что могъ бы упасть въ обморокъ, еслибы это не было стыдно и неприлично.

Въ это время вошла въ гостиную дѣвица Подзорова.

Вѣроятно, никогда и никто не встрѣчалъ съ такою радостью дѣвицу Подзорову. Со стороны можно было подумать, что встрѣчаются самые пламенные друзья; только одинъ другъ былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ обрадованъ неожиданному и необъяснимому восторгу другаго, и смотрѣлъ какъ-то подозрительно на дѣвушку и на Угорова.

— Чтó это вы такъ любезны сегодня, Петръ Андреичъ? отвѣчала дѣвица Подзорова на изъявленія радости и удо-

вольствія Угорова. Вѣроятно, это еще остатокъ той любезности, съ которою вы здѣсь разговаривали до моего прихода. Извините, что я помѣшала вамъ.

— Вы нисколько не помѣшали! сказалъ съ живостью Угоровъ. Я только что вошёлъ и мы разговаривали съ Софьей Францовной.... о книгѣ, которую она читала.

— Право? это однако должно-быть очень занимательная книга, судя по жару, съ которымъ вы объ ней разговаривали. Нельзя ли узнать названіе?

— Неужели васъ могутъ интересовать наши пустыя свѣтскія сочиненія, говорилъ Угоровъ, съ замѣшательствомъ взглядывая на дѣвушку и ожидая, чтобы она вывела его изъ затруднительнаго положенія, назвавъ книгу, на которую онъ не думалъ обращать вниманія,

Но бѣдная дѣвушка стояла блѣдная, взволнованная, опустивъ голову на грудь, не слыша и не видя ничего, чтó происходитъ вокругъ нея, задумавшись о словахъ Угорова, пораженная грустнымъ предчувствіемъ близкаго разрушенія надеждъ и счастія....

Угорову оставалось одно средство. Онъ быстро схватилъ книгу и подалъ ее дѣвицѣ Подзоровой, въ то время какъ она говорила, съ злой улыбкой.

— Вы, кажется, не знаете даже названія книги, о которой такъ жарко разсуждали?

Петръ Андрѣевичъ говорилъ, въ тоже время посматривая искоса на обертку:

— Взгляните сами, если васъ занимаетъ....

Онъ не кончилъ фразы, потому-что Подзорова разсмѣялась въ это время рѣзкимъ и неестественнымъ смѣхомъ.

— И вы хотите увѣрить меня, что разговаривали о «Другѣ Дѣтей», сказала она, съ пренебреженіемъ бросая книгу на окно. Не объ ней же думаетъ теперь мамзель Шрекъ?

Софья Францовна не слыхала даже этихъ словъ. Подзорова съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Видя, что она ничего не замѣчаетъ, Угоровъ рѣшился на поступокъ несовсѣмъ рыцарскій, чтобы оправдать себя, и нагнувшись къ уху дѣвицы Подзоровой, сказалъ съ принужденною любезностью.

— Вы знаете, что всякое другое чтеніе будетъ выше ея понятій....

Чувства человѣка имѣютъ часто странныя свойства, совершенно противорѣчащія одно другому. Ничего неслыхавшая до этой минуты, Софья услышала очень явственно эти слова, хотя они были сказаны почти шопотомъ....

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она не сказала ни слова, даже не взглянула на Угорова, и тихими шагами вышла изъ гостиной. Ему также шепнулъ какой-то внутренній голосъ, что она все слышала; при этой мысли кровь хлынула ему въ голову и онъ готовъ былъ броситься вслѣдъ за Софьей. Но дѣвица Подзорова посмотрѣла на него въ это время съ такимъ лукаво-злымъ выраженіемъ, что имъ снова овладѣла нерѣшительность.

Потомъ въ комнату вошло еще нѣсколько гостей, и Угоровъ долженъ былъ поддерживать общій разговоръ. Потомъ явились хозяева съ остальнымъ обществомъ, и онъ не могъ уже найти ни минуты свободной поговорить съ Софьей Францовной. Ему казалось страннымъ подойти къ ней при всѣхъ; къ тому же она хлопотала по хозяйству, поминутно выходила изъ комнатъ, исполняя различныя приказанія Амаліи Петровны. Такимъ-образомъ прошелъ весь день и вечеръ, и больше ничего не случилось особеннаго съ Петромъ Андреевичемъ. Нѣкоторые изъ гостей говорили съ нимъ очень мало, какъ-будто боясь новыхъ выходокъ всегда непріятной правды. Хозяева обходились съ нимъ впрочемъ очень ласково. Онъ замѣтилъ также, что дѣвица Подзорова долго говорила съ Стразовымъ, и что потомъ Стразовъ также долго разговаривалъ съ Марьей Казимировной; послѣднее ему почему-то не понравилось. Марья Казимировна была однакоже внимательна къ нему, какъ всегда, и также долго говорила съ нимъ о свѣтскихъ новостяхъ, не упоминая ни слова о томъ, что происходило у него на вечерѣ. Между-прочимъ она пеняла, что онъ давно не былъ у нея, и взяла съ него слово пріѣхать къ ней послѣзавтра вечеромъ, запросто. Онъ обѣщалъ, очень довольный тѣмъ, что она не вспоминаетъ о послѣднемъ ихъ

разговорѣ, который казался ему теперь несовсѣмъ учтивой выходкой.

Весь слѣдующій день онъ провелъ опять за счетами, чтó надоѣло ему больше чѣмъ когда-нибудь. На третій день онъ отправился къ Марьѣ Казимировнѣ.

Ему сказали, что она переодѣвается, пріѣхавъ съ прогулки верхомъ, и проситъ подождать. Въ передней увидѣлъ онъ знакомое ему свѣтлогороховое пальто, и спросилъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, все еще надѣясь, что ошибается.

— У Марьи Казимировны есть кто-нибудь?

— Какъ-же-съ, отвѣчалъ лакей. Съ ними ѣздили кататься Семенъ Сергѣичъ, и теперь отдыхаютъ въ гостиной.

— Это любопытно! подумалъ Угоровъ. Неужели она ни на часъ не можетъ обойтись безъ этого господина.

И почти съ досадой онъ толкнулъ дверь въ гостиную, гдѣ въ круглыхъ креслахъ лежалъ Семенъ Сергѣевичъ, пыхтя и отдуваясь отъ недавней прогулки.

Угоровъ сухо поклонился ему и сталъ перебирать альбомы и кипсеки, отвѣчая отрывисто на вопросы о разныхъ свѣтскихъ толкахъ.

— Марья Казимировна ждала васъ сегодня, Петръ Андреевичъ, говорилъ Семенъ Сергѣевичъ съ своей вѣчной улыбкой, никогда несходившей съ губъ его, какъ-будто ихъ пришпилили булавкой въ этомъ положеніи.

— Да, она звала меня еще у Амаліи Петровны, отвѣчалъ разсѣянно Угоровъ, усаживаясь въ козетку, и взявши англійскую иллюстрацію.

— Мы говорили объ васъ во-время прогулки. Марья Казимировна весьма хорошо отзывается объ васъ.

Угоровъ молча наклонилъ голову надъ листомъ журнала.

— Она интересовалась знать ваше положеніе, нѣкоторыя подробности о вашей жизни. Я разсказалъ ей, чтó зналъ.

— Хорошее или дурное?

— Какъ можно дурное! Разумѣется хорошее. Дурнаго я ничего не знаю за вами, и даже не предполагаю, чтобы оно было.

— Вы слишкомъ снисходительны. Дурное есть въ каж-

домъ человѣкъ. И того довольно, если оно уравновѣшивается хорошимъ. Тотъ, въ комъ хорошаго больше — рѣдкій человѣкъ.

— Вы слишкомъ мизантропически смотрите на свѣтъ, замѣтилъ Семенъ Сергѣевичъ.

— А вы слишкомъ идеалистически.

Оба замолчали.

— «Что́, если я попробую вывѣдать у этого тюленя, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ къ Марьѣ Казимировнѣ, подумалъ Угоровъ. И не знаетъ ли онъ объ ней чего-нибудь особеннаго.

И обернувшись къ своему собесѣднику съ самой ласковой улыбкой, онъ сказалъ, подвигая кресла:

— Вы были знакомы съ покойнымъ мужемъ Марьи Казимировны?

— Очень мало. Генералъ Свѣчовскій отличался угрюмымъ характеромъ. Онъ выѣзжалъ очень рѣдко и къ себѣ почти никого не принималъ. Я познакомился съ нимъ у одной его родственницы, и всего разъ пять бывалъ у нихъ въ домѣ, до его смерти.

— Онъ умеръ, кажется, отъ холеры?

— Нѣтъ, отъ воспаленія въ легкихъ, на Кисингенскихъ водахъ.

— Марья Казимировна, кажется, очень хорошо расположена къ вамъ?

— Да, она, можно сказать, обходится со мною какъ съ другомъ, отвѣчалъ Семенъ Сергѣевичъ съ замѣтнымъ самодовольствіемъ.

— Не болѣе? спросилъ улыбаясь Угоровъ.

— Покамѣстъ — не болѣе, сказалъ еще довольнѣе круглый обожатель.

— Значитъ, у васъ есть надежда на будущее?

Семенъ Сергѣевичъ значительно кивнулъ головою.

— Что́ жъ, партія недурная, сказалъ Угоровъ несовсѣмъ равнодушно. У нея, кажется, очень порядочное состояніе?

— Очень.

— Если я не ошибаюсь, у васъ тоже деревня гдѣ-то на югѣ.

— Да, я тоже кой-что́ имѣю! отвѣчалъ уклончиво Семенъ Сергѣевичъ.

— Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны, если я спрошу, рѣшено ли у васъ что́-нибудь съ Марьей Казимировной?

— Это пока секретъ, отвѣчалъ обожатель.

— Значитъ вретъ! подумалъ Угоровъ.

Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ сказалъ вслухъ:

— Если вы такъ давно знаете Марью Казимировну, потому-что со смерти ея мужа прошло, кажется, шесть лѣтъ, вамъ, вѣрно, случалось слышать о какой-то исторіи, бывшей съ нею во Флоренціи. Говорили, вѣроятно, вздоръ, о какомъ-то тосканскомъ графѣ, путешествовавшемъ съ нею по Италіи, и оказавшемся въ своемъ отечествѣ сыномъ парикмахера.

— Все, что́ злые языки и невѣжи распространяютъ о Марьѣ Казимировнѣ, нелѣпая выдумка или наглая клевета! отвѣчалъ съ жаромъ Семенъ Сергѣевичъ.

— «Онъ что́-то горячо вступается за нее. Стало-быть въ этихъ толкахъ есть частица правды», подумалъ Угоровъ.

— «Чего добивается этотъ господинъ? думалъ въ свою очередь поклонникъ вдовы. Ужъ не сбирается ли и онъ ухаживать за нею? Я отобью ему крылья.

И принявъ на себя равнодушный видъ, онъ сказалъ вслухъ:

— Впрочемъ, вы можете, всего лучше разспросить объ этой исторіи у самой Марьи Казимировны. Она съ удовольствіемъ разсказываетъ этотъ анекдотъ, въ которомъ много смѣшнаго.

И улыбаясь очень привѣтливо, Семенъ Сергѣевичъ говорилъ между-тѣмъ про себя:

— Спроси только объ этомъ, любезный, и Марья Казимировна никогда не проститъ тебѣ этого воспоминанія о заблужденіяхъ ея молодости.

— Меня нисколько не занимаетъ эта исторія, отвѣчалъ спокойно Угоровъ, и я спросилъ объ ней мимоходомъ:

А про себя онъ думалъ между-тѣмъ:

— Ты умѣешь, не только говорить, но и молчать. Этого достоинства я не зналъ за тобою. Непремѣнно разспрошу объ этой исторіи у перваго сплетника.

Въ эту минуту дверь въ гостиную отворилась. Гости вскочили съ своихъ мѣстъ съ самой пріятной улыбкой, измѣнившейся въ гримасу, когда дверь затворилась за длинной Англичанкой.

Мисъ Сусъ поздоровалась съ гостями ломанымъ французскимъ языкомъ, и сказала, что мадамъ Свѣнчовская проситъ извиненія въ томъ, что долго одѣвается и отдыхаетъ послѣ прогулки. Потомъ, обратившись къ Семену Сергѣевичу, она прибавила:

— Марья Казимировна просила напомнить вамъ, что вы обѣщали привезти ей какія-то растенія изъ Ботаническаго-сада. Она говоритъ, что вы успѣли бы съѣздить теперь, и вернуться къ чаю.

— Но помилуйте, отсюда на Аптекарскій больше часу ѣзды. Право не знаю, отчего это Марьѣ Казимировнѣ вздумалось непремѣнно сегодня имѣть эти растенія.

— И я не знаю, отвѣчала компаньонка. Я передаю вамъ только ея слова.

Семенъ Сергѣевичъ взялся за шляпу съ видимымъ неудовольствіемъ.

— И послѣ двухъ-часовой прогулки верхомъ! Это безсовѣстно! проворчалъ онъ, натягивая перчатки.

— Кто же мѣшаетъ вамъ отказаться сегодня отъ этого порученія, и исполнить его завтра? спросилъ Угоровъ съ улыбкой торжества.

— Помилуйте! говорилъ съ возрастающимъ жаромъ высылаемый обожатель! Да, попробуй я не исполнить сегодня ея прихоти, она меня завтра и на глаза къ себѣ не пуститъ. Вы еще не знаете этой женщины. Для нея капризы законъ, которому нельзя не повиноваться.

— Кто же велитъ вамъ покоряться ея капризамъ?

— Кто велитъ! бормоталъ Семенъ Сергѣевичъ. Это вамъ хорошо говорить: вы не привязаны къ ней такъ, какъ я.

Впрочемъ, что́-же это въ-самомъ-дѣлѣ? Это ни начто́ непохоже! Она просто сумасшедшая женщина. Я рѣшительно не ѣду.

— Не ѣхать вы конечно можете и даже должны, но отзываться неучтиво о женщинѣ, у нея въ домѣ, неприлично.

— Мисъ Сусъ не понимаетъ ни слова по-русски. Видите ли, она сидитъ не мигая, какъ-будто аршинъ проглотила. Вы, однакоже, правы. Я точно погорячился. Марья Казимировна все-таки удивительная женщина. Прощайте.

— Куда же вы?

— На Аптекарскій-островъ. Куда жъ больше!

— Счастливаго пути! сказалъ улыбаясь Угоровъ.

Семенъ Сергѣевичъ хотѣлъ уже выдти изъ комнаты, какъ вдругъ вернулся и подошелъ къ Уговору.

— Не хотите ли прокатиться со мной? Погода чудесная; лошади у меня удивительныя, сказалъ онъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ, смѣясь, Петръ Андреевичъ. Мнѣ незачѣмъ ѣхать.

— Какъ угодно! сказалъ Семенъ Сергѣевичъ, покраснѣвъ отъ досады и въ сердцахъ чуть не надѣвъ шляпу въ дверяхъ гостиной.

— Есть же такіе безхарактерные люди! сказалъ Угоровъ, чрезвычайно довольный поступкокъ Семена Сергѣевича.

ГЛАВА VI.

Характеръ Петра Андреевича колеблется.

Въ темномъ барежевомъ капотѣ, въ чорной кружевной мантильѣ, накинутой на полныя бѣлыя плечи, вдова вошла въ гостиную легкой, граціозной поступью. Она была удивительно хороша собою въ этотъ вечеръ; каждое слово, каждый взглядъ ея дышали неизъяснимой прелестью; отъ нея вѣяло очарованіемъ особаго рода, обаяніемъ, которому трудно было сопротивляться.

И какъ была она любезна, внимательна, предупредительна, разговорчива, остроумна, оригинальна, увлекательна. Угоровъ не находилъ эпитетовъ выразить всѣ ея качества,

не умѣлъ объяснить себѣ, какъ онъ безконечно доволенъ и счастливъ, не понималъ, какая благосклонная судьба и за что наградила его такимъ вечеромъ.

Она обходилась съ нимъ, какъ со старымъ искреннимъ другомъ, говорила просто и откровенно, не выбирая фразъ, не употребляя метафоръ, переходила безъ принужденія отъ одного предмета разговора къ другому, молчала когда предметъ этотъ истощался. Въ словахъ ея видны были твердыя познанія, опытный умъ, наблюдательность, легкая насмѣшливость, смягченная добротою и снисходительностью къ людскимъ слабостямъ, и при всемъ этомъ ни малѣйшей тѣни качества или педантизма, ни одного слова, сказаннаго съ какою-нибудь отдаленною цѣлью, никакаго намека на собственныя свои чувства или отношенія. Разговоръ между ними былъ совершенно объективный, абстрактивный, хотя нисколько не философскій. Она взяла съ него обѣщаніе не говорить ни слова ни о чувствахъ, ни объ нихъ самихъ.

Угоровъ не видѣлъ, какъ шло время. Марья Казимировна играла для него воспоминанія изъ итальянскихъ оперъ и мелодіи Гензельта, пѣла романсы Шуберта и Луизы Пюже. Въ десятомъ часу она сказала, вставая изъ-за ройяля.

— Вы очень любите чай?

— Я пью его, потому-что пьютъ всѣ, но не чувствую къ нему никакаго особеннаго влеченія и незнатокъ въ немъ.

— Тѣмъ лучше. Я хотѣла предложить вамъ, вмѣсто чаю, небольшую прогулку въ коляскѣ. Вечеръ удивительный.

— Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе.

— И мы, вмѣсто чаю, напьемся молока по дорогѣ, въ какой-нибудь деревнѣ?

— Это будетъ еще лучше. Вашъ проектъ прекрасенъ.

— Я сегодня въ духѣ, отвѣчала съ улыбкой Марья Казимировна, приказавъ подать коляску.

— Вы забыли только, что скоро вернется Семенъ Сергѣевичъ, замѣтилъ Угоровъ.

— Вы думаете? спросила вдова съ такою очаровательною улыбкою, что Петръ Андреевичъ пришелъ въ восторгъ.

— Онъ и такъ уже чуть было не ослушался васъ, сказалъ

Угоровъ: я не отложилъ до завтра исполненіе вашего порученія. Новая неудача можетъ лишить васъ самаго вѣрнаго поклонника.

— Вы такъ заботитесь объ немъ. Я говорила, чтобы онъ вернулся къ чаю,—мисъ Сусъ напоитъ его безъ насъ чаемъ.

Угоровъ чуть не бросился цѣловать руки Марьи Казимировны.

—Я на минуту оставлю васъ, сказала она съ улыбкой. Вы не успѣете соскучиться, увѣряю васъ. Я не буду переодѣваться и надѣну только бурнусъ и шляпку. Окрестности наши довольно пустынны и мы ѣдемъ не на гулянье.

Она вернулась черезъ десять минутъ, и они поѣхали.

Вечеръ былъ точно удивительный, какими природа рѣдко даритъ петербургскія окрестности. Легкій вѣтеръ качалъ верхушками деревьевъ, растущихъ по краямъ дороги и разносилъ далеко по воздуху теплыя лѣтнія испаренія. Коляска тихо катилась по гладкой, песчаной дорогѣ; вдали на горизонтѣ садившееся солнце окрашивало дымчатыя облака самыми яркими цвѣтами; высоко въ небѣ трелили жаворонки; въ лѣсу перекликались тысячи птичьихъ голосовъ. Угоровъ и Свѣнчовская говорили о природѣ, о музыкѣ, поэзіи, обо всемъ, къ чему располагаетъ человѣка тепло и лѣто.

Въ темнолиловомъ бурнусѣ, въ сквозной соломенной шляпкѣ, Марья Казимировна была еще лучше на воздухѣ, чѣмъ у себя въ гостиной. Прогулка еще болѣе оживила ея черты. Петръ Андреевичъ не въ силахъ былъ долѣе крѣпиться и далъ разговору чисто-субъективный оборотъ.

— Вы простите меня, если я перейду отъ Верди къ самому себѣ. Сужденія ваши о его операхъ чрезвычайно вѣрны и занимательны, но вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ я не слышу и не понимаю изъ нихъ ровно ни одного слова.

— Это говоритъ не въ пользу моего краснорѣчія. Нельзя ли узнать, отчего вы сдѣлались вдругъ такъ разсѣянны?

— Вы не разсердитесь за откровенность?

— Развѣ я не доказала уже вамъ, что не сержусь за мнѣнія, какъ бы они странны не были, лишь бы высказывались съ убѣжденіемъ.

— Вы напоминаете мнѣ о грубости, которую я позволилъ себѣ сказать вамъ у себя на вечерѣ. Я не знаю, какъ благодарить васъ за то, что вы не только простили меня, но и подарили вечеромъ, котораго я никогда не забуду.

— Не думаете ли вы, что я скучаю или принуждаю себя гулять и разговаривать весь вечеръ?

— Но я не понимаю, чѣмъ заслужилъ вашу благосклонность, ваше вниманіе....

— Оставьте пожалуйста эти фразы, сказала Свѣнчовская съ притворнымъ или дѣйствительнымъ смущеніемъ. Въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего особеннаго. Вы судили обо мнѣ довольно поверхностно, я хотѣла дать вамъ случай узнать меня покороче. У меня былъ свободный вечеръ и я пригласила васъ раздѣлить его со мною. Вотъ и все. Надѣюсь, что вы не видите также никакой жертвы съ моей стороны въ томъ, что я постаралась избавить себя и васъ отъ докучливаго собесѣдничества Семена Сергѣевича.

Угорову почему-то не понравилось это простое объясненіе, и онъ не отвѣчалъ ни слова. Вдова продолжала съ улыбкой:

— Мы, кажется, забыли однакоже оба намѣреніе, принятое въ началѣ нашей бесѣды: не говорить о себѣ и о своихъ чувствахъ. Подобный разговоръ перерождается всегда въ комплименты или сантиментальность. Окончимте же этотъ эпизодъ и обратимся къ прежнему предмету нашей бесѣды. Мы говорили, кажется, о музыкѣ Верди. Ахъ да, вы еще заранѣе просили у меня извиненія за какую-то откровенность, которой однакоже не сказали. Я слушаю васъ, какъ бы ни была жестка эта откровенность.

— Я хотѣлъ сказать, что не слушалъ давича вашихъ толковъ о музыкѣ, потому-что глядѣлъ на васъ.

— Это, кажется, уже явное и прямое нарушеніе давишняго условія, сказала, смѣясь, Свѣнчовская.

— Условіе ваше невозможно выполнить, отвѣчалъ съ жаромъ Угоровъ. Смотрѣть на васъ и не говорить объ васъ выше силъ человѣческихъ.

— И однакоже это условіе необходимо, сказала вдова серьознымъ тономъ. Вы исполняли же его до-сихъ-поръ.

— Есть границы всему, даже человѣческому терпѣнію. И зачѣмъ вамъ вздумалось наложить на меня это безчеловѣчное условіе?

— Вы, вѣроятно, забыли слова, сказанныя вами на вашемъ вечерѣ?

— Я уже просилъ за нихъ извиненія.

— Этого мало. Я не хочу, чтобы вы даже въ глубинѣ души вашей могли когда-нибудь подозрѣвать меня въ кокетствѣ, въ томъ, что я хочу испытать надъ вами власть своихъ прелестей, какъ это говорится въ романахъ. Не запрети я говорить обо мнѣ, вы могли бы, пожалуй, подумать, что я хочу убѣдить васъ въ томъ, что мнѣ никто не можетъ противиться, и наказать за сомнѣніе въ моемъ могуществѣ. Вѣрно, подобнаго рода мщеніе вамъ не разъ случалось встрѣчать въ модныхъ повѣстяхъ?

— Во всякомъ случаѣ, я заслуживалъ бы подобнаго мщенія, сказалъ Угоровъ, опуская голову.

— Значитъ вы все-таки подозрѣваете меня?... Я не сержусь за это; многіе на вашемъ мѣстѣ судили бы точно также по наружности. Разумѣется, еслибы я имѣла это намѣреніе, то самая простая логика не позволила бы мнѣ высказать его вамъ такъ откровенно. Впрочемъ, если у васъ подозрительный характеръ, вы можете видѣть и въ этомъ признаніи—тонко-разсчитанное кокетство. Только тотъ, кто хорошо узнаетъ меня — а я надѣюсь, что вы когда-нибудь дойдете до этого—повѣритъ, какъ я далека отъ роли романтической героини и отъ всякихъ обдуманныхъ хитростей, неразлучныхъ, по мнѣнію нашихъ писателей, со званіемъ свѣтской женщины.

Въ словахъ и тонѣ Марьи Казимировны было столько простоты и задушевности, что Угорову стало стыдно за свои подозрѣнія. Онъ готовъ былъ поклясться, что вполнѣ и во всемъ вѣритъ и ввѣряется ей, когда она остановила порывъ его новыми откровенными признаніями.

— Я не могу однакоже сказать, чтобы хотѣла видѣть васъ

у себя только съ одною цѣлью — воспользоваться вашею пріятною и занимательною бесѣдою. Въ этомъ случаѣ проницательность ваша отчасти оправдывается. — Угоровъ значительно улыбнулся при этихъ словахъ, хотя его проницательность ровно ни о чемъ не догадывалась. — Мнѣ хотѣлось при случаѣ поговорить съ вами объ васъ самихъ, и съ этой стороны я готова нарушить наше условіе. Повѣрьте, что этотъ предметъ разговора будетъ интереснѣе, нежели всѣ толки о женщинѣ, которая гораздо меньше занимается собою, чѣмъ другіе занимаются ею.

— Я съ нетерпѣніемъ жду вашего мнѣнія обо мнѣ, и заранѣе прошу о самой строгой откровенности.

— Вотъ ужъ вы и выводите изъ словъ моихъ то, чего я не хотѣла говорить, придаете имъ важность, какой онѣ не имѣютъ. Это вовсе не сужденіе, не мнѣніе объ васъ, а нѣсколько совѣтовъ, на которые вы вправѣ не обращать вниманія, и которые лучше будетъ даже не давать вамъ.

— Вы уже начинаете раскаяваться въ вашемъ расположеніи ко мнѣ, сказалъ Угоровъ грустнымъ тономъ.

— Нѣтъ, но я боюсь, чтобы вы не перетолковали въ другую сторону причину, побудившую меня дать вамъ совѣты.

— Обѣщаю вамъ слѣпо вѣрить всему, чтóбы вы не сказали, и не искать въ словахъ вашихъ никакой скрытной мысли, которую я бы могъ перетолковать по своему.

— Въ такомъ случаѣ я рѣшаюсь принять на время роль вашего ментора и начинаю прямо съ побудительныхъ причинъ.

Марья Казимировна откинулась въ глубину коляски, велѣла кучеру ѣхать легкой рысью, и сказала съ важнымъ видомъ:

— Вы, вѣроятно, помните первое время нашего знакомства, и сознáетесь, что я очень мало отличала васъ въ толпѣ моихъ поклонниковъ, хотя и принимала отъ васъ разнаго рода услуги и угожденія. Хотите ли знать, чтó мнѣ не нравилось въ васъ и даже отталкивало отъ васъ?

Угоровъ молча нагнулъ голову. Это введеніе не предвѣщало ничего хорошаго.

— Мнѣ болѣе всего не нравилась въ васъ эта услужливость всѣмъ и всякому, готовность на всевозможныя пожертвованія по первому слову едва знакомаго вамъ человѣка, неумѣнье ни въ чемъ отказать, уступчивость каждому и во всѣмъ, однимъ-словомъ, совершенная безхарактерность въ словахъ и поступкахъ.

Угоровъ покраснѣлъ отъ волненія. Никогда и никто не угадывалъ его такъ хорошо, не высказывалъ такъ ясно его недостатковъ.

— Поэтому самымъ пріятнымъ и неожиданнымъ образомъ поразила меня происшедшая съ вами перемѣна. Не скажу, чтобы она выразилась какъ слѣдуетъ, но она выказывала во всякомъ случаѣ желаніе ваше оставить роль молчаливаго и безхарактернаго угодника. Потомъ отъ другихъ лицъ я узнала, что вы вздумали обратить вниманіе на ваше хозяйство, отстранивъ отъ него вашу тетушку, конечно очень добрую, но чрезвычайно довѣрчивую и немного вѣтренную даму. Стразовъ говорилъ мнѣ также, что вы прочли ему съ Негляковомъ нравоученіе, по его словамъ разумѣется, дурнаго тона. Нѣкоторымъ изъ вашихъ знакомыхъ, не исключая и меня, вы сказали также нѣсколько рѣзкихъ вещей. Все это понятно, какъ реакція долгой безотвѣтности, но чтó подѣйствовало самымъ непріятнымъ образомъ на всѣхъ, кто принимаетъ въ васъ участіе — это ваше ухаживанье за бѣдной и необразованной дѣвушкой, исправляющей должность няньки у ея родственницы, госпожи Гроковой.

Петръ Андреевичъ совершенно остолбенѣлъ отъ такого неожиданнаго оборота разговора, и смотрѣлъ на Марью Казимировну съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

— Васъ удивляетъ, можетъ-быть, слово ухаживанье, которое я употребила въ этомъ случаѣ, продолжала она также спокойно. Но какъ иначе назвать это чувство? Разумѣется, это не привязанность, а тѣмъ болѣе не любовь, потому-что ненатурально привязаться къ дѣвушкѣ безъ имени, со-

стоянія, красоты и воспитанія. Говорятъ, что вы назначали ей свиданія въ саду, и нарочно выбирали время, чтобы заставать ее одну въ домѣ Амаліи Петровны. Но я не хочу вѣрить этому, потому-что вы неспособны погубить дѣвушку, болѣе чѣмъ наивную, а компрометировать ее почти не возможно, такъ мало вниманія обратитъ свѣтъ на все, чтобы она ни дѣлала.

— Но мнѣ кажется.... Неужели вы думаете, что она не можетъ понравиться? спросилъ наконецъ Угоровъ, собравшись съ духомъ.

— Нравиться?... пожалуй — оригинальностью и простотою своихъ мнѣній, дѣтскостью сужденій; но эта прихоть не можетъ быть продолжительна и очень скоро наскучитъ. Вамъ можетъ понравиться женщина даже самаго низшаго круга—но неужели изъ этого слѣдуетъ, что вы должны за ней ухаживать?

— Вы сейчасъ только хвалили меня за то, что я пересталъ угождать всѣмъ на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что идя противъ общаго мнѣнія—я также выказываю этимъ твердость характера.

— Есть поступки до того эксцентрическіе, что они доказываютъ не твердость, а скорѣе упрямство. Можно не уважать мнѣнія свѣта, но не приличія. Такимъ людямъ свѣтъ не удивляется, а жалѣетъ объ нихъ, исключая ихъ изъ своего круга. Можно, пожалуй, быть ласковымъ съ этимъ бѣднымъ созданіемъ, внимательнымъ къ ней, но пойти далѣе—значитъ показать не твердость, а напротивъ непростительную слабость характера.

— Слабость? повторилъ совершенно растерявшійся Угоровъ.

— Разумѣется слабость. Не значитъ ли это сказать свѣту: я не имѣлъ даже столько силы воли, чтобы устоять противъ дѣвушки, которая не можетъ ничѣмъ завлечь и во всѣхъ отношеніяхъ ниже самой послѣдней женщины нашего круга.

Угоровъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, такъ сильно они на него подѣйствовали. Онъ даже испугался этой новой мы-

чем, никогда неприходившей ему въ голову. Онъ не воображалъ никогда, чтобы на этотъ предметъ можно было смотрѣть съ такой точки зрѣнія. И однакоже ему ни на минуту не приходило на мысль — не ошибается ли Марья Казимировна въ своихъ сужденіяхъ, не имѣетъ ли она какой-нибудь причины изображать вещи именно въ этомъ, а не въ другомъ свѣтѣ. Законодательница модъ и мнѣній, оракулъ и кумиръ своего круга, она считалась непогрѣшимою въ своихъ приговорахъ, и бѣдному Петру Андреевичу оставалось только покорно склонить голову передъ этимъ выраженіемъ и двигателемъ общественнаго мнѣнія.

Она между-тѣмъ продолжала говорить своимъ мѣрно-спокойнымъ голосомъ, недопускавшимъ возраженій, не давая опомниться своей жертвѣ:

— Понятно, что для полнаго развитія вашего характера, вамъ необходимо избавиться отъ всѣхъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, неразлучныхъ съ одинокимъ положеніемъ человѣка въ обществѣ. Избавлять человѣка отъ этихъ заботъ — прямая обязанность женщины; по несчастью — тетушка ваша не въ тѣхъ лѣтахъ и нетакъ воспитана, чтобы взять на себя эту обязанность; сестра ваша совершенно отдалилось отъ васъ со времени своего замужества,—и вы очень хорошо сдѣлаете, если найдете средство замѣнить недостающія вамъ родственныя и женскія попеченія о вашихъ матеріальныхъ интересахъ. Съ вашимъ довѣрчивымъ сердцемъ, быстро принимающимъ впечатлѣнія, вы легко можете повѣрить какой-нибудь интригантке, или подчиниться вліянію первой молодой дѣвушки, которая, въ родѣ племянницы Гроковой, опутаетъ васъ даже своей ничтожностью. Хорошо еще, если выборъ вашъ падетъ только на ребенка. Дѣвушка съ дѣтскими понятіями не будетъ, по-крайней-мѣрѣ, имѣть на васъ никакого вліянія, тогда какъ съ идюткой можно самому ослабѣть, не только характеромъ, но и мыслями.

— Увѣряю васъ, что я никогда не думалъ серьозно о Софьѣ Францовнѣ! вскричалъ почти съ ужасомъ Угоровъ.

— Вѣрю, но все-таки не оправдываю вашего поведенія

въ отношеніи къ ней. Зачѣмъ давать поводъ думать подобному существу, что она можетъ имѣть на васъ свои виды. Вы скорѣе докажете твердость характера, если обратитесь къ какой-нибудь женщинѣ, про которую клевета можетъ пожалуй распустить не одинъ нелѣпый слухъ. А о какой свѣтской женщинѣ не разсказываютъ чего-нибудь страннаго! Конечно, кто знаетъ свѣтъ — только улыбнется этому слуху, но вѣдь и вездѣ есть люди, готовые вѣрить всякой сплетнѣ!

При этихъ словахъ Угорову неизвѣстно почему пришла въ голову мысль о тосканскомъ графѣ-парикмахерѣ, и онъ положилъ спросить объ этомъ у вдовы при случаѣ.

Между-тѣмъ вѣтеръ засвѣжѣлъ немного, и горизонтъ подернулся тѣмъ полу-мракомъ петербургскихъ ночей, который такъ часто воспѣвали наши поэты, имѣющіе немного предметовъ для своихъ пѣсенъ въ описательномъ родѣ. Свѣнчовская поглядѣла вокругъ себя на совершенно опустѣвшую дорогу, и сказала съ удивленіемъ:

— Неужели такъ поздно? Который часъ, Петръ Андреевичъ?

— Четверть одиннадцатаго, отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на часы.

— Какъ скоро идетъ время! сказала она съ улыбкой. Не вернуться ли намъ домой? Кажется, теперь ужъ поздно заѣзжать въ деревню. Тамъ, вѣроятно, всѣ уже спятъ.

— Располагайте мною, какъ знаете. Я повинуюсь вамъ молча и слѣпо.

— Вы не боитесь, что я поймаю васъ на словахъ? спросила она съ лукавой улыбкой.

— Я боюсь только, что вы не захотите приказывать мнѣ.

— Не забудьте, однакоже, что послушаніе ваше должно имѣть границы. Я не хочу, чтобы вы возвратились къ вашей прежней, безотвѣтной ролѣ. Вы знаете, что я люблю людей съ характеромъ.

— Чтобы доказать вамъ, что и я принадлежу къ числу этихъ людей—я готовъ даже ослушаться васъ, отвѣчалъ съ особенною развязностью Угоровъ.

— Только не въ первомъ моемъ требованіи: чаще навѣщать меня и обходиться со мной какъ со старымъ другомъ, сказала вдова самымъ обворожительнымъ тономъ, неизвѣстно, для чего приподнимая къ верху свою руку.

Угоровъ воспользовался случаемъ и прикоснулся губами къ кончикамъ пальцевъ этой крошечной ручки, сказавъ едва слышно:

— Берегитесь, чтобъ вамъ не пришлось наконецъ прогонять меня!

Она засмѣялась какъ-то неловко, и велѣвъ кучеру ѣхать скорѣе домой, сказала послѣ минутной задумчивости:

— Перемѣнимте, однакоже, разговоръ. Онъ начинаетъ становиться сантиментальнымъ, а мы съ вами еще не такіе *старые* друзья, чтобы спокойно говорить о чувствахъ. Вдова сдѣлала особое удареніе на словѣ: *старые*.

— Я слушаю васъ съ восторгомъ, о чемъ бы вы ни заговорили, сказалъ Угоровъ, болѣе и болѣе разнѣживавшійся.

— Какъ! еслибы я даже стала толковать о погодѣ, какъ петербургскіе фельетоны? спросила сквозь смѣхъ Марья Казиміровна.

— Если бы даже—о политикѣ!

— Вы очень снисходительны сегодня. Но шутки въ сторону. Развѣ можно не восхищаться подобнымъ вечеромъ. Это настоящая Италія!

Послѣднее слово вдовы опять напоминало Петру Андреевичу тосканскаго графа, и онъ рѣшился косвеннымъ образомъ добраться до этого щекотливаго предмета.

— Какъ вы думаете, Марья Казимировна? дожидается ли насъ Семенъ Сергѣевичъ, спросилъ онъ, протягиваясь въ коляскѣ самымъ комфортабельнымъ образомъ.

— Вы мало знаете его, если можете сомнѣваться въ этомъ, отвѣчала вдова, дотронувшись нечаянно ножкой до ноги Угорова.

— Онъ называлъ себя также вашимъ старымъ другомъ.

— Онъ дѣйствительно старый, — только не другъ, а волокита! сказала смѣясь Свѣнчовская.

— Онъ далъ мнѣ однакоже замѣтить, что имѣетъ надежду современемъ тронуть ваше сердце.

— Въ такомъ случаѣ, онъ не только старый волокита, но и старый фатъ, отвѣчала вдова съ пренебреженіемъ.

— Онъ однакоже самый усердный и вѣрный вашъ поклонникъ и защитникъ. Я помню, какъ онъ въ одномъ обществѣ съ большимъ даромъ опровергалъ какой-то вздорный слухъ о пребываніи вашемъ во Флоренціи.

— А вы слышали, кстати, объ этой исторіи? спросила равнодушно Свѣнчовская.

— Нѣсколько словъ, на которыя я, признаться вамъ, не обратилъ вниманія, отвѣчалъ еще равнодушнѣе Угоровъ.

— Напрасно. Вы могли бы услышать очень любопытный разсказъ, украшенный до такой степени услужливыми сочинителями вѣстей, что въ немъ трудно дойти до истины.

— Кто же повѣритъ свѣтскимъ сплетнямъ!

— Очень многіе: кто отъ бездѣлья, кто отъ участія ко мнѣ. Вы можете услышать обо мнѣ такіе ужасы!... А исторія сама по себѣ очень проста. Я поступила немножко вѣтрено и необдуманно, и была наказана за это строже, чѣмъ заслуживала. Во Флоренціи я познакомилась съ однимъ очень образованнымъ человѣкомъ, который выдавалъ себя за графа. Я позволила ему сопровождать меня во-время моей поѣздки въ Неаполь. Вы знаете, что въ Италіи принято имѣть чичисбеевъ; хорошо еще, что я обращалась съ нимъ не по-итальянски, а какъ истинно-русская путешественница, не позволяла ему поцаловать даже руки своей, потому-что на возвратномъ пути во Флоренцію мнимый графъ превратился въ простаго артиста, и я, разумѣется, тотчасъ же разсталась съ нимъ. Этотъ случай научилъ меня не полагаться на наружность и быть осторожнѣе въ выборѣ знакомствъ.

— У Итáльянцевъ такъ трудно отличить вельможу отъ простолюдина! сказалъ серьозно Угоровъ.

Всю остальную дорогу Марья Казиміровна была также любезна и разговорчива, но Петръ Андреевичъ о чемъ-то задумывался и становился съ каждой минутой молчаливѣе.

разсѣянно. Подъѣзжая къ своей дачѣ, онъ вдругъ попросилъ Софиновскую выпустить его изъ коляски.

— Развѣ вы не хотите заѣхать ко мнѣ? спросила она съ удивленіемъ.

— Теперь ужъ довольно поздно, а мнѣ еще нужно кое-чѣмъ заняться сегодня, отвѣчалъ онъ съ замѣшательствомъ.

— Не боитесь ли вы, что Семенъ Сергѣевичъ сдѣлаетъ вамъ сцену за то, что я измѣнила ему? спросила вдова, смѣясь несовсѣмъ откровенно.

— Я вовсе не этого боюсь, сказалъ Угоровъ серьознымъ тономъ.

Вдова пристально посмотрѣла на него и отвѣчала съ притворною важностью:

— Если я захочу удержать васъ насильно, вы, какъ человѣкъ рѣшительный, выпрыгнете пожалуй изъ коляски. Вотъ ваша дача. До скораго свиданія.

И она опять приподняла зачѣмъ-то свою руку, но Угоровъ не замѣтилъ этого маневра, вѣроятно по разсѣянности, и вышелъ изъ коляски, благодаря Марью Казимировну за этотъ вечеръ, который онъ еще разъ обѣщалъ никогда не забывать.

— Отъ васъ зависитъ сохранить объ этомъ вечерѣ болѣе полное воспоминаніе! сказала вдова, смѣясь принужденно, въ то время, какъ лошади быстро уносили коляску....

ГЛАВА VII.

Характеръ Петра Андреевича сбиваетъ его рѣшительно съ толку.

Утренняя заря застала Угорова сидящаго въ креслахъ и погруженнаго въ глубокія размышленія. Онъ и не думалъ о снѣ, такъ подѣйствовалъ на него разговоръ съ Марьей Казимировной.

У Петра Андреевича не было характера, но здраваго смысла было достаточно. Внутренній голосъ говорилъ ему, что вдова неспроста пригласила его къ себѣ и разыгрывала съ нимъ всю эту сцену, очень ловко придуманную и ве-

денную, но цѣль которой была несовсѣмъ ясна для Угорова. Послѣ долгаго обдумыванія малѣйшихъ подробностей этой сцены, онъ пришелъ къ тому заключенію, что жениться на Софьѣ ему дѣйствительно нельзя, и что, какъ кажется, вдова не прочь сама выдти за него.

Послѣднее предположеніе испугало Угорова. Обдумавъ все хорошенько, онъ согласился съ тѣмъ, что ему точно необходимо жениться, но на комъ? Этотъ вопросъ былъ еще труднѣе и неразрѣшимѣе Гамлетова. Несмотря на всю любезность и очаровательность вдовы, Угоровъ не чувствовалъ къ ней особаго влеченія, особенно когда не находился подъ вліяніемъ ея магнетическихъ глазокъ. Чѣмъ онъ больше думалъ объ ней наединѣ, тѣмъ сильнѣе пробуждались въ немъ опасенія разнаго рода, и между-тѣмъ онъ очень хорошо понималъ, что еще два, три подобныхъ вечера—и онъ погибъ невозвратно, и никакая человѣческая сила не извлечетъ его изъ сѣтей этой опытной кокетки. По этому онъ чувствовалъ необходимость принять какъ можно скорѣе рѣшительныя мѣры, чтобы выдти изъ этого затруднительнаго положенія. Чрезвычайно довольный тѣмъ, что онъ показалъ твердость характера, рѣшившись вдругъ оставить вдову въ то время, когда, по ея собственнымъ словамъ, вечеръ этотъ могъ быть гораздо полнѣе, Угоровъ не могъ однакоже поручиться, что онъ и впередъ будетъ такимъ же Сципіономъ-Африканскимъ. Оставалось покамѣсть прибѣгнуть къ единственному средству: удаляться сколько можно отъ общества вообще и отъ Марьи Казимировны въ особенности. Угоровъ выбралъ это средство, предоставивъ остальныя событія на волю обстоятельствъ.

Чтобы имѣть дома какое-нибудь занятіе и чтобы еще болѣе пріучить себя къ твердости и терпѣнію, Петръ Андреевичъ вздумалъ учиться по-гречески. Онъ и самъ не зналъ, какъ пришла ему въ голову эта мысль, но въ одно прекрасное утро къ нему явился высокій и сухощавый учитель древне-эллинскаго нарѣчія, и Угоровъ засѣлъ за извѣстную грамматику этого языка, посвященную россійскому юношеству и въ которой первой фразой, знакомившая ученика съ

жуками греческаго языка, было изрѣченіе одного изъ семи мудрецовъ: ἦμητε μίκρα μανία εςτιν, — пьянство есть малое помѣшательство.

Марья Казимировна два раза присылала освѣдомляться о здоровьѣ Петра Андреевича и просить его къ себѣ. Онъ отвѣчалъ, что нетакъ здоровъ и очень занятъ.

Отправляясь гулять, онъ обыкновенно выбиралъ или раннее утро, или обѣденное время, чтобы не встрѣтить никого изъ знакомыхъ, и судьба избавляла его отъ всѣхъ докучныхъ встрѣчъ. Онъ самъ, встрѣчая изрѣдка какое-нибудь докучное лицо, отдѣлывался отъ него двумя, тремя словами или холоднымъ поклономъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, онъ видѣлъ мелькомъ и издали Софью. Она была такъ блѣдна, что Угорову стало жаль ее. Завидѣвъ его, она почти съ ужасомъ бросилась въ боковую аллею; онъ не смѣлъ преслѣдовать ее; но потомъ, обдумавши все хорошенько, рѣшилъ, что ему необходимо все-таки объясниться съ нею окончательно, оправдать себя и показать всю невозможность союза между ними. Съ этой цѣлью, онъ сталъ нарочно гулять въ тѣ часы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде встрѣчался съ дѣвушкой, но она не показывалась, и Угоровъ нѣсколько дней провелъ въ напрасныхъ поискахъ.

Въ одно утро онъ замѣтилъ однакоже на концѣ уединенной аллеи, около зеленой скамейки, дѣтей Амаліи Петровны; на скамейкѣ, погруженная въ чтеніе какой-то книжки, сидѣла молодая дѣвушка. Угоровъ такъ быстро бросился къ ней, что перепугалъ и ее и дѣтей. Она вскочила, смотря на него съ безпокойствомъ и удивленіемъ. Но онъ былъ удивленъ еще болѣе и совершенно растерялся, увидѣвъ передъ собою, вмѣсто Софьи — одну изъ племянницъ Анны Николаевны, худую, перетянутую дѣвушку.

Дѣти не подбѣжали къ Угорову, какъ въ прежнее время; они отвыкли отъ него и глядѣли на него косясь и поодаль. Онъ насилу опомнился отъ неожиданной встрѣчи и сказалъ нетвердымъ голосомъ:

— Извините!... Я издали принялъ васъ за Софью Францовну, увидѣвши дѣтей Амаліи Петровны.

— Софья Францовна нездоровы-съ, ужъ сколько времени отвѣчала дѣвушка, краснѣя и заикаясь, опустивъ глаз въ землю. Я гощу съ сестрой у Амаліи Петровны; такъ он попросили меня погулять сегодня съ дѣтьми.

— Чѣмъ же нездорова Софья Францовна? спросилъ с участіемъ Угоровъ.

— Не знаю-съ, право.... грудь что-то болитъ, отвѣчал дѣвушка, въ совершенномъ смущеніи, пятясь назадъ до то го, что чуть не упала на скамейку.

— Чтó она, боится что-ли, чтобы я не съѣлъ ее, поду малъ Угоровъ, разсматривая пристально дѣвушку, сконфу зившуюся до того, что на нее жаль было смотрѣть. Отчег она такъ переломилась. Кажется я не засталъ ее ни за ка кимъ дурнымъ дѣломъ, и самъ не сказалъ ничего неприлич наго. Любопытно было бы узнать покороче, чтó это за су щество; умѣетъ ли она говорить и думать, какъ другія Попробую поговорить съ нею.

И принимая развязный видъ, онъ сказалъ самымъ учти вымъ тономъ:

— Впрочемъ я очень радъ, что судьба доставила мнѣ пріятный, хотя и неожиданный случай ближе познакомиться съ вами. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ у себя на вече рѣ, вмѣстѣ съ вашею тетушкою, но на вечерѣ трудно завести разговоръ, и я, какъ хозяинъ, былъ къ тому же очень за нятъ.

Дѣвушка смотрѣла на Угорова съ такимъ видомъ, какъ будто онъ объяснялъ ей іероглифическія надписи храма Сераписа. По временамъ лицо ея принимало до того испу ганное выраженіе, что, не слыша словъ его, можно было подумать, что онъ дѣлаетъ ей самый строгій выговоръ за какую-нибудь непростительную шалость.

Угоровъ, рѣшившійся не обращать вниманія на ея застѣн чивость и добиться отъ нея, во чтó бы ни стало, какихъ-ни будь сужденій и мыслей, думалъ между тѣмъ:

— Я однакоже не знаю, какъ зовутъ мою собесѣдницу Помню, что Анна Николаевна называла своихъ трехъ пле мянницъ: Надина, Полина и Нина. Которая же это?

И онъ спросилъ вслухъ:

— Съ которой же вы изъ вашихъ сестрицъ гостите у Анналіи Петровны?

— Съ Ниной, — отвѣчала дѣвушка едва слышно.

— А третья ваша сестрица дома осталась?

— Нѣтъ-съ, она гоститъ тоже у однихъ знакомыхъ.

— Позвольте узнать, какъ зовутъ ее?

— Надина, — сказала дѣвушка, оказывая рѣшительное намѣреніе уйти отъ докучнаго допрощика.

— Вы хотите пройтись? — спросилъ Угоровъ, замѣтивъ этотъ маневръ. Погода прекрасная, и я радъ быть вашимъ спутникомъ въ прогулкѣ.

Дѣвушка смѣшалась еще болѣе и отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

— Да-съ.... я.... покорно благодарю васъ.... Но мы скоро пойдемъ домой....

—До вашего дому отсюда больше получаса ходьбы, и вы позволите, мнѣ все-таки сопровождать васъ?

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка какъ-то странно разсмѣялась. Ей казалось одинаково страшно согласиться и отказать. Угоровъ однако же не дожидался рѣшенія, и пошелъ подлѣ Полины, продолжая разговоръ:

— Батюшка вашъ, кажется, давно скончался?

— Очень давно-съ — отвѣчала печально дѣвушка.

— Онъ служилъ въ Петербургѣ?

— Нѣтъ-съ, они все у себя въ помѣстьѣ жили.

— Вѣдь у васъ и маменьки тоже нѣтъ?

— Нѣтъ нѣту-съ.

— Анна Николаевна, значитъ, ваша единственная родственница?

— Да-съ.

— Мужъ ея, кажется, вашъ опекунъ?

— Да-съ.

— Батюшку вашего звали Николай.... не припомню отчества!...

— Павелъ Акинфмычъ.

— Да, Павелъ Анисимычъ! точно-такъ. Теперь вспомнилъ.

— Вы должно-быть еще мало знакомы съ петербургской жизнью, но, вѣроятно, она вамъ уже начинаетъ нравиться. Мнѣ кажется, что вы съ большимъ удовольствіемъ танцовали у меня на вечерѣ?

Дѣвушка улыбнулась. Это была ея первая улыбка во-время разговора. Очевидно, она начинала менѣе дичиться.

— Намъ было очень весело у васъ, отвѣчала она, рѣшаясь изъ подлобья взглянуть на Угорова.

— Надѣюсь, Пелагея Павловна, что вы не послѣдній разъ были у насъ съ вашей тетушкой?... Если вы любите танцы, я постараюсь чаще доставлять вамъ это удовольствіе, когда начнутся вечера.

— Покорно васъ благодарю; только меня зовутъ не Пелагеей, а Прасковьей.

— Если я не ошибаюсь, Анна Николаевна называла васъ Полиной.

— Это правда-съ, но Полиной меня называли въ пансіонѣ, потому-что сестру мою звали Надиной.

— То-есть для риѳмы. Вѣроятно, по этому же и третью сестрицу вашу зовутъ Ниной? Ее настоящее имя конечно Анна?

— Точно такъ-съ.

— Такъ я надѣюсь, что мы современемъ познакомимся съ вами покороче, Прасковья Павловна?

Прасковья Павловна улыбнулась еще разъ и рѣшилась даже прямо посмотрѣть на Угорова, подвигъ, которому тотъ и самъ удивился.

Разговоръ между новыми знакомыми шелъ однако же довольно вяло, до-тѣхъ-поръ, пока Петръ Андреевичъ не коснулся заведенія, въ которомъ Полина воспитывалась. Угорова даже поразили одушевленіе и жаръ, съ которымъ Полина принялась разсказывать о своей жизни въ пансіонѣ, объ учителяхъ, гувернанткахъ, класныхъ занятіяхъ и подругахъ. Разсказы эти отличались дѣтской наивностью, подробностями слишкомъ мелочными и вовсе неинтересными для

Угорова, но несмотря на это, онъ слушалъ съ удовольствіемъ эту ребяческую болтовню, даже невсегда отличавшуюся хорошимъ тономъ. Дѣвушка удивилась, когда, разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ дачѣ Амаліи Петровны.

— Какъ скоро пришли мы! — сказала она опрометчиво и тотчасъ же покраснѣла.

— Если для кого время могло пройти незамѣтно, такъ это для меня, отвѣчалъ Угоровъ, раскланиваясь съ Прасковьей Павловной. Впрочемъ вы позволите мнѣ зайти съ вами, сказалъ онъ, слѣдуя внушенію другой мысли: я хочу навѣдаться о здоровьи.... Амаліи Петровны.

Угоровъ и Полина вошли въ гостиную. Увидя ихъ, двѣ дѣвушки, работавшія что-то вскочили со своихъ мѣстъ: одна покраснѣла, другая поблѣднѣла; одна бросилась къ Полинѣ, другая оперлась на спинку стула.

— Здравствуй Ниночка, — сказала Полина: гдѣ Амалія Петровна. Я привела къ ней гостя.

— Они въ цвѣтникѣ, — отвѣчала Нина, съ удивленіемъ смотря на сестру, не постигая ея храбрости и рѣшимости придти въ комнату съ мужчиной.

— Такъ я пойду сказать ей о Петрѣ Андреевичѣ, продолжала Полина, идя къ противоположнымъ дверямъ.

— И я пойду съ тобою, Полинька! вскричала Нина, со страхомъ догоняя сестру и исчезая въ дверяхъ прежде чѣмъ третья дѣвушка могла сказать слово....

Она бы, вѣрно, также ушла, еслибы силы не измѣнили ей и не заставили снова опуститься на стулъ.

— Вы сердитесь на меня, Софья Францовна? сказалъ Угоровъ, подходя къ ней.

Она покачала головой и закрыла глаза платкомъ, который былъ не бѣлѣе ея лица.

— Послушайте, говорилъ онъ скоро, прерывистымъ голосомъ. Я давно хотѣлъ поговорить съ вами, но вы все избѣгали меня. Я хотѣлъ просить у васъ прощенія въ томъ, что, увлекшись нашимъ разговоромъ въ саду, нѣсколько недѣль тому назадъ, я позволилъ себѣ сказать, можетъ-быть, вовсе

не то, что думалъ, а вы, также увлеченныя въ свою очер
придали неосторожнымъ словамъ моимъ вовсе не то значе
такое слѣдовало.

При этихъ словахъ она посмотрѣла на него съ та
видомъ, какъ-будто не поняла, что онъ хотѣлъ ска
При видѣ ея красныхъ, впалыхъ глазъ, страшной блѣдно
глубокой грусти, выражавшейся во всѣхъ чертахъ, Угор
почувствовалъ, что ему стало какъ-то неловко и совѣст
Онъ продолжалъ:

— Я виноватъ, конечно въ томъ, что на другой же ден
объяснилъ вамъ настоящаго значенія моихъ словъ; н
полагалъ, что вы сами, обдумавъ наше положеніе въ св
увидите всю разность этого положенія, несходство на
идей, отношеній къ обществу; поймете, что только о
недоразумѣніе могло представить вамъ вещи въ другомъ св
тѣ, и что рано или поздно мы должны были покориться стр
гимъ, но справедливымъ законамъ свѣта.

Вмѣсто отвѣта, Софья собрала всѣ свои силы, встала с
стула и шатаясь пошла къ дверямъ.

— Куда же вы? спросилъ удивленный Угоровъ.

— Туда.... въ свою комнату! отвѣчала дѣвушка безсвя
но, съ помутившимися взглядами.... Я не могу слуша
васъ, не могу плакать при васъ. Тамъ никто не видитъ мен

Угорова поразила эта тяжелая грусть. Онъ вскричалъ в
волненіи.

— Повѣрьте, что я готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣт
лишь бы вы были спокойны и счастливы; но вы знаете, ка
неумолимы условія общества, въ которомъ мы живемъ, в
знаете....

— Я все знаю, прервала Софья. Вамъ незачѣмъ бы
приходить сюда еще разъ, говорить эти ужасныя слова.
поняла все въ послѣдній разговоръ нашъ на этомъ само
мѣстѣ. Для чего вамъ было еще больше мучить меня? Я
воспитана, не умѣю говорить такъ какъ вы, но все же у ме
есть понятіе, есть чувство, Петръ Андреевичъ, и вамъ бы
бы грѣшно такъ обижать и терзать бѣдную дѣвушку, кот
рая виновата только въ томъ, что повѣрила вамъ....

— Простите, простите меня! вскричалъ Угоровъ, забывая все на свѣтѣ при видѣ этого страшнаго отчаянія....

И онъ готовъ былъ броситься на колѣни передъ Софьею, отдать ей всю будущую жизнь свою, лишь-бы только искупить этимъ ея прошедшія и настоящія страданія. Еще одна минута, и участь его рѣшилась бы навсегда.... но дверь, на которую опиралась дѣвушка вдругъ отворилась, и въ комнату вошла Амалія Петровна съ Ниной и Полиной.

Какъ ни былъ взволнованъ Петръ Андреевичъ, но долгъ учтивости и неумолимыя условія общества, какъ онъ называлъ ихъ, заставили его обратиться къ хозяйкѣ съ разспросами о здоровьи, толками о погодѣ и тому подобномъ. На Софью неприлично было даже посмотрѣть въ эту минуту, и дѣвушка, постоявъ нѣсколько минутъ у двери, въ ожиданіи чего-то несбыточнаго, неестественнаго, скрылась наконецъ за этой дверью, бросивъ на Угорова послѣдній взглядъ, который, казалось, могъ бы тронуть даже камень.

Угоровъ не видалъ этого взгляда. Онъ въ это время спросилъ, прошелъ ли кашель у супруга Амаліи Петровны и заботливо ожидалъ отвѣта.

Зато, когда дверь затворилась за Софьей, онъ сильно вздохнулъ и счелъ долгомъ сказать.

— Софья Францовна у васъ, кажется, нездорова?

— Да отвѣчала хозяйка. На грудь жалуется. А я вообразите, вчера, на дачѣ то, въ этакую погоду—въ преферансъ играла!

Начались толки о преферансѣ.

Надобно однакоже отдать справедливость Петру Андреевичу. Онъ недолго могъ вести этотъ занимательный разговоръ, и вскорѣ раскланялся съ хозяйкой.

Почти бѣгомъ вернулся онъ домой, и первымъ словомъ его, когда онъ вошелъ въ кабинетъ, было:

—Нѣтъ! мнѣ необходимо жениться! Жениться, какъ можно скорѣе и рѣшительно. Иначе у меня никогда не будетъ характера!

ГЛАВА VIII.

Петръ Андреевичъ приводитъ такое доказательство свое характера, что удивляетъ всѣхъ вообще и Прасковью Па вловну въ-особенности.

Въ-теченіе недѣли, послѣдовавшей за сценою съ Софье Угоровъ былъ три раза у Амаліи Петровны. Ему не удавало въ это время ни разу быть наединѣ съ бѣдной дѣвушкой, и видя эти дѣйствительно немного странныя посѣщені слыша, что онъ иногда обращается къ ней съ незначитель ными фразами, Софья ожила немного, и отдаленная надежд снова пробудилась въ ея сердцѣ. Она рѣшилась однако ждать, что̀ будетъ, и не тревожить себя напрасными мечтам Она не хотѣла, чтобы къ ней вернулись изъ одного сostra данія, и старалась казаться веселѣе во-время посѣщеній Уго рова.

Онъ въ это время былъ чѣмъ то крѣпко занятъ, часто за думывался даже при Амаліи Петровнѣ, и разсѣянно слушал болтовню племянницъ Анны Николаевны, изъ которых старшая совершенно перестала его дичиться и часто смѣши ла своими наивными выходками и разсказами.

Разъ, вечеромъ, Петръ Андреевичъ велѣлъ подать коляск и поѣхалъ къ Марьѣ Казимировнѣ. Онъ не видался съ не со-времени знаменитой вечерней прогулки.

Въ гостиной вдовы Угорова встрѣтился неизбѣжный Се менъ Сергѣевичъ, и поклонился ему съ прежнею привѣтли вою улыбкой. Марью Казимировну опять надо было подо ждать нѣсколько минутъ. У нея была магазинщица, приве шая ей изъ города какое-то удивительное платье — и отло жить это дѣло, не разобравъ его во всѣхъ подробностяхъ было рѣшительно невозможно.

Отъ нечего-дѣлать Угоровъ принялся опять бесѣдовать с Семеномъ Сергѣевичемъ. Ни тотъ, ни другой не упоминал разумѣется, ни слова о достопамятномъ вечерѣ. Семенъ Сер гѣевичъ, несмотря на совершенно деликатный тонъ разго вора, выбиралъ предметомъ его разныя обстоятельства, не совсѣмъ пріятныя для Угорова. Такъ, послѣ сожалѣній

томъ, что Петръ Андреевичъ возбудилъ неудовольствіе Марьи Казимировны своимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, круглый обожатель сказалъ :

— Вы, должно́-быть, за что́-нибудь важное поссорились со Стразовымъ и Негляковымъ ?

— Я никогда не былъ очень друженъ съ ними, и нѣсколько недѣль тому назадъ сказалъ имъ, по поводу одного спора, что не желаю продолжать съ ними знакомства. Развѣ они распространяютъ обо мнѣ какіе-нибудь дурные слухи ?

— Нѣтъ, но они имѣютъ объ васъ очень странное мнѣніе.

— Было бы странно, если бы они хорошо думали обо мнѣ, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до ихъ мнѣнія.

— Я слышалъ нечаянно ихъ разговоръ въ саду, продолжалъ Семенъ Сергѣевичъ, какъ-будто не разслышавъ словъ Угорова. Они сидѣли спиною ко мнѣ на музыкѣ и говорили объ васъ. Стразовъ увѣрялъ, что вы очень влюбчивы и вѣтрены, потому-что въ одно время ухаживаете за гувернанткой Амаліи Петровны, за Марьей Казимировной и еще за какой-то племянницей Анны Николаевны. Негляковъ говорилъ, разумѣется въ шутку, что вы волочитесь и за мисъ Сусъ. Я вспомнилъ это потому, что они начали потомъ спорить, какъ писать и произносить ея имя. Негляковъ увѣрялъ, что надо говорить мисъ Суть, а Стразовъ — мисъ Соусъ. Я очень смѣялся.

— Да, вы очень веселаго характера, сказалъ съ досадой Угоровъ. Вамъ, кажется, никогда не бываетъ скучно ?

— Никогда , отвѣчалъ съ довольною улыбкою Семенъ Сергѣевичъ.

— Вы, вѣрно, не скучали и тогда, когда ждали насъ пить чай ? спросилъ со злостью Угаровъ.

— Нисколько; я былъ увѣренъ что конецъ вечера вознаградитъ меня за начало,—отвѣчалъ онъ съ той же улыбкой.

— Что́ вы хотите сказать этимъ ?

— Ничего. Вы знаете пословицу : кто посѣялъ тотъ и пожнетъ ?

— Что́-жъ изъ этого ?

— А то, что пословица эта невсегда справедлива. Случается посѣять одному, а пожать другому.

— Я непремѣнно спрошу у Марьи Казимировны, какого рода жатву собрали вы въ тотъ вечеръ, сказалъ Уворовъ, едва сдерживая порывъ досады и гнѣва.

— Спросите! отвѣчалъ спокойно Семенъ Сергѣевичъ, играя часовымъ ключикомъ.

Въ это время въ гостиную вошла вдова, въ роскошномъ платьѣ, очаровательная какъ всегда. Съ самою обворожительною улыбкою протянула она руку Угорову и сказала звучнымъ и гармоническимъ голосомъ:

— Какой пріятный и неожиданный сюрпризъ! Я думала, что мы ужъ больше никогда не увидимся. Чтó вы дѣлали все это время? Не обдумывали ли совѣты, которые я дала вамъ въ наше послѣднее свиданіе? Или, можетъ-быть, вы пріѣхали спросить у меня чтó-нибудь насчетъ греческой грамматики?

Угоровъ отвѣчалъ, что онъ точно былъ занятъ это время и дѣйствительно, обдумавъ ея совѣты, рѣшился имъ послѣдовать.

— Можетъ-быть, совѣты эти касались лично Петра Андреевича и съ моей стороны было бы нескромностью узнать ихъ, сказалъ Семенъ Сергѣевичъ съ особенной любезностью; по этому вы позволите мнѣ оставить васъ.

Вдова отвѣчала ему обыкновенной фразою учтивости и взглядомъ, который очень не понравился Угорову также какъ и готовность Семена Сергеѣвича оставить ихъ однихъ; въ ней было чтó-то обидное, какъ-будто уходившій пренебрегалъ остававшимся, не считая его нисколько опаснымъ.

По этому онъ холодно встрѣтилъ всѣ взгляды и улыбки вдовы, и кромѣ досады на слова и поступки Семена Сергѣевича, никакое другое чувство не пробуждалось въ его сердцѣ.

— Вы говорили о какихъ-то совѣтахъ, которые я дала вамъ, сказала Марья Казимировна, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ. Очень рада, что вы рѣшились имъ послѣдовать. Но помнится, совѣтовъ моихъ было довольно много; неужели вы всѣ ихъ исполните?

— По-крайней-мѣрѣ главные, сухо отвѣчалъ Угоровъ. Вы совѣтовали мнѣ жениться, и я женюсь.

— А! сказала вдова съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Вы нашли, что я права въ этомъ случаѣ?

Несмотря на все умѣнье владѣть собою, въ голосѣ вдовы замѣтно было маленькое безпокойство и волненіе. Угоровъ отвѣчалъ рѣзко и отрывисто:

— Вы были совершенно правы. Женитьба, какъ невозвратный шагъ, избавитъ меня отъ всѣхъ неровностей и слабостей моего характера. Я женюсь въ самомъ непродолжительномъ времени.

— И... вы сдѣлали уже выборъ? спросила вдова.

— Да, но не знаю только, будетъ ли этотъ выборъ окончательнымъ.

— Чтó же это значитъ?

— То, что я не сдѣлалъ еще предложенія.

— А! сказала во второй разъ вдова совершенно уже другимъ тономъ. Развѣ вы думаете, что предложеніе ваше не будетъ принято?

— Вѣроятнѣе всего, что мнѣ не откажутъ. Впрочемъ неудача не перемѣнитъ нисколько моего намѣренія. Я буду принужденъ только искать себѣ другой жены, точно въ такомъ же родѣ.

— Нельзя ли узнать, какой же родъ жены находите вы болѣе удобнымъ для себя? спросила Свѣнчовская съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи.

— Вы дали мнѣ совѣтъ и на этотъ случай.

— Я сама выбрала для васъ родъ жены? спросила съ удивленіемъ Марья Казимировна. Не помню что то.

— Если не прямо, то, по-крайней-мѣрѣ, указали мнѣ на то, чтó я долженъ былъ выбрать. Вы назвали три рода женъ: идіотку, интригантку и ребенка, и доказали, что жениться на идіоткѣ было бы величайшей глупостью, на интригантке я конечно и самъ не женюсь....

— Мнѣ кажется, что я говорила вамъ еще объ одномъ родѣ женщинъ, быстро сказала вдова, самомъ приличномъ для васъ — о свѣтскихъ женщинахъ.

— Не помню, можетъ-быть, отвѣчалъ своимъ равнодушнымъ тономъ Угоровъ. Но свѣтская женщина могла бы измѣнить мой характеръ, подчинивъ его вліянію своего собственнаго, передѣлавъ меня по своему, что несовсѣмъ согласно съ достоинствомъ мужа, тогда какъ ребенка я могу самъ образовать и придать ему тѣ качества и свойства, какія, по моимъ понятіямъ, необходимы въ семейной жизни и сообразны съ моимъ характеромъ.

— А! сказала въ третій разъ Марья Казимировна, слегка поблѣднѣвъ и сжимая губы. И вы твердо рѣшились на это?

— Ничто въ мірѣ не заставитъ меня перемѣнить своего намѣренія.

— Стало-быть безполезно будетъ доказывать вамъ, что вы ошибаетесь въ разсчетѣ.

— Совершенно безполезно.

Вдова замолчала и задумалась; грудь ея высоко поднималась, губы дрожали, во взглядѣ, который она бросала украдкой на Угорова, было столько ненависти, что онъ испугался-бы, еслибы замѣтилъ этотъ взглядъ. Но Угоровъ сидѣлъ совершеннымъ сфинксомъ, глядя пристально впередъ, какъ слѣдуетъ человѣку съ характеромъ.

— Можно узнать, какого же это ребенка вы выбрали? спросила Марья Казимировна, послѣ минутнаго молчанія.

— Это не секретъ, потому-что я сегдня же ѣду формально свататься на Прасковьѣ Павловнѣ.

— Кто это Прасковья Павловна?

— Племянница Анны Николаевны.

— А! помню! Это высокая, худая дѣвушка, съ длиннымъ носомъ. Мнѣ кажется, что младшая сестра гораздо лучше.

— Это правда, но я увидѣлъ сначала старшую, и она привыкла ко мнѣ нѣсколько больше.

— И вы за этимъ только пріѣхали, чтобы сообщить мнѣ объ этой удивительной женитьбѣ?

— Я обязанъ вамъ этою женитьбою и пріѣхалъ благодарить за ваши совѣты.

— Извините я никогда не совѣтовала вамъ дѣлать глупости, сказала рѣзко вдова, забывъ благоразуміе и приличіе.

— Вы противорѣчите вашимъ собственнымъ словамъ, отвѣчалъ Угоровъ также спокойно и равнодушно, Мнѣ кажется, напротивъ, что я сдѣлалъ бы скорѣе большую глупость, женившись на интриганткѣ.

Марья Казимировна при этихъ словахъ замѣтно поблѣднѣла, несмотря на то, что средина щечекъ ея осталась нѣжно-розоваго цвѣта. Она бросила взглядъ на Угорова еще выразительнѣе перваго; на этотъ разъ онъ увидѣлъ этотъ грозный взглядъ, но вынесъ его хладнокровно, и даже улыбнулся. У него рѣшительно началъ развиваться характеръ.

Потомъ онъ взялъ шляпу и вѣжливо поклонился вдовѣ, сидѣвшей въ задумчивости.

— Я должна отблагодарить новостью за новость, сказала она, быстро вставая съ дивана. Въ моей новости впрочемъ нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго: осенью я сама выхожу замужъ.

— Честь имѣю васъ поздравить, отвѣчалъ Угоровъ съ новымъ поклономъ.

— Вы не спрашиваете, за кого я выхожу?

— Можетъ-быть это секретъ?

— Нисколько.

— Я увѣренъ, что вы ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаете дурнаго выбора.

— Я выхожу за Семена Сергѣевича, сказала вдова, видя что онъ все-таки не спрашиваетъ объ имени счастливца.

— Выборъ прекрасный, отвѣчалъ Угоровъ съ улыбкой, хотя есть люди, которые называли его старымъ фатомъ и старымъ волокитой.

— Семенъ Сергѣевичъ прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, вскричала вдова на этотъ разъ покраснѣвъ такъ, что нѣжно розовыя пятнышки посрединѣ щекъ слились совершенно съ ярко-карминнымъ цвѣтомъ всего лица. Онъ постоянно привязанъ ко мнѣ уже столько лѣтъ; я испытала его, и увѣрена, что онъ никогда не потеряетъ своего счастія изъ какого то упрямства, которое только помѣшанные могутъ принимать за характеръ.

— Я совершенно согласенъ съ вами! отвѣчалъ Угоровъ кланяясь въ третій разъ.

Вдова, не отвѣчая на его поклонъ, вымѣряла его съ ногъ до головы еще однимъ значительнымъ взглядомъ и гордо вышла изъ комнаты.

— Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, сказалъ вслѣдъ ей Петръ Андреевичъ, чрезвычайно довольный собою.

— Прощайте! сухо отвѣчала вдова, хлопнувъ дверью.

Еслибы кто видѣлъ, какой гордою походкою Угоровъ выходилъ отъ Свѣнчовской, тотъ непремѣнно подумалъ бы, что онъ совершилъ величайшій подвигъ, какимъ можетъ гордиться все человѣчество.

Черезъ полчаса, съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, съ тою же довольною улыбкой онъ входилъ въ гостиную Амаліи Петровны, выбравъ для этого посѣщенія часъ, въ который хозяйка ѣздила прогуливаться и съ визитами.

Въ комнатѣ сидѣли Софья Францовна и Прасковья Павловна; первая встрѣтила его грустнымъ взглядомъ, вторая веселой улыбкой.

— А вѣдь Софья гораздо лучше собой! подумалъ Угоровъ, кланяясь дѣвушкамъ. Впрочемъ развѣ человѣкъ съ характеромъ долженъ смотрѣть на наружность.

И не теряя времени онъ, послѣ первыхъ фразъ учтивости, сказалъ, обращаясь къ Прасковьѣ Павловнѣ:

— Мнѣ бы очень нужно было сказать вамъ нѣсколько словъ, весьма важныхъ и по секрету.

Обѣ дѣвушки взглянули на Угорова съ удивленіемъ. Софья встала.

— Въ такъ случаѣ я оставляю васъ, сказала она, стараясь улыбнуться.

— Куда же ты Сонюшка? вскричала въ страхѣ Полина, вскакивая также съ своего мѣста.

Но Угоровъ стоялъ уже между ними и говорилъ твердымъ голосомъ.

— Разговоръ между нами необходимъ, Прасковья Павловна. Онъ рѣшитъ мою участь.

Софья услышала въ дверяхъ эти слова. Она прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть; въ глазахъ у нея позеленѣло, голова закружилась. Ни Угоровъ, ни Прасковья Павловна не замѣтили этого: первый смотрѣлъ на вторую, вторая ни на что́ не смотрѣла.

Бѣдная дѣвушка собрала наконецъ всѣ свои силы и скрылась за дверью....

Угоровъ между-тѣмъ говорилъ Прасковьѣ Павловнѣ:

— Слова мои могутъ показаться вамъ странными, но вѣрьте, что меня заставляетъ высказать ихъ истинное чувство, хотя вы еще очень молоды, чтобы вполнѣ понимать и цѣнить его.

Прасковья Павловна до того перепугалась этого великолѣпнаго приступа, что чуть не убѣжала отъ Угорова. Онъ взялъ ее за руку, чтобы посадить на мѣсто. Этотъ поступокъ чуть не испортилъ всего дѣла. У дѣвушки даже выступили слезы на глазахъ. До-сихъ-поръ ни одинъ мужчина не касался руки ея, кромѣ танцоровъ.

— Вы мало знаете меня, но могу поручиться, что я не дурной человѣкъ, продолжалъ Угоровъ тѣмъ же торжественнымъ тономъ. Я могу составить счастіе женщины, которая согласится ввѣрить мнѣ свою судьбу. Вы мнѣ понравились съ перваго нашего знакомства. Скажите, нравлюсь ли я вамъ, и согласитесь ли вы отдать мнѣ вашу руку?

Сказавъ эту рѣчь, Петръ Андреевичъ опустилъ глаза со скромнымъ видомъ человѣка, довольнаго своимъ краснорѣчіемъ, и нѣсколько секундъ подождалъ отвѣта. Молчаніе дѣвушки было однакоже слишкомъ продолжительно, и Угоровъ, взглянувъ на нее, въ свою очередь испугался, до того она была блѣдна и взволнована: губы ея дрожали, по щекамъ катились крупныя слезы.

— Что́ съ вами? вскричалъ Угоровъ.

Но дѣвушка, не отвѣчая, продолжала плакать и всхлипывать.

— Моё предложеніе оскорбило васъ? оно непріятно вамъ?

Тоже молчаніе.

— Вы, вѣроятно, уже сдѣлали вашъ выборъ?

Ни слова.

— Мнѣ необходимо однако же получить какой-нибудь отвѣтъ, сказалъ съ нетерпѣніемъ Угоровъ. Вы несогласны выдти за меня? Скажите одно слово: нѣтъ! Кажется это нетрудно?

Дѣвушка молчала.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только просить извиненія, что я обезпокоилъ васъ своимъ посѣщеніемъ, сказалъ Угоровъ, вставая со стула.

Дѣвушка сидѣла также неподвижно, только всхлипывала еще больше. Угоровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ и остановился....

Тогда, не поднимая глазъ, она сказала едва слышно:

— Я... я не понимаю... Это такая странная шутка.

— Какая шутка! вскричалъ въ досадѣ Угоровъ. Мое предложеніе очень серьозно.

— И... вы точно любите меня? спросила дѣвушка такъ тихо, что Угоровъ скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ этотъ вопросъ.

— Какъ нельзя точнѣе, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— И не шутя хотите на мнѣ жениться?

— Развѣ можно жениться шутя?

На лицѣ дѣвушки также показалась улыбка, легкая краска выступила на щекахъ. Она отвѣчала:

— Но я право не знаю... какъ тетушка. Я безъ нея не могу....

Окончаніе отвѣта замерло на губахъ.

— Я жду только вашего отвѣта, чтобы ѣхать къ Аннѣ Николаевнѣ просить руки вашей. Для этого мнѣ надо знать, любите ли вы меня?

— Ахъ Боже мой. Да какъ же это такъ скоро, такъ рѣшительно... Я и не думала.

Она опять остановилась, и подождавъ нѣсколько минутъ. Угоровъ сказалъ:

— Это все не отвѣтъ. Я жду одного слова: да или нѣтъ.

Прасковья Павловна опять замолчала.

— Если вамъ такъ трудно сказать да или нѣтъ, отвѣчайте что-нибудь, почему бы я могъ догадаться о вашемъ отвѣтѣ.

— Вы можете ѣхать къ тетинькѣ, сказала едва слышно дѣвушка.

Угоровъ улыбнулся, взялъ еще разъ ея руку, которую она тотчасъ же отдернула, сказалъ нѣсколько словъ о своей благодарности, счастіи, совѣтовалъ ей успокоиться, не дичиться его, и вышелъ изъ комнаты.

Тогда Полина вскочила и стала бѣгать по комнатѣ, смѣясь и произнося безсвязныя восклицанія, потомъ вспомнивъ о чемъ то, опрометью бросилась изъ гостиной и побѣжала по комнатамъ, крича :

— Сонюшка ! Соня ! гдѣ ты ! Какая новость.

Въ порывѣ радости она чуть не пробѣжала мимо Софьи, которая сидѣла въ углу своей комнаты блѣдная и неподвижная.

— Соничка! mon ange! кричала Полина, бросаясь обнимать подругу. Еслибъ ты знала!... Какъ я рада!... Какъ неожиданно !... Вообрази себѣ !... Какой онъ милашка !... Онъ не шутя хочетъ на мнѣ жениться ! Говорилъ, что любитъ меня, просилъ моей руки, какъ въ романахъ, душка этакой!... Я влюблена въ него !... Я его обожаю!... Онъ такой идеальный. Прелесть просто! Я выду замужъ, буду носить чепчики! Читать Поль-де-Кока !

И увлеченная восторгомъ, Прасковья Павловна не замѣчала, что ея подруга не могла слышать того, что она говорила, потому-что лежала безъ чувствъ.

Угоровъ въ это время былъ у Анны Николаевны и дѣлалъ ей формальное и официальное предложеніе. Тетушка удивилась ему едва ли не больше, чѣмъ племянница и Марья Казиміровна. Нечего говорить, что она съ удовольствіемъ согласилась на этотъ бракъ, хотя и замѣтила, что ея племянница —небезприданница какая-нибудь, а что у нея есть деревня, которую впрочемъ надо будетъ раздѣлить между тремя сестрами. Тетушка готова была сыграть свадьбу когда угодно.

Угоровъ самъ отложилъ ее до осени, чтобы невѣста успѣла къ нему привыкнуть.

Все лѣто Петръ Андреевичъ ѣздилъ только къ Аннѣ Николаевнѣ, чтобы ближе познакомиться съ своей невѣстой. Очень часто онъ возвращался домой съ пасмурнымъ и озабоченнымъ видомъ, какъ-будто не находилъ въ ней того, чего искалъ, или нашелъ то, чего и не думалъ искать. Впрочемъ, какъ человѣкъ рѣшительный, онъ не думалъ нисколько мѣнять отъ этаго своего намѣренія, предполагая начать воспитывать жену послѣ свадьбы.

И онъ женился, не шутя—какъ говорила Парасковья Павловна, и никакія совѣты и увѣщанія не осcтановили этой женидьбы.

Свадьба была сыграна безъ шуму. На ней не было никого, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ; даже не танцовали. Тетушка Анна Николаевна, супругъ которой свелъ всѣ счеты по деревнѣ какъ нельзя лучше,—вручила Угорову приданое, оказавшееся весьма ничтожнымъ. Тетушка Анна Никитична, объявившая при первомъ извѣстіи о свадьбѣ племянника, что она ни за что не останется въ домѣ, гдѣ ей надо будетъ услуживать посторонней женщинѣ, очень усердно хлопотала на свадьбѣ и еще усерднѣе цѣловалась съ молодою, вѣроятно позабывъ о своемъ намѣреніи. Марья Казиміровна еще въ концѣ лѣта уѣхала въ Гельсингфорсъ. Софья Францовна лежала въ сильной горячкѣ, и доктора сомнѣвались въ ея спасеніи.

В. ЗОТОВЪ.

=

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ХАРАКТЕРОМЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

═

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

═

ГЛАВА I.

Человѣкъ очень довольный собою, которымъ другіе неочень довольны.

Въ 185* году Петръ Адреевичъ проснулся однажды очень рано поутру.

Протянувшись на сафьянной кушеткѣ, онъ издалъ междометіе, непереводимое на ни какой языкъ, но выражающее въ одно и тоже время самодовольство, совершенный комфортъ, спокойствіе желудка и совѣсти, внутренній и наружный кейфъ, состояніе особеннаго, необъяснимаго блаженства, которое случается испытывать немногимъ и нечасто въ жизни.

И однакоже Петръ Андреевичъ испыталъ всѣ эти ощущенія вмѣстѣ. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ собою, и оттого доволенъ всѣмъ, что̀ его окружало. Невыразимое спокойствіе выражалось въ каждой чертѣ его лица, полнаго,

немного лоснящагося, порядочно красноватаго, совершенно гладкаго, тщательно выбритаго, и отѣненнаго только по краямъ щекъ тонкими, мягкими бакенбардами, приглаженными и подобранными волосокъ къ волоску. Гармонію этого завиднаго лица нарушали только двѣ рѣзкія, горизонтальныя черты между бровями, густыми и взъерошенными уже черезъчуръ несимметрично, такъ что безпорядокъ этотъ казался дѣломъ не природы, а рукъ человѣческихъ....

Петръ Андреевичъ думалъ, лежа на кушеткѣ въ самомъ нецеремонномъ положеніи, какое человѣкъ принимаетъ только наединѣ съ самимъ-собою:

«Вотъ ужъ скоро шесть лѣтъ, какъ я женатъ! скоро шесть лѣтъ, какъ я совершенно переродился, сдѣлался человѣкомъ съ мнѣніемъ, съ вѣсомъ, съ достоинствомъ, съ характеромъ. Какъ теперь помню: ровно шесть лѣтъ тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ іюня, со мной случилась эта спасительная перемѣна, или лучше сказать, съ-тѣхъ-поръ я принялъ твердое намѣреніе перемѣниться, поставить себѣ постоянныя правила въ жизни. Я не могъ, правда, переломить себя вдругъ, съ одного разу; слабая натура моя долго боролась съ моимъ духомъ и уступала ему постепенно, исподволь, шагъ за шагомъ. Окончательно побѣдилъ я самого-себя со времени женитьбы. Этимъ поступкомъ, неожиданнымъ и страннымъ для многихъ, но вполнѣ доказавшимъ мою самостоятельность, я довершилъ свое преобразованіе, положилъ вѣчную преграду между старымъ и новымъ человѣкомъ, между жалкимъ угодникомъ всѣхъ и каждаго и твердымъ господиномъ въ своемъ семействѣ, главою въ своемъ домѣ. Эта женитьба дала мнѣ случай вполнѣ укрѣпить свой характеръ при образованіи жены и воспитаніи сына. Жена моя была капризнымъ, слабымъ ребенкомъ, съ весьма недальнимъ образованіемъ, даже немного вѣтрена и безпорядочна. Я создалъ изъ нея женщину, понимающую свои обязанности, тихую, покорную, настоящую мать семейства, подругу жизни. Сына моего я воспитываю совершенно по-своему, сообразно съ тою цѣлью, къ которой его предназначаю; образовать ребенка нетрудно; съ женой я, признаться, сначала билея до-

вольно долго: надо было побѣждать закоренѣлыя привычки, истреблять застарѣлые предразсудки.... Можетъ-быть, я былъ иногда даже слишкомъ строгъ съ нею, но этого требовала необходимость. Только требуя безпрекословнаго исполненія моей воли, самаго строгаго послушанія, могъ я достичь своей цѣли. И я достигъ ея! Теперь мнѣ стóитъ сдѣлать малѣйшій намекъ, бросить одинъ взглядъ — и жена понимаетъ меня и тотчасъ же повинуется мнѣ. Удивительное дѣло однакоже имѣть характеръ!

«И сознались же наконецъ всѣ эти господа, смѣявшіеся столько времени надо мною, принуждены же были они сознаться, что у меня есть характеръ. Теперь, чтобы чѣмъ-нибудь упрекнуть меня, найти во мнѣ хотя чтó-нибудь достойное охужденія, они твердятъ, что я слишкомъ строгъ и жестокъ, какъ-будто безъ строгости можно имѣть характеръ, какъ-будто уступать всѣмъ и во всемъ значитъ имѣть свою волю. Надобно, чтобы кто-нибудь—мужъ или жена—былъ главой въ домѣ. Кого же и слушаться женѣ, какъ не мужа?

«Правда, въ свѣтѣ говорятъ, что жена моя всегда грустна, что она словно убитая, что у нея слабое здоровье. Вовсе нѣтъ. У нея просто такой характеръ задумчивый. Она не любитъ веселяться, выѣзжать въ свѣтъ. Прежде ее, конечно, занимало это, по молодости лѣтъ, но потомъ я внушилъ ей, что замужней женщинѣ, матери семейства, неприлично прыгать и хохотать, какъ молоденькой дѣвчонкѣ, что выйдя замужъ необходимо имѣть солидный и даже нѣсколько важный видъ, должно держать себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ неженатыхъ лицъ, и не дорожить пустыми свѣтскими удовольствіями, въ которыхъ нѣтъ никакой пищи для ума и чувства. И жена моя очень хорошо поняла все это, и почти вовсе перестала выѣзжать. Конечно, сначала дѣло не обошлось безъ слезъ, но у нея такой нервическій характеръ!... Мнѣ случалось даже заставать ее, какъ она плачетъ безъ всякой причины.

«И потомъ, какое дѣло мнѣ до того, чтó свѣтъ обо мнѣ думаетъ! Развѣ я стою не выше всѣхъ этихъ жалкихъ пе-

ресудовъ и сплетней? Истинно твердый человѣкъ долженъ дѣйствовать по своей волѣ, а не соображаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Люди всегда недовольны тѣмъ, кто не исполняетъ ихъ условій и требованій.

«Упрекаютъ меня также въ томъ, что у меня въ домѣ жизнь, размѣренная по часамъ, скучна и даже вредна. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, я, конечно, не соглашусь съ большинствомъ. Напротивъ, въ моемъ домѣ водворилось спокойствіе; у меня явилось больше времени заниматься развитіемъ своего характера и слѣдить за образованіемъ жены и сына. Сокративъ расходы, оставивъ бóльшую часть знакомствъ, вовсе ненужныхъ и только отнимавшихъ у меня время, я могъ посвятить все это время моему семейству. Эти перемѣны вокругъ меня необходимо должны были произойти отъ перемѣны внутри меня. Теперь я совершенно устроилъ свои дѣла, жизнь, отношенія. Теперь я доволенъ и счастливъ, какъ не былъ никогда!...

«Были, разумѣется, и у меня тяжелыя, непріятныя минуты въ это время, — у кого ихъ не бываетъ? Больше всего меня огорчила смерть моей дочери, моего втораго ребенка, котораго я хотѣлъ воспитывать совершенно особеннымъ образомъ, по своей методѣ. Я хотѣлъ сдѣлать изъ нея образецъ женщины, какимъ должны быть эти слабыя созданія, которыхъ назначеніе такъ превратно понимается многими въ наше время. Я только что началъ пріучать ее переносить всѣ перемѣны нашего непостояннаго климата, какъ бѣдный ребенокъ умеръ — по словамъ докторовъ, отъ горячки. Много понимаютъ доктора въ дѣтскихъ болѣзняхъ!

«Кромѣ этого несчастія, всѣ другія непріятности и неудачи не производили на меня ровно никакого впечатлѣнія. Я принималъ ихъ съ достоинствомъ и хладнокровіемъ твердаго человѣка. Приходить въ отчаяніе отъ неудачъ — признакъ слабаго характера. Чѣмъ сильнѣе и неожиданнѣе ударъ судьбы, тѣмъ съ бóльшимъ спокойствіемъ долженъ переносить его человѣкъ, одаренный силою воли. Если даже онъ можетъ избѣжать тяжкой потери, измѣнивъ своимъ правиламъ, и тогда онъ скорѣе долженъ согласиться потерять все

на свѣтѣ, тѣмъ показать слабость и малодушіе. Обвинять его будутъ одни безхарактерные. Умные люди будутъ удивляться ему. Человѣкъ съ характеромъ долженъ остаться безстрашенъ и непоколебимъ подъ обломками вселенной, какъ говоритъ Горацій, не помню гдѣ и о комъ:

Si fractus illabatur orbis terrarum
Impavidae ruinae ferrunt....»

И очень довольный тѣмъ, что память не измѣнила ему для латинской цитаты, заученной еще на школьной скамейкѣ, Петръ Андреевичъ вскричалъ въ-слухъ, съ особеннымъ жаромъ и одушевленіемъ.

«И можно ли сравнить прежнюю жизнь мою съ теперешнею? Одно уже то, что теперь я господинъ своего времени, нестѣсненъ никакими условіями, дѣлаю чтó хочу. Теперь, напримѣръ — я хочу мечтать, разсуждать съ самимъ-собою, и никто не смѣетъ помѣшать мнѣ, никто не войдетъ ко мнѣ въ комнату....

Въ эту самую минуту монологъ, увлеченіе, энтузіазмъ Петра Андреевича — все было прервано скрипомъ отворившейся двери, въ которую показалась голова Степана.

Угоровъ покраснѣлъ въ первое мгновеніе.... Имъ овладѣло сильное желаніе поступить вовсе нефилософскимъ и нестоическимъ образомъ. Но привычка удерживать себя взяла верхъ, и онъ сказалъ почти спокойно, послѣ минутнаго молчанія, глядя пристально на своего стараго слугу:

— Тебѣ вѣрно послышалось, что я звонилъ?

На озабоченномъ лицѣ Степана изобразилась минутная борьба, но старикъ не умѣлъ, или не хотѣлъ солгать, и отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— Нѣтъ.... я такъ.... Важное дѣло случилось....

— Чтó у насъ пожаръ въ домѣ? продолжалъ Угоровъ тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, пожару нѣтъ.

— Значитъ жена моя опасно захворала?

— Нѣтъ, и этого слава Богу нѣту, сказалъ старикъ, запинаясь.

— Ты помнишь, вѣроятно, что только въ этихъ двухъ слу-

чаяхъ я позволилъ тебѣ входить ко мнѣ въ кабинетъ, прежде чѣмъ позвоню?

— Помню! отвѣчалъ угрюмо Степанъ, опуская голову.

— Ты, конечно, не забылъ также, что однажды ослушался моего приказанія и что я простилъ тебя въ послѣдній разъ, во вниманіе къ твой долголѣтней и усердной службѣ, но обѣщалъ непремѣнно прогнать, если повторится подобное ослушаніе.

— Я и не хотѣлъ идти, да меня послали ваша тетушка и сестрица Катерина Андревна. Сестрица пріѣхали къ вамъ за какимъ-то важнымъ дѣломъ и сказали, что имъ всенепремѣнно нужно видѣть васъ, какъ можно скорѣе.

— Ты предпочелъ послушаться мою сестру, а не меня: это твое дѣло. Не забудь только, что сегодня же ты долженъ кончить всѣ свои разсчеты у меня въ домѣ, и чтобъ завтра я уже не видалъ тебя.

Степанъ остановился посрединѣ комнаты; съ полуоткрытымъ ртомъ, какъ остолбенѣлый.

— Но... но куда же я пойду на старости лѣтъ? сказалъ онъ сквозь слезы, послѣ минутнаго молчанія.

— Это не мое дѣло. Я предупреждалъ тебя, отвѣчалъ спокойно Петръ Андреевичъ. А теперь, такъ-какъ ты уже пришелъ сюда, то можешь подать мнѣ одѣваться.

Еще несовсѣмъ придя въ себя отъ постигшаго его удара, старикъ попытался было разжалобить барина просьбами и слезами, подавая ему сюртукъ, но Угоровъ остановилъ на первыхъ словахъ своего бывшаго дядьку, и сказалъ строгимъ голосомъ:

— Краснорѣчіе твое напрасно и неумѣстно. Ты знаешь, что я никогда не перемѣняю однажды принятаго рѣшенія. Гримасами и хныканьемъ меня также не тронешь. Ты бы долженъ былъ для поддержанія собственнаго достоинства выслушать спокойно мое рѣшеніе и не унижать себя безполезными просьбами. Теперь ступай и попроси сюда Катерину Андреевну, если ей такъ необходимо меня видѣть.

И Петръ Андреевичъ съ особенной заботливостью сбилъ щелчкомъ пылинку съ рукава сюртука, въ то время, какъ

Степанъ выходилъ изъ комнаты, почти совсѣмъ убитый безжалостной строгостью барина.

А баринъ, по уходѣ лакея, погрузился снова въ пріятное самосозерцаніе изумительной твердости своего характера. Размышленія его были прерваны приходомъ высокой и стройной женщины, повидимому уже немолодой, но сохранившей на блѣдномъ лицѣ слѣды прежней красоты. При внимательномъ разсматриваніи этого выразительнаго, хотя и очень исхудавшаго лица, на немъ были ясно видны слѣды не однихъ лѣтъ и болѣзней: тяжелое горе, жизнь, полная матеріальныхъ нуждъ и лишеній, сердечныхъ разочарованій и потерь, глубокихъ и горькихъ оскорбленій, оставили рѣзкій и неизгладимый отпечатокъ въ чертахъ старшей сестры Угорова. Даже не зная ея исторіи, можно было прочесть на этомъ лицѣ всю повѣсть ея невеселой жизни, какъ ни старалась она казаться спокойною и равнодушною; принять на себя маску веселости бѣдная женщина была рѣшительно не въ состояніи.

Катерина Андреевна Угорова, по мужу Лопуцькая, была одѣта очень скромно, и только по чрезвычайной чистотѣ ея платья нельзя было назвать его бѣднымъ. Темный цвѣтъ его и чорная шляпка съ воалеткой придавали еще болѣе печальный оттѣнокъ ея и безъ того грустной наружности. Впрочемъ, при входѣ Катерины Андреевны, выраженіе лица ея было особенно одушевлено, и протянувъ руку Угорову, она сказала быстро и въ волненіи:

— Я пришла къ тебѣ съ важной, неожиданной новостью, милый Петя. Братъ нашъ Константинъ здѣсь, въ Петербургѣ. Онъ пріѣхалъ вчера и остановился у меня. Бѣдняжка захворалъ съ дороги и потому не могъ придти къ тебѣ вмѣстѣ со мною. Но ему хочется видѣть тебя поскорѣе, и ты сдѣлалъ бы ему большое удовольствіе, еслибы сейчасъ же поѣхалъ ко мнѣ!

При этихъ словахъ па лицѣ Петра Андреевича выразилось нетерпѣніе и даже неудовольствіе. Онъ отвѣчалъ сухимъ и неласковымъ тономъ:

— Прежде всего я долженъ замѣтить, любезная сестрица,

что чуть ли не тысячу разъ просилъ васъ не называть меня этими уменьшительными и ласкательными именами, которыя могутъ быть занимательны, когда говорятъ ихъ дѣти, но приторны и тривіальны въ устахъ взрослыхъ людей. Вы, конечно, гораздо старше меня, но и я не мальчикъ, чтобы меня называть Пепочкой и Пепашечкой, кормить пряниками и гладить по головкѣ. У меня у самого есть дѣти.

Сестра посмотрѣла на брата съ удивленіемъ и грустью; ни досады, ни оскорбленія не было замѣтно въ ея чертахъ. Она продолжала тѣмъ же ровнымъ, тихимъ голосомъ:

— Виновата; обрадовавшись пріѣзду Константина, я совсѣмъ забыла, что ты не любишь, когда тебя зовутъ именемъ, къ которому я такъ привыкла въ молодости, которое напоминаетъ мнѣ столько дорогихъ и пріятныхъ минутъ.

— Вамъ, очень можетъ быть, отвѣчалъ Угоровъ тѣмъ же раздражительнымъ тономъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что, говоря съ каждымъ человѣкомъ, не слѣдуетъ употреблять выраженій, которыя онъ считаетъ оскорбительными для своего достоинства.

— Еще разъ прошу у тебя извиненія. Къ тому же ты можешь мнѣ сдѣлать выговоръ дорóгой. Костя ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ.

— Мнѣ кажется, что ему, какъ младшему брату, было бы гораздо приличнѣе самому пріѣхать ко мнѣ, особенно, если онъ имѣетъ во мнѣ нужду, сказалъ Угоровъ тономъ, принимавшимъ съ каждою минутою бóльшую рѣзкость.

— Но вѣдь я говорила тебѣ, что онъ боленъ, отвѣчала съ удивленіемъ Катерина Андреевна.

— Очень жалѣю объ этомъ, и постараюсь навѣстить его въ первую свободную минуту. Сегодня мнѣ рѣшительно некогда. Я совсѣмъ иначе расположился своимъ утромъ, и мнѣ необходимо исполнить нѣсколько дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства.

Этотъ холодный, тонъ поразилъ Катерину Андреевну. Она подняла на брата глаза, полные горькой, тяжелой грусти, но ни малѣйшій упрекъ не выразился въ ея чертахъ.

— Извини, что я обезпокоила тебя, сказала она послѣ ми-

путнаго молчанія. Вижу ясно, что ты сегодня озабоченъ какимъ-то важнымъ дѣломъ, и какъ ни грустно будетъ Константину отложить свиданіе съ тобой, еще на день, но я скажу ему, какъ ты занятъ, и можетъ-быть, поправившись, онъ самъ пріѣдетъ къ тебѣ завтра поутру.

— Очень радъ буду видѣть его, отвѣчалъ сухо Петръ Андреевичъ.

— До свиданія, милый Пе.... милый братъ!

— Прощайте, любезная сестрица!

По уходѣ сестры, Угоровъ въ нетерпѣніи толкнулъ кресло, повертывая его къ окну, и принялся чистить ногти съ выраженіемъ досады и неудовольствія. Не прошло и двухъ минутъ, какъ дверь въ кабинетѣ снова скрипнула и Петръ Андреевичъ, сидѣвшій спиною къ ней, быстро вскочилъ съ своего мѣста, закричавъ самымъ раздражительнымъ тономъ:

— Кто тамъ еще?

— Это я вернулась, милый братецъ, сказала кроткимъ голосомъ Катерина Андреевна. Совсѣмъ забыла, что у меня есть къ тебѣ еще просьба.

— Много ли ихъ тамъ у васъ, и скоро ли дадутъ мнѣ покойно заняться своимъ дѣломъ?

— Всего одна, и я сейчасъ же уйду, чтобы не мѣшать тебѣ заниматься.

При этихъ словахъ взглядъ Катерины Андреевны нечаянно упалъ на руку Угорова.... Онъ покраснѣлъ отъ досады и бросилъ на столъ маленькій напилокъ для ногтей такъ сильно, что тотъ, оставивъ ямку въ столѣ, отлетѣлъ рикошетомъ въ стѣну!...

— Чтó же это за инквизиція! вскричалъ Петръ Андреевичъ, выходя изъ себя. Я не имѣю права дѣлать у себя въ комнатѣ, чтó мнѣ вздумается, заниматься чѣмъ мнѣ угодно! Да, еслибы и точно у меня не было никакаго дѣла, не думаете ли вы меня заставить насильно ѣхать къ человѣку, который запятналъ наше имя непростительнымъ поступкомъ, и съ которымъ я не имѣю и не хочу имѣть ничего общаго.

Вмѣсто отвѣта на эти слова Катерина Андреевна поблѣднѣвъ, какъ полотно, повернулась и молча пошла къ двери.

— Куда же вы? продолжалъ въ томъ же тонѣ Угоровъ. Развѣ вы только затѣмъ вернулись, чтобы сказать мнѣ: buona sera! какъ Донъ-Базиліо. Къ чему эта нѣмая сцена? Чтó мы балетъ разъигрываемъ чтó-ли? Или вамъ нужно было видѣть, чтó я дѣлаю у себя въ кабинетѣ?

— Успокойся, милый братъ, сказала Катерина Андревна дрожащимъ голосомъ, блѣдная, какъ смерть. Я ухожу для того, чтобы еще больше не разстроить и не раздражить тебя. Ты сегодня не-въ-духѣ, и разсердившись на чтó-то, сердишься и на меня, хотя я не въ чемъ невиновата.

Эти слова заставили Угорова придти въ себя. Ему даже стало совѣстно, что въ такомъ пустомъ случаѣ онъ оказалъ такъ мало философіи и характера. Вспыльчивость его улеглась въ одну минуту, и онъ сказалъ почти твердымъ голосомъ:

— Останьтесь. Я точно погорячился и... жалѣю объ этомъ. О чемъ вы хотѣли просить меня?

— Мнѣ кажется, что просьба моя будетъ теперь неумѣстна. Ты успокоился наружно, но волненіе не можетъ такъ скоро улечься. Я лучше въ другое время....

— Сдѣлайте одолженіе говорите, если я самъ прошу васъ объ этомъ, прервалъ Угоровъ. Эти отступленія и предисловія могутъ опять вывести меня изъ терпѣнія.

— Я хотѣла просить тебя, чтобы ты простилъ Степана. Это я и тетушка Анна Никитична приказали ему идти къ тебѣ въ кабинетъ.

— Степанъ служитъ мнѣ и долженъ былъ исполнять мои приказанія, а не ваши, отвѣчалъ Угоровъ.

— Но неужели по такому пустому поводу ты прогонишь человѣка, нянчившаго тебя, когда ты былъ еще ребенкомъ?

— Я предупреждалъ его, и одинъ разъ уже простилъ ему подобное нарушеніе моихъ приказаній. Онъ очень хорошо зналъ, чтó ждетъ его во второй разъ. Я, можетъ-быть, строгъ

и справедливъ, и вы точно напрасно возвращались ко мнѣ съ этой просьбой.

— Но, милый братъ, подумай только.....

— Напрасно вы думаете, что я поступаю не подумавши. Принявши разъ намѣреніе — я никогда не измѣняю его; вы это очень хорошо знаете. Всѣ ваши убѣжденія и объясненія будутъ напрасны. Я попрошу васъ даже ни слова не говорить мнѣ объ этомъ.

Катерина Андреевна опустила голову, но не трогалась съ мѣста.

— Неужели ты никогда не простишь его? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, отвѣчалъ Угоровъ. У меня есть дѣло....

— Еще одно слово, сказала она съ грустью. Давича, въ сердцахъ, ты сказалъ нѣсколько жесткихъ словъ о Константинѣ. Теперь ты, вѣрно самъ жалѣешь объ нихъ, и поспѣшишь увидѣться съ нимъ.

— Я увижусь съ нимъ при первой возможности, отвѣчалъ сухо Угоровъ. Чтó же касается до сказанныхъ мною словъ, могу отказаться, пожалуй, отъ рѣзкихъ выраженій, но не отъ смысла того, чтó сказалъ. Я долженъ жалѣть объ немъ по чувству родства и человѣчества, но какъ членъ общества, долженъ раздѣлять мнѣніе о человѣкѣ, нарушившемъ законы этого общества.

— Но поступокъ его уже забытъ и прощенъ....

— Прощенъ властью, но свѣтъ нетакъ скоро забываетъ томъ, кто однажды нарушилъ его условія. Надо, чтобы провинившійся заставилъ самъ позабыть о своемъ поступкѣ, загладивъ его; прощеніе доказываетъ только снисхожденіе прощающаго, а не заслуги прощеннаго. Я сознаюсь, что не могу чувствовать никакой радости при возвращеніи человѣка, бросившаго тѣнь на наше имя.

— Но если онъ именно затѣмъ и вернулся сюда, чтобы трудомъ и примѣрною жизнью загладить свое прежнее необдуманное поведеніе? Неужели ты не поможешь ему избрать родъ жизни и занятій?

— Постараюсь сдѣлать, чтó можно, но повторяю вам
что не могу горячо вступаться и ходатайствовать за челов
ка, который столько лѣтъ вовсе не принадлежалъ къ наш
му семейству. Ка́къ поручусь я за него, когда всѣ знают
его прошедшее?

— Слова твои жестоки, сказала Катерина Андреевна в
волненіи.

— Они справедливы. Если вы хотите знать мое искренн
мнѣніе объ этомъ, я скажу, что ему не слѣдовало бы дая
возвращаться сюда иначе, какъ съ новою, чистою репут
ціею. Здѣсь еще слишкомъ хорошо знаютъ и помнят
его.

При этихъ словахъ Катерина Андреевна, поблѣднѣвъ, з
крыла платкомъ глаза и пошла медленно къ двери.

— Вы, можетъ-быть, недовольны правдою, сказалъ Уг
ровъ, но не забудьте, что сами принудили меня высказа
эту правду, возобновивъ разговоръ о такомъ щекотливо
предметѣ. Впрочемъ, я не досадую на то, что вамъ предст
вился случай узнать мое мнѣніе о нашихъ отношеніяхъ. Э
было даже необходимо. Вы будете помнить, по-крайней-м
рѣ, ка́къ я смотрю на этотъ предметъ.

— Боже мой! Боже мой! какъ ты перемѣнился! отвѣча
Катерина Андреевна, отирая слезы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ съ видимымъ удовольст
емъ Угоровъ. Стало-быть, и вы удостовѣрились теперь, что
меня есть характеръ?

— Я вижу только, что у тебя нѣтъ сердца! сказала он
взявшись за ручку двери.

— А! послѣ просьбъ упреки, по всѣмъ правиламъ ретор
ки. Позвольте мнѣ, однакоже, избавить себя отъ непріятн
сти слушать выговоры. Вы, конечно, имѣете право дѣла
ихъ, но и я, надѣюсь, имѣю право избѣгать ихъ.

— Я не хотѣла упрекать тебя, потому-что это было б
напрасно. Слова эти невольно сорвались у меня съ язык
Могу сказать тебѣ на прощанье только одно: надо быть с
мому слишкомъ чистымъ и безгрѣшнымъ, чтобы осужда
такъ строго проступки другихъ.

— Эту совершенно справедливую аксіому можно выразить еще другимъ образомъ, сказалъ спокойно Угоровъ, въ то время, когда Катерина Андреевна отворила дверь. Надо быть самому несовсѣмъ чистымъ и безгрѣшнымъ, чтобы извинить такъ снисходительно проступки другихъ.

Катерина Андреевна остановилась при этихъ словахъ на порогѣ комнаты и бросила на Угорова взглядъ, полный сожалѣнія, гордости и глубокой грусти. Петръ Андреевичъ хладнокровно встрѣтилъ этотъ взглядъ и пошелъ въ уголъ кабинета поднимать свой напилокъ. Бѣдная женщина скрылась за дверью.

Тогда онъ снова усѣлся въ свое кресло, вздохнулъ, какъ человѣкъ, съ котораго свалилась гора, и снова принялся за чистку ногтей.

Однакоже ему неудалось окончить это пріятное и важное занятіе. Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ кабинетъ его снова заскрипѣла. Петръ Андреевичъ вскочилъ въ волненіи. Ему показалось, что Катерина Андреевна вернулась еще разъ.

Это была женщина такая же худая и блѣдная, только еще моньше, ниже ростомъ, моложавѣе и некрасивѣе. Она была одѣта по домашнему, въ темно-коричневомъ, мериносовомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами, чрезвычайно короткомъ, выказывавшемъ всю ногу до оконечностей берцовыхъ костей. Волосы ея спереди были гладко зачесаны за ухо, сзади, коротко подстриженные, вились въ мелкіе локоны, какъ у тринадцатилѣтней дѣвушки. Она была очень худа; платье ея, несмотря на то, что было сшито въ два полотнища, висѣло на ней, по русскому выраженію, какъ на вѣшалкѣ. Въ-особенности же было страшно взглянуть на ея руки и пальцы — тонкіе, бѣлые и прозрачные, на которыхъ, безъ малѣйшаго признака крови, рѣзко обрисовывались вены и мускулы. Впалые глаза, смотрѣвшіе какъ-то странно и безсознательно, большой ротъ и осунувшіяся щеки, отъ которыхъ длинный носъ казался еще длиннѣе, дѣлали и безъ того некрасивое лицо женщины — еще непривлекательнѣе.

Она вошла робко, неловкою походкою, и сказала ед слышно, дрожащимъ голосомъ:

— Я.... я не помѣшала вамъ, Петръ Андреевичъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ взглянулъ на часы и сказалъ почти с досадой:

— Первый часъ! Сколько времени отнялъ у меня этот визитъ.

Потомъ, не поднимая глазъ на вошедшую женщину и пр должая осматривать свои ногти, онъ прибавилъ:

— Ты знаешь, что послѣ двѣнадцати часовъ можешь вс гда придти поздороваться со мною, если я самъ не успѣ сдѣлать этого раньше. Я хотѣлъ впрочемъ сейчасъ идти к тебѣ. Меня задержала Катерина Андреевна.

— Я встрѣтила ее въ залѣ, продолжала новая посѣтител ница робкимъ, тихимъ голосомъ. Она едва отвѣчала мн на вопросъ объ ея здоровьѣ, торопилась уйти и была, кажет ся, очень разстроена.

— Я сказалъ ей нѣсколько словъ правды, на которыя он сама же вызвала меня, отвѣчалъ Угоровъ, весь погруженны въ свое интересное занятіе.

— Катерина Андреевна неочень счастлива въ своей се мейной жизни. Мнѣ жаль ее, сказала съ какимъ-то стран нымъ выраженіемъ собесѣдница Угорова.

— Семейная жизнь ея не имѣла никакаго отношенія къ на шему разговору, и тебѣ нечего заботиться объ ней. Во всѣх ея несчастіяхъ — никто невиноватъ, кромѣ ея самой. Н ты, вѣроятно, не затѣмъ пришла сюда, чтобы толковать Катеринѣ Андреевнѣ. Вѣрно, тебѣ чтó-нибудь нужно от меня?

— Да, я пришла.... я хотѣла бы поговорить съ вами; по просить васъ объ одной вещи....

— Говори, но пожалуйста безъ предисловій; я ихъ терпѣт не могу. Замѣть также, что ты опять начала говорить мн *вы*. Сколько разъ я напоминалъ тебѣ, что между мужем и женою должна существовать совершенная непринужден ность.

— Извините.... извини, я все еще не могу привыкнуть, отвѣчала жена едва слышно.

— Въ шесть-то лѣтъ! пора бы привыкнуть, сказалъ мужъ недовольнымъ тономъ.

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе. Видя, что жена его стоитъ неподвижно, опустивъ голову, Угоровъ сказалъ наконецъ, смягчивши голосъ и подвигая кресло:

— Садись, и говори, что́ хотѣла сказать. Я слушаю.

Она машинально опустилась въ кресло, дыша неровно и прерывисто. На глазахъ ея показались слезы, которыя она въ ту же секунду отерла съ испуганнымъ видомъ:

— Простите.... сказала она, едва удерживая рыданія, я знаю, что вы.... что ты не любишь, когда я плачу.... Но это, право противъ воли. Я нездорова.... очень нездорова, Петръ Андреичъ.

И она заплакала истерически, дрожа всѣмъ тѣломъ. Угоровъ встревожился не на шутку, и сказалъ самымъ нѣжнымъ тономъ, какимъ только могъ, беря ее за руку:

— Что́ съ тобою, Паша? Очень ясно, что ты больна, но чѣмъ и отчего? Я пошлю за докторомъ.

— Ненадо, отвѣчала она, усиливаясь удержать слезы. Я знаю, что вы не любите докторовъ, не вѣрите въ медицину. Къ тому же моя болѣзнь не такая, чтобы ее можно было вылечить лекарствами.

— Это еще что́ такое? сказалъ Угоровъ съ недовольнымъ выраженіемъ. Какія могутъ быть у тебя душевныя страданія?

— Никакихъ, ровно никакихъ, отвѣчала быстро Угорова. Но я такъ рѣдко вижусь съ вами... съ тобою; всегда одна; мнѣ не съ кѣмъ поговорить. Тетушка твоя Анна Никитична или въ гостяхъ, или сидитъ запершись у себя въ комнатѣ; притомъ же, ты знаешь, она нерасположена ко мнѣ. А моя тетушка и сестры очень рѣдко ѣздятъ ко мнѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ вы.... какъ ты объяснялся съ ними такъ.... рѣшительно.

— Я долженъ былъ просить твою тетушку и сестеръ рѣже посѣщать насъ, потому-что, не понимая моей системы

управлять домомъ и хозяйствомъ, онѣ только мѣшали мнѣ, возбуждая въ тебѣ разныя идеи, прямо противорѣчившія моимъ планамъ и оскорблявшія мое достоинство. Я уже объяснялъ подробно въ то время, почему тебѣ недолжно слѣдовать ничьимъ чужимъ совѣтамъ и избѣгать всякаго посторонняго вліянія, слѣдуя однимъ внушеніямъ твоего мужа. Думаю, что незачѣмъ возобновлять этого разговора.

— Я не имѣла намѣренія возобновлять его, и сказала объ этомъ только мимоходомъ. Но мнѣ бы хотѣлось, — ты не разсердишься на мое желаніе? — чтобы подлѣ меня была женщина, которая могла бы присмотрѣть за мною, съ которой я могла бы иногда поговорить, разсѣять себя. Я объ этомъ собственно и пришла просить. Одна изъ моихъ прежнихъ подругъ находится теперь въ очень затруднительномъ положеніи. Дальняя родственница, у которой она жила, поссорилась съ нею и выслала ее отъ себя. И безъ того жизнь бѣдной дѣвушки была очень тяжела, а теперь она не знаетъ, какъ и чѣмъ жить. Въ гувернантки — надо искать мѣста; она была въ нѣсколькихъ пансіонахъ; въ однихъ не было вакансій, въ другихъ не приняли ее потому-что она немного знаетъ и не имѣетъ диплома. Возьмите ее, Петръ Андреичъ. Вы сдѣлаете два добрыхъ дѣла — для нея и для меня.

Въ словахъ Угоровой было много жару и чувства. Тяжело было ей рѣшиться высказать это желаніе, долго она приготовлялась къ этому, и потому перелила все свое краснорѣчіе въ эти слова, которыми надѣялась тронуть своего мужа. А онъ сидѣлъ спокойный, неподвижный, все въ томъ же положеніи, не ободряя ее ни однимъ взглядомъ, ни одной ласковой улыбкой. И давъ ей высказать все, онъ отвѣчалъ холоднымъ, размѣреннымъ тономъ:

— Если я нашелъ неудобнымъ, чтобы у тебя была компаньонкой одна изъ твоихъ сестеръ, тѣмъ болѣе будетъ неумѣстною между нами совершенно посторонняя, наемная женщина. Третье лицо между мужемъ и женою всегда лишнее. Въ семействѣ бываетъ множество мелкихъ случаевъ, которые никто не долженъ знать, кромѣ мужа и жены, потому-что всякое постороннее лицо можетъ вовсе не такъ по-

вать эти случаи и перетолковать ихъ даже въ дурную сторону. Я нашелъ вреднымъ вліяніе гувернантки на мальчика, когда ты хотѣла нанять гувернантку для нашего сына. Вліяніе компаньонки, по моему, можетъ быть еще вреднѣе. Угождая тебѣ всегда и во всемъ, она не облегчитъ, а напротивъ усилитъ твою болѣзнь, будетъ всегдашнимъ яблокомъ раздора между мною и тобою. Однимъ-словомъ, противъ компаньонокъ есть множество причинъ и весьма немного въ пользу ихъ.

Въ отвѣтъ на это глубокомысленное разсужденіе Прасковья Ивановна Угорова сказала, вставая съ кресла:

— Извини, что я напрасно обезпокоила тебя своею просьбой, и не сердись на меня.

— Я и не думаю сердиться, отвѣчалъ Петръ Андреевичъ, также вставъ съ своего мѣста. Съ удовольствіемъ готовъ исполнить всякое твое желаніе, если только оно удобоисполнимо. Такъ тебѣ ненужно доктора?

— Ненужно, благодарю.

— Я пойду сейчасъ въ учебную комнату моего сына. Прощай покамѣстъ.

— Прощай, отвѣчала Прасковья Ивановна почти также холодно, какъ Угоровъ.

— А кто эта бѣдная дѣвушка, которую ты хотѣла взять себѣ въ компаньонки? спросилъ онъ, поправляя галстухъ передъ зеркаломъ.

— Софья Францовна Шрекъ, сказала Угорова въ дверяхъ комнаты. Ты, можетъ-быть, помнишь ее. Она жила у Амаліи Петровны Гроковой. Я у нея ближе всего сошлась съ этой дѣвушкой, когда гостила тамъ передъ моимъ замужствомъ.

— Какъ же, помню! отвѣчалъ Угоровъ, заботливо расправляя складки манишки.

ГЛАВА II.

Компаньонка, ребенокъ, тетушка и благодѣтельница.

Въ этотъ вечеръ Прасковья Ивановна Угорова была удивлена такъ, какъ еще не случалось ей удивляться со времени своего замужства. Въ спальню къ ней пришелъ Петръ Ан-

древичъ; онъ былъ особенно ласковъ, любезенъ, внимателенъ, и сказалъ ей между-прочимъ, что по зрѣломъ обсужденіи ея утренней просьбы, обдумавъ все хорошенько, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, соглашается на то, чтобы она взяла себѣ компаньонку. Угорова была поражена этимъ неожиданнымъ согласіемъ, хотя и не поняла причинъ, по которымъ оно было дано сверхъ всякаго ожиданія.

А причины эти были очень просты, хотя вовсе не тѣ, которыя приводилъ Угоровъ. Первой мыслью его, по уходѣ жены, было твердое намѣреніе отказать рѣшительно всякой компаньонкѣ, а тѣмъ болѣе Софьѣ Францовнѣ, и чѣмъ дольше обдумывалъ онъ эту мысль, тѣмъ яснѣе представлялись ему все неудобство и странность подобнаго компаньонства.

Но потомъ ему въ голову пришла другая идея. Человѣку съ характеромъ захотѣлось испытать свой характеръ, убѣдиться въ его твердости. «Мнѣ нѣкогда нравилась эта дѣвушка, думалъ онъ. Любопытно будетъ видѣть воспоминанія молодости въ борьбѣ съ чувствомъ долга. Собственно говоря, тутъ и не можетъ быть никакой борьбы, но во всякомъ случаѣ это испытаніе будетъ нелишнее для укрѣпленія моего характера. Если я откажу ей, другіе могутъ подумать, что сдѣлалъ это отъ боязни, по слабости, тогда какъ принявъ ее, я возвышусь въ собственныхъ своихъ глазахъ и въ глазахъ всего свѣта».

Поэтому-то, не смотря на парадоксальную сторону этихъ выводовъ, Угоровъ рѣшился привести ихъ въ исполненіе и отправился къ женѣ, съ намѣреніемъ узнать всѣ подробности этого дѣла и въ-особенности, какъ согласилась Софья Францовна на подобное предложеніе. Прасковья Ивановна отвѣчала однако тоже самое, что сказала поутру, прибавивъ только, что мамзель Шрекъ сама не дѣлала этого предложенія и даже вовсе не знаетъ объ немъ, а что мысль эта пришла въ голову Угоровой, когда она случайно узнала о затруднительномъ положеніи своей бывшей подруги. Прасковья Ивановна не была даже совершенно увѣрена, что Софья Францовна приметъ это предложеніе, но несмотря на это, не

знала какъ благодарить мужа за такое снисхожденіе и вниманіе къ ея просьбѣ.

— Ты какъ скоро думаешь узнать отвѣтъ мамзель Шрекъ? спросилъ мужъ въ заключеніе самаго нѣжнаго разговора съ женою. Я совѣтовалъ бы тебѣ не терять времени. Ты знаешь поговорку: на доброе дѣло можно опоздать, но никогда нельзя придти слишкомъ рано.

— Я завтра же съѣзжу къ Софьѣ, отвѣчала Угорова, и если она не согласится, стану тотчасъ же искать другой компаньонки.

По странному свойству натуры, слова эти очень не понравились Петру Андреевичу. Отчего—онъ и самъ не зналъ, точно также какъ не зналъ, что заставляло его такъ торопиться осуществить желаніе жены. Онъ однакоже не показалъ виду, что недоволенъ вторымъ рѣшеніемъ Прасковьи Ивановны, и просилъ только увѣдомить его о результатѣ переговоровъ.

На другой день вечеромъ она сообщила мужу, что переговоры очень затруднительны, что мамзель Шрекъ не соглашается, и даже удивилась, узнавъ о предложеніи и о томъ, что со стороны Петра Андреевича, не только нѣтъ никакихъ препятствій и возраженій, что но онъ самъ очень радъ видѣть ее компаньонкою своей жены.

— Не понимаю, отчего она такъ удивилась моему предложенію, прибавила Прасковья Ивановна. Развѣ она имѣла какой-нибудь поводъ думать, что ты нерасположенъ къ ней?

— Не знаю, отвѣчалъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ Угоровъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ, что ты принимаешь въ ней большое участіе, продолжала Угорова.

— О нѣтъ, нисколько! сказалъ онъ быстро и съ жаромъ. Я забочусь собственно о тебѣ. Мнѣ все-равно, какая бы у тебя ни была компаньонка. Ты сама выбрала Софью Францовну, потому-что давно уже знаешь ее; я согласенъ на это еще болѣе потому, что, по твоимъ словамъ, это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрымъ дѣломъ.

Для философа Петръ Андреевичъ поступалъ несовсѣмъ чисто, говоря эти слова. По вседневному выраженію, онъ немножко кривилъ душею, и нельзя сказать, чтобы самъ не видѣлъ этого. Но философія имѣетъ столько методъ и средствъ объяснять въ свою пользу самыя двумысленныя движенія души человѣка!...

Нельзя сказать также, чтобы онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ ожидалъ окончанія переговоровъ, достигшихъ впрочемъ желаемой цѣли. Софья Францовна согласилась поступить въ компаньонки къ своей прежней подругѣ. Выбирать было не изъ чего. Нужда уже нѣсколько мѣсяцевъ томила ее своимъ тяжелымъ гнетомъ. У Угоровыхъ она, по-крайней-мѣрѣ, была увѣрена, что будетъ сыта всякій день, что ей будетъ тепло....

Съ-тѣхъ-поръ какъ новая компаньонка поселилась у Угоровыхъ, домъ ихъ началъ смотрѣть какъ-то веселѣе. Прасковья Ивановна стала изрѣдка улыбаться, Петръ Андреевичъ сдѣлался немного внимательнѣе къ ней, ласковѣе, доступнѣе. Сама компаньонка не употребляла впрочемъ никакихъ усилій, чтобы произвести эту перемѣну; она произошла сама собой, невольно, какъ будто по естественному ходу вещей. Даже сынъ Угорова развеселился и игралъ съ Софьей Францовной, разумѣется, когда Петра Андреевича не было дома.

Странно росъ и воспитывался этотъ ребенокъ, въ которомъ больше всего и прежде всего, прежде ума, чувства, наклонностей, отецъ старался развивать характеръ. Мальчика звали Карпомъ. Во всемъ родѣ Угоровыхъ никогда и никого не звали этимъ именемъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ Угоровъ сталъ пріучать сына къ разнымъ лишеніямъ, перемѣнамъ температуры, воздержности, спокойствію. Ребенокъ былъ раза два опасно боленъ, но природа дала ему здоровое и крѣпкое сложеніе; онъ все перенесъ и окрѣпъ еще болѣе. Читать и писать его начали учить по четвертому году; онъ былъ понятливъ и исполнялъ все, чтó ему приказывали, можетъ быть еще болѣе, потому-что за неисполненіе приказаній его ждали строгія наказанія. По шестому году ребенокъ зналъ уже очень много для своихъ лѣтъ. Къ

нему ходили учителя, какъ къ взрослому мальчику; за нимъ смотрѣлъ дядька; мать не смѣла много ласкать, а тѣмъ менѣе баловать сына, и сынъ обходился съ ней какъ-то неловко, неоткровенно, какъ съ отцомъ, очень рѣдко ласкавшимъ ребенка и то съ особенною важностью, за особенные успѣхи. Нечасто однако же случалось и сыну оказывать эти успѣхи: онъ тщательно выучивалъ уроки, дѣлалъ все, чтó ему задавали, но ни къ чему не было у него ни особаго влеченія, ни склонности; все дѣлалось какъ-то машинально, холодно, размѣренно. Отецъ не любилъ рѣзвости, крику, шуму, даже громкаго смѣху — и ребенокъ ходилъ тихо, говорилъ почти шопотомъ, принялъ какой-то надутый, недовольный видъ, казавшійся еще страннѣе при его блѣдномъ лицѣ. Несмотря на эту блѣдность, мальчикъ былъ однако здоровъ и не чувствовалъ никакаго изнуренія отъ ранняго ученья. Онъ скоро понялъ, что отъ него болѣе всего требовали равнодушія къ предметамъ, которые на самомъ дѣлѣ сильно занимали его; поэтому, не умѣя дѣйствительно отказаться отъ того, что ему нравилось, онъ сталъ показывать наружное хладнокровіе ко всему, чтó его окружало. Этимъ способомъ онъ избѣгалъ также случаевъ ошибаться въ выборѣ. Нельзя было добиться отъ ребенка, чтó онъ точно любитъ и чего не любитъ. Онъ принималъ все и отказывался отъ всего одинаково спокойно. Мать называла это притворствомъ; отецъ развитіемъ характера; впрочемъ въ дѣлѣ воспитанія сама она не принимала никакаго участія и вполнѣ покорялась въ этомъ случаѣ — какъ и во всѣхъ другихъ, — распоряженіямъ и волѣ Петра Андреевича.

Новое лицо въ домѣ скоро привлекло къ себѣ ребенка. Какъ ни молчалива, ни печальна была компаньонка, но она, по-крайней-мѣрѣ, улыбалась ребенку, говорила съ нимъ безъ принужденія, не удерживая себя изъ разсчету, какъ Петръ Андреевичъ—или изъ боязни навлечь неудовольствіе мужа,—какъ Прасковья Ивановна. Поэтому ребенокъ очень скоро полюбилъ Софью Францовну — и привязался къ ней больше, чѣмъ къ кому-нибудь.

Такимъ-образомъ, весь домъ Угорова былъ очень распо-ложенъ къ компаньонкѣ. Со стороны главы семейства рас-положеніе это было впрочемъ подвержено сомнѣнію. Петръ Андреевичъ обходился съ нею какъ-то принужденно, сухо, говорилъ рѣдко, отрывистыми фразами; иногда вырывались у него даже колкости и насмѣшки, впрочемъ удерживаемыя въ границахъ учтивости, и которыхъ компаньонка даже не замѣчала. Разумѣется, что о прошедшемъ не было ни по-мину, ни намека.

Было однако одно лицо въ домѣ Угорова, которое сильно не благоволило къ компаньонкѣ и даже не старалось скры-вать своего нерасположенія. Тетушка Анна Никитична, ото-двинутая женитьбою Угорова на второй планъ, вела себя до-вольно эксцентрично. Первое время она завѣдывала хозяй-ствомъ и столомъ молодыхъ, но хозяйство шло такъ дурно, столъ соединялся съ такими расходами, что Угоровъ вскорѣ передалъ управленіе всемъ домомъ молодой женѣ, назна-чивъ ей бюджетъ на каждую часть расходовъ,—изъ котораго она не должна была выходить,—и наблюдая вообще за всѣми расходами по дому. Такое распоряженіе сильно оскорбило тетушку; она начала косо смотрѣть на молодую, обходить-ся съ нею несовсѣмъ учтиво, и разсказывать громко всѣмъ и каждому, что ни за что не останется въ этомъ домѣ, гдѣ ей не оказываютъ ни малѣйшаго вниманія и платятъ неблагодарностью за всѣ заботы и попеченія. Прасковья Ивановна не хотѣла замѣчать выходокъ Анны Никитичны, становившихся даже неприличными, но Угоровъ разомъ по-ложилъ имъ конецъ, объявивъ однажды, что при первой подобной выходкѣ онъ самъ попроситъ Анну Никитичну ис-полнить ея давнишнее намѣреніе — оставить его домъ окон-чательно и безвозвратно. Твердый тонъ Петра Андреевича подѣйствовалъ на старуху, которая совершенно перемѣнила свое обращеніе и начала оказывать Угоровой и ея мужу самую утонченную и холодную учтивость. Она старалась какъ можно рѣже видѣться съ супругами, выходила изъ своей комнаты только къ обѣду, и бóльшую часть вечеровъ проводила въ гостяхъ, или сидѣла запершись въ своей ком-

мнѣ, и принимая у себя подругъ и знакомыхъ. Чаще всего видѣлась она съ дѣвицей Подзоровой, неизвѣстно отчего особенно подружившейся со старухой. Въ первое время разочарованная дѣвица успѣла даже втереться въ знакомство къ Угоровой и была съ ней удивительно ласкова и любезна. Молодая и довѣрчивая женщина находила даже большое удовольствіе въ занимательной и колкой болтовнѣ опытной дѣвицы, но Подзорова, непривыкшая удерживать свой языкъ, позволила себѣ нѣсколько нескромныхъ замѣчаній на счетъ Угорова, и въ добавокъ, попробовала было научить Прасковью Ивановну — курить. Этого не могъ вынести Петръ Андреевичъ; онъ самъ отказался отъ куренія, которое очень любилъ, для того, чтобы еще больше отличаться отъ массы, которая куритъ теперь до неистовства. Въ особенности онъ считалъ страшнымъ преступленіемъ, если курила женщина, почему формально запретилъ женѣ продолжать знакомство съ дѣвицей Подзоровой, и Анна Никитична стала принимать ее только у себя въ комнатѣ, и еще болѣе привязалась къ ней.

Когда, послѣ сцены съ братомъ, Катерина Андреевна перестала ѣздить къ нему, Анна Никитична, до того времени также неблаговоливппая къ Лопуцькой, стала посѣщать ее чуть не каждый день; она сдѣлалась даже особенно внимательна и ласкова къ Степану, прогнанному Угоровымъ и поступившему въ услуженіе къ Катеринѣ Андреевнѣ. Такимъ-образомъ Анна Никитична дѣлалась всегдашнею заступницею и пріятельницею всѣхъ, кто былъ въ размолвкѣ съ Угоровымъ, и составляла постоянную оппозицію въ его домѣ. Поэтому немудрено, если новая компаньонка возбудила сильное недоброжелательство въ старой дѣвѣ и доставила ей новый поводъ къ жалобамъ на неблагодарность людей. А жалобы сдѣлались въ послѣднее время любимымъ занятіемъ тетушки, и ими она обыкновенно начинала бесѣду со всякимъ, или умѣла искусно вклеить ихъ въ каждый начатый разговоръ. Она, казалось, только и жила одними жалобами.

Въ половинѣ іюля, спустя мѣсяцъ послѣ вступленія въ ихъ домъ Софьи Францовны, Угоровы переѣхали на дачу

къ Лѣсному Институту, по близости мѣста, гдѣ за шесть лѣтъ назадъ Петръ Андреевичъ жилъ холостякомъ. Мысль эта пришла въ голову Прасковьѣ Ивановнѣ. Ей почему-то вдругъ захотѣлось снова увидѣть тѣ мѣста, съ которыми она познакомилась въ первый разъ по выходѣ изъ пансіона, и гдѣ такъ быстро и неожиданно рѣшилась участь всей ея жизни. Нельзя сказать, чтобы Угорову понравилась эта мысль, но у него не было никакаго предлогу отказать женѣ въ ея просьбѣ, и онъ согласился на это тѣмъ болѣе, что просьба была сдѣлана въ присутствіи Софьи Францовны. Тетушка Анна Никитична, по собственному желанію, осталась въ городѣ, смотрѣть за зимней квартирой Угоровыхъ. Они были очень довольны этимъ распоряженіемъ; она также: въ городѣ ей можно было на свободѣ принимать кого угодно, жаловаться сколько угодно. По временамъ однако она являлась и на дачу, съ визитомъ, по утру, или вечеромъ на чашку чаю, и тотчасъ же уѣзжала обратно въ городъ.

Угоровъ не жилъ постоянно на дачѣ. Нерѣдко онъ проводилъ въ городѣ и утро и вечеръ. У него были два главныя занятія. Года три назадъ, онъ задумалъ написать трактатъ о развитіи человѣческихъ способностей. Трактатъ подвигался впередъ очень медленно, потому-что Угоровъ не былъ приготовленъ къ подобному труду предварительнымъ изученіемъ философскихъ школъ и теорій. Въ особенности въ послѣднее время, Петръ Андреевичъ просиживалъ иногда цѣлые часы надъ чистымъ листомъ бумаги, не написавъ на немъ ни строки и думая Богъ вѣсть о чемъ.

По вечерамъ, раза два или три въ недѣлю, Угоровъ ѣздилъ въ дворянское собраніе играть въ карты. Онъ не очень любилъ это занятіе, но слѣдуя общепринятому мнѣнію, что въ картахъ узнается и испытывается характеръ человѣка, началъ играть болѣе всего потому, что въ прежнее время сердился при проигрышѣ и выходилъ изъ себя при ошибкахъ партнера. Разумѣется, что онъ вскорѣ побѣдилъ въ себѣ эти чувства, но продолжалъ играть болѣе всего потому, что всегда ровная и хладнокровная игра его возбуждала всеобщее удивленіе и уваженіе. Ему очень лестно

было носить названіе самаго пріятнаго игрока, и всѣ наперерывъ старались сѣсть съ нимъ въ партію, еще скорѣе потому, что, по этой же причинѣ, онъ любилъ больше проигрывать, чѣмъ выигрывать. Но и въ карты Петръ Андреевичъ началъ подъ лѣто играть довольно разсѣянно, и даже дѣлать ренонсы, что́ до крайности удивляло и сердило его партнеровъ, непользовавшихся названіемъ пріятныхъ игроковъ.

Угоровъ былъ вообще чѣмъ-то очень недоволенъ въ послѣднее время. Неудовольствіе это проявлялось въ словахъ, въ жестахъ, въ поступкахъ. Ясно было, что онъ самъ не замѣчалъ этого за собою; иначе, по званію человѣка съ характеромъ, онъ непремѣнно скрылъ бы это чувство. Къ развитію въ немъ неудовольствія могло служить впрочемъ и то обстоятельство, что, по странному случаю, на дачахъ Лѣснаго Института въ это лѣто жили нѣкоторыя изъ лицъ, съ которыми онъ былъ очень близокъ въ прежнее время, а теперь не любилъ встрѣчаться. Къ числу этихъ лицъ принадлежали — Амалія Петровна Грокова съ семействомъ и бывшіе пріятели Угорова, Стразовъ и Негляковъ. Не говоря уже о дѣвицѣ Подзоровой, неизвѣстно гдѣ жившей, но попадавшейся также въ аллеяхъ парка. Къ тому же Угорова могло безпокоить и здоровье жены, нисколько непоправившееся отъ дачнаго воздуха и замѣтно слабѣвшее съ каждымъ мѣсяцемъ.

Съ пріятелями своими Петръ Андреевичъ раскланивался очень сухо, съ Амаліей Петровной также; но потомъ, встрѣтивъ ее въ другой разъ, на музыкѣ, самъ первый подошелъ и заговорилъ о погодѣ и объ удовольствіи жить на дачѣ у Лѣснаго Института.

Амалія Петровна отвѣчала съ довольнымъ, хотя и удивленнымъ видомъ, и послѣ нѣсколькихъ фразъ обыкновенной учтивости сказала, что всѣ добрые знакомые сожалѣютъ о его затворничествѣ, что онъ напрасно оставилъ домá, гдѣ его принимали съ такимъ радушіемъ, и что, наконецъ, она сама, не видавъ его нѣсколько лѣтъ, была поражена тѣмъ, что онъ вступилъ съ нею въ разговоръ, особен-

не после того, какъ едва поклонился ей при первой встрѣчѣ, нѣсколько дней тому назадъ.

Угоровъ отвѣчалъ извиненіями, увѣреніями въ своей близорукости, въ томъ, что онъ попрежнему уважаетъ своихъ добрыхъ знакомыхъ и съ удовольствіемъ встрѣчается съ ними, но что, по несчастью, постоянная болѣзнь жены и его собственныя занятія не позволяютъ ему, ни самому часто выѣзжать въ свѣтъ, ни принимать у себя.

Амалія Петровна спросила изъ учтивости о здоровьи госпожи Угоровой.

— Теперь ей немного легче, отвѣчалъ онъ. Болѣе всего она подвержена припадкамъ меланхоліи. Чтобы разсѣять ее сколько можно, я взялъ для нея компаньонку.

— Какъ же, слышала! отвѣчала съ пренебреженіемъ Грекова. Это былъ вашъ выборъ, или вашей супруги?

Въ послѣднемъ вопросѣ Угоровъ замѣтилъ оттѣнокъ ироніи. Не обращая однако вниманія на это, онъ сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— Я почти совсѣмъ не зналъ мамзель Шрекъ и видѣлся съ нею только нѣсколько разъ, у васъ въ домѣ. Но жена, гостивъ у васъ, сблизилась съ нею и очень хвалила ее. Къ тому же тутъ былъ еще одинъ побудительный поводъ принять въ нашъ домъ бѣдную дѣвушку: говорятъ, что она находилась въ крайнемъ положеніи.

— Она заслужила это положеніе! сказала съ жаромъ Амалія Петровна. Не хочу мѣшать доброму дѣлу, но обязана предостеречь васъ на счетъ Софьи Францовны. Повѣрите ли вы моимъ словамъ или нѣтъ, — это ужъ ваше дѣло. Мой долгъ сказать вамъ только, что это самое фальшивое и неблагодарное созданіе, какое я только знаю.

— Вѣрю, что она должна быть точно виновата въ чемъ-нибудь, если уже вы, ея единственная родственница, принуждены были разстаться съ нею и оставить ее на произволъ судьбы. Я желалъ бы однако знать, въ чемъ именно можно обвинить ее, чтобы при первомъ случаѣ, опираясь на какой-нибудь фактъ, остановить ее, если она впадетъ въ прежній проступокъ, и избавить жену отъ дурнаго примѣра.

— О! я знаю, что вы не разстанетесь съ вашей компаньонкой, сказала Грокова, не скрывая своей досады. На это у васъ есть важныя причины.

— Очень важныя, сказалъ Угоровъ строго и серьозно: здоровье жены, привязавшейся къ своей прежней подругѣ. Я, конечно, не пожертвую имъ никакому бездоказательному обвиненію. Вы назвали Софью Францовну фальшивой и неблагодарной дѣвушкой, но первый эпитетъ такъ теменъ, а второй такъ сомнителенъ, что я желалъ бы знать, на чемъ онъ основывается?

— Вы сомнѣваетесь въ ея неблагодарности! вскричала Грокова съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Неужели вы думаете, что я могла безъ причины прогнать отъ себя эту дѣвушку? Обязанная мнѣ и моему семейству рѣшительно всѣмъ, она стала въ послѣднее время обходиться съ нами такъ, что это бросалось всѣмъ въ глаза; не обращала никакого вниманія на наши приказанія, не исполняла того, чтó мы отъ нея требовали; не хотѣла ничего ни помнить, ни понимать; даже не слыхала часто того, чтó мы говорили ей, думая Богъ знаетъ о чемъ; рѣшительно ничѣмъ не занималась по хозяйству, ходила и смотрѣла какъ помѣшанная, разбивала и портила все, до чего дотрогивалась; наконецъ, мѣсто того, чтобы заниматься моими дѣтьми, вздумала сама учиться, и къ довершенію всего, на замѣчанія наши и напоминанія, чѣмъ она одолжена намъ, — отвѣчала разъ, что у нея нѣтъ силъ выносить такой родъ жизни и что она оставляетъ нашъ домъ. То есть, я сама послѣ этого сказала, чтобы она оставила нашъ домъ, прибавила въ заключеніе Амалія Петровна, исправивъ послѣднюю фразу.

— Изъ всего этого я вижу только одно, отвѣчалъ спокойно Угоровъ: Софья Францовна ровно ни въ чемъ невиновата.

Такой неожиданный выводъ совершенно ошеломилъ Грокову. Она вскричала наконецъ съ запальчивостью, послѣ минутнаго молчанія.

— Позвольте замѣтить, что ваши выраженія весьма не-

умѣстны, чтобы не сказать болѣе. Очень замѣтно, что вы нѣсколько лѣтъ не были въ порядочномъ обществѣ.

— Оттого то я и научился видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, возразилъ Угоровъ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ. Еслибъ вы сами не были ослѣплены какою то странною раздражительностью, чтобы не сказать болѣе, то увидѣли бы, что всѣ ваши обвиненія противъ мамзель Шрекъ скорѣе оправдываютъ ее. Я вижу въ нихъ только то, что она была поражена сильной грустью и потому не исполняла своей обязанности въ вашемъ домѣ; чувство собственнаго достоинства, пробудившееся въ ней, можетъ-быть, даже отъ того, что это достоинство слишкомъ часто унижали — заставило ее наконецъ бѣжать отъ этихъ невесьма безкорыстныхъ благодѣяній, за которыя надо было платить нечеловѣческими жертвами. Васъ возбуждаетъ противъ бѣдной дѣвушки болѣе всего не то, что она оставила васъ, но что вамъ надо взять другую гувернантку, которой придется платить не одними благодѣяніями; васъ оскорбляетъ болѣе всего не то, что она перестала учить другихъ, а что вздумала сама учиться. Вотъ, что́ увидѣлъ я въ вашихъ словахъ теперь, не принадлежа къ вашему обществу, и чего, можетъ-быть, не замѣтилъ бы, живя въ немъ. Надѣюсь, что послѣ этого вы не найдете страннымъ мое отшельничество какъ вы его называете.

Амалія Петровна не понимала сама, какъ она могла дослушать Угорова. Бѣшенство душило ее. Наконецъ она нашла въ себѣ столько силъ, чтобы встать съ своего мѣста и уйти, бросивъ на прощанье Угорову взглядъ и слова, полныя злости:

— Я слышала давно, что вы помѣшались, сидя постоянно въ заперти, но теперь лично убѣдилась въ томъ, что васъ надо посадить на цѣпь.

Угоровъ улыбнулся на эти слова. Они касались только его одного.

III.

«O RIMEMBRANZA!» и «LA CALUNNIA.»

На другой день послѣ этой сцены Угоровъ не уѣзжалъ въ городъ; онъ былъ немного задумчивъ, и проведя часа два поутру въ кабинетѣ, вошелъ, не заходя къ женѣ, въ комнату сына. Тамъ онъ спросилъ у лакея — повели ли гулять ребенка, и получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился самъ въ паркъ Лѣснаго Института.

Онъ гулялъ скорыми шагами, какъ человѣкъ, для котораго прогулка не цѣль, а средство; безпокойный взглядъ, бросаемый впередъ и по сторонамъ, доказывалъ, что онъ желалъ встрѣтить кого-нибудь, или не желалъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Какое то инстинктивное чувство влекло его къ знакомой аллеѣ, къ скамейкѣ, которая была свидѣтельницею столькихъ замѣчательныхъ сценъ въ его жизни....

И на этотъ разъ, еще издали увидѣлъ онъ на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, ту же самую дѣвушку, которая въ то время заставляла его сердце биться чуть ли не медленнѣе теперешняго....

Она также увидѣла его издали, хотѣла встать, но опять опустилась на скамейку; потомъ, собравъ силы, взяла за руку мальчика, сидѣвшаго подлѣ нея, и сдѣлала впередъ нѣсколько быстрыхъ, неровныхъ шаговъ. Угоровъ вскорѣ догналъ ее.

— Зачѣмъ вы убѣгаете меня? сказалъ онъ голосомъ, полнымъ чувства и упрека.

Она остановилась, взглянула на него холодно, и спросила:

— Чтó вамъ угодно?

— Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, и вотъ уже сколько времени не могу найти къ этому удобнаго случая.

— Вы могли удобнѣе всего передать ваше порученіе Прасковьѣ Ивановнѣ, и она пересказала бы его мнѣ, отвѣчала компаньонка.

— Я хотѣлъ лично объясниться съ вами. Есть предметы разговоровъ, въ которыхъ посредники бываютъ совершенно лишними. Угодно ли вамъ будетъ выслушать меня? сказалъ

Угоровъ такимъ тономъ, которому старался придать холодность и равнодушіе.

— Я должна повиноваться вамъ, если служу у васъ.

— Вы слишкомъ строго понимаете свои обязанности. Въ этомъ случаѣ я не имѣю права приказывать, а только прошу.

— Я слушаю васъ, если вы непремѣнно желаете этого.

— Не лучше ли намъ будетъ сѣсть здѣсь на скамейку; ребенокъ можетъ играть на той лужайкѣ.

Ребенокъ, давно уже порывавшійся уйти, обрадовался позволенію, и не ожидая повторенія, побѣжалъ отъ скамейки, оглядываясь, по временамъ, дико и боязливо.

Софья Францовна молча сѣла, не глядя на своего собесѣдника, закутавшись плотнѣе въ бурнусъ, какъ-будто ей было холодно. Угоровъ также не говорилъ ничего, но смотрѣлъ на нее пристально и не безъ волненія. Лицо ея было спокойно и безстрастно; выраженіе строго и даже непріязненно. Она была очень блѣдна, но блѣдность эта такъ шла къ ней; Петръ Андреевичъ не могъ не сознаться, что компаньонка перемѣнилась къ лучшему, и если нельзя сказать, что похорошѣла, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлалась гораздо интереснѣе.

Долгое молчаніе Угорова и разсматриваніе, повидимому, оскорбили Софью Францовну. Она спросила довольно рѣзко:

— Я ожидаю вашихъ приказаній.

— Опять приказанія! вскричалъ Угоровъ почти съ досадою. Къ чему эти фразы, этотъ ледяной и вмѣстѣ съ тѣмъ колкій тонъ. Мнѣ кажется, что я не сдѣлалъ ровно ничего, за что со мной слѣдуетъ обходиться такимъ обиднымъ образомъ.

— Я не вижу ничего обиднаго ни въ моихъ словахъ, ни въ поступкахъ,—и прошу прощенія, если, противъ моей воли, они оскорбили васъ. Очень хорошо помню и понимаю, что я, напротивъ, должна быть благодарна за ваши благодѣянія.

— Я не прошу никакой благодарности, но могу, мнѣ кажется, требовать, чтобы со мной обращались, по-крайней мѣрѣ, какъ съ другими.

— Я одинаково осторожна со всѣми, потому-что испытала всѣ невыгоды довѣрчивости. Вы могли бы видѣть сами, что осторожность въ сношеніяхъ съ вами была еще необходимѣе.

— Я думаю, напротивъ, что слишкомъ осторожное обхожденіе со мною, переходившее въ аффектацію, поневолѣ обращало на насъ вниманіе другихъ и давало, можетъ-быть, поводъ понимать въ превратномъ видѣ наши прежнія отношенія.

— Чтó мнѣ до этого! сказала съ горькой улыбкой компаньонка. Прошедшее для меня не существуетъ, въ будущемъ я не жду ничего, и прошу отъ жизни только одного—спокойствія. Но чѣмъ больше я живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что одно безстрастіе—можетъ доставить это спокойствіе. Впрочемъ, какое кому дѣло до меня и до моихъ чувствъ. Перестанемъ говорить объ этомъ. Я жду, чтó вамъ было угодно сообщить мнѣ.

— Но если я именно объ этомъ хотѣлъ говорить съ вами: о васъ самихъ, о себѣ, о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ, о прошедшемъ, котораго мнѣ никогда не забыть.

При этихъ словахъ компаньонка во второй разъ взглянула на Угорова. Взглядъ ея изображалъ попеременно удивленіе, гордость, сожалѣніе. Она встала съ своего мѣста и сказала голосомъ, которому напрасно старалась придать хладнокровіе

—Вы знаете, что я долго не соглашалась вступить въ вашъ домъ, что мѣсто компаньонки принудила меня принять—моя крайняя бѣдность и желаніе облегчить, сколько можно, тяжелое положеніе моей подруги. Вы должны были также чувствовать, что я могла жить въ вашемъ домѣ только подъ однимъ условіемъ совершеннаго забвенія прежнихъ нашихъ отношеній. Малѣйшаго намека на эти отношенія было бы достаточно, чтобы заставить меня отказаться отъ моей должности. Признаюсь, что отъ васъ я меньше всего ожидала— этого намека. Вѣрю, что вы сдѣлали это безъ всякаго желанія оскорбить меня. Собственное ваше достоинство ручается мнѣ въ томъ, что вы безо всякаго намѣренія вздумали начать со мною разговоръ объ этомъ предметѣ. Можетъ-быть, вы хотѣли даже испытать меня. Тѣмъ не менѣе, я не могу

оставаться въ домѣ человѣка, который видитъ во мнѣ н
одну компаньонку. Потрудитесь только сами сказать Пра
сковьѣ Ивановнѣ, что вы не желаете, чтобы я была пр
ней въ этомъ званіи. Она такъ привыкла повиноваться ва
шимъ малѣйшимъ желаніемъ, что не спроситъ даже о при
чинахъ этого желанія. Отказавшись сама отъ моего мѣста
я должна объяснить почему дѣлаю это, а я не могу ни
обманывать ее, ни сказать ей правду.

И наклонивъ слегка голову, она пошла быстрыми, но твердыми шагами къ мальчику, игравшему поодаль, оставивъ Угорова на скамейкѣ, пораженнаго неожиданною развязкою затѣяннаго имъ разговора, который, по его предположеніямъ, долженъ былъ кончиться совершенно иначе.

Прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя, Софья Францовна была уже далеко. Повернувъ въ аллею, гдѣ никого не было и никто не могъ ее видѣть, она нагнулась къ мальчику и съ жаромъ поцѣловала его въ голову. На глазахъ ея навернулись слезы.

— Чтó съ тобой, Соничка? ты плачешь? сказалъ испуганный мальчикъ.

— Мнѣ жаль тебя, отвѣчала компаньонка съ участіемъ и грустью. Вотъ я уѣду отъ васъ, и ты опять останешься одинъ. Некому будетъ заниматься, играть съ тобою. Маменька твоя больна, папенькѣ некогда.

— А зачѣмъ же ты уѣдешь? спросилъ мальчикъ, блѣднѣя все болѣе и болѣе...

— Такъ нужно. Я не могу дольше оставаться у васъ. Мнѣ нельзя не уйти, повторяла взволнованная дѣвушка.

— Ну, такъ и я уйду съ тобою, сказалъ рѣшительно мальчикъ.

— Нельзя, милый мой, отвѣчала Софья Францовна, улыбаясь сквозь слезы. Ты не мой сынъ и долженъ остаться съ своимъ папенькой.

— А отчего не твой? спросилъ быстро ребенокъ.

Вопросы дѣтей очень часто озадачиваютъ взрослыхъ; — компаньонка вмѣсто отвѣта, спросила:

— Развѣ тебѣ не жаль оставить маменьку? Она такъ любитъ тебя.

— Маменька? правда!... отвѣчалъ задумчиво мальчикъ. И я тоже люблю ее. Я скажу ей, что люблю также и тебя, и она попроситъ, чтобы ты осталась у насъ.

— Нѣтъ, ради Бога! не говори ни слова объ этомъ маменькѣ, сказала почти съ испугомъ компаньонка. Она узнаетъ объ этомъ въ свое время.

— Хорошо, отвѣчалъ печально мальчикъ. Только ты увидишь, что тебѣ надо будетъ остаться у насъ.

Слова эти удивили Софью Францовну, но она перестала разговаривать съ мальчикомъ, потому-что ее затрудняли объясненія, которыя она должна была ему дѣлать. Они вернулись домой печальные и задумчивые.

Угоровъ пришелъ черезъ два часа послѣ нихъ, усталый, блѣдный, сердитый. Онъ не выходилъ къ обѣду, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ городъ.

Два дни не было его на дачѣ; на третій онъ вернулся съ озабоченнымъ и недовольнымъ лицомъ. Онъ нахмурился еще болѣе, увидѣвъ, что жена его слабѣе обыкновеннаго и въ гостяхъ у нихъ тетушка Анна Никитична. Жена сказала ему также, придя къ нему въ кабинетъ, что сынъ ихъ захворалъ, и что она ждала только Петра Андреевича, чтобы попросить послать за докторомъ, потому-что дѣтскія болѣзни трудно понять и лечить.

— Всѣ удовольствія вдругъ! сказалъ Угоровъ въ досадѣ. Ты сама едва на ногахъ держишься.

— Я прошу не о себѣ, но о сынѣ, отвѣчала Угорова. Мою болѣзнь лечить не зачѣмъ, пройдетъ и сама; только напрасная трата на докторовъ. Но дѣтскія болѣзни могутъ быть опасны. Позови какого-нибудь дѣтскаго доктора, извѣстнаго большой практикой, прошу тебя.

— Если ты такая охотница до лекарствъ и докторовъ, то можешь пользоваться сколько тебѣ угодно и тѣмъ и другимъ. Въ Петербургъ пріѣхалъ Гранилинъ. Онъ былъ вчера у меня, и пріѣдетъ завтра къ намъ на дачу, дня на три.

— Это твой школьный товарищъ, съ которымъ ты позна-

комилъ меня въ первый годъ нашей женитьбы, и которы
потомъ уѣхалъ въ Сибирь?

— Да. Онъ провелъ пять лѣтъ въ Камчаткѣ и на Алеут
скихъ островахъ, а теперь вернулся опять сюда, и очен
кстати. Онъ будетъ лечить тебя сколько душѣ угодно, и н
возьметъ за это ни копѣйки.

Угорова грустно улыбнулась, и сказала послѣ минутнаг
молчанія:

— Мнѣ нужно также показать тебѣ одну вещь. Но ты
кажется, чѣмъ то недоволенъ сегодня, а эта глупость мо
жетъ еще больше разстроить тебя.

— Это что за ораторскія предосторожности! вскричал
Угоровъ. Неужели вы полагаете, что я не въ состояніи вла
дѣть собою, что у меня слишкомъ мало характера, чтоб
спокойно выслушать всякую непріятность?...

— Я ничего не полагаю, но прошу тебя только быть хлад
нокровнѣе и не сердиться на очень глупое безъимянное пись
мо, которое я получила вчера по городской почтѣ. Оно до
того нелѣпо, что на него не стоитъ обращать вниманіе, и я
передаю его тебѣ только потому, что не имѣю привычки что
либо скрывать отъ тебя.

Петръ Андреевичъ взялъ съ любопытствомъ письмо изъ
рукъ жены, и прочелъ про себя слѣдующее:

Милостивая государыня,

Прасковья Ивановна,

«Въ безъименныя письма мало вѣрятъ; они, дѣйствительно,
могутъ служить орудіемъ клеветы и предательства; но бы
ваютъ случаи, когда и честный человѣкъ, обязанный открыт
глаза заблуждающимся, въ тоже время не можетъ открыт
имъ своего имени. Впрочемъ благоразумная особа всегда отли
читъ клевету отъ добраго совѣта и доброжелательнаго извѣ
щенія; ей даже ненужно высказывать всего, а стоитъ толь
ко намекнуть, или навести ее на мысль, чтобы она сама по
няла въ чемъ дѣло, и приняла всѣ нужныя мѣры, для отвра
щенія несчастія. Судя обо всѣхъ по себѣ, человѣкъ часто
не видитъ двусмысленныхъ поступковъ окружающихъ его

лицъ, и даже не подозрѣваетъ ихъ, если самъ чистъ душею и поведеніемъ. Онъ можетъ даже не повѣрить дурной молвѣ о томъ, кто близокъ ему. Несмотря на это, долгъ всякаго благороднаго человѣка предупредить уважаемую особу, когда ей угрожаетъ несчастіе, или когда она заблуждается въ ущербъ собственнаго своего достоинства и спокойствія. Обратите только вниманіе на отношенія Петра Андреевича и вашей компаньонки. Всему городу извѣстно, что они были знакомы еще до вашей свадьбы, и онъ былъ близокъ къ ней болѣе, чѣмъ слѣдовало. Знакомство это возобновили они и теперь—легко можетъ-быть безъ всякой дурной цѣли, но тѣмъ не менѣе въ глазахъ свѣта оно очень неблаговидно. Злые языки могутъ распространить слухъ, что вы, зная объ этомъ предосудительномъ знакомствѣ, сами потворствуете ему, или до такой степени находитесь въ зависимости отъ мужа, что не имѣете власти замѣтить ему самые неблаговидные его поступки. Не хочу распространяться о другихъ, разумѣется, несправедливыхъ слухахъ, утверждающихъ, что они очень часто видятся между собою въ паркѣ Лѣснаго Института, встрѣчаясь вовсе неслучайно. Собственная ваша наблюдательность должна сказать вамъ, до какой степени могутъ быть вѣрны эти предположенія. Я увѣренъ, что по зрѣломъ обсужденіи вы сами увидите всю пользу моего предостереженія и доброжелательность преданнаго вамъ лица, которое, къ сожалѣнію, не можетъ прямо открыть вамъ глаза.»

При чтеніи этого письма, безъ подписи и числа, яркая краска выступала нѣсколько разъ на щекахъ Угорова, что́ было довольно странно, потому-что онъ обыкновенно блѣднѣлъ отъ досады и негодованія. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ спросилъ жену, не глядя на нее:

— Что́-же ты думаешь объ этомъ письмѣ?

— Ничего, отвѣчала она равнодушно.

— Ка́къ, ничего? Бездѣльникъ, написавшій это, все-таки умѣлъ придать наглой клеветѣ тѣнь правдопобія, а отъ клеветы всегда хоть что́-нибудь да остается. Это говоритъ у Бомарше его Донъ-Базиліо.

— У меня не осталось отъ этого письма ровно ничег увѣряю тебя.

— Стало-быть тебѣ все равно, чтó-бы я ни дѣлалъ, ск залъ съ досадою Угоровъ.

Прасковья Ивановна посмотрѣла на него съ удивленіем

— Неужели ты хочешь заставить меня думать, что т можешь дѣлать дурное? спросила она.

— Нѣтъ, но ты могла бы, кажется, хоть притворить недовольною, видя какъ на меня клевещутъ, отвѣчалъ о съ какимъ-то замѣшательствомъ.

— Клевета такъ неправдоподобна, что повѣрить ей—зн чило бы унизить свое собственное достоинство.

Угоровъ не продолжалъ разговора, и ушелъ къ себѣ кабинетъ встревоженный, озабоченный.

ГЛАВА IV.

Человѣкъ, который знаетъ весьма многое, кромѣ миѳологі

Все утро слѣдующаго дня Петръ Андреевичъ продума о безъименномъ письмѣ. «Кто и съ какою цѣлью могъ нап сать его? разсуждалъ онъ самъ съ собою. Тетушка Анна Н китична? Она какъ-будто нарочно пріѣхала въ день получ нія этого письма, для того, чтобы видѣть, какое дѣйств оно произведетъ. Но для чего ей было писать подобн письмо? Поссорить насъ съ женою? Она лучше други могла знать, что это невозможно; жена слишкомъ хорош мнѣнія обо мнѣ, чтобы повѣрить этому письму, и даже, ес бы повѣрила, то она ни однимъ словомъ не выскажетъ св его неудовольствія.... мнѣ кажется, однако, что ей все-та слѣдовало бы погорячѣе принять это письмо, выказать хо немного безпокойства.... Ревность, конечно, пустое и взд ное чувство, но не мѣшало бы хотя показать видъ, что считаешь мужа за кусокъ дерева, неспособный ни друг понравиться, ни самому интересоваться другими. Эта у ренность въ непогрѣшимости мужа очень похожа на безч ственность и равнодушіе къ нему. Подобный стоицизмъ сколько непривлекателенъ....

Сказавъ послѣднюю фразу, Петръ Андреевичъ невол

остановился. Ему пришло на мысль, что стоицизмъ тоже твердость характера, которой онъ такъ усердно добивался,— отчего же она такъ не нравилась ему въ другихъ? Пробившись нѣсколько времени надъ этимъ вопросомъ, онъ все-таки не рѣшилъ его, и сталъ думать о другомъ, болѣе интересномъ предметѣ, занимавшемъ его уже нѣсколько недѣль.

Но точно ли Прасковья Ивановна приняла такъ хладнокровно безъимянное письмо? Объ этомъ знала только ея подушка, на которой бѣдная женщина всю ночь провела безъ сна, рыдая истерически. Слышала также эти рыданія горничная Прасковьи Ивановны, но привыкши къ болѣзни своей барыни, не обратила на нихъ вниманія, считая это новымъ припадкомъ. Подозрѣвала также, что письмо это будетъ имѣть важныя послѣдствія—еще одна особа, которую Угоровъ напрасно считалъ сочинительницею письма. Анна Никитична, еслибы и вздумала пуститься въ авторство, то написала бы письмо не иначе, какъ высокимъ слогомъ, á la Марлинскій, не тонко-обдуманнымъ, книжно-дѣловымъ языкомъ, который легко могъ навести на мысль, что сочинялъ всю эту интригу какой-нибудь дѣлецъ.

Не дѣлецъ былъ однако авторомъ этого письма. На другое же утро Анна Никитична, все еще продолжавшая гостить у Угоровыхъ, встрѣтилась случайно въ саду парка съ дѣвицей Подзоровой, и между-ними происходилъ слѣдующій краткій, но живой разговоръ.

— Ну что? спросила дѣвица Подзорова, заботливо оглядываясь по сторонамъ.

— Ничего, отвѣчала Анна Никитична, едва слышно. Получила при мнѣ, поблѣднѣла какъ смерть, однако ни слова не сказала, сколько я ни выказывала участія; послѣ видно было, что много плакала.

— Ну а онъ что?

— У него нескоро узнаешь. Вчера вечеромъ долго говорили у него въ кабинетѣ; вѣрно объ этомъ. Сегодня онъ довольно скученъ.

— Отъ этого?

— Можетъ-быть; онъ ужъ нѣсколько дней такимъ медвѣ демъ смотритъ. Кто знаетъ о чемъ думаетъ.

— Я знаю! сказала дѣвица Подзорова съ улыбкой, не отличавшейся особенною пріятностью. Увидите, какъ подѣй ствуетъ это изобрѣтеніе. Ручаюсь вамъ, что она не дожи ветъ и этой недѣли у нихъ въ домѣ.... Кто-то повернулъ в эту аллею.... Ступайте скорѣе налѣво, я пойду прямо... Наблюдайте хорошенько, и не забудьте тотчасъ же увѣдо мить меня, если что́-нибудь подмѣтите, особенно въ род утренняго rendez-vous въ саду!...

И дѣвица Подзорова, кивнувъ головою Аннѣ Никитичнѣ пошла по аллеѣ походкой безпечной невинности. Навстрѣч ей шелъ мужчина невысокаго росту, немного сутуловатый въ длинномъ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Подзорова ещ издали взглянула на него, и не найдя ничего замѣчательнаг въ его смугломъ и некрасивомъ лицѣ, стала смотрѣть п сторонамъ, тихо подвигаясь впередъ.

Мужчина однако не прошелъ мимо ея; поровнявшись с нею, онъ остановился, и приложивъ слегка руку къ шляпѣ сказалъ:

— Если не ошибаюсь—я имѣю удовольствіе видѣть ма зель Подзорову.

Слова эти, сказанныя глухимъ, непріятнымъ голосомъ удивили Подзорову. Она осмотрѣла съ ногъ до головы своег собесѣдника и отвѣчала сухимъ тономъ:

— Точно такъ, но если вы знаете меня, мнѣ кажется я не имѣю этой чести....

— Вы легко могли забыть меня. Я шесть лѣтъ провел въ Камчаткѣ и, какъ говорятъ, порядочно перемѣнился. Впрочемъ, и шесть лѣтъ тому назадъ мы видѣлись вовсе не такъ часто, чтобы вы могли запомнить мою неинтересну физіономію. Мы встрѣчались всего раза три-четыре у Уго рова. Я школьный товарищъ его, Гранилинъ.

— А! теперь начинаю припоминать! отвѣчала доволь равнодушно Подзорова. Мы, точно, видѣлись очень рѣдк Вы, кажется, докторъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю. До-сихъ-поръ, я, слава Богу, не нуждалась въ докторскихъ услугахъ.

— Я думаю однако, что они были бы небезполезны для васъ, судя по цвѣту вашего лица, отвѣчалъ еще хладнокровнѣе Гранилинъ.

Дѣвица Подзорова вспыхнула. Она въ особенности не любила, чтобы ей напоминали о ея болѣзненно-изнуренномъ цвѣтѣ, и считала почему-то малѣйшій намекъ на этотъ предметъ явнымъ оскорбленіемъ. Поэтому она отвѣчала рѣзко:

— Позвольте узнать, зачѣмъ вамъ угодно было остановить меня. Мы, кажется, вовсе нетакъ близко были знакомы въ прежнее время, чтобы возобновленіе этого знакомства могло доставить намъ удовольствіе.

— Вы думаете? спросилъ иронически Гранилинъ. Память моя объ васъ доказываетъ, по-крайней-мѣрѣ, что вы произвели на меня, шесть лѣтъ тому назадъ, большое впечатлѣніе. Мнѣ легко было узнать васъ еще болѣе потому, что вы съ-тѣхъ-поръ нисколько не перемѣнились, ни наружностью, ни любезностью въ обращеніи. Назовите это самонадѣянностью, но я увѣренъ, что и вы тотчасъ же узнали бы меня, если бъ я нетакъ загорѣлъ и обросъ волосами. Держу пари, что вы помните даже, какъ меня зовутъ. При второй нашей встрѣчѣ у Угорова, вы назвали меня Иваномъ Аристотеличемъ, вмѣсто Платоныча, и все за то, что, не будучи силенъ въ греческой миѳологіи, я позабылъ ваше отчество, и назвалъ васъ кому-то наканунѣ Надеждой Колхидовной, вмѣсто Надежды Язоновны.

— Очень ошибаетесь, если думаете, что всѣ эти воспоминанія сколько-нибудь интересуютъ меня, сказала дѣвица Подзорова презрительнымъ тономъ. Вы могли избавить себя, отъ труда останавливать меня въ моей прогулкѣ, для того, что бы убѣдить, что вы также.... остроумны, какъ были шесть лѣтъ тому назадъ.

— Извините, я вовсе не съ этой цѣлью подошелъ къ вамъ. Вотъ уже больше получаса, какъ я брожу по этому саду, совершенно мнѣ незнакомому и, кажется, заблудился въ немъ. Я остановилъ бы даже вовсе незнакомое лицо, а

не только особу, которую нѣкогда имѣлъ удовольствіе знать. Надѣюсь, что вы не откажетесь вывести новаго Орфея изъ этого лабиринта, и быть моимъ минотавромъ.... Позвольте, я, кажется, опять сбиваюсь въ миѳологіи.

Подзорова, сильно покраснѣвъ, но не отвѣчая ни слова, пошла впередъ по аллеѣ. Собесѣдникъ пошелъ рядомъ съ нею, продолжая говорить тѣмъ же полуучтивымъ, полунасмѣшливымъ тономъ.

— Позвольте замѣтить однако, что вы ведете меня, не спросивъ, куда мнѣ нужно идти. Впрочемъ, по свойственной вамъ проницательности, вы, вѣроятно, угадали, что я отъискиваю стараго моего товарища и пріятеля. Самое простое обстоятельство причиною тому, что я странствую теперь какъ Тезей, Персей, Елисей или какой-то другой *сей*, не припомню. Я пріѣхалъ сюда въ дилижансѣ, за двугривенный; дешево, но не мило: душно, тряско, тѣсно, неловко.... впрочемъ эти путевыя впечатлѣнія нисколько до васъ не касаются. Разсказъ о моихъ похожденіяхъ начинается съ-тѣхъ-поръ, какъ мы остановились у какой-то кануры, и насъ пригласили вылезти изъ коробки. Я спросилъ дачу, гдѣ живетъ Угоровъ. Кондукторъ отвѣчалъ, что она очень близка, только надо пройти черезъ садъ, сперва прямо, потомъ налѣво и наконецъ направо; я ходилъ и прямо, и направо, и налѣво, даже возвращался назадъ, пошелъ бы и по другимъ направленіямъ, еслибы они были, а все никакъ не могъ попасть на дачу Угорова. Теперь отъ васъ ожидаю я, чтобы вы вывели меня на путь истинный, и слѣдую за вами, закрывши глаза, какъ Эдипъ, — дѣлавшій это впрочемъ потому, что былъ слѣпъ, — шелъ за своей Антилопой.... Извините, чуть опять не сбился! Такъ зовутъ одно очень миленькое животное, а вовсе не дочь Эдипа. Старый гуляка ходилъ.... охъ, ужъ эта мнѣ миѳологія!—ходилъ, позвольте, за Антимоной!

И докторъ съ торжествомъ взглянулъ на свою собесѣдницу послѣ такого блистательнаго доказательства знанія миѳологіи. Подзорова шла также скоро по аллеѣ, не улыбаясь, и не поднимая глазъ на Гранилина. Онъ продолжалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Сколько могу замѣтить, однако, вы заставляете меня ходить чрезвычайно скоро и говорить монологи. Противъ перваго я не прочь; моціонъ мнѣ очень полезенъ, — я, какъ вы можете сами замѣтить, апоплексическаго сложенія, — а движеніе для меня то же, что лекарство; но при всемъ уваженіи къ своему собственному краснорѣчію, я хотѣлъ бы, чтобы мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, подавали реплики.

Поздорова молчала.

— Позвольте узнать, по-крайней-мѣрѣ, скоро ли мы придемъ къ дачѣ Угорова? спросилъ Гранилинъ, подождавъ еще съ минуту.

— Я вовсе не туда иду, отвѣчала спокойно Подзорова.

— Въ такомъ случаѣ позвольте поблагодарить васъ, что вы избрали меня спутникомъ въ вашей прогулкѣ. Я даже не смѣлъ ожидать такого доказательства вниманія, и въ благодарность за это готовъ ходить за вами цѣлый день. За меня не бойтесь — я выдерживалъ и не такіе походы. Если же съ вами случится что-нибудь по дорогѣ — вся моя наука къ вашимъ услугамъ.

И надвинувъ крѣпче шляпу, опустивъ руки въ карманы пальто, Гранилинъ пошелъ подлѣ дѣвицы Подзоровой самымъ рѣшительнымъ шагомъ. Такая настойчивость испугала ее, и скрѣпя сердце, Подзорова сказала своему спутнику:

—Въ такомъ случаѣ я предпочитаю лучше объявить вамъ, что дойдя до Лѣснаго Института по аллеѣ налѣво отсюда, вы выйдете на большую дорогу противъ главнаго его фасада, и повернувъ направо, найдете, пройдя нѣсколько шаговъ, дачу, на которой живетъ Угоровъ.

— Благодарю васъ за объясненіе, хотя немножко позднее и несовсѣмъ ясное, но по которому я все-таки надѣюсь чего-нибудь добиться, особенно, если буду поворачивать въ противную сторону, а не туда, куда вы мнѣ указали.

И приложивши руку къ шляпѣ, Гранилинъ повернулъ въ аллею налѣво съ самой любезной улыбкой.

— Еще одно слово, закричала ему въ слѣдъ Подзорова. Умѣете ли вы лечить сумасшедшихъ?

— Испытайте! отвѣчалъ съ улыбкой Гранилинъ.

— Въ такомъ случаѣ ваше искусство можетъ быть очень полезно для вашего пріятеля, сказала Подзорова, скрываясь за деревьями съ громкимъ и злымъ хохотомъ.

Гранилинъ остановился на минуту въ недоумѣніи; лицо его приняло выраженіе безпокойства, но потомъ махнувъ рукой и пославъ вслѣдъ дѣвицѣ Подзоровой невесьма лестное обращеніе къ ея душевнымъ качествамъ, онъ пошелъ быстрыми шагами къ Лѣсному Институту.

Черезъ четверть часа Угоровъ выходилъ изъ кабинета на встрѣчу своему старому товарищу. При всей твердости философа, онъ не могъ, однако, скрыть своей радости при видѣ школьнаго пріятеля, неразлучнаго спутника самыхъ пріятныхъ лѣтъ въ жизни. У доктора радость эта высказалась еще шумнѣе. Со стороны можно было даже улыбнуться его эксцентрическимъ выходкамъ, но человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что со стороны всякое истинное и сильное движеніе кажется ему очень страннымъ.

Радость Гранилина поутихла немного только, когда онъ увидѣлъ жену Угорова. Онъ недовольно покачалъ головою и задумался, оставшись вдвоемъ съ Петромъ Андреевичемъ.

— Какъ ты находишь мою жену? спросилъ тотъ, напрасно стараясь придать своему вопросу равнодушный тонъ.

— Она очень добрая и милая женщина, отвѣчалъ разсѣянно Гранилинъ.

— Я спрашиваю тебя не о ея качествахъ, а о здоровьѣ?

— Я скажу тебѣ свое мнѣніе объ этомъ дня черезъ три. Мнѣ надо сдѣлать повнимательнѣе нѣкоторыя наблюденія надъ нею.

Угоровъ, какъ истинный стоикъ, не захотѣлъ продолжать разспросовъ объ этомъ предметѣ, хотя его сильно безпокоилъ озабоченный видъ доктора. Какъ хозяинъ, онъ даже старался развлечь гостя, и это не стоило ему ни малѣйшаго труда, потому-что Гранилинъ очень скоро переходилъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, былъ чрезвычайно веселъ и говорливъ, особенно при воспоминаніяхъ объ ихъ школьной жизни

и проказахъ молодости. Несмотря на то, что ему приходилось говорить гораздо больше, онъ не разъ останавливался, пораженный сужденіями Угорова, и поминутно повторялъ ему, что тотъ чрезвычайно перемѣнился.

— Къ худшему или къ лучшему? спросилъ Угоровъ однажды съ довольной улыбкой.

— Какъ для кого, отвѣчалъ Гранилинъ. Для меня къ худшему, потому-что я всегда зналъ и любилъ тебя съ твоими прежними понятіями и характеромъ, а теперь мнѣ приходится, пожалуй, снова знакомиться съ тобою, и разумѣется, я не могу быть доволенъ новымъ человѣкомъ, потому-что былъ очень близокъ къ старому.

Угорову не понравилось это сужденіе, точно такъ же, какъ и многое, чтó говорилъ Гранилинъ, но стóикъ зналъ откровенность и нецеремонность своего товарища, и потому счелъ ненужнымъ даже оспаривать его сужденія. Тотъ, въ свою очередь, не могъ не замѣтить уклончивости Угорова отъ всякихъ возраженій и даже какой-то принужденности въ отвѣтахъ. Все это весьма непріятнымъ образомъ подѣйствовало на доктора, и къ концу дня старые друзья простились вовсе не съ такимъ одушевленіемъ, какъ встрѣтились.

Угоровъ счелъ даже нужнымъ извинить передъ женою свое утреннее одушевленіе, и сказалъ ей, по уходѣ пріятеля:

— Тебѣ могла показаться странною радость, съ какою я встрѣтилъ Гранилина, но ты знаешь, какъ сильны въ насъ привычки дѣтскихъ лѣтъ, воспоминанія молодости. Онъ былъ лучшій другъ мой по заведенію. Между нами не было ничего тайнаго, раздѣльнаго. Къ-тому же я не могу не уважать его какъ человѣка, если и не раздѣляю всѣхъ его мнѣній. Это одинъ изъ самыхъ удивительныхъ характеровъ, какіе я знаю и когда-нибудь встрѣчалъ въ свѣтѣ. Разсказывалъ я тебѣ исторію его жизни?

— Нѣтъ, кажется, не думаю, отвѣчала разсѣянно Угорова.

— Исторія эта очень замѣчательна и оригинальна. Въ заведеніи Гранилинъ учился прилежно, но не отличался способностями и былъ далеко не изъ первыхъ учениковъ. Па-

мять его была замѣчательна въ особенности однимъ страннымъ недостаткомъ: неспособностью къ затверживанію собственныхъ именъ. Въ исторіи онъ прекрасно зналъ хронологію и событія, но путался въ именахъ героевъ; миѳологія болѣе всего не далась ему, потому-что въ ней нѣтъ никакихъ числъ и положительныхъ данныхъ. Зато онъ прекрасно зналъ естественныя науки и математику. Поступивъ на службу по выходѣ изъ заведенія, онъ съ первыхъ же шаговъ на поприщѣ гражданской службы почувствовалъ себя совершенно неспособнымъ къ этому роду занятій. Въ то же время онъ не имѣлъ возможности жить безъ труда. Поэтому онъ вздумалъ изъ чиновника сдѣлаться наставникомъ, педагогомъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ посѣщать университетъ, и черезъ три года спеціальныхъ занятій по филологической части выдержалъ экзаменъ сначала на кандидата, потомъ на магистра. Ему не повезло, однако, и на этомъ поприщѣ. Ограниченный кругъ дѣятельности учителя въ уѣздномъ училищѣ былъ слишкомъ тѣсенъ для его горячей натуры, и онъ вскорѣ увидѣлъ уничтоженною и эту карьеру. Тогда онъ въ третій разъ рѣшился передѣлать свое воспитаніе, и съ такимъ же неутомимымъ рвеніемъ, какъ при занятіи педагогикою, началъ изучать медицину. На этотъ разъ, однако, онъ не захотѣлъ остановиться на второклассныхъ степеняхъ, и держалъ экзаменъ на доктора медицины и хирургіи. Почетный дипломъ былъ наградою его пятилѣтнихъ трудовъ на этомъ поприщѣ, и нѣсколько блистательныхъ операцій и леченій въ скоромъ времени доставили ему извѣстность и обезпеченное состояніе. Увлеченный своимъ безпокойнымъ духомъ, онъ не хотѣлъ и тутъ идти по общей колеѣ, а отправился въ Сибирь лечить Алеутовъ, Кенайцевъ и Чукчей. Нельзя поручиться и за то, чтобы ему не вздумалось теперь испытать дѣйствіе своихъ медицинскихъ системъ надъ жителями средней Африки или Австралійцами, и я тѣмъ болѣе радъ видѣть его, что не знаю, долго ли буду пользоваться этимъ удовольствіемъ, и представится ли оно въ другой разъ. Онъ, конечно, человѣкъ не свѣтскій, немножко странный, особенно съ своими претензіями на ми-

ѳологію, которая не дается ему и теперь, точно такъ же, какъ не давалась въ дѣтствѣ; но въ немъ много чувства, ума, благородства, познаній, и я увѣренъ, что онъ очень понравится тебѣ, когда ты съ нимъ ближе познакомишься.

— Онъ долженъ нравиться мнѣ уже и потому, что твой другъ и товарищъ, отвѣчала Угорова своимъ однообразнымъ холоднымъ тономъ, который отъ болѣзни ли, или отъ привычки поддѣлываться подъ тонъ мужа, такъ и звучалъ Петромъ Андреевичемъ. Къ-тому же я надѣюсь, что онъ поможетъ нашему сыну, прибавила она еще печальнѣе.

— Онъ ничего не говорилъ тебѣ о его положеніи? спросилъ Угоровъ.

— Ничего. Сказалъ, что съ перваго взгляду нельзя судить о томъ, какая болѣзнь у мальчика, что надо посмотрѣть и сообразить, но что впрочемъ она неопасна. Не говорилъ онъ тебѣ чего-нибудь особеннаго? Мнѣ онъ, можетъ-быть, не хотѣлъ сказать всего, какъ матери, не хотѣлъ пугать меня, хотя я и увѣряла его, что ты пріучилъ меня быть твердой.

Въ послѣднихъ словахъ Прасковьи Ивановны было даже что́-то похожее на иронію. Угоровъ не замѣтилъ этого и поспѣшилъ успокоить ее, сказавъ:

— Мнѣ онъ говорилъ тоже самое. Во всякомъ случаѣ, еслибъ тутъ была какая-нибудь опасность, онъ не скрылъ бы ее отъ меня. Увидишь, что онъ разомъ вылечитъ тебя и твоего сына безъ всякихъ микстуръ, до которыхъ онъ такой же неохотникъ, какъ и я. Постарайся только сама быть спокойнѣе; ни что́ такъ не помогаетъ леченію тѣла, какъ здоровье души.

Послѣ этихъ словъ Петръ Андреевичъ простился съ женою, поцѣловавъ ее въ лобъ довольно нѣжно, что́ нетакъ часто съ нимъ случалось.

И при этомъ поцалуѣ на устахъ жены явилась едва замѣтная улыбка, значеніе которой было очень трудно объяснить, точно также какъ трудно подсмотрѣть ея появленіе.

А Гранилинъ, сбираясь спать, разсуждалъ самъ съ собою такимъ образомъ:

— Ну, здѣсь мнѣ будетъ больше дѣла, чѣмъ я думалъ.

Придется прогостить, можетъ-быть, и не три, четыре дня, какъ я прежде разсчитывалъ. Кажется, всему ихъ дому нужна будетъ моя помощь. Мать и сынъ больны серьозно; эта гувернантка или компаньонка что ли, которая живетъ у нихъ — также еле ходитъ, да и самъ Угоровъ, въ добрый часъ молвить, не то, чтобы совсѣмъ а.... выходитъ, чуть ли не правду сказала эта Надежда Колхидовна.

ГЛАВА V.

Средство быть постоянно счастливымъ въ супружествѣ, невсегда однако же удающееся.

На слѣдующій день Гранилинъ вошелъ въ комнату Угоровой, и съ нецеремонностью стараго знакомаго началъ разспрашивать о малѣйшихъ подробностяхъ ея жизни, стараясь вывѣдать причину болѣзни, и познакомиться съ привычками и организмомъ паціентки, — условіе, которое онъ считалъ необходимымъ для леченія. Въ отвѣтахъ Угоровой замѣтна была принужденность, неясность, сбивчивость, скрытность. Гранилинъ больше угадывалъ, чѣмъ узнавалъ положительно; но симптомы болѣзни были такъ неопредѣленны и общи съ другими, причины ея, по словамъ Угоровой, такъ незначительны, что Гранилинъ не выдержалъ, и сказалъ съ обычною, нѣсколько рѣзкою откровенностью:

— Вы меня извините, Прасковья Ивановна, но я не вѣрю ни одному слову изъ всего, что вы мнѣ тутъ насказали. Вы или сами не понимаете своего положенія, потому-что не обращали вниманія на развитіе вашей болѣзни, или не хотите признаться мнѣ въ нравственныхъ причинахъ, которыя произвели это развитіе. Вы меня знаете очень мало, но я имѣю право требовать полной довѣренности, не какъ человѣкъ, а какъ докторъ. Безъ этого я не могу и не долженъ браться за ваше леченіе. Женскій стыдъ, хотя и ложный въ подобныхъ случаяхъ, но, по-крайней-мѣрѣ, извинительный и понятный, не позволяетъ вамъ, можетъ-быть, прямо сдѣлать откровенное и подробное признаніе, но я и не требую этого. Съ меня довольно нѣсколькихъ намековъ, немногихъ данныхъ, хотя поверхностныхъ, но положительныхъ указаній. А то,

какое заключеніе могу я вывести изъ разсказовъ вашихъ, неотличающихся категоричностью? Сначала вы сказали мнѣ, что въ дѣвушкахъ были постоянно здоровы, потомъ что у васъ болѣзнь эта наслѣдственная, наконецъ, что, вѣроятно, больны отъ того, что простудились три года тому назадъ. Гдѣ же во всемъ этомъ логика и правдоподобіе? Изо всего, что вы мнѣ насказали, я убѣдился только въ трехъ истинахъ: во-первыхъ, что болѣзнь ваша происходитъ отъ какой-то глубокой, душевной горести, — это тѣмъ яснѣе для меня, чѣмъ больше вы старастесь отвлечь меня отъ этой мысли; во-вторыхъ, что вы не вѣрите въ медицину — это еще не бѣда, потому-что можно вылечить и невѣрующаго. Но третье, и самое грустное убѣжденіе мое состоитъ въ томъ, что вы не хотите выздоровѣть, и противъ этого намѣренія наука безсильна, потому-что она не можетъ заставить жить человѣка противъ воли.

— Неужели вы думаете, что я способна на самоубійство? спросила Угорова съ горькой улыбкой.

— Я не говорю этого.

— Вы такъ положительно высказываете ваши мнѣнія. Развѣ вамъ никогда не случалось ошибаться?

— Напротивъ, очень часто. Только тотъ, кто не разъ ошибался, можетъ дойти до совершенства, а съ людьми никогда неошибающимися, я, признаюсь вамъ, боюсь встрѣчаться. Но въ настоящемъ случаѣ я и желалъ бы ошибиться, да не могу.

— Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ вамъ лечить меня, если вы имѣете такое твердое убѣжденіе, и если мужъ мой такъ желаетъ этого, сказала Угорова съ оттѣнкомъ досады, вставая съ своего мѣста.

— Вижу, что я надоѣлъ вамъ, отвѣчалъ спокойно Грацилинъ, и тороплюсь оставить васъ, тѣмъ болѣе, что не надѣюсь узнать отъ васъ ровно ничего. Позвольте мнѣ однако сдѣлать вамъ еще одинъ послѣдній вопросъ: какъ вы живете съ вашимъ мужемъ?

— Я не понимаю этого вопроса, сказала Угорова нетвердымъ голосомъ.

— Я повторю его иначе: счастливы ли вы въ семейной жизни?

— Совершенно счастлива, отвѣчала Прасковья Ивановна, сохраняя ту же неподвижную физіономію.

— Вѣрю, и потому спрошу объ этомъ вашего мужа, сказалъ съ улыбкою Гранилинъ.

Прасковья Ивановна слегка измѣнилась въ лицѣ, и сдѣлала движеніе, какъ-будто хотѣла остановить доктора; потомъ въ чертахъ ея выразилась прежняя апатія, и она снова опустилась въ кресла.

Гранилинъ отправился отъ супруги къ супругу. Этотъ принялъ его сухо, и повидимому также былъ неочень доволенъ его посѣщеніемъ; но докторъ, занятый своею мыслью, не обратилъ вниманія на пріемъ хозяина и сказалъ ему послѣ первыхъ условныхъ формъ разговора:

— Я сейчасъ отъ твоей жены.

— А! отвѣчалъ разсѣянно Угоровъ. Чтó она, здорова?

— Кáкъ здорова? вскричалъ удивленный докторъ.

— Я хотѣлъ сказать: здоровѣе ли она сегодня, или ей хуже? спросилъ съ замѣшательствомъ Угоровъ.

— Я не могу судить о томъ, лучше ей или хуже, потому-что вижу ее всего во второй разъ; она серьозно больна; досаднѣе всего то, что я ровно ничего не понимаю въ ея болѣзни.

— Это общая участь медицины, отвѣчалъ Угоровъ съ ироническою улыбкой.

— Медицина не беретъ на себя обязанности быть отгадчицей всѣхъ болѣзней, сказалъ рѣзко Гранилинъ: она лечитъ на основаніи данныхъ, имѣя прежде всего въ виду причину болѣзни, если и не истинную, то, по-крайней-мѣрѣ, вѣроятную. Когда же отъ медика нарочно скрываютъ эту причину, вмѣсто того, чтобы помочь узнать ее, смѣшно и требовать, чтобы онъ угадалъ ее.

— А чтó прикажете дѣлать больному, когда медикъ ухитряется найти мудреную причину такой болѣзни, которая объясняется очень просто и сама собою?

— Ты тоже думаешь, что болѣзнь твоей жены очень проста?

— Разумѣется. Я не докторъ и мнѣ нѣтъ никакой надобности подбирать латинскія названія къ обыкновенной простудѣ, для того, чтобы послѣ поставить себѣ въ заслугу излеченіе труднаго и рѣдкаго случая.

— Ну, если вы всѣ считаете себя совершенно здоровыми, ненасильно же мнѣ лечить васъ, сказалъ съ досадою Гранилинъ. Поговоримъ лучше о чемъ нибудь-другомъ. Разскажи мнѣ пожалуста, какова твоя семейная жизнь и какой системѣ обращенія съ женою слѣдуешь ты въ домашнемъ быту?

— На что́ тебѣ знать это? Не думаешь ли ты жениться? спросилъ Угоровъ, довольный тѣмъ, что Гранилинъ свелъ разговоръ на его любимую тему.

— Очень можетъ быть, если ты разскажешь мнѣ средство быть постоянно счастливымъ въ супружествѣ.

— Средство это очень простое, отвѣчалъ Угоровъ важнымъ и торжественнымъ тономъ. Чтобы достигнуть цѣли, которую ты себѣ предположишь, надобно только одно условіе — имѣть характеръ.

— Мнѣ кажется, что это понимается само-собою. Безхарактерный человѣкъ, если и создаетъ себѣ какую-нибудь цѣль, то легко можетъ не достигнуть ее, потому-что не въ состояніи управлять собою.

— Это уже другой вопросъ, въ рѣшеніи котораго ты также ошибаешься; вспомни изъ исторіи моей жизни, которую я разсказывалъ тебѣ въ первый день твоего пріѣзда, какъ я самъ передѣлалъ свой характеръ. Безхарактерный человѣкъ можетъ совершенно пересоздать себя, ему сто́итъ только твердо рѣшиться на это. Но имѣть характеръ настоящій, какой необходимъ для счастія семейной жизни, совсѣмъ нетакъ легко, какъ ты думаешь, особенно если встрѣтится надобность передѣлать свою жену.

— А ты передѣлалъ свою?

— Совершенно, точно также, какъ самого себя. Ты мало зналъ ее до свадьбы, и потому не можешь судить объ этомъ

вполнѣ и лично, но объ этой перемѣнѣ тебѣ разскажетъ всякій, кто помнитъ ее въ дѣвушкахъ. Это была настоящая институтка, въ полномъ смыслѣ этого слова: живая со своими подругами, почти дикая съ незнакомыми мужчинами, охотница до танцевъ, смѣху, прыганья, нарядовъ, спектаклей, праздниковъ, гуляній, порядочно вѣтреная и капризная, сантиментальная и чувствительная, мало знавшая людей любившая стишки, цвѣтки, природу и тому подобный вздоръ, вѣрившая въ безкорыстную дружбу и безконечную любовь, готовая хохотать цѣлый день, и плакать надъ каждой раздавленной мухой. Скажи самъ, осталась ли въ ней хоть тѣнь этихъ смѣшныхъ недостатковъ? Похожа ли она сколько-нибудь на этотъ портретъ ея молодости?

— До того непохожа, что я сомнѣваюсь — вѣрно ли ты нарисовалъ этотъ портретъ?

— Справься у тѣхъ, кто зналъ ее прежде. Я нисколько не преувеличиваю ея недостатковъ, также какъ не имѣю пристрастія къ ея достоинствамъ.

— Скажи мнѣ въ главныхъ чертахъ ея настоящія свойства, потому-что я еще очень мало ее знаю, и мнѣ любопытно видѣть, до какой степени ты успѣлъ ее передѣлать.

— Охотно, и въ этомъ случаѣ ты можешь легко повѣрить мои слова на опытѣ. Жена моя теперь женщина тихая, степенная, равно учтивая со всѣми, но хорошо знающая приличія и непозволяющая себѣ ни съ кѣмъ излишней задушевности и откровенности, всегда переходящей въ фамильярность. Она теперь никогда не танцуетъ, рѣдко смѣется, вовсе не читаетъ романовъ, одѣвается очень просто чрезвычайно рѣдко посѣщаетъ гулянья и спектакли, и почти никуда не выѣзжаетъ; характеръ ея сдѣлался постояннымъ и солиднымъ, твердымъ и хладнокровнымъ, въ родѣ моего, въ той степени, какая доступна женской организаціи; она знаетъ свѣтъ, и потому недовѣрчива къ людямъ, любитъ хозяйственныя занятія, серьезное чтеніе, дѣльные разговоры слѣдитъ со вниманіемъ за развитіемъ важнѣйшихъ интересовъ въ жизни всего человѣчества; нисколько не нервёзна спокойно переноситъ неудачи и несчастія—и я готовъ сло

рить о чемъ угодно, что ты никогда не подстережешь у нея хотя одну слезинку.

— Если ты неослѣпленъ на счетъ этихъ качествъ — перемѣна дѣйствительно изумительная. Это настоящая Перелопа!

— Чтó такое?

— Перелопа — жена Улисса.

— Сдѣлай одолженіе, оставь въ покоѣ миѳологію. Она вовсе теперь неумѣста.

— Ну, ну, хорошо. Только я что-то плохо вѣрю, чтобы ты достигъ такого феноменальнаго превращенія, какъ говоришь.

— Недовѣрчивость твоя понятна и нисколько не оскорбляетъ меня, а способъ мой къ перевоспитанію жены былъ очень простъ: самое строгое и неумолимое требованіе, чтобы всѣ мои желанія исполнялись въ точности и безпрекословно.

— И тебѣ не случалось, чтобы жена имъ противорѣчила? спросилъ удивленный Гранилинъ.

— Сначала даже очень часто; но видя, что ни слезы, ни просьбы, ни обмороки не могли измѣнить моего намѣренія, тронуть меня; она поневолѣ должна была уступать моимъ требованіямъ, хотя бы это были простые капризы. Чтобы пріучить ее къ повиновенію, я шелъ даже нарочно прямо наперекоръ ея желаніямъ. Она хотѣла куда-нибудь ѣхать — я приказывалъ ей остаться дома, и старался доказать, что отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, дѣлать то, чтó непріятно, лучшее средство сформировать характеръ, и что по этому, не имѣя еще достаточно развитаго характера, она должна подчиняться моему. Если ей нездоровилось и хотѣлось остаться дома, я нарочно везъ ее съ собою на гулянье или въ гости, чтобы она пріучалась побѣждать даже физическое нерасположеніе. Каждый день я твердилъ ей о преимуществахъ мужчины, о превосходствѣ его организма и умственныхъ способностей, о необходимости безусловнаго повиновенія. Сначала она возражала мнѣ, я отвѣчалъ на это однимъ увеличеніемъ строгости. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ въ

подобныхъ случаяхъ возвышать голосъ до такой степен что онъ становился крикомъ, даже наказывать ее разлук со мною дня на два, на три, угрозами, отнятіемъ у нея к кихъ-нибудь пріятныхъ, но несущественныхъ прихотей нѣкоторыми другими лишеніями. Однимъ-словомъ, не пр бѣгая даже къ сильнымъ мѣрамъ строгости, на которыя имѣлъ полное право, мнѣ удалось въ короткое время сдѣла изъ нее все, чего хотѣлъ, и придать ей такія качества, к кія считалъ болѣе полезными и приличными для жены чел вѣка — могу смѣло сказать несовсѣмъ обыкновеннаго.

— Даже очень необыкновеннаго! вскричалъ Гранилин глядя съ удивленіемъ на Угорова, излагавшаго съ жаромъ увлеченіемъ свою теорію. И скажи пожалуста, ты по так же методѣ воспитывалъ и сына?

— По точно такой же, отвѣчалъ Угоровъ съ достои ствомъ и торжественностью. Плоды этой системы ты у дишь еще въ будущемъ, но что касается до моей жен надѣюсь, что ты вполнѣ оправдаешь и поймешь меня. К нечно, найдутся многіе поклонники женщинъ, слабыя с данія, испортившія еще болѣе этихъ и безъ того недалы видныхъ подругъ нашей жизни, люди эти назовутъ ме пожалуй, тираномъ, мучителемъ, но если бы и весь свѣ состоялъ изъ такихъ безхарактерныхъ людей, я одинъ по залъ бы цѣлому міру примѣръ истиннаго и твердаго созн нія своего достоинства.

Угоровъ продолжалъ еще нѣсколько времени говор въ этомъ же родѣ и на эту же тему. Гранилинъ сидѣ въ глубокой задумчивости и повидимому не слыхалъ соф мовъ пріятеля. Громкій вопросъ Петра Андреевича застав его опомниться.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь мнѣ? спрашива Угоровъ.

— Да что братецъ, дай мнѣ немного опомниться и с браться съ мыслями. Ты мнѣ насказалъ столько удивите ныхъ вещей въ такое короткое время, что я рѣшительно могу придти въ себя, и пойду немного освѣжиться и по мать самъ съ собою.

— Но ты скажешь свое мнѣніе о моемъ характерѣ, выкажешь свои убѣжденія на этотъ счетъ? спросилъ Угоровъ.

— Какъ же, непремѣнно.... Мы еще поговоримъ объ томъ впослѣдствіи отвѣчалъ Гранилинъ, выходя изъ комнаты и снова задумываясь.

На порогѣ онъ остановился, и ударивъ себя довольно чувствительно въ лобъ, сказалъ вполголоса:

— Фу ты, эта проклятая Надежда Колхидовна не лезетъ вонъ изъ головы, хоть что ты хочешь!...

Угоровъ не слыхалъ этой фразы.

Вечеромъ этого же дня случилось одно маленькое событіе, спутавшее еще болѣе семейныя отношенія въ домѣ Угорова.

Гранилинъ вошелъ въ гостиную въ одно время съ Угоровымъ, возвращавшимся съ прогулки. Въ комнатѣ, въ покойныхъ креслахъ лежала Прасковья Ивановна; Софья Францовна читала ей путешествіе по Южной Америкѣ. Мужъ поцѣловалъ жену въ лобъ и спросилъ о здоровьѣ. Она отвѣчала, что ей, слава Богу, хорошо. Завязался разговоръ о петербургскомъ лѣтѣ, гуляньяхъ, погодѣ и другихъ неистощимыхъ предметахъ нашихъ салонныхъ бесѣдъ. Гранилинъ мало говорилъ, больше наблюдалъ, молчала также Софья Францовна, взглянувшая только раза два на Угорова съ вопросительнымъ видомъ.

Минутъ черезъ десять подобнаго разговора, явно тяготившаго всѣхъ бесѣдовавшихъ, компаньонка, не глядя на Угорова, сказала яснымъ и спокойнымъ голосомъ:

— А вы говорили, Петръ Андреевичъ, Прасковьѣ Францовнѣ, что не желаете, чтобы я оставалась компаньонкою въ вашемъ домѣ?

За этимъ неожиданнымъ вопросомъ послѣдовало глубокое молчаніе. Угоровъ поблѣднѣлъ и не могъ сказать ни слова. Угорова смотрѣла съ удивленіемъ на мужа и на компаньонку. Гранилинъ пристально взглядывался во всѣхъ присутствующихъ.

— Ты хочешь оставить насъ, Соня? сказала наконецъ Прасковья Ивановна, почти съ испугомъ, въ то время, ког-

да я.... еще несовсѣмъ выздоровѣла и сынъ мой такъ привязанъ къ тебѣ?

— Мнѣ и самой очень трудно и жаль разставаться съ вами, отвѣчала компаньонка, но этого хочетъ Петръ Андреевичъ.

— Какія же причины заставляютъ его отказать тебѣ?

— Онъ самъ объяснитъ ихъ, сказала Софья Францовна, съ горькой улыбкой. Я напомнила о рѣшеніи, которое онъ объявилъ мнѣ уже нѣсколько дней назадъ, думая, что онъ, вѣрно, говорилъ уже о своемъ намѣреніи.

— Я въ первый разъ слышу объ этомъ, и очень желала бы узнать, какія важныя причины заставили Петра Андреевича, принять это рѣшеніе.

— Послѣ объясню вамъ это, отвѣчалъ глухимъ голосомъ Угоровъ, все еще неоправившійся отъ замѣшательства.

— Развѣ это секретъ? спросила Угорова съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки.

Петра Андреевича сильно разсердилъ этотъ вопросъ. Можетъ-быть, онъ былъ даже радъ случаю разсердиться и положить конецъ объясненіямъ, довольно щекотливымъ и затруднительнымъ. Поэтому, принявъ важный видъ, онъ отвѣчалъ рѣзкимъ и строгимъ тономъ:

— Съ которыхъ поръ вздумалось вамъ допрашивать меня о причинахъ, какими я руководствуюсь въ своихъ поступкахъ? Не думаете ли вы, что имѣете право требовать отъ меня объясненія, которое я хотѣлъ дать изъ снисхожденія? Вашъ неумѣстный и неприличный вопросъ заставляетъ меня отвѣчать только одно: я дѣйствительно не могу, при всемъ моемъ желаніи, имѣть Софью Францовну компаньонкою въ нашемъ домѣ, и она можетъ оставить его, когда ей будетъ угодно.

— Вѣрю, что вы точно желали бы оставить ее, сказала Угорова какимъ-то страннымъ тономъ,—и потому мнѣ любопытно бы узнать настоящую причину, заставившую васъ отказать ей.

— Вы не узнаете этой причины!

— Это заставитъ меня думать, что вамъ стыдно сознатьс

къ ней, отвѣчала Прасковья Ивановна съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.

Угорова поразила эта настойчивость и даже колкость въ женщинѣ, до того времени молча и во всемъ повиновавшейся ему. Отвѣты ея раздражили его еще болѣе, и онъ закричалъ уже самымъ недипломатическимъ голосомъ:

— Чтó съ вами? Вы должно-быть очень больны, если позволяете себѣ отвѣчать мнѣ подобнымъ образомъ? Вы, вѣроятно, не понимаете сами того, чтó говорите?

— Я понимаю даже то, чего не хотятъ, чтобы я понимала. Если я молчала до-сихъ-поръ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я была слѣпа и безчувственна....

— Прасковья Ивановна! закричалъ внѣ себя Угоровъ. Вы забыли свою обязанность.

— Петръ Андреевичъ! прервала Угорова, поднимаясь съ креселъ съ лихорадочною дрожью. Хорошо ли вы сами помните свои обязанности, какъ мужъ и отецъ семейства?

При этихъ словахъ кровь бросилась въ голову Угорова, губы его задрожали, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и не говоря ни слова, крѣпко сжалъ руку жены, глядя ей въ глаза съ выраженіемъ, въ которомъ было чтó то зловѣщее....

Но въ въ ту же минуту Гранилинъ взялъ его за другую руку и сказалъ: Любезный другъ, для человѣка съ твердымъ характеромъ ты очень горячь. Совѣтую тебѣ придти въ себя и понять все неприличіе подобной сцены.

Эти слова, какъ вода залили весь жаръ въ Угоровѣ, онъ опустилъ руку жены, и отступивъ назадъ, молча отеръ рукою влажный лобъ.

Въ туже минуту Угорова, зашатавшись, стала понемножку склоняться на полъ, но ее поддержала Софья Францовна, съ одной стороны; съ другой подошелъ Гранилинъ.

Прикосновеніе компаньонки, повидимому, возвратило силы Угоровой; она слегка отвела ее рукою, и оперлась другою на руку Гранилина, сказавъ едва слышно:

— Не надо; меня проводитъ Иванъ Платонычъ. Горничная у меня въ спальнѣ.

И она, шатаясь, вышла изъ комнаты, поддерживаемая док-

торомъ, бросивъ на мужа и на компаньонку взглядъ, въ которомъ выражались скорѣе гнѣвъ и упрекъ, чѣмъ грусть и раскаяніе.....

ГЛАВА VI.

Сердце, умъ и твердый характеръ.

По уходѣ Угоровой, Софья Францовна осталась на своемъ мѣстѣ блѣдная, неподвижная. Крупныя слезы текли по ея щекамъ, грудь поднималась и опускалась въ прерывистомъ движеніи ; она, казалось, вовсе не замѣчала присутствія Угорова, ходившаго по комнатѣ въ волненіи и стучавшаго безъ милосердія каблуками объ полъ. Компаньонка даже вздрогнула отъ неожиданности, когда Петръ Андреевичъ подошелъ къ ней и сказалъ дрожащимъ голосомъ :

— Довольны ли вы сценой, которую возбудили своимъ необдуманнымъ вопросомъ ?

Компаньонка съ удивленіемъ посмотрѣла на Угорова, какъ-будто не понимая о чемъ онъ ее спрашивалъ, и не вдругъ отвѣчала ему :

— Еслибъ я могла предвидѣть, какія послѣдствія повлечетъ за собой мой вопросъ, я, конечно, не сдѣлала бы его, но позвольте замѣтить вамъ, что вы сами довели меня до этого. Сколько дней прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я просила васъ предупредить Прасковью Ивановну, что я оставляю вашъ домъ, и пріискать къ этому какія-нибудь уважительныя причины. Не знаю, почему вамъ вздумалось замѣнить ихъ рѣзкими выраженіями, которыя гораздо болѣе моего вопроса содѣйствовали къ печальному окончанію этой сцены, какъ вы ее называете.

— Я не говорилъ женѣ о намѣреніи вашемъ оставить насъ, потому-что не считалъ его серьознымъ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы вы изъ какой-то черезъ-чуръ раздражительной деликатности рѣшились пренебречь даже собственными интересами. Что же касается до моего обращенія съ женою, то вы позволите мнѣ имѣть свое мнѣніе въ этомъ случаѣ, и почитать излишнимъ — чтобы не сказать болѣе — всякое постороннее вмѣшательство въ этотъ предметъ.

— Вы очень дурно знаете меня, если полагали, что интересъ для меня важнѣе долга, сказала печально компаньонка. На вторую же половину вашей фразы я могу отвѣчать только одно: вы сами принудили меня сказать вамъ правду о вашемъ обращеніи съ женою. Вѣрьте, что даже безъ нашихъ прежнихъ отношеній, я бы все-таки должна была оставить вашъ домъ, послѣ того какъ узнала ближе вашу семейную жизнь. И точно также, какъ теперь, въ послѣднее наше свиданіе, я сочла бы долгомъ высказать вамъ все, чтó думаю. Вѣрьте мнѣ, Петръ Андреевичъ, вы жестоко ошибаетесь, точно также какъ жестоко поступаете. Жена ваша страдаетъ, даже гибнетъ отъ вашего обращенія, вашей холодности, строгости, безчувственности. Не упрекаю васъ въ этихъ, можетъ-быть врожденныхъ свойствахъ вашего характера, но прошу васъ, будьте внимательнѣе къ ней, ласковѣе, мягче, снисходительнѣе. Она, конечно, слушается васъ, какъ ребенокъ, но не пріятнѣе ли было бы вамъ самимъ, еслибы послушаніе это происходило отъ любви къ вамъ, а не отъ страха, какъ теперь. Неужели внушать боязнь такъ отрадно? Неужели вамъ весело смотрѣть, какъ она таетъ въ вашихъ глазахъ. Нетрудно убить однимъ словомъ всю будущность, всю жизнь сердца, всѣ надежды и счастіе женщины. На чтó же вамъ *другая* жертва, Петръ Андреевичъ?...

Бѣдная дѣвушка громко зарыдала при послѣднихъ словахъ. Увлеченная участіемъ къ подругѣ, она не замѣтила, что высказала гораздо болѣе, чѣмъ хотѣла. Нельзя сказать также, чтобы слова ея не подѣйствовали на Угорова, но привычка не давать воли своимъ чувствамъ взяла верхъ, и онъ отвѣчалъ холодно и спокойно:

— Благодарю васъ за участіе въ моихъ семейныхъ дѣлахъ; вижу въ сужденіяхъ вашихъ всю доброту вашего сердца, но сердце плохой судья въ такомъ важномъ дѣлѣ: оно представляетъ вамъ все въ превратномъ видѣ. Предоставьте мнѣ самому понимать — тáкъ ли я поступаю, какъ слѣдуетъ. Жену мою я знаю лучше васъ и всякаго. Вмѣстѣ съ болѣзнью пройдетъ у нея и этотъ видъ *жертвы*, какъ вы его называете. Романическія нѣжности, по моему, унижаютъ

достоинство мужчины, и только строгое исполненіе принятыхъ имъ правилъ доставляетъ ему то внутреннее самодовольство, которое одно можетъ составить счастіе человѣка. По этому, поблагодаривъ еще разъ за услуги, оказанныя вами въ короткое время вашего пребыванія здѣсь, и пожалѣвъ о томъ, что оно не могло продолжиться, вы позволитѐ мнѣ остаться при моемъ прежнемъ убѣжденіи и обхожденіи съ женою.

Во-время монолога Угорова Софья Францовна пристально смотрѣла на его холодное, неподвижное лице, желая подмѣтить въ немъ хоть искру чувства, вслушивалась въ его рѣзкій, однообразный голосъ, неизмѣнявшійся ни на секунду, и сказала тономъ глубокаго отчаянія :

— Прощайте же !.. если можно навсегда ! и пусть Богъ проститъ вамъ все зло, которое вы сдѣлали вашимъ страннымъ, непреклоннымъ характеромъ. Желаю только, чтобы вы всю жизнь остались при вашемъ заблужденіи, потому-что, въ противномъ случаѣ, пробужденіе ваше будетъ ужасно !

И приложивъ платокъ къ губамъ, дѣвушка почти бѣгомъ бросилась изъ комнаты.

— Теперь я все понимаю : и болѣзнь и причину ея ! сказалъ въ полголоса Гранилинъ, стоявшій уже нѣсколько секундъ въ дверяхъ, которыя вели во внутреннія комнаты.

А Угоровъ въ это время заботливо поправлялъ бакенбарды и приглаживалъ волосы, пришедшіе въ маленькой безпорядокъ во-время предшествовавщей сцены.

Гранилинъ посмотрѣлъ на него недовольнымъ и строгимъ взглядомъ, потомъ подошелъ къ нему и сказалъ :

— Пойдемъ къ тебѣ въ кабинетъ; я пропишу рецептъ твоей женѣ, который ты тотчасъ же пошлешь въ аптеку.

Угоровъ молча пошелъ за докторомъ и спросилъ его въ то время, когда тотъ отослалъ рецептъ.

— Что ты прописалъ ей ?

— Легкое успокоительное. Нервы у нея очень раздражены.

— Она очень нездорова ?

— Порядочно.

— Ты, значитъ, отыскалъ причину ея болѣзни, если собираешься лечить ее?

— Отыскалъ, отвѣчалъ также отрывисто Гранилинъ.

Оба замолчали; одинъ оттого, чтобы заботливыми разспросами не повредить твердости своего характера; другой оттого, что ожидалъ болѣе настоятельныхъ вопросовъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. Гранилину пришлось однако первому прервать молчаніе.

— Чтó же ты не спрашиваешь, отчего больна твоя жена? сказалъ онъ.

— Мнѣ не зачѣмъ спрашивать о томъ, чтó я самъ знаю, сухо отвѣчалъ Угоровъ.

— Ну, такъ скажи мнѣ, отчего она захворала, по твоему?

— Отъ простуды.

— Нисколько; отъ твоего дурнаго обращенія.

Угоровъ посмотрѣлъ на доктора больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ гнѣвомъ, и сказалъ иронически:

— Ты думаешь?

— Я убѣжденъ въ этомъ! вскричалъ съ жаромъ Гранилинъ, и удивляюсь только твоей слѣпотѣ въ этомъ случаѣ, точно также какъ твоей холодности, безчувственности, одеревенѣлости....

— Позволь тебѣ также замѣтить, что ты слишкомъ горячишься для доктора, сказалъ Угоровъ съ улыбкой. Совѣтую тебѣ также придти въ себя и понять все неприличіе твоихъ выраженій.

—Ты правъ, отвѣчалъ докторъ, успокоиваясь. Мнѣ точно не слѣдуетъ горячиться, хотя съ человѣкомъ, подобнымъ тебѣ, можно потерять всякое терпѣніе. Чтó же касается до выраженій, которыя тебѣ не понравились — на этотъ счетъ ужъ извини. Ты меня знаешь давно и помнишь, что до отборныхъ и лощеныхъ фразъ я никогда не былъ охотникомъ, и аллегорія не далась мнѣ также, какъ миѳологія. Радъ ты или не радъ, а я выскажу тебѣ просто и ясно вcе, чтó лежитъ у меня на сердцѣ, и буду называть вещи ихъ настоящими именами. Садись и слушай.

Говоря это, Гранилинъ безъ церемоніи усѣлся въ кресло, взявшись рукою за голову. Его некрасивое, но полное жизни и одушевленія лицо, выражало попеременно заботу, грусть, неудовольствіе, сожалѣніе, досаду. Угоровъ лѣниво взялся за ручку креселъ и сказалъ со вздохомъ человѣка, готовящагося къ самой непріятной работѣ.

— Ты долго будешь ораторствовать?

— До-тѣхъ-поръ, пока не увѣрюсь въ томъ, можно ли отъ тебя добиться чего-нибудь путнаго, или нѣтъ.

Угоровъ съ новымъ вздохомъ повернулъ кресла и усѣлся въ нихъ самымъ комфортабельнымъ образомъ, скрестивъ руки, заложивъ ногу за ногу и вытянувъ ихъ во всю длину. Гранилинъ началъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Прежде всего, я долженъ сказать, что первое, знавшее тебя лицо, у котораго я справлялся о твоей квартирѣ, назвало тебя помѣшаннымъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ равнодушно Угоровъ. Чтó же это было за лицо?

— Надежда Колхидовна!

— Какая Надежда Колхидовна? сказалъ удивленный Угоровъ.

— Ну, Колхидовна, Язоновна, Аргонавтовна, — развѣ это не одно и тоже? Дѣло въ томъ, что всѣ твои прежніе знакомые считаютъ тебя помѣшаннымъ.

— Ужъ и всѣ!... Дѣвица Подзорова еще не составляетъ одна общаго мнѣнія, да если бы оно и точно было общее, развѣ я поглупѣлъ бы отъ этого? развѣ свѣтъ не считаетъ полоумнымъ всякаго, кто не слѣдуетъ его мелкимъ, устарѣлымъ законамъ, не идетъ по его узкой, избитой колеѣ, не поклоняется его идоламъ, не вѣритъ въ его предразсудки? Каждый самостоятельный человѣкъ долженъ пренебрегать этимъ общимъ мнѣніемъ.

— Ты можешь пренебрегать имъ сколько угодно, но никакъ не убѣдишь меня, чтобы это мнѣніе не имѣло основанія. Послѣ нашего вчерашняго разговора, я убѣдился, что свѣтъ почти правъ; сегодняшняя сцена твоя съ женою подтвердила мое убѣжденіе.

—Въ такомъ случаѣ твое ораторское краснорѣчіе должно быть очень сильно, если ты надѣешься тронуть меня, сумасшедшаго, отвѣчалъ Угоровъ насмѣшливо.

— Я надѣюсь не на свое краснорѣчіе, а на голосъ истины, на внушенія сердца, которыхъ не заглушатъ никакіе софизмы. Если ты и не поймешь меня, то почувствуешь, что я говорю правду и требую должнаго. Ты скорѣе мономанъ, чѣмъ помѣшанный, и кромѣ пристрастія къ своей постоянной идеѣ, объ остальномъ можешь судить здраво, если захочешь этого и позабудешь на время о своей мономаніи.

— Посмотримъ, о чемъ же, по твоему, можетъ судить мономанъ.

— О томъ, что́ явно бросается въ глаза каждому, и чего только онъ одинъ не хочетъ видѣть, по какому-то странному упрямству. Жена твоя несчастна въ своей семейной жизни.

— Она говорила тебѣ это?

— Она увѣряла меня въ противномъ, но ненужно быть ясновидящимъ, чтобы понять ея положеніе. Я всего третій день у тебя, и уже вполнѣ убѣдился, что твое обращеніе съ женою сводитъ ее въ могилу. Твоя теорія перевоспитанія жены ровно никуда не годится, и принесла большой вредъ, который еще, по счастью, можно исправить, если ты рѣшишься обращаться съ Прасковьей Ивановной ласковѣе и человѣколюбивѣе. Это одно можетъ поправить ея здоровье. Вѣрю, что ты мучаешь ее безъ умыслу, изъ дурно-понятой идеи о характерѣ, но вѣдь ей отъ этого нисколько нелегче. Неужели эта мертвенная, эта холодная, строгая жизнь, размѣренная какъ машина, однообразная какъ удары маятника, составляетъ для тебя идеалъ семейнаго счастія? И между тѣмъ, истощивъ всѣ ея силы этимъ страннымъ образомъ жизни, ты въ то же время окончательно разстроиваешь ее, возбуждая въ ней ревность. Я слышалъ давича окончаніе твоего разговора съ этой компаньонкой, и увѣренъ, что вы когда-то любили другъ друга. Какая же цѣль была у тебя взять ее къ себѣ въ домъ? Доказать презрѣніе къ общественному мнѣнію и силу воли, способной побѣдить всякое чувство? Но еслибы эта умная и благородная дѣ-

вушка была кокеткой или, еще хуже, какой-нибудь Керцеей, Цертеей, чтó ли, куда бы дѣвалась вся твоя твердость и кáкъ бы сталъ ты толковать тогда о человѣческомъ достоинствѣ и всѣхъ этихъ громкихъ фразахъ, которыя ровно ничего не доказываютъ? А чтó она могла бы легко завлечь и не такого философа, въ этомъ я твердо убѣжденъ, потому-что, къ моему несчастью, знаю женщинъ не по одной теоріи. Одумайся же, старый другъ и товарищъ, вникни самъ хорошенько въ свое поведеніе, разбери самаго себя, посмотри вокругъ себя, гдѣ ты встрѣчалъ мужей, похожихъ на тебя? Кто поступаетъ въ своемъ семейномъ кругу такимъ образомъ? Исправь еще, пока есть время, то, чтó разрушалъ съ такимъ терпѣніемъ и настойчивостью, употреби на доброе дѣло хоть сотую долю той энергіи, съ которою дѣлалъ зло, и счастіе твоей жены вознаградитъ тебя за всѣ уступки, которыя ты сдѣлаешь насчетъ своихъ ложныхъ теорій о самостоятельности и твердости характера.

— Все ли ты сказалъ? Спросилъ Угоровъ, видя, что Гранилинъ остановился. Я выслушалъ тебя хладнокровно, внимательно, и готовъ отвѣчать тебѣ почти по пунктамъ. Все, чтó ты говоришь мнѣ, слышалъ я уже не разъ и самъ представлялъ себѣ тѣже самые доводы. Но я увѣренъ, что ты первый сталъ бы смѣяться надо мною, еслибы я вдругъ перемѣнилъ свой характеръ, послѣ какихъ бы то ни было убѣжденій. Того, чтó созидалось и обдумывалось годами, нельзя разрушить въ одну минуту. Краснорѣчіе не побѣдитъ разсудка; словá не опрокинутъ правилъ, подкрѣпленныхъ долговременнымъ опытомъ. Рѣчь твоя обращалась къ моему уму, точно такъ же, какъ десять минутъ тому назадъ просьбы Софьи Францовны пробовали тронуть мое сердце, но и умъ и сердце мое слишкомъ тверды, чтобы не устоять противъ убѣжденій мысли и чувства.

— Значитъ, у тебя нѣтъ ни ума, ни сердца! вскричалъ въ досадѣ Гранилинъ.

— Напоминаю тебѣ, что я слушалъ тебя, не прерывая; простая учтивость требуетъ, чтобы ты сдѣлалъ тоже; никакой дѣльный разговоръ невозможенъ безъ этого условія. Ты бо-

лѣе всего вооружаешься противъ моей теоріи, говоришь, что никто не поступаетъ такъ, какъ я. Согласенъ съ этимъ, но скажи самъ, развѣ люди съ твердыми правилами, одаренные силою воли, встрѣчаются на каждомъ шагу? Ты приписываешь болѣзнь жены моему обращенію съ нею; я напротивъ думаю, что только эта строгая точность въ образѣ жизни поддерживаетъ до-сихъ-поръ ея здоровье, что оставленная на свой произволъ, жена моя была бы самымъ жалкимъ созданіемъ, и въ этомъ ты никогда меня не разувѣришь. Я полагаю, что мужчина долженъ думать и дѣйствовать за женщину, и только одно холодное обращеніе, умѣряющее черезъ-чуръ поэтическіе порывы ея чувства, можетъ служить залогомъ семейнаго спокойствія. Ты называешь его мертвеннымъ, автоматическимъ, но я предпочитаю его всѣмъ приторнымъ сценамъ супружескаго любезничанья, вѣчнымъ ссорамъ и примиреніямъ, по мнѣнію другихъ составляющимъ поэзію супружества, — по моему унижающимъ достоинство мужа. У тебя свой вкусъ и свое мнѣніе, почему же ты хочешь, чтобъ я смотрѣлъ на предметы твоими глазами, или, что́ все-равно, глазами толпы, большинства, очень часто увлекающагося ложнымъ направленіемъ. Ты находишь, что я возбудилъ ревность въ моей женѣ, принявъ въ мой домъ дѣвушку, которая дѣйствительно когда-то интересовала меня, хотя очень умѣренно; но во-первыхъ, я полагаю, что единственная сцена, нѣсколько похожая на выходку ревности, была только слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія моей жены, увеличившагося сегодня, во-вторыхъ — приняла въ нашъ домъ эту компаньонку моя жена, хотѣвшая доставить ей кусокъ хлѣба, и меня заставляютъ только улыбаться твои слова, что я не устоялъ бы передъ ея обольщеніями. Кажется, я непохожъ на Танкреда, да и она далеко не Армида. Наконецъ, она сегодня же оставляетъ насъ. Чего же еще требовать и тебѣ и ей? Въ заключеніе, я долженъ замѣтить тебѣ, что при всей нелюбви твоей къ громкимъ фразамъ, ты составляешь, можетъ-быть нечаянно, черезъ чуръ гиперболическія и метафорическія предложенія. Кто же повѣритъ, что мое обращеніе можетъ свести въ могилу жену мою?

— Повѣришь ты самъ, если не перестанешь упорствовать въ своемъ странномъ ослѣпленіи, сказалъ съ жаромъ Гранилинъ. Я говорю теперь тебѣ не какъ твой другъ и товарищъ, а какъ врачъ, исполняющій свой долгъ. Жена твоя умретъ, если ты будешь поступать съ нею попрежнему.

— Еслибы ты не былъ моимъ пріятелемъ, я могъ бы подумать, что ты преувеличиваешь важность болѣзни, для того, чтобы придать себѣ больше славы излеченіемъ, или получить больше денегъ за визитъ.

—Ты, кажется, рѣшился вывести меня изъ терпѣнія, точно также какъ уморить свою жену, но я не допущу тебя до этого, еслибы мнѣ пришлось начать леченіе съ тебя самого. Тебѣ были бы очень полезны холодные катаплазмы и обливаніе головы водой со льдомъ.

— Ты забываешь, что мнѣ нуженъ также порядочный запасъ терпѣнія, чтобы хладнокровно слушать твои выходки, и что если тебя обуяла страсть лечить всѣхъ и каждаго, я могу попросить тебя удовлетворять своей страсти въ другомъ домѣ.

— И ты думаешь, я послушаюсь тебя? вскричалъ Гранилинъ, выходя изъ себя. Нѣтъ, любезный, помѣшанныхъ лечатъ насильно. Я посажу тебя на цѣпь, какъ бѣшенаго. Передъ моими собратами по наукѣ, передо всѣмъ человѣчествомъ, я скажу, положивъ руку па сердце : да ! по совѣсти и чести — этотъ человѣкъ сумасшедшій, и мы найдемъ мѣры унять тебя, если не вылечить; во всякомъ случаѣ мы спасемъ жену твою.

При этихъ словахъ Угоровъ поблѣднѣлъ, скорѣе отъ безпокойства, чѣмъ отъ гнѣва. Гранилинъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, глаза его блистали негодованіемъ, въ самой осанкѣ его было столько увѣренности и рѣшимости, что сомнѣніе чуть ли не въ первый разъ, втеченіе шести лѣтъ, закралось въ сердце Петра Андреевича.

Но мысль о слабости характера, о стыдѣ измѣнить свои убѣжденія взяла верхъ, и онъ отвѣчалъ почти спокойно:

— Ты можешь поступать какъ тебѣ угодно; какъ врачъ, ты имѣешь свои права и обязанности, и я не вправѣ запретить

тебѣ дѣйствовать сообразно съ твоими правилами; но если я не смѣю отказать тебѣ отъ дому, какъ врачу, то не могу принимать тебя какъ пріятеля, послѣ того, что ты сказалъ мнѣ.

Гранилинъ хотѣлъ отвѣчать ему, и однимъ словомъ прервать навсегда сношенія съ помѣшаннымъ, оставить на произволъ судьбы это семейство, которое само шло къ погибели. Еще одна секунда—и невозвратный шагъ былъ бы сдѣланъ, но въ комнату вбѣжала въ испугѣ горничная, съ крикомъ.

— Петръ Андреевичъ!... Господи!... Кончается, совсѣмъ кончается!...

— Жена моя? вскричалъ въ ужасѣ Угоровъ.

— Нѣтъ-съ.... сынокъ вашъ! отвѣчала горничная, задыхаясь отъ волненія.

Докторъ и отецъ, не говоря ни слова, бросились изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

Не новое, но вѣрное средство исправлять людей «съ характеромъ».

Гранилинъ нашелъ маленькаго сына Угорова въ сильномъ конвульсивномъ припадкѣ. Ребенокъ метался на постели въ жару и бреду, слабо вскрикивая. Подавая ему всевозможныя медицинскія пособія, докторъ въ тоже время разспрашивалъ у прислуги, когда и какъ начался этотъ странный припадокъ.

— Съ полчаса тому назадъ приходили къ нимъ проститься барышня Софья Францовна, говорила горничная, мѣшая слова со слезами. Они говорили Карпу Петровичу, что совсѣмъ уходятъ отъ насъ и просили ихъ неоченно скучать. Онѣ тоже и къ барынѣ заходили попрощаться, но барыня выслали сказать имъ съ Аграфеной, что не могутъ ихъ видѣть отъ нездоровья. Такъ Софья Францовна и просили Карпа Петровича передать барынѣ, что очень молъ благодарны за ихъ ласки и просятъ напредки не оставлять ихъ своей милостью. Карпъ-то Петровичъ тоже оченно убиваться стали, а Софья Францовна слезно просили ихъ не сокрушаться, только Карпъ Петровичъ ничего слушать не хотѣли, и все го-

ворили, что уйдутъ съ Софьей Францовной, а онѣ все уговаривали ихъ. Такія онѣ, право, жалостливыя.

— Сдѣлай одолженіе говори короче и безъ разсужденій, сказалъ Гранилинъ, хлопоча около больнаго.

— Только вотъ Софья Францовна и ушли—съ, продолжала горничная тѣмъ же плаксивымъ тономъ: и право, кабы Карпъ Петровичъ не были ужъ давно захворамши, та́къ-бы они за ними вслѣдъ и побѣжали. Они даже и съ постели встать попробовали, только на ногахъ не могли держаться; и начали по постели кататься и стонать такъ, что даже страшно становилось; подъ конецъ ихъ такъ схватило, что мы испужались, и не смѣвши барыню безпокоить, прибѣжали сказать вамъ.

Гранилинъ слушалъ этотъ разсказъ нахмурившись и не переставая заботиться о больномъ. Угоровъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями доктора, не говоря ни слова, блѣдный, какъ смерть. Черезъ четверть часа конвульсіи ребенка утихли; Гранилинъ прописалъ нѣсколько рецептовъ и сказалъ тихо Угорову:

— Ступай отсюда; ребенку нуженъ покой, а онъ видя тебя, мечется и вздрагиваетъ въ испугѣ. Я останусь при немъ всю ночь. Будь готовъ ко всему; положеніе ребенка очень опасно.

Угоровъ хотѣлъ спросить о чемъ-то, но голосъ замеръ въ груди его. Онъ только взглядами высказалъ просьбу, молча пожалъ руку пріятеля и вышелъ изъ комнаты съ опущенною головою.

Ни онъ, ни Гранилинъ всю ночь не смыкали глазъ. Угорова мучило сомнѣніе и что́-то похожее на раскаяніе. Докторъ внимательно слѣдилъ за ходомъ болѣзни. Еще съ вечера онъ написалъ записку Софьѣ Францовнѣ, и поручилъ одному изъ лакеевъ отыскать бывшую компаньонку.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня Софья Францовна, вошла въ комнату къ ребенку.

— Благодарю васъ, хотя я и не сомнѣвался, что вы придете помочь мнѣ спасти нашего больнаго, сказалъ Гранилинъ.

— Я готова на все, чтобы сдѣлать это, отвѣчала взволнованная дѣвушка. Но ради, Бога, скажите : неужели болѣзнь такъ опасна, какъ вы мнѣ писали.

— Очень опасна, но я не теряю надежды, потому-что первый припадокъ не убилъ его. Теперь онъ въ забытьи, но какъ скоро я дамъ вамъ знать, вы подойдете къ ребенку и скажете, что остаетесь съ нимъ навсегда.

— Я сдѣлаю все, что вы прикажете. Предупредите только Петра Андреевича, что я вернулась сюда по вашему требованію.

— Будьте спокойны, онъ самъ придетъ благодарить васъ за ваше пожертвованіе.

— Но Прасковья Ивановна?... Она такъ предубѣждена противъ меня.

— Она не будетъ ничего знать ни о болѣзни сына, ни о пребываніи вашемъ въ этомъ домѣ. Въ ея положеніи гибельно малѣйшее раздраженіе.

— Но ее... надѣетесь ли вы спасти ее? спросила умоляющимъ голосомъ компаньонка.

— И физически и морально, отвѣчалъ Гранилинъ.

Около полудня докторъ вошелъ въ кабинетъ Угорова съ довольнымъ видомъ :

— Опасность миновалась, сказалъ онъ. Воспаленіе въ мозгу предотвращено. Ребенокъ будетъ живъ, и выздоровленіе пойдетъ быстро.

— Какъ мнѣ благодарить тебя! сказалъ съ чувствомъ Угоровъ, сжимая его руку.

— Ты больше всего обязанъ спасеніемъ сына — Софьѣ Францовнѣ. Я послалъ за нею потому, что припадокъ сдѣлался съ нимъ отъ извѣстія, что его оставляетъ женщина, любившая бѣднаго ребенка въ то время, когда въ другихъ окружавшихъ его лицахъ онъ видѣлъ одну строгость.

Угоровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на доктора, и сказалъ тихо :

— Я не хочу и не имѣю права вмѣшиваться въ твои распоряженія.

— Да я бы и не позволилъ тебѣ этого. Врачъ, въ подоб-

ныхъ случаяхъ, дѣлается господиномъ въ каждомъ домѣ. Ты хорошо дѣлаешь даже, что не возражаешь мнѣ. Всѣ твои теоріи были бы теперь болѣе чѣмъ неумѣстны. Но сколько я радъ почти неожиданному исходу болѣзни твоего сына, столько же безпокоитъ меня твоя жена. Здѣсь леченіе будетъ труднѣе, потому-что болѣзнь сложнѣе и упорнѣе. Сегодня больная такъ слаба, что не можетъ встать съ постели.

— Ты поможешь ей также, какъ и моему сыну. Я могу однакоже видѣть ихъ теперь?

— Сына — ни за что на свѣтѣ. Ему надо дать время поправиться и укрѣпиться. Жену — пожалуй, но съ условіемъ, чтобы я былъ при каждомъ свиданіи вашемъ.

— Мнѣ кажется, что такая предосторожность — излишняя.

— Тебѣ можетъ казаться все, что̀ угодно, но безъ этого условія и обѣщанія быть съ больною какъ можно ласковѣе, я не пущу тебя къ ней.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше подожду покамѣсть она немного укрѣпится, сказалъ Угоровъ съ оттѣнкомъ досады.

— Это будетъ точно гораздо лучше, отвѣчалъ докторъ.

Прошло три дня; подъ конецъ третьяго ребенокъ сталъ замѣтно поправляться; Угоровой дѣлалось все хуже и хуже... Мужъ не входилъ къ ней въ спальню, но получилъ позволеніе видѣть сына, также при докторѣ. Скрѣпя сердце онъ согласился на это, но на слѣдующій же день, въ то время, когда Гранилинъ былъ у Угоровой, отецъ пришелъ одинъ въ комнату ребенка и долго говорилъ съ нимъ, въ присутствіи Софьи Францовны.

Часа через два послѣ этого визита Гранилинъ явился къ Угорову, разсерженный и взволнованный.

— Что̀ жъ ты хочешь рѣшительно, чтобы я приставилъ къ тебѣ дядьку, который смотрѣлъ бы за тобою, какъ за ребенкомъ, и не выпускалъ тебя никуда безъ моего позволенія? закричалъ онъ еще на порогѣ комнаты.

— Я не понимаю, что̀ значатъ эти неумѣстныя фразы, сухо отвѣчалъ Угоровъ.

— Ты очень хорошо понимаешь это, продолжалъ Гранилинъ тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ. Кто позволилъ тебѣ сдѣлать безъ меня родительскій визитъ больному?

— Мнѣ кажется, что я имѣлъ право навѣстить его. Ты же самъ говорилъ, что теперь нѣтъ никакой опасности.

— Такъ тебѣ хочется, чтобы опасность возвратилась? Съ какой стати вздумалось тебѣ читать нотаціи ребенку о вредѣ излишней чувствительности, о томъ, что во-время выздоровленія можно не оставлять своихъ занятій, и должно побѣждать слабость тѣла.

— Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ не было ничего предосудительнаго и несправедливаго....

— Ты все только о томъ толкуешь, что *тебѣ* кажется. Спросилъ бы, какъ это кажется другимъ. Твой тонъ и твои нравоученія разстроили и безъ того слишкомъ слабые нервы ребенка, и съ нимъ опять сдѣлался жаръ. Хорошо еще, что тебя удерживало присутствіе Софьи Францовны; безъ этого ребенокъ, я увѣренъ, опять бы слегъ въ постель отъ твоихъ поученій и теорій. Мало еще тебѣ доказательствъ, какъ ложны твои системы воспитанія и переобразованія. Ты видѣлъ на дѣлѣ, что полезнѣе — любовь или излишняя строгость? Неужели ты примешься попрежнему обращаться съ ребенкомъ?

— А неужели ты думаешь, что онъ будетъ постоянно боленъ и что тебѣ придется всю жизнь лечить его? сказалъ Угоровъ, также рѣзкимъ голосомъ. Я могу допустить снисхожденіе въ болѣзненномъ, исключительномъ положеніи человѣка; но какъ скоро силы его организма приходятъ въ прежнее состояніе, духъ его долженъ также окрѣпнуть.

При этихъ словахъ Гранилинъ посмотрѣлъ на пріятеля съ сожалѣніемъ, и сказалъ голосомъ, полнымъ грусти и упрека.

— Ты неисправимъ! Я очень хорошо понимаю теперь твои мысли. Тебѣ хотѣлось бы поскорѣе избавиться отъ меня, и ты ждешь съ нетерпѣніемъ времени, когда тебѣ будетъ можно снова приняться за свои теоріи. Ты убѣжденъ, что сынъ твой никогда не былъ опасно боленъ, и что я нарочно преувеличилъ опасность, чтобы поколебать твою

систему воспитанія. Точно тоже ты думаешь о женѣ своей. Тебѣ можетъ открыть глаза, переломить твой невыносимый характеръ, только одно страшное несчастіе, одинъ тяжелый ударъ, и какъ бы я ни желалъ отвратить его, но ты стóишь того, чтобы онъ постигъ тебя.

И Гранилинъ вышелъ отъ Угорова, чтобы не потерять послѣдняго терпѣнія съ этимъ упрямымъ, ожесточеннымъ человѣкомъ.

Весь этотъ день и слѣдующій, докторъ не говорилъ ни слова съ хозяиномъ, не пускалъ его къ женѣ, и былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ. Угорова слабѣла съ каждымъ часомъ; сынъ ея видимо поправлялся.

Было чтó-то странное, тяжелое въ отношеніи всѣхъ этихъ лицъ между собою. Блѣдная и молчаливая компаньонка еще болѣе стѣсняла эти отношенія. Только одинъ докторъ обходился съ нею съ теплымъ участіемъ, съ откровенностью. Видя его старанія и заботливость, сама Угорова, обращавшаяся съ нимъ въ первое время холодно и недовѣрчиво, стала къ нему гораздо внимательнѣе и ласковѣе. Она стала откровенна съ нимъ, понимая, что онъ самъ почти все узналъ и угадалъ. Въ болѣзни ея было чтó-то непонятное: она не страдала, но угасала тихо, постепенно, какъ вечерняя заря, какъ пламя лампады....

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ прибытія Гранилина въ домъ Угоровыхъ, въ ясный, іюльскій вечеръ, докторъ вошелъ довольно поздно въ кабинетъ Петра Андреевича, и сказалъ спокойнымъ, печальнымъ голосомъ:

— Жена хочетъ видѣть тебя и поговорить съ тобою.

Угоровъ положилъ книгу, которую читалъ, всталъ съ креселъ и сдѣлалъ впередъ два шага нетвердой поступью; колѣни его тряслись, въ лицѣ не было ни кровинки. Онъ спросилъ едва слышно.

— Чтó съ нею?

— Узнаешь! отвѣчалъ лаконически докторъ.

— Ей не хуже?...

— Увидишь.

Угоровъ отеръ холодный потъ, выступившій на лбу и спросилъ глухимъ умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога! Чего я долженъ ждать?... Не мучь меня.

— Я давно предупреждалъ тебя объ опасномъ положеніи твоей жены. Ты можешь самъ убѣдиться въ этомъ, если не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

— Но.... неужели нѣтъ никакой надежды?...

— Она сама скажетъ тебѣ объ этомъ. Мой отвѣтъ ты можешь почесть пристрастнымъ.

Угоровъ, боясь и не смѣя болѣе спрашивать доктора, подошелъ къ двери, шатаясь.

— Возьми мою руку, — все будетъ лучше, сказалъ съ горькой улыбкой Гранилинъ: да призови на помощь всю твердость твоего характера. У тебя недостаетъ его именно тамъ, гдѣ онъ нужнѣе всего.

И докторъ почти потащилъ Угорова изъ комнаты.

Въ маленькой спальнѣ, освѣщенной одною лампадой, горѣвшей у кіота, Прасковья Ивановна лежала въ постели, покрытая бѣлымъ тканымъ одѣяломъ. Слабый свѣтъ и легкій воздухъ проходили сквозь темно-коричневыя занавѣси, спущенныя у открытыхъ оконъ, выходившихъ въ садъ. Была какая-то странная противоположность между этимъ тихимъ, теплымъ вечеромъ, пропитаннымъ ароматомъ цвѣтовъ, полнымъ живительнаго дыханія лѣта, вечеромъ, въ которомъ вся природа жила новою, двойною жизнью,—и между этою крошечной комнаткой, въ которой готовилось умереть существо, способное чувствовать и наслаждаться жизнью больше всей природы. Какъ-то невѣроятно, невозможно казалось умереть въ такой чудный вечеръ; каждый порывъ вѣтра какъ-будто силился ворваться въ комнату, чтобы освѣжить больную; каждый лучъ солнца, исчезая за горизонтомъ, казалось, хотѣлъ пробить докучныя занавѣси у оконъ, чтобы оживить умирающую. Она была бѣла до прозрачности; всѣ черты ея лица дышали спокойствіемъ; правая рука, лежавшая на одѣялѣ, была необыкновенно худа, такъ что при малѣйшемъ движеніи ея обручальное кольцо качалось на пальцѣ.

При входѣ Угорова Прасковья Ивановна бросила на него грустный взглядъ, и сказала тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Я просила васъ придти Петръ Андреевичъ, чтобы проститься съ вами.

Онъ сѣлъ въ кресла возлѣ ея постели, прижалъ къ губамъ ея горячую руку и отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— Другъ мой, ты преувеличиваешь опасность своего положенія. Болѣзнь твоя небезнадежна: она скоро пройдетъ. Спроси у добраго нашего доктора, онъ самъ скажетъ тебѣ это.

— Онъ не хотѣлъ обманывать меня, продолжала больная спокойнымъ голосомъ. Впрочемъ я сама давно поняла свое положеніе, и просила его только сказать мнѣ, когда придетъ мой послѣдній часъ.

— Неужели онъ могъ сказать тебѣ это? вскричалъ Угоровъ.

— Отчего жъ и нѣтъ? хладнокровно отвѣчалъ Гранилинъ. Истинная твердость не въ томъ состоитъ, чтобы доводить другихъ до послѣдняго часу, но чтобы самому спокойно встрѣтить его.

Угоровъ поблѣднѣлъ и спросилъ прерывистымъ голосомъ, не сводя глазъ съ жены.

— И онъ сказалъ тебѣ?...

— Что я умру въ эту ночь, отвѣчала спокойно больная.

— О! это не правда? не можетъ быть! вскричалъ Угоровъ въ отчаяніи, съ помутившимися взглядами. Докторъ лжетъ или ошибается. Въ тебѣ нѣтъ ни одного изъ страшныхъ признаковъ смерти. Ты не должна, не можешь умереть.

— Успокойся, другъ мой. Я лучше доктора чувствую близость смерти. Ты долженъ радоваться, что я умираю безъ страданій. Болѣзнь моя такого рода, что я усну тихо и спокойно послѣднимъ сномъ, и давно уже готова къ этому. У тебя было всегда такъ много твердости. Собери же всѣ свои силы и не терзай меня въ эти минуты своимъ отчаяніемъ. Мнѣ тяжелѣе видѣть твою грусть, чѣмъ умирать самой.

— Но это невѣроятно! Это невозможно! повторялъ въ за-

бытьи Петръ Андреевичъ, упавши головой на постель жены, и рыдая, какъ ребенокъ. Она успокоивала его, какъ могла, и было странно слышать эту умирающую женщину, твердившую слова утѣшенія человѣку съ характеромъ. Гранилинъ сидѣлъ въ углу комнаты, сложивъ руки, опустивъ голову на грудь, и изрѣдка взглядывая на Угорова.

Вдругъ дверь комнаты отворилась. Вошла Софья Францовна, ведя за руку сына Угоровыхъ. Больная въ эту минуту шепнула мужу.

— Я посылала за моимъ сыномъ. Хочу проститься съ нимъ и благословить его. Будь твердъ при немъ, и не пугай ребенка своимъ отчаяніемъ.

Угоровъ машинально поднялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ себя взглядомъ человѣка, непонимающаго того, чтó происходитъ вокругъ него. Ребенокъ молча подошелъ къ постели, со страхомъ посмотрѣлъ на отца, съ любопытствомъ на мать. По впалымъ щекамъ компаньонки катились крупныя слезы.

— Прощай, милый сынъ мой, говорила мать, цѣлуя въ голову ребенка, обливая его тихими слезами. Жаль мнѣ оставлять тебя въ такихъ лѣтахъ безъ матери, но за-то я рада, что смерть моя нетакъ сильно потрясетъ тебя. Постарайся только никогда не забывать послѣднихъ словъ твоей матери: слушайся во всемъ твоего отца и свято исполняй его волю. Онъ строгъ, но онъ любитъ тебя и не можетъ желать дурнаго своему сыну. Благословляю тебя, быть-можетъ на тяжелый путь въ жизни, но Богъ поможетъ тебѣ пройти этотъ путь, а молитвы матери будутъ вѣчно сопутствовать тебѣ.

Она благословила ребенка, прижала его къ груди, и сказала, обращаясь къ Софьѣ Францовнѣ.

— Не знаю, какъ благодарить тебя за все, чтó ты сдѣлала для моего сына. Я все знаю — и была несправедлива къ тебѣ. Докторъ открылъ мнѣ глаза. Простишь ли ты меня за всѣ огорченія, которыя я нанесла тебѣ, доброй и благородной дѣвушкѣ, страдавшей, можетъ-быть, не менѣе меня.

Вмѣсто отвѣта, Софья Францовна протянула руки къ боль-

ной, успѣла схватить ея руку, и осыпала ее поцѣлуями, упавъ на колѣни подлѣ постели.

— Полно, милая Соня, говорила въ волненіи умирающая. Слезы твои разстраиваютъ меня, а мнѣ нужны силы, чтобы спокойно встрѣтить смерть. Прощай — и будь счастлива, если можешь....

И она начала снова обнимать и цѣловать своего сына, отъ котораго не могла оторваться. Ребенокъ, казалось, не понималъ всей важности своей потери. Онъ тихо плакалъ на груди матери, изрѣдка взглядывая на отца, какъ-будто боясь, чтобы онъ не упрекнулъ его за эти слезы. Но Петръ Андреевичъ сидѣлъ попрежнему неподвижно, смотря безсознательно впередъ. Только одно дрожаніе губъ обнаруживало въ немъ признаки жизни.

Видя, что прощаніе, слишкомъ продолжительное, лишаетъ умирающую послѣднихъ силъ, Гранилинъ подошелъ къ ней съ другой стороны и дотронулся пальцемъ до ея плеча. Она поняла этотъ безмолвный знакъ, еще разъ судорожно обняла мальчика, и сказала, задыхаясь отъ рыданій:

— Уведи его, Соня.... Я... я не могу больше....

Голосъ больной прервался отъ изнеможенія. Она опустилась въ подушки и закрыла глаза. Угоровъ бросился къ ней въ ужасѣ, но Гранилинъ отвелъ его рукою и сказалъ тихо:

— Дай ей успокоиться. Этотъ кризисъ пройдетъ.

Потомъ онъ подошелъ къ компаньонкѣ, и помогъ ей выдти изъ комнаты вмѣстѣ съ мальчикомъ. Петръ Андреевичъ, сѣвъ въ кресла, задумался глубоко о своемъ прошедшемъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ длилось молчаніе. Докторъ, заперевъ дверь, вернулся къ постели и сталъ у изголовья, смотря на Угорова испытующимъ взглядомъ. Больная, вѣроятно, почувствовала его присутствіе, потому-что повернула къ нему голову, и сказала, открывъ глаза:

— Мнѣ очень нехорошо, Иванъ Платонычъ. Я дурно вижу и слышу.... Нѣтъ силы поднять головы. Чувствую, что мнѣ недолго осталось жить.... Во всемъ тѣлѣ такая тягость.... Гдѣ ты, мой добрый Петръ Андреевичъ?...

Похолодѣвшая рука ея съ усиліемъ отдѣлилась отъ тѣла. Угоровъ схватилъ эту руку и сталъ прижимать къ губамъ, къ глазамъ, къ груди. Больная говорила съ трудомъ, едва переводя дыханіе :

— Прощай, милый другъ мой.... Не грусти обо мнѣ слишкомъ долго. Я не боюсь умирать и не жалѣю о жизни. Ты былъ неочень счастливъ со мною. Женившись на мнѣ, ты думалъ составить мое счастіе, но я не понимала тебя, и во многихъ отношеніяхъ была тебѣ не пара....

— Прасковья Ивановна, сказалъ Гранилинъ строгимъ голосомъ, прерывая больную: правду ли вы говорите? Вспомните, что если христіанскій долгъ велитъ прощать передъ смертью, долгъ справедливости требуетъ открыть глаза тому, кто былъ причиной вашихъ страданій, чтобы онъ не заставлялъ, по-крайней-мѣрѣ страдать другихъ.

— Прости, прости меня! твердилъ Угоровъ, глухо рыдая, падая головою на постель.

— Я отъ всей души прощаю тебя, говорила умирающая, но другъ твой правъ: ты былъ немного строгъ и холоденъ со мной. Другая, можетъ-быть, и привыкла бы къ этому, но я женщина обыкновенная; мнѣ необходимы были ласки, участіе, снисхожденіе; ты хотѣлъ, чтобы я въ девятнадцать лѣтъ отказалась отъ всѣхъ удовольствій, не веселилась, не смѣялась, Несмотря на то, что я любила тебя, мнѣ становилось иногда очень тяжело, очень скучно, хотя ты и невиноватъ былъ въ этомъ.

— Вы слишкомъ добры къ нему, прервалъ опять Гранилинъ, голосомъ суровымъ: а доброта можетъ дѣлать много зла на свѣтѣ. Готовясь предстать на судъ Того, въ Комъ источникъ вѣчной истины, скажите по совѣсти, по правдѣ: не сократилъ ли вашъ мужъ жизнь вашу?

— О, чего вы требуете! сказала больная въ волненіи.

— Ты безжалостенъ! говорилъ въ ужасѣ Угоровъ.

— Я справедливъ — и требую этого признанія именемъ справедливости! продолжалъ докторъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ. Вы должны отвѣчать мнѣ на этотъ вопросъ.

Говоря это, онъ взялъ за руку умирающую, смотря е прямо въ глаза, и подъ вліяніемъ этого магнетическаг взгляда и прикосновенія, она пришла въ сильное волненіе твердила, задыхаясь:

— Пощадите!... Не заставляйте меня отвѣчать.... Я вс таки любила его!

— Говорите! вскричалъ повелительнымъ голосомъ Гра вилинъ. Иначе я заставлю васъ сказать другую фразу, бо лѣе близкую къ истинѣ: онъ убилъ меня!

При этихъ словахъ, сказанныхъ рѣзкимъ, угрожающим тономъ, Угоровъ оцепенѣлъ отъ ужаса, а больная припод нялась на постели, и протянувъ руки впередъ, вскричала с воплемъ, раздирающимъ душу:

— О нѣтъ!... нѣтъ!... но.... я умираю отъ него!...

Въ этотъ послѣдній крикъ перелилась, казалось, вся душ страдалицы. Изнуренная борьбой и признаніемъ, она испу стила тяжелый, болѣзненный вздохъ — и опрокинулась на задъ бездыханной, неподвижной....

Теряя послѣднія силы, Угоровъ бросился къ ней съ не человѣческимъ воплемъ, и обнявъ холодное тѣло, покатился безъ чувствъ къ подножію кровати....

ГЛАВА VIII.

Эпилогическая, философическая и послѣдняя.

Въ прошломъ году, на дачѣ у Лѣснаго Института, я по знакомился съ двумя очень милыми семействами, жившими въ одномъ домѣ и чрезвычайно дружно между собою. Эт были: чиновникъ Угоровъ и докторъ Гранилинъ, оба жена тые. Угоровъ жилъ кромѣ-того съ своею сестрою, братом и теткою; у него былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ семи, и дѣ вочка трехъ-мѣсяцевъ, явившаяся на свѣтъ тутъ же на да чѣ. У доктора также имѣло явиться потомство въ самом непродолжительномъ времени.

Молодыя женщины были неразлучны. Одна готовила быть матерью, и заранѣе училась у другой, какъ нянчи и нѣжить своего ребенка. Я чрезвычайно полюбилъ этих

добрыхъ, ласковыхъ людей, и нашелъ въ ихъ домѣ самый радушный пріемъ. Въ особенности Петръ Андреевичъ Угоровъ былъ образецъ самого внимательнаго, радушнаго, любезнаго человѣка. Жену свою онъ любилъ до безумія, ухаживалъ за ней какъ за ребенкомъ, съ сестрой, братомъ и теткой—обходился самымъ радушнымъ образомъ, къ доктору былъ привязанъ какъ къ брату. Однимъ-словомъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ людей, какихъ случалось кому-нибудь и когда-нибудь встрѣчать на свѣтѣ.

Мы сошлись очень скоро, и сблизились довольно коротко. По вечерамъ, послѣ чая, мы обыкновенно до поздней ночи гуляли по саду въ-четверомъ, двое Угоровыхъ, докторъ и я, потому-что дамы, боясь вечерней сырости, рано уходили въ свои комнаты.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, мы дошли до мѣста, гдѣ въ извѣстные дни играетъ музыка. Усѣвшись на скамейкѣ и закуривъ сигары, мы стали толковать о разныхъ разностяхъ; переходя отъ одного предмета къ другому, разговоръ коснулся до особенностей и странностей каждаго человѣка.

— Я конечно мало знаю васъ, Петръ Андреевичъ, сказалъ я, обращаясь къ старшему Угорову, но признаюсь, что не разъ приходилось мнѣ завидовать вашему характеру и умѣнью во всякое время быть одинаково любезнымъ и веселымъ. Видно, что вы родились съ такимъ счастливымъ характеромъ.

Вмѣсто отвѣта, Угоровъ улыбнулся, а докторъ разсмѣялся даже довольно громко. Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на того и другаго.

— Вамъ можетъ показаться странною веселость моя и доктора, сказалъ наконецъ Угоровъ: но вы извините насъ, когда узнаете причину ея. Скажите мнѣ прежде, точно ли вы увѣрены, что я былъ всегда такимъ, какъ теперь, и не могъ быть человѣкомъ, котораго всѣ бѣгали и упрекали за его несносный характеръ?

— Мнѣ кажется это невѣроятнымъ, отвѣчалъ я. Согласенъ, что характеръ можетъ перемѣниться съ теченіемъ вре-

мени и отъ различныхъ обстоятельствъ, но не до такоі степени. Я думаю, что человѣкъ долженъ имѣть отъ рож денія наклонность къ извѣстному образу дѣйствій и мы слей.

— Стало-быть вы приверженецъ теоріи природныхъ спо собностей и наклонностей, сказалъ докторъ, пуская густу струю дыма. Позвольте вамъ замѣтить, что теорія эта не своевременна, а главное, не подтверждается ежедневным примѣрами. Пріятель мой—лучшее доказательство ошибоч ности этой теоріи. Онъ не только однажды, но даже дв раза совершенно и радикально измѣнялъ свой характеръ, при каждомъ измѣненіи новый характеръ, принятый им былъ совершенно противоположенъ прежнему. Такъ сначал онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова — мокрой кур цей, тряпкой, на которую жалко было смотрѣть; потом онъ сдѣлался человѣкомъ строгимъ до педантизма, холод нымъ, нелюдимымъ, жестокимъ въ обращеніи съ самым близкими ему людьми, мучителемъ своей жены и сына, по чти злодѣемъ. Третья перемѣна, которой вы такъ удивляе тесь, и которая, надѣюсь, останется до конца его жизни случилась съ нимъ всего съ годъ тому назадъ — и вы сам можете видѣть, какъ онъ непохожъ теперь на того, кѣм былъ еще такъ недавно.

— Я бы не повѣрилъ, еслибы мнѣ говорилъ это кто-ни будь другой; но привыкши каждое слово ваше, любезны докторъ, считать за истину, могу только удивляться так му измѣненію характера. Вѣроятно, впрочемъ, оно происх дило каждый разъ вслѣдствіе какихъ-нибудь важных обстоятельствъ.

— Первая перемѣна произошла произвольно, безо всяко видимой причины, отвѣчалъ докторъ. Для того, чтобы пр извести вторую, нужно было, конечно, значительное обсто тельство, и оно было дѣйствительно несовсѣмъ обыкновенн

— Можно узнать какое? спросилъ я больше съ участіем чѣмъ съ любопытствомъ.

— Очень можете, обстоятельство это было—смерть жен Угрова.

— Я полагалъ, что Петръ Андреевичъ женатъ первымъ бракомъ.

— Это правда, отвѣчалъ хладнокровно докторъ. Прасковья Ивановна его первая жена.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, думая подмѣтить въ лицѣ его слѣды мистификаціи, но умное, хотя и не красивое лицо доктора было спокойно, какъ всегда. Угоровъ глядѣлъ на него съ любовью и признательностью.

— Не объясните ли вы мнѣ, Петръ Андреевичъ этой загадки? спросилъ я, обращаясь къ нему. Докторъ, кажется, имѣетъ намѣреніе мучить меня таинственными фразами.

— Я, какъ Эдипъ, предлагаю вамъ загадку, сказалъ докторъ серьознымъ тономъ, вы, какъ сфинксъ, должны отгадать ее.

— Мнѣ кажется, что въ миѳологіи дѣло это происходило на оборотъ, замѣтилъ я, смѣясь.

— Легко можетъ быть, отвѣчалъ также спокойно докторъ. Я всегда сбиваюсь въ этихъ дикихъ исторіяхъ.

— Которыя однакоже не удовлетворяютъ моему любопытству, сказалъ я.

— Если вы хотите, я могу разсказать вамъ исторію моей жизни, продолжалъ Петръ Андреевичъ. Она не секретъ и многіе изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ знаютъ ее, хотя и не со всѣми подробностями. Думаю даже, что она не безъ интереса и довольно поучительна. Вы, какъ писатель, можете воспользоваться ею для какого-нибудь романа, — и я заранѣе даю вамъ позволеніе дѣлать изъ моего разсказа какое угодно употребленіе.

И Петръ Андреевичъ разсказалъ мнѣ исторію, которую я передалъ читателямъ, не прибавляя отъ себя почти ни одного слова.

Когда онъ дошелъ до описанія печальнаго случая, которымъ окончилась предъидущая глава нашего разсказа, я не вытерпѣлъ, чтобы не вскричать въ волненіи:

— И такъ, жена ваша умерла?

— Я окончу за него эту исторію, сказалъ докторъ: тѣмъ болѣе, что при описаніи перемѣны, происшедшей съ нимъ

въ эту ночь и послѣдовавшаго за нею измѣненія въ его характерѣ, онъ можетъ скромничать и не высказать всего, что́ вамъ необходимо знать для составленія полнаго понятія объ этой исторіи.

И докторъ, въ свою очередь, принялся досказывать сильно интересовавшее меня происшествіе.

«Было бы трудно, да и не зачѣмъ передавать вамъ всѣ подробности отчаянія, воплей, криковъ, которыми сопровождалось убѣжденіе Угорова въ смерти его жены. Я не отрывалъ его отъ безчувственнаго тѣла и не мѣшалъ этимъ неистовымъ порывамъ горести. Какъ докторъ я, по обязанности, долженъ былъ хладнокровно переносить всѣ сцены отчаянія — и это единственный случай, въ которомъ я раздѣлялъ мнѣніе моего друга о необходимости имѣть твердый и непреклонный характеръ. Какую пользу принесъ бы докторъ больному, еслибъ при крикахъ и страданіяхъ его сталъ плакать вмѣстѣ съ нимъ, или не рѣшился бы на время увеличить эти страданія какою-нибудь операціею, чтобы спасти его отъ бо́льшихъ мученій въ будущемъ, и даже отъ самой смерти? Скажу болѣе: докторъ долженъ быть совершенно безчувственъ ко всѣмъ крикамъ и жалобамъ; онъ долженъ оперировать на больномъ, какъ на субъектѣ, смотрѣть на него, какъ на анатомическій препаратъ, и чѣмъ болѣе врачъ спокоенъ и хладнокровенъ, тѣмъ бо́льшую помощь принесетъ онъ паціенту. Трудно однакожъ достигнуть такой отвердѣлости чувствъ, — и вотъ почему многіе искусные врачи не рѣшаются лечить близкихъ и дорогихъ имъ особъ; эта дань человѣческой слабости очень понятна и извинительна. Но я замѣчаю, что дѣлаю вовсе неидущее къ разсказу отступленіе, — и потому возвращаюсь къ нашей исторіи.

«Когда прошелъ первый, страшный пароксизмъ отчаянія, я вмѣсто того, чтобы утѣшать Угорова, сталъ осыпать его упреками передъ тѣломъ жены, выставилъ всю жизнь его самыми черными красками, заставилъ его каяться во всѣхъ проступкахъ, сознаться, что онъ одинъ былъ причиной смерти своей жены. Я разстравилъ, сколько могъ, его горесть, довелъ его почти до сумасшествія, — и потомъ сказалъ ему:

— Если бы жена твоя ожила — сталъ бы ты обращаться съ нею попрежнему?

— Можешь-ли ты спрашивать объ этомъ! вскричалъ онъ почти съ ужасомъ.

— Даешь-ли ты клятву совершенно перемѣниться въ обхожденіи съ нею? продолжалъ я: искупить нѣжностью, ласками, угожденіемъ все зло твоей прошедшей жизни?

— Къ чему спрашивать объ этомъ! говорилъ онъ въ отчаяніи, когда все потеряно для меня, когда мнѣ остается только умереть.

Но я требовалъ настоятельно клятвы — и онъ далъ ее. Впрочемъ и безъ нея я видѣлъ, что ударъ этотъ произвелъ на него сильное вліяніе, что урокъ имѣлъ спасительное дѣйствіе. Убѣдившись въ полномъ его раскаяніи, въ томъ, что онъ совершенно измѣнился отъ этого несчастія, я сказалъ ему наконецъ:

— Помни-же слова твои и благодари Бога за милость. Онъ позволяетъ тебѣ еще при жизни искупить твои грѣхи. Жена твоя черезъ восемь часовъ проснется.

— Она была въ летаргическомъ снѣ? спросилъ я доктора.

— Нѣтъ, но я далъ ей небольшой пріемъ морфина. Болѣзнь ея была не очень опасна, — простое изнуреніе силъ, атонія, какъ мы называемъ ее. Продолжительный сонъ даже послужилъ ей въ пользу. Разумѣется, что я одинъ придумалъ для мужа такое средство, чтобы вылечить его отъ моральной болѣзни. Больная была твердо увѣрена, что умираетъ; я самъ постарался внушить ей эту мысль — она бы никогда не согласилась, да и не съумѣла притворяться. Всѣ домашніе были также убѣждены въ близости ея смерти, и безъ этой обстановки сцена, приготовленная мною, не могла бы имѣть такого успѣха.

— И Петръ Андреевичъ съ-тѣхъ-поръ перемѣнился? спросилъ я.

— Радикально, отвѣчалъ докторъ. Сначала онъ, разумѣется, не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ, и провелъ всѣ эти восемь часовъ, не отходя отъ постели жены, въ страхѣ и ожиданіи. Зато, когда, послѣ восьми часовъ и семнадцати ми-

нутъ—въ разсчетѣ моемъ была небольшая невѣрность, чуть было незаставившая Угорова сойти съ ума — жена его открыла глаза,—онъ, на оборотъ, чуть не помѣшался отъ радости. Большаго труда стоило мнѣ уговорить его быть благоразумнымъ и не пугать больную изъявленіями своей нѣжности и восторга. Въ нѣсколько минутъ онъ насказалъ ей столько любезностей, сколько она не слыхала во всѣ шесть лѣтъ своего замужства. Неожиданная радость могла однакоже имѣть на нее слишкомъ сильное вліяніе, и я выпроводилъ переродившагося супруга изъ спальни больной, приказавъ успокоиться обоимъ. Съ-этихъ-поръ выздоровленіе, разумѣется, пошло очень быстро, и черезъ недѣлю они оба до того измѣнились — одна физически, а другой нравственно, что ихъ было трудно узнать. Это были два нѣжные голубка, которые, казалось, только что вчера обвѣнчались. Въ отношеніи къ другимъ — таже перемѣна: сына своего Угоровъ началъ воспитывать совершенно иначе. Ребенокъ разцвѣлъ и укрѣпился подъ вліяніемъ отцовской ласки. Мой выздоровѣвшій пріятель выпросилъ прощеніе у брата и сестры, въ жестокомъ обращеніи съ ними, и убѣдилъ ихъ жить всѣхъ вмѣстѣ. Вамъ не зачѣмъ даже спрашивать у другихъ — какова ихъ семейная жизнь; вы сами видѣли ее. Эта перемѣна въ человѣкѣ, самомъ несносномъ и жестокомъ, имѣла благодѣтельное вліяніе даже на окружающія его лица, неславившіяся прежде мягкостью характера. Такъ тетушка Анна Никитична перестала дуться и выводить сплетни и сдѣлалась теперь очень сговорчивой старушкой. Только одна дѣвица Подзорова никакъ не хотѣла простить Угорову его семейнаго счастья. Впрочемъ судьба отправила ее снова въ родимый, уѣздный городъ, изъ котораго она, вѣроятно, не вернется больше, къ общему удовольствію.

— Чтó же сдѣлалось съ остальными лицами этой исторіи? спросилъ я довольно неотвязчиво.

— Поживаютъ себѣ по добру, да по здорову, кромѣ Стразова однакоже, который сломилъ себѣ шею на какой-то фешьонебельной скачкѣ, и Неглякова, превратившагося изъ свѣтскаго льва въ порядочную курицу, вслѣдствіе одной же-

нитьбы по разсчету, послѣ которой жена прибрала его къ рукамъ и держитъ у себя на жалованьи. Амалія Петровна помирилась съ своей бывшей гувернанткой и ѣздитъ теперь очень часто къ ней въ гости. Анна Николаевна живетъ въ деревнѣ, гдѣ выдала замужъ остальныхъ своихъ племянницъ, Нину и Надину, за помѣщиковъ, довольныхъ судьбою и собою. Марья Казиміровна также вышла наконецъ замужъ за своего неизмѣннаго обожателя, и тоже живетъ теперь въ деревнѣ, послѣ какой-то непріятной и слишкомъ гласной исторіи на Гельсингфорскихъ водахъ, въ которой Семенъ Сергѣевичь игралъ весьма незавидную роль. Впрочемъ теперь, довольный и счастливый своего женитьбою, по словамъ Пушкина:

Въ деревнѣ счастливъ и — женатъ,
Онъ носитъ стеганный халатъ.

Софью Францовну вы знаете; я скоро узналъ всѣ прекрасныя свойства этой доброй и благородной дѣвушки. Согласившись выдти за меня, она доказала этимъ, что забываетъ все прошедшее,—и теперь я чуть ли не счастливѣе моего друга.

— И неужели съ-тѣхъ-поръ ни въ какомъ случаѣ Петръ Андреевичъ ни разу не измѣнялъ своему характеру? спросилъ я.

— Ни разу! сказалъ докторъ.

— Неправда, отвѣчалъ улыбаясь Угоровъ, однажды мнѣ случилось, если не пожалѣть о моемъ прежнемъ характерѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, вспомнить объ немъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришла въ голову глупая мысль — сравнить себя со всѣми, кто окружалъ меня — и знаете ли, къ какому заключенію пришелъ я? что у меня все-таки нѣтъ характера.

— Это почему? сказалъ я, удивленный такимъ парадоксомъ.

— Возмите всѣхъ главныхъ лицъ моей исторіи продолжалъ Угоровъ: у каждаго изъ нихъ гораздо больше характера, чѣмъ у меня. Жена моя лучше согласилась умереть, чѣмъ жаловаться на меня, или искать случая выдти изъ своего безотраднаго положенія; мой другъ Гранилинъ, не говоря уже о его прежней жизни, твердостью своего характкера спасъ и вылечилъ меня; Софья Францовна съ ангельскимъ терпѣніемъ переносила свое тяжелое положеніе; у моего

брата и сестры было столько благородной гордости, чтобы не искать случаевъ сблизиться со мною, послѣ моего обиднаго отказа принять участіе въ ихъ судьбѣ. Даже старый Степанъ переѣхалъ опять въ мой домъ, уже не на службу, а на покой. Возмите наконецъ дѣвицу Подзорову и та оставалась постоянно зла и нелюбезна. Одинъ я, мѣнявшій два раза свой характеръ, не могу даже сравниться ни съ кѣмъ изъ нихъ.

— Ты помнишь также, чтó я отвѣчалъ тебѣ на эту выходку сказалъ Гранилинъ. Развѣ измѣнять свой характеръ, сообразжаясь съ обстоятельствами не есть также знакъ твердаго характера? Развѣ чистосердечное признаніе въ дурной сторонѣ своихъ поступковъ и твердая рѣшимость загладить ихъ — не признакъ человѣка съ характеромъ? Развѣ легче передѣлать себя, нежели оставаться однимъ и тѣмъ же всю жизнь? Развѣ не труднѣе наконецъ, однажды испортивши свою судьбу, направивъ свою жизнь въ дурную сторону, снова передѣлать все это и стать на прямой путь, составить счастье для себя и для другихъ? Женитьба твоя была, конечно, дѣломъ минутной, необдуманной прихоти; ты точно, любилъ Софью Францовну, — но развѣ ты отъ этого меньше любишь теперь Прасковью Ивановну и думаешь сколько-нибудь о моей женѣ? Развѣ истинное достоинство состоитъ не въ томъ, чтобы умѣть переломить себя и приспособить жизнь свою ко всѣмъ обстоятельствамъ?

— Чтó ты не говори, а меня все-таки нельзя назвать человѣкомъ съ характеромъ отвѣчалъ со вздохомъ Угоровъ.

— Я не понимаю, право, господа, о чемъ вы тутъ спорите, сказалъ младшій братъ Угорова, молчавшій все время и хладнокровно курившій сигару. Всѣ эти разсужденія о характерахъ ровно ничего не доказываютъ, и смѣшно заботиться о томъ, чтобы составить себѣ тотъ или другой характеръ. По моему — человѣкъ съ характеромъ тотъ — кто никогда не думаетъ о томъ, какой у него характеръ.

Мы не могли не согласиться съ этимъ рѣшеніемъ.

ВЛАДИМІРЪ ЗОТОВЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

РОКИНГЕМЪ,

или

МЛАДШІЙ БРАТЪ.

=

> Вѣчность долга, и я желалъ бы наполнить ее воспоминаніемъ твоихъ ласкъ; но какъ я ни ищу, не нахожу болѣе и памяти твоей любви.
>
> «Мопра».

Предисловіе.

Съ годъ тому назадъ, сидѣлъ я однажды утромъ за чайнымъ столомъ, стараясь выжать что-нибудь интересное изъ безконечной газеты, и проклиная злую участь, которая до третьей недѣли сентября держала меня въ городѣ, какъ вдругъ раздался легкій стукъ въ дверь,

и вслѣдъ затѣмъ вошелъ старинный мой школьный пріятель, Томъ Торнтонъ.

— Ты ли это, Торнтонъ? какими судьбами? вскричалъ я: — а я думалъ, что ты уже давнымъ-давно въ Италіи!

Потомъ, замѣтивъ, что онъ въ глубокомъ траурѣ, я поспѣшилъ освѣдомиться о причинѣ его неожиданнаго возвращенія. Онъ объяснилъ мнѣ, что дядя его, сэръ Вильямъ Торнтонъ, съ которымъ я былъ также хорошо знакомъ, умеръ скоропостижно, оставивъ его единственнымъ наслѣдникомъ богатаго имѣнія; что онъ получилъ извѣстіе о томъ въ Марсели, и поспѣшилъ въ Англію, въ надеждѣ поспѣть еще во-время, чтобы отдать покойному послѣднюю честь; но былъ задержанъ въ дорогѣ, и пріѣхалъ уже нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ.

— И вотъ, любезный другъ, продолжалъ онъ: я пришелъ просить тебя съѣздить со мною въ Аббейзфильдъ и помочь мнѣ вступить въ исправленіе моихъ новыхъ обязанностей. Смѣю тебя увѣрить, что куропатокъ будетъ неменьше, чѣмъ въ прошломъ году, и передаю ихъ въ полное твое распоряженіе и исключительную собственность.

Я охотно принялъ приглашеніе на нѣсколько дней, и въ надлежащее время мы пріѣхали въ новое владѣніе моего пріятеля. Тутъ все было въ ужасномъ смятеніи, и время Торнтона было такъ наполнено разными заботами и обязанностями, что онъ отложилъ до перваго дождливаго дня подробный осмотръ бумагъ покойнаго дяди. Какъ ни старался стряпчій его доказать, что это было первое дѣло, къ которому надлежало ему приступить, онъ, по очень понятному чувству, подъ всякими предлогами оттягивалъ это горестное занятіе.

Наконецъ наступилъ этотъ грустный день, и былъ тяжелъ и пасмуренъ, какъ только можно было желать. Торнтонъ приказалъ развести яркій огонь въ каминѣ небольшой библіотеки, которая служила дядѣ его кабинетомъ, и гдѣ почтенный баронетъ испустилъ духъ. Новому владѣтелю вручили ключи, и мы вмѣстѣ вошли въ комнату.

Грустная, тяжелая минута — когда переступаешь порогъ комнаты смерти, въ первый разъ послѣ того, какъ послѣдній житель ея переселился въ свое мрачное, вѣчное жилище; когда видишь всѣхъ нѣмыхъ и безсознательныхъ свидѣтелей его пребыванія въ томъ же по-

женія и въ томъ же порядкѣ, какъ бывало при жизни его; а только хозяинъ ихъ удалился навсегда. Ни одинъ стулъ не былъ сдвинутъ съ мѣста, ни одна книга не была переложена на столѣ съ того дня, какъ добрый старикъ въ послѣдній разъ принималъ меня въ своемъ гостепріимномъ домѣ. Все оставалось въ давно заведенномъ, чинномъ порядкѣ.... Его одного не доставало.

Входя въ кабинетъ, я замѣтилъ, что носовой платокъ Торнтона частехонько украдкою прикладывался къ его глазамъ, да и на собственныхъ своихъ глазахъ почувствовалъ я слезы; но никто изъ насъ не былъ въ силахъ говорить. Молча, принялись мы выдергивать одинъ ящикъ за другимъ и перелистывать цѣлыя кипы бумагъ. Горестный трудъ нашъ подходилъ уже къ концу, когда, роясь въ отдаленномъ и укромномъ углу стариннаго бюро, Торнтонъ вытащилъ какую-то толстую, исписанную тетрадь, къ которой было приложено письмо.

— Сдѣлай милость, любезнѣйшій, сказалъ онъ, посмотри, что это за рукопись и можетъ ли въ ней быть какая польза теперь. Ну, чтò ты скажешь? продолжалъ онъ, давъ мнѣ нѣсколько минутъ перелистывать тетрадь.

— Это чтó-то довольно странное и заманчивое, отвѣчалъ я. Нѣчто въ родѣ автобіографіи молодаго человѣка, писанной женскою рукою, и мѣстами по-французски; а вотъ и письмо, повидимому, касающееся того же лица, и писанное твоему покойному дядѣ однимъ изъ его братьевъ.... Были ли у него братья?

— Кажется, что были два брата; но я никогда не видалъ ни того, ни другаго Одинъ утонулъ, когда еще былъ студентомъ въ Оксфордѣ; а другой, по-имени Чарльзъ, считался однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ въ морской службѣ, и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Вестъ-Индіи, младшимъ адмираломъ во флотѣ. Я много слыхалъ о немъ отъ покойнаго дяди.

Между-тѣмъ, какъ Торнтонъ говорилъ это, я продолжалъ просматривать рукопись, и съ каждою страницею возрастали мое любопытство и участіе, которое возбуждала во мнѣ судьба героя этихъ записокъ. Скоро пріятель мой, окончивъ свое дѣло, сталъ собираться вонъ изъ кабинета.

— Позволь мнѣ остаться здѣсь, сказалъ я, и дочесть рукопись до

конца. Я знаю, что ты отъ-роду не могъ прочесть романа до последней страницы, я же, какъ тебѣ извѣстно, страстный охотникъ до всего необыкновеннаго въ исторіи человѣческой жизни, до всего, что̀ сбивается на романъ; и въ этой рукописи я напалъ на нѣчто, сильно завлекающее меня.

— Сдѣлай милость, отвѣчалъ Торнтонъ, оставайся и читай сколько тебѣ угодно, только уволь меня отъ чтенія.

Съ этими словами онъ оставилъ меня одного. Я окинулъ взоромъ унылую картину теряющихся въ туманѣ и дождѣ кустарниковъ; потомъ бросилъ еще взоръ на опустѣлую, осиротѣвшую комнату; подсыпалъ угольевъ въ каминъ, придвинулъ къ нему покойныя кресла, опустился въ нихъ, и скоро снова погрузился въ лежащую передо мною повѣсть. Едва успѣлъ я дочитать послѣдній листокъ, какъ дверь отворилась, и вошелъ Торнтонъ сказать мнѣ, что обѣдъ уже на столѣ. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо съ видомъ чрезвычайнаго изумленія, и сказалъ:

— Ну любезнѣйшій, рукопись видно пречувствительная, потому-что стòитъ только взглянуть тебѣ въ лицо, и можно смѣло побиться объ закладъ, что ты плакалъ надъ нею.

— Ну, если ты такъ думаешь, возразилъ я, улыбаясь, то не стану спорить; ты, пожалуй, угадалъ. Еслибъ повѣсть эта была вымышленная, она и тогда завлекла бы меня; но это не вымышленная повѣсть, а истинное происшествіе, и потому потрясло меня до глубины души.... Сдѣлай милость, подари мнѣ эту рукопись; тебѣ вѣдь она ненужна, а мнѣ очень хотѣлось бы сохранить ее.

Торнтонъ съ перваго слова согласился на мое желаніе, и такимъ-образомъ рукопись перешла въ мое владѣніе, и переѣхала со мною въ Лондонъ. Прочитавъ ее въ другой разъ, и сообщивъ ее нѣкоторымъ пріятелямъ, я убѣдился, что повѣсть о жизни лорда Эдуарда будетъ нечужда интересу и для публики, и потому рѣшился напечатать его записки, не прибавляя къ нимъ и не измѣняя въ нихъ ни полслова; я только счелъ обязанностью соблюсти основное правило повѣстеписанія, откинувъ письмо, для бòльшей постепенности интересу, въ конецъ разсказа.

I.

Я родился въ 1782 году, въ Эльмсватеръ-кастлѣ, родовомъ помѣстьѣ моихъ предковъ. Матери своей я почти не зналъ. Припоминаю я по временамъ смутно, будто сквозь сонъ, какое-то существо, въ голосѣ и во взорахъ котораго было болѣе нѣжности и любви, чѣмъ въ наемницахъ, которымъ было ввѣрено попеченіе о моемъ дѣтствѣ; существо, которое брало меня на руки и прижимало къ своей груди съ какою-то непонятною, восторженною страстью; но никакія усилія моей памяти не могутъ ясно воскресить въ моемъ умѣ черты и образъ моей матери. Она умерла, когда мнѣ только-что пошелъ четвертый годъ.

Отецъ мой, Эдуардъ Плантадженетъ Рокингемъ, графъ и маркизъ Арлингфордскій, во-время моего дѣтства былъ исключительно погруженъ въ заботы и бури политической жизни. По этому я рѣдко видалъ его; а когда и видалъ, то подходилъ къ нему всегда съ нѣкоторымъ родомъ чувства, походившимъ на страхъ, какой его повелительный видъ и властолюбивый нравъ внушали всѣмъ окружавшимъ его.

Еще болѣе повелительный видъ и властолюбивый нравъ имѣлъ другой членъ нашего дому, единственная оставшаяся въ живыхъ сестра моего отца, вдовствующая графиня Ширнессъ. Мужъ ея умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ дѣтей, и съ-тѣхъ-поръ она перенесла всю свою гордость и честолюбіе на своихъ родныхъ, и почти неограниченно властвовала въ ихъ дѣлахъ и дѣйствіяхъ. Она никогда не оказывала большой привязанности ко мнѣ; вся любовь, вся нѣжность ея были сосредоточены на единственномъ и первородномъ моемъ братѣ.

Съ братомъ я также мало бывалъ вмѣстѣ въ первые годы своего дѣтства; онъ былъ шестью годами старше меня, и былъ уже въ пансіонѣ, когда я не выходилъ еще изъ рукъ нянекъ, а когда я въ пер-

вый разъ оставилъ родительскій домъ, онъ былъ уже студентомъ въ Итонѣ.

Такимъ-образомъ во все продолженіе своего дѣтскаго возраста я остался чуждъ всѣмъ близкимъ мнѣ роднымъ и не зналъ семейной любви. Единственными друзьями и вѣрными союзниками моими были Юлія, Француженка, бывшая горничною моей матери, и по смерти своей госпожи оставшаяся жить въ Эльмсватеръ-кастлѣ, и Ричардсъ, старый морякъ, имѣвшій присмотръ за домомъ и служившій нѣкогда много лѣтъ вѣрою и правдою одному изъ дядей моего отца, котораго иначе не называли, какъ адмираломъ.

Отъ Юліи я научился бѣгло читать и бойко болтать по-французски, прежде даже, чѣмъ выучился писать по-англійски. Она же выучила меня множеству пѣсенъ своей родины, которыя остались навсегда живы въ моей памяти. Сколько разъ, много лѣтъ спустя, въ совершенно другихъ краяхъ, бормоталъ я про себя эти напѣвы, и мысленно переносился къ лѣсамъ и садамъ эльмсватерскимъ, и переживалъ вновь счастливые года, которые я провелъ среди нихъ, не зная еще ни заботъ, ни печалей.

Съ Ричардсомъ проводилъ я обыкновенно всѣ праздники; онъ былъ опытный и страстный охотникъ, и я узналъ отъ него много драгоцѣнныхъ для охотника тайнъ объ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ и склонностяхъ разнаго рода дичи. Онъ построилъ также для меня миніатюрный фрегатъ, и на этомъ фрегатѣ, носясь со мною по эльмсватерскимъ озерамъ, училъ онъ меня первымъ началамъ морскаго дѣла. Съ какою жадностью, скользя по этимъ тихимъ, покорнымъ водамъ, слушалъ я его восторженные разсказы о далекихъ моряхъ и земляхъ, которыя онъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ! Въ эти-то часы, безъ сомнѣнія, запала мнѣ въ душу мысль, затмить когда-нибудь морскіе подвиги моего дѣда.

Когда мнѣ минуло пять лѣтъ, отецъ мой неожиданно возвратился въ Эльмсватеръ послѣ долгаго отсутствія, и привезъ съ собою сестру. Цѣлью его пріѣзда, сколько я могъ тогда понять, было — сдѣлать распоряженія по помѣстью и сократить его расходы, на время своего пребыванія за границею, куда онъ отправлялся съ важною миссіею, возложенною на него правительствомъ.

Когда всѣ распоряженія были кончены, возникъ затруднительный

вопросъ: куда дѣвать меня? Я былъ уже слишкомъ большой мальчикъ, чтобы оставаться на попеченіи нянекъ, но слишкомъ молодъ, чтобы поступить въ пансіонъ съ братомъ; съ отцомъ ѣхать я не могъ, потому-что ему было не дотого, чтобы заниматься моимъ воспитаніемъ, а тетка ни за что въ мірѣ не хотѣла навязать себѣ такую обузу. Наконецъ, послѣ многихъ совѣщаній и толкованій, положено отдать меня на попеченіе приходскаго ректора, мистра Вильямза, который жилъ въ полумилѣ отъ Эльмсватера, и былъ душой и тѣломъ преданъ нашему дому. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно кроткаго нрава, необыкновенно ученый и уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ; жена его, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, была также добра, какъ онъ, и вела самую скромную, тихую жизнь.

Три года провелъ я подъ ихъ кровомъ, и это были три года невозмутимаго счастья. Жизнь моя, правда, могла бы показаться однообразною, но этому помогла охота къ ученію, которая въ это время впервые пробудилась во мнѣ, и сдѣлала меня такимъ усерднымъ ученикомъ, какого только могъ желать себѣ мой ученый наставникъ. При моей жаждѣ познаній и моемъ прилежаніи и успѣхи мои были необыкновенно быстры. Однакоже я не забывалъ Юліи и Ричардса; почти никакая погода не могла воспрепятствовать мнѣ, въ свободное отъ занятій время бѣжать изъ ректорскаго дому въ Эльмсватеръ, повидаться съ своими вѣрными друзьями и принять съ ними участіе въ удовольствіяхъ, какія представляла усадьба или принадлежавшія къ ней владѣнія.

Мнѣ было уже около девяти лѣтъ, когда отецъ мой возвратился изъ-за границы. Пріѣхавъ въ Эльмсватеръ, онъ встрѣтилъ меня очень ласково, даже нѣжно, съ участіемъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ, и казалось, былъ немало удивленъ и обрадованъ моими огромными успѣхами. Нѣсколько дней спустя, пріѣхала и леди Ширвессъ; и хотя я уже подступалъ къ ней смѣлѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ въ прежнія наши свиданія, однакоже все еще не могъ подавить тайной боязни, которую она изстари внушала мнѣ.

— Не правда ли, какъ похожъ на мать? сказалъ отецъ мой своей сестрѣ, когда я въ первый разъ вошелъ въ комнату его по прибытіи ея. — Совершенно вылитый въ нее!

— Да, вылитый въ мать, отвѣчала тетка, насколько презритель-

нымъ голосомъ. Изъ него вышла бы пресмазливенькая дѣвочка. Но погоди, какъ увидишь Эльмсватера! — вотъ такъ настоящій Рокингемъ — совершенно въ тебя!

Когда братъ, за которымъ было уже послано въ Итонъ, пріѣхалъ, съ перваго появленія своего онъ вполнѣ оправдалъ похвалы, которыми всегда осыпала его леди Ширнессъ. Темнокаріе глаза, чорные волосы, гордая, надменная осанка напоминали нѣкоторые изъ многочисленныхъ фамильныхъ портретовъ, хранившихся въ галереѣ нашего родоваго зàмка; чертами и выраженіемъ лица онъ былъ также чрезвычайно похожъ на отца, но, несмотря на свою молодость, казался очень холоднымъ, надменнымъ и суровымъ. Дотого, какъ я уже говорилъ, я почти не видалъ брата. Сначала я всячески старался изъявлять ему свою любовь; но скоро убѣдился, что между нами не могло быть никакой симпатіи; онъ былъ со мною такъ же холоденъ, какъ съ другими, и такъ же смотрѣлъ на меня свысока; а повелительный и властолюбивый нравъ его скоро подалъ поводъ къ мелкимъ стычкамъ, которыхъ, быть-можетъ, никто изъ насъ не старался избѣгать. По большей части онѣ бывали изъ пустяковъ, такъ-что не стóитъ о нихъ и говорить, и я самъ едва ихъ помню; одинъ только случай всегда живо сохранялся въ моей памяти, потому-что имѣлъ сильное вліяніе на всю послѣдующую судьбу мою.

Само-собою разумѣется, что въ-отсутствіе моихъ родныхъ, на меня смотрѣли въ Эльмсватерѣ какъ на господина и повелителя, особенно же на конюшнѣ, которая была моимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Въ одномъ стойлѣ стоялъ мой клеперъ, въ другомъ жилъ мой нюфоундлендскій водолазъ, въ третьемъ хранился мой рыболовный снарядъ. Какъ-скоро пріѣхалъ братъ, онъ изъявилъ свое неудовольствіе на такой безпорядокъ, и безъ дальнихъ разсужденій приказалъ очистить конюшню отъ всего, чему тутъ было не мѣсто. Я не имѣлъ никакого разумнаго предлога возставать противъ его распоряженія; но мнѣ казалось, что не мѣшало бы ему сбить своей спѣси и удостоить меня одного слова объясненія. Лошадка моя не изъявила никакого неудовольствія на это перемѣщеніе; но нетакъ разсуждалъ мой любимый водолазъ. Онъ то и дѣло вертѣлся около своего стараго жилья и, по увѣренію брата моего,

безпокоилъ чудеснаго арабскаго коня, котораго только что подарила ему леди Ширнессъ.

— Отхлестать проклятую собаку арапникомъ, чтобъ она отвадилась ходить въ конюшню! закричалъ однажды Эльмсватеръ своему конюху.

— Нѣтъ никакой надобности обижать ее, она уйдетъ и безъ того, сказалъ я, случившись поблизости. — Нептунъ, сюда; сюда, Нептунъ!

— Хорошо, когда ты здѣсь, вскричалъ братъ мой съ сердцемъ: но чуть ты отвернешься, онъ опять пойдетъ нюхать по стойламъ. Въ первый разъ, какъ еще увижу его у конюшни, я самъ откатаю его арапникомъ такъ, что онъ будетъ помнить.

— Совѣтую тебѣ его не трогать, возразилъ я болѣе въ шутку, чѣмъ серьозно: потому-что можешь быть увѣренъ, что онъ бросится на тебя и укуситъ — не правда ли, Нептунушка?

Нептунъ завилялъ хвостомъ, и скоро принялся бѣгать и скакать съ такимъ шумомъ, что дѣйствительно испугалъ лошадь моего брата, и она начала кидаться въ стороны. Эльмсватеръ съ гнѣвомъ бросился къ собакѣ, далъ ей сильнаго пинка ногою; собака обернулась, и кинулась на него.

— Нептунъ, Нептунъ, сюда! закричалъ я въ испугѣ. Но собака уже успѣла укусить брата, и онъ бросился ко мнѣ какъ изступленный, кричалъ и клялся, что я научилъ собаку бросаться на него. Послѣдовалъ жаркій споръ, въ которомъ Эльсмватеръ грозился отколотить меня самого. Чувствуя себя не въ силахъ бороться съ нимъ, я схватилъ, для защиты своей, камень, которымъ я однакоже вовсе не думалъ пускать въ него; но сильный ударъ по щекѣ, первый въ моей жизни, привелъ меня въ такое изступленіе, что я самъ не помню, какъ камень нечаянно вырвался изъ моей руки. Все это совершилось такъ скоро, что когда я увидѣлъ кровь, полившуюся изъ лба брата, я едва могъ повѣрить, что самъ нанесъ ему эту рану. Я бросился къ нему, умолялъ его простить меня и помогалъ, по мѣрѣ своихъ силъ и знанья, унять кровь и перевязать рану. Ушибъ, какъ скоро удостовѣрились, былъ незначителенъ; но прежде, чѣмъ мы успѣли добраться до дому, повсюду разнесся уже слухъ, что молодой графъ едва не былъ убитъ братомъ.

Насъ призвали обоихъ въ библіотеку, гдѣ отецъ сидѣлъ съ леди

Ширнессъ, а онъ началъ разспрашивать насъ о случившемся. Братъ мой разсказалъ нашу ссору; и хотя мнѣ показалось, что онъ разсказывалъ ее несовсѣмъ согласно истинѣ, а въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ для меня, однакожe я былъ такъ огорченъ несчастнымъ ея результатомъ, что не могъ сдѣлать ему никакого возраженія.

— Хорошо, сказалъ отецъ: теперь помиритесь, и чтобы впередъ не слыхать было ничего подобнаго.

Это рѣшеніе отца было несогласно съ образомъ мыслей леди Ширнессъ.

— Я просто изумляюсь, Арлингфордъ, сказала она, необыкновенной кротости и терпѣнію Эльмсватера послѣ этого малодушнаго нападенія на него....

— Полно, полно, перебилъ отецъ. Въ другой разъ съ Эдуардомъ этого не случится. Я разберу это дѣло.

— Конечно не случилось бы въ другой разъ, еслибъ онъ былъ моимъ сыномъ, потому-что я его завтра же отправила бы въ школу. И не сказать, какъ я тебѣ уже говорила третьягодня, что праздно смѣшно тебѣ держать дома такого большаго мальчика; только же балуется дома.

— Ну хорошо, сестра, ты, можетъ-быть, и правду говоришь, сказалъ отецъ. – Вотъ какъ Эльмсватеръ поѣдетъ назадъ въ Итонъ, мы подумаемъ, нельзя ли будетъ и его послать съ нимъ.

— Въ Итонъ? что за вздоръ, помилуй! да мѣсто ли тамъ младшимъ братьямъ? Итакъ онъ уже такъ долго властвовалъ здѣсь одинъ, что, чего-добраго, забралъ себѣ, пожалуй, въ голову, что онъ и подлинно здѣсь будущій господинъ! Нѣтъ; вотъ я разузнаю о школѣ, куда леди Элизабетъ Тичфордъ отдавала своихъ меньшихъ сыновей; изъ нихъ вышли все прекрасные молодые люди. Одинъ умеръ въ прошломъ году въ Остиндіи.

— Надѣюсь, что это заведеніе, въ которомъ принимаютъ только дѣтей порядочныхъ родителей!

— Конечно; и строго смотрятъ за учениками, и воспитываютъ ихъ сообразно съ будущимъ положеніемъ ихъ въ свѣтѣ.

Такимъ-образомъ участь моя была рѣшена. Черезъ недѣлю леди Ширнессъ получила самыя подробныя свѣдѣнія объ Алтонской школѣ. Отецъ выторговалъ однакоже, чтобъ я пробылъ дома еще двѣ недѣли; но и эти двѣ недѣли прошли, и настала роковой день.

Слезы дрожали на ресницахъ благороднаго лорда Аллингтона, когда онъ прощался со мною и увѣщевалъ меня немногими, но трогательными словами, никогда не забывать обязанностей, которыя налагали на меня мое имя и званіе, въ которомъ я родился. Онъ сунулъ мнѣ въ руку кошелекъ съ двадцатью фунтами стерлинговъ, и объявилъ, что это мое годовое жалованье. Тетка также нѣсколько смягчилась при разставаньи, и прибавила еще десять фунтовъ. Братъ мой пожалъ мнѣ на прощаніе руку; но мы почти не говорили со дня нашей ссоры, и я ясно видѣлъ, что онъ не простилъ мнѣ еще моей обиды.

Юлія впала въ истерику, разставаясь съ своимъ милымъ сыночкомъ, какъ она меня называла, а бѣдный Ричардсъ стоялъ словно изваянный образъ горести. Но почтовая карета не могла ждать болѣе двухъ минутъ у воротъ эльмсватерскаго парка; — меня сунули въ карету почти такъ же нецеремонно, какъ мой чемоданъ, и прежде, чѣмъ успѣлъ успокоиться первый взрывъ горести при разставаньи съ родительскимъ кровомъ, мы отъѣхали уже дальше отъ него, чѣмъ когда-либо достигали мои самыя далекія странствія.

Какой-то таинственный страхъ обхватилъ меня, когда я почувствовалъ себя брошеннымъ, такъ-сказать, въ среду необъятнаго свѣта; мнѣ было страшно взглянуть на новую жизнь, въ которую я долженъ былъ вступить. Одно чувство однакоже преобладало надъ всѣми прочими въ этотъ часъ первой глубокой, безутѣшной тоски, чувство сожалѣнія, почти угрызенія совѣсти о порывѣ гнѣва, который завлекъ меня въ ссоръ съ братомъ. До-тѣхъ-поръ меня всегда считали мальчикомъ смирнымъ и кроткимъ.

II.

Послѣ долгой и скучной ночи ѣзды, почтовая карета пріѣхала въ Плимутъ. Тутъ встрѣтилъ меня старый служитель моего отца, высланный впередъ, чтобы принять меня изъ кареты и отвезти въ Ал-тонъ, отстоявшій отъ города миль на пятнадцать. Такъ-какъ день былъ воскресный, то онъ повелъ меня сначала въ вечерню, и мы прі-

ѣхали въ школу нераньше, какъ въ восьмомъ часу вечера. Дорого
я уснулъ въ каретѣ; но сонъ какъ рукой сняло, какъ-скоро мнѣ ска
зали, что мы достигли своего мѣста назначенія. Человѣкъ въ доволь
нещегольской ливреѣ отворилъ намъ дверь, и удостовѣрившись от
моего провожатаго, что я ожидаемый новый ученикъ, ввелъ насъ в
обширную гостиную, гдѣ не было никого, кромѣ одной дамы, сидѣвшей передъ каминомъ съ книгою въ рукахъ.

Когда ей доложили обо мнѣ, она встала, взяла меня за руку ласково освѣдомилась о моемъ здоровьѣ и не усталъ ли я отъ дороги. Потомъ, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ моему провожатому, отпустила его.

Какъ-скоро я довольно ободрился, чтобы пристальнѣе посмотрѣть н особу, которая такъ ласково приняла меня, я увидѣлъ, какъ мнѣ казалось, самое очаровательное лицо, какое когда-либо являлось мнѣ. Мистрисъ Вентвортъ было въ то время около двадцати-двухъ лѣтъ. Е блестящіе глаза, длинные темнорусые локоны, бѣлый, нѣжный цвѣт лица, тонкія черты,—все это представляло разительную противуположность грубой и мужественной наружности молодыхъ деревенских красавицъ, которыхъ я видалъ въ окрестностяхъ Эльмсватера; а въ взглядѣ и въ улыбкѣ ея было нѣчто такое очаровательное, тако привлекательное, что несмотря на врожденную робость передъ чужими, я скоро сталъ бесѣдовать съ нею такъ же непринужденно какъ бы съ старою знакомою.

— Васъ зовутъ Эдуардомъ, кажется? спросила она.

— Такъ-точно: лордъ Эдуардъ Кавендишъ Рокингемъ, отвѣчал я, исчисляя подробно свои титулы, какъ учили меня няньки и слуг въ Эльмсватерѣ.

— О, здѣсь будетъ достаточно, сказала мистрисъ Вентвортъ, улыбаясь.—Докторъ отозванъ сегодня на обѣдъ, и воротится домой довольно поздно; а я совѣтовала бы вамъ пораньше лечь спать, потому-что вы устали отъ дороги, а завтра утромъ вы должны уже явиться въ классы.

— Я получила письмо отъ вашей тетушки, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія: она пишетъ мнѣ, что вы ужасный забіяка, и чуть не убили своего старшаго брата. Признаюсь, я не подумала бы этого, глядя на васъ; вы болѣе похожи на скромную дѣвочку, чѣмъ

и мальчика и на буяна, такъ-что я почти готова бы одѣть васъ дѣвочкою и вести съ собою, какъ мою дочку.

Послѣдній комплиментъ небольно польстилъ бы моему самолюбію; но въ голосѣ мистрисъ Вентвортъ было столько нѣжности, столько материнскаго участія, что я простилъ бы ей и не такое оскорбленіе. Я принялся разсказывать ей въ настоящемъ видѣ всѣ обстоятельства ссоры моей съ Эльмсватеромъ, но не успѣлъ кончить, какъ разговоръ нашъ былъ прерванъ легкимъ стукомъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати вошелъ въ комнату.

— Докторъ отозванъ на обѣдъ, сказала мистрисъ Вентвортъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ вошедшаго. — Оставьте книжку у себя; дежурный мониторъ подастъ ее завтра утромъ.... Постойте, дайте взглянуть, сколько человѣкъ записано?

— Шесть.

— Шесть?... я, кажется, только пятерыхъ велѣла записать ...

— Такъ-точно; вы изволили записать пятерыхъ, а шестаго записалъ младшій наставникъ.

Мистрисъ Вентвортъ взглянула на списокъ, и возвратила его подателю, который почтительно поклонился и вышелъ.

Впродолженіе этого короткаго разговора, котораго смыслу я въ точности не понималъ, я былъ чрезвычайно пораженъ измѣненіемъ въ лицѣ и обращеніи мистрисъ Вентвортъ, холоднымъ, почти суровымъ выраженіемъ, которое вдругъ смѣнило привѣтливую, игривую улыбку, осѣнявшую ея уста въ беседѣ со мною. Впрочемъ эта улыбка тотчасъ возвратилась, когда я спросилъ, кто былъ молодой человѣкъ, сейчасъ вышедшій отъ нея.

— Это одинъ изъ мониторовъ.

— Изъ мониторовъ?—что-такое мониторы?

— Мониторами называются четыре первые ученика въ школѣ; старшій же изъ мониторовъ называется капитаномъ. Они помогаютъ наставникамъ въ надзорѣ за меньшими учениками, и вы должны слушаться и почитать ихъ почти такъ же, какъ самихъ наставниковъ.

Тутъ подали чай, послѣ котораго послѣдніе слѣды усталости исчезли, и я почувствовалъ себя еще бодрѣе. Я разговаривалъ еще больше часу съ своею обворожительною собесѣдницею, и узналъ отъ нея множество любопытныхъ подробностей о школѣ, которою завѣдывалъ ея мужъ.

Школа эта была первоначально основана двумя братьями, которые, служа одинъ въ арміи, а другой во флотѣ, составили себѣ скромное состояніе въ остиндскихъ походахъ. Цѣлью ихъ учрежденія было дать возможность младшимъ офицерамъ той и другой службы давать хорошее воспитаніе своимъ сыновьямъ за умѣренную цѣну. Число воспитанниковъ опредѣлено было первоначально въ двадцать человѣкъ, но потомъ удвоилось и наконецъ учетверилось вслѣдствіе увеличенія капиталовъ школы новыми обильными пожертвованіями. Школа была такъ хорошо устроена и ведена, что многіе богатые люди пожелали отдавать туда своихъ дѣтей, и выхлопотали себѣ это разрѣшеніе вопреки первоначальнымъ условіямъ учрежденія. Между воспитанниками того и другаго разряда не дѣлали никакого различія.

Когда я поступилъ, школа была въ комплектѣ; потому-что по недавнему распоряженію положено было, чтобы число воспитанниковъ ни въ какомъ случаѣ не превосходило средствъ учрежденія, и комплектъ опредѣленъ въ восемьдесятъ человѣкъ, и я заключилъ это число.

Всѣ воспитанники были распредѣлены на шесть классовъ или лавокъ, и четыре наставника и учителя завѣдывали ихъ занятіями. Главный наставникъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи шестую лавку, второй наставникъ пятую и четвертую; французскій учитель третью, а учитель чистописанія вторую и первую.

Вскорѣ послѣ того, какъ пробило девять часовъ, мистриссъ Вентвортъ встала и отвела меня въ небольшую комнатку, гдѣ я долженъ былъ спать эту ночь. Она поцаловала меня, убѣждала меня встать и одѣваться на слѣдующее утро, какъ-скоро придутъ будить меня, и затѣмъ вышла. Несмотря на усталость отъ дороги, я долго не могъ уснуть, а когда наконецъ уснулъ, мнѣ во снѣ все еще являлся образъ обворожительной начальницы: я все видѣлъ привѣтливую улыбку, которою она встрѣтила меня, все еще дивился суровому, зловѣщему выраженію, которое на мгновеніе заволокло ея лицо, когда мониторъ показалъ ей таинственную книжку.

На слѣдующее утро въ половинѣ седьмаго часу, меня разбудила толстая служанка, вбѣжавъ въ мою комнатку и сказавъ, чтобы я поскорѣе вставалъ и одѣвался, потому-что она воротится черезъ десять минутъ, чтобы проводить меня въ классъ. Дѣйствительно, черезъ десять минутъ она возвратилась и довела меня до дверей класса

[illegible] въ денежную залу, более похожую на галерею, гдѣ воспитанники сидѣли уже за своими столами, меня вдругъ объяла какая-то неописанная тоска; сердце мое заныло при мысли, что во всей окружающей меня толпѣ нѣтъ у меня ни одного друга, ни даже знакомаго.

Классная комната антоновской школы была, какъ я уже сказалъ, продолговатая комната, футовъ семидесяти въ длину, на тридцать футовъ въ ширину. Въ одномъ концѣ была дверь, черезъ которую вошелъ я, а прямо противъ нея дверь на рекреаціонный дворъ; въ серединѣ, у одной стѣны была огромная печь, а у другой стѣны, напротивъ печи, небольшое огороженное возвышеніе, ступени на три къ полу, котораго назначенія я въ то время не могъ угадать. По обѣ стороны печки и возвышенія стояли каѳедры учителей, а передъ ними тянулись до противоположныхъ стѣнъ залы длинныя, прибитыя къ полу лавки съ косыми столами, отъ которыхъ и самые классы получили свое названіе.

Три учителя были уже на своихъ мѣстахъ; только каѳедра по правую руку отъ печки, возвышавшаяся двумя ступенями надъ прочими каѳедрами, изъ чего я заключилъ, что она принадлежала главному наставнику, была еще незанята. Подлѣ этой каѳедры стояли два воспитанника; одинъ изъ нихъ, старшій, увидѣвъ мое смущеніе, которому конечно нелегче было подъ вытаращенными на меня взорами почти всей школы, подозвалъ меня знакомъ, и поставилъ меня подлѣ себя, велѣвъ ждать тутъ главнаго наставника, который долженъ скоро придти.

Тотъ, который говорилъ мнѣ это, казался лѣтъ семнадцати; онъ былъ большаго росту и крѣпкаго сложенія, и могъ бы показаться неуклюжимъ и тяжеловатымъ, еслибъ не выраженіе добродушія и невозмутимой веселости, которое постоянно осѣняло его лицо; по лѣтамъ и по росту его я догадался, что это былъ командиръ школы. Товарищъ его былъ, повидимому, тремя или четырьмя годами моложе, и наружность его говорила, какъ нельзя болѣе, въ его пользу. Онъ стоялъ, прислонившись, къ высокой каѳедрѣ, и его черты, точно изъ-подъ греческаго рѣзца, его длинные и волнистые свѣтлорусые волосы, его статное, гибкое сложеніе, одни уже обратили бы на себя мое вниманіе; но гораздо болѣе ихъ поразило меня странное выраженіе задумчивости, составлявшее главную черту его физіономіи.

Когда я подошелъ, онъ на одно мгновеніе остановилъ на ı острый, проницательный взглядъ.

— Длинный списочекъ сегодня? спросилъ командиръ, послѣ ı нутнаго молчанія.

— Какъ слѣдуетъ въ понедѣльникъ, шесть человѣкъ, отвѣча другой, въ которомъ я угадалъ дежурнаго монитора, потому-что рукѣ его была та самая книжка, которая наканунѣ была подана ı стрисъ Вентвортъ.

— И всѣ ею записаны? спросилъ командиръ.

— Нѣтъ, она записала только пятерыхъ, отвѣчалъ мониторъ

Я съ жадностью вслушивался въ этотъ разговоръ, но с ва монитора были скоро прерваны прибытіемъ главнаго ı ставника. Доктору Вентворту тогда не было еще пятидес лѣтъ; пріемы его отличались спокойствіемъ и достоинствомъ, ч ты его были еще прекрасны, несмотря на то, что на нихъ леж ла печать жизни, посвященной безпрерывному труду и умственны занятіямъ. При входѣ его всѣ встали съ мѣстъ, а когда онъ в шелъ на свою каѳедру, командиръ сказалъ ему нѣсколько сло вполголоса, и возвратился на свое мѣсто. Мониторъ, по приказа главнаго наставника, сталъ читать утреннюю молитву, что продол лось нѣсколько минутъ. Послѣ молитвы докторъ Вентвортъ приня распечатывать и читать со вниманіемъ нѣсколько писемъ, лежавши на его пюпитрѣ; но увидѣвъ, что мониторъ не отходилъ отъ ı ѳедры, онъ спросилъ, нѣтъ ли записанныхъ. Мониторъ подалъ е книжку. Докторъ, не взглянувъ даже въ книжку, спросилъ толь все ли готово, и потомъ приказалъ подать розгу изъ близъ-стоявш шкафа и вызвать виновныхъ. Мониторъ произнесъ шесть именъ, которые шесть воспитанниковъ выступили впередъ медленнымъ ш гомъ и съ поникшими головами.

— Живѣе, Эдвардсъ, сказалъ мониторъ тому, который бы постарше: живѣе; чтобъ намъ не терять цѣлаго утра!

Мальчикъ, къ которому обращались эти слова, принялся, лѣниво нехотя, устранять всѣ препятствія къ предстоящему наказанію; п томъ сталъ на колѣна на второй ступени возвышенія, на которо стояла каѳедра главнаго наставника, и отдалъ руки въ руки мон тора.

— Готово, сэръ, сказалъ мониторъ третьей скамьи.

Главный наставникъ взялъ розгу, и отсчиталъ виновному шесть здоровыхъ ударовъ, не сводя почти глазъ съ длиннаго письма, которое онъ читалъ съ большимъ вниманіемъ. Тоже прошли слѣдующіе четыре мальчика, съ тѣмъ только различіемъ, что они принадлежа къ младшимъ классамъ, получили только по четыре удара. Оставался еще одинъ у подножія каѳедры, онъ казался гораздо моложе своихъ предшественниковъ и въ лицѣ его не было капли крови отъ страху. Когда ему велѣли подойти въ роковой ступени, онъ устремилъ умоляющій взоръ на монитора, и слезнымъ голосомъ пробормоталъ, что это еще первый его проступокъ. Докторъ Вентвортъ спросилъ, кто записалъ этого мальчика?

— Мистрисъ Вентвортъ, отвѣчалъ мониторъ.

— Такъ сходите къ ней, и попросите ее, не позволитъ ли она на этотъ разъ отпустить его безъ наказанія.

— Я боюсь, сэръ, что если я буду просить ее, моя просьба останется безъ всякой пользы, замѣтилъ мониторъ.

— Такъ попросите ее отъ моего имени.

Мониторъ вышелъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился, подошелъ къ каѳедрѣ и сказалъ:

— Оказывается, сэръ, что это старый шалунъ и былъ уже нѣсколько разъ прощаемъ.

— Если такъ, то нечего дѣлать! сказалъ докторъ, взявшись опять за роковое орудіе. Шалунъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе, залился слезами, и только когда мониторъ напомнилъ ему, что наказаніе будетъ удвоено, если придется требовать помощи, онъ принялся съ содроганіемъ за необходимыя приготовленія. При первомъ ударѣ, онъ испустилъ пронзительный крикъ, который слабѣе повторялся при каждомъ послѣдующемъ ударѣ, пока мониторъ не отпустилъ его.

Виновному дано было минуты двѣ или три, чтобы оправиться; послѣ чего докторъ Вентвортъ приказалъ ему идти на мѣсто. Когда розга была поставлена въ шкафъ, докторъ вызвалъ пятый классъ; тутъ только взоръ его въ первый разъ остановился на мнѣ. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, благосклонно подалъ мнѣ руку, и потомъ велѣлъ монитору отвести меня къ младшему учителю, прося его проэкзаменовать меня. Едва мы отошли на нѣсколько шаговъ, какъ докторъ остановилъ насъ, чтобы сказать монитору: — Торнтонъ, ваши греческіе стихи замѣчательно хороши.

Мой товарищъ отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ.

Младшій учитель, къ которому привелъ меня мониторъ, был человѣкъ еще молодой, щедушный, повидимому слабый здоровьемъ. Онъ предложилъ мнѣ, касательно прежнихъ моихъ занятій, нѣсколько вопросовъ, гораздо сложнѣе и хитрѣе тѣхъ, къ которымъ я привыкъ у ректора; потомъ, выслушавъ мои отвѣты, изъявилъ крайнее свое удивленіе, что я, въ мои лѣта, такъ еще не твердъ въ латинской грамматикѣ, и предложилъ опредѣлить меня в третью скамью, то есть въ третій классъ, куда меня, съ согласі старшаго учителя, и усадили. Этотъ классъ, какъ я узналъ наканунѣ отъ мистрисъ Вентвортъ, былъ въ завѣдываніи французскаг учителя, добраго и кроткаго весельчака, который посадилъ меня не вдалекѣ отъ себя, и объяснилъ предстоявшія мнѣ занятія и обязанности.

Въ часъ позвали насъ обѣдать; а послѣ обѣда, какъ погода был ясная, вся школа отправилась на рекреаціонный дворъ, обширну поляну, обведенную заборомъ, на которую ходъ былъ прямо из класной залы. Тутъ мною овладѣло томительное чувство робости тоски: какъ было мнѣ начать знакомиться съ этимъ множеством лицъ, окружавшихъ меня и совершенно чужихъ мнѣ? какъ пристат къ ихъ играмъ и забавамъ? какъ вмѣшаться въ ихъ разговоры занятія?

Побродивъ нѣкоторое время одиноко и безмолвно, я нечаянно увидѣлъ того монитора, котораго наружность и обращеніе такъ очаровали меня утромъ. Онъ разговаривалъ съ другимъ ученикомъ одних съ нимъ лѣтъ. Я медленно и почтительно подошелъ къ нимъ; н надменный взглядъ, брошенный на меня послѣднимъ, и едва замѣтная улыбка, которую я уловилъ на открытомъ лицѣ самаго Торнтона показали мнѣ, что поступокъ мой считался непростительною нескромностью. Я отошелъ отъ нихъ, и рѣшился вмѣшаться въ кружок младшихъ мальчиковъ, игравшихъ въ свайки. Когда они всѣ наглазѣлись на меня вдоволь, одинъ изъ нихъ вздумалъ ощупать новичка, спросилъ, какъ меня зовутъ.

— Эдвардомъ, отвѣчалъ я, помня вчерашнее замѣчаніе мистрис Вентвортъ.

— Эдвардъ какъ? спросилъ тотъ грубо и насмѣшливо.

— Если вамъ нужно знать полное мое имя, извольте: лордъ Эдвардъ Кэвендишъ Рокингемъ, сказалъ я довольно рѣзко.

— Все ли оно тутъ? Я думалъ, что ему конца не будетъ! Позвольте спросить, милордъ, какъ ваша милость чувствуетъ себя послѣ вчерашней дороги? Смѣемъ ли надѣяться, милордъ, на благосклонное позволеніе продолжать въ вашемъ присутствіи нашу игру въ свайки? подхватилъ мой испытатель, ободряемый громкимъ смѣхомъ товарищей.

Меня стало волновать досадою; но оскорбленіе было такъ косвенно, что я не зналъ къ чему придраться, чтобы проучить дерзкаго мальчишку, который имѣлъ явное намѣреніе задѣть меня. Нѣсколько минутъ спустя, продолжая играть, онъ будто ненарочно толкнулъ меня довольно сильно, и принялся насмѣшливо извиняться передъ милордомъ, изъявляя опасенія не ушибъ ли онъ меня. Я только попросилъ его, стараясь сохранить по возможности хладнокровный тонъ, чтобы онъ былъ осторожнѣе и чтобы этого болѣе не случалось.

— Ну, а если случится, что́ же тогда?

— Какъ случится, тогда и успѣемъ сказать, что́ будетъ! отвѣчалъ я, гордымъ взглядомъ вызывая противника развѣдаться. Онъ тотчасъ толкнулъ меня изо-всѣхъ силъ. Кровь во мнѣ закипѣла и я ударилъ его. Въ одно мгновеніе образовался около насъ кружокъ и завязалась между нами драка по всѣмъ правиламъ школьнаго единоборства. Мой противникъ былъ значительно старше и сильнѣе меня, и сначала побѣда едва не осталась за нимъ. Вдругъ ободрительные клики товарищей смолкли, и общій предостерегающій шопотъ извѣстилъ насъ о приближеніи дежурнаго монитора.

— Кто началъ драку? спросилъ Торнтонъ, вступая въ кружокъ, который разступился передъ нимъ.

— Онъ первый ударилъ меня! вскричалъ мой противникъ, и весь кружокъ подтвердилъ его слова.

— Правда, я ударилъ его, подхватилъ я, но онъ первый оскорбилъ меня и два раза толкнулъ меня.

— Я увѣренъ, что не ты затѣялъ ссору, сказалъ Торнтонъ, обращаясь ко мнѣ. — Ну, примиритесь, и чтобы въ поминѣ не было о ссорѣ.

Я подалъ противнику руку, и онъ пожалъ ее, хотя несовсѣмъ охотно и дружелюбно!

Я хотѣлъ удалиться; но Торнтонъ остановилъ меня, и подумавъ не-

множко, сказалъ: — Лучше пойдемъ со мною! — Я последовалъ за ним на другой конецъ двора, и онъ привелъ меня къ бѣлокурому мальчику, около моихъ лѣтъ, который стоялъ одинъ, поодаль отъ прочихъ учениковъ, прислонившись къ дереву. — Мордаунтъ, сказал ему Торнтонъ: ты никогда не играешь, возьми на свое попеченіе новичка, не давай его въ обиду и храни отъ бѣды, пока онъ еще не освоился съ правилами и обычаями заведенія.

Новый знакомецъ оказался довольно услужливъ и привѣтливъ, но чрезвычайно молчаливъ. Онъ отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, но отвѣты его были такъ коротки и сжаты, что я немного успѣлъ узнать о школѣ, когда насъ позвали въ классъ. Послѣ двухъ часовъ занятій насъ опять отпустили на рекреаціонный дворъ. Не желая попаст въ новую драку, я самъ отыскалъ Мордаунта и присталъ къ нему. Онъ былъ одинъ, по обыкновенію. Между-тѣмъ, какъ я старался завлечь его въ разговоръ, за низкимъ заборомъ, отдѣлявшимъ двор отъ большой дороги, подошелъ къ намъ разнощикъ съ корзиною апельсиновъ — Позволяется ли покупать апельсины? спросилъ я.

— Разумѣется.

— Зачѣмъ же ты не покупаешь?

— У меня нѣтъ денегъ.

Я тотчасъ купилъ шесть штукъ, и половину предложилъ ему; и не безъ нѣкотораго труда уломалъ его принять больше одного. Это скромное угощеніе значительно подвинуло наше знакомство, и мой новый пріятель сталъ разговорчивѣе и сообщительнѣе. Мнѣ очень хотѣлось узнать всѣ правила школы и образъ жизни учениковъ. Капитан пользовался общимъ расположеніемъ товарищей за свой простой, кроткій и тихій нравъ, а въ Торнтонѣ они души не слышали, и онъ считался, по прилежанію и способностямъ, первымъ ученикомъ въ школѣ. Штатные воспитанники, поступавшіе на правахъ, опредѣленныхъ учредителями школы, носили, для отличія, бѣлый галстукъ и синій фракъ, — такой мундиръ былъ и на Мордаунтѣ, — и платили только десять фунтовъ въ годъ, тогда какъ пансіонеры платили и восьмидесяти. Вслѣдствіе этого различія въ платѣ, а также вслѣдствіе болѣе высокаго положенія въ свѣтѣ своихъ родныхъ, пансіонеры ставили себя выше штатныхъ воспитанниковъ, и это мнимое превосходство, только до извѣстной степени признаваемое ихъ товарищами, по

раждало вѣчную неприязнь, даже открытую вражду между штатными воспитанниками и пансіонерами.

Мордаунтъ познакомилъ меня и съ мѣстностію моего новаго жилища. Старшій учитель занималъ отдѣльный домъ, просторный и удобный, за которымъ былъ садъ, принадлежавшій исключительно мистрисъ Вентвортъ; она развела въ немъ множество цвѣтовъ и съ любовью ухаживала за ними. Этотъ садъ составлялъ длинную полосу, шедшую параллельно нашему рекреаціонному двору и прежде принадлежавшую къ нему; только незадолго до моего поступленія въ школу, была она обведена подъ садъ и отдѣлена отъ двора двумя высокими заборами, образовавшими узкій проходъ для сообщенія между домомъ и службами, которыя были расположены въ концѣ сада. Рядомъ съ домомъ доктора Вентворта и сообщаясь съ нимъ крытымъ ходомъ, стояла самая школа; длинное прямоугольное строеніе, котораго нижній этажъ заключалъ столовую и классную залу, а верхній — дортоары учениковъ и комнаты младшихъ учителей. За школою, примыкая, какъ я уже сказалъ, къ саду мистрисъ Вентвортъ, былъ нашъ рекреаціонный дворъ, съ двухъ наружныхъ сторонъ отдѣленный заборомъ отъ проѣзжей дороги, огибавшей его подъ прямымъ угломъ. Въ нижнемъ концѣ заборъ былъ очень высокъ, и тутъ школьники играли въ мячи и воланы; съ боку же, параллельно саду, заборъ былъ такъ низокъ, что мы могли разговаривать съ прохожими по той части дороги, гдѣ я курилъ апельсины.

Наконецъ, въ разговорѣ о садѣ, имя мистрисъ Вентвортъ пришлось ему къ слову, и я воспользовался этимъ, чтобы выманить у него, какія имѣлъ, свѣдѣнія о ея личности. Я узналъ, что она была дочь одного бѣднаго пастора, съ которымъ докторъ Вентвортъ былъ знакомъ съ давнихъ лѣтъ, и замужемъ была всего другой годъ. Въ первое время она казалась очень слаба здоровьемъ, крѣпко грустила и вовсе не заботилась объ Аштонской школѣ, даже не занималась домашнимъ хозяйствомъ. Послѣ однако, вслѣдствіе, какъ говорили, весьма строгихъ представленій и увѣщаній мужа, она стала принимать болѣе дѣятельное участіе въ его заведеніи, и въ то время, какъ я поступилъ, имѣла, прямо или косвенно, огромное вліяніе на все управленіе школы.

Другое обстоятельство, поставившее часть школы подъ непосредственное ея начальство, было посѣщеніе епархіальнаго епископа, слу-

чившееся мѣсяца за четыре до моего пріѣзда. Епископъ, осмотрѣвъ школу, по обязанности своего сана, и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ изъ младшихъ учениковъ, былъ крайне изумленъ и огорченъ слабостью ихъ религіознаго образованія. Бывъ лично знакомъ съ отцомъ мистрисъ Вентвортъ, и зная, что она получила образованіе, которое сдѣлало бы честь каждому мужчинѣ, а не то что женщинѣ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы она открыла воскресные классы катихизиса и богословія для младшей половины школы. Мистрисъ Вентвортъ сначала не хотѣла вѣрить, чтобы это предложеніе было сдѣлано серьозно; но нетакъ смотрѣлъ на него докторъ. Самъ онъ имѣлъ столько занятій, что не могъ удѣлить времени на новыя лекціи. Его помощникъ также былъ заваленъ работою по двумъ ввѣреннымъ ему классамъ. Французскій учитель, хотя и протестантъ, не могъ быть достаточно свѣдущъ въ особенныхъ догматахъ англиканской церкви, а учитель чистописанія не пользовался достаточнымъ довѣріемъ, чтобы возложить на него такую важную обязанность. Сверхъ-того, школьный уставъ предоставлялъ младшимъ учителямъ поочередно имѣть свободное воскресенье. По всѣмъ этимъ причинамъ докторъ Вентвортъ настаивалъ, чтобы мистрисъ Вентвортъ давала каждое воскресеніе, послѣ обѣдни, лекцію закона Божія и богословія для младшихъ классовъ, и она должна была покориться волѣ мужа.

На лекціи ея былъ назначенъ мониторъ, для наблюденія за порядкомъ, и докторъ Вентвортъ строго велѣлъ при малѣйшей неисправности записывать виновнаго. Записанные подвергались строгому наказанію. Такимъ-образомъ въ классѣ мистрисъ Вентвортъ былъ возстановленъ порядокъ.

III.

Столовая въ Аштонской школѣ была большая квадратная зала, въ которой стояло четыре длинные стола; за каждый усаживалось равное число учениковъ, и за каждымъ на одномъ концѣ сидѣлъ одинъ изъ учителей, на другомъ мониторъ. Главный учитель завтракалъ и обѣдалъ у себя, и довольствовался тѣмъ, что заглядывалъ въ столовую на короткое время; поэтому мѣсто его оставалось обыкновен-

но пусто, если только мистрисъ Вентвортъ не занимала его, чтобы отдохнуть, потому-что она, по желанію мужа, непремѣнно должна была присутствовать при обѣдѣ. Это было во всю недѣлю, кромѣ воскресенья, единственное время, когда она сходилась съ учениками.

На второй день моего пребыванія въ школѣ я замѣтилъ за обѣдомъ, что взоръ мистрисъ нѣсколько разъ обращался на меня. Когда мы встали изъ-за стола, она подозвала меня, и внимательно осмотрѣла мое лицо, на которомъ ясно видны были слѣды вчерашняго побоища. — Боже мой! вскричала она, — какъ это ты, проказникъ, успѣлъ уже такъ себя изуродовать? На что это похоже! Гдѣ это ты набрался этихъ шрамовъ и синяковъ?

— Это ничего, отвѣчалъ я, въ смущеніи: я только упалъ и немножко оцарапался.

— Ты никогда не долженъ лгать! возразила мистрисъ Вентвортъ, поднявъ указательный палецъ, и въ то же время съ трудомъ удерживая улыбку. — Это неправда, я очень хорошо знаю, что ты не упалъ! Докторъ Вентвортъ, взгляните; не срамъ ли, что мальчикъ не успѣлъ пробыть здѣсь двухъ дней, и вотъ какъ его уже отдѣлали! Ну, скажи мнѣ, съ кѣмъ это ты дрался?

— Я.... я.... не знаю.

— Опять! сказала мистрисъ Вентвортъ, снова грозя пальцемъ.

— Право, увѣряю васъ, я не знаю его имени.

— Я хочу знать, съ кѣмъ ты дрался, и узнаю! Если не можешь назвать его по имени, то, вѣрно, можешь описать его наружность.

— Я думаю, вы сами узнали бы его, осмотрѣвъ его лицо такъ какъ осмотрѣли мое.

Ни докторъ, ни его жена не могли удержаться отъ улыбки при этомъ наивномъ выраженіи гордости и самодовольства, съ которымъ я намекалъ на свое вчерашнее глупое молодечество. Но мы напрасно осматривались кругомъ; бо́льшая часть учениковъ уже вышла изъ столовой, а никто, конечно, такъ не поспѣшилъ удалиться, какъ мой противникъ.

— Все-равно, я узнаю! продолжала мистрисъ Вентвортъ. — Кто былъ вчера дежурнымъ мониторомъ?

Не зная, отвѣчать ли мнѣ на этотъ вопросъ, или нѣтъ, я робко взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Торнтонъ; онъ тотчасъ вышелъ впередъ, и сказалъ, что онъ былъ дежурнымъ.

— О, я могла бы угадать! сказала мистрисъ Вентвортъ: и спрашивать нечего, кто дежурный, когда дѣти шалятъ и дерутся! Я должна вамъ сказать, что нахожу весьма страннымъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ, чтобы дѣтямъ позволялось подбивать другъ-другу глаза и уродовать другъ-друга такимъ образомъ, между-тѣмъ какъ дежурный изволитъ читать или показывать видъ, будто читаетъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свою обязанность!

— Я не читалъ вчера, увѣряю васъ, отвѣчалъ Торнтонъ.

— А позвольте спросить, почему вы изволили смотрѣть на драку, и поощрять ее, пожалуй? Кажется, не Богъ знаетъ какого усилія стоило бы вамъ разнять ихъ.

— Ну оставь, душа моя, сказалъ докторъ, котораго нелегко было заставить осудить любимаго ученика: — это мелочи, которыя мы предоставляемъ на усмотрѣніе мониторовъ. По моему мнѣнію, невозможная вещь, чтобы при такомъ множествѣ мальчиковъ никогда не случалось драки.

— Я знаю только то, подхватила раздосадованная мистрисъ Вентвортъ, что еслибъ мониторъ былъ наказанъ за каждую драку, случившуюся на его дежурствѣ, эти господа скоро нашли бы средство предупреждать подобные случаи.

Я хотѣлъ удалиться, но мистрисъ Вентвортъ, перемѣнивъ разговоръ, спросила меня, зналъ ли я, что у меня въ чемоданѣ тридцать фунтовъ стерлинговъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ дѣйствительно была дана эта сумма передъ отъѣздомъ изъ дому, но что послѣ того я уже не думалъ о ней.

— Это слишкомъ огромная сумма для ребенка, продолжала мистрисъ Вентвортъ, взглянувъ на мужа: — не лучше ли мнѣ хранить деньги у себя, и выдавать ему по мѣрѣ надобности?

Докторъ согласился съ мнѣніемъ жены, и положилъ, что я буду получать по два шиллинга въ недѣлю; затѣмъ мистрисъ Вентвортъ сказала мнѣ, чтобы я приходилъ къ ней за деньгами каждый понедѣльникъ

Лекцію свою мистрисъ Вентвортъ держала въ столовой, которой часть очищалась для этого по воскресеньямъ. Вся младшая половина школы, то-есть учениковъ сорокъ, садилась въ два ряда; въ одномъ концѣ сидѣлъ дежурный мониторъ, а въ другомъ сидѣла или стояла учительница. Отъ ученика четвертаго класса требовалось, чтобы онъ

прочелъ и объяснилъ воскресное посланіе и евангеліе, которыя сама учительница объясняла въ предыдущій урокъ; такъ что на приготовленіе имѣлась вся недѣля; отъ учениковъ младшихъ классовъ требовалось одно евангеліе. Какъ лекція продолжалась часа два, то остальная часть была посвящена чтенію и объясненію догматовъ и исторіи протенстантской церкви.

Въ первое воскресенье по прибытіи моемъ въ Аштонъ, я пришелъ въ классъ съ товарищами, и сталъ въ нижнемъ концѣ залы, въ ожиданіи, чтобы мнѣ было назначено мѣсто. Скоро явилась и сама мистрисъ Вентвортъ.

Она открыла книгу, вызвала нѣкоторыхъ учениковъ, прослушала заданный урокъ, и предлагала имъ и другимъ разные вопросы, относившіеся къ самымъ труднымъ мѣстамъ. Я былъ удивленъ точными бойкими и отвѣтами всего класса; такою исправностью своихъ учениковъ не могъ похвалиться ни одинъ изъ учителей. Одинъ только замялся раза два или три въ чтеніи евангелія, но ито отдѣлался однимъ приказаніемъ протвердить весь урокъ и придти сказать его вечеромъ. Однако, я скоро могъ замѣтить, что при всемъ своемъ наружномъ вниманіи, школьники иногда пользовались минутою, когда учительница смотрѣла въ другую сторону, и знаками обнаруживали свою радость, что благополучно отдѣлались отъ труднаго вопроса. Эти проказы не всегда счастливо сходили съ рукъ.

— Джонзъ, что̀ значатъ эти глупыя гримасы? спросила вдругъ мистрисъ Вентвортъ.— Джонзъ, извольте идти сюда.

Виновникъ, ребенокъ, которому по лѣтамъ приличнѣе было бы играть въ дѣтской, подъ надзоромъ няньки, чѣмъ сидѣть на школьной скамьѣ, подошелъ со всѣми признаками ужаснаго страху, и получилъ оплеушину справа, потомъ слѣва, съ предостереженіемъ, что за первую подобную вину будетъ записанъ

Когда первая половина урока была окончена, мониторъ получилъ приказаніе читать, что̀ слѣдовало приготовить къ слѣдующему разу. Въ чтеніи встрѣтилось слово «геджра». — Мильзъ, сказала мистрисъ Вентвортъ, прервавъ на минуту монитора: — скажи, что̀ значитъ геджра.

Вопросъ былъ обращенъ къ рослому и здоровому мальчику, который, какъ мнѣ показалось, занималъ въ школѣ очень низкое мѣсто для своихъ лѣтъ. Мальчикъ смѣшался и не могъ отвѣчать.

— Ну, говорите же, скажите хоть что-нибудь, продолжала учительница; скажите, что это за вещь, книга что-ли, место, или что другое.

— Книга, пробормоталъ Мильзъ.

— Кѣмъ написана эта книга?

— М — — Магометомъ, отвѣчалъ несчастный, уловивъ одно только слово изъ подсказаннаго ему сосѣдомъ.

— Погодите, вотъ я доберусь и до васъ, за подсказываніе, сказала мистрисъ Вентвортъ послѣднему. — И такъ, геджра, по вашему книга, написанная Магометомъ? продолжала она, обращаясь къ Мильзу: — не помните ли, давно ли вы были записаны въ послѣдній разъ?

— Не помню, сказалъ Мильзъ.

— Я думаю нелишнимъ будетъ напомнить, авось въ другой разъ память будетъ нетакъ коротка! возразила мистрисъ Вентвортъ. — Мониторъ, потрудитесь записать мистра Мильза, за неисправимое невниманіе. Я не далѣе, какъ въ прошлое воскресеніе, подробно говорила о жизни и ученіи Магомета. За вами очередь, Смитъ, что вы скажете? продолжала она, обращаясь къ подсказчику.

Смитъ не могъ отвѣчать; имя его тотчасъ было внесено въ роковой листокъ, рядомъ съ именемъ сосѣда. До-тѣхъ-поръ мистрисъ Вентвортъ не предлагала мнѣ ни одного вопроса, но тутъ обратилась ко мнѣ: — Не можешь ли ты, Рокингемъ, сказать что-нибудь о геджрѣ.

Хотя неожиданность вопроса нѣсколько смутила меня, однако я объяснилъ, что геджрою называется мусульманская эра, и что она считается съ бѣгства Магомета изъ Мекки.

— Мусульманская эра? Такъ. А какая эра у христіанъ? съ чего она считается?

— Съ рожденія Спасителя.

— А Римская?

— Съ основанія Рима.

— Греческая?

— Съ первой Олимпіады.

— Можете ли сказать, съ какого году считаются двѣ послѣднія?

— Года были мнѣ знакомы, и я сказалъ ихъ не запинаясь.

— А можете ли сказать, который нынѣ годъ по мусульманскому лѣтосчисленію.

— Послѣ нѣкотораго размышленія, я отвѣчалъ : — Нынче у насъ 1792 годъ! геджра считается съ 622, стало-быть у мусульманъ нынче 1170 годъ

— Хорошо, очень хорошо! сказала мистрисъ Вентвортъ, и велѣла монитору продолжать. Рѣдко случалось мнѣ въ жизни, чтобы сердце мое такъ билось радостью, какъ отъ этихъ немногихъ одобрительныхъ словъ. Вскорѣ послѣ того въ чтеніи встрѣтилось названіе Гусситовъ, и мистрисъ Вентвортъ спросила : — Кто можетъ объяснить, что̀ такое были Гусситы?

— Никто не вызывался отвѣчать. — Не скажешь ли ты, Рокингемъ? спросила она съ ободрительною улыбкою.

— Это одна изъ самыхъ раннихъ реформатскихъ сектъ, такъ названная отъ имени своего учителя, Іогана Гуса, сказалъ я; потомъ такъ же удовлетворительно отвѣчалъ на другіе вопросы о жизни и смерти Іогана Гуса и Іеронима Пражскаго, которыхъ исторію я успѣлъ довольно хорошо узнать въ ректорствѣ.

— Ты займешь первое мѣсто въ классѣ, сказала наконецъ мистрсъ Вентвортъ: никто здѣсь не могъ бы отвѣчать лучше тебя! — И она погладила меня по головѣ, когда я занялъ первое мѣсто, по правую ея руку.

Ободренный первымъ успѣхомъ, я съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за ученіе. Во мнѣ пробудился духъ соревнованія, и я хотѣлъ непремѣнно добиться въ третьемъ классѣ такаго же почетнаго мѣста, какое занялъ въ классѣ мистрисъ Вентвортъ. Но недостаточное знакомство мое съ нѣкоторыми техническими формами и фразами, съ которыми всѣ мои товарищи успѣли давно освоиться, давало имъ предо мною преимущество, съ которымъ я невсегда могъ состязаться. Однажды, къ концу слѣдующей недѣли, по случаю болѣзни французскаго учителя, Торнтову поручено было заступить его мѣсто въ третьемъ классѣ. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, онъ, по свойственной ему проницательности, тотчасъ узналъ, что хотя я былъ нетакъ твердъ, какъ бо̀льшая часть моихъ товарищей, въ латинской грамматикѣ, однако самый языкъ я понималъ и зналъ лучше ихъ. Видя, сверхъ-того, какъ сильно была развита во мнѣ потребность состязанія и стремленія къ первенству, онъ подошелъ ко мнѣ послѣ, въ

рекреаціонное время, и пояснилъ то, что было мнѣ недостаточно знакомо. Съ помощью его немногихъ, но удивительно ясныхъ указаній, я вполнѣ освоился съ основными формами, которыя мнѣ были нужны, и послѣ того, мнѣ почти не стоило никакаго труда занять первое мѣсто въ классѣ.

Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ не замѣчалъ, что несмотря на мои старанія снискать любовь товарищей, они какъ-то чуждались меня, и очевидно смотрѣли на меня съ какою-то подозрительностью и съ недоброжелательствомъ. Я заговорилъ однажды объ этомъ съ Мордаунтомъ, который, несмотря на свой дикій и необщительный нравъ, не забывалъ просьбы Торнтона, и охотно давалъ мнѣ совѣты и свѣдѣнія, когда я къ нему обращался. Онъ отвѣчалъ, что самъ замѣтилъ огорчавшее меня обстоятельство, но приписывалъ его только нѣкоторой зависти, возбужденной въ моихъ товарищахъ расположеніемъ ко мнѣ Торнтона и моими быстрыми успѣхами въ ученіи Это объясненіе, однако, не примирило меня съ моимъ положеніемъ; я не хотѣлъ жертвовать преимуществами, возбуждавшими это нерасположеніе и эту зависть, но тѣмъ неменѣе чувства эти огорчали меня.

Въ первые два воскресенья послѣ того, какъ мистрисъ Вентвортъ поставила меня въ главѣ своего класса, я вполнѣ оправдалъ оказанное мнѣ отличіе. Вскорѣ послѣ этого меня перевели въ четвертый классъ.

IV.

Въ первые два мѣсяца моего пребыванія въ Антонѣ не случилось ничего, что сильно запечатлѣлось бы въ моей памяти. Я продолжалъ отличаться во всѣхъ предметахъ нашего курса; обращеніе со мной мистрисъ Вентвортъ становилось съ каждымъ днемъ привѣтливѣе и милостивѣе. Но увы! мы никогда не цѣнимъ благъ, которыя намъ даны! Я подружился съ шалунами, надѣлалъ много шалостей и подвергался за нихъ разнымъ наказаніямъ.

Множество бѣдныхъ мальчиковъ изъ сосѣднихъ деревень отправлялось по суботамъ, послѣ обѣда, къ ректору, который училъ ихъ. На-

возвратномъ пути они обыкновенно проходили густою ватагою по дорогѣ, пролегавшей къ нашему двору, и рѣдко упускали этотъ случай задирать насъ колкостями и насмѣшками. Эти насмѣшки, разумѣется, не оставались безъ отвѣта, и мало-по-малу вошло въ обычай перекидываться не только язвительными и бранными словами, но и кирпичами, каменьями, и чѣмъ ни попало, иногда даже входить въ рукопашную черезъ низкій заборъ. Вслѣдствіе опаснаго ушиба, нанесеннаго однажды одному изъ нашихъ противниковъ, намъ были запрещены подобныя стычки, подъ опасеніемъ, въ случаѣ неповиновенія, строжайшаго наказанія.

Въ одну роковую субботу, мальчишки собрались въ большемъ числѣ и въ болѣе задорномъ духѣ противъ обыкновеннаго, и когда, при приближеніи ихъ къ забору, мониторы отозвали насъ на другой конецъ двора, они пустили въ насъ цѣлый залпъ каменьевъ, сопровождая его громкими, криками. Мнимая побѣда до того раззадорила непріятеля, что нѣкоторые изъ предводителей перескочили черезъ заборъ, и дерзнули вызывать насъ на бой на собственной нашей территоріи.

— Этого я не вынесу! вскричалъ Мордаунтъ, неохотно отступавшій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ монитора, и бросившись впередъ, завязалъ драку съ нѣсколькими забіяками. Сначала я только смотрѣлъ, какъ онъ дрался. Когда же я увидѣлъ, что онъ былъ уже почти совершенно подавленъ превосходствомъ числа, въ одно игновеніе все было забыто: и совѣты Торнтона, и предостереженіе доктора Вентворта; я бросился, не одинъ впрочемъ, къ нему на выручку. Скоро подоспѣли мониторы и младшіе учителя, и врагъ былъ, въ свою очередь, обращенъ въ бѣгство

Я былъ еще во всемъ пылу схватки и почти ничего не видѣлъ отъ подбитыхъ глазъ, когда рѣзкій голосъ помощника старшаго учителя заставилъ меня опомниться, объявивъ мнѣ, что я буду записанъ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ потребованъ къ доктору, который объявилъ мнѣ, что въ понедѣльникъ я буду наказанъ, а потомъ исключенъ изъ заведенія, такъ какъ я былъ три раза на одной недѣлѣ записанъ за важные проступки. А между-тѣмъ, какъ я уже не считался принадлежащимъ къ школѣ, я долженъ былъ сидѣть подъ арестомъ, и не имѣть никакого сообщенія съ товарищами. И дѣйствительно, дежурный

мониторъ отвелъ меня въ ту же самую маленькую комнату, гдѣ я провелъ первую ночь по прибытіи въ Аштонъ.

Чтò почувствовалъ я, очутившись опять одинъ въ этой комнатѣ? Какъ горько оплакивалъ я печальную перемѣну. Весь вечеръ, долгій, тяжелый вечеръ, просидѣлъ я одинъ, въ совершенной темнотѣ, и мои мучительныя размышленія были прерваны только на короткое время приходомъ служанки, которая принесла мнѣ большой ломоть сухаго хлѣба, съ приказаніемъ поужинать и немедленно ложиться спать. Истомленный безнадежною думою, я повиновался, и скоро сонъ развѣялъ на время мое дѣтское отчаяніе. Въ половинѣ ночи, я вздрогнулъ и пробудился, услышавъ въ комнатѣ легкій шорохъ.

— Это я, Рокингемъ, не пугайся, сказалъ знакомый, дружескій голосъ.—Я принужденъ былъ избрать это время, потому-что докторъ не хотѣлъ и слышать о позволеніи мнѣ посѣтить тебя вчера вечеромъ. Ну, чтò ты намѣренъ теперь дѣлать?

— Чтò намѣренъ дѣлать, Торнтонъ? отвѣчалъ я; — мнѣ немного времени остается пробыть здѣсь! Еще одинъ день, и я поѣду домой.

— Едвали кончится такъ, любезный другъ! грустно возразилъ Торнтонъ. — Ты конечно, самъ знаешь, что отецъ твой уѣхалъ за границу, и что въ Эльмсватерѣ нѣтъ ни души?

— Откуда ты это знаешь? спросилъ я въ изумленіи.

— О, я все знаю, чтò касается тебя и твоихъ родныхъ, и когда-нибудь разскажу тебѣ какимъ-образомъ.

— Такъ ты долженъ знать также, что я долго жилъ у мистра Вильмза, нашего ректора? Я отправлюсь опять къ нему.

— Онъ едва ли возьметъ тебя отсюда, бѣдный мой Рокингемъ, безъ согласія твоего отца.

— Ты думаешь? Ну, у меня есть еще тетка.

— Знаю; добрая, нѣжная, снисходительная леди Ширнесъ! и ты, конечно, ожидаешь большой помощи и утѣшенія отъ нея въ настоящей бѣдѣ?

— Особенной помощи и утѣшенія я, пожалуй, не жду; но все-таки думаю, что не допуститъ же она племянника скитаться по большой дорогѣ?

— Этого, конечно, не допуститъ; но ты знаешь, что тебѣ предоставленъ выборъ.

— Выборъ? вскричалъ я: — такой же выборъ, какой былъ за шалости предоставленъ Мордаунту: строгое наказаніе или оставленіе школы? Нѣтъ, я довольно вынесъ несправедливостей и мученій, и намѣренъ терпѣть ихъ долѣе.

Одна мысль подчиниться той участи, которой на глазахъ моихъ подвергся Мордаунтъ возмущала меня. Торнтонъ тщетно старался вразумить меня, доказывая, что наказаніе, съ его физическимъ страданіемъ и стыдомъ, было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, тогда какъ, отступивъ передъ этимъ испытаніемъ, я долженъ былъ неминуемо испортить всю свою послѣдующую жизнь. — Я не стану болѣе настаивать на этомъ предметѣ въ настоящую минуту, когда ты такъ разстроенъ, сказалъ онъ въ заключеніе; но надѣюсь, что ты подумаешь о моемъ совѣтѣ, ни зачто не покидать Аштонской школы, пока это сколько нибудь зависитъ отъ тебя. Помни однако, что мы сами имѣемъ нѣкоторое вліяніе на свою послѣдующую судьбу, и что для тебя настала одна изъ тѣхъ минутъ, отъ которыхъ можетъ иногда зависѣть вся будущность человѣка.

Съ этими словами оставилъ онъ меня. Рано утромъ, выпросивъ у служанки перо и листъ бумаги, я написалъ длинное письмо къ леди Ширнесъ, умоляя позволить мнѣ пріѣхать къ ней и жить у нея до поступленія въ какое-либо другое заведеніе.

День былъ воскресный, и мнѣ велѣли идти въ церковь съ прочими воспитанниками. Когда мистрисъ Вентвортъ подошла ко мнѣ, мнѣ показалось, будто во взглядѣ, который она бросила мгновенно на мое блѣдное, печальное лицо, было какое-то выраженіе глубокой грусти; но она безмолвно прошла мимо меня, не обнаруживъ никакого признака, изъ котораго я могъ бы заключить, что чувства ея ко мнѣ смягчились или измѣнились.

Вечеромъ Торнтонъ опять посѣтилъ меня въ моемъ заключеніи, на этотъ разъ уже съ позволенія доктора Вентворта. Я тотчасъ сказалъ ему, что написалъ уже къ теткѣ. Торнтонъ едва могъ удержаться отъ улыбки, слушая меня. — Я долженъ сказать тебѣ, что я сейчасъ говорилъ о тебѣ съ мистрисъ Вентвортъ: она отъ души соболѣзнуетъ тебѣ, и я право не знаю, которое изъ двухъ рѣшеній, между которыми ты долженъ выбирать, болѣе огорчитъ ее. Несчастіе, что одинъ изъ штатныхъ воспитанниковъ такъ недавно былъ въ томъ же положеніи, въ которомъ находишься ты

въ эту минуту. Совершенное безразличіе между ними и пансіонерами, какъ ты знаешь, составляетъ основное правило школы, и докторъ Вентвортъ твердо рѣшился не отступать отъ него. Мнѣ, впрочемъ, удалось выпросить, чтобы завтрашнее предварительное наказаніе было отсрочено, а можетъ-быть и сложено совершенно.

— Не знаю, какъ благодарить тебя за всю твою дружбу ко мнѣ! сказалъ я, до глубины души тронутый его неутомимыми стараніями въ мою пользу.

— А между-тѣмъ, перебилъ онъ, ты хочешь покинуть Антонъ, когда я еще здѣсь, и не только безъ сожалѣнія, а даже по собственной волѣ?

Я поднялъ взоры, и едва они остановились на дружескомъ, сочувствующемъ лицѣ моего покровителя, какъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, скорби, въ первый разъ послѣ постигшаго меня несчастія, защемило мое сердце, и я залился слезами. — Нѣтъ, отвѣчалъ я, нѣтъ, Торнтонъ, не безъ сожалѣнія. Я никогда не забуду, какъ ты былъ всегда добръ ко мнѣ, никогда не забуду твоей дружбы, и не перестану любить и почитать тебя! — но надѣюсь, что мы еще сойдемся въ иномъ мѣстѣ.

— Друзьямъ опасно разставаться! возразилъ онъ грустно и задумчиво. — На широкомъ, безслѣдномъ свѣтѣ, который открывается передъ нами, трудно, почти невозможно надѣяться, чтобы наши страннические пути часто сходились. Если ты дѣйствительно любишь меня, если думаешь, что мое общество и мой совѣтъ могутъ принести тебѣ полвзу на будущее время, ты не долженъ бы оставлять Антонской школы, пока я здѣсь.

Въ голосѣ и въ словахъ Торнтона было всегда нѣчто необыкновенно задушевное, необыкновенно вкрадчивое, нѣчто проникавшее мнѣ въ глубину души и невыходившее оттуда. — Мнѣ даже жаль теперь, прошепталъ я, что я поторопился писать къ тетушкѣ.

— Ну, дѣло сдѣлано, перемѣнить нельзя! отвѣчалъ онъ. — По-крайней-мѣрѣ, ты будешь всегда помнить, что до самаго твоего отъѣзда я дѣлалъ все, что могъ, для твоего счастія Ты, я думаю, никогда не слыхалъ о сэрѣ Чарльзѣ Торнтонѣ, моемъ отцѣ? Но лордъ Арлингфордъ знаетъ его очень хорошо, и когда-то, очень давно, оказывалъ ему дружбу, за которую каждый Торнтонъ ставитъ себѣ въ долгъ и въ счастіе отплатить по крайней мѣрѣ своихъ силъ.

Въ послѣдующіе четыре дня моего заключенія, не встрѣтилось мнѣ ничего новаго. Чѣмъ болѣе я размышлялъ о совѣтѣ Торнтона, тѣмъ болѣе убѣждался, что я не могъ поступить благоразумнѣе, какъ послѣдовавъ ему; тѣмъ не менѣе, когда я получилъ на пятый день, отвѣтъ леди Ширнесъ, онъ поразилъ мнѣ сердце до самой глубины. Письмо ея было слѣдующаго содержанія :

«Любезный Эдуардъ, я получила твое письмо въ одно время съ письмомъ доктора Вентворта, и была душевно огорчена, узнавъ, что твой своевольный, строптивный и буйный нравъ, вовлекъ тебя въ такія трудныя и непріятныя обстоятельства; однако меня утѣшаетъ то, что тебѣ не предстоитъ необходимости, въ настоящее время, оставить Аштонскую школу. Докторъ Вентвортъ пишетъ мнѣ, что по уставу школы заслуженное тобою исключеніе можетъ быть замѣнено другимъ наказаніемъ; и я вижу изъ его письма, что учредителями приняты всѣ мѣры для огражденія воспитанниковъ, въ подобныхъ случаяхъ, отъ излишней строгости. По этому я считаю долгомъ совѣтовать тебѣ подчиниться безропотно наказанію, котораго, безъ сомнѣнія, ты вполнѣ заслужилъ; что же касается твоего желанія, добровольно выйдти изъ Аштонской школы, объ этомъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Я только что отдала внаймы свой домъ въ городѣ, и на дняхъ отправляюсь на нѣсколько мѣсяцевъ въ Шотландію; слѣдовательно, не могу держать тебя у себя, да и не знаю, къ кому изъ своихъ знакомыхъ могла бы обратиться съ просьбою объ этомъ. И такъ прощай, и постарайся, чтобы я поскорѣе получила болѣе благопріятный отзывъ о твоемъ поведеніи; иначе твой отецъ будетъ очень огорченъ и недоволенъ тобою, когда возвратится изъ-за границы.

«Любящая тебя тетка
Марія Ширнесъ».

«Кавендишъ-скверъ, во вторникъ утромъ».

Я печально размышлялъ объ этомъ доказательствѣ равнодушія ко мнѣ единственной остававшейся у меня въ Англіи родственницы, когда вошелъ въ комнату капитанъ. — Рокингемъ, сказалъ онъ, старшій учитель прислалъ меня къ тебѣ. Онъ велѣлъ сказать тебѣ, что теперь ты долженъ рѣшиться немедленно, или сего-

дня же выѣхать изъ Антона или принять условія, на которыхъ ты можешь снова поступить въ школу.

— Онъ очень хорошо знаетъ, что мнѣ нѣтъ выбору! отвѣчалъ я съ горечью. — Смотрите сами; вы можете прочесть письмо тетки.

— Ну конечно, письмо могло бы быть написано понѣжнѣе, съ бо̀льшимъ участіемъ и бо̀льшею любовью; все-таки, тетушка, въ сущности, даетъ тебѣ самый благоразумный совѣтъ. Ты самъ знаешь, что это мнѣніе и Торнтона, и позволь мнѣ прибавить съ своей стороны, что и я совѣтовалъ бы тебѣ то же. Ты не оправдаешь нашего мнѣнія о твоемъ мужествѣ, если будешь еще колебаться.

На слѣдующее утро, когда меня позвали въ учебную комнату, всѣ воспитанники были уже разставлены въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ я видѣлъ ихъ прежде, въ подобномъ случаѣ. Не смотря на твердость, которую я обнаруживалъ наканунѣ передъ капитаномъ, сердце мое страшно заныло. Однако, сколько я могъ давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ, мнѣ казалось, что болѣе всего меня волновалъ страхъ, что предстоящее мнѣ испытаніе будетъ не по силамъ моему мужеству. Таковъ я былъ во всю жизнь: всегда болѣе заботился о томъ, чтобы съ честью выдержать свою роль въ глазахъ людей, чѣмъ о томъ, чтобы достичь существенной награды, или отстранить отъ себя страданіе, которое я могъ вынести мужественно и безъ ропоту.

Когда мнѣ связали руки и плеть всею тяжестью пала на мои обнаженныя плечи, я почувствовалъ, что пришло время вооружиться всею силою души.

Первая половина наказанія исполнилась, послѣдовалъ обычный отдыхъ, и Торнтонъ, стоявшій подлѣ меня на платформѣ въ качествѣ монитора, шепнулъ мнѣ: — славно выдержано, Рокингемъ! еще три или четыре минуты, и все будетъ кончено.

Но этотъ короткій перерывъ подѣйствовалъ на меня точно такъ же, какъ на Мордаунта; онъ ослабилъ физическое терпѣніе и обезоружилъ силу воли. Что для другаго, быть-можетъ, было бы отраднымъ облегченіемъ и отдыхомъ отъ страданія, для меня, какъ и для Мордаунта, было новымъ, усиленнымъ испытаніемъ. Когда началась

вторая половина наказанія, каждый ударъ вырывалъ невольный стонъ и крикъ изъ моей груди, и все мое тѣло такъ сильно содрогалось

Когда меня освободили, я покатился на полъ, но не могъ тотчасъ-же оправиться и встать, какъ Мордаунтъ. Сначала я чувствовалъ какое-то странное удушье, давленіе; потомъ на минуту почти лишился чувствъ; мнѣ только слышался около меня какой-то смутный говоръ.

Затѣмъ я возвратился на свое мѣсто; и какъ я ни былъ истощенъ волненіемъ и страданіемъ, мысль, что я успѣшно выдержалъ всѣ свои испытанія, такъ радовала меня, что я былъ почти счастливъ попрежнему. За обѣдомъ, я опять почувствовалъ и увидѣлъ, послѣ многихъ недѣлъ ожиданія и тоски, устремленный на меня взоръ мистрисъ Вентвортъ. Это было не совсѣмъ то, что прежній ея взоръ, нѣжный и любящій; но въ немъ было столько сердечнаго участія и состраданія, что онъ напомнилъ мнѣ прошлыя счастливыя времена, когда я не былъ въ числѣ записныхъ шалуновъ. Я видѣлъ также, какъ она шепнула нѣсколько словъ доктору Вентворту, который также посмотрѣлъ на меня съ минуту, и кивнулъ головою, будто въ знакъ согласія. Когда воспитанники встали изъ-за стола и стали расходиться, она подозвала меня, и оставшись со мною наединѣ, сказала. — Ты очень блѣденъ, Рокингемъ, хорошо ли ты себя чувствуешь?

— Совершенно хорошо, благодарю, отвѣчалъ я.

— Полно, такъ-ли? Зачѣмъ не пришелъ ты ко мнѣ нынче утромъ, когда я посылала за тобою?

— Затѣмъ, что не хотѣлъ утруждать васъ.

— Точно-ли это было причиною? спросила она, съ чѣмъ-то похожимъ на ея улыбку прежнихъ дней.

— Это было одною изъ причинъ.

— Глупенькій! какъ можно дѣлать такія вещи? никогда не дѣлай этого! Взгляни на меня, Рокингемъ! продолжала она: — я уже не могу любить тебя, какъ любила прежде; объ этомъ теперь не можетъ быть и рѣчи! но твоя тетушка, съ которою я отчасти знакома, хотя и не лично, особенно рекомендовала тебя, и мнѣ прискорбно было бы видѣть тебя совершенно избаловавшимся. Надѣюсь, что ты теперь будешь помнить, какія послѣдствія имѣетъ здѣсь каждый проступокъ. Будь впередъ благоразумнѣе и покорнѣе, и помни, что твоя тетушка

вовсе ненамѣрена взять тебя изъ школы; напротивъ того, она очень положительно пишетъ, что желаетъ, чтобы каждый разъ какъ ты заслужишь наказанія, тебя наказывали по всей строгости устава.

Въ это время мистрисъ Вентвортъ пришли доложить, что мужъ просилъ ее къ себѣ немедленно.

═

РОКИНГЕМЪ,

или

МЛАДШІЙ БРАТЪ.

Часть вторая.

IX.

Дружба моя къ Торнтону усиливалась съ каждымъ днемъ. Хотя правы и правила школы не поощряли короткихъ сношеній между монитором и ученикомъ четвертаго класса, однако обстоятельства, взаимная склонность и одинаковыя стремленія соединили насъ самой тѣсной дружбой, и мы почти постоянно были вмѣстѣ. Во всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчавшихся мнѣ въ учебныхъ занятіяхъ, я всегда обращался къ нему, и чѣмъ болѣе бесѣдовалъ съ нимъ, тѣмъ болѣе дивился и восхищался разнообразію свѣдѣній, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсть въ такихъ раннихъ лѣтахъ. Вся его жизнь была посвящена удовлетворенію неутомимой жажды знанія; всѣ его душевныя силы были поглощены стремленіемъ къ всеобъемлющему умственному развитію. Частыя бесѣды съ нимъ дававшія мнѣ возможность безпрестанно читать высокіе помыслы его пылкаго, восторженнаго ума, скоро расшевелили и во мнѣ такое же пламя, и мнѣ стало казаться, что всѣ сокровища человѣческаго знанія не могли

сравниться въ объемѣ, съ потребностями моей души и ея воспріемлющею силою.

— Мнѣ кажется, Торнтонъ, сказалъ я ему однажды, послѣ того какъ закидалъ его самыми разнородными вопросами: — мнѣ кажется, что ты все знаешь!

— Все, черезъ-чуръ много! отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Но когда-нибудь будешь все знать. Должны же быть такія люди, которые знаютъ все.

— Смотри сюда, Рокингемъ, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія. — Ты часто видишь солнце, такъ часто, какъ только позволяетъ нашъ сѣверный климатъ, и солнце несравненно ближе къ нашей землѣ, чѣмъ бо́льшая часть остальныхъ небесныхъ тѣлъ. Протягивалъ ли ты когда-либо руку, чтобы достать до солнца?

— Нѣтъ, я знаю очень хорошо, что не достану до него.

— Ну, еслибъ ты взобрался на крышу дома?

— И тутъ никогда не достать.

— А съ вершины Монъ-Блана?

И тутъ я нисколько не приближусь къ нему.

— Слушай же; кругъ дѣйствій нашихъ членовъ относится къ необозримымъ пространствамъ вещественнаго міра, такъ какъ наши умственныя способности относятся къ духовному міру. Ньютонъ и Паскаль проникали тайны духовнаго міра, Монгольфьѐ изслѣдовалъ міръ вещественный; далекъ-ли предѣлъ и велики ли были результаты ихъ усильныхъ изысканій. Впрочемъ это предметъ слишкомъ отвлеченный для твоихъ лѣтъ. Я предложу тебѣ болѣе простой и практическій вопросъ: думалъ ли ты когда-нибудь о званіи, которое ты изберешь?

— Нѣтъ. Я успѣю еще подумать объ этомъ, не правда ли? Мнѣ кажется, будто я слышалъ, что ты думаешь поступить во флотъ? не поздно ли тебѣ будетъ поступить?

— Конечно, мнѣ скоро минетъ пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, уже два года какъ мнѣ слѣдовало бы быть на кораблѣ. Но отецъ желаетъ, чтобы я началъ свою службу подъ руководствомъ дяди, который считается отличнымъ морякомъ; ему давно слѣдовало бы быть командиромъ корабля, но назначеніе его все откладывается съ мѣсяца на мѣсяцъ. Между-тѣмъ, я учусь здѣсь, какъ могъ бы

учиться въ другомъ мѣстѣ, и пока нѣтъ войны, время не ушло. Я думалъ также о томъ, какое званіе было бы пригоднѣе для тебя, и мнѣ кажется, что тебѣ всего бы лучше поступить во флотъ.

— Я и самъ такъ думаю иногда, Торнтонъ; но это тяжелая служба.

— Тяжелая, но самая высокая, самая славная для каждаго Англичанина. — Говоря это, Торнтонъ смотрѣлъ на географическую карту, раскрытую на его столѣ въ учебной компатѣ, куда мы часто удалялись въ рекреаціонные часы, чтобъ быть наединѣ.

— Посмотри, Рокингемъ, продолжалъ онъ: — неужели ты хочешь остаться навсегда взаперти на тѣсномъ, туманномъ острову, когда передъ тобою раскрытъ такой обширной міръ? Вотъ Средиземное-море, и вдоль береговъ, омываемыхъ его сверкающими волнами, тянутся Италія, Греція, Палестина, Египетъ. Почти всѣ великіе геніи, которымъ мы привыкли дивиться, странствовали по этимъ берегамъ и обезсмертили ихъ своимъ присутствіемъ и своею вѣчною славой! Неужели ты не желаешь самъ прослѣдить ихъ путь, прослѣдить ихъ славную исторію, начертанную на безсмертныхъ памятникахъ? Посмотри на ничтожный уголокъ, который занимаетъ на этомъ чертежѣ Сирія, а сколько великихъ людей проходили по ея сожженнымъ равнинамъ, прежде чѣмъ она была ознаменована присутствіемъ Спасителя. Здѣсь началъ свои походы Александръ Македонскій, здѣсь блеснули впервые побѣдоносные орлы Силлы и Цезаря; здѣсь гарцовали полудикіе всадники Магомета; здѣсь, крестоносцы, въ железныхъ броняхъ, впервые привѣтствовали цѣль своего святаго предпріятія?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, желалъ бы посмотрѣть на эту чудную страну.

— А за этими странами другія страны, еще чуднѣе, о которыхъ не знали и не слыхали величайшіе изъ людей, страны, въ которыхъ природа истощила всѣ лучшіе, безцѣнные дары свои, страны въ которыхъ Создатель разсыпалъ самыя дивныя красоты. Ріо-де-Жанейро, въ сравненіи съ которымъ хваленое великолѣпіе Стамбула тоже, что тусклыя сумерки къ блестящему полудню. А тамъ безграничный Тихій Океанъ, по которому разбросаны острова, настоящіе земные раи, гдѣ каждое біеніе жизни есть возгласъ восторгу? А Индія! Индія, присылающая намъ сокровища, которыя служатъ высшимъ выраженіемъ бо-

гатства, тогда какъ тамъ они только малая частица тѣхъ сокровищъ, которыхъ человѣческая жадность не можетъ захватить. Ты достоинъ видѣть все это, Рокингемъ, не въ слабомъ чертежѣ, изображенномъ на листѣ бумаги холодною рукою науки, а разстилающимся предъ твоими глазами во всемъ своемъ блескѣ дѣйствительности.

Воображеніе мое никогда не переходило границъ Эльмсватера и Аштона; но когда Торнтонъ говорилъ все это, скорѣе будто разсуждая самъ съ собою, чѣмъ обращаясь ко мнѣ, его восторженный и задушевный голосъ пробуждалъ и во мнѣ почти такой же энтузіазмъ, и темная учебная комната вдругъ озарялась для меня яркимъ свѣтомъ тропическаго полудня. — Да, я желалъ бы видѣть эти мѣста! говорилъ я, — но видѣть ихъ съ тобой, потому-что въ твоихъ словахъ и твоемъ взорѣ болѣе силы и очарованія, чѣмъ въ дивныхъ картинахъ, къ которымъ они манятъ меня. Однако, я не хочу отказаться навсегда отъ Англіи, которая въ исторіи міра, конечно, занимаетъ не такое ничтожное мѣсто, какое назначено ей на этой картѣ.

— Конечно нѣтъ, Рокингемъ! Она показала человѣчеству, что̀ можетъ совершить духовная сила ничтожнаго племени. Однако, чтобы вполнѣ узнать, чтобы научиться любить и уважать нашу родную страну, надо посѣтить обширныя царства, которыя она покорила, и надъ которыми мы можемъ сказать, что солнце никогда не ложится? Куда ни пойдешь, вездѣ встрѣтишь слѣды своихъ удалыхъ праотцевъ, и видишь развѣвающійся флагъ Англіи. Куда бы мы ни плыли, въ самые ли печальные или самые благословленные края свѣта, нигдѣ мы не будемъ далеки отъ родныхъ владѣній.

— Но если отдаленныя оконечности такъ достойны удивленія, во сколько разъ прекраснѣе и славнѣе долженъ былъ центръ? Не тамъ ли раскрыто истинное поприще для стяжанія истинной чести и славы?

При этомъ замѣчаніи, Торнтонъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо; потомъ, сложивъ карту и взявъ только одну небольшую книжку, сказалъ мнѣ: — Рокингемъ ты уже не ребенокъ; трудныя испытанія, которымъ ты подвергся въ послѣднее время, развили тебя, какъ въ другомъ они остановили бы всякую духовную дѣятельность. Все, что̀ мы говорили до-сихъ-поръ, однѣ мечты школьниче-

скаго воображенія; пойдемъ на дворъ, и потолкуемъ, какъ должны бесѣдовать друзья, которымъ, быть-можетъ, предстоитъ близкая разлука, чтобы одному изъ нихъ вступить въ обязанности и борьбу дѣйствительной жизни.

— Ты честолюбивъ, Рокингемъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія: — ты честолюбивъ, какъ и я; съ перваго разу, какъ я тебя увидалъ, я прочелъ это въ твоихъ глазахъ, при всей твоей молодости и неопытности. Наше положеніе въ свѣтѣ очень сходно, несмотря на аристократическое неравенство между твоимъ отцемъ и моимъ. Оба мы младшіе сыновья, и еслибъ хотѣли, могли бы провести часть своей жизни, даже всю жизнь, въ мѣстахъ, съ которыми сроднилось наше дѣтство, среди друзей и приверженцевъ, нашихъ родныхъ. Но каково было бы наше положеніе? Со временемъ, когда не стало бы нашихъ родителей, старшіе братья наслѣдовали бы ихъ титулы и богатства, съ обязанностью поддерживать и представлять честь и славу предковъ. Съ тѣмъ характеромъ, которымъ надѣлила насъ природа, мы оба смотрѣли бы безъ зависти, но, можетъ-быть, не безъ сожалѣнія на это неравенство въ свѣтскомъ положеніи, еслибъ сами ничего не совершили такого, что̀ вознаграждало бы насъ за предпочтеніе, оказанное судьбою старшимъ. И чѣмъ ближе къ родному дому, тѣмъ чувствительнѣе было бы намъ неравенство; удаляясь же отъ него, мы уносимъ съ собой частичку славы и чести, принадлежащей нашему имени, и знатные титулы и высокое положеніе въ свѣтѣ представителей нашихъ фамилій становится намъ уже не укоромъ, а защитою и опорою.

— Я самъ часто думалъ въ послѣднее время о томъ, что̀ ты говоришь, сказалъ я: — и спрашивалъ себя, согласно ли съ справедливостью и съ закономъ природы, что потому только, что я родился на свѣтъ нѣсколькими годами послѣ брата, онъ наслѣдуетъ все, или почти все, чѣмъ обладаютъ наши родители.

— Справедливость и законъ природы! возразилъ Торнтонъ. — Безумно было бы надѣяться, что мы можемъ все въ здѣшнемъ мірѣ подчинить непреложнымъ требованіямъ справедливости и закона природы, пока человѣкъ существо слабое, способное впадать въ зло и въ ошибки. Удобство, практическая приложимость, польза общества, особенныя потребности и свойства данной страны надежнѣе будутъ

руководить насъ, чѣмъ самыя чистыя отвлеченныя теоріи. Если мы станемъ роптать на такой порядокъ, это будетъ совершенно безполезный ропотъ, изъ корыстныхъ видовъ, противъ порядка вещей, согласнаго съ общимъ желаніемъ и съ общими выгодами. Если же мы рѣшимся употребить свои душевныя силы на пользованіе тѣми правами, которыя предоставлены намъ, и такимъ путемъ постараемся вознаградить себя за тѣ преимущества, которыхъ мы лишены, то множество славныхъ примѣровъ покажетъ намъ, что мы можемъ стяжать все, чего можетъ желать человѣкъ.

— Стало-быть, и я со временемъ могу быть равенъ брату?

— Ну, несовсѣмъ, отвѣчалъ Торнтонъ, улыбаясь; онъ все-таки останется въ глазахъ свѣта представителемъ того, чего ты представлять не можешь, наслѣдственнаго величія и славы многихъ поколѣній. Ты можешь, однако, стяжать такія почести, которыя доставятъ тебѣ, наравнѣ съ нимъ, общее уваженіе и любовь соотечественниковъ.

— Но если я добьюсь ихъ самъ, развѣ этимъ однимъ уже я не буду заслуживать большаго почтенія, чѣмъ братъ, которому они достались вмѣстѣ съ наслѣдованнымъ титуломъ?

— Да, въ глазахъ людей мыслящихъ, отвѣчалъ Торнтонъ; но мыслящіе люди не составляютъ всего общества, въ глазахъ котораго внѣшнія, придаточныя обстоятельства всегда сохранятъ огромный вѣсъ. Развѣ ты совершишь всѣ подвиги герцога Мальборо, тогда другое дѣло; но иначе, ты не можешь надѣяться, чтобы большинство поставило тебя наряду съ братомъ, какъ равнаго ему.

— Но мнѣ кажется, что людей слѣдовало бы судить, уважать и чтить по ихъ личнымъ заслугамъ и достоинствамъ?

— Судить, уважать и чтить, такъ; но не опредѣлять имъ степень въ обществѣ. Видишь, книгу, которую я сейчасъ читалъ? продолжалъ Торнтонъ, показывая мнѣ небольшую книжку, на которой я прочелъ заглавіе «Мысли Паскаля,» — Еслибъ распредѣлять людей такъ, какъ ты хочешь, какъ высоко сталъ бы скромный мыслитель, написавшій ее, въ великомъ вѣкѣ, которому онъ принадлежалъ. А что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, и говоритъ не въ шутку, не иронически, а серьозно?

— Я замѣтилъ, Торнтонъ, что ты очень любишь эту французскую

книгу; предпочитаешь ли ты ее Шекспиру, котораго также часто читаешь?

— Трудно сказать, кого я предпочитаю. Это зависитъ отъ моего настроенія въ данное время. Паскаль, по моему мнѣнію, — Шекспиръ ума, а Шекспиръ — Паскаль сердца. И тотъ и другой, когда досягаетъ высшаго предѣла своего генія, есть самое высокое выраженіе нашихъ мыслей и чувствъ. Я перехожу отъ одного къ другому, смотря потому, настроенъ ли я къ размышленію или къ мечтанію.

— Понимаю. Но ты сегодня разговорился со мною болѣе, чѣмъ когда либо: объясни мнѣ еще, какимъ образомъ число слугъ можетъ опредѣлять степень, занимаемую человѣкомъ въ обществѣ?

— Надо тебѣ сказать, Рокингемъ, что Паскаль не предлагаетъ этого, какъ практическій способъ; онъ полагаетъ только философское начало, въ отвлеченіи. Ты спрашиваешь, почему число слугъ должно опредѣлять общественную степень, занимаемую человѣкомъ. Весьма просто: потому-что это признакъ очевидный, наглядный, который можетъ быть доказанъ очень легко, безъ нарушенія общаго спокойствія. Еслибъ всѣ преимущества распредѣлялись по нашимъ понятіямъ о превосходствѣ духовныхъ способностей людей, подумай только, какой нескончаемый споръ это породило бы между соперниками, и какъ часто низкія, необузданныя страсти брали бы верхъ надъ самыми чистыми и возвышенными стремленіями? Повѣрь мнѣ, Рокингемъ, мы не имѣемъ никакого права простирать свои домогательства далѣе Паскаля. Никогда не оспаривай высшей степени, которую братъ твой долженъ занимать въ понятіяхъ общества, если только не лишится ея вслѣдствіе какого-нибудь недостойнаго поступка. Напротивъ радуйся тому, что ты родился въ такой возвышенной фамиліи, и думай о томъ, не можешь ли и ты внести свою лепту въ сокровищницу чести и славы, завѣщанной дому поколѣніями предковъ, и стяжать себѣ посильную долю личной славы.

— И лучшимъ путемъ къ этому ты считаешь морскую службу?

— Непремѣнно; это первое, самое сродное и самое почетное поприще для Англичанина. Сверхъ-того, для насъ съ тобою, и для тебя еще болѣе, чѣмъ для меня, это то поприще, на которомъ значеніе нашихъ родныхъ можетъ всего болѣе содѣйствовать нашимъ успѣхамъ.

— Но тебѣ, Торнтонъ, не нужно будетъ никакого покровительства, чтобы отличиться!

Торнтонъ вздохнулъ, и лицо его подернулось какимъ-то грустнымъ выраженіемъ.

— Борьба жизни, сказалъ онъ, не то, что наши ребяческія состязанія на школьной скамьѣ, подъ руководствомъ и надзоромъ учителей и наставниковъ. Способности, которыя здѣсь доставятъ первое мѣсто, тамъ не всегда имѣютъ то же значеніе. Умственныя силы и дарованія, когда вступаютъ въ состязаніе не съ классомъ школьниковъ, а съ цѣлымъ поколѣніемъ людей, нуждаются въ содѣйствіи сильной и твердой воли, непоколебимой устойчивости, физической крѣпости и терпѣнія. Какъ ни пламенно ожидалъ я минуты этой борьбы, а теперь мнѣ становится страшно, что самый этотъ пылъ можетъ не разъ измѣнить мнѣ и совратить меня съ пути! Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я, можетъ-быть, долженъ буду судить и рѣшать своимъ умомъ, отъ меня потребуется вся зрѣлость опыта, прежде чѣмъ будетъ случай набраться его. Тамъ, Рокингемъ, не будетъ доктора Вентворта, чтобы указать и направить.

Въ такихъ бесѣдахъ проводилъ я время съ Торнтономъ; въ нихъ, когда жизнь раскрывалась передъ нами отрадною зарею, учился у него размышлять, принималъ его мнѣнія, когда они представлялись готовыми, пламенно искалъ сокровенной истины, когда онъ только указывалъ стезю, которая могла вести къ ней.

Однажды утромъ, — я тогда уже болѣе году былъ въ Аштонѣ,— я увидѣлъ Торнтона, который поспѣшно шелъ ко мнѣ черезъ весь дворъ, съ открытымъ письмомъ въ рукѣ; по его блестящему взору, я тотчасъ угадалъ, что онъ получилъ важное извѣстіе.

— Рокингемъ, сказалъ онъ, дядя назначенъ командиромъ отличнаго фрегата, и я долженъ немедленно оставить Аштонъ. Черезъ полчаса, дилижансъ будетъ у воротъ. Пойдемъ со мною, помоги мнѣ уложиться.

Услышавъ это, я заплакалъ. Слезы печально струились по моимъ щекамъ, между-тѣмъ, какъ я укладывалъ его чемоданъ, и еще болѣе, когда онъ далъ мнѣ простую золотую булавку, которую всегда носилъ, прося меня сохранить ее на память. За тѣмъ мы отправились къ доктору Вентворту, который простился съ Торнтономъ съ искренними изъявленіями своего неизмѣннаго уваженія и дружбы. Мы

не успѣли выйдти изъ кабинета, какъ вошла мистрисъ Вентвортъ. Торнтонъ подошелъ къ ней, и сказалъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Аштона.

— Уже! вскричала она, и голосъ ея отозвался какою-то печалью. На ясныхъ глазахъ Торнтона я замѣтилъ навернувшуюся слезу. — Если, говорилъ онъ мистрисъ Вентвортъ, если я когда-либо, словомъ, мыслью или взглядомъ нарушилъ почтеніе и признательность, которыя обязанъ былъ питать къ вамъ, умоляю васъ простить меня теперь, когда мы разстаемся, можетъ-быть, навсегда. Я буду вѣчно съ благодарностью помнить все добро, какое вы мнѣ сдѣлали, и молить Бога, чтобы онъ даровалъ вамъ счастье, котораго вы заслуживаете.

Лицо мистрисъ Вентвортъ было закрыто платкомъ, такъ, что я не могъ прочесть въ немъ того, что̀ она должна была чувствовать. Она подала руку Торнтону, который почтительно поднесъ ее къ устамъ, и потомъ, горячо пожавъ руку добраго доктора, поспѣшно вышелъ.

Когда мы вышли на подъѣздъ, за воротами раздался стукъ приближающагося дилижанса.

— Рокингемъ, сказалъ Торнтонъ, я надѣюсь, что мы еще когда-нибудь увидимся; не забывай своего друга.

Дилижансъ остановился. — Баринъ, закричалъ веселый ямщикъ; поторопитесь, мы и то уже опоздали. Торнтонъ усѣлся, экипажъ покатился по мостовой, обогнулъ уголъ двора, и другъ мой скрылся изъ виду.

Такъ мы разстались, но не навсегда. Намъ суждено было встрѣтиться, не на зеленыхъ, мирныхъ поляхъ родной стороны, а далеко, за морями, въ грозный часъ битвы, подъ знаменемъ Англіи и подъ свистомъ ядеръ и картечи. Такъ суждено было намъ увидѣться.... Но не стану забѣгать впередъ.

X.

Отъѣздъ Торнтона оставилъ надолго въ моемъ сердцѣ незамѣстимую пустоту. Мнѣ казалось, отрадный свѣтъ, до-тѣхъ-поръ озарявшій путь мой, былъ отнятъ у меня, и умъ мой опять блуждалъ въ своемъ мрачномъ, безрадостномъ одиночествѣ. Однако, я продолжалъ

учиться усердно, и постоянно уже не навлекалъ на себя ни наказанія, ни даже выговора.

До этого времени, я проводилъ всѣ праздники въ Аштонѣ, гдѣ обыкновенно оставалось на каникулы нѣсколько воспитанниковъ, на попеченіи одного изъ учителей, потому-что самъ докторъ Вентвортъ съ женою пользовался обыкновенно этимъ временемъ, чтобъ совершать небольшія путешествія. Къ концу втораго года моего пребыванія въ школѣ, я очень удивился, получивъ передъ наступленіемъ рождественскихъ вакацій, очень любезное приглашеніе отъ дальныхъ родственниковъ, узнавшихъ случайно о моемъ невольномъ затворничествѣ. Въ эти два года я проводилъ каникулы въ Лондонѣ, у леди Ширнесъ; но пребываніе мое у нея неознаменовано ни однимъ происшествіемъ, которое оставило бы слѣдъ въ моей памяти.

Приближались лѣтнія вакаціи, а я не получалъ приглашенія ни отъ тетки, ни отъ кого изъ родныхъ, и долженъ былъ остаться въ Аштонѣ, съ шестью другими воспитанниками, находившимися въ такихъ же обстоятельствахъ. Мистрисъ Вентвортъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровою, на этотъ разъ отказалась отъ участья въ поѣздкѣ мужа, который отправился въ Лондонъ въ самый день закрытія классовъ. Оба младшіе учителя отпросились также въ отпускъ, такъ что школа осталась на попеченіи помощника старшаго учителя. Но на третій день по отъѣздѣ доктора Вентворта, помощникъ его схватилъ горячку, такую сильную и опасную, что, для огражденія воспитанниковъ, оказалось нужнымъ удалить его изъ дому. Мистрисъ Вентвортъ тотчасъ увѣдомила объ этомъ мужа, убѣждая его возвратиться. Докторъ Вентвортъ отвѣчалъ, что важныя дѣла требовали его присутствія въ городѣ, и просилъ жену принять школу, на нѣсколько дней, въ свое завѣдываніе, совѣтуя ей назначить меня, какъ единственнаго ученика пятаго класса, остававшагося въ то время въ Аштонѣ, безсмѣннымъ мониторомъ, а въ случаѣ непредвидимыхъ затрудненій, обратиться къ помощи ея брата.

Получивъ этотъ отвѣтъ, мистрисъ Вентвортъ прислала за мною. Показавъ мнѣ письмо мужа, она сказала:

— Видите, Рокингемъ, чего докторъ Вентвортъ ожидаетъ отъ васъ.

— Я постараюсь исполнить его желаніе и ваше, отвѣчалъ я, въ восторгѣ отъ возлагаемаго на меня порученія.

— Какія же занятія назначилъ учитель передъ тѣмъ, какъ заболѣлъ?

— Только по три часа въ день: часъ латинскимъ языкомъ, часъ англійскимъ, часъ ариѳметикой и географіей.

— Я желаю, сказала мистриссъ Вентвортъ, чтобы воспитанники продолжали, какъ назначено. Я буду приходить въ классъ по три раза въ день, чтобы наблюдать за ихъ занятіями. Вы должны мнѣ въ этомъ помогать, равно какъ и въ надзорѣ за порядкомъ и хорошимъ поведеніемъ вашихъ товарищей. Надѣюсь, что всѣ будутъ держать себя такъ, что не будетъ надобности выговаривать имъ, и тѣмъ менѣе прибѣгать къ наказаніямъ. Впрочемъ, если считаете это нужнымъ, можете объявить своимъ товарищамъ, что въ случаѣ нужды тотчасъ пошлю за братомъ, а имъ извѣстно, что онъ шутить не любитъ.

Я возвратился въ классъ, горя нетерпѣніемъ вступить въ исправленіе своей новой должности, сообщилъ товарищамъ о возложенномъ на меня порученіи, и просилъ ихъ употребить съ своей стороны всевозможное стараніе, чтобы заслужить одобреніе мистрисъ Вентвортъ. Къ моему счастію, тѣ къ которымъ я обращалъ эту просьбу, были изъ самыхъ тихихъ и скромныхъ въ школѣ, и мнѣ не трудно было усмотрѣть за ихъ поведеніемъ.

Три раза въ день мистрисъ Вентвортъ приходила въ классъ, и со свойственными ей проницательностью и точностью предлагала воспитанникамъ вопросы и руководила ихъ занятіями по тремъ означеннымъ предметамъ. И каждый разъ я былъ болѣе и болѣе пораженъ ея основательнымъ и многостороннимъ образованіемъ; съ другой стороны, она сама, повидимому, удивлялась успѣхамъ, которые я сдѣлалъ.

Наконецъ докторъ Вентвортъ пріѣхалъ; вскорѣ затѣмъ кончились каникулы, разъѣхавшіеся воспитанники возвратились, и школьная жизнь пошла своимъ порядкомъ. Чувствуя, что всѣ мои побужденія были поняты и оцѣнены, я сталъ дѣйствовать съ большимъ довѣріемъ къ себѣ, къ своему разуму и стремленіямъ своей души, и такимъ образомъ успѣлъ заслужить одобреніе и расположеніе всѣхъ окружающихъ. Это наполнило мою жизнь такимъ чувствомъ спокойствія и блаженства, что мнѣ стало истинно грустно, когда, однажды утромъ, мнѣ объявили, что за мною пріѣхалъ посланный, чтобы везти меня въ Эльмсватеръ, куда съ часу на часъ ожидали моего отца.

Много пролилъ я слезъ, когда пришелъ къ мистрисъ Вентвортъ, и она нѣжно обняла меня на прощеніе. Она, повидимому, сомнѣвалась въ моемъ возвращеніи въ Аштонъ; по-крайней-мѣрѣ, она съ особеннымъ участіемъ распрашивала меня о моихъ мѣрахъ и о томъ, къ какому званію предназначали меня. Когда я сказалъ, что надѣялся поступить въ морскую службу, она будто содрогнулась, и вскричала: — О нѣтъ, не въ морскую службу! морская служба хороша для какого-нибудь сорванца Мордаунта, а не для тебя. Ты не долженъ покидать Англіи и своихъ друзей.

— Морская служба самое славное и сродное поприще для Англичанина, отвѣчалъ я.

— Пустяки, любезный другъ! Но мы объ этомъ подумаемъ, постараемся удержать тебя поближе къ родному дому.

Съ этими словами она еще разъ обняла меня, и мы разстались.

Горесть моя была велика и искренняя; но слезы школьника не вѣчны, особенно когда онъ несется на почтовыхъ домой: радость возвращенія въ Эльмсватеръ, послѣ такого продолжительнаго отсутствія, вытѣснила всѣ другія чувства еще прежде, чѣмъ я могъ завидѣть вдали старинныя башни среди окружавшихъ ихъ лѣсовъ. Первый встрѣтилъ меня мой добрый и вѣрный Ричардсъ; а вслѣдъ за тѣмъ Юлія приняла меня въ свои объятія, и едва рѣшилась отпустить, когда мнѣ пришли доложить, что отецъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ.

Когда я вошелъ въ его кабинетъ, меня поразило выраженіе задумчивости, грусти, котораго я не замѣчалъ въ его лицѣ прежде; впрочемъ, если въ немъ и дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна, то я очень скоро привыкъ къ ней, когда мы начали разговаривать. Онъ принялъ меня очень мило и нѣжно, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что я выросъ и поправился; радость его еще увеличилась по прочтеніи привезеннаго мною письма отъ доктора Вентворта.

— Эдвардъ, сказалъ онъ, докторъ Вентвортъ отзывается о тебѣ съ большими похвалами, это дѣлаетъ тебѣ честь. Мнѣ очень пріятно, что ты превзошелъ небольшія непріятности, о которыхъ писала мнѣ твоя тетка. Я крѣпко соскучился по тебѣ, не видавъ тебя столько времени; но надѣюсь, что теперь можно будетъ намъ про-

быть вмѣстѣ подолѣе. Ты прилежно трудился въ школѣ, теперь надо тебѣ отдохнуть и повеселиться здѣсь, сколько можно.

Я, конечно, очень усердно исполнялъ послѣдній наказъ отца. Я былъ въ восхищеніи отъ своего милаго Эльмсватера, и, пользуясь бо́льшею свободою, чѣмъ прежде, съ утра до ночи предавался удовольствіямъ и развлеченіямъ сельской жизни, къ которымъ имѣлъ всегда сильную врожденную склонность. Черезъ недѣлю послѣ меня пріѣхалъ и братъ мой, но на одинъ только день, потому-что онъ оканчивалъ свой курсъ наукъ въ Итонѣ. Я очень дивился его мужественной наружности и величавой осанкѣ; онъ встрѣтилъ меня радушно, но мы мало разговаривали.

Вскорѣ послѣ того, по настоятельному приглашенію отца, пріѣхала въ Эльмсватеръ и леди Ширнесъ, но не одна. Она привезла дѣвицу немного моложе меня, о которой я много слыхалъ, хотя никогда еще не видалъ ея. Это была единственная дочь другой сестры моего отца, которой мужъ, храбрый офицеръ, составилъ себѣ огромное состояніе въ остиндскихъ походахъ. Софія Вальдегрэвъ, лишившись отца и матери, воспитывалась подъ наблюденіемъ своего опекуна, лорда Арлингфорда, и подъ непосредственнымъ надзоромъ тетки, леди Ширнесъ. Узнавъ о предстоящемъ пріѣздѣ кузины, я, какъ истинный школьникъ, рѣшилъ, что не буду имѣть съ нею ничего общаго; но когда она явилась, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ и рѣчахъ было столько простоты, искренности и радушія, что черезъ мгновеніе, мы были уже какъ старинные знакомые и друзья.

Въ первый же вечеръ Софія сказала мнѣ, что давно желала со мною познакомиться, потому-что много слыхала обо мнѣ.

— Но немного добраго, я думаю, если отъ леди Ширнесъ, подхватилъ я.

— Ну, конечно; отвѣчала Софія, улыбаясь; леди Ширнесъ говорила мнѣ только, что вы надѣлали проказъ въ школѣ. Но это только усилило во мнѣ желаніе знать васъ, потому-что я сама знаю, какъ тетушка иногда несправедливо судитъ. Она вѣчно бранитъ меня, вѣчно твердитъ, что я буду безчестіемъ всей фамиліи, какъ такой-то или такая-то.

— У васъ двѣ гувернантки?

— Двѣ, и еще, говорятъ, будетъ здѣсь Француженка горничная.

Съ утра до ночи твердятъ мнѣ, что я буду богатой невѣстой, и на этомъ основаніи придумываютъ для меня всякаго роду мученія!

— Софія, закричала леди Ширнесъ съ другаго конца залы, держи голову прямо. Истинно не понимаю, откуда дѣвочка набирается такихъ неприличныхъ привычекъ. Въ Англіи никогда не бывало фамиліи знатнѣе Вальдегрэвовъ, а посмотрѣть на нее, сидитъ ли, ходитъ ли, словно крестьянская дочь.

Софія безпрекословно повиновалась приказанію тетки.

Я скоро замѣтилъ въ характерѣ, въ покроѣ ума и даже въ положеніи Софіи много сходства со мною, и мы почти безпрестанно бывали вмѣстѣ. Мы вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ играли, и каждый день скрѣплялъ и усиливалъ чистую, братскую дружбу, возникшую между нами съ первой встрѣчи.

Съ дѣтскою рыцарскою горячностью защищалъ я кузину отъ частыхъ несправедливыхъ нападокъ леди Ширнесъ; она же, съ своей стороны, съ такою же преданностью, вступалась за меня, когда наша леди Ширнесъ изволила осуждать меня, какъ осуждала она всѣхъ окружающихъ, за исключеніемъ развѣ одного моего старшаго брата.

Однажды, послѣ долгой и бесѣды съ сестрою, отецъ довольно неожиданно спросилъ меня, размышлялъ ли я о томъ, какому званію я намѣренъ себя посвятить?

— Да, батюшка, отвѣчалъ я: и если позволите, я желалъ бы поступить во флотъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! сказалъ отецъ, повидимому нѣсколько удивленный моимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Во флотъ? Ну, тамъ тебѣ открыта дорога въ адмиралы; твой дѣдъ, а мой дядя также дослужился до адмирала, тотъ, котораго портретъ виситъ въ томъ концѣ. Я самъ также думаю, что̀ ты не можешь выбрать себѣ лучшаго поприща, какъ морскую службу; но всегда желалъ, чтобы ты самъ выбралъ, что̀ тебѣ будетъ по сердцу, и никогда не простилъ бы себѣ, еслибъ по неосторожности высказалъ что̀ нибудь-такое, что̀ могло бы внушить тебѣ выгодное или невыгодное понятіе о званіи, котораго не должно ни избирать, ни покидать необдуманно.

— Я уже совершенно и давно рѣшилъ свой выборъ, отвѣчалъ я.

— Если такъ, Эдвардъ, то ты, вѣроятно, знаешь также, что въ эту службу тебѣ слѣдуетъ поступить гораздо раньше, чѣмъ въ какое-либо другое званіе. Который тебѣ годъ?

— Уже пошелъ четырнадцатый!

— Четырнадцатый? уже? Скажите-ка, какъ идетъ время; а мнѣ все кажется, давно ли родился мальчикъ! Ну, любезный другъ, сегодня мы объ этотъ больше толковать не будемъ; я соберу надлежащія свѣдѣнія, и поговорю съ тобой опять въ скоромъ времени.

Грустно было мнѣ, когда я вышелъ изъ отцовскаго кабинета. Я отправился въ садъ; но садъ цвѣлъ своею дивною роскошью іюньскаго дня, и мнѣ стало еще грустнѣе, когда я подумалъ, что скоро, очень скоро можетъ-быть, придется мнѣ проститься съ этими милыми мѣстами. Я побѣжалъ къ озеру, вскочилъ въ свой маленькій фрегатъ, который мой вѣрный Ричардсъ оснастилъ заново къ моему пріѣзду, и поплылъ на середину моего миніятюрнаго океана. Тутъ, одному, вдали отъ всѣхъ, съ одною свѣтлою полосою воды вокругъ, мнѣ стало немножко легче; голова склонилась на грудь, и крупныя слезы брызнули изъ глазъ.

Я не обманулъ отца; дѣйствительно я давно избралъ рѣшительно и неотмѣнно морскую службу, какъ свое поприще. Но тутъ, когда жребій жизни былъ брошенъ, когда такъ скоро долженъ былъ пробить часъ, чтобы мнѣ отправляться добровольнымъ изгнанникомъ изъ Эльмсватера и изъ Англіи, броситься во всѣ опасности и испытанія жизни, мое дѣтское мужество пало. Впрочемъ это было только минутное ощущеніе. Я закрылъ лицо руками, опершись на шкафутъ фрегата, и мнѣ показалось, будто свѣтлый, вдохновенный взоръ Торнтона опять покоился на мнѣ, съ обычнымъ своимъ выраженіемъ сочувствія и ободренія. Я поднялъ голову, и въ одно мгновеніе бурное море жизни стало, въ моемъ воображеніи, тихо и безмятежно, какъ разстилавшееся передъ мною озеро. Надежда и рѣшимость снова загорѣлись въ моей душѣ, свѣтло, какъ лѣтнее солнце, золотившее всѣ предметы вокругъ меня. Я сталъ твердо и съ упованіемъ смотрѣть въ будущее, и пламенно воскликнулъ: — Да, Торнтонъ, я пойду по твоимъ стопамъ, послѣдую твоему совѣту! что можетъ перенести человѣческая мощь, я все перенесу!

Недѣли черезъ двѣ отецъ снова заговорилъ со мною о моей службѣ. Онъ спросилъ меня, все ли я, попрежнему, непоколебимо намѣренъ избрать морскую службу. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, что одинъ его старый товарищъ и хорошій другъ назначенъ крейсировать въ каналѣ, получилъ команду на от-

личномъ кораблѣ, и съ радостью приметъ меня къ себѣ. Отецъ прибавилъ, что трудно найти другой такой хорошій случай, если только я расположенъ отправляться немедленно, потому-что корабль долженъ сняться съ якоря втеченіе недѣли.

Срокъ былъ, конечно, невеликъ, и, можетъ-быть, сердце мое крѣпко заныло бы, еслибъ я въ то самое утро не получилъ письма отъ Торитона; это было первое письмо, писанное съ его стоянки въ Индійскомъ-океанѣ. Восторженныя выраженія, въ которыхъ онъ говорилъ о своемъ новомъ родѣ жизни и о надеждѣ, что я пріѣду самъ обнять его, очень кстати поддали мнѣ жару. Я отвѣчалъ отцу, что совершенно готовъ отправиться въ назначенный день.

— Увѣренъ ли ты, Эдвардъ?

— Увѣренъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо, я самъ отвезу тебя въ Четемъ, провожу на корабль и сдамъ на руки моему другу.

Послѣдующіе дни были довольно печальны. Какое-то тайное, грустное предчувствіе щемило мнѣ сердце, и говорило, что скоро я буду опять вздыхать, тщетно жалѣть о мирныхъ мѣстахъ, гдѣ протекли счастливѣйшіе годы моей жизни, и проклинать часъ, когда я промѣнялъ ихъ на суровую, влажную пустыню океана. Никогда еще не чувствовалъ я такъ сильно, и съ такою скорбью, всего, что привязывало мое сердце къ жилищу отцовъ, и какъ тяжело, какъ больно было оторваться отъ него! Однако, убѣжденіе, что я избиралъ правый путь, подкрѣпляло и поддерживало меня, и я остался непоколебимо при своемъ рѣшеніи.

Наступилъ скоро и послѣдній день.... Нѣтъ, не могу, — и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, не могу вспомнить о торжественной минутѣ, когда я сказалъ роковое прости!... Зачѣмъ я уѣхалъ, а если ужъ суждено было уѣхать, то зачѣмъ несуждено было уѣхать съ тѣмъ, чтобы ужъ никогда, никогда не возвращаться!

XI.

Согласно своему обѣщанію, отецъ самъ отвезъ меня въ Четемъ. Пріѣхавъ въ гостинницу, гдѣ стоялъ капитанъ Троубриджъ, будущій мой командиръ, мы узнали, что онъ вышелъ со двора на полчаса. Отецъ рѣшился употребить въ пользу это время, что-

бы показать мнѣ казармы; городскія укрѣпленія, словомъ разводилъ меня по всѣмъ частямъ города, которыя, по его мнѣнію, должны были интересовать меня. Шумъ и движеніе военнаго и морскаго города, ученья и рунды, которые я видѣлъ въ первый разъ въ жизни, все это наполнило меня глубокимъ чувствомъ удивленія и благоговѣнія, и мнѣ съ трудомъ вѣрилось, что я самъ долженъ былъ въ скоромъ времени принять дѣятельное участіе въ подобныхъ дѣйствіяхъ. Когда мы возвратились въ гостинницу, капитанъ Троубриджъ уже ждалъ насъ, и встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково и привѣтливо, какъ сына своего старѣйшаго и многоуважаемаго друга. Онъ отобѣдалъ съ нами, и на прощаніи совѣтовалъ мнѣ отправиться на корабль пораньше утромъ, такъ какъ «Кёллоденъ» долженъ былъ сняться съ якоря втеченіе дня.

Дождь шелъ ливьмя, вѣтеръ дулъ яростными порывами, когда въ назначенный часъ, мы отчалили отъ военной пристани въ капитанской шлюпкѣ, отправляясь къ кораблю, стоявшему въ полумилѣ оттуда, въ устьѣ рѣки. Отецъ простился со мною непрежде, какъ сдавъ меня на руки старшему офицеру на кораблѣ. Какъ заныло мое сердце, какъ больно почувствовалъ я свое одиночество, когда, облокотившись на бортъ исполинскаго корабля, грустнымъ взоромъ провожалъ шлюпку, отвозившую отца на берегъ. На палубѣ все бѣгало, шумѣло, суетилось. Офицеры громкимъ и повелительнымъ голосомъ, на странномъ, непонятномъ мнѣ языкѣ, раздавали приказанія толпамъ здоровенныхъ матросовъ и морскихъ солдатъ, которые бросались взадъ и впередъ, проклиная и расталкивая въ свою очередь гостей, особенно женщинъ, получившихъ позволеніе пріѣхать на корабль, чтобы проститься съ родными, и расхаживавшихъ по палубѣ, безпрестанно у кого-нибудь на дорогѣ. Тоже было и со мною; куда бы я ни пошелъ, вездѣ попадалъ кому-нибудь подъ ноги; я не могъ отыскать укромнаго уголка, гдѣ бы дать отдахнуть своей усталой головѣ и привести въ порядокъ разбѣжавшіяся мысли. Немногіе вопросы, которые я осмѣливался предложить окружавшимъ меня, оставались вовсе безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ на совершенно непонятномъ мнѣ языкѣ. Все утро пробылъ я въ этомъ одиночествѣ, среди толпы, которой было не до меня; наконецъ, одинъ молодой матросъ, вскочивъ на палубу изъ шлюпки, только что подъѣхавшей къ кораблю, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не я ли лордъ Эдуардъ Рокингемъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ подалъ мнѣ записку; отецъ писалъ мнѣ въ ней, что податель племянникъ старика Ричардса, что онъ долженъ перейдти на «Кёллоденъ», и можетъ быть мнѣ полезенъ въ походѣ.

Когда я поближе разсмотрѣлъ своего новаго знакомца, онъ показался мнѣ самымъ полнымъ олицетвореніемъ англійскаго матроса: огромный ростъ, широкія плечи, самый здоровый и крѣпкій складъ, въ лицѣ выраженіе необыкновеннаго добродушія, соединеннаго съ самою безстрашною отвагою и рѣшимостью. Онъ разсказалъ мнѣ, что служилъ на другомъ кораблѣ, стоявшемъ въ портѣ, но шатаясь по городу, встрѣтилъ лорда Арлингфорда, бесѣдовавшаго съ его капитаномъ и съ капитаномъ Троубриджемъ; что лордъ Арлингфордъ, котораго онъ видалъ нѣсколько разъ въ Эльмсватерѣ, узналъ его, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, наконецъ, исходатайствовалъ ему позволеніе перейдти съ своего корабля на «Кёллоденъ»; чему онъ былъ очень радъ, потому-что послѣднему скорѣе могъ представиться случай быть въ дѣлѣ. Затѣмъ Ричардсъ, бывшій уже нѣсколько лѣтъ въ службѣ и не разъ бывавшій въ походахъ, объяснилъ мнѣ многія подробности того, что̀ дѣлалось на моихъ глазахъ, и благодаря его присутствію, чувство тоски и одиночества, сжимавшее мое сердце все утро, мало-по-малу разсѣялось.

Послѣ многихъ усилій, старшему лейтенанту удалось наконецъ освободить корабль отъ гостей, торчавшихъ на палубѣ, и отъ лодокъ, тѣснившихся около его боковъ. Вскорѣ за тѣмъ, часовъ около пяти, явился самъ капитанъ, въ полной формѣ, и переговоривъ нѣсколько словъ съ двумя старшими офицерами, далъ приказаніе сниматься. Немедленно, подъ звуки музыки, нѣсколько десятковъ здоровыхъ матросовъ бросились къ брашпилю, взобрались по марсамъ и разсыпались по всѣмъ частямъ такелажа. Вѣтеръ дулъ попутный, погода прояснилась, и «Кёллоденъ» плавно и величественно сошелъ съ швартововъ, при громкихъ кликахъ толпы, провожавшей его съ берегу и съ лодокъ, и столь же дружныхъ отвѣтахъ храбраго экипажа. Высокое, восхитительное чувство, чувство гордости и неустрашимой отваги, наполняетъ душу при видѣ этихъ пловучихъ крѣпостей, вѣчныхъ опоръ чести и безопасности Англіи, когда онѣ расправляютъ свои исполинскія крылья, и отправляются на свое опасное ристаніе; когда тысячи храбрыхъ воиновъ, неразрывно связавшихъ свою судь-

бу съ судьбою корабля, весело шлютъ прощальный привѣтъ родному краю. Въ эту минуту не вспоминайте ни о бѣшеномъ вихрѣ, ни о кровавыхъ морскихъ сраженіяхъ, ни о кораблекрушеніяхъ; не думайте о сотняхъ людей, которыхъ уноситъ грозное судно, и которымъ, можетъ-быть, несуждено уже вернуться. На кораблѣ все дышетъ увѣренностью, радостью, надеждою. Къ чему плакать о тѣхъ, которые, не думая о завтрашнемъ днѣ, такъ пылаютъ отвагой, такъ безпечны, такъ счастливы!

Не успѣли мы доплыть до Ширнеса, какъ эта картина такъ увлекла меня, что мои чувства уже вполнѣ соотвѣтствовали происходившему вокругъ меня; а какъ капитанъ особенно рекомендовалъ меня старшему лейтенанту, а тотъ мичманамъ, то я былъ всѣми принятъ благосклоннѣе и радушнѣе, чѣмъ обыкновенно водится принимать новичка. Мы простояли у Ширнеса всего нѣсколько часовъ, и никто, кромѣ самого капитана, не сходилъ на берегъ Затѣмъ мы отправились далѣе, вышли изъ устья Темзы, и вскорѣ уже крейсировали въ проливѣ. Погода стояла ясная; офицеры, нѣсколько суровые и холодные въ обращеніи, были однако со мной вѣжливы, и я съ такимъ рвеніемъ принялся за изученіе и исполненіе своихъ новыхъ обязанностей, что къ концу ноября успѣлъ совершенно ознакомиться со всѣмъ, что̀ дѣлалось вокругъ меня.

Тутъ стали дуть зимніе вѣтры, съ бо̀льшею силою противъ обыкновеннаго, и я началъ понимать трудности и непріятности избраннаго мною роду жизни. Однако я нисколько не упадалъ духомъ. Я всегда былъ вверху, всегда готовъ приняться за каждое дѣло, которое могло содѣйствовать къ расширенію моего знакомства со службо̀ю; и мое неутомимое усердіе стало награждаться заслуженными похвалами, какъ отъ начальниковъ, такъ и отъ товарищей. Величайшею для меня радостью было участвовать чѣмъ бы то ни было въ управленіи парусами; въ свободные отъ должности часы, я нерѣдко испрашивалъ позволеніе помогать марсовымъ и рифовымъ въ ихъ работахъ, и скоро занялъ между ними непослѣднее мѣсто.

Къ концу декабря, мы настигли, однажды вечеромъ, французскій фрегатъ, и стали стрѣлять въ него; фрегатъ пустился въ бѣгство, но на бѣгу отстрѣливался такъ удачно, что его выстрѣлы довольно значительно попортили наши снасти. Я былъ сильно пораженъ, когда

на моихъ глазахъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня, ядро разорвало надвое одного молодца, въ то время какъ я съ гротъ-марса передавалъ ему какое-то приказаніе. Впрочемъ, когда перестрѣлка кончилась, мнѣ говорили, что для перваго разу я очень хорошо выдержалъ огонь, и послѣ этого легкаго опыту, я убѣдился въ душѣ, что мужество не измѣнитъ мнѣ въ болѣе важномъ дѣлѣ.

Около этого времени мы встрѣтились, у испанскихъ береговъ, съ эскадрою подъ начальствомъ сэра Джона Джервиса. Въ началѣ февраля мы прибыли на назначенный намъ постъ, и невыразимый восторгъ овладѣлъ моею душою, когда я увидѣлъ прекрасный флотъ, съ которымъ мы должны были вскорѣ дать сраженіе непріятелю. Съ недѣлю спустя по прибытіи нашемъ къ мысу Санъ-Винсенте, усмотрѣли мы брейдъ-вымпелъ комодора Нельсона, сообщавшій намъ пріятную вѣсть, что не въ дальнемъ разстояніи отъ насъ показалась многочисленная испанская эскадра. Всю ночь явственно слышался гулъ ея вѣстовыхъ пушекъ. Мысль о приближающемся сраженіи привела меня въ такой восторгъ и такое волненіе, что я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, и задолго еще до зари я уже бродилъ по палубѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда увижу первый непріятельскій корабль. Но когда взошло солнце, утренній туманъ былъ еще такъ густъ, что я ничего не могъ разглядѣть, кромѣ англійскихъ судовъ, державшихся плотно сомкнутою линіею, состоявшею изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ. Мало-по-малу, однако, туманъ разсѣялся, и передъ нами показалась, въ открытомъ морѣ, грозная эскадра въ тридцать безъ малаго линейныхъ кораблей и десять фрегатовъ. Непріятельскія суда были разбросаны на довольно большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, такъ что когда у насъ былъ данъ сигналъ идти на нихъ на всѣхъ парусахъ, мы очутились среди ихъ прежде, чѣмъ они успѣли собраться. Такимъ-образомъ съ самаго уже начала девять судовъ у непріятеля были отрѣзаны, и обмѣнявшись съ нами нѣсколькими залпами, держались внѣ нашего выстрѣла почти во все продолженіе дѣла.

Я былъ назначенъ дежурнымъ на шканцахъ, гдѣ первыми выстрѣлами былъ убитъ одинъ лейтенантъ, и одинъ мичманъ тяжело раненъ. Капитанъ приказалъ мнѣ стоять подлѣ него и внимательно наблюдать сигналы. Имѣя необыкновенно зоркій глазъ, я очень исправ-

но исполнялъ свою должность, несмотря на облака дыму, окружавшія насъ со всѣхъ сторонъ.

— Сигналъ отъ адмирала, сэръ! сказалъ я нѣсколько минутъ спустя.

— Ну, разбирай живѣе.

Я напрягъ взоръ, и скоро могъ отрапортовать капитану, что было приказано всѣмъ кораблямъ, одному за другимъ, поворотить противъ вѣтру и напасть на главную силу непріятеля. Приказаніе было тотчасъ исполнено, и мы спускались на фордевиндъ къ Испанцамъ сомкнутою линіею, когда, внимательно наблюдая корабли, шедшіе у насъ въ тылу, я замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ поворачивалъ черезъ фордевиндъ.

— Сэръ, сказалъ я, одинъ изъ нашихъ, позади, кажется, не исполняетъ сигнала.

— Увѣренъ ли ты?

— Увѣренъ, сэръ, отвѣчалъ я, послѣ минутнаго разсмотрѣнія.

— Такъ посмотри хорошенько, нѣтъ ли на топѣ брейдъ-вымпела? Должно быть, что есть! сказалъ капитанъ.

— Точно, сэръ; это, кажется, самъ комодоръ.

— Весьма вѣроятно. Не спускай съ него глазъ, и говори, что̀ онъ будетъ дѣлать.

Черезъ нѣсколько минутъ, я отрапортовалъ капитану, что комодоръ Нельсонъ одинъ сражался съ пятью непріятельскими судами, изъ самыхъ большихъ.

— Это не годится! сказалъ капитанъ Троубриджъ, будь что́ будетъ, а я долженъ идти къ нему на подкрѣпленіе!

И «Кёллоденъ», въ свою очередь, также поворотилъ черезъ фордевиндъ и подошелъ бортъ къ борту, къ «Капитану», на которомъ отважный Нельсонъ выдерживалъ такой неровный бой. Знаменитый четырехъ-палубный корабль «Сантиссима-Тринидадъ», «Сальвадоръ-дель-мундо», «Санъ-Хосе̇» и нѣсколько другихъ огромнѣйшихъ и отличнѣйшихъ судовъ, которыхъ имена были намъ еще неизвѣстны, изрыгали свои залпы на несчастнаго «Капитана», который казался обреченнымъ имъ на жертву; но корабль, будто одушевленный отважнымъ духомъ своего начальника, стоялъ твердо и неустрашимо, громя все вокругъ себя. «Кёллоденъ» скоро очутился подъ самымъ сильнымъ огнемъ; около насъ образовалось такое непроницаемое

облако дыму, что намъ не оставалось ничего другаго, какъ только съ возможною поспѣшностью заряжать пушки и стрѣлять въ непріятеля, окружавшаго насъ со всѣхъ сторонъ. Это было настоящее сраженіе, во всемъ его грозномъ ужасѣ, во всемъ его обуяющемъ свирѣпствѣ. Картечь, ядра, деревянные осколки летали вокругъ меня во всѣхъ направленіяхъ, унося десятки моихъ храбрыхъ товарищей; однако, объятый общимъ остервенѣніемъ, я стоялъ подлѣ начальника такъ же твердо и безстрашно, какъ онъ самъ, и въ одобрительномъ взорѣ его видѣлъ, что онъ былъ доволенъ мною и что я пріобрѣлъ его уваженіе.

Часа четыре сряду оглушительный громъ восьми сотъ пушекъ грохоталъ надъ морскою равниною, донося главнымъ силамъ обѣихъ сторонъ вѣсть о страшной борьбѣ, завязавшейся между двумя небольшими отрядами, на пространствѣ немногимъ больше того, что занимали сами корабли. Наконецъ, сквозь окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ бѣлые столбы дыму, различили мы два корабля подъ англійскимъ флагомъ, спѣшившіе намъ на выручку.

— Рокингемъ, постарайся разглядѣть, какія это суда? вскричалъ капитанъ.

— Первое, сэръ, кажется «Экселентъ.»

— А! я зналъ, что Коллингвудъ какъ разъ принесется! Ну, а другое?

— Другаго не могу разглядѣть, сэръ. Но вотъ оно прошло между насъ и непріятеля, и отрѣзало два непріятельскіе корабля.

Тутъ пришелъ старшій лейтенантъ, и рапортовалъ капитану, что всѣ учавствовавшія въ дѣлѣ суда заходили впередъ насъ. — Такъ и намъ надо податься впередъ, какъ можно живѣе! сказалъ капитанъ. Но лейтенантъ отвѣчалъ, что корабль былъ до того изстрѣлянъ, что не было возможности управлять имъ.

— Плохо, чортъ возьми! вскричалъ капитанъ Троубриджъ.

— Впрочемъ, мы сдѣлали свое дѣло на славу, сэръ! возразилъ лейтенантъ Еслибъ не вы, я думаю, комодоръ давно былъ бы съ своимъ кораблемъ подъ водою.

Вскорѣ за тѣмъ я могъ разсмотрѣть второй корабль, пришедшій къ намъ на помощь, и рапортовалъ что это долженъ быть, по всѣмъ вѣроятностямъ, «Бленгеймъ.» Въ это же мгновеніе лейтенантъ, при-

стально взглянувъ на меня, вскричалъ: — Никакъ и вамъ досталось порядкомъ, молодой человѣкъ!

— Я старался исполнить свое дѣло по мѣрѣ своихъ силъ, сэръ! отвѣчалъ я, не понявъ сначала его словъ.

— Ты сильно страдаешь, любезный другъ? спросилъ капитанъ съ участіемъ.

— Нѣтъ, сэръ, нисколько.

— Ему, кажется, до-сихъ-поръ не вдогадъ, что онъ раненъ, сэръ! подхватилъ лейтенантъ.

Тутъ только я приложилъ руку къ правой сторонѣ головы, и отнявъ ее, увидѣлъ, что она была вся въ крови.

— Ступай къ лекарю, и вели сейчасъ же осмотрѣть и перевязать голову, сказалъ капитанъ Троубриджъ.

Повинуясь приказанію, я сошелъ внизъ, и дорогою замѣтилъ, что былъ также раненъ деревяннымъ осколкомъ въ грудь, но неочень сильно. Сходя на нижній декъ, я наткнулся на Ричардса, который бѣжалъ, въ тяжеломъ вооруженіи, и такъ спѣшилъ, что едва не сшибъ меня съ ногъ. Не давъ ему времени извиниться, я спросилъ куда онъ, и узналъ, что онъ отправлялся немедленно въ шлюпкѣ на «Капитана.»—И я съ тобою! вскричалъ я:—я хочу сегодня же видѣть храбраго комодора, хотябы меня завтра за то разстрѣляли!

Всѣ на кораблѣ были такъ заняты и все дѣлалось такъ поспѣшно, что я успѣлъ исполнить свое намѣреніе, не бывъ никѣмъ замѣченъ. Когда шлюпка отчалила, мы увидѣли, что «Капитанъ» стоялъ бортъ къ борту съ двумя испанскими кораблями, и что экипажъ его отовсюду бросался на ближайшій изъ нихъ. Нашъ лейтенантъ велѣлъ править къ этому кораблю, угадывая что самъ комодоръ долженъ быть на немъ; и дѣйствительно, въ то самое мгновеніе, какъ мы всходили на шканцы, испанскій флагъ былъ спущенъ, и мы узнали, что корабль былъ «Санъ-Николасъ.» Наши скоро овладѣли всѣмъ призомъ; но вслѣдъ затѣмъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь изъ кормовой галереи сосѣдняго корабля.

— Миллеръ, давай сюда еще людей! закричалъ одинъ офицеръ небольшаго росту и щедушной наружности, но котораго повелительный взоръ горѣлъ огнемъ генія.

— Не знаешь ли, кто такой этотъ офицеръ? спросилъ я стоявшаго подлѣ меня Ричардса.

— Это самъ комодоръ Нельсонъ, отвѣчалъ Ричардсъ.

Между-тѣмъ какъ я впился взоромъ въ комодора, котораго имя уже гремѣло во всемъ флотѣ и вдоль и поперегъ всей Англіи, онъ быстро отошелъ отъ двухъ испанскихъ офицеровъ, принявъ отъ нихъ шпаги, и потомъ, поднявъ надъ головою собственную легкую полусаблю, вскричалъ рѣзкимъ, громкимъ голосомъ, который до-сихъ-поръ звенитъ въ моихъ ушахъ:—Теперь, ребята, за мной на другой корабль! Вестминстерское аббатство или побѣда!

Непонятная, непреодолимая сила увлекла меня вслѣдъ за героемъ, и спустя минуту, мы уже рубились на русленяхъ непріятельскаго корабля. Еще не успѣли мы выбраться на палубу, какъ двадцать голосовъ съ различныхъ сторонъ извѣстили насъ, что и этотъ корабль спустилъ свой флагъ.

— Вотъ что̀ называется чудесно, Берри, такъ чудесно! сказалъ комодоръ ближайшему къ нему офицеру, и потомъ, взглянувъ на меня съ довольно страннымъ, но нисколько нехолоднымъ выраженіемъ, прибавилъ.

— Кто вы такой, молодой человѣкъ? Кажется, вы не изъ моей команды?

— Нѣтъ, сэръ; — я прибылъ сюда съ Кёллодена.

— Съ Кёллодена!? Здоровъ ли Троубриджъ!

— Совершенно здоровъ, сэръ.

— Ну слава Богу! У васъ вѣрно есть письмо ко мнѣ?

— Дѣйствительно, сэръ къ вамъ послано письмо! но доставить его вамъ поручено моему лейтенанту.

— Значитъ, вы успѣли перегнать своего старшаго офицера, — сказалъ комодоръ съ значительной улыбкой! Я слыхалъ, что въ старину бывали и такіе случаи. Когда воротитесь на свой корабль, скажите капитану Троубриджу, что вы взяли стопушечный корабль; — а между-тѣмъ совѣтую вамъ сейчасъ же повидаться съ нашимъ докторомъ: мнѣ кажется, что васъ таки порядочно задѣли.

Въ это время подошелъ мой лейтенантъ и вручилъ Нельсону письмо, на которое отвѣтъ былъ изустный, а потому мы тотчасъ же и удалились.

Не доѣзжая до Кёллодена, я въ первый разъ началъ испытывать мучительную боль отъ моихъ ранъ. Во-время перевязки я узналъ отъ доктора, что рана на головѣ, хотя и довольно глубокая, была

неопасна, — но что ушибъ на груди могъ имѣть весьма дурныя послѣдствія. Прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ вынули изъ этой раны маленькіе деревянные осколки. Боль была невыносима; — вся грудь моя до такой степени была раздражена, что я втеченіе мѣсяца не могъ одѣться въ платье, а чрезъ это обстоятельство не могъ заняться службой.

Во-время моей болѣзни Кёллоденъ, сильно поврежденный непріятельскими ядрами, починивался и вооружался въ Гибралтарѣ, гдѣ всѣ, кто только участвовалъ въ послѣднемъ сраженіи, были приняты съ величайшимъ радушіемъ. Во-время стоянки мы получили весьма пріятное извѣстіе, что Нельсонъ, какъ главный виновникъ нашей побѣды, произведенъ былъ въ адмиралы и получилъ орденъ Бани. Послѣ починки, мы сдѣлали коротенькое крейсерство по Средиземному-морю, и возвратившись въ Гибралтаръ, получили приказаніе соединиться съ отдѣльной эскадрой, которая, подъ командою сэра Горацію Нельсона, отправилась къ Тенерифу — Вѣтеръ дулъ все время противный, и мы догнали адмирала уже 23 іюля. Здѣсь мы узнали, что наканунѣ было сдѣлано первое нападеніе на Санта-Круцъ, — что оно было отражено, и въ скоромъ времени должно возобновиться.

Съ прибытіемъ нашимъ къ эскадрѣ, мнѣ приказано было отправиться на корабль Тезей, доставить адмиралу депеши, и сказать ему что вслѣдъ за мной явится мой капитанъ. — Первый человѣкъ съ которымъ я встрѣтился на шканцахъ Тезея, былъ самъ Нельсонъ, увлеченный въ одушевленный разговоръ съ двумя другими морскими офицерами. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о нашемъ крейсерствѣ, адмиралъ началъ распечатывать пакеты.

— Послушайте, молодой человѣкъ, — сказалъ адмиралъ, бросивъ на меня пристальный взглядъ: — мнѣ кажется, что я встрѣчаюсь съ вами не въ первый разъ; мнѣ помнится, что гдѣ то я видѣлъ васъ прежде.

— Точно такъ, сэръ, — отвѣчалъ я, какъ нельзя болѣе довольный тѣмъ, что сохранился въ памяти нашего героя, — я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами на испанскомъ кораблѣ Санъ-Хозè.

— Помню! очень хорошо теперь помню. А какъ васъ зовутъ?

— Рокингемъ.

— Рокингемъ! Да вы не родственникъ ли лорду Арлингфорду?

— Его второй сынъ.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ оказалъ мнѣ важную услугу. Надѣюсь, что онъ здоровъ. — Я вижу, вы во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный юноша, и полагаю, что изъ васъ выйдетъ современемъ отличный морякъ. Скажите капитану, чтобы онъ сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ обѣдать, и чтобы взялъ съ собой и васъ.

Вслѣдствіе этого, въ шесть часовъ вечера я снова пріѣхалъ на Тезей, вмѣстѣ съ капитаномъ Троубриджемъ. Исключительною темой застольнаго разговора было неудачное нападеніе на Санта-Крузъ, и исчисленіе вѣроятностей на предстоящую попытку. Всѣ присутствующіе, повидимому, были увѣрены въ успѣхѣ, а всѣхъ болѣе самъ Нельсонъ. Энтузіазмъ, одушевлявшій голосъ адмирала, и его выраженіе лица, воспламеняли во мнѣ порывы юношеской храбрости. Безмолвно вслушиваясь въ разговоръ окружавшихъ меня, я въ душѣ далъ клятву, во чтобы ни стало участвовать въ предстоящемъ нападеніи.

На другой день мнѣ сказали, что всѣ предварительныя распоряженія къ высадкѣ были сдѣланы на Кёллоденѣ, но что въ число назначенныхъ на это предпріятіе я не былъ включенъ. Подъ вліяніемъ непреодолимаго желанія я рѣшился подойти къ капитану Троубриджу, въ то время, какъ онъ прогуливался по шканцамъ, и выразить ему мою скромную надежду на позволеніе участвовать въ предстоящемъ дѣйствіи.

Капитанъ улыбнулся, погладилъ меня по головѣ, и отвѣтивъ, что мои надежды ни подъ какимъ видомъ не сбудутся, продолжалъ свою одинокую прогулку.

Такимъ-образомъ я снова принужденъ былъ прибѣгнуть къ неизмѣнному другу Ричардсу. Мы условились съ нимъ, какъ лучше поступить въ подобномъ случаѣ, и наконецъ рѣшили, что я украдкой заберусь въ его шлюпку, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ наполнена командой, и такимъ образомъ возобновлю свои эксперименты, оказавшіеся въ высшей степени удачными во время битвы при мысѣ Санъ-Винценте.

XIII.

Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидая наступленія вечера, я всѣми силами старался скрыть свое задуманное бѣгство, и чтобъ еще бо-

лю отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, не разъ выражалъ своимъ товарищамъ сожалѣніе, что мнѣ приходится сидѣть на кораблѣ.

Около половины девятаго часу шлюпкамъ нашимъ приказано было выступать. Ночь была темная, а такъ какъ Ричардсъ открылъ нашу тайну двумъ-тремъ расторопнымъ матросамъ, то я подъ прикрытіемъ ихъ спустился въ шлюпку никѣмъ незамѣченный. Намъ велѣно было держаться у корабля Си-горсъ, гдѣ адмиралъ обѣдалъ у капитана Фримантла, и откуда онъ самъ намѣренъ былъ вести атаку. Въ то время, какъ мы держались около корабля, лейтенантъ, командовавшій шлюпкой и приводившій въ порядокъ свою команду, вдругъ закричалъ.

— Эй, на бакѣ! что вы тамъ дѣлаете? Къ чему вы столпились въ одну кучу? или хотите, чтобы однимъ ядромъ сразу сняли всѣ ваши головы? Сейчасъ по мѣстамъ!

Лейтенантъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и несмотря на всѣ мои усилія спрятаться и на желаніе моихъ сосѣдей спрятать меня,— онъ наконецъ увидѣлъ меня.

— Вы какъ попали сюда, молодой шалунъ? — вскричалъ онъ. Вы знаете очень хорошо, что вамъ здѣсь нечего дѣлать.

— Я полагалъ, что мнѣ должно было находиться при этой шлюбкѣ, — отвѣчалъ я, стараясь придать лицу самое почтительное выраженіе.

— Сдѣлайте одолженіе, не говорите мнѣ такихъ пустяковъ. Вамъ совершенно извѣстно, что вы должны находиться теперь на кораблѣ. — Желалъ бы я знать, молодой человѣкъ, какую пользу ваше присутствіе можетъ принести намъ.

— Извините меня; но теперь мнѣ кажется ужъ слишкомъ поздно, и мы слишкомъ далеко отъ корабля, чтобъ воротиться.

— Однако еще непоздно, чтобъ отослать васъ на Си-горсъ и посадить подъ арестъ. И пусть первая пуля поразитъ меня, если я этого не сдѣлаю.

— Если уже здѣсь мнѣ нечего дѣлать, то тѣмъ менѣе на Си-горсѣ,—тамъ я равно ничего не сдѣлаю.

Дальнѣйшій разговоръ нашъ былъ прерванъ приближеніемъ огромной, тяжело-вооруженной шлюпки, на кормѣ которой стоялъ молодой лейтенантъ видной наружности и повелительной осанки.

— Аркрайтъ!—воскликнулъ онъ,—ты, кажется, черезъ чуръ разго-

рячился. Ты разбудишь, любезный, весь островъ, если станешь такъ громко кричать, и откроешь нашу таинственную экспедицію.

Аркрайтъ произнесъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, но, къ счастію моему, они уже болѣе не касались меня. Появленіе незнакомаго офицера, его манера, сколько темнота ночи позволяла мнѣ различить ее, а больше всего его голосъ, до такой степени овладѣли моимъ вниманіемъ, что я стоялъ на мѣстѣ какъ вкопаный. Вдругъ одинъ изъ гребцовъ появившейся шлюпки назвалъ своего лейтенанта по имени, и... я уже болѣе не сомнѣвался. Въ порывѣ восторга я закричалъ:

— Торнтонъ, Торнтонъ! это долженъ быть ты, непремѣнно! Неужели ты не узнаёшь своего школьнаго товарища?

— Ахъ Боже мой! это ты Рокингемъ? отвѣчалъ Торнтонъ, голосомъ, въ которомъ отзывалось самое глубокое изумленіе.—Могъ ли я вообразить, что встрѣчусь съ тобой на морѣ! — и приказавъ своей шлюпкѣ придержаться какъ можно ближе къ нашей, дружески пожалъ мнѣ руку.

Между Аркрайтомъ и Торнтономъ снова завязался разговоръ, слѣдствіемъ котораго было то, что Торнтонъ получилъ позволеніе взять меня въ свою шлюбку, съ обѣщаніемъ доставить на Кёллоденъ по возвращеніи изъ экспедиціи. — Если только мы когда-нибудь возвратимся изъ нея, — прибавилъ онъ.

Спустя минуту, я уже сидѣлъ подлѣ Торнтона, и въ дружеской бесѣдѣ, продолжавшейся неболѣе получаса, мы успѣли обмѣняться съ нимъ сладкими воспоминаніями о ранней нашей юности, и разсказать другъ другу все, что̀ случилось съ нами со времени нашей разлуки въ Аштонѣ. Такимъ-образомъ я узналъ, что Торнтонъ побывалъ уже въ индѣйскихъ моряхъ, получилъ лейтенанта, и какъ нельзя болѣе былъ преданъ своему призванію. Я узналъ также, что его голосъ нисколько не потерялъ той прелести, которая съ перваго нашего знакомства постоянно плѣняла меня.

— Бывалъ ли ты, Рокингемъ, когда-нибудь въ дѣлѣ? спросилъ Торнтонъ.

Въ весьма короткихъ словахъ разсказалъ я погоню Кёллодена за французскимъ фрегатомъ, а также участіе мое въ битвѣ у мыса Санъ-Винценте.

— Я очень радъ, что ты видѣлъ непріятельскіе выстрѣлы, — ска-

залъ мой другъ, — потому-что еще до разсвѣта намъ придется вступить въ страшную борьбу. Кто не охотникъ до картечи, лучше пожелалъ бы быть на Кёллоденѣ, въ прошломъ февралѣ, чѣмъ черезъ часъ на этомъ берегу.

— По этому ты думаешь, что намъ не удастся напасть на городъ врасплохъ!

— Врасплохъ! воскликнулъ Торнтонъ: — какимъ же образомъ нападемъ мы врасплохъ, когда втеченіе двоихъ сутокъ обнаруживали жителямъ всѣ наши приготовленія. Не хочешь ли я скажу тебѣ, какъ поведется наше дѣло? Едва мы приблизимся на пистолетный выстрѣлъ, какъ начиная вонъ съ этого огонька, что ты видишь влѣвѣ, и до другаго огонька, который зажженъ наутлу молы, по насъ откроютъ такую жаркую пальбу, что, право, подобной не случится увидать втеченіе жизни. Кромѣ-того, намъ придется выходить на берегъ среди такого ужаснаго прибоя волнъ, какого ты никогда еще не встрѣчалъ. Да, Рокингемъ, это будетъ славная ночь, — продол[illegible] Торнтонъ тихимъ и печальнымъ голосомъ: — эта ночь покажетъ, кто изъ насъ имѣетъ право называться храбрымъ.

— И ты [illegible]лагаешь, Торнтонъ, что адмиралу извѣстна вся опасность этого [illegible]едпріятія?

— Конечно не безъ того, — но согласись, что теперь поздно дѣлать ретираду.

— Но справедливо ли съ его стороны подвергать опасности такое множество жизней, въ то время, какъ успѣхъ предпріятія весьма сомнителенъ?

— Я не беру[illegible]зрѣшать твой вопросъ, — отвѣчалъ Торнтонъ. Конечно очень жаль, что мы уже разъ пустились на этотъ подвигъ, — но надо и то сказать, что оставить Тенерифъ безъ вторичной попытки было бы позоромъ для славы нашего флота и нашего великаго адмирала.

— Значитъ, ты полагаешь, что адмиралъ, не оставляя своего намѣренія, поступаетъ благоразумно?

— Послушай, Рокингемъ, — кто бы на флотѣ рѣшился полагать иначе, даже и тогда, еслибъ съ этимъ предпріятіемъ соединялась неизбѣжная гибель?

Къ концу нашего разговора, движеніе шлюпокъ около Си-горса сдѣлалось довольно замѣтно, и спустя нѣсколько минутъ, мы уви-

дѣли, какъ, при тускломъ свѣтѣ одинокаго фонаря, спустились съ корабля нѣсколько офицеровъ, и сѣли въ огромный баркасъ, стоявшій у самаго борта. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣланъ былъ условный сигналъ, по которому всѣ шлюпки быстро двинулись къ берегу, сохраняя глубокое безмолвіе.

Голосъ Торнтона и его обращеніе совершенно измѣнились. Веселое одушевленіе и самая непреклонная рѣшимость заступили мѣсто задумчивости и даже унынія, сопровождавшихъ предъидущій разговоръ. Одушевленіе команды соотвѣтствовало одушевленію ея молодаго командира, и шлюпка наша неслась по поверхности океана впереди всѣхъ другихъ шлюпокъ, словно впереди ожидалъ ее богатый призъ, а не кровавая битва. Вдругъ, при слабомъ лунномъ свѣтѣ мѣсяца, проскользнувшемъ на минуту между черными тучами, нависшими надъ нами, мы замѣтили шлюпку, въ которой находилось нѣсколько офицеровъ, и которая быстро догоняла насъ.

— Это что̀ значитъ! вскричалъ рѣзкій пронзительный голосъ, въ которомъ я въ туже минуту узналъ голосъ адмирала.—Къ чему вы забрались такъ далеко? Назадъ немного, назадъ! Я самъ намѣренъ высадиться первымъ.

— Слушаю, сэръ,—отвѣчалъ Торнтонъ, и тихимъ голосомъ отдалъ своимъ людямъ надлежащее приказаніе.

— Какого еще это ребенка вы взяли съ собой?

— Это мой задушевный другъ, Рокингемъ.

— Рокингемъ! вскричалъ Нельсонъ: юнга изъ экипажа Троубриджа? Послушай, мой другъ, неужели капитанъ позволилъ тебѣ пуститься въ наше предпріятіе?

— Никакъ нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ я.

— Какимъ же образомъ ты очутился здѣсь?

Какъ послѣднее средство, я рѣшился сказать ему, что въ военное время трудно отвѣчать на подобный вопросъ.

Между офицерами, окружавшими Нельсона, поднялся смѣхъ, къ которому присоединился и самъ адмиралъ, сказавъ однакоже, что онъ, до производства его въ постъ-капитаны, не дерзалъ ослушиваться сигналовъ.

Торнтонъ, желая воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, напомнилъ адмиралу, что я уже два раза находился въ дѣлѣ, и

что команда его не станетъ драться хуже, если въ числѣ ея будетъ находится потомокъ Рокингемовъ.

— Конечно, конечно, — возразилъ Нельсонъ: — но во всякомъ случаѣ я васъ прошу, не пускайте его въ опасность.

Въ эту минуту съ береговыхъ батарей раздался пушечный выстрѣлъ, и ядро рикошетами пролетѣло почти подлѣ самаго нашего борта. Торнтонъ съ выразительнымъ взглядомъ тронулъ меня за плечо, и въ тоже время мы услышали голосъ адмирала, въ которомъ хотя и отражалось обманутое ожиданіе, но отнюдь не уныніе.

— Это значитъ, что они насъ поджидаютъ, — говорилъ адмиралъ; и потомъ, возвысивъ голосъ, воскликнулъ: — Греби сильнѣе молодцы! Шлюпки дальше другъ отъ друга.

Громкое ура, вырвавшееся, повидимому, изъ бездны мрачнаго океана, огласило воздухъ, и послужило отвѣтомъ на приказаніе неустрашимаго адмирала,

Я вскорѣ увидѣлъ, что проницательность Торнтона безошибочно исчисляла всѣ неудачи предстоящей схватки. Выстрѣлъ за выстрѣломъ раздавался съ берега въ быстрой послѣдовательности; огни горѣли по всѣмъ направленіямъ; — набатные колокола звонили, и тяжелые ружейные залпы постоянно поддерживали пальбу изъ орудій. Въ нашу шлюпку уже не разъ попадали ядра, но не наносили намъ большаго вреда, и мы до самаго берега держались подлѣ шлюпки адмирала. Здѣсь, Торнтонъ опять оказался правъ. Прибой волнъ буйно и съ глухимъ шумомъ разстилался по берегу усыпанному камнями. Двѣ шлюпки ударились объ эти камни, и въ нѣсколько минутъ разбились въ дребезги. Мы успѣли однако же пристать къ самой молѣ, и я выскочилъ на нее какъ разъ во-время, чтобы подать руку адмиралу, котораго шлюпку откинуло волной немного назадъ.

Нельсонъ, выходя изъ шлюбки, оперся на мое плечо чрезвычайно легко; но когда онъ очутился на землѣ, это прикосновеніе до такой степени было сильно, что я рѣшительно не могъ вынести его тяжести. Я увидалъ, что онъ быстро перенесъ свою саблю изъ правой руки въ лѣвую, и потомъ, несмотря на всѣ мои усилія поддержать его, упалъ къ моимъ ногамъ.

Въ крайнемъ смущеніи взглянулъ на я Торнтона, который стоялъ подлѣ меня.

— Адмиралъ раненъ,—прошепталъ онъ, и я боюсь, что раненъ тяжело. Надо перенести его въ шлюпку.

— Поберегите мою саблю,—невнятно и слабымъ голосомъ проговорилъ Нельсонъ, какъ-скоро я поднялъ оружіе, выпавшее изъ руки адмирала, и положилъ его въ барказъ.

— Послушай, Нисбетъ, сказалъ Торнтонъ молодому офицеру, который еще оставался на барказѣ: не лучше ли намъ положить адмирала на самый низъ? — И вмѣстѣ съ тѣмъ, снявъ шейные платки, оба офицера, съ величайшей осторожностью приступили къ осмотру и перевязкѣ раненой руки адмирала.

— Я думаю, наша охота на этотъ разъ этимъ и кончится,—прошепталъ Нисбетъ на ухо Торнтону.

— Сохрани Богъ! отвѣчалъ Торнтонъ. Ты потрудись отвезти адмирала на корабль, а я поведу людей къ атакѣ.

Едва Торнтонъ произнесъ эти слова, какъ позади его, надъ мрачной бездной океана, раздался дикій и пронзительный вопль, — предсмертный крикъ двухъ-сотъ нашихъ храбрыхъ сподвижниковъ, погруженныхъ однимъ мѣткимъ выстрѣломъ на дно океана.

— Чтó бы это значило, Торнтонъ? прошепталъ испуганный Низбетъ.

— Я полагаю, что это «Фоксъ» отправился на дно; — онъ все время держался за нашей кормой.

Нельсонъ немного приподнялся, и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Торнтонъ, не безпокойтесь обо мнѣ; возмите вашихъ людей, и отправляйтесь съ Богомъ на помощь Троубриджу. Да кстати, возмите этотъ флагъ, здѣсь въ немъ нѣтъ нужды, а въ вашихъ рукахъ, я надѣюсь, онъ уцѣлѣетъ.

Голосъ адмирала замѣтно слабѣлъ.

— Нисбетъ,—продолжалъ онъ,—отваливайте, отъ берега, да посмотрите нельзя ли спасти кого-нибудь изъ утопающихъ, а потомъ отвезите меня на мой корабль.

— Не прикажете ли, сэръ, доставить васъ на Си-горсъ? онъ стоитъ отсюда первымъ,—спросилъ Нисбетъ.

— Нѣтъ, — проговорилъ герой. Съ какою вѣстью пріѣду я о капитанѣ Фримантлѣ? — Поѣзжайте на Тезей.

Торнтонъ принялъ флагъ, который, по приказанію Нельсона, Нисбетъ вручилъ, ему и мы снова выступили на берегъ. Еще разъ бросивъ безпокойный, печальный взглядъ на барказъ, уносившій съ собой

нашего любимаго адмирала, Торнтонъ обратился къ командѣ, которая стояла у подошвы насыпи густыми толпами, и какъ видно, была сильно поражена происшествіемъ столь несчастнымъ и въ глазахъ моряка столь зловѣщимъ.

Наступила минута торжественной тишины,—минута, невольно рождавшая въ душѣ каждаго благоговѣйный страхъ. — Насъ покрывалъ непроницаемый мракъ;—только въ отдаленіи сверкали ружейные выстрѣлы, и какъ-будто, окруживъ насъ огненной полосой, вызывали на смертную битву,—и вызывали въ то время, когда глава и самая душа нашего предпріятія, не успѣлъ еще выступить на берегъ, а уже принужденъ былъ покинуть насъ. Самые храбрые, самые неустрашимые пріуныли и стали колебаться;—и много, много обращалось взоровъ къ опустѣлымъ шлюпкамъ, которыя бились въ шумномъ прибоѣ о голые камни, и какъ видно было находились на послѣдней ступени къ разрушенію. Но раздался мужественный голосъ Торнтона и всѣ одушевились.

— Впередъ, друзья! воскликнулъ онъ. Островъ нашъ, если только дружно будемъ стоять другъ за друга!

Торнтонъ легко началъ подниматься на молу, и храбрая дружина пустилась за нимъ съ громкимъ «ура»!

— Отдай мнѣ знамя, Торнтонъ,—сказалъ я,—тебѣ удобнѣе будетъ владѣть своей саблей.

— Изволь, но только не потеряй его, и не отставай отъ меня ни на шагъ.

— Не безпокойся,—отвѣчалъ я, принимая знамя.

Вершина молы защищалась темными массами непріятеля, которато безпрерывная пальба производила въ нашихъ рядахъ сильное опустошеніе. Но неустрашимому Торнтону ни что не служило преградой. Пушка за пушкой отбивалась отъ непріятеля съ громкими восклицаніями, и наконецъ всѣ орудія на батареѣ были заклепаны. Потеря наша была весьма значительна, но когда мы достигли вершины молы, изъ окружающихъ домовъ началась такая страшная стрѣльба по нашимъ рядамъ, что не было ни малѣйшей возможности продолжать нападеніе.

— Что мы станемъ дѣлать теперь, капитанъ Фримантль? сказалъ Торнтонъ, остановившись на минуту, и обращаясь къ офицеру, который только что присоединился къ нашему отряду. По моему мнѣ-

мію, было бы чистое сумасшествіе рѣшиться овладѣть этимъ проходомъ съ горстью оставшихся людей.

— Но, я думаю, нельзя и оставаться здѣсь, отвѣчалъ Фримантль. Томпсонъ раненъ; бѣдный Бовеъ убитъ.... Не лучше ли намъ двинуться къ шлюпкамъ и попробовать сдѣлать высадку немного пониже.

— Но что это тамъ происходитъ? Посмотрите сюда — налѣво! тамъ тоже сильная схватка! возразилъ Торнтонъ, пристально вглядываясь въ темную даль. — Это, вѣроятно, отрядъ капитана Троубриджа, и намъ не мѣшало бы помочь ему.

И мы двинулись по набережной къ тому пункту, гдѣ происходила битва. Выстрѣлы изъ орудій по временамъ ярко освѣщали нашу небольшую ватагу, и потому ружейный огонь непріятеля продолжалъ производить между нами свое опустошительное дѣйствіе. Едва мы удалились шаговъ на двѣсти отъ мѣста нашей высадки, какъ капитанъ Фримантль шопотомъ сказалъ Торнтону.

— Я раненъ, Торнтонъ, и кажется смертельно.... я останусь здѣсь.... не обращайте на меня вниманія.... идите, идите впередъ.

— Нѣтъ капитанъ, я не оставлю васъ въ этомъ положеніи. Облокотитесь на меня; мнѣ кажется, что мы сію минуту подойдемъ къ какой-нибудь шлюпкѣ.

Къ счастію нашему, мы дѣйствительно вскорѣ увидѣли шлюпку, и едва успѣли положить въ нее раненаго офицера, какъ позади раздался громкій крикъ, и насъ окружили партіи мулатовъ и солдатъ.

— Отваливай! — вскричалъ Торнтонъ, и удаляйтесь отъ выстрѣловъ, пока мы будемъ занимать этихъ молодцовъ.

— Ради Бога, мистръ Торнтонъ, — говорилъ храбрый Фримантль, — садитесь съ командой на эту же шлюпку, — я ни за что не отвалю безъ васъ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ. Отваливайте, — иначе они завладѣютъ и шлюпкой.

Борьба уже завязалась; и въ ту минуту когда горсть нашихъ храбрыхъ моряковъ, выступившихъ впередъ и удерживавшихъ натискъ непріятеля, — была опрокинута, явился Торнтонъ. Я видѣлъ, какъ сабля его засверкала въ рядахъ непріятельскихъ; — натискъ былъ удержанъ, — и непріятель въ свою очередь отступилъ. Но вдругъ я услышалъ, что Торнтонъ звалъ меня.

— Рокингемъ, — сказалъ онъ, я не могу больше сражаться, — и за тѣмъ упалъ къ моимъ ногамъ.

— Давай руку,—сказалъ я плотному матросу, который стоялъ подлѣ меня,—мы еще успѣемъ снести его на шлюпку.

И дѣйствительно мы успѣли притащить Торнтона къ окраинѣ берега. Шлюпка только что передъ нашимъ приходомъ отвалила, но капитанъ Фримантль, несмотря на сильный прибой, настойчиво требовалъ, чтобы она снова пристала.

Непріятель съ оглушительными криками, сильно напиралъ на насъ, и небольшой отрядъ нашъ, не предвидя возвожности сопротивляться, отступилъ, и въ безпорядкѣ бросился къ шлюпкѣ. На берегу осталось только два матроса. Они старались помочь мнѣ перенесть Торнтона, но вскорѣ одинъ изъ нихъ упалъ смертельно раненый, другому перешибло руку, и черезъ это усилія наши остались безполезны.

— Торопитесь молодой человѣкъ, въ одно время закричали со шлюпки двадцать голосовъ. Торопитесь мы не можемъ дожидать васъ. Прыгайте въ воду—мы васъ подхватимъ.

Я взглянулъ на безжизненный трупъ моего друга, и мнѣ стало больно отъ одной мысли, что онъ останется тутъ безъ всякой защиты отъ расвирѣпѣвшихъ непріятелей. Изъ всей силы бросилъ я въ шлюпку знамя, и просилъ своихъ сослуживцевъ не заботиться больше обо мнѣ.

Теперь нельзя уже было терять время. Непріятель, удерживаемый въ отдаленіи сильной пальбой съ нашей шлюпки, подошелъ въ эту минуту на такое близкое разстояніе, что одинъ изъ солдатъ могъ свободно уцѣпиться за шлюпку длиннымъ багромъ, который онъ поднялъ на берегу. Однако жъ эта попытка оказалась безуспѣшною, и шлюпка наконецъ благополучно удалилась.

Все бѣшенство Испанцовъ обратилось на одного меня. Одинъ изъ мулатовъ нанесъ мнѣ жестокій ударъ по головѣ, и въ то время какъ я почти безъ памяти упалъ на колѣни, все еще стараясь прикрыть собой Торнтона, нѣсколько сабель взвилось надъ моей головой, нѣсколько штыковъ обратилось остріями къ моей груди, и я почувствовалъ какъ одинъ изъ послѣднихъ вонзился мнѣ въ руку. Въ эту минуту подошелъ испанскій офицеръ, строгимъ голосомъ приказалъ солдатамъ отступить, и обратившись ко мнѣ, весьма учтиво спросилъ мою саблю. Разумѣется, на учтивость я отвѣчалъ учти-

востью. Офицеръ принялъ мое единственное орудіе, приглашая меня идти за нимъ, и въ тоже время приказалъ поднять Торнтона и какъ можно осторожнѣе нести его.

Я слѣдовалъ за моимъ защитникомъ по узкимъ и неправильнымъ улицамъ, до длиннаго невысокаго дома, въ который мы и вошли. — Офицеръ провелъ меня въ обширную комнату нижняго этажа, который, повидимому, никѣмъ не былъ занятъ, и приказалъ приготовить намъ постели. Здѣсь мы положили несчастнаго Торнтона, и я склонился надъ его почти бездушнымъ трупомъ. Хотя въ пылу сраженія я видѣлъ много людей, мгновенно переходившихъ въ вѣчность, но мнѣ еще ни разу не случалось находиться при смертномъ одрѣ; мнѣ еще ни разу не случалось быть свидѣтелемъ первыхъ и страшныхъ признаковъ приближающейся смерти, и послѣдней борьбы отлетающей жизни. Неудивительно поэтому, что я находился въ совершенномъ невѣдѣніи касательно положенія моего товарища, когда онъ лежалъ передо мной безъ чувствъ и движенія. Но глубокая рана въ его мужественной груди, потокъ крови, котораго я не могъ остановить, говорили мнѣ ужасную повѣсть, и предупреждали меня, что вскорѣ никакое человѣческое искусство не спасетъ моего друга. Неужели это правда? Неужели послѣ четырехъ долгихъ лѣтъ разлуки мы только затѣмъ и встрѣтились, чтобъ снова разлучиться—и разлучиться навсегда!

Грустныя мои размышленія длились неболѣе получаса, какъ испанскій офицеръ, который спасъ мнѣ жизнь, возвратился къ намъ съ докторомъ, и вмѣстѣ съ нимъ тщательно осмотрѣлъ рану Торнтона. Судя по выраженію лица доктора, я полагалъ, что раненый находился въ опасномъ положеніи; — но я боялся удостовѣриться въ своемъ предположеніи, тѣмъ болѣе, что докторъ съ величайшей заботливостью продолжалъ перевязывать рану. Окончивъ перевязку, онъ налилъ въ стаканъ съ водой нѣсколько подкрѣпляющихъ капель, и при моей помощи далъ выпить немного Торнтону. Послѣ этого, вниманіе доктора обращено было на мою руку, отъ которой я начиналъ испытывать мучительную боль; но эта боль съ окончаніемъ перевязки совершенно прекратилась. Уходя отъ насъ, докторъ далъ мнѣ понять, что я долженъ успокоиться и отдохнуть.

Но я не могъ спать. Всѣ мои мысли, всѣ мои чувства были погружены въ созерцаніе безжизненнаго трупа, лежавшаго передо

моей. Я просиделъ въ этомъ положеніи болѣе часу, не замѣтивъ ни малѣйшаго признака возвращающейся жизни. Наконецъ, я увидѣлъ, что Торнтонъ слегка пошевелился, и потомъ, съ величайшимъ усиліемъ старался приподняться. При всей моей слабости я успѣлъ однакоже помочь ему, и въ то время, какъ я поддерживалъ его въ этомъ положеніи, его томные глаза открылись. Сначала въ его взглядѣ ничего не выражалось, но чувство и память постепенно возвратились къ нему, и я услышалъ, какъ онъ едва внятнымъ голосомъ произнесъ мое имя....

Я отвѣчалъ на этотъ призывъ съ изступленной радостью, и замѣтивъ, что питье, составленное докторомъ, оставалось почти нетронутымъ, поднесъ его къ губамъ Торнтона, и онъ проглотилъ нѣсколько капель. Это лекарство замѣтно подкрѣпило его. Онъ выпрямился, и протянувъ ко мнѣ руку, сказалъ:

— Рокингемъ, — я боюсь, что наша попытка была неудачна. Не слышалъ ли, ты, что́ стало съ капитаномъ Троубриджемъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: я знаю только, что съ полчаса тому назадъ пальба все еще продолжалась, и полагаю, что Троубриджъ выбралъ хорошее мѣсто для высадки.

— И я тоже думаю. О, Рокингемъ! еслибы ты зналъ, какъ тяжело умирать въ день пораженія!

— Умирать! Что́ съ тобой Торнтонъ!

— Да, мой другъ, прибавилъ онъ, съ печальной улыбкой. Мнѣ кажется, что въ ударѣ, поразившемъ меня, заключалось десять смертей.

— Ради Бога, Торнтонъ, не говори мнѣ объ этомъ! Докторъ былъ здѣсь недавно, и онъ вовсе не опасался за тебя.

— Онъ не хотѣлъ, можетъ-быть, высказать тебѣ свое мнѣніе. Не правда ли, Рокингемъ, что наши желанія очень часто исполняются сверхъ нашихъ ожиданій. Помнишь ли, какъ часто любовались мы въ Антонѣ отдаленной синевой океана, и какъ часто желали встрѣтить на его волнахъ, вдали отъ родины, благородную смерть! Гдѣ и какимъ образомъ могли бы встрѣтить ее лучше, какъ не здѣсь, въ этомъ отважномъ предпріятіи, и притомъ на глазахъ самаго Нельсона? Слава Богу! Оставляя свой корабль, я приготовился къ этому, — я уже не надѣялся увидѣть его.

Слабый голосъ моего умирающаго друга отзывался необыкновен-

нымъ одушевленіемъ. Его дрожащіе звуки никогда такъ сильно не говорили моей душѣ, и на минуту печаль моя терялась въ восхищеніи.

Но какъ бы то ни было, грустно смотрѣть на эту борьбу между смертью и юностью; страшно видѣть, какъ ангелъ-разрушитель быстро опускается на прекраснѣйшую жертву, отмѣченную имъ смертельнымъ ударомъ. Торнтону только что минуло двадцать лѣтъ, и наступающее мужество непремѣнно хотѣло сохранить красоту его, которой онъ отличался въ школѣ. До этой ужасной ночи, я никогда не видалъ человѣческой фигуры такой граціозной и плѣнительной, не видалъ такихъ правильныхъ чертъ лица, не видалъ такого лица, которое такъ ярко освѣщалось бы божественнымъ свѣтомъ нашей природы.

И вотъ, подумалъ я, одинъ ударъ отъ скрытнаго и неизвѣстнаго оружія уничтожаетъ самое любимое созданіе Творца вселенной!

Торнтонъ, повидимому, и какъ бывало встарину, снова проникъ въ мои сокровенныя мысли, потому-что послѣ нѣсколькихъ минутъ печальнаго безмолвія, онъ снова обратился ко мнѣ, и увы! его голосъ сдѣлался слабѣе прежняго.

— Не плачь обо мнѣ, Рокингемъ! Я счастливъ, и хочу, чтобы и друзья мою были счастливы. Когда возвратишься въ Англію и увидишь моего брата, не забудь поблагодарить его за всю его любовь ко мнѣ. Прощай мой другъ!... я умираю.... О рана, моя рана!... взгляни на нее, если можешь.

Откинувъ плащъ, прикрывавшій Торнтона, я увидѣлъ что перевязка отпала отъ раны, и кровь быстро струилась. Я успѣлъ однакоже поправить дѣло, остановилъ кровь, и наложилъ перевязку такъ, какъ было сдѣлано докторомъ.

— Спасибо тебѣ, Рокингемъ, едва внятнымъ голосомъ произнесъ Торнтонъ. Теперь я чувствую, что мнѣ гораздо легче. Еслибы уснуть мнѣ немного, то можетъ-быть, я еще поправлюсь.

Глаза Торнтона сомкнулись, и судя по слабому, но правильному волненію груди, я заключилъ, что онъ заснулъ спокойно. Несмотря на то, я все еще оставался у его постели, и съ величайшей заботливостію слѣдилъ за каждымъ его легчайшимъ движеніемъ, за каждымъ измѣненіемъ въ его лицѣ.

Первые лучи утренней зари начинали уже прокрадываться сквозь

открытыя окна нашей комнаты, а я все еще соблюдалъ свое одинокое бдѣніе. Но вниманіе мое незамѣтнымъ образомъ стало развлекаться. Мнѣ начинало казаться, что взоръ мой былъ устремленъ не на окровавленную постель и спокойно почивающаго на ней друга; а какъ-будто въ туманѣ являлись передо мной, то тяжелыя десантныя шлюпки, то мрачныя волны, разсыпавшіяся около ихъ бортовъ, то вооруженные матросы. Наконецъ стулъ, на которомъ я сидѣлъ, началъ колебаться подо мной, какъ будто я носился на немъ по зыблющейся поверхности океана. Мнѣ показалось, что я снова находился на шлюпкѣ вмѣстѣ съ Торнтономъ, гдѣ-то далеко отъ берега; казалось, что мы оба испытывали сильную усталость, и что Торнтонъ уговаривалъ меня немного отдохнуть. Сначала я отказывался, но голова моя постепенно склонялась ниже и ниже, и наконецъ прислонялась къ окраинѣ борта; глаза мои сомкнулись и я погрузился въ сладкій сонъ.

Когда я проснулся, на дворѣ былъ уже бѣлый день. Я узналъ комнату, въ которой хотѣлъ просидѣть цѣлую ночь подлѣ Торнтона; но уже не былъ на томъ мѣстѣ, на которомъ находился съ вечера. Меня перенесли въ отдаленный конецъ комнаты, гдѣ я, тщательно окутанный, лежалъ на небольшой кушеткѣ. Я въ туже минуту бросился къ постели, на которую положенъ былъ мой раненый другъ. Постель была на мѣстѣ, но пустая, а по одну сторону ея, на двухъ стульяхъ, стоялъ простой деревянный гробъ, повидимому только что закрытый.

Съ невыразимымъ изумленіемъ и страхомъ я отступилъ назадъ, и не довѣряя своимъ чувствамъ въ страшной дѣйствительности, бросился къ дверямъ и безумно началъ призывать къ себѣ на помощь. На мои крики явилась старуха, которая, повидимому, принадлежала къ числу служанокъ верхняго этажа. Я съ жаромъ разспросилъ ее по-французски объ этихъ страшныхъ приготовленіяхъ, и сколько могъ понять, отвѣты ея вполнѣ подтверждали мои печальныя предчувствія. Деревянный гробъ заключалъ въ себѣ молодаго англійскаго офицера, убитаго наканунѣ, и если можно еще было допустить какое-нибудь сомнѣніе, то оно совершенно устранялось при видѣ лейтенантской шляпы и сабли на гробовой крышкѣ.

Я не могъ простить себѣ слабости, взявшей верхъ надъ моей рѣшимостью просидѣть подлѣ Торнтона всю ночь. Вслѣдствіе этого я не смѣлъ обратиться къ кому-нибудь съ разспросами о послѣд-

нихъ минутахъ жизни моего друга. Опустившись на колѣни подлѣ гроба, заключавшаго въ себѣ все драгоцѣнное для меня, я, съ мучительнымъ чувствомъ скорби и угрызеніемъ совѣсти, умолялъ отлетѣвшій духъ простить мое неумышленное преступленіе. Слезы обильнымъ потокомъ катились по моимъ щекамъ, и я чувствовалъ, какъ онѣ облегчали мое сердце. Увидѣвъ въ углу комнаты британское знамя, лежавшее между оружіемъ, вѣроятно отбитымъ наканунѣ у нашихъ храбрыхъ моряковъ, я съ радостью схватилъ его, и раскинувъ его по гробовой крышкѣ, опустился на стулъ подлѣ самаго гроба.

Мои печальныя размышленія были вскорѣ прерваны приходомъ сержанта и нѣсколькихъ солдатъ, которымъ приказано было присутствовать при погребеніи. Они удивились, увидѣвъ знамя не на своемъ мѣстѣ, и приготовились было снять его, но я рѣшился не допускать ихъ до этого. Убѣдившись однакожъ, что мое сопротивленіе было совершенно безполезно, я всячески началъ умолять ихъ не снимать съ гроба нашего знамя, — но и мольбы мои не могли смягчить суровыхъ воиновъ. Уже знамя было вырвано изъ моихъ объятій, какъ въ комнату вошелъ офицеръ, который наканунѣ спасъ мою жизнь, и вмѣстѣ съ нимъ вошла молоденькая дама.

Они приблизились ко мнѣ и старались узнать причину моей горести. Послѣ этого между офицеромъ и его спутницей начался разговоръ, который хотя и веденъ былъ на испанскомъ языкѣ, но, судя по выраженію лицъ разговаривающихъ, я понялъ, что офицеръ извинялъ причину моего желанія тѣмъ, что по принятому на британскомъ флотѣ обыкновенію, каждый изъ моихъ соотечественниковъ долженъ быть преданъ землѣ подъ прикрытіемъ національныхъ знаменъ; но что на этотъ разъ не было никакой возможности исполнить мое желаніе, потому-что флагъ, которымъ я старался закрыть гробъ моего друга, былъ отнятъ на войнѣ, и, слѣдовательно, долженъ принадлежать къ числу военныхъ трофеевъ.

Участіе, принимаемое незнакомою дамой во всемъ, что окружало меня, ободрило меня смѣлѣе взглянуть въ ея лицо. Она была молода и очаровательно прекрасна; но ея красота не имѣла ни малѣйшаго сходства съ красотой, которую мнѣ когда-либо случалось видѣть въ Англіи. Ея оливковый цвѣтъ лица былъ чистъ и прозраченъ, какъ небо, подъ которымъ она родилась. Ея большіе чорные

глаза отражали въ себѣ съ необыкновенной быстротой и точностью каждую мимолетную мысль, каждое побужденіе души. Въ каждомъ ея движеніи было столько граціи и нѣжности, что никакое искусство не могло бы сдѣлать вѣрнаго подражанія, не могло бы изучить ихъ. При первомъ взглядѣ, который она устремила на меня, я невольно упалъ на колѣни и сталъ просить ее заступиться за меня.

Незнакомка улыбнулась, и потомъ объяснила мнѣ по-французски, хотя чрезвычайно неправильно, однако такъ, что я могъ понять ее, — что этого флага нельзя мнѣ взять, но что если я повремено полчаса, то она принесетъ мнѣ другой, который можетъ удовлетворить моему желанію. Какъ нельзя болѣе довольный ея обѣщаніемъ, я оставилъ свою тщетную борьбу, флагъ былъ переданъ солдату, и прекрасная незнакомка удалилась.

Едва дверь затворилась за ней, какъ молодой испанскій офицеръ, провожавшій ее, подошелъ ко мнѣ, и на своемъ природномъ языкѣ, передаваемомъ мнѣ медленно и ясно, старался убѣдить меня идти за нимъ въ другую часть города, гдѣ происходила, по его словамъ, весьма интересная сцена. Мучимый совѣстью, что я и безъ того уже позволилъ въ прошедшую ночь удалить себя отъ умирающаго друга, я выразилъ моему защитнику твердую рѣшимость не отходить отъ покойника до тѣхъ поръ, пока не кончится надъ нимъ печальный обрядъ погребенія. Испанецъ продолжалъ убѣждать меня, — хотя, по совѣсти сказать, я очень мало понималъ его слова; но наконецъ, увидѣвъ, что рѣшимость моя была непреклонна, пожалъ плечами и удалился.

Черезъ полчаса моя незнакомка возвратилась и представила мнѣ грубое, на скорую руку сдѣланное подражаніе нашему національному флагу. Глубоко тронутый ея поступкомъ, въ которомъ отражалось все ея великодушіе, я снова упалъ передъ ней на колѣни, и взялъ ея маленькую ручку, чтобъ выразить этимъ мою безпредѣльную признательность. Она взглянула на меня, улыбнулась и щечки ея слегка зарумянились. Маленькая, нѣжная ручка поднялась кверху, но я успѣлъ уже нѣсколько разъ поднести ее къ моимъ губамъ.

Какъ-скоро возвратился сержантъ, уходившій на время изъ нашей квартиры, — четверо солдатъ подняли гробъ, я послѣдовалъ за ними, и печальная процессія двинулась.

Когда мы вышли изъ дому, солнце уже было довольно высоко, —

это былъ часъ *сіесты*. Узкія улицы Санта-Круца были совершенно пусты, и нашему шествію на загородное кладбище не встрѣчалось ни малѣйшаго препятствія. На кладбищѣ, въ самомъ отдаленномъ углу его, мы увидѣли нѣсколько свѣжихъ могилъ; изъ нихъ нѣкоторыя уже были закрыты, между-тѣмъ какъ другія все еще ожидали своихъ владѣтелей. Подлѣ одной изъ послѣднихъ поставили гробъ моего друга, и я, въ безмолвной горести, обнялъ его еще разъ, прежде тѣмъ опустили его въ холодную, сырую землю. Три ружейныхъ залпа огласили кладбище; — могила закрылась, — и испанскіе солдаты приготовились уйти.

Моя горесть возобновилась съ новою силою. Теперь, когда все, что оставалось отъ нѣжно любимаго друга, было удалено отъ меня, я почувствовалъ въ душѣ своей такое одиночество и грусть, что не могъ собраться съ силами, чтобы оставить кладбище. Мнѣ казалось, что я все еще могъ бы найти нѣкоторое утѣшеніе, еслибъ хотя немного отдохнулъ на той самой землѣ, которая навѣки скрыла отъ меня моего школьнаго товарища. — Казалось, что испанскій сержантъ, убѣленный сѣдиною ветеранъ, понималъ мою скорбь и уважалъ это чувство. Предложивъ мнѣ выразительнымъ жестомъ возвратиться съ нимъ въ городъ, онъ съ печальной улыбкой покачалъ головой, потомъ собравъ свою команду, удалился. Мнѣ стало гораздо легче, когда я остался одинъ. Склонивъ голову на свѣжую могилу, я совершенно предался моимъ печальнымъ размышленіямъ.

Солнце хотя и склонялось уже къ вечеру, но лучи его все еще были чрезвычайно знойны. Я вообще непривыкъ къ сильному зною; но теперь, когда фуражка моя была потеряна еще наканунѣ, я началъ чувствовать, что палящіе лучи безъ милосердія жгли мою непокрытую голову. Не разъ старался я приподняться, но ослѣпительный блескъ солнца, который искрился и отражался на окружающихъ меня предметахъ, помрачалъ мое зрѣніе, и я снова падалъ на землю. Какая-то невыносимая тяжесть сильнѣе и сильнѣе сжимала мои виски. Я еще разъ сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться и сбросить съ себя эту тяжесть, — но она такъ сильно пригнетала меня къ землѣ, что я рѣшительно потерялъ всю силу сопротивленія.

Скажите, гдѣ я теперь? я никогда не видалъ этой длинной, высокой комнаты, съ палящими лучами тропическаго солнца, проникающими сквозь рѣзныя ставни, между-тѣмъ, какъ ароматъ отъ

тысячи дорогихъ и рѣдкихъ растеній наполняетъ усыпляющій воздухъ самымъ нѣжнымъ благоуханіемъ! Не можетъ-быть, чтобъ эта свѣтлая, безоблачная лазурь небосклона принадлежала моей родной Англіи, — не можетъ-быть, чтобъ этотъ воздухъ, наполненный одушевленнымъ жужжаньемъ милліоновъ насѣкомыхъ, принадлежалъ угрюмымъ берегамъ Албіона. — Эта комната не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ комнатами Алтона, — она непохожа ни на мою спаленку въ Эльмсватерѣ, — ни на мою тѣсную каютку на Кёллоденѣ. — Нельзя сказать, что я нездоровъ, — потому-что не чувствую никакой физической боли; но почему же у меня нѣтъ ни желанія, ни силъ пошевелиться? — почему голова моя такъ странно перевязана? — почему рука моя вся обвита бинтами?

Моя рука! — ахъ да! теперь я начинаю все припоминать. О! какой мучительный трепетъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, когда этотъ закаленный штыкъ Испанца вонзился въ мою поднятую руку! Но вѣдь это было подлѣ умирающаго Торнтона.... Да, да!... теперь я помню, что мы встрѣтились съ Торнтономъ, — помню, что мы разговаривали другъ съ другомъ, — сражались другъ подлѣ друга, и потомъ.... Неужели это былъ сонъ? неужели это была игра воображенія? — не можетъ-быть. — Я видѣлъ его умирающаго.... я принялъ отъ него послѣдній прощальный привѣтъ.... я провожалъ его до самой могилы.

А это солнце! О какъ страшно палило оно мою обнаженную голову. — Оно приближалось ко мнѣ ближе и ближе, — какъ-будто хотѣло окончательно сжечь мой и безъ того уже разстроенный мозгъ. О, ради Бога! положите меня подлѣ этого простаго гроба, засыпьте меня этимъ раскаленнымъ пескомъ, потому-что разсудокъ мой, — жизнь моей жизни, покинулъ меня.

Я на минуту сомкнулъ глаза, но вскорѣ послышался легкій шорохъ, который тихо приближался ко мнѣ. — Чей это такой нѣжный, плѣнительный и граціозный станъ? Не можетъ-быть, чтобъ была она, моя благодѣтельница; — это даже не ея лицо, — хотя никто, кромѣ ея, не смотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, въ которомъ выражалось бы столько глубокаго и искренняго ко мнѣ участія. Это не видѣніе, созданное моимъ разстроеннымъ разсудкомъ. Я гдѣ-то слышалъ этотъ голосъ, — я гдѣ-то видѣлъ это плѣнительное личико; — но встрѣчалась ли она мнѣ среди бѣлаго дня, или это было ничто

ное, какъ мечта, какъ призракъ моихъ юношескихъ, упоительныхъ грезъ?

— Скажите, кто вы? — произнесъ я едва внятнымъ голосомъ.— Земное ли вы и смертное созданіе?

Незнакомка, къ которой относились мои слова, покачала головой, давая мнѣ понять чрезъ это, что она вовсе не поняла ихъ, и потомъ, тѣмъ же самымъ ломанымъ французскимъ языкомъ, который я слышалъ гдѣ-то прежде, спросила меня: — неужели я не узналъ ее,— и неужели я забылъ, что она сдѣлала для меня британскій флагъ?

Мои разсѣянныя, блуждающія мысли быстро начали приходить въ порядокъ. Весьма вѣроятно, подумалъ я, что я былъ раненъ въ Санта-Круцѣ, и рана была гораздо опаснѣе, чѣмъ я сначала воображалъ, — и что я перенесенъ былъ въ домъ этого прелестнаго созданія, которое съ самаго начала приняло въ моемъ положеніи самое живое участіе.

— Да, теперь я помню, — отвѣчалъ я по-французски, что видѣлъ васъ прежде, видѣлъ вотъ и эту маленькую ручку. — Я помню вотъ эти блестящія кольца и эти прекрасные пальчики. Позвольте мнѣ еще посмотрѣть на нихъ, и я припомню остальное. Я на Тенерифѣ, — не правда-ли? — и безъ всякаго сомнѣнія, наши отважные моряки сдѣлались теперь полными властелинами этого острова?

— Вы на Тенерифѣ, — ваша правда, — отвѣчала моя собесѣдница: — но, благодаря Бога, вашимъ соотечественникамъ не удалось сдѣлаться нашими завоевателями. Они получили урокъ, какъ должно цѣнить и уважать испанскую храбрость, — и теперь они далеко отсюда, на своей стихіи.

— Поэтому, — сказалъ я печально, — экспедиція Нельсона была неудачна, — и я теперь плѣнникъ?

Незнакомка утвердительно кивнула головой.

— Много ли же здѣсь подобныхъ мнѣ?

— Ни души, — отвѣчала она. Одинъ изъ вашихъ капитановъ подписалъ капитуляцію, и всѣ плѣнники были немедленно размѣняны.

— Плѣнники размѣняны! вскричалъ я, вскочивъ на постели. — Скажите, кто же осмѣлился, въ нарушеніе такого священнаго договора, удержать здѣсь британскаго офицера?

При этой неумѣстной и безпокойной вспыльчивости, съ моей сто-

роны, моя прекрасная хозяйка не могла удержаться отъ улыбки, и потомъ, самымъ шутливымъ тономъ отвѣчала:

— Извините, милостивый государь, но я принимаю на себя отвѣтственность передъ британской націей, въ томъ, что на время лишила ее такого прекраснаго и храбраго офицера. Повѣрьте, однакожъ, что въ настоящее время все-равно, какъ для вашей націи, такъ и для васъ, находитесь ли вы здѣсь, въ моемъ домѣ, или было бы позволено вамъ умереть на нашемъ кладбищѣ. Во всякомъ случаѣ, теперь вы мой плѣнникъ, и должны безусловно повиноваться моимъ приказаніямъ, и вотъ изъ нихъ первое и самое главное: вы должны соблюдать спокойствіе въ физическомъ и моральномъ отношеніи.

При этомъ обворожительномъ голосѣ моей покровительницы и при ея плѣнительномъ обхожденіи, я не могъ не принять подобнаго условія. Я снова прижалъ къ губамъ ея прекрасную ручку, — чему, мимоходомъ сказать, она не сопротивлялась, — и обѣщая ей безусловную покорность, просилъ ее объ одномъ, чтобъ она сообщила мнѣ всѣ подробности, которыя завлекли меня въ такой неожиданно-пріятный плѣнъ.

И она вполнѣ объяснила мнѣ, какимъ образомъ моя жизнь была два раза спасена ея младшимъ братомъ, дономъ Хозе Гутьерезомъ, племянникомъ и адъютантомъ мѣстнаго губернатора. Я узналъ отъ нея, что донъ Хозе, возвратившись на разсвѣтѣ на нашу квартиру, вмѣстѣ съ докторомъ, нашелъ меня соннаго у подушки Торнтона, и соннаго же перенесъ меня на кушетку, гдѣ я и проспалъ болѣе восьми часовъ; что впослѣдствіи онъ тщетно старался объяснить мнѣ условія капитуляціи, подписанной капитаномъ Троубриджемъ, и убѣдить меня отправиться вмѣстѣ съ прочими соотечественниками на корабль; что, несмотря на всѣ его совѣты и убѣжденія, я непремѣнно хотѣлъ присутствовать при погребеніи убитаго лейтенанта.

Потомъ она разсказала мнѣ, что сержантъ, провожавшій меня на кладбище, донесъ имъ, что я остался на могилѣ покойнаго друга, и что уже къ вечеру меня отыскали тамъ безчувственнаго и въ сильной горячкѣ; что, съ кладбища принесли меня на носилкахъ въ Санта-Круцъ, въ домъ моей вѣстницы, которая нетакъ давно овдола, и носитъ теперь имя доньи Долоресъ де Алманца, — и чтовѣ изъ Санта-Круца меня отправили въ ея виллу въ Оратаву, въ самомъ отдаленномъ концѣ острова, гдѣ въ настоящее время я и на-

ходился. Сначала я былъ въ сильномъ бреду; горячка развивалась во мнѣ такъ быстро, что мнѣ принуждены были нѣсколько разъ отворять кровь, и обкладывать голову льдомъ. Втеченіе послѣднихъ двухъ сутокъ, которыя были между-прочемъ восьмнадцатыя послѣ начала болѣзни, я находился въ совершенномъ безпамятствѣ и не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ выздоровленія.

Здѣсь разговоръ нашъ былъ прерванъ сильнымъ голосомъ, который призывалъ донью Долоресъ въ другую комнату.

— Антоніо, Антоніо! вскричала донья Долоресъ: — поди сюда, мой другъ; — нашъ больной поправляется.

И въ комнату вошелъ мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ желто-блѣднымъ лицомъ и чорными бровями. Съ особенною осторожностію онъ подошелъ къ моей кровати, спросилъ меня по-англійски, какъ себя я чувствую, и потомъ, по принятому обычаю своихъ соотчичей, предложилъ мнѣ располагать его домомъ, какъ своею собственностію.

Донья Долоресъ дернула за колокольчикъ, и въ комнату вошла старая мулатка, которая, повидимому, ухаживала около меня въ качествѣ няньки. Онѣ обѣ приступили къ перевязкѣ моей раны на рукѣ, которая, благодаря ихъ попеченіямъ, быстро заживала. Окончивъ перевязку, нянька и донъ Алманца удалились. Донья Долоресъ сѣла подлѣ моей кровати, и нашъ разговоръ снова начался съ такой непринужденностью, какую только допускали ея слабыя познанія французскаго языка.

По желанію доньи Долоресъ, я объявилъ ей мое имя и лѣта.

— Неужели вамъ всего восьмнадцать лѣтъ! воскликнула она. Я удивляюсь, какимъ образомъ ваши родные рѣшились отпустить васъ на такую тяжелую службу, гдѣ вы должны были сражаться съ закаленными въ бою воинами?

— Въ этомъ нельзя винить моихъ родныхъ, отвѣчалъ я. Этотъ родъ службы я выбралъ самъ; — а надобно вамъ замѣтить, что кто желаетъ что-нибудь выиграть въ морской службѣ, непремѣнно долженъ поступить въ нее въ ранніе годы своего возраста.

— Вѣроятно, у васъ нѣтъ матери?

— Нѣтъ.

— А сестра?

— Нѣтъ. У меня есть тетка, которая меня несдишкомъ жалуетъ, — и кузина, которую я люблю, какъ родную сестру.

— Мнѣ кажется, что кузины никогда не любятъ другъ-друга какъ родные — замѣтила донья Долоресъ, съ задумчивымъ видомъ. Скажите мнѣ, хороша она собой?

— Даже очень хороша, отвѣчалъ я. Я никогда еще не видалъ такого плѣнительнаго личика, какъ у нея. При этихъ словахъ, мнѣ показалось, что легкое облачко на одну секунду затемнило блескъ въ глазахъ доньи Долоресъ. Но пролетѣло это облачко, и она продолжала:

— Блондинка или брюнетка?

— Брюнетка, отвѣчалъ я. У нея точно такіе же темные волосы, какъ и у васъ.

— А каковъ ея ростъ? прибавила она, вставая съ мѣста и обнаруживая всю высоту своего граціознаго и привлекательнаго стана.

— Совершенно вашего роста! И въ добавокъ ей всего только тринадцать лѣтъ.

— Я не удивляюсь этому; въ тринадцать лѣтъ я имѣла этотъ же самый ростъ. Впрочемъ надобно взять въ разсчетъ вашъ климатъ и нашъ: они составляютъ огромную разницу.

— Скажите мнѣ, какъ вы полагаете, когда мнѣ можно будетъ оставить эту постель?

— Надѣюсь, что очень скоро. Впрочемъ подождите лучше доктора, — онъ вѣрнѣе моего разрѣшитъ этотъ вопросъ.

— Позвольте мнѣ еще спросить: какъ я долженъ называть васъ? Я полагаю, синьора де-Алманца? не такъ ли?

— Нѣтъ. Вы извольте называть меня просто Долоресъ, — а я васъ — Эдвардомъ. Между равными у насъ ужъ это такъ принято, и *cela n'engage á rien.*

— Но что̀ будетъ, если по этому принятому обыкновенію, я сдѣлаюсь слишкомъ нѣженъ и слишкомъ фамильяренъ?

— Въ такомъ случаѣ вамъ сто̀итъ только вспомнить о своей кузинѣ, прекраснѣе которой вы не встрѣчали еще ни одной дамы, и тогда вамъ нечего будетъ опасаться за свое сердце.

— Мнѣ кажется, я не говорилъ, что не встрѣчалъ женщины прекраснѣе моей кузины, и притомъ же, позвольте вамъ замѣтить, она еще не дама.

— Все это прекрасно, — но вы любите ее какъ родную сестру; поэтому вамъ нѣтъ никакой необходимости сравнивать ее съ другими женщинами, или думать объ нихъ. Но позвольте и мнѣ въ свою очередь замѣтить, вы говорили сегодня слишкомъ много. Вы должны непремѣнно успокоиться, и повѣрьте, что завтра утромъ будете чувствовать себя какъ нельзя лучше.

Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, я простился съ доньей Долоресъ, и закрывъ глаза, вскорѣ погрузился въ сладкій сонъ, который не прерывался втеченіе всей ночи.

На другой день, рано поутру, меня навѣстилъ братъ доньи Долоресъ, донъ Хозе, вмѣстѣ съ докторомъ, котораго отзывъ до такой степени былъ для меня благопріятенъ, что я рѣшился оставить постель на весьма короткое время. При выходѣ въ садъ, я чувствовалъ въ себѣ необыкновенную слабость, но чистый воздухъ оживилъ и подкрѣпилъ меня, а плѣнительный видъ мѣстности снова призывалъ меня къ прогулкѣ.

Вилла синьора Алманцы была расположена на отлогой горѣ, [illegible] на его возвышавшейся надъ моремъ, котораго спокойная поверхность омывала окраину обширныхъ луговъ. Внизу, въ роскошной долинѣ виднѣлся городокъ Оратава, съ гаванью, наполненною кораблями. Но самая лучшая, самая величественная часть всей сцены — это былъ Тенерифскій-Пикъ. Гордо высился онъ подъ облака; — вѣчные снѣга на вершинѣ его какъ-будто смѣялись надъ палящими лучами солнца, которыхъ вліяніе, еще не такъ давно, едва не стоило мнѣ жизни. Садъ и долина представляли сплошную массу зелени и кустарниковъ, и изъ растеній, обильно разсѣянныхъ вокругъ меня, я узнавалъ множество такихъ, которыми, въ дѣтскомъ моемъ возрастѣ, я восхищался, какъ самыми рѣдкими произведеніями эльмсватерскихъ оранжерей.

Въ скоромъ времени къ моей прогулкѣ присоединилась и донья Долоресъ. Она очень удивлялась моему восхищенію гераніумомъ и геліотропомъ, которые безпрестанно встрѣчались намъ, и считались здѣсь за самыя ничтожныя растенія. Улыбнувшись надъ моимъ невѣжествомъ въ ботаникѣ, она научила меня называть по-испански бананъ, фиговое дерево, ваниль и множество другихъ прекрасныхъ растеній этихъ вѣчно-цвѣтущихъ острововъ.

— Вотъ это я знаю, какое растеніе, — сказалъ я. Это кактусъ.

Но скажите, зачѣмъ вы позволяете сидѣть на немъ такому множеству сѣренькихъ букашекъ, неужели они не вредятъ ему?

— Нисколько! — отвѣчала она, засмѣявшись. Да знаете ли, что эти букашки драгоцѣннѣе самаго кактуса: возмите одну изъ нихъ и раздавите между пальцами.

Я исполнилъ приказанье доньи Долоресъ, и увидѣлъ, что пальцы мои покрылись самымъ чистымъ, великолѣпнымъ малиновымъ цвѣтомъ.

— Эти насѣкомыя, ни болѣе, ни менѣе, какъ кошениль, которую вывозятъ отсюда въ огромномъ количествѣ, — сказала Долоресъ.

— Все здѣсь прекрасно, все здѣсь драгоцѣнно! воскликнулъ я. Невольно назовешь это мѣсто земнымъ раемъ, о которомъ мы, жители сѣвера, мечтаемъ иногда втеченіе немногихъ мимолетныхъ часовъ, освѣщенныхъ лучами лѣтняго солнца.

— У насъ здѣсь постоянно хорошая погода, рѣдко, очень рѣдко выпадаютъ ненастные дни.

Но въ эту минуту мои мысли неслись далеко отъ моей нѣжной слушницы. Плѣнительная красота природы приводила мнѣ на память тѣ прекрасныя, очаровательныя описанія тропическихъ странъ, которыя въ ребяческіе мои годы, возбуждали во мнѣ непреодолимое желаніе увидѣть ихъ на самомъ дѣлѣ. Увы! подумалъ я, вотъ эти страны, которыя Торнтонъ такъ вѣрно описывалъ мнѣ. Давая другъ другу клятву вмѣстѣ посѣтить ихъ, о! какъ мало воображали мы тогда, что намъ придется встрѣтиться въ нихъ при такихъ ужасныхъ событіяхъ и при ихъ роковомъ результатѣ.

— О чемъ вы задумались? — спросила Долоресъ, устремивъ на меня свои чорные глаза. Вы, вѣрно, скучаете по вашей кузинѣ?

— О, нѣтъ — отвѣчалъ я Въ эту минуту я думалъ о печальной участи моего товарища и друга, котораго убили здѣсь.

И Долоресъ внимательно слушала меня, когда я началъ разсказывать подробности моей дружбы съ Торнтономъ.

— Да, это грустная повѣсть, сказала она, когда разсказъ мой кончился, и я вѣрю, что въ вашемъ другѣ вы понесли большую потерю; — но согласитесь, что кромѣ дружбы есть другое, лучшее чувство. Ваша жизнь только еще начинается, а потому я не позволю вамъ вдаваться въ уныніе. До вашего выздоровленія, мы всѣми си-

лами будемъ заботиться объ васъ, а потомъ отъищемъ средства возвратить васъ Англіи и вашей кузинѣ.

— Но, — сказалъ я, — будетъ ли благоразумно съ моей стороны такъ долго оставаться у васъ и вашихъ родныхъ, въ глазахъ которыхъ я болѣе или менѣе долженъ казаться непріятелемъ, испытавшимъ неудачу?

— Напрасно вы такъ думаете, отвѣчала Долоресъ. Вы не найдете на Тенерифѣ ни одного семейства, которое не оказало бы вамъ такого же радушія, какое вы видите здѣсь,—даже хотя бы другіе и не находились въ такихъ обстоятельствахъ, какъ старшій братъ мой; — онъ считается здѣсь самымъ богатымъ негоціантомъ.

Искреннее и постоянное вниманіе, какое оказывали мнѣ Долоресъ и ея родные, успокоивали мою совѣсть и устраняли сомнѣніе, которое я чувствовалъ, оставаясь у нихъ гостемъ. Вслѣдствіе этого, я въ весьма короткое время сдѣлался въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ,— и черезъ два мѣсяца, благодаря ихъ попеченіямъ и заботливости, мое здоровье и силы вполнѣ возстановились.

Я находилъ, что старшій братъ сеньоры Альманцы былъ весьма любезный человѣкъ, что онъ очевидно былъ занятъ своими торговыми дѣлами, и обыкновенно бо́льшую часть дня проводилъ или въ Оратавѣ, или въ Санта-Круцѣ. Что́ касается дона Хозе, то онъ постоянно находился при губернаторѣ, и очень рѣдко навѣщалъ насъ Поэтому бо́льшая часть времени проводилась мною съ одной Долоресъ, и надобно сказать, что мы не сожалѣли объ нашемъ уединеніи. Одушевленный, плѣнительный разговоръ Долоресъ оживлялъ быстро улетавшіе отъ насъ часы. Она непремѣнно хотѣла, чтобы я учился по-испански, и разумѣется, никто не приписалъ бы къ моей чести, еслибъ подъ руководствомъ такого милаго учителя я не дѣлалъ большихъ успѣховъ. Долореза приходила въ восторгъ отъ моихъ способностей, и къ каждому уроку прибавляла болѣе и болѣе своего усердія.

Донья Долоресъ имѣла весьма пріятный голосъ, и хотя не замѣчалось въ ней отличныхъ музыкальныхъ дарованій, но она умѣла пропѣть съ безпредѣльной прелестью и очарованіемъ множество испанскихъ романсовъ и балладъ. Она требовала, чтобы и я выучилъ нѣсколько романсовъ. Я былъ непрочь отъ ея предложенія, и въ изъявленіе всей моей признательности, всѣми силами старался поддѣлывать свой голосъ подъ неподражаемую нѣжность и страсть,—кото-

рыми она обозначала каждую мысль и каждое выраженіе своихъ національныхъ поэтовъ. Музыка, картина природы, языкъ, красота черноокой очаровательницы, — все, повидимому, сливалось въ душѣ моей въ неземную гармонію. Неудивительно послѣ этого, что я очень скоро забылъ всѣ мои горести.

Какъ бы то ни было, я не пропустилъ случая написать моему отцу, что нахожусь въ совершенной безопасности, и что при первой возможности намѣренъ возвратиться въ Англію. Старшій братъ синьоры Алманцы самъ вызвался отправить это письмо, но въ тоже время далъ мнѣ понять, что вслѣдствіе войны всѣ сношенія острова съ Европой прекращены, и что случаи, которыми онъ могъ располагать, чрезвычайно рѣдки, и кромѣ-того чрезвычайно ненадежны.

XV.

Я замѣтилъ съ самаго начала, что Алманца и старшій братъ ея находились не въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Правда, онъ оказывалъ сестрѣ уваженіе, но уваженіе холодное и иногда довольно оскорбительное, а Долоресъ обходилась съ нимъ съ гордостью и даже надменностью, доходившими иногда до высшей степени. Ссора между ними была нерѣдкостью, и тогда грустно и даже страшно было видѣть, какъ быстро зажигался въ глазахъ прекрасной Андалузянки огонь ея арабскихъ предковъ, — и непріятно было замѣчать суровое выраженіе, которое являлось на лицѣ брата, и еще болѣе омрачало его чорныя, нахмуренныя брови. Изъ саду, или изъ сосѣдней комнаты, мнѣ не разъ случалось слышать громкія слова раздора, который начинался между ними вмѣстѣ съ моимъ выходомъ, — случалось слышать жестокіе упреки съ одной стороны, — гордое и рѣшительное презрѣніе съ другой. Однажды подобную ссору засталъ донъ Хозе, по пріѣздѣ своемъ изъ Санта-Круца, и я видѣлъ, какъ онъ, невольно сдѣлавшись посредникомъ обѣихъ сторонъ, вполнѣ соглашался съ мнѣніями своей сестры, и порицалъ, даже съ нѣкоторою грубостью, выраженія брата. Хотя я не могъ хорошо понимать, что именно служило поводомъ къ ихъ семейному раздору, однакожъ, по весьма натуральной причинѣ, догадывался, что этотъ раздоръ имѣлъ нѣкоторую связь съ моимъ продолжительнымъ пребываньемъ въ Оратавѣ, тѣмъ болѣе, что обращеніе хозяина дома

со мной, хотя и было попрежнему любезно, но уже въ немъ я не видѣлъ дружелюбія. На этомъ основаніи я считалъ весьма справедливымъ снова объявить мои опасенія доньѣ Долоресъ, и даже намекнуть объ нихъ дону Хозе; но какъ тотъ, такъ и другая, чистосердечно и утвердительно старались увѣрить меня совершенно въ противномъ, и я поневолѣ долженъ былъ отказаться отъ своего предположенія.

Какъ скоро я почувствовалъ, что здоровье мое вполнѣ возстановилось, я убѣдительно началъ просить дона Хозе доставить мнѣ случай представиться губернатору, котораго поведеніе при послѣднихъ событіяхъ было, какъ я узналъ впослѣдствіи, великодушно и примѣрно. Съ этого времени я очень часто встрѣчался съ дономъ Антоніо Гутьересомъ, и сдѣлался его любимцомъ, такъ что однажды получилъ отъ него чрезвычайно лестное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему и провести нѣсколько дней въ его губернаторскомъ домѣ въ Санта-Круцѣ. Я охотно принялъ предложеніе, тѣмъ болѣе, что могила моего друга Торнтона оставалась до-сихъ-поръ безъ всякаго памятника; воздвигнуть же его я поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность, какъ послѣдній долгъ уваженія и любви къ его памяти.

Когда я объявилъ старшему брату синьоры мое намѣреніе оставить ихъ домъ, то не знаю, по врожденной ли ему вѣжливости, или онъ заранѣе былъ приготовленъ къ этому извѣстію, я замѣтилъ, что на лицѣ его отразилось сожалѣніе, которое подтверждалось его словами. Онъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы возобновить, въ самыхъ убѣдительныхъ словахъ, предложеніе принять отъ него небольшую сумму денегъ, на мои неизбѣжныя нужды. Въ карманѣ моемъ оставалось нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, которые послужили бы мнѣ весьма ненадолго, а потому я рѣшился принять это предложеніе, и въ тоже время приготовился выдать ему вексель. Но онъ рѣшительно отказался отъ этого и я долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что взялъ его адресъ, и далъ себѣ обѣщаніе выслать ему деньги немедленно по возвращеніи въ отечество.

День моего отъѣзда былъ окончательно назначенъ, и я не могъ не замѣтить, что этотъ же самый день Антоніо назначилъ для своего отъѣзда на островъ Мадеру, куда его отзывали какія-то торговыя предпріятія. Въ свою очередь, и донья Долоресъ выразила желаніе погостить, во-время его отлучки, у своей тетушки, въ

Санта-Круцѣ, но Антоніо возсталъ противъ этого желанія, и Долоресъ по необходимости принуждена была остаться въ своей виллѣ.

Рѣшившись возвратиться въ Оратаву прежде чѣмъ оставлю островъ, и не составивъ еще рѣшительнаго плана касательно моего отъѣзда, я простился съ моими друзьями обѣщая увидѣться съ ними въ непродолжительномъ времени. Антоніо дружески пожалъ мнѣ руку; Долоресъ же, кромѣ выраженій, весьма обыкновенныхъ при всякомъ прощаньи, сдѣлала мнѣ наивное замѣчаніе, не забывать моей кузины во-время моего пребыванія въ Санта-Круцѣ.

— Ужъ если я не забылъ ее здѣсь, отвѣчалъ я самымъ тихимъ голосомъ, то тѣмъ болѣе, тамъ я еще чаще буду вспоминать объ ней.

— Неужели, сказала Долоресъ, засмѣявшись надъ сильнымъ румянцомъ, который выступилъ на мое лицо въ то время, какъ я произносилъ эти слова.

Слуга, которому назначено было проводить меня до Санта-Круца, давно уже ждалъ у крыльца, и я отправился въ путь.

Ничто, мнѣ кажется, не могло быть пріятнѣе для меня и снисходительнѣе, какъ пріемъ, который былъ оказанъ мнѣ губернаторомъ, дономъ Антоніо Гутьересомъ. Онъ былъ храбрый ветеранъ, посѣдѣвшій насмотрѣвшійся на службу, какъ въ отечествѣ своемъ, такъ и въ его колоніяхъ. Я уже началъ довольно свободно изъясняться по-испански, а потому одушевленный и интересный разговоръ дона Антоніо чрезвычайно занималъ меня. Я не забылъ своего намѣренія воздвигнуть на могилѣ Торнтона небольшой, скромный памятникъ; но прежде чѣмъ онъ былъ оконченъ, въ домѣ губернатора открылась сильная повальная горячка, а потому донъ Антоніо и его племянникъ, опасаясь, чтобы я не заразился, требовали моего немедленнаго возвращенія въ Оратаву.

Мнѣ очень не хотѣлось снова сдѣлаться постояннымъ гостемъ въ домѣ Алманцы, особенно во-время отсутствія хозяина и старшаго брата, но донъ Хозе и слышать не хотѣлъ о какомъ-нибудь новомъ планѣ, какъ только о возвращеніи моемъ въ виллу его сестры. Мы прибыли туда вовсе неожиданно, и радость Долоресъ была безпредѣльна; она не замедлила признаться намъ, что ея уединеніе чрезвычайно ей наскучило.

При встрѣчѣ со мной, она называла меня своимъ милымъ дитятей, своимъ паціентомъ, и наконецъ взяла съ меня обѣщаніе, что

до отъѣзда въ Англію я нигдѣ не буду жить, кромѣ ея дома. Донъ Хозе обязанъ былъ на другой же день возвратиться въ Санта-Круцъ, и такимъ-образомъ я снова остался съ его сестрой.

И вотъ наконецъ осуществились мечты моего разсвѣтающаго воображенія, осуществились и свѣтлыя видѣнія моихъ юношескихъ грезъ. Я уже не уходилъ рано на мое ночное ложе, чтобъ увидѣть тѣ волшебные образы, которые парили надъ моимъ очарованнымъ сномъ; уже не искалъ уединенія въ тѣни отъ полуденнаго солнца, чтобы бесѣдовать съ созданіями моего воображенія. Теперь всегда и вездѣ находилось со мною существо плѣнительное, очаровательное, приближеніе котораго еще задолго отзывалось въ моемъ сердцѣ. Но несмотря на то, одушевлявшее меня чувство нельзя было назвать любовью, потому-что въ немъ не скрывалось ни малѣйшей страсти, и глубокая преданность, которая наполняла и приводила въ восторгъ мою душу, не знала никакой другой цѣли, ни другаго желанія, какъ только наслаждаться блескомъ глазъ Долоресъ и постоянно любоваться ея обворожительной красотой.

И дѣйствительно, мое восхищеніе этимъ прелестнымъ созданіемъ до такой степени было невинно, такъ много отражалось въ немъ чистосердечной преданности, что она не чувствовала ни малѣйшаго опасенія въ обществѣ ея юнаго обожателя. Въ ея глазахъ я былъ скроменъ, какъ ребенокъ, — и какъ ребенокъ сидѣлъ подлѣ нея, разговаривалъ съ ней и даже входилъ съ ней во всѣ подробности ея хозяйственныхъ распоряженій. Долоресъ, какъ и бо́льшая часть ея соотечественницъ, получила весьма ограниченное воспитаніе и образованіе; она, повидимому, жила для одной только жизни, и оставаясь въ совершенномъ невѣдѣніи прошедшаго и не заботясь о будущемъ, она, въ цвѣтѣ юности и красоты порхала по солнечной сторонѣ своего свѣтлаго существованія, подобно птичкамъ въ ея собственномъ саду, украшеннымъ великолѣпными перьями.

Случалось иногда, что преданность моего сердца высказывалась въ звучномъ нарѣчіи, которому научила меня сама очаровательница; но и тогда я не смѣлъ обращаться къ ней прямо, и слова нѣжной страсти, которыя я заучивалъ отъ нея, выражались для одного лишь сохраненія ихъ въ памяти, чтобы по возвращеніи въ отечество, я могъ повторить ихъ той дѣвушкѣ, которую выберу въ сопутницы всей моей жизни.

— Когда вы увидитесь съ вашей кузиной, говорила Долоресъ, въ то время какъ мы сидѣли въ саду, когда вы увидитесь съ ней, она, можетъ-быть, потребуетъ отъ васъ выраженій вашей преданности не тѣми словами, которыя вы до этого употребляли. Неужели вы и теперь будете называть ее, моя милая кузина, или миссъ такая-то?

— О нѣтъ, сказалъ я, пристально взглянувъ въ лицо моей прекрасной вопросительницѣ. Я буду называть ее моя возлюбленная, моя душа.... Если только она во-время моего отсутствія выучилась по-испански, то научите меня, какъ я долженъ сказать ей эти слова?

— Очень просто; скажите ей — *mi alma, mi angel.*

— *Mi alma, mi angel,* повторилъ я. Ну, что́, такъ ли я сказалъ?

— Такъ, но быть-можетъ ей захочется, чтобы слова эти были произнесены съ одушевленіемъ? спросила Долоресъ.

Я взглянувъ ей въ лицо пристальнѣе прежняго, и повторилъ магическія слова.

— Долоресъ, раздался позади насъ мужественный и строгій голосъ.

— Ахъ братъ Антоніо! воскликнула она, вскочивъ, и потомъ, безъ всякаго смущенія, сдѣлавъ къ нему нѣсколько шаговъ.

Антоніо холодно поклонился мнѣ и вмѣстѣ съ сестрой отправился къ дому.

Хотя я чувствовалъ себя совершенно невиннымъ, но мною овладѣло какое-то странное чувство боязни, которое сильнѣе и сильнѣе развивалось во мнѣ, когда я, приблизившись къ дому, услышалъ внутри его ссору.

Спустя немного, раздался пронзительный крикъ. Я не могъ удержаться, чтобы въ ту же минуту не броситься въ гостинную, и тамъ, первый предметъ, поразившій мое зрѣніе, была Долоресъ, распростертая на полу. Антоніо готовился нанести ей ударъ.

Я употребилъ всю свою силу и оттолкнулъ его въ сторону. Освобожденная Долоресъ, поднялась съ полу, бросилась въ сосѣднюю комнату, и возвратилась въ ужасномъ гнѣвѣ.

— Не понимаю, сказалъ я Долоресъ, къ чему бываютъ между вами эти пагубные раздоры? Что́ мѣшаетъ вамъ жить въ согласіи съ старшимъ братомъ и наслаждаться счастіемъ?

— Онъ не родной братъ мнѣ, и не любитъ меня; онъ ударилъ меня!

восклицала Долоресъ, сжимая рядъ бѣлыхъ какъ жемчугъ зубовъ. Онъ ударилъ слабую женщину! онъ извергъ, онъ трусъ! И все это дѣлается для того, чтобы я непремѣнно вышла замужъ за его друга, котораго я нетерплю, ненавижу, и лучше умру, чѣмъ буду его женой....

Бѣшеный гнѣвъ Антоніо еще сильнѣе отражался въ его сверкающихъ глазахъ; но онъ лучше умѣлъ управлять своими чувствами.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ онъ, что вы были свидѣтелемъ этой непріятной сцены.

— Сеньора объяснитъ вамъ, почему я противъ своего желанія сдѣлался гостемъ въ вашемъ домѣ во-время вашего отсутствія.

— Вы не понимаете меня, отрывисто сказалъ Антоніо, и удалился въ свою комнату.

— Долоресъ, что за причина этой жалкой ссоры! ради Бога, скажите, не нужно ли мнѣ уѣхать отсюда? Вы знаете, что мнѣ теперь очень нетрудно удалиться въ Санта-Круцъ.

— Если только вы вздумаете уѣхать, если только вы помыслите оставить этотъ домъ, я никогда не прощу вамъ, я буду ненавидѣть васъ.

— Но скажите мнѣ, не имѣютъ ли упреки вашего брата какой-нибудь связи съ моимъ пребываніемъ въ этомъ домѣ? Я уже давно подозрѣваю это.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, какую вы имѣете нужду вмѣшиваться въ наши дѣла, съ улыбкой отвѣчала Долоресъ, и потомъ, продолжала:

— Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, и всѣ, кого я хочу имѣть въ немъ, будутъ пріѣзжать сюда, и будутъ оставаться здѣсь сколько имъ и сколько мнѣ угодно.—Пойдемте лучше въ садъ.

Живой и безпечный нравъ Долоресъ очень скоро возвратился къ ней; и еслибъ я не замѣтилъ, что спокойствіе ея притворно, я подумалъ бы, что все происшествіе недавней ссоры совершенно ею забыто.

Незадолго до ужина явился донъ Хозе. Его присутствіе оживило нашу бесѣду, и разговоръ нашъ продолжался въ довольно пріятномъ расположеніи духа. Выбравъ удобную минуту, я обратился къ нашему маленькому обществу и сказалъ, что поутру намѣренъ прокатиться въ Санта-Круцъ вмѣстѣ съ дономъ Хозе.

Уже поздно вечеромъ подошла ко мнѣ Долоресъ, и сказала.

— Не забудьте, что завтра вечеромъ я ожидаю васъ назадъ. На это у меня есть свои причины, о которыхъ вамъ нечего и спрашивать. Вы непремѣнно должны согласиться на это предложеніе, и я увѣрена, что вы согласитесь.

На другой день по прибытіи моемъ въ Санта-Круцъ, я нашелъ, что надгробный памятникъ Торнтону былъ уже готовъ, оставалось только поставить его на могилу. Работа Испанцевъ тянулась такъ мѣшкотно и тихо, что ранѣе вечера мнѣ нельзя было оставить кладбища. Когда я снова очутился на дорогѣ въ Оратаву, темнота ночи уже быстро опустилась на землю. Не проѣхавъ еще и половины дороги, я встрѣтился съ мужчиной, плотно закутаннымъ въ плащъ. Онъ очень вѣжливо просилъ меня сказать ему который часъ. Въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть часовыя стрѣлки, а потому остановился, подавить репитицію. Въ это мгновеніе рука незнакомца поднялась на воздухъ, и я почувствовалъ какъ холодное лезвее кинжала скользнуло по моей груди. Къ счастію, что во-время разговоровъ съ моими товарищами на кораблѣ Кёллоденѣ, я научился крайней и, можетъ-быть, несправедливой недовѣрчивости вообще ко всѣмъ Испанцамъ; а потому при этомъ случаѣ, какъ и при множествѣ другихъ, я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ моего вопросителя. Эта предосторожность, если не совсѣмъ отклонила ударъ, то, по-крайней-мѣрѣ, очень много измѣнила его направленіе.

Ударивъ врага бичемъ по головѣ такъ сильно, какъ только позволили мои силы, я далъ шпоры моему скакуну, и онъ быстро помчалъ меня по каменистой дорогѣ. Миля за милей пролетали мимо меня, такъ, что когда я подъѣхалъ къ виллѣ Альманцы, ночь еще не совсѣмъ наступила. Меня встрѣтила одна Долоресъ, — Антоніо въ это время сидѣлъ въ саду и курилъ; она выразила свою благодарность и хвалила меня за вниманіе къ ея желаніямъ. Но едва только я сбросилъ съ себя дорожный плащъ, какъ свѣтлая улыбка Долоресъ замѣнилась выраженіемъ необыкновеннаго ужаса, и она съ сильнымъ безпокойствомъ воскликнула.

— Ахъ Боже мой! что̀ это значитъ? что̀ съ вами сдѣлалось? — вы облиты кровью!

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Антоніо, и я разсказалъ свое

приключеніе. Какъ тотъ, такъ и другая, выражали изумленіе; — но взоры Долоресъ выражали гораздо болѣе, чѣмъ ея слова. Въ комнату немедленно позвали старушку няню, которая ухаживала за мной во-время болѣзни, и она тщательно осмотрѣла мою рану. Оказалось, какъ я и самъ предполагалъ, что я получилъ длинный, но неглубокій порѣзъ: кинжалъ измѣнилъ свое направленіе, и весьма легко скользнулъ по груди. Поздравивъ себя съ счастливымъ спасеніемъ жизни, единственно благодаря моему присутствію духа, и убѣжденный, что искусство старой Мулатки быстро залечитъ мою рану, я приготовился надѣть свое платье; но Долоресъ обратилась ко мнѣ съ новымъ вопросомъ.

— Скажите, Эдвардъ, что это за шрамы, около вашего сердца?

— Мнѣ недолжно говорить вамъ, Долоресъ, гдѣ я получилъ эти раны, отвѣчалъ я. Вы знаете, что мнѣ ужъ видно назначено судьбой быть всегда вамъ непріятелемъ.

— Я понимаю теперь,—вы, вѣроятно, были въ сраженіи у Санъ-Винценте, и тамъ вы были ранены. Бѣдняжка! можно ли послѣ этого вашей кузинѣ не любить васъ!

Антоніо такъ убѣдительно просилъ меня остаться въ ихъ виллѣ до выздоровленія, что я никакъ не могъ отказаться.

На другое утро я снова остался одинъ съ Долоресъ.

— Почему вы, Долоресъ, не говорили мнѣ прежде, что на вашемъ островѣ водятся разбойники.

— Потому-что прежде я ничего подобнаго не слыхала.

— И къ чему этотъ человѣкъ привязался ко мнѣ? неужели онъ не зналъ, что мичманскій кошелекъ — очень бѣдный призъ?

— А если это былъ вовсе не разбойникъ?

— Не разбойникъ! Въ такомъ случаѣ это былъ тайный врагъ,— а мнѣ кажется, что послѣдняго у меня здѣсь нѣтъ.

Долоресъ взглянула на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто простота моихъ словъ изумляла ее, — и я не могъ не прибавить еще нѣсколько словъ.

— Я разумѣю личныхъ враговъ, потому-что не думаю чтобы кто-нибудь изъ обитателей этого острова рѣшился причинить мнѣ вредъ за то только, что я чужеземецъ и Англичанинъ.

— Въ этомъ отношеніи я совершенно одного мнѣнія съ вами,— отвѣчала Долоресъ.

— Во всякомъ случаѣ, Долоресъ, я не думаю, что покушеніе на мою жизнь повторится.

Не безпокойтесь; впрочемъ вы должны непремѣнно оставить нашъ островъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Ваше пребываніе здѣсь небезопасно, и я никогда не прощу себѣ, если съ вами случится какое-нибудь несчастіе. Какъ вы полагаете, когда вы можете уѣхать домой? Вѣдь вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вы гостите здѣсь.

— Я знаю, Долоресъ; но время такъ быстро пролетѣло и я такъ былъ счастливъ здѣсь, что вовсе не замѣчалъ его полета. Впрочемъ, я полагаю, что въ этотъ промежутокъ ни одинъ корабль не отправлялся отсюда въ Англію, хотя и должно признаться, я ни разу не освѣдомлялся объ этомъ. Несмотря на все мое желаніе возвратиться въ отечество, я охотно продлилъ бы мое пребываніе здѣсь. Но, Долоресъ, я не ожидалъ, что вы напомните мнѣ, что я долженъ разлучиться съ вами.

— Взгляните сюда, Эдвардъ, — отвѣчала Долоресъ, устремивъ на меня свои выразительные глаза, съ торжественной и почти материнской нѣжностью —еслибъ вы были мужчина, а не юноша, то Богу одному извѣстно, что́ могло бы случиться съ вами. Не сумасбродство ли было бы съ нашей стороны, пускаться на такую страшную опасность, какой подвергались мы, не имѣя въ виду опредѣленной цѣли. Предлагая вамъ этотъ совѣтъ, я больше забочусь о васъ, чѣмъ о себѣ, и если впослѣдствіи вы обсудите мои слова холоднымъ разсудкомъ,— то, повѣрьте, вполнѣ оцѣните жертву, которую я приношу, и не разъ скажете за нее спасибо. Теперь же мы должны, непремѣнно должны разлучиться.

— Безцѣнная Долоресъ, — воскликнулъ я, хватая ея нѣжную ручку: — моя защитница, мой хранитель, я чувствую, что долженъ повиноваться вамъ; но клянусь, что я всегда буду любить, буду уважать васъ. Клянусь до послѣдней минуты жизни сохранить въ душѣ ваше великодушіе, вашъ прекрасный образъ.

И она въ первый разъ, и только разъ поцѣловала меня въ голову, и потомъ, поднявъ свой маленькій пальчикъ, съ видомъ нѣжной угрозы сказала:

— Довольно, Эдвардъ; — вы недолжны забывать своей кузины, а я — я не должна дѣйствовать противъ воли моего хотя и неродного брата, которой скорѣе умретъ, чѣмъ согласится на мой бракъ съ Англи-

вашимъ, т. е. съ врагомъ отечества. Мы провели вмѣстѣ счастливые, самые счастливые дни; — я желала бы, чтобы подобные дни продлились на всю мою жизнь. Вамъ не нужно спрашивать меня, какія чувства я питала къ вамъ, и какія останутся во мнѣ послѣ нашей разлуки. Что касается до вашихъ чувствъ, я могу судить объ нихъ по вашимъ чистосердечнымъ словамъ. Быть-можетъ многія полюбятъ васъ, и будутъ имѣть полное право на вашу любовь, — но я остаюсь въ пріятномъ убѣжденіи, — что ваша любовь ко мнѣ была первая, и самая искренняя, я буду воспоминать объ ней, какъ о сокровищѣ, котораго никто не осмѣлится лишить меня, — а вы при каждомъ воспоминаніи объ ней, вѣроятно, вспомните о вашей отсутствующей Долоресъ. Теперь поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

— Мнѣ вотъ что хочется узнать отъ васъ, Долоресъ, — сказалъ я: почему вы безпрестанно дразнили меня кузиной. Скажите мнѣ, и я вѣрнѣе буду отражать въ моемъ отечествѣ клевету на вашихъ соотечественницъ.

— На это я ни слова не отвѣчу вамъ. А скажите лучше вы, Эдвардъ, что же говорятъ про насъ въ вашемъ отечествѣ?

— Говорятъ, что вы всѣ вообще весьма непостоянны.

— Вы можете сказать на это, что мы всегда и очень бываемъ постоянны къ тѣмъ, кого любимъ, — сказала Долоресъ, съ нѣжной улыбкой: — и прибавьте еще, что мы умѣемъ навсегда сохранять свое постоянство.

— Теперь, Долоресъ, въ знакъ признательности за мое повиновеніе всѣмъ вашимъ приказаніямъ, неужели вы не отвѣтите на нѣсколько вопросовъ, которые я давнымъ давно собираюсь предложить вамъ?

— Если только можно, Эдвардъ, я отвѣчу. — Какіе же эти вопросы?

— Во-первыхъ, скажите мнѣ, неужели частые раздоры ваши съ братомъ не имѣли никакого отношенія къ моему пребыванію въ этомъ домѣ?

— Имѣли, но невсегда.

— И можетъ ли быть, чтобъ онъ негодовалъ на меня?

— Да; негодовалъ. Онъ бѣсился не потому, чтобы я подала къ этому какой-нибудь серьозный поводъ, но потому, что ему досадно, горько было видѣть, что я такъ много жертвовала для васъ, для Англичанина... и Долоресъ замолчала.

— Жертвовали своей любовью, своей привязанностью, Долоресъ? сказалъ я, схвативъ ея руку.

— Извините, сеньоръ, вы очень ошибаетесь, — весьма наивно отвѣчала она... Ему досадно было видѣть, что я такъ много расточаю своего вниманія и времени на человѣка, который вовсе того не заслуживалъ; и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, онъ былъ совершенно правъ.

— Но, Долоресъ, почему же вы не соглашались съ его желаніемъ; почему вы не позволяли мнѣ уѣхать отсюда?

— Потому-что я люблю поступать такъ, какъ мнѣ нравится, а не какъ нравится другимъ, и кромѣ-того я не хотѣла, чтобы вышла какая-нибудь непріятная исторія собственно за васъ.

По прибытіи въ Санта-Круцъ, я старался собрать подробныя свѣдѣнія касательно моего отъѣзда въ Англію. Я узналъ здѣсь, что въ тотъ самый день, когда меня ранили на дорогѣ въ Оратаву, — въ Санта-Круцъ заходилъ на нѣсколько часовъ корабль, возвращавшійся съ Филиппинскихъ Острововъ въ Кадиксъ. Подобный случай можно назвать рѣдкимъ, потому-что британскіе крейсеры дѣятельно преслѣдовали купеческіе корабли. Сердце мое сильно заныло при одной мысли оставить Тенерифъ, но вспомнивъ послѣдній разговоръ мой съ Долоресъ, я чувствовалъ, что мнѣ должно было исполнить это какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что и донъ Хозе вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ своей сестры. Вслѣдствіе этого я рѣшился пробыть въ Санта Круцѣ еще мѣсяца два, въ той надеждѣ, что можетъ-быть въ это время явится еще какой-нибудь корабль, идущій въ Европу; въ противномъ же случаѣ, я положилъ непремѣнно отправиться на островъ Мадеру, гдѣ всего скорѣе и вѣрнѣе могло исполниться мое желаніе. Съ этой цѣлью я поселился въ Санта-Круцѣ въ гостинницѣ, и такъ какъ я ѣздилъ иногда въ Оратаву, а Долоресъ пріѣзжала къ своей тетушкѣ, то встрѣчи наши были нерѣдки.

Съ приближеніемъ назначеннаго мною срока, я обратился къ владѣтелю большой рыболовной лодки, и условился переѣхать съ нимъ на островъ Мадеру. Благодаря великодушію и щедрости губернатора, я не только могъ удовлетворить требованіямъ рыбака, но уплатилъ долгъ дону Антоніо, и кромѣ-того у меня осталась еще сумма, весьма достаточная на всѣ нужды, которыя могли-бы встрѣтиться до возвращенія въ отечество.

Когда наступилъ роковой день моего отъѣзда, я находился въ Оратавѣ, куда былъ приглашенъ провести два послѣдніе дня. Разлука наша была гораздо печальнѣе и труднѣе, нежели мы предполагали. Грустные часы быстро пролетали, и уже солнце замѣтно склонялось къ горизонту, когда донъ Хозе, вызвавшійся провожать меня, замѣтилъ, что ему нельзя больше ждать. Я пожалъ руку Антоніо, — и по совѣту сестры его, выразивъ ему искреннюю благодарность за всѣ его заботы обо мнѣ, за всѣ его ласки и великодушное гостепріимство, я не обнаружилъ ни малѣйшаго вида, что когда-либо подозрѣвалъ его въ недоброжелательствѣ ко мнѣ. Долоресъ находилась между нами до послѣдней минуты; она говорила съ величайшимъ спокойствіемъ, и когда очередь проститься со мной дошла и до нея, она поцаловала меня въ голову, и прощальный привѣтъ произнесенъ былъ съ ея стороны спокойнымъ, необнаруживающимъ ни малѣйшаго волненія голосомъ. Хотя это спокойствіе удивляло меня, но тѣмъ неменѣе я испытывалъ въ эту минуту глубокую горесть, и былъ счастливъ, когда прекрасная арабская лошадь быстро помчала меня отъ мѣста, гдѣ я такъ долго наслаждался безпредѣльнымъ счастіемъ, которому, казалось, несуждено уже было возвращаться.

Не успѣли мы отъѣхать на три мили, какъ насъ настигнулъ наѣздникъ, который, отозвавъ въ сторону дона Хозе, и обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, продолжалъ свой путь вмѣстѣ съ нами.

— Это мой пріятель, — отвѣчалъ донъ Хозе на первый мой вопросъ, и отвѣчалъ такимъ тономъ, который заставилъ меня предполагать, что спутникъ нашъ желалъ сохранить инкогнито. Онъ такъ былъ плотно укутанъ въ дорожный плащъ, и широкія поля его шляпы такъ низко опускались на плечи, что я рѣшительно не могъ разсмотрѣть ни его лица, ни его стана, — а только могъ замѣтить, что, при маленькомъ ростѣ, онъ имѣлъ весьма легкія формы. Онъ постоянно ѣхалъ впереди, и пристально всматривался вдаль, какъ-будто стараясь избѣгнуть непріятной встрѣчи, или приключенія, которыя легко могли случиться на дорогѣ. Однакожъ поѣздка наша совершилась безъ всякихъ приключеній, и къ полночи мы уже находились въ губернаторскомъ домѣ. Здѣсь, какъ губернаторъ, такъ и племянникъ его, старались, убѣдить меня не отъѣзжать до наступленія утра; но простившись навсегда съ Оратавой и Долоресъ, мнѣ казалось, что моему растерзанному сердцу станетъ легче вдали отъ

мѣстъ, которыя на каждомъ шагу напоминали мнѣ о виновницѣ моихъ душевныхъ страданій, и потому я просилъ великодушныхъ друзей не препятствовать моему отплытію.

Увидѣвъ наконецъ, что никакія убѣжденія не могли измѣнить моего намѣренія, они рѣшились проводить меня. На пристани я окончательно простился съ губернаторомъ, а донъ Хозе проводилъ меня на лодку. Здѣсь я снова увидѣлъ незнакомца, который присоединился къ намъ на дорогѣ изъ Оратавы. Любопытство сильно подстрекало меня, и въ ту минуту, какъ я снова хотѣлъ обратиться съ разспросами къ донъ Хозе, шляпа незнакомца приподнялась, плащъ распахнулся, и я увидѣлъ передъ собою Долоресъ.

— Ah, mi alma! воскликнулъ я. Я почти былъ увѣренъ, что ваше холодное «прости»! сказанное въ Оратавѣ, было не послѣднее.

— О нѣтъ, Эдвардъ, мнѣ непремѣнно хотѣлось увидѣть васъ въ послѣднюю минуту вашего пребыванія на здѣшнемъ островѣ, и въ послѣдній разъ проститься съ вами. Я затѣмъ только и ѣхала сюда. Теперь все кончено.... больше намъ нечего сказать другъ-другу, какъ только еще разъ повторить наше обѣщаніе вѣчно помнить другъ-друга.

Не знаю, что̀ я отвѣтилъ бы Долоресъ въ минуты моей горести и отчаянія, еслибы она не предупредила словъ, которыя готовы были сорваться съ моихъ устъ.

— Довольно, довольно, — сказала она съ горячностью, и легко выпрыгнула на берегъ. Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ приблизился донъ Хозе и я простился съ нимъ съ выраженіемъ искренней дружбы и уваженія. Паруса были распущены, — вѣтеръ дулъ попутный, — и покинутый край моего блаженства быстро началъ покрываться темнотою ночи, и удаляться на мрачный горизонтъ.

И вотъ я добровольно убѣгаю отъ счастія! покидаю очаровательный берегъ! и ввѣряю себя утлой ладьѣ на бурныхъ и измѣнчивыхъ волнахъ океана! Оглядываясь въ туманную даль моего минувшаго существованія, я удивлялся, какимъ образомъ являлось въ душѣ моей столько силы, что я могъ, болѣе чѣмъ разъ разрывать сердечныя узы, которыя связывали меня съ существами и мѣстами, для меня неоцѣненными. Какая то непостижимая сила, могучѣе той, которая управляла моей волей, моею рѣшимостью, моими поступками, увлекала меня впередъ въ самыя критическія минуты моей жизни. Я часто боролся съ бурными порывами вѣтра, боролся съ неистовой бу-

рей, и побѣждалъ ихъ,—но когда гигантское дыханіе изступленнаго урагана налетѣло на тропу моей жизни, куда дѣвались тогда и моя храбрость, и мое искусство, и моя сила? Я закрывалъ глаза, и ураганъ, не встрѣчая съ моей стороны сопротивленія, сильно подхватывалъ меня, крутилъ меня въ своемъ бѣшеномъ вихрѣ, и безъ всякой борьбы уносилъ меня въ пучину будущности.

XVI.

Весьма недальній путь мой на островъ Мадеру совершился нетакъ легко, какъ мы ожидали. Съ наступленіемъ утра вѣтеръ усилился, — высокія волны страшно перекатывались черезъ нашу ненадежную лодку, и можетъ-быть, служба моя на шлюбкахъ Кёллодена, втеченіе цѣлой зимы, у французскихъ береговъ, послужила теперь къ счастію моему и моихъ спутниковъ. Несмотря на это, мы однакоже во-время и прежде чѣмъ вышелъ весь запасъ нашей провизіи, успѣли дойти до Фуншала.

Письма, которыя получилъ я отъ губернатора Канарскихъ острововъ къ мѣстнымъ властямъ, доставили мнѣ очень радушный пріемъ, и хотя меня задержали тамъ долѣе, чѣмъ предполагалось, но я не сожалѣлъ, что остановка моя длилась въ такомъ очаровательномъ мѣстѣ. Мѣстоположеніе острова, роскошная природа, свѣтлое, безоблачное небо сильно напоминали мнѣ Оратаву, и Долоресъ на каждомъ шагу представлялась моему воображенію.

Наконецъ къ Мадерѣ прибылъ испанскій корабль, отправлявшійся въ Коруннy. Такъ какъ французскіе крейсеры также дѣятельно занимались около Мадеры, какъ и англійскіе у Тенерифа, то всѣ совѣтовали мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, сближавшимъ меня съ отечествомъ, и не оставаться долѣе въ томительномъ ожиданіи другаго, болѣе прямаго, но также невѣрнаго случая. Эти совѣты казались мнѣ довольно основательными, и я немедленно переѣхалъ на Фелицидадъ, тяжелый трехъмачтовый корабль, который, повидимому, уже много послужилъ, и о капитанѣ котораго и его командѣ я могу сказать только одно, что никто изъ нихъ не имѣлъ права на званіе хорошаго моряка и знатока своего дѣла.

Въ тотъ день, какъ мы оставили Мадеру, вѣтеръ повернулъ къ востоку, погода сдѣлалась весьма бурная, и мнѣ показалось, что

гаемъ корабль сильно относило подъ вѣтеръ. Я сообщилъ объ этомъ капитану, и онъ немедленно приказалъ привести корабль въ крутой бейдевиндъ; но это распоряженіе было уже поздно; — на другое утро, вся команда, за исключеніемъ меня, пришла въ крайнее изумленіе, увидѣвъ подъ вѣтромъ длинную полосу высокихъ береговъ. Я тотчасъ же объявилъ, что это были Азорскіе острова, но мнѣніе мое приняли неранѣе, какъ послѣ продолжительнаго спора и множества восклицаній, выражавшихъ удивленіе, смѣшанное съ испугомъ. Теперь нельзя было терять ни одной минуты, чтобъ скорѣе удалиться отъ этого мѣста. Но едва прошло нѣсколько часовъ послѣ поворота на другой галсъ, какъ командѣ представился новый поводъ къ опасенію. На вѣтрѣ отъ насъ мы увидѣли незнакомый корабль, который приближался къ намъ подъ всѣми парусами

— По всему видно, капитанъ, что это военный фрегатъ, — сказалъ я, внимательно разсмотрѣвъ его въ зрительную трубку.

— Дай Богъ, чтобъ это не былъ кто-нибудь изъ вашихъ земляковъ. Я постараюсь убѣжать отъ него.

Но намѣреніе капитана было безполезно. Фелицидадъ ни подъ какимъ видомъ не могъ состязаться въ скорости хода съ военнымъ фрегатомъ. Спустя полчаса на фрегатѣ подняли флагъ, и я узналъ, что этотъ флагъ былъ англійскій. Два пушечные выстрѣла, одинъ подъ самый носъ Фелицидада, а другой въ его рангоутъ, дали намъ знать, что британскій фрегатъ не любитъ шутить Намъ ничего болѣе не оставалось, какъ только лечь въ дрейфъ; и сколько позволяли обстоятельства, учтиво принять лейтенанта, который подъѣзжалъ къ нашему кораблю, чтобъ принять его во владѣніе. Послѣ тщательнаго осмотра корабля и команды, вниманіе лейтенанта остановилось на мнѣ, и онъ спросилъ меня, кто я таковъ. Капитанъ Фелицидада предоставилъ мнѣ самому отвѣчать на этотъ вопросъ, и я назвалъ себя англійскимъ дворяниномъ, возвращающимся въ свое отечество. Лейтенантъ весьма учтиво пригласилъ меня съѣздить съ нимъ на фрегатъ. Я охотно принялъ его предложеніе, и узналъ, что фрегатъ назывался Бенгалъ, и отправлялся на стоянку въ Вестъ-Индію. Мой новый знакомецъ отрекомендовалъ меня своему капитану, доброму, старому моряку, который немедленно выразилъ свое сожалѣніе, что это происшествіе сдѣлало остановку въ моемъ путешествіи. Изъ разговора, который несмотря на мое присутствіе, весь-

мѣ откровенно начался между капитаномъ и лейтенантомъ, я узналъ, что они находились въ большомъ затрудненіи, не зная, что дѣлать съ захваченнымъ призомъ. Получивъ приказаніе немедленно слѣдовать на стоянку, они не считали себя вправѣ перемѣнить свой рейсъ; кромѣ-того у нихъ не было ни одного лишняго офицера, ни одного матроса, которымъ бы можно было поручить наблюденіе за плѣннымъ кораблемъ.

— Мы можемъ взять команду къ себѣ на фрегатъ, а корабль зажечь, если только вы находите это удобнымъ, — сказалъ лейтенантъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, я не хочу и не имѣю права уничтожать по своей прихоти чужую собственность,—тѣмъ болѣе теперь,— эта мѣра не принесетъ пользы ни той, ни другой сторонѣ. Мнѣ одно-только жаль, что у насъ нѣтъ теперь лишнихъ людей.

Разумѣется, я вслушивался въ эту часть разговора съ удвоеннымъ вниманіемъ, и считалъ, что теперь самая лучшая пора объявить капитану мое настоящее имя.

— Неужели вы и въ-самомъ-дѣлѣ лордъ Эдвардъ Рокингемъ? сказалъ онъ. Знаете ли вы, что васъ считаютъ въ числѣ убитыхъ на Тенерифѣ? Когда возвратитесь домой, вы увидите сами, какъ много безпокоятся о васъ и сокрушаются ваши родные. Я, съ своей стороны, былъ бы очень радъ, еслибъ вы возвратились въ отечество какъ можно скорѣе. Что вы скажете на этотъ счетъ?

— Если, сэръ, вы такъ добры, что желаете выслушать мое мнѣніе, то я рѣшаюсь предложить вамъ отпустить этотъ корабль на его собственный произволъ, тѣмъ болѣе, что ни онъ самъ, ни его грузъ не имѣютъ никакой цѣнности. Онъ составляетъ собственность капитана, который бѣденъ какъ нельзя болѣе, который ведетъ торговлю на свой собственный счетъ, и все богатство его заключается въ этомъ кораблѣ. Конечно, если вы отпустите, то у него найдется нѣсколько десятковъ таллеровъ для вашей команды; что касается меня, то я считалъ бы за величайшее снисхожденіе съ вашей стороны, еслибъ вы позволили мнѣ слѣдовать на этомъ кораблѣ въ дальнѣйшій мой путь.

Послѣ непродолжительнаго совѣта съ офицерами, капитанъ согласился на мое предложеніе, и спустя еще полчаса, проведенныхъ мною среди моихъ соотчичей, меня снова отвезли на Фелицидадъ.

Никакія слова не могли бы выразить восторга испанскаго капитана, когда я извѣстилъ его объ этомъ новомъ поворотѣ счастія на его сторону. Въ порывѣ радости, онъ бросился ко мнѣ на шею, плакалъ и произносилъ клятву на вѣчную признательность за мое неожиданное покровительство. Я однакоже не скрылъ отъ него, что весьма было бы недурно съ его стороны, еслибъ онъ предложилъ командѣ Бенгала небольшое вознагражденіе за ея напрасные труды и обманутыя ожиданія. Испанецъ мой тотчасъ же спустился въ каюту и возвратился оттуда съ тяжелымъ мѣшкомъ *колонатъ*, изъ которыхъ мои соотечественники, весьма вѣроятно, сдѣлали хорошее употребленіе при первомъ благопріятномъ случаѣ. Послѣ троекратнаго громкаго ура! провозглашеннаго Испанцами великодушному врагу, и одного моей особѣ, корабли снялись съ дрейфа, и Фелицидадъ отправился въ свой путь.

Но ему несуждено было увидѣть береговъ Испаніи. На другое утро сѣверовосточный вѣтеръ началъ дуть съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Двое сутокъ мы боролись съ жестокими порывами вѣтра, въ весьма близкомъ разстояніи отъ опаснаго берега. Наши паруса и рангоутъ доведены были до самаго жалкаго состоянія. Помогая капитану, который отъ утомленія и страху оставался почти безъ движенія, я не щадилъ своихъ усилій, но несмотря на то, видѣлъ, что самыя печальныя предчувствія капитана должны были весьма скоро превратиться въ страшную истину.

То управляя кораблемъ, то помогая командѣ, тамъ гдѣ требовались мои усилія, я не сходилъ съ палубы болѣе сутокъ, и наконецъ почувствовалъ необходимость въ отдыхѣ. Едва опустился я въ койку, какъ въ туже минуту заснулъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудилъ отъ этого сна не матросъ, которому я приказалъ вызвать меня черезъ два часа на верхъ, но ужасный трескъ. Я бросился на палубу. Фелицидадъ ударился о скалу и быстро разбивался.

— Мы должны спускать шлюпки и спасаться, — воскликнулъ я по испански, обращаясь къ командѣ, пораженной ужасомъ. — И одна изъ шлюпокъ была спущена въ одну минуту.

— Садитесь въ шлюпку, ради Бога, вскричалъ капитанъ: я оставлю корабль послѣднимъ.

Когда я и капитанъ спустились въ шлюпку, съ корабля раздался пронзительный вопль. Мы оглянулись назадъ, и увидѣли несчастна-

го мальчика съ переломленной рукой, который умолялъ насъ о помощи.

Мы еще все держались у борта, борясь съ волнами, которыя съ бѣшенствомъ ударяли въ полуразрушенный, опрокинутый на бокъ корабль. — Я протянулъ руку раненному мальчику, который легко могъ схватиться за нее, но не успѣлъ. — Когда волна снова откинула насъ къ кораблю, я опять протянулъ руку, и на этотъ разъ мальчикъ ухватился за нее съ отчаяніемъ утопающаго. Но вытянувшись далеко впередъ, при весьма неправильномъ колебаніи шлюпки, я потерялъ равновѣсіе и вмѣстѣ съ мальчикомъ погрузился въ яростныя волны. Какимъ образомъ освободился я отъ железныхъ объятій ребенка, которыя едва не оказались для меня пагубными, я не могу сказать; но когда, послѣ страшной борьбы, я успѣлъ выбраться на руслени Фелицидада, и подняться на ванты, куда не достигали волны, я уже не видѣлъ при тускломъ свѣтѣ луны, ни мальчика, котораго старался спасти, ни шлюпки, на которой спасалась команда.— Какая участь постигла ихъ я не могъ узнать, но считаю весьма необыточнымъ, чтобы они благополучно достигли берега, и по всему полагаю, что моя жизнь была спасена усиліями, которыя, повидимому, подвергали ее неизбѣжной гибели.

Я провелъ остатокъ ночи прильнувъ къ вантамъ несчастнаго Фелицидада, и страшно качаясь при каждомъ ударѣ, наносимомъ кораблю высокими волнами. Къ моему счастію, Фелицидадъ такъ твердо сидѣлъ на камняхъ, что его мачта, ежеминутно грозившая паденіемъ, все еще держалась надъ водой, и я сравнительно находился внѣ опасности Съ наступленіемъ утра вѣтеръ началъ стихать, солнце согрѣвало мои окоченѣвшіе и истомленные члены, и я уже могъ предаться размышленіямъ о лучшихъ средствахъ къ спасенію моей жизни.

Я видѣлъ, что Фелицидадъ ударился на мелкій рифъ или грядy камней, выдавшуюся на нѣсколько сотъ ярдовъ отъ высокихъ скалъ, на которыхъ замѣтны были небольшія мѣста, покрытыя зеленью. Оставивъ ванты, я осторожно спустился на палубу, и тамъ, послѣ тщательнаго и опаснаго обыска между множествомъ различныхъ предметовъ, выброшенныхъ изъ трюма, я, къ величайшему счастію, нашелъ двѣ бутылки водки, жестяную коробку съ сухарями, и небольшую деревянную чашку. Моимъ первымъ стараніемъ было по-

сложить эти неоцѣненныя сокровища въ безопасное мѣсто, и потомъ, привязавъ ихъ за спину, я ползкомъ началъ пробираться по неровнымъ и скользкимъ камнямъ, до-тѣхъ-поръ пока не увидѣлъ себя и запасъ моей провизіи въ совершенной безопасности на высокой скалѣ.

Вскарабкавшись па самую вершину этой пристани, я окинулъ взоромъ мои новыя владѣнія. Они состояли изъ неровной площади, простиравшейся на нѣсколько тысячъ ярдовъ, и образовавшей небольшой островъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ рифами, и отдѣлялся отъ длинной полосы, или, какъ я полагалъ, отъ одного изъ сѣверныхъ Азорскихъ острововъ, проливомъ шириною въ нѣсколько миль.

Каменистая площадка мѣстами была покрыта кактусомъ и гнѣздами морскихъ птицъ, — для которыхъ глубокія разщелины служили любимымъ пребываніемъ. — Я нашелъ также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собралась дождевая вода, въ достаточномъ количествѣ, чтобы удовлетворить мои непосредственныя нужды. Послѣ этихъ открытій я немедленно приступилъ къ приготовленію себѣ обѣда. При мнѣ находился ножикъ и коробочка съ трутомъ, а потому я срѣзалъ нѣсколько плодовъ кактуса, развелъ огонь изъ сухихъ листьевъ и вѣтокъ, испекъ нѣсколько яицъ, и вмѣстѣ съ корабельной провизіей, превосходно пообѣдалъ, и вполнѣ подкрѣпилъ свои силы.

Спустя нѣсколько часовъ я посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находился несчастный нашъ Фелицидадъ. Онъ быстро разрушался, и къ концу дня ничего уже болѣе не оставалось отъ него, кромѣ немногихъ обломковъ, которыя волны прибивали къ подножію скалы, на которой я находился.

Я употреблялъ всѣ возможныя усилія, чтобы собрать эти обломки, потому-что едва я вступилъ на каменистый островъ, какъ въ головѣ моей родился планъ перебраться черезъ заливъ, отдѣлявшій меня отъ обитаемыхъ Азорскихъ острововъ.

Выбравъ изъ выброшенныхъ къ берегу веревокъ и обломковъ то, что всего болѣе соотвѣтствовало моему намѣренію, я перенесъ ихъ на противуположный конецъ острова, и дѣятельно занялся сооруженіемъ плота. Когда кончилась эта работа, я приготовилъ столько печеныхъ яицъ, сколько могъ собрать ихъ, срѣзалъ зрѣлые плоды кактуса, и все это собралъ на мой плотъ.

Вѣтеръ, выбросившій Фелицидадъ на восточную сторону острова, былъ весьма благопріятенъ для моего задуманнаго предпріятія. Буря совершенно стихла, а еслибы и возобновилась, то гибельное дѣйствіе ея въ каналѣ, который мнѣ предстояло переплыть, было бы вовсе нечувствительно И такимъ-образомъ, поручивъ себя защитѣ Всеблагаго Промысла, я отвалилъ отъ острова на каменистую, но гостепріимную почву котораго недалѣе, какъ поутру, вскарабкался съ безпредѣльнымъ восторгомъ. Къ величайшей радости, я увидѣлъ, что плотъ мой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ своему назначенію, и что небольшой парусъ, который я поднялъ въ числѣ другихъ обломковъ, и который укрѣпленъ былъ мною на плоту, оказался совершенно удобнымъ для управленія моимъ кораблемъ.

Я подвигался впередъ весьма медленно, хотя и по прямому направленію, и могъ уже питать основательныя надежды, что втеченіе ночи совершу большую половину моего перехода. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безпрерывнаго бдѣнія, облегчаемаго въ небольшіе промежутки прерывистымъ сномъ, день снова занялся, и я увидѣлъ, что плотъ мой подвигался впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ я предполагалъ. Моя каменистая пристань оставалась далеко позади, и казалась теперь чорнымъ пятномъ среди пѣнящихся буруновъ, окружавшихъ ее, между-тѣмъ какъ противуположный берегъ раскрывался передо мной прелестной панорамой, освѣщенной лучами утренняго солнца. — Я видѣлъ на этомъ берегу узкій мысъ, далеко выдававшійся въ море, видѣлъ небольшія бѣлыя виллы, окруженныя роскошными садами, и даже небольшой городъ, или селеніе, расположенное по склону горы, поросшей невысокимъ кустарникомъ. Еще два часа, — думалъ я, — и я достигну этого плѣнительнаго мѣста, — я снова буду находиться на твердой землѣ, между гостепріимными жилищами подобныхъ мнѣ созданій.

Вмѣстѣ съ моимъ приближеніемъ, небольшой городокъ, которой составлялъ теперь главную цѣль моихъ желаній, ширился передо мной болѣе и болѣе. Я не могъ, однакоже, не замѣтить, что хотя онъ и лежалъ отъ меня вправо, когда я увидѣлъ его въ первый разъ, но въ это время находился уже прямо передо мной, и потомъ постепенно уходилъ влѣво и влѣво. Повидимому слабый вѣтерокъ дулъ мнѣ попутно, и долженъ бы принести меня прямо на этотъ пунктъ. — Вѣроятно въ этомъ каналѣ есть теченіе, подумалъ я; но

во всякомъ случаѣ, если только простоитъ этотъ вѣтеръ, я непремѣнно пристану къ берегу, хотя бы и гораздо правѣе, чѣмъ я полагалъ. — Около полудня сдѣлался совершенный штиль, и плотъ мой ни на шагъ не подвигался къ берегу. Теченіе проносило меня вдоль канала, до самаго вечера, когда зеркальная поверхность океана снова зарябила и заструилась мелкими полосками.

— Слава Богу! воскликнулъ я,— вѣтерокъ снова задуваетъ.

По прежнему я поднялъ свой парусъ, но чтобъ наполнить его, долженъ былъ нѣсколько разъ перемѣнить его направленіе.

— Боже милосердый! возможно ли снова воскликнулъ я. Неужели съ наступленіемъ вечера задулъ береговой вѣтеръ!

Тщетно старался я поставить мой парусъ такъ, чтобы приблизиться къ берегу, къ какому бы то ни было пункту. Какое ни давалъ я направленіе ему, вѣтеръ все-таки бралъ свое и уносилъ меня отъ берега. Наконецъ, я рѣшился спустить его, полагая что при слабомъ дѣйствіи вѣтра, плотъ мой останется неподвижнымъ Но увы! я не могъ скрыть отъ себя печальной истины! — я видѣлъ, что счастливый берегъ удалялся отъ меня. Я отрѣзалъ небольшой кусочекъ дерева, опустилъ его въ воду, и онъ тихо поплылъ по направленію къ берегу. Теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что меня самого уносило въ море.

Что мнѣ оставалось дѣлать? — Хотя я и былъ хорошій пловецъ, но рѣшиться достичь берега вплавь безъ плота было бы съ моей стороны явнымъ сумасшествіемъ. Направить плотъ къ берегу я не имѣлъ возможности; — остановить его пагубный ходъ грубымъ весломъ, въ которое я обратилъ одинъ изъ запасныхъ обломковъ, — на это не достало бы моихъ и безъ того уже слишкомъ изнуренныхъ силъ. — Чувствуя, что первымъ долгомъ было вооружиться мужествомъ, я, послѣ многихъ и тщетныхъ попытокъ противоборствовать постигшей меня участи, опустился на плотъ, и началъ съ спокойствіемъ, какимъ только могъ располагать, исчислять случаи, которые могли бы представиться къ спасенію моей жизни. Я насчиталъ только два: или вѣтеръ могъ еще перемѣнить свое направленіе и снова придвинуть къ берегу мой плотъ, или же я могъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь кораблемъ, и обратить на себя его вниманіе. Поручивъ себя еще разъ милосердію Всевышняго, я при-

могъ отдохнуть, и утомленный до крайности, вскорѣ заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ

Слѣдующее утро наступило съ невыразимой роскошью. Море было спокойно, небо безоблачно, — легкій вѣтерокъ попрежнему дулъ отъ берега, но увы! меня такъ далеко унесло въ открытое море, что и благопріятный вѣтеръ былъ бы теперь совершенно безполезенъ. Улыбающійся островъ, который еще наканунѣ я считалъ мѣстомъ моего убѣжища, моею гаванью, казался теперь темно-синеватой горой, возвышающейся надъ водяной равниной; нужно было еще разъ перемѣниться вѣтру, чтобы я могъ, хотя и слабо, надѣяться на приближеніе къ этому отдаленному и все еще удаляющемуся берегу. Какимъ-образомъ могу я описать или привести на память эти долгіе, скучные часы безполезнаго, безнадежнаго бдѣнія, которые наступили вмѣстѣ съ моимъ пробужденіемъ? Вотъ показался корабль далеко-далеко, на отдаленномъ горизонтѣ. Къ-вечеру показался и другой корабль гораздо ближе перваго; но хотя мой опытный глазъ и могъ разсмотрѣть ихъ, оттуда никто не могъ бы видѣть меня въ лучшіе телескопы, даже еслибъ я находился на нѣсколько миль ближе. Я старался, какъ можно бережливѣе, располагать скуднымъ запасомъ моей провизіи, но онъ исчезалъ быстро, а свѣжая вода, которой я успѣлъ спасти небольшое количество съ корабля, почти вся уже вышла. Медленно проходили скучные часы тщетныхъ ожиданій. Голодъ и жажда мучили меня невыносимо; послѣднія крошки провизіи, последняя драгоцѣнная капля воды — истощились.

Проходитъ другая темная и холодная ночь, наступаетъ другое блестящее утро, — оно какъ-будто смѣется надъ моимъ отчаяніемъ, смѣется, какъ бездушная красавица надъ мученіями отринутаго поклонника. Приходитъ полдень съ палящими лучами солнца, и еще сильнѣе раздуваетъ въ груди пламя неутоленной жажды — наступаетъ третій вечеръ.

Неужели я обманываюсь? Нѣтъ — это корабль, и какъ онъ близокъ ко мнѣ! Онъ, кажется, идетъ прямо на меня. — Да это корабль! близкій корабль — онъ можетъ, онъ долженъ увидѣть меня! Я собираю остатокъ слабыхъ силъ, поднимаю жалкое подобіе паруса, прицѣпляю къ низкой и грубой мачтѣ плота мою оборванную куртку. Наконецъ-то онъ видитъ меня, и вотъ приводитъ къ вѣтру, ложится въ дрейфъ! Но нѣтъ, мнѣ кажется, онъ поворачиваетъ на другой

глазъ. Порывъ его снова [illegible] плотъ отъ меня въ противную сторону.

И я бросаюсь на плотъ, и изъ груди моей вырывается громкій хохотъ безумнаго отчаянія.

XVII.

Когда чувства мои возвратились ко мнѣ, я увидѣлъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ, въ кругу незнакомыхъ лицъ.

— Мнѣ кажется, что онъ приходитъ въ чувство, — сказалъ чистымъ французскимъ нарѣчіемъ, мужчина угрюмой наружности.—Ma foi! il était temps.

— Гдѣ я? произнесъ я едва внятнымъ голосомъ, на томъ же нарѣчіи.

И меня увѣрили, что я нахожусь между друзьями, въ совершенной безопасности.

— Вѣрно я долго находился въ безпамятствѣ?

— Болѣе мѣсяца.

— Мнѣ кажется, что я на кораблѣ, и если не ошибаюсь, на военномъ. Скажите, какъ я попалъ сюда?

— Мы взяли васъ въ открытомъ морѣ, съ небольшаго плота.

— Какой это корабль?

— Французскій фрегатъ Корналина.

— Куда онъ плыветъ?

— На островъ Бурбонъ, съ депешами.

— Гдѣ мы находимся теперь?

— Между островомъ Св. Елены и мысомъ Доброй-Надежды.

— Съ кѣмъ я имѣю честь разговаривать?

— Съ корабельнымъ докторомъ. Я на минуту оставлю васъ, пойду сказать объ этой перемѣнѣ капитану, который сильно интересуется вами.

И вскорѣ капитанъ вошелъ въ мою каюту, изъявилъ искреннее удовольствіе, увидѣвъ меня въ болѣе утѣшительномъ положеніи, и просилъ меня безъ всякихъ церемоній требовать все, что бы я ни захотѣлъ, и что только можно было найти на его фрегатѣ.

Несмотря на вниманіе, которое оказывалось мнѣ со-всѣхъ-сторонъ на Корналинѣ, несмотря на попеченія доктора, здоровье мое

поправлялось весьма медленно. Страданія, которыя я перенесъ, были до такой степени велики и продолжительны, что весь мой организмъ получилъ весьма жестокій ударъ, и теперь требовалось все искусство опытнаго врача, чтобъ удалить ангела смерти отъ добычи, которую онъ опахнулъ своими крыльями. Спертый воздухъ моей каютки, безпрерывная суматоха и шумъ на всемъ фрегатѣ, сильная качка отъ постоянныхъ сильныхъ вѣтровъ весьма пагубно дѣйствовали на мое здоровье, и мое медленное выздоровленіе тянулось отъ одного дня до другаго.

Какъ часто въ эти уединенные и грустные часы предавался я сладкимъ воспоминаніямъ о виллѣ въ Оратавѣ и ея прекрасной владѣтельницѣ. О, Долоресъ, — думалъ я, — какъ мало ты знаешь, въ какомъ положеніи находится теперь тотъ, котораго образъ ты тщетно стараешься осуществить въ своихъ свѣтлыхъ очаровательныхъ глазахъ. Еслибы я могъ въ эту минуту взглянуть на тебя, еслибы я снова могъ дышать упоительнымъ воздухомъ, окружающимъ твое прекрасное мѣстопребываніе, еслибы я могъ хотя разъ пройти съ тобой въ твоемъ великолѣпномъ саду, я увѣренъ, что истомленная, усталая душа моя снова оживилась бы, и унылое сердце мое снова забилось бы радостью. Но теперь куда могу я обратиться за надеждой, за здоровьемъ, за счастіемъ?

Прошли недѣли, прежде чѣмъ мои ослабѣвшіе члены могли поддерживать меня, втеченіе получаса, на колеблющейся палубѣ; прошли мѣсяцы и я все еще оставался равнодушнымъ ко всему, что окружало меня; — я нисколько не заботился о будущемъ. Мы прибыли на островъ Бурбонъ, и вскорѣ оставили его; перешли Индѣйскій океанъ; — заходили въ Пондишери; плавали по китайскимъ морямъ, — а я попрежнему оставался въ какомъ-то безжизненномъ, неподвижномъ состояніи. На меня не производили никакого вліянія ни перемѣна времени, ни перемѣна мѣстности, ни перемѣна сценъ. Онѣ не приносили мнѣ ни силы, ни здоровья; не приносили ни малѣйшей отрады въ настоящемъ, ни малѣйшей надежды въ будущемъ.

— Я далъ бы очень дорого только зато, чтобъ увидѣть въ васъ признаки выздоровленія, — сказалъ мнѣ однажды капитанъ. Когда мы придемъ на Филлипинскіе острова, я нарочно простою тамъ подольше, найму для васъ небольшой домикъ на берегу, и надѣюсь, что тамъ вамъ будетъ спокойнѣе, чѣмъ здѣсь

— Вы очень добры, капитанъ, — отвѣчалъ я. Еслибъ заботы и великодушіе могли поправить меня, то мнѣ бы давно уже нужно быть здоровымъ, но я боюсь, что жизнь моя начинаетъ потухать во мнѣ.

— Мы часто такъ думаемъ, — замѣтилъ капитанъ, — особливо подъ вліяніемъ тяжкаго недуга или глубокой горести; а время, между-тѣмъ, возвращаетъ намъ силы, утѣшеніе или, по-крайней-мѣрѣ, укрѣпляетъ насъ и пріучаетъ переносить наши страданія. Быть-можетъ, я самъ бы давно не существовалъ, еслибъ юность не скрывала въ себѣ живительной силы, могучѣе той, какую она воображаетъ или полагаетъ.

Обращеніе капитана съ самаго начала чрезвычайно нравилось мнѣ, и имѣло какую-то особенную привлекательность. Гдѣ пріобрѣлъ мосье Ройомонъ высокое образованіе и необыкновенную вѣжливость, которыми отличались всѣ его слова и поступки, я не могъ себѣ представить. Съ грубыми и необразованными матросами, окружавшими его, онъ всегда обходился вѣжливо, и держалъ себя въ приличномъ отдаленіи; но когда онъ обращался ко мнѣ, его улыбка и голосъ всегда плѣняли меня, и разговоръ его всегда напоминалъ мнѣ разговоръ Торнтона, хотя и менѣе согрѣтый огнемъ ранней юности. Его характеръ былъ угрюмъ и молчаливъ. Нахмуривъ брови, онъ часто по цѣлымъ часамъ ходилъ по палубѣ одинъ одинешенекъ; и тогда казалось, какъ-будто онъ размышлялъ о какомъ-то печальномъ, минувшемъ происшествіи. Иногда онъ вдругъ останавливался, легкій трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ; — и тогда онъ медленно проводилъ рукой по бровямъ, какъ-будто стирая съ нихъ грустное, тяжелое воспоминаніе, и снова начиналъ свою одинокую прогулку.

Онъ казался мнѣ весьма хорошимъ морскимъ офицеромъ, обладавшимъ нетолько одними теоретическими свѣдѣніями, но обширнымъ опытомъ и практикой въ морскомъ искусствѣ, а чрезъ это пользовался большимъ уваженіемъ своихъ подчиненныхъ.

Между прочими признаками крайней учтивости Ройомона, я не могъ не замѣтить, что въ то время, какъ многіе изъ офицеровъ, съ которыми я иногда разговаривалъ, всѣми силами старались узнать мое настоящее положеніе въ обществѣ, онъ не только ни разу не спросилъ меня, но даже ни разу не намекнулъ и не обнаруживалъ своего любопытства по этому предмету. — Кромѣ того, хотя я обѣдалъ

вмѣстѣ съ офицерами, и по большей части находился въ ихъ обществѣ, но въ обращеніи Ройемана всегда оказывалось мнѣ предпочтеніе даже предъ старшими изъ его подчиненныхъ.

На все разспросы любопытныхъ, у меня всегда былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. — Я выдавалъ себя за сына англійскаго негоціанта, и весьма справедливо говорилъ, что возвращаясь въ Англію съ острова Мадеры, потерпѣлъ крушеніе у Азорскихъ острововъ. Я находилъ впослѣдствіи, что эта предосторожность была совершенно лишняя, но все же мнѣ казалось безопаснѣе не выдавать себя за офицера британскаго флота. Чрезъ это я совершенно устранилъ отъ себя всѣ непріятности и даже ссоры, которыя, весьма вѣроятно, легко могли бы возникнуть при исчисленіи достоинствъ двухъ враждующихъ флотовъ, еслибъ я открылъ свое настоящее званіе

По прибытіи въ Маниллу, капитанъ Ройомонъ, вѣрный своему великодушному обѣщанію, нанялъ для меня небольшую виллу, въ близкомъ разстояніи отъ города. И тамъ, къ его невыразимому удовольствію, мое здоровье и веселое расположеніе духа постепенно начали развиваться во мнѣ. Прекрасный воздухъ и плѣнительное мѣстоположеніе, веселый видъ дѣятельнаго города, послѣ скучнаго, однообразнаго и продолжительнаго плаванія, разнообразіе и изобиліе плодовъ, само-собою разумѣется, немало способствовали моему выздоровленію. Я не провелъ и мѣсяца на берегу, какъ уже во мнѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ слѣдовъ тяжкой и продолжительной болѣзни.

Бесѣды наши съ Ройомономъ длились теперь по цѣлымъ часамъ, и наша дружба увеличивалась съ каждымъ днемъ. Хотя мнѣ рѣдко удавалось вызвать улыбку на пасмурное лицо капитана, но несмотря на то, сознаніе въ совершенномъ возстановленіи той жизни, которую онъ, можно-сказать, вырвалъ изъ челюстей смерти, служило для него источникомъ безпредѣльнаго удовольствія; и я замѣчалъ, что въ великодушномъ попеченіи, которое онъ безпрерывно оказывалъ мнѣ, отражалась болѣе чѣмъ родительская нѣжность.

— Теперь, когда здоровье мое совершенно поправилось,—сказалъ я ему однажды поутру, — я долженъ разузнать здѣсь, какимъ бы образомъ мнѣ лучше отправиться въ Англію. Согласитесь, что при всей моей благодарности за ваши благодѣянія я нескоро сближусь съ моимъ отечествомъ, оставаясь на вашемъ фрегатѣ.

— Какъ же вы думаете возвратиться домой?

— Хорошенько я еще и самъ не знаю. Если здѣсь найдутся англійскіе купцы, то безъ всякаго сомнѣнія, они согласятся помочь мнѣ, на тѣхъ условіяхъ и основаніяхъ, которыя я могу предложить имъ. Если же я тутъ не успѣю, то наймусь на купеческій корабль, который довезетъ меня до Испаніи; а оттуда нетрудно будетъ добраться и до Англіи; я или тоже прокрадусь на купеческомъ кораблѣ, или попаду въ плѣнъ одному изъ нашихъ крейсеровъ. Чему вы удивляетесь, капитанъ?

— Меня чрезвычайно забавляютъ ваши слова. Поневолѣ согласишься, что Англичане народъ весьма странный, и что они вполнѣ заслуживаютъ названіе владѣтелей большей половины земнаго шара. Для примѣра возьмемъ хотя васъ: — вы еще человѣкъ не самостоятельный, — судя по вашимъ словамъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ сынъ обыкновеннаго купца; — не далѣе какъ вчера вы одной ногой стояли въ могилѣ, а сегодня такъ хладнокровно говорите о переходѣ съ одного конца земли на другой, не имѣя ни друга подлѣ себя, ни одного франка денегъ въ карманѣ, — какъ-будто для васъ это все равно, что перейти черезъ улицу.

— Но, капитанъ, вы нисколько не должны удивляться моему желанію сблизиться съ отечествомъ.

— Разумѣется, нѣтъ; но я не могу не согласиться съ собственнымъ своимъ убѣжденіемъ, что на мнѣ и теперь еще лежитъ отвѣтственность за васъ, и потому я ни за что не допущу васъ сдѣлаться жертвою своей неопытности. Оставивъ это мѣсто, я, согласно моей инструкціи, буду имѣть полное право немедленно возвратиться во Францію, и мнѣ кажется, что я прибуду на европейскія моря гораздо скорѣе всякаго судна, на которомъ бы вы отправились отсюда. А явившись туда, повѣрьте, что я нашелъ бы средства возвратить васъ вашему отечеству. Теперь вы ничего не можете сдѣлать лучшаго, какъ только остаться на моемъ фрегатѣ; вы должны теперь считать обязанностію въ отношеніи къ вашимъ роднымъ не рисковать своею жизнью, исключая тѣхъ только случаевъ, которые будутъ неизбѣжны.

— Но могу ли я такъ долго разсчитывать на великодушіе чужеземца, не смѣю сказать непріятеля? Я могу быть въ тягость ему....

— Въ этомъ отношеніи прошу васъ не безпокоиться. Въ былыя времена я самъ пользовался великодушіемъ вашихъ соотечественниковъ, и теперь считаю себя счастливымъ, что могу отплатить имъ. И если я могу еще внушить вамъ и вашимъ роднымъ хорошее мнѣніе о вашихъ противникахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я пренебрегаю службою моему отечеству.

— Пусть будетъ по вашему,—сказалъ я,—и дай Богъ, чтобы мнѣ когда-нибудь представился случай выразить вамъ всю мою душевную признательность..

Такимъ-образомъ я снова находился на фрегатѣ Корналина, въ то время, какъ онъ, оставивъ Маниллу, возвращался въ отечество чрезъ обширный Тихій-океанъ. Энергія моей души развивалась во мнѣ вмѣстѣ съ развитіемъ физическихъ силъ, и замѣтивъ, что Ройомонъ по части мореходства обладалъ гораздо обширнѣйшими свѣдѣніями въ сравненіи съ офицерами, съ которыми я успѣлъ хорошо ознакомиться, я поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность заимствовать отъ него этихъ свѣдѣній какъ можно больше. Вслѣдствіе этого, втеченіе долгихъ часовъ, которые мы проводили вмѣстѣ, я часто старался склонить разговоръ на предметы, тѣсно связанные съ наукой мореплаванія и управленія кораблемъ. Мои предварительныя познанія, которыя я тщательно старался скрыть, помогали мнѣ легко усвоивать все, что сообщалъ Ройомонъ. А это обстоятельство радовало его. Замѣчая вниманіе, съ которымъ я слушалъ его совѣты, онъ еще охотнѣе передавалъ ихъ, и находилъ удовольствіе въ нашихъ техническихъ бесѣдахъ.

Съ-тѣхъ-поръ я часто думалъ, что познанія, пріобрѣтенныя мною въ этихъ бесѣдахъ, непремѣнно должны принести мнѣ существенную пользу на моемъ поприщѣ, не потому только, что я пріобрѣталъ ихъ отъ даровитаго наставника, но и потому, что разрѣшая весьма трудные и сложные вопросы по правиламъ теоріи и практики, я уже не довольствовался теперь простымъ механическимъ затверживаньемъ формулъ, но старался постичь и усвоить тѣ правила, на которыхъ основывались эти формулы, и наконецъ усвоилъ ихъ.

Нашъ переходъ къ мысу Горну совершился быстро и благополучно; но едва вступили мы въ Магеллановъ-проливъ, какъ встрѣчены были странными бурями, которыми не безъ основанія славится это мѣсто. Во-время продолжительнаго плаванія Корналина лиш-

лись двухъ офицеровъ и многихъ отличныхъ матросовъ. Недостатокъ въ людяхъ сдѣлался весьма ощутителенъ. Команда, состоявшая по бóльшей части изъ конскриптовъ, была утомлена и упала духомъ, и обязанность Райомона сдѣлалась очень трудною. Мнѣ сильно хотѣлось предложить ему мои услуги, но показывая видъ, что я еще только начинаю собирать свѣдѣнія о морской наукѣ вообще, я не могъ принять на себя распоряженіе какой-нибудь частью корабля. Скрывая же такъ долго свои познанія, я считалъ теперь весьма неудобнымъ открыть ихъ капитану.

Прошло трое сутокъ, какъ мы терпѣли бурю гораздо сильнѣе той, которая выбросила на рифъ Фелицидадъ, а между-тѣмъ, свирѣпость ея нисколько не уменьшалась. Фокъ и два зарифленные марселя были вырваны, и мы летѣли, съ попутнымъ штормомъ, подъ одними снастями. Когда я, послѣ непродолжительнаго отдыха, вышелъ на палубу, передъ самымъ восходомъ солнца, я увидѣлъ, что небо и море были чорны, какъ смоль; огромныя волны быстро катились за кормой фрегата, догоняя его, и каждую минуту угрожая опуститься на него всей своей громадной массой; казалось, что весь горизонтъ былъ погруженъ въ сплошной кругъ пѣнящихся волнъ.

— Слава Богу, что заливъ здѣсь довольно широкъ и что мы теперь несемся прямо въ фордевиндъ — сказалъ я Ройомону. Признаюсь, я не желалъ бы теперь увидѣть берегъ съ подвѣтренной стороны.

Въ знакъ согласія, капитанъ выразительно приподнялъ свои брови, и потомъ сказалъ.

— Надо надѣяться, что вѣтеръ не перемѣнитъ направленія, пока не стихнетъ его ярость; въ противномъ случаѣ никакое искусство не спасетъ насъ отъ гибели.

Постоявъ немного подлѣ Ройомона, я отправился на фокъ-марсъ, и встрѣтившійся тамъ со мною случай принудилъ меня наконецъ обнаружить свои морскія способности.

Вскарабкавшись на марсъ и пристально взглянувъ въ мрачную даль, мнѣ показалась впереди, въ недальнемъ разстояніи, длинная полоса бѣлыхъ буруновъ. Это страшное открытіе заставило меня въ одну минуту спуститься на палубу; я попросилъ у капитана трубу, и мои предположенія вскорѣ подтвердились. Я сообщилъ объ этомъ Ройомону, и онъ послѣдовалъ за мной на бакъ, откуда, въ разсто-

янiи двухъ миль для опытнаго глаза открылась гряда скалъ. Ройемонъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, и потомъ тихо сказалъ:

— Мы погибли, мой другъ.

— Боюсь, что вы правы, — отвѣчалъ я: однако, какъ вы думаете, — не бросить ли намъ якорь?

— Помилуйте, какой якорь, и какой канатъ удержитъ насъ между этими скалами и при этомъ ураганѣ? сказалъ Ройемонъ. Во всякомъ случаѣ, мы должны попробовать. Теперь одно только это средство и остается намъ, хотя правду сказать, я нисколько не надѣюсь на него.

И два якоря, по командѣ капитана, опустились въ воду. На нѣсколько минутъ фрегатъ, повидимому, находился въ совершенной безопасности, и я возвратился на бакъ продолжать мои наблюденія. Но спустя немного, Ройомонъ подошелъ ко мнѣ, и тихимъ, спокойнымъ голосомъ сказалъ, что оба каната лопнули, и что фрегатъ сильно дрейфуетъ.

— Взгляните сюда! сказалъ я. Я все время разсматривалъ эту гряду скалъ, и сколько могу судить, съ правой стороны отъ насъ, между этими скалами находится открытый каналъ. Посмотрите сами, если не вѣрите.

— Можетъ быть; легко можетъ быть, отвѣчалъ Ройемонъ, осматривая ту часть скалъ, на которую я обратилъ его вниманіе. Но мнѣ кажется, что ваши глаза лучше моихъ; море такъ взволновано, что я съ трудомъ отличаю буруны отъ обыкновенныхъ волнъ.

— Я, увѣренъ, что я не ошибаюсь, — сказалъ я. Проведите линію вотъ по этому направленію, и вы увидите сначала довольно высокія скалы, потомъ вы увидите страшный прибой, который столбами поднимается кверху, и наконецъ, возьмите еще поправѣе, и вы остановитесь на томъ самомъ пунктѣ, на который я хочу обратить ваше вниманіе. Замѣчаете ли, что тамъ вовсе нѣтъ буруновъ, — тамъ нѣтъ ничего кромѣ пѣны отъ волнъ. Смотрите еще правѣе, — видите, какъ волны снова начинаютъ подниматься бѣлыми столбами? Я неразъ замѣчалъ подобное явленіе у береговъ Бретани. Я увѣренъ, что тутъ находится безопасный проходъ; и если мы успѣемъ добраться до него, — то фрегатъ вашъ спасенъ.

— Посмотримъ, чтó будетъ, но попытаться нужно. Я поставлю всѣ штормовые стаксели. Вы остáвайтесь здѣсь; я пришлю къ вамъ двухъ лучшихъ марсовыхъ, съ помощію которыхъ вы будете располагать ходомъ фрегата.

Опасность была такъ очевидна, и единодушіе между мной и французскимъ капитаномъ такъ велико, что никто изъ насъ не замѣтилъ, что мы сообщали свои мнѣнія другъ-другу такъ откровенно, какъ-будто оба находились въ одной службѣ, и оба исполняли одну обязанность.

Стаксели были поставлены, но въ то время какъ фрегатъ болѣе и болѣе сближался съ роковой грядой, мнѣ показалось, что мы быстро удалялись отъ безопаснаго прохода, и что для лучшаго управленія фрегатомъ, непремѣнно нужно было поставить какъ можно больше парусовъ. Я не могъ не сообщить этого замѣчанія Ройомону, и всѣми силами старался убѣдить его поставить, хотя на короткое время, гротъ-марсель. Ройомонъ самъ замѣчалъ это, и по его командѣ шестеро лучшихъ марсовыхъ пустились на марсъ. Но команда Корнилины была до того утомлена въ эти три дня, что силы измѣнили ей при столь опасной и трудной операціи.

Неистовство шторма дошло до высшей степени. Одинъ изъ марсовыхъ, потомъ другой, третій были сорваны съ реи страшнымъ порывомъ вѣтра, и въ одинъ мигъ исчезли въ кипящей пучинѣ. Четвертый упалъ на палубу, и на нашихъ глазахъ разбился до смерти.

— Пошлите на марсъ еще шестерыхъ, — сказалъ Ройомонъ, принимая рупоръ отъ вахтеннаго лейтенанта. Но въ это время самыя неустрашимыя сердца дрогнули, и изъ команды поднялся крикъ, что безполезно подвергать опасности жизнь большаго числа людей.

— Вы съума сошли! вскричалъ капитанъ. Развѣ вы не видите, что жизнь каждаго изъ васъ зависитъ теперь отъ одного немедленнаго повиновенія.

Но и на этотъ разъ никто не тронулся съ мѣста.

— Чего же вы хотите? вскричалъ взбѣшенный Ройомонъ. — Вы хотите, чтобы я самъ пошелъ на марсъ и показалъ вамъ дорогу?

Я не могъ долѣе оставаться хладнокровнымъ зрителемъ неизбѣжной гибели, — и въ туже минуту подошелъ къ здоровому, сильному матросу, который, повидимому, весьма охотно пошелъ бы на марсъ.

— Voyons, mon ami, сказалъ я ему, —á nous les deux empointures, пойдемъ, мой другъ — мы будемъ штыкболтными сегодня. И вмѣстѣ съ этимъ вскочилъ на ванты.

Мой примѣръ и убѣдительныя слова капитана произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. За мной немедленно послѣдовали восемь человѣкъ, и вскорѣ на марсѣ образовался изъ насъ весьма достаточный отрядъ. Продолжая удерживать за собой первенство, я совершенно забылъ о катастрофѣ, которая случилась за нѣсколько минутъ назадъ, и вѣрный своему слову, бросился на оконечность реи и принялся завязывать штыкъ-болтъ На Кёллоденѣ это составляло нерѣдкіе и любимые мои подвиги; но несмотря на свою опытность въ этомъ дѣлѣ, я никогда не рѣшился бы взяться за него при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Казалось, что вся сила шторма была направлена на меня, и каждую секунду готова была сорвать меня съ моего шаткаго и скользкаго сидѣнья. Во всю мою жизнь я еще ни разу не встрѣчалъ такой отчаянной необходимости въ твердости воли и въ силѣ рукъ. Французскіе матросы, изумленные присутствіемъ и работой молодаго Англичанина, который, по ихъ мнѣнію, никогда не видывалъ моря, — усердно принимались за работу; одинъ рифъ за другимъ быстро закрѣплялся, и наконецъ гротъ-марсель былъ готовъ. Я спустился на палубу, и подойдя къ Ройомону, къ невыразимой радости услышалъ, какъ четверо сильныхъ рулевыхъ объявили ему, что фрегатъ «слушаетъ руля».

— И прекрасно, — сказалъ Ройомонъ. Держи немного покруче, — къ вѣтру! къ вѣтру! и мы пойдемъ превосходно.

Мои предположенія и догадки вскорѣ оправдались на самомъ дѣлѣ. Фрегатъ быстро подбѣжалъ къ глубокому каналу, и хотя по обѣимъ сторонамъ его, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, возвышались черныя скалы, но опасность миновалась. Мы прошли эти страшныя ворота съ величайшими предосторожностями, и вскорѣ очутились на открытомъ и безопасномъ мѣстѣ.

Штормъ продолжался еще несколько часовъ съ неукротимой силой; — но въ это время онъ унесъ насъ на значительное разстояніе отъ опасныхъ береговъ, къ которымъ мы приблизились втеченіе ночи. Съ наступленіемъ вечера вѣтеръ замѣтно утихъ, проливъ становился уже и уже, — и къ закату солнца мы уже стояли на якорѣ въ небольшой и закрытой бухтѣ.

— Вы спасли мой фрегатъ, — сказалъ Ройомонъ, обращаясь ко мнѣ, — но въ тоже время измѣнили себѣ. Скажите мнѣ пожалуйста, почему вы съ перваго разу не объявили мнѣ, что вы британскій морской офицеръ.

— Я не сталъ бы скрывать этого отъ васъ, еслибъ вы хоть разъ спросили меня. Притомъ же съ самаго начала я полагалъ весьма натуральнымъ скрыть мое настоящее званіе отъ тѣхъ, кого я иначе могъ считать, какъ чужеземцами и врагами моего отечества.

— Въ такомъ случаѣ я не стану больше дѣлать вамъ нескромныхъ вопросовъ, — возразилъ Ройомонъ, и разговоръ нашъ прекратился на нѣкоторое время.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, спустя три недѣли послѣ описаннаго происшествія, когда мы переплыли уже значительную часть океана, Ройомонъ, послѣ прогулки со мной по палубѣ, пригласилъ меня въ каюту, и тамъ, раскрывъ цѣлую кипу старыхъ англійскихъ газетъ, вручилъ мнѣ одинъ изъ нумеровъ, въ которомъ, по его словамъ, заключались весьма интересныя извѣстія. Я присѣлъ на минуту, посмотрѣть эти извѣстія, и вниманіе мое немедленно остановилось на извѣстіи слѣдующаго содержанія:

«Къ душевному нашему прискорбію, до насъ дошли свѣдѣнія, что знаменитая фамилія маркиза Арлингфорда надѣла трауръ, по случаю смерти лорда Эдварда Рокингема, младшаго сына маркиза, который, въ чемъ уже нѣтъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими храбрыми соотечественниками, былъ убитъ въ кровопролитномъ сраженіи у Санта-Круца. Лордъ Эдвардъ былъ молодой офицеръ, подававшій большія надежды. Его ранняя утрата будетъ предметомъ глубокой горести для всѣхъ, кто зналъ его».

Прочитавъ внимательно это извѣстіе, я на минуту приподнялъ глаза, и увидѣлъ что глаза Ройомона были устремлены на меня съ выраженіемъ глубокаго участія. Его улыбка выражала болѣе, чѣмъ можно было бы высказать словами, но такъ какъ онъ не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса, то и я съ своей стороны сохранялъ молчаніе.

— Быть-можетъ, для этого семейства еще наступитъ счастливый день, — сказалъ онъ наконецъ.

— Еслибъ чародѣи имѣли ваши лѣта и вашу наружность, то я бы непремѣнно принялъ васъ за одного изъ нихъ, — отвѣчалъ я съ невольнымъ смѣхомъ. — Скажите, капитанъ, какимъ-образомъ вы узнали меня?

— Если вы хотите сохранить строгое инкогнито, то совѣтую вамъ на будущее время не носить на перстнѣ герба вашей фамиліи.

— Но какимъ-образомъ могли вы знать, что этотъ гербъ принадлежитъ нашей фамиліи?

— Очень просто. Было время, когда я внимательно и весьма охотно занимался политикой и изучалъ исторію вашего государства, которую, какъ говорилъ мнѣ одинъ изъ вашихъ офицеровъ, весьма трудно и часто невозможно понимать, не имѣя подъ рукой родословной вашихъ аристократическихъ фамилій. Поэтому-то въ числѣ моихъ книгъ всегда найдете вы нѣсколько генеалогій вашихъ соотечественниковъ. Вы вѣрно не забыли, какъ однажды вечеромъ я просилъ васъ, одолжить мнѣ оттискъ вашей печати? Теперь мнѣ можно признаться, что я дѣлалъ это съ той цѣлью, чтобъ удостовѣриться, не ошибаюсь ли я, судя по вашей наружности, въ томъ, что вы принадлежите къ одной изъ благороднѣйшихъ англійскихъ фамилій. Вашъ девизъ съ перваго раза поразилъ меня. Я вспомнилъ, что, разбирая родословную вашихъ перовъ, я гдѣ-то встрѣчалъ его, и послѣ внимательныхъ розысканій, узналъ наконецъ кому онъ принадлежитъ; мало того, я узналъ ваше имя и возрастъ. Въ Маниллѣ я пріобрѣлъ вотъ эти газеты, и это извѣстіе, которое такъ близко касается васъ, потому-что находится въ тѣсной связи съ тѣми событіями, при которыхъ вы начали свое морское поприще, — это извѣстіе, говорю я, подтвердило мои догадки, что вы именно то самое лицо, о которомъ говорится здѣсь.

— Повѣрьте, капитанъ, отвѣчалъ я, — я ни за чтó не сталъ бы скрываться передъ вами, еслибъ вы хоть разъ завели разговоръ объ этомъ предметѣ.

— Мой другъ, я не обвиняю васъ за этотъ поступокъ, — возразилъ капитанъ: — напротивъ того, нахожу, что вы поступили весьма благоразумно. Конечно, со мной вы могли считать себя въ совершенной безопасности, точно также, я полагаю и со всѣми французскими офицерами; — но могло пожалуй случиться и то, что выискались бы такіе люди, которые непремѣнно захотѣли бы привезти съ собой въ Парижъ такого интереснаго плѣнника, какъ вы

Если только можно допустить, что дружба моя съ Ройомономъ могла еще увеличиться, то въ это время она увеличилась. Я сдѣлался его ежедневнымъ гостемъ, постояннымъ собесѣдникомъ, и мы откровенно разсуждали съ нимъ о множествѣ предметовъ, за исключеніемъ только его личной исторіи. Съ этой стороны, хотя любопытство сильно подстрекало меня узнать причину постоянной угрюмости, которая покоилась на нахмуренныхъ бровяхъ капитана, я не могъ однакоже вызвать моего новаго друга на откровенность. Надѣясь еще болѣе выиграть его довѣріе, я откровенно разсказалъ ему всѣ подробности моей жизни, мои приключенія въ домѣ мистрисъ Вентвортъ, мое пребываніе въ Оратавѣ, и мою любовь къ кузинѣ. Ко всему этому, а въ особенности къ тому, чтò связывалось съ моими сердечными дѣлами, Ройомонъ прислушивался съ величайшимъ вниманіемъ; я даже удивлялся тому участію, съ которымъ онъ разспрашивалъ меня касательно моихъ видовъ и видовъ моего старшаго брата. Хотя въ этихъ дружескихъ бесѣдахъ я часто замѣчалъ его желаніе открыться мнѣ, но несмотря на то, онъ говорилъ весьма немного, — и однажды, когда я сильнѣе обыкновеннаго приступилъ къ нему съ разспросами, онъ крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ:

— Ради Бога не спрашивайте меня о минувшихъ дняхъ моей жизни; мнѣ нетолько страшно говорить, но я страшусь даже вспоминать о нихъ.

Нашъ рейсъ черезъ Южный Атлантическій океанъ совершился чрезвычайно успѣшно. Мы прибыли въ Вестъ-Индію безъ всякихъ

новыхъ приключеній; заходили на весьма короткое время на главные французскіе острова, а потомъ отправились въ Порто-Рико, съ депешами, которыя Ройомонъ взялся доставить отъ мѣстныхъ властей. Наша стоянка въ Порто-Рико имѣла для меня особенную прелесть; жители порта приходили въ восторгъ отъ нашего прибытія, тѣмъ болѣе, что нетакъ давно еще около береговъ ихъ постоянно крейсировалъ британскій военный корабль, и наносилъ торговлѣ ихъ весьма чувствительный вредъ.

XVIII.

Однажды утромъ, прогуливаясь по палубѣ Корналины, я увидѣлъ далеко въ открытомъ морѣ, судно, которое, на мой взглядъ, имѣло всѣ признаки военнаго корабля. Когда я подошелъ къ Ройомону, попросить на минуту его телескопа, я увидѣлъ что онъ самъ весьма значительно осматривалъ появившагося незнакомца.

— Мнѣ кажется, что этотъ корабль съ артиллеріей, сказалъ я Ройомону.

— Я самъ сначала думалъ это, отвѣчалъ Ройомонъ, — но разсмотрѣвъ его, мнѣ кажется, что это одинъ изъ большихъ кораблей съ острова Кубы.

— Позвольте мнѣ на минуту вашу трубу, сказалъ я.

— Она испортилась у меня: вы ничего не увидите въ нее, — отвѣчалъ Ройомонъ довольно отрывисто, и заставилъ меня призадуматься надъ противорѣчіемъ, которое обнаруживалось въ его послѣднихъ двухъ отвѣтахъ.

Вскорѣ послѣ того, я увидѣлъ что Ройомонъ весьма серьезно разговаривалъ съ старшимъ лейтенантомъ и боцманомъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, посмотрѣлъ на подозрительный корабль въ ту самую трубу, которая, по словамъ капитана, была негодна для употребленія. Поставивъ себѣ за правило никогда не утруждать офицеровъ Корналины нескромными вопросами, я не сказалъ Ройомону

ни слова; а между-тѣмъ корабль, который за минуту передъ этимъ привлекъ на себя такое вниманіе, вскорѣ скрылся за длиннымъ мысомъ, которымъ закрывался заливъ съ сѣверной стороны.

Втеченіе нѣсколькихъ послѣполуденныхъ часовъ безпрерывно посылались люди на салинги и даже на самыя вершины мачтъ, и я замѣтилъ, что капитанъ весьма нетерпѣливо ждалъ отвѣтовъ ихъ, и что эти отвѣты, повидимому сильнѣе подтверждали предположенія и опасенія капитана. За-обѣдомъ, Ройомонъ обходился со мной вѣжливѣе обыкновеннаго, и я замѣтилъ на лицѣ его тоже самое выраженіе, какое носило оно въ то утро, когда мы боролись съ изступленнымъ бѣшенствомъ торнадо; — я замѣтилъ въ его взглядѣ твердую рѣшимость и сильное, но скрытное душевное волненіе. Эти легкіе признаки, и какое-то странное предчувствіе, которое всегда служило для меня неопредѣленнымъ, но вѣрнымъ предвѣстникомъ новаго событія въ моей жизни, поглощали всѣ мои мысли и углубляли меня въ размышленія втеченіе цѣлаго вечера.

Я удалился въ каюту въ обыкновенное время, но прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ я могъ сомкнуть глаза; и когда сонъ овладѣлъ моими чувствами, я не могу сказать, что они тогда покоились; нѣтъ, ихъ безпрестанно тревожили тяжелыя и зловѣщія видѣнія. Я видѣлъ во снѣ, что моя висячая койка начинала колыхаться, что волны морскія плескали по обѣимъ ея сторонамъ, точь-въ-точь какъ на барказѣ Си-горса, во-время нашего ночнаго нападенія на Тенерифъ. Весь берегъ освѣщался сторожевыми огнями и яркими выстрѣлами изъ крѣпостныхъ орудій, но мы стройно выдвигались впередъ, и Торнтонъ, несмотря на приказаніе Нельсона, командовалъ передней шлюпкой. Мы достигли берега, но здѣсь насъ встрѣтилъ такой сильный прибой морскихъ волнъ, что загруженная шлюпка наша бросалась изъ стороны въ сторону, какъ бѣшеная лошадь. Тщетно старались мы осадить ее, она рвалась, билась о камни, наконецъ треснула, и мы погрузились въ ревущую пучину.

Я проснулся; но сонныя видѣнія такъ живо сохранились въ моей памяти, что прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ я могъ привести въ порядокъ мои блуждающія мысли. Я не могъ уже заснуть

вторично; меня тяготило какое-то непріятное чувство, и, надѣясь освѣжить себя прохладнымъ ночнымъ воздухомъ, я вышелъ на палубу едва слышными шагами. Сдѣлавъ по шканцамъ нѣсколько поворотовъ, я прислонился къ одной изъ каронадъ. Мои взоры устремлены были въ туманную даль широко разстилавшагося передо мной океана, между-тѣмъ какъ мысли витали надъ мѣстами, пробужденными въ моемъ воспоминаніи ночными грезами.

Но вдругъ мнѣ представилось, будто я вижу, на самой серединѣ широкой и покрытой яркими блестками полосы, которую луна отразила въ гладкой, неподвижной поверхности залива, три небольшія черныя пятна. Я сталъ внимательно наблюдать, ихъ потому-что размѣры ихъ быстро увеличивались, когда позади меня раздался звучный и знакомый голосъ.

— Зачѣмъ вы такъ рано проснулись, Эдвардъ, сказалъ Ройомонъ, ужъ не хотите ли любоваться картиной восходящаго солнца? Мнѣ очень жаль, что на этотъ разъ ваше желаніе не можетъ исполниться. Вы, вѣрно, не знаете, что черезъ полчаса у насъ начнется жаркая схватка, и что во-время ея вамъ ни подъ какимъ видомъ нельзя оставаться на палубѣ.

И въ разговорѣ, который завязался между нами, Ройомонъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ старался доказать необходимость, по которой мнѣ должно было оставаться внизу во-время предстоящаго сраженія, а я, въ свою очередь, старался выпросить его позволеніе оставаться на палубѣ простымъ зрителемъ сцены, которая, весьма вѣроятно, должна быть чрезвычайно интересна. Наконецъ, капитанъ, очевидно нехотѣвшій отказать мнѣ, и кромѣ-того озабоченый другими дѣлами, согласился сдѣлать мнѣ это снисхожденіе, но неиначе какъ, взявъ съ меня благородное слово, что я не буду участвовать въ сраженіи ни дѣломъ, ни словомъ, ни даже взглядомъ.

Теперь только я увидѣлъ, что всѣ приготовленія къ дѣйствію были сдѣланы заблаговременно, что вся команда Корналины была вооружена, но что, за исключеніемъ десятка матросовъ, которымъ приказано было бродить по палубѣ, или притвориться сонными, остальные скрывались внизу, совершенно готовые выбѣжать наверхъ по первому призыву.

Непріятельскія шлюбки быстро приближались къ нашему фрегату. До меня долеталъ уже слабый стукъ перевязанныхъ веселъ, и я могъ различать головы и сверкающее оружіе людей, наполнявшихъ шлюпки; вскорѣ послышался и тихій говоръ ихъ, въ то время какъ они радостно приближались къ мѣсту сраженія. О, какъ глубоко западали въ мое сердце знакомые звуки этого говора!

Вотъ они уже и подлѣ борта. Спрятавшись за одну изъ шканечныхъ пушекъ, я внятно слышалъ шаги моихъ соотечественниковъ, съ одушевленіемъ влезавшихъ на ожидаемый призъ. Вотъ показалось черезъ бортъ первое, круглое и доброе лицо одного высокаго, здороваго матроса, потомъ другое, третье, потомъ прекрасная головка юнаго мичмана, съ фуражкой въ рукѣ; онъ ободрялъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ, какъ можно скорѣе подниматься.

— Впередъ, друзья мои, впередъ! вполголоса восклицалъ онъ; смотрите въ оба, не робѣйте! и добыча наша!

Одно слово, и я успѣлъ бы спасти ихъ; одинъ крикъ предосторожности, и мои соотечественники еще избѣгнули бы той страшной участи, которая ожидала ихъ со всѣхъ сторонъ. Я не могъ дольше переносить этого зрѣлища. Я всталъ и бросился впередъ; но въ ту же минуту на грудь мою упала желѣзная рука Ройомона, холодное дуло его пистолета прильнуло къ моему лбу, и въ ушахъ моихъ зазвучалъ его тихій, но внятный голосъ.

— Malheureux! Гдѣ же твое благородное слово! Если ты пошевелишься, то клянусь, что эта пуля останется въ твоей головѣ!

Проклиная минуту, въ которую я далъ Ройомону эту роковую, но торжественную клятву, я началъ умолять его освободить меня отъ нея. Но разговоръ нашъ не остался непримѣченнымъ британскимъ офицеромъ.

— Какіе вы неповоротливые! вскричалъ онъ, обращаясь къ своей шлюпкѣ, заснули, что ли? ползутъ-не-ползутъ, а между-тѣмъ здѣсь начинаютъ просыпаться. Проворнѣй вылезать!

— Стройтесь и палите! въ свою очередь воскликнулъ Ройомонъ, и палуба покрылась вооруженными людьми.

— Эге! да они насъ поджидали, сказалъ изумленный мичманъ, отступивъ немного назадъ. Дѣлать нечего, молодцы, не отступать же намъ въ эту минуту — впередъ! и мы успѣемъ еще сдѣлать свое дѣло!

Я упалъ на колѣни, и закрывъ руками лицо, чтобъ не быть свидѣтелемъ ужаснаго результата необдуманнаго нападенія, молилъ Всевышняго защитить флагъ моей родной Англіи въ такую критическую минуту!

Ружейные залпы раздавались за залпами, и громкіе крики вызова на смертный бой, вскорѣ замѣнились, увы! предсмертными стонами тѣхъ храбрецовъ, которые падали, чтобы уже больше не вставать. Но посреди всеобщей суматохи, голосъ неустрашимаго мичмана звучнѣе и внятнѣе всѣхъ голосовъ долеталъ до моего слуха. Онъ грозно напоминалъ своимъ сподвижникамъ, что если отступятъ они хоть на шагъ, то все погибло! Грозные звуки битвы усиливались, стихали, снова поднимались, и наконецъ замолкли. Но я все еще не смѣлъ открыть глазъ. Наконецъ я почувствовалъ, какъ дружеская рука опустилась на мое плечо.

— Все кончилось, — сказалъ Ройомонъ, съ привычнымъ хладнокровіемъ. Мы, по возможности, старались щадить нашихъ соотечественниковъ, но оказалось весьма труднымъ, принудить ихъ сдаться. Намъ должно немедленно сняться съ якоря и сдѣлать нападеніе на самое судно, которое прислало намъ такое горячее привѣтствіе.

— Скажите, что сдѣлалось, съ офицеромъ? -- спросилъ я.

— Я боюсь, что его военные подвиги окончились. Теперь онъ въ рукахъ нашего доктора, который сдѣлаетъ для него все, что только можно.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ прибытіемъ испанскаго офицера, командира одной изъ таможенныхъ прибрежныхъ канонирскихъ лодокъ. Онъ поспѣшилъ къ намъ узнать подробности ночнаго нападенія. Я видѣлъ, что Ройомонъ всячески старался проводить его съ фрегата, и продолжать свои распоряженіи безъ посторонней помощи; но Испанецъ замѣтилъ, что мы снимались съ якоря, и прежде чѣмъ мы успѣли сойти съ рейда, какъ къ намъ присоединились еще двѣ канонерскія лодки.

Когда мы выбрались за низкій мысъ, прикрывавшій бухту, передъ нами, въ четверти мили разстоянія, открылся англійскій военный бригъ на якорѣ. Рѣшиться вступить съ нами въ бой, не имѣя на себѣ и половины команды, было бы со стороны брига верхъ неблагоразумія, — и потому онъ едва только замѣтилъ наше приближеніе, какъ въ ту же минуту высучилъ канатъ и пустился въ открытое

море, преслѣдуемый Корналиной и двумя канонерскими лодками. Въ теченіе получаса поддерживалась съ той и другой стороны жаркая перестрѣлка изъ погонныхъ бортовъ. Я видѣлъ, что Корналина быстро нагоняла своего противника, какъ вдругъ надъ нашими головами раздался оглушительный трескъ, и фокъ-стеньга Корналины повалилась на бокъ.

Реймонъ топнулъ ногой, и съ громкой бранью, которую я въ первый разъ услышалъ отъ него, проклиналъ выстрѣлъ, разрушившій всѣ его надежды. Среди безмолвія ночи, я внятно услышалъ отдаленное ура! моихъ соотечественниковъ, посланное вмѣстѣ съ залпомъ на прощанье ихъ обезоруженному противнику. Хотя этотъ крикъ радостно отозвался въ моей душѣ, но великодушіе Реймона удерживало меня отъ выраженія чувствъ, которыя ни подъ какимъ видомъ не могли согласоваться съ его горькимъ разочарованіемъ. — Мы немедленно возратились въ гавань; — команду отпустили спать, оставивъ до другаго дня всѣ исправленія.

Я до такой степени увлекся событіями ночи, что едва не забылъ молодаго офицера, котораго храбрость при началѣ нападенія возбудила во мнѣ живѣйшее къ нему участіе. Кто то сказалъ мнѣ въ это время, что свѣжій воздухъ произведетъ на него благодѣтельное вліяніе, и я безъ всякаго затрудненія получилъ согласіе Реймона, вынести его на палубу, какъ только на Корналинѣ все успокоится. Мое намѣреніе было исполнено съ величайшей осторожностью и подъ присмотромъ нашего доктора. И когда, при слабомъ свѣтѣ утренней зари, я взглянулъ на безчувственнаго страдальца, — въ измѣнившемся и покрытомъ смертною блѣдностью лицѣ, я узналъ черты школьнаго товарища Мордаунта.

Спустя нѣсколько минутъ, утренній воздухъ, повидимому, оживилъ его. — Онъ нѣсколько разъ пошевелился, испустилъ два три тяжелыхъ стона, и наконецъ, открывъ глаза, спросилъ гдѣ онъ находится!

— Въ безопасномъ мѣстѣ, — и подлѣ стараго друга, отвѣчалъ я.

Мордаунтъ съ безпокойствомъ взглянулъ на меня, и приподнявшись съ болѣзненнымъ усиліемъ, сказалъ:

— Неужели это голосъ Рокингема? — Да, это его голосъ... и его лицо; но какимъ же образомъ очутился ты на Ватеръ-Витчѣ?

— Ты ошибаешься мой другъ; — я теперь не на Ватеръ-Витчѣ, —

отвѣчалъ я, — стараясь постепенно привести его къ сознанію его настоящаго положенія.

— Ахъ да! теперь я помню,—произнесъ Мордаунтъ, едва слышнымъ голосомъ: помню, что я упалъ отъ этого жестокаго удара сабли. А гдѣ же мои люди?

— Тѣ, которые уже болѣе не существуютъ, отвѣчалъ я, умерли смертію героевъ; —а съ тѣми, которые остались въ живыхъ, обходятся здѣсь весьма великодушно.

— Но я не понимаю, Рокингемъ, какъ ты попалъ сюда.... вѣдь здѣсь все непріятели?

— Твоя правда, и я въ плѣну у этихъ непріятелей.

— Въ плѣну! печально произнесъ Мордаунтъ. Значитъ и моя точно такая же участь! Но я надѣюсь, что это не надолго; ты слышалъ, что поговариваетъ докторъ обо мнѣ?

— Онъ подаетъ еще надежду.

— Очень слабую, Рокингемъ, не правда ли?—Одна изъ пуль плотно засѣла вотъ сюда.—И Мордаунтъ схватился за грудь, съ выраженіемъ тяжкаго страданія.

— Что тебѣ вздумалось, Мордаунтъ,—спросилъ я послѣ минутнаго молчанія, —что тебѣ вздумалось пуститься на такое безразсудное, отчаянное предпріятіе?

— Ахъ, другъ мой, —съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ тобой,—не такія вещи сходили съ моихъ рукъ, хотя я знаю про себя, что я родился вовсе не подъ счастливой планетой. — Видишь ли въ чемъ дѣло, Рокингемъ?—Командиръ на Ватеръ-Витчѣ, человѣкъ молодой, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, а главное, такъ онъ приндется племянникъ одному изъ младшихъ членовъ нашего адмиралтейства.... Еслибъ въ сегодняшнюю ночь я выигралъ ему второй эполетъ,—продолжалъ Мордаунтъ съ горькой улыбкой,—то, можетъ-быть, и меня упомянули бы въ оффиціальномъ донесеніи, — а тамъ смотришь, какъ стукнетъ пятьдесятъ, такъ сдѣлали бы и меня капитаномъ.

— Въ пятьдесятъ лѣтъ капитаномъ!— ты шутишь Мордаунтъ, — сказалъ я, стараясь развеселить его. Я готовъ держать пари, что увижу тебя адмираломъ гораздо раньше этого срока.

— Теперь это ровно ни къ чему не ведетъ, Рокингемъ,—продолжалъ Мордаунтъ. Спустя еще часъ времени, и я знаю, гдѣ я буду,

или лучше сказать, знаю гдѣ меня не будетъ. Жалѣть мнѣ, слава Богу! не о чемъ. Вся моя жизнь состояла изъ безпрерывной цѣпи огорченій и неудачъ. Мало найдется изъ моихъ товарищей такихъ, которымъ бы вполовину пришлось испытать и перенесть того, что̀ я перенесъ. Несмотря на то они всѣ обогнали меня — а я... ты самъ видишь теперь, что̀ я такое.

— Ради Бога, Мордаунтъ, — зачѣмъ это отчаяніе! — воскликнулъ я, тронутый его чувствами. — Надѣйся на Бога, — и повѣрь, что ты увидишь еще лучшіе дни.

— Спасибо тебѣ, Рокингемъ, — ты всегда былъ добрымъ товарищемъ, — произнесъ умирающій Мордаунтъ, и закрывъ глаза, подъ вліяніемъ невыносимыхъ страданій, молча протянулъ мнѣ руку.

Въ эту минуту подошелъ докторъ, заботливо осмотрѣлъ три тяжелыя раны, на груди, въ правомъ боку и на головѣ, и потомъ бросилъ на меня выразительный взглядъ, въ которомъ я ясно прочиталъ, что конецъ Мордаунта быстро приближался.

Спустя нѣсколько минутъ, Мордаунтъ снова раскрылъ глаза, и сдѣлавъ мнѣ знакъ наклониться къ нему, — спросилъ меня, получилъ ли я изъ Индіи двѣ гинеи, которыя онъ занялъ у меня въ Аштонѣ? Получивъ на это утвердительный отвѣтъ, онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ, которыя я съ большимъ трудомъ могъ разобрать:

— Рокингемъ, — все, что̀ я имѣю здѣсь, принадлежитъ тебѣ. Жаль, что не увижу тебя больше, а то повѣрь, что во мнѣ ты всегда нашелъ бы вѣрнаго друга.

Душевно тронутый этимъ искреннимъ прощаніемъ, я опустился на колѣни подлѣ умирающаго соотечественника, внимательно наблюдая его послѣднюю слабую борьбу съ приближающейся смертью. Наконецъ и эта борьба кончилась Но грозное выраженіе все еще оставалось на его челѣ, какъ-будто онъ все еще вызывалъ ее на бой.

И такъ я лишился уже двухъ раннихъ друзей моей юности! Ихъ нѣтъ болѣе. Одинъ изъ нихъ, любимый руководитель моихъ возвышенныхъ чувствъ, другой неустрашимый затѣйщикъ нашихъ ребяческихъ игръ, — оба встрѣтили одинаково геройскую смерть, предводительствуя горстью отважныхъ храбрецовъ. Я завидовалъ ихъ участи, и не вставая съ колѣней, усердно молилъ Виновника моего существованія, да ниспошлетъ Онъ и мнѣ точно такой же часъ моей кончины, да допуститъ меня въ неукротимомъ

пылу моей неутраченной жизни принести въ жертву отечеству все мое существованіе, — и все еще непобѣжденный флагъ Англіи да освѣтитъ лучезарностью своей славы окровавленный, но неомраченный позоромъ смертный одръ моей юности!

Если молитва моя и будетъ услышана, то какъ я буду приготовленъ встрѣтить послѣдній грозный часъ? Будетъ ли душа моя стремиться за душой Торнтона въ свѣтлыя страны отрадной надежды? Торнтонъ до самой смерти своей служилъ мнѣ прекраснымъ примѣромъ. За чѣмъ же воспоминаніе объ этомъ второмъ прощаньи съ жизнью всегда волнуетъ и томитъ мою душу.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКИ БЫТА КАЛМЫКОВЪ ХОШОУТОВСКАГО-УЛУСА.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

XIX.

Музыка, пѣніе, танцы, пѣсни, сказки.

Музыка у Калмыковъ двоякая — духовная и домашняя.

Инструменты, употребляемые въ хурулахъ, при богослуженіи, суть: 1) раковина, изъ которой гелюнгъ выдуваетъ только одну ноту; 2) колокольчики, 3) мѣдныя тарелки, 4) небольшаго размѣра духовые инструменты, мѣдныя трубы и рога, 5) огромныя длинныя мѣдныя трубы и 6) ручныя литавры, которыя прикрѣпляютъ къ небольшому упирающемся въ землю шесту и въ которыя колотятъ закривленною барабаною палкою, имѣющею форму вопросительнаго знака.

Этотъ оркестръ довольно оглушителенъ, когда гелюнги, аккомпанируя своему пѣнію, не соблюдая постепеннаго crescendo, вдругъ перейдутъ въ fortissimo; но вообще говоря, онъ нелишенъ нѣкоторой пріятности, хотя на первый разъ дѣйствительно и поразителенъ, по дикости звуковъ.

Гелюнги невсегда однако жъ поютъ вмѣстѣ съ оркестромъ; есть много случаевъ, когда ни трубы, ни литавры вовсе не употребляются. Гелюнги поютъ унисовныя партіи довольно согласно, и пре-

обладающіе надъ цѣлымъ хоромъ басы придаютъ пѣнію ихъ особенную торжественность.

Гелюнги учатся пѣть по нотамъ, которыя пишутся у нихъ особыми условными знаками, въ родѣ старинныхъ нашихъ настоящихъ крюковыхъ нотъ. Въ пѣніи ихъ многое оскорбительно для уха, привыкшаго къ европейской музыкѣ, и оскорбительно именно въ отношеніи инструментовки; что жъ касается до самой мелодіи, то есть вещи совершенно безцвѣтныя, но зато есть и такія піесы, которыя исполнены замѣчательныхъ красотъ и проникнуты торжественною простотою. Нечего и говорить, что обработанныхъ голосовъ и того искусства, какое существуетъ у насъ, мы напрасно стали бы искать у калмыцкихъ хористовъ: понятіе объ изящномъ у нихъ свое, особенное.

Инструменты, употребляемые Калмыками въ домашнемъ быту, суть: 1) обыкновенная двухструнная балалайка, «думбуръ»; 2) инструментъ, нѣсколько схожій съ нашею скрипкою, и называемый «хуръ», на которомъ играютъ посредствомъ смычка же, 3) «Ятгà», гусли съ металлическими струнами, расположенными каждая на особой подставкѣ; у этого инструмента нѣтъ ни ладовъ, ни колковъ для натягиванія струнъ, которыя музыкантъ перебираетъ пальцами, вооружаемыми особенными стальными зацѣпками.

Пѣніе народныхъ пѣсень у Калмыковъ чрезвычайно непріятно, во-первыхъ потому, что мелодія и своеобразный темпъ ихъ напѣвовъ не такого рода, чтобы могли нравиться не-Калмыку, а во-вторыхъ и потому, что Калмыки поютъ безъ всякаго склада, все врозь: пѣть пѣсни они большіе охотники, но къ доброгласію и гармоніи не имѣютъ рѣшительно никакого уваженія. Но все-таки нельзя не сказать, что намъ доводилось слышать пѣсенки съ очень миленькимъ мотивомъ. Не будучи спеціальными знатоками этого дѣла, мы считаемъ себя невправѣ много распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ.

Въ калмыцкой пляскѣ принимаютъ участіе и мужчины и женщины; пляшутъ поочередно, или одинъ мужчина, или одна женщина, или оба вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ они за руки не берутся, а каждый занимается своимъ дѣломъ самъ по себѣ.

Позы и движенія танцующихъ одинаковы, какъ у мужчины, такъ и у женщины, съ тою разницею, что женщина танцуетъ медленнѣе,

тѣмъ мужчина. Пляска ея состоитъ изъ легкихъ, плавныхъ движеній и разныхъ жестовъ, выражающихъ обращеніе къ степи, восхищеніе прелестями природы, и выжиданіе дорогаго гостя. Мужчины танцуютъ удалѣе, движенія ихъ быстры; легкое подергиваніе плечами, размахиваніе руками и едва замѣтное переступаніе съ одного мѣста на другое прерывается быстрымъ поворотомъ въ противоположную сторону, подбоченившись и горделивымъ озираніемъ присутствующихъ. Отличіе калмыцкой пляски отъ плясокъ другихъ кочевыхъ племенъ заключается въ томъ, что у Калмыковъ допускается родъ пируэтовъ, или быстрыхъ повертываній, чего ни у Татаръ, ни у Киргизовъ не бываетъ, что участіе женщины придаетъ всѣмъ движеніямъ танцующихъ особенную граціозность, и что вообще въ этой пляскѣ есть доступное для пониманія посторонняго значеніе, тогда какъ при наблюденіи за скачками Башкирцевъ и Киргизовъ нельзя добиться толку, изъ-за чего человѣкъ хлопочетъ, стараясь разными кривляньями стряхнуть съ себя неповоротливость и неуклюжесть. Эту особенность нѣкоторые Калмыки успѣли частью усвоить и себѣ, отъ близкаго сосѣдства съ мухаммеданами.

Пѣсни у Калмыковъ вертятся около одного предмета — обширной степи, статнаго коня и милаго юноши. Иногда въ пѣсняхъ вовсе не говорится о человѣкѣ прямо, но воспѣвается одинъ конь, съ прибавкою, что онъ былъ съ такимъ-то тавромъ; это уже служитъ намекомъ и на улусъ, и на родъ, а иногда и на самое лицо героя пѣсни. Калмыки мастера импровизировать, и поэтому вѣчно поютъ пѣсни собственнаго сочиненія, неслишкомъ заботясь ни о формѣ, ни о содержаніи, а довольствуясь только тѣмъ, что есть что̀ промурлыкать отъ скуки.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ давнихъ калмыцкихъ пѣсенъ; буквальный переводъ ея сдѣланъ однимъ астраханскимъ старикомъ мѣщаниномъ, совершенно окалмычившимся, вслѣдствіе постояннаго жительства въ улусѣ.

«Ѣдутъ степью парень съ дѣвкой, оба стрѣлой мчатся на удалыхъ коняхъ. Дѣвка хвалитъ коня, проситъ: конь ты мой гнѣдой, дорогой мой, милый! вытянись въ рукавъ, прибавь бѣгу, мчись быстрѣй, донеси меня къ хото̀ну до заката солнца.»

«Молодецъ коня ласкаетъ, гладитъ его, хвалитъ: рѣзвый конь мой, бѣлый конь мой, не пряди ушами, ничего не бойся; полети

«стрѣлой летучей, догони дѣвицу; загони ее для шутки къ дрему-«чему лѣсу на рѣкѣ Иргизъ.»

У Калмыковъ есть еще цѣлыя поэмы, называемыя «джангеръ,» слагаемыя изъ нѣсколькихъ большихъ пѣсенъ, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльное цѣлое. Онѣ бываютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что на пересказъ ихъ надо употребить нѣсколько сутокъ. Джангеры сохраняются не на письмѣ, а передаются пѣвцами изъ рода въ родъ, въ потомство, изустно. Ихъ или распѣваютъ, сопровождая слова акомпаньементомъ балалайки или гуслей, или разсказываютъ просто, какъ исторію. Въ первомъ случаѣ пѣвцы называются «джангерчи», а простые разскащики именуются «туульчи». И джангерчи и туульчи суть странствующіе поэты, пожилые люди, скитающіеся изъ улуса въ-улусъ и передающіе свои сказанія богатымъ людямъ, по вечерамъ, и зимой и лѣтомъ.

Въ бытность мою у Калмыковъ, мнѣ не удалось удовлетворить необходимости записать эти джангеры, потому-что въ это время не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ я жилъ, ни одного странствующаго поэта, а незнаніе языка и безъ того лишало меня возможности хорошо усвоить себѣ калмыцкія поэмы, тѣмъ болѣе, что приглашенный много переводчикъ невполнѣ соотвѣтствовалъ условіямъ, необходимымъ при занятіяхъ такого рода. Извѣстно впрочемъ, что лучшіе знатоки всего касающагося до быта Калмыковъ, профессоры казанскаго университета, г. г. Ковалевскій и Поповъ, имѣютъ уже у себя писанные джангеры. Въ одномъ изъ джангеровъ передаются сказанія о томъ, какъ Хо-Урлюкъ посылалъ соглядатаевъ и передовыхъ для рекогносцировки мѣстностей по рѣкамъ Эмбѣ, Яику, Волгѣ, и какъ Калмыки изъ-за Алтая сюда перекочевывали *.

Къ произведеніямъ калмыцкаго воображенія надо отнести, кромѣ джангеровъ, и сказки негероическаго содержанія.

* Эти соглядатаи водились не у однихъ Калмыковъ, но были и у Киргизовъ; при перекочевкахъ сихъ послѣднихъ донынѣ употребляются передовые дозорщики. И наши крестьяне, когда задумаютъ переселиться въ многоземельныя губерніи, тоже предварительно посылаютъ отъ себя агентовъ, для осмотра мѣстностей и всѣхъ угодій.

XX.

Игры.

У Калмыковъ игры бываютъ или такія, которыми забавляются круглый годъ, или такія, которыя присвоены опредѣленному времени года, напримѣръ веснѣ, лѣту, или, наконецъ, такія, въ которыя играютъ при извѣстныхъ только случаяхъ, каковы напримѣръ свадебныя.

Собственно весеннихъ игоръ только двѣ:

1) «Саахá-кюрьгюкю» или «игра дойными овцами». Въ эту игру играютъ въ то время, какъ только сойдетъ снѣгъ, станетъ пробиваться первая зелень, Калмыки начнутъ трогаться съ зимняго кочевья, и настанетъ время доить овецъ.

Когда Калмыкъ одного хотóна прослышитъ, что сосѣдъ его изъ другаго, ближняго хотóна началъ доить овецъ, то пріѣзжаетъ къ нему въ гости и, въ извѣстныхъ фразахъ, поздравляетъ его съ благополучнымъ увеличеніемъ его скотоводнаго хозяйства. Эта форменность, по народнымъ обычаямъ, должна служить извѣщеніемъ, что поздравитель съ этого же дня самъ начнетъ доить овецъ и что онъ вызываетъ своего пріятеля сыграть съ нимъ въ «саахá-кюрьгюкю».

Игра состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣшать своихъ овецъ съ чужими, то-есть загнать своихъ дойныхъ овецъ въ чужое стадо дойныхъ же овецъ, или, другими словами, одурачить пріятеля, доказавъ на дѣлѣ его недальновидность и нехозяйственность.

Чтобъ понять все остроуміе этой игры и трудность главной задачи, надобно замѣтить, что завладѣть чужими овцами на степи, при колодцахъ, во-время пастбища, нѣтъ никакой возможности: каждый пастухъ зорко караулитъ свое стадо, а предоувѣдомленный о шуткѣ хозяинъ и еще того больше блюдетъ за каждымъ шагомъ овецъ, слѣдовательно, скрыть свои маневры противъ него — играющему нельзя.

Всѣ овцы, какъ мы еще сначала замѣтили, на ночь загоняются въ хотонъ и тамъ запираются, а дойныя, требующія за собою болѣе дѣятельнаго ухода и призора, помѣщаются въ особомъ отдѣленіи общаго хотóна. Слѣдовательно, и тутъ очень трудно хозяйничать въ чужомъ дому и дѣлать съ овцами чтó нужно, тѣмъ болѣе, что все это должно произойдти почти подъ самымъ ухомъ Калмыка-

сосѣда, поелику загонъ, если читатель припомнитъ, огибаетъ кибитку особой рѣшоткой, которая, начинаясь отъ дверей ея, доходитъ до того мѣста, гдѣ, внутри кибитки, стоитъ калмыцкая кровать.

Смѣшеніе своихъ овецъ съ чужими игрокъ производитъ глухою ночью, въ надеждѣ на собственное искусство и на сонливость противника. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ снять «шитыкъ», то есть рѣшетку, у того мѣста общей изгороди хотона, гдѣ помѣщены у сосѣда дойныя овцы, не выпустить ихъ вонъ, и вогнать къ нимъ нѣсколько головъ своихъ дойныхъ овецъ.

Если хозяинъ не спитъ, то схватываетъ непріятеля и наказываетъ тѣмъ, что, посадивъ его на лошадь, лицомъ къ хвосту, везетъ его съ безчестьемъ восвояси, а на слѣдующій день беретъ съ него, въ магарычи, маленькое угощеніе.

Если же хозяинъ проспитъ, то успѣвшій сыграть съ нимъ шутку, задѣлываетъ рѣшотку попрежнему, скрывается, и назавтра, явившись къ нему днемъ, указываетъ ему на своихъ овецъ, которыхъ тотъ, при странности дѣла и по случаю водопойныхъ трудовъ для табуна, не успѣлъ запримѣтить, доказываетъ этимъ свой выигрышъ, и затѣмъ весь дойный скотъ, и свой и своего противника, угоняетъ къ себѣ.

Проигравшій хозяинъ ѣдетъ къ нему съ повинной головой и выкупаетъ свое добро разными подарками и пріятельскимъ угощеніемъ.

Эта игра самая любимая въ народѣ и совершенно выражаетъ собою его наклонность; въ ней принимаютъ участіе не молодежь, но Калмыки, достигшіе уже солидныхъ лѣтъ.

2) «Цаганъ-наадынъ» или «Цаганъ-мѣдунъ», «бѣлая игра».

Весной, когда скотъ линяетъ, собирается народъ, молодые мужчины, дѣвушки и молодыя женщины, и раздѣляются на двѣ партіи, каждая подъ предводительствомъ особаго старшаго. Предводители эти навертываютъ линючую изъ коровъ, и непремѣнно бѣлую, шерсть на камышекъ и дѣлаютъ мячъ; потомъ альчиками, бабками, бросаютъ жеребій, кому первому бросать мячикъ?

Въ эту игру играютъ въ лунныя ночи, и партіи раздѣляются поровну: напримѣръ, въ одной шесть мужчинъ и шесть женщинъ, столько же того и другаго пола набирается и для другой партіи.

Мячи, въ виду всѣхъ, забрасываютъ въ степь, и противная партія

ищущего вооруженной рукою. Если кто-нибудь одинъ найдетъ мячъ, то онъ состязается въ выигрышѣ цѣлой партіи, которая съ торжествомъ возвращается на мѣсто; но прежде-нежели она дойдетъ до извѣстной черты, составляющей границу полнаго пользованія правами выигрыша, противная партія кидается на первую, и ловитъ, у кого мячикъ въ рукахъ, старается отыскать и отнять его. Мужчины бросаются на женщинъ, женщины на мужчинъ, другъ-друга опрокидываютъ, другъ у друга отнимаютъ ожидаемую находку — хохотъ и веселые крики не умолкаютъ ни на минуту. Чтобъ которая-нибудь партія осталась полною побѣдительницею, нужно, чтобъ она шесть разъ сряду отыскала мячъ и удержала его въ своемъ владѣніи.

Выигрышные призы назначаются заранѣе и состоятъ или изъ рѣзаной кобылы, или изъ десятка барановъ, или полубоченка вина: проигрышъ скорѣе взыскивается и весело дѣлится за общей трапезой побѣдителей.

Игра эта продолжается цѣлую ночь; иногда въ ней участвуетъ чуть не цѣлый улусъ; на угощенье съѣзжаются гости верстъ за пятьдесятъ; охотниковъ поиграть въ эту старинную національную калмыцкую игру стекается множество, какъ по-поводу веселой пирушки, которою игра заканчивается, такъ и потому особенно, что тутъ молодымъ людямъ предоставляется полное удобство разыграть, можетъ-быть, давно начатый романъ какою-нибудь развязкою. Въ то время, когда мячъ закинутъ, партія разбивается и за мячикомъ бросаются всѣ врозь.

Обѣ весеннія игры, здѣсь поименованныя, имѣютъ у Калмыковъ значеніе благодарственнаго веселія за благополучно-протекшую часть года.

Въ «Цаганъ-модунъ» играютъ иногда и осенью; когда за недостаткомъ мягкой бѣлой шерсти, вмѣсто мячика, употребляютъ небольшой обрубокъ дерева, добѣла очищеннаго отъ коры и грязи. Лунныя ночи избираются потому, что въ безлунныя — играть темно, а днемъ некогда: народу — не до игры.

Чисто-свадебныхъ игоръ только три: онѣ совершаются именно въ то время, когда, при возвращеніи новобрачныхъ въ хотёнъ мужа, въ немъ варится баранъ, для совершенія «галтахо», жертвоприношенія огню.

Первая игра состоитъ въ томъ, что овчину съ того барана,

который варится, слегка надрезывают съ одного края, просовывают подъ дверьми и тянутъ: молодые люди съ жениховой стороны въ одну сторону, а приглашенные невѣстой—въ другую; одна партія помѣщается внутри кибитки, другая внѣ ея. Та сторона, которая надорветъ овчину, и отъ усилія при перетягиваніи попадаетъ на-земь — признаётся проигравшею и обязуется на слѣдующій день заплатить долгъ радушнымъ угощеніемъ выигравшей сторонѣ.

Другая игра заключается въ томъ, что гости новобрачныхъ, раздѣлившись на двѣ партіи, партію молодаго и партію молодой, выбираютъ себѣ въ представители ловкихъ молодцовъ, которые, бросивъ áльчиками жеребій, кому начать, приступаютъ къ игрѣ. Берутъ баранью голову и норовятъ такъ ее вскинуть кверху, чтобъ голова эта, проскочивъ черезъ «цагрыкъ», вылетѣла вонъ изъ кибитки и упала бы у самыхъ дверей. Сначала бросаетъ одинъ выборный представитель, потомъ другой, и чередуются между-собой до-тѣхъ-поръ, пока удачный бросокъ котораго-нибудь изъ нихъ, не подкинетъ баранью голову черезъ верхнее отверстіе кибитки къ порогу дверей.

Третья игра такого же рода: въ ней нужно съ одного взмаха вырубить огнивомъ огонь и зажечь трутъ. Кажется—и пустая штука: но или отъ торопливости, или отъ излишней заботливости и приноравливанья огонь не дается; хохоту и шуткамъ конца не бываетъ; всѣмъ весело — стало-быть, цѣль игры достигнута.

Обыкновенныя игры, которыми молодые люди забавляются лѣтомъ — многочисленны; но такъ-какъ въ національныхъ играхъ выражаются самые тонкія черты народнаго быта, то мы, вѣроятно, не злоупотребимъ вниманіе читателя, если ознакомимъ его съ тѣмъ, съ чѣмъ сами ознакомились.

1) «Кюпцѐкъ-хайхá», «подушку бросать». — Эта игра состоитъ въ томъ, что собирается молодежь, и мужчины, и женщины, иногда человѣкъ сорокъ, садятся въ кружокъ, на открытой степи, другъ отъ друга на сажень — и перекидываютъ отъ одного къ другому сѣдельную кожаную подушку. Одинъ изъ участниковъ въ игрѣ, обходя цѣлый кругъ, долженъ ее поймать. Если онъ отниметъ ее у кого-нибудь изъ сидящихъ, то неумѣвшій крѣпко держать и выпустившій подушку изъ рукъ, долженъ занять его мѣсто и въ свою очередь ловить подушку. Стало-быть, это нѣчто въ родѣ нашей «игры въ жгуты».

2) «Юргè-зажиб», «рожу кривить.» При этой игрѣ молодые люди садятся въ кружокъ, и соблюдая тишину, безмолвіе и серьозное выраженіе лица, должны по-очереди дѣлать подмаргиванье и разныя гримасы. Тотъ, къ кому гримаса и подмаргиванье относятся, долженъ повторить на своемъ лицѣ ту же самую штуку, и обратившись къ третьему, подморгнуть ему глазомъ и скривить лицо: такъ игра отъ одного къ другому и передается. Кто разсмѣется — съ того берутъ фантъ, и фантъ этотъ, за каждое отдѣльное лицо, выкупается цѣлой партіей, на которыя всегда играющіе Калмыки раздѣляются. Выкупъ дѣлается не поцалуями, а питьемъ или яствами, или какой-нибудь забавной продѣлкой. Имена тѣхъ, кто проигрываетъ фантъ, записываются особо, для полнаго счета всѣхъ проигравшихъ и отдѣльныхъ ихъ между-собой разсчетовъ.

3) «Бисе-оркхó» «кушакъ класть». Играющіе садятся въ пестрый кружокъ и прячутъ дѣвичій нанковый кушакъ: кто кушакъ отыщетъ, тотъ заставляетъ виноватаго проговорить скороговоркой сказанныя имъ, тоже скороговоркой, слова. Несъумѣвшій три раза сряду повторить заданную фразу проигрываетъ фантъ, и кромѣ-того, лично подвергается наказанію: его крѣпко колотятъ скрученнымъ въ жгутъ кушакомъ, и общій хохотъ осмѣетъ того вдвое, кто скажетъ, что ему больно. Разумѣется, что во все продолженіе игры, смѣхъ и хохотъ не перестаютъ ни на минуту. Калмыцкія скороговорки сочиняются иногда нарочно досужими шалунами, и будучи, по бóльшей части, букетомъ галиматьи и ахинѐи, имѣютъ претензію на остроуміе и ловкое двусмысліе, въ родѣ каламбура.

4) «Бултыджи-наадхó», «прятки». Молодежь раздѣляется на двѣ смѣшанныя, но ровныя партіи: одна прячется въ разсыпную, куда ни попало, и около худуковъ, и въ ложбинки, и въ ямины, скрывается между песчаными буграми, либо въ густую траву, — другая партія, тоже разбившись врознь, ищетъ ее, и въ свою очередь сама послѣ прячется.

5) «Орòсъ-текè», «козелъ». Собирается молодежь въ степи, подальше отъ стариковъ, потому-что старики неблагопріятно на эту игру смотрятъ. Одинъ изъ участвующихъ беретъ въ руки балалайку и подъ звуки ея танцуетъ. Для «козла» сочинена особенная плясовая музыка, а самый танецъ представляетъ смѣсь смѣшныхъ скачковъ, забавныхъ тѣлодвиженій и уморительнаго гримасничанья.

Игра состоитъ въ томъ, что танцующій бодается, машетъ, колотитъ головой присутствующихъ и въ грудь, и въ спину, и куда попало; тѣ, чтобъ избавиться отъ его ударовъ, откупаются, отдавая ала-суну шапку. Когда онъ шапки эти у всѣхъ поотберетъ, то ставитъ ихъ передъ одною изъ участвующихъ въ игрѣ дѣвицъ и потомъ, вмѣстѣ съ нею, выбираетъ изъ фантовъ двѣ шапки, мужскую и женскую: чьи вынутся — тѣ должны три раза поцаловаться при всѣхъ въ губы. Нужно чмокнуться звонко — иначе поцалуй не въ поцалуй.

6) «Инеельдыкé», «смѣшной», также, какъ и «оросъ-тёкё», играется не при старикахъ, потому-что цѣль игры—тоже поцалуи. Цаловаться публично, при народѣ, у Калмыковъ считается за величайшій стыдъ, и если родители увидятъ подобное нѣжничанье, они, какъ говорится технически, «запорютъ плетью» и красавицу и юношу. Эти двѣ игры новѣйшаго изобрѣтенія. Для игры «инеельдыкé», молодые люди собираются въ особую кибитку; мужчина, подъ музыку, отыскиваетъ кольцо, спрятанное женщиной, или наоборотъ; кто прячетъ, тотъ и играетъ на балалайкѣ. Отыскавшій кольцо три раза цалуетъ прятальщика. Игра эта перенята отъ Русскихъ.

7) «Бильцыкъ-бултулхъ», «перстень прятать». Обѣ эти игры почти то же, что и наше «колечко» или «веревочка»; разница въ томъ, что у Калмыковъ кольцо прячутъ, не употребляя снурка, и что у нихъ, при этой игрѣ, нельзя ни разговаривать, ни гримасничать, ни улыбаться.

8) «Цагáнъ-темѐнъ» — игра ребятишекъ. Они становятся гуськомъ, держа другъ-друга за полы. На нихъ нападаетъ играющій и старается кого-нибудь поймать. Изловленный замѣняетъ того, кто его поймалъ. Передній въ общей линіи защищаетъ цѣлый рядъ отъ нападеній довольно-забавными маневрами.

9) Есть еще игра безъ названія, состоящая въ томъ, что вбиваютъ въ землю небольшой кóлышекъ и приглашаютъ около него кого-нибудь кружиться въ лѣвую сторону такимъ-образомъ, что держась за колышекъ правой рукой и, стало-быть, наклонившись къ нему, вызвавшійся долженъ лѣвой рукой схватить себя, изъ-подъ правой руки, за правое ухо. Если непривычный человѣкъ сдѣлаетъ только два поворота и потомъ, выпрямившись, захочетъ пройдти прямо, то приливъ крови къ головѣ бываетъ такъ силенъ, что въ ушахъ звенитъ

стрѣлою, пѣшка, такъ и качается изъ стороны въ сторону, и они мастерятъ, много на четвертомъ шагу непремѣнно свалится съ ногъ; а изъ Калмыковъ выдаются такіе мастера, что для нихъ и въ пять поворотовъ не закружатъ головы.

10) «Чатырдá,» или наша чехардá, есть старинная національная калмыцкая игра. Въ ней играющіе, одни взрослые мужчины, раздѣляются на двѣ стороны и играютъ на большіе заклады.

Калмыки научились играть и въ карты, и начало этой наукѣ положено было первоначально въ мочагáхъ, въ кочевьяхъ бѣднѣйшихъ калмыцкихъ семей; учителями явились ловцы, рыбаки, рыболовы «порядные», то есть, работники нанятые на промысла и на ватаги, и «либенцы», то есть люди, для самихъ себя ловящіе рыбу въ тѣхъ частяхъ Каспійскаго моря, которыя не составляютъ права собственности частныхъ людей.

Калмыки переняли отъ насъ слѣдующія игры.

1) «Горькé», или «гойрюкъ» — «горевать», есть русская «горка»: они играютъ ее въ четыре карты; перенявъ «хлестъ» и прочія тонкости этой игры, они, вѣроятно, не справились съ нѣкоторыми другими мудростями, и потому не знаютъ ни «бардадыма», ни «свальки».

2) «Карà али цагáнъ?» «чорная или бѣлая» — это нашъ «банкъ».

3) «Гурбýнъ-цаасынъ», «три бумажки» — наши «три листа».

4) «Говдыкъ», «жадность», играется семью картами. Всѣ эти игры безкозырныя; изъ коммерческихъ игоръ Калмыкъ знаетъ только

5) «Марья» — старинный, забытый уже «марьяжъ».

Лучшею забавою и самою любимою игрой для всѣхъ Калмыковъ считается шахматная игра, называемая «шатыръ». Разница калмыцкаго шахмата отъ общепринятаго въ Европѣ состоитъ въ томъ, что кликомъ «шахъ!» остерегаютъ только хана; другимъ шашкамъ не говорятъ ничего. Слово «матъ» у Калмыковъ осталось неизвѣстнымъ, а вмѣсто «шахъ!» они кричатъ «чит-шá!» Названія шашекъ слѣдующія: «ханъ» «берьсынъ» — визирь «темéнъ», «верблюдъ» — то что у насъ слонъ, «тергѝнъ», по русски «обозъ» — наша лодка, «кюбюнъ», «мальчикъ», у насъ пѣшка. Въ отличіе отъ нашей игры, у Калмыковъ случается такъ, что у одной стороны истребится вся сила, останется одинъ ханъ на полѣ — и игра все-таки продолжается. Если противникъ, преслѣдуя его, не захочетъ

сдѣлать прямаго «шахъ и матъ!» или, не съумѣвъ сдѣлать дѣла, съ горяча, не дастъ хану дороги и запретъ ему ходъ, то такая игра считается «игрой въ ничью» и называется «джитъ.»

«Наръ» есть игра въ которую играютъ мужчины двумя простыми деревянными кубиками на разлинованной доскѣ; она вовсе непохожа на наши шашки и имѣетъ свои особенности.

Въ одинаковой степени съ шахматомъ, Калмыки пристрастны и къ игрѣ въ кости, «шага́», что Татары зовутъ «ашѝкъ», а Русскіе «а̀льчики» или «лодыжки» [1].

«Шага́», «а́льчикъ» есть та кость, бабка, которая находится у барана въ сгибѣ задней ноги. Лодыжка лѣвой задней ноги, удобная для тѣхъ игроковъ, у которыхъ лѣвая рука вѣрнѣе бросаетъ, чѣмъ правая, называется по-русски «лѣвшо́къ», а по калмыцки «а̀льцы-бармя̀»; въ противоположность ей «правя́къ» называется «та́-бармя»; обѣ безразлично именуются они «саха́», «битка», а то, что́ у насъ называется «конъ» — по калмыцки «юрю́къ.»

Въ а́льчики играютъ нѣсколькими бабками, и смотря потому, на которую изъ четырехъ своихъ сторонъ лодыжка упадетъ — пересчитываютъ очки. Если а́льчикъ упадетъ не на бокъ, то онъ ляжетъ кверху или горбинкой I, или яминкой II; горбинка имѣетъ преимущество предъ яминкой; если а̀льчикъ на боку, то гладкая сторона III цѣнится дороже, чѣмъ сторона съ выемкой IV.

	У КАЛМЫКОВЪ.	У ТАТАРЪ.	У РУССКИХЪ.		
	Въ приволжьи.		*Въ Астрах. Губ.*	*Въ другихъ мѣс.*	*Въ игрѣ бабками.*
I.	буркё	бюкъ	букъ	гора	жохъ
II.	цохо́	шикъ	жикъ	яма	пичка
III.	та	тахя̀нъ	тага̀нъ	быкъ	плоцка
IV.	альца̀	альча̀	а̀льчикъ	сакъ	плоцка

Альчики выбрасываются въ конъ поштучно, двумя пальцами, но съ такою силою, что они на полётѣ быстро кружатся, разбиваютъ правильность кона и сшибаютъ съ него другіе а̀льчики. Перебрасываніе а́льчиками разнообразно; Калмыки играютъ въ нихъ на пари̂, на чай, на калачъ, на водку и на чистыя деньги.

Самыя азардныя а̀льчиками игры, въ которыя играютъ только мужчины и въ которыя они проматываютъ иногда все свое состояніе,

[1] Игра въ лодыжки — старинная русская игра.

называются первая — «шагылдзахà», вторая «джiмикъ-цокю» и третья «дюрбöнъ-шагà» (татарское «дорт-ашикъ.)»

Игры, въ которыя играютъ áльчиками одни мужчины, для простой забавы, суть «бюкю-цохò-олулуцхò» и «горубу-булаадыхò».

Женщины играютъ въ áльчики или однѣ, или вмѣстѣ съ мужчинами; эти игры, носятъ названіе «олицхà,» «зу-нейрмхò», «бакы-хахà» и «хаанцхò».

Въ послѣднюю игру играютъ трое, или однѣ женщины, или одни мужчины, но чаще въ перемежку, мужчины съ женщиной. Всѣ они мечутъ áльчиками, и у кого, послѣ нѣсколькихъ перекидокъ, выпадетъ буркё или первый нумеръ, тотъ называется ханомъ. Двое оставшихся снова перекидываются, и тотъ у кого выпадетъ старшій áльчикъ то есть больше очковъ, называется «эльчи», а у кого младшій—тотъ дѣлается «кютытъ»: стараются такъ, чтобъ кютытомъ сдѣлать женщину.

Эти три лица, ханъ, эльчи и кютытъ, начинаютъ послѣ этого разъигрывать маленькую сцену, въ которой главныя дѣйствующія лица — ханъ, его визирь (или эльчи, то есть посланникъ) и бѣдный факиръ — кютытъ.

— Эльчи, эльчи, поди сюда! кричитъ ханъ.

— Чтó вы, мой ханъ, прикажете?

— Несчастье случилось: у меня бирючкà (годовалаго бычка) украли. Поди, сыщи мнѣ пропажу и открой вора, непремѣнно.

Эльчи уходитъ и встрѣчается съ кютытомъ. Онъ дѣвушку, разыгрывающую роль кютыта, схватываетъ и, смотря по степени собственнаго умѣнья передразнивать знакомое лицо, болѣе или менѣе продолжительно, болѣе или менѣе занимательно и забавно, производитъ ей допросъ: какъ ее зовутъ? гдѣ была? куда ходила? и зачѣмъ бирюкà украла?

Дѣвушка, на всѣ его вопросы, отвѣчаетъ разными изворотливыми фразами, которыхъ вся сущность заключается въ томъ, что она знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ, эльчи ловитъ ее на словѣ, сбиваетъ ее въ показаніяхъ, и запутывая все болѣе и болѣе, доводитъ до сознанія въ кражѣ.

— Ты добрый, эльчи, человѣкъ: ты меня пожалѣешь! говоритъ дѣвушка.

— Вотъ еще, стану я тебя даромъ кормить!

— Да вѣдь не даромъ, я отъ ханскаго бирючка и тебѣ принесла гостинцу.

— Правда? ну, пойдемъ къ хану: я какъ-нибудь уже скажу поснисходливѣе о твоемъ дѣлѣ! А что ты мнѣ отъ бычка принесла?

— Самый лучшій кусочекъ — и сердце и почки!

— Ну, такъ пойдемъ же.

Эльчи ведетъ кютыта къ хану, и разсказываетъ ему, ка̀къ у него въ улусѣ всѣ счастливы, и ка̀къ, по какому-то, совершенно неожиданному случаю, явился между счастливцами одинъ бѣдный человѣкъ, которому совсѣмъ кушать нечего. Бѣдный человѣкъ бросался и туда и сюда—и все никакъ не могъ достать себѣ обѣдать. Вдругъ, нечаянно попался ему бирючо̀къ и, ни слова не сказавши, что онъ ханскій, самъ напросился бѣднягѣ въ котелъ. Кютытъ соблазнился, зарѣзалъ бычка и съѣлъ, а теперь и самъ ка́ется, что дурное сдѣлалъ.

Разжалобленный ханъ готовъ простить кютыта; но вдругъ пришло ему на мысль, что не можетъ же человѣкъ разомъ съѣсть бычка. Онъ и спрашиваетъ у эльчи.

— Съ кѣмъ же кютытъ подѣлился бычкомъ?

— Онъ самъ, ханъ, все съѣлъ; кой-что̀ осталось, такъ онъ мнѣ подарилъ.

— А спроси-ка его, при мнѣ, что́ кютытъ тебѣ приготовилъ?

— Эльчи для меня важнѣе всѣхъ особъ: я для него сберегла и сердце и почки! отвѣчаетъ снова дѣвушка.

— Славный былъ бюричокъ! А спроси-ка что̀ же кютытъ для меня-то оставилъ, если онъ про тебя не забылъ? говоритъ ханъ.

— Для хана? отвѣчаетъ дѣвушка: — отъ бирючка ничего не осталось.

— Что́! восклицаетъ ханъ: колоти же его, эльчи, хорошенько, да такъ его бей, чтобъ стоны его дошли до моего уха изъ тюрьмы, куда нужно его засадить.

Эльчи приставляетъ ко лбу дѣвушки свой лѣвый кулакъ и бьетъ по немъ кулакомъ правой руки. Дѣвушка вскрикиваетъ.

— Ханъ! ханъ! сеноуу̀? спрашиваетъ хана эльчи, то-есть, что́, хану слышно-ли?

— Ханъ! ханъ сонсуу? снова возглашаетъ эльчи, повторяя запоздни, если ханъ на первый окликъ не отвѣтилъ ни слова.

Если ханъ все молчитъ, то наказаніе котыта повторяется. Сначала эльчи бьетъ дѣвушку по лбу, потомъ начинаетъ тянуть у ней брови; если ханъ, на его вопросы, молчитъ попрежнему, то эльчи теребитъ дѣвушку за губы, дергаетъ за подбородокъ, или тянетъ ее за носъ, при общемъ хохотѣ зрителей.

— Ханъ, ханъ сонсуу? каждый разъ кричитъ эльчи.

— Сонсуà! то-есть «слышу!» отвѣчаетъ наконецъ ханъ — и тѣмъ комедія кончается.

Вся потѣха заключается въ томъ, что эльчи старается изыскать всѣ средства развеселить зрителей курьозностію наказанія. Народу нравится замѣшательство, въ которое поставлена окромница, и ему весело смотрѣть на всѣ грубыя шутки, которыя эльчи съ ней продѣлываетъ.

Вообще надо сказать, что игра въ áльчики бываетъ на пари, «мюрé»; проигравшій его покрывается безчестьемъ, если долга не отдастъ. На этотъ предметъ ведется у Калмыковъ поговорка: «шагà-шатыръ хойрàгъ — мюрè юрдюкъ йосунъ югè», то есть «въ áльчики и въ шахматы — на малокъ не играютъ!»

XXI.

Борьба.

Калмыцкая борьба представляетъ чрезвычайно любопытное явленіе, подобнаго которому мы, въ наши времена, ничего не найдемъ у другихъ, сосѣдственныхъ съ Калмыками племенъ: это очень интересное подобіе древнихъ олимпійскихъ игръ, побѣда на которыхъ вѣнчаетъ побѣдителя славою неомрачимою и быстро разносящеюся по цѣлому калмыцкому міру.

Русскій «свальный бой», съ непремѣнными жестокими побоями, вывихами членовъ, переломомъ костей, съ кровью и ранами, представлялъ, въ прежнія времена, одну дикую картину драки разъяренной черни, картину, оскорблявшую чувства непривычнаго къ тому зрителя. Башкирская перетяга арканами и борьба на кушакахъ замѣчательны только по особенной ловкости и по сходству своему съ медвѣжьею схваткой. Борьба у Киргизовъ, у Татаръ и у Бухарцевъ не представляетъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ лишь одного, что Бухарцы

борятся полунагіе и вымазываютъ все тѣло масломъ: условія борьбы, манера схватокъ, случайность потѣхи, подготовка къ ней, награды и призы — все это не отличается особенностями, заслуживающими тщательнаго нагляднаго знакомства. Чтó жъ касается до борьбы Калмыковъ, тутъ все отъ начала до конца подчинено извѣстнымъ правиламъ и проникнуто торжественностію.

О времени борьбы дается народу знать заранѣе, и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо-враждебныя партіи: сторону владѣльца и сторону гелюнговъ.

Каждая сторона, секретно одна отъ другой, представляетъ владѣльцу списокъ борцовъ, или пріобрѣтшихъ уже себѣ имя, или впервые вызывающихся на бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, для охраненія правъ своихъ борцовъ отъ незаконнаго нарушенія борцами враждебной партіи.

Владѣлецъ назначаетъ количество и качество призовъ, опредѣляемыхъ имъ въ награду побѣдителямъ; сообщаетъ списокъ этихъ наградъ противной себѣ партіи, и отстраняя отъ себя всякое вмѣшательство въ ея собственныя дѣла, предоставляетъ ей избрать себѣ отдѣльнаго, на все время борьбы, главу, для предводительствованія народомъ и для полнаго распорядка всѣмъ, касающимся до приготовленія и исполненія затѣянной игры.

За тѣмъ каждая партія, условившись, въ какой день борьба должна совершиться, отдѣльно одна отъ другой и тайно отъ своихъ противниковъ, назначаетъ срокъ, къ которому всѣ борцы изъ разныхъ концовъ улуса должны съѣхаться на опредѣленное мѣсто, и день, въ который должно произойти распредѣленіе борцовъ по нумерамъ.

Съѣхавшіеся на репетицію борцы, отдохнувъ съ дороги и собравшись съ силами, испытываютъ сами-себя въ богатырствѣ, вступая въ схватки съ кѣмъ случится, по знакомству или по дружбѣ, и послѣ уже неоднократныхъ опытовъ и убѣжденія въ собственной силѣ, ловкости и проворствѣ, рѣшаются приступить къ генеральной пробѣ.

Генеральная проба у каждой партіи производится въ разныхъ мѣстахъ, и каждая посылаетъ шпіоновъ, мужчинъ или женщинъ, подсмотрѣть всѣ движенія противниковъ и вызнать имена людей, успѣвшихъ занять видныя мѣста въ спискѣ первыхъ борцовъ противной стороны.

На генеральной пробѣ борются борцы одной и той же партіи ме-

жду собою; поборовшій одного товарища вступаетъ въ новую борьбу съ другимъ борцомъ; кто въ этой борьбѣ остается побѣдителемъ, тотъ вступаетъ въ третью борьбу съ лицомъ, равномѣрно одержавшимъ побѣду послѣ схватокъ съ нѣсколькими же борцами. Перебариванье производится нѣсколько разъ, и тотъ Калмыкъ, который переборетъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый нумеръ и въ спискѣ состоитъ первымъ, и по силѣ, и по ловкости, и по проворству. Послѣдній противникъ перваго нумера занимаетъ второе мѣсто, въ такомъ только случаѣ, если онъ переборолъ всѣхъ остальныхъ Калмыковъ, иначе онъ ставится подъ нумеромъ, принадлежащимъ ему по тому праву, которое онъ пріобрѣлъ, въ ряду другихъ борцовъ.

Если одна партія имѣетъ запасъ въ пятьдесятъ вызвавшихся на бой борцовъ, а другая партія приготовила меньшее число, напримѣръ только сорокъ, то на единоборство назначаются не всѣ охотники, а опредѣляется, отъ лица самого владѣльца, произвольное число паръ, долженствующихъ явиться на арену. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1851 года боролось двадцать паръ.

Но въ это же время случилось, что наканунѣ дня, назначеннаго для борьбы, явился новый охотникъ, недавно только прослышавшій, что въ такой-то день будетъ борьба и едва успѣвшій прискакать изъ дальней степи къ сроку празднества, пропустивъ день генеральной пробы не по своей винѣ, а по разнымъ обстоятельствамъ. Охотникъ былъ извѣстенъ всему улусу какъ «первый борецъ», неоднократно бравшій первые призы, но уже три года неучаствовавшій въ играхъ. Опираясь на пріобрѣтенную славу, онъ требовалъ, чтобы его, признаннаго народомъ за перваго борца, поставили первымъ нумеромъ той партіи, подъ знаменемъ которой онъ рѣшился появиться.

Вышедшій побѣдителемъ всѣхъ, при генеральной репетиціи, не уступалъ ему безъ боя своего почета; пріѣзжій настаивалъ на этомъ, и за оскорбленіе своей чести неизвѣстнымъ еще свѣту новичкомъ, впервые вступавшимъ на сцену предъ цѣлымъ народомъ, принесъ жалобу владѣльцу.

Ему предложили принять вызовъ своего противника; но Калмыкъ возражалъ, что завтра борьба, а сегодня принуждать его къ состязанію — несправедливо, потому-что несясь пятьдесятъ верстъ верхомъ по степи, въ нестерпимую жару, онъ и отощалъ, и обезсилѣлъ,

и, слѣдовательно, состязаться съ человѣкомъ, силы котораго находятся въ нормальномъ состояніи, ему не приходится.

Случай вышелъ что называется казусный. Владѣлецъ нарядилъ медіаторскій судъ. Собрались всѣ старики къ владѣльческой ставкѣ, и выслушавъ жалобы одного и доводы другаго, рѣшили такъ:

1) Калмыкъ-охотникъ пропустилъ срокъ явки не по своей винѣ, а сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобъ выиграть время — слѣдовательно, его нельзя лишать права на предстоящее состязаніе.

2) Охотникъ всегда былъ первымъ борцомъ; честь эта никогда отъ него отъемлема не будетъ; но три года не вступая въ поединки, онъ этимъ самымъ предоставлялъ другимъ право добиваться той же чести, которой и дѣйствительно въ это время достигли такіе-то и такіе молодые люди. Но всѣ они побѣждены на генеральной пробѣ новымъ борцомъ, который поставленъ уже въ главѣ своей партіи: лишить его этой чести — тоже было-бы несправедливо. А поелику

3) Старый первый борецъ могъ, втеченіе трехъ протекшихъ лѣтъ, ослабѣть и, отъ неупражненія, или другихъ причинъ, потерять ту силу, ловкость и проворство, которыми онъ за три года отличался, то ему и слѣдуетъ, при желаніи участвовать въ состязательствѣ, занять не первое, а только то мѣсто, которое можетъ ему принадлежать по результатамъ новаго перебариванья со всѣми внесенными въ списокъ борцами.

4) Что-жъ касается до естественнаго изнуренія силъ, которое, по его словамъ, должно освободить его отъ пробной борьбы, и которое произошло отъ долгой ѣзды, голода и зноя, то доводъ этотъ не долженъ заслуживать никакого уваженія, потому-что подобнаго же рода изнуренью подвергались, въ сей же день, и всѣ борцы, съ утра до вечера, подъ одинаково-палящими лучами солнца, состязавшіеся въ продолжительной и утомительной борьбѣ съ своими сотоварищами.

Судъ этотъ былъ безъапелляціонный, и явившійся охотникъ долженъ былъ перебороться съ двадцатью борцами своей партіи. Съ первыхъ минутъ схватки съ первымъ нумеромъ, онъ, послѣ двухъ-трехъ маневровъ, готовился быть побѣдителемъ, занявъ выгоднѣйшую позицію; но достаточно было одного неловкаго движенія, чтобы выпустить изъ рукъ лавры: черезъ десять минутъ старый первый борецъ лежалъ уже поверженнымъ на землю.

Испытавъ неудачу съ первымъ нумеромъ, онъ не считалъ второй нумеръ достойнымъ чести состязательства съ нимъ.

Въ дни, предшествующіе народному празднеству, борцы готовятся сохранить и укрѣпить свои силы разными способами: они со всѣхъ ногъ кидаются оземь, чтобъ пріучить себя къ ударамъ, вытягиваютъ и размахиваютъ руками и ногами, валяются по песку, чтобъ сдѣлать кожу менѣе чувствительною къ небольшимъ ушибамъ и царапинамъ, и спятъ внѣ кибитки, на голой землѣ, подложивъ подъ себя, вмѣсто тюфяка, жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи.

На утро борцы идутъ въ хурулъ, каждая партія по одиночкѣ и подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, исполняющихъ должность и судей чести и секундантовъ, и молятъ бурхановъ долго и усердно о дарованіи имъ побѣды. Въ процессіи ихъ много торжественности: они отправляются въ хурулъ цѣлою массою, но попарно, подходятъ къ нему длинною линіею, выстраиваются въ одну шеренгу, и снявъ шапки, становятся на колѣни и дѣлаютъ земные поклоны.

Мѣсто, гдѣ при насъ происходила борьба, было обставлено такимъ образомъ. Между хурулами и владѣльческой ставкой была выровнена на степи небольшая площадка; рѣдкую траву здѣсь повыдергали и разрыхлили немного песокъ, изъ котораго состоитъ почва. По одну сторону арены стояла владѣльческая кибитка и кибитки его гостей и сторонниковъ; по другую сторону, прямо противъ нихъ, были кибитки представителей другой партіи: тутъ сидѣли старшіе гелюнги, и съ ними самъ бакшй, также нойонъ—правитель улуса, дядя владѣльца, и нѣсколько почетныхъ зайсáнговъ; рядомъ съ ними былъ разбитъ огромный шатеръ изъ парусяаго холста, въ которомъ укрывались отъ солнца простые гелюнги. По двумъ остальнымъ сторонамъ побоищнаго мѣста сидѣлъ народъ, раздѣлившись на партіи: влѣво сидѣли Калмыки, изъ среды которыхъ выбраны были борцы со стороны владѣльца; справа — ихъ противники. По діагонали этого четырехъ-угольника поставлено было по одной кибиткѣ, въ которыхъ собрались сами борцы.

Когда владѣлецъ вошелъ въ свою кибитку и подалъ сигналъ начатія ратоборства, степь стихла и водворилась мертвая тишина.

Въ одно и тоже мгновеніе, двери угловыхъ кибитокъ растворились,

и секунданты вывели борцовъ, стоявшихъ въ главѣ списка. Секундантъ партіи гелюнговъ, старикъ лѣтъ за пятьдесятъ, рослый, плечистый, въ свое время самъ считавшійся первымъ борцомъ улуса, шелъ въ праздничномъ калмыцкомъ нарядѣ, гордо поднявъ голову: два его сына, славившіеся силою, были въ числѣ борцовъ его партіи, и старшій сынъ, надежда отца и краса партіи, былъ первымъ на очереди; онъ неоднократно уже оставался побѣдителемъ на прежнихъ празднествахъ, а его противникъ, первый борецъ со стороны владѣльца, былъ юноша безвѣстный, только теперь въ первый разъ выступавшій передъ народомъ.

Секунданты въ одной рукѣ несли по «кумгáну», то есть по мѣдному кувшину, наполненному водой: это на случай обморока, которому могутъ подвергнуться борцы во-время жестокихъ схватокъ; другою рукой они поддерживали борцовъ. Рядомъ съ секундантомъ партіи гелюнговъ шелъ сынъ его твердою поступью.

Борецъ, котораго велъ секундантъ владѣльческой стороны, весь трясся, отъ избытка энергіи и отъ страха за будущее; шаги его были неравномѣрны. Онъ, подобно своему противнику, былъ съ головы до ногъ закутанъ въ бѣлую простыню.

Вступивъ на арену, борцы остановились; секунданты сняли с нихъ покрывала; воздухъ огласился радостными кликами, которы[ми] народъ привѣтствовалъ молодыхъ атлетовъ.

Борцы явились взорамъ народа полунагими: на нихъ надѣты бы[ли] одни широкія, бѣлыя, далеко недоходящія до колѣнъ шальвар[ы]. Они низко наклонились, коснулись пальцами обѣихъ рукъ земли, о[т]дали почесть владѣльцу, и умывъ руки пескомъ, стали медленно кр[у]жить по аренѣ, шагая исполинскими шагами и сильно размахивая р[у]ками. Потомъ они остановились, уставились одинъ противъ другаго [и] старались другъ-друга ухватить рукой. Нѣсколько томительныхъ мг[но]веній длился этотъ маневръ: одинъ схватывалъ противника за ки[сть] правой руки, тотъ вывертывалъ ее у него изъ пальцевъ и, въ св[ою] очередь, выжидалъ случая схватить его за пальцы, или за пле[чо] или за часть одежды, въ которую выгоднѣе всего было вцѣпить[ся]. Накопецъ они схватились — и другъ на другѣ повисли, обманы[вая] другъ друга намѣреніями перемѣнить позицію.

Надо быть въ душѣ художникомъ, быть присяжнымъ ваятел[емъ]

ли живописцомъ, чтобъ умѣть передать тѣ безпрерывныя измѣненія въ положеніи мускуловъ и въ граціозности и изяществѣ позъ, которыя борцы принимаютъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить драгоцѣнность матеріаловъ, какихъ художнику трудно пріобрѣсть у себя въ мастерской, въ какія бы изысканныя и ненатуральныя положенія онъ ни ставилъ своихъ натурщиковъ. Глазъ нельзя оторвать отъ картины, которая съ каждымъ своимъ поворотомъ открываетъ новыя красоты. Борцы переплетаются руками и ногами, такъ что, казалось бы, ни тому ни другому нѣтъ средствъ, не только съ мѣста двинуться, но даже пошевелить членами: и не далѣе, какъ черезъ одну минуту, предъ зрителемъ новое положеніе. Одинъ, ухвативъ врага сзади, стискиваетъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ и силится ударами ноги сшибить его на землю. Но противникъ, крѣпко держась дотолѣ ступнею, приподнимается на цыпочки, и воспользовавшись этимъ положеніемъ, въ одно мгновеніе, правую руку свою закидываетъ душащему его Калмыку за спину и впивается пальцами въ шальвары, а лѣвую руку заноситъ такъ, чтобъ ухватить непріятеля подъ лѣвое колѣно; успѣвъ въ этомъ маневрѣ, онъ встряхиваетъ противника и кидаетъ его о-земь. Но тотъ, улучивъ минуту, припадаетъ на колѣно, и полуошеломленный нежданностію паденія, безсильный чтобъ снова кинуться на торжествующаго непріятеля, не теряетъ однакожь сознанія. Онъ, съ быстротою тигра, ухватываетъ своего противника въ обѣ руки, закидываетъ голову назадъ, и теряя почти равновѣсіе, приподнимаетъ его надъ собою и швыряетъ на землю, надѣясь, сваливъ его, въ ту же минуту наступить на него ногой и выхватить изъ рукъ его побѣду. Маневръ удается, но противникъ поверженъ не на-спину, а приникъ къ землѣ грудью: это положеніе не даетъ торжествующему борцу правъ побѣдителя. Попирая падшаго Калмыка правою ногой, притискивая его плечо рукою, онъ не даетъ непріятелю возможности подняться на ноги. Тотъ едва дыханье переводитъ, и слѣдя за каждымъ движеніемъ осиливающаго его противника, самъ сбираетъ послѣднія силы, не даетъ перевернуть себя на спину, и выискиваетъ способъ снова напасть на врага. Борцы остаются въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ; обманывая другъ друга ложными движеніями, они все болѣе другъ друга утомляютъ, и не двигаясь ни однимъ членомъ, понемногу ослабляютъ напряженные мускулы. Томительныя минуты ожиданія длятся долго.

Вдругъ, поверженный выскакиваетъ изъ-подъ противника, съ звѣрскимъ отчаяньемъ кидается на него и начинаетъ новую борьбу.

Смотря потому, который изъ борцовъ начинаетъ осиливать, съ той или другой стороны арены раздаются поощрительные клики партіи. Станетъ въ выгодное положеніе прославленный побѣдами сынъ старика-секунданта, крики «ура» раздаются въ партіи калмыцкаго духовенства; падетъ преимущество на безвѣстнаго еще юношу — степь оглашается торжествующими воплями партіи владѣльца.

Секунданты глазъ не спускаютъ съ борцовъ, и наблюдаютъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не дозволялъ себѣ постыднаго злоупотребленія своей силы и проворства. Такъ напримѣръ, пришедшій въ отчаянье борецъ можетъ, незамѣтно отъ зрителей, схватить противника за горло, притиснуть ему високъ, или причинить, въ азардѣ, какую-нибудь боль иными способами, могущими лишить противника сознанія хотя на мгновенье — всякое поползновеніе къ такому поступку строго воспрещается и преслѣдуется посрамительнымъ взысканіемъ. Иногда борцы, утомленные битвой, обезсиленные ея продолжительностью, измученные солнечнымъ зноемъ и запальчивостью схватокъ, падаютъ въ обморокъ: дѣло секундантовъ сейчасъ же прекратить бой и подать пособіе страждущему, облить его водой, утолить его жажду, дать ему время отдохнуть и снова собраться съ силами. Когда борцы, стараясь другъ друга-сшибить съ ногъ, упадутъ оба вмѣстѣ и оба стараются перевалить другъ друга на спину и тѣмъ покончить дѣло, то, изнемогая отъ усилія, задыхаясь отъ усталости, они сговариваются иногда, не измѣняя положенія, собраться съ силами. Дѣло секундантовъ наблюсти за честнымъ исполненіемъ этого уговора и за тѣмъ, чтобъ новыя эволюціи съ обѣихъ сторонъ начаты были въ одно и то же мгновеніе, между-тѣмъ секундантъ опрыскиваетъ того и другаго водой, и съ того и другаго стираетъ потъ, льющійся съ борцовъ градомъ.

Борьба кончается иногда съ одного раза, иногда послѣ нѣсколькихъ отдыховъ; иногда она бываетъ коротка и быстра; иногда длится очень долго, до-тѣхъ-поръ, пока одинъ борецъ не прижметъ другаго къ землѣ спиною. Въ первой парѣ видѣнныхъ мною борцовъ побѣда принадлежала сторонѣ владѣльца. Шумные клики народа покрыли побѣдителя славою; къ нему, отъ имени владѣльца, подвели дорогаго коня и поднесли въ подарокъ новый чекмень изъ

сукна, да нѣсколько денегъ. Изъ толпы той партіи, къ которой юноша принадлежалъ, выскочило нѣсколько человѣкъ; они кинулись борцу въ объятія, надѣли на него новую шапку-хошоутку, обвѣшали его халатами и платками, приподняли его на руки, и окруживъ вниманіемъ и почтеніемъ его подвига, вынесли его изъ арены съ громкими восклицаніями. Борецъ, отуманенный и прежними падеміями и теперешнимъ торжествомъ, шелъ и шатался какъ опьянѣлый. Бѣдный отецъ побѣжденнаго борца едва крѣпился, чтобъ не дать торжествующей партіи прочесть на своемъ лицѣ волновавшихъ его обиды, злобы и огорченія; а сынъ, блѣдный какъ только можетъ быть блѣденъ Калмыкъ, скрылся въ толпѣ, которая съ злою насмѣшкою посматривала на свѣжіе знаки его посрамленія, на мелкій песокъ, плотно прилипшій къ мокрой спинѣ побѣжденнаго атлета.

Честь быть первымъ борцомъ, для Калмыка, цѣнящаго высоко силу и мужество, какъ прочную опору семейнаго, вещественнаго благосостоянія, очень заманчива. Во-первыхъ, самолюбіе торжествуетъ: весь народъ обращаетъ на него почтительные взоры, весь улусъ окажетъ ему вездѣ почетъ; слава его быстро промчится по всей степи и имя его будетъ гремѣть не между одними только волжскими Калмыками: его съ почтеніемъ будутъ произносить и Калмыки, и сосѣди Калмыковъ—Татары, Туркмены и Киргизы. Съ другой стороны, слава эта и прибыточна. Кромѣ опредѣленнаго приза, побѣдитель получаетъ иногда отъ владѣльца косякъ лошадей, полную экипировку, или порядочный денежный капиталъ; зрители дѣлаютъ для побѣдителя пиръ, награждаютъ его разными подарками, какіе только кому по силамъ. Бѣднякъ поднесетъ ему цѣлую флягу водки, а кто побогаче, тотъ подаритъ халатъ, лошадь или деньги, глядя по достатку. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что бѣднякъ, кромѣ славы, пріобрѣтаетъ и маленькое состояніе и дѣлается зажиточнымъ, а если борецъ самъ богатъ и не нуждается въ вещественныхъ пособіяхъ, то и тутъ хорошая лошадь или цѣлый косякъ не будутъ для него лишними.

Въ борьбѣ, которой я былъ зрителемъ, изъ двадцати паръ, первые одиннадцать и послѣдніе трое побѣдителей прославили свою партію, въ главѣ которой былъ самъ владѣлецъ; со стороны гелюнговъ оказалось только шестеро борцовъ, одержавшихъ верхъ; двѣ пары, послѣ упорной и продолжительной борьбы, разошлись и перемѣнялись жеребьями; въ первый разъ борцы обѣихъ паръ оказались

другъ для друга непобѣдимыми, но при перебариваньи двое изъ нихъ вышли побѣдителями.

Противная владѣльцу партія употребляла всѣ усилія, чтобъ преклонить побѣду на свою сторону; но къ чести ея, надобно прибавить, что она, вѣроятно, отъ любви къ этого рода играмъ, приходила почти въ одинаковое восхищеніе при торжествѣ и своего борца, и борца чужаго знамени. Неоднократно красныя мантіи высылались въ награду побѣдителю: гелюнги приходили въ азартъ, и снимая съ себя послѣднее одѣянье, посылали его въ подарокъ борцу.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что гелюнги не носятъ исподняго платья, а простые Калмыки не имѣютъ права ни на красный, ни на жолтый халатъ. Казалось бы, что подарки жрецовъ были и неумѣстны, и безполезны; но на-дѣлѣ выходитъ иначе. Гелюнги, пожертвовавъ своими мантіями и халатами, сами остаются почти безо всего; а такъ какъ имъ, въ такомъ видѣ, нельзя уже показаться въ народѣ, то они и подсылаютъ манжиковъ къ борцамъ, съ тѣмъ, чтобъ отобрать отъ нихъ подарки свои назадъ. Но такъ какъ борцы даромъ этого не сдѣлаютъ, то гелюнги и выкупаютъ у нихъ свои одежды за наличныя деньги. Если человѣкъ пятнадцать гелюнговъ раздарятъ одному и тому же борцу свои халаты, и каждый изъ нихъ будетъ давать окупу хоть по пяти рублей серебромъ: то уже это одно вознагражденіе доставитъ борцу довольно значительную сумму.

Положеніе одного изъ секундантовъ оказалось очень незавиднымъ: и второй его сынъ былъ тоже побѣжденъ противникомъ. Отецъ не могъ перенести такого огорченія; онъ едва выдержалъ свою роль присяжнаго наблюдателя въ горестномъ для него рѣшеніи участи роднаго сына. Онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ, шопотомъ говорилъ сыну слова утѣшенія и ободренія, гнѣвно слѣдилъ за движеніями его соперника, заранѣе напрасно радовался кажущемуся перевѣсу своей партіи, но когда отчаянная схватка пришла къ концу, когда могучій соперникъ перекинулъ черезъ себя удалаго борца, когда тотъ грохнулся со всего размаха о-земь, отецъ не выдержалъ, свирѣпые глаза его отуманились, онъ помертвѣлъ и зашатался.

Зрители съѣзжаются на борьбу изо всего улуса. Женщины и молодыя дѣвицы съ жаромъ слѣдятъ за всѣми измѣненіями игры, и энергическими криками поощряютъ находчивость и ловкость каждаго борца, награждая юношу-побѣдителя чѣмъ ктовъ силахъ. И въ-самомъ-дѣлѣ,

зрѣлище борьбы чрезвычайно завлекательно: у зрителя у самого кипитъ въ груди давно заглохшее подъ приличіями живое чувство бѣшеной отваги... такъ бы вотъ и кинулся самъ въ этотъ опасный бой, такъ бы вотъ и скрутилъ железными мускулами любаго богатыря. Мы довольствовались тѣмъ, что, увлекаясь зрѣлищемъ, провозглашали тосты побѣдителей и пили ихъ здоровье шампанскимъ, которымъ наши степные хозяева запасаются даже на кочевьяхъ, для разныхъ случаевъ.

XXII.

Охота.

Изъ всѣхъ видовъ охоты, самая любопытная — охота за сайгаками: она и самая старинная калмыцкая забава, и самая любимая ими, и самая интересная, потому-что представляетъ такія особенности, которыя стоютъ того, чтобъ обратить на нихъ вниманіе не одного записнаго охотника, а и каждаго любознательнаго читателя.

Сайгаки пасутся на вольной степи, и разгуливаютъ по ней иногда небольшими группами, иногда огромными стадами, тысячи въ двѣ головъ, и больше и меньше. Это робкое и граціозное животное ведетъ жизнь кочевую, и переходитъ съ мѣста на мѣсто, подъ охраною и предводительствомъ самцовъ.

Калмыки охотятся за сайгаками въ то время, когда они, полные силъ и свѣжести, игриво рѣзвятся на степи, еще только готовясь насладиться весной жизни.

Калмыки ѣздятъ на охоту за сайгаками тоже парами, пары въ двѣ, въ три, въ четыре; они выѣзжаютъ въ степь верхомъ и запасаются добрыми винтовками, которыхъ при каждомъ охотникѣ по нѣскольку: одна въ рукахъ, да двѣ-три за плечами.

Обоняніе у сайгаковъ, какъ у каждаго дикаго животнаго, развито въ высокой степи: они издалека могутъ зачуять присутствіе человѣка. Если къ нимъ попасться въ пору ярости, самцы уничтожатъ человѣка, пули котораго окажутся безсильными при ожесточенныхъ ударахъ роговъ многочисленнаго стада. Но сайгаки все-таки робки, трусливы и простоваты: Калмыки и пользуются этими свойствами животнаго, на погибель его.

Для того, чтобы сайгаки, почуявъ человѣка, не побѣжали по иному направленію, четверо, шестеро или восьмеро наѣздниковъ-Калмы-

ковъ въ двѣ линіи преслѣдуютъ ихъ стадо съ навѣтренной стороны. Сайгаки сами бѣгутъ противъ вѣтра и не подозрѣваютъ, что за ними несется погоня. Въ то время, когда Калмыки настигнутъ стадо на такое разстояніе, что между ними и сайгаками останется пространство саженъ во сто или въ полтораста, наѣздники улучаютъ мгновеніе, и одна половина ихъ, на всемъ скаку, спрыгиваетъ съ сѣделъ на-земь, а остальная половина подхватываютъ ихъ коней, и не замедляя бѣга, продолжаетъ быстро мчаться за сайгаками.

Промчавшись еще не болѣе какъ саженъ двадцать-тридцать, скачущіе въ двѣ линіи наѣздники дѣлаютъ, направо и налѣво, въ пол-оборота, круги и несутся назадъ по той же дорогѣ, по которой ѣхали и гдѣ оставили своихъ товарищей.

Сайгаки, до которыхъ донесется наконецъ, хотя и противъ вѣтра, конскій топотъ, внезапно останавливаются, оборачиваются назадъ, и не двигаясь съ мѣста ни на шагъ, пристально вглядываются въ даль, замѣчаютъ скачущихъ людей, убѣждаются, что тѣ не на нихъ, а отъ нихъ бѣгутъ и быстро все дальше и дальше скрываются изъ виду, успокоиваются, и совершенно освободившись отъ страха, не дѣлаютъ новаго оборота въ ту сторону, въ которую прежде бѣжали, а, вѣроятно заинтересованные побѣгомъ всадниковъ, бросаются по ихъ слѣдамъ — и такимъ образомъ попадаютъ въ засаду. Спѣшившіеся прежде Калмыки, укрывшіеся въ ложбинкахъ, въ «барха́нахъ», или въ буграхъ сыпучаго песка, стерегутъ ихъ притаившись, и лишь только стадо съ ними поровняется, начинаютъ въ него стрѣлять изъ винтовокъ.

Калмыки пріучаютъ къ охотѣ соколовъ, ястребовъ и балаба́новъ. Съ соколами они выѣзжаютъ на дикихъ гусей, казарѐй и на дудака́, какъ въ приволжскомъ-краѣ Русскіе называютъ драфу̀; ястребиная охота производится на дикихъ же гусей и утокъ, на казарѐй и на чапу̀рниковъ, то есть на цаплю, а балабанами ловятъ цаплю и лебедей.

Мы имѣли уже случай упомянуть объ охотѣ на кабановъ; но охота за ними не повсюдная, а производится только въ мочага́хъ, и по самымъ окраинамъ каспійскаго прибрежья. Болѣе всего Калмыки любятъ травить зайцовъ и бить волковъ.

На волковъ Калмыки выѣзжаютъ иногда съ собаками, но чаще всего они бьютъ ихъ просто ногайками, сидя на конѣ.

Калмыки мастера крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ: мы имѣли уже случай объяснить это, говоря о калмыцкой зыбкѣ, въ которой ноги калмыцкаго ребенка, съ первыхъ дней рожденія, начинаютъ принимать такого рода искривленіе, которое способствуетъ твердой посадкѣ на сѣдлѣ. Кромѣ-того, Калмыки, безпрестанно обращающіеся въ табунѣ, чрезвычайно искусно владѣютъ ногайкой, которая въ ихъ рукахъ теряетъ значеніе простой плети, а обращается въ оружіе, въ одинаковой степени способное къ защитѣ, какъ сабля, или даже какъ винтовка.

Калмыкъ рѣдко станетъ бить коня ногайкой, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе отвести душу: калмыцкій конь послушливъ; онъ знаетъ только повода, сочувствуетъ своему хозяину въ минуты опасности, понимаетъ его желанія и не нуждается въ ногайкѣ. Между тѣмъ, при видѣ скачущаго Калмыка, вниманіе исключительно обращается на безпрестанные удары, которые наѣздникъ градомъ сыплетъ на животное. Согласить эти удары съ увѣреніями Калмыковъ, что они «лошадей никогда не бьютъ» можно очень просто: Калмыкъ хлещетъ ногайкой коня не по тѣлу и не для боли, а только по тебенькамъ сѣдла и только для того, чтобъ коня пораззадорить, щегольнуть имъ, заставить его — рѣзвиться и, какъ выражаются Калмыки, «живѣе подплясывать».

Умѣнье владѣть ногайкой, сноровка хлеснуть ею такъ или иначе спасаетъ Калмыка и отъ опасной, беззащитной встрѣчи съ волкомъ, и отъ нападенія лихаго человѣка. Вотъ, напримѣръ, четыре разсчитанные удара ногайкой, употребляемые Калмыками въ нужныхъ случаяхъ: два изъ нихъ прямо касаются предмета, о которомъ мы начали рѣчь — охоты на волковъ.

1) Чтобъ положить волка на мѣстѣ замертво, Калмыкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сначала кругомъ размахиваетъ ногайкой, чтобъ попугать звѣря, а потомъ, улучивъ минуту и выбравъ удобное положеніе, поднимаетъ руку и, въ одинъ мигъ, тяжело опускаетъ ее, такимъ образомъ, чтобы концомъ ногайки хватить по самому концу волчьяго носа, но не вдоль его, а поперёкъ.

2) Для того, чтобъ волка не убить на повалъ, а захватить его живьёмъ, наѣздникъ норовитъ съ разу ударить волка по спинной кости такимъ образомъ, чтобъ ногайка обвилась по боку и чтобъ

конецъ ея рѣзко прохватилъ брюхо и ударился въ безшерстную часть шкуры.

3) Смертельнымъ ударомъ человѣку считается тотъ, въ которомъ самый конецъ хвостаногайки направленъ въ високъ.

4) Ударъ не смертельный, а разсчитываемый только для того, чтобъ сшибить всадника съ коня — это ударъ ногайкой по колѣну, по серединѣ его, или по самому концу, все-равно.

Эти удары каждому Калмыку знать необходимо, особенно послѣдній: при могущихъ случиться въ степи встрѣчахъ, кражахъ и похищеніяхъ, твердое знаніе его спасаетъ Калмыка отъ неосторожности нанести противнику смертельный ударъ. На этотъ предметъ у Калмыковъ ведется поговорка: «аргамгага́нъ упа́дъ, альхапда́нъ маля«га́нъ баря́тъ гарса́нъ — залу̀ адучи̇; адунда́нъ орсаге̇ юлѣ унга«хла — адучи̇ биши̇.» Смыслъ такой: плохой тотъ табунщикъ, который не собьетъ съ коня человѣка, бросившагося па табунъ, и не положитъ за́-мертво волка, его безпокоющаго.

Говоря объ ударахъ ногайкой, нельзя, кстати, не прибавить, что есть Калмыки, по преимуществу скотоводы, вѣчно въ степи кочующіе, при колодцахъ, никогда неимѣющіе случая побывать па Волгѣ или на Кумѣ, таковы напримѣръ Торгоуты, кочующіе ближе къ хребту Эргене. Бывали случая, что нѣкоторые ихъ хото́ны, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, подкочевывали къ Волгѣ раннимъ лѣтомъ, во-время хода по рѣкѣ тарани: обиліе рыбы такъ ихъ изумляло, что они принимались бить ее ногайками, разумѣется съ сѣдла, и никакъ не могли догадаться, что могутъ быть совершенно иные пріемы для ловли рыбы.

XXIII.

Скачка и ловъ неуковъ.

Калмыцкая скачка не представляетъ какихъ-нибудь особенныхъ различій отъ обыкновенной киргизской скачки: тоже «выдерживанье мериньёвъ», такое же подготовленіе лошадей къ скачкѣ, постепеннымъ убавленіемъ корма, для облегченія ихъ тучности; подмариваньемъ и постоянною выбѣжкою, и здѣсь лошадей доводятъ до такого состоянія, что у нихъ на груди пропадаетъ все сало, и скакуны дѣлаются тощими и сухопарыми. Дистанція для скачки, при мнѣ, назначена была двадцати-верстная, и первая лошадь добѣжала къ мѣ-

гу въ полчаса времени; потомъ ее водили часовъ шесть сряду и цѣлыя сутки не пускали къ водопою. Правитель улуса разсказывалъ мнѣ, что иногда скаковыя дистанціи назначаются въ 50, 60 и 70 верстъ.

Калмыки верстами не считаютъ, а назначаютъ дистанцію опредѣленіемъ извѣстнаго мѣста, урочища, съ котораго скакуны пускаются. По этому-то наѣздники и не кружатъ, какъ у насъ, по опредѣленному пространству, а съ утра, иногда даже наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, отправляются шажкомъ на назначенное урочище и оттуда уже несутся всѣ разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжкѣ пункта, гдѣ и ожидаютъ ихъ собранные для празднества зрители. Для соблюденія порядка, владѣлецъ, или распорядитель скачки, посылаетъ туда довѣреннаго человѣка, который, въ условленную минуту, или по карманнымъ часамъ, или по солнечному теченію, разставляетъ наѣздниковъ въ линію и подаетъ знакъ къ начатію скачки.

Чтобъ не терять времени въ безплодномъ ожиданіи прибытія наѣздниковъ, владѣлецъ высылаетъ нѣсколько дозорныхъ пикетовъ, которые и разставляются въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ имъ можно было издали различать обоюдныя движенія. На степи, даже непривычный глазъ хорошо различаетъ предметы болѣе чѣмъ за версту; при извѣстномъ освѣщеніи предметовъ, въ данную пору дня, при кратковременномъ и наглядномъ знакомствѣ съ извилинами холмистой степи, можно въ очень короткое время пріучить глазъ къ тому, что онъ за пять верстъ отличитъ конный табунъ отъ стада, и человѣка отъ четвероногаго животнаго. Если на горизонтѣ вздымаются огромные клубы пыли, подъ которою виднѣется чорная полоска — это конный табунъ; если чорной полоски не видать — значитъ, тутъ бараны; если переливы цвѣтовъ мѣшаются и въ глазахъ будто что-то пестрѣетъ — это стадо рогатаго скота. Если чорная точка на воздухѣ долго не скрывается изъ глазъ, или и скрывается, но незамѣтно, — то это птица; если же чорная точка, поднявшись на воздухъ, быстро опустится на землю, то это, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, означаетъ шапку, которую кочевникъ подкинулъ къ верху, чтобъ обмануть сторожащаго его противника. Если на горизонтѣ чернѣются два предмета, и одинъ изъ нихъ кажется несравненно выше другаго — то высокая черта означаетъ верховаго наѣздника, а меньшій предметъ — животное Сроднившіеся со

степью кочевники, обладая чрезвычайно-изощреннымъ зрѣніемъ и съ малыхъ лѣтъ привыкнувъ издали, по соображенію, узнавать то, что̀ глазъ ихъ подмѣтитъ на огромномъ пространствѣ, дѣйствительно могутъ удивить насъ, городскихъ жителей, этою необыкновенною дальнозоркостію, находчивостью и смѣтливымъ отгадываніемъ такихъ вещей, которыхъ мы и подозрѣвать не могли бы.

Сторожевые передаютъ вѣсти о томъ, что скакуны уже пустились, или извѣщаютъ о другомъ какомъ-либо событіи, условными знаками, замѣняющими у Киргизовъ, у Калмыковъ и у русскихъ казаковъ наши телеграфы. Маневръ одного верховаго наѣздника, составляющаго дозоръ, повторяется другимъ наѣздникомъ; его движенія подсматриваются третьимъ, и такимъ образомъ, вѣсть въ нѣсколько минутъ можетъ быть передана даже за цѣлыя сотни верстъ.

Телеграфическіе маневры, или такъ называемое «маяченье» Калмыковъ и Киргизовъ состоятъ въ поворотахъ и круженіяхъ направо или налѣво, и въ другихъ условныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Закружитъ Калмыкъ лошадью два раза на томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ неподвижно — это означаетъ то-то; повернется онъ однажды — значитъ другое; повернувшись туда либо сюда, сдѣлаетъ нѣсколько скачковъ впередъ и тамъ закружитъ такое-то число разъ направо или налѣво — это будетъ значить уже совершенно иное. Такихъ условныхъ «маяковъ» множество.

Этимъ живымъ телеграфомъ у насъ давно и вездѣ воспользовалось линейное казачество, и подробныя правила, составленныя у насъ по этому предмету, преподаются всѣмъ несущимъ кордонную службу.

Призы выигравшимъ на скачкѣ неразнообразны, но дороги по существенной приносимой ими пользѣ: побѣдителю даютъ деньги, носильное платье, дарятъ лошадей, а менѣе отличившихся наѣздниковъ поощряютъ какими-нибудь полезными бездѣлками.

Говоря о молодечествѣ и наѣздничествѣ Калмыковъ, надобно тутъ же упомянуть и о ловлѣ неуковъ, или о томъ какъ Калмыки арканятъ на степи изъ табуна лошадей, никогда небывавшихъ подъ сѣдломъ, и какимъ образомъ они ихъ укрощаютъ. Я буду говорить только о томъ, что̀ видѣлъ собственными глазами.

Калмыкъ, подтянувшись и заломивъ на бекрень шапку, въѣзжаетъ въ обширный табунъ, держа на лѣвой рукѣ укрюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлей.

Вторженіе человѣка въ табунъ не угрожаетъ ему никакою опасностью. Табунъ составляютъ нѣсколько косяковъ лошадей одной и той же масти, а косякъ означаетъ штукъ двѣнадцать или пятнадцать матокъ при одномъ жеребцѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими головами молоденькихъ лошадокъ, годовалыхъ, двугодовалыхъ и третьячковъ; всего въ косякѣ лошадей тридцать, сорокъ и до пятидесяти, но собственно косякомъ въ народныхъ понятіяхъ называется девять матокъ и десятый жеребецъ, съ приплодомъ. При въѣздѣ въ табунъ посторонняго наѣздника, матки, оберегая дѣтей, даютъ всаднику дорогу; за оборотами матки слѣдятъ дѣти и дорога табунщику расчищается.

Роль табунщика, при показываніи табуна мнѣ, принялъ на себя самъ владѣлецъ улуса, и требовалъ, чтобъ я назначилъ: какую именно лошадь нужно съарканить? Вниманіе мое обращалъ одинъ статный третьякъ съ отмѣтиной: по всѣмъ его манерамъ и движеніямъ, видно было, что это «стражкой» конь, то есть очень пугливый. Я указалъ на него князю, и тотъ кинулся его преслѣдовать, стараясь изъ числа нѣсколькихъ сотъ лошадей, настигнуть именно этого неука. По мѣрѣ приближенія владѣльца улуса, преслѣдуемый имъ конь бросался въ сторону и терялся въ группахъ другихъ лошадей; владѣлецъ, приникнувъ къ лукѣ сѣдла, снова кидался за нимъ, и едва только изготовлялся онъ проскакать еще сажень десятокъ, чтобъ быть въ состояніи накинуть арканъ на все еще далекаго отъ него коня, тотъ снова брыкалъ ногами, взмахивалъ хвостомъ, и потрясая головой и ощетинившейся гривой, исчезалъ изъ глазъ. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ, свидѣтельствовавшихъ о плутоватости и о находчивости молодаго коня, нашъ табунщикъ, съ пылающими отъ гнѣва глазами, съ рдѣющимъ отъ жаркаго увлеченія лицомъ, настигъ его, накинулъ на него, укрюкомъ, арканъ, отбросилъ свой урргò прочь, и одной правой рукой сдержалъ ретиваго неука. Зрѣлище было истинно увлекательное, прелесть котораго можно понять только при самомъ дѣйствіи, а словами всего никакъ не передать.

Лошадь, на которой сидѣлъ владѣлецъ, какъ-будто понимала всѣ его тайныя желанія: не ею управляли, а она, казалось, сама несла всадника на неукротимаго дикаря, и выискивала его слѣды между другими лошадьми. Всадникъ — совершенно перемѣнился: это былъ уже не прежній солидный, скромный офицеръ, повезшій меня знако-

мить съ своимъ хозяйствомъ; теперь его совсѣмъ нельзя было узнать: такъ онъ страстно увлеченъ былъ своимъ занятіемъ. Онъ самъ признавался послѣ, что преслѣдованіе дикой лошади кидало его попеременно то въ жаръ, то въ ознобъ, что у него, отъ запальчивости, глаза горѣли, тряслись руки, что сердце билось — точно выскочить хотѣло, что онъ не видѣлъ ничего, кромѣ непокорнаго животнаго, не помнилъ ничего, кромѣ нужды словить коня и не выпустить изъ рукъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, минута, послѣдовавшая за изловленіемъ нѣука, была минутою какого-то дикаго торжества и табунщика, и зрителей, и цѣлаго табуна. Все присмирѣло, все смолкло, все обратили взоры на чудную группу всадника и разъяреннаго животнаго, выведеннаго теперь на поляну.

Конь, почувствовавъ петлю, накинутую ему на шею, остолбенѣлъ отъ изумленія и сталъ какъ вкопаный; но это было только въ первое мгновенье, когда, разставивъ ноги врозь и закрутивъ голову внизу, онъ какъ-будто придумывалъ средства и выискивалъ минуту сбросить съ себя петлю. Но едва онъ порывался исполнить свой замыселъ, и ставъ на дыбы, нежданно дѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону, въ надеждѣ вырвать арканъ изъ руки противника, какъ петля начинала его душить, тѣснѣе и тѣснѣе сжимая ему шею. Взбѣшенный жеребецъ визжалъ, припадалъ на колѣни, билъ копытами и дѣлалъ бѣшеные скачки, изгибаясь и задомъ и передомъ, и высоко вскидывая задними ногами; но владѣлецъ, навернувъ арканъ на руку и крѣпко стискивая колѣномъ его конецъ, подсунутый между сѣдломъ и ногою, забывалъ, что волосяная веревка рѣжетъ ему руку, и нисколько не подавался ни назадъ, ни впередъ, сидя на сѣдлѣ какъ прикованный.

Двое подбѣжавшихъ Калмыковъ схватили коня за уши, и между-тѣмъ какъ двое другихъ старались спутать ему, на нѣсколько мгновеній, ремнемъ ноги, простой табунщикъ пропустилъ коню сквозь зубы конецъ веревки, какимъ-то образомъ опуталъ ею около его брюха, закрѣпилъ концы на спинѣ, и въ то же мгновенье ребенокъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати влѣзъ на страшнаго и превратившагося въ звѣря нѣука.

Ребенокъ, ухватившись сперва за концы веревки, просунутой лошади вмѣсто уздечки, впился пальцами лѣвой руки въ его гриву;

ившіе табунщики отбѣжали, народъ раздался, и отчаянный мальчишка, размахивая во всѣ стороны ногайкой и осыпая нéука изъ всѣхъ силъ ударами, пустился куда глаза глядятъ: вырвавшійся на свободу конь началъ кружить съ нимъ по степи.

Страшно было смотрѣть на бѣднаго мальчика, будущаго богатыря; бѣшеный нéукъ носилъ храбраго калмыченка изъ стороны въ сторону, и нечаянными скачкáми, увертливыми прыжками, брыканьемъ и разными продѣлками, силился его съ себя сбросить; онъ билъ задомъ и передóмъ, и разъяренный до послѣдней крайности, то мчался какъ стрѣла, то убавлялъ бѣгъ, то вдругъ снова дѣлалъ отчаянные прыжки и снова лѣтелъ по степи; но ребенокъ крѣпился, не терялъ духа, и успѣлъ, наконецъ, довести дикую лошадь до того, что она слушалась поводовъ.

Вскорѣ за тѣмъ посланъ другой всадникъ: нéукъ былъ вполовину укрощенъ, истощенъ, измученъ, и настигнуть теперь его было нетрудно. Но едва новый наѣздникъ къ нему приблизился, пугливый нéукъ снова забѣсился и снова сталъ выдѣлывать невѣроятные вольты. Скоро онъ утомился; побѣжалъ дробною рысью, движенія и обороты его дѣлались все болѣе и болѣе рàвномѣрными и правильными, повиновеніе ўздечкѣ оказалось несомнѣннымъ — дикій конь былъ укрощенъ окончательно. И четверти часа исторія не продолжалась.

Но этимъ зрѣлище еще не кончилось. Выѣхавшій на помощь къ ребенку взрослый Калмыкъ поровнялся съ нимъ, поѣхалъ съ нимъ рядомъ равномѣрною скачью и сталъ понемногу освобождать объѣзженнаго коня отъ тѣснившаго его аркана. Когда это приведено было къ концу, ребенокъ, выждавъ благопріятную минуту и держась только лѣвой рукой за холку, привсталъ на нéукѣ на колѣни, потомъ быстро всталъ на ноги, скользя ими по покрытой пѣною и пóтомъ спинѣ лошади Въ эту минуту всадникъ, прильнувъ своею лошадью къ укрощенному жеребцу, обхватилъ ребенка около пояса правой своей рукой и перетащилъ къ себѣ на сѣдло; нéукъ, совершенно предоставленный собственной волѣ, кинулся въ табунъ, а всадники, одинъ сидя въ сѣдлѣ а другой, стоймя придерживаемый взрослымъ Калмыкомъ, возвратились къ кибиткамъ, гдѣ народъ привѣтствовалъ неустрашимаго ребенка поощрительными криками.

Я усомнился въ неподготовленности такого зрѣлища и считалъ этотъ случай исключительнымъ; но повторенные при мнѣ разъ пять

-тые опыты съ другими лошадьми и съ другими мальчиками достаточнымъ образомъ доказали мнѣ необыкновенную для меня удаль, молодечество и отчаянное богатырство Калмыковъ въ наѣздничествѣ.

Многія дѣвицы тоже славятся наѣздничествомъ; не говоря уже про то, что каждая женщина должна ѣздить верхомъ и умѣть усмирять ретивыхъ коней, выдаются такія наѣздницы, которыя не откажутся войдти въ состязаніе съ любымъ табунщикомъ.

Самая жестокая забава, съ ужасами которой трудно примириться, это укрощеніе осѣдланныхъ неуковъ. Тутъ дѣтей уже не сажаютъ, но участь удалаго юноши, укрощающаго коня, незавидна: осѣдланный неукъ ярится и мечется съ отчаяніемъ, онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло, которое съѣзжаетъ съ него и падаетъ; наѣздникъ долженъ развлекать свое вниманіе, наблюдая и за конемъ, и за сѣдломъ, выскользающимъ у него изъ-подъ ногъ, и по мѣрѣ того, какъ сѣдло будетъ ломаться и повисать, онъ долженъ подпрыгивать на конѣ и со спины съѣзжать ему почти на шею; при малѣйшей неосторожности, особенно если наѣздникъ потеряетъ хладнокровіе и присутствіе духа, онъ летитъ съ коня вмѣстѣ съ сѣдломъ, и можетъ имъ повредить себѣ члены.

Хошоутовскій владѣлецъ кладетъ своимъ коннымъ табунамъ тавро подъ гривой; этотъ исключительный случай и подалъ одному писателю о Калмыкахъ поводъ сказать вообще, что Калмыки таврятъ лошадей и весь скотъ на шеѣ, между-тѣмъ какъ рѣшительно всѣ Калмыки, кромѣ одного семейства князей Тюменевыхъ, выжигаютъ животнымъ тавро, какъ вездѣ водится, на бедрѣ.

XXIV.

Степное хозяйство и заработки.

Всѣ заботы Калмыка о своемъ хозяйствѣ сосредоточиваются около его табуна. Мы, въ разныхъ мѣстахъ предшествовавшихъ отдѣловъ, успѣли уже дать понятіе и о табунѣ, и о табунщикѣ, и объ призорѣ за скотомъ, и о его водопоѣ. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о калмыцкихъ сѣнокосахъ, хлѣбопашествѣ, домостроеніи и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, которыя могутъ если неполнѣ ознакомить, то, по-крайней-мѣрѣ, дать нѣкоторое понятіе о степени развитія въ степи этихъ отраслей общественнаго хозяйства.

Калмыки косятъ само-дикимъ способомъ: мужчины употребля-

ютъ при этомъ русскія косы, «хаджѝ», а скошенное сѣно сгребаютъ грабаями, «маджу̀ръ»; женщины же подрѣзываютъ тощую траву около хото́на обыкновенными серпами, которые у Калмыковъ называются «хаду̀ръ». Занасы сѣна сберегаются всегда при худукàхъ зимняго кочевья, куда перевозится оно съ мѣстъ лѣтней кочевки. При худукàхъ же хранятся и запасы калмыцкаго топлива — «кизякá».

Сѣно свое Калмыки всегда вяжутъ въ снопы; для собственнаго обихода, связки эти бываютъ вѣсомъ до полупуда. Тысяча такихъ сноповъ, сложенныхъ одинъ на другой правильною пирамидою, называется «стогомъ»; если же въ грудѣ сноповъ болѣе тысячи, тысячи полторы, или двѣ сноповъ, то это называется уже не стогомъ, а «омётомъ». Но такой способъ убирать сѣно не есть исключительная принадлежность однихъ Калмыковъ: тоже самое мы можемъ встрѣтить и во всемъ волжскомъ Низовьѣ, и въ Землѣ-Уральскихъ Казаковъ, и у Киргизовъ, какъ Внутренней-Орды, такъ и дальней Зауральской-Степи.

Богатому скотоводу и некогда, да и невозможно, одному заготовить для себя полный запасъ сѣна на всю зиму; по этому люди зажиточные нанимаютъ себѣ работниковъ, и недостаточные Калмыки ходятъ къ нимъ для сѣнокоса цѣлыми семьями.

Калмыки, для своихъ богатыхъ скотомъ единоплеменниковъ, подряжаются въ работу за извѣстное вознагражденіе: за каждый нормальной омётъ сѣна, въ двѣ тысячи сноповъ двѣнадцати, а уже не двадцати-фунтоваго вѣса, они получаютъ по четыре рубля серебромъ и по небольшому куску кирпичнаго чая и къ нему бараньяго сала; сверхъ-того, три раза въ недѣлю имъ выдается по огромному куску мяса и опредѣленное количество хлѣба и шюйрмыка. Небольшая калмыцкая семья можетъ накосить и убрать каждый подрядной омётъ въ четыре дни, и получая достаточное довольствіе сберегаетъ въ сохранности денежную плату и можетъ даже отвезти домой оставшіеся въ экономіи припасы.

Случается, что хозяева подряжаютъ вязать снопы сѣна вѣсомъ только въ семь фунтовъ, и это довольно часто; въ такомъ случаѣ вознагражденіе бываетъ половинное.

Нормальною единицею при сѣнокосахъ у русскихъ крестьянъ, или казаковъ, считается стогъ въ тысячу сноповъ средней руки; казаки

нанимаютъ для этой работы «сидячихъ» (то есть живущихъ при самой Волгѣ) Калмыковъ и платятъ имъ по рублю серебромъ со стога.

Во всемъ хошоутовскомъ улусѣ, сѣна на зиму Калмыки запасаютъ для себя, какъ сами они говорятъ, по примѣрному, но весьма скромному разсчету, около трехъ милльйоновъ сноповъ разнаго вѣса, не менѣе однакожъ семи фунтовъ; но третья часть всего количества бываетъ непремѣнно двѣнадцати-фунтоваго вѣса.

Впрочемъ, все здѣсь сказанное касается только до того сѣна, которое въ астраханскомъ-краѣ называется «простымъ».

Но есть другой родъ сѣна, запасаемаго исключительно для молодаго скота: именно «ржанѐцъ». Его косятъ въ то время, когда въ рѣкѣ прибываетъ вода и когда ржанѐцъ только что начинаетъ всходить. Косцы трудятся надъ нимъ и день и ночь безъ отдыха, торопясь выиграть время, и опасаясь, чтобъ выкашиваемую мѣстность не залило водой. Ржанѐцъ чрезвычайно питателенъ: Калмыки увѣряютъ, что стòитъ сутки двои покормить имъ лошадь, истощалую и исхудалую до того, что она едва но ногахъ стоитъ — и животное совершенно оправится.

Ржанѐцъ убирается правильными стогами, каждый въ тысячу сноповъ восьми-фунтоваго вѣса; подрядная плата за такой стогъ шесть и семь рублей серебромъ, а въ неурожайное время за тысячу сноповъ платится восемь рублей серебромъ. Въ самой Астрахани цѣна за кошенный ржанѐцъ доходитъ до пятнадцати рублей серебромъ за тысячу сноповъ.

Въ отношеніи къ хлѣпопашеству, надобно замѣтить, что имъ занимается съ большимъ раченіемъ только самъ хошоутовскій владѣлецъ и немногіе другіе богачи; чтò жъ касается до улусниковъ, то у нихъ эта отрасль домашняго хозяйства развита очень мало.

Хлѣбопашествомъ занимаются люди не средняго достатка, а Калмыки или самые зажиточные, въ качествѣ промышленникомъ, или самые бѣдные, въ качествѣ ихъ работниковъ. Занимающіеся хлѣбопашествомъ сѣютъ пшеницу, просо и горничное сѣмя; это послѣднее представляетъ болѣе выгодный сбытъ и хорошее вознагражденіе за трудъ.

Калмыки, успѣвшіе уже усвоить себѣ эту промышленость, запахиваютъ нови, употребляя въ дѣло плуги, въ которые запрягаютъ они

отъ трехъ до шести паръ головъ. Плуги употребляются улусными работниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ само начальство признало необходимымъ, для блага самихъ кочевниковъ, ввести у Калмыковъ распашку полей, но гдѣ Калмыки, по краткости времени, не ознакомились еще съ хлѣбопашествомъ, тамъ плуговъ своихъ у Калмыковъ нѣтъ; они ѣздятъ въ сосѣднія русскія деревни, и берутъ плуги у крестьянъ и у казаковъ напрокатъ, съ платою по пяти до семи рублей серебромъ за недѣлю пользованія: это уже служитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, что Калмыки начинаютъ сами сознавать благодѣянія мирнаго промысла и что они всѣми средствами стремятся усвоить его себѣ поскорѣе.

Наемными же плугами распахиваютъ Калмыки и участки, предназначенные подъ лѣсныя плантаціи: въ улусахъ начинаютъ засѣвать разнаго рода деревья, а также пробуютъ сажать и желуди, для разведенія дубовыхъ лѣсовъ. Блистательные примѣры Новороссійскаго-края, примѣры, ясность и полезность которыхъ могутъ оцѣнить только очевидцы, даютъ полную увѣренность, что современемъ и волжскія степи зазелѣнѣютъ густыми рощами и лѣсами.

Садоводства въ улусныхъ земляхъ вовсе не существуетъ.

Изъ огородныхъ растеній Калмыки сѣютъ только дыни и арбузы, но бахчи у улусниковъ незначительны. Въ распространеніи этой отрасли сельскаго хозяйства Калмыки не нуждаются, замѣняя ее отыскиваніемъ дикорастущихъ и нами уже исчисленныхъ травъ и корней, употребляемыхъ ими въ пищу.

Кромѣ-того, Калмычки занимаются обработкою конопли, всюду по берегамъ Волги и въ мочагахъ ростущей въ изобиліи. Въ хошоутовскомъ улусѣ этимъ занимаются лѣтъ уже пятьдесятъ, а лѣтъ двадцать назадъ, владѣлецъ завелъ было у себя и выдѣлку холста изъ дикой конопли, но скоро ее прекратилъ, потому-что она, отнимая время у бѣдныхъ семей, не вознаграждала всѣхъ убытковъ, причиняемыхъ запущеніемъ обыкновенныхъ занятій скотовода.

Конопля въ дикомъ видѣ растетъ всюду по степямъ и лѣтняго и зимняго кочевья. Калмычки выдираютъ ее, стряхиваютъ сѣмяна, которыя, тутъ же разметываясь по вѣтру, снова падаютъ на землю, сушатъ растеніе, треплютъ его, и дальнѣйшую обработку ограничи-

вают только приготовленіемъ толстыхъ нитокъ, которыми и шьютъ все, что́ дѣлается не изъ кожи.

Кромѣ конопли, Калмыки занимаются обработкою «тушмута», корня, изъ котораго приготовляется очень хорошая и прочная желтая краска. Краска эта употребляется въ дѣло, кажется, только одними здѣшними кочевыми жителями, и никуда не сбывается.

Поселянъ, то есть людей, желающихъ вкусить плоды жизни осѣдлой, въ одномъ Хошоутовскомъ улусѣ болѣе трехъ сотъ семей; они пообстроились на самой рѣкѣ: на Табунъ-аральской дачѣ, на островѣ Шамбѣ, на Кругликскомъ-островѣ, на Кутилкиномъ-бугрѣ, на урочищѣ Кередѣ; есть еще въ самой степи особый хуторъ, или, какъ Калмыки передѣлали это слово — «кююютыръ», усвоившій себѣ, вмѣсто какого-либо другаго проименованія, эту калмыцкую передѣлку.

Поселенные Калмыки живутъ частію въ деревянныхъ избахъ, а частію въ мазанкахъ, но больше всего въ «турлушкахъ», то есть въ постоянныхъ непереносныхъ шатрахъ, сдѣланныхъ изъ плетня наподобіе кибитки и обмазанныхъ глиною; внутри турлушки устроивается печь.

Мѣстное калмыцкое начальство старается всѣхъ Калмыковъ заохотить къ осѣдлой жизни, и постройку домовъ въ назначенныхъ мѣстахъ и по принятому плану поощряетъ ссудами въ пятнадцать и двадцать рублей серебромъ.

Рукодѣльность всякаго рода у Калмыковъ весьма замѣчательна. Не только у однихъ Хошоутовъ, но и во всѣхъ улусахъ, есть живописцы, лѣпщики, большею частію изъ гелюнговъ, занимающихся изготовленіемъ священныхъ для Калмыковъ изображеній; мастерства экипажное, мебельное, оружейное, литейное, токарное, плотничное, слесарное, кузнечное имѣютъ тоже вездѣ своихъ представителей; въ улусахъ есть мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, портные, портнихи, вязальщицы, басонщицы, сапожники и сапожницы, скорняки и проч. и проч. Каждое занятіе, составляя особый промыселъ, ограничиваетъ кругъ своихъ дѣйствій только роднымъ улусомъ, а за черту его рѣдко переходитъ. Замѣчательно то, что каждое мастерство переходитъ у калмыцкихъ мастеровъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда ко внуку; но въ улусахъ есть только одни «мастера», работниковъ же, отдаваемыхъ на выучку, для усвоенія себѣ какого-нибудь исключительнаго занятія, нѣтъ.

Кочующіе ближе къ рѣкамъ Калмыки занимаются и рыболовствомъ, но не какъ промысломъ, составляющимъ исключительное занятіе и предметъ торга, а только или въ видѣ удовлетворенія собственныхъ насущныхъ потребностей въ дневной пищѣ, или въ видѣ заработковъ.

Всѣ берега Волги и Каспійскаго-моря или составляютъ право собственности немногихъ частныхъ лицъ, или состоятъ въ пользованіи откупщиковъ у казны рыболовныхъ водъ; поэтому Калмыки, не имѣя притязанія на ловъ «красной» рыбы, ловятъ изрѣдка удочками, а если можно, то и бреднями, сазановъ, карасей, леща, окуня и тарани.

Для заработковъ Калмыки ходятъ на сѣнокосы, о чемъ у насъ уже сказано; нанимаются въ косновщики, то есть въ гребцы на мелкихъ, такъ называемыхъ «косныхъ» судахъ; подряжаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, за что назначается имъ весьма достаточное вознагражденіе, и ходятъ на работу къ откупщикамъ и владѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Калмыки, въ послѣдніе годы, на ватагахъ и на промыслахъ, получали такіе заработки:

Кормщикъ (кормчій на гребномъ суднѣ)	28 руб.	57 коп.	сер.	въ лѣто,
Рѣзальщикъ красной рыбы	43 —	—	—	въ годъ;
Рѣзальщикъ частиковой рыбы	10 —	—	—	въ путину;
Неводчей (работникъ при неводѣ) и пятчикъ	11 —	43 —	—	въ путину;
Неводчикъ, старшій неводной	14 —	28 —	—	въ путину,

При «эмбенскомъ ловѣ», то есть на вольномъ рыболовствѣ въ Каспійскомъ-морѣ, внѣ границъ владѣнія частныхъ лицъ, или откупщиковъ, Калмыкамъ платятъ:

За весеннюю путину отъ 15 руб. 71½ коп. до 17 руб. 15 коп сер.
За осеннюю — 20 — — 23 — —

За весьма тяжкую работу съ живодпою-снастью имъ платятъ:

За весеннюю путину отъ 20 до 21½ руб. серебромъ,
За осеннюю путину — 23 — 25 — —

На этихъ работахъ, рабочій Калмыкъ, кромѣ жалованья, получаетъ отъ хозяина рыболовную снасть, чорнаго хлѣба и рыбы на прокормъ — въ волю; мясо, кирпичный чай или водку онъ долженъ брать у хозяина въ счетъ жалованья, по цѣнѣ, въ которой добровольно принужденъ будетъ согласиться.

Рабочій Калмыкъ, вступая въ работу на ватаги и на промыслѣ, обязанъ на собственный счетъ сдѣлать слѣдующія издержки, для справы себя всѣмъ необходимымъ для рыболова:

На пару сапоговъ	2 рубли серебромъ
На пóршни	— — 35 коп. —
На верблюжій чапáнъ	1 — 75 — —
На пару рукавицъ съ варегами	50 — —
На кое-какую шубу	2 — — — —
На теплую фуфайку	85 — —
На двѣ пары рубахъ и шальваръ	1 — 70 — —

Всего слѣдуетъ ему сдѣлать предварительныхъ издержекъ 9 руб. 15 коп. серебромъ; ни одна изъ поименованныхъ нами принадлежностей долѣе одной путѝны прослужитъ не можетъ.

Калмыки, отправляющіеся на ловѐцкую работу, ни жалованья, ни кóрма не получаютъ: у нихъ должно быть все свое, и свои же орудія рыболовства, которыя они берутъ, въ счетъ будущихъ заработковъ, у своихъ же хозяевъ. Деньги Калмыки получаютъ только по количеству уловленной «мѣрной» рыбы, въ цѣнѣ, въ которой они условились контрактомъ.

Для справы на ловѐцкое дѣло, артель Калмыковъ, то-есть двѣ или три лодки, каждая съ тремя человѣками ловцовъ, получаетъ отъ наемщика задатку отъ ста до ста-пятидесяти рублей серебромъ.

Забирая у хозяевъ хлѣбъ и снасть, въ счетъ денежной выдачи и въ надеждѣ на будущій заработокъ, Калмыки, по бóльшей части, остаются въ недолóвѣ, и слѣдовательно, въ долгу у хозяина. Надобно сказать, что иныхъ ловцовъ всюду преслѣдуетъ дѣйствительно одно несчастье, другіе уловленную рыбу и икру сдаютъ не въ свою контору, а перепродаютъ ловцамъ чужаго хозяина, за-то третьи съ успѣхомъ возвращаютъ всѣ свои расходы и «забóры», и съ деньгами возвращаются къ семьѣ.

На соляныхъ озерахъ, Калмыкамъ назначено платить за выломку соли и за складку ее въ «бугры», или, какъ въ другихъ мѣстахъ говорятъ, «въ бунты», по 8 руб. 57 коп. серебромъ за каждую тысячу пудъ; за перевозку соли съ озеръ къ пристанямъ и за складку тамъ въ «бугры», подрядчику рабочихъ Калмыковъ платится отъ 14 до 15 руб. серебромъ, тоже за каждую тысячу пудъ, а иногда платятъ и около 13 руб. сер.: все зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Билетовъ для отправленія на заработки выдано въ 1850 году 12,194, а свидѣтельствъ на временную отлучку 5,832; слѣдовательно, принимая, что цифра всего калмыцкаго населенія составляетъ 60,000 душъ обоего пола, и что билеты выдаются исключительно однимъ мужчинамъ, мы придемъ къ тому выводу, что изо ста мужчинъ 20 человѣкъ ходятъ во временную отлучку изъ улусовъ, а 40—въ постоянныя заработки.

XXV.

Торговля въ калмыцкихъ улусахъ.

Пространство земель, занятыхъ калмыцкими кочевьями, отъ границъ Саратовской до границъ губерніи Ставропольской, и отъ границъ земель Войска-Донскаго до береговъ Каспійскаго-моря, во всѣ времена, сколько объ этомъ судить можно, представляло мѣстность; постоянно населенную кочевыми племенами. Половину этого пространства занимаютъ крутизны Ергенѐ, которыхъ начало находится въ сосѣдствѣ города Царицына, а оконечность при рѣкѣ Манычѣ; возвышенность эта служитъ раздѣленіемъ водъ Дона и Сарпы. Отсюда берутъ начало разныя рѣчки, изъ которыхъ однѣ принадлежатъ къ системѣ рѣки Дона, другія къ системѣ Сарпы, впадающей въ Волгу. Къ первымъ принадлежатъ Червленная, Больная и Малая Бургуста́, Цари́ца, Акса́й, Хара-Салъ, Якшибай и Джурукъ; ко вторымъ Гевсута́, Большая и Малая Улуста̀, Ялмата, Амта-Зельме́нь, Арманъ-Зельмень, Наринъ-Зельмень, Сухота̀ и Сарпа̀.

Положеніе хребта Ергенѐ указываетъ, что въ эпоху доисторическую онъ служилъ берегомъ моря, разливавшаго прежде далеко свои волны. Начиная отъ этого склона до нынѣшнихъ береговъ Каспія идетъ совершенно плоская низменность, усѣянная солончаками и переносимыми съ мѣста на мѣсто сыпучими песками; здѣсь въ копаняхъ всюду вода горькая; растительность ограничивается только полынью, да жосткими травами и кореньями, неизвѣстными въ черноземной полосѣ и на равнинахъ и вообще въ возвышенныхъ надъ уровнемъ моря мѣстностяхъ.

Поэтому все пространство здѣшнихъ земель дѣлится на двѣ полосы: на полосу выше Ергенѐ, способную къ посѣвамъ колосныхъ растеній, особенно пшеницы, и къ разведенію лѣсовъ, и на полосу

ниже Ергенѐ, ни на что, кромѣ пастьбы скота, неспособную. Къ этой же категоріи относятся и луговыя низовья Волги.

По хребту Ергенѐ идетъ транспортная дорога отъ Дубовской пристани до города Ставрополя; по ней до-сего-времени товары отъ Дубовки доставляются только лѣтомъ, чумаками, на быкахъ. Промысломъ этимъ занимаются преимущественно крестьяне селеній Ставропольскаго уѣзда—Петровскаго и Кугульты, и Пятигорскаго—Медвѣдскаго и Воронцовки. Зимою эта дорога, по безлюдности, не посѣщается никѣмъ и дѣлается непроѣзжею. Нынѣ по ней устраиваютъ новыя поселенія, подъ названіемъ «станицъ», и нѣтъ сомнѣнія, что эта дорога будетъ лучшимъ и удобнѣйшимъ торговымъ трактомъ, какъ между приволжскими губерніями, такъ и между губерніей Ставропольской и землей Черноморскаго-Войска.

Вершины горъ Ергенѐ усѣяны курганами, единственными памятниками, свидѣтельствующими о народахъ, когда-то эти мѣста занимавшихъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, во-время существованія Кавказскаго намѣстничества, для разрытія кургановъ сформирована была особая команда; но ее вскорѣ потомъ уничтожили. Въ этихъ курганахъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ надгробныхъ татарскихъ надписей, не находили; самые же курганы, какъ говорятъ, состояли изъ склеповъ, сложенныхъ, безъ цемента, изъ громныхъ отесанныхъ камней.

Кромѣ могильныхъ кургановъ, попадаются тутъ курганы съ инымъ назначеніемъ. Такъ на рѣкѣ Калаусѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Манычъ, среди обширной поляны, одиноко высится конусообразный курганъ. Калмыки разсказываютъ, что въ царствованіе Петра Великаго, котораго они называютъ «Цаганъ-Баатыръ-Ханъ», то-есть Бѣлый-Царь-Богатырь, на Калаусѣ было сраженіе калмыцкаго хана Аюкіі съ кавказскими Ногаями; ихъ положено на мѣстѣ до шести тысячъ, и надъ трупами ихъ насыпанъ курганъ, которому, въ память счастливой битвы, дано названіе «Баяринъ-толгѐ», то есть курганъ радости.

Многіе, сохранившіеся отчасти донынѣ, остатки городищъ служатъ памятниками, что земли, о которыхъ идетъ рѣчь, были занимаемы, если не осѣдлыми жителями, то, по-крайней-мѣрѣ, такими обитателями, которые были въ необходимости укрѣплять главныя сво

ставки каменными зданіями и приличными времени и обстоятельствамъ строеніями. Такихъ остатковъ старины находимъ мы множество; къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, на луговой сторонѣ Волги, «Мамаева-Землянка», или «Царёвы-Поды—остатки стараго Сарая; «Джигидъ» у селенія Селитряный-Городокъ; южнѣе его, на Ахтубѣ, «Акъ-Месджидъ», близъ Ханскаго-Брода; далѣе «Давлютханъ», нынѣ Лопастинскій-Кордонъ; въ самой Астрахани Ямгурчовъ-бугоръ и бугоръ Жареный; къ востоку оттуда, отъ Астрахани въ семи верстахъ, городище «Чунгуръ»; на нагорномъ берегу Волги, недалеко отъ Астрахани выше ея верстъ на 14, близъ такъ называемой Стрѣлецкой-Ватаги, «Куюкъ-Кала»; къ западу отъ станицы Косихинской «Чулунъ-Молотукъ», и наконецъ развалины «Маджаръ», о которыхъ еще въ 1728 году, извѣстный Іоганъ Густафъ Герберъ, назначенный было, впослѣдствіи времени (въ 1731 году), начальникомъ миссіи въ Хиву и Бухару, разсказывалъ, что въ его времена «цѣлые погреба и развалины разныхъ великихъ палатъ были тамъ видны»; въ Книгѣ Большому Чертежу объ этой мѣстности сказано только, что «Можаровъ-юртъ: семь мечетей татарскихъ», а въ Актахъ Историческихъ она просто названа—Можарово-Городище.

Около границъ Пятигорскаго уѣзда, по теченію рѣки Кумы, ниже слободы Владиміровки верстъ на 60, на урочищѣ «Джиланъ-Кишу» или «Змѣиномъ-Бродѣ», до-сего-времени находятъ остатки каменныхъ строеній. Кирпичъ ихъ имѣетъ двѣ съ половиной четверти въ длину, а толщиной въ полтора вершка; онъ замѣчателенъ по особенной крѣпости, и представляетъ чистый кирпичъ-желѣзнякъ. Крестьяне Пятигорскаго уѣзда, селъ Покойнаго, Прасковеи и другихъ, до сего-времени выкапываютъ этотъ кирпичъ и употребляютъ на выстилку въ печахъ подовъ. Въ бывшемъ городѣ Св. Креста, а нынѣ Карабаглинской-слободѣ, Пятигорскаго же уѣзда, есть цѣлые дома, сложенные изъ вырытаго на Зиланъ или Джиланъ-Кишу кирпича; жители называютъ его «мамаевскимъ кирпичомъ».

Въ настоящее время, все пространство нагорнаго берега Волги занято кочевьями Калмыковъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ астраханской палаты государственныхъ имуществъ, и Туркменъ, состоящихъ подъ начальствомъ главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ въ Ставропольской губерніи. По степямъ луговой стороны Волги кочуютъ изъ Калмыковъ одни Хошоуты, Кундровскіе Татары и часть

Татаръ Юртовскихъ, Каракалпаки и Туркмены астраханскаго вѣдомства; всѣ они зависятъ отъ астраханской палаты государственныхъ имуществъ; а далѣе за ними—Киргизы Внутренней-Орды, находящіеся, точно такъ же какъ и зауральскіе Киргизы, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ оренбургской пограничной коммиссіи.

На лѣвый берегъ Кумы, въ томъ мѣстѣ гдѣ она начинаетъ исчезать въ пескахъ, переходятъ, въ лѣтнее время, иногда и Каранагайцы, состоящіе такъ же въ вѣдѣніи главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ.

Всѣ эти инородцы ведутъ жизнь кочевую; все ихъ достояніе и всѣ ихъ насущныя средства къ существованію заключаются въ одномъ скотоводствѣ, которое, съ теченіемъ времени, мало-по-малу клонится къ упадку, подготовляя такимъ-образомъ исподоволь народъ къ осѣдлой жизни, къ которой рано или поздно должны наконецъ будутъ приступить нынѣшнія кочевыя племена, по общему ходу вещей въ цѣломъ мірѣ.

Нѣкогда они славились своими табунами, а нынѣ лошадьми богаты одни Туркмены, рода Чаудуръ, и Калмыки улусовъ Хошоутовскаго, Ики-Цохуровскаго, Бага-Цохуровскаго и обоихъ Дербетовъ; въ прочихъ улусахъ конныхъ табуновъ нѣтъ: остались одни бараны и рогатый скотъ — и это уже составляетъ большой шагъ къ осѣдлости.

Изъ конныхъ табуновъ особенно замѣчательны табуны самого хошоутовскаго владѣльца и чорнаго Калмыка Большедербетевскаго улуса Цаганъ-Манжи. Табуны перваго улучшены жалованными жеребцами изъ царскихъ заводовъ, а табуны послѣдняго—жеребцами горскихъ породъ. Лошади хошоутовскаго владѣльца продаются бо́льшею частію въ Астрахани, для жандармской и пожарной командъ, а также для артиллеріи астраханскаго казачьяго-войска, а лошади завода Цаганъ-Манжи покупаются въ артиллерійскія команды кавказскихъ войскъ; они отличаются особенною крѣпостію.

Породистымъ рогатымъ скотомъ особенно славится улусъ Малодербетевскій: бывали случаи, что корова продавалась по 30 рублей серебромъ, тогда какъ въ другихъ улусахъ дороже 15 руб. серебр. коровъ не бываетъ. Крупный рогатый скотъ Малодербетевцовъ отличается длиннымъ туловищемъ, короткими ногами, прямыми рогами и широкимъ черепомъ. Быки малодербетевскихъ Калмыковъ, и имен-

но быки-трехлѣтки, очень часто продаются по 115 рубл. серебр. тогда какъ въ другихъ улусахъ такой цѣны и неслыхано *.

Калмыки стараются разводить у себя породу «красноперой» масти, то есть бѣлой съ желто-красными отмѣтинами на бокахъ: это потому, что крестьяне, занимающіеся чумачествомъ, особенно пристрастны къ этой масти.

Крупные, жирные и съ тяжелыми курдюками бараны разводятся преимущественно въ улусахъ Еркетéневскомъ, Икицохỳровскомъ и Яндыковскомъ: этому способствуютъ, какъ замѣчаютъ сами овцеводы, солонцы и горькія травы. Шерсть старыхъ калмыцкихъ, да и вообще степныхъ, даже киргизскихъ овецъ чрезвычайно груба; она употребляется на валяніе кòшемъ, сапоговъ и тому подобнаго, а для пряжи признается негодною. Были ли дѣланы опыты съ такъ называемой «веснѝной», съ тою чрезвычайно нѣжною на ощупь и длинною шерстью, которою бараны обрастаютъ впродолженіе зимы и которая состригается съ них весною—неизвѣстно.

Овцы Туркменъ и Караногайцевъ мелки; курдюковъ у нихъ почти нѣтъ, а образуются обыкновенные хвосты. Туркмены и Каранагайцы стараются размножать овецъ чорной шерсти, потому-что ягнята этой масти доставляютъ бòльшую прибыль: ихъ бьютъ, то есть рѣжутъ, черезъ двѣ недѣли, много—черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія; мерлушки эти бываютъ густаго чорнаго цвѣта и немногимъ уступаютъ бухарскимъ, такъ называемымъ «каракỳльскимъ» мерлушкамъ. За хорошую мерлушку Калмыкамъ платятъ 3 и 4 рубли серебромъ за штуку. Если мерлушка вышла несовсѣмъ черна—Калмыки, занимающіеся скорняжнымъ мастерствомъ, ее подкрашиваютъ, но въ такомъ случаѣ цѣна ей полагается гораздо мéньшая, не болѣе 2 руб. сер., а смотря по изъяну и еще мéньшая.

У хошоутовскаго владѣльца разведены огромныя стада шлёнскихъ овецъ и мериносовъ; ни о состояніи этой отрасли хозяйства у Кал-

* Очень сожалѣенъ о неисправимомъ упущеніи: въ бытность на мѣстѣ, намъ въ голову не пришло привести въ положительную извѣстность длину и вѣсъ тѣла рогатаго скота простыхъ и улучшенныхъ породъ. Этотъ-то рогатый скотъ и продается въ Петербургѣ въ числѣ черкасскаго скота, независимо отъ тѣхъ калмыцкихъ быковъ, которые называются линейскими.

мыковъ, ни объ оборотахъ торга шерстью, мы не можемъ предста вить никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ данныхъ.

Кочевыя племена праваго берега Волги торгъ скотомъ произво дятъ въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Калмыки Большедербетевскаго и Малодербетевскаго улусовъ сбы ваютъ свой скотъ, по б льшей части, на ярмаркахъ Царицинской, въ землѣ Войска-Донскаго на Карповской, Чирской, Курмоярской и Ильинской; въ Ставропольской же губерніи на ярмаркахъ въ самом Ставрополѣ и въ селеніяхъ Медвѣжьемъ, Ставропольскаго, и Мед вѣдскомъ и Прасков и-Пятигорскаго уѣздовъ.

У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса торгъ скотомъ производитс самый незначительный на «Калмыцкомъ-Базарѣ», мѣстечкѣ, находя щемся на нагорномъ берегу Волги, въ семи верстахъ выше Астра хани; сюда лошадей приводятъ поуздечно, головъ по пяти, по ше сти; коровъ тоже малыми партіями, барановъ сотнями и полусотня ми, какъ случится, козъ десятками; а кожи всѣ, сколько съ весн до осени ихъ ни наберется, сбываются въ самой Астрахани.

Цѣны обыкновенно бываютъ такія:

Лошадь	20 руб. сер., самая дорогая цѣна 50 руб. сер.						
Корова	6	—	—	—	—	—	12 — —
Баранъ	2	—	—	—	—	—	3 р. 50 к.
Коза	1	—	—	—	—	—	1 р. 50 к.
Кожа конская.	— 50 к.	—	—	—	—	—	85 к.
Воловья. . . .	— 43 к.	—	—	—	—	—	60 к
Овчина	— 43 к.	—	—	—	—	—	75 к.

Болѣе замѣчательный торгъ живымъ скотомъ производится въ п мѣщичьемъ селеніи Карповка, что въ Землѣ Донскаго-Казачьяго-Во ска, гдѣ ярмарка бываетъ въ началѣ весны, вскорѣ послѣ Св. Пасх на ярмаркахъ въ селеніяхъ Саскылѣ и Селитряномъ-городкѣ, о-П кровѣ, и на весенней ярмаркѣ въ селеніи «Ханская-Ставка», или пр сто «Ставка», что во Внутренней-Киргизской-Ордѣ, въ Нарынъ-П скахъ: здѣсь сбытъ у Хошоутовъ бываетъ самый большой. Сю лошадей гонятъ косяками и табунами, а рогатый скотъ огромны стадами; здѣсь же Хошоуты закупаютъ полный годовой запасъ д машнихъ принадлежностей, особенно ситцовъ, коленкоровъ, холст шелковыхъ матерій, сукна, досокъ кирпичнаго чаю и прочаго.

Цѣны на живой скотъ тутъ бываютъ слѣдующія:

Верблюдъ	отъ 15 до 25 руб. сер., недорого;	
Конь	— — 20 — 60 — —	
Пара быковъ	— 50 — —	
Коровы, поштучно	— 6 — 15 — —	
Бараны	— 2 — 3 — —	

Изъ старыхъ дѣлъ архива калмыцкаго-управленія видно, что въ 1836 году цѣны на скотъ въ улусахъ показывались: за верблюда 80 рублей ассигнаціями, за лошадь 70 рублей, за рогатый скотъ 60 рублей, за барана 12 рублей, а за козу четыре рубли ассигнаціями.

Дорога, которою гонятъ скотъ съ Ордлигінъ-цекѐ на ярмарку въ Ханскую-Ставку, лежитъ черезъ слѣдующія урочища:

Ергё		
Худукъ Кюкъ-тюбё или зеленый-бугоръ.	1 день	хода.
— Казгынъ-танхà.	1 —	—
— Маалиитё.	1 —	—
— Борданъ-Гашунъ.	½ —	—
Гора Бага-Богдо, или малая Богда.	½ —	—
Худукъ-Едмыктё.	1 —	—
— Кардууни Салà, то есть мысъ Калмыка Кардуна, вырывшаго здѣсь колодецъ.	½ —	—
Пески Наринъ.	1 —	—
Урочище Нарини-торцó, то есть возвышенность среди Наринъ-Песковъ, гдѣ и выстроена «Ставка».	½ дня	хода.

Все это пространство скорой ѣздой, безъ остановки, можно миновать въ двои сутки; но съ прогономъ скота и съ водопоемъ, если барановъ сберегать въ зной и гнать ночью, холодкомъ, надо употребить недѣлю времени.

Калмыки остальныхъ улусовъ, также какъ и Туркмены и Караногайцы, сами скотъ на ярмарки не гоняютъ, а продаютъ его въ мѣстахъ кочевья, съ наступленіемъ весны, купцамъ, пріѣзжающимъ преимущественно изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Саратовской.

Купцы эти дѣлятся на два разряда, на гуртовщиковъ и на егонщиковъ.

«Гуртовщики» покупаютъ рогатую скотину, преимущественно старую, и старыхъ калмыцкихъ барановъ; скотъ этотъ пригоняется по

внутреннюю Россію, въ тѣ мѣста, гдѣ устроены салотопенные заводы, какъ напримѣръ въ Сызрани и особенно въ Самарѣ; во-время слѣдованія своего онъ «отпа̀сывается», или «нагуливается», «нажировывается», и по прибытіи на мѣсто, еще нѣсколько времени откармливается. На салотопенныхъ заводахъ его рѣжутъ; сало вытапливаютъ, сдабриваютъ его извѣстными подмѣсями, потомъ закупориваютъ его въ бочки, и въ свое время отправляютъ въ Петербургъ, для выпуска за границу; изъ мяса и костей вывариваютъ бульйонъ, который въ Россіи продается повсемѣстно, а изъ остальныхъ частей приготовляютъ клей, извѣстный подъ названіемъ «мездроваго».

«Сгонщики» покупаютъ скотъ молодой, а барановъ бо̀льшею частію двухъ и трехъ-годовалыхъ; скотъ, ими скупаемый, идетъ уже не на сало, а прогоняется преимущественно въ Москву и въ Петербургъ, на убой для продовольствія.

Гуртовщики и сгонщики раздѣляютъ купленный скотъ на партіи, рогатый отъ 500 до 1500 головъ, а барановъ отъ 3,000 до 6,000 въ гуртѣ.

По нагорной сторонѣ Волги, особаго неизмѣннаго прогоннаго тракта нѣтъ: изъ мѣстъ покупки скотъ прогоняютъ къ Царицыну, кому, гдѣ и какъ заблагоразсудится — на степи полный просторъ всему, лишь бы по дорогѣ было достаточное количество колодцевъ для водопоя. Къ этому надо присовокупить, что при торгѣ баранами въ калмыцкой степи, въ отличіе отъ этой отрасли по оренбургской линіи и торга въ Троицкѣ, въ Оренбургѣ, въ Уральскѣ и въ Гурьевѣ-городкѣ, ни «мостовы̀хъ» (за перевозы), ни «прорубны̀хъ» (за водопой), ни «кортòмныхъ» (за пастьбу) платежей пока еще не существуетъ; только по новымъ станицамъ, учреждаемымъ по чумацкой дорогѣ, начинаетъ, говорятъ, теперь возникать плата за одинъ водопой, которая относится преимущественно до торговыхъ фуръ, обозовъ. Гуртовщики и сгонщики пріѣзжаютъ для закупки скота съ своими рабочими, а въ пастухи и погонщики нанимаютъ царицынскихъ мѣщанъ и крестьянъ селенія Цацынскаго, Черноярскаго уѣзда. Царица̀не и цаца̀нскіе крестьяне сами торгуютъ въ улусахъ краснымъ товаромъ, хлѣбомъ и разною мелочью, хорошо знаютъ языкъ и нравы Калмыковъ и вся мѣстность имъ знакома вполнѣ: поэтому занятіе пастушествомъ и пастьбой чужаго скота до роднаго города выгодна и для нихъ самихъ, и для гуртовщиковъ.

Гуртовщики и сгонщики, по прибытіи въ улусы нагорной стороны Волги, постоянно останавливаются въ главныхъ ставкахъ мѣстнаго начальства: у Калмыковъ — въ Икицохýровскомъ и Еркетеневскомъ улусахъ, а у Караногайцевъ и у Туркменовъ при ставкахъ приставовъ. Изъ этого можно уже уразумѣть степень торговаго значенія главныхъ ставокъ. Нелишне присовокупить, что при этихъ же ставкахъ живутъ «лучшіе люди», улусники со значеніемъ, съ вѣсомъ, богачи, ознакомившіеся уже съ блескомъ и роскошью. Стало-быть, ставка для кочевниковъ соединяетъ въ себѣ тоже понятіе, чтó у насъ—городъ. Изъ этихъ пунктовъ, они высылаютъ въ прочія кочевья приказчиковъ, а тѣ уже осматриваютъ продажный скотъ и приторговываются къ нему; Калмыки же, узнавъ, какого рода товаръ имъ нуженъ, гонятъ скотъ туда, гдѣ остановились купцы-хозяева. Цѣнность скота возвышается, или понижается ежегодно, смотря по мѣрѣ предшествовавшаго сбыта сала за границу и настоящаго на него требованія. Такимъ-образомъ операція, окончательно совершаемая въ Петербургѣ, явственно и быстро чувствуется за тысячи верстъ, во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, несмотря на то, что между номадомъ, отдающимъ своего барана, и биржевымъ маклеромъ, совершающимъ торговую записку, можно много насчитать посредствующихъ дѣятелей, живущихъ отъ этого промысла.

Съ самаго начала, цѣны весьма колеблются; обѣ стороны, и Калмыки, и купцы, долго держатся въ своихъ запросахъ и предложеніяхъ, а окончательное рѣшеніе происходитъ уже тогда, когда соберутся всѣ свѣдѣнія о рѣшительныхъ цѣнахъ на окрестныхъ ярмаркахъ.

Покупка скота въ улусахъ происходитъ въ двухъ видахъ: по мелочамъ и оптомъ. Въ разничномъ торгѣ скотомъ принимаютъ участіе тѣ мелочные торговцы, Русскіе, Армяне, Татары, а частію, и то тайкомъ, Хивинцы, которые круглый годъ разъѣзжаютъ по улусамъ съ товарами, постоянно для Калмыковъ необходимыми; они уступаютъ товаръ рѣдко на наличныя деньги, а чаще отдаютъ въ долгъ, «на бирку», и на мѣну баранами, которыхъ отъ нихъ уже перекупаютъ оптовые сгонщики и гуртовщики.

У самихъ Калмыковъ гуртовщики и сгонщики покупаютъ рогатый скотъ, не назначая особой цѣны за каждую скотину отдѣльно, а берутъ нѣсколько головъ у одного или у многихъ хозяевъ и назнача-

ютъ среднюю цѣну, безъ различія хорошей скотины отъ дурной, предоставляя затѣмъ самимъ Калмыкамъ произвести между собою дробный разсчетъ. Калмыки привыкли къ этому роду продажи скота, и чтобы избѣжать распрей при раздѣлѣ вырученныхъ денегъ между нѣсколькими хозяевами, стараются укомплектовать гуртъ такимъ образомъ, чтобы всѣ быки и коровы были одинаковыхъ достоинствъ. Бараны покупаются тоже оптомъ, но съ допущеніемъ брака дурныхъ, худыхъ, тощихъ или больныхъ, если въ продаваемомъ гуртѣ будутъ такіе замѣчены.

Порядокъ продажи скота у Туркменъ и у Караногайцевъ тотъ же, но цѣнность его, въ сравненіи съ калмыцкимъ, представляетъ разительную разницу. Скотъ у этихъ племенъ, какъ крупный, такъ и мелкій, мелокъ и низокъ по добротѣ: напримѣръ, пятилѣтняя караногайская или туркменская корова едва равняется, говорятъ, полуторагодовалой калмыцкой телушкѣ.

Туркменамъ и Караногайцамъ платится за корову отъ четырехъ до восьми рублей серебромъ, а за барана отъ одного до полутора руб. за штуку.

Лошади, какъ у Калмыковъ, такъ и у Туркменъ и у Караногайцевъ, продаются на ярмаркахъ; за покупкою ихъ на кочевьяхъ, изъ табуновъ, въ улусы никто не ѣздитъ. Лошади продаются по достиженіи трехъ-лѣтняго и четырехъ-лѣтняго возраста, и то одни мерины: матокъ Калмыки и другія кочевыя племена не продаютъ, потому-что онѣ нужны и для приплода, и для дешеваго и необходимаго для хозяевъ кумыза. Жеребчиковъ тоже не продаютъ, потому-что они непужны покупателю, по безполезности въ работу и, слѣдовательно, никакой цѣны пока еще не имѣютъ.

Козы продаются только осенью, частью живьемъ, частью кожами и саломъ; въ 1851 году живая коза на Калмыцкомъ-Базарѣ продавалась по одному рублю пятидесяти копѣекъ серебромъ; сало козье, въ Астрахани, два рубля серебромъ за пудъ; кожи сорокъ копѣекъ за штуку.

Съ прибытіемъ въ улусы сгонщиковъ и гуртовщиковъ, весна въ кочевьяхъ Калмыковъ и ихъ сосѣдей представляетъ необыкновенное движеніе и особенную дѣятельность. Царицане длинными обозами тянутся мимо Сарепты, чрезъ кочевья Малодербетевцовъ: по-крайней-мѣрѣ двѣ трети царицынскихъ горожанъ выѣзжаютъ для торговъ вы

калмыцкую степь, куда въ это же время отправляются и нѣкоторые изъ купцовъ черноярскихъ и енотаевскихъ. Они разсыпаются по степи, дѣйствуютъ въ каждомъ уголкѣ черезъ особыхъ довѣренныхъ, и входятъ въ сдѣлки со всѣми аймаками. Калмыки, самыхъ отдаленныхъ хотоновъ, гонятъ излишекъ своего достоянія и торопятся не пропустить времени, чтобъ сдѣлать выгодный размѣнъ своихъ коровъ и барановъ на необходимые въ домашествѣ предметы. Тутъ затрогиваются всѣ интересы и всѣ хлопочутъ: и Калмыки-товарищи, составляющіе родъ компаніи на продажу купцу своего скота, и приказчики, употребляющіе всѣ ужимки, чтобъ выгадать на всемъ лишнюю гривну, и домочадцы, желающіе отцу семейства успѣха, и ребятишки, ожидающіе отъ новаго вымѣна какого-нибудь гостинца — всѣ мечтаютъ о томъ, чтобъ дѣло кончилось скорѣй, мирно, безъ ссоръ, къ общему для всѣхъ удовольствію.

Главные обороты оптовой закупки калмыцкаго скота начинаются въ мартѣ мѣсяцѣ, а къ іюлю всѣ операціи кончаются.

Необходимыя въ домашнемъ быту, обыкновенныя житейскія потребности пріобрѣтаются кочевниками обоихъ береговъ Волги частію на сосѣднихъ ярмаркахъ, какъ мы уже объ этомъ сказали, а еще того больше — у мелкихъ торговцевъ, разъѣзжающихъ по кочевьямъ, куда однакожъ, если и не самые капитальные дома, то, по-крайней-мѣрѣ, очень состоятельные купцы высылаютъ своихъ приказчиковъ: всѣ ихъ обороты имѣютъ предметомъ преимущественно раздачу товаровъ въ долгъ, само-собой разумѣется по цѣнамъ, доходящимъ иногда до баснословной цифры, если только представится возможность довести кочеваго степняка до необходимости платить за все въ три-дорога *. Къ осени, завершаются бездоимочные разсчеты съ должниками, которые, надо отдать справедливость, платятъ долги съ примѣрною честностью; ихъ понуждаетъ къ тому необходимость не потерять довѣрія и надежда на будущія одолженія. Это и ставитъ существенное различіе между примѣрною честностью Калмыковъ и безпримѣрною дальнихъ зауральскихъ Киргизовъ, которые платятъ долги не изъ разсчета, а именно изъ того только, что не могутъ допустить мысли о возможности не платить долговъ: пройдутъ годы, и несостоятельный прежде Киргизъ пріѣдетъ за пять-сотъ верстъ, отыщетъ своего кредитора и начисто съ нимъ расквитается за себя, за брата или за отца.

*

Калмыки не всегда бываютъ въ силахъ уплачивать долги наличною монетой: они разсчитываются съ кредиторами кто чѣмъ можетъ; въ уплату идутъ лошади, верблюды, рогатый скотъ, бараны, козы, шерсть, грива, конскіе хвосты, старыя шубы, кожи невыдѣланныя, волчьи, заячьи, лисьи и корсачьи мѣха, сайгачьи рога, и очень рѣдко кошмы и арканы. Улусные торговцы продаютъ Калмыкамъ товаръ еще дороже, чѣмъ онъ продается въ Астрахани, гдѣ на предметы калмыцкаго потребленія цѣны (домашнимъ образомъ собранныя) въ послѣднее время стояли такія:

Ржаная мука.	3 руб. и 3 руб. 50 коп. сер.	за куль въ 7 пуд.
Пшеничная мука.	4 — » 5 — . —	
Чай кирпичный.	1 — » 1 — 43 — —	за кирпичъ.
Желѣзо.	2 — —	за пудъ.
Иголки.	¼ и 1 — —	за штуку.
Козловая кожа.	2 — —	за штуку;
Синее сукно, плохое	1 — 70 к. 1 — 90 — —	
Желтое сукно, такое же . .	3 — —	
Верблюжье сукно съ сибирскихъ фабрикъ.	75 и 90 коп.	
Холстъ самый грубый. . . .	5 » 6 —	
Холстъ не самый грубый, но дурной.	8 —	
Бязь.	7 » 8 —	За аршинъ.
Нанка.	13 » 15 —	
Кумачъ.	20 коп.	
Ситецъ странныхъ рисунковъ и несвѣжій. . . .	15 » 25 —	
Плисъ чорный, ужасной доброты.	23 —	
Позументъ.	1 —	
Платокъ носовой, небольшихъ размѣровъ.	17 —	за штуку.
Китайка.	60 » 75 —	

Кромѣ того, купцы продаютъ Калмыкамъ ножницы, сандалъ, нашатырь, квасцы, камфору, миткали, выбойки, сафьяны, табакъ, сундуки, чашки и разный деревянный товаръ, котлы, таганы, ножи, шелковыя матеріи, парчи, порѣшни, лисьи хребты и тому подобное.

Торговля съ Калмыками очень прибыльна: купцы назначаютъ все-

му цѣны произвольныя; за долги отбираютъ скотъ, зимою выкармливаютъ его сѣномъ, которое заготовляютъ черезъ самихъ же Калмыковъ, а весной перепродаютъ сгонщикамъ и гуртовщикамъ, а частичками продаютъ и самимъ Калмыкамъ, въ видѣ припасовъ для ежедневнаго приготовленія пищи. Постоянно торгующіе въ степи сбываютъ выручаемые отъ кочевыхъ племенъ товары или въ самой Астрахани, или въ Царицынѣ. Старыя шубы продаютъ они нарочно для того пріѣзжающимъ изъ внутреннихъ губерній овчинникамъ, которые ихъ перебираютъ и перешиваютъ, а потомъ разсылаютъ по незначительнымъ ярмаркамъ; конскія и воловьи кожи уступаются царицинскимъ торговцамъ, отправляющимъ ихъ, вмѣстѣ съ шерстью, на Нижегородскую-ярмарку.

Товаръ, нужный для Калмыковъ, степные торгаши обыкновенно сами набираютъ въ кредитъ; Армяне пріобрѣтаютъ его въ Астрахани, а Царицане въ городѣ Царицынѣ, у тамошнихъ капитальныхъ купцовъ. Условія при этомъ бываютъ такаго рода. Покупающій товаръ на наличныя деньги платитъ отъ десяти до двѣнадцати процентовъ противъ того, во что самому купцу обошлась покупка на Нижегородской-ярмаркѣ, вмѣстѣ съ провозомъ и со всѣми расходами; тотъ, кто въ силахъ внести только двѣ трети, или половину, платитъ отъ двѣнадцати до шестнадцати процентовъ; кто можетъ дать наличныя деньги только за одну треть забраннаго количества товара, платитъ цѣну двадцатью процентами дороже того, чего онъ купцу стóитъ, а у кого денегъ вовсе нѣтъ, тотъ обязуется уплатить двадцать-пять и тридцать процентовъ, смотря по обстоятельствамъ.

Платежныхъ сроковъ два: первый въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда купцы сбираются на Нижегородскую-ярмарку, а второй, въ сентябрѣ и октябрѣ, когда привезенные изъ Нижняго товары отпускаются для зимней распродажи. Эти купеческіе сроки совпадаютъ со сроками весенней и осенней перекочевокъ Калмыковъ съ зимнихъ на лѣтнія пастбища, и наоборотъ.

Улусные торгаши въ степи сами помѣщаются и операціи свои производятъ въ кибиткахъ, въ которыхъ, для раскладки части товара, устраиваютъ особыя полки и залавки; входъ завѣшивается и заставляется разными пристройками, кожами, досками, кибиточными дверьми; подъ цагрыкомъ развѣшиваются куски баранины, готовые сапоги

и толстая выбойка: отъ этого внутренность кибитки, и безъ того лишенная достаточнаго освѣщенія, дѣлается еще мрачнѣе, такъ, что видѣть и вглядѣться въ качество товара почти невозможно. Товаръ, который получше, хранится въ особыхъ коробкахъ, чтобы, при частыхъ передвиженіяхъ, онъ не мялся и не пылился. Торгаши эти перекочевываютъ вмѣстѣ съ Калмыками, и всю движимость свою перевозятъ на арбахъ.

Трудно, даже едва ли и возможно, представить точныя, по-крайней-мѣрѣ приблизительныя цифры о всѣхъ оборотахъ торговли въ калмыцкихъ улусахъ, какъ внутри степныхъ земель, такъ и на сосѣдственныхъ ярмаркахъ. Чтобъ сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ, и сохранить общепринятыя условія, приводимъ оффиціальныя цифры, собранныя мѣстнымъ управленіемъ, сколько это дозволяли обстоятельства и возможность добиться истины.—Въ 1850 году Калмыки продали:

	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Барановъ.	Козъ.
Въ Хошоутовскомъ улусѣ.	45	437	591	8,559	174.
— Багацохуровскомъ. . .	—	110	220	1,700	—
— Яндыковскомъ.	—	125	450	1,420	—
— Икицохуровскомъ . . .	120	150	1,100	15,001	—
— Еркетеневскомъ. . . .	79	277	6,303	38,081	41.
— Малодербетевскомъ. . .	—	578	13,900	52,590	—
— Большедербетевскомъ.	—	147	957	790	—
— Харахусовскомъ. . . .	22	120	410	4,200	17.
— Мочагахъ.	—	14	305	700	30.
На Калмыцкомъ-Базарѣ. .	11	55	271	2,067	159.
Всего продано	286	1,993	24,546	121,037	421.

Все это, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, оцѣнивается въ 499,728 рублей 94 ¼ коп. серебромъ.

XXVI.

Калмыцкіе медики.

Очерки свои о быте Калмыковъ, мы заключимъ немногими словами о калмыцкихъ медикахъ, то есть о гелюнгахъ, посвятившихъ себя занятію медициной.

Мы уже имѣли случай сказать, что калмыцкое духовенство почти одно только и занимается воспитаніемъ калмыцкаго юношества, по степной программѣ: необходимо къ этому присовокупить и то, что гелюнги занимаются живописью, каллиграфіей, какъ искусствомъ, и перепиской духовныхъ книгъ, и что астрономія и астрологія такіе необходимые предметы изученія для гелюнговъ, что безъ нихъ ничто не можетъ произойдти: составленіе календаря, гаданіе по звѣздамъ, назначеніе счастливыхъ или несчастливыхъ дней — все это предметы особенной важности и спеціальнаго занятія жрецовъ.

И Калмыки имъ вѣрятъ, тѣмъ болѣе, что жреческія предвѣщанія, по случайному стеченію обстоятельствъ, иногда, исполняются. Гелюнги мастера весьма удачно предупреждать о предстоящихъ кому-нибудь несчастныхъ дняхъ, и вѣра къ ихъ словамъ такъ полна, что никакой хозяинъ въ эти дни дома не останется, чтобъ не сдѣлаться жертвой того зла, появленіе котораго жрецы предусмотрѣли. Предостереженный о несчастномъ для него днѣ, Калмыкъ запасается кўртомъ, масломъ, нѣсколькими флягами арзы̀, уѣзжаетъ изъ хотона въ табунъ и живетъ тамъ впродолженіе всего опаснаго періода, предсказаннаго жрецомъ «зурхачѝ».

Кромѣ «зурхачѝ», астрологовъ, есть еще особенные волхвы, называемые «задычѝ». Про нихъ разсказываютъ, и разсказываютъ люди, которымъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ образованности, хотя нельзя въ то же время не пожалѣть и о слишкомъ неумѣренномъ запасѣ предразсудковъ и своевольномъ воображеніи людей, об-

маныаемыхъ своего рода «германовскими» фокусами сокровенной калмыцкой магіи. Говорятъ, что задычй въ силахъ созвать и разогнать дождевыя тучи, распространить, при безоблачномъ небѣ, тѣнь, произвести дождь и грозу, или усмирить бунтующія стихіи. Задычй бываютъ и не изъ гелюнговъ, но и изъ простыхъ людей, и народъ воздаетъ имъ особенныя почести, а тѣла ихъ, послѣ смерти, предаетъ сожженію, котораго удостоиваются только владѣльцы и старшіе гелюнги.

Въ калмыцкихъ улусахъ, кромѣ гелюнговъ и ихъ учениковъ, никто не занимается оспопрививаніемъ; всѣхъ оспопрививателей извѣстно въ степи до двѣнадцати человѣкъ, и они съ такою ревностію, съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ предаются своему занятію, что успѣли уничтожить въ Калмыкахъ ужасъ, который они прежде питали къ оспѣ, и довели ихъ до того, что теперь отцы семействъ сами хлопочутъ объ ускореніи этой операціи на дѣтяхъ. Въ улусахъ не слыхать теперь, чтобы какой-нибудь ребенокъ остался безъ привитой оспы. Нѣтъ сомнѣнія, что первая благодарность за такую заботливость объ укорененіи въ народѣ чистыхъ понятій въ необходимости мѣръ къ охраненію общественнаго здоровья — должна принадлежать именно гелюнгамъ.

Противъ прочихъ болѣзней, Калмыки и ихъ медики употребляютъ безчисленное множество лекарствъ. Одни изъ этихъ лекарствъ составляются по книгѣ «Емѣнъ-номъ», другія постоянно берутся изъ опыта, какъ напримѣръ лекарства противъ скотскаго падежа.

Анатомія, какъ наука, у Калмыковъ не существуетъ; но говорятъ, что въ прежніе годы у жрецовъ водились какія-то книги съ рисунками, знакомившими врача съ строеніемъ человѣческаго тѣла; вообще же у Калмыковъ считается за величайшій грѣхъ, «нюль», не только отнимать у умершихъ какіе-нибудь члены, но даже и прикасаться къ нимъ, послѣ отпаденія у труповъ. Это, казалось бы, должно было лишить Калмыковъ возможности изучать расположеніе костей въ человѣческомъ тѣлѣ, но нигдѣ нѣтъ такихъ высокопонимающихъ свой предметъ костоправовъ, какъ въ калмыцкихъ улусахъ, а хошоутъ Очиръ Дальчеевъ извѣстенъ своими познаніями и не между одними Калмыками: говорятъ, будто онъ даже сращаетъ кости въ самыхъ безнадежныхъ переломахъ.

Первымъ лекарствомъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ служитъ горячая вода: заболѣвшему Калмыку не даютъ нѣсколько дней ни куска въ ротъ, а подвергая его самой строгой діэтѣ, поятъ только кипяченою, горячею водой безъ сахара, безъ соли и безъ молока. Трехдневное пользованіе такимъ лекарствомъ спасаетъ Калмыка отъ простуды и предупреждаетъ горячку.

Калмыки удачно лечатъ и холеру и чахотку *. Чахоточную болѣзнь калмыцкіе врачи раздѣляютъ на нѣсколько видовъ. При леченіи ея, лѣдикъ старается узнать натуру своего паціента, его сложеніе, образъ жизни и характеръ, и потомъ уже, соображаясь со степенью развитія болѣзни, приготовляетъ для него то или другое лекарство, въ составъ котораго входятъ травы и коренья, вырываемыя въ калмыцкой степи, и медикаменты изъ городскихъ аптекъ. Если чахотка произошла отъ грусти и отъ горя, то калмыцкіе врачи, чтобъ развлечь мысли больнаго и расположить его къ постоянной веселости, заставляютъ его принимать порошки, называемые «джугу́нъ-ыренръ»; если чахотка развита уже въ самой сильной степени, то даютъ одно изъ лекарствъ, употребляемыхъ только въ крайнихъ случаяхъ и называемое »сантылъ-шесимъ».

Противъ зубной боли употребляется или высушенная заячья жолчь, или табачный сокъ, «батхцікъ» **, изъ чубука или трубки.

Такъ какъ табачный сокъ считается вѣрнымъ средствомъ противъ многихъ болѣзней, особенно скотскихъ, то Калмыки и сбираютъ его гдѣ только случится, оскребаютъ его въ гостяхъ у пріятелей, и по дорогѣ у встрѣчныхъ, у знакомыхъ и у незнакомыхъ, и берегутъ всегда въ бараньемъ рогѣ.

Если этимъ сокомъ помазать десны, или высохшій шарикъ его положить въ ямку гнилаго зуба, зубная боль пройдетъ; если вымазать баткакомъ спину у барана—черви въ немъ не заведутся.

* Составныя лекарства противъ этихъ болѣзней и самый рецептъ доставлены авторомъ этихъ «Очерковъ» Императорскому Русскому Географическому Обществу.

** Баткакомъ называется всякій осадокъ, стекающій изъ чего-либо въ одно мѣсто; на этомъ основаніи баткакомъ же въ Низовомъ-краѣ зовутъ и разсолъ, вытекшій изъ соленой въ корень рыбы на дно «посу́дины», или судна.

Противъ разныхъ болѣзней скота употребляются рыбій жиръ, деготь, купоросъ, сушеные ужи и проч.; чистый деготь считается хорошимъ средствомъ противъ чесотки.

Противъ укушенія волка, или другаго бѣшенаго животнаго, у каждаго Калмыка лекарство всегда подъ рукою: ему стòитъ только немножко наскоблить самыхъ мелкихъ стружекъ съ нижней части урюка (нижній конецъ его обыкновенно тащится, во-время ѣзды табунщика, по землѣ), сболтать ихъ въ водѣ и выпить — и всѣ дурныя и опасныя послѣдствія укушенія минуются непремѣнно и навсегда. И Калмыки этому вполнѣ вѣрятъ!

Наскобленный и принятый съ водою рогъ единорога * (который у немногихъ богатыхъ Калмыковъ сберегается какъ священная рѣдкость и который намъ случилось видѣть только у одного хошоутовскаго владѣльца) помогаетъ женщинамъ въ трудныхъ родахъ и считается лучшимъ мочегоннымъ средствомъ. Рогомъ единорога лечатъ такъ же и отъ горячки и отъ лихорадки **.

Нельзя не сознаться, что у калмыцкихъ медиковъ, можетъ-быть, есть и невѣжество, и шарлатанство, и корыстный обманъ, и другія слабости и пороки, присущіе какъ цѣлому человѣчеству вообще, такъ и степному врачу въ особенности; но нельзя отвергать того, что уваженіе къ наукѣ, сколько это полудикому Калмыку доступно, и чувство любви къ ближнему тоже не могутъ у нихъ оставаться въ тѣни. Калмыкамъ, кромѣ своихъ гелюнговъ, въ степи не у кого искать помощи, въ случаѣ болѣзни: европейскій врачъ, и то одинъ и единственный, объѣзжаетъ улусы только разъ въ году: обширность пространства, спѣшность разъѣздовъ и неимѣніе при себѣ всѣхъ лекарствъ и непредвидѣнныхъ снадобій лишаютъ его, при всемъ истинно-христіанскомъ усердіи, возможности выразить на дѣлѣ свое человѣколюбіе и сочувствіе къ страждущему ближнему; да ктому жъ и больные невсегда могутъ оставаться безъ призора и безъ пособій, въ ожиданіи его пріѣзда, да и не всѣ же Калмыки, при вѣрѣ въ знан

* Espadon, Narwal, monadon, monoceros.

** У насъ рогамъ единороговъ тоже придавалось цѣлебное свойство. Срав. Дополн. къ Ак. Ист. Т IV № 9.

гелюнговъ, станутъ обращаться за пособіемъ къ европейскому врачу.

Недолжно предполагать, чтобъ Калмыки вовсе не вѣровали въ европейскую медицину: медицинѣ нашей они вѣрятъ, не вѣрятъ только каждому встрѣчному, провозглашающему себя европейскимъ врачомъ. Кромѣ знанія дѣла, кромѣ изученія натуры Калмыка, нужно врачу обладать нравственными качествами и дѣйствовать на Калмыка ласковостью въ обращеніи, кротостью, терпѣніемъ и сердцемъ, которое билось бы только для добра, для любви къ ближнему.

Наши врачи, въ томъ количествѣ, какое можетъ быть достаточно для всего степнаго населенія, не могутъ обречь себя безрасчетливой и безкорыстной жизни въ калмыцкихъ улусахъ, гдѣ ихъ ожидаютъ безвѣстность, бѣдность, нужда, насмѣшки, интриги, грубость, невѣжество, страшная глушь и совершенное отчужденіе отъ всего, съ чѣмъ осѣдлый, образованный человѣкъ сроднился съ младенческихъ лѣтъ. Надо соболѣзновать тому, что сами Калмыки и ихъ гелюнги такъ еще не доросли въ своихъ понятіяхъ до той зрѣлости, чтобъ убѣдиться, что ихъ медицина, коснѣющая въ застоѣ, уже не наука, а сбродъ, смѣсь самыхъ противоположныхъ системъ леченія, съ ошибками, съ шарлатанствомъ и съ предразсудками. Вслѣдствіе этого-то имъ и недоступна мысль о прохожденіи курса медицинскихъ наукъ въ казенныхъ заведеніяхъ, въ академіяхъ или въ университетахъ. По окончаніи академическаго термина, ученый врачъ можетъ быть полезенъ своимъ кочевымъ сородичамъ.

—

Вотъ почти все, что́ хотѣли мы передать нашимъ читателямъ. Несмотря на наше многоглаголаніе, мы далеко невполнѣ успѣли во всей подробности обрисовать картину быта народа, представляющаго такія любопытныя и достойныя строгаго изученія стороны кочевой своей жизни. Смѣемъ однакожъ надѣяться, что трудъ нашъ не будетъ сочтенъ за трудъ безполезный, и если читатели успѣли, по на-

шимъ очеркамъ, усвоить себѣ довольно вѣрное понятіе о племени, которому мы посвятили свою книгу, — значитъ, цѣль наша достигнута; а этотъ результатъ есть самая драгоцѣнная награда для автора.

ПАВЕЛЪ НЕВОЛЬСИНЪ.

РИМСКІЙ МІРЪ ВЪ V ВѢКѢ.

Бонифацій, Аэцій и Аттила.

Соч. Амедея Тьерри.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ началѣ 449 года прибыли въ Константинополь, въ званіи пословъ Гунновъ, два важныя лица: Эдеконъ, родомъ Гуннъ или Скиѳъ, и Паннонецъ Орестъ; первый былъ военачальникомъ въ гвардіи Аттилы, а послѣдній его главный секретарь. Орестъ замѣчателенъ тѣмъ, что впослѣдствіи, сынъ его Ромулъ Августулъ заключилъ рядъ западныхъ императоровъ, начатый великимъ Цесаремъ и Августомъ. Онъ родился въ окрестностяхъ Петавіума, нынѣ Петтау на Дравѣ, отъ хорошихъ и достáточныхъ родителей, и еще въ юныхъ лѣтахъ сдѣлалъ блестящую партію, женившись на дочери comes'а Ромула, пользовавшагося уваженіемъ въ своей провинціи и удостоеннаго многихъ порученій отъ западнаго императора; но такое завидное положеніе казалось Оресту неудовлетворительнымъ. Онъ принадлежалъ къ многочисленному тогда разряду людей, которыхъ безпокойное често-

любіе и страсть къ приключеніямъ влекли къ варварамъ, и у которыхъ честности хватало на столько именно, сколько нужно было, чтобъ измѣнить отечеству, въ пользу варваровъ, имъ платившихъ. Между-тѣмъ какъ Гунны временно занимали Паннонію, Орестъ втерся къ Аттилѣ, который обрадовался случаю имѣть такого важнаго римскаго агента, и оставилъ его при себѣ секретаремъ. Такимъ-образомъ Паннонецъ посвятилъ умъ и сердце на служеніе злѣйшему врагу его соотечественниковъ и семейства. Между варварами, умѣвшими только драться, умъ обезпечивалъ Римлянину почетное мѣсто, точно такъ, какъ между Римлянами, оно предоставлялось мужеству и силѣ варвара. Если званіе секретаря Аттилы имѣло свои опасности, то оно въ то же время представляло свои выгоды; во всякомъ случаѣ мѣсто это было очень завидное, и Оресту приходилось выдержать состязаніе съ множествомъ соискателей, которые его не стоили.

У короля Гунновъ было правиломъ, возлагая важныя порученія на высшихъ сановниковъ изъ гунскихъ благородныхъ фамилій, давать имъ въ помощники одного изъ тѣхъ служителей римскаго происхожденія, которые, зная хорошо людей и ходъ дѣлъ римскаго правительства, не уступали въ ловкости императорскимъ агентамъ. Но не однимъ умѣньемъ вести политическіе переговоры они приносили пользу Аттилѣ. Между этими двумя классами: Гуннами по рожденію и огунившимися выходцами зародилась сильная взаимная зависть, и вслѣдствіе этого соперничества возникло между ними постоянное шпіонство, изъ котораго Аттилла умѣлъ извлекать выгоду. То же самое было между Орестомъ и Эдекономъ: одинъ, отъ природы грубый и надменный, смотрѣлъ на своего сотоварища какъ на слугу, другой, въ отмщеніе, хвастался своею существенною важностью и пугалъ довѣренностью, которою онъ пользовался. Эдеконъ и Орестъ привезли отъ своего короля новыя предложенія или, лучше сказать, требованія, превосходившія въ наглости все, что̀ долженъ былъ до-сихъ-поръ терпѣть константинопольскій дворъ. Во-первыхъ, Аттила, оставивъ за собою, какъ неоспоримое завоеваніе, страну на правомъ берегу Дуная, въ Мизіи и Ѳракіи, опустошенную имъ въ прошедшіе годы, требовалъ, чтобы граница обѣихъ державъ дружелюбно опредѣлена была въ Наиссѣ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, для торгу, производившагося между Римлянами и Гуннами на Дунаѣ, были отведены

мѣста у этого города. Далѣе Аттила настаивалъ, чтобы посланниками къ нему назначали только самыхъ знатныхъ изъ мужей консульскихъ, а не перваго встрѣчнаго, какъ императорскій дворъ позволялъ себѣ прежде, объяснивъ при этомъ, что подобные люди впередъ уже не будутъ приняты; если же, напротивъ, императоръ согласится на его требованіе, то онъ будетъ выѣзжать къ нимъ навстрѣчу въ Сардику. Наконецъ, Аттила возобновлялъ свои вѣчныя жалобы на счетъ перебѣжчиковъ, объявляя, что если выдача ихъ еще замедлится, или если римскіе подданные осмѣлятся обработывать земли къ югу отъ Дуная, въ чертѣ владѣній Гунновъ, то онъ возобновитъ войну. Вотъ содержаніе письма, привезеннаго посланниками Аттилы и врученнаго ими Ѳеодосію на торжественной аудіенціи, въ императорскомъ дворцѣ. Послѣ этого послы, по принятому обыкновенію, отправились къ первому министру, эвнуху Кризанфію. Римлянинъ, по имени Вигиласъ, бывшій ихъ толмачомъ при аудіенціи съ императоромъ и знавшій ихъ съ прошедшаго года, когда онъ ѣздилъ къ Гуннамъ съ посольствомъ, вызвался проводить ихъ къ министру.

Кризанфій, послѣ многихъ распросовъ, пригласилъ одного только Эдекона къ себѣ на ужинъ, и въ присутствіи Вигиласа предложилъ ему избавить императора отъ Аттилы, обѣщая ему за это почести, богатство и признательность Ѳеодосія. Эдеконъ, принявъ предложеніе перваго министра, потребовалъ пятьдесятъ фунтовъ золота; но какъ сумма эта была значительна и скрыть ее отъ спутниковъ было невозможно, то онъ просилъ Кризанфія позволить Вигиласу сопровождать его къ Гуннамъ, какъ-будто для выдачи перебѣжчиковъ, съ тѣмъ, что въ свое время онъ укажетъ средство переслать условленную сумму. Императоръ одобрилъ дѣйствіе своего министра, и чтобы лучше замаскировать замыселъ, назначено было отправить Вигиласа въ званіи не посланника, а простаго толмача при посольствѣ. Послѣ того рѣшили, что посольство, имѣвшее предлогомъ отвѣтъ императора на притязанія короля Гунновъ, должно быть ввѣрено человѣку, не только знатному по должности, но также пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ; однимъ-словомъ человѣку честному. Выборъ палъ на Максимина, извѣстнаго по своей прямотѣ, которую онъ доказалъ уже не разъ во многихъ политическихъ порученіяхъ. На письмо Аттилы отвѣчали: чтобы онъ остерегся захватывать, вопреки договоровъ, римскія области; и что императоръ посылаетъ ему семнадцать перебѣж-

чиковъ, всѣхъ, которыхъ можно было открыть на всемъ простран ствѣ Восточной Имперіи. Въ этомъ заключался отвѣтъ письменный по прочимъ предметамъ посольства Эдекона, Максимину порученю было дать объясненія словесно. Онъ долженъ былъ отвѣчать, что императоръ не признаетъ права Аттилы требовать пословъ изъ консульскихъ мужей, по той причинѣ, что его предки или предшественники, короли скиѳскіе, довольствовались простыми посланными, и очень часто даже курьеромъ или воиномъ, и что предложеніе его — встрѣчать пословъ въ стѣнахъ Сардики ничто иное, какъ невыносимая насмѣшка. Развѣ Сардика существовала? Не самъ ли Аттила ее разрушилъ, не оставивъ камня на камнѣ? Наконецъ, императоръ притворно выказывалъ нерасположеніе къ Эдекону, и увѣдомлялъ короля Гунновъ, что если онъ дѣйствительно желаетъ покончить распри, то долженъ послать къ нему Онегеза, посредничество котораго Ѳеодосій напередъ уже принимаетъ. Онегезъ былъ первымъ министромъ Аттилы. Эдеконъ зналъ эти инструкціи, по-крайней-мѣрѣ частію. Максиминъ, боясь скуки долгаго путешествія, или чувствуя необходимость въ хорошемъ совѣтникѣ, взялъ съ собою, въ званіи товарища, греческаго историка Приска, дружбою котораго онъ дорожилъ.

Эдеконъ и Максиминъ оставили Константинополь въ одно время; оба посольства, сопутствуя одно другому, должны были руководить другъ-друга и помогать одно другому: Римляне во владѣніяхъ имперіи, а Гунны за Дунаемъ. Максиминъ, какъ настоящій придворный человѣкъ, разыгрывалъ роль хозяина, дарилъ своихъ гунскихъ гостей и по временамъ приглашалъ ихъ, вмѣстѣ съ свитою, къ себѣ обѣдать. Въ Сардикѣ, гдѣ путешественники сдѣлали отдыхъ, Максиминъ убѣдился, что отвѣтъ императорской канцеляріи на счетъ этого города не былъ преувеличенъ: не нашлось ни одного дома, гдѣбы можно было остановиться, такъ, что пришлось разставить палатки посреди развалинъ, будто въ пустынѣ. За обѣдомъ, собесѣдники, разгоряченные виномъ, стали сравнивать правительство Гунновъ съ правительствомъ Римлянъ; каждый восхвалялъ своего государя. Гунны превозносили Аттилу, Римляне отстаивали Ѳеодосія. Послѣ обѣда посолъ привелъ въ свою палатку двухъ главныхъ гостей, и подарилъ каждому по шелковой одеждѣ, шитой золотомъ и украшенной индѣйскимъ жемчугомъ. Орестъ былъ въ восторгѣ; разсматривая свой

подарокъ, онъ, казалось, выжидалъ выхода Эдекона, и какъ только тотъ вышелъ, сказалъ Максимину: «Я вижу въ васъ человѣка справедливаго и мудраго, гораздо мудрѣе иныхъ министровъ императора, которые, пригласивъ на ужинъ одного Эдекона и сдѣлавъ подарки ему одному, презрѣли Ореста». Максиминъ, не зная обстоятельствъ, предшествовавшихъ его назначенію, не понималъ, что хотѣлъ сказать этимъ секретарь Аттилы, и когда сталъ разспрашивать его гдѣ и какъ одному оказана честь, а другому причинена обида, Орестъ, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ палатки.

До прибытія путешественниковъ въ Наиссу, не случилось ничего примѣчательнаго. Наисса, колыбель великаго Константина, подобно Сардикѣ, представляла печальную груду развалинъ, гдѣ нѣсколько болящихъ, которые не могли бѣжать изъ города, вмѣстѣ съ другими, жили въ уцѣлѣвшей часовнѣ, питаясь подаяніями сосѣднихъ поселянъ. За Наиссой, къ сѣверо-востоку, и между Наиссой и Дунаемъ, путникамъ пришлось проѣзжать по равнинѣ, усѣянной человѣческими костями, побѣлѣвшими отъ солнца и дождя, остатками кровопролитій и побоищъ, опустошившихъ эту несчастную страну. Черезъ эти развалины и обширное кладбище, путешественники достигли праваго берега Дуная, гдѣ нашли гунскихъ перевозчиковъ съ лодками, выдолбленными изъ одного бревна. Гунскій берегъ былъ заваленъ этими челнами, сложенными одинъ на другой, и будто приготовленными для переправы цѣлаго войска. И точно: Римляне узнали, что Аттила стоитъ неподалеку и готовится идти на большую охоту въ земляхъ къ югу отъ Дуная, въ тѣ самыя провинціи имперіи, которыя онъ считалъ своими по праву завоеванія.

У Гунновъ, какъ впослѣдствіи у Монголовъ, большая охота была учрежденіемъ политическимъ, съ цѣлію держать войска въ постоянномъ упражненіи: замѣняя войну во-время вынужденнаго бездѣйствія, охота была какъ бы ея живымъ изображеніемъ. Чингисханъ, въ уставной своей книгѣ, называетъ ее *школою воина*; хорошій охотникъ, по его мнѣнію, стоитъ хорошаго солдата: такъ было и у Гунновъ. По восточному обычаю, дню охоты, назначаемому заранѣе съ такою же торжественностію, какъ день выступленія въ походъ, предшествовали разнаго рода приказанія и инструкціи, которымъ каждый долженъ былъ слѣдовать въ точности. Цѣлое войско, въ центрѣ котораго находился король, а на обоихъ крылахъ военачальники, исполняло всѣ

маневры загонщичьей охоты, на всемъ пространствѣ области. Тутъ, какъ на полѣ настоящаго сраженія, выказывались: ловкость руки, вѣрность глаза, тонкость слуха и чутья, присутствіе духа, рѣшимость, однимъ-словомъ, всѣ качества воина; и точно, война, какъ понимали ее кочующія племена Азіи, была ни чтó-иное, какъ охота на людей. Гунны тщательно соблюдали эти обычаи, занесенные съ Урала, которые упражняли ихъ силы, напоминая имъ первобытную жизнь и колыбель ихъ. Аттила, при надобности, маскировалъ этимъ средствомъ самыя важнѣйшія военныя предпріятія: объявляя теперь охоту, онъ замышлялъ походъ на города Паннонін.

Переправясь черезъ Дунай, путешественники вступили въ землю Гунновъ, и, къ крайнему неудовольствію Максимина, почти тотчасъ же посольства раздѣлились. Эдеконъ, на котораго Римляне разсчитывали какъ на путеводителя и представителя у Аттилы, внезапно ихъ оставилъ, сказавъ, что желаетъ скорѣе достигнуть войска и короля, и потому отправится поперечнымъ путемъ, гораздо кратчайшимъ большой дороги, по которой они слѣдовали. Римляне, продолжая нѣсколько дней путь, по указанію проводниковъ, оставленныхъ Эдекономъ, услыхали въ одинъ вечеръ, при наступленіи ночи, топотъ многихъ коней: то были гунскіе всадники, которые спѣшившись, объявили имъ, что Аттила ожидаетъ ихъ въ своемъ лагерѣ, расположенномъ невдалекѣ. И точно, на другое утро, съ высоты довольно крутаго пригорка, они увидѣли палатки варваровъ, въ безчисленномъ множествѣ раскинутыя на равнинѣ, и между ними одну, которую, по ея положенію и виду, они приняли за палатку короля. Мѣсто показалось имъ удобнымъ для стоянки; Максиминъ приказалъ складывать багажъ, и уже принялись устанавливать палатки, какъ вдругъ отрядъ варваровъ подскакалъ къ нимъ во всю прыть, съ копьями на перевѣсъ. «Чтò вы дѣлаете? грозно кричали они; какъ вы смѣете раскидывать палатки на высотѣ, тогда какъ палатка Аттилы внизу, на равнинѣ?» Римляне тотчасъ же собрали все, навьючили своихъ лошаковъ и отправились за прискакавшими всадниками. Только что успѣли они расположиться на мѣстѣ, указанномъ имъ этими всадниками, какъ внезапное посѣщеніе трехъ лицъ привело ихъ въ удивленіе, то были: Эдеконъ, Орестъ, Скòтта и другіе знатные люди, которые спросили ихъ, что имъ нужно и въ чемъ заключается предметъ ихъ посольства. Этотъ нескромный или стран-

ный для пословъ вопросъ такъ поразилъ Римлянъ, что они остолбенѣли и смотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая, что дѣлать. «Отвѣчайте же намъ», повторили Гунны послу съ настойчивостью. Посолъ отвѣчалъ, что онъ не обязанъ давать имъ объясненія и представитъ его только королю. Отвѣтъ этотъ показался Скóттѣ обиднымъ:« Я пришелъ къ вамъ не по своей волѣ, повторилъ онъ, и исполняю только приказанія моего государя.» Максиминъ возразилъ на это, что если требованіе сдѣлано ему и отъ самаго Аттилы, то онъ и въ такомъ случаѣ никогда ему не подчинится. «Посолъ, отвѣчалъ онъ съ твердостью, обязанъ давать отчетъ въ возложенномъ на него порученіи, только тому, къ которому посланъ отъ своего государя; таково право народовъ, и Гуннамъ, отправлявшимъ столько разъ посольства къ Римлянамъ, это должно быть давно извѣстно.»

Посѣтители удалились, но черезъ нѣсколько минутъ воротились опять, за исключеніемъ Эдекона. Повторивъ Максимину слово въ слово все содержаніе его инструкціи, они прибавили, что если онъ пріѣхалъ только за этимъ, то можетъ тотчасъ же ѣхать назадъ. Загадка становилась для Максимина и Приска болѣе и болѣе непостижимою; они не вѣрили своимъ ушамъ, и не понимали, какимъ-образомъ политическій интересъ, довѣренный совѣсти посла, ненарушимыя тайны государственныя могли быть разглашены врагамъ имперіи; они стали нѣмы, будто пораженные громомъ. Наконецъ, выйдя изъ этого остолбенѣнія, Максиминъ вскричалъ: «Какъ бы то ни было, въ этомъ ли или въ другомъ чемъ заключаются наши инструкціи, узнаетъ только вашъ государь». — «Отправляйтесь же» отвѣчали Гунны. Римляне стали готовиться въ путь. Загадка объяснилась просто: тайный смыслъ словъ, сказанныхъ Орестомъ послѣ обѣда въ Сардикѣ, и переданныхъ Эдекону, заставилъ его подумать, и онъ легко догадался, что бдительный глазъ слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями, и что переговоры его съ императоромъ и полученные отъ него подарки не остались тайною. Какъ человѣкъ ловкій, онъ поспѣшилъ опередить римскихъ посланныхъ, и разсказалъ своему государю: о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, объ аудіенціяхъ, обѣщанныхъ суммахъ, объ условленномъ способѣ получить ихъ, участіи Вигиласа и невинности Максимина, однимъ-словомъ обо всемъ, до послѣднихъ подробностей инструкціи, данной послу. Небо посылало

сыну Мундзука удобный случай поймать Θеодосія на дѣлѣ, покрыть его безчестіемъ, и потомъ оправдать предъ свѣтомъ всѣ обиды, какія вздумается ему нанести Θеодосію; но онъ остерегся испортить дѣло преждевременною огласкою. Одного свидѣтельства Эдекона было недостаточно для обвиненія, ему хотѣлось другихъ, неопровержимыхъ доказательствъ, и скрѣпя сердце, онъ рѣшился терпѣливо ждать конца.

Лошаки были навьючены, и Римляне, при наступленіи ночи, собирались уже въ путь, какъ послѣдовало другое приказаніе: «Аттила, сказано было имъ, не требуетъ, чтобы чужеземцы подвергались опасностямъ ночнаго пути въ сторонѣ имъ незнакомой». Въ то же время Гунны пригнали быка и принесли рыбы отъ имени короля, на ужинъ посольству. «Мы поужинали съ аппетитомъ, говоритъ Прискъ, и проспали крѣпкимъ сномъ до слѣдующаго утра». Благодѣтельная отмѣна приказанія имъ была радостна. Только-что разсвѣло, Прискъ, какъ человѣкъ предусмотрительный, взялъ, вмѣсто Вигиласа, другаго толмача (въ свитѣ посольства находился нѣкто Рустицій, говорившій хорошо по-гуннски и готски), и отправился къ Скоттѣ, который за подарки взялся доставить имъ аудіенцію съ Аттилой. Не прошло часу, какъ Скотта, желая выказать свое значеніе при дворѣ, прискакалъ во всю прыть объявить Приску объ успѣхѣ; Римляне отправились съ нимъ. Королевская палатка окружена была множествомъ воиновъ, какъ стѣною; благодаря присутствію Скотты, посланники прошли сквозь ряды воиновъ, и очутились въ срединѣ палатки, гдѣ ожидалъ ихъ Аттила, сидя на деревянномъ стулѣ.

Прискъ, Вигиласъ и невольники, несшіе подарки, почтительно остановились при входѣ; Максиминъ же подошелъ къ королю, поклонился, и вручая ему письмо Θеодосія, сказалъ: «Императоръ желаетъ Аттилѣ и всѣмъ его ближнимъ здоровья и долгоденствія». «Желаю того же Римлянамъ», коротко отвѣчалъ Аттила, и обратясь къ Вигиласу, гнѣвно спросилъ: «Что заставило тебя придти ко мнѣ, вѣдь ты знаешь мои условія съ Анатоліемъ касательно міра. Тебѣ извѣстно, что Римляне не должны были отправлять ко мнѣ посла до тѣхъ-поръ, пока не останется у нихъ ни одного изъ перебѣжчиковъ моего народа». Вигиласъ отвѣчалъ, что это условіе выполнено въ точности и что ему посылаютъ семнадцать дезертировъ, всѣхъ, которыхъ только могли отыскать въ Восточной Имперіи. Самоувѣрен-

ность, съ какою было это сказано, вывела Аттилу изъ себя. «Еслибы я не уважалъ правъ пословъ, вскричалъ Аттила съ бѣшенствомъ, я бы за твою дерзость приказалъ тебя тотчасъ же пригвоздить на крестѣ, и отдалъ бы на съѣденье коршунамъ.» Потомъ, по данному имъ знаку, секретарь развернулъ длинную хартію, которую Аттила сталъ читать: это былъ именной списокъ перебѣжчиковъ, которые оставались еще въ римскихъ владѣніяхъ. Окончивъ чтеніе, Аттила объявилъ, чтобы Вигиласъ тотчасъ же отправился съ однимъ изъ военачальниковъ, Эслою, къ Θеодосію, и сказалъ ему, что онъ обязанъ выдать ему безъ исключенія, въ какомъ бы числѣ и какого бы званія ни были, всѣхъ Гунновъ, которые перешли къ Римлянамъ съ того времени, когда Карниліонъ, сынъ Аэція, былъ у него заложникомъ. «Иди объявить тамъ мое рѣшеніе, продолжалъ Аттила, и тотчасъ же воротись съ отвѣтомъ, хотятъ ли Римляне выдать моихъ перебѣжчиковъ или предпочитаютъ войну.» Приказаніе это относилось до одного Вигиласа; посла же Аттила попросилъ обождать отвѣта на письмо императора. Онъ не забылъ также потребовать подарки, которые ему были назначены. Затѣмъ аудіенція кончилась.

Вскорѣ послѣ этого въ посольское подворье явились посланные, и объявили, что король воспрещаетъ Римлянамъ всякаго званія, до прекращенія возникшихъ между обѣими націями недоразумѣній, покупать у Гунновъ лошадей, вьючный скотъ, варварскихъ невольниковъ, однимъ словомъ, что́-либо, кромѣ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Запрещеніе это объявлено было послу въ присутствіи Вигиласа. Легко понять, что хитрый Аттила сдѣлалъ это съ цѣлію отнять у толмача всякую возможность ввезти въ гунскія владѣнія большую сумму денегъ.

У Аттилы не было уже болѣе рѣчи объ охотѣ на хищныхъ звѣрей Паннонія, съ-тѣхъ-поръ, какъ встрѣтилъ онъ другаго звѣря, гораздо для него интереснѣе. Желая слѣдить за каждымъ движеніемъ Вигиласа и наблюдать на свободѣ за дѣйствіями посла, который предварительно былъ для него заложникомъ, онъ черезъ два дня послѣ того снялъ лагерь, и отправился въ обыкновенное мѣсто своего пребыванія, столицу Гунніи. Онъ приказалъ сказать Римлянамъ быть готовыми за нимъ слѣдовать, и въ назначенный для выступленія день, они вмѣстѣ съ проводниками отправились въ арріергардѣ гунскаго войска. Едва успѣли нѣсколько пройти, какъ проводники внезапно

измѣнили направленіе, и отдѣлясь отъ войска, своротили на малопроѣзжую дорогу. Въ оправданіе этого измѣненія пути, они объявили путешественникамъ, что въ сосѣдней деревнѣ будетъ происходить церемонія, при которой имъ непозволено присутствовать. Это было не что иное, какъ новый бракъ короля: Аттила къ безчисленному множеству женъ своихъ прибавлялъ еще дочь одного туземнаго вельможи Эскама. Страна, по которой слѣдовали Максиминъ и его свита, была низменная, удобопроходимая, но чрезвычайно болотистая; на пути они встрѣчали многія рѣки, между которыми Прискъ упоминаетъ о Тифизѣ, нынѣ Тейсъ, протекающей по срединѣ Венгріи и впадающей въ Дунай между Землиномъ и Петервардейномъ. Они переправлялись черезъ рѣки или глубокія болота на лодкахъ, хранившихся въ прибрежныхъ селахъ, откуда жители подвозили ихъ на телегахъ. Пища ихъ, въ-продолженіе дороги, состояла преимущественно изъ пшена, которое жители доставляли по требованію проводниковъ, и изъ двухъ броженыхъ напитковъ: mèdos (меду) и camos *, приготовленнаго изъ ячменя. Путешествіе было не безъ приключеній, веселыхъ или непріятныхъ. Спустя нѣсколько дней, король, войско и римское посольство прибыли въ королевскій городокъ, столицу всей Гунніи **.

Дворецъ короля варваровъ, построенный на возвышеніи, господствовалъ надъ всѣмъ городкомъ, и высокія башни его издалека бросались въ глаза. Подъ именемъ городка разумѣлось большое кругообразное пространство, заключавшее нѣсколько зданій, какъ-то: дома королевскіе, любимой жены Аттилы, Керки, нѣкоторыхъ его сыновей и, вѣроятно, также казармы королевскихъ тѣлохранителей; пространство это окружала деревянная ограда; внутреннія зданія были также деревянныя. Домъ Аттилы, расположенный, вѣроятно, въ серединѣ и одинъ только съ башнями, былъ обшитъ удивительно глад-

* Вѣроятно-пива.

** Много разсуждали о томъ, въ какомъ именно мѣстѣ находилась эта резиденція; одни указывали на Токай, другіе, съ бо́льшею вѣроятностью, на теперешній городъ Буды; но всѣ вмѣстѣ соглашаются, что это мѣстопребываніе находилось въ нынѣшней Венгріи. Разсказъ Приска разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія: между многими рѣками, черезъ которыя переправлялось посольство, онъ называетъ Тейсъ, и число совершенныхъ посольствомъ переходовъ довольно соотвѣтствуетъ разстоянію мѣстъ.

хими досками, дотого плотно притесанными одна къ другой, что казалось, будто-бы домъ сдѣланъ изъ цѣльной штуки. Домъ же королевы, архитектуры болѣе легкой и прихотливой, украшенъ былъ по сторонамъ различными, довольно изящными рельефами и изваяніями. Крыша его поддерживалась тщательно обтесанными пиластрами; между ними тянулись кружала изъ точенаго дерева, упиравшіяся на колонки, составлявшія какъ-бы аркады галереи. Неподалеку отъ дворца стоялъ домъ Онегеза, обнесенный также изгородью и построенный въ томъ же вкусѣ, какъ королевскій, только гораздо проще.

Аттила вступилъ въ столицу своей имперіи съ церемоніаломъ, весьма занимательнымъ для Римлянъ, и въ-особенности для Приска — наблюдателя такого любознательнаго, такого наивнаго живописца всего, что̀ поражало его своею странностью. Аттила встрѣченъ былъ процессіею женщинъ городка. Составляя два ряда, онѣ держали надъ головами перекинутыя съ одной стороны на другую бѣлыя покрывала, подъ которыми шли молодыя дѣвушки, группами, въ каждой по семи, и пѣли стихи, сочиненные въ честь короля. Поѣздъ направился ко дворцу, мимо дома Онегеза. Жена министра-любимца стояла внѣ ограды, окруженная множествомъ служанокъ съ блюдами мяса и кубкомъ вина. Когда показался король, она приблизилась къ нему, и просила отвѣдать приготовленныя для него блюда; благосклонный знакъ, имъ сдѣланный, далъ знать, что онъ согласенъ: это считалось самою большою милостью короля Гунновъ. Въ ту же минуту, четыре сильныхъ человѣка подняли наравнѣ съ лошадью серебряный столъ, и Аттила, сидя верхомъ, отвѣдалъ каждое блюдо, и выпилъ глотокъ вина; послѣ чего онъ вошелъ во дворецъ. Жена же Онегеза, который только-что возвратился изъ дальняго путешествія и позванъ былъ къ королю, пригласила пословъ ужинать въ кругу знатнѣйшихъ туземцевъ, бо̀льшею частію ея родственниковъ. Потомъ Максиминъ занялся устройствомъ лагеря; онъ раскинулъ палатки поблизости дома министра и королевскаго дворца.

Онегезъ, греческое имя котораго указываетъ на его происхожденіе, воспитанный у Гунновъ, занималъ въ имперіи, послѣ Аттилы, первое мѣсто и по своему могуществу, и по своему богатству. Этимъ избыткомъ счастія, передъ которымъ природные Гунны преклонялись безъ ропоту, Онегезъ обязанъ былъ самымъ благо-

роднымъ средствамъ: храбрости на полѣ сраженія, прямодушію въ совѣтахъ, мужеству, съ какимъ онъ шелъ наперекоръ дурнымъ побужденіямъ Атиллы. Король Гунновъ, при всемъ самовластіи и вспыльчивости, уступалъ твердости этого кроткаго характера; Онегезъ сдѣлался его необходимымъ совѣтникомъ, и ему-то довѣрилъ Аттила военное воспитаніе старшаго сына своего Эллака, въ королевствѣ Акацаровъ (Хозаръ), завоеваніе котораго Онегезъ только-что окончилъ. Желая видѣть отца, этотъ юноша возвращался на берега Дуная послѣ долгаго отсутствія; дорогой упалъ съ лошади, и вывихнулъ себѣ руку. Поэтому Онегезу было о чемъ говорить съ королемъ, удержавшимъ его цѣлый вечеръ: вотъ почему онъ не могъ ужинать у жены; но Максиминъ съ нетерпѣніемъ желалъ его видѣть, чтобы сообщить ему инструкціи Ѳеодосія, до него касавшіяся, и сверхъ-того много разсчитывалъ на содѣйствіе этого всесильнаго человѣка къ устраненію затрудненій, которыя могло встрѣтить возложенное на него порученіе. Едва заснувъ, онъ всталъ съ первою зарею, и отправилъ Приска съ подарками, назначенными для министра. Онегезъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ подарки, приказалъ сложить ихъ въ его домѣ, и узнавъ, что римскій посолъ намѣренъ придти къ нему, рѣшился его предупредить; и спустя нѣсколько минутъ, явился въ палаткѣ Максимина. Между обоими государственными людьми начался разговоръ, въ которомъ вполнѣ выказался характеръ министра Аттилы. Максиминъ сказалъ ему, что минута прочнаго мира между Римлянами и Гуннами, казалось, наступила, что вся честь этого мира предоставлена его мудрости, и что великая польза, которую можетъ принести той и другой націи гунскій министръ, отзовется на немъ самомъ и на его дѣтяхъ, въ постоянныхъ благодѣяніяхъ императора и всей императорской фамиліи. «Какимъ же образомъ, простодушно спросилъ Онегезъ, могу я достигнуть этой великой чести, и быть между вами и нами верховнымъ посредникомъ мира?» — «Стóитъ вникнуть, продолжалъ посолъ, въ каждый предметъ нашихъ несогласій, условія договоровъ, и потомъ взвѣсить все это на вѣсахъ вашего правосудія. Рѣшеніе ваше будетъ принято императоромъ.» «Но, мнѣ кажется, возразилъ Онегезъ, что не въ этомъ заключается роль посла, и еслибы я находился на его мѣстѣ, то правиломъ моимъ была бы воля моего государя. Не надѣются ли, можетъ-статься, Римляне, своими прось-

бами заставить меня измѣнить ему, и не считаютъ ли они за ничто жизнь мою, проведенную посреди Гунновъ, моихъ женъ, дѣтей, рожденныхъ у нихъ? Если такъ, то они славно ошибаются. Мнѣ слаще воля Аттилы невольничество, чѣмъ почести и богатства въ вашей имперіи.» На эти слова, произнесенныя тономъ спокойнымъ, но яснымъ, нельзя было возражать. Онегезъ, какъ-бы желая смягчить ихъ жесткость, прибавилъ, что онъ можетъ быть полезнѣе Римлянамъ, находясь при Аттилѣ, гнѣвъ котораго ему часто удавалось утишать, чѣмъ въ Константинополѣ, гдѣ доброе расположеніе его къ Римлянамъ сдѣлается въ скоромъ времени подозрительнымъ. Очевидно было, что министръ Ѳеодосія ничего не могъ сдѣлать съ этой стороны.

Между-тѣмъ королева Керка ожидала подарковъ: поднести ихъ поручено было также Приску. Королева приняла его въ одной изъ комнатъ своего изящнаго дворца, устланной шерстянымъ ковромъ; она сидѣла на подушкахъ, окруженная съ одной стороны женщинами, а съ другой прислужниками; женщины вышивали шелками и золотомъ куски матерій, назначенныхъ для мужской одежды. Выйдя изъ дворца королевы, Прискъ услыхалъ большой шумъ и увидѣлъ бѣжавшую толпу. Вскорѣ онъ замѣтилъ Аттилу, который, въ сопровожденіи Онегеза, остановился у дверей его дома, для расправы. Онъ сѣлъ съ важностью и молча. Тѣ, которые имѣли дѣло для представленія на сужденіе, подходили по-очереди; окончивъ судъ, онъ вошелъ во дворецъ, для принятія депутатовъ, прибывшихъ изъ разныхъ варварскихъ странъ. Прискъ, скучный, возвращался домой, какъ встрѣтилъ Тетулла, отца Ореста, который шелъ объявить послу и Приску, что Аттила приглашаетъ ихъ въ тотъ же день къ своему столу, въ девятомъ часу (около трехъ часовъ пополудни). Зала пиршествъ была большая, продолговатая комната, обставленная сидѣньями со столами на четыре или пять особъ. Посрединѣ, на эстрадѣ, стоялъ столъ Аттилы и его ложе, имъ уже занятое; недалеко, позади, находилось другое ложе, устланное, какъ и первое, бѣлымъ бѣльемъ и полосатыми коврами, на подобіе thalami, бывшихъ въ употребленіи въ Греціи и Римѣ при брачныхъ церемоніяхъ. Какъ-только вошли послы, виночерпіи, поставленные у входа, подали имъ кубки вина, изъ которыхъ они должны были пить, привѣтствуя короля; каждый приглашенный, прежде-чѣмъ занять свое мѣсто, попо-

нялъ этотъ обязательный обрядъ. На почетномъ мѣстѣ, по правую сторону эстрады, сѣлъ Онегезъ; напротивъ двое изъ сыновей короля. Послы помѣстились за столомъ по лѣвую сторону, который считался вторымъ по важности; но и здѣсь на первомъ мѣстѣ сидѣлъ благородный и знатный Гунъ, по имени Берикъ, владѣвшій въ Гунніи многими помѣстьями. Эллакъ, старшій сынъ Аттилы, занялъ мѣсто на ложѣ отца, но гораздо ниже; въ-продолженіе всего пиршества онъ сидѣлъ съ опущенными глазами, скромно и почтительно. Когда всѣ размѣстились, виночерпій Аттилы поднесъ ему кубокъ съ виномъ; Аттила, принявъ его, привѣтствовалъ почетнаго гостя, который, вставъ съ своего мѣста и взявъ отъ виночерпія, стоявшаго позади кубокъ, отвѣчалъ королю привѣтствіемъ. Потомъ дошла очередь до пословъ, которые, какъ и слѣдовавшіе за ними по старшинству званія, отвѣчали такимъ же образомъ на привѣтъ короля. Какъ-скоро привѣтствія окончились, вошли съ блюдами разныхъ родовъ мяса дворецкіе, и поставили ихъ на столы; на столъ Аттилы подано мясо на деревянномъ блюдѣ; такой же былъ и кубокъ его, между-тѣмъ, какъ у гостей кубки были серебряные или золотые, и хлѣбъ, и кушанья подавались имъ на блюдахъ серебряныхъ. Каждый изъ гостей могъ брать кушанья, сколько ему было угодно, но только съ своего блюда. Послѣ первой перемѣны, виночерпіи снова пришли, и привѣтствія возобновились прежнимъ порядкомъ. За второю перемѣною, столь же обильною, какъ и первая, и состоявшею изъ совершенно другихъ яствъ, шла третья, во-время которой гости уже разгоряченные виномъ, пили его, кто сколько могъ. Къ вечеру, при зажженныхъ свѣтильникахъ вошли въ залу два піита, которые воспѣвали на гунскомъ языкѣ, въ стихахъ своего сочиненія, воинскія доблести Аттилы. Ихъ пѣсни возбудили въ слушателяхъ восторги, доходившіе до неистовства: глаза сверкали, лица принимали какое-то страшное выраженіе; многіе плакали, говоритъ Прискъ: у юношей это были слезы желанія славы, у стариковъ слезы сожалѣнія. Этихъ Тиртеевъ Гунніи смѣнилъ шутъ, которагo кривлянья и дурачества превратили энтузіазмъ гостей въ шумное веселье. Въ-продолженіе этихъ представленій Аттила оставался неподвиженъ и важенъ, ни выраженіе лица, ни движеніе, ни слово не обнаруживали произведеннаго на него впечатлѣнія; только когда подошелъ къ нему младшій изъ сыновей, Эрнакъ, въ глазахъ его бле-

скула нѣжность, онъ взялъ ребенка слегка за щеку, и притянулъ къ своему ложу. Прискъ, изумленный такою внезапною перемѣною, происшедшею въ Аттилѣ, наклонился къ одному изъ своихъ сосѣдей, говорившему немного полатинѣ, и спросилъ его наухо, отчего этотъ человѣкъ, холодный къ другимъ дѣтямъ, оказывалъ столько нѣжности къ меньшому. «Я охотно объясню вамъ причину, если только оставите это въ тайнѣ, отвѣчалъ варваръ. Гадатели предсказали королю, что другіе его сыновья не будутъ имѣть дѣтей; но что Эрнакъ продолжитъ родъ Аттилы: вотъ причина его нѣжности; онъ любитъ въ этомъ ребенкѣ единственный источникъ его потомства».

Время проходило для пословъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ; они не могли добиться отъ короля ни аудіенцін, ни удовлетворительнаго отвѣта. Они стали просить, чтобы ихъ отпустили, но Аттила, не отказывая положительно въ дозволеніи, удерживалъ ихъ подъ разными предлогами. Королева Керка, желая угостить ихъ въ свою очередь, пригласила ихъ въ домъ своего управляющаго Адама, къ обѣду, «великолѣпному и очень веселому», говоритъ Прискъ, за которымъ гости, вопреки римской важности, должны были въ круговую пить и цаловаться. Второй ужинъ, данный посламъ Аттилою, сопровождался тѣмъ же церемоннымъ этикетомъ, какъ и первый; только въ этотъ разъ Аттила былъ нѣсколько веселѣе.

Наконецъ Аттила, разъяснивъ себѣ все, что нужно было знать, отпустилъ пословъ, присутствіе которыхъ стало для него уже безполезнымъ. Письмо, обсужденное совѣтомъ гунскихъ вельможъ и секретарями гунской канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ Онегеза, вручили Берику, который долженъ былъ сопровождать пословъ въ Константинополь. Римляне возвращались осыпанные ласками и подарками отъ придворныхъ вельможъ, изъ которыхъ каждый, въ угодность королю, подарилъ имъ какую-нибудь драгоцѣнную вещь, какъ напримѣръ, мѣха, лошадей, ковры или шитыя золотомъ одежды; но на пути имъ представилось мало забавнаго послѣ тѣхъ пировъ и празднествъ, которые они только-что оставили. Здѣсь они увидѣли серьозную сторону управленія Аттилы. Послѣ нѣсколькихъ дней пути, они увидѣли казненнаго перебѣжчика, пойманнаго на границѣ, и обвиненнаго въ лазутчествѣ въ пользу Римлянъ. Немного далѣе они встрѣтили двухъ плѣнниковъ, вѣроятно изъ Римлянъ, которые, убивъ своего начальника Гуна, бѣжали: ихъ вели съ связанными ру-

ками и ногами, и чтобы воспользоваться проѣздомъ пословъ, какъ-бы удобнымъ случаемъ, ихъ пригвоздили къ столбу, и проткнули имъ горло острымъ коломъ. Берикъ, спутникъ пословъ, былъ старый Гунъ, происходившій изъ первоначальнаго ихъ племени, дикаго, грубаго и мстительнаго. По поводу ссоры между его и посольскими служителями, онъ взялъ у Максимина назадъ лошадь, которую далъ ему, и во всю дорогу не переставалъ роптать. Въ концѣ пути, неподалеку отъ Дуная, въ римскихъ владѣніяхъ, посольство встрѣтило Вигиласа, который съ радостной надеждой слѣдовалъ къ цѣли своего путешествія, вмѣстѣ съ Эслою, котораго онъ принималъ за товарища, тогда-какъ онъ былъ его стражемъ.

Вигиласъ спѣшилъ кончить въ Константинополѣ дѣла, служившіе предлогомъ его путешествія. Все еще ослѣпленный своею важностью, онъ наконецъ внушилъ ее и другимъ. Кризанфій, который, по словамъ его, думалъ, что цѣль почти уже достигнута, на всякой случай удвоилъ обѣщанную сумму; такимъ-образомъ толмачъ возвращался съ кожанымъ мѣшкомъ со ста фунтами золота. Все это происходило подъ внимательнымъ наблюденіемъ Эслы, слѣдившимъ за каждымъ движеніемъ Вигиласа, съ самаго отъѣзда. Служители гунскаго посольства были не что́ иное, какъ стражи, которые смотрѣли за Римляниномъ, какъ за плѣннымъ, не давая ему того замѣтить. По ту сторону Дуная, наблюденіе за нимъ стало еще бдительнѣе. Вигиласъ везъ съ собою изъ Константинополя девятнадцати или двадцатилѣтняго сына, который желалъ посѣтить гунскую страну, и повидимому, взятъ былъ отцомъ какъ-бы въ помощники. Едва вступивъ въ столицу Аттилы, они были оба схвачены и приведены къ королю; багажъ у нихъ отобрали, и осмотрѣвъ въ-присутствіи Аттилы, нашли въ немъ мѣшокъ со ста фунтами золота. При видѣ его, Аттила, какъ-будто ничего не зная, спросилъ толмача, зачѣмъ ему столько золота? Вигиласъ, нисколько не смутясь, отвѣчалъ, что оно назначено на содержаніе его самого и его свиты, на покупку коней и вьючнаго скота, которыми онъ хотѣлъ запастись, потому-что много потерялъ изъ нихъ во-время пути, и наконецъ для выкупа большаго числа римскихъ плѣнниковъ, родственники которыхъ его уполномочили на это. Терпѣніе Аттилы лопнуло: «Ты лжешь, негодяй!» вскричалъ онъ громовымъ голосомъ: но ложь твоя не обманетъ никого и не избавитъ тебя отъ заслуженнаго наказанія.

Нѣтъ, не для своего содержанія, и не для покупки коней и лошаковъ, не для выкупа римскихъ плѣнниковъ, ты запасся такою суммой; тебѣ извѣстно было, что я, въ бытность твою здѣсь съ Максиминомъ строго воспретилъ чужеземцамъ всякую торговлю и сбытъ денегъ». Съ этими словами онъ приказалъ своимъ стражамъ привести сына толмача, и объявилъ, что онъ прикажетъ заколоть его, если отецъ тотчасъ же не признается, на какое употребленіе назначены эти сто фунтовъ золота. Вигиласъ, видя сына подъ обнаженными мечами, обезумѣлъ, и простирая умоляющія руки то къ палачамъ, то къ Аттилѣ, кричалъ раздиражающимъ голосомъ: «Не убивайте сына, онъ ничего незнаетъ, одинъ я виновенъ». Тогда онъ раскрылъ всѣ подробности замысла, составленнаго имъ и Кризанфіемъ. Аттила слушалъ его со вниманіемъ судьи, и сличивъ въ памяти эти подробности съ тѣмъ, что открылъ ему Эдеконъ, убѣдился въ истинѣ словъ толмача. Смягчившись мало-по-малу, онъ приказалъ освободить сына, а отца заключить въ тюрьму, пока не рѣшитъ его участь. Тогда надѣли на Вигиласа цѣпи и повели въ темницу. Что̀ касалось до сына, то Аттила счелъ за лучшее отослать его въ Константинополь за другими ста фунтами золота. «Достань эту сумму, сказалъ онъ ему; она будетъ цѣною жизни твоего отца». Вмѣстѣ съ нимъ Аттила отправилъ къ императору съ особенными инструкціями Ореста и Эслу.

Когда они явились на аудіенцію къ Θеодосію, онъ уже зналъ по слухамъ о неудачѣ предпріятія и съ безпокойствомъ ожидалъ новаго посольства отъ короля Гунновъ. Посланные предстали предъ его тронъ въ самыхъ странныхъ одѣяніяхъ, но никто не смѣлъ этого осуждать. У Ореста на шеѣ висѣлъ кожаный мѣшокъ со ста фунтами золота, и Есла, стоявшій возлѣ него, спросивъ Кризанфія, не знакомъ ли ему этотъ мѣшокъ, обратился къ Θеодосію съ слѣдующими словами: «Аттила, сынъ Мундзука, и Θеодосій, — оба сыны благородныхъ отцовъ; Аттила остался достойнымъ своего, но Θеодосій унизилъ себя, потому-что, платя Аттилѣ дань, призналъ себя его рабомъ. И вотъ этотъ злой рабъ разставляетъ своему властелину тайныя сѣти; онъ поступаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и Аттила не перестанетъ разглашать его беззаконія, пока ему не будетъ выданъ евнухъ Кризанфій, для наказанія по заслугамъ».

Никто не ожидалъ такого заключенія. Болѣе всего занимала Θео-

досія мысль, какъ бы спасти своего министра; всѣ принятыя мѣры клонились къ этой цѣли. Послѣднія основанія, по которымъ византійская политика отказывала въ удовлетвореніи честолюбивыхъ притязаній Аттилы, были устранены безъ малѣйшаго колебанія: онъ желалъ пословъ изъ мужей консульскихъ, право это ему предоставлено; онъ указалъ на патриціевъ Анатолія и Нома,—первыхъ вельможъ имперіи, — они были къ нему отправлены. Ему воздавали почести наравнѣ съ великимъ царемъ, государемъ Персидской Имперіи. Для него не щадили ни уступокъ, ни низости. Тщеславіе Аттилы удовлетворилось, и онъ вышелъ навстрѣчу къ высокимъ особамъ, отправленнымъ къ нему въ качествѣ пословъ; однакожъ онъ говорилъ съ ними тономъ суровымъ, свойственнымъ человѣку разгнѣванному. Они принесли богатые подарки, которые, казалось, смягчили его, и много денегъ: Аттила взялъ все. Онъ освободилъ Вигиласа, потому-что смотрѣлъ на него, какъ на слишкомъ ничтожнаго для его мщенія; онъ не объявлялъ уже болѣе притязаній на прибрежныя страны Дуная, которыми онъ владѣлъ, если не по праву, то, по-крайней-мѣрѣ, на дѣлѣ; не упоминалъ и о перебѣжчикахъ; освободилъ даже безъ всякаго выкупа множество римскихъ плѣнныхъ, но требовалъ головы Кризанѳія. Въ этомъ отношеніи онъ остался непреклоненъ.

При такомъ положеніи дѣлъ начался 450 годъ. Племена гунскія притекали массами на берега Дуная; вассальныя племена этихъ ордъ, Остроготѳы, Гепиды, Герулы, Руги — вооружались, и уже извѣстно было о выступленіи въ походъ Акацировъ (Хозаръ). Имперія западная встревожилась не менѣе восточной.

=

РИМСКІЙ МІРЪ ВЪ V ВѢКѢ.

Бонифацій, Аэцій и Аттила.

Соч. Амедея Тьерри.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Имя Аттилы или Ателя (Athel), которое носилъ сынъ Мундзука, и которое нѣчто иное, какъ древнее названіе Волги, заставило съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что Аттила родился на берегахъ этой рѣки, въ первоначальномъ обиталищѣ Гуновъ. Какъ бы то ни было, онъ возмужалъ на берегахъ Дуная; здѣсь онъ научился войнѣ, и съ раннихъ лѣтъ вмѣшавшись въ событія европейскаго міра, узналъ молодаго Аэція, бывшаго заложникомъ Римлянъ у дяди Аттилы, Руи. Между-тѣмъ какъ Аэцій бралъ первые уроки въ военномъ дѣлѣ у Гуновъ, Аттила дѣлалъ тоже самое у Римлянъ, изучая пороки этаго общества, подобно охотнику, изучающему характеръ своей добычи. Аэцій и Аттила сохраняли между собою родъ дружбы, которая выражалась въ небольшихъ услугахъ и взаимныхъ мелкихъ подаркахъ. Римлянинъ снабжалъ Гуна латинскими секретарями и тол-

мачами; Гунъ посылалъ ему вмѣсто того какой-нибудь любопытнѣйшій предметъ, безобразнаго или смѣшнаго уродца: однажды онъ отправилъ къ нему карлика. Эти два человѣка цѣнили и въ тайнѣ боялись другъ-друга, какъ два спутника, которыхъ превратность судьбы могла бы свести лицомъ къ лицу, на полѣ сраженія, гдѣ они одни достойны были помѣряться силами.

Аттила былъ малъ ростомъ, широкоплечъ, имѣлъ большую голову, маленькіе, впалые глаза, рѣдкую бороду, приплюснутый носъ и почти черный цвѣтъ лица. Шея его, отъ природы выгнутая назадъ, и взоръ, которымъ онъ водилъ вокругъ себя съ безпокойствомъ или любопытствомъ, придавали его походкѣ видъ гордый и повелительный. «Тó былъ», говоритъ Іорнандъ, «человѣкъ отмѣченный рокомъ, человѣкъ родившійся для устрашенія народовъ и потрясенія земли». Если онъ сердился, лицо его корчилось, глаза блистали огнемъ; самые отважные должны были выносить вспышки его гнѣва. Даже въ словахъ его и дѣйствіяхъ выказывалась какая-то разсчитанная выразительность, для произведенія эффекту; онъ грозилъ всегда въ страшныхъ выраженіяхъ; если онъ нисвровергалъ чтò, то это скорѣе для разрушенія, чѣмъ для грабежа; если убивалъ, то болѣе для того, чтобы оставить на позорище живымъ тысячи непогребенныхъ труповъ. Но при всемъ этомъ онъ былъ кротокъ съ покорными, снисходителенъ на просьбы, щедръ къ слугамъ, правосуденъ къ подданнымъ. Одежду носилъ простую, но всегда очень опрятную; пища его, которую ему подавали на деревянныхъ блюдахъ, состояла изъ разнаго рода мяса, безъ всякой приправы; вообще, воздержность его и простота представляли контрастъ съ роскошью, которою онъ любилъ окружать себя. Онъ не испо ѣдывалъ никакой вѣры, и только колдуны, составлявшіе его свиту, как шаманы у монгольскихъ императоровъ, въ важныхъ случаяхъ гадали ему о будущемъ.

Этотъ человѣкъ, вся жизнь котораго прошла въ побоищахъ, рѣдко подвергалъ себя опасностямъ битвы; онъ предводительствовалъ только головою. Азіатецъ во всемъ, онъ ставилъ войну послѣ политики; отдавалъ всегда преимущество хитрости передъ насиліемъ, и уважалъ первую. Придумывать предлоги, заводить при всякомъ случаѣ переговоры, переплетать ихъ одни съ другими, чтобы составить сѣть, въ которую противникъ неизбѣжно долженъ былъ попасть, не давать непріятелю опомниться отъ страха, и въ-особенности умѣть выжидать,

вотъ въ чемъ заключалось его высочайшее искусство. Самый пустой предлогъ иногда казался ему лучшимъ, лишь бы только его невозможно было удовлетворить: онъ оставлялъ его, потомъ снова за него принимался, забывалъ его цѣлые года, но никогда не покидалъ. Любопытное зрѣлище представляли тѣ безчисленныя посольства, которыми онъ утомлялъ византійскій дворъ, и которые довѣрялъ онъ своимъ любимцамъ. Зная хорошо этотъ дворъ, который думалъ задобрить варварскихъ переговорщиковъ подарками, онъ посылалъ туда своихъ слугъ обогащаться насчетъ имперіи, съ тѣмъ, чтобы потомъ подѣлиться съ ними. Таковъ былъ человѣкъ, въ руки котораго готова была пасть судьба міра.

Неопредѣленная мысль Руи о правахъ гунскаго народа на страны къ сѣверу отъ Дуная сдѣлалась въ умѣ новаго короля обширною системой, которая клонилась ни болѣе, ни менѣе, какъ къ созданію, посредствомъ Гуновъ, соединенныхъ подъ одною властью и послушныхъ одной волѣ, имперію варварскихъ народовъ, въ противоположность имперіи римской; однимъ-словомъ, быть на сѣверѣ Европы тѣмъ, чѣмъ былъ Римъ на югѣ. Прежде всего онъ озаботился упроченіемъ на западѣ своего первенства между всѣми мелкими начальниками, ему равными; несмотря на трудность, дѣло это увѣнчалось успѣхомъ, благодаря дядѣ его Одбарзу, подавшему первый примѣръ покорности. На востокѣ, въ поколѣніи бѣлыхъ Гуновъ и въ ордахъ Гуновъ черныхъ, непослѣдовавшихъ за Баламиромъ, планъ Аттилы встрѣтилъ еще болѣе затрудненій; но и здѣсь онъ удался, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Ѳеодосій, несмотря на недавнія обязательства, старался привлечь къ себѣ Акациповъ, народъ гунскаго племени, которые занимали тогда Донскую степь, смѣнивъ Алановъ, а впослѣдствіи, подъ именемъ Хазаръ, стали опустошать долину Дунайскую. По невѣдѣнію или несмѣтливости, лазутчики Ѳеодосія, которымъ поручена была раздача подарковъ предводителямъ этаго племени, обошли старѣйшаго, по имени Куридага, который принялъ это за умышленную обиду. Онъ отмстилъ за оскорбленіе, извѣстивъ Аттилу обо всемъ происходившемъ. Аттила тотчасъ же явился съ многочисленнымъ войскомъ, расположился въ землѣ Акациповъ, разбилъ и умертвилъ большую часть начальниковъ, и образовалъ изъ нѣсколькихъ племенъ государство для старшаго сына своего Эллака. Изъ этого государства, какъ центра дѣй-

ствій, онъ предпринималъ противъ гунскихъ ордъ Азіи рядъ войнъ большею частью оканчивавшихся съ успѣхомъ. Оттуда онъ перешелъ къ племенамъ славянскимъ и тевтонскимъ, продолжалъ завоеванія до береговъ Балтійскаго-моря, и овладѣлъ всѣмъ сѣверомъ Европы, за исключеніемъ Скандинавіи и западнаго угла, заключавшагося между океаномъ, Рейномъ и линіею отъ Верхняго Рейна почти по теченію Ельбы. Эта имперія равнялась пространствомъ имперіи римской, если даже не превосходила ее.

При такихъ великихъ событіяхъ Аттила не могъ не нажить себѣ множества враговъ, особенно между членами королевскаго племени, которое при всякомъ случаѣ старалось ему противиться. Многіе изъ нихъ перешли въ Романію, чтобы просить помощи императора; но низкій Өеодосій дѣйствовалъ за одно съ жестокимъ Аттилой: несчастные были имъ выданы и казнены. Около этаго же времени, одинъ случай придалъ власти Аттилы какое-то сверхъестественное значеніе. У древнихъ Скиөовъ, обитателей понтійскихъ равнинъ, служилъ идоломъ обнаженный мечъ, зарытый въ землю по конецъ острія. Племена смѣнялись племенами, власти властями, и о мечѣ Марса (такъ называли его Римляне) утратилась память на цѣлыя столѣтія. Однажды гунскій пастухъ, замѣтивъ, что одна изъ тёлокъ его захромала, поранивъ ногу, сталъ доискиваться причины, и по слѣду крови открылъ посреди высокой травы торчавшее желѣзное остріе. Пастухъ взрылъ вокругъ землю, вытащилъ оттуда ржавый мечъ и принесъ его королю. Король принялъ мечъ съ радостью, какъ даръ неба, какъ посланный судьбою знакъ владычества надъ народами всего міра: такое, по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе старался, если только и самъ не вѣрилъ ему, онъ распространить. Съ этой минуты онъ сталъ дѣйствовать и говорить какъ владыка и императоръ всего варварскаго міра.

Сдѣлавъ или почти сдѣлавъ этотъ первый шагъ, Аттила снова обратилъ взоръ на Романію, которую оставлялъ въ покоѣ впродолжженіе шести или семи лѣтъ. Стòитъ упомянуть, какимъ образомъ онъ вмѣшался, въ 441 году, въ дѣла имперіи: этотъ поступокъ обрисовываетъ его характеръ и политику. Въ одномъ изъ пограничныхъ зàмковъ долженъ былъ происходить одинъ изъ смѣшанныхъ торговъ, на которые допускались варвары. Гуны явились туда въ большомъ числѣ и тайно вооруженные. Среди ярмарки, они обнажили оружіе, бросились

на толпу, разграбили товары и овладѣли самою мѣстностью. Когда константинопольскій дворъ потребовалъ объясненій, Аттила отвѣчалъ, что это только возмездіе за поступокъ епископа гор. Маргуса, скрытно пробравшагося въ мѣсто погребенія королей гунскихъ и разграбившаго находившіяся тамъ сокровища. Хотя эпископъ маргусскій мало заслуживалъ участія, однакожъ возводимое на него обвиненіе казалось такъ невѣроятно и обвиненный оправдывался съ такою увѣренностью, что римское правительство не могло не поддержать его запирательства. Пока длились эти пересуды, Аттила обходилъ берегъ рѣки, раззоряя города и разрушая зáмки; такимъ-образомъ онъ взялъ Виминаціумъ, большой городъ верхней Мизіи. Жители провинцій посылали письмо за письмомъ къ императору, прося его положить конецъ этимъ бѣдствіямъ: «Если епископъ виновенъ, говорили они, должно его выдать; если же онъ невиноватъ, насъ надо защитить». Епископъ, опасаясь, чтобы его не выдали изъ малодушія, перешелъ въ лагерь Гуновъ и обѣщалъ имъ сдать епископальный городъ, если они обезпечатъ его отъ всякой опасности. Гуны немедленно отрядили ему войско; онъ поставилъ его въ засаду, и на слѣдующую ночь Маргусъ былъ уже во власти Аттилы. Получивъ все, чтò можно было добыть подъ этимъ первымъ предлогомъ, варварскій король началъ придумывать каждый день новые; то контрибуція уплачивалась ему не въ срокъ, то римское правительство невѣрно выдавало ему перебѣжчиковъ, и въ подкрѣпленіе каждаго требованія Аттила жегъ округи Мизіи. Ратіарія, большой населенный городъ былъ взятъ приступомъ, Сингидонъ — разрушенъ; потомъ Гуны переправились черезъ Саву, и взяли Сирміумъ, древнюю столицу Панноніи; послѣ того, возвратясь къ Ѳракіи, проникли до Наиссы, въ пятидневномъ разстояніи отъ Дуная. Городъ этотъ, родина Константина, былъ совершенно разрушенъ; Сардика—разграбленъ и превращенъ въ пепелъ.

Домашнія непріятныя обстоятельства Аттилы вынудили его оставить Римлянъ на нѣсколько лѣтъ въ покоѣ; это время было для Гуновъ только отдохновеніемъ, и въ 446 году они снова принялись за опустошенія. Походы, какъ этого, такъ и слѣдующаго годовъ ознаменовались разрушеніемъ семидесяти городовъ; Гуны прошли Ѳессалію до Ѳермопилъ, и уничтожили одну за другой двѣ римскія арміи. Ѳеодосій, утомленный противоборствомъ, предложилъ миръ,

который и былъ заключенъ съ условіемъ выдать немедленно Аттилѣ шесть тысячъ фунтовъ золота, въ вознагражденіе военныхъ убытковъ, потомъ каждогодно платить ему по двѣ тысячи фунтовъ, и всѣмъ Гунамъ безъ исключенія запретить входъ въ римскія владѣнія.

Тутъ представился трудный вопросъ, какимъ образомъ уплатить обѣщанныя суммы, когда въ императорской казнѣ не было денегъ. Өеодосій хорошо зналъ это; Аттила также. Послѣдній отправилъ въ Константинополь особеннаго посла, для настоянія за скорѣйшимъ сборомъ податей, изъ которыхъ должно было произвести ему уплату.—Для этого порученія Аттила избралъ Скотту, брата своего перваго министра. Ничто не могло быть унизительнѣе для Өеодосія. Такъ какъ уплата Аттилѣ контрибуціи не терпѣла отлагательства, византійскій дворъ прибѣгнулъ къ самому удобному и скорому способу взиманія, обративъ эту подать единственно на богатыхъ, начиная съ сенаторовъ; но какъ многіе изъ богатыхъ людей разорились посреди тогдашнихъ бѣдствій, а сборщики податей исполняли свое дѣло со всею строгостью, то высшими классами общества овладѣло отчаяніе: жёны продавали свои уборы, отцы движимость домовъ,—многіе, истощивъ всѣ средства, вѣшались или морили себя голодомъ. Горесть и стыдъ, доведенные до послѣдняго предѣла, вмѣсто того, чтобы пробудить въ правительствѣ энергію, вовсе ее уничтожили. Могущество Аттилы, его геній, его адскій умъ, производили на Өеодосія такое чародѣйственное вліяніе, что въ минуту опасности отнимали у него всякую способность дѣйствовать. Онъ только проклиналъ варвара и призывалъ на него погибель, не смѣя рѣшиться на послѣднее усиліе, чтобы приготовить ее.

Два событія, одно счастливое, другое несчастное, увеличили бѣдственное расположеніе умовъ. Двадцать пятаго іюля 450 года умеръ Өеодосій отъ паденія съ лошади, а три мѣсяца спустя очередь дошла до Плацидіи, которая продолжала управлять западною имперіею вмѣсто сына своего Валентиніана, имѣвшаго тогда тридцать одинъ годъ. Смерть Өеодосія и за нею казнь Хризанфія были большимъ благомъ для Востока; но смерть Плацидіи, освободивъ Валентиніана отъ власти родительской, навлекла на Западъ неотстранимыя бѣдствія. Аттила, слѣдуя своему обыкновенію употреблять прежде оружія политику, хотѣлъ испытать новыхъ государей, и на-

чалъ съ восточнаго. Онъ потребовалъ уплаты контрибуціи, обѣщанной Θеодосіемъ; но новый императоръ, по имени Марціанъ, старый иллирійскій воинъ, изъ энергической породы Пробовъ и Клодовъ, отвѣчалъ, что у него есть золото для друзей и желѣзо для враговъ. Этотъ отвѣтъ, подтвержденный наборомъ войска и сильными мѣрами защищенія, мгновенно остановилъ Аттиллу; тогда онъ обратилъ взоры на Западъ.

Тутъ онъ могъ употребить въ дѣло страшное средство, которое хранилъ пятнадцать лѣтъ, выжидая терпѣливо случая, чтобы пустить его въ ходъ; онъ думалъ, что со смертью Плацидіи случай этотъ представился. Дѣйствительно, пятнадцать или шестнадцать лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ родная сестра Валентиніана-Третьяго, дочь Плацидіи и внука Великаго-Θеодосія, Гонорія, въ порывѣ ли романтизма, или изъ мщенія своему семейству, которое запрещало ей вступать въ замужество, послала къ сыну Мундзука, въ то время только что взошедшему на гунскій престолъ, обручальное кольцо.—Аттила, какъ всѣ сыны Востока, любилъ только женщинъ скромныхъ: онъ оставилъ, какъ мы видѣли выше, предложеніе Гоноріи безъ отвѣту, но удержалъ у себя ея кольцо Проходили годы, и ни разу, несмотря на частыя сношенія съ западною имперіею, король гунскій, казалось, не вспомнилъ, что у него была тамъ невѣста,—ни разу не объявилъ онъ ни малѣйшаго притязанія на Гонорію или на ея приданое;—какъ вдругъ Валентиніанъ получаетъ отъ него посланіе, въ которомъ онъ требуетъ ту и другое. Аттила писалъ, что къ большому удивленію его, онъ узналъ, что невѣста его Гонорія изъ-за него терпитъ самыя ужасныя притѣсненія, и даже заключена въ темницу. Не находя выборъ ея унизительнымъ для императора, онъ требовалъ сначала освобожденія Гоноріи, потомъ выдѣла части, приходившейся ему изъ наслѣдства отца Валентиніана. Часть эта, по мнѣнію Аттилы, заключалась въ собственномъ имѣніи послѣдняго Августа Констанція и составляла половину западной имперіи. Валентиніанъ отвѣчалъ, что сестра его уже замужемъ, и по этому не можетъ быть вопроса о женитьбѣ, что еслибы сестра его и была свободна, то и въ этомъ случаѣ она не имѣла бы никакого права на часть въ наслѣдствѣ имперіи, по той причинѣ, что у Римлянъ женщины не царствуютъ и что имперія не утверждается по законамъ фамильнаго родоваго имѣнія. Аттила, не признавая никакихъ доводовъ,

настаивалъ въ своихъ требованіяхъ, и въ доказательство своей правоты, послалъ въ Равенну кольцо, полученное отъ Гонорія. Въ самую жаркую минуту этихъ преній, Аттила вдругъ прерываетъ ихъ и дѣлаетъ видъ, будто ихъ вовсе забылъ; онъ выказываетъ Валентиніану самое искреннее расположеніе. «По завѣренію его, императоръ не могъ имѣть лучшаго друга, а имперія болѣе преданнаго слуги, какъ онъ; оружіе свое, свое могущество онъ предоставляетъ къ услугамъ Римлянъ, и ждетъ только случая, чтобы доказать это на дѣлѣ» Такая внезапная горячность дружбы Аттилы ужаснула равенскій дворъ не менѣе его послѣднихъ порывовъ гнѣва; ясно было, что эта новая, со стороны Аттилы, политика скрывала новую опасность.

Въ это время Карѳагенъ и Африка находились подъ владычествомъ Генсерика, короля вандальскаго, имѣвшаго по дурной наружности и генію сходство съ королемъ гунскимъ. Что Аттила выполнилъ съ такою быстротою и счастіемъ надъ варварами остальной Европы, тоже самое задумалъ сдѣлать Генсерикъ съ варварами, расположенными въ римской имперіи, то есть вознамѣрился соединить ихъ въ одну массу, которая бы подчинялась одной политической дисциплинѣ, исповѣдывала одну вѣру, и была бы всегда готова поддерживать, за что бы и гдѣ бы ни случилось, знамя варварское противъ знамени римскаго. Для достиженія этой цѣли, онъ женилъ сына своего Гунерика на дочери Ѳеодорика, короля вестготскаго; но видя, что этотъ бракъ не принесъ ожидаемой пользы, онъ возненавидѣлъ свою невѣстку: въ одинъ день, по пустому подозрѣнію, будто бы она хотѣла его отравить, онъ приказалъ вырѣзать ей ноздри и такимъ-образомъ обезображенную отправилъ въ Галлію. Размысливъ потомъ о послѣдствіяхъ, какія могло имѣть подобное оскорбленіе, и не сомнѣваясь, что Ѳеодорикъ, въ отмщеніе, соединится противъ него съ Римлянами, онъ сталъ искать союза съ Аттилой. Богатые подарки пріобрѣли ему расположеніе Аттилы. — Подобно двумъ ловцамъ, приготовляющимся къ нападенію на одну и ту же добычу, они сговорились напасть на римскую имперію въ одно время съ сѣвера и юга. Генсерикъ, безъ сомнѣнія, помышлялъ уже въ эту пору о той высадкѣ въ Италію, которую сдѣлалъ четыре года позже. Аттила принялся за Вестготовъ и Галлію.

Не однѣ изъясненныя причины заставляли гунскаго короля начать войну съ южныхъ провинцій Рейна; были еще другія. Въ 446 или

447 годахъ умеръ начальникъ одного изъ главныхъ племенъ франкскихъ, поселившихся на правомъ берегу Рейна, въ странѣ, орошаемой Неккеромъ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, которые начали споръ о наслѣдствѣ, и раздѣлили между собою народъ. Старшій изъ нихъ просилъ содѣйствія Аттилы, другой покровительства Римлянъ. Аэцій, слѣдуя тогдашнему военному обычаю, въ которомъ уже въ V вѣкѣ проявлялись признаки зарождавшагося рыцарства, принялъ его какъ сына, потомъ, осыпаннаго подарками, отправилъ въ Римъ къ императору, для заключенія союзнаго договора. Тамъ-то видѣлъ его Прискъ. «Щеки его, говоритъ онъ, еще не были покрыты пухомъ; но свѣтлорусые волосы уже густо падали на плечи». Аэцій, безъ труда утвердилъ своего любимца на престолѣ неккерскихъ Франковъ; но изгнанный братъ не переставалъ раздражать честолюбіе Аттилы, въ успѣхѣ котораго заключался его собственный интересъ. Итакъ все побуждало короля гунскаго направить походъ въ Галлію: и увѣщанія Генсерика, и настоянія долговолосаго князя, который долженъ былъ способствовать его переходу черезъ Рейнъ. Эти-то замыслы Аттилы заставили его забыть въ другой разъ о невѣстѣ, и, какъ мы видѣли выше, перемѣнить образъ дѣйствія съ императоромъ Валентиніаномъ, который боялся разгадать тому причину.

Скоро однако жъ онъ узналъ ее. Аттила, черезъ новаго посланнаго, извѣстилъ Валентиніана, что онъ въ ссорѣ съ Вестготами, и просилъ его въ нее не вмѣшиваться. «Вестготы, говорилъ онъ, подданные, непризнающіе надъ собой власти Гуновъ, которымъ они принадлежатъ по праву. Впрочемъ, не были ли они также опасными врагами для имперіи? Производя грабежи на Востокѣ и Западѣ, выполнили ли они въ точности свои обязательства въ мѣстахъ расположенія, предоставленныхъ имъ щедростью Римлянъ? Напротивъ, они постоянно враждовали съ ними, и Аттила рѣшился наказать ихъ за себя и за Римлянъ.» Напрасно Валентиніанъ старался объяснить ему, что онъ никогда не думалъ быть въ ссорѣ съ Вестготами, что еслибы это и случилось, онъ съумѣлъ бы самъ отмстить имъ; что напасть на Вестготовъ, живущихъ въ Галліи, подъ защитою римскаго гостепріимства, значитъ напасть на имперію, и что Аттила не можетъ достигнуть до нихъ, не разстроивъ въ конецъ провинцій государя, слугою котораго онъ себя называлъ. Но король гунскій хотѣлъ поставить на своемъ, и объявивъ выступленіе въ походъ, въ то же время

старался всякаго рода лестью усыпить бдительность Валентиніана, а Θеодорика просилъ вовсе объ этомъ не безпокоиться, тѣмъ болѣе, что онъ вступаетъ въ Галлію съ намѣреніемъ разрушить иго Римлянъ, и раздѣлить съ нимъ государство. Казалось, мысль Аттилы была занята только Вестготами, на самомъ же дѣлѣ видно было, что настоящая цѣль его — вторженіе въ Галлію. Самъ Аэцій, не довѣряя объясненіямъ Аттилы, не рѣшался оставить Италію.

Чтобы достигнуть береговъ Рейна въ первыхъ числахъ марта, Аттила долженъ былъ выступить въ походъ въ началѣ января. Онъ раздѣлилъ свою армію на два корпуса: одинъ двинулся по правой сторонѣ Дуная, разрушая все, что попадалось ему на пути; другой, направившись по лѣвой, присоединилъ по дорогѣ остальныхъ Квадовъ и Маркомановъ, обитавшихъ западныя части Карпатскихъ горъ, и Свевовъ Черной-горы. Обѣ колонны, соединившись близъ истока Дуная, остановились невдалекѣ отъ пространныхъ лѣсовъ, которые могли доставить имъ необходимыя средства къ переправѣ въ Галлію. Съ приближеніемъ Аттилы, береговые Франки неккарскіе стали подъ знамена гунскія. Племена Турингіи сдѣлали тоже; самые Бургундцы за-рейнскіе, забывъ прежнюю вражду, стали воинами Аттилы. Гунская армія, набирая такимъ-образомъ новыхъ союзниковъ, въ то же время дѣлала приготовленія къ переправѣ черезъ Рейнъ. Древній Герцинскій лѣсъ, зрѣвшій нѣкогда Цезаря и Юліана, превратился въ верфь Аттилы; столѣтніе дубы и ивы падали тысячами подъ топорами, и обращенные въ грубыя барки, соединили на разныхъ пунктахъ оба берега посредствомъ подвижныхъ мостовъ. Самый восточный отрядъ переправился черезъ Рейнъ у Аугста, метрополіи Рораковъ, и двинулся по этапной дорогѣ легіоновъ, между рѣкою и подошвою Вогезскихъ горъ. Аттила, сколько можно заключить изъ его маршрута, выбралъ обыкновенное мѣсто переправы римскихъ войскъ, немного ниже впаденія Мозеля; потомъ, слѣдуя съ своими войсками по плотинѣ, которая вела съ пристани въ Триръ, онъ расположился въ древней метрополіи Галловъ, посреди ужаснаго грабежа.

Несмотря на такое начало, Аттила, придерживаясь составленному плану, разгласилъ по всей Галліи, что вступаетъ въ нее другомъ Римлянъ и съ единственною цѣлью наказать Вестготовъ, его бѣглыхъ подданныхъ и враговъ Рима, и что по этому Галлы обязаны при-

нать съ честью ихъ освободителя и одного изъ полководцевъ ихъ имперіи.

Такое благосклонное привѣтствіе вполнѣ согласовалось съ его прокламаціями. Страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное представлялось зрѣлище, когда этотъ Калмыкъ, выдававшій себя за римскаго полководца, сидя на скамьѣ, принималъ жителей городовъ, и въ привѣтственной рѣчи, на ломанномъ латинскомъ языкѣ, убѣждалъ отворить ему ворота. Нѣкоторые города это сдѣлали, другіе пытались сопротивляться: участь ихъ была одинакова. Слабые римскіе гарнизоны, будучи не въ состояніи выдержать нападеній, укрывались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, или мало-по-малу отступали до Лоары, которая сдѣлалась общимъ сборнымъ пунктомъ. Изъ всѣхъ союзныхъ варваровъ одни только Бургундцы отважились дать сраженіе. Когда восточный отрядъ Гуновъ перешелъ границу Гельвеціи, съ цѣлію направиться по дорогѣ къ Стразбургу, Бургундцы, предводимые королемъ своимъ Гондикеромъ, напали на него, но были разбиты и обращены въ бѣгство; другіе союзники, не имѣя ни вождя, ни инструкцій, послѣдовали примѣру римскихъ гарнизоновъ. Первые стали искать убѣжища Франки-Рипуаріи. Франки-Салическіе рѣшились невдругъ; но потомъ, видя, что всякое сопротивленіе безполезно, сдѣлали тоже. Ихъ отступленіе, прерываемое стычками съ Гунами, походило на бѣгство. Ихъ король, юный Хильдерикъ, сынъ Меровинга или Меровея, схваченъ былъ, вмѣстѣ съ матерью, гунскими всадниками, но молодой Франкъ, по имени Віомадъ, съ опасностью жизни спасъ ихъ отъ погибели.

Восточный отрядъ, послѣ разбитія Бургундцевъ Гондикера, разрушилъ до основанія города: Аугстъ, Виндониссу и Аргентуарію, изъ остатковъ которыхъ возникли впослѣдствіи: Базель, Виндичъ и Кольмаръ; этотъ передовой отрядъ проникъ далѣе до Безансона. Стразбургъ, Шпейръ, Вормсъ, Майнцъ, одинъ послѣ другаго пали въ руки Гуновъ. Таже участь постигла Тонгръ * и Аррасъ, которыми овладѣло правое крыло Аттилы. Хотя Аттила смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на продолженіе опустошеній, которыя служили разсѣяніемъ для его войска, и замедляли осуществленіе задуманнаго имъ плана, но онъ

* Тонгръ или Аутватука получилъ свое названіе отъ германскаго племени, въ немъ обитавшаго.

принужденъ былъ переносить это, или по необходимости, чтобы тѣмъ дать пропитаніе арміи, или по разсчету, чтобы ее одушевлять. Самъ же онъ, по отъѣздѣ изъ Трира, осадилъ Мецъ, не желая оставить позади себя укрѣпленнаго города, господствовавшаго надъ главными дорогами Галліи, которыя служили путями сообщенія сѣвера съ югомъ и Трира и Стразбурга съ архіепископскимъ городомъ Арлемъ, мѣстопребываніемъ префектовъ преторіи. Однакожъ, не имѣя нужныхъ для осады машинъ и неопытный въ этаго рода дѣлѣ, онъ принужденъ былъ снять осаду. Онъ находился уже за двадцать одну милю отъ Меца, и занимался разрушеніемъ Скорпонскаго замка, когда пришла вѣсть, что одна часть городскихъ стѣнъ внезапно обрушилась. Вскочить на лошадь, проскакать до Меца и броситься на проломъ, было для Гуновъ дѣломъ нѣсколькихъ часовъ. Они прибыли туда въ глубокую ночь, накапунѣ св. Пасхи, которая приходилась въ тотъ годъ восьмаго апрѣля. Жители погибали подъ мечемъ или въ пламени домовъ, превращенныхъ въ пепелъ; говорятъ, что уцѣлѣла только одна часовня во имя св. Стефана, перваго мученика и архідіакона.

Вся Галлія, и особенно бельгійскія провинціи, были въ ужасѣ. Всѣ бѣжали или готовились къ бѣгству передъ этою бурею народовъ, которой предшествовали пожары, и за которой слѣдовалъ голодъ. Каждый спѣшилъ скрыть свои запасы, свое золото, свое имущество; жители маленькихъ городовъ искали убѣжища въ большихъ, но и тамъ также были не въ безопасности; жители равнинъ бѣжали въ горы; лѣса наполнились поселянами, отнимавшими у хищныхъ звѣрей ихъ логовища; прибрежные жители моря и рѣкъ, спустивъ на воду судна, готовы были перевезти свои семейства и имущества въ болѣе безопасное мѣсто Тому же примѣру послѣдовали граждане маленькаго города Лютеціи. Лютеція или Parisii, Парижъ, получившій свое названіе, по тогдашнему обычаю, отъ имени своихъ обитателей, и бывшій во времена Юлія Цезаря самымъ незначительнымъ мѣстечкомъ, съ царствованія Констанція-Хлора сдѣлался довольно важнымъ городомъ. Населявшіе его судовщики, славившіеся со временъ Тиберія, умѣли бы, при другихъ обстоятельствахъ, заставить уважать ихъ городъ, защищенный глубокимъ русломъ рѣки и высокою стѣною, прикрытою башнями; но паническій страхъ, который распространялъ повсюду Аттила, обезоруживалъ самыхъ смѣлыхъ, и народъ видѣлъ од-

но лишь спасеніе — бѣгство. Парижане собрали совѣтъ, и рѣшили не дожидаться непріятеля. Все приготовлялось къ всеобщему переселенію; судна спущены были уже на воду. На площадяхъ собрана была всякая домашняя утварь, дома опустѣли, дѣти и женщины со слезами прощались съ своими жилищами. Нашлась женщина, которая рѣшилась остановить это переселеніе.

Ее звали Женовефа, но мы назовемъ ее Женевьевою. Несмотря на это имя, чисто германское, она была Галло-Римлянка. Ея отецъ Северъ и мать Геронція были люди довольно зажиточные, и жили, при рожденіи ея въ мѣстечкѣ Неметодурумъ, въ трехъ лье отъ Парижа. Хотя народное преданіе и говоритъ, что въ дѣтствѣ Женевьева пасла овецъ, но за всѣмъ тѣмъ дочь Севèра, отъ природы слабая и кроткая, любила болѣе всего тишину, и считала за величайшее удовольствіе, когда могла запираться въ комнатѣ своей матери для молитвы, или если ей удавалось приходить въ церковь. Ея склонность къ безмолвію и одиночеству удаляла ее отъ другихъ дѣтей, въ игры которыхъ она никогда не вмѣшивалась. Будучи семи лѣтъ, она дала обѣтъ посвятить себя Богу, какъ скоро войдетъ въ возрастъ, и не взирая на увѣщанія родителей, которымъ это намѣреніе не нравилось, она осталась непоколебимою. Около этого же времени, то есть въ 429 году, посѣтили Пантеръ двѣ знаменитыя особы, Жерменъ — епископъ оксерскій, и Лу, епископъ тройскій, славившіеся своею ученостью и которыхъ галльское духовенство отправило въ Британію, для опроверженія ереси Пелагія. Оба миссіонера, по просьбѣ сельскихъ жителей, обѣщались переночевать въ ихъ деревнѣ. Это было радостью для Пантера, и въ назначенный день, мужчины, женщины, дѣти, одѣтыя по праздничному, вышли на дорогу ожидать своихъ гостей, и потомъ сопровождать ихъ въ церковь. Жерменъ, посреди тѣснившейся около него толпы, замѣтилъ дѣвочку, въ глазахъ которой блисталъ какой-то сверхъестественный огонь; онъ подозвалъ ее, поднялъ на руки и спросилъ, кто она. То была Женевьева. Пораженный ея кроткими и опредѣлительными отвѣтами и увѣренностью ея взгляда, старецъ, задумался; потомъ, обратясь къ родителямъ, сказалъ: не препятствуйте ей, если я не ошибаюсь, ребенокъ этотъ будетъ великъ предъ Господомъ. Въ слѣдующее утро онъ рѣшился рукоположить ее. Съ этой минуты стремленіе Женевьевы стало еще непреодолимѣе,

поведеніе ея серьознѣе; она возлюбила уединеніе еще больше, оставляла церковь только для посѣщенія бѣдныхъ; въ такомъ возрастѣ, когда о серьозныхъ занятіяхъ еще не думаютъ, она проводила жизнь въ молитвѣ и попеченіи о больныхъ. Достигнувъ пятнадцати лѣтъ, она пришла къ епископу шартрскому Юліану, который возложилъ на нее покрывало дѣвственницы, и вскорѣ послѣ смерти родителей, она удалилась къ своей крестной матери, которая жила въ Парижѣ.

Тогда-то Женевьева вполнѣ посвятила себя уединенію и посту. Говорятъ, что она подлѣ своей постели велѣла положить слой глины и спала на ней. Вся ея пища состояла изъ ржанаго хлѣба и воды, и только по приказанію епископа она стала употреблять рыбу и молоко. Однажды впродолженіе трехъ сутокъ она оставалась какъ бы мертвою, и уже готовились ее хоронить, но вдругъ она открыла глаза, и разсказывала, съ чудесными подробностями, «какъ душа ея перенесена была въ жилище праведныхъ.» Съ этого времени упрочилась слава ея; имя ее переходило изъ устъ въ уста; разсказы о ея дѣлахъ и рѣчахъ разносились изъ области въ область, съ запада на востокъ, изъ римскихъ церквей въ варварскія; восторженныя описанія ея жизни читались вездѣ съ жадностью.

Когда заговорили о скоромъ прибытіи Аттилы, въ особенности же тогда, когда начались опустошенія войны, Женевьева, казалось, отложила всякую другую мысль. Раздѣляя съ благочестивыми людьми своего вѣка глубокое убѣжденіе, что все въ мірѣ происходитъ по предначертанію Божію, и что потому раскаяніе и молитва, смягчая гнѣвъ небесный, могутъ отвратить угрожающія несчастія и бѣдствія, она молилась днемъ и ночью, призывая со слезами на отечество прощеніе Божіе. Въ видѣніи ей было открыто, что Парижъ, если раскается, будетъ пощаженъ, и Аттила не приблизится къ его стѣнамъ. По этому она стала склонять жителей города къ покаянію, приказывая имъ оставить всякія приготовленія къ выселенію; но мужчины отвѣчали ей грубостью и посмѣяніями. Не имѣя успѣха съ ними, она рѣшилась обратиться къ женщинамъ.

Собравъ ихъ вокругъ себя и указывая имъ на дома, уже опустѣлые, и улицы безлюдныя, она говорила имъ: Жены малодушныя, вы оставляете кровы, подъ которыми вы зачаты и вскормлены, гдѣ родились ваши дѣти, какъ-будто для спасенія себя и мужей вашихъ отъ меча нѣтъ другаго средства, кромѣ бѣгства. Зачѣмъ не обрати-

тесь вы къ Богу, и не вооружитесь постомъ и молитвою, какъ Эсфирь и Юдифь? Я вамъ предсказываю, во имя Всевышняго, что вашъ городъ будетъ пощаженъ, если такъ поступите, между-тѣмъ какъ мѣста, гдѣ вы думаете найти безопасность, достанутся въ руки непріятеля, и въ нихъ не останется камня на камнѣ». Ея вдохновенныя слова, движенія, взглядъ тронули всѣхъ этихъ женщинъ, и онѣ молча послѣдовали за нею. На восточной оконечности острова Лютецін, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышаются нынѣ базилики Божьей Матери, стояла церковь во имя первомученика св. Стефана. Сюда Женевьева привела толпу женщинъ, и войдя въ крестильный придѣлъ, всѣ стали молиться. Мужья, изумленные продолжительнымъ отсутствіемъ женъ, также пришли въ церковь, и найдя двери крестильнаго придѣла запертыми, спросили, что̀ это значитъ; жены ихъ внутри отвѣчали, что онѣ не хотятъ уже оставлять Парижа. Этотъ отвѣтъ вывелъ мужей изъ себя. Они составили совѣтъ, и начали разсуждать, какой казни приговорить Женевьеву, которая пришла искушать ихъ въ черные дни. Одни хотѣли побить ее каменьями у дверей церковныхъ, другіе бросить въ Сену. Они продолжали шумно спорить, какъ вдругъ случай послалъ имъ одного изъ оксерскихъ духовныхъ, который бѣжалъ отъ приближенія варваровъ, вѣроятно, на низовья Сены, надѣясь найти тамъ убѣжище. То былъ діаконъ, приносившій нѣсколько разъ Женевьевѣ благословенныя вещи отъ св. Жермена. Онъ сталъ убѣждать Парижанъ послѣдовать совѣту Женевьевы, въ которомъ видѣлъ перстъ Божій. Парижане послушались и остались. Видѣніе Женевьевы оправдалось. Орды Аттилы, собранныя между Сомою и Марною, не приближались къ Парижу, и этотъ городъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ мужественному упорству бѣдной и простой дѣвушки.

Король Гуновъ не имѣлъ намѣренія предать Галлію всеобщему разграбленію, по-крайней-мѣрѣ въ эту минуту. Аттила старался какъ можно меньше довѣряться случаю, и любилъ застигать непріятеля въ расплохъ; онъ говорилъ, что нападеніе принадлежитъ храбрѣйшему, при томъ же дѣйствія внезапныя и быстрыя соотвѣтствовали характеру его войска. Планъ, принятый имъ съ перваго дня, состоялъ въ томъ, чтобы идти на югъ Галліи, и тѣмъ вызвать Вестготовъ изъ мѣстъ ихъ расположенія, или разгромить ихъ тамъ же до прибытія римскихъ войскъ, которыя, какъ онъ зналъ, находились еще въ Ита-

ліи. Разбивъ Вестготовъ, онъ долженъ былъ устремиться на Аэція, и аттаковать его при проходѣ черезъ Альпы. Бургундцевъ и Франковъ онъ не боялся: первыхъ онъ уже билъ, и видѣлъ бѣгство последнихъ. Имѣя обыкновеніе собирать подробныя свѣдѣнія о странахъ, въ которыя переносилъ войну, онъ избралъ дорогу, которая шла изъ Меца черезъ Реймсъ, Троа, и надѣялся даже овладѣть безъ боя лежащимъ на пути Орлеаномъ, при содѣйствіи Сангибана, начальника или короля Аллановъ, которые стояли въ Солоньи и должны были прикрывать переправы черезъ Лоару. Стянувъ оба крыла арміи, онъ сосредоточилъ ее въ этомъ направленіи, и начиная съ Реймса, грабежи прекратились. Какъ бы ни торопился Аттила, армія, затрудненная въ походѣ повозками, не могла сдѣлать менѣе чѣмъ въ двадцать сутокъ триста тридцать миль (четыреста пятьдесятъ верстъ), отдѣлявшихъ Мецъ отъ Орлеана, по оффиціальнымъ дорожникамъ. По этому, отправясь изъ Меца девятаго или десятаго апрѣля, онъ могъ достигнуть Орлеана только въ первыхъ числахъ мая.

Лоара, протекая протяженіе въ сто восемдесятъ льё, образуетъ между сѣверомъ и югомъ Галліи широкій полу-круглый ровъ, расположенный природою въ двухъ различныхъ климатахъ, и отдѣлявшій, какъ тогда, такъ и теперь два народа, отличные между собою по происхожденію и политическимъ интересамъ. Орлеанъ, лежащій на верхней оконечности изгиба и вала этого большаго рва, игралъ важную роль во всѣ эпохи этой исторіи, или какъ пунктъ стратегическій, или какъ центръ торговли. Большая башня, возвышавшаяся на юговосточной оконечности, служила главою мосту, перекинутому на лѣвый берегъ Лоары, по направленію къ Буржу (Bourges); другія же огромнаго размѣра сооруженія, остатки которыхъ и теперь еще существуютъ, прикрывали восточныя ворота города, пунктъ соединенія дорогъ въ Неверъ и Сансъ.

При малѣйшемъ слухѣ о войнѣ, жители Орлеана, охранявшіе этотъ важный пунктъ, приходили въ безпокойство, и когда въ этотъ періодъ упадка римскаго правительства, часто имъ встрѣчалась надобность въ вождяхъ и въ воинахъ, они слушались только своихъ собственныхъ внушеній. Узнавъ о походѣ и прокламаціяхъ Аттилы, цѣлію котораго, казалось, было только усмиреніе Вестготовъ, Орлеанцы чувствовали, что эта гроза прежде всего должна разразиться надъ ними. По этому они спѣшили сперва укрѣпить стѣны, запастись обо-

ронительными орудіями, съѣстными припасами и военными снарядами; потомъ стали слѣдить за поведеніемъ варваровъ, которымъ ввѣрено было ихъ охраненіе: тутъ они заподозрѣли Сангибана въ измѣнѣ, и когда король алланскій явился для содержанія въ городѣ гарнизона, Орлеанцы заперли ему ворота, и въ то же время отправили на югъ своего епископа Аньяна, объявить о ихъ положеніи префекту преторіи Тонанцію Ферхолу, или даже самому Аэцію, если онъ возвратился уже изъ Италіи. Порученіе, возложенное на Аньяна, заключалось въ томъ, чтобы онъ узналъ достовѣрно, на какую именно помощь могъ разсчитывать Орлеанъ, и сообщилъ римскимъ военачальникамъ, сколько времени можетъ держаться городъ безъ сторонней помощи, такъ какъ Орлеанъ принужденъ былъ отвергнуть Алланов, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ.

Аньянъ принадлежалъ къ тому героическому разряду епископовъ, которыхъ произвелъ V вѣкъ, и которые, будучи мужами учеными и благочестивыми, хорошими совѣтниками, людьми на все способными, становились, въ критическія минуты общественной опасности, законными судьями своихъ городовъ. Аньянъ, прибывъ въ городъ Арль, мѣстопребываніе высшихъ римскихъ сановниковъ, увидѣлъ вокругъ императорскаго дворца ликторовъ и стражей; изъ этого онъ заключилъ, что патрицій - генералиссимусъ былъ тутъ: и точно, нѣсколько дней передъ тѣмъ Аэцій возвратился изъ Италіи. Аэцій, при имени епископа орлеанскаго, который желалъ говорить съ нимъ немедленно, прошелъ черезъ первую комнату, наполненную военачальниками, судьями и епископами, ожидавшими аудіенціи, встрѣтилъ старца у дверей, и долго говорилъ съ нимъ наединѣ, о положеніи города и римской арміи. Епископъ настоятельно просилъ о скорой помощи: «Сынъ мой, сказалъ онъ таинственно Аэцію, объявляю тебѣ, если въ восьмой день до календъ іюльскихъ (14 число іюня) ты не придешь къ намъ на помощь, лютый звѣрь пожретъ мое стадо». Аэцій обѣщалъ быть въ Орлеанѣ въ назначенный день, и епископъ въ ту же минуту отправился въ обратный путь. Едва успѣлъ онъ войти въ Орлеанъ, какъ Аттила осадилъ городъ.

Продолжительное замедленіе со стороны Аэція, столь вредное для Галліи, было также плодомъ политики Аттилы. До-тѣхъ-поръ, пока опасались, что походъ, предпринятый Аттилой, и объявленіе войны Вестготамъ были только одними предлогами, и скрывали намѣреніе

напасть въ расплохъ на Италію, Валентиніанъ удерживалъ въ южной части Альповъ и римскіе легіоны, и полководца, который одинъ стоилъ цѣлой арміи; даже и въ то время, когда получено было вѣрное извѣстіе о переходѣ Гуновъ черезъ Рейнъ, императоръ хотѣлъ оставить при себѣ бо́льшую часть своего войска. Такимъ-образомъ Аэцій отправился къ Орлеану только съ горстью людей, разсчитывая на войско, которое могла выставить ему Трансальпинія, и составленное главнѣйше изъ варварскихъ союзниковъ; но онъ сильно разочаровался, когда увидѣлъ положеніе дѣлъ вблизи: Бургундцы были разбиты и уничтожены, Алланы измѣнили, а Вестготы, болѣе, нежели когда-нибудь, не хотѣли выйти изъ своихъ мѣстъ расположенія. Никакіе доводы, никакія убѣжденія, никакія мольбы не могли поколебать упорства Ѳеодорика. Напрасно объяснялъ ему Аэцій, что какія бы ни были послѣдствія, вся вина падетъ на него и на его народъ. «Если Римляне будутъ побѣждены, говорилъ онъ, торжествующій Аттила устремится на васъ, и вы, въ свою очередь, оставленные другою частію Галліи, не въ силахъ будете ему сопротивляться; если же, напротивъ, при содѣйствіи другихъ союзниковъ, останутся побѣдителями Римляне, вся честь будетъ принадлежать послѣднимъ и отсутствіе Вестготовъ будетъ приписано не благоразумію, а низости.» Ѳеодорикъ на эти доводы отвѣчалъ: «Какъ Римляне умѣли, будто изъ удовольствія, накликнуть на себя и на насъ бѣдствія, намъ угрожающія, то пусть раздѣлываются какъ знаютъ.»

Не смотря на это, одно присутствіе Аэція какою-то магическою силой пробудило въ южныхъ провинціяхъ Галліи довѣрчивость и отважность. Благородные Галлы вооружали своихъ кліентовъ, поселяне требовали оружія. Маленькая Арморическая республика, несмотря на независимость свою отъ римскаго правительства, показала при этомъ, что сердце ея оставалось римскимъ: она отправила въ лагерь Аэція своихъ воиновъ съ національнымъ знаменемъ и подъ предводительствомъ короля Бретонца. Этому примѣру послѣдовали Франки-Рипуаріи; къ нимъ присоединились и пылкій отваги Меровей съ своими Франками Салическими и Гондикеръ съ своими Бургундцами, горѣвшими нетерпѣніемъ искупить понесенное ими пораженіе. Возлѣ нихъ замѣчали малочисленный народъ, обитавшій Альпы, Бреоновъ или Бренновъ, которыхъ присоединилъ къ себѣ Аэцій во-время похода, и привелъ въ Галлію Когда же явился съ своею ордою Сангибанъ,

Аэцій не показалъ виду, что ему извѣстна его измѣна; онъ думалъ, что огласка можетъ побудить Сангибана на что-нибудь рѣшительное, а примѣръ его поколебать вѣрность другихъ варваровъ; но за всѣмъ тѣмъ Аэцій не переставалъ тщательно слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ короля Алановъ. Таковъ-то былъ составъ войска Аэція, увеличившійся еще отрядами варварскихъ Колоновъ или Летъ, которые стекались со всѣхъ концовъ провинціи, гдѣ сообщенія съ южными провинціями Лоары были еще свободны. Аэцій, видя всеобщее воодушевленіе, самъ былъ проникнутъ довѣрчивостью, которую внушалъ другимъ; его безпокоило только отсутствіе Вестготовъ. Столь же настойчивый, сколько они были упорны, Аэцій, придумывая всевозможные планы, чтобы привлечь ихъ къ себѣ, остановился на одномъ, успѣхъ котораго казался ему несомнѣннымъ.

Въ Арверни, что нынѣ Овернская провинція, жилъ сенаторъ, по имени Мецилій Авитъ, происходившій изъ дворянъ цельтическихъ и римскихъ. Предки его, занимая въ западной имперіи важнѣйшія должности, оставили ему столь огромныя помѣстья, что сынъ его Экдицій, когда коснулось дѣло до освобожденія Арверни, могъ выставить цѣлое войско, составленное изъ однихъ его кліентовъ, и снабжать хлѣбомъ г. Клермонъ, который терпѣлъ голодъ. Авитъ представлялъ собою странную смѣсь изнѣженности и энергіи: отъ природы склонный къ удовольствіямъ и наукамъ, эпикуреецъ-патріотъ, онъ сначала служилъ римскому правительству и дрался съ безпримѣрнымъ мужествомъ подъ знаменами Аэція; потомъ, вступивъ на поприще гражданское, пріобрѣлъ имя счастливаго и искуснаго политика. Особенно восхваляли его ловкость, съ которою онъ умѣлъ, въ 439 году, будучи префектомъ галльской преторіи, заставить вестготскаго короля заключить съ Римлянами мирный трактатъ, въ которомъ онъ отказывалъ римскимъ военачальникамъ. По окончаніи срока каждой изъ должностей, Авитъ удалился на свою прелестную виллу въ Авитокумъ, которая была выстроена въ самомъ дикомъ, гористомъ мѣстѣ, подъ скалою, поросшею соснoю, на берегу маленькаго озера. Тутъ, окруженный книгами, литераторами и изящными женщинами провинціи, онъ предавался всякаго рода наслажденіямъ. Семейство его состояло изъ двухъ сыновей и дочери, по имени Папіаниллы.

Рѣдкія качества ума и изысканная учтивость пріобрѣли Авиту всеобщую любовь даже въ Римѣ; но нигдѣ не встрѣчалъ онъ болѣе ра-

душнаго пріема, не пользовался бо́льшимъ уваженіемъ, какъ при дворѣ вестготскомъ. Ѳеодорикъ не могъ наслушаться этого образца изящнаго вкуса, который составлялъ рѣзкую противуположность съ грубымъ обращеніемъ, непріятнымъ голосомъ и дурною латынью тулузскихъ придворныхъ вельможъ въ кожаныхъ кафтанахъ. Пріѣздъ Арверица былъ всегда для сына Аларика радостнымъ событіемъ: съ нимъ онъ совѣтовался обо всемъ, въ особенности о воспитаніи дѣтей. Къ этому-то личному вліянію Авита на умъ варварскаго короля рѣшился прибѣгнуть Аэцій; и какъ время не терпѣло отлагательства, онъ немедленно отправился въ Авитакумъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ благородныхъ Арверицевъ.

«Авитъ, утѣшеніе міра, сказалъ Аэцій, обращаясь къ нему: для тебя не нова слава видѣть Аэція, тебя умоляющаго. Варварскій народъ, который живетъ у дверей нашихъ, смотритъ только твоими глазами, слушаетъ только твоими ушами. Ты велишь ему убраться домой, и онъ уйдетъ; ты велишь ему выйти, онъ выходитъ; прикажи же ему выйти теперь. Когда ты принудилъ его къ міру, принудь его теперь къ войнѣ.» Этотъ переслащенный, по тогдашней модѣ, комплиментъ, впрочемъ, очень лестный, весьма понравился Авиту. Самая просьба такого значительнаго человѣка приносила ему въ глазахъ всѣхъ такую честь, что онъ счелъ, нѣкоторымъ образомъ, обязанностью успѣть въ порученномъ ему дѣлѣ. Онъ дѣйствительно успѣлъ, и Ѳеодорикъ уже поколебленный, отказался, ради мудрыхъ настояній друга, отъ прежнихъ своихъ мыслей. Авиту много помогло въ этомъ дѣлѣ тайное желаніе вестготскихъ начальниковъ, начинавшихъ уже стыдиться укоровъ Римлянъ и варваровъ въ малодушіи. Когда король приказалъ выступать въ походъ, радость Готовъ была всеобщая. Одинъ передъ другимъ они спѣшили явиться съ оружіемъ, стать въ ряды воиновъ. Ѳеодорикъ принялъ личное начальство надъ войскомъ и взялъ съ собою двухъ сыновей, Ѳорисмонда и Ѳеодорика, предоставивъ управленіе государствомъ четыремъ младшимъ: Фридриху, Эврику, Ротмиру и Гимерику. Прекрасенъ былъ день для Аэція и всей союзной арміи, когда, по выраженію поэта Сидонія, изъ семейства Апполинаріевъ, зятя Авита, которому мы обязаны этими подробностями, «полчища, покрытыя кожами, пошли за римскими горнистами»; съ этого дня патрицій перестал сомнѣваться въ побѣдѣ.

Всѣ эти проволочки Ѳеодорика отняли у Римлянъ драгоцѣнное время; изъ пяти недѣль, въ продолженіе которыхъ городъ Орлеанъ обѣщался держаться, бо̀льшая часть уже прошла, а между-тѣмъ оставалось совершить еще дальній путь; несмотря на то, Аэцій надѣялся прибыть прежде роковаго срока. Аттила, орды котораго окружали городъ до Лоары, велъ осаду со всею дѣятельностью, какая возможна была при неумѣніи Гуновъ обращаться съ осадными машинами; тогда какъ осажденные, имѣя большой запасъ плетней, щитовъ, балистъ, горючихъ веществъ, съ искусствомъ продолжали защищаться. Нѣсколько разъ Аттила подвигалъ къ стѣнамъ таранъ, но безъ успѣха. Тогда Гуны прибѣгли къ лукамъ, которыми они владѣли съ неподражаемою силой и вѣрностью; они непрерывно сыпали градъ стрѣлъ, опустошавшихъ городъ: всякой, кто показывался на зубцахъ, былъ поражаемъ, и осажденные потерпѣли большія потери. Въ этихъ обстоятельствахъ, чтобы ободрить воиновъ, упадавшихъ духомъ, епископъ приказалъ совершить по всему городу церковный ходъ съ мощами, но мужество осажденныхъ быстро ослабѣвало, вмѣстѣ съ силами, потому-ли, что они слишкомъ положились на себя, обѣщая держаться до 14 іюня, или потому, что не получая никакихъ вѣстей, предполагали, что остальная часть Галліи сдалась. Они обвиняли въ обманѣ епископа, посулившаго имъ мнимую помощь. Аньянъ, подкрѣпляемый вѣрою, видѣлъ въ откровеніи самого Бога, близкое освобожденіе Орлеанцевъ, и орошая слезами подножіе престола, и потомъ снова поднимаясь, кричалъ: «Бѣгите на самую высокую башню и смотрите, если уже неблизко ниспосылаемое намъ милосердіе Божіе»! Когда ему отвѣчали, что на равнинѣ невидно никакого отряда, ни малѣйшаго облака пыли, онъ принимался молиться еще горячѣе. Онъ отправилъ къ Аэцію воина, съ слѣдующимъ письмомъ: «Если, сынъ мой, ты не придешь сегодня же, послѣ будетъ уже поздно». Воинъ не возвратился. Наконецъ Аньянъ, потерявъ всякую надежду, упалъ духомъ. Сильная гроза, которая, казалось, разверзла надъ городомъ и непріятельскимъ лагеремъ хлябь небесную, принудила отложить осаду на три дни, и жители рѣшились сдаться. Веденіе переговоровъ съ Аттилой возложено было на епископа, но король гунскій, разгнѣванный этимъ, прогналъ переговорщика, который съ трепетомъ возвратился въ городъ. Ничего болѣе не оставалось, какъ положиться на добрую волю побѣдителя: осажденные то и сдѣлали.

И такъ на другой день съ разсвѣтомъ жители Орлеана сломали замки и отворили настежь ворота; это значило, что гунское войско могло входить. Сначала, чтобы имѣть полный выборъ добычи, вступили начальники, и за тѣмъ началось повсемѣстное разграбленіе. Разграбленіе это производилось съ нѣкотораго рода правильностью и порядкомъ: на разставленныя повозки накладывали все, что уносили изъ домовъ; плѣнные, собранные въ группы, доставались воинамъ по жребію. Эти занятія прерваны были внезапнымъ крикомъ, который пробудилъ въ побѣжденныхъ надежду, а побѣдителей проникнулъ ужасомъ. Причиной тому были Аэцій и Ѳорисмондъ, которые во весь прыть неслись съ римскою конницею, а позади ихъ блестѣли орлы легіоновъ и штандарты Готовъ. Первая схватка произошла у моста, на берегу и даже въ водахъ Лоары, другая въ самомъ городѣ, гдѣ плѣнные, разбивая цѣпи, помогали Римлянамъ сколько кто могъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, осыпаемые каменьями, которые бросали жители изъ домовъ, Гуны не знали что дѣлать, какъ Аттила подалъ сигналъ къ отступленію. Патрицій сдержалъ данное слово: было 14 іюня. Таковъ былъ этотъ славный день, который спасъ на западѣ образованіе отъ совершенной гибели. Церковь Орлеана долго праздновала его молебствіемъ, и поминала имена Аньяна, Аэція и Ѳоризмонда.

Аттила, видя, что обманулся въ Сангибанѣ и проклиная Аэція, думалъ только обезопасить въ эту минуту свое войско и добычу. Съ этою цѣлью онъ тихо снялъ ночью лагерь, и направившись по той самой дорогѣ, по которой пришелъ, съ разсвѣтомъ былъ уже далеко отъ города. Онъ спѣшилъ достигнуть страны, менѣе опустошенной, чѣмъ окрестности Орлеана и лежащей за Сансомъ, а также открытыхъ равнинъ, гдѣ гунская конница, въ случаѣ сраженія, могла имѣть на своей сторонѣ всѣ преимущества. На сѣверъ отъ Санса, между долинами Іокскою и Зекою, простирались на пятдесятъ льё въ длину и на тридцать пять или сорокъ въ ширину многочисленныя равнины, перерѣзанныя глубокими рѣками: все это пространство называлось въ VI вѣкѣ Campania, Шампань. На сѣверной оконечности этой страны возвышаются Арденскія горы, которыя, отдѣляя эти безцвѣтныя равнины отъ плодоносныхъ и низменныхъ равнинъ Бельгіи, образуютъ на горизонтѣ, изъ лѣсу, какъ бы стѣну, почти безобразной вышины. А выйти изъ этого мѣста и достигнуть низовья Рейна

можно было только съ сѣверо-восточной стороны, черезъ опасныя дефилеи арденскія, или съ юго-восточной, посредствомъ длиннаго перехода черезъ Вогезскія горы и Юру; эти два пути направленія пересѣкались въ то время въ Durocatalaunum, въ нынѣшнемъ Шалонѣ на Марнѣ. Аттила, пройдя эту страну, спѣшилъ занять городъ и окрестную равнину, называющуюся Champs Catalauniques, въ намѣреніи обезпечить отступленіе въ томъ случаѣ, когда сильные натиски римской арміи не позволятъ ему дать сраженія.

Легко понять, что Аттила на пути своемъ грабилъ гдѣ могъ, чтобы только добыть для войска съѣстныхъ припасовъ. Перейдя Сену и достигнувъ Троа, онъ не вошелъ въ этотъ городъ. Епископъ Лу, о которомъ мы говорили выше, выйдя къ нему навстрѣчу, просилъ пощадить нетолько жителей беззащитнаго города, какимъ былъ въ то время Троа, неимѣвшій ни воротъ, ни стѣнъ, но и сельскихъ обывателей. «Такъ и быть, отвѣчалъ гунскій король холоднымъ, насмѣшливымъ тономъ, который смѣнялъ у него вспышки гнѣва; но съ тѣмъ, что ты послѣдуешь за мною до береговъ Рейна. Въ-самомъ же дѣлѣ Аттила хотѣлъ оставить у себя, на всякій случай, заложникомъ священо-служителя, который пользовался уваженіемъ, какъ тамошнихъ жителей, такъ и всѣхъ Римлянъ. Пока Аттила переправлялся черезъ Объ у Arciaca, нынѣшній Арцисъ, арріергардъ его, составленный изъ Гепидовъ, оставался еще въ равнинѣ, орошаемой Сеною и Обью, до сліянія этихъ рѣкъ недалеко отъ Mauriacum или Мера на Сенѣ, городка, отъ котораго эта дельта получила названіе *Полей Моріакскихъ* (Champs de Mauriac). Войско Аэція догнало войско Аттилы, значительно уменьшившееся отъ голоду, болѣзней и засадъ, которыя дѣлали поселяне, и авангардъ Аэція, составленный изъ Франковъ Меровея, сшибся съ Гепидами, прикрывавшими переправу черезъ Объ. Сшибка произошла ночью; обѣ стороны, не различая другъ-друга, дрались съ остервененіемъ, и сѣкира Франка и мечъ и копье Гепида работали такъ знатно, что съ разсвѣтомъ поле сраженія покрыто было пятнадцатью тысячами убитыхъ или раненныхъ Ардарикъ, переправившись съ остальными Гепидами на другую сторону рѣки, соединился съ главною гунскою арміею, которая въ тотъ же день вступила въ Шалонъ.

Не было уже никакой возможности избѣгнуть генеральнаго сраженія. За нѣсколько миль отъ Шалона, близъ станціи, названной въ дорож-

никахъ Tanum Minervae, храмомъ Минервы, видны еще до-сихъ-поръ остатки укрѣпленнаго лагеря, который, какъ должно полагать, служилъ прикрытіемъ для двухъ городовъ, Реймса и Шалона, между которыми былъ расположенъ. Лагерь этотъ преданіе называетъ *лагеремъ Аттилы*, но судя по остаткамъ, въ которыхъ ясно обнаруживается характеръ римскихъ сооруженій и которые сохранились черезъ четырнадцать вѣковъ, нельзя допустить, чтобы эти остатки были остатками варварскаго бивуака, раскинутаго наскоро. Аттила, рѣшившись на сраженіе, приказалъ окружить свои палатки повозками. Въ тотъ же день войска Аэція заняли позицію противъ лагеря Аттилы: легіоны по римскому станорасположенію, варварскіе союзники безъ ретраншемента или палисада, и каждый народъ отдѣльно.

Всю ночь Аттила провелъ въ неизъяснимомъ безпокойствѣ. Дурное состояніе его войска, упавшаго духомъ и ослабленнаго недостаткомъ въ жизненныхъ потребностяхъ, значительная потеря въ людяхъ и лошадяхъ, все предсказывало Аттилѣ несомнѣнное пораженіе. Въ сосѣднихъ лѣсахъ воины схватили пустынника, слывшаго между поселянами за предсказателя; Аттилѣ вздумалось спросить его о судьбѣ своей. «Ты *бичъ Божій*, отвѣчалъ ему пустынникъ, и орудіе, которымъ Провидѣніе наказуетъ людей; но Богъ, по всесильной волѣ, разрушаетъ иногда орудіе кары Своей и влагаетъ мечъ въ руку другаго. Знай, что въ сраженіи съ Римлянами ты будешь побѣжденъ: это убѣдитъ тебя, что сила твоя зависитъ отъ промысла Божія.» Смѣлый отвѣтъ пустынника нисколько не разгнѣвалъ короля Гуновъ. Выслушавъ предсказателя христіанскаго, онъ хотѣлъ знать, что̀ скажутъ ему гадатели, находившіеся въ его арміи. Тогда Аттила призвалъ этихъ гадателей и aruspices, какъ говорилъ историкъ, описывавшій эту войну, которые слѣдовали за его войскомъ. Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній и разнаго рода гаданій, предсказатели объявили также, что Гуны будутъ побѣждены, но что въ битвѣ погибнетъ начальникъ враговъ. Аттила понялъ, что дѣло шло объ Аэціи, и глаза его заблистали радостью. Аэцій былъ для него важною помѣхой къ осуществленію его намѣреній: онъ искусно разрушилъ замыселъ, такъ хорошо обдуманный Аттилой объ устраненіи Вестготовъ отъ участія въ войнѣ, онъ остановилъ побѣдоносное оружіе Гуновъ, былъ душою сборища народовъ, завидовавшихъ одинъ другому, и съ нѣкоторыми безъ него Аттила легко бы справился. За смерть Аэція заплатить

пораженіемъ, по мнѣнію короля Гуновъ, не значило заплатить слишкомъ дорого.

Въ девятый часъ дня (около трехъ часовъ пополудни), Аттила вывелъ свое войско изъ лагеря и занялъ центръ собственно съ Гунами; по лѣвую руку его находился Валаміръ съ Остроготами, по правую Ардарикъ съ Гепидами и другими народами, подвластными Гунамъ. Аэцій, съ своей стороны, принявъ начальство надъ римскимъ войскомъ, составлявшимъ лѣвое крыло, противопоставилъ на правомъ Вестготовъ Остготамъ, а въ центрѣ соединилъ Бургундцевъ, Арморійцевъ и Аллановъ Сангибана; — наблюденіе же за послѣдними поручено было вѣрнымъ отрядамъ. Диспозиція Аттилы достаточно объясняли задуманный имъ планъ. Сосредоточивъ свою лучшую конницу въ центрѣ въ боевомъ порядкѣ, и разставивъ вблизи ретраншамента — повозки, онъ видимо хотѣлъ сдѣлать внезапное быстрое нападеніе на непріятельскій лагерь, обезпечивая въ то же время отступленіе къ своему лагерю.

Напротивъ того, Аэцій устремилъ свою главную силу на флангъ Аттилы, съ цѣлью воспользоваться этимъ движеніемъ, окружить, если возможно Аттилу, и перерѣзать путь къ отступленію, который онъ себѣ приберегалъ. Между двумя арміями находилось наклонное возвышеніе, весьма выгодное для обсерваціоннаго поста. Гуны послали нѣсколько конныхъ отрядовъ, чтобы знать его; Аэцій же, стоявшій къ нему гораздо ближе, отправилъ, въ свою очередь, съ вестготскою конницею Ѳорисмонда, который, прибывъ на прежнее мѣсто Гуновъ, напалъ на нихъ и опрокинулъ безъ всякаго труда. Эта первая неудача показалась дурнымъ предзнаменованіемъ гунскому войску, безъ того снѣдаемому грустными предчувствіями. Аттила, собравъ вокругъ себя начальниковъ, ободрялъ ихъ словами. Тогда, говоритъ Іорнандъ, началась страшная, со всѣми ожесточеніями битва. Правое крыло Римлянъ устремилось на лѣвое Аттилы, западные Готы на Готовъ восточныхъ, братья пошли противъ братій. Старый король Ѳеодорикъ скакалъ по рядамъ своихъ воиновъ, одушевлялъ ихъ жестами и голосомъ, какъ вдругъ упалъ съ лошади и исчезъ подъ массами конныхъ отрядовъ, завязавшихъ дѣло. Нѣкоторые говорятъ, что Ѳеодорикъ палъ пораженный дротикомъ, пущеннымъ однимъ Остроготомъ изъ семейства Амалей, по имени Андажисъ. Битва продолжалась; никто не зналъ, что́ сталось съ Ѳеодорикомъ. Послѣ

жестокаго кровопролитія, Вестготы разсѣяли своего непріятеля; между-тѣмъ Гуны Аттилы, бросившись на центръ римской арміи и прорвавшись въ ея ряды, уже было овладѣли мѣстомъ побоища, какъ торжествующіе Вестготы праваго крыла напали на нихъ съ флангу. Такое же движеніе сдѣлало лѣвое крыло Римлянъ, и Аттила, видя угрожающую ему опасность, сталъ отступать къ лагерю.

Въ этой новой борьбѣ, преслѣдуемый съ ожесточеніемъ Вестготами, онъ былъ на волосъ отъ смерти, и спасся только бѣгствомъ. Его войско въ безпорядкѣ послѣдовало за нимъ въ округу повозокъ, откуда градъ безпрерывно пускаемыхъ со всѣхъ сторонъ стрѣлъ заставилъ непріятеля прекратить нападенія. Наступила ночь, и темнота сдѣлалась до того непроницаемою, что невозможно было различить своихъ отъ непріятелей, и цѣлые дивизіоны сбивались съ пути. Ѳорисмондъ, сойдя съ пригорка, чтобы соединиться съ главною арміею, наткнулся нечаянно на повозки Гуновъ, гдѣ былъ встрѣченъ стрѣлами, раненъ въ голову и опрокинутъ съ лошади. Воины унесли его покрытаго кровью. Самъ Аэцій, отдѣленный отъ своихъ, долго блуждалъ посреди непріятеля отыскивая Вестготовъ, которыхъ считалъ погибшими. Остальную часть ночи Аэцій и его союзники пребодрствовали съ щитомъ въ рукѣ.

Восходъ солнца освѣтилъ равнину, усѣянную трупами. Говорятъ, что шестдесятъ тысячъ убитыхъ или раненныхъ остались на мѣстѣ сраженія. Все, что узнали Римляне и ихъ союзники о результатѣ битвы, это то, что Аттила долженъ былъ понести значительное пораженіе: его быстрое, безъ всякаго порядка отступленіе казалось несомнѣннымъ тому доказательствомъ; когда же онъ заперся въ своемъ лагерѣ, противники заключили, что онъ признавалъ себя побѣжденнымъ. Впрочемъ, хотя король Гуновъ и убрался за свои повозки, но за всѣмъ тѣмъ его нельзя было обвинить въ трусости: въ его лагерѣ раздавался безпрерывный звукъ оружія и трубъ, и казалось, онъ готовился нанести врагамъ какой-нибудь неожиданный ударъ. Римляне и Готы разсуждали, что имъ сдѣлать съ побѣжденнымъ Аттилой; они рѣшились обложить его блокадой, и предоставить на произволъ, не давая ему возможности къ реваншу. Разсказываютъ, что находясь въ этомъ безнадежномъ положеніи, Аттила приказалъ сложить, вмѣсто костра, огромную груду сѣделъ, и при

первомъ нападеніи непріятеля на его лагерь намѣренъ былъ поджечь эту деревянную груду и броситься въ огонь.

Между тѣмъ Ѳеодорикъ не появлялся; онъ не могъ раздѣлить съ своими торжества; объ немъ носились разные слухи; одни считали его въ плѣну, другіе убитымъ. Какъ храбраго, его искали на полѣ сраженія, и съ трудомъ нашли его трупъ, заваленный грудою другихъ труповъ. При видѣ его Готы воспѣли погребальный гимнъ, и въ глазахъ Гуновъ унесли тѣло. Ѳорисмондъ, излечившійся отъ раны, поднятъ былъ Готами, на мѣсто покойнаго, на большомъ щитѣ, и съ именемъ короля присутствовалъ при погребеніи отца, которое совершено было вестготскимъ войскомъ со всѣмъ великолѣпіемъ, при неумолкаемомъ пѣніи, стукѣ оружія и смѣшанныхъ крикахъ.

Смерть Ѳеодорика, приключившаяся за двѣсти лѣт отъ его государства, была важнымъ событіемъ для Готовъ. Юный Ѳеодорикъ безъ затрудненія согласился на избраніе брата его Ѳорисмонда; но признаютъ ли столь же охотно выборъ, сдѣланный однимъ лишь войскомъ, другіе четыре брата его, оставшіеся въ Тулузѣ? Не вздумаютъ ли они, какъ правители государства и обладатели сокровищъ отца, составить себѣ партію, привлечь на свою сторону бо́льшую часть народа и завладѣть королевствомъ? Вещь весьма возможная и совершенно свойственная нраву Вестготовъ. Ѳорисмондъ, снѣдаемый безпокойствомъ, желалъ быть уже въ Тулузѣ, чтобы предупредить братьевъ, и удержать ихъ отъ покушеній; но онъ стыдился оставить Аэція; поэтому онъ отправился къ патрицію, который, какъ говорилъ онъ, по зрѣлости лѣтъ и опытности, могъ дать ему хорошій совѣтъ, и именемъ отца своего Ѳеодорика, просилъ, въ отмщеніе смерти его, сдѣлать нападеніе на гунскій лагерь.

Аэцій, которому хорошо были извѣстны хитрость и подвижность варварскаго ума, понялъ, что въ позднихъ сожалѣніяхъ Ѳорисмонда скрывалось намѣреніе его оставить; поэтому онъ вовсе не былъ расположенъ измѣнить обдуманный имъ планъ. Принявъ мнимый видъ участія въ опасеніяхъ Ѳорисмонда, онъ нисколько не отговаривалъ его отъ намѣренія увести съ собою вестготскую армію, если не будетъ сдѣлано нападенія на Аттилу. Напротивъ того, прибавляетъ исторія, въ душѣ Аэцій былъ радъ избавиться отъ Вестготовъ, какъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ сраженіи, и можно сказать, виновниковъ побѣды. Ихъ притязанія и хвастливость, безъ со-

мнѣнія, могли бы помрачить славу римской арміи, и сверхъ-того Аэцій боялся, чтобы вслѣдъ за истребленіемъ Гуновъ, эти защитники Галліи не стали бы тяготѣть надъ нею На самомъ дѣлѣ Аэцій казался совершенно согласнымъ на отъѣздъ Ѳорисмонда; значило, блокада Аттилы не могла уже имѣть мѣста.

Аттила, чуждый всѣхъ этихъ преній, запершись въ своемъ лагерѣ, гдѣ съ прискорбіемъ видѣлъ постепенное уничтоженіе своей арміи отъ болѣзней и лишеній, казалось, выжидалъ только удобнаго случая, чтобы рѣшиться на что-нибудь. Онъ хорошо замѣтилъ, что бивуаки Ѳорисмонда опустѣли; но какъ эта безлюдность могла скрывать ловушку, онъ пока остерегся дѣйствовать. Потомъ, когда продолжительное безмолвіе убѣдило его, что Готы точно удалились, онъ былъ въ восторгѣ, и приказавъ въ ту же минуту запрячь повозки, выступилъ въ походъ, съ довольно многочисленнымъ еще войскомъ. Аттила хлопоталъ только какъ бы скорѣе убраться. Аэцій же, войско котораго уменьшилось болѣе чѣмъ на половину, призналъ благоразумнымъ уважить удаленіе льва.

Однакожъ онъ не переставалъ слѣдить за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи и въ строевомъ порядкѣ, чтобы не допускать его къ грабежу, и напасть на него, если онъ вздумаетъ своротить съ пути. Дорога, по которой шли Гуны, была усѣяна ихъ мертвыми и больными. Итакъ походъ Аттилы не удался.

Побѣжденъ ли былъ Аттила? Онъ утверждалъ, что нѣтъ, и народъ соглашался съ нимъ. Придти въ отечество цѣлу и невредиму, съ частью войскъ и съ повозками, полными добычи, не значило воротиться побѣжденнымъ, по-крайней-мѣрѣ по понятію, какое имѣютъ о войнѣ кочующіе народы; и чтобы подтвердить это дѣломъ, Аттила въ слѣдующую же весну вступилъ въ Италію съ арміею, укомплектованною и обновленною въ силахъ.

Впрочемъ, не одни Гуны утверждали, что король ихъ не былъ побѣжденъ; личные враги Аэція, завистники, льстецы двора, гдѣ могущество патриція внушало опасенія, провозглашали это еще громогласнѣе. Даже тѣ, которые сознавались, что поле сраженія при Шалонѣ осталось за римскими орлами, приписывали эту честь Ѳеодорику и Вестготамъ. При римскомъ дворѣ скорѣе готовы были уронить Римъ передъ варварами, союзниками невѣрными и опасными, чѣмъ сознаться въ томъ, что Римъ обязанъ спасеніемъ генію великаго пол-

ководца. Ненависть этимъ не удовольствовалась: устроитель защиты Галліи, побѣдитель при Шалонѣ, искусный тактикъ, который, можетъ-статься, уничтожилъ бы Гуновъ до послѣдняго, если бы не побѣгъ Вестготовъ, былъ очерненъ какъ измѣнникъ, упустившій Аттилу для того только, чтобы самому остаться необходимымъ для Рима. Что такое для него Аттила, говорили порицатели, какъ не орудіе его могущества, какъ не страшилище, посредствомъ котораго онъ властвовалъ надъ императоромъ и имперіей, и безпрерывно давалъ имъ чувствовать тяжесть своего меча? Не забывали также упоминать о прежнихъ связяхъ Аэція съ гунскимъ народомъ, о дружбѣ къ нему короля Руи, дяди Аттилы, о войскахъ, которыя выпросилъ онъ у этого варвара, чтобы возвратиться въ имперію послѣ изгнанія. Изъ этого готовы были заключить, что Аэцій платилъ племяннику за услуги, оказанныя ему дядей. Подобныя и другія клеветы, которыхъ слѣды встрѣчаются у писателей этого и слѣдующаго вѣковъ, потрясали нравственную силу патриція, въ ту самую минуту, когда эта сила одна могла пробудить умы, парализированные страхомъ. Надобно также сказать, что Аэцій самъ подавалъ поводъ къ нападкамъ на него, чрезмѣрною гордостью и притязаніями, простиравшимися до престола: онъ задумалъ женить сына своего Гауденція на княгинѣ Эвдокіи, дочери Валентиніана, и императоръ поддерживалъ эту надежду, пока нуждался въ немъ: это цѣлая исторія Стиликона, съ его величіемъ, честолюбіемъ и паденіемъ.

По окончаніи галльской кампаніи, Аэцій воротилъ свои легіоны въ Италію; но они далеко не соотвѣтствовали потребностямъ новой войны. Предстояло оградить самое сердце имперіи, а у Аэція не было въ распоряженіи ни варварскихъ наемниковъ, ни національныхъ волонтеровъ, ни того патріотическаго рвенія, какое онъ встрѣчалъ на западѣ отъ Аллановъ. Никто не думалъ сопротивляться. «Страхъ», съ прискорбіемъ говоритъ одинъ современникъ, «дѣлалъ Италію беззащитною». Между-тѣмъ Аттила приближался къ Юлихскимъ Альпамъ. Среди этого паническаго ужаса, примѣръ которому подавалъ равенскій дворъ, Аэцій, застигнутый въ расплохъ, упадшій духомъ, предложилъ, говорятъ, Валентиніану удалиться изъ Италіи, вѣроятно въ Галлію. Охранитель императора, отвѣтственный за его безопасность, онъ прежде всего думалъ обезпечить этотъ страшный залогъ, довѣренный его бдительности, чтобы потомъ съ бо́льшею

свободою заботиться приготовленіями къ войнѣ, начинавшейся такъ неудачно. Можетъ-быть онъ надѣялся убѣдить Вестготовъ идти съ нимъ въ Италію; можетъ-быть онъ разсчитывалъ на Бургундцевъ. На всякій случай, Аэцій послалъ въ Константинополь просить скорой помощи у императора Маркіана. Но въ чемъ бы ни состоялъ его планъ, въ который входило роковое условіе спасти прежде всего императора, онъ вскорѣ принужденъ былъ его оставить. Мысль увезти императора изъ Италіи возбудила такое негодованіе, что Аэцій не могъ противиться ему, и рѣшился, до прибытія просимой съ Востока помощи, поддерживать войну, сколько будетъ можно. Отказавшись отъ перваго плана, который, безъ сомнѣнія, былъ самый благоразумный, онъ принялъ слѣдующій. Не видя возможности оборонять вмѣстѣ и Равенну и Римъ, мѣстопребываніе цезарей и историческую столицу римскаго міра, и припоминая, что Аларику отъ того только удалось такъ легко совладать съ послѣднею, что легіоны должны были ограждать и первое, онъ рѣшился пожертвовать Равенной и перевезъ Валентиніана въ Римъ, исправивъ городскія стѣны. Въ то же время, онъ сосредоточилъ свои силы за рѣкою По, кромѣ гарнизона нѣкоторыхъ важныхъ городовъ, какъ напримѣръ Аквилеи, и съ самаго начала кампаніи предоставилъ Транспаданскую Италію собственнымъ ея силамъ. Такому же почти плану онъ слѣдовалъ въ галльскую кампанію: тамъ операціонная линія лежала къ югу отъ Лоары, здѣсь къ югу отъ рѣки По.

Пока планы обдумывались, Аттила приближался усиленными маршами. Выступивъ изъ своего мѣстопребыванія въ срединѣ зимы, онъ выбралъ самый прямой и удобный для войска путь, этапную дорогу легіоновъ отъ Сирміума на Аквилею, главную линію сообщеній между Римомъ и Константинополемъ. Этотъ путь шелъ черезъ Эмонъ и Навпортъ, нынѣ Лейбахъ и Оберъ-Лейбахъ. Къ югу отъ Навпорта начинался подъемъ на Юлійскія Альпы, надъ которымъ владычествовалъ *Грушевой* постъ, такъ названный отъ дикаго грушевника, посаженнаго мѣстами самой природою, среди скалъ. У подошвы подъема, на италійскомъ склонѣ, расположенъ былъ постоянный лагерь, окаймленный Випахскимъ потокомъ, носившимъ тогда названіе *Холодной рѣки;* этотъ лагерь и грушевой дефилей были ключомъ Юлійскихъ Альповъ. Здѣсь, пятьдесятъ семь лѣтъ назадъ, Евгеній и Арбогастъ дали Ѳеодосію, слѣдовавшему съ Востока, знаменитое

отраженіе, которое рѣшило двойное торжество втораго флавіанскаго дому во всей имперіи. Въ это время, лагерь былъ пустъ. Итальянцы, легко добывавшіе помощниковъ для войны междоусобной, не находили ихъ для отраженія чужеземнаго вторженія.

Въ двадцати двухъ миляхъ отъ лагеря при *Холодной рѣкѣ*, протекалъ потокъ Изонцо, называвшійся тогда Сонційскимъ, который не разъ служилъ оградой въ междоусобныя войны Рима: Аттила перешелъ его безъ боя. Отъ моста на Изонцѣ до стѣнъ Аквилеи простиралось открытое поле, по которому тянулись аллеями деревья и виноградники. Плодородіе Венеціи, ея благодатный климатъ, ранняя весна, славились у древнихъ: «При первомъ дыханіи лѣта», говоритъ одинъ римскій историкъ, «вся эта страна убиралась цвѣтами и виноградными лозами, будто на пиръ». Войско гунское оставило здѣсь за собой одни развалины и пепелъ. Только у стѣнъ Аквилеи Аттила встрѣтилъ первое сопротивленіе.

Аквилея, величайшая и сильнѣйшая крѣпость во всей Италіи, служила оплотомъ этого полуострова, въ самомъ опасномъ пунктѣ, гдѣ угрожали ему то внезапные набѣги дунайскихъ варваровъ, то обдуманныя попытки константинопольскихъ императоровъ. Рѣка Натиса омывала весь восточный берегъ Аквилеи, и вливая часть водъ въ широкій, круглый ровъ, обезпечивала со всѣхъ сторонъ высокую стѣну съ башнями, и обвивала ее будто поясомъ. Аквилея немѣнѣе важна была въ торговомъ отношеніи, какъ и въ военномъ; жители ея, вмѣстѣ и воины, и торговцы, и моряки, сосредоточивали въ стѣнахъ города, около пяти сотъ лѣтъ, мѣну товаровъ итальянскихъ на товары Илліріи, Паннонiи и варварскихъ задунайскихъ странъ; здѣсь вино, хлѣбъ, масло и фабричныя издѣлія обмѣнивались на рабовъ, скотъ и мѣха. Гавань, лежавшая въ шестнадцати верстахъ ниже, при устьѣ рѣки, считалась одною изъ лучшихъ въ Адріатикѣ; покрайней-мѣрѣ, въ обыкновенное время, она была безопаснѣе другихъ, служа мѣстомъ стоянки для флота, которому поручено было охранять море и обуздывать морскихъ разбойниковъ. Что сталось съ этимъ флотомъ, неизвѣстно; только въ военныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ теперь говоримъ, онъ не игралъ никакой роли.

Король Гунновъ употребилъ противъ Аквилеи обыкновенныя осадныя средства, подкопы, стѣнобитныя орудія, приступы, и все безъ успѣха. Каждый день Аттила придумывалъ новыя попытки, но от-

вагою или хитростью осаждаемыхъ онѣ обращались ему же на голову. Метательныя орудія, вылазки, ночныя тревоги истощали и истребляли его войско. Прошло три длинныхъ мѣсяца въ этой безполезной борьбѣ; начались жары съ ихъ послѣдствіями, и поле, преданное безпрерывному опустошенію, скоро не стало доставлять ни корму для коней, ни пищи людямъ. Между-тѣмъ пришла вѣсть, что вспомогательное войско, выпрошенное Аэціемъ у восточнаго императора, вышло на берегъ въ южной Италіи; даже разнесся слухъ, что императоръ Марціанъ, не ограничивая этимъ своей помощи, приготовляетъ высадку въ Паннонію и угрожаетъ отступленію Гуновъ. Варвары, легко терявшіе мужество, когда приходилось биться подъ стѣнами, пугались при воспоминаніи бѣдствій, сопровождавшихъ осаду Орлеана, и — что̀ удивительно въ войскѣ Аттилы,—станъ оглашался жалобами и ропотомъ. Гордость Аттилы страдала, и онъ не зналъ, на что̀ рѣшиться. Идти далѣе въ Италію, оставивъ за собой Аквилею, значило бы обречь себя на погибель; сознаться, что побѣжденъ, и отступить казалось ему невыносимымъ посрамленіемъ: во что̀ бы ни стало, ему необходимо было взять Аквилею. Случай, который всякой другой оставилъ бы безъ вниманія, предалъ ему ее во власть, придавъ мужеству Гуновъ новый, какой-то сверхъ-естественный порывъ.

Однажды, обходя стѣны для осмотра города, озабоченный Аттила увидѣлъ, какъ аисты съ дѣтенышами вылетѣли изъ одной развалившейся башни, гдѣ у нихъ было гнѣздо, и пустились далеко въ поле, неся однихъ дѣтенышей на спинѣ, и ведя за собой другихъ, которыя робко слѣдовали за ними. Аттила остановился, посмотрѣлъ на этотъ полетъ, и обратясь къ спутникамъ, сказалъ: «Посмотрите на этихъ бѣлыхъ птицъ; онѣ предчувствуютъ будущее; эти обитатели Аквилеи покидаютъ городъ, который долженъ погибнуть; въ предвидѣніи опасности, они бѣгутъ изъ башенъ, обреченныхъ на паденіе. И не думайте, чтобы это предвѣстіе было напрасно или невѣрно, прибавилъ онъ: страхъ угрожающей опасности измѣняетъ привычки существъ, одаренныхъ предчувствіемъ будущаго». Эти слова, сказанныя съ намѣреніемъ, скоро повторились во всемъ лагерѣ. Аттила попалъ въ цѣль: какое-то сверхъ-естественное вліяніе, которымъ онъ умѣлъ укрѣплять себя въ великихъ обстоятельствахъ, подѣйствовало и въ этотъ разъ на упадшій духъ воиновъ. Тотчасъ новое мужество вос-

пламеняетъ Гуновъ; они строятъ машины, употребляютъ всѣ средства разрушенія, дѣлаютъ нѣсколько разъ приступы, берутъ наконецъ городъ, грабятъ его, и раздѣляютъ между собой добычу. Опустошеніе было такъ ужасно, писалъ Іорнандъ—вѣкъ спустя, что отъ этого несчастнаго города остались едва нѣкоторые слѣды, какъ бы для означенія мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Аттила тяжко наказалъ Аквилею, за сопротивленіе, въ примѣръ своимъ врагамъ.

Примѣръ принесъ пользу: изъ Венеціи всѣ бѣжали, кто куда могъ. Конкордія, Антинумъ, самая Падуя, покинутые частью жителей, отворили ворота. Изъ этихъ и сосѣднихъ городовъ народъ бѣжалъ на прибрежные островки, составлявшіе во-время прилива неприступный архипелагъ, куда залетали только морскія птицы, да заходили бѣдные рыболовы. Говорятъ, что Падуанцы удалились въ Rivus altus, нынѣшній Ріальто, жители Конкордіи въ Капрулу, Антинума на острова Торцеллусъ и Mауріанусъ; Отстергіумъ отправилъ своихъ въ Эквиліумъ, Алтестъ и Монсъ-Силицисъ въ Филистику, Метамаукусъ и Клодію. За гунскимъ вторженіемъ послѣдовали другія, за этими опустошеніями наступили новыя, и удалившіеся на острова, не возвращались уже на твердую землю; они остались гражданами лагунъ, подъ призоромъ моря, которое одно умѣло оградить ихъ. Изъ среды этихъ бѣдствій родилась Венеція, усѣвшаяся на семидесяти двухъ островахъ; но царица Адріатики невдругъ вышла изъ пѣны волнъ, какъ Венера, съ которою такъ часто сравнивали ее поэты. Полвѣка спустя послѣ Аттилы, слабое, бѣдное, хотя и трудолюбивое населеніе венеціанскаго архипелага состояло изъ рыболововъ и моряковъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Кассіодоръ, отъ имени Ѳеодорика Великаго, писалъ предкамъ дожей, приказывая имъ везти вино и масло изъ истрійскихъ гаваней въ Равенну; этотъ любопытный образчикъ министерскихъ предписаній V вѣка служитъ древнѣйшею дворянскою грамотою гордыхъ венеціанскихъ патриціевъ:

«Трибунамъ жителей лагунъ».

«Мы любимъ представлять себѣ ваши жилища, соприкасающіяся съ юга къ Равеннѣ и наслаждающіяся съ востока пріятнымъ зрѣлищемъ іоническихъ береговъ. Море, попеременно то окружаетъ ихъ, то покидаетъ; оно то покроетъ прибрежье, то снова откроетъ. Дома ваши похожи на гнѣзда алціоновъ; ваши сѣла на подводные камни, поставленные рукою человѣка, потому-что вы создаете ихъ,

или, по-крайней-мѣрѣ, возвышаете ихъ ложе, принося съ материка землю и укрѣпляя ее ивовыми плетнями, и только этотъ слабый оплотъ ставите между собой и усиліемъ водъ.... Почти всю пищу вашу составляетъ рыба. Добываніе соли составляетъ главную вашу работу; кусокъ вербы замѣняетъ вамъ соху земледѣльца и серпъ жнеца, потому-что соль — ваша запашка и жатва.... Такъ готовьте же, не теряя ни минуты, корабли, которые вы привязываете къ кольцамъ вашихъ стѣнъ, подобно домашнимъ животнымъ, и когда многоопытный Лауренцій, которому нами поручено собрать въ Истріи запасы вина и масла, скажетъ вамъ идти, бѣгите всѣ на его призывъ »

Гуны, предавъ Венецію огню и мечу, перешли въ Лигурію, которую также не пощадили. Исторія упоминаетъ только о двухъ разграбленныхъ городахъ этой послѣдней провинціи, Миланѣ и Тицинумѣ, нынѣ Павія; по мѣстному же преданію, этой участи подверглись всѣ города, и, къ несчастію, вѣроятіе на сторонѣ преданія. Поэтому можно думать, что Верона, Мантуа, Брешія, Бергамъ, Кремона не избѣгли разрушенія или, по-крайней-мѣрѣ, раззоренія. Менѣе потерпѣли города къ югу отъ По, такъ какъ здѣсь находились разные отряды римской арміи, и Аттила, изъ осторожности, удерживалъ массу своихъ войскъ на сѣверѣ отъ рѣки.

Между-тѣмъ время шло; было уже въ началѣ іюля, и большіе жары произвели болѣзни въ арміи Гуновъ, которая ослаблена была всякаго рода излишествами, и желала одного — сохранить пріобрѣтенную богатую добычу. Климатъ, этотъ вѣрный охранитель Италіянцевъ отъ вторженій съ сѣвера, услужливо воевалъ за нихъ и оправдывалъ предусмотрительность Аэція. Гуны уничтожались сами собою; излишества, которымъ они предавались, привели голодъ и съ нимъ моровую язву, и уже Транспадана не могла больше ихъ кормить. Въ этихъ обстоятельствахъ, Аттила долженъ былъ на что-нибудь рѣшиться; перейти По, смѣло двинуться на Римъ, силою проложить путь черезъ Аппенины, и принудить Аэція къ битвѣ, чего онъ, казалось, избѣгалъ—вотъ планъ, который наиболѣе согласовался съ гордостью Аттилы, но не нашелъ одобренія въ войскѣ. Начальники и простые воины желали здѣсь кончить кампанію на этотъ годъ, и начать ее, пожалуй, въ будущемъ, потому-что эта кампанія была для нихъ выгодна: впродолженіе ея, они безъ труда собрали несмѣтныя богатства, и подводы ихъ были переполнены до-

бычей. Къ этой мысли, такъ живо дѣйствующей на войска, ведущія войну только для грабежа, присоединялась мысль другаго роду, почти равносильная первой. Одно воображеніе, что Аттила пойдетъ на Римъ, наполняло ихъ суевѣрнымъ страхомъ. Хотя убѣжденіе въ неприкосновенности столицы римскаго міра исчезло, полвѣка назадъ, предъ дерзкимъ Аларикомъ, и могущество его, столько разъ потрясенное, стало пустымъ словомъ, однакоже это слово все еще смущало умы, и тѣнь града цесарей все еще стояла, окруженная величіемъ гробницъ. Поднять на нее мечъ, казалось, произнести смертный приговоръ осквернителю. Самъ Аларикъ представлялъ легковѣрнымъ умамъ неоспоримый тому примѣръ: его постигла смерть вслѣдъ за роковой побѣдой. Такимъ-образомъ, въ то самое время, какъ Аттила, подстрекаемый гордостью, замышлялъ для Рима униженіе, превосходившее всѣ прежнія, спутники старались отклонить его отъ предпріятія. Они боялись, говоритъ Іорнандъ, чтобы Аттила не испыталъ участи короля Вестготовъ, который едва пережилъ опустошеніе Рима, и почти тотчасъ же былъ исторгнутъ изъ среды живыхъ. Сердце сына Мундзука нечуждо было суевѣрнаго страху; притомъ же онъ получилъ извѣстіе, что войско, посланное Марціаномъ, идетъ на Паннонію, въ намѣреніи напасть на него у прохода Альповъ, и отрѣзать ему путь къ отступленію; однако же, несмотря на обычную его осторожность, желаніе нанести блистательный ударъ, боролось въ немъ съ тревожными опасеніями и разсчетами ума; онъ приказалъ войскамъ сосредоточиться выше Мантуи, у сліянія По и Минчіо, на большой дорогѣ, ведущей въ Римъ черезъ Аппенины; самъ онъ прибылъ въ сборный пунктъ, не зная еще, на что́ рѣшиться.

Планъ Аттилы, подтверждаемый движеніемъ гунской арміи, навелъ ужасъ на весь Римъ, который не воображалъ себя слишкомъ страшнымъ для непріятеля. Императоръ, сенатъ и призванный на этотъ разъ къ совѣту народъ единогласно признали необходимость, покориться предъ варварскимъ завоевателемъ, и во что́ бы ни стало отклонить его отъ нападенія на Римъ просьбами, подарками, предложеніемъ на будущее время дани; однимъ-словомъ, рѣшались употребить все, чтобы только избавиться отъ осады. Нѣкогда Римъ отказывался отъ переговоровъ съ непріятелемъ, когда тотъ стоялъ у воротъ: теперь Римъ торопился вступить въ условія, прежде чѣмъ

появился непріятель. Во всѣхъ совѣтахъ императора, сената и римскаго народа, — говоритъ съ горькою насмѣшкою лѣтописецъ Просперъ Аквитанскій, очевидецъ событій, — самою спасительною мѣрой признавалось вымолить миръ у этого жестокаго короля. Молчаніе исторіи оправдываетъ, по-крайней-мѣрѣ, Аэція во всякомъ участіи въ дѣлѣ, столь постыдномъ. Предводительствуя войскомъ и, по всей вѣроятности, обдумывая планъ защиты Апеннинъ, патрицій помышлялъ о спасеніи Рима. Римъ, предположивъ покориться, не спросилъ у него на это совѣта. Между-тѣмъ избрали главою посольства самаго Папу, которому дали въ помощь двухъ знаменитыхъ сенаторовъ; одинъ изъ нихъ Геннадій Авіэнъ, — происходилъ, какъ онъ утверждалъ, отъ Валерія Корвина, и, по выраженію Сидонія Апполинарскаго, былъ князь послѣ князя, носящаго багряницу. Папа славился дарованіями и характеромъ, пріобрѣтшими ему уваженіе даже у язычниковъ.

Послы ѣхали скоро, чтобы нагнать Аттилу, прежде чѣмъ онъ перейдетъ По, и встрѣтили его немного ниже Мантуи, у одного броду Минчіо. Въ существованіи города Рима наступила важная минута, когда двое изъ знаменитѣйшихъ сыновъ его, одинъ представитель старинныхъ латинскихъ родовъ, завоевавшихъ міръ мечомъ, а другой глава новыхъ поколѣній, завоевавшихъ его вѣрою, несли къ ногамъ варварскаго короля выкупъ Капитолія. Неменѣе важна была эта минута и въ жизни Аттилы. Римское посольство было безмолвнымъ сознаніемъ Римлянъ, что онъ побѣдитель и властелинъ; это значило для него тоже, что́ быть побѣдителемъ и властелиномъ на дѣлѣ; при томъ же ему теперь представлялся случай унизить Аэція; ему стоило сказать слово, чтобы переломить мечъ патрицію. Тщеславіе его и его народа получало полное удовлетвореніе, и онъ могъ возвратиться домой безъ стыда. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ приказалъ позвать римскихъ пословъ, и принялъ ихъ со всѣмъ радушіемъ, къ какому былъ способенъ.

Отправляясь на эту торжественную аудіенцію, послы возложили на себя всѣ знаки высокихъ своихъ достоинствъ; исторія говоритъ, что Папа облеченъ былъ въ первосвященническія одежды. Лишь только онъ появился, все вниманіе гунскаго короля сосредоточилось на немъ. Онъ изложилъ Аттилѣ предложенія императора и сената. Какъ и что́ онъ говорилъ, исторія умалчиваетъ. Современный лѣтописецъ,

Проспѣръ Аквитанскій, бывшій секретаремъ Папы, или, по-крайней-мѣрѣ, сотрудникомъ во многихъ сочиненіяхъ, повѣствуетъ, что «Папа положился на помощь Божію, которая никогда не оставляетъ усилія правыхъ, и что успѣхъ увѣнчалъ его вѣру». Аттила согласился на предложенный миръ, за ежегодную дань, и обѣщалъ выйти изъ Италіи. Договоръ заключенъ шестаго іюля, въ день праздника Петра и Павла.

Не видно, чтобы Аттила, впродолженіе переговоровъ съ Папой и обоими консулярными мужами, упомянулъ о невѣстѣ своей Гоноріи и желаніи вступить съ нею въ бракъ. Папа легко могъ бы объяснить ему, что по закону римскому и христіанскому, Гонорія, жена другаго, не могла уже быть его женой. Однакоже, изъ причудъ, или для того, чтобы имѣть предлогъ къ войнѣ, Аттила, при прощаніи, объявилъ, что Гонорія должна быть къ нему прислана со всѣми ея сокровищами въ Гунію, и что, въ противномъ случаѣ, онъ самъ придетъ за нею, съ другимъ войскомъ, слѣдующею весной. Вотъ какое насмѣшливое воспоминаніе послалъ гунскій король сестрѣ императора, внукѣ великаго Θеодосія.

Аттила, возвращаясь домой, не пошелъ черезъ Юлихскія Альпы, опасаясь встрѣтить здѣсь армію, присланную Марціаномъ въ Паннонію; онъ направился вверхъ по рѣкѣ Эчь, потомъ черезъ Альпы Норическія, и воины его, несмотря на то, что миръ былъ заключенъ, ограбили городъ Аугусту, нынѣшній Аугсбургъ, который лежалъ на пути. При переходѣ черезъ рѣку Лехъ, протекающую близъ этого города и впадающую въ Дунай, одно приключеніе навело на Гуновъ какой-то суевѣрный страхъ. Въ ту минуту, какъ конь короля вступалъ въ воду, женщина страннаго виду, бѣдно одѣтая, похожая на паннонскую колдунью или галльскую жрицу, бросилась къ нему на встрѣчу, и схвативъ коня за узду трижды торжественно вскричала: «Назадъ, назадъ, Аттила!» Какъ-будто предвѣщая, что великая опасность ждетъ короля Гуновъ на концѣ пути. Впрочемъ, воины судили разно объ исходѣ кампаніи: имъ казалось страннымъ, что король сдѣлалъ для римскаго священника то, въ чемъ такъ упорно отказывалъ своимъ совѣтникамъ.

Восточно-римская армія занимала уже Мизію, совершенно готовая вступить въ землю Гуновъ, но узнавъ объ окончательномъ заключеніи мира между Аттилой и Западной Имперіей, воздержалась отъ

всякихъ непріязненныхъ дѣйствій. Однакоже Аттила далъ знать Марціану, что онъ придетъ къ нему слѣдующей весной въ константинопольскій дворецъ, если не будетъ немедленно уплачена дань, условленная когда-то Ѳеодосіемъ-Вторымъ. Марціанъ не походилъ на Валентиніана и не думалъ уступать; онъ отвѣчалъ на угрозы угрозами и на приготовленія Аттилы къ нападенію — приготовленіями къ отпору. Нѣсколько битвъ съ кавказскими Алланами, возмутившимися въ отсутствіе Аттилы, заключили для него 452 годъ.

Теперь перенесемъ читателя въ столицу Гуновъ, въ деревянный дворецъ, который ему уже извѣстенъ изъ нашего разсказа о Максиминѣ и Прискѣ, Вигиласѣ, и Эдековѣ. Здѣсь приготовлялось празднество, и въ залѣ пиршествъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо, бѣгали виночерпіи, и кубки переходили изъ рукъ въ руки. Гунскіе поэты и готскіе скальды принялись за дѣло; голоса юныхъ дѣвъ, ходившихъ рядами, подъ бѣлыми покрывалами, оглашали воздухъ свадебными пѣснями: Аттила вступалъ въ бракъ. Новая жена была не дочь цесарей, не Гонорія, которую онъ оставилъ въ Италіи; эта юная невѣста, чудной красоты, звалась Ильдико, вѣроятнѣе Гильтъ-Гунда или Гильдегонда. Сказанія германскія именуютъ ее дочерью короля, то Франковъ зарейнскихъ, то бургундскихъ; венгерское преданіе называетъ ее Микольчею, дочерью одного бактрійскаго князя; это указаніе старинной поэзіи подтверждается самою торжественностью сватьбы, столь отличной отъ брака Аттилы съ дочерью Эслама, въ 449 году. Германское преданіе прибавляетъ, что Аттила умертвилъ когда-то родственниковъ этой молодой дѣвушки, чтобы завладѣть ихъ богатствомъ. Подобные браки, въ которыхъ, къ разврату нравовъ, примѣшивалась политика, были нерѣдки у Гуновъ, точно также, какъ и у братьевъ ихъ, Монголовъ. Вмѣстѣ съ жестокимъ правомъ войны, по которому жизнь врага принадлежала побѣдителю, существовала необходимость примиренія съ побѣжденными, и такимъ-образомъ побѣдитель какого-нибудь племени часто вступалъ въ бракъ со вдовою или дочерью убитаго имъ начальника племени.

Рѣдкая красота Ильдико обворожила Аттилу, и впродолженіе свадебнаго пира, король Гуновъ, какъ говоритъ Іорнандъ, предавался чрезмѣрной радости. Деревянная чара, подносимая королевскимъ виночерпіемъ, наполнялась и осушалась чаще обыкновеннаго, и когда Аттила изъ залы пиршества перешелъ въ брачную, голова его, не

выраженію того же историка, была отягощена виномъ и сномъ. На слѣдующее утро онъ не выходилъ изъ комнаты. Прошла бо́льшая часть дня, въ этой комнатѣ, запертой извнутри, не слышалось ни малѣйшаго шороха, ни малѣйшаго движенія. Дворцовые слуги начали безпокоиться; они зовутъ, никто не отвѣчаетъ; наконецъ взламываютъ дверь, и видятъ Аттилу на ложѣ, плавающаго въ крови; молодая жена сидитъ подлѣ ложа, подъ длиннымъ покрываломъ, опустивъ голову и заливаясь слезами. При этомъ зрѣлищѣ, страшный вопль раздался по всему дворцу; пораженные неистовою горестью, будто обезумѣвшіе, одни обрѣзываютъ себѣ волоса въ знакъ скорби; другіе ранятъ лицо остріемъ кинжаловъ. «Подобную смерть», говоритъ тотъ же историкъ, «надо было оплакивать не слезами женщины, а кровью мужей.» Изъ дворца, вѣсть разнеслась съ быстротою молніи по столицѣ, потомъ по всей гунской имперіи, и скоро весь народъ, отъ береговъ Дуная до горъ Уральскихъ, предался невыразимому сокрушенію.

Что̀ сдѣлалось въ эту роковую ночь? Внѣ дворца носились объ этомъ разные, противорѣчивые слухи, но самое стараніе, съ какимъ гунскіе начальники доказывали, что король умеръ естественною смертью, придавало болѣе вѣроятія противному мнѣнію. Стали утверждать, что Ильдико поразила заснувшаго супруга ножемъ; другіе прибавляли, что въ злодѣяніи помогалъ ей королевскій конюшій, и что это убійство совершено по наущенію Аэція. Гуны, безъ сомнѣнія, для предупрежденія всякихъ обвиненій, опасныхъ для мира изслѣдованій и, можетъ-быть, неминуемаго раздробленія имперіи, утверждали, что̀ смерть королю приключилась отъ апоплексическаго удара; что онъ подверженъ былъ кровотеченію изъ носа, и что, вѣроятно, когда онъ лежалъ на спинѣ, кровь, не находя исходу, скопилась въ горлѣ и задушила его. Вотъ что̀ дѣти Аттилы, начальники и придворные вельможи разсказывали вездѣ, изъ осторожности, изъ политическихъ видовъ и по внушенію гордости; такъ описана была кончина Аттилы и оффиціально.

Похороны этого владыки варварскаго міра отправлены были съ дикою пышностью, достойною его жизни. Тѣло его, на великолѣпномъ катафалкѣ, поставлено было подъ шелковой палаткой, на большой равнинѣ, у воротъ столицы, и всадники, избранные изъ всего народа, совершали ристанья и игры, подобныя побоищамъ римскихъ цирковъ.

Пѣвцы и воины пѣли на языкѣ Гуновъ надгробную пѣснь, которую готское преданіе сохраняло еще во-время Іорнанда. Вотъ какъ передаетъ ее этотъ историкъ. «Величайшій король Гуновъ, Аттила, сынъ Мундзука, повелитель храбрѣйшихъ народовъ, силою власти, до него неслыханной, обладалъ государствами Скиѳскимъ и Германскимъ. Онъ, взятіемъ многихъ городовъ, устрашилъ ту и другую Имперію города Рима; изъ опасенія, чтобы онъ и остальнаго не присоединилъ къ своей добычѣ, его умилостивили просьбами и ежегодною данью. И совершивъ все это, по особенной милости судьбы, онъ умеръ не подъ ударами врага, не отъ измѣны своихъ ближнихъ, а въ весельи пиршества, въ средѣ народа цѣлаго и единаго, не испытавъ ни малѣйшей боли. Кто же разскажетъ объ этой смерти, за которую некому мстить?» Войско, разставленное вокругъ палатки, вторило этому хору воплемъ и рыданіями. За изъявленіями скорби послѣдовала strava *, какъ называли Гуны, то-есть, похоронный столъ, за которымъ пили и ѣли безъ мѣры; у Гуновъ было въ обычаѣ предаваться на похоронахъ разгулу. Потомъ приступили къ погребенію короля; тѣло его положили въ три гроба, одинъ за другимъ, первый — золотой, второй серебряный и третій желѣзный, въ ознаменованіе того, что этотъ могущественный государь всѣмъ обладалъ: желѣзомъ, которымъ побѣждалъ чужіе народы; золотомъ и серебромъ, которыми обогатилъ свой народъ. Въ землю опустили его въ темную ночь; подлѣ него положили оружія, снятыя съ мертваго врага, колчаны, осыпанные драгоцѣнными каменьями, и драгоцѣнныя утвари, достойныя подобнаго короля; потомъ, чтобы скрыть всѣ эти сокровища отъ жадности людской или любопытства, Гуны перерѣзали всѣхъ работниковъ, которые копали и зарывали могилу. Великое событіе, какимъ была смерть Аттилы, не обошлась безъ предсказаній. Сказывали, что въ ночь, когда случилось это событіе, императоръ Марціанъ видѣлъ во снѣ изломанный лукъ: лукъ этотъ изображалъ гунское могущество.

Дѣйствительно, съ жизнью Аттилы рушилось могущество Гуновъ. Наслѣдіе этого завоевателя, создавшаго въ нѣсколько лѣтъ имперію,

* Любопытно какъ попало къ гунамъ славянское слово strava или strawa, которое до-сихъ-поръ существуетъ въ польскомъ языкѣ и значитъ *кушанье, пища;* глаголъ *strawie* значитъ сварить (нѣм. verdauen).

по-крайней-мѣрѣ равную имперіи Александра, испытаю судьбу наслѣдія Македонянина.

Сыновья Аттилы, рожденные въ разныхъ мѣстахъ, отъ разныхъ матерей, почти чуждые другъ-другу, составляли цѣлый народъ; преданіе насчитываетъ ихъ болѣе пятидесяти, а исторія именуетъ семерыхъ, достигшихъ возмужалости: Эллака, Денгизиха, Эмнедзара, Узиндура, Уто, Искальма и Эрнака, младшаго изъ всѣхъ и любимца Аттилы. Эллакъ, старшій изъ сыновей, прижитыхъ имъ съ любимою женою, Керкою, одинъ былъ способенъ сохранить отцовскія завоеванія. Такъ думалъ Аттила, и много разъ говорилъ, что Эллакъ будетъ его наслѣдникомъ и главой семейства; но другіе сыновья съ этимъ не соглашались. Едва отецъ сошелъ въ могилу, между ними вспыхнула вражда: Эллакъ вынужденъ былъ раздѣлить государство между всѣми поровну. У народовъ осѣдлыхъ, раздѣлъ завоеваній, какъ ни бываетъ буренъ, представляетъ, однакоже, менѣе затрудненій, чѣмъ у народовъ кочующихъ. У первыхъ, земля имѣетъ извѣстные предѣлы: рѣка, гора указываетъ естественную границу двухъ областей; у послѣднихъ, земля — неопредѣленная стихія; ихъ область орда съ ея воинами, женами, стадами и подвижными жилищами; управленіе людьми опредѣляется по-головно, какъ въ стадѣ скота. Этотъ порядокъ, сообразный съ нравами сѣверной Азіи, не былъ обиденъ для гунскихъ, азіятскихъ или полу-азіятскихъ вассаловъ; но казался нестерпимъ для Германцевъ, которые желали остаться, подъ властью гунскихъ королей подданными, а не вещами. Тутъ наступила вторая фаза разъединенія, угрожавшаго Аттилиной монархіи.

Первый сигналъ къ возстанію противъ сыновей Аттилы подалъ король Гепидовъ, Ардарикъ, мудрый и вѣрный совѣтникъ завоевателя. «Видя съ негодованіемъ, что съ мужественными народами поступаютъ какъ съ толпою рабовъ», говоритъ Іорнандъ, онъ сталъ возбуждать сыновъ Германіи къ отложенію; на этотъ призывъ отвѣтили Остроготы, и вѣроятно, также Герулы и Свевы; остальные народы, вмѣстѣ съ сарматскими племенами и Алланами, приняли сторону Гуновъ. Какъ-будто на лѣвомъ берегу Дуная мало было имъ мѣста для битвы, они перешли въ Паннонію. Римлянамъ представилось страшное зрѣлище: Гуны бѣлые, Гуны чорные, Готы, Алланы, Гепиды, Герулы, Руги, Скиры, Турцилинги, Сарматы, Свевы, Квады, Маркоманы, въ безпрерывныхъ стычкахъ, уничтожали

другъ-друга съ дикимъ ожесточеніемъ. Рѣшительное сраженіе доставило побѣду Гепидамъ: тридцать тысячъ Гуновъ и вѣрныхъ ихъ вассаловъ усѣяли поле битвы; Эллакъ, оказавшій здѣсь чудеса храбрости, остался въ числѣ убитыхъ.

Тогда всѣ эти народы разсѣялись: Денгизихъ, съ бо́льшимъ числомъ дѣтей Аттилы, удалился на берега Азовскаго моря и Днѣстра, гдѣ нѣсколько времени поддерживалъ существованіе гунской имперіи въ восточныхъ ея областяхъ. Гернахъ, съ четырьмя братьями, проникъ въ римскія провинціи Рипуарской Дакіи и малой Скиѳіи, подчинился тамъ восточному императору, и получилъ отъ него земли, гдѣ, кромѣ Гуновъ, поселились Аланы, Скиры и другіе разноплеменные народцы, послѣдовавшіе за его звѣздою. Ардарикъ размѣстилъ своихъ Гепидовъ по берегамъ Тиссы и Дуная, въ центрѣ владѣній Аттилы, тамъ, гдѣ онъ имѣлъ мѣстопребываніе. Вытѣсненные Гуны принуждены были бѣжать въ свою очередь; только малое число ихъ осталось на мѣстахъ, подъ защитою возвышенныхъ долинъ Карпатскихъ горъ. До-сихъ-поръ въ одномъ округѣ Трансильваніи сохранился народецъ, несмѣшивающійся съ другими, и выдающій себя за потомковъ этихъ древнихъ остатковъ Аттилиныхъ Гуновъ. Мнѣніе о гунскомъ его происхожденіи съ давнихъ временъ существуетъ въ Венгріи; оно было уже въ ходу въ XIII-мъ вѣкѣ. Дѣйствительно, необходимо сюда должны были удалиться тѣ изъ Гуновъ, которые, отвергнувъ покровительство Римлянъ, искали убѣжища отъ нападеній Германцевъ. Что́ касается до послѣднихъ, то они бо́льшею частію остались въ Панноніи и Иллиріи, раздѣливъ эти страны между-собою по клочкамъ. Трое Амалей, королей Остроготскихъ, заняли Паннонію: Валаміръ восточную ея часть, Ѳеодеміръ окрестности озера Пельсодскаго, нынѣ Нейзидель, на границѣ Австріи, а Видеміръ — среднюю часть. Восточная имперія страшилась ихъ, ласкала, щедро имъ платила; они называли себя гостями и союзниками имперіи; однакоже, по-временамъ, соскучивъ покоемъ, бросали жребій, кому изъ нихъ взяться за мечъ и идти грабить Востокъ или Западъ. Другіе варвары занимались тѣмъ же ремесломъ, съ бо́льшею еще наглостью. Руги, Скиры, Турцилинги проникли до южнаго склона Альповъ, и многочисленными толпами впущены были въ Италію. Здѣсь они получили оружіе и знамена, названіе римской арміи, и вскорѣ составили единственную стройную силу западной имперіи.

Смерть Аттилы, двинувшая въ западную имперію множество народовъ безпріютныхъ, была какъ-бы сигналомъ къ внутреннему распаденію ея. Поколебленный, разстроенный Западъ держался только геніемъ Аэція; самъ Аэцій былъ силенъ и необходимъ только при Аттилѣ, который двадцать лѣтъ Дамоклесовымъ мечомъ висѣлъ надъ римскимъ міромъ. Когда гроза эта прошла, имперія и императоръ вздохнули свободно, и Валентиніанъ сталъ желать одного — избавиться отъ Аэція. Притомъ же, послѣдняя кампанія много убавила важности патриція; Римъ теперь узналъ, по опыту, что для спасенія его ненужно меча, и что для этого достаточно одной низости.

Итакъ, враги Аэція принялись снова за дѣло, съ бо́льшимъ противу прежняго единодушіемъ: на него свалили всѣ бѣдствія только-что оконченной войны, разрушеніе Аквилеи и потерю Транспаданы; ему вмѣнили въ преступленіе невольное бездѣйствіе, въ которомъ онъ оставался; стали отвергать въ немъ дарованія, повторяя вездѣ то, что́ читаемъ у Проспера Аквитанскаго, то-есть, что патрицій въ Италіи не оказалъ того воинскаго искусства, какимъ отличался въ Галліи. Такимъ-образомъ противъ этого великаго человѣка, *послѣдняго изъ Римлянъ*, всеобщее охлажденіе вступило въ заговоръ съ тайными козпями дворцовыхъ евнуховъ; а онъ, попрежнему ослѣпленный и довѣрчивый, не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть ничего. Однажды, съ намѣреніемъ удаливъ вѣрнѣйшихъ друзей патриція, его заманили въ постыдную ловушку, и поразили мечомъ. Это злодѣяніе совершилось въ 454 г.; три мѣсяца спустя, Генсерикъ предавалъ Римъ на расхищеніе.

Можно сказать, что со смерти Аэція не было уже болѣе западныхъ императоровъ; минутные цесари, облачавшіеся въ багряницу, были ни что́-иное, какъ намѣстники варварскихъ патриціевъ, которые возводили ихъ и низвергали. Весь Западъ покрытъ былъ варварами, по одиночкѣ или массами, въ ихъ рукахъ находилось управленіе; теперь имъ оставалось завладѣть землею.

Дворъ Аттилы былъ разсадникомъ пройдохъ, участвовавшихъ въ политическихъ или военныхъ его предпріятіяхъ; эти люди, дѣятельные, неутомимые, жадные до денегъ и наслажденій, вмѣшались во всѣ смуты второй половины V-го вѣка, и въ качествѣ то враговъ, то друзей Римлянъ, перенесли въ Италію свои способности и виды, какихъ они набрались при императорѣ варварскаго міра. Такъ, Орестъ,

о которомъ мы имѣли случай говорить, сдѣлался начальникомъ милиціи императора Непоса, потомъ низвергъ его, и провозгласилъ августомъ роднаго своего сына, еще ребенка, Ромула, котораго назвали маленькимъ Августомъ, Augustulus. Тогда Руги, Скиры, Турцилинги обратились къ этому секретарю Аттилы съ требованіемъ раздѣлить между ними Италію, и вслѣдствіе его отказа, Одоакръ принялъ на себя трудъ дѣлежа. Треть итальянской территоріи распредѣлена между бывшими воинами Аттилы; Одоакръ принимаетъ титулъ короля Италіи. Далѣе исторія выводитъ на сцену, вслѣдъ за нимъ, убійцу его и наслѣдника, великаго Ѳеодорика, сына остготскаго короля Ѳеодеміра, одного изъ военачальниковъ короля Гуновъ: такъ имя Аттилы паритъ надъ всѣмъ этимъ переобразованіемъ Италіи.

Въ восточной Европѣ, духъ его продолжаетъ одушевлять обломки гунской имперіи; многіе изъ его сыновей являются людьми отважными, и слава его открываетъ послѣднимъ рядамъ гунскихъ народовъ легкій путь къ Дунаю. Здѣсь они смѣняютъ одинъ другаго впродолженіе трехъ вѣковъ, подъ именами Утургуровъ, Кутригуровъ, Аваровъ, Болгаръ, Хозаръ, и наконецъ Гунигары или Унгры, нынѣшніе Венгры, основываютъ, около средины VIII вѣка, въ прежней Гуніи, государство, занявшее впослѣдствіи важное мѣсто въ системѣ Европы.

ЗАПИСКИ

Саратовскаго купца Я. П. Жаркова

о

КИРГИЗАХЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Выѣздъ изъ Саратова. — Нѣмецкія колоніи. — Городъ Николаевскъ. — Саратовскія степи. — Сельскіе священники. — Уральскіе казаки. — Раздѣленіе войсковой земли на части. — Башкирцы. — Общій Сыртъ. — Житье Уральцевъ. — Ихъ домашній бытъ. — Письмо къ Киргизскому султану. — Поѣздка по степи. — Казачья пѣсня. — Встрѣча съ Киргизами. — Киргизскій аулъ. — Аульный старшина. — Киргизскія женщины. — Необычайный поѣздъ. — Проруха съ письмомъ.

Говорится у насъ по старинному «куда конь съ копытомъ — туда и ракъ съ клешней». Пословица эта тотчасъ пришла мнѣ въ голову, когда я засѣлъ за конторку, и обмокнулъ перо въ чернила. Ну, что́ я это надъ собою дѣлаю? Ужли, въ-самомъ-дѣлѣ, книжку берусь печатать? Взаправду нешто лезу я туда, гдѣ всѣ меня примутъ какъ незванаго гостя? Пишутъ книжки люди учоные: я-то для чего не за свое берусь дѣло?

Самъ себѣ объяснить не умѣю этого дѣла, — а вотъ третій мѣсяцъ все мучусь, все хожу, да думаю: ай, напишу?... ай, не стану! Руки зудятъ, въ головѣ гудитъ, сердце бьется, въ груди что̀-то кипитъ—такъ и тянетъ меня къ конторкѣ.... а страшно! боюсь опаски! какъ кура во̀ щи попадусь!... А есть что̀-то такое во мнѣ, что̀ нудитъ меня всякій день очинивать новое перо, всякій день садиться за чистую тетрадь бумаги. Какъ-будто дѣдко-домовой меня смущаетъ, руку подталкиваетъ, подъ ухо шепчетъ: «садись, хозяинъ; не бойся—пиши; разсказывай, что̀ видѣлъ, что̀ знаешь.... пиши»!

Ну, инъ быть такъ! разсказывать, такъ разсказывать! Беру на свою душу грѣхъ: грѣхъ да бѣда на комъ не была.... ну, а можетъ-статься найдутся люди, что и не станутъ меня корить, да еще и мнѣ же промолвятъ: «благодарствуй»!

Лиха бѣда сказать первое слово, а исписавъ цѣлую страницу, легче ужъ шагать дальше. Перевернемъ листокъ, благословясь!

—

Лѣтошнимъ годомъ собрался я съ своею хозяйкою, Авдотьей Ивановной, въ дорогу, по своему торговому дѣлу. Сожительницу свою никогда не случалось мнѣ прежде брать съ собою изъ Саратова, да нынче вотъ случай такой выпалъ, что надо ей ѣхать, а съ нею и мнѣ отправляться въ незнакомую сторону. У Авдотьи Ивановны грудь слабовата маленько, да что-то она у меня прикашливать стала: пришлось и за лекаремъ! Добрый человѣкъ у насъ Артемій Петровичъ, да и съ аптекаремъ Густавомъ Богданычемъ знакомство ведемъ мы не первый годъ; вотъ и присовѣтовали они намъ съѣздить за Волгу, прокатиться по степи, подышать тамошнимъ воздухомъ да и поиспробовать кумызу. Отойдетъ, говорятъ, грудная боль, всякую немощь какъ рукой сниметъ. Хозяйка у меня стариннаго покрою: лошадинаго-то молока къ устамъ не допуститъ, ну да ужъ мы какъ-нибудь ее да уломаемъ, только бы разочекъ невдомекъ испила!

У насъ въ Саратовѣ свое заведеніе, изстари, еще отъ покойнаго батюшки досталось: сало топимъ, да въ бочкахъ къ Макарью шлемъ; мясо солимъ—продаемъ бурлакамъ; промышляемъ и краснымъ товаромъ, да я еще какъ въ мальчуганахъ живалъ, такъ пригладѣлся къ бумажнымъ издѣльямъ, а потомъ, ужъ послѣ батюшки, завелъ свои дѣла насчетъ ситцовъ да выбоекъ. Шлютъ жену за Волгу: ну-тко, молъ, и я насчетъ баранчиковъ, да ситцовъ поприглянусь у

Карсаковъ, либо дальше у Уральцовъ! а тамъ, можетъ, и еще того дальше пущусь къ настоящимъ Карсакамъ, въ дальнія орды. Въ Уральскій городъ пріятели надавали мнѣ писемъ къ своимъ хорошимъ знакомымъ.

У нашего брата, торговаго человѣка, велики ли сборы? пачпортъ за пазуху, да кузовочекъ съ бѣльишкомъ.... съ бабьёмъ вотъ только трудновато возиться! Вишь ты какая, думаю, вѣдь больна-больна, а платьевъ, да серегъ, да платковъ, да того да другаго набрала, будто въ чужіе краи на балы поѣхала. Вѣдь такая, право, хозяйка моя чудная! ѣдетъ въ Киргизію, а туда же, модную шляпку съ собою беретъ! не перечить же мнѣ ей, не огорчать же ее изъза пустяковъ: пускай ее, съ Богомъ, рядится передъ Татарками. Молода еще у меня Авдотья Ивановна, но добросердечна и кротка... ну, а прирядиться-то..... вѣстимо, женское дѣло! тоже хочется этакъ пошире да поважнѣе!

Вотъ-съ, хорошо-съ! Уложили мы свой тарантасъ, парнишку въ молодцы взяли, Феклу взяли съ собой, и прикрывъ ящики да чемоданы важнѣйшимъ пуховикомъ, забрались въ свою колымагу, улеглись въ ней, словно на кровати, нашпилили фартукъ, спустили зонтикъ, и гай-да, пошолъ!... Ямщикъ, трогай!!

Эхма! тяжело было разставаться намъ съ роднымъ Саратовомъ, съ укромнымъ родительскимъ домомъ, съ уютною свѣтлицей, съ завѣтнымъ теплымъ угломъ.... Еще того тошнѣе покидать привычныя, широкія, правильныя улицы, прощаться съ великанами—высокими каменными домами, съ богатствомъ нашихъ частныхъ и общественныхъ строеній.... Умиленно крестились мы на золотые кресты нашихъ великолѣпныхъ Божіихъ церквей, миновали нашъ соборъ, выстроенный всѣмъ на удивленье ... и спустились къ пристани, гдѣ ожидало насъ судно для перевоза черезъ Волгу.

Пристань наша кипѣла народомъ, который тутъ кишмя кишитъ, нагружая одни суда хлѣбомъ, и разгружая другія суда съ разнымъ верховымъ товаромъ. Волги, почитай, вовсе невидно: ее загородили отъ глаза цѣлые лѣса мачтъ на сомкнувшихся въ одну сплошную кучу судахъ. Сколько тутъ переливается капиталовъ, усилій, трудовъ видимыхъ... и сколько тутъ слезъ и стенаній, никому невидимыхъ! Недаромъ говорится, что «черезъ золото слезы текутъ»! Вглядитесь въ торговое дѣло, всмотритесь во всѣ обороты его, прой-

дите все мытарства по всѣмъ ступенямъ той лѣстницы, по которой въ голове вашей проходитъ горсть хлѣбныхъ зернышекъ, начиная отъ той минуты, съ которой зернышки эти раскидываются по пашнѣ, и доводя до того часу, когда вы сами, на добытыя трудомъ деньги, покупаете семьѣ своей ковригу хлѣба. Такъ-то Господь Богъ устроилъ все въ здѣшнемъ мірѣ. Къ нему единому мы прибѣгаемъ и благодаримъ мудрый Промыселъ за устроеніе нашей жизни, за облегченіе страданій нашихъ радостями, за наказаніе гордыни нашей горемъ; а не спознаваться съ горестями — не вкушать будетъ и сладостей!

Переѣхали мы Волгу благополучно,—и словно въ иное царство попали: глушь, тишь и ничего болѣе. Поднялся вѣтерокъ, зарокотали волны въ рѣкѣ, насупилось небо, нахмурился ямщикъ, засопѣла наша Фекла, уткнулась въ подушки Авдотья Ивановна, и на самого меня нашла дремата. Проснулись мы въ Красной-Колóнкѣ.

Въ Красной-Колóнкѣ ямщикъ остановился у чистенькаго домика, возлѣ кирки, и сдалъ меня колонисту, обстриженному въ кружокъ по-мужицки, но безбородому и одѣтому въ сермягу. Мы съ Авдотьей Ивановной вошли къ Нѣмцу въ избу.

— Добрая мадамъ, выдьте ко мнѣ на минутку! сказала моя Авдотья Ивановна, постучавъ въ двери сосѣдней комнаты.

— Стушѝль... зашàмъ стушѝль?... рюсска!!

— Мадамъ, я бы позавтракать хотѣла....

— Сафтра?... што такой сафтра, рюсска?

— Нѣтъ ли яицъ въ смятку? мнѣ кушать хочется: нѣтъ ли хлѣба?

— Теперъ курошки яишки нитъ! Хлѣпъ пошолъ на лавка! съ сердцемъ отвѣчала колонистиха моей хозяйкѣ.

— Сатитесь, купецъ, я сапрагалъ лошатка! сказалъ мнѣ сердитый хозяинъ.

— Не намъ бы закусить хотѣлось.... не знаешь ли, гдѣ бы намъ достать?

— Искайте сама!

— Да нѣтъ ли у тебя?

— Тутъ не трактэръ!

— А вотъ я велю поставить самоваръ!

— Мой штаться не пудетъ!

— Но нельзя же, братъ Нѣмецъ, съ пустымъ желудкомъ ѣхать.

— Не польно талоко: тамъ на Паронска мошно обътить!

Предусмотрительная Авдотья Ивановна избавила насъ отъ излишнихъ хлопотъ: она удовольствовалась кринкой молока, а въ кулечкахъ да въ мѣшочкахъ у нея мы нашли и жареную дичь, и пироги. Мы были въ независимомъ положеніи на столько, что могли даже другимъ услужить сухимъ бульономъ, сѣревками. содовыми порошками, плитками шоколату и лимонадомъ въ коробкахъ.

Баронская-колонія чуть ли не самая обширная изъ всѣхъ нѣмецкихъ колонокъ на луговой сторонѣ Волги; здѣсь богатые хлѣбные амбары, чистые и свѣженькіе домики, мало уже похожіе на обыкновенныя избушки, знатная пристань, чистота, опрятность и замѣтный во всемъ порядокъ. Здѣшніе Нѣмцы очень зажиточны: у нихъ одного хлѣба грузится болѣе полутораста судовъ; на черезъ-чуръ ужъ узенькихъ улицахъ селенія весело блестятъ чистенькія окна, заставленныя цвѣтами; на очень многихъ домикахъ навѣшены разныя вывѣски: тутъ-молъ сапожникъ, а тутъ портной, а этто-молъ продаютъ то-то. Одно, только одно мнѣ тутъ не понравилось: былъ день не праздничный и пора рабочая, а пьяненькіе мнѣ попадались-таки на глаза. Нѣмецъ грамотѣ учится съ малыхъ лѣтъ, нужды горькой знать не можетъ — а кабака не чуждается! Не знаетъ Нѣмецъ нашей пословицы «пей, да разумъ не пропей»! Право, не ждалъ я того отъ колонистовъ: у насъ, по Саратову, они живутъ отлично, и дѣла ведутъ хорошія, и капиталами владѣютъ, и оборотами разными занимаются. Одинъ у нихъ порокъ; очень грубы съ нашими, а все-таки народъ примѣрно хорошій. Лѣтъ сотня—хоть оно и не сотня, а восемьдесятъ-то лѣтъ живутъ же они на этой землѣ, безъ хлопотъ, безъ нашихъ заботъ: пора бы съ нашими сжиться!

Проѣхавъ всѣ колоніи этого берега Волги, вверхъ по рѣкѣ, мы изъ послѣдней изъ нихъ, изъ такъ-прозываемай Сѣверной-Колонки, въѣхали въ городъ Николаевскъ.

Николаевскъ бѣдный городокъ съ татарской слободкой; онъ живетъ еще такъ недолго, что не успѣлъ изъ прежде бывшаго селенія разростись въ замѣчательный почему-либо городъ

За Николаевскомъ начинается коренная, старинная, а пожалуй-что и устарѣлая Русь, люди, которые терпѣть не могутъ нашего брата табачника и бритоуса. Здѣсь мы останавливались въ зажиточныхъ селеніяхъ, которыя назывались: одно — «Журавлиха», другое «Гу-

сиха», или иначе, «Анинъ-верхъ»; далѣе «Селезниха» и потомъ село «Сестры» или «Сестринскій-умётъ». Трактъ тутъ не почтовый и дорога не торговая, и мы принуждены были искать пріюта у сельскихъ священниковъ, въ отрѣшеніи отъ мірской суеты благовѣствующихъ евангельскія истины и наставляющихъ своихъ прихожанъ здравомыслію и единенію.

Они кротки, привѣтливы и угодливы къ страннику. «Матушка» ухаживаетъ за Авдотьей Ивановной, хлопочетъ устроить ей ночлегъ, такъ, чтобъ ее ничто не могло обезпокоить, и суетится по хозяйству, чтобъ поласковѣе уберечь мою больную, да повкуснѣе накормить дорожныхъ гостей. «Батюшка», скинувъ рясу и повязавъ подрясникъ новымъ кушакомъ, женина рукодѣлья, показываетъ мнѣ свое маленькое хозяйство, разсказываетъ о добрыхъ сторонахъ своихъ прихожанъ, скромно умалчиваетъ о своихъ подвигахъ благовѣствованія,— и часъ за часомъ, время дружно проходитъ у насъ въ назидательныхъ бесѣдахъ.

Мы, бывало, переночуемъ у добраго пастыря, и прощаясь наутро съ благочестивыми хозяевами, придумываемъ съ женой, какъ бы безъ огорченія отблагодарить ихъ за ласку и за трапезу. Пробовали мы наше доброхотное даяніе вручать и самому священнику—неудача! Мы матушкѣ зелененькую передавали — тотъ же отказъ, не слушая никакихъ упрашиваній! Мы малымъ ребяткамъ, поповымъ дѣткамъ, будто-что́ на пряники въ тихомолку давали — и пуще того хозяева обижались!

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше степенство,—хозяинъ; не корите нашъ домъ подаяньемъ!

— Не обезсудьте, матушка: мы вамъ поклониться хотѣли, за привѣтъ и за ласку! Дозвольте, хотя чѣмъ-либо показать наше благодареніе!

— Доброе слово дороже намъ денегъ! Писаніе велитъ намъ принять странника. Грѣхъ за такое дѣло мзду принимать!

— Мы, матушка, сказала Авдотья Ивановна, долго-долго будемъ васъ помнить; хотѣлось бы, чтобъ и вы подольше о насъ вспоминали. Не огорчите хоть меня отказомъ; я непремѣнно хочу что́-нибудь оставить вамъ на память. Научите меня, не досаждая вамъ, исполнить мое сердечное желаніе!

— Я у васъ видѣла цѣлую корзинку спичекъ: снабдите насъ маленькой коробочкой; у насъ на прошлой недѣлѣ всѣ сѣренки вышли,

а изъ городу торговцевъ теперь нескоро дождешься.... а ужъ какъ бы вы насъ этимъ разодолжили!...

На этомъ вся наша благодарность и кончалась!... Вспоминаютъ здѣсь добрымъ словомъ ласковыхъ проѣзжихъ, по именамъ называютъ тѣхъ изъ нихъ, которые мало-мальски ознаменовали себя добрыми дѣлами и помощію бѣднымъ семействамъ.

За «Сёстрами», немножко вправо отъ дороги, видѣется озеро, именуемое Тягловымъ-озеромъ; по немъ и деревня, тутъ построенная отъ разныхъ сходцевъ, называется Тягловою же. Жители здѣшніе во многомъ сродни своимъ саратовскимъ, дубовскимъ и закавказскимъ однокашникамъ. Мы рады были, что въ Тягловой незачѣмъ намъ было долго засиживаться: больно скучно! Далѣе много есть хуторовъ и умётовъ, заселенныхъ Малороссами, которые въ благосостояніи своемъ далеко уступаютъ зажиточности коренныхъ русскихъ переселенцовъ. Земли здѣсь тучныя, а въ угодьяхъ приволье такое, что на кортому оброчныхъ статей и купечество и городскіе чиновники составляютъ компаніи, и уже отъ себя передаютъ пусто-порожнія земли, еще черезъ двои рукъ въ третьи, подъ обработку и землепашество наѣзжимъ крестьянамъ. Важно ростетъ здѣсь пшеница, и многихъ пшеница эта кормитъ!

Отъ самаго города Николаевска, мы съ женой ѣхали все по рѣкѣ Иргизу. За Тягловымъ, мы очутились на притокѣ Иргиза, рѣчкѣ Камелйкѣ; отсюда начинается обширная область земель Уральскихъ-казаковъ. Область эта, какъ бы это сказать?.. область эта есть какъ-бы военная губернія, которой каждый житель есть уже по самой природѣ и породѣ своей коренной, исконный казакъ. Всякая губернія дѣлится на уѣзды, и земля Уральскихъ казаковъ точно также дѣлится, только не на уѣзды, а на особенные отдѣлы, которые нашему брату, торговому человѣку, если здѣсь свои дѣла имѣть, знать необходимо нужно. Вотъ какое это раздѣленіе:

Отдѣлъ I. Городъ Уральскъ; въ этотъ отдѣлъ включенъ самый городъ Уральскъ и примыкающіе къ нему, внѣ города, хутора́, уметы, скиты, зимовки. Этотъ первый отдѣлъ дѣлится на четыре части: 1, городъ Уральскъ; 2, первый округъ; 3, второй округъ, и 4, третій округъ.

Отдѣлъ II. Сакмарская станица; въ этомъ отдѣлѣ включенъ

Сакмарскій городокъ, съ принадлежащими ему выселками и хуторами.

Отдѣлъ III. Илецкая станица; въ немъ Илецкій городокъ съ сосѣдственными форпостами; этотъ отдѣлъ раздѣляется на три части: 1, городокъ; 2, внутренняя дистанція, и 3, новоилецкая дистанція.

Отдѣлъ IV. Гурьевъ-городокъ; одинъ только онъ, безо-всего.

Отдѣлъ V. Верхняя дистанція, съ извѣстнымъ числомъ форпостовъ, въ самомъ верхнемъ, по рѣкѣ Уралу, краю казачьей общественной земли.

Отдѣлъ VI. Средняя дистанція, съ своими форпостами и крѣпостями.

Отдѣлъ VII. Нижняя дистанція, тоже съ своими крѣпостями и форпостами; она идетъ по рѣкѣ Уралу вплоть до Гурьева-городка.

Отдѣлъ VIII. Чижинская дистанція, съ форпостами, хуторами, зимовками и кордонами.

Отдѣлъ IX. Внутренняя уральская линія, тоже съ извѣстнымъ числомъ форпостовъ, хуторовъ и кибитокъ.

Отдѣлъ X. Башкирское отдѣленіе, раздѣляющееся на три части или юрты каждая съ опредѣленнымъ числомъ хуторовъ, зимовокъ или деревень и кибитокъ.

Вотъ этихъ-то Башкирцовъ я и встрѣтилъ на Камеликѣ, гдѣ ихъ кочевки.

Недалеко отсюда довелось мнѣ переѣзжать «Общій-Сыртъ»; но сказать объ немъ многаго не могу, развѣ, что его здѣсь вообще называютъ «Опчій», и что это не что иное, какъ плоская, верстъ въ десять шириной, возвышенность, съ довольно отлогими покатостями; «сыртомъ» здѣсь называется вообще всякая возвышенность, точно такъ же, какъ ордой называется всякое кочевое племя.

Казаки Уральскаго Войска состоятъ изъ четырехъ племенъ: первое мѣсто занимаютъ коренные Русскіе, потомъ Татары, потомъ Калмыки и наконецъ Башкирцы Первые три племени вмѣстѣ составляютъ народъ Уральцевъ; Башкирцы же не суть Уральцы, они не называются даже уральскими казаками; да кромѣ-того три отдѣла, которые мы отмѣтили цифрами II, III и X, состоятъ на особомъ положеніи, и въ правахъ пользованія рѣкою Ураломъ не смѣшиваются съ остальными семью отдѣлами.

Что это, Боже мой, за народъ, эти Уральцы! Живалъ я, слава

Богу, и помыкался-таки на своемъ вѣку довольно и между Донцами, и между Черноморцами, присмотрѣлся къ лихому воинству и на Терекѣ — и... что̀ грѣха таить! видалъ я богатырей; — а того, что̀ увидѣлъ въ Уральской землѣ, — и во снѣ мнѣ видать не удавалось! Этакое чудо чудное, диво дивное!

Мнѣ въ Уральской землѣ случай выпалъ зажиться маленечко: стало, я могъ кой-къ чему присмотрѣться, но насмотрѣться и налюбоваться и доселѣ вдоволь не могу. Казачья земля — дрянь-дрянью, ни на что̀ не годится: пески да солонцы — только и есть; по этой причинѣ хлѣбопашества, почти — вовсе нѣтъ; хлѣба нѣтъ; льну нѣтъ; пеньки нѣтъ, лѣсу нѣтъ! Здѣсь все привозное, все покупается на наличныя деньги, начиная отъ насущнаго ломтя хлѣба, отъ обуви, отъ одежды, до послѣдней веревки и нитки, отъ рѣчной бударки до весла, отъ невода до багорнаго шеста! А гляньте-ко кругомъ, ка̀къ живетъ народъ? Дома опрятные, чистые, въ линію; въ домахъ убранство разное, и зеркала, и часы, и оконныя ширмочки изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, да еще и на стеклышкахъ-то живопись: здоровенный такой купецъ съ окладистой бородой, должно быть нашъ же саратовскій, на колѣняхъ такъ и разсыпается передъ разодѣтой въ пухъ барыней въ чепцѣ; а та съ обнаженными плечами сидитъ себѣ за самоваромъ, да чаекъ распиваетъ!

Уральцы ѣдятъ вкусно и сытно; даже простые казаки, — и тѣмъ мясо знакомо не въ одинъ Христовъ-день! Подъ Уральскомъ разведены богатые сады; каждый, почитай каждый казакъ — и богатырь, и купецъ; самъ онъ и табуны пасетъ, самъ и скотъ гоняетъ; самъ и рыбу ловитъ, самъ и солитъ ее; самъ и на торги ѣдетъ въ степь, самъ и отъ врага боронится.... завидная земля счастія, умѣнья и трудовъ, боевыхъ и миролюбивыхъ!

Казакъ, вѣстимо дѣло, рожденъ не на печи лежать, а биться за Царя да за Русь Святую; долженъ онъ самъ и выправиться на службу, и Царю полки выставить, и пушки для него изготовить. Откуда же у Уральцевъ такое богатство? У нихъ два источника этого богатства: первый неистощимый источникъ — рыболовство въ рѣкѣ Уралѣ и противъ его устій, въ морѣ, а второй источникъ — скотоводство и торговля баранами.

Мы здѣсь много набрались толковъ о Киргизахъ, или, какъ ихъ у насъ въ Саратовѣ называютъ, Карсакахъ, и все, чего мы о нихъ

ни наслышались, все это увѣрило, что теперь Киргизы совсѣмъ не то, что были за пятьдесятъ лѣтъ. Признаться, побаивался я сначала маленько везти туда жену, помня, что у насъ про нихъ толкуютъ: называютъ ихъ и ворами, и хищниками, и дикими, и чуть-чуть не людоѣдами; стращали насъ, что и въ плѣнъ-то Киргизы насъ возьмутъ, и въ Хиву-то насъ перепродадутъ, и станутъ мучить насъ голодомъ, и, Господи! чего только намъ про нихъ не наговорили! Здѣсь посмѣялись только надъ всѣми сказками, и обѣщали намъ рекомендовать насъ одному почетному Киргизу, да присовѣтовали еще самимъ отнестись съ письмомъ не къ какому-нибудь простому султану, а султану съ вѣсомъ, съ чиномъ, съ орденомъ, съ властью.

Въ городѣ Уральскѣ модныя шляпки да шелковыя платья пригодились моей Авдотьѣ Ивановнѣ, да только несовсѣмъ-то ладно.

Было у меня письмо изъ Саратова къ одному здѣшнему торговцу баранами, Георгію Ларіоновичу. Вотъ и поѣхалъ я къ нему, какъ водится, съ почтеніемъ. Ну, думаю — баранами торгуетъ: видно мужикъ богатый! Принаряжусь-ка молъ я, да выпущу-ка свою медаль; все-таки, молъ, честь лучше безчестья.

Что жъ бы вы думали? Подъѣзжаю къ старому-старому дому, должно-быть, что лѣтъ больше полсотни стоитъ, въѣзжаю въ широкій дворъ; меня подвозятъ къ деревянному дому, что прямо противъ воротъ; у крылечка лежитъ пара важныхъ лягавыхъ собакъ; сѣнцы выстланы хорошимъ ковромъ; вхожу въ переднюю — слуга бросается снимать съ меня верхнее платье, спрашиваетъ меня объ имени, растворяетъ дверь въ залу, оставляетъ меня одного, самъ идетъ дальше, и я издалека слышу, какъ онъ въ пятой комнатѣ доложилъ обо мнѣ хозяину.

— Яковъ Прохоровичъ Жарковъ, изъ Саратова.

— Проси въ гостиную.

Жду я: вотъ, молъ, сейчасъ вылезетъ торговецъ баранами! Надо дескать взглянуть, каковъ казачина выступитъ: должно-быть коренастый, толстъ какъ волъ, борода ниже пояса.... Только вдругъ.... шасть.... передо мной стоитъ молодой, видный собою офицеръ, высокій, молодецъ такой, кованыя эполеты, на воротникѣ чекменя двѣ шитыя петлицы, на пуговицахъ орлы, на груди крестъ. Пошли тары-бары, и я узнаю, что Георгій Ларіоновичъ, отслуживъ урочные годы въ Петербургѣ, въ гвардіи, воротился на родину и занимается те-

перь дома по хозяйству. Мы познакомились — и хозяинъ тутъ же предложилъ познакомить меня съ своимъ дядей, Стахвемъ Дмитріевичемъ, старымъ рубакой, отчаяннымъ воиномъ двѣнадцатаго года, но нисколько неустарѣлымъ и все-еще красующимся обстриженными въ скобку волосами и длинною, густою бородой! Стахей Дмитріевичъ отслужилъ свои тридцать-пять лѣтъ Царю-Государю, и давно полковникомъ въ отставкѣ, а все-еще молодецъ! хоть сейчасъ на коня да на Турку, а ужъ какой веселый — и разсказать нельзя.

Дядя и племянникъ люди семейные и весьма почетные горожане: надо было мнѣ и свою хозяйку свозить къ нимъ.... Разодѣлась моя Авдотья Ивановна, надѣла барежевое платье, продѣла въ уши модныя серьги узломъ, едва-едва справилась съ перчатками, отъ которыхъ уже поотвыкла, накинула мантильку, напялила на голову нововодную шляпку.... Собрались мы.... поѣхали.... пріѣхали.... входимъ — и передъ нами все лучшее общество — въ сарафанахъ! да ведь въ какихъ? Бархатный, примѣрно, гранатоваго цвѣта, весь обшитъ золотымъ кружевомъ! или, напримѣръ, голубой изъ самаго дорогаго штофа и весь обложенъ серебрянымъ позументомъ.

Хозяйка моя родилась въ коренной русской семьѣ, еле-еле отвыкла отъ платочка, и по моей только милости; никогда терпѣть не могла модныхъ шляпокъ, рада бы и сама носить сарафаны, благо они ей и къ лицу и къ росту.... а на, вотъ тебѣ, какой грѣхъ вышелъ! рядилась, рядилась, да съ нарядами-то совсѣмъ и опростоволосилась. Обидно, видите ей стало отъ сарафановъ Уралокъ.... да полно обидно ль? не завидно ли?

Весело и отрадно провели мы съ хозяюшкой время въ Уральскѣ, и здѣсь, благодаря новымъ знакомствамъ, выпила-таки моя хозяйка кумысу, безъ приневоливанья, а съ обманцомъ, вмѣсто сыворотки; показалось вкусно; послѣ, когда открыли секретъ, на первыхъ порахъ ее было немножечко и помутило, ну, да слава Богу, все прошло благополучно, и ужъ на третій день я отъ нея самой услышалъ: «налейте-ка мнѣ, Яковъ Прохорычъ, еще стаканчикъ!» Но пить кумысъ и жить на одномъ мѣстѣ, безъ большаго моціону, — незачѣмъ, пропащіе хлопоты; назначили завтра выѣхать въ степь, а сегодня, примѣромъ, послалъ я, по совѣту пріятелей, къ султану правителю письмо, а въ письмѣ-то и пишу, не своимъ языкомъ, а по галантерейному, вотъ какъ:

«Ваше высокостепенство,
Господинъ полковникъ и кавалеръ,
Высокостепеннѣйшій Султанъ-Правитель,
Высокородный султанъ Арсланъ!

«Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, какъ къ согражданину общаго нашего отечества и сыну нашей матери Россіи, съ привѣтомъ и пожеланіемъ вамъ, Султанъ и Султанъ-Правитель, добраго здоровья и успѣха во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, я беру смѣлость безпокоить васъ, Султанъ, покорнѣйшею просьбою объ оказаніи мнѣ гостепріимства въ аулахъ Киргизовъ, ввѣренныхъ начальствомъ вашему бдительному надзору и попеченію. Я надѣюсь, что сумѣю достойно оцѣнить и окупить тѣ безпокойства, которыя пребываніемъ моимъ въ кибиткѣ могутъ быть причинены моимъ будущимъ хозяевамъ.

«Я самъ ѣду въ степь по торговымъ дѣламъ, но главная цѣль моей поѣздки есть желаніе излечить жену отъ грудной боли кумысомъ и степнымъ воздухомъ. Опираясь на вашу снисходительность и на патріархальныя добродѣтели киргизскаго народа, я завтра переѣзжаю Уралъ, и радуюсь случаю, доставившему мнѣ возможность, предварительно личнаго знакомства, выразить вамъ, милостивый государь, на письмѣ, знаки отличнаго моего уваженія и совершенной вамъ, Султанъ, преданности».

Это письмо я самъ отвезъ на мѣновой дворъ, и написавъ на конвертѣ: «въ ставку правителя», попросилъ встрѣчнаго маклера, по просту фактора, или татарина на побѣгушкахъ, тотчасъ же отправить его до перваго аула, съ тѣмъ, чтобъ дальше пустить по вѣрной передачѣ.

На слѣдующее утро мы замѣнили свой укладистый экипажъ другимъ, болѣе легкимъ тарантасомъ, запрягли въ него казачью тройку, переѣхали мостъ черезъ Уралъ, двинулись къ мѣновому двору, явились въ таможню, предъявили свои пожитки, и — поѣхали дальше.

Дорога, по которой мы ѣхали первое время, была накатана: она вела на Черхальское-морцо́, но скоро мы ее оставили вправѣ, а сами взяли въ лѣвую руку, съ тѣмъ, чтобъ послѣ выѣхать на рѣку Утву, гдѣ, въ прежнія столѣтія, казаки часто и крупно перевѣдывались съ Ордынцами, которые хищнически нападали на передовые казачьи пикеты, и злодѣйски, какъ предатели, искали случая погубить православное русское воинство. Говорятъ, что въ стародавніе годы, на

этой рѣкѣ, Орда одинъ разъ тайно напала на казачій лагерь, расположенный шатрами и кибитками, и всѣхъ молодцовъ нашихъ изгубила: орды было тьма тьмущая, ночь темная и бурная, надежда на поживу чуткая ... Да ужъ и казаки зато надолго заставили ихъ себя помнить! лихо, послѣ того, они зачитали ордынцамъ ихъ вины!

Везшій насъ казакъ, въ синемъ бумажномъ съ мелкими полосками татарскомъ халатѣ, подпоясанный саблей и въ форменной фуражкѣ, много и складно разсказывалъ намъ о прежнихъ побоищахъ съ Ордою; послѣ того, покривлявшись на козлахъ, чтобъ поладнѣе усѣсться на непривычномъ сидѣньѣ, онъ нахлобучилъ плотнѣе фуражку, подобралъ возжи, гаркнулъ на лошадокъ, и промурлыкавъ что-то подъ носъ, тихо запѣлъ свою казачью пѣсню:

За рѣкой, за рѣчкой быстрой,
За Утвою,
За утвинскими крутыми
Берегами,
Позабытая есть пашня
Зеленая.
Въ давны годы тую пашню
Распахали!
Пашня пахана не плугомъ,
Не сохою,
Взборонована не нашей
Бороною;
А распахана та пашня
Зеленая
Злыхъ Киргизцовъ да Хивинцовъ
Острой саблей.
Исполосанную пашню
Боронили
Остры копья!
А опосля тую пашню
Притоптали
Лютыхъ злѣющихъ Ордынцовъ
Дики кони:
Ихъ лихіе аргамаки
Пашню взрыли,
А некованны копыты
Всю взбугрили,

И засѣяна та пашня
Зеленая,
Не пшеницей и не житомъ,
И не просомъ:
А засѣяна та пашня
Зеленая
Удалыхъ нашихъ казаковъ
Головами!
Поливали тую пашню
Не водицей,
А родныхъ нашихъ братановъ
Свѣжей кровью!
Но давно минуло время
Той невзгоды,
И давно ужъ тая пашня
Зеленѣетъ!...
Зеленѣйся, наша пашня,
Зеленѣйся!
На поливочку теперь ты
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? Развѣ что
Съ неба дождикъ?

Мы ѣхали трускомъ по степи, но дорога была хоть и не то, что колесная, однако похожа на колесную: верблюды такъ ее славно протоптали, что мы съ Авдотьей Ивановой едва повѣрили разсказамъ о томъ казака. Караваны идутъ всегда гусемъ, верблюдъ за верблюдомъ; иногда бываютъ двѣ длинныя линіи верблюдовъ; — вотъ они и проложили намъ дорожку, по которой легко теперь катится нашъ тарантасъ.

— Яковъ Прохорычъ, голубчикъ: гляньте-тко сюда! не безъ страха крикнула моя Авдотья Ивановна, показавъ пальцомъ на ближній холмъ, на скатѣ котораго стояли какіе то два страшилища.

— Матушка, Авдотья Ивановна, разбойники!... черти!... дьяволы!... Съ нами крестная сила!... Господи, упаси мою душеньку!... завопила наша Фекла.

— Что-й-то, братъ казакъ, такіе за пугалы? спросилъ я, обратившись къ нашему казаку, и.... да что ужъ тутъ грѣха таитъ?... маленько трухнувши, самъ я не зналъ что дѣлать.

— Это?... а!!... это наши осѣдли Иабынцы.... смиреный народъ.... эй, пріятели, ай-да сюда! заревѣлъ козакъ во все горло.

— Ярарь! (ладно)! отвѣчали Киргизы, и мигомъ, подлетѣли къ намъ.

Мы не знали съ женой, что съ нами будетъ; мы понимали, что дурнаго ничего случиться не можетъ, а все какъ-то чудно и дико казалось намъ видѣть вооруженныхъ саблями и предлинными пиками Киргизовъ, въ халатахъ и въ бѣлыхъ, лохматыхъ, ушастыхъ колпакахъ. Ужъ конечно мы старались, чтобъ даже не поморщиться, но зато Фекла наша вся перетрусилась, а Антоша-парнишка сидитъ себѣ рядкомъ съ казакомъ, ни гу-гу! ни слова, будто и не его дѣло!

— Тащу гостей къ вамъ въ аулъ.... началъ козакъ.

— Айё! прервалъ Киргизецъ; а «айё» у нихъ тоже какъ бы у насъ сказать «такъ»-молъ.

— Въ ставку къ султану ѣдутъ....

— Айё!...

— Хорошіе такіе люди....

— Айё....

— Неспѣсивые....

— Айё....

— Такъ проводи насъ въ свой аулъ....

— Айё!

— Лошадей перемѣнить....

— Айё.... шулай.... ярарь! Ладно-молъ, говоритъ, хорошо!

Киргизцы повернули, взмахнули ногайками, гикнули и полетѣли стрѣлой; но скоро снова къ нимъ вернулись, опять гикнули, вытянули длинныя свои копья, и опять понеслись впередъ по дорогѣ. Мы въѣхали на небольшую возвышенность, и передъ нами открылось невиданное нами прежде зрѣлище.... ну, словомъ-сказать, точно картина.

Передъ нами была, какъ бы сказать?—впадина; её окружали съ одной стороны дорога, пробитая верблюдами, съ другой крохотное озерко, или большая лужица, въ которую скопилась вся вода отъ таянія вешняго снѣгу; съ третьей стороны былъ не то пригорокъ, не то простая отлогость, а такъ себѣ равнинка, которая, должно-быть, поднимаясь помаленечку все въ гору да въ гору, вдругъ пошла круто обрываться: этой то другой стороны намъ и не видать стало,

а гдѣ возвышенность кончается, тутъ просто видно было только одно голубое, безъ облачковъ, небо. Середь равнинки раскинуты были кибитки, въ двухъ очень близкихъ одно къ другому мѣстахъ; десятка полтора съ одной стороны, да столько же, видно, и съ другой. Это и были два первые видѣнные нами аула. Въ сторонѣ межкалъ скотъ, аравы барановъ, коровы, тамъ дальше лошади, а близь ихъ долговязые верблюды.

Изъ каждой кибитки вился синій дымокъ; малые ребята, мальчики съ бритыми головами, а дѣвочки съ всклоченными волосами, нагіе или едва прикрытые какими-нибудь лохмотьями, выглядывали на насъ изъ-за своихъ матерей и тётокъ; всѣ они смотрѣли на насъ съ знаками того же изумленія, съ какими, вѣроятно, и мы сами вглядывались въ ихъ загорѣлыя лица, въ ихъ востроносыя шапочки, въ ихъ остроухіе колпаки, во все, во все, на что у насъ теперь глаза разбѣжались.

Къ тарантасу подъѣхалъ какой то Ордынецъ, который, на нашихъ глазахъ, сѣлъ у самой кибитки верхомъ на лошадь и поскакалъ къ намъ, хотя разстояніе было и невелико.... Чудной, право, народъ! по моему разумѣнью, ему и легче и скорѣе было добѣжать пѣшкомъ и миновать полсотни шаговъ по просту, на своихъ на-двоихъ, чѣмъ возиться еще съ лошадью!

— Саламалыкъ! сказалъ я подъѣхавшему господину въ хорошемъ киргизскомъ платьѣ, въ суконномъ халатѣ и съ бѣлыми какъ снѣгъ, длинными воротничками, которые у всѣхъ Киргизовъ отворачиваются отъ шеи на плечи.

— Селямъ-алейкюмъ! сильно, должно-быть, перемогая себя, рѣшилась произнести моя хозяйка, обратившись къ статному, но уже порядкомъ таки пожилому наѣзднику.

— Будь джаровы.... твоя, баринъ, татарская нитъ знаю: я сама тиби мало-мало покалякиваю!

— А вы, почтенный, примѣрно, изъ какихъ?

— Аульна старчинъ моя.... далше пошля — сама дистанйшна будетъ.

— Такъ-съ, господинъ аульный старшина! а до господина-то дистаночнаго начальника еще далече намъ ѣхать?

— Два аулъ; три аулъ, — тама дистанйшна.

— Ну, вотъ и хорошо-съ! Сталось, мы сегодня до него выберемся!

— Сувоні, сувоні! А таберъ пошля на моя кошъ... ташилъ своя баба... поджалюста!

— Благодаримъ покорно, господинъ старшина.... мы торопимся!... вотъ вы бы намъ лошадокъ только пожаловали...

— Лошатка?... лошатки много!!... Снасть нѣтъ! Нѣтъ хамутъ, нѣтъ сбруя! Пошля на кошъ!... Твоя бѣжилъ много: усталъ баба! Моя будетъ роспурджàни!

А понялъ, что лошадей-то много у него, да упряжи не хватило, и что пока дескать онъ, старшина, будетъ дѣлать распоряженье, намъ нелишне бы войдти въ кибитку: вишь, говоритъ, много ѣхали, хозяйка устала!

Всѣ Киргизы и Киргизята выстроились рядами около большой, опрятной кибитки, покрытой большими полстями бѣлаго войлоку, и ждали нашего выхода. Мы съ хозяйкой вылѣзли изъ тарантаса и пошли въ ту кибитку, которая, какъ оказалось, принадлежàла аульному старшинѣ.

Слѣдомъ за нами вошли мужчины и женщины съ ребятами; бабьё окружило мою хозяйку и пустилось съ ней въ разные разговоры. Ужъ какъ онѣ другъ-друга понимали, — Господь ихъ вѣдаетъ! Мнѣ было не до того: я бесѣдовалъ съ хозяиномъ, а послѣ принялся хлопотать о коняхъ, и былъ увѣренъ, что кàзакъ нашъ уважитъ меня и ссудитъ на будущій путь своими шлеями, дугой и возжами, и что мы послѣ воротимъ ему все въ сохранности. Но пока мы лакомились въ кибиткѣ кумызомъ, который Авдотьѣ Ивановнѣ моей шибко пришелся по вкусу, казакъ расчитался, да и тягу! и слѣдъ его простылъ! Люди ловили въ табунѣ лошадей, другіе гомозились около насъ, въ кибиткѣ: отъѣзда казака никто не примѣтилъ.

Какъ же тутъ быть? Мы ужъ прикидывали и такъ, придумывали и сякъ; — нѣтъ, видно, придется оставить намъ удобную повозку и пуститься въ степь верхомъ! Мнѣ-то бы, да парнишкѣ это ничего, Антоша у насъ парень молодецкій, да съ Феклой-то намъ не справиться; ну, и Авдотьѣ-то Ивановнѣ на сѣдло не взобраться; а на верблюдахъ ей и сами Киргизы верхомъ не совѣтовали ѣхать — сильно умучаетъ и раскачаетъ!

— Запряжемте-ка, молодцы-бàтыри, верблюдовъ подъ повозку?!

говорилъ по-своему одинъ Киргизъ другимъ товарищамъ: кромѣ арканов намъ ничего не будетъ нужно.

— Да неужто мы съ лошадьми не справимся? спрашивалъ старшина.

— А возжи гдѣ? гдѣ хомутъ?

— А вотъ, постой.... Тутъ въ долинѣ живетъ султанъ Адилъ; вѣдь онъ не байгушъ какой: у султанши тоже повозка! Да, да! у нихъ есть и дуга и хомутъ.... хорошо, что вспомнилъ!... Эй, куччакъ! садись нá-конь, бѣги къ султану Адилю, проси хомута: скажи — гости!

Я вошелъ снова въ кибитку и.... ей же ей! право.... немало подивился короткостямъ, которыя завязались у киргизскихъ женщинъ съ нашими Тѣ, чтó казались повиднѣе да позажиточнѣе, угощали Авдотью Ивановну, которую они усадили на коврѣ, на цѣлой горѣ мягкихъ подушекъ, и подносили ей маленькія лепешечки къ чаю; простыя Киргизянки, должно быть прислужницы чтó-ли какія, или просто небогатыя сосѣдки, тѣ занялись Феклой. Онѣ отвели ее къ сторонкѣ отъ того мѣста, гдѣ тѣшилась моя хозяйка и усадили на простомъ войлокѣ, на полу, возлѣ кипящаго самовара. Чай заваривалъ молодой красивый парень, и разливалъ его въ маленькія миски безъ ручекъ, а молоденькая дѣвчоночка, уже на возрастѣ, годовъ этакъ четырнадцати, видно сестра его, — съ лица тоже такая красивая, — та принимала подносъ съ мисками и подавала его Авдотьѣ Ивановнѣ. А когда я вошелъ, то мнѣ чай подалъ тотъ же молодецъ, что хлопоталъ около самовара

Авдотья Ивановна, а особенно Фекла, такъ и разсыпались передъ Киргизянками въ разныхъ вѣжливостяхъ, а тѣ передъ ними то и дѣло тараторили по своему. Понимали ли онѣ другъ-друга, — это особая статья; но онѣ видимо были другъ-другомъ довольны. Киргизянки любовались нарядомъ моей жены, жена разсматривала ихъ головныя навёртки и шапочки, шутили онѣ, смѣялись, хохотали, да и я то прозанялся съ хозяиномъ такъ, что съ часъ времени прошло не замѣтно.... и попили же мы съ нимъ чайку!

Но вотъ привели лошадей, привезли сбрую, вотъ сѣрый жеребецъ запряженъ въ оглобли, вотъ два другіе жеребца на пристяжкѣ.... пора въ дорогу!

Одно слово — хозяйка! золотая хозяйка, моя Авдотья Ивановна!

Я себѣ и думать обо всемъ позабылъ, а она, такая предупредительная, вынула два миткалевые платочка, одинъ пестрый съ цвѣточками, другой красный клѣтчатый, и подарила ихъ хозяйкѣ и хозяйской дочери, что чай-то ей подавала... Хозяева такъ обрадовались, точно невидаль какая! нашему подарку, что чуть было не навязали намъ огромнаго барана! Я было старшинѣ цѣлковый за угощенье.... куда! ни цѣлковаго, ни прогоновъ ни за что брать не хочетъ!

Прежде чѣмъ засѣсть въ тарантасъ, Авдотья Ивановна попросила старшину, чтобъ онъ велѣлъ ямщику проѣхаться маленечко вокругъ аула. Приземистый Киргизъ-байгушъ залѣзъ было на козлы, но потомъ сползъ оттуда на ящикъ, что подъ ногами,—у насъ еще тутъ сало да топоришко уложены были, — махнулъ ногайкой, гикнулъ.... и непривычные къ упряжкѣ жеребцы рванулись, на дыбахъ, въ разныя стороны. Пристяжныя лошади замотали головами, закрутили хвостами, пронеслись шаговъ съ двадцать впередъ и бросились одна туда, другая сюда. Коренная взвилась на дыбы, задрала кверху морду, концомъ ея хватила по вершинкѣ широкой, но низкой дуги.... и пошолъ дымъ коромысломъ! Подбѣжавшій народъ поспѣшилъ собрать разметавшихся врознь лошадокъ въ одну кучку; пугливыхъ коней успокоили, ямщикъ снова взмахнулъ ногайкой, снова гикнулъ, лошадки дернули, пронеслись еще десятка съ два шаговъ и снова заартачились. Хомутъ у кореннаго разшатался, гужи раскрутились, дуга свалилась сверхъ на шею; жеребецъ забѣсился, пристяжка хватились въ стороны, рванулись, порвали поводки, которыми были привязаны къ концамъ оглобель у дуги, и на всемъ скаку повернулись хвостами въ степь, мордами къ колесамъ: ихъ задержали только боковые арканы, замѣнявшіе постромки.

Совсѣмъ было бѣда пришла, да хорошо еще, что мы то засѣсть не успѣли въ повозку. Бились мы, бились съ лошадками еще часа два; наконецъ Киргизы смѣкнули дѣломъ по-своему, и придумали славную штуку.

Они впрягли лошадей снова и закрѣпили ихъ въ оглобляхъ и въ постромкахъ двойными узлами; къ уздечкамъ жеребцовъ они подвязали новые, предлинные арканы; трое молодыхъ хватовъ сѣли на верховыхъ коней, навязали себѣ на руки концы этихъ подвязныхъ аркановъ, и ими поволокли за собою весь поѣздъ; нашъ ямщикъ байгушъ тоже взгромоздился верхомъ, но сѣлъ не на особаго ко-

ня, а на впряженнаго въ тарантасъ сѣрку, и такимъ-то необыкновеннымъ порядкомъ спроворилась наша поѣздка по степи. Выходило, что три молодца — наѣздника тянули за арканы нашу тройку, тройка эта волочила тарантасъ, а ужъ въ тарантасѣ то мы съ Авдотьей Ивановной и съ Феклушей расположились.... но теперь уже не на пуховикѣ! мы оставили его въ Уральскѣ! а на покрытыхъ подушками чемоданахъ и ящикахъ, которые замѣняли намъ обыкновенное сидѣнье рессорныхъ экипажей.

Съ грѣхомъ пополамъ покатили мы дальше. Кони наши, по временамъ, припрыгивали и разстроивали порядокъ; арканы развязывались, но не рвались, дуга болталась, гужи ослаблялись, сѣделка и черезъсѣдельникъ съѣзжали со спины на бокъ; жеребчики наши отъ всего пугались и артачились; но непріятныхъ какихъ-нибудь происшествій съ нами не случалось, кромѣ развѣ того, что намъ, противъ воли, приходилось подскакивать да подпрыгивать на неслишкомъ-то мягкихъ подушкахъ. Особенно трясковато приходилось когда мы съѣхали съ торной дороги и пустились цѣликомъ по степи, по негладкимъ ложбинамъ, по кочковатымъ и солонцоватымъ плѣшинкамъ, по которымъ мѣстами зеленѣла сочная трава, а мѣстами торчали однѣ лишь жосткія степныя былинки.

Ну ужъ степь — такъ степь! Глазомъ не окинешь дали! Кажись, и конца нѣтъ необозримому полю, которое далеко-далеко раскинулось во всѣ стороны. О степи, оно конечно, нельзя сказать, что-дескать шаромъ покати — ни обо что не зацѣпитъ: нѣтъ; тутъ есть и пригорки, есть и овражки, есть и кустарникъ невзрачный; да всѣ эти увалы, пригорки, овражки и крути такъ слились вмѣстѣ, отъ зелени травъ и кустовъ, и такъ они, по величинѣ, незначительны, что глазъ ловко и смѣло окидываетъ пустыню верстъ на двадцать во всѣ стороны. Только тѣни вдали, темнѣе ли, свѣтлѣе ли одна другой, показываютъ сами собой, что вотъ-дескать тутъ есть ложбинка, а тамъ вотъ холмится почва. Цвѣтъ травы подъ самыми ногами лошадей — ярко-зеленый; но чѣмъ далѣе впередъ окидываешь мѣсто, тѣмъ болѣе цвѣтъ этотъ блѣднѣетъ и мутится; потомъ зеленый цвѣтъ маленечко все пропадаетъ-пропадаетъ, и вмѣсто него всюду выступаетъ синій цвѣтъ. Но и синева недолго же держится; она принимаетъ сѣроватый оттѣнокъ, и сѣрый цвѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе сгущается, и подъ конецъ незамѣтно сливается

съ сѣроватымъ небомъ, а оно яркою лазурью, густою синевою блещетъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы проѣзжаемъ

Но вотъ еще аулъ. Народъ высыпалъ намъ навстрѣчу и замелькалъ въ кибитки. И здѣсь мы тоже пріютились у старшины, и тоже нашли скорую готовность на предметъ лошадокъ.

— Далеко ли вы ѣдете, пріятель? спросилъ меня старшина, довольно хорошимъ выговоромъ.

— А пробираюсь въ ставку!

— Тамъ, гдѣ Правитель?

— Тамъ, гдѣ Правитель!

— Лошадей мы для васъ сейчасъ припасемъ: долго не задержимъ; но услужите пожалуйста-ка мнѣ немножко.

— Со всѣмъ вашимъ удовольствіемъ!

— Сегодня пріѣхалъ къ намъ... недавно, почти что передъ вами.... одинъ изъ нашихъ байгушей и привезъ письмо къ султану-Арслану.... Это не казенный конвертъ, да и не съ почты.... Захватите съ собой это письмо и потрудитесь отдать его въ ставкѣ. А не то, если это васъ обременитъ, сдайте эту посылку нашему дистаночному начальнику, котораго вамъ по дорогѣ нельзя миновать: онъ ужъ самъ распорядится переслать письмо къ султану.

А взялъ письмо — смотрю: нá вотъ тебѣ! да вѣдь это моя же грамотка! Та грамотка, чтó самъ же я написалъ да и передалъ маклеру на Мѣновомъ.... А я то думаю, эко-молъ, чтó значитъ султанскій приказъ! — у Киргизовъ, въ степи, въ дикихъ аулахъ, мнѣ перемѣняютъ лошадей, словно на станціяхъ почтовыхъ! Анъ, это только одна привѣтливость, одно гостепріимство.... Надулъ, мошенникъ факторъ!... а еще трехрублевый взялъ!... Сегодня же, говоритъ, безпремѣнно письмо будетъ доставлено въ ставку.

— Какъ думаешь, Авдотья Ивановна? опаски никакой не будетъ намъ ѣхать впередъ? не останемся мы безъ лошадей? Не прійдется намъ пѣшкомъ тащиться?

— И, чтò вы это, Яковъ Прохорычъ! по Божьей милости, ужъ сколько мы сегодня степи миновали, — все благополучно прошло, слава Богу!

— А не боишься ты, мой другъ, Киргизовъ?

— И полноте! теперь мы наглядѣлись на нихъ вдоволь: не ждала я такой ласки отъ нихъ. Даромъ что дикіе, злющіе люди, а смо-

трите-ка какъ они съ нами обходительны! какія у всѣхъ веселыя, открытыя лица! Да и жены то у нихъ не на заперти! И до дѣтей-то какіе всѣ они сострадательные, да привѣтливые!...

— Такъ-какъ же? али безъ письма поѣдемъ? на волю Божью?

— Какъ знаете, Яковъ Прохорычъ: мое дѣло женское. Думаю такъ: ѣхали безъ письма, получали вспоможенье безъ напрашиванья, ну, и дальше поѣдемъ.... Богъ милостивъ!

— Быть-такъ!... поѣдемъ, простимся со старшиной, да и поѣдемъ! вонъ, лошади подвязаны ужъ къ тарантасу и верховые батыри съ арканами готовы!...

ЯКОВЪ ЖАРКОВЪ.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ и СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ХОЗЯЙСТВО ЖМУДИ.

Топографія и положеніе Жмуди въ промышленномъ отношеніи. — Болота. — Пахотныя орудія. — Жмудскія сохи. — Бороны. — Хозяйственныя растенія. — Уборка и молотьба хлѣба. — Скотъ. — Лошади. — Рогатый скотъ. — Овцы. — Овечій сыръ. — Постройки жилыя. — Сараи для складки сѣна и сноповъ. — Молотильные сараи. — Замѣчанія о воловой головной упряжи.

Жмудь расположенная на возвышенности между рѣками Нѣманомъ, Невѣжею, Аа (курляндскою) и Виндавою, вообще не состоитъ изъ земли плодородной отъ природы, не имѣетъ тучныхъ луговъ и пастьбищъ. Какъ чисто земледѣльческая, мало плодородная страна, Жмудь не могла получить значительнаго развитія въ промышленномъ отношеніи; а лишенная судоходныхъ рѣкъ * и хорошихъ до-

* Хотя по западной границѣ Жмуди и течетъ большая судоходная рѣка Нѣманъ, а съ сѣверо-востока Аа; но пристани по Нѣману исключительно на польской сторонѣ, а въ Митаву Жмудины ѣздятъ мало, почти только разъ въ годъ, и то богатые: отвозятъ туда хлѣбъ и привозятъ соль и желѣзо для своего домашняго потребленія.

рогъ, и не производя продуктовъ, въ которыхъ нуждались бы ея болѣе образованные сосѣди, Жмудь, при своихъ ограниченныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями и даже внутреннихъ, должна была развиваться медленно. Поляки, Нѣмцы и Евреи захватили въ свои руки все, что̀ только даетъ промышленую самостоятельность народу. Само-собою разумѣется, что при такихъ незавидныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ развивалась Жмудь въ хозяйственномъ отношеніи, нельзя отъ нея и ожидать блестящихъ успѣховъ по хозяйству; но нужда, заставляющая заимствовать улучшенія со всѣхъ сторонъ, и при трудности заимствованія, заставила уединенный народъ изобрѣсти свои способы къ жизни, нелишенные поучительности. Жмудь, составляя отдѣльный уголъ Россіи, лишенный почти сообщеній, весьма мало у насъ извѣстна; почему небезъинтересно бросить взглядъ на очеркъ хозяйства этого народа, и въ этомъ отношеніи извѣстія о мало-извѣстной, хотя и недалекой странѣ, могутъ быть любопытны для любителей отечественнаго хозяйства. Говоря бѣгло и только для необходимой связи о всемъ, что̀ сходно съ русскимъ хозяйствомъ, мы подробнѣе поговоримъ объ особенностяхъ жмудскаго хозяйства.

Хозяйство Жмудиновъ рѣзко раздѣляется на два отдѣла: на хозяйства пограничныя съ Пруссіею, въ уѣздахъ Россіенскомъ и Тельшевскомъ, и хозяйства въ уѣздахъ Шавельскомъ и Поневѣжскомъ. Въ первыхъ много заимствовано изъ восточной Пруссіи: тамъ существуютъ, хотя изрѣдка, молотильныя машины, картофельные плужки или окучники, сѣютъ простой табакъ, много содержится жолавскаго скота и испанскихъ овецъ, вообще въ хозяйствахъ введены уже нѣкоторыя улучшенія. Совсѣмъ другое въ восточной половинѣ Жмуди, гдѣ хозяйство развилось только изъ собственныхъ своихъ началъ, гдѣ почти все изобрѣтено мѣстными жителями, сообразно нуждамъ и потребностямъ, и потому представляетъ оригинальность, которая поддерживается недостаткомъ сообщенія съ сосѣдями и малою предпріимчивостью жителей. Но съ другой стороны, скромность, трудолюбіе, и, какъ слѣдствіе всего этого, вниманіе къ своему дѣлу, заставили Жмудиновъ принаровиться къ выполненію многихъ требованій хозяйства весьма удачно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія эти могутъ быть поучительными для русскаго хозяина, встрѣчающагося довольно нерѣдко съ тѣми же обстоятельствами.

Почва въ Жмуди, какъ мы сказали, представляетъ холмистую воз-

возвышенность, пересѣкаемую низинами; возвышенности состоятъ изъ желтаго кварцоваго песку, разныхъ известняковъ, неправильнаго плитняка и камней; низины, какъ и слѣдовало ожидать, содержатъ большіе наплавы глины. Вообще почва представляетъ каменистые холмы, песчано-каменистыя покатости и глинистыя ложбины; она имѣетъ существенное сходство съ почвою средней части Остзейскаго края, отъ Везенберга до Дерпта, даже Валька. Въ частности почва весьма разнообразна: часто на площади въ 10 десятинъ можно встрѣтить почву глинистую, каменистую, хрящеватую, легкій суглинокъ и даже песчаную.

Сырыя мѣста и болота, по возвышенному положенію и малолѣсью, весьма рѣдки; по дорогѣ изъ Митавы въ Шавли и далѣе, до Ковно, я нигдѣ не встрѣчалъ болота. Въ западной части Шавельскаго уѣзда попадается торфъ, который не остается безъ употребленія, но вырѣзывается на топку печей и обжиганіе кирпича. Бóльшая часть немногихъ и небольшихъ болотъ осушены и разработаны. Только на границѣ Курляндіи я видѣлъ болото, осушенное канавами глубиною въ два аршина, площадь котораго занимала около ½ квадратной версты. На этомъ мѣстѣ росла рожь далеко выше человѣческаго роста *. Вообще неразработанной земли очень мало.

Сообразно описанному различію почвы, пахатныя орудія не могутъ быть однообразны для почвъ различной плотности. Но съ другой стороны, какъ почти у каждаго даже мелкаго хозяина, почва разнообразна, и слѣдовательно каждый клочекъ земли требуетъ особеннаго пахатнаго орудія, которымъ запастись не въ состояніи даже зажиточный хозяинъ, оттого хозяева имѣютъ только различныя бороны и, по мѣрѣ надобности, катки; взрывающія же орудія одни и тѣже, но они, по устройству своему, принаровлены къ различнымъ почвамъ. Главное пахатное орудіе—жмудская соха, которая, при искусномъ управленіи пахаря, можетъ годиться для почвъ, какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ. Устройство ея въ общихъ чертахъ весьма сходно съ обыкновенной русской сохой, только нѣсколько въ бóльшихъ размѣрахъ, и весьма близко подходитъ къ курляндской сохѣ. Въ устройствѣ же отдѣльныхъ частей и въ работѣ она представляетъ замѣчательное отличіе. Сошники замѣняютъ здѣсь, кромѣ своего главнаго назначенія, ножъ и отвалъ въ плугѣ. Сошники довольно широки, наружные края ихъ

* 2 Іюня 1851 года.

остры и расположены наклонно одинъ къ другому такъ что образуютъ собою родъ желоба. Наружное острiе сошниковъ служитъ вмѣсто ножа, только отрѣзываетъ пластъ не перпендикулярно, какъ плугъ или косуля, а косвенно. Для пособія сошникамъ отваливать пластъ служитъ узкая палица, которая обхватываетъ шейку сошника или трубицу, именно такая, какая употребляется повсемѣстно въ Остзейскомъ краѣ. Оглобли короткія; плаха или развоха верхнею своею частью выходитъ изъ бруска (сквозь самый брусъ) поперечныхъ рукоятокъ назадъ, и обрублена такъ, что представляетъ собою продольную рукоятку, вершковъ 5 длиною, какъ-бы всаженную въ брусокъ поперечныхъ, одинаковой съ ней длины, рукоятокъ. Такимъ образомъ соха имѣетъ три рукоятки. Подвои дѣлаются по преимуществу изъ лозовыхъ, а также и изъ обыкновенныхъ веревокъ. При пахань̀и, пахарь, когда ему нужно отваливать пластъ направо, перекладываетъ палицу на шейку или трубицу лѣваго сошника и держитъ за лѣвую поперечную рукоятку и за продольную; если же нужно отваливать пластъ налѣво, то перекладывается палица на правый сошникъ и держится за правую поперечную и продольную рукоятку. Слѣдовательно, одна продольная рукоятка всегда бываетъ внизу, и соха держится бокомъ болѣе или менѣе наклонно, смотря потому, болѣе или менѣе тяжела почва и глубже или мельче слѣдуетъ пахать. Такимъ-образомъ, при этой сохѣ, одною и тою же силою можно пахать различныя почвы и на глубину отъ 1½ до 3 и даже до 4 вершковъ. Разумѣется, при глубокомъ паханьи пластъ будетъ уже, потому-что соха держится косвеннѣе, это и необходимо при одинакой влекущей силѣ. Но зато соха требуетъ большаго соображенія и снаровки пахаря относительно вязкости и плотности почвы: на болѣе плотной почвѣ нужно держать соху косвеннѣе, то есть брать пластъ уже, а на менѣе плотной берется пластъ шире и соха держится прямѣе; паханье довольно изнурительно, потому-что при прямой плахѣ и прямо насаженныхъ на нее сошникахъ, пахарь долженъ держать орудіе на вѣсу и поддерживать постоянно въ требуемомъ положеніи. Короткія оглобли и совершенная неустойчивость сохи показываютъ, что она назначена, кромѣ паханья почвъ различной плотности, еще для поднятія лѣсной новины и обработки каменистыхъ почвъ. Пластъ земли отваливается болѣе или менѣе наклонно, смотря по наклоненію сохи во-время паханья; онъ имѣетъ снизу овальную форму и не ко-

[illegible] наклоненіе 60 и много 55 д.; слѣдовательно, [illegible] можетъ переворачиваться довольно правильно; она собственною тяжестію и по своей связности падаетъ болѣе наклонно. Но зато при двоеньи переворачивается пластъ весьма слабо и не можетъ совершенно прикрывать, въ особенности, соломистаго навоза. Въ оглобли запрягаютъ одну лошадь, а въ дышла двѣ или пару воловъ. Дышло вбивается ниже рукоятокъ въ плаху, или въ брусокъ рукоятокъ.

За мѣстечкомъ Кейданами, къ р. Невѣжѣ, почва становится плотнѣе и однообразнѣе, почему соха имѣетъ уже другое устройство. Плаха липовая, похожая на весло, оканчивается внизу однимъ сошникомъ, въ формѣ равнобедреннаго треугольника; въ серединѣ сошникъ нѣсколько вогнутый; по краямъ перьевъ, которыя всегда остры, находятся двѣ дырочки, куда вдѣвается крючекъ, насаженный на палку, положенную на подвои, которыя дѣлаются иногда изъ лозовыхъ прутьевъ; крючекъ этотъ замѣняетъ перекладную палицу, онъ уже палицы предъидущей сохи, и потому помогаетъ отваливать сошникамъ только глинистый пластъ, песчаному же содѣйствуетъ разсыпаться. Рукоятки у этой сохи такія же, какъ и у предыдущей; при паханьи соха держится также наклонно. Оглобли длиною $3\frac{1}{2}$ аршина и наклонены къ плахѣ подъ угломъ 45°, но самая запряжка на веревкахъ или постромкахъ, что показываетъ неровность, а также неоднообразіе почвы. Плаха длиною отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ аршина, ширина сошника отъ 7 до 8 вершковъ, ширина вспахиваемаго пласта 4 вершка, пашется глубиною на 3 вершка. На легкой почвѣ сильная лошадь запрягается одна, а на тяжелой или при слабости лошадей запрягается ихъ пара или пара воловъ, и въ такомъ случаѣ въ рукоятки вбивается дышло. Соха эта употребительна на юговападной сторонѣ Жмуди, на границѣ Литвы, равно какъ и въ самой Литвѣ. Рисунки 1 и 2 представляютъ видъ отесанныхъ сохъ (сверху и съ боку). Кромѣ этихъ сохъ употребляется литовскій плугъ въ Россіенскомъ уѣздѣ, и тамъ же плужекъ для окучиванія картофеля. Это тотъ самый плугъ, который называется у насъ литовскою сохою; въ него запрягается пара воловъ или лошадей. Онъ [illegible] хорошъ, по своей простотѣ и [illegible] [illegible]. Сохи же въ Литвѣ употребительны [illegible] [illegible]

Бороны, какъ орудія дешевыя, имѣютъ болѣе разнообразія и прино-ровленія къ различнымъ почвамъ: на мѣстахъ каменистыхъ и на но-вяхъ употребляется смыка, которая часто встрѣчается и на давно распаханныхъ всякаго рода почвахъ, особенно по границѣ Курляндіи. Въ ближайшихъ мѣстахъ къ прусской границѣ встрѣчаются тяжелыя бороны съ желѣзными зубьями, а въ остальной части Жмуди—зубья деревянные, но вставленные въ тяжелые бруски. Преимущественно же употребляются обыкновенныя легкія плетеныя бороны о 20-ти зубьяхъ. Борона эта прямоугольная, поперегъ 4 ряда зубьевъ, а вдоль 5, ко-торые вставляются, или лучше, ввязываются не прямо, какъ въ на-шихъ боронахъ, а вкось; головка или шейка зуба вытесывается для этой цѣли также наискось относительно самого зуба, такъ что каж-дый изъ нихъ, при прямомъ влеченіи бороны, проводитъ особую бо-роздку. Прямое влеченіе принято потому, что такія бороны всегда съ оглоблями или дышломъ, которыя удобнѣе прикрѣпить къ боронѣ прямо нежели по діагонали. Для того, чтобы, въ случаѣ нужды, сдѣлать эти бороны тяжелѣе, на нихъ накладываютъ камни, дернъ или чурбаны.

Самое влеченіе бороны также заслуживаетъ вниманія: оглобли или дышло служатъ вмѣстѣ и регуляторомъ бороны. Если нужно бороно-вать глубже, то оглобли или дышло припрягаются короче, отчего передняя часть бороны поднимается, а задняя, соразмѣрно съ этимъ поднятіемъ, врѣзывается своими зубьями глубже въ почву. Всѣ легкія бороны влекутся такимъ образомъ, что зубья передней части всегда бываютъ нѣсколько подняты, а задніе врѣзавшись — что весьма осно-вательно, потому-что, въ такомъ случаѣ, передніе зубья разбиваютъ наружныя глыбы, задніе же раздробляютъ тѣ, которыя ниже поверх-ности пашни, слѣдовательно, работа бороны раздѣляется правильнымъ образомъ, представляетъ постепенность; въ противномъ случаѣ, то-есть при прямомъ влеченіи (безъ поднятія передней части) передніе зубья встрѣчали бы разомъ большой упоръ, и отъ этого неравномѣр-наго напора на всѣ части, борона сильно колебалась бы на ходу, и бо-ронованіе почвы было бы неравномѣрнымъ.

Въ борону съ оглоблями всегда запрягаютъ одну лошадь, а въ дышло пару воловъ, несмотря на легкость бороны. Такая потеря ра-бочей силы воловъ при боронбѣ, равно какъ и при паханьи, происхо-

дитъ отъ неправильной запряжи воловъ, именно оттого, что запряжь прикрѣпляется не къ шеѣ, а къ рогамъ. Между-тѣмъ какъ всякая рабочая скотина гораздо легче преодолѣваетъ сопротивленіе, оказываемое работою, когда она тянетъ плечами, гдѣ природа сосредоточила всю главную силу животнаго, надѣливъ эти части самыми крѣпкими мускулами и костями. Кромѣ-того, задняя часть тѣла въ этомъ случаѣ помогаетъ плечамъ на ходу самымъ обыкновеннымъ естественнымъ образомъ, то-есть представляетъ при движеніи животнаго опору. Запряженная правильною плечною упряжью, скотина всю свою рабочую силу употребляетъ на преодоленіе сопротивленія работы; — заставлять животное преодолѣвать сопротивленіе исключительно другими частями тѣла, значитъ заставлять его производить менѣе полезной работы и подвергать большой усталости.

Возьмемъ въ примѣръ сопротивленіе, оказываемое лошадью спиною. Вьючная и верховая лошадь доставляетъ гораздо менѣе полезной работы, нежели запряженная въ телегу, и чѣмъ вьюкъ будетъ лежать ближе (или всадникъ сидѣть) къ плечамъ лошади, тѣмъ для нея легче. По выводамъ графа Гаспарена, лошади въ конницѣ, со всадникомъ, его приборомъ и вооруженіемъ, носятъ на себѣ 244 фунта семь или восемь часовъ въ день, проѣзжая въ это время 40 верстъ. Лошадь въ тѣлегѣ везетъ 3,517 фунтовъ, со скоростію 3,90 фут., что̀ въ десять часовъ работы составитъ тоже 40 верстъ разстоянія (Земледѣльческая механика — страница 79—80, переводъ Усова — изъ извѣстнаго сочиненія графа Гаспарена (Curs d'Agriculture). Санктпетербургъ 1852 г.) Отселѣ ясно видно, что не-все-равно, какими частями тѣла мы заставляемъ животное преодолѣвать сопротивленіе работы. Въ этихъ послѣднихъ частяхъ спина главная сопротивляющаяся часть тѣла, ноги лопатки и ляшки только учавствуютъ въ движеніи животнаго. Въ отношеніи къ нашему предмету, представимъ, что плечи соединены съ головою шейными позвонками и мускулами, слѣдовательно, здѣсь всю шею мы можемъ принять за рычагъ, вставленный въ главную двигательную часть тѣла. Теперь, если мы представимъ себѣ, что центръ тяжести сопротивленія работы будетъ на одной прямой линіи, которая проходитъ черезъ среднюю часть плечныхъ мускуловъ, средину шейныхъ позвонковъ и точки прикрѣпленія упряжи, то и тогда, отъ боли при сдавленіи шейныхъ позвонковъ, животное будетъ ока-

выдать гораздо меньше усилія въ работѣ. Но такого, еще выгоднаго, результата въ отношеніи запряжки за голову на самомъ дѣлѣ достигнуть невозможно, потому-что точка прикрѣпленія запряжи не можетъ находиться на концѣ шейныхъ позвонковъ, а находится при основаніи роговъ; слѣдовательно, сопротивленіе дѣйствуетъ на конецъ другаго рычага, къ выгодѣ самого сопротивленія и къ потерѣ силы. Но если мы вспомнимъ, что въ нашемъ случаѣ вся шея еще дѣйствуетъ какъ рычагъ, и съ такой же невыгодной стороны, то-есть, что при малѣйшемъ отклоненіи головы отъ прямой линіи влеченія, рычагъ этотъ будетъ, сообразно бóльшему или мéньшему отклоненію головы, увеличивать тяжесть сопротивленія для животнаго и, слѣдовательно, уменьшать силу (ломать шею). Уклоненіе головы отъ прямой линіи влеченія совершенно неизбѣжно, потому-что на ходу выдержать голову неподвижно, по направленію сказанной прямой, рѣшительно невозможно, не говоря уже о времени жаровъ, подкожныхъ червей и другихъ насѣкомыхъ, нападающихъ на рабочій скотъ: тогда каждое животное не можетъ не мотать головой и хвостомъ. Изнурительное положеніе рабочихъ воловъ весьма легко замѣтить, если только взглянуть на нихъ во-время работы: ходъ ихъ вялый, самая голова задирается къ верху; они стараются облегчить себя, приближая точку прикрѣпленія запряжи къ прямой линіи влеченія, — также ихъ стонъ и мéньшее количество работы — все показываетъ неизбѣжную потерю въ работѣ и мучительное состояніе животныхъ. Бѣлорусскій мужикъ пашетъ такою же сохою на одномъ маленькомъ волѣ, запряженномъ хомутомъ, какою Жмудинъ и Лифляндецъ пашетъ на парѣ воловъ при головной запряжи. Прибавивъ еще, что жмудскіе крестьяне бóльшею частью запрягаютъ не при корнѣ рога, а нѣсколько выше шеи, увидимъ еще бóльшую изнурительность скота, безполезную для хозяйства. Несмотря однакожъ на такія очевидныя невыгоды, головная запряжь въ употребленіи во всемъ Остзейскомъ краю, у рані-[illegible] Нѣмцевъ, а также и въ восточной Пруссіи. Въ бытность мою въ окрестностяхъ Дерпта, на бывшей учебной мызѣ, во время извѣстнаго профессора Шмальца, нынѣшній владѣлецъ этой мызы, докторъ Сиверсъ, разсказывалъ мнѣ, какъ о весьма полезномъ новомъ изобрѣтеніи въ воловой запряжи, гдѣ веревки привязываются къ круглой деревянной перекладинѣ съ кожаными подушками, а перекладина эта кладется на лобъ волу [illegible] роговъ и [illegible]

-имеется въ нихъ обыкновенныхъ вокругъ рога и перемѣщеніи рож-ковъ; при обыкновенной головной запряжки употребительна перекла-дина-ярмо. Даже наши степные жители у которыхъ истинное изо-біліе въ рабочемъ скотѣ, поступаютъ экономнѣе съ рабочей силой воловъ, чемъ Жмудины, Лифляндцы и вообще жители западной око-нечности Россіи, отъ Финскаго-залива до предѣловъ Литвы и Царства-Польскаго. Весьма желательно было бы, вмѣсто этой головной запряжки имѣть хомуты съ разрѣзной внизу хомутиной, и чтобы хомуты эти не давили висячую подгрудную кожу или дышину.

Изъ хозяйственныхъ растеній разводятъ въ Жмуди тѣже, что́ и въ средней Россіи, исключая гречихи: говорятъ, что гречиха не разводится будто бы потому, что нѣтъ для нея хорошей почвы, но этому объясненію трудно повѣрить, потому-что на холмахъ встрѣчаются легкія песчаныя почвы, а по дорогѣ отъ Шавель въ Ковно, болѣе чѣмъ на 50 верстъ, почва легкая песчаная. Кажется, это нужно приписать непривычкѣ употреблять въ пищу гречиху. Травосѣяніе также я встрѣтилъ только по берегамъ р. Невѣжи, но говорятъ, оно, встрѣчается еще около Юрбурга и Таурогена. Замѣчательно, что на пашняхъ между Курляндской границей и мѣстечкомъ Мишкуи, по лучшимъ низменнымъ мѣстамъ, сѣется въ небольшомъ количествѣ озимая и яровая пшеница, но всегда вмѣстѣ съ озимою или яровою рожью, и это объясняютъ тѣмъ, что пшеница, по сырости и непостоянству атмосферы, невсегда удается, а на рожь нападаетъ червь, слѣдовательно, при смѣшанномъ посѣвѣ, если не удастся пшеница, то быть-можетъ, останется рожь, и на оборотъ. Если же благополучно дозрѣетъ какъ рожь, такъ и пшеница, то ихъ раздѣляютъ при обыкновенномъ вѣяніи и на арфѣ. По огородамъ крестьяне много сѣютъ бобовъ, составляющихъ весьма важную часть ихъ пищи. Несмотря на то, что много мѣстностей, гдѣ можетъ родится отличный ленъ, и недалеко сосѣдство Вилькомірскаго уѣзда (Самотитія), столь извѣстнаго по производству отличнаго льна — въ Жмуди я, по-крайней-мѣрѣ, только встрѣчалъ ленъ короткій, грубый и дурной обработки. Картофель также болѣе по огородамъ, — въ поляхъ только въ Россіенскомъ уѣздѣ *.

* Впрочемъ даже въ самой Жмуди, по р. Невѣжѣ, можно найти ленъ высокихъ сортовъ; тамъ даже употребляется горячая вымочка льна.

При уборкѣ хлѣбовъ употребляютъ серпъ и косу. Сушатъ въ овинахъ, молотятъ цѣпами, и только можно найти нѣсколько хозяевъ, преимущественно въ западной Жмуди, которые имѣютъ выписныя молотильни, напримѣръ, у пана Грушецкаго, въ Шавельскомъ уѣздѣ, да еще у его сосѣда. Я видѣлъ въ главной экономіи или въ фольваркѣ графа Зубова, въ 2-хъ верстахъ отъ города Шавель, развалины молотильной машины, исполнительный механизмъ которой взятъ изъ старой шотландской молотильни, а приводъ устроенъ для воловъ или лошадей, которыя должны ходить по наклонному кругу. Приводъ этотъ чрезвычайно массивный и былъ оставленъ по неловкости Жмудиновъ-работниковъ. Машина была заимствована изъ Виленской губерніи, гдѣ такіе приводы принаровлены къ дѣйствію водою. Повсемѣстно употребительны въ большихъ хозяйствахъ молотильные катки, тѣ самые, которые извѣстны у Бутеноповъ, въ Москвѣ, подъ именемъ московскихъ молотильныхъ катковъ; только употребляются катки одиночные, а не полиспасты. Снопы при молоченьи или посадѣ складываются въ два ряда (одинъ надъ другимъ), въ видѣ прямоугольника или круга. Арфы въ большомъ употребленіи, не только въ значительныхъ хозяйствахъ, но даже у зажиточныхъ казенныхъ крестьянъ. Садоводство и огородничество въ незавидномъ положеніи; сады бѣдны фруктовыми деревьями и, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ не привелось нигдѣ встрѣтить стараго фруктоваго сада. Коноплянники рѣдки; льна гораздо болѣе, но онъ преимущественно идетъ на домашнее потребленіе. Хмѣльники встрѣчаются почти въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Это оттого, что пиво въ повсемѣстномъ употребленіи, и преимущественно домашней варки, но такъ-какъ они требуютъ много работы, то и остаются безъ надлежащаго досмотра. Жмудины главное вниманіе обращаютъ на производство зерноваго хлѣба.

Луговъ очень мало: лѣтомъ скотъ довольствуется бѣдными лѣсными пастбищами на возвышенныхъ мѣстахъ, а зимою питается остатками зерновыхъ хлѣбовъ.

Лошади мѣстной породы весьма мелки—не достигаютъ двухъ аршинъ;—сильною рысью лошадь эта пробѣгаетъ не болѣе 5-ти верстъ въ часъ. Не говоря уже о мелкости жмудскихъ лошадей, даже очень рѣдко можно видѣть у Жмудина молодаго, здороваго и неиспорченнаго коня. Въ стадахъ крестьянскаго скота почти никогда нельзя найти

взрослыхъ молодыхъ лошадей, тамъ видны только кобылы, жеребята, и искалеченныя, избитыя, старыя, либо больныя, взрослыя лошади.

По объясненію эконома графа Зубова, сказанное явленіе происходитъ отъ сосѣдства разсчетливыхъ Курляндцевъ. Недостатокъ луговъ въ Курляндіи, а особенно въ сѣверной части ея, заставляетъ сберегать кормъ; кормовыя посѣвныя травы не даютъ тамъ такого обильнаго укоса, какъ напримѣръ, подлѣ Петербурга; стѣсненное населеніе не позволяетъ имѣть достаточно пастбищъ. По этимъ причинамъ Курляндцы стараются держать только тѣхъ лошадей, которыя могутъ работать, и преимущественно болѣе способныхъ къ работѣ. По этому Курляндцы никогда не воспитываютъ у себя лошадей и не держатъ кобылъ. За покупкою лошадей они отправляются въ Жмудь, покупаютъ тамъ молодыхъ, здоровыхъ мериновъ, то-есть самыхъ лучшихъ, а старыхъ, неспособныхъ или мало способныхъ къ работѣ, обратно продаютъ или промѣниваютъ Жмудинамъ за безцѣнокъ, — отъ этого и происходитъ то скопленіе негодныхъ лошадей, которыя служатъ Жмудинамъ болѣе въ тягость. При такомъ порядкѣ дѣлъ Жмудинъ, конечно, всегда остается въ накладѣ: онъ содержитъ много скота, который только требуетъ корма и не доставляетъ работы; напротивъ Курляндцъ только кормитъ однихъ лучшихъ рабочихъ лошадей. Цѣна жмудской хорошей лошади отъ 25 до 40 руб. сер. Вовремя работы или въ дорогѣ, Жмудины кормятъ лошадей такъ-называемомъ оброкомъ — это не что-иное, какъ мякина изъ арфы, преимущественно овсяная, смѣшанная съ колосьями и зерномъ. Если приходится давать зерно, то непремѣнно даютъ его съ соломенной рѣзкой.

Рогатый скотъ мѣстный, отъ неправильности содержанія, мелокъ и не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера. Кое-гдѣ содержится лифляндскій скотъ, а въ большихъ экономіяхъ голстинскій, которому не отдаютъ преимущества, потому-что онъ только, какъ говорятъ тамошніе экономы, выгоденъ при обильномъ содержаніи (что совершенно справедливо), а что по недостатку корма, выполнить трудно. Вообще рогатаго молочнаго скота очень мало. По сосѣдству съ Пруссіею и Польшею держатъ жолавскій скотъ, то-есть образовавшійся въ долинахъ восточной Пруссіи, или низменный; онъ совсемъ похожъ на голстинскій, только нѣсколько мелче.

Въ жмудскихъ хозяйствахъ овцы занимаютъ болѣе важное мѣсто,

чѣмъ самый рогатый скотъ, потому-что онѣ, кромѣ мяса, шерсти для одежды, даютъ еще молоко, изъ котораго приготовляется варенный овечій сыръ.

Сыръ этотъ равняется, по достоинству, съ простымъ сыромъ, формуется въ маленькіе кружки фунтовъ въ 5-ть. Вкусъ его нѣсколько отличенъ отъ коровьяго, съ перваго раза несовсѣмъ понравится, — онъ какъ будто приторно слаще простаго вареннаго сыра. Сыры эти приготовляются наиболѣе въ Россіенскомъ уѣздѣ. Овцы, исключая чистыхъ мериносовъ на прусской границѣ, представляютъ, кажется, смѣсь испанскихъ, эзельскихъ и простыхъ русскихъ. Замѣчательно, что въ овечьихъ стадахъ очень много чорныхъ овецъ, иногда даже до половины. Это зависитъ отъ обыкновенія Жмудиновъ носить платье изъ некрашенной шерсти буросѣраго цвѣта, который происходитъ отъ смѣшенія бѣлаго, чорнаго или лучше буроватаго и другихъ.

Каждый зажиточный крестьянинъ непремѣнно держитъ неменѣе полдесятка свиней, которыя доставляютъ ему сало и мясо на цѣлый годъ.

Разсказываютъ, что въ прежнія времена Жмудь была богата медомъ и воскомъ, но съ уничтоженіемъ лѣсовъ и при исключительномъ посѣвѣ зерновыхъ хлѣбовъ, безъ гречихи и рапса, пчелы лишились взятка.

Постройки въ Жмуди весьма разнообразны по матеріалу: крестьяне строютъ избы свои изъ камня по извести, изъ глины, изъ плетня, обмазаннаго глиной, и вообще замѣтно, что существуетъ недостатокъ въ деревѣ. Крыши исключительно соломенныя и черепичныя; фундаменты бо́льшею частію каменные. Соломенныя крыши сверху, по коньку и по угламъ обливаются известью, и слѣдовательно, солома лежитъ плотно, и такимъ-образомъ устраняется течь.

Для складки сѣна употребляютъ исключительно плетневые сараи на каменномъ фундаментѣ, и въ этомъ случаѣ столбы, на которыхъ основаны стропила, подпираются изнутри деревянными подпорами, для противодѣйствія вѣтру, потому-что сараи эти всегда строятся длинною стороною къ господствующему вѣтру, отчего сѣно и снопы продуваются и тѣмъ предохраняются отъ порчи. Сараи плетневые, употребительныя и въ Бѣлоруссіи, весьма удобны, какъ по сохраненію въ нихъ сѣна, такъ и по своей дешевизнѣ, сподручности и простотѣ постройки.

Устройство молотильныхъ сараевъ замѣчательно: на рисункѣ 3-мъ представленъ планъ молотильнаго сарая безъ насаднаго, потому-что онъ соединенъ для разныхъ хозяйствъ. Въ нихъ нѣтъ опасности, чтобы сгорѣлъ хлѣбъ, какъ въ обыкновенныхъ гумнахъ, и всѣ необходимыя принадлежности подъ руками. Они, наподобіе остзейскихъ, состоятъ изъ трехъ частей, а средину занимаетъ рига или, по жмудски, сеяла. Въ отдѣленіи риги печь совершенно отдѣлена отъ сноповъ кирпичной рѣшоткой, для предосторожности отъ огня; также надъ печью устраивается кожухъ; передъ топкою печи довольно мѣста, гдѣ могутъ безопасно лежать запасныя дрова для слѣдующей топки. Заразъ въ господскомъ овинѣ высушивается 30 копъ сноповъ, выколачиваются въ одинъ день 8-ю лошадьми и 4 работниками, въ двѣ смѣны; — механизмъ работы въ молотильномъ сараѣ слѣдующій: изъ сарая, въ которомъ сохраняются снопы, привозятъ ихъ въ одрину, оттуда насаживается овинъ, а изъ овина снопы прямо выбрасываются на токъ. Говорятъ, что были примѣры, будтобы высушенное въ такомъ овинѣ зерно сохранялось въ хлѣбномъ амбарѣ 50 лѣтъ и было всхожее. Тутъ есть вѣроятность, потому-что въ хлѣбныхъ амбарахъ Жмудиновъ разсортированный на арфѣ хлѣбъ сохраняется въ особыхъ закромахъ, и самый амбаръ продувается сквознымъ вѣтромъ, чрезъ отдушины или окошки, сдѣланныя въ стѣнахъ амбара; притомъ закромы всегда невелики.

Жмудины народъ низкаго росту, тонки, слабосильны, неразвязны и почти безъ всякой предпріимчивости. Въ Жмуди весьма сильно распространена извѣстная болѣзнь колтунъ, обнаруживающаяся сплетеніемъ волосъ на головѣ и причиняющая расслабленіе всего тѣла *; она происходитъ, какъ говорятъ, отъ постояннаго употребленія конопляннаго масла. Жмудины рѣдко ѣздятъ (разъ въ годъ, по окончаніи посѣвовъ) даже въ Митаву — отвозятъ туда хлѣбъ и покупаютъ соль и разныя желѣзныя вещи. Но народъ этотъ трудолюбивъ и знаетъ довольно хорошо свое сельское дѣло, такъ что имъ не достаетъ одной только предпріимчивости, чтобы они сравнялись съ крестьянами болѣе образованными, напримѣръ нѣмецкими. Для своего усовершенствованія Жмудинамъ остается завести на своихъ поляхъ травосѣяніе и торговыя растенія, увеличить посѣвъ льна, конопли и другихъ торговыхъ ра-

* Почему Жмудины носятъ постоянно длинные волосы, не стригутся.

стеній; тогда только можно будетъ имѣть здоровый скотъ. А имѣя значительное количество продуктовъ для заграничнаго сбыта, они могутъ въ немаломъ объемѣ развить свои весьма ограниченныя сношенія съ иностранцами въ Митавѣ, на р. Невѣжѣ, на Нѣманѣ и Виндавѣ. Тогда ихъ безбѣдный теперешній бытъ можетъ обратиться въ полное довольство, къ невыгодѣ Евреевъ, огромное число которыхъ содержится на счетъ Жмудиновъ, почти не доставляя имъ никакой пользы.

Д. РЕУТОВИЧЪ.

V.

КРИТИКА.

Пропилеи. *Сборникъ статей по классической древности*, **издаваемый П. Леонтьевымъ. Кн. II. М. 1852 г.**

Когда, въ прошломъ году, вышла первая книга «Пропилеевъ», мы отъ души порадовались ея появленію, и только за неимѣніемъ времени кратко отозвались объ этомъ прекрасномъ изданіи, но отозвались—съ должнымъ вниманіемъ. Издатель не заставилъ насъ долго ждать втораго выпуска, который теперь передъ нами. Такъ какъ это прекрасное предпріятіе, къ счастію, не послѣдовало примѣру многихъ другихъ, непережившихъ перваго выпуска, а двинулось впередъ, то неизлишнимъ считаемъ сказать о немъ нѣсколько словъ въ отдѣлѣ критики; сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, которыя, думаемъ, будутъ небезполезны, потому-что внушены намъ однимъ сочувствіемъ благому дѣлу. Да и непростительно было бы безъ всякой причины подвергать слишкомъ строгой критикѣ первые, у насъ, въ этомъ родѣ опыты, которые, судя по первымъ двумъ выпускамъ, вообще довольно удачны.

Мысль ознакомить Русскихъ съ классическою древностью какъ можно ближе—не новая. Уже въ половинѣ и концѣ про-

шедшаго, потомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и наконецъ, въ началѣ нынѣшняго царствованія, нѣкоторые наши ученые не только помышляли объ этомъ, но даже кое-что и сдѣлали. Они сдѣлали, что̀ могли и какъ умѣли. Однако мысль господина Леонтьева вовсе не теряетъ оттого своей оригинальности. Новѣйшее предпріятіе тѣмъ въ особенности отличается отъ всѣхъ прежнихъ предпріятій этого рода, что оно положило себѣ въ основаніе гораздо обширнѣйшій планъ дѣйствій, положило рѣшить множество весьма важныхъ вопросовъ. Издатель имѣетъ въ виду знакомить насъ съ классическою древностью какъ можно многостороннѣе, но при всемъ томъ знакомить исподволь, мало-по-малу, не взваливая на своихъ сотрудниковъ, обязанности рѣшить въ нѣсколько пріемовъ, самыя трудныя и запутанныя задачи. Такая благоразумная мѣра, такой обдуманный планъ дѣйствія, могутъ отчасти служить порукой въ томъ, что изданіе предпринято на надежныхъ основаніяхъ и что намъ не жаль будетъ платить деньги за хорошую книгу, не жаль будетъ употребить время на прочтеніе ея.

Чтобы сказать что̀-нибудь о достоинствѣ или недостаткахъ второй книги «Пропилеевъ», мы предварительно должны уяснить нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, изъ которыхъ первый состоитъ въ слѣдующемъ: — *къ чему намъ, Русскимъ, необходимо изученіе классической древности?* — Съ перваго приступа вопросъ этотъ покажется нѣсколько страненъ, потому-что въ послѣднее время во всѣхъ концахъ образованнаго міра неоспоримо доказана несомнѣнная польза, проистекающая отъ основательнаго изученія древности; но мы все же считаемъ нужнымъ коснуться этого вопроса.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе классической древности весьма важно для полноты и стройности нашего энциклопедическаго образованія. При историческомъ изученіи наукъ и искусствъ намъ необходимо проникнуть въ классическую древность, чтобы узнать, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ явился ихъ зародышъ, то-есть, какимъ образомъ человѣкъ пришелъ къ тому, что онѣ стали ему необходимы. Но необходимо ли изученіе древности для

каждаго члена общества, и должно ли вводить изученіе ея въ кругъ обыкновеннаго гражданскаго образованія, необходимаго для каждаго человѣка, какъ члена общества? Конечно, и въ этомъ случаѣ нельзя отвергать нѣкоторую необходимость изученія древности, даже при чисто-практическомъ образованіи; но эта необходимость обыкновенно удовлетворяется всеобщею исторіею, которой значительная часть достается на долю древности; допустить же необходимость основательнаго, подробнаго изученія классической древности для каждаго учащагося вообще было бы крайностью, такъ какъ изученіе древности не можетъ имѣть мѣста въ тѣсномъ кругу чисто-практической жизни. Тѣмъ болѣе, что практическому человѣку предстоитъ столько изучить предметовъ, необходимыхъ для улучшенія его общественнаго быта, столько наукъ естественныхъ и прикладныхъ, что у него совсѣмъ не остается времени на изученіе предмета, который, по всей справедливости, можно назвать роскошью образованія. Притомъ, даже трудно доказать необходимость близкаго знакомства съ классической древностью для практическаго человѣка. Онъ тотчасъ задастъ себѣ вопросъ: къ чему можетъ послужить подробное изученіе міра, который, съ перваго взгляда, не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшимъ временемъ, ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ, ни въ общественномъ, ни въ государственномъ отношеніи, ни даже въ домашнемъ быту. Изучая древность, онъ встрѣчаетъ учрежденія, обыкновенія и обычаи, которыя представляютъ совершенную противоположность нашимъ учрежденіямъ, обычаямъ и нравамъ; все это, конечно, ставитъ его въ странное положеніе.

Но какъ скоро мы оставимъ кругъ практическаго образованія и поднимемся ступенью выше, то-есть поднимемся до университетскаго образованія, то тотчасъ почувствуемъ необходимость близкаго и основательнаго изученія классической древности. Такъ напримѣръ, основательное изученіе древности необходимо для людей, посвятившихъ себя преподаванію историческихъ и политическихъ наукъ, древнихъ классическихъ языковъ и литературы въ обширномъ смыслѣ. По

этому, тó, безъ чего могъ обойтись практическій человѣкъ, въ настоящемъ случаѣ вмѣняется въ непремѣнную обязанность тому, кто берется руководить другихъ въ изученіи древняго міра. Нельзя быть хорошимъ учителемъ исторіи, права, статистики, словесности и многихъ другихъ наукъ, не зная близко класической древности; точно также какъ нельзя успѣшно преподавать древнихъ языковъ, не зная быта и учрежденій древнихъ Грековъ и Римлянъ. Мало того, нельзя даже съ успѣхомъ заниматься отечественною исторіею и филологіею, не имѣя основательнаго познанія, не только въ древнихъ языкахъ, но и въ древности вообще. Особенно же близкое, основательное знаніе древняго міра нужно для человѣка, посвятившаго себя исключительно литературѣ. На произведеніяхъ древнихъ мы можемъ образовать свой вкусъ, получаемъ вѣрныя понятія о прекрасномъ, изучаемъ ихъ великое искусство творить вѣковѣчнымъ образомъ, и соображая, какъ поступали, въ извѣстныхъ случаяхъ, древніе — приходимъ къ заключенію, какъ намъ должно дѣйствовать въ тѣхъ-же случаяхъ, въ наше время. А какой высокой важности изученіе древности для художниковъ, для людей исключительно посвящающихся искусству! Художникъ, незнакомый съ древностью, незнакомый съ тѣмъ міромъ, въ которомъ жили Пракситель и Фидій, незнакомый съ лучшими произведеніями древняго класическаго искусства, — жалкій, невѣжественный подражатель тому прекрасному, что́ досталось намъ отъ древности, и котораго тайны мы до-сихъ-поръ еще не въ состояніи объяснить себѣ. Неудивительно, что въ новѣйшее время такъ мало истинно великихъ художниковъ: потому-что для этого требуется, кромѣ врожденнаго дарованія, высокое духовное развитіе, глубокое историческое изученіе искусствъ и художествъ.

Но основательное и обширное изученіе древности неизбѣжно еще для человѣка ученаго вообще, человѣка съ многостороннимъ образованіемъ, которому нетолько нечуждо все человѣческое, но напротивъ, въ высшей степени интересно; знаніе древности есть вѣнецъ многосторонняго образованія, драгоцѣннѣйшее украшеніе поборника науки. Ученый

человѣкъ, незнакомый съ древностью не можетъ назваться истинно образованнымъ; онъ то же, что ученый человѣкъ, незнакомый съ свѣтскими приличіями, чуждающійся общества — ученый дикарь. — Изученіе древности сообщаетъ какую-то особенную прелесть нашему образованію, придаетъ ему чудный теплый колоритъ, округляетъ наши воззрѣнія на природу и искусство.

Но такъ какъ, подробное изученіе древности не можетъ быть введено въ кругъ обыкновеннаго гимназическаго образованія, потому-что, по плану этого образованія, оно было бы излишне, то мысль сдѣлать познаніе древности доступнымъ большинству, ввести чтеніе о древности въ кругъ обыкновеннаго досужнаго чтенія, казалась бы съ перваго взгляду весьма счастливою мыслью; но изслѣдовавъ ее, мы находимъ, что она несовсѣмъ вѣрна, потому-что большинства нельзя знакомить съ древностью основательно и стройно; знакомство это будетъ отрывочно, и для профана покажется слишкомъ скучнымъ. И мы болѣе чѣмъ увѣрены, что большинство не въ состояніи сочувствовать этой прекрасной мысли, не находя видимой пользы, прямаго наслажденія, а главное, не замѣчая связи между древностью и современными ему живыми интересами. Да и скажите сами: развѣ, прочитавъ жизнь Софокла или одну изъ его трагедій, профанъ получитъ вѣрное понятіе о древности? — Я, по-крайней-мѣрѣ, думаю, что такимъ путемъ онъ не дойдетъ до вѣрной идеи о частномъ бытѣ древнихъ, ихъ литературѣ, образованіи. Для этого требуется несравненно болѣе данныхъ; для этого требуется много предварительныхъ свѣдѣній, которыя должны служить свѣтильниками на темномъ пути, ведущемъ въ страну Гомера и Виргилія. И потому, тутъ никакъ нельзя разсчитывать на большинство, но можно вѣрно разсчитывать на сочувствіе къ такому изданію ученыхъ и образованныхъ людей вообще, которымъ нетолько полезно, но даже необходимо слѣдить за тѣмъ, въ какой мѣрѣ европейскіе ученые содѣйствовали, въ послѣднее время, уясненію классической древности.

Теперь намъ представляется вопросъ: *съ какихъ разлы-*

рахъ, до какой степени должно изучать древность? На этотъ вопросъ отвѣчать несовсѣмъ легко. Изученіе древней исторіи, литературы, давно уже вошли въ кругъ университетскаго образованія; по этому, предположивъ необходимость изученія древности для большинства, или смотря на изученіе древности какъ на предметъ исключительно умственнаго наслажденія, пришлось бы, въ настоящемъ случаѣ, ограничиться одними искусствами и художествами и самымъ близкимъ знакомствомъ съ древнею литературою; тѣмъ болѣе, что до-сихъ-поръ классическія литературы извѣстны намъ довольно поверхностно и съ одной внѣшней стороны; внутренняя же сторона ихъ доступна лишь знатокамъ древнихъ языковъ, потому-что даже по лучшимъ переводамъ древнихъ твореній намъ нельзя еще вѣрно судить о красотахъ послѣднихъ, которыя переводчики хотя и постигали, но очень часто не умѣли передать; тѣмъ болѣе, что красоты древнихъ произведеній весьма часто совсѣмъ непереводимы, или же если и даются въ переводѣ, то однимъ только геніямъ. Менѣе же всего извѣстны намъ основательно искусства и частный бытъ древнихъ, и потому ближайшее ознакомленіе съ ними крайне необходимо, тѣмъ болѣе, что въ последнее время сдѣлано столько великихъ открытій и удачныхъ и мастерскихъ истолкованій, бросающихъ яркіе лучи на темную, тусклую древность,—что непростительно было бы образованному обществу не знать тѣхъ громадныхъ успѣховъ, которыми обезсмертили себя западные филологи новѣйшаго времени. Нѣтъ сомнѣнія, что мы весьма нуждаемся въ основательнѣйшемъ и ближайшемъ знакомствѣ съ древними литературами; но ограничиться одною литературою и оставить въ сторонѣ искусства, было бы довольно несправедливо. Для новѣйшаго общества искусства, такъ счастливо развившіяся въ древности, почти такое же имѣютъ значеніе, какъ и литература. Точно такъ же непростительно было бы знакомить насъ съ древностью посредствомъ плохихъ переводовъ древнихъ образцовыхъ произведеній, когда переводчикъ, наполовину знакомый съ языкомъ подлинника, берется лишь съ помощью лексикона передавать на новѣйшій языкъ красоты Гомера,

Софокла, Горація. Чтобъ успѣшно и удачно знакомить новѣйшее общество съ геніями отдаленной древности необходимо прибѣгнуть къ посредничеству людей, которыхъ дарованіе и основательное знакомство съ класиками не подлежатъ сомнѣнію; людей, которые уже доказали свое призваніе поэтическое и ученое; а знакомить иначе, значило бы поселять въ насъ отвращеніе къ признаннымъ классическимъ красотамъ; значило бы обманывать другихъ, ради собственнаго педантства.

Равнымъ-образомъ не подвинутъ дѣла древности, не принесутъ ожидаемой пользы невыносимо-тяжелыя и безжизненныя компиляціи, которыя весьма тщательно изслѣдуютъ пустые, ничтожные вопросы, на смерть спорятъ и ратуютъ до послѣдняго издыханія за одно какое-нибудь непонятное слово, темное выраженіе древняго текста, за то или другое значеніе такого-то слова, а между-тѣмъ все живое, истинно необходимое и въ высшей степени интересное оставляютъ безъ вниманія. Извѣстное дѣло, что тупоумные компиляторы зачастую отличаются рѣдкою способностью выгораживать изъ своего «трактата» все то, чтó именно могло бы занимать новѣйшаго человѣка, и тщательно, неуклонно стараются избѣгать всего полезнаго, посвящая свои изысканія старательному связыванію извѣстій и догадокъ о такихъ мелочахъ, какимъ не найдется мѣста при объясненіи важнѣйшихъ фактовъ древняго міра. Боже насъ упаси перенять эту несчастную систему объясненія и истолкованія древности у второстепенныхъ нѣмецкихъ филологовъ, которые сами совершенно запутались и потонули въ этой глупой системѣ.

Но какимъ же образомъ должно изучать древность? Вотъ вопросъ, который занимаетъ, вѣроятно, не одного поборника древности, и безъ сомнѣнія, и господина Леонтьева. Предпринявъ сборникъ, долженствующій знакомить Русскихъ съ древностью, издатель долженъ былъ въ то же время принять въ основаніе извѣстныя правила и руководствоваться ими неуклонно; потому-что какъ скоро изданіе не имѣетъ твердыхъ основаній и не удовлетворяетъ принятымъ въ

основанія правиламъ, оно не достигаетъ своей цѣли, и падаетъ само-собою. Сборникъ извѣстій о классической древности ни въ какомъ случаѣ не долженъ служить мѣстомъ убѣжища для посредственности или ученическихъ опытовъ, а тѣмъ менѣе для жалкой бездарности. Если ужъ мы вызываемся учить другихъ, то, разумѣется, — сами должны знать основательно и близко то, что беремся изъяснять другимъ, а иначе *потеряемъ и трудъ и масло*. Такимъ образомъ въ сборникѣ, который имѣетъ цѣлью знакомить другихъ съ міромъ, мало или почти вовсе неизвѣстнымъ, должны помѣщаться труды однихъ извѣстныхъ и признанныхъ ученыхъ, знатоковъ своего дѣла. Принимая участіе въ общеполезномъ дѣлѣ, они, какъ близко знакомые, будутъ уже знать, какъ за это приняться и цѣль сборника навѣрно будетъ достигнута.

Но какимъ образомъ знакомить съ литературою древнихъ? Для этого надо, во-первыхъ, помѣщать историческіе обзоры древнихъ литературъ, написанные людьми, посвятившими себя исключительно этому предмету и которыхъ познанія въ древности признаны ученымъ міромъ. Хотя такихъ людей у насъ еще нѣтъ, но они есть на Западѣ, и мы можемъ сдѣлать труды ихъ доступными нашему обществу черезъ переводы, исполненные нашими русскими учеными, исключительно занимающимися этою отраслью науки.

Весьма важны также трактаты извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ о различныхъ родахъ словесности древнихъ, монографіи и отдѣльныя изученія какого-нибудь писателя древности. Переводы такихъ статей крайне необходимы для нашего образованія и нашей юной еще литературы. Компиляціи же нашихъ молодыхъ ученыхъ, состряпанныя изъ компиляцій второстепенныхъ, бездарныхъ нѣмецкихъ педантовъ — эти жалкія изчадія полуобразованности — недолжны находить мѣста въ такомъ изданіи, потому-что въ глазахъ истинно ученаго человѣка они не имѣютъ никакой цѣны, а для большинства — недоступны.

Весьма полезны также переводы классическихъ писателей на отечественный языкъ. Но у насъ такіе переводы еще

невозможны, потому-что для нихъ потребны геніяльные люди съ классическимъ образованіемъ, а такихъ людей у насъ еще нѣтъ. Только геніяльные люди, переводя древняго поэта, могутъ рѣшить, удержать ли размѣръ подлинника, или принять произвольный, новый размѣръ; руководствуемые геніемъ, они рѣшатъ нѣкоторые вопросы относительно даннаго случая, но не могутъ предписать своего рѣшенія за общее правило, которымъ должны руководствоваться будущіе переводчики. Плохіе переводы великихъ произведеній классической древности, переводы сдѣланные наскоро, полу-учеными и незнатоками древности, лишенные всѣхъ своихъ красотъ и необходимыхъ поясненій и истолкованій — не въ состояніи ознакомить насъ съ древностью, не передадутъ намъ настоящаго ея характера, а напротивъ, обманываютъ наше любопытство, наши ожиданія, и только засоряютъ чистый, свѣтлый источникъ древности, доступный тому, кому исключительно раскрыты тайны тѣхъ языковъ, на которыхъ написаны Илліада, Одисса, Энеида, и такъ далѣе.

Точно такимъ же образомъ слѣдуетъ знакомить съ искусствами древнихъ, для чего нерѣдко придется прилагать къ изданію хорошіе снимки. Живопись и скульптура древнихъ вообще еще очень мало знакомы ученымъ, а большинство знаетъ лишь имена однихъ знаменитѣйшихъ художниковъ; но съ именами этими несвязаны никакія представленія, никакія преданія. Поэтому и на статьи изъ области искусствъ должно обратить особенное вниманіе, и постоянно передавать намъ, чтó дѣлается по этому предмету западными учеными. Эта часть скорѣе всего могла бъ быть интересна какъ для нашихъ художниковъ, такъ и для большинства читателей. Но сухими компиляціями объ искусствахъ, составленными изъ сухихъ же нѣмецкихъ компиляцій, намъ не ознакомиться съ роскошнымъ и богатымъ классическимъ искусствомъ.

Наконецъ, чтобы рѣзко оживить изученіе древности и придать ему ensemble, необходимо постоянно слѣдить за трудами, являющимися по части древности на Западѣ; обозрѣвать всѣ

открытія въ области древняго искусства, прислушиваться къ геніяльнымъ объясненіямъ разныхъ трудностей, которыя мы постоянно встрѣчаемъ на широкомъ пути изученія древности. Одна эта часть, хорошо и тщательно исполненная, можетъ придать большой интересъ подобному изданію и много способствовать къ уясненію древности.

Теперь спрашивается: можно ли такимъ образомъ вполнѣ изучить классическую древность?

Мы болѣе чѣмъ увѣрены, что какія бы старанія ни употребляли ученые и геніяльные люди, все-же многое изъ древняго міра останется непонятымъ и необъяснимымъ, потому-что ко многому навсегда потеряны ключи; многое можно объяснять себѣ и понять только приблизительно; и въ особенности потому, что о многомъ мы должны составлять себѣ понятіе, собирая тамъ и сямъ по слову, сохранившемуся то у того, то у другаго древняго писателя: но вѣрна ли такая реставрація того или другаго понятія или нѣтъ—на это нельзя отвѣчать утвердительно. Притомъ даже и то, что́ сохранилось и дошло до позднѣйшаго времени, иной разъ, не можетъ быть вѣрно понято и объяснено. Можно-ли передать въ переводѣ какую-нибудь піесу древности такъ, чтобы она сохранила въ своемъ новомъ видѣ всѣ тѣ прелести, которыя восхищали древняго человѣка, и почему мы можемъ знать, что́ особенно ему нравилось? да найдемъ ли мы еще истинно прекраснымъ то, чѣмъ восхищались древніе? Смотря съ такой точки на предметъ, намъ представится множество вопросовъ, которыхъ почти невозмно рѣшить.

Очень часто мы составляемъ себѣ понятія о древнемъ семейственномъ, то есть, домашнемъ бытѣ по тому, что́ находимъ въ такой-то древней комедіи. Но развѣ выводы такого рода могутъ быть справедливы? Развѣ самая удачная и художественная новѣйшая комедія можетъ служить ключемъ къ нашему общественному быту? Развѣ по изображеніямъ, найденнымъ на кру́жкѣ бѣднаго греческаго или римскаго поселянина, мы можемъ заключать о греческой или римской живописи вообще. Развѣ по нѣсколькимъ кускамъ

колоннъ и двумъ дурно сохранившимся кускамъ барельефа, можно уже судить о великолѣпіи разрушеннаго зданія, или объ архитектурѣ и скульптурѣ того или другаго времени? Повѣрьте, все это однѣ догадки и приблизительныя заключенія, иной разъ очень остроумныя и замысловатыя, но недающія еще вѣрнаго понятія о предметѣ, и которыя такъ же легко опровергнуть, какъ легко было создать, потому-что, какъ для того, такъ и для противнаго мнѣнія, нѣтъ положительныхъ доказательствъ.

Многое, и притомъ самое замѣчательное, именно частная жизнь древняго человѣка, погибло совершенно; сохранились одни только намеки, нѣсколько совершенно нѣмыхъ словъ, которыхъ нельзя объяснить тому, кто не видалъ Грека или Римлянина у его очага и въ публичномъ мѣстѣ.

На возстановленіе и объясненіе древней жизни много уже потрачено времени, знанія, терпѣнія, остроумія; но всѣ результаты этихъ долгихъ и трудныхъ изысканій такъ бѣдны и такъ безплодны, что мы до-сихъ-поръ не сдѣлали изъ нихъ никакого употребленія, и почти не знаемъ того, что́ съ такими неимовѣрными усиліями отнято учеными у забвенія. Отъ чего же это? — Оттого, что по костямъ скелета нельзя еще составить себѣ вѣрнаго понятія о красотѣ и граціи того существа, отъ котораго сохранились одни лишь пожелтѣвшія кости! Всѣ уцѣлѣвшіе памятники частной жизни древнихъ, по моему мнѣнію, въ такомъ же находятся отношеніи къ дѣйствительной жизни древнихъ, въ какомъ отношеніи находятся кости скелета къ живому тѣлу. Точно тоже и съ древнею исторіею. Несмотря на всѣ усилія и попытки тысячи ученыхъ дать намъ вѣрное понятіе о политическомъ и общественномъ состояніи древней Греціи и Рима, мы до-сихъ-поръ имѣемъ одни лишь неясныя понятія и фантастическія реставраціи различныхъ государствъ; но все это только предположенія, живущія одними цитатами, которыя весьма часто ровно ничего не доказываютъ, и иной разъ имѣютъ совершенно отличное значеніе отъ того, которое далъ имъ авторъ ради извѣстнаго случая.

Мнѣ всегда приходитъ это на мысль, когда я читаю какой-

либо трактатъ, силящійся объяснить извѣстный фактъ древняго міра и обильно украшенный разнаго рода цитатами. Очень часто я не только не вѣрю тому, что́ читаю, но удивляюсь, какъ иногда правдоподобно разыгрывается человѣческая фантазія, и какіе чудные виды рисуетъ воспламененное воображеніе, для котораго иногда достаточно самаго ничтожнаго повода, не болѣе какъ дурно прочитаннаго или непонятаго слова.

Вотъ къ какимъ вопросамъ пришли мы, разсуждая объ изученіи классической древности.

Наконецъ переходимъ къ тому, въ какой мѣрѣ «Пропилеи» удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ. По плану своему изданіе это допускаетъ два обширные отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ заключать переводы, разборы и описанія памятниковъ, изслѣдованія, характеристики, очерки; второй же отдѣлъ — свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по части классической древности; или другими словами: въ первомъ отдѣлѣ издатель предполагаетъ помѣщать переводы древнихъ образцовыхъ произведеній и разнаго рода изслѣдованія, а во второмъ обзоры всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій о древности и открытій.

Итакъ по плану своему изданіе это можетъ удовлетворить приведеннымъ нами вопросамъ, и такимъ путемъ, мы, безъ сомнѣнія, вступимъ въ ближайшее знакомство съ классическою древностью. Но есть ли у насъ, въ-самомъ-дѣлѣ, средства къ ближайшему знакомству съ классическою древностью при настоящей нашей степени образованія? — На этотъ вопросъ отвѣчать нетрудно: число русскихъ знатоковъ классической древности, или людей, знающихъ основательно классическіе языки и располагающихъ необходимыми для этого свѣдѣніями, весьма ограничено, и только въ послѣднее время появилось у насъ нѣсколько ученыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ германскихъ филологовъ. Слѣдовательно, при такой бѣдности у насъ ученыхъ филологовъ разсчитывать на оригинальныя изслѣдованія и открытія нашихъ ученыхъ трудно; допускать же въ это прекрасное изданіе труды полуученыхъ и неизвѣстныхъ своею классическою уче-

ностью писателей — значило бы прямо уклоняться отъ цѣли, предположенной при самомъ основаніи изданія, потому что ученическіе опыты ни въ какомъ случаѣ не подвинутъ у насъ изученія классической древности. Поэтому несравненно полезнѣе будетъ, за неимѣніемъ основательныхъ оригинальныхъ статей, помѣщать хорошіе переводы изслѣдованій извѣстнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, и не упускать изъ виду ни одного замѣчательнаго изслѣдованія по предмету классической древности, явившагося на Западѣ. Разборы же образцовыхъ трудовъ по части древности долго еще придется дѣлать самому издателю, съ помощью двухъ-трехъ нашихъ ученыхъ, посвятившихъ себя исключительно изученію древности классической и уже извѣстныхъ у насъ по этой части своими замѣчательными трудами. Такимъ образомъ сборникъ, предпринятый г. Леонтьевымъ, не только могъ бы удовлетворить той цѣли, которую издатель имѣлъ при его основаніи, но, сверхъ-того, обобщилъ бы у насъ всѣ изслѣдованія о древности, появляющіяся въ разныхъ странахъ Европы; что́, конечно, весьма облегчило бы преподаваніе у насъ историческихъ наукъ вообще и пополнило бы тотъ недостатокъ, который такъ чувствителенъ у насъ, даже у многосторонне-образованныхъ людей. Тогда сборникъ статей по классической древности сдѣлался бы во сто разъ интереснѣе изданій, которыхъ главная и исключительная цѣль знакомить съ современностью, и только изрѣдка бросать прищуренный взглядъ на мало кому извѣстную классическую древность. Такой сборникъ могъ бы сдѣлаться книгою необходимою для каждаго образованнаго человѣка, чувствующаго и сознающаго необходимость основательнаго чтенія. Тогда досужее чтеніе могло бы принести нашему обществу несравненно болѣе пользы, чѣмъ оно приноситъ въ настоящее время, когда мы тратимъ свои отдыхи на чтеніе незрѣлыхъ трудовъ, знакомящихъ насъ съ тѣмъ только, что авторъ еще очень мало знаетъ и въ чемъ онъ еще нетвердо владѣетъ своими взглядами; конечно такое чтеніе не приноситъ эстетическаго наслажденія.

Мы желали бы, чтобъ издатель обратилъ вниманіе на на-

ши слова, внушенныя намъ однимъ расположеніемъ, и поддержалъ бы свое прекрасное и полезное предпріятіе; такимъ образомъ онъ не только содѣйствовалъ бы распространенію у насъ совершенно новыхъ свѣдѣній, но еще направилъ бы вниманіе образованныхъ людей на чтеніе, достойное ихъ образованія.

Какъ въ эстетическихъ произведеніяхъ древнихъ, такъ и въ основательныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ объ ихъ жизни, образованный умъ найдетъ много пищи; найдетъ, сверхъ всякаго ожиданія, много явленій, замѣчательныхъ въ различныхъ отношеніяхъ; найдетъ много поучительнаго.

Во второй книжкѣ «Пропилеевъ» мы нашли въ первомъ отдѣлѣ шесть оригинальныхъ статей, бóльшею частью, нашихъ молодыхъ ученыхъ, и одну переводную — съ греческаго. Во второмъ отдѣлѣ — четыре рецензіи и одну біографію. Пять статей перваго отдѣла посвящены классическому театру и двѣ — греческимъ и римскимъ женщинамъ; весь второй отдѣлъ — греческой и римской исторіи. Жаль, что въ одной книгѣ такъ много посвящено древнему театру и женщинамъ. Въ такомъ сборникѣ, каковъ «Пропилеи», непремѣнно слѣдовало бы допустить болѣе разнообразія и не увлекаться чѣмъ-либо однимъ ко вреду другаго. По поводу перевода трагедіи Софокла «Эдипъ царь», находимъ двѣ статьи: въ одной анализируется эта трагедія; другая статья *большое нѣчто* о Софоклѣ, съ громкимъ заглавіемъ: «Софоклъ и его значеніе въ греческой трагедіи».

Вообще говоря, первыіі отдѣлъ этого номера значительно уступаетъ первому отдѣлу перваго номера «Пропилеевъ», который былъ несравненно богаче и разнообразнѣе.

Но если должно довольствоваться тѣмъ, чтó дано, то мы отдадимъ преимущество статьямъ г. Кудрявцева, занимательнѣйшимъ и основательнѣйшимъ въ этой книжкѣ.

Во второй книжкѣ «Пропилеевъ» мы находимъ собственно два перевода Софокловой трагедіи «Эдипъ царь». Первый переводъ принадлежитъ П. Н. Кудрявцеву и имѣетъ заглавіе: «Объ Эдипѣ царѣ, Софокла. Опытъ анализа». — Другой переводъ, въ стихахъ, принадлежитъ С. Шестакову и на-

званъ: «Эдипъ царь, трагедія Софокла, переводъ съ греческаго». Намъ, слѣдовательно, предстоитъ рѣшить, чей переводъ лучше и удачнѣе, и чѣмъ они различаются между собою

Въ «Опытѣ анализа» г. Кудрявцева мы находимъ собственно вѣрный, близкій и удачный переводъ названной трагедіи Софокла на новѣйшія понятія, сдѣланный единственно для новѣйшаго человѣка. Это истинно художественное, поэтическое истолкованіе весьма замѣчательнаго творенія древности. Только послѣ такого перевода этой піесы на новѣйшія понятія мы можемъ вполнѣ понять, почему Софоклъ такъ высоко стоялъ въ мнѣніи древнихъ и въ мнѣніи новѣйшихъ знатоковъ древности. Никогда еще мы не читали на русскомъ языкѣ ученой статьи — которой предметъ былъ бы взятъ изъ широкой сферы древности, — написанной съ такимъ основательнымъ знаніемъ предмета, съ такимъ живымъ, горячимъ сочувствіемъ къ красотамъ классическаго произведенія, съ такимъ ученымъ и литературнымъ тактомъ, и при всемъ томъ, съ невѣроятнымъ спокойствіемъ духа и осмотрительностью въ сужденіяхъ.

Мы считаемъ долгомъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей на этотъ превосходный опытъ, выходящій изъ обыкновеннаго круга ученыхъ статей, какія бо́льшею частью помѣщаются въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Читая эту статью, вы замѣчаете, что ей предшествовалъ въ головѣ автора сложный умственный процессъ; что, прочитавъ «Эдипа», господинъ Кудрявцевъ задалъ себѣ много вопросовъ, долго обдумывалъ тему съ различныхъ сторонъ, и послѣ долгихъ, досужихъ соображеній, принялся за перо, и съ неподражаемою энергіею изложилъ, передалъ на бумагѣ плоды своихъ умственныхъ комбинацій; чрезвычайно ясно и отчетливо передалъ намъ, какъ самъ онъ понялъ и какъ должно понимать произведеніе гомера греческой драмы; весьма удовлетворительно доказалъ намъ, почему находитъ Софокла художникомъ и творцомъ по преимуществу; такъ что послѣ этой статьи господина Кудрявцева, вопросъ объ «Эдипѣ» рѣшенъ окончательно, потому-что авторъ мѣтко высказалъ свой русскій взглядъ на эту греческую траге-

дію, и именно сказалъ то, чего не сказали объ ней ни Французы, ни Нѣмцы, ни Англичане, которые во многомъ иначе смотрѣли на «Эдипа» и нѣсколько иначе понимали его. Статья господина Кудрявцева такъ ловко, такъ связно и такъ мастерски написана, что мы не рѣшаемся передавать ее здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ — ее должно прочесть въ подлинникѣ каждому, кто любитъ читать толковыя ученыя статьи, изложенныя просто и легко. Такого языка, такого благородства, спокойствія и искусства въ выраженіи именно того, что́ авторъ хотѣлъ сказать, такой удачной экспрессіи, какія мы находимъ въ статьѣ господина Кудрявцева, вы не найдете ни въ одной изъ остальныхъ статей этой книги. Еще разъ повторяемъ, что это истинно-поэтическій переводъ «Эдипа», переводъ, какого до-сихъ-поръ мы не имѣли и въ какомъ именно нуждались. Познакомивъ сначала читателя съ греческой легендой объ Эдипѣ царѣ, поставивъ значеніе этой легенды лицомъ къ лицу съ художественною ея отдѣлкой и необходимыми измѣненіями, безъ которыхъ произведеніе Софокла не имѣло бы самостоятельности, не выказывало бы его творчества, господинъ Кудрявцевъ анализируетъ концепцію греческаго трагика и потомъ разсказываетъ содержаніе трагедіи, съ должными объясненіями и замѣчаніями, почему авторъ такъ именно поступилъ въ каждомъ данномъ случаѣ, и какъ черезъ это достигъ онъ такого высокаго совершенства въ драмѣ.

Какъ далеко ушелъ нашъ русскій умъ, какъ чудно выказываетъ свою силу; свое величественное спокойствіе и достоинство стройный нашъ языкъ! Все устарѣло и обветшало передъ «Эдипомъ» господина Кудрявцева. Между-тѣмъ это только опытъ. Чего же должно ожидать намъ отъ нашего ученаго, который теперь въ полной душевной и физической силѣ!

Перейдемъ къ другому переводу Софокловой трагедіи — «Эдипъ Царь».

Трудъ, который взялъ на себя господинъ Шестаковъ — похвальный трудъ, дѣлающій честь переводчику; но

мы предпочитаемъ «Опытъ анализа» господина Кудрявцева этому стихотворному переводу. Переводъ господина Шестакова—копія съ Софоклова, «Эдипа» копія, въ которой сохранены размѣръ картины, всѣ представленныя въ ней лица; но копія мертва въ сравненіи съ оргиналомъ, потому-что краски, употребленныя господиномъ Шестаковымъ, далеко не тѣ, которыми писалъ Софоклъ; тутъ совпадаютъ одни абрисы, но игра цвѣтовъ, необъяснимое соединеніе красокъ, непонятныя сочетанія свѣта и тѣни, этого нѣтъ въ копіи, сдѣланной господиномъ Шестаковымъ, который собственно взялся за переводъ «Эдипа» какъ ученый, а не какъ поэтъ; а чтобы вѣрно копировать картины великихъ художниковъ, надо самому быть весьма замѣчательнымъ художникомъ; иначе выйдетъ плохая копія, или, если несовсѣмъ плохая, то такая слабая, такая безхарактерная, что и не узнаешь по ней оригинала. Правда, переводъ господина Шестакова читается, но мало ли чтó читается? У переводчика нѣтъ и помину о той энергіи, той экспрессіи и той гармоніи, которыми такъ ярко отличается проза господина Кудрявцева.

По моему мнѣнію, истолкованіе трагедіи Софокла, сдѣланное господиномъ Кудрявцевымъ, несравненно полезнѣе для насъ, чѣмъ слабая, блѣдная копія съ нея въ стихахъ, принадлежащая господину Шестакову; потому-что по такой неудачной копіи нельзя составить себѣ выгоднаго мнѣнія о лучшемъ произведеніи величайшаго драматурга классической древности, а слѣдовательно, цѣль перевода не достигнута. Не желая обвинять переводчика бездокозательно, мы приводимъ начало трагедіи, чтобы каждый хоть приблизительно могъ судить о достоинствѣ перевода господина Шестакова:

Эдипъ.

О дѣти, Кадма древняго потомки,
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ,
А городъ нашъ и жертвеннымъ куреньемъ
И вмѣстѣ пѣньемъ и стенаньемъ полонъ?
Отъ вѣстниковъ узнать я не хотѣлъ

И сам пришел сюда, о дѣти, я,
Извѣстный всѣм, прославленный Эдип,
Но ты, старик, скажи (тебѣ прилично
Всѣх прежде слово молвить), вы зачѣм
Собрались здѣсь, иль вы чего боитесь,
Иль просите? Скажи, и я исполню.
Без сердца был бы я, когда б не тронул
Меня сей вид людей молящих

Жрец.

Земли моей властитель, царь Эдип,
Ты видишь нас, какіе мы собрались
У алтарей твоих. Вот здѣсь птенцы,
Еще безсильные летѣть далёко,
А там лѣтами отягченный старец,
Жрецы, и я, жрец Зевса, и толпа
Отборных юношей. Народ же прочій,
Увѣнчанный, Паллады оба храма
И пепл пророческій Исмена бога,
На площадях, толпами окружил.
Как видишь сам, взволнован город весь;
Не может он главы поднять из бездн
Волны кровавой; гибнет плод земной,
И мрут стада, и роды жен безплодны.
Огнем палящій Бог, ужасный шар
На город наш стремительно низвергся.
Пустѣет Кадма дом, а черный ад
Стенаньями и плачем богатѣет.
Ни юноши, которых видишь здѣсь,
Ни я, не с тѣм пришли мы к алтарю,
Чтобы равнять тебя с богами, нѣт,
Но из людей тебя считаем первым,
В дѣлах людских и в том, что боги шлют.
И прежде уж, пришедши в Кадмов город,
От подати ты нас освободил,
Которую платили мы пѣвцѣ;
Без наставленья нашего ты сам

Лишь съ помощью боговъ намъ жизнь исправилъ;
Такимъ тебя считаютъ всѣ у насъ.
Теперь о дорогой намъ всѣмъ Эдипъ,
Пришли къ тебѣ мы съ просьбой и мольбою:
Найди намъ средство, гласу ль Бога внявъ,
Иль знаешь какъ-нибудь отъ человѣка:
За тѣмъ что многоопытнаго мужа
Совѣтъ и слово живы, знаю я.
Иди, о лучшій изъ людей, иди,
Заботою своей воздвигни городъ;
Хотя тебя за прежнюю услугу
Спасителемъ земля сія зоветъ,
Но не желали бъ такъ тебя мы помнить,
Что, чрезъ тебя поднявшися однажды,
Потомъ опять упали при тебѣ.
И такъ спаси отъ бѣдъ ты городъ нашъ!
Какъ прежде ты счастливою судьбой
Далъ счастье намъ, такимъ же будь теперь!

Согласитесь, что это слишкомъ далеко отъ поэзіи...

Я не берусь излагать здѣсь содержанія давно и всѣмъ извѣстной трагедіи, потому-что это еще болѣе распространило бы нашу критику, а перейду скорѣе къ статьѣ того же автора о «Софоклѣ и его значеніи въ греческой трагедіи».

Мнѣ право досадно, что не могу сказать о трудахъ господина Шестакова того, что́ сказалъ о статьѣ господина Кудрявцева; но что́-жъ мнѣ дѣлать: я не люблю ни слабыхъ переводовъ, ни компиляцій длинныхъ и скучныхъ, въ которыхъ много толкуется о мелочахъ, а важные вопросы искусства оставлены безъ вниманія. Софоклъ, по компиляціи господина Шестакова, какое-то ощипанное, купое существо, подобное Ментору во французской піесѣ «Калипсо»—въ сѣрой пуховой шляпѣ, съ большими полями, съ зонтикомъ въ рукахъ, одѣтому самымъ анахроническимъ образомъ. На двухъ печатныхъ листахъ можно было сказать много интереснаго о Софоклѣ и его произведеніяхъ; вмѣсто того

авторъ подчуетъ своего читателя тѣми учеными германскими объѣдками, которыхъ не варитъ руескій здравый смыслъ и чисто практическій умъ. Оттого-то я и ненавижу всевозможныя компиляціи, состряпанныя въ старо-нѣмецкомъ вкусѣ, гдѣ, бо́льшею частью, своего нѣтъ на одну страницу, на одну идею, а все чужое, да еще слишкомъ старое, совсѣмъ выдохшееся. Почти половина статьи посвящена господиномъ Шестаковымъ собранію чужихъ толковъ о томъ, какое значеніе имѣетъ хоръ въ греческой драмѣ вообще. По этому поводу приведено много чужихъ мнѣній, еще больше своихъ выводовъ; но между-тѣмъ значенія хора господинъ Шестаковъ не понялъ и важнаго вопроса о хорѣ не рѣшилъ окончательно, хотя многіе германскіе ученые, которыхъ мнѣнія онъ приводитъ, уже довольно близки были къ истинѣ.

Вникнувъ въ духъ древняго искусства и сообразивъ, какъ болѣе или менѣе поняли характеръ хора новѣйшіе изслѣдователи классической древности, нетрудно замѣтить, что хоръ имѣлъ въ греческой драмѣ вообще значеніе *общественнаго мнѣнія* о событіи. Сообразите всѣ тѣ мнѣнія, которыя вы привели, и сами убѣдитесь, что оно такъ.

Греческій драматургъ не могъ себѣ представить одного изолированнаго дѣйствія или трагическаго событія, безъ внѣшней его обстановки, или, какъ говоритъ самъ господинъ Шестаковъ, — «древнее искусство не отрывало человѣка отъ среды, въ которой онъ жилъ. Его трагическая судьба раскрывалась и въ немъ самомъ, въ его внутренней жизни, — но въ то же время отразилась эта судьба и въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ.» И потому въ греческой драмѣ вообще мы видимъ не только дѣйствующихъ, но и страдательныхъ лицъ, т. е. народъ, зрителей; — эти послѣднія, страдательныя лица являются въ видѣ хора, для того, чтобы дѣйствительный зритель видѣлъ, какъ народъ понималъ дѣйствіе или событіе, или, другими словами, какъ ему слѣдовало понимать его; какъ народъ смотрѣлъ на это дѣйствіе и какое оно произвело на него впечатлѣніе, или какъ хочетъ поэтъ, чтобы

смотрѣли на это дѣйствіе или событіе. Древнее искусство считало это необходимымъ для полноты и цѣлости драмы, такъ что этотъ хоръ — или идеальный зритель, представляющій народъ, управлялъ нѣкоторымъ образомъ душевнымъ движеніемъ настоящаго, дѣйствительнаго зрителя.

Господинъ Шестаковъ приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ филологовъ, которые уже довольно близко подходятъ къ истинѣ. Такъ напримѣръ онъ говоритъ: «Шлегель понимаетъ «хоръ какъ олицетворенную мысль о представляемомъ дѣйствіи, какъ выраженное участіе поэта, вѣщающаго за все человѣчество. Однимъ-словомъ, хоръ, есть идеальный зритель (der idealische Zuschauer), есть проводникъ между чувствомъ и мыслью поэта и зрителя». Конечно поэтъ свою собственную мысль влагаетъ въ уста хора или народа; но это дѣлаетъ онъ для того, чтобы заставить зрителя думать о событіи, какъ поэту того хотѣлось.

Далѣе мнѣніе наше мы можемъ подтвердить и словами самого автора, который опять замѣчаетъ:

«Для втораго, для показанія, какъ дѣйствовало трагическое событіе не на тѣ лица, которыя были увлечены имъ, которыя участвовали въ немъ непосредственно, но на тѣхъ, которые принимали въ немъ только далекое, посредственное участіе, какъ зрители, для этого въ древней трагедіи былъ хоръ. Таково, если не ошибаюсь, художественное значеніе хора у Софокла. И въ этомъ смыслѣ Шлегель могъ назвать его идеальнымъ зрителемъ. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ зритель, но зритель неравнодушный: потокъ трагической судьбы увлекаетъ изъ его среды тѣхъ людей, которымъ болѣе всего принадлежитъ его симпатія, и онъ чувствуетъ удары, ихъ поражающіе; онъ болѣетъ сердцемъ, когда тяжки становятся эти удары; онъ отдыхаетъ, когда отдыхаютъ тѣ, которые поражаются. Но въ тоже время онъ можетъ и разсуждать: потому-что не касается его непосредственно этотъ потокъ трагической судьбы, но идетъ мимо его. И по этому-то этотъ идеальный зритель можетъ быть проводникомъ между мыслью поэта и зрителя. Аѳинскому зрителю легче было съ этимъ проводникомъ всмотрѣться въ художественное твореніе поэта, легче было

прослѣдить и постигнуть ходъ и развитіе мысли художника, нежели намъ прослѣдить и понять творческое созданіе новаго поэта, намъ, которымъ самимъ художникъ предоставляетъ весь трудъ постиженія».

Нѣсколько ниже господинъ Шестаковъ говоритъ, что: «Въ «крупномъ разговорѣ между Эдипомъ и Креонтомъ онъ (то «есть хоръ) *принимаетъ только роль посредника страдатель-«наго»* (стр. 120). Затѣмъ замѣчаетъ: «Но когда Іокаста съ «пренебреженіемъ отозвалась объ оракулахъ и ушла вмѣстѣ «съ Эдипомъ, тогда *хоръ*, выражаетъ свою скорбь о сла-«бости человѣческой, и т. д.» (стр. 121). Наконецъ, что «онъ (хоръ) *скорбно высказывается въ общихъ размышленi-«яхъ, которыя содержатъ въ себѣ истину и безъ приложенія «къ настоящему случаю.»*

Бывъ такъ близко у настоящаго значенія хора, господинъ Шестаковъ не рѣшилъ вопроса о немъ. Прочтите, то мѣсто, когда тайна, томившая Эдипа, открылась, и онъ говоритъ:

Увы, увы! выходитъ все наружу!
О свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу!
Вотъ оказалось, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Недолжно бъ было, съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить
Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого бъ не смѣлъ

(Уходитъ съ воплемъ)

Хоръ.

Увы! Смертныхъ родъ людей!
Какъ вашу я жизнь невысоко цѣню!
И кто тотъ человѣкъ, и гдѣ онъ,
Кто бы болѣе счастливымъ былъ,
Чѣмъ на столько, чтобъ счастьемъ блеснуть
И блеснувши, упасть съ высоты!
Твой когда предъ глазами примѣръ,
Твою видя судьбу, о злосчастный Эдипъ
Никого изъ людей не сочту я счастливымъ.

О Зевесъ! въ цѣль удачно попалъ,

И достигъ онъ блаженства вполнѣ,
Когда пѣвчую дѣву сгубилъ
Что съ кривыми когтями была
И стѣной намъ отъ смерти онъ сталъ.
Съ той поры царь великъ Өивъ,
Ты всѣхъ большую почесть имѣлъ.
А послушать теперь, кто несчастный?
Кто въ трудахъ, кто въ бѣдахъ столь ужасныхъ
И ему также жизнь измѣнила.
Увы! о славный нашъ Эдипъ!

Итакъ, мы заканчиваемъ нашъ выводъ тѣмъ, что хоръ древней драмы считался необходимымъ условіемъ для ея полноты и выражалъ собою общественное мнѣніе, спрямленное, обдѣланное поэтомъ, согласно тому, какъ онъ хотѣлъ, чтобы это мнѣніе сдѣлалось господствующимъ.

Послѣ изслѣдованія о хорѣ, господинъ Шестаковъ разсуждаетъ о томъ, какимъ образомъ три актера могли играть всѣ роли въ трагедіи?—Всѣ эти разсужденія, какъ равно и поверхностныя десятистрочныя оцѣнки важнѣйшихъ піесъ Софокла, какъ и трактатъ о политическомъ значеніи драмъ Софокла, относя сюда и самое неидущее къ дѣлу заключеніе статьи, которое не есть прямой исходъ его разсужденія, а механическая приставка, непримыкающая къ ученому трактату, не представляютъ не только ничего интереснаго для того, кого хотятъ знакомиться съ древностью, но могли быть напечатаны только въ видѣ примѣчаній къ переводу «Эдипа». Но на какомъ основаніи эти отрывочныя темныя, замѣтки образовали сами по себѣ цѣлое разсужденіе, мы не знаемъ... При томъ же на бѣду это разсужденіе слишкомъ близко поставлено къ статьѣ господина Кудрявцева, а отъ такого невыгоднаго сосѣдства оно еще болѣе потеряло, потому-что блескъ первой статьи освѣтилъ самымъ яркимъ образомъ всю слабость послѣдней.

Въ такомъ же почти родѣ статьи господина Благовѣщенскаго, съ тою только разницею, что по интересу онѣ не-

сравнено ниже, и изложены крайне вяло; по учености своей онъ нѣсколько глубже: видно, что авторъ находился у груды источниковъ, заваленъ источниками, и взялся передать намъ эти источники въ возможно-сжатомъ видѣ; но изъ хвостовъ шубы не сшить, если же и сшить, то она расползется въ самое скорое время. Какъ вы ни мудрствуйте, а изъ однихъ болѣе или менѣе удачныхъ примѣчаній, болѣе или менѣе вѣрныхъ и остроумныхъ лексическихъ объясненій, нельзя составить интересной статьи, которая читалась бы, какъ читается статья господина Кудрявцева; тѣмъ болѣе, когда изберешь такой предметъ, каково начало римской комедіи или ателланы. Тутъ разсуждайте себѣ на здоровье о чемъ вамъ въ голову пришло, ссылайтесь на кого хотите, допускайте какія угодно *конъектуры* (!!!), а избраннаго предмета вамъ не уяснить, потому-что по натурѣ своей, онъ не дается новѣйшему человѣку, а тѣмъ менѣе еще негеніяльному новѣйшему человѣку.

Очень жаль, что г. Благовѣщенскій взялся за такія сухія и неблагодарныя изысканія, изъ которыхъ нельзя выйти побѣдителемъ, и которыми даже нельзя подавать *прекрасныхъ надеждъ*. Быть-можетъ, взявшись за предметъ бо́льшей важности, за предметъ нестоль отдаленной и непроницаемой древности, онъ принесъ бы болѣе удовольствія и пользы, и себѣ и читателю. Не слѣдовало также издателю печатать такихъ сухихъ и вялыхъ трактатовъ въ своемъ прекрасномъ сборникѣ, котораго цѣль гораздо выше, чѣмъ знакомить насъ съ *началомъ римской комедіи*. При всемъ томъ, г. Благовѣщенскій употребилъ всѣ свои силы, пустилъ въ полный ходъ всѣ средства, чтобы показать читателю, что онъ эрудитъ и знаетъ знаменитое изреченіе: «magna pars scientiae scire ubi queras»! По всему видно, что каталогъ писателей и сочиненій о классической древности былъ у него на столѣ, а богатые источники въ шкафу. Да и кто могъ думать, что съ такими вѣрными средствами нельзя написать ничего новаго и интереснаго о началѣ римской комедіи? Многіе ученые глубоко убѣждены, что съ такими запасами смѣло можно трактовать о самыхъ необъясненныхъ и крѣпко забытыхъ предме-

тахъ; что доказательствомъ-де тому самъ трудолюбивый Беттигеръ, такъ успѣшно писавшій рѣшительно обо всемъ. Языкъ г. Благовѣщенскаго еще не установился онъ слабъ, испещренъ тамъ-и-сямъ такими иностранными словами, безъ которыхъ очень можно было обойтись; какъ напримѣръ *конъектуры* и ему подобныя. Вотъ все, чтó я, къ сожалѣнію, долженъ былъ сказать о статьяхъ господина Благовѣщенскаго.

Пройдя густой лѣсъ нѣмецко-руской учености, мы опять очутились на открытомъ мѣстѣ, гдѣ опять можемъ свободно вздохнуть, приступая ко второй статьѣ господина Кудрявцева: «Римскія женщины, по Тациту».

Вторая статья г. Кудрявцева вторая—и послѣдняя жемчужина этого выпуска «Пропилеевъ», опять самостоятельный трудъ. Чудное дѣло! Вѣдь не могъ же авторъ выдумать всего того, чтó онъ разсказываетъ намъ, а непремѣнно долженъ былъ засѣсть за источники, чтобы почерпнуть изъ нихъ всѣ эти извѣстія; да еще за какіе источники! Сидѣлъ же онъ за ними подобно господамъ Благовѣщенскому и Шестакову, а какая разница между ихъ разсужденіями!—Вотъ это и значитъ, что не всѣ писатели, не всѣ знатоки дѣла бываютъ съ равными способностями, а что есть люди съ какою-то особенно счастливою организацію умственныхъ способностей, и эта особенно счастливая организація встрѣчается очень рѣдко... Статья объ Агрипинѣ Младшей показываетъ, что господинъ Кудрявцевъ, за чтó бы ни взялся, не испытаетъ не удачи; что умъ его все пойметъ ясно, обслѣдуетъ обстоятельно, и передастъ обслѣдованное и изученное имъ такъ мѣтко, такъ увлекательно, такъ удовлетворительно, какъ никому не передать того же.

Статья о римскихъ женщинахъ замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Тацитъ, служившій господину Кудрявцеву главнымъ основаніемъ, истолкованъ самымъ достойнымъ его образомъ. Наконецъ-то Тацитъ нашелъ себѣ на Руси счастливаго истолкователя. Благородство изложенія, выдержанность, энергія рѣчи, чувство мѣры—все соблюдено, все вылилось въ

самыхъ натуральныхъ, въ самыхъ стройныхъ формахъ, и въ тоже время, самымъ ослѣпительнымъ образомъ. Но мы осмѣлимся замѣтить, что эта статья уступаетъ первой, «Эдипу царю», потому-что въ послѣдней болѣе оригинальности взгляда, и авторъ прямо идетъ къ предположенной имъ цѣли, вѣрно и неуклонно стремится къ рѣшенію вопроса, который себѣ задалъ, «чего нельзя сказать о второй статьѣ. Допустивъ заглавіе «Римскія женщины», авторъ не представляетъ въ ней замѣчательнѣйшихъ характеровъ, взятыхъ изъ римскаго женскаго міра. Авторъ вовсе не говоритъ о современницахъ Агрипины, не объясняетъ отношеній ея къ этимъ современницамъ; словомъ, не даетъ намъ никакого понятія о тогдашнихъ женщинахъ. Если же допустить, что «римскія женщины» — только общее заглавіе статьи, въ которой главную роль должна играть Агрипина, или которую должно считать образцомъ или типомъ тогдашней римской женщины вообще, то и въ такомъ случаѣ прекрасная статья господина Кудрявцева не удовлетворяетъ вашему ожиданію, потому-что, хотя Агрипина и является по временамъ впродолженіе всей статьи, однако она не воспроизведена во всей полнотѣ. Обставлена Агрипина въ высшей степени художественно; лучше ее нельзя было обставить; но, къ сожалѣнію, обстановка такъ увлекательна, такъ интересна, что самый обставленный предметъ, то-есть цѣль разсужденія, сошелъ на третій планъ, и при всѣхъ своихъ величественныхъ формахъ не получилъ полной оконченности. Въ статьѣ этой большею частью идетъ рѣчь о семейныхъ дѣлахъ цесарей, которыхъ двигательницею и свидѣтельницею почти всегда была Агрипина; но о ней самой, о ея слишкомъ оригинальной личности находимъ довольно мало. Жаль, что у Тацита Агрипина не могла стоять на первомъ планѣ; тогда мы нашли бы превосходную характеристику ея у господина Кудрявцева. Крайне несправедливо было бы думать, что по Агрипинѣ должно судить и заключать о римскихъ женщинахъ того періода вообще. Чтó позволялись и шло супругѣ цесаря, то не могло быть къ лицу обыкновенной римской матронѣ.

При всемъ томъ, статья господина Кудрявцева весьма

интересна, и каждый ученый и образованный человѣкъ прочитаетъ ее съ особеннымъ наслажденіемъ. Надобно еще замѣтить, что авторъ иногда весьма ловко позволяетъ себѣ нѣкоторую игривость, которая при его способѣ изложенія довольно характеристична. Господинъ Кудрявцевъ постигаетъ вполнѣ, какую важную роль играетъ въ изложеніи точность, опредѣленность выраженій, яркій оттѣнокъ, и потому постоянно прибѣгаетъ къ весьма мѣткимъ, удачнымъ и оригинальнымъ выраженіямъ. Надобно желать, чтобы такой прекрасный талантъ чутко стоялъ на стражѣ у своихъ достоинствъ, чтобы не впалъ въ манерность и не испортилъ того прекраснаго, спокойнаго стиля, который такъ рѣзко отличаетъ личность господина Кудрявцева отъ всѣхъ современныхъ ему нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Еще разъ говоримъ, что русскій языкъ подъ перомъ господина Кудрявцева сдѣлалъ большой скачекъ впередъ — это уже языкъ второй половины XIX столѣтія, это подвигъ нашего живаго поколѣнія; такой языкъ мы встрѣчаемъ у одного только изъ нашихъ новѣйшихъ ученыхъ, именно у господина Кавелина, у котораго есть энергія, есть необъяснимое спокойствіе въ изложеніи. Чтобы не думали, что мы слишкомъ увлеклись слогомъ господина Кудрявцева, представляемъ на судъ читателей слѣдующее мѣсто изъ его Агриппины:

Отъ дѣтства и юности Агриппины младшей лишь очень немного осталось на памяти исторіи. Если позволено заключать отъ времени полнаго развитія индивидуальныхъ силъ къ первому возрасту и первымъ средствамъ человѣка, то надобно предположить, что дочь Германика наслѣдовала, столько же отъ матери, сколько и отъ отца, очень сильную душу и крѣпкую волю. Труднѣе сдѣлать заключеніе о первыхъ направленіяхъ, которымъ она должна была слѣдовать въ своей первой молодости. Записки, которыя она сама вела о своей жизни, невозвратно утрачены, а историкъ, почерпавшій изъ нихъ свои сказанія, говоритъ лишь о томъ времени ея жизни, когда она играетъ политическую роль въ римской исторіи. Видно впрочемъ, что школа, съ которой начала Агриппина, была школа несчастій. Доволь-

но припомнить, что было время, когда осиротѣвшая семья Германика была окружена ненавистью и предательствомъ, и что только неусыпно-бдительный глазъ матери могъ предохранить ее отъ яда и тайнаго убійства. Даже посторонніе лица, если они имѣли несчастіе принадлежить къ друзьямъ Германикова дома, не могли избѣжать отъ преслѣдованій. При недостаткѣ внѣшней безопасности, семья Германика не могла похвалиться и внутреннимъ миромъ: братья враждовали другъ-другу, подъискивались одинъ подъ другаго; Друзъ согласился даже быть орудіемъ Сеяна, чтобы погубить брата своего Нерона. Мать изнемогала отъ этой непрерывной, ожесточенной борьбы съ явными и тайными врагами, которые, погубивъ мужа, какъ кроты силились подкопаться и подъ благосостояніе ея дѣтей, и со дня на день становилась раздражительнѣе; ожесточеніе было наконецъ обыкновеннымъ состояніемъ ея души. Какая злосчастная среда для воспитанія женщины! Тутъ не найдешь мѣста не только любви, но едвали даже простой человѣческой пріязни; за то, конечно, было гдѣ вырости тѣмъ разрушительнымъ страстямъ, которыя въ своемъ необузданномъ разливѣ потрясаютъ общество въ самыхъ его основаніяхъ....

«Неизвѣстно, что имѣлъ Тацитъ расказать объ Агриппинѣ въ потерянныхъ главахъ своихъ «Лѣтописей», но въ тѣхъ, которыя дошли до насъ, до самой смерти Мессалины, ему почти не представлялось случая говорить о племянницѣ Цезаря, конечно потому, что во все это время она не могла играть никакой значительной роли. Не утверждая ничего положительно, мы однако позволяемъ себѣ объяснить самою незначительностію того положенія, въ какомъ Агриппина находилась при Клавдіѣ, и новый бракъ ея съ такимъ незначительнымъ лицемъ, какъ нѣкто Пассіенъ, о которомъ мы едва знаемъ, что онъ былъ когда-то ораторомъ, и который, едва показавшись въ исторіи, потомъ исчезаетъ изъ нея навсегда. Надобно полагать, что день его брака и день смерти раздѣлены были между собою неочень большимъ разстояніемъ и что имѣніе Пассіена, которое потомъ досталось сыну Агриппины, было для нея непослѣднею приманкою, когда она вторично рѣшилась подать руку на брачный союзъ. Но ничто такъ не могло уязвить женщину съ честолюбіемъ, женщину гордую, какъ когда то самое мѣсто, на которомъ она желала бы разыграть свою

роль, было занято, въ ея глазахъ, другою. Кто же была эта женщина? Какія она имѣла права стать такъ высоко, стать самымъ близкимъ лицемъ къ Цезарю и управлять его робкою волею? Иныхъ правъ не было у Мессалины, кромѣ тѣхъ, которыя дала ей страстная ея натура надъ старикомъ, сохранившимъ только одну чувствительность—къ красотѣ женскаго тѣла. Агриппина конечно была не въ такомъ положеніи, чтобы вредить своей воображаемой соперницѣ, но такова была антипатія двухъ противуположныхъ натуръ, что та самая Мессалина, которая едва ли бы позавидовала Агриппинѣ, еслибы она занимала ея мѣсто, ненавидѣла эту женщину съ своей высоты, не терпѣла ея, не имѣя причины бояться. Если бы потокъ новой неодолимой страсти не отвлекъ всѣхъ чувствъ и всего вниманія Мессалины въ другую сторону, она несомнѣнно пошла бы далѣе въ выраженіи своей ненависти къ Агриппинѣ. Но какъ извѣстно, она увлечена была этимъ потокомъ до послѣдней роковой катастрофы, которая положила конецъ и самой ея жизни.»

После статьи господина Кудрявцева намъ остается говорить о послѣдней статьѣ перваго отдѣла, о «Древнихъ Римлянкахъ», господина Тихановича. Статья эта такая жалость, въ сравненіи съ предыдущей, что и выразить нельзя. Авторъ придумалъ весьма оригинальную вещь: онъ вызвался передать вамъ съ послѣднею вѣрностью опустѣвшіе римскіе дома, или тѣ только отдѣленія въ домахъ, въ которыхъ жили женщины. Онъ ведетъ васъ по всѣмъ закоулкамъ и разсказываетъ съ подробностью: гдѣ спали Римлянки; гдѣ онѣ мылись, гдѣ одѣвались, гдѣ купались, гдѣ сидѣли за работой, гдѣ обѣдали, гдѣ ужинали, и такъ далѣе. Потомъ забирается въ гардеробную и вытаскиваетъ оттуда разное старое истлѣвшее тряпье, и докладываетъ читателю: вотъ это верхняя туника, это нижняя туника, это рубашка, это кушакъ, и такъ идетъ до фальшивой косы, вставныхъ зубовъ и разбитыхъ банокъ, въ которыхъ хранились румяны и бѣлила Мессалины. Но развѣ вся эта ветошь въ состояніи дать вамъ понятіе о древнихъ Римлянкахъ? Развѣ валяющаяся раковина дастъ вамъ хоть тѣнь понятія о бывшей въ

ней улиткѣ? Удивительно странное возрѣніе на предметъ, удивительная близорукость. Намъ нужны Римлянки, то есть римскія матроны, римскія львы, вдовы, артистки, плясуньи и такъ далѣе, а вы раскидываете передъ нами старый ихъ гардеробъ! Компиляція господина Тихановича самая неблагодарная, потому-что ровно ничѣмъ не оживлена и замѣчательна развѣ тѣмъ только, что говоря о карлахъ, надъ которыми потѣшались Римляне и римскія дамы, авторъ совершаетъ прямой, довольно логическій, переходъ къ греческимъ философамъ. Заставимъ его самаго разсказать эту оригинальную выходку:

«Къ обстановкѣ богатаго дома римской барыни принадлежали также дурачки и дуры (morienes, fatui, fatuae), карлики и карлицы (pumiliones, nani, nanae), которыми особенно любовались римскія дамы и, если вѣрить Марціалу, любили цѣловать ихъ. Мода держать при себѣ подобнаго рода забаву перешла къ Римлянамъ отъ Александрійскихъ Грековъ, или точнѣе, съ Востока, еще во времена республиканскія. Подобныя существа тѣмъ были дороже для Римлянина, чѣмъ были глупѣе, безобразнѣе и меньше ростомъ: при покупкѣ ихъ обращали вниманіе на всѣ эти стороны. У Марціала упоминается одинъ съ остроконечною головою, съ длинными ушами, которыя шевелятся, какъ ослиныя. На памятникахъ встрѣчаются они съ огромными, безобразными и лысыми головами, съ большими ушами, съ короткимъ и толстымъ туловищемъ, съ короткими и кривыми ногами (distorti). За нихъ платили дорогія деньги. Карлики и дурачки получались съ Востока самородными, или же приготовлялись въ особаго рода ящикахъ, куда запирали ихъ дѣтьми, для того, чтобы лишить роста. Августъ не любилъ карликовъ и выродковъ, считалъ ихъ поруганіемъ породы и зловѣщими — ludibria naturae, mali ominis; но это не помѣшало его внучкѣ Юліи держать у себя карла Конопса, ростомъ двухъ съ половиною футовъ, женатаго на карлицѣ Андромедѣ, принадлежавшей Августовой женѣ и отпущенной на волю. Римляне не только любили смотрѣть на нихъ, но даже сводили ихъ на драку; учреждали изъ нихъ игры. Такъ напр. сдѣлалъ Домиціанъ, который вывелъ ихъ предъ публикой, въ театрѣ, къ состязанія съ римскими дамами, вы-

учивши ихъ искусству бить въ кастаньеты и танцовать. Въ такомъ видѣ встрѣчаются они иногда на памятникахъ».

«*Сюда же можно отнести и домашнихъ философофъ, извѣстныхъ у позднѣйшихъ Римлянъ подъ именемъ* Graeculi. Держать при себѣ ученаго Грека было издавна въ обычаѣ у знатныхъ и образованныхъ Римлянъ. Это дѣлали Сципіонъ, у котораго въ домѣ жилъ и съ которымъ путешествовалъ стоикъ Панецій, другъ извѣстнаго Лолія; Лукуллъ, у котораго жилъ академикъ Антіохъ; Крассъ, избравшій себѣ перипатетика Александра; Помпей, державшій у себя Ѳеофана, которому сообщалъ всѣ свои намѣренія и планы; Метеллъ Непотъ, имѣвшій ритора Филагра, и др. Ученаго Грека держали сначала по необходимости, отчасти для того, чтобы имѣть образованнаго и знающаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, потолковать, подъ часъ поспорить, отчасти для воспитанія дѣтей. Такъ извѣстно, что Аполлодоръ, Ѳеогнесъ и Арій были наставниками, а потомъ и друзьями Октавія. Сначала это не было общимъ обычаемъ, народною потребностію, а исключеніемъ, частнымъ явленіемъ, потребностію нѣкоторыхъ только образованныхъ людей. Но объ руку съ этимъ прекраснымъ обычаемъ стало возникать, въ послѣднія времена республики, обыкновеніе держать у себя Грековъ, не для образованной цѣли, не для науки и наставленія дѣтей, а просто изъ того же побужденія, изъ за котораго многіе, въ наше время, собираютъ книги, установливаютъ ихъ въ прекрасные шкафы, никогда не разрѣзывая ихъ и не читая, — просто изъ тщеславія, изъ суетнаго хвастовства. Такъ извѣстный Пизонъ, консулъ 58 года, и другъ его П. Клодій рѣдко даже путешествовали безъ Грековъ, собирали ихъ у себя и кормили изъ одного пустаго тщеславія и изъ желанія имѣть побольше льстецовъ. Извѣстно также, что Долабелла приблизилъ къ себѣ грамматика Никія Курція (Nicias Curtius), не потому что онъ былъ искусный грамматикъ, а потому, что онъ отлично понималъ поваренное дѣло. Еще прежде употреблялъ его же Меммій на передачу женѣ Помпея обольстительныхъ писемъ; Помпей, извѣщенный объ этомъ своею женою, отказалъ грамматику отъ своего дома. Примѣровъ можно бы набрать гораздо болѣе, но, по нашему мнѣнію, довольно и приведеннаго. Отъ времени и отъ усвоенія позднѣйшими Греками ловкости и умѣнья втираться въ дома, обыкновеніе держать при себѣ ученаго Грека перешло въ моду, равно какъ сдѣлалось

модницъ говорить по-гречески. Особенно этимъ увлекались Римлянки императорскаго періода, которыя, по словамъ Ювенала, и боятся погречески, которыя гнѣвъ, радость, заботы, всѣ душевныя тайны выражаютъ погречески. Разумѣется, при всеобщности обычая, перестали обращать вниманіе на нравственныя достоинства принимаемаго въ домъ Грека; не спрашивали объ его головѣ и качествахъ, а хотѣли знать только, Грекъ ли? Слѣдствіемъ такихъ требованій на Грековъ было, во-первыхъ, принимавіе ихъ въ дома безъ всякаго разбора, и потомъ совершенное униженіе ихъ въ нравственномъ отношеніи, такъ что на домашнихъ философовъ стали смотрѣть нелучше, какъ на жалкихъ паразитовъ. Правду сказать, немало способствовали и сами Греки собственному униженію въ глазахъ Римлянъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательны слова Ювенала, который называемъ Римъ греческимъ городомъ, куда стремятся Греки со всѣхъ сторонъ, «изъ городовъ и островов, оставляя свою родину, будущіе любимцы (viscera) и господа знатныхъ домовъ: характеръ у нихъ изворотливый (velox), смѣлость отчаянная, рѣчь гибкая (promptus) и быстрѣе Изеевой. Чѣмъ хочетъ, Грекъ можетъ быть: онъ граматикъ, риторъ, геометръ, живописецъ, гадатель, канатный плясунъ, лекарь, магъ; онъ все знаетъ. Льстить они отличные мастера: Грекъ хвалитъ рѣчь неуча, лицо безобразнаго; длинную шею безсильнаго сравниваетъ съ шею Геркулеса; восхищается слабымъ гололомъ, лучше котораго голосъ у пѣтуха. Пожалуй и мы Римляне, можемъ хвалить также; но вѣрятъ только имъ. Отличные актеры, особенно для женскихъ ролей. Кажется, будто говоритъ женщина, а не маска; кажется, у нихъ все женское. Всѣ они актеры. Засмѣетесь, — онъ заливается громкимъ смѣхомъ; увидитъ слезы друга, онъ самъ плачетъ, хотя и не чувствуетъ горести; скажешъ зимою: холодновато, онъ кутается въ теплое платье; скажешь жарко, онъ потѣетъ. Нѣтъ, намъ не сравняться съ ними. Грекъ всегда, всякой день и ночь, умѣетъ превосходно мѣнять свое лицо; онъ готовъ посылать поцѣлуи, готовъ хвалить все и вездѣ. Для нихъ честь дома, семьи, фамиліи ничего не значитъ. Нѣтъ мѣста Римлянину тамъ, гдѣ какой-нибудь Протогенъ или Дефилъ, или Гермархъ».

Послѣ такой удачной прививки греческихъ философовъ къ римскому женскому міру, господинъ Тихановичъ такъ же удачно и очень естественно совершаетъ безопасный переходъ

отъ философовъ къ лошадямъ, и подробно разсказываетъ, какъ Римлянки катались въ лектикахъ, которыя, безъ сомнѣнія, очень часто носили изъ вѣжливости греческіе дармоѣды-философы въ компаніи со скиѳскими плѣнниками.

Вотъ все, что мы могли сказать вамъ о первомъ отдѣленіи сборника господина Леонтьева, хваля то, что заслуживало полной похвалы, и осуждая то, что не увеличитъ круга нашихъ свѣдѣній о древности и отъ чего древность не станетъ для насъ яснѣе. Но принявъ въ соображеніе не значительное число ученыхъ, которые занимаются у насъ исключительно древностью, мы обязаны сказать спасибо и господамъ Шестакову, Благовѣщенскому и Тихановичу, за ихъ готовность содѣйствовать общему дѣлу, за то, что и они вызвались, по мѣрѣ силъ и средствъ, толковать древность по послѣднему своему разумѣнію. Но нельзя же намъ было не замѣтить, что труды ихъ не удовлетворяютъ той цѣли, которую они положили себѣ въ основаніе; нельзя же было совершенно умолчать объ нихъ.

Въ заключеніе выпуска издатель помѣстилъ біографію знаменитаго Готфрида Германа, написанную Оттономъ Яномъ. Статья весьма интересна для тѣхъ, кто хотя нѣсколько знакомъ съ успѣхами новѣйшей археологіи въ пространномъ смыслѣ. Я же Германа потому не люблю, что нахожу въ его біографіи слѣдующее мѣсто:

«Германъ былъ въ высшей степени независимъ отъ внѣшнихъ потребностей, крайнѣ умѣренъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, хотя вовсе ими не пренебрегалъ; такъ курить обратилось у него въ привычку. Точно также простъ, какъ его характеръ и все его существо, былъ и его наружный видъ, а равно и вся обстановка. Покрой платья его оставался одинъ и тотъ же въ-продолженіе многихъ лѣтъ; стулъ у него былъ простой, плетеный, и только въ послѣдніе дни жизни сидѣлъ онъ, да и то по просьбѣ своихъ, въ креслѣ. Онъ смотрѣлъ на всякое удобство какъ на неудобство, и презиралъ всякаго рода изнѣженность; помощь и послугу старался онъ удалить отъ себя, и въ мелочахъ умѣлъ самъ себѣ помочь, иногда довольно оригинально и

съ нѣкоторою ловкостью въ рукодѣльи. Попеченія домашнихъ своихъ о себѣ онъ дѣлалъ тяжелыми лишь тѣмъ, что никогда не допускалъ ихъ до себя, и благодарный уже за ихъ готовность услужить, забывалъ о себѣ.»

Удивительно артистическая натура!

Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Географическій сборникъ, издаваемый Николаемъ Фроловымъ. *Томъ I. Москва, 1852 г.*

Мысль издавать у насъ «Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій» задумана очень удачно; издатель имѣлъ въ виду такое изданіе, которое сдѣлало бы землевѣдѣніе вообще доступнымъ большинству, и могло бы служить «книгою для чтенія» вообще, и мы совершенно убѣждены, что только такой сборникъ можетъ быть доступенъ для всякаго, судя по его содержанію и по тому, что предметы, о которыхъ здѣсь трактуется, хотя вообще безотчетно извѣстны, но въ то же время незнакомы намъ основательно и подробно, словомъ, столько, сколько это необходимо для практическаго человѣка. Но чтобъ рѣшить, въ какой мѣрѣ заглавіе сборника соотвѣтствуетъ его содержанію, должно знать, какъ самъ издатель понимаетъ землевѣдѣніе въ обширнѣйшемъ смыслѣ; г. Фроловъ довольно ясно высказался въ предисловіи къ своему «Магазину». Онъ говоритъ:

«Землевѣдѣніе, въ новое время, заняло высокое мѣсто въ наукѣ; одной стороной касаясь естествознанія, другою исторіи, оно обрабатывается самостоятельно, въ своихъ опредѣленныхъ границахъ. Въ него входятъ понятія о величинѣ, формѣ, движеніи земли и объ ея положеніи относительно солнца и луны; оно обнимаетъ земную поверхность, всѣ отношенія между моремъ и сушей, материками и остро-

вами, и ихъ взаимныя разграниченія. Оно изучаетъ всѣ неровности земной поверхности, горы и равнины, и находящіеся въ связи съ этими неровностями источники, рѣки и озера; воздухъ и его отношеніе къ земной поверхности, т. е. климатъ; потомъ самый составъ этой поверхности, т. е. составъ слоевъ земной коры и мѣстонахожденіе замѣчательныхъ минераловъ; наконецъ распредѣленіе, группами, растеній и животныхъ на земной поверхности, сообщающее различнымъ полосамъ ихъ особенную физіогномію и характеръ. Эти изученія заключаются изслѣдованіемъ земныхъ условій существованія человѣка и человѣческихъ племенъ; эти условія опредѣляютъ бытіе человѣка и вмѣстѣ служатъ средствами для осуществленія его высшихъ духовныхъ цѣлей, для исполненія его судебъ въ общественной и государственной жизни. Здѣсь землевѣдѣніе есть уже основа, театръ исторіи, которая, какъ сказалъ Гердеръ, сама есть не что иное, какъ приведенная въ движеніе географія различныхъ временъ и народовъ. Дѣло исторіи показать, на сколько человѣкъ умѣлъ воспользоваться дарами природы, или употребилъ ихъ во зло, на сколько раскрылъ онъ въ себѣ свое высокое предназначеніе, и насколько выполнилъ его. Землевѣдѣніе уясняетъ средства, возможности и стратегія условія земной, Богомъ начертанной судьбы человѣческой» (стр. II).

Итакъ, какъ видите, взглядъ г. Фролова вѣренъ. Потребность у насъ этого рода свѣдѣній несомнѣнна, и онъ, можетъ-быть, первый взялся придать всѣмъ предметамъ, вошедшимъ въ составъ его сборника, нѣкоторую общность, и ввести подробныя и основательныя историческія и статистическія свѣдѣнія о нихъ въ кругъ нашей русской практической жизни, для которой и назначается это изданіе.

Допуствъ довольно обширную программу, издателю не легко было совладать съ классификаціею слишкомъ разнообразныхъ предметовъ; что́ замѣтно отразилось въ изданіи г. Фролова, которое, какое бы заглавіе оно ни носило, не можетъ обойтись безъ системы и строгой осмотрительности при размѣщеніи и распредѣленіи различныхъ предметовъ. Вѣроятно г. Фроловъ и самъ понялъ, какъ трудно образовать стройное цѣлое изъ массы самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ свѣдѣній, и для избѣжанія всякихъ упре-

ковъ, далъ своему изданію самое безотчетное названіе — «Магазина». Но при всей своей безотчетности, заглавіе это не извиняетъ издателя, потому-что въ каждомъ хорошо устроенномъ магазинѣ непремѣнно долженъ быть порядокъ, и здѣсь это болѣе необходимо, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, по множеству и разнообразію собранныхъ предметовъ. Нельзя же все свалить въ одну кучу! Но въ этомъ, конечно, отнюдь невиноваты сотрудники, что разнородныя статьи ихъ помѣщены издателемъ одна возлѣ другой, безъ всякихъ къ тому явныхъ поводовъ.

Принявъ такое эластическое заглавіе, какъ «Магазинъ землевѣдѣнія», — которое можетъ расширяться до безконечности и обнимать тысячи самыхъ разнородныхъ и несближаемыхъ предметовъ, непремѣтно слѣдовало допустить тщательную классификацію. Конечно, сборникъ или магазинъ оттого нисколько не выигралъ бы во внутреннемъ содержаніи, но этого требуетъ наука, которая не можетъ равнодушно видѣть, что отъ кофе, чаю и сахару издатель прямо переходитъ къ физіологическимъ признакамъ человѣческихъ породъ, а отъ нихъ — къ матушкѣ-Волгѣ и ея притокамъ, и этнографическому и статистическому описанію ея рѣчной области. Подобныхъ распорядковъ не найдете ни въ одномъ порядочно устроенномъ магазинѣ. А вторая камера магазина, то есть второе отдѣленіе — безалаберная смѣсь самыхъ разнородныхъ извѣстій!

Все это, конечно, произошло оттого, что издатель не уяснилъ себѣ предварительно сѣти своего изданія, не задалъ себѣ труда подумать, какъ ее связать, и скорѣе приступилъ къ печати. А отъ этого его заслуги, какъ издателя, нѣсколько пострадали, и мы можемъ благодарить его только за одну прекрасную мысль предпринять это изданіе, и за рвеніе къ осуществленію этой прекрасной мысли; личное же участіе издателя въ дѣлѣ географическаго сборника обнаруживаетъ чисто татарскую систему писать что́ вздумается.

Издатель, не углубившись въ дѣло, раздѣлилъ свой сборникъ на два слишкомъ обширные отдѣла, не подраздѣливъ ихъ на нѣсколько отдѣленій. Первый отдѣлъ

заключаетъ въ себѣ физическіе и историческіе матеріялы землевѣдѣнія ; второй — географическія извѣстія. Развѣ географическое распространеніе кофейнаго дерева не географическое извѣстіе ? Развѣ рѣчная область Волги не географическое извѣстіе ? Этотъ смутный взглядъ на классификацію предметовъ, долженствующихъ войти въ сборникъ землевѣдѣнія, еще болѣе замѣтенъ въ предисловіи, когда издатель говоритъ :

«Въ предлагаемомъ первомъ томѣ нашего сборника, въ первомъ отдѣлѣ его, «Физическихъ и историческихъ матеріяловъ землевѣдѣнія», мы помѣстили статьи, въ которыхъ излагаются предметы, входящіе, въ учебникахъ, въ составъ математической, физической и политической географіи. Обыкновенно эти предметы представляются или кратко и отрывочно, или въ видѣ сухой, безсвязной номенклатуры, утомляющей память и нисколько непитающей мысли. Вмѣстѣ съ этимъ мы показали образцы (изъ Карла Риттера и Георга Форстера), какъ обработываются матеріялы нашей науки и какой высокій интересъ въ нихъ заключается. Во второмъ отдѣлѣ, «Географическихъ извѣстій», мы желали собрать статьи по тѣмъ же предметамъ, но которыхъ болѣе легкое и бѣглое изложеніе допускаетъ болѣе разнообразія и подвижности. Сюда могутъ войти краткіе непосредственные разсказы путешественниковъ, живыя характеристики странъ и народовъ, бѣглые обзоры разныхъ данныхъ науки и ея пособій ; указанія на различные ученые вопросы, или искусная групировка ихъ, ведущая къ занимательнымъ и важнымъ соображеніямъ.» (III стр.).

Не считаемъ нужнымъ предлагать издателю своего мнѣнія, какъ ему должно было распредѣлить собранный матеріялъ и какъ слѣдуетъ поступать при изданіи слѣдующихъ книжекъ его «Магазина», потому-что на это способенъ даже и неспеціалистъ въ дѣлѣ землевѣдѣнія. Мы позволили себѣ только слегка замѣтить объ этомъ внѣшнемъ недостаткѣ прекраснаго изданія, недостаткѣ въ которомъ, конечно непричастенъ ни одинъ изъ авторовъ, помѣстившихъ въ «Магазинѣ» свои труды, и который долженъ быть собственно отнесенъ на счетъ заправлявшаго этимъ весьма замѣчатель-

нымъ изданіемъ, за которое нельзя не поблагодарить г. Фролова отъ всего сердца.

Мы для того сдѣлали замѣчаніе на счетъ системы сборника, чтобы послѣдующія книжки «Магазина» явились въ свѣтъ въ самомъ безукоризненномъ видѣ, и чтобы критикѣ предстояло только хвалить его, хвалить и хвалить.... Не забудемъ также сообщить любителямъ пріятнаго и полезнаго чтенія, что второй и третій томы «Магазина» уже въ печати, и что въ нихъ, между-прочимъ, будутъ помѣщены: «Воззрѣнія па природу», А. Гумбольдта, и «Исторія путешествій къ сѣвернымъ полярнымъ льдамъ». Но еще интереснѣе и полезнѣе было бы, еслибъ издатель имѣлъ постоянно и исключительно въ виду приведеніе въ извѣстность разныхъ странъ, мѣстностей и особенностей нашего дорогаго отечества. Это дало бы его книгѣ высокое значеніе не только въ нашей, но и въ европейской географическо-статистической литературѣ.

Считаемъ долгомъ близко познакомить читателей съ тѣми богатыми матеріялами, какіе вошли въ составъ перваго тома «Магазина».

Въ первомъ отдѣлѣ, отдѣлѣ физическихъ и историческихъ матеріяловъ, находимъ цѣлыхъ восемь большихъ статей: 1, Историческое обозрѣніе изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли. *Д. Перевощикова*; 2, О суточномъ и годичномъ вращеніи земли. *Его же*; 3, Атмосфера земли. *М. Спасскаго.* За тѣмъ помѣщены три переводныя статьи изъ *Риттера*: 4, Географическое распространеніе кофейнаго дерева (переводъ П. Бартенева); 5, Чай (переводъ Е. Ѳеоктистова); 6, Сахарный тростникъ (перев. *его же*); 7, Хлѣбное дерево (изъ Г. Форстера); 8, О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношенія къ исторіи (Переводъ Т. И. Грановскаго), и 9, Рѣчная область Волги. *И. Бабста.* Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ тоже девять статей: О вліяніи луны на нашу атмосферу, соч. *А. Араго*; 2, О воздухоплаваніи; 3, О назначеніи и употребленіи барометра, *М. Спасскаго*; 4, Алмазы Восточной-Индіи (статья *К. Риттера*); 5, Большой водяной змѣй; 6) Сибирскія бѣлки, *И.*

Корнилова; 7, Распространеніе нѣмецкой народности, *А. Кояндера*; 8, Оттавти, изъ *Пеппига*; 9, Поѣздка на Илецкую Защиту, *И. Бабста*.

Изъ всего этого только три статьи посвящены исключительно Россіи, и самая замѣчательная изъ нихъ принадлежитъ г. Бабсту.

Статья г. Перевощикова, по причинѣ своей сжатости, суха, малосочна и полезна нѣсколько для однихъ ученыхъ, но не для чтенія вообще. Это сжатая компиляція новѣйшихъ свѣдѣній, составленная на основаніи трудовъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ. Предметъ, о которомъ авторъ разсуждаетъ слишкомъ громаденъ, свѣдѣній о немъ такъ много, что на одну эту тему можно бы издать «Магазинъ» въ 10 томовъ, между-тѣмъ какъ здѣсь историческій очеркъ изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли улегся на 75 страницахъ. Тутъ нѣтъ ничего завлекательнаго, и для доказательства замѣтимъ, что о проектѣ Делиля, измѣрить градусы меридіана въ Россіи, авторъ счелъ достаточнымъ сказать слѣдующее:

«Прежде, нежели начнемъ обозрѣніе втораго періода, еще некончившагося и въ наше время, считаемъ необходимымъ упомянуть о проектѣ извѣстнаго астронома Делиля, который въ 1737 г. предложилъ С.-Петербургской Академіи Наукъ измѣрить градусы петербургскаго меридіана, продолживъ его къ югу на 22 или 23°; такіе же меридіаны провести черезъ Москву и Астрахань, и всѣ три меридіана соединить треугольниками, для опредѣленія величины градусовъ на кругахъ, параллельныхъ съ экваторомъ, или на параллеляхъ. Исполнить столь обширный планъ значило измѣрить четверть разстоянія между экваторомъ и полюсомъ: тогда, безъ сомнѣнія, были бы рѣшены многіе затруднительные вопросы, и теорія не нуждалась бы въ данныхъ. «Предпріятіе — говоритъ Бальи — великолѣпное, трудное, многостоющее и не по силамъ европейскихъ владѣтелей; но въ наше «время Россія повинуется Императрицѣ, которая не боится обширныхъ предпріятій и великодушно одобряетъ все полезное. Еслибы «она пожелала способствовать успѣхамъ науки, то измѣреніе меридіана по ея обширнымъ владѣніямъ присоединило бы ея имя къ «именамъ мужей, сдѣлавшихъ великія открытія, потому-что въ ея ру-

«ахъ всѣ средства для несомнѣннаго успѣха, несмотря на огром-
«ность предпріятія. По всей справедливости Французамъ принадлежитъ
«честь открытія истинной фигуры земли: но Русскіе прославились бы
«рѣшеніемъ труднѣйшаго вопроса — точнымъ опредѣленіемъ непра-
«вильностей на ея поверхности». Ниже увидимъ, что благородное же-
ланіе Бальи приводится въ исполненіе» (стр. 51).

Но положимъ, что авторъ не считалъ нужнымъ распро-
страняться болѣе объ этомъ проектѣ; послушайте же, что
сказано о географическихъ трудахъ русскихъ астрономовъ,
относящихся къ опредѣленію фигуры земли.

«Жозефъ Делиль, предлагавшій измѣреніе градусовъ на двухъ или
трехъ меридіанахъ и на соединяющихъ ихъ параллеляхъ, положилъ
основаніе астрономіи въ Россіи. Его обширный, можно-сказать
почтительный планъ для опредѣленія фигуры земли по меридіанамъ
московскому и петербургскому, по многимъ уважительнымъ причи-
намъ, не могъ быть принятъ: тогда не было въ Россіи ни людей, спо-
собныхъ для такой важной работы, ни приличныхъ снарядовъ; тогда
настояла еще необходимость въ астрономическихъ опредѣленіяхъ гео-
графическихъ положеній и въ составленіи какой-нибудь карты въ Рос-
сіи: съ этого начала С.-Петербургская Академія Наукъ, пославъ Луи
Лакройера, брата Ж. Делиля, въ Архангельскъ. Лакройеръ пробылъ
въ тѣхъ странахъ болѣе трехъ лѣтъ, считая въ томъ числѣ цѣлый
годъ его пребыванія въ самомъ Архангельскѣ. Но онъ или не умѣлъ,
или не хотѣлъ заниматься своимъ дѣломъ, потому-что его ошибка въ
долготѣ Архангельска простиралась до 1° 45'; даже широты нѣкото-
рыхъ мѣстъ были невѣрны до 17'. Вторая ученая экспедиція была
снаряжена повелѣніемъ Императрицы Анны Іоанновны, въ 1733 г., для
Сибири и Камчатки; къ ней, какъ астрономы, принадлежали Ла-
кройеръ и геодезистъ Красильниковъ. Хотя въ 1740 г. ѣздилъ въ Сибирь
самъ Ж. Делиль, однако оба брата ничего не сдѣлали, и только
одинъ Красильниковъ, трудившійся неутомимо отъ 1730 до 1745 г.,
опредѣлилъ съ точностію многія мѣста въ Сибири и Камчаткѣ, упо-
требляя для долготъ наблюденія надъ затмѣніями Юпитеровыхъ спут-
никовъ. За труды свои Красильниковъ получилъ званіе адъюнкта Ака-
деміи, потомъ продолжалъ ихъ въ Москвѣ и въ портахъ балтійскихъ
провинцій. Плоды всѣхъ этихъ экспедицій состояли въ опредѣленіи

только *семнадцати* мѣстъ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ Красильникову, и къ которымъ, въ 1761 г., по случаю прохожденія Венеры чрезъ солнце, были прибавлены положенія Селенгинска и Тобольска и широта Иркутска. Послѣ 1761 г. астрономы съ нетерпѣніемъ ожидали втораго прохожденія Венеры, въ 1769 г., для окончательнаго опредѣленія разстоянія земли отъ солнца или параллакса этого свѣтила. Императрица Екатерина II повелѣла С.-Петербургской Академіи Наукъ не заботиться объ издержкахъ, но принять всѣ необходимыя мѣры къ вѣрному успѣху, который зависѣлъ даже отъ состоянія атмосферы впродолженіе немногихъ часовъ. Поэтому астрономы были посланы въ Колу, Умбу, Поной, Якутскъ, Оренбургъ, Орскъ и Гурьевъ. Опредѣливъ географическія положенія этихъ *семи* мѣстъ и достигнувъ главной цѣли своего назначенія, астрономы не кончили своихъ трудовъ. Крафтъ, въ 1769 и 1770 г., опредѣлялъ положенія Уфы, Сызрани, Черкасска, Кіева и Каменецъ-Подольска. Ловицъ и Иноходцевъ имѣли намѣреніе продолжать свое путешествіе до 1776 г.; но оно было прервано несчастною смертію Ловица, который, послѣ астрономическихъ наблюденій во многихъ мѣстахъ Кавказской линіи, началъ съ 1771 г. заниматься нивелированіемъ между Дономъ и Волгою. Здѣсь захватилъ его злодѣй Пугачевъ, и повѣсилъ. Иноходцевъ также подвергался великой опасности, потерялъ всѣ свои инструменты и бумаги, и успѣлъ спасти только нѣкоторые снаряды Ловица и отрывки изъ его бумагъ; такъ-что изъ ихъ шестилѣтнихъ работъ остались только положеніе Саратова, Царицына и Дмитріевска. Но Исленьевъ и Хр. Эйлеръ были счастливѣе: изъ нихъ первый, по наставленію Л. Эйлера, для опредѣленія долготъ началъ наблюдать покрытія звѣздъ луною, затмѣнія солнца и даже прямыя восхожденія луны. Въ Сибири онъ опредѣлилъ положеніе Якутска, Барнаула, Змѣиногорока и Усть-Каменогорска, и послѣ Астрахани. Въ 1771 и 1772 г. Исленьевъ съ тою же цѣлію путешествовалъ по Молдавіи и Валахіи. Чтобъ окончить это краткое обозрѣніе географическихъ трудовъ русскихъ астрономовъ въ XVIII столѣтіи, должно упомянуть о путешествіяхъ Иноходцева и Чернаго въ юго-западной Россіи, отъ 1779 по 1785 г., и въ 1785 г. одного Чернаго по Тавридѣ. Опредѣливъ здѣсь положеніе Евпаторіи, Севастополя, Еникале, Перекопа и Ѳеодосіи, Черный обратился къ Кавказской линіи, съ воспитанникомъ Академіи Арнольди, чтобъ возобновить наблюденія несчастнаго Лови-

ца. Но это предпріятіе также кончилось несчастливо: между Моздокомъ и Ставрополемъ напали на Черваго Лезгины, истребили его снаряды и бумаги, и увели Арнольди въ плѣнъ, изъ котораго онъ уже не возвращался, несмотря на старанія правительства о выкупѣ. Послѣ перваго прохожденія Венеры, вычисленіями всѣхъ наблюденій занимались Румовскій, Лексель и Иноходцевъ, и въ 1786 г. первый изъ нихъ составилъ общую таблицу результатовъ и сообщилъ ее въ «Берлинскія Эфемериды». Въ этой таблицѣ содержалось 67 мѣстъ. Кто не обратитъ вниманія на неудобства путей сообщенія того времени и на снаряды, которые возили съ собой астрономы, тотъ безъ сомнѣнія, удивится, что въ 40 лѣтъ опредѣлено только 67 мѣстъ. но съ какими трудностями надобно было пробираться по пустынямъ и, въ ненастное время, по непроѣзжимъ дорогамъ, съ Стоновымъ квадрантомъ, съ трубами въ 12 футовъ длины, съ телескопомъ Шорта въ 7 футовъ и съ двумя стѣнными часами Лепо. Притомъ такіе снаряды требовали непремѣнно обсерваторій, построенныхъ по-крайней-мѣрѣ изъ бревенъ: а гдѣ ихъ брать въ странахъ безлѣсныхъ, или въ странахъ почти безъ сообщеній и безлюдныхъ? И такъ не охуждать, но съ уваженіемъ должно смотрѣть на труды и дѣятельность астрономовъ того времени, преодолѣвавшихъ почти непобѣдимыя затрудненія.

«Кромѣ заслугъ по теоретической астрономіи, академикъ Шубертъ сдѣлалъ совершенный переворотъ въ путешествіяхъ для астрономическихъ наблюденій, предложивъ употреблять для нихъ секстантъ, карманный хронометръ и ахроматическую трубу въ 3½ фута. Въ 1804 году въ первый разъ съ такими снарядами ѣздили въ Полоцкъ и на Сѣверъ Россіи молодые офицеры Шубертъ-сынъ, и Теслевъ, и потомъ самъ Шубертъ въ Иркутскъ, при посольствѣ въ Китай. По возвращеніи его изъ Сибири, С.-Петербургская Академія Наукъ, съ Высочайшаго утвержденія, назначила новое астрономическое путешествіе, поручивъ его академику Вишневскому. Оно началось 1806 года и кончилось въ 1815 году. Вишневскій долженъ былъ опредѣлить важнѣйшія мѣста по западной сторонѣ Уральскихъ горъ, по рѣкѣ Уралу и по берегамъ Каспійскаго моря. Для опредѣленія времени и широтъ онъ употреблялъ секстантъ и два карманныхъ хронометра; для долготъ же наблюдалъ покрытіе звѣздъ луною и также хронометры на небольшихъ разстояніяхъ. На протяженіи 22½° по меридіа-

ну, Вишневскій опредѣлилъ съ удивительною точностію 250 мѣстъ, то-есть почти всѣ губернскіе города и бо̀льшую часть уѣздныхъ, съ замѣчательными селами, въ Европейской Россіи. Сверхъ-того онъ измѣрилъ высоту Эльборуса. Вообще ни въ одной странѣ Европы никогда не было совершено подобнаго географико-астрономическаго путешествія.

«Около это времени въ Дерптѣ приготовлялись способы для совершеннаго преобразованія практической астрономіи въ Россіи. Обсерваторія дерптскаго университета обогащалась снарядами, устроенными по новымъ методамъ, Рейхенбахомъ, Эртелемъ, Репсольдомъ и Фраунгоферомъ, и состояла подъ управленіемъ профессора В. Струве, ставшаго во главѣ первокласныхъ европейскихъ астрономовъ.

«Знаменитый Струве съ лѣта 1821 года приступилъ къ измѣренію дерптскаго меридіана, избраніемъ *станцій* между Якобштатомъ и островомъ Гохландомъ; изъ нихъ образовалась сѣть въ *тридцать* треугольниковъ; измѣреніе угловъ было начато съ 22 мая 1822 года, продолжалось въ 1826 году, отъ мая до сентября, а въ 1827 году были повѣрены измѣренія 1822 года. *Основаніе* въ 2315,134 тоаз. измѣрено въ промежуткѣ времени между концомъ августа и половиною сентября 1827 года. Продолженіе всей сѣти соотвѣтствовало на небесномъ меридіанѣ 3° 35′ 5″ 21, а на земномъ 204819,554 тоаз. Въ трудахъ Струве, прерываемыхъ важными занятіями на обсерваторіи и должностью профессора, участвовали капитанъ-лейтенантъ баронъ Врангель, наблюдатель дерптской обсерваторіи Прейсъ, профессоръ митавской гимназіи Паукеръ и офицеръ главнаго штаба Леммъ. Описаніе этого превосходнаго, образцоваго измѣренія, издалъ Струве въ Дерптѣ, 1831 года, въ двухъ большихъ томахъ, съ атласомъ чертежей, представляющихъ всю сѣть съ подробностями и прекрасныя изображенія снарядовъ, которые были употребляемы при работахъ. Деламброво сочиненіе «Base du système métrique décimal» въ теоретическомъ отношеніи сдѣлало эпоху въ высшей геодезіи; но нынѣ оно вполнѣ можетъ быть замѣнено «Геодезіею» генерала Болотова: книга же Струве навсегда останется необходимымъ руководствомъ для практиковъ, которые, изучивъ ее, поймутъ, что методы Струве суть единственныя для достиженія надлежащей точности въ работахъ геодезическихъ.

«Еслибы измѣренія на дерптскомъ меридіанѣ остались безъ про-

ложенія, то и въ такомъ случаѣ они всегда представляли бы важнѣйшія данныя для теоріи земли; но Струве нашелъ средства распространить ихъ, и привести въ исполненіе обширный планъ Ж. Делиля: дерптскій меридіанъ окончится на сѣверѣ близъ Сѣвернаго-мыса, на югѣ же въ Бессарабіи, и будетъ обнимать болѣе 23°. Съ окончаніемъ такого гигантскаго труда, сколько новыхъ и неожиданныхъ истинъ пріобрѣтетъ наука! Осмѣливаемся замѣтить, что для полнаго его совершенства необходимы опыты надъ маятникомъ и измѣренія на параллеляхъ.» (стр. 70 — 74).

Конечно благодаримъ г. Перевощикова и за это; но, думаемъ, онъ согласится съ нами, что такія свѣдѣнія слишкомъ сжаты, чтобъ доставить интересное чтеніе, какого ищетъ большинство. Какъ бы то ни было, авторъ представляетъ краткій, но довольно вѣрный историческій очеркъ изслѣдованій о фигурѣ земли.

Вторая статья г. Перевощикова, «О суточномъ и годичномъ движеніи земли» — *чисто ученая статья.*

Статья господина Спасскаго — *тоже.* Эти три статьи составляютъ нѣчто цѣлое, учено-полезное, но не популярное, не общедоступное и сочное. Сочность ученыхъ плодовъ дается не всякому ученому заподрядъ. Мы не намѣрены разбирать этихъ статей, ни распространяться о томъ, какое онѣ имѣютъ значеніе при современномъ состояніи науки землевѣдѣнія вообще. Не такая цѣль нашей статьи; главная наша цѣль — чтобъ критики Б. д. Ч. были менѣе глубокоученыя, а болѣе доступныя большинству, болѣе сообразныя съ потребностями читающаго класса вообще. Поэтому, для насъ гораздо занимательнѣе статьи о міровыхъ предметахъ, о вопросахъ первой важности, вопросахъ ново-европейской цивилизаціи, то есть о кофе, чаѣ и сахарѣ. Вотъ предметы общечеловѣческіе, входящіе въ плоть и кровь новаго человѣка! Тутъ каждый въ силахъ судить и оспаривать мнѣнія автора и рецензента; тутъ всякій цивилизированный человѣкъ (то есть пьющій кофе и чай въ накладку и въ прикуску), можетъ имѣть свое сужденіе; и повѣрьте намъ, эти міровые, общечеловѣческіе предметы болѣе за-

интересуютъ каждаго читающаго, чѣмъ видъ земли и измѣренія градусовъ меридіана. Этимъ истинно-мировымъ предметамъ отведено въ «Магазинѣ» цѣлыхъ 150 страницъ. Но этого еще довольно мало, судя по общедоступности кофе, чаю и сахару.

Статьи эти, какъ у насъ говорятъ образованные люди средней руки, статьи классическія, дѣльныя. Сколько тутъ сказано чрезвычайно любопытныхъ и назидательныхъ извѣстій о предметахъ, съ которыми каждый изъ насъ находится въ ежедневномъ соприкосновеніи! Конечно, статьи эти—результатъ долголѣтнихъ изысканій, собираній и сведеній разнаго рода прямыхъ и косвенныхъ показаній о предметахъ, играющихъ такую завидную роль въ новѣйшей цивилизаціи. Вѣдь согласитесь, что человѣкъ, незнакомый съ кофе, чаемъ, сахаромъ, или хотя съ однимъ изъ этихъ проводниковъ цивилизаціи, не можетъ назваться просвѣщеннымъ или образованнымъ, то есть цивилизированнымъ человѣкомъ новѣйшаго времени.

Собственно исторію рода человѣческаго слѣдовало бы раздѣлить на два большіе отдѣла: древнюю исторію — исторію людей, неупотреблявшихъ *горячаго*, то есть кофе, чаю и сахару, и новую — исторію людей, познавшихъ великую силу кофе, чаю и сахару... Я начинаю думать, что изображеніе деревца, найденное Леярдомъ на многихъ ассирійскихъ памятникахъ, есть изображеніе растенія кофе, чаю или сахарнаго тростника. Если только Ассиріяне были люди высокой цивилизаціи, то они непремѣнно были знакомы съ кофе, чаемъ и сахарнымъ тростникомъ!

Удивительно, подумаешь, какое слабое и немощное твореніе человѣкъ, на котораго три ничтожныя былинки могли имѣть такое сильное вліяніе, и до такой степени поработили его волю, умъ и сердце. Послѣ этого не вѣрь въ магическую силу нѣкоторыхъ травъ! да вотъ вамъ самое неоспоримое тому доказательство. Есть люди (женскаго пола), которые умрутъ въ нѣсколько дней, если имъ не дать кофе,—которымъ безъ кофе жизнь не въ жизнь, радость не въ

радость, и конечно, это тоже своего рода пьянство, только нѣсколькими ступенями выше виннаго и водочнаго пьянства.

Чѣмъ же объясните вы намъ такую міровую потребность въ кофе, чаѣ и сахарѣ? Чѣмъ объясните причины такаго быстраго, повальнаго распространенія этихъ растеній, или ту силу, съ которою они дѣйствуютъ на смертныхъ? Объ этомъ можно бы еще напечатать цѣлыхъ 150 страницъ въ листъ, самымъ мелкимъ шрифтомъ, и чего еще нѣтъ въ статьяхъ К. Риттера.

Мы не вѣримъ въ медицинскія универсальныя средства, а развѣ употребленіе кофе, чаю и сахару не суть универсальныя практическія средства?... Это общій знаменатель многообразныхъ и многородныхъ завтраковъ и полдниковъ всѣхъ образованныхъ сословій!

Риттеръ весьма удачно разсказываетъ подробную біографію кофе, чаю и сахарнаго тростника; появленіе ихъ на земномъ шарѣ, открытіе ихъ людьми, постепенное распространеніе, приложеніе къ разнымъ образамъ и родамъ жизни, отдаленныя ихъ путешествія, аклиматизированіе въ разныхъ странахъ, и наконецъ представляетъ величественныя картины, въ которыхъ самыми яркими красками передано ихъ безграничное владычество въ старомъ и новомъ свѣтѣ.

Изъ оригинальныхъ статей перваго отдѣла «Магазина», лучшая статья — «Рѣчная область Волги», господина Бабста. Статья занимаетъ 160 страницъ большаго формата, и представляетъ собственно монографію волжскаго бассейна. Статья эта задумапа прекрасно, планъ ея начертанъ тщательно и обдуманно. Господинъ Бабстъ исполнилъ предпринятый имъ трудъ прекрасно. Это доказывается тѣмъ, что статью его можно читать съ большимъ удовольствіемъ: языкъ у него строго-правиленъ, изложеніе ясно и легко; интересъ усиливается постоянно, потому-что авторъ избралъ такой предметъ, который въ высшей степени занимателенъ для русскаго читателя. Ничто здѣсь не упущено изъ виду, ничто не забыто, отъ предметовъ первой важности до самыхъ незначительныхъ особенностей волжскаго бассейна вообще;

все вошло въ статью и поставлено на приличное мѣсто. Весь трудъ молодаго ученаго чрезвычайно удачно вылился въ счастливо-придуманную форму, сложившись изъ множества тѣхъ свѣдѣній, какими обогатилась наша географія, статистика, этнографія и этнологія въ прошломъ и въ половинѣ этого столѣтія. Авторъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ вѣрнѣйшихъ, основательнѣйшихъ и полнѣйшихъ источниковъ, и старался дать своему труду возможную полноту и совершенство, что́ вездѣ замѣтно для опытнаго глаза. Сознаемся откровенно, что статья эта весьма замѣчательна въ нашей современной географическо-статистической литературѣ, показывая, чего могутъ достигнуть у насъ трудолюбіе и талантъ. Кто не замѣтилъ, что у насъ рѣшительно нѣтъ возможности читать статей чисто ученаго содержанія, такъ сухо и вяло онѣ пишутся. Поэтому можете представить мое удовольствіе, когда я приступилъ къ чтенію статьи господина Бабста, скрѣпивъ сердце, и вдругъ нашелъ, что статья нашего московскаго ученаго написана живо, съ энергіею, и читается какъ романъ, какъ увлекательный разсказъ даровитаго наблюдателя-очевидца. Господина Бабста отнюдь нельзя упрекнуть въ неполнотѣ, въ упущеніяхъ изъ виду важныхъ предметовъ. Онъ добросовѣстно исполнилъ свой трудъ, согласно съ тѣмъ, какъ проектировалъ его. Это образецъ кабинетнаго этнографо-статистическаго труда; это свитокъ, на которомъ художнически изображены поволжскія картины отъ Твери до Астрахани. Читая статью, вы будто плывете по величественной Волгѣ, смотрите то вправо, то влѣво, и не можете надивиться безконечному ряду очаровательныхъ видовъ, безпрестанно мѣняющихся передъ вашими ненасытными глазами. Это живая, движущаяся панорама, роскошная, яркоцвѣтная галерея приволжской природы. Вы не знаете, на что́ особенно смотрѣть, чему болѣе посвятить вниманія, — словомъ, вы какъ-будто обведены волшебнымъ кругомъ. Согласитесь же, что надо имѣть много вкусу и таланта, чтобы провести вокругъ васъ этотъ магическій кругъ.... Нельзя было взяться за это дѣло человѣку болѣе способному и талантливому. Душевно

признательны господину Бабсту за то, что онъ доказалъ на дѣлѣ, что и Волга, подобно Рейну, имѣетъ свои величественные виды, далеко превосходящіе привлекательные виды послѣдняго. Теперь виды эти (то есть наши волжскіе) доступны воображенію большинства, а не однимъ мѣстнымъ жителямъ. И такъ господинъ Бабстъ своимъ прекраснымъ трудамъ вторично воспроизвелъ чудную картину матушки-Волги съ пространными ея окрестностями; мы говоримъ вторично воспроизвелъ, потому-что картину эту, въ свое время, довольно удачно написалъ Мюллеръ, но отъ времени произведеніе нѣмецкаго ученаго потускло, почернѣло, и потому требовалось талантливой ея реставраціи. Трудъ господина Бабста явился весьма кстати, именно когда большинство съ такимъ рвеніемъ рѣшилось вступить въ самое близкое знакомство со всѣми мѣстностями и особенностями Россіи, когда намъ въ этомъ такъ усердно помогаетъ и самое Правительство. Вотъ все, что можно сказать о прекрасномъ трудѣ господина Бабста въ общихъ чертахъ. Теперь мы постараемся доказать фактами, что наши похвалы небезотчетны, и потому сблизимъ читателя съ трудомъ господина Бабста, сколько позволяетъ объемъ нашей статьи, и въ такой мѣрѣ, въ какой того заслуживаетъ эта замѣчательная статья «Магазина».

Господинъ Бабстъ положилъ представить намъ Волгу съ ея притоками и съ прилегающими къ ней странами въ живой, яркой, движущейся картинѣ. На эту мысль онъ былъ наведенъ трудомъ благороднаго, трудолюбиваго Нѣмца, Мюллера, какъ это видимъ изъ слѣдующихъ словъ введенія господина Бабста къ своей статьѣ:

«При составленіи нашей статьи мы имѣли въ виду неболѣе, какъ только представить въ общихъ чертахъ географическую характеристику рѣчной области Волги, указать на ея значеніе въ отношеніи этнографическомъ и меркантильномъ. Въ основаніе статьи легло превосходное сочиненіе Мюллера, Historisch-geographische Darstellung des Stromsystems der Wolga (Историко-географическое изображеніе рѣчной области Волги), сочиненіе, къ сожалѣнію, весьма мало у насъ извѣстное. Почтенный нашъ профессоръ С. М. Соловьевъ обратилъ

если мы не ошибаемся, первый вниманіе на сочиненіе Мюллера, и воспользовался имъ въ прекрасной своей статьѣ «О вліяніи географической мѣстности на исторію Россіи». Книга Мюллера — это трудолюбивый сводъ всего, что́ только было писано въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія о географіи, статистикѣ и исторіи Россіи. Она во многихъ отношеніяхъ устарѣла; многія мѣстности, изображаемыя Мюллеромъ, на основаніи путешествій Георги, Палласа и другихъ знаменитыхъ странниковъ временъ Екатерины, получили совершенно иной характеръ; гдѣ былъ когда-то дремучій лѣсъ, тамъ разстилаются теперь роскошныя нивы или обширныя степи; тѣмъ неменѣе, однакожъ, общія черты рѣчной области Волги, вліяніе, которое имѣла она на историческій ходъ событій, этнографическая ея сторона, — изложены мастерски, и книга трудолюбиваго ученика Риттера можетъ еще на долгое время оставаться настольной книгой для всякаго, занимающагося географіей и статистикой Россіи. Не въ одномъ богатствѣ собраннаго матеріяла лежитъ ея достоинство; она ва́жна уже и тѣмъ, что указываетъ путь и методъ, какъ должно приниматься за подобные труды. Тамъ, гдѣ книга Мюллера представляетъ пробѣлы, или излагаетъ свой предметъ на основаніи устарѣлыхъ источниковъ, мы исправили ее, пользуясь новѣйшими путешествіями или офиціяльными журналами.» (стр. 381).

Разумѣется, для картины приволжскаго края надо было предварительно составить вѣрный абрисъ, который и начертанъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, сообразныхъ содержанію картины. Но чтобы росписать эту картину, мастерски покрыть ее красками, для этого пришлось бы нарядить особенную *экспедицію*, которая должна бы составиться изъ нѣсколькихъ ученыхъ, художниковъ, промышленниковъ, административныхъ лицъ и литераторовъ. Послѣ пятилѣтнихъ изслѣдованій, экспедиція эта собрала бы столько матеріяловъ, сколько нужно, чтобы изъ нихъ можно было составить величественную, достойную картину матушки-Волги, какую задумалъ написать господинъ Бабстъ. Результаты такой экспедиціи, безъ сомнѣнія, удивили бы прежде всего наше любопытство, потомъ удивили бы науку и ученую Европу; самая великая египетская экспедиція была бы ничтожна

въ сравненіи съ нашей *волжской экспедиціей*, потому-что египетская экспедиція изобразила картину величественной смерти замѣчательнаго народа древней цивилизаціи, — а волжская экспедиція была бы роскошною картиною широкой русской жизни и колоссальныхъ надеждъ могущественнаго народа! Но господинъ Бабстъ взялъ смѣлость сдѣлать то, что могла бы сдѣлать цѣлая экспедиція, и сдѣлать это не выходя изъ своего кабинета, безъ наблюденій, безъ очевидства, а совѣтуясь съ одними мертвыми свидѣтелями и разсказчиками, то есть, немногими книгами. Разумѣется, что при всемъ его талантѣ, при всѣхъ необычайныхъ усиліяхъ, вышла хотя чрезвычайно эфектная, но слишкомъ миніатюрная картина, въ сравненіи съ той, какую могла бы представить экспедиція, какая могла бы сложиться при содѣйствіи многихъ ученыхъ, талантливыхъ и искусныхъ наблюдателей, изслѣдователей и очевидцевъ, изучавшихъ и воспроизводившихъ все на мѣстѣ, совѣтовавшихся съ живою дѣйствительностью и вѣрно передавшихъ свѣжія, животрепещущія ея показанія. Волга съ своимъ бассейномъ — это наша внутренность, наше сердце, то, чѣмъ Россія живетъ и дышетъ; слѣдовательно, каждому изъ насъ желательно было бы, чтобъ для достойнаго ея изображенія русская наука и русское искусство употребили всѣ свои усилія, чтобъ они могли въ потомствѣ гордиться своимъ произведеніемъ; и такой подвигъ русской науки и русскаго искусства былъ бы эпохою въ нашей ученой, художественной и общественной жизни. Подобная экспедиція имѣла бы самыя благотворныя послѣдствія для русскаго общества; она сблизила бы насъ со множествомъ предметовъ, еще мало извѣстныхъ большинству; она одна показала бы тѣсную связь обширнаго запада Россіи съ нашимъ волжскимъ міромъ; она осязательно доказала бы свѣту, что и Русскіе, и Татары, и Калмыки, и Киргизы, и Вогулы, и Вотяки, и Финны, и Литва, и д. и т. д. одна великая семья, скрѣпленная самыми прочными узами, которые даже крѣпче узъ родства, то есть общею, круговою нуждою одного въ помощи другаго.

Каждый членъ въ этой великой, истинно патріархальной

семьѣ имѣетъ свое особенное назначеніе и призваніе, и подобно членамъ обыкновенной большой семьи, одинъ занимается рыболовствомъ, другой пастушествомъ, третій звѣроловствомъ, четвертый хлѣбопашествомъ, пятый скотоводствомъ, шестой торговлей, седьмой стоитъ на сторожѣ общей безопасности, и такъ далѣе.

Каждый членъ несетъ плоды своихъ трудовъ въ общій всѣмъ имъ домъ, и семья живетъ себѣ, да живетъ, припѣваючи!

Да, съ волжскимъ міромъ сопряжено столько нашихъ общественныхъ интересовъ, онъ имѣетъ такое громадное значеніе въ нашей исторической и государственной жизни, что вполнѣ заслуживаетъ ученой экспедиціи. Господинъ Бабстъ совершенно понимаетъ это, когда говоритъ:

«Нельзя не замѣтить, что географическая основа русской исторіи еще очень мало обработана. Значеніе водныхъ путей въ древнѣйшій періодъ ея, притягательная сила великихъ рѣкъ, прорѣзывающихъ обширныя наши равнины, вліяніе каждой рѣчной области на судьбы, на экономическій и общественный бытъ обитателей ускользаютъ очень часто отъ вниманія даровитыхъ и пытливыхъ изслѣдователей нашей старины. Кому изъ нихъ, однакожъ, неизвѣстно, какую важную роль играютъ рѣки въ историческихъ судьбахъ народовъ? Берега рѣкъ—это ихъ колыбели; здѣсь коренятся основы ихъ политическаго бытія, здѣсь зачатки богатыхъ городовъ. Недаромъ же боготворили древніе народы свои рѣки, недаромъ съ ними связаны всѣ главныя мифологическія вѣрованія. Племена, населяющія одну рѣчную область, соединяются ея отраслями невольно въ одно политическое тѣло, раздѣляютъ однѣ общія выгоды, терпятъ тѣ же невзгоды. Рѣки — это главные этнографическіе рубежи; по нимъ почти единственно можно прослѣдить за древнѣйшими угасающими племенами и первыми колонизаціями новыхъ обитателей. Какъ бы общество ни было развито, какіе бы новые пути оно ни проложило, — пути естественные, по рѣкамъ, сохранятъ свое значеніе, и на ихъ берегахъ, въ мѣстахъ отмѣченныхъ самой природой, останутся всегда главныя пристани и торговые рынки. Измѣняются странники — пути остаются тѣ же.

«Такимъ великимъ двигателемъ въ исторіи восточныхъ равнинъ Ев-

ропы была Волга. Рѣчная ея область занимаетъ, безспорно, самое важное мѣсто между всѣми рѣчными областями Европы. Все даетъ ей на это полное право: громадность, обиліе водъ, разнообразіе ея природы, вліяніе на историческое развитіе народовъ и, наконецъ, богатство историческихъ явленій, ей исключительно принадлежащихъ. За исключеніемъ Малоазійскаго полуострова, Волга была постоянно главнымъ и почти единственнымъ посредникомъ, соединявшимъ европейскій Западъ съ азіятскимъ Востокомъ. Вдаваясь своими источниками глубоко вовнутрь восточныхъ равнинъ, захватывая бо̀льшую часть ихъ своими притоками, Волга тянется между двумя великими рубежами Европы и Азіи, Ураломъ и Кавказомъ, въ юго-восточномъ направленіи, прямо въ центръ азіятскаго материка, куда она вдается своимъ низовьемъ и своею дельтой. Эта послѣдняя характеристическая черта Волги даетъ ей совершенно исключительное положеніе между рѣчными системами Стараго-свѣта, и объясняетъ наиболѣе великое значеніе Волги въ историческихъ судьбахъ народовъ, населявшихъ ея берега.» (Стр. 381).

Для доказательства, что мы не преувеличиваемъ значенія предмета, можетъ служить, между-прочимъ, и то, какъ господинъ Бабстъ описываетъ геологическое образованіе грунта Волги и примыкающихъ къ ней странъ. Авторъ старался собрать вмѣстѣ все, что̀ объ этомъ было писано, старался одушевить эти частички, сообщить имъ нѣкоторую жизнь; но это далеко еще не геологическій очеркъ волжскаго края, какимъ могъ бы подарить насъ С. С. Куторга, еслибъ ему пришлось составить на мѣстѣ картину геологическаго образованія волжскаго грунта отъ Твери до Астрахани! Неужели мы не доживемъ до такихъ монографій и такихъ трудовъ?

Точно тоже должны мы сказать о волжской промышлености, которая въ трудѣ господина Бабста привлекаетъ на себя вниманіе любопытнаго читателя болѣе колоссальными цифрами; но какихъ чудныхъ и занимательныхъ картинъ можно бы ожидать, еслибъ это взялъ на себя одинъ изъ нашихъ ученыхъ и образованныхъ промышленниковъ, хоть такой, какой описалъ англійскія желѣзныя дороги! Какою дивною

картиною, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ, съ какимъ разнообразіемъ и съ какими яркими красками представилась бы наблюдателю-путешественнику; отъ Твери до Астрахани, разныя и многочисленныя занятія русскаго человѣка! Доказательствомъ, что и тутъ чрезвычайно много пищи для ученаго промышленника-путешественника и наблюдателя, могутъ служить тѣ миніатюрно-чудныя картины, которыя такъ удачно переданы господиномъ Бабстомъ въ его кабинетномъ трудѣ, и воспроизведены лишь по бездушнымъ матеріяламъ. Приводимъ образчикъ того увлеченія, отъ котораго не могъ удержаться и кабинетный ученый. Описывая Рыбинскъ, авторъ такъ говоритъ о его пристани:

«Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ и подраздѣляется на нѣсколько отдѣленій или пристаней, Лосевскую, Бутырскую, Петровскую, Пески и др., въ которыхъ размѣщаются суда, смотря по ихъ грузу, по ихъ назначеніямъ и по потребностямъ. Такое систематическое размѣщеніе необходимо для сохраненія порядка въ пристани, гдѣ собирается иногда разомъ до 2,000 и болѣе барокъ. Въ самый развалъ судоходства, весною и лѣтомъ, Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ 230 саженей, покрывается, буквально, сплошною массою судовъ, такъ что по этому импровизированному мосту легко перейти съ одного берега на другой. А какъ разнообразенъ и пестръ этотъ мостъ! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой, изящной бѣлозеркѣ, съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой, а тамъ торчитъ безобразный шитикъ съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ, длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но зато нѣтъ барки, которая бы не была изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную и единственную роль играетъ топоръ да ножъ,—изрѣдка развѣ долото. Между судами, наиболѣе употребительными на верхней Волгѣ и по ея притокамъ въ этихъ частяхъ (равномѣрно и по каналамъ), первое мѣсто занимаютъ такъ-называемыя барки и полубарки. Первыя имѣютъ отъ 17 до 18

аженей длины и отъ 3—4 саж. ширины, и поднимаютъ до 7,000 пу-
овъ грузу. Послѣднія во всемъ сходны съ первыми, но при такой
е ширинѣ имѣютъ 12 саженей длины, и поднимаютъ отъ 4 до 5,000
удовъ. Большія волжскія суда, плавающія по нижнимъ частямъ Вол-
и, по Камѣ и частію по Вяткѣ, за исключеніемъ одніхъ расшивъ, не
оходятъ до Рыбинска. Вообще должно замѣтить, что до 40 различныхъ
удовъ плаваютъ по Волгѣ и по ея притокамъ; почти каждая значи-
ельная рѣка, каждая водяная система имѣетъ свои, исключительно ей
ринадлежащія суда, хотя многія изъ нихъ, несмотря на свои осо-
енныя названія (суряки, тихвинки, соминки, вышневолоцкія суда,
ѣлозерки и т. д.), отличаются самыми незначительными особенно-
тями другъ отъ друга. Всѣ почти барки строются по берегамъ рѣкъ,
стремящихся въ Волгу съ вершинъ сѣверныхъ уваловъ, этого глав-
наго лѣснаго магазина Русской земли. Барочное дѣло составляетъ
главный промыселъ жителей, а какъ онъ обширенъ, можно судить
изъ того, что на одной Шекснѣ строится въ годъ круглымъ числомъ
до 2,000 барокъ. Нельзя, однакожъ, не замѣтить, что бо̀льшая часть
малыхъ судовъ, плавающихъ по верхнимъ частямъ Волги и по ея
притокамъ, обыковенно остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выгружаютъ
свои товары, и идутъ на дрова и мелкія постройки. Только большія
волжскія суда дѣлаютъ нѣсколько рейсовъ и служатъ впродолженіи
нѣсколькихъ лѣтъ. Зато онѣ и ходятъ только между Рыбинскомъ и
Астраханью. Барки, застигнутыя позднимъ временемъ въ Рыбинскѣ,
остаются здѣсь на зимовку, въ Черемухинской пристани, нарочно для
этого предназначенной. Зимою городъ тихъ, малолюденъ. Въ немъ
считается не болѣе 6,000 жителей, но зато лѣтомъ это число воз-
растаетъ до 100,000. Берега Волги оживлены и кишатъ народомъ,
особенно противоположный берегъ, застроенный сплошными амбарами,
сараями и магазинами. Большую часть этого прихлынувшаго народо-
населенія составляютъ бурлаки и рабочіе, — народъ сильный, здоровый
и смѣлый. Почти всѣ бурлаки приволжскіе уроженцы, или съ рѣкъ,
впадающихъ въ Волгу. Они составляютъ прислугу на баркахъ, они
тянутъ барки, и находятъ много работы во всѣхъ пристаняхъ по
Волгѣ, гдѣ суда останавливаются. Бурлаки нанимаются цѣлыми арте-
лями, и уговариваются или на весь путь, хоть бы напримѣръ отъ
Астрахани и до Рыбинска, или отъ пристани до пристани. Прибывши
съ судномъ на мѣсто назначенія (по большей части только съ на-

ступленіемъ зимы), возвращаются бурлаки домой пѣшкомъ, часто за 700 и 1,000 верстъ. Каждый бурлакъ получаетъ за путь отъ Самары и до Рыбинска 70 руб. асс., отъ Нижняго до Рыбинска 50 руб. асс.; много ли онъ можетъ заработать, — это зависитъ отъ случая. Изъ Нижняго въ Рыбинскъ можно прибыть въ 14 дней, но случается нерѣдко, что суда остаются въ дорогѣ к 6 недѣль. Посчастливится бурлаку,—онъ можетъ сдѣлать въ лѣто три рейса, и заработать чистой прибыли отъ 60 до 70 руб. асс.; а нерѣдко приходится ему проѣсть весь заработокъ и возвратиться съ пустыми руками домой.» (Стр. 397 — 399).

Прочитавъ эту прекрасную выдержку, подумаешь, какъ широко и беззаботно живетъ еще наша рѣчная промышленость: суда *строятся на время* и дѣлаются наскоро! Въ какое отчаяніе этотъ фактъ повергъ бы Англичанъ и Нѣмцевъ, для которыхъ суда то же, что́ дорогая одежда, которая носится до послѣдней возможности!...

Сколько яркихъ и характеристическихъ страницъ заслуживаютъ одни наши Ярославцы, которымъ господинъ Бабстъ только мимоходомъ бросаетъ нѣсколько строкъ:

«Уже въ 15 и 16 столѣтіяхъ встрѣчаемъ мы здѣсь значительную промышленость и обширную торговлю; уже въ это время отзываются Англичане о Ярославлѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ главныхъ торговыхъ пунктовъ Московіи, гдѣ обмѣнивались, въ огромныхъ размѣрахъ, произведенія Востока и Запада, Сѣвера и Юга. Значеніе его необходимо должно было возвыситься съ того времени, когда Петръ началъ связывать каналами центръ Россіи съ Балтійскимъ моремъ. Малоземельность, плохая почва, суровый климатъ, оттолкнули народъ отъ хлѣбопашества, скудно вознаграждавшаго потовые труды земледѣльца, а близость Волги и главныхъ торговыхъ путей естественно должны были вызвать промышленную дѣятельность. Она же пришлась по нраву здоровому, смышленному, на все готовому и ко всему способному народу, цвѣту великорусскаго племени. По нраву, говоримъ мы, потому-что финскія племена, живущія по Волгѣ, среди Русскихъ, окруженныя тѣми же удобствами для торговли и такою же бѣдною природою, остаются спокойно дома и не знаютъ никакихъ промысловъ, хотя имѣютъ безпрестанно предъ глазами живой

примѣръ, въ какой степени послѣдніе прибыльнѣе земледѣлія. Бродячая жизнь имъ не по нраву, тогда какъ въ Русскомъ составляетъ она одну изъ существенныхъ сторонъ его характера. Русскій—это купецъ, это промышленникъ, это колонистъ, по преимуществу. Ему не живется у себя за печкой; ему вездѣ хорошо, вездѣ онъ у себя дома, отъ Архангельска и до Одессы, отъ Сибири и до Питера, и ни въ комъ, можетъ-быть, не развита эта сторона въ такой мѣрѣ, какъ въ Ярославцѣ и Костромичѣ, сосѣдѣ перваго, во Владимірцѣ и Новогородцѣ. Трудно опредѣлить число отправляющихся ежегодно съ родины на промыслы въ разныя губерніи; но гдѣ не встрѣтимъ мы по городамъ Ярославца, Костромича и Владимірца? въ какомъ трактирѣ не слѣдятъ за вами эти умные, проворные глаза, и не прислуживаетъ ловкій уроженецъ одной изъ этихъ губерній? Слишкомъ 5,000 человѣкъ высылаетъ ежегодно каждая изъ нихъ на промыслы и заработки въ обѣ столицы и по другимъ значительнымъ губернскимъ городамъ; но бо́льшую часть рукъ занимаетъ все-таки Волга съ своими притоками, по лѣсистымъ берегамъ которыхъ строются барки и разсѣяны многочисленныя пильныя мельницы, да раздаются пѣсни бурлаковъ, тянущихъ бичевою цѣлые флоты богато-нагруженныхъ судовъ.» (Стр. 405).

А сколько вниманія обращаютъ на себя безчисленные инородцы, живущіе по обѣимъ сторонамъ Волги, отъ изгиба ея до устья? Сколько обычаевъ, нравовъ, вѣрованій, костюмовъ повѣрій, преданій.... Какія пестрыя и заманчивыя картины! Господинъ Бабстъ сообщаетъ намъ тамъ и сямъ много любопытныхъ извѣстій о всѣхъ этихъ племенахъ; но все же это не личныя его наблюденія, а передача чужихъ разсказовъ. Несмотря на то, въ передачѣ этой много интересу. Вотъ нѣсколько словъ о Вогулахъ:

«Въ этнографическомъ отношеніи Чусовая важна, какъ естественная граница между Вогулами и Башкирами. Когда-то оба племени находились, вѣроятно, въ болѣе близкомъ сродствѣ, и оттѣснивши Пермяковъ, старожиловъ земель Прикамскихъ, начали дружно распространяться до западной подошвы Урала. Русская колонизація раздѣлила ихъ вновь, и оттѣснила однихъ далѣе на сѣверъ, другихъ на югъ. Въ настоящее время Вогулы занимаютъ мѣста по сѣвер-

ныхъ частямъ уральскаго хребта. Отсюда распространяются ихъ жилища далѣе, на востокъ до Иртыша, Товды и верхнихъ частей Туры, на западъ почти до самой Камы, и на юго-западъ до Чусовой, около Кунгура. Вогулы невелики ростомъ, слабы, и въ лицѣ у нихъ, за исключеніемъ бѣлаго цвѣта кожи, есть много калмыцкаго. Они круглолицы, по большей части безбороды; волосы у нихъ длинные, черные или темные; немногіе изъ нихъ попадаются съ свѣтлыми волосами и рѣдкою рыжеватою бородою. Такъ описываетъ ихъ Паллась, и тоже самое подтверждаетъ Лепехинъ, который ставитъ ихъ рядомъ съ Калмыками, и говоритъ, что они невелики ростомъ, безбороды и съ выдавшимися скулами. Это тѣмъ страннѣе, что нѣтъ ни одного слѣда, ни одного извѣстія, которое указывало бы на смѣшеніе Вогуловъ съ монгольскими племенами. Подобнаго явленія мы не замѣчаемъ ни въ одной отрасли обширнаго угрскаго племени. Вогулы отъ природы—флегматики; но отъ безпрестаннаго занятія звѣриной ловлей сдѣлались ловки, дѣятельны и хитры. Вогулы-звѣроловы по преимуществу; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе встрѣчаешь между ними осѣдлости, и здѣсь они приближаются образомъ своей жизни къ сосѣдямъ своимъ, Башкирамъ. Вогулы племя разбросанное, бѣдное, незнающее ни земледѣлія, ни скотоводства; они живутъ зиму въ маленькихъ грязныхъ хижинахъ, лѣтомъ въ балаганахъ или конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ древесной корой. Въ лѣсахъ своихъ Вогулы живутъ отдѣльными семействами, а часто отдѣльными родами. Каждое семейство считаетъ собственностію то пространство, на которомъ сосѣди позволяютъ ему охотиться. Не имѣя другаго средства къ существованію, кромѣ звѣриной ловли, они вынуждены жить въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, и не селеніями, а отдѣльно, ибо иначе они терпѣли бы недостатокъ въ дичи. Щадя лѣса свои, Вогулы часто перемѣняютъ свое мѣстожительство; становища ихъ рѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе 5 юртъ, и отстоятъ другъ отъ друга часто на 15 и болѣе верстъ. Вогулы почти не держатъ лошадей, ибо по непроходимымъ и болотнымъ дорогамъ имъ гораздо удобнѣе ходить пѣшкомъ; частію же и отъ недостатка пастбищъ и отъ множества медвѣдей, отъ которыхъ трудно уберечь лошадей. Богатые держатъ не болѣе двухъ коровъ, которыя остаются постоянно съ вогульскими женами возлѣ юртъ. Это ихъ единственный домашній скотъ. Собакъ они также почти не имѣютъ. Лѣсныя пустыни несутъ

лѣсъ обильную дань звѣрями, изъ которыхъ самые прибыльные — лоси и соболи. Лосиными шкурами Вогулы платятъ ясакъ, а избытокъ продаютъ. Мясо они ѣдятъ не сырое, но разрѣзываютъ его на полосы и сушатъ безъ соли на воздухѣ, или коптятъ. Это ихъ самая обыкновенная пища. Когда запасъ истощается, они собираютъ кости, разбиваютъ ихъ и варятъ. Впрочемъ, до этого доходятъ Вогулы рѣдко, потому-что у нихъ всегда есть средства добывать себѣ дичину и стрѣлять болотныхъ птицъ, ибо почти у каждаго Вогула есть ружье или лукъ. Къ тому же они занимаются и рыболовствомъ. Настоящее время охоты бываетъ въ исходѣ ноября, когда волосъ у звѣрей бываетъ самый пушистый. Тогда Вогулы идутъ на промыселъ маленькими партіями, человѣка по три, или по четыре. Они везутъ съ собой, на маленькихъ санкахъ, свой съѣстный запасъ, строятъ на мѣстѣ охоты шалашъ, и цѣлую зиму рыскаютъ по лѣсамъ. Зима — для нихъ время рабочее; благодаря постоянной охотѣ, они стали нечувствительны ко всѣмъ неудобствамъ полярнаго климата. На прибыльной ловлѣ основываются всѣ ихъ торговыя сношенія съ сосѣдними народами, Самоѣдами, Остяками и Русскими. Ежегодно ходятъ они съ европейскими Самоѣдами въ Обдорскъ, и мѣняютъ свою добычу на необходимыя для нихъ произведенія. Кромѣ мяса, кедровыхъ орѣховъ, да болотныхъ ягодъ, не знаютъ они почти другой пищи; и несмотря на постоянную жизнь среди болотъ, въ холодной лѣсной полосѣ, цынга между ними почти неизвѣстна. Говорятъ впрочемъ, что Вогулы жуютъ почти безпрестанно смолку лиственницы (pinus larix), которая считается отличнымъ средствомъ противъ скорбута.

«Вогулы, живущіе южнѣе, по Турѣ и Тавдѣ, много отличаются отъ своихъ сѣверныхъ земляковъ. Отъ постояннаго столкновенія съ Русскими, они сильно измѣнили свой первобытный образъ жизни и говорятъ даже болѣе по-русски, нежели на своемъ родномъ языкѣ. Здѣсь замѣтенъ уже переходъ къ осѣдлой жизни; эти Вогулы занимаются немного земледѣліемъ, сѣютъ рожь и ячмень, впрочемъ въ такомъ маломъ количествѣ, что его едва достаетъ для ихъ собственнаго обихода. Звѣроловство и здѣсь составляетъ главное ихъ занятіе. Немногіе живутъ въ русскихъ избахъ; ихъ зимнія селенія состоятъ по большей части изъ четвероугольныхъ деревянныхъ юртъ безъ крышъ, двери которыхъ обращены обыкновенно на сѣверъ или

на востокъ. Лѣтомъ живутъ они въ открытыхъ шалашахъ изъ березовой коры, вмѣстѣ съ своей скотиной, а для защиты отъ комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ этихъ странахъ невыносимы, Вогулы постоянно у себя дымятъ.» (Стр. 443).

Намъ рѣшительно нѣтъ возможности дать читателю вѣрное понятіе о томъ разнообразіи и быстрой смѣнѣ предметовъ, которые такъ и мелькаютъ въ глазахъ при чтеніи статьи г. Бабста.

Любопытныя замѣтки о Башкирахъ заслуживаютъ, чтобъ хотя въ отрывкахъ, сообщить ихъ читателю:

«Чистый башкирскій типъ сохранился только у кочевыхъ Башкирцевъ, и преимущественно въ 7 и 10 кантонахъ. Кочевые Башкирцы въ два дозволенные имъ для кочевья мѣсяца помѣщаются или въ кибиткахъ, или въ балаганахъ, или въ аласыкахъ. Балаганы только у бѣдныхъ; въ каждомъ помѣщается человѣкъ шесть—семь разнаго пола и возраста, и всѣ въ повалку. Онъ дѣлается изъ однихъ прутьевъ, невеликъ съ виду, требуетъ для покрышки немного кошмы, и обходится очень дешево. Аласыкъ дѣлается изъ лубковъ, и бываетъ двухъ родовъ. По степямъ, гдѣ проѣздъ удобенъ для телѣгъ, тамъ аласыкъ состоитъ изъ четырехъ сторонъ или частей, которыя складываются въ четыреугольный балаганъ и не покрываются кошмой или войлокомъ, но верхнія части лубочныхъ рамокъ загибаются отвсюду къ одному центру и образуютъ закругленную крышу. Гдѣ переѣздъ труденъ, тамъ Башкирцы устроиваютъ себѣ навсегда постоянный аласыкъ. Кибитка — это непремѣнная принадлежность каждаго зажиточнаго Башкирца; она ничѣмъ не отличается въ составныхъ частяхъ своихъ отъ киргизской кибитки; она только выше и сверху круглѣе послѣдней.

«Когда лѣсные Башкирцы выходятъ на кочевье, они вмѣсто телѣгъ употребляютъ изрѣдка телѣжные передки, на которые укладываютъ все неудобоносимое имущество, сундуки и т. п. Гораздо чаще вещи укладываются въ челяки, лубочные короба, и навьючиваются на особую лошадь, а у бѣдняка — на единственнаго его верховаго коня. Хозяинъ, его баба и дѣвки ѣдутъ верхомъ, одинъ позади другаго; матери укладываютъ грудныхъ ребятъ къ себѣ за зилякъ, родъ кафтана, къ груди, и подвязываютъ этотъ зилякъ, для удобства и ребенка

и самихъ себя, шерстянымъ кушакомъ. Годовалыхъ и двухгодовалыхъ ребятишекъ, которые еще не въ состояніи сами держаться на лошади, мать сажаетъ позади себя на хрупѣ коня; за нею сидитъ такимъ образомъ одинъ ребенокъ, а иногда и двое; задній держится руками за передняго, а этотъ за кушакъ матери, и оба вмѣстѣ привязываются къ ней общимъ кушакомъ, пропущеннымъ подъ ихъ мышки.

«Только что семейство начнетъ выходить на кочевье, то снаряженіе цѣлаго дома лежитъ на хозяйкѣ. Только она и работаетъ лѣтомъ. Она ухаживаетъ за коровами и кобылами, доитъ ихъ, приготовляетъ драгоцѣнный кумысъ, наблюдаютъ за прочностью турсуковъ и сабы, въ которыхъ его держатъ, бьетъ масло, приготовляетъ крутъ, кислый зеленоватого цвѣта сыръ, составляющій зимой единственное и, говорятъ, сытное блюдо цѣлаго семейства. Женщина шьетъ, далѣе, бѣлье изъ приготовленнаго весною холста, и сапоги для цѣлой семьи. Во-время сѣнокоса ей помогаютъ мужчины, а всѣ домашнія работы поручаются на это время наемной работницѣ, которая завѣдываетъ стадами и служитъ нерѣдко разомъ нѣсколькимъ хозяевамъ. То же самое бываетъ и во-время жатвы. По окончаніи же всѣхъ полевыхъ работъ, семейство возвращается въ селеніе, и тутъ наступаютъ для женщины новыя хлопоты; она поправляетъ печь или чувалъ, обтягиваетъ пузыремъ окна, приготовляетъ на зиму крупу, пеньку, шьетъ сапоги изъ кобыльей кожи, прядетъ шерсть, дѣлаетъ сукно на платье, рукавицы, онучи всѣмъ членамъ семейства, шьетъ кафтаны, дубитъ овчины, шьетъ изъ нихъ тулупы и валяетъ войлоки для кибитокъ. Кочевой Башкиръ, если онъ на службѣ, то гуляетъ на Аральское море, заводитъ себѣ телѣгу, смастачиваетъ упряжь, прежде мало ему знакомую, и добрымъ усерднымъ служакой является въ Орскую крѣпость, чтобы выступить въ походъ къ устью Сыръ-Дарьи. Кто остается дома на кочевьѣ,—ровно ничего не дѣлаетъ; только распиваетъ чай, иногда разсыпной, иногда кирпичный, и уничтожаетъ страшное количество кумысу. Но самый дорогой для Башкирца напитокъ—это кислый медъ, рѣдкость лѣтомъ и необходимая роскошь зимой. Онъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ медъ съ восчиной, разводятъ его кипяткомъ, подбавляютъ немного дрожжей, или, за неимѣніемъ ихъ, заправляютъ кускомъ ржанаго или пшеничнаго хлѣба; потомъ его заквашиваютъ, ставятъ въ теплое мѣсто, и на

другой день напитокъ готовъ. Онъ очень крѣпокъ, киселъ, сладковатъ, пьянъ, на нашъ вкусъ непріятенъ но Башкирцы пьютъ его безъ всякаго милосердія. Непривыкшаго одинъ стаканъ этого напитка сшибетъ съ ногъ, но Башкирецъ въ состояніи выпить его цѣлое ведро. Въ медѣ у нихъ нѣтъ недостатку, ибо почти всѣ Башкирцы отличные пчельники, и пчеловодство вообще здѣсь одно изъ самыхъ главныхъ занятій, какъ Башкирцевъ, такъ и другихъ обитателей этихъ странъ, Татаръ, Черемисовъ, Чувашъ и даже русскихъ поселенцевъ. Оно, впрочемъ, многимъ отличается отъ пчеловодства, извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ въ остальной Россіи. Оно—бортевое и составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ для Башкирцевъ, въ земляхъ которыхъ сохранились еще лѣсныя дачи. Въ этомъ отношеніи, Таныпъ и Инзеръ представляютъ самыя привольныя мѣста для бортевыхъ пчелъ. Борти дѣлаются обыкновенно на дубу, на вязу и на осокори. Башкирецъ выбираетъ себѣ высокое дерево, для безопасности отъ медвѣдя, и дѣлаетъ предварительно, въ нижней его части, двѣ зарубки достаточной величины для того, чтобы нога на нихъ могла держаться; за тѣмъ беретъ широкій ремень, заранѣе уже приготовленный, обхватываетъ имъ себя, около поясницы, и дерево, а концы ремня скрѣпляются одинъ съ другимъ палочками, вдѣваемыми въ петли ремня. Ставши на первую пару зарубокъ, Башкирецъ, поддерживаемый ремнемъ на вѣсу, начинаетъ работу. Рубнетъ налѣво, сдѣлаетъ новую ступеньку и поставитъ на нее лѣвую ногу; потомъ рубнетъ направо, повыше, и съ низкой зарубки перенесетъ правую ногу на новую затесь. Такимъ образомъ онъ поднимается все выше, и достигаетъ наконецъ высоты около пяти саженъ отъ поверхности земли, и тутъ-то начинаетъ онъ, въ полулежачемъ положеніи, опираясь поясницей на ремень, а ногами въ зарубки, долбить дерево. Сдѣлавши внутри дерева надлежащей величины пустоту, и приготовивъ такимъ-образомъ пустую колодку длиной въ 2½ аршина, четверти двѣ въ діаметрѣ, которая и называется бортью, Башкирецъ прорубаетъ во всю ея длину щель для вылета пчелъ (летикъ) и заколачиваетъ ее простымъ обрубкомъ, оставивъ только небольшое отверстіе въ копѣйку серебромъ, куда и начинаютъ послѣ налетать дикія пчелы и дворовыя, прокараулившія рой. На одномъ деревѣ дѣлаются иногда по двѣ и по три борти. Такое дерево называется бортевымъ; Башкирецъ, приготовившій его, затамговываетъ его своей родовой тамгой,

и медъ дѣлается его собственностью. Съ 21 іюля и по 6 августа, Башкирецъ разъѣзжаетъ по лѣсу, осматриваетъ свои затамгованныя борти, влѣзая попрежнему въ отверстія, въ сѣткахъ, чтобы предохранить себя отъ укушенія пчелъ. Гдѣ много меду, тамъ онъ возметъ, гдѣ мало оставитъ, а къ 15 августу медъ вездѣ повыберется, за исключеніемъ количества, необходимаго для прокормленія пчелъ. Такъ какъ часто случается, что пчелы, найдя въ деревѣ дупло, сами къ нему прививаются, то тотъ, кто найдетъ такое дерево, кладетъ на него свою тамгу и разбиваетъ его потомъ, какъ нужно, для борти. Бортей въ Башкиріи бездна. Какая нибудь деревушка, душъ во сто, гдѣ-нибудь въ лѣсномъ мѣстѣ имѣетъ до 1,000 и даже до 2,000 бортей; улья сами по себѣ; ихъ ставятъ въ огородахъ дома, или гдѣ-нибудь около деревни.

Башкирцы много занимаются скотоводствомъ, какъ народъ полукочевой, но главнымъ образомъ коневодствомъ. Можно встрѣтить между ними людей, у которыхъ найдешь до 2,000 лошадей; 500 лошадей найдешь очень часто, и даже бѣдники имѣютъ по 30 и 50. Коровъ, овецъ и козъ у нихъ немного. У богатыхъ Башкирцевъ попадаются иногда верблюды, но ихъ очень мало, и они не выносятъ холодныхъ зимъ.

«Башкирцы—большіе щеголи; случается, что мужчина разъ пять въ день перемѣнитъ нарядъ. То явится онъ въ бешметѣ, то надѣнетъ форменный халатъ, то казачій чекмень, и такъ далѣе, и съ каждымъ переодѣваньемъ мѣняетъ свой головной уборъ: форменная фуражка, казачья шапка съ краснымъ верхушкомъ, мѣховой бурнъ, простая суконная шапка съ мѣховымъ околышемъ, цвѣтной калпакъ съ огромнымъ лисьимъ околышкомъ, кирпизовая тюбетейка, все идетъ въ дѣло. Иные брѣютъ на головѣ волосы, иные нѣтъ, и потому можно встрѣтить между ними офицера въ общей казачьей формѣ, съ Георгіемъ на груди и въ маленькомъ тюбетеѣ на бритой головѣ, и простаго Башкирца, въ халатѣ и въ калпакѣ на отпущенныхъ и смазанныхъ помадою кудрахъ. Башкирцы всѣ мухамmедане; но когда здѣсь водворился исламъ, рѣшить трудно: вѣроятно въ то же время, когда его приняли Волжскіе Болгары, предполагаемые ихъ соплеменники. Но Башкирцы сохранили, принявши исламъ, много особенностей, указывающихъ на старинную ихъ религію. Такъ например, они не имѣютъ общихъ кладбищъ, но каждаго погребаютъ отдѣльно, на мѣстѣ

имъ самимъ избраннымъ для вѣчнаго покоя. Множество суевѣрныхъ обрядовъ, языческихъ представленій, сохранилось до-сихъ-поръ между ними и вошло даже въ исламъ.» (Стр. 450).

Картины такъ быстро смѣняются, что не знаешь чему болѣе посвятить вниманіе, надъ чѣмъ подумать, надъ чѣмъ призадуматься. Разные промыслы, рукодѣлія, постройки требуютъ столько внимательной наблюдательности и предварительныхъ объ нихъ, хотя отрывочныхъ познаній, что утомленное воображеніе устаетъ и слегка скользитъ, иной разъ, по очень важнымъ фактамъ. Вотъ опять мелькаютъ Вотяки, народъ любопытный во многихъ отношеніяхъ. Подойдемъ къ нимъ и посмотримъ, что̀ это за племя.

«Вотяки занимаются земледѣліемъ, и вмѣстѣ съ Башкирцами, едвали не лучшіе пчельники въ этомъ краѣ. У многихъ Вотяковъ найдешь до 50 ульевъ, на липовыхъ и хвойныхъ деревьяхъ; медъ и воскъ сбываютъ они прибыльно въ Архангельскъ. Изъ хлѣбовъ они сѣютъ преимущественно рожь, овесъ и ячмень, но бѣдность почвы не очень щедро вознаграждаетъ труды земледѣльца. Вотяки трудолюбивы, какъ это уже замѣтилъ Рычковъ, отдающій имъ преимущество передъ Русскими и другими обитателями этихъ странъ. Впрочемъ должно замѣтить, что его Вотяки, какъ онъ ихъ представляетъ, гораздо привлекательнѣе Вотяковъ, описанныхъ докторомъ Чудновскимъ. Рычковъ посѣтилъ деревни, расположенныя по благословеннымъ берегамъ Таныпа, гдѣ богатство почвы и другія удобства отразились на характерѣ и на образѣ жизни обитателей. Живя вмѣстѣ съ Черемисами и Татарами, Вотяки многое отъ нихъ переняли. Нетаковы ихъ соотчичи въ Вятской губерніи, на верховьяхъ Чепцы и Вятки. Вотяки — росту средняго, даже малаго въ сравненіи съ Русскими и Татарами; тѣлосложенія слабаго. Цвѣтъ лица смугло-красноватый; волосы рыжіе, бѣлые, курчавые, или стоящіе снопомъ, густые и жесткіе, безъ блеску. Голова круглая или трехъугольная, глаза голубые или свѣтлорусые; носъ небольшой, курносый, скулы выдавшіяся, а щеки впалыя; разрѣзъ глазъ узкій, короткій, горизонтальный; лобъ малый; ротъ большой и непріятный; подбородокъ острый; борода маленькая, рѣдкая, рыжеватая. Туловище и ноги тощія; походка медленная, съ нѣсколько согнутою спиною. Вотяка тотчасъ отличишь отъ Русскаго и Та-

тарина. Женщины вообще еще безобразнѣе, неопрятнѣе и грубѣе мужчинъ, особенно старухи. Умственными способностями Вотяки не отличаются; тѣлесными силами они также гораздо слабѣе Русскихъ и Татаръ. Они робки, хитры, терпѣливы; живутъ между собой дружно, вообще трудолюбивы, бережливы, даже скупы. Неопрятность Вотяковъ вошла даже въ пословицу. Они соблюдаютъ чистоту единственно только въ обуви, состоящей изъ чистыхъ онучей и легонькихъ лаптей. Все, что ни носятъ на себѣ Вотяки, все, что они ни имѣютъ, жилища, сани, телѣги, упряжь — все это ихъ собственнаго издѣлія, все образцово грубо. Вмѣсто желѣзныхъ гвоздей, они употребляютъ деревянные; замки, ключи, петли дверей, все деревянное. Пищу Вотяковъ составляютъ ржаной хлѣбъ, неквашенный, невыпеченный, вязкій, съ зольнымъ, отвратительнымъ вкусомъ; рѣдька; печеныя яйца, сквашенное, нечистое, нецѣженное молоко; сушеный въ порошокъ гусь; векша. Обыкновенное питье ихъ — сюкасъ, какой то водяной противный квасъ, а по праздникамъ пиво и кумышка. Послѣдняя — это родъ пригорѣлаго, слабаго, вонючаго вина. Вотяки народъ трезвый, и въ селеніяхъ ихъ нѣтъ питейныхъ домовъ. Кумышку курятъ они сами. По праздникамъ своимъ, они считаютъ, однакожъ, обязанностью пить пиво и кумышку нѣсколько дней сряду. Тутъ пьютъ всѣ, и старый и малый, и дѣти, и дѣвки, и бабы. Съ утра до вечера бродятъ они изъ одного дома въ другой и пьютъ вездѣ; но такъ какъ пиво и кумышка очень слабы, то ихъ разбираетъ не прежде, какъ на третій день; тогда они совершенно теряютъ разсудокъ и готовы на всякое буйство. Вотяки живутъ совершенно отдѣльно, сами по себѣ, не сближаясь ни съ кѣмъ, ни съ Русскими, ни съ Татарами, ни даже съ соплеменниками своими, Чувашами и Черемисами. Деревни вотяцкія содержатъ по бо̀льшей части отъ 20 до 40 дворовъ, смотря потому, довольно ли Вотяки нашли между густыми лѣсами своей родины мѣста для себя и корму для скота. Еще въ прошломъ столѣтіи господствовалъ между Вотяками и Черемисами обычай переселяться цѣлыми деревнями, если старое мѣсто болѣе имъ не нравилось, и строить себѣ жилища въ другомъ мѣстѣ. Нерѣдко предоставляли они свои жилища другимъ жильцамъ, желавшимъ поселиться на ихъ мѣстѣ. Вѣроятно, это еще слабый остатокъ прежняго кочеваго быта ихъ. Домы и службы Вотяковъ не имѣютъ отдѣльныхъ дворовъ, но разбросаны по деревнямъ, безъ всякаго порядка, такъ что многіе обращены углами

ихъ срединѣ стѣнъ другихъ домовъ. У каждаго хозяина изба раздѣляется на лѣтнюю и зимнюю. Послѣднія во всемъ похожи на русскія черныя избы; только у Вотяковъ по большей части одно косящетое окно съ одною рамою, величиною въ аршинъ, а прочія волоковыя. Палати — голбецъ — такія же, какъ и у Русскихъ; только въ углу подлѣ двери всегда стоятъ маленькія нары, аршина въ два съ половиною въ поперечникѣ, а на нихъ разостланъ войлокъ и подушки. Въ переднемъ углу стоитъ всегда грязный столъ съ хлѣбомъ, завернутымъ въ грязную же салфетку, жбанъ съ квасомъ и мѣдный нелуженый ковшъ, а еще гораздо чаще деревянный. Каждый входящій можетъ ѣсть и пить безъ спросу и безмездно хлѣба и квасу, и даже попросить рѣдьки. Вотяки въ некупленномъ никогда не откажутъ. Зимою спятъ они въ повалку на полу, на лавкахъ, на печи и на полатяхъ. На полу же лежатъ съ ними ягнята, козлята, телята, а подъ лавками живутъ куры и утки. Воздухъ въ избѣ, занятой вотяцкой семьей, нестерпимъ. Поперегъ дома — сѣни; на другой сторонѣ сѣней холодная клѣть, гдѣ хранится, въ пыли, разный домашній скарбъ. Обыкновенная одежда Вотяковъ мало отличается отъ одежды Русскихъ крестьянъ. Это сѣрый понитокъ, въ родѣ армяка, до колѣнъ, подпоясанный ремнемъ. Къ ремню съ лѣваго бока пришиваются ножны для ножика, который съ ручкою бываетъ не длиннѣе 6-ти вершковъ, а сзади къ тому же ремню прикрѣпляется желѣзная скобка, для вкладыванія топорища отъ топора. Подъ понитокомъ — холщевая рубаха; сверхъ портовъ, на ногахъ, чистыя онучи и лапти; шея лѣтомъ голая. На головѣ шапка изъ синяго толстаго сукна въ видѣ усѣченнаго колпака, безъ козырька и околыша, или лучше сказать, просто отрѣзокъ отъ суконнаго рукава, четверти въ полторы, зашитый съ одного конца кружкомъ, а другимъ концомъ напяленный на голову. Зимою подъ понитокъ или зипунъ надѣваютъ Вотяки овчинный полушубокъ, а шею обвертываютъ коротенькимъ полотенцемъ. Женщины одѣваются точно также; голову повязываютъ въ будни большимъ холстиннымъ платкомъ, прикладывая его срединою одного края сзади на затылокъ, а противуположный край пуская сверхъ завязанныхъ концовъ висѣть по спинѣ. На шеѣ носятъ Вотячки ожерелье изъ старинныхъ цѣлковыхъ и полтинниковъ; въ торжественныхъ случаяхъ замужнія надѣваютъ на голову *айшонъ* — родъ шишака, вышиною въ $\frac{3}{4}$ аршина, унизаннаго отъ лба до верху, въ поперечныхъ рядахъ, серебряными

гривенниками и пятачками; а у бѣдныхъ, за неимѣніемъ серебряныхъ монетъ оловянными и свинцовыми бляшками, подобной же формы.»

Въ этой кучѣ извѣстій о пестрой толпѣ многочисленныхъ инородцевъ, находимъ мѣткую страницу о русской колонизаціи:

«Начало соляныхъ промысловъ въ Пермской губерніи относится къ тому времени, когда начали появляться въ этихъ пустынныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ, по которымъ бродили дикіе Вогулы и Остяки-звѣроловы, русскіе колонисты, оттѣснившіе туземцевъ далѣе на сѣверъ. Когда явились они здѣсь въ первый разъ—рѣшить трудно, но Хлыновцамъ вѣроятно была извѣстна пермская соль, и отдѣльныя общины пытались, вѣроятно, не разъ основать свои поселенія въ Перми. Рѣдко Русскіе являлись завоевателями въ невѣдомыхъ имъ странахъ. По теченію рѣкъ двигались ихъ колонисты и селились по берегамъ, въ сосѣдствѣ туземцевъ, принося съ собой плоды цивилизаціи. Русскіе являлись сюда промышлениками, хлѣбопашцами, садовниками, рыболовами. Они рѣдко изгоняли туземцевъ, ибо сами рѣдко вдавались во внутренность неизвѣстной пустыни. Долгое время жили мирно другъ подлѣ друга русскіе и финскіе туземцы; такъ живутъ они даже и по сіе время, хотя послѣдніе исчезаютъ постепенно и вымираютъ, или, съ принятіемъ христіанства и осѣдлою жизнью, смѣшиваются съ Русскими,—напоминая намъ собой во многомъ Индійцевъ Америки, уступающихъ также могуществу иной цивилизаціи и напору Европейцевъ. Русская національность разъѣдала вездѣ туземную. Это у насъ совершается безпрестанно предъ глазами. Племена самыя живучія, Зыряне, Черемисы, даже Татары, руссѣютъ все болѣе и болѣе; ихъ ожидаетъ та же участь, какая постигла Кореловъ, Весь, Мерю и другія финскія племена. Великорусское племя — это колонисты попреимуществу, какъ уже замѣтилъ разъ одинъ чрезвычайно умный и наблюдательный нѣмецкій путешественникъ. Не будучи никѣмъ тѣснимо, единственно по собственному инстинкту, начало оно съ раннихъ поръ разсылать повсюду колоніи. Отдѣльными толпами оставляли Русскіе родину, разсыпались по необозримымъ восточнымъ равнинамъ Европы, выбирали привольныя мѣста и селились цѣлыми общинами, общинами говоримъ мы, и это весьма важно, ибо чрезъ это сохраняли они крѣпко и непоколебимо свою національность, и находи-

лись въ непрестанныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ родиною: Поглотивъ въ себя туземныя племена, Великороссіяне не остались племенемъ чистымъ, несмѣшаннымъ, но приняли въ себя много чужой крови, оставаясь конечно въ основаніи народомъ, попреимуществу славянскимъ. Это также одно изъ тѣхъ счастливыхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя выпадаютъ на долю не всякому народу, ибо существуетъ одинъ непреложный законъ въ исторіи, что только народы, происшедшіе изъ смѣшенія разныхъ племенъ и соединившіеся въ одно единое цѣлое призваны играть великую всемірно-историческую роль. Племена чистыя, несмѣшанныя — вымираютъ.» (Стр. 468).

Но я не кончилъ бы, еслибъ вздумалъ указывать читателю на интересные предметы, затронутые господиномъ Бабстомъ, какъ будто мимоходомъ. Въ особенности у него мастерски описана область Волги отъ Казани до Астрахани, — большею частію татарскій міръ. Авторъ плыветъ по широкой, величественной рѣкѣ и разсказываетъ вамъ весьма умно и натурально обо всемъ, что встрѣчаетъ на пути, по обѣимъ сторонамъ, позволяя себѣ иногда и дальніе заѣзды въ приволожскія губерніи; но это дѣлалъ онъ очень осмотрительно, и кстати.

Татары должны быть весьма благодарны господину Бабсту за то, что онъ значительно размножилъ тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ объ нихъ почтенный Фуксъ, и которыя въ наше время почти недоступны для большинства, потому-что сочиненіе Фукса о Татарахъ сдѣлалось рѣдкостью. По этому-то поводу и мы позволимъ себѣ размножить нѣсколько извѣстія Фукса; мы выпишемъ только любопытнѣйшія мѣста, приведенныя господиномъ Бабстомъ, о татарской литературѣ и Татаркахъ.

Для примѣра приводимъ нѣсколько татарскихъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ переводѣ у Фукса.

— «Разсвѣтъ ли, разсвѣтъ ли теперь? Видитъ ли кто-нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ ли кто-нибудь друга, какъ я жду его?

Брови твои черны, какъ цвѣтъ чернилъ корана; твой ростъ красивъ, красота твоя совершенна; меня съ тобой и тебя со мной соединитъ ли когда-нибудь Господь?

О посади меня и уложи меня въ колыбель; нѣтъ, я не могу уснуть, не могу успокоиться,—мнѣ нужны объятія друга.

— Я сидѣлъ подъ деревомъ, когда оно было увѣнчано цвѣтами: я дремалъ подъ тѣнью его, и ты была предметомъ моего сновидѣнія.

Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; одинъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее.

Свѣтъ намъ приносятъ солнце и луна; ты свѣтлѣе ихъ; только развѣ гуріи восьми раевъ могутъ поспорить съ тобой.

— Лице земное покрыто лѣсомъ, покрыто лѣсомъ; ничто не въ состояніи препятствовать нашему соединенію, если Богъ того пожелаетъ; мы соединимся, описавъ пространный кругъ, какъ планеты.

Я не боюсь ни врага, ни его посланія; но боюсь твоего гнѣва: освѣщай меня своими веселыми очами.» (Стр. 483).

Вотъ еще образецъ татарскихъ стихотвореній, принадлежащій къ роду *мюребба*, то есть четырестишій, въ которыхъ всѣ четыре стиха имѣютъ одинаковую рифму:

«О душа моя, свѣтъ моихъ очей! свѣтъ моихъ очей исчезаетъ, когда гляжу я на тебя, ибо ты гурія райская!

О душа моя, уголокъ моего сердца, чернота моихъ очей! Я не могу сносить твоего взора; я слабѣю,—я схожу съ ума.

О душа моя, мое сокровище! Ты единый другъ мой на семъ свѣтѣ: еслибы тебя далъ мнѣ Господь, то пламя моего сердца успокоилось бы.

Лицо твое—полная луна; брови твои съ рѣсницами—эмблемы лука и стрѣлы: кто на тебя взглянетъ, поразится; на кого ты взглянешь, тотъ, пораженный, лишится сердца.

Я спросилъ у муллъ: есть ли средства отъ болѣзни внутренней?

Они на меня глядѣли и сказали: что̀ съ тобой? ты весь горишь, у тебя жаръ; я открылся имъ: я сказалъ, что люблю.

О душа моя, еслибы ты постигла мое положеніе, еслибы ты знала, какъ я тебя люблю, ты не отказала бы мнѣ въ своемъ вниманіи; ты полюбила бы меня.

Любовью къ тебѣ, душа моя, я весь сжегся, я утопился, я уничтожился! Неужели ты не захочешь знать это!

Будь великодушна, будь милостива, не убивай, не уничтожай меня!

Я оканчиваю свою рѣчь, и оканчиваю свое посланіе, я утопаю въ морѣ любви, я тону, я погибаю, смилуйся, о душа моя!» (Стр. 184).

Мелодіи татарскихъ пѣсенъ существуютъ уже давно. Онѣ чрезвычайно однообразны и поются жалобно и гнусливо.

Простонародныя пѣсни татарскія легко можно услышать на народныхъ праздникахъ. Ихъ здѣсь два: сабанъ, отправляемый каждую весну, и джинъ, слѣдующій непосредственно за первымъ. Фуксъ представилъ описаніе послѣдняго, на которомъ онъ присутствовалъ въ деревнѣ Сеѣ, верстахъ въ 30 отъ Казани.

—«На другой день по пріѣздѣ моемъ, говоритъ онъ, Татары мылись въ баняхъ, и притомъ мужчины прежде женщинъ. Затѣмъ начался обѣдъ, и около двухъ часовъ пополудни, когда кончилось моленіе, начали со всѣхъ сторонъ стекаться множество людей на поле, которое въ этотъ день назначено было мѣстомъ для празднества и гдѣ собралось болѣе 6,000 человѣкъ, пришедшихъ въ этотъ день изъ 16 окружныхъ деревень и изъ самой Казани. Тутъ наскоро было построено нѣсколько лавокъ съ пряниками, орѣхами, но нигдѣ не было въ продажѣ вина. Нѣсколько курайчевъ (музыкантовъ), играя на самодѣльныхъ скрипкахъ, приглашали къ пляскѣ, которая предоставлена однимъ мужчинамъ; женщины смотрѣли только, сидя въ своихъ кибиткахъ. Я удивлялся, слыша тутъ нѣмецкія и французскія танцовальныя піесы и глядя на пляску казачка. Собственная плясовая музыка уже не нравится Татарамъ, и потому они предпочитаютъ ей казачка и другіе танцы. Кой-гдѣ слышны были простонародныя татарскія пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ въ переводѣ:

— Какъ прекрасенъ величавый, свѣтлый мѣсяцъ, такъ ты любезна, подобно тихой звѣздѣ вечерней.

Какъ красивъ лоснящійся соболь, такъ ты привлекательна, подобно остистому бобру.

Какъ бы лишенный свѣта, я не могу жить безъ тебя, прекрасная.

Одинъ кучайчъ запѣлъ: я скрипку строю, и струны не рвутся; къ тебѣ почувствовалъ я любовь, милая, и надежда моя будь всегда крѣпка.

Прекрасная Татарка спѣла въ отвѣтъ: гибокъ и красивъ твой станъ,

какъ мѣсяцъ изгибаются твои брови, свѣтлое лицо твое въ сумракѣ вечера блистаетъ.

Татарскій бардъ (джрути) пѣлъ своей красавицѣ: какъ ковыль твои волосы, все тѣло твое драгоцѣнный камень, осыпанный бриліантомъ; сладки рѣчи твои, какъ весенняя пѣснь соловья.

«Чтобы еще возвысить удовольствіе на такомъ великомъ праздникѣ, Татары стрѣляли изъ пистолетовъ; частые выстрѣлы, мѣшаясь съ шумомъ разговоровъ и пѣсенъ, съ ржаніемъ лошадей, съ жалобнымъ, заунывнымъ пѣніемъ Татаръ и съ пиликаньемъ карайчевъ, производили странное дѣйствіе. Татарскія дѣвушки были одѣты въ лучшія платья; ихъ лица были густо натерты румянами и усѣяны мушками; зубы, вѣки и брови начернены; словомъ, все было употреблено, чтобы показаться во всемъ блескѣ». (Стр. 485).

Дорогою встрѣтилъ Фуксъ веселаго молодаго Татарина, возвращавшагося въ большомъ восторгѣ отъ зрѣлища столькихъ красотъ. Онъ пѣлъ:

«Я смотрѣлъ на милыхъ, какъ коршунъ смотритъ на свою добычу; милыя смотрѣли на меня, какъ *кошка, съѣвшая масло*».

«Впрочемъ, продолжаетъ Фуксъ, такой свободой пользуются только деревенскія женщины, которыя вообще неподчинены такому строгому надзору и такому игу, какъ богатыя Татарки. Чѣмъ Татаринъ богаче, чѣмъ знаменитѣе по своей торговлѣ, тѣмъ болѣе онъ скрываетъ своихъ женъ; онѣ открываютъ лицо свое въ спальнѣ, потому только, что ихъ лица запрещено видѣть даже свекрамъ, братьямъ мужа, дядямъ и ихъ дѣтямъ, однимъ словомъ, каждому мужчинѣ, живущему въ домѣ. Жизнь ихъ чрезвычайно однообразна и скучна. Онѣ не занимаются никакимъ рукодѣліемъ; о хозяйствѣ хлопочутъ мужья или свекрови-старушки, а молодыя только заботятся о нарядахъ и о своихъ желудкахъ. Богатая Татарка какъ встанетъ, такъ и нарядится въ золотое платье, набѣлитъ и нарумянитъ лицо, какъ возможно бѣлѣе, и поджавъ ноги, сидитъ на диванѣ. Самоваръ кипитъ передъ ней, она сама дѣлаетъ чай, и пьетъ его до-тѣхъ-поръ, пока потъ сгонитъ всѣ бѣлила и румяна съ лица; она намажетъ свое лицо снова, и идетъ ѣсть на завтракъ самыя жирныя кушанья. Потомъ она опять садится на свое мѣсто. Если придетъ навѣстить ее подруга, то снова на столѣ является самоваръ, и она съ гостьей вторично пьетъ чай столько

же, какъ и поутру. Лицо снова разстроивается отъ поту, и его надо снова подмалевать, чтобы къ обѣду явиться предъ супругомъ въ полномъ блескѣ. Послѣ обѣда чай составляетъ для Татаръ необходимость; ибо они увѣряютъ, что его надо непремѣнно пить для сваренія желудка послѣ жирной пищи. Напившись чаю и отдохнувши, богатая Татарка вздумаетъ иногда ѣхать въ гости; тогда она наряжается въ другое дорогое платье, и пара лошадей, заложенныхъ въ крѣпкокованную и яркими красками выкрашенную повозку, везетъ ее, всю закутанную, къ ея знакомой, и она не выставляетъ носа изъ подъ покрывала до самой горницы своей подруги. Богатыя Татарки лишены даже воздуха. Садовъ у нихъ нѣтъ, а если и есть у кого, то это — небольшіе палисадники; туда татарская барыня не смѣетъ выдти, не покрытая съ ногъ до головы зиланомъ, изъ опасенія встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ. Она боится взглянуть въ окно, чтобы мимоходящіе по улицѣ ее не увидали. Когда нѣтъ проходящихъ, она бы и могла посмотрѣть на минуту въ окно, чтобы дохнуть свободнѣе, но и тутъ преграда — всѣ окна уставлены сильно пахучими цвѣтами.

«Татарки менѣе богатыя, и особенно деревенскія, живутъ гораздо свободнѣе. Онѣ сами хозяйничаютъ, стряпаютъ, доятъ коровъ, ходятъ сами въ городъ за покупками, хотя и подъ покрываломъ, но часто и съ полуоткрытымъ лицомъ, и закрываются только встрѣтясь съ Татариномъ. Онѣ занимаются рукодѣльемъ; изъ нихъ есть хорошія портнихи, золотошвейки, которыя вышиваютъ прекрасно тебетейки, унизываютъ ихъ жемчугомъ и украшаютъ камнями; также украшаютъ онѣ башмаки и ичиги (сапожки), стоящіе иногда до 500 руб. асс.

«Первостепенныя Татарки никогда не поѣдутъ на народный праздникъ сабанъ. Не столь богатыя и знатныя ѣздятъ туда въ своихъ ярко выкрашенныхъ и обитыхъ бѣлымъ желѣзомъ кибиткахъ, на парѣ прекрасныхъ жирныхъ лошадей, разодѣтыя сами въ золото и жемчугъ, разбѣленныя и разрумяненныя, какъ маски, но до того закутанныя въ покрывала, что на нихъ безъ жалости смотрѣть нельзя. Всѣ кибитки останавливаются въ лѣсу, довольно далеко отъ мѣста, гдѣ устроенъ праздникъ; отсюда Татарки, выставляя одинъ глазъ, смотрятъ и потѣютъ въ своихъ тяжелыхъ нарядахъ. Простыя Та-

тарки въ своихъ кибиткахъ становятся на ноги, чтобы удобнѣе видѣть веселящихся на сабанѣ. Пришедшія пѣшкомъ становятся на возвышенныя мѣста или на козлы кибитокъ къ своимъ знакомымъ, и смотрятъ изъ-подъ покрывала.

«Деревенскія Татарки или вообще женщины низшаго сословія не только пользуются большею свободою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и красивѣе богатыхъ своихъ соотечественницъ. Онѣ ходятъ почти безъ покрывала, и употребляютъ притиранья только по пятницамъ. Здѣсь и любовь играетъ довольно важную роль, несмотря на грозныя постановленія законодателей Востока относительно женщинъ. Тутъ есть и любовныя письма, и любовные стихи, и пѣсни. Впрочемъ, причина тому нестолько свобода, которою простыя Татарки болѣе прочихъ пользуются, но частый пріѣздъ въ Казань Бухарцевъ, которые живутъ здѣсь проѣздомъ мѣсяцъ, два и болѣе, отправляясь на Нижегородскую-ярмарку. Бухарецъ отыскиваетъ себѣ чрезъ татарскихъ свахъ невѣсту, и непремѣнно молоденькую, не болѣе 15 лѣтъ, а чаще всего требуетъ невѣсты лѣтъ 12 и 13. Конечно, изъ богатыхъ и посредственныхъ домовъ не отдадутъ за нихъ дочерей; но на цѣнные калымы ихъ прельщаются бѣдные мѣщане, и жертвуютъ, безъ жалости, своими дочерьми. Бухарецъ, женившись на дѣвочкѣ, живетъ съ нею не болѣе мѣсяца, и возвращаясь домой, дастъ ей разводную, то есть свободу выдти за другаго, что закономъ позволено. Казанскіе Татары неохотно берутъ женъ послѣ Бухарцевъ, и пятнадцатилѣтнія вдовы, особенно сиротки, неимѣющія родственниковъ, поневолѣ ищутъ себѣ утѣшителей.» (Стр. 486 — 88).

Помѣщаемъ здѣсь двѣ любовныя записочки Татарки къ своему любезному, изъ довольно большой коллекціи, собранной господиномъ Фуксомъ:

1.

(Проза).

«Любезный счастливецъ, предъ которымъ покланяюсь! Душа безцѣнная! Сорвавшій страсть мою и бросившій ее въ море страданія! Владѣющій моей душой! Преклоняю колѣна предъ тобой, и хотя насъ

разделяетъ разстояніе, но мы близки сердцемъ; целую землю и нанизываю жемчуги воспоминаній на нить строкъ и посылаю ихъ къ тебѣ. Ты, милосердый другъ, не оставь меня: направь на меня ласковый взоръ, явись, моя звѣзда! освѣти меня, солнце мое! О, живи, живи, моя радость! Да продлитъ Богъ дни твои для меня.

2.

(Стихи).

«Завѣщаніе въ преданіи, завѣщаніе въ алкоранѣ: люби Бога, люби ближняго. Кто мнѣ ближе тебя, милый другъ! Мой возлюбленный, пусть онъ кушаетъ съ золотаго блюда, серебряною ложкою; пусть онъ сидитъ на стулѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, пускай наслаждается онъ въ свѣтѣ; пускай онъ любитъ меня.

Пришли ко мнѣ вѣсточку, до свиданія: вѣсточка отъ друга—половина свиданья! Твои наряды—оружіе, твоя пища—фрукты, а моя одежда—любовь къ тебѣ, моя пища—мысли о тебѣ. О Боже, Ты одинъ знаешь, какъ люблю я его! Золотой перстень, бриліантовые браслеты не доставляютъ мнѣ радости; моя радость —ты, и одной мыслью о тебѣ могу изгнать тоску мою.

Въ саду много цвѣтовъ, въ саду много разновидныхъ цвѣтовъ; но тотъ цвѣтокъ, который напоминаетъ мнѣ о тебѣ, мой другъ, кратковременъ! Брови твои чернѣе ночи, ростъ твой красивѣе пальмы; подобные тебѣ рѣдко родятся на свѣтѣ.» (Стр. 488).

Каждый Русскій съ особеннымъ вниманіемъ прочтетъ статью господина Бабста, и непремѣнно поблагодаритъ его отъ души за прекрасный, посильный трудъ о предметѣ, такъ близко и такъ живо насъ интересующемъ, каковъ нашъ волжскій міръ. Пока матушка-Волга удостоится учено-художественно-промышленной экспедиціи, будемъ довольствоваться добросовѣстнымъ трудомъ господина Бабста, который въ состояніи удовлетворить любознательнаго русскаго читателя. Какъ оторваться отъ этой прекрасной статьи, дѣлающей честь Москвѣ.

Послѣ статьи господина Бабста замѣчательна, болѣе по своему заглавію, статья «О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ». Мы говоримъ *по своему заглавію*, потому-что статья слишкомъ слабо развиваетъ этотъ важный вопросъ. Мы думаемъ, что статьи этой не слѣдовало переводить, такъ-какъ въ ней, кромѣ обыкновенной поверхностно-ученой французской болтовни, кромѣ безотчетнаго круженія около предложеннаго вопроса и храбрыхъ наѣздовъ на разныя отрасли наукъ историческихъ, съ трудомъ найдешь два-три вывода, важные для науки; все остальное необходимый баластъ, безъ котораго трактатъ не могъ бы безопасно носиться по глубокому и бурному морю европейской учености. Сознаемся, что эта статья можетъ навести на прекрасныя мысли, можетъ заставить насъ подумать: въ какой мѣрѣ физіологія въ силахъ подать руку помощи исторіи, или, другими словами: въ какой мѣрѣ можетъ говорить физіологія, когда молчитъ исторія. Письмо Эдвардса могло вызвать ученую и дѣльную статью, которая въ сто разъ была бы полезнѣе и удачнѣе опыта французскаго ученаго. Право не стоило переводить этой статьи; не стоило тратить времени, чтобы знакомить юную русскую науку со сбродомъ разнаго рода выводовъ, которые никакъ не сложились въ цѣлое и весьма слабо вторятъ великимъ выводамъ глубокоумнаго Тьерри.

Желая доказать извѣстный историческій фактъ, приведенный этимъ историкомъ и, къ которому онъ пришелъ по показаніямъ Цезаря, что Галлію въ древности населяли двѣ отрасли Галловъ, собственно Галлы (Кельты) и Кимвры, Кимры или Бельги, Эдвардсъ считалъ нужнымъ открыть цѣпь своихъ доказательствъ выводами и наблюденіями женевскаго аптекаря надъ бѣлыми и сѣрыми мышами, отъ которыхъ родились то бѣлыя, то сѣрыя мыши.... Согласитесь, что авторъ началъ слишкомъ издалека.... Отъ бѣлыхъ мышей дѣло дошло до австрійскихъ солдатъ, стоявшихъ въ Ломбардіи, отъ нихъ до Гунновъ, отъ Гунновъ до Китая, отъ Китая до Мецциофанти, а отъ Мецциофанти до Семи Общинъ.

всѣхъ, около *пятидесяти трехъ милліоновъ*. Это населеніе живетъ въ слишкомъ семидесяти государствахъ.» (Стр. 683 — 685).

Вообще въ составъ «Магазина», издаваемаго господиномъ Фроловымъ, вошли статьи весьма любопытныя.

═

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Раутъ на 1852 г. Историческій и литературный сборникъ *въ пользу учебнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ, вѣдомства дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Изданіе* **Н. В. Сушкова.** *Москва 1852 г., въ 8 д. л., 494 стр.*

До настоящаго мѣсяца 1852 годъ ознаменовался появленіемъ, большею частью, ученыхъ книгъ, изданій и брошюръ; на долю легкой изящной литературы пришлось, въ истекшіе шесть мѣсяцевъ, всего два-три сочиненія, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ оттисковъ произведеній, напечатанныхъ въ разныхъ нашихъ журналахъ. — Впрочемъ, успокойтесь, въ самое послѣднее время вышло нѣсколько книгъ чисто литературнаго содержанія, и это непремѣнно оживитъ лѣтопись; она сдѣлается веселѣе, игривѣе... Игривость эта на счетъ труда ближняго, которая вамъ такъ нравится, не можетъ обнаружиться еще въ настоящемъ случаѣ, при разборѣ «Раута», потому-что изданіе это, какъ вамъ извѣстно изъ заглавія, есть чистосердечная жертва на благое дѣло, принесенная, большею частью, благородными московскими литераторами. Изданіе это

живое доказательство тому, что и литература можетъ сочувствовать карманнымъ интересамъ бѣдствующаго человѣчества, что и бѣдная литература, у которой одно единственное, наступательное и оборонительное оружіе — перо, что и эта худощавая бѣлоручка радушно подаетъ свою посильную помощь, если только ей укажутъ, какимъ образомъ она можетъ помогать

Есть, разумѣется, много издателей, которые думаютъ только о своей выгодѣ; но сдѣлаться издателемъ для того, чтобы выгоды, получаемыя отъ изданій, жертвовать въ пользу ближняго, мало того, сумѣть заставить другихъ употребить свои способности на благое дѣло, или, еще болѣе, заставить совсѣмъ неопытный талантъ испытывать свои силы на пользу бѣдныхъ, то есть умѣть открывать способность къ благотворительности тамъ, гдѣ она еще не проснулась,— такихъ людей, такихъ издателей мы почти не знаемъ...

Н. В. Сушковъ первый показалъ намъ, въ послѣднее время, что и наша небогатая литература, съ своими немногочисленными представителями, готова со всѣмъ радушіемъ пожертвовать частью своихъ досуговъ въ пользу неимущихъ. Н. В. Сушковъ, кромѣ своихъ собственныхъ литературныхъ произведеній, помѣстилъ въ издаваемомъ имъ сборникѣ также труды другихъ нашихъ, умершихъ и живыхъ еще, литераторовъ, какъ то гр. М. М. Сперанскаго, гр. Е. П. Растопчиной, В. И. Панаева, Н. И Берга, А. П. Глинки, Ѳ. И. Глинки и многихъ молодыхъ писателей; не говоря о томъ, что здѣсь помѣщено множество любопытныхъ историческихъ документовъ.

Прекрасная цѣль, которую имѣлъ издатель, приступая къ своему похвальному предпріятію, заставляетъ насъ, нетолько выразить ему здѣсь нашу искреннюю признательность, но и замѣтить еще, что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли прекраснымъ путемъ; онъ вовсе не нуждается въ снисходительности критики, потому-что все напечатанное во второмъ выпускѣ «Раута» или слишкомъ хорошо по внутреннему содержанію, или украшено извѣстнымъ именемъ, или составляетъ любопытный историческій документъ, или, наконецъ — замѣчательный опытъ молодаго писателя, подающаго прекрасныя надежды. Чтобы ближе познакомить васъ съ этимъ милымъ изданіемъ, мнѣ пришлось бы перечесть все оглавленіе лежащаго передо мною выпуска, потому-что все здѣсь интересно; блестящихъ именъ столько, сколько не найти ихъ вмѣстѣ ни въ одномъ періодическомъ изданіи; и въ

числѣ ихъ, скромно блеститъ отраднымъ свѣтомъ имя почтеннаго издателя, который предсталъ здѣсь съ своею характеристическою комедіею, въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ — «Мизогинъ», и рѣзко оригинальными отрывками изъ своихъ Мемоаровъ (Записокъ). О «Мизогинѣ» скажемъ, между-прочимъ, что это трудъ многолѣтній, плодъ многихъ житейскихъ наблюденій, выводовъ, соображеній. Нужно было много пережить, много видѣть, много перечувствовать, чтобы создать нѣчто подобное. Наконецъ, много требовалось умѣнья, чтобы передать этотъ типъ такъ ловко, мило и просто, передать съ такимъ рѣдкимъ литературнымъ тактомъ и свойственнымъ автору тономъ, о которыхъ мы уже столько разъ говорили на страницахъ нашего журнала. Въ нашей новѣйшей литературѣ, комедія Н. В. Сушкова займетъ достойное мѣсто, какъ и все, что̀ вышло изъ-подъ даровитаго пера этого строгаго блюстителя чистоты роднаго языка, высшаго тона, рѣдкаго вкуса и твердаго литературнаго такта.

Я не могу подробно анализировать комедіи «Мизогинъ», потому-что для этого потребовалось бы много мѣста, въ чемъ мнѣ, какъ смиренному лѣтописцу современной литературы,—отказано. Притомъ какъ бы я ни оцѣнилъ эту піесу—меня все же будутъ обвинять въ пристрастіи, что̀, если хотите, отчасти и справедливо, потому-что я не могу не увлечься прекраснымъ трудомъ, какъ и всякій другой на моемъ мѣстѣ. Начните читать «Мизогина», и вы не оторветесь отъ него; на каждой страницѣ въ немъ найдете много такихъ мѣстъ, какихъ не встрѣтите ни въ одномъ изъ нашихъ современныхъ драматическихъ произведеній.

Для образца приведу начало третьяго дѣйствія этой прекрасной комедіи, которая такъ насъ заняла, и о которой теперь столько толковъ въ нашемъ высшемъ обществѣ:

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Князь КОСТРОМИЧЕВЪ и графъ ХОЛМОГОРОВЪ.

Князь. Что̀ жъ, какъ ты думаешь, любезный графъ!

Графъ. Дождаться!

Глафира, говорятъ, поѣхала кататься.

Скажи мнѣ, князь, что такъ всѣ эти дни....

Князь. Ахъ Графъ!
Я думаю, что мой перемѣнился нравъ.

Графъ. И! Князь!

Князь. Я поглупѣлъ, иль люди поглупѣли?
Я скученъ, молчаливъ, и вотъ ужъ двѣ недѣли:
Не знаетъ никто—гдѣ какъ я ни отучу!
И я, какъ новичекъ, зѣваю и молчу.

Графъ. Ну, милый! если такъ, давай скорѣй мнѣ руку!
Я самъ давно, точь въ точь, терплю такую жъ муку.
Меня узнать нельзя! и молвимъ, не таясь,
Что полоса на насъ пришла такая, князь!...
Я знаю анекдотъ, смѣшной, замысловатой,
Такъ разсказать его готовъ щеголевато;
Что жъ! разродиться имъ съ недѣлю не могу!
Чуть-только доведу—повѣришь ли?—не лгу—
Чуть-только доведу мой анекдотъ до кстати—
Хоть какъ, мой разговоръ некстати перебьютъ —
И острыя слова на языкѣ помрутъ!...
Вчера я просидѣлъ весь вечеръ, на страданье,
Съ тремя старухами, въ напрасномъ ожиданьѣ;
Хоть имъ пересказать забавный анекдотъ —
Болтуньи! не дали открыть мнѣ даже ротъ!
Какъ Парки, нить моихъ разсказовъ разрывали!
Вѣстьми меня своей Коломны истерзали —
И я не знаю самъ, какъ вырвался отъ нихъ!

Князь. Нѣтъ! трудно одному...

Графъ. Такъ много записныхъ
Вездѣ говоруновъ!

Князь. Тоска беретъ порою!

Графъ. А знаешь что? начнемъ мы за одно съ тобою
Вездѣ любезничать.... вдвоемъ....

Князь. Союзникъ твой!

Графъ. Намъ должно всякой день условиться съ тобой,
Что, какъ разсказывать, гдѣ спорить, соглашаться,

Гдѣ головой кивнуть, гдѣ хитро улыбаться,
Гдѣ разсмѣяться намъ, гдѣ вдругъ захохотать.

Князь. Какой мы можемъ вѣсъ чрезъ это въ людяхъ взять!

Графъ. Какое въ обществѣ заслужимъ уваженье!

Князь. Въ какомъ заранѣе всѣ будутъ восхищеньѣ —
Чуть-только мы начнемъ какой-нибудь разсказъ!
Всѣ уши, всѣ глаза—обращены на насъ!
И мы оракулы въ кругахъ большаго свѣта,
И бѣглостью ума, и быстротой отвѣта!

Графъ. Намъ должно учредить порядокъ напередъ.
Сегодня—мнѣ блистать; а завтра—твой чередъ.

Князь. Такъ, напримѣръ, входя куда-нибудь съ тобою,
Я тутъ же всѣмъ кричу: клянусь моей душою!
Какая острота! какой завидный нравъ!
Повѣрите ль? сейчасъ, кого-то повстрѣчавъ
Въ Большой-Морской, онъ такъ ему сшутилъ прекрасно!
И тутъ, оборотясь къ тебѣ:—о! преопасной
Насмѣшникъ! я, смѣясь, значительно скажу.

Графъ. А я твой корифей! экспромтомъ затвержу,
Стиховъ десятка съ два, съ игрою словъ, которой,
Ты долженъ написать обдумавъ и нескоро.

Князь. А иногда, чтобъ былъ живѣе разговоръ,
Метафизическій начнемъ упрямо споръ.

Судите сами, пристрастны ли мы къ «Мизогину» Н. В. Сушкова? Изъ всѣхъ стихотвореній, помѣщенныхъ во второй книгѣ «Раута», намъ особенно понравились слѣдующія:

I.

Въ степи виднѣются далеко три кургана —
И средній выше всѣхъ. Взберуся на него,
И отдохну въ кустахъ высокаго бурьяна....
Какая даль кругомъ! Неясной синевой
Края земли слились съ краями неба;
На златистыхъ полосахъ желтѣютъ волны хлѣба;
Да кое-гдѣ виднѣются вдали
Избушки далеко-заброшенныхъ селеній...

На синеву небесъ двѣ тучи набрѣли
Отъ первыхъ осени холодныхъ испареній, —
И по степи влекутъ неправильный свой слѣдъ,
Рисуя томныя на ясномъ полѣ пятна....
Душа погружена въ какой-то чуткій бредъ —
И шепчетъ на ухо знакомый голосъ внятно....

1845. Украйна.

II.

Ужъ на покой склонился день лѣнивый:
Пора домой! дорога впереди
Скрывается за почернѣвшей нивой;
И мысль бѣжитъ по темному пути —
Далеко—въ милый край.—Подхваченъ тройкой,
Я степью мчусь. Отъ бѣга подъ дугой
Едва звенитъ мой колокольчикъ бойкой;
И грудь дрожитъ, и пыльною ногой
Уже ступить черезъ порогъ спѣшу я....
Но полночь бьетъ: прости любимый сонъ!
Пора домой — на сонъ безъ поцѣлуя....
Давно пора на крѣпкій сердца сонъ!

1846. Висбаденъ.

II.

Бываютъ въ жизни дни тяжелаго сознанья,
Любимаго труда; при нихъ блѣднѣетъ цвѣтъ;
Сбираются толпой ошибки цѣлыхъ лѣтъ —
Горячей головы пустыя начинанья!
И смѣхомъ оскорбить ихъ въ эти дни не жаль!
Нѣтъ впереди надеждъ; отгаданная даль
Является пуста.... и сердцу нѣтъ прощенья —
За дѣтскія его мечты и заблужденья.

Н. К.

Мнѣ слѣдовало бы поговорить еще о множествѣ интересныхъ статей, которыя я нашелъ въ «Раутѣ»; но — право не знаю съ чего начать: хотѣлось бы выписать и то и другое.... А лучше, чтобы никого не обидѣть, перечту вамъ безъ церемоніи всѣ прелести втораго выпуска. Вотъ онѣ:

Картина изъ «Одаренной», драматической фантазіи графини Е. П.

Ростопчиной. Воспоминанія о П. И. Аверинѣ, Н. П. Авериной. Приложенія къ статьѣ госпожи Авериной: 1) два письма графа М. М. Сперанскаго; 2) рескриптъ Австрійскаго Императора Франца; 3) два письма Фонъ-Нау; 4) письмо П. И. Аверина. Притворщица, К. Петерсона. Мизогинъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Н. В. Сушкова. А. И. Философову, А. Н. З. Кой-что изъ завѣтной тетради ....й. Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. Храповицкій и Сердюковъ. Изъ записокъ Н. В. Сушкова. Письма къ другу А. А. Аракчееву, Храповицкаго. Письма къ Храповицкому Аракчеева. Плодъ моего уединенія, Храповицкаго. Очерки. Стихотворенія И. К. Выдержки изъ связки старинныхъ бумагъ: 1) рапортъ Императрицѣ Екатеринѣ II. графа Ф. Миниха. 2) Донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ II. графа Румянцова. 3) Рѣчь, говоренная Императрицѣ Екатеринѣ II, отъ имени Правительствующаго Сената и народа, генералъ-прокуроромъ А. Н. Самойловымъ. 4) Отвѣтъ отъ имени Императрицы, сказанный вице-канцлеромъ графомъ И. А. Остерманомъ. В. И. Анненковой, В. И. Панаева. О Карлѣ XII, Остермана. Грѣхи молодости, Долина. Абдалахъ-Бенъ-Атабъ, Разсказъ В. А. Вонлярлярскаго. Покойникъ, Д. К. фонъ-Лизандера. Письмо имеретинскаго царя Арчила къ боярину Ѳ. А. Головину. Сообщено Н. Г. Головинымъ. Разлука, малороссійская пѣсня, Н. В. Берга. Мечтательницѣ, Елисаветы Димтр....й. Незнакомка, К. Петерсона. Русская мелодія, В. И. Панаева. Пѣсня, Д. П. Сушкова. Пиры и трапезы, А. П. Глинки. Желѣзная дорога. Шутка-водевиль, Князя В. В. Львова. Услажденіе, Н. А. Арсеньевой. Любовь пятнадцати-лѣтней дѣвушки. Разсказъ, К. Петерсона. Юность, М. С. Родзянки. Храмъ св. Петра, графини Е. П. Ростопчиной. Ораніенбаумскія воспоминанія, Д. П. Сушкова. Къ С. С. Шлигтингъ, В. И. Панаева. Портретъ Кутузова и тѣнь Наполеона. Ѳ. Н. Глинки. Вся Москва на балѣ. Изъ водевиля П. Н. Арапова. Не стало у людей поэзіи, Ѳ. Н. Глинки. Голубые глаза, К. Петерсона. Осеннее чувство, А. П. Глинки. Стрикулистъ. Разсказъ о современной эпопеѣ, П. Ѳ. Вистенгофа. Воззваніе, Ѳ. Н. Глинки. Картины русскаго быта въ старину, изъ записокъ Н. В. Сушкова. Споръ, Ѳ. Н. Глинки.

Не могу также не привести здѣсь довольно любопытнаго историческаго документа: «Замѣтки о Карлѣ XII».

(Изъ приложенія, къ реляціи россійскаго министра канцеляріи совѣтника Остерманъ, съ аландскаго конгресса, отъ 24 мая 1718 года).

«Для куріозите прилагаются здѣсь нѣкоторыя гисторіи о житіи короля шведскаго, о которыхъ сказывалъ генералъ-адъютантъ баронъ Шпаръ и другіе съ шведской стороны.

«Король весь уже сталъ сѣдъ и токмо по обѣимъ сторонамъ за ушами немного волосъ кудреватыхъ осталось.

«Когда онъ ночью ѣздитъ верхомъ тихо или отупью, то тотчасъ ему стошнится и станетъ рвать, а встаетъ всегда часъ по-полудни и тотчасъ садится на лошадь и ѣздитъ до самаго часу непрестанно вскачь.

«Онъ нынѣ уже себѣ употребляетъ постелю, и когда въ вечеру у него сапоги скинутъ, то онъ никогда туфлей не надѣваетъ, но токмо въ однихъ чулкахъ (которые онъ рѣдко сымаетъ) ходитъ.

«Сказываютъ про него, что онъ веселаго нраву, и многи здѣсь при шведской свитѣ обрѣтаются, которые при немъ пѣніемъ веселыхъ разныхъ пѣсней часто ево забавляли, которыя пѣсни онъ охотно слушаетъ.

«Онъ же тѣми, которые у него отъ конфиденціи обрѣтаются довольно о дѣлахъ государственныхъ съ ними разговориваетъ и ихъ разсужденіе слушаетъ, и напротивъ свое имъ объявляетъ, и сказываетъ баронъ Герцъ, что онъ самъ прилѣжно въ статскихъ дѣлахъ трудится.

«Окромѣ воды и кислова молока, онъ ничего не пьетъ, и любитъ токмо самыя простыя и твердыя ѣства, а по вечерамъ пшенную молочную кашу.

«Когда онъ занеможетъ, то онъ никакихъ лѣкарствъ не употребляетъ, токмо нѣсколько дней постится.

«Баронъ Шпаръ про него сказывалъ, что онъ хотя вѣдаетъ, сколько дней человѣкъ безъ пищи пребыть можетъ, но всякой годъ черезъ нѣсколько дней постяся, прибавливая повсягодно по одному дню, и въ нынѣшнемъ году онъ семь дней безъ пищи былъ; и ежели бъ эрцъ-принцъ гессенкасельскій добрымъ способомъ его къ ѣствѣ не провелъ, то онъ намѣренъ былъ еще 9 дней поститься, а во всѣ тѣ дни онъ непрестанно въ ватагахъ былъ, и на послѣдней седьмой день 25 шведскихъ миль, не останавливаясь на почтѣ скакалъ.

«Онъ же баронъ Шпаръ сказывалъ, что онъ самъ съ королемъ изъ Іуада до Свинензунда, итого 46 шведскихъ миль въ 16 часовъ на почтѣ перескакалъ.

«Во свидѣтельство его великаго куражу расказывалъ баронъ Шпаръ, что когда Король былъ отъ Норвегіи подъ Фридригс-Галломъ, то хотя весь городъ уже загорѣлся, однако жъ король прежде ретироваться не хотѣлъ пока и мостъ, черезъ который надобно было ему ретироваться, такожде зачалъ горѣть, а недалеко отъ того мосту, примѣръ какъ отъ крѣпости до гостина двора, была датская батарея 16 пушекъ полукартаунныхъ, изъ которыхъ непрестанно по мосту били, и когда король черезъ тотъ мостъ ретировался, то онъ большими шагами шолъ; но перешедши уже тотъ мостъ, вспомнилъ онъ, что онъ велѣлъ офицерамъ и солдатамъ малыми шагами идти, того для онъ, дабы ему упрекать не могли, что онъ большими шагами шолъ, а другіе малыми, пошолъ онъ чрезъ тотъ мостъ назадъ, и потомъ ужъ втретьи малыми шагами поворотился.

«Когда по бендерской акціи паша бендерскій къ нему пришолъ и подлѣ его на тюфякахъ сѣлъ и тогда король здосады на него Пашу, будто неварочно, одною ногою на отнашъ зацѣпя шпорою, ево пашинской кафтанъ сверху до самаго низу разодралъ.

«Недавно онъ баронъ Шпаръ былъ съ королемъ въ Штромстатѣ и когда ночью изъ онаго выѣхать хотѣли, и онъ Шпаръ, по обыкновенію, предъ королемъ ѣхалъ; то ночью въ темнотѣ въ дорогѣ наѣхали на нѣкоторую кучу бревенъ, которые онъ Шпаръ объѣхать хотѣлъ, а король, давъ лошади шпоры чрезъ оную кучу перескочилъ, и велѣлъ, чтобы и баронъ Шпаръ то жъ чинилъ, и когда баронъ Шпаръ то учинить хотѣлъ, то лошадь ево, которая не такъ сильна была какъ королевская, запуталась въ тѣхъ бревнахъ и съ нимъ Шпаромъ опрокинулась, отъ чего онъ лѣвую руку вывихнулъ, которая и до нынѣ у него болитъ.

«Впредь больше пишетъ колендарь».

Лучше всего купите это изданіе, читайте себѣ что̀ вамъ понравится и благодарите Н. В. Сушкова за хорошее, истинно человѣколюбивое дѣло.

Здѣсь не излишнимъ считаемъ сообщить читателямъ родъ предисловія, которое мы нашли въ началѣ второй книги «Раута», «откуда узнаемъ,

что въ этомъ же году должно ожидать еще третьей книги этого и-дано изданія, и что, между-прочимъ, будетъ въ ней помѣщено.

Вотъ слова издателя:

«По усердію жертвователей, ради добраго дѣла, и при богатствѣ моего архива старинныхъ бумагъ, у меня набралось столько историческихъ и литературныхъ записокъ, что, вмѣсто одного сборника, должен издать два, почти вмѣстѣ. Для втораго на 1852 годъ историческаго и литературнаго сборника, я имѣю уже: 1) Стихотворенія А. С. Хомякова, Авд. П. Глинки, Ю. Жадовской, М. С. Розанова, Ѳ. Н. Глинки, Л. Мея, В. И. Панаева, К. Петерсона, Д. Ѳонъ-Лизандера и другихъ; 2) прозаическія сочиненія: Евгеніи Туръ, отрывокъ изъ новаго ея романа, Письмо святогорца съ Аѳонской горы, изъ «Руссика», къ одному изъ заслуженыхъ ветерановъ-писателей у насъ—Н. И. Гречу, разсказы Кушнерева, Петерсона и прочихъ; 3) нигдѣ ненапечатанные стихи А. С. Пушкина, В. В. Капниста, сатирика М. Милонова, остряка А. С. Хвостова; 4) тетрадь А. В. Храповицкаго (біографическая статья); тутъ нѣсколько изъ его стихотвореній, въ томъ числѣ посланія къ Г. Г. Державину, В. В. Капнисту, В. А. Озерову, И. И. Дмитріеву, А. С. Хвостову; письма А. В. Х. къ брату его М. В. Х., о которомъ здѣсь (стр. 204) напечатана отдѣльная статья; двѣ записки о посѣщеніи Императрицею Екатериною II Кременчуга, Бакчисарая и Севастополя, и нѣсколько выписокъ изъ *записокъ* А. В. Х. и 5) старинныя бумаги: всеподданнѣйшее донесеніе ген. Фермера; планъ лотереи на содержаніе отставныхъ и раненыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; свѣдѣніе о дневникѣ барона Миниха; всеподданнѣйшее письмо и прошеніе графа фонъ Миниха, гдѣ описана вся его служба; краткое начертаніе знаменитыхъ происшествій втеченіе послѣдней войны шведской и турецкой (1787, 1788, 1789, 1790, 1791 г.) съ приложеніемъ донесенія князя Потемкина Таврическаго и принца Нассау-Зигена; постановленіе о торжествѣ мира съ Оттоманскою Портою, и такъ далѣе....»

Еще разъ благодаримъ издателя за то, что онъ доставилъ намъ случай прочесть собраніе стольких занимательныхъ статей, и въ особенности отрывки изъ собственныхъ его Записокъ, и отъ души радуемся тому вполнѣ заслуженному успѣху, которымъ, какъ мы слышали, увѣнчался и второй выпускъ «Раута».

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка, изданный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *С.-пб. 1852 г., въ 8-ю д. л., 462 и XI стр.*

Грамматика есть стройное, систематическое собраніе наблюденій надъ живою или мертвою рѣчью. Смотря съ такой точки на грамматику, мы видимъ, что она не можетъ научить говорить, а показываетъ только, какимъ законамъ слѣдуетъ языкъ, какъ орудіе мысли, какъ средство сообщенія между существами мыслящими. Но чтобъ вѣрно наблюдать и подмѣчать всѣ измѣненія въ рѣчи, подмѣчать тѣ едва уловимые законы, которыми руководствуется человѣческая душа при выраженіи словами своихъ побужденій и внутреннихъ созерцаній,—для этого нужны свѣтлый умъ, глубокія филологическія познанія, правильныя философическія и физіологическія воззрѣнія; и потому отъ большей или меньшей способности наблюдателя зависитъ и достоинство его труда. Но можно также излагать законы языка и не подмѣтивъ ихъ, а руководствуясь готовыми уже наблюденіями, произведенными надъ другимъ языкомъ, имѣя въ виду единство всѣхъ человѣческихъ языковъ, о которомъ давно уже рѣшила философская грамматика, то есть, можно написать русскую грамматику по схемѣ латинской и греческой грамматикъ, обозначивъ только главнѣйшія различія нашего новаго языка отъ древнихъ языковъ. Такихъ грамматикъ было у насъ много, и мы довольствовались ими весьма долго, и именно до того момента, когда почувствовали, что подобныя грамматики составлены не въ духѣ нашего языка, что онѣ неполны и невсегда вѣрны. Тогда нѣкоторые наши ученые рѣшились обратиться за системою для русской грамматики къ русской живой рѣчи, и изучивъ ее въ историческомъ и филологическомъ развитіи, положили болѣе или менѣе вѣрное основаніе чисто-русской грамматикѣ, которая должна служить кодексомъ законовъ нашей живой рѣчи, уложеніемъ, къ которому должно обращаться въ сомнительныхъ случаяхъ, при сложномъ или извилистомъ выраженіи мысли. Первые опыты, сдѣланные въ этомъ родѣ, хотя и были весьма замѣчательны, но при быстромъ и обширнѣйшемъ развитіи нашихъ филологическихъ свѣдѣній оказались далеко неполными и невсегда вѣрными, такъ-что Академія Наукъ нашла нужнымъ взять на себя это многотрудное дѣло, и приступила къ составленію опыта русской грамматики, положивъ себѣ руководствоваться при этомъ тою фило-

логическою методою, которая есть собственно плодъ новѣйшаго времени. Она весьма успѣшно приложила эту методу къ изслѣдованію законовъ чисто-русскаго языка, обративъ впервые вниманіе на всѣ нарѣчія отечественнаго языка, для уясненія многихъ филологическихъ законовъ, которыми руководствовался духъ славянскаго языка вообще. Само-собою разумѣется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Академіи приходилось имѣть въ виду тѣ законы, по которымъ развивались германскій, латинскій, греческій и другіе языки, находящіеся въ неоспоримомъ родствѣ съ нашимъ. И такъ предлежащій опытъ показываетъ, что составителямъ его нечужды тѣ средства и пріемы, которыми такъ успѣшно руководствуются въ наше время извѣстные западные филологи, и въ особенности нѣмецкіе.

Слава Богу, сдѣлано главное — удачное начало; общими силами дѣло это подвинется впередъ, и мы не отстанемъ въ этомъ отношеніи отъ основательнѣйшихъ филологическихъ трудовъ на Западѣ. Теперь, для вполнѣ успѣшнаго исполненія этого прекраснаго труда, дѣло стало за ближайшимъ знакомствомъ съ нашими областными нарѣчіями; ихъ же уяснятъ намъ областные словари, которыхъ недолго придется дожидаться, тѣмъ болѣе, что областной словарь великороссійскаго нарѣчія уже вышелъ.

Но главнымъ и существеннымъ пособіемъ при составленіи русской грамматики, долженъ быть—словарь новѣйшаго русскаго общественнаго языка, составленный на основаніи сочиненій лучшихъ нашихъ писателей первой половины XIX столѣтія, который, вѣроятно, не замедлитъ своимъ появленіемъ, потому-что объ немъ стали помышлять у насъ серьёзно.

Имѣя въ виду подробнѣе поговорить объ «Опытѣ общесравнительной грамматики», мы удерживаемся отъ всякихъ замѣчаній, и здѣсь выражаемъ только нашу искреннюю благодарность Академіи за прекрасный трудъ, который уже увѣнчался полнымъ успѣхомъ, потому-что почти весь разошелся. Это доказываетъ, что русская публика всегда сочувствуетъ всякому благому начинанію и готова поддержать его.

Опытъ областнаго великороссійскаго словаря, изданный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *Спб. 1852 г., въ 4 д. л., 275 стр.*

Чтобы хотя нѣсколько познакомить читателя съ этимъ весьма замѣчательнымъ и удачно составленнымъ опытомъ областнаго словаря, выписываемъ предисловіе къ нему, которое очень обстоятельно сообщаетъ его исторію:

«Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, издавая общій словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, положило также составить словарь областныхъ рѣченій, употребляемыхъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Примѣръ такого собранія поданъ былъ Обществомъ любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ «Трудахъ» котораго находится значительное количество областныхъ словъ. Для сего, въ концѣ 1845 г., Отдѣленіе сносилось съ директорами училищъ, приглашая ихъ прислать областныя слова, употребляемыя въ мѣстахъ ихъ дирекцій.

«Вслѣдствіе того, Отдѣленіе получило изъ разныхъ мѣстъ Имперіи множество матеріяловъ къ составленію предположеннаго словаря. Программа онаго, по соображеніи мнѣній членовъ Отдѣленія, написана академикомъ И. И. *Срезневскимъ*. Редакторомъ собранныхъ матеріяловъ избранъ былъ Отдѣленіемъ о. академикъ А. Х. Востоковъ. Въ азбучномъ порядкѣ изготовленныя имъ объясненія словъ для областнаго словаря прочитывались въ Отдѣленіи, гдѣ членами присовокупляемы были различныя дополненія словъ по мѣстнымъ нарѣчіямъ, имъ извѣстнымъ. Разсмотрѣнные такимъ образомъ листы печатались подъ редакціею академиковъ *Востокова* и *Коркунова*. Въ засѣданіяхъ Отдѣленія, въ которыхъ продолжалось составленіе и разсмотрѣніе сего словаря, подъ предсѣдательствомъ, сначала Его Сіятельства Князя П. А. *Ширинскаго-Шихматова*, потомъ покойнаго академика В. А. *Поламова*, и наконецъ о. академика И. И. *Давыдова*, постоянно участвовали академики: П. Г. *Бутковъ*, Я. И. *Бередниковъ*, А. Х. *Востоковъ*, П. А. *Плетневъ*, И. С. *Кочетовъ*, М. А. *Коркуновъ* и И. И. *Срезневскій*. Въ числѣ матеріяловъ, которыми Отдѣленіе воспользовалось для словаря, особенно важны были: Сборникъ 1168 словъ новгородскихъ, члена Я. И. *Бередникова*, и Великороссійскій Областной Словарь, члена И. И. *Срезневскаго*, изъ котораго заимствовано 3439 словъ.

«Предпринятый Отдѣленіемъ трудъ нынѣ оконченъ. Издаваемый словарь областныхъ русскихъ словъ, заключающій въ себѣ 18,011 реченій, есть только опытъ, который постепенно будетъ дополняемъ и

совершенствуемъ. Сообщенные Отдѣленію матеріалы были въ нѣкоторыхъ частяхъ недостаточны, и Отдѣленіе исполнило только то, что въ состояніи было исполнить по тѣмъ средствамъ, какія имѣло въ своемъ распоряженіи.

«Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода рѣченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частью вѣрно сохранившіяся, частью измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснею, сказкой, пословицей; третьяго рода слова родились вслѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа.

«Издаваемый словарь содержитъ въ себѣ рѣченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе, безъ сомнѣнія, драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія. Это тоже, что уклоненія въ царствѣ растительномъ и животномъ, которыя однако объясняются естественными знаками жизни. Этотъ первый опытъ представляетъ чрезвычайно любопытныя для филолога свѣдѣнія въ отношеніи грамматическомъ и лексикологическомъ. Подобныя особенности языка свидѣтельствуютъ о сближеніи одного славянскаго племени съ другимъ и о переселеніяхъ изъ одного края Россіи въ другой, что можетъ послужить къ разрѣшенію нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ.

«Слова, уклонившіяся отъ общаго употребленія и отъ литературнаго языка, во многомъ одинаковы въ сѣверной Россіи, напримѣръ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой, Пермской, равно и въ средней Россіи, въ губерніяхъ Псковской, Тверской, Рязанской, Тамбовской и другихъ, и касаются однихъ и тѣхъ же особенностей языка и неправильностей, какъ то: въ употребленіи *ц* вмѣсто *ч*, и на оборотъ, *ш* вмѣсто *щ*, *ы* и *и* вмѣсто *ѣ*, въ недоговариваніи окончанія *тъ* глаголовъ третьяго лица, въ выпускѣ гласной *е* предъ симъ окончаніемъ и т. п. Простолюдинъ въ означенныхъ губерніяхъ говоритъ: отецъ, *ц*есть, я*ш*икъ, хл*и*бъ, п*и*сня, привя*же* да и таме, онъ игра*тъ*, мы игра*мъ*.

«Въ коломенскомъ нарѣчіи Московской губерніи сохранилось определеніе старинному говору, какой встрѣчаемъ въ письменныхъ памятникахъ, именно послѣ согласной *к* въ окончаніи именъ гласныя *я* и *ю*, вмѣсто *а* и *у*: тятенькя, маменькя, чайкю, тарелочкю.

«Въ старинномъ русскомъ языкѣ находимъ замѣну винительнаго падежа именительнымъ при неопредѣленномъ наклоненіи глагола. Эта особенность сохранилась въ нынѣшнемъ областномъ сѣверномъ нарѣчіи. Такъ говорятъ: рукавиц*а* снять, сестр*а* проводить, вод*а* налить, рѣк*а* переплыть и т. д.

«При всей неправильности и при всемъ уклоненіи отъ литературнаго языка, областной выговоръ, по-крайней-мѣрѣ, основывается на законахъ измѣненія звуковъ, напримѣръ *въ* замѣняется гласною *у*, и наоборотъ: *у* Тулу, *в*дарить; *о* замѣняется гласною *а*, и на оборотъ, *е* буквою *а*: ворить вмѣсто варить, *т*абѣ, *с*абѣ, вмѣсто тебѣ, себѣ.

«Часто перестанавливаются ударенія; напримѣръ говорятъ: дикóй вмѣсто дúкой, дрóва вм. дровá, нéльзя вм. нельзя́, прúговоръ вм, приговóръ, толстой вм. тóлстый. Это объясняетъ намъ различныя ударенія въ иныхъ словахъ и литературнаго языка, напримѣръ молодéцъ и мóлодецъ, дóводъ и довóдъ: благозвучіе, служащее ударені-ямъ основою, въ разныхъ странахъ понимается различно.

«Нельзя оставить безъ вниманія и неправильности искаженныхъ простолюдинами словъ, указывающей, какъ выше замѣчено, на общіе законы звукосочетанія. Простолюдинъ говоритъ *фалюшка* вмѣсто хвалюшка, самохвалка; *харлапанъ*, вм. горлопанъ, крикунъ; *харпунъ* вм. храпунъ; *хаутуры*, вм. хавтуры; *хвортка*, вм. фортка; *хотомка*, вм. котомка.

«Другаго рода слова въ «Опытѣ областнаго словаря» представляются намъ въ живой рѣчи народа такія, которыя или уцѣлѣли въ древнихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ, или отъ которыхъ мы употребляемъ только производныя, или слова совсѣмъ у насъ потерянныя, между-тѣмъ какъ они могутъ служить къ обогащенію языка по краткости, выразительности и благозвучію. Такъ напримѣръ слова: *багрецъ*, *безотный*, *безчерéдица*, *берёга*, у насъ замѣняются описаніями: шелковая ткань краснаго цвѣта, лишенный отца, нарушеніе череды или порядка, усердный уходъ. Мы употребляемъ церковно-славянское реченіе *брашно*, а въ Курской губерніи доселѣ слышится слово *бóрошно*, то есть ржаная мукá; *брезгъ* (оттуда брезжется)

развѣять — говорится въ Симбирской губерніи. Общеупотребительному слову *вѣнецъ*, *вѣнокъ*, находимъ въ Сибири первообразное *вѣнъ*; или глаголу *улыбаться* корень *лыбить* сбереженъ въ Тверской губерніи. Древняя форма слова *свекровь* — *свекры* доселѣ хранится въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Тамбовской. Во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ до-сихъ-поръ говорятъ *устнѣ* вмѣсто ротъ и губы, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ.

«Слова письменныхъ памятниковъ XII вѣка еще слышатся въ живой рѣчи, напримѣръ реченія изъ Пѣсни о Полку Игоревомъ: былина, кикать и кыкать, комонь, усобица, шоломя, туга, вмѣсто старинная богатырская сказка, кричать по лебединому, конь, междоусобіе, холмъ, тоска.

«Въ третьемъ родѣ словъ особенно замѣчательны русскія морскія реченія, употребляемыя въ Архангельской губерніи и Астраханской, которыя могутъ замѣнить иностранныя: *отруга* и *упруга* (шкаутоутъ), *перёшва* (битсъ), *уѣдло* (дрейфъ). Изъ числа мѣстныхъ реченій, которыхъ употребленіе ограничивается извѣстнымъ краемъ обширнаго нашего отечества, можно привести въ примѣръ слова камчатскія, иркутскія, астраханскія и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ употребляемыя: *торба* (торнавъ), *торбасъ* (сапогъ) *торонъ* (мѣшокъ, сума), *тóрозъ* (льдины, взгроможденныя одна на другую) *травянка* (молкая щука), *трясья* (лихорадка), *турсукъ* (берестяный кузовъ), *туръ* (печной столбъ), *усóлье* (соловарня), *ичиги* (тат. сапоги) *каймакъ* (тур. густыя сливки), *еманъ* (монгол. козелъ), *тайга* (дремучій лѣсъ), *юлохти* (давно).

«Въ послѣднемъ разрядѣ словъ встрѣчаются реченія, указывающія на образъ воззрѣнія простолюдиновъ на природу и самихъ себя. Такъ въ Новгородской губерніи слово *утроба* употребляется въ значеніи «душа, сердце», какъ у Славянъ саксонскихъ.

«Такимъ образомъ разсматриваемый «Опытъ областнаго великорусскаго словаря» служитъ дополненіемъ общему Словарю роднаго нашего языка: онъ обращаетъ насъ къ патріархальному быту поселянъ нашихъ и сближаетъ насъ съ нимъ. Прислушиваясь къ народному языку, мы отыскиваемъ въ немъ сокровища, пережившія цѣлыя столѣтія. Въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ сохранились и пѣсни и сказки, и пословицы наши, сбережены отъ всегубительнаго времени и многія драгоцѣнныя слова. Областныя нарѣчія служатъ также убѣдительнымъ

шимъ доказательствомъ, что языкъ, какъ живой организмъ, безпрестанно измѣняется, и что только въ словарѣ и грамматикѣ гибкія формы живой рѣчи крѣпнутъ и упрочиваются для потомства».

Путеводитель по Императорской Публичной Библіотекѣ. *Спб. 1852 года, въ 12 д. л. 140 стр. съ литографированными рисунками и планомъ Императорской Публичной Библіотеки.*

Небольшая, нетолстая, но изящно изданная и написанная книга, которая во сто разъ больше даетъ, чѣмъ обѣщаетъ,—что совершенно противно правиламъ книжнаго міра, въ которомъ принято за основаніе обѣщать въ заглавіи то, чего никогда нельзя исполнить.

Подъ скромнымъ названіемъ «Путеводителя» вы найдете краткій, но вѣрный и вполнѣ удовлетворительный историческій очеркъ образованія Императорской Публичной Библіотеки, за которымъ слѣдуетъ описаніе нынѣшняго ея состоянія; при чемъ авторъ кстати высказалъ столько интересныхъ извѣстій, изъ которыхъ другой *сочинилъ* бы большую книгу.

Лѣтопись не обратила бы вниманія на эту книгу, еслибы она была составлена какъ обыкновенно составляются подобнаго рода труды; но интересъ, который авторъ умѣлъ придать ея содержанію, и нѣкоторыя литературныя достоинства ея, заставляютъ насъ сказать здѣсь, что книга эта интересна не только для тѣхъ, которые обозрѣваютъ нашу знаменитую публичную библіотеку, но неменѣе интересна для всякаго любителя наукъ и литературы, потому-что каждому образованному русскому человѣку неизлишне знать, какими судьбами образовалась у насъ одна изъ величайшихъ библіотекъ Европы, какимъ образомъ библіотека эта организована и какія содержитъ въ себѣ сокровища.

Чтобы дать читателямъ понятіе о достоинствѣ «Путеводителя», приводимъ его начало, и надѣемся, что они поблагодарятъ насъ за то:

«Во второй четверти XVIII столѣтія, два брата изъ знаменитаго польскаго рода графовъ Залускихъ, Андрей-Станиславъ Костка, епископъ краковскій, великій канцлеръ королевства и князь северійскій, и Іосифъ Андрей Юнъшъ Табашъ, великій коронный референдарій, позже епископъ кіевскій, положили основать въ Варшавѣ, соединен-

ными силами, публичную библіотеку *. Старшій, Андрей, пожертвовалъ для сего доставшіяся ему по наслѣдству собранія книгъ, и сверхъ того два родовыя имѣнія и четыре дома въ Варшавѣ; а младшій, Іосифъ, не опредѣляя ничего положительнаго, обрекъ этому дѣлу всѣ свои огромные доходы, которые съ первой еще молодости обращалъ всегда на пріобрѣтеніе книгъ. Въ 1747 году библіотека ихъ была торжественно открыта, въ присутствіи короля и знатнѣйшихъ сановниковъ польскихъ, для общаго употребленія. Но въ Андреѣ Залускомъ дѣйствовало, кажется, болѣе проходящее увлеченіе, нежели та постоянная страсть, которая наполняла все существованіе и была исключительною цѣлію въ жизни Іосифа. Послѣдній уѣхалъ за границу, и во-время долговременнаго его отсутствія, прежняя мысль потеряла для старшаго брата свою привлекательность, такъ что въ 1758 году, умирая, онъ все свое имущество, въ томъ числѣ и опредѣленное прежде на библіотеку, завѣщалъ уже не ей, а законнымъ своимъ наслѣдникамъ. Въ семъ качествѣ и Іосифъ Залускій получилъ одинъ изъ упомянутыхъ выше четырехъ домовъ; но другой, несравненно великолѣпнѣйшій — нѣкогда собственность предка Залускихъ по женской линіи, Даниловича — именно тотъ, гдѣ должна была помѣщаться библіотека, выпалъ, вмѣстѣ съ находившимися въ немъ, невошедшими еще въ ту библіотеку книгами Андрея, на долю другихъ наслѣдниковъ. Тогда благородный Іосифъ, принявъ доставшійся ему домъ со всѣми возможными уступками въ пользу своихъ сонаслѣдниковъ, торжественно объявилъ, что беретъ его не для себя, а для той общественной библіотеки, которой устроеніе въ Варшавѣ задумано и исполнено было, много лѣтъ тому назадъ, имъ вмѣстѣ съ покойнымъ его братомъ. Такая непреклонная щедрость вызвала на подвигъ и другихъ участниковъ наслѣдства: они добровольно уступили подъ публичную библіотеку домъ Даниловича и всѣ книги покойнаго Андрея. Іосифъ торжествовалъ, хотя послѣ его брата оказалось, противъ ожиданія, не болѣе 2,500 томовъ; но въ прежней библіотекѣ было ихъ уже до 200,000, и Іосифъ поспѣшилъ перемѣстить все это значительное собраніе въ домъ Даниловича.

«Слава новаго книгохранилища, передъ тѣмъ еще, такъ распростра-

* Свѣдѣнія сіи заимствованы, сокращенно, изъ составляемой теперь подробной исторіи Императорской Публичной Библіотеки.

[illegible], что папа Бенедиктъ XIV, буллою 1752 года, опредѣлилъ отлученіе отъ Церкви тому, кто отважился бы нанести вредъ этому собранію или посягнуть безъ разрѣшенія. Но, между-тѣмъ, положеніе самого учредителя становилось очень затруднительнымъ. Съ одной стороны, библіотека оставалась только при двухъ домахъ и при собственныхъ его, Іосифа, средствахъ, весьма запутанныхъ отъ его любви къ книгамъ и недостаточныхъ для содержанія самыхъ домовъ и платы библіотекарей, а тѣмъ болѣе для поддержанія и постояннаго увеличенія публичнаго заведенія. Съ другой стороны, Залускаго смущала мысль, чтобы послѣ его смерти библіотека, вмѣстѣ съ ея домами, не перешла опять въ собственность его родственниковъ, и, переставъ чрезъ то быть достояніемъ общественнымъ, не подверглась совершенному распаденію. Наконецъ, не могли не тревожить его и долги, въ которые вовлекла его неодолимая библіоманія и уплата которыхъ превышала его средства. Эти обстоятельства побудили Іосифа Залускаго искать, для сохраненія и дальнѣйшаго преуспѣянія учрежденнаго имъ книгохранилища, такое установленіе, которое могло бы располагать большимъ избыткомъ, нежели частное лицо, и было бы долговѣчнѣе, нежели жизнь одного человѣка! Эти условія соединялъ въ себѣ, въ то время, сильный, богатый и честолюбивый орденъ іезуитовъ. Залускій надѣялся, что если библіотека перейдетъ въ ихъ руки, то отъ нихъ никто уже ея не вырветъ. Но, предоставляя библіотеку завѣдыванію іезуитовъ, онъ, чтобы не допустить вывоза ея въ другія страны и не ограничить ея употребленія однимъ немногочисленнымъ кругомъ членовъ ордена, управленіе ею ввѣрилъ не ордену вообще, а высшему варшавскому коллегіуму (Collegio majori Societatis Jesu Varsoviensis), чѣмъ, такъ-сказать, приковалъ ее къ мѣсту, и въ видѣ обязательнаго условія передачи предписалъ, чтобы во всѣ будніе дни библіотека была открыта безмездно каждому желающему, и чтобы четверо изъ ученѣйшихъ членовъ іезуитскаго коллегіума неотлучно находились при ней, для службы публикѣ. На сихъ основаніяхъ Залускій, завѣщавъ, въ 1761 году, свою библіотеку польскому народу, опредѣлилъ ей оставаться, на вѣчныя времена (sempiterno jure), въ завѣдываніи и управленіи упомянутаго коллегіума. Судьбѣ, однакожъ, не было угодно допустить совершенія такого вѣчнаго завѣта: Папская булла 1773 года сразила орденъ іезуитовъ въ Польшѣ; завѣщатель перенялъ членамъ своихъ наслѣдниковъ, и бы-

бліотека осталась опять въ его рукахъ, безъ всякаго огражденія ея цѣлости въ будущемъ. Спустя годъ послѣ того, умеръ самъ Залускій, и тотчасъ съ его смертію возникли на библіотеку разныя притязанія. Нѣкоторые монастыри стали домогаться возвращенія книгъ и рукописей, которыя были у нихъ взяты покойнымъ пастыремъ, а родственники—уплаты сдѣланныхъ у нихъ, для обогащенія библіотеки, займовъ. Требованія ихъ, независимо отъ постороннихъ исковъ, восходившихъ до 3.000,000 злотыхъ, простирались тоже почти до полумилліона. Польское правительство успокоило монастыри раздачею имъ находившихся въ библіотекѣ дублетовъ, но не такъ легко было кончить дѣло съ родными покойнаго. Притязанія ихъ продолжались цѣлыя шесть лѣтъ, и только въ 1780 году, когда сеймъ придумалъ выразить всему роду Залускихъ, отъ имени польской націи, торжественную хвалу и благодарность за принесенныя ими отечеству пожертвованія, Залускіе, выслушавъ эту признательность, отказались отъ своихъ требованій. Между-тѣмъ, высшее завѣдываніе библіотекою, обратившеюся уже въ собственность націи, было ввѣрено эдукаціонной коммиссіи, которая состояла изъ первенствовавшихъ тогда въ Польшѣ лицъ; непосредственнымъ же начальникомъ или префектомъ библіотеки былъ оставленъ прежній библіотекарь Залускихъ, извѣстный въ исторіи литературы канонникъ Иванъ Яноцкій, а послѣ его смерти, въ 1786 году, назначенъ эксъ-іезуитъ Козминскій. Но внутреннія смуты, которыя продолжали раздирать умиравшее уже два вѣка польское королевство, и отсутствіе всякаго постоянства и единства въ правительственныхъ распоряженіяхъ, не могли не отозваться и въ этомъ дѣлѣ: библіотека, почти безъ всякихъ денежныхъ способовъ и безъ надлежащаго охраненія, предоставлялась и дѣйствію стихій, противъ чего не было принимаемо никакихъ мѣръ, и частнымъ хищничествамъ, въ которыхъ, вопреки буллѣ главы римско-католической церкви, участвовали даже польскіе магнаты; съ другой же стороны недостатокъ ремонтныхъ средствъ побуждалъ иногда самихъ библіотекарей прибѣгать къ непонятному теперь истребленію ввѣренныхъ имъ сокровищъ: такъ, напримѣръ, когда въ книгахъ завелось огромное количество насѣкомыхъ, то, чтобы остановить дальнѣйшее ихъ распложеніе, цѣлые ряды томовъ, подвергшихся порчѣ, были частію сожжены, частью зарыты въ землю. Наконецъ, въ 1793 году, сеймъ назначилъ попечителемъ библіотеки, въ честь основателя

ея, одного изъ членовъ рода Залускихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлилъ оставшійся еще небольшой капиталъ библіотеки обратить, въ числѣ прочихъ суммъ эдукаціонной коммисіи, на другія государственныя нужды. Это посягательство на собственность библіотеки было отвращено только вліяніемъ русскаго правительства. Два извѣстные польскіе астронома, Почобутъ и Снядецкій, встревоженные такимъ распоряженіемъ, рѣшились умолять русскаго въ Варшавѣ посланника, Сиверса, заступиться, во имя просвѣщенія, за библіотеку. Сиверсъ уважилъ ихъ просьбу: онъ принялъ библіотеку Залускихъ въ свое покровительство, и съ-тѣхъ-поръ, но, къ-сожалѣнію, уже слишкомъ поздно, никто въ Польшѣ не смѣлъ болѣе посягать на это книгохранилище и его средства.

«Въ 1794 году окончилось самобытное существованіе Польши. Жертва собственнаго неустройства, Варшава, по естественному, историческому ходу вещей, пала и должна была пасть предъ нашимъ побѣдоносвымъ оружіемъ. Она была присоединена къ прусскимъ владѣніямъ; но ея библіотеку (вмѣстѣ съ метриками, коронною и великаго княжества литовскаго) удержало за собою русское правительство, какъ трофей войны, и въ 1795 году всѣ книги были перевезены въ С.-Петербургъ. Симъ положены первые начатки Императорской Публичной Библіотеки.

«Въ Санктпетербургѣ, привезенныя изъ Варшавы книги поступили въ вѣдѣніе Императорскаго Кабинета, и были сложены, временно, въ находившемся близъ Аничкова дворца домѣ *, съ повелѣніемъ управлявшему Кабинетомъ, дѣйствительному тайному совѣтнику Василію Степановичу Попову, принять мѣры къ приведенію ихъ въ порядокъ, для учрежденія открытаго книгохранилища. Поповъ возложилъ это дѣло на нѣсколькихъ изъ образованнѣйшихъ чиновниковъ его вѣдомства, подъ начальствомъ, сперва статскаго совѣтника Киршбаума, а потомъ надворнаго совѣтника Михаила Ивановича Антоновскаго, окончившаго образованіе въ московскомъ Университетѣ, человѣка неутомимаго, и по тому времени весьма ученаго. Пока это временное библі-

* На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проѣздъ между скверомъ и Александровскимъ Театромъ. Этотъ домъ, по устроеніи для библіотеки особаго зданія, въ 1801 году, былъ отданъ титулярному совѣтнику Казацци, для италіянской оперы, и послѣ былъ извѣстенъ петербургской публикѣ подъ именемъ Малаго-театра.

отреченское общество, котораго члены назывались членами эрмитажской, а позже Императорской библіотеки, разбирали и описывали привезенныя книги, Императрица Екатерина Вторая повелѣла придворному архитектору Соколову составить планъ зданію для ихъ храненія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Публичная Библіотека. Первоначально сооруженіе это было задумано въ огромныхъ размѣрахъ и не для одной собственно библіотеки, но для совокупленія въ немъ пособій по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, въ теоріи и практикѣ. На вершинѣ зданія должна была возвышаться астрономическая обсерваторія, для которой Императрица предназначила привезенный тогда изъ Англіи знаменитый гершелевскій телескопъ; внутри полагались залы для кабинетовъ древностей и инструментовъ физическихъ и астрономическихъ. Сверхъ-того было намѣреніе связать это зданіе съ Аничковымъ дворцомъ, посредствомъ великолѣпнаго зимняго сада и портиковъ, украшенныхъ статуями, водометами и снарядами для гимнастическихъ упражненій, такъ чтобы рядомъ съ умственною пищею каждый могъ находить себѣ, подъ тою же крышею, отдыхъ, развлеченіе и мѣсто для прогулки. Существующіе еще теперь, на прилегающемъ къ Библіотекѣ театральномъ дворѣ, остатки колоннъ, долженствовавшихъ поддерживать стеклянную крышу зимняго сада, доказываютъ, что приступлено было уже и къ самымъ работамъ.

«Кончина Императрицы положила предѣлъ этому начинанію, но не измѣнила плана создать публичную библіотеку. Первая мысль и первое повелѣніе Императора Павла свидѣтельствовали даже о планѣ еще обширнѣйшемъ, именно о желаніи его соединить въ *одно* общественное книгохранилище *всѣ* библіотеки Императорскія: находившуюся тогда въ Гатчинѣ Корфовскую *, купленныя покойною Императрицею у Вольтера и Дидерота, и наконецъ привезенную изъ Варшавы. Но эта мысль не

* Она принадлежала барону Іоганну Альберту Корфу, бывшему президентомъ Академіи Наукъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и умершему въ 1766 году, посланникомъ нашимъ при Копенгагенскомъ дворѣ. Эта библіотека въ 1794 году была куплена Императрицею Екатериною для тогдашняго наслѣдника престола Павла, а послѣ кончины Цесаревича Константина Павловича досталась Генералу Александрову, которымъ важная ея часть принесена въ даръ гельсингфорскому Александровскому Университету.

сокровищами. Корфовская библіотека была пожалована Цесаревичу Константину Павловичу; вольтеровская и дидеротовская оставлены въ Императорскомъ Эрмитажѣ, и на основаніе публичной библіотеки опредѣлена одна варшавская, которую Императоръ Павелъ ввѣрилъ высшему начальству извѣстнаго ученаго и литератора, бывшаго, до революціи, французскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, графа Шуазёль-Гуфье. Онъ недолго, однакожъ, оставался въ этой должности. Въ 1800 году было образовано особое управленіе Императорскихъ библіотекъ, и въ главу его поставленъ, съ званіемъ главнаго директора, знаменитый ревнитель наукъ и художествъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, а завѣдываніе, подъ нимъ, библіотекою Залускихъ поручено помощнику перваго ея начальника, другому французскому эмигранту, кавалеру д'Огаръ. Самую библіотеку полагалось сперва помѣстить въ одномъ изъ домовъ Академіи Наукъ, на Васильевскомъ-Островѣ, и даже слить совершенно въ составъ библіотеки академической,—мысль, которую сильно поддерживалъ тогдашній президентъ Академіи, баронъ Николаи, и исполненію которой не противился и графъ Шуазель, находя зданіе, начатое для библіотеки по плану Соколова, сырымъ и неудобнымъ. Назначеніе графа Строганова дало дѣлу другой оборотъ. Библіотеку велѣно оставить въ прежнемъ, отдѣльномъ составѣ, и помѣстить въ упомянутомъ особомъ зданіи, которое достроить для сего по другому, уменьшенному въ размѣрахъ плану. Оно, вслѣдствіе того, было окончено въ 1801 году, по проекту архитектора Луиза Руско, и подъ главнымъ наблюденіемъ оберъ-гофмейстера, графа Тизенгаузена, и составляетъ ту часть нынѣшняго зданія, которая выходитъ на Невскій проспектъ, образуя закругленный уголъ на Большую-Садовую *.

«По сдачѣ новаго зданія графу Строганову и по перенесеніи въ оное библіотеки Залускихъ, ей присвоено было, въ томъ же 1801 году, и обширное прилежащее мѣсто, съ домомъ на Большую-Садовую, выстроеннымъ первоначально для садовниковъ зимняго сада. Но въ 1807 году часть этого мѣста, гдѣ находились небольшія деревян-

* Окончательная отстройка этого зданія, принявшаго, впрочемъ, нынѣшній видъ только при послѣдующихъ передѣлкахъ, и стоившая уже прежде, по проекту Соколова, около 100,000 рублей ассигнаціями, обошлась въ 42,000, кромѣ шкафовъ, на которые издержано слишкомъ 12,000 рублей. Переноска книгъ совершена была въ полтора мѣсяца.

ныя лавки, между помянутымъ домомъ и зданіемъ Библіотеки, Императоръ Александръ пожаловалъ генералъ-лейтенанту Кологривову, и теперь оно занимается большимъ домомъ генералъ-лейтенанта Балабина, находящимся такимъ-образомъ между строеніями библіотеки.»

Означивъ происхожденіе и первыя судьбы нашей публичной библіотеки, авторъ касается кратко: 1) постепенныхъ перемѣнъ въ образѣ и правилахъ ея управленія; 2) открытія ея на пользу общую, 3) распространенія ея зданій; и затѣмъ разсказываетъ: 4) что въ ней было прежде и какъ она росла и развивалась до настоящаго времени.

Мы нашли необходимымъ сдѣлать эту большую выписку, чтобы доказать наши слова, что разбираемая нами книга выходитъ изъ порядка подобныхъ трудовъ.

Въ книгѣ помѣщенъ списокъ картинкамъ и планамъ, вошедшимъ въ составъ «Путеводителя». Вотъ этотъ списокъ:

1. Домъ Даниловича въ Варшавѣ, вмѣщавшій въ себѣ библіотеку Залускихъ. 2. Старое зданіе Императорской Публичной Библіотеки. 3. Новое зданіе Императорской Публичной Библіотеки. 4. Одна изъ печей въ сѣняхъ. 5. Пріемная зала. 6. Хранилище рукописей. 7. Эстрада дежурнаго въ читальной залѣ. 8. Шкафъ-столъ, въ которомъ хранятся эстампы. 9. Зала изящной словесности. 10. Овальная зала бель-этажа. 11. Станокъ съ вращающимися витринами. 12. Ваза на парадной надворной лѣстницѣ. 13. Планъ мѣстности Императорской Публичной Библіотеки. 14. Планы двухъ ея этажей, нижняго и бель-этажа.

Можно бы еще многое выписать изъ «Путеводителя», но мы отсылаемъ читателя къ самому сочиненію, которое удовлетворитъ его вполнѣ, потому-что, какъ мы уже замѣтили, даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, — а это лучшее достоинство книги.

Труды коммиссіи, высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, Подольской, Волынской, Кіевской Черниговской, Полтавской. *Кіевъ, 1851 года, въ 4 д. л. 59, 20, 13, 32, 88, 136, 40 и 16 стр.*

Въ послѣднее время для русской науки сдѣлано такъ много, что удивляешься, откуда взялось столько даровитыхъ, талантливыхъ изслѣдователей?

Лежащая передъ нами книга заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ восемь статей, написанныхъ съ цѣлью привести въ извѣстность всѣ естественныя произведенія кіевскаго учебнаго округа. Мы здѣсь находимъ: О растительно-географическихъ округахъ европейской Россіи, статья д. ч. к. Траутфетера.—О юрскихъ и мѣловыхъ осадкахъ Кіевской губерніи, статья д. ч. к. Ѳеофилактова.—О кристаллическихъ породахъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской, статья д. ч. к. Ѳеофилактова.—Животныя млекопитающія губерній кіевскаго учебнаго округа, статья д. ч. к. Кесслера. —Птицы воробьиныя губерній кіевскаго округа, статья д. ч. к. Кесслера.—Птицы хищныя и куриныя губерній кіевскаго учебнаго округа, статья д. ч. к. Кесслера. Всѣ эти статьи необширны, не представляютъ новыхъ открытій, а напротивъ, довольно сжаты и кратки, но довольно обстоятельно описываютъ въ научномъ порядкѣ все то, что̀ необходимо знать тому, кто хочетъ основательно и близко узнать естественныя силы обширной Россіи. Здѣсь все изложено въ такомъ объемѣ, какой необходимъ для предположенной Коммисіею цѣли.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1851 г. *Спб. 1852 г. in 4° 49 и 26 стр.*

— Блестящее доказательство, какія благодѣтельныя подготовленія дѣлаются для того, чтобы собрать лучшіе плоды общечеловѣческихъ свѣдѣній, привести ихъ въ извѣстность и сдѣлать приступъ къ нимъ сколько возможно свободнымъ для каждаго умѣющаго читать. Въ отчетѣ этомъ мы находимъ столько необходимыхъ, благодѣтельныхъ улучшеній, столько вниманія и заботы о посѣтителяхъ Им. Пуб. Библ., что намѣрены ближе ознакомить съ ними нашихъ читателей въ другомъ, болѣе сообразномъ тому мѣстѣ.

О видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи. Разсужденіе, *написанное* С. Шафрановымъ. *М. 1852 въ 8 д. л. 160 стр.*

Намъ удалось открыть новое усыпительное средство, которое тѣмъ именно отличается отъ эфира и хлороформа, что вовсе не сопряжено съ опасными и вредными послѣдствіями, и что послѣ самыхъ большихъ пріемовъ, принимающаго можетъ постигнуть только страшная головная боль. Это вѣрное и сильное усыпительное средство—разсужденіе

господина Шафранова. Какая бы печаль, горе и боль ни поразили васъ — принудьте себя прочесть 20 страницъ этого разсужденія, и вы совершенно забудете о вашемъ горѣ, потому-что заснете крѣпчайшимъ непробуднымъ сномъ. Сорока страницъ этого трактата не прочест вамъ въ одинъ пріемъ никакими судьбами; если же и удастся вамъ этотъ истинно геркулесовскій подвигъ, то вы рискуете ле жать въ совершенномъ безпамятствѣ цѣлыя сутки. Въ это вре доктора могутъ исполнить надъ вами самыя трудныя операціи, вы ничего не будете чувствовать. Послѣ хорошаго обѣда и ста добраго вина, можно уснуть и на 7-й страницѣ этого разсужденія. выдержалъ на прочтеніе 150 страницъ цѣлыхъ десять дней; пр спалъ послѣ каждаго пріема по пяти битыхъ часовъ, а на одиннад тый день не былъ уже въ состояніи повѣрить, вѣрно ли показаны в концѣ книги всѣ тѣ безчисленныя опечатки, которыя источили «Ра сужденіе» господина Шафранова съ начала до конца. Существенн слѣдствіемъ моего крѣпкаго изученія теоріи господина Шафрано была неописанная головная боль, подобная той, какая поража путешественниковъ, долго сидѣвшихъ подъ самой трубой парахо Однако грѣшно было бы сказать, что трудъ господина Шафранова бе полезенъ или не удался. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, трудъ этотъ даже оче полезенъ, и особенно въ наше время, когда пришла такая мода на фил логическія изслѣдованія; но способъ изложенія дотого головоломенъ, и того неясенъ и запутанъ, что, прочитавъ двѣ страницы, вы начинаете з вать, зѣваете на каждой точкѣ; а къ концу третьей страницы у ва незамѣтно слипаются вѣки; вы дѣлаете усиліе, перевертываете листо въ намѣреніи преодолѣть сонливость, — у васъ начинаетъ давить по ложечкой, и тутъ вы скоропостижно засыпаете; тогда, разумѣется не знаете, что́ съ вами дѣлается, и это неоспоримо доказываетъ, ч разсужденіе дѣйствуетъ хорошо. Всѣ опроверженія и нападки госпо на Шафранова бо́льшею частью справедливы и дѣлаютъ ему неск занную честь; но жаль, что онъ написалъ цѣлыхъ 150 страницъ доказательство того, что всѣ наши грамматисты вовсе не знаютъ гра матики, а знали ее только Мелетій Смотрицкій, Ломоносовъ, Вост ковъ и онъ самъ, господинъ Шафрановъ. Эту истину можно б ло изложить много-много на 25 страницахъ, очень основательно даже занимательно. Можно было обойтись и безъ тѣхъ многочисле ныхъ выписокъ, безконечныхъ замѣчаній и рябого греческаго

ю, которыми такъ разукрашена его книга. Это произошло, вѣроят-
о, оттого, что всѣ мы пользуемся даромъ говорить, но немногіе изъ
съ въ состояніи говорить умно, кратко и занимательно.

Взявъ на себя довольно тяжелый трудъ прочесть 150 стр., и не
жу, чтобы господинъ Шафрановъ *доказалъ* то, что взялся дока-
ть.

Дареджана Имеретинская. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ.* Я. Полонскаго. *Москва. 1852. Въ 8-ю д., стр. 111—148.*

Г. Полонскій, безспорно, весьма талантливый лирическій поэтъ, въ
мъ мы не разъ убѣждались, перечитывая многія изъ его неболь-
хъ стихотвореній, которыя дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ и
писаны прекраснымъ, гармоническимъ стихомъ. Но драма его «Да-
джана Имеретинская», которой отрывокъ, помнится, былъ уже по-
щенъ въ одномъ изъ нумеровъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей»,
можетъ выдержать самой снисходительной критики. Авторъ, впро-
мъ, и самъ сомнѣвается, чтобы «Дареджана», какъ первый его
матическій опытъ, нашла сочувствіе въ читателяхъ, и оправды-
ется тѣмъ, что писалъ ее для тифлисской публики, для которой его
ма интереснѣе многихъ русскихъ драмъ и *даже комедій*, совер-
нно чуждыхъ нравамъ большинства посѣтителей тифлисскаго театра,
не для избраннаго общества нашихъ столицъ и нашихъ провин-
і, и что намъ невесело видѣть на сценѣ варварскіе нравы, чуж-
е духу и понятіямъ современнаго общества. Не знаемъ, кого же
зумѣетъ авторъ подъ тифлиской публикой? Что это за оригиналы,
которыхъ интересно видѣть на сценѣ варварскіе нравы, чуждые
ху и понятіямъ современнаго общества? А мы до-сихъ-поръ ду-
ли, что тифлиское общество такъ же образовано, какъ и общество
лицъ, и тѣмъ болѣе провинцій, что ему понятно все прекрасное,
что оно не терпитъ того, что́ отвергается эстетическимъ вкусомъ.
ранная же логика у г. Полонскаго. Слѣдуя ей, нельзя давать на
сской сценѣ многихъ великихъ произведеній Шекспира, Шиллера,
те. Вѣдь Гамлетъ, Макбетъ, Отелло, Валленштейнъ, Фаустъ — лица
дыя современному намъ обществу. А между-тѣмъ, мы удивляем-
имъ, и образованное общество всѣхъ странъ понимаетъ ихъ. Г.
лонскій, вѣроятно, не подумалъ, что не картина нравовъ и обы-
въ какой-либо страны составляетъ драму, а что она развивается изъ

борьбы характеровъ, изъ борьбы разнородныхъ чувствъ, которы общи всѣмъ народамъ и всѣмъ странамъ, и потому понятны каждому. Все разнообразіе этой борьбы существуетъ только въ ея проявленіи. Вотъ здѣсь-то обычай, нравы народа играютъ роль и придаютъ драмѣ мѣстный колоритъ. На этихъ-то основаніяхъ, мы, противъ ожиданія г. Полонскаго, вовсе не будемъ указывать ему и тѣ предполагаемые имъ недостатки въ драмѣ, о которыхъ онъ самъ упоминаетъ въ предисловіи. Нѣтъ, мы замѣтимъ ему, что въ «Дареджанѣ» нѣтъ характеровъ, что дѣйствующія лица драмы отличаются безцвѣтностію, и что вся драма—не что-иное, какъ эпизодъ иеретинской исторіи, разсказанный въ стихахъ. Стихи эти, впрочемъ, легко читаются, и въ драмѣ есть даже два три лирическихъ мѣста, которыя напоминаютъ о талантѣ, но о талантѣ чисто лирическомъ.

Сочиненія Хемницера. *Изданіе второе*, Александра Смирдина. *Санктпетербургъ. 1852. Въ 12-ю д., стр. 174.*

Сочиненія Хемницера были много разъ изданы въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ біографіею этого баснописца, и безъ нея, съ портретомъ его и безъ онаго. Конечно, послѣ Крылова, трудно читать чьи-либо басни; однако количество изданій басенъ Хемницера явно доказываетъ, что онѣ имѣютъ своихъ почитателей. Кто же читаетъ ихъ и гдѣ, въ какомъ краю обширной Россіи? Объ этомъ спросите нашихъ странствующихъ варяговъ-букинистовъ, которые съ мѣшкомъ, набитымъ дешевыми изданіями книгъ разнаго роду, ученымъ и литературнымъ хламомъ, полузаплеснѣвшимъ на ларяхъ и въ шкафахъ толкучаго рынка, переходятъ изъ уѣзда въ уѣздъ, и *снабжаютъ просвѣщеніемъ* отдаленные края нашего отечества. Не думайте впрочемъ, чтобы мы хотѣли этимъ унизить талантъ Хемницера. Вовсе нѣтъ. Мы всегда отдавали ему должную справедливость, и снова повторяемъ, что Хемницеръ остроумный и весьма талантливый баснописецъ: въ нѣкоторыхъ изъ его басенъ видны юморъ и простодушіе чисто русское. Вспомните его Двухъ сосѣдей, Метафизика, Паука и мухъ, Западню и птичку, Льва-Свата и многія другія. Но все-таки, какъ писатель, печатавшій свои басни и сказки чуть не за цѣлое столѣтіе назадъ, онъ устарѣлъ для нашего времени, уже по самому языку своихъ басенъ. Впрочемъ, это последнее изданіе Хемницера принадлежитъ къ полному собранію рус

нихъ авторовъ, въ числѣ которыхъ Хемницеръ, по всей справедливости, долженъ занять почетное мѣсто, какъ одинъ изъ лучшихъ, если е лучшій баснописецъ докрыловскаго времени.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

Необходимыя жизненныя потребности всякаго человѣка, или о томъ, когда нужно *человѣку* ѣсть, пить, ложиться спать и вставать. Соч. М. Данилова. *Спб.*, *1852 г.* *в 8 д. л. 24 стр.*

Господинъ Даниловъ начинаетъ свое сочиненіе такъ : «У одного греческаго философа, по-имени Діогена, жившаго за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х., однажды спросили : когда нужно ѣсть человѣку? «— Богатый, когда вздумаетъ, а бѣдный, когда имѣетъ что̀ поѣсть, отвѣчалъ философъ. Мнѣніе это вѣрно, но неестественно; вѣрно въ отношеніи къ состоянію людей, но неестественно въ отношеніи къ природѣ, которая назначила время, когда нужно ѣсть человѣку».

Истративъ половину брошюры, состоящей всего изъ 24 стр., на изложеніе того, кому, сколько, въ какое время и для чего слѣдуетъ ѣсть, авторъ заключаетъ первую главу своего труда такъ : «Человѣку ѣсть необходимо, если онъ хочетъ жить и быть здоровымъ. Ѣсть ему нужно въ то время, когда пробуждается въ немъ чувство голода, когда является аппетитъ, самъ собою». Значитъ господинъ Даниловъ не пошелъ дальше философа Діогена.

Насчетъ сна авторъ пишетъ : «Сонъ послѣ полночи прежде всего теряетъ свою крѣпость и дѣлается непокойнымъ ; воображеніе становится дѣятельнѣе, являются сновидѣнія. Потомъ пробуждается слухъ, за слухомъ — осязаніе, за осязаніемъ — обоняніе, послѣ обоня-

«нія, возвращается вкусъ, послѣ чего открываются глаза; затѣмъ «наступаетъ зѣвота и потягиваніе членовъ, находившихся во время «сна большею частію въ согнутомъ положеніи. Наконецъ, какъ толь«ко покажется день, тотчасъ же возбуждаются всѣ отправленія тѣла «къ высшей дѣятельности, такъ что въ утренніе часы человѣкъ бо«лѣе всего способенъ въ короткое время физически и умственно ра«ботать и рѣшать даже трудныя дѣла и занятія (23 стр.)».

Жаль, что этимъ почти и оканчивается брошюра, а слѣдовательно нечего и разбирать. Слѣдуетъ, однако замѣтить, что слово *человѣкъ* играетъ главную роль въ этой брошюрѣ и встрѣчается въ текстѣ гораздо чаще, чѣмъ бы слѣдовало; но это не мѣшаетъ читателю выучиться у господина Данилова аккуратно *ѣсть*, *пить*, *спать*, и даже *вставать*.

Вступленіе молодой дѣвицы въ свѣтъ, или наставленіе, какъ должна поступать молодая дѣвица при визитахъ, на балахъ, обѣдахъ и ужинахъ, въ театрѣ, концертахъ и собраніяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Баронессы Юліи фонъ-Икскюль. *Спб., 1852 г., въ 16 д. л. 84 стр.*

Бываютъ книжечки, которыя почти не подлежатъ критикѣ, которыхъ не слѣдуетъ подвергать критикѣ; — это, большею частью, книжечки въ розовыхъ обертках, написанныя умными дамами и пожилыми дѣвицами, которыя такъ мастерски умѣютъ облекать свои умныя соображенія и многолѣтніе опыты въ самостоятельный трактатъ и наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ поступать тѣмъ, которые не успѣли еще составить себѣ умныхъ соображеній, которые не располагаютъ многолѣтними опытами, а между тѣмъ обязаны вступить въ свѣтъ, и ступить въ немъ своею милою, нѣжною ножкою. Какъ вы хотите, вы, мужчины, критиковать такія книжечки? Покажите же вашу добросовѣстность, хотя ради этого единственнаго случая, хотя ради произведеній нѣжнаго пола, и сознайтесь въ своемъ незнаніи дѣлъ женскаго міра... И какъ же можно критиковать книжечку, написанную умною и пожилою нѣмецкою дѣвицей, и переведенную другою умною дамою. Если уже другая дама нашла, что книжечка эта дѣльная, — то, конечно, она непремѣнно дѣльная, потому-что дамы, обыкновенно, бываютъ завистливы, и надо, чтобы произведеніе одной дамы было въ самомъ-дѣлѣ очень, очень хорошо, чтобы его признала такимъ другая.

[illegible] передъ нами лежащая, въ розовой обложкѣ, имѣетъ цѣлію сдѣлать общепонятною величайшую женскую науку, труднѣйшее искусство для мужчины — *науку лукавить*. Какъ деликатно, какъ осторожно и мило нѣмецкая авторша учитъ восемнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ лукавить — это, просто, прелесть. Что за наслажденіе читать мужчинѣ правила такого высокаго искусства! Откровенно скажу вамъ, что я не промѣняю этого удовольствія на блистательнѣйшіе вечера И. И. Излера, даваемые имъ съ такимъ успѣхомъ на минеральныхъ водахъ!

Молодая дѣвушка не успѣла выйти изъ дорожнаго экипажа и прилично одѣться, чтобы отправиться въ гости, какъ уже внимательная, опытная дама даетъ ей совѣтъ, какъ она должна вести себя въ свѣтѣ.

«Если бы спросили, напримѣръ: «какъ вамъ здѣсь нравится»? то не говорите съ комическими смѣшными ужимками: «хорошо», или «не хорошо», а старайтесь съ большимъ приличіемъ распространить свой отвѣтъ. Если что вамъ не нравится, то не высказывайте о томъ прямо: откровенность въ городѣ не такъ много любятъ, какъ въ деревнѣ; а если, притомъ, самое мѣсто, гдѣ вы находитесь, имѣетъ что-нибудь пріятное и занимательное, то высказывайте это.

«Часто случается, что дамы, въ часы визитовъ, принимаютъ посѣщенія въ своемъ будуарѣ (уборной комнатѣ), гдѣ онѣ по утрамъ, обыкновенно, занимаются. Если такая дама имѣетъ какой рисунокъ или недоконченное вышиванье, то объ этомъ искусствѣ можетъ зайти рѣчь, и, — нельзя сказать навѣрное, а можетъ-быть, вы, — юная подруга, не имѣете никакого понятія объ этомъ предметѣ. Будь это такъ или иначе, — только вы при такомъ случаѣ держитесь прямо по обыкновенному. Смотрите прямо и пристально на работу: это покажетъ ваше внимательное участіе и пріятно польститъ производительницѣ искусственной работы. Потомъ хвалите искусство отдѣлки, потому-что та дама для того и показываетъ работу, чтобы хвалили ее; но крайне берегитесь исчислять подробности; ибо если вы не понимаете дѣла, то очень легко можетъ случиться, что похвала ваша попадетъ прямо на слабую часть работы, и чрезъ то легко можетъ принята быть за насмѣшку.

«Если при такихъ посѣщеніяхъ случатся молодыя дѣвицы вашихъ

лѣтъ, то разговоръ пойдетъ уже гораздо легче, и вы въ короткое время сами увидите, что робость и боязнь ваши были напрасны.

«Такимъ-образомъ одинъ визитъ болѣе или менѣе всегда бываетъ сходенъ съ другимъ, и вы будете уже имѣть теперь довольно смѣтливости — примѣнять свои поступки къ обстоятельствамъ».

Не правда ли какъ мило, какъ ловко учатъ *лукавить* молодую дѣвушку? какъ это легко достается ей! такъ-что, впослѣдствіи, она безъ всякаго руководства достигаетъ высшаго развитія въ этой чудной житейской практикѣ. Я зналъ одну прелестную сорока-лѣтнюю дѣвушку, которая родилась ровно за 45 лѣтъ до появленія этой книжечки, и потому бѣдняжка принуждена была учиться этому чудному искусству безъ всякой теоріи. Но не можете себѣ представить, какъ легко искусство лукавить достается бѣдной женщинѣ. Эта самоучка была лукавѣйшая изъ прелукавыхъ пожилыхъ дѣвицъ. Она утверждала, что тонкое лукавство—великая женская доблесть, въ чемъ я совершенно согласенъ. Вотъ бы ей написать руководство! У, батюшки—*сіе сочиненіе* имѣло бы, по-крайней-мѣрѣ, 20 изданій.

Прочитавъ переводъ госпожи баронессы Юліи фонъ-Икскюль, я непосредственно вступилъ въ разсужденіе съ одною девятнадцати-лѣтнею дѣвицей, о томъ, легко ли имъ дается искусство лукавить или нѣтъ? Мнѣ отвѣчали, что это несравненно легче, чѣмъ *бѣлое шитье* по системѣ, предлагаемой «Гирляндой».

Но это только первый шагъ въ свѣтъ, первый женскій дебютъ. А не думайте, чтобы книжечка госпожи Икскюль ограничилась однимъ шагомъ. Тутъ очень пространно описано, какъ должно неопытной дѣвицѣ держать себя при людяхъ и безъ людей, то-есть, держать себя на балѣ, за обѣдомъ, за чаемъ, за ужиномъ и послѣ ужина, передъ театромъ, въ театрѣ и послѣ театра, въ обществѣ, во-время разныхъ забавъ.... Тутъ весьма замысловато изложено, какъ довлѣетъ дѣвицѣ держать и удерживать себя въ разныхъ общественныхъ случаяхъ.

Эта глубокая женская наука завершается важнѣйшею въ свѣтѣ статьею, именно статьею, трактующею объ обращеніи дѣвицъ съ кавалерами. Эта конечная цѣль всѣхъ женскихъ теорій и стремленій— всего труднѣе для женщины. И къ сожалѣнію статья эта изложена здѣсь довольно неполно и слишкомъ сжато. Авторша сама чув-

ствовала какъ трудно основательно трактовать объ этомъ щекотливомъ предметѣ, и потому предоставляетъ каждой неопытной дѣвицѣ дополнять его своими личными усмотрѣніями и соображеніями, не упуская изъ виду условій мѣстныхъ и временныхъ.

«Вы молоды и прекрасны, слѣдовательно кавалеры будутъ съ вами вѣжливы и внимательны, и вы скоро узнаете и изучите часто повторяемое слово «любезничать». Но опасайтесь этимъ вѣжливостямъ придавать большую важность; и знайте, что онѣ часто бываютъ внушеніемъ одного мгновенія, которое иногда ласкаетъ самихъ почитателей самолюбивою мыслію — быть во мнѣніи другихъ любезными, а часто также бываютъ эти вѣжливости привычкою кавалеровъ — говорить дамамъ льстивыми комплиментами. Умѣйте считать такія ласкательства тѣмъ, чѣмъ они есть въ своей сущности, то-есть, общежительнымъ пустословіемъ, вообще при всякомъ удобномъ случаѣ обыкновенно употребляемымъ. Не давайте излишней цѣны этой фальшивой монетѣ, при ея полученіи, и не считайте себя самихъ ничего незначащими, если обманчивый звукъ этой монеты не касается вашего слуха. Кавалеры по большей части стараются любезничать и ухаживать не около самой прекрасной, самой образованной, самой любезной дѣвицы, но чаще увиваются около самой тщеславной, легкомысленной, неимѣющей ни нѣжной чувствительности, ни осторожнаго благоразумія. Въ дѣвицѣ истинно благовоспитанной и благоразумной, обыкновенный комплиментъ, вмѣсто удовольствія, можетъ произвесть еще презрѣніе. Истинно чувствительную дѣвицу оскорбляетъ игра кокетства, возбуждающая общее вниманіе. Прекрасная дѣвица, коль-скоро привыкнетъ къ ласкательствамъ, то теряютъ онѣ въ глазахъ ея всю свою занимательность. Самая тщеславная суетность дѣвицъ, при точнѣйшемъ изслѣдованіи, не обольщается обыкновеннымъ родомъ ласкательства, и онѣ очень хорошо дѣлаютъ при этомъ, если обнаруживаютъ кавалерамъ, что комплименты ихъ принимаютъ съ тою же легкостію и невнимательностію, съ какою оные дѣлаются. Дѣвица, которая при всякой вѣжливости мужчины приходитъ въ замѣшательство и принимаетъ оную за важное обстоятельство, дѣлается смѣшною; а та, которая тѣмъ только и занята, чтобы ловить комплименты, чтобы обращать на себя вниманіе кавалеровъ изысканнымъ жеманствомъ и разнообразною искусною ловкостію, — дѣлается презрѣнною.

«Будьте вѣжливы, ласковы, привѣтливы и непринужденны въ обращеніи съ кавалерами; не будьте ни навязчивы, ни слишкомъ спѣсивы, а держите обыкновенный натуральный видъ и тонъ, всего же болѣе старайтесь заслуживать почтительное уваженіе отъ мужчинъ. Не смѣйтесь надъ всякою пустою шуткою, и не дѣлайте никому особеннаго предпочтенія предъ другими. При пожилыхъ и старшихъ кавалерахъ поступки ваши должны быть болѣе внимательны и почтительны; есть много незначащихъ дѣйствій, недозволенныхъ въ обращеніи съ молодыми людьми и допускаемыхъ въ обращеніи съ старшими кавалерами. Напримѣръ, если вы находитесь въ собраніи и не имѣете экипажа, чтобы отправиться домой, и знакомый пожилой кавалеръ предлагаетъ вамъ въ своемъ экипажѣ отвезти васъ туда, то можете принять это предложеніе безъ всякаго сомнѣнія, между-тѣмъ, какъ подобное согласіе на предложеніе молодаго кавалера было бы очень большою неосторожностію. Первому можете подать радушно руку, а послѣднему не должны; со старикомъ можете разговаривать въ обществѣ долго и свободно, съ молодымъ — нѣтъ. Молодой дѣвицѣ неприлично встрѣчать кавалера, даже въ собственномъ своемъ домѣ; она и не провожаетъ его до дверей при отъѣздѣ послѣ сдѣланнаго посѣщенія; не беретъ у него ни палки, ни шляпы, чтобы положить ихъ на мѣсто. Вообще молодая дѣвица не должна принимать посѣщенія отъ молодаго кавалера, особенно когда она дома; она не ведетъ никакой переписки безъ вѣдома родителей или родственниковъ, и не назначаетъ по своему произволу никакихъ посѣщеній.

«Короче сказать, невозможно внушить и сдѣлать достаточныхъ предостереженій, необходимыхъ въ обращеніи молодыхъ дѣвицъ съ мужчинами. Свѣтъ судитъ очень строго: одна неумышленная оплошность, замѣченная и перетолкованная въ дурную сторону, можетъ погубить ваше доброе имя, и будьте увѣрены, что каждый шагъ, каждый взглядъ подстерегается тысячею глазъ, каждое малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ общимъ употребленіемъ правилъ приличія замѣчается, увеличивается и безжалостно отдается на безпощадный общій судъ. Правила общежительныхъ приличій предписываютъ молодымъ дѣвицамъ высшаго круга ограниченные предѣлы, и воспрещаютъ имъ многія маловажныя свободныя дѣйствія, стѣсненіе и отнятіе которыхъ часто бываетъ очень тягостно. Но горе той дѣвицѣ, которая считаетъ это за ни что! Конечно есть женщины, которыя, предоставляя излишнее

стремленіе свободѣ духа, выступаютъ изъ границъ своего пола, и, презирая всѣ мелочныя свѣтскія отношенія, даютъ отчетъ въ своихъ поступкахъ только внутреннему суду своей совѣсти; но это никогда не остается безнаказанно. На нихъ смотрятъ какъ на блестящую комету, и хотя удивляются имъ, но это удивленіе у большаго числа зрителей почти тоже, что презрѣніе; говорятъ объ нихъ, разносятъ объ нихъ слухи, и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣхаются надъ ними; а при этомъ отзывѣ гибнетъ и теряется самое лучшее — священнѣйшее для дамы — доброе имя ея, и она тогда уже только съ сожалѣніемъ узнаетъ печальныя послѣдствія удаленія своего отъ предписанныхъ границъ, когда устарѣетъ и увидитъ себя совершенно одинокою и оставленною. Свой, женскій полъ, презираемый ею, не принесетъ ей тогда никакого утѣшенія, а мужчины, нетерпящіе никакого необыкновеннаго сужденія изъ старыхъ, изсохшихъ устъ, оставятъ это жалкое и несчастное созданіе, которое вмѣстѣ съ умомъ погубило, умертвило свое сердце.

«По этому, юныя подруги мои, не пренебрегайте судомъ свѣта, исполняйте съ радушіемъ мои добрые совѣты, и будьте увѣрены, что никто благомыслящій не презритъ ихъ».

Я выписалъ бы еще кое-что изъ этой книжечки, но боюсь сдѣлать подрывъ баронессѣ Икскюль, которой переводъ будетъ имѣть на Руси необычайный успѣхъ, потому-что у насъ давно уже чувствовался недостатокъ именно въ этомъ родѣ дамской литературы.

Переводъ отличается прекраснымъ, плавнымъ языковъ, какимъ обыкновенно говорятъ особы, только-что вышедшія изъ пансіона, для которыхъ собственно и назначено это сочиненіе. Тутъ все понятно и ясно, хотя эта ясность придумана исключительно на погибель намъ, мужчинамъ. Но что дѣлать! Непонятно только, какъ переводчица напустила въ такую милую книжечку *сихъ* и *оныхъ*, которые иногда суютъ свой носъ даже туда, куда имъ вовсе не слѣдуетъ проникать, именно въ дамскіе будоары, и такъ далѣе.

Вообще, опытныя дамы найдутъ тамъ и сямъ противорѣчія и темныя мѣста,—что съ ними станешь дѣлать!...

Очень мило изложено также о танцахъ; только одно мѣсто слишкомъ прозаично, гдѣ дается совѣтъ танцующей дѣвицѣ:

«Не держитесь за руку *своего* кавалера такъ крѣпко, какъ будто-

бы боялись, что онъ можетъ вырваться отъ васъ, но кладите руку *свою* въ руку танцора *своею* съ такою же легкостію и спокойствіемъ, какъ кладете оную на ручки вашего дивана или креселъ.»

Какъ будто кавалеръ—изъ краснаго или чорнаго дерева, изъ котораго обыкновенно дѣлаются диваны и кресла!

Книги для первоначальнаго образованія:

Сельское чтеніе. *Четыре книжечки, изданныя* кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. *Спб. 1851 и 1852 г., въ 12 д. л.*

Начальныя основанія Химіи, В. Реньо. *Переводъ* П. Егорова, *съ 8-ю таблицами чертежей. Спб., 1852 г, въ 8-ю д. л.*

Общепонятная практическая перспектива, *съ 155-ю гравированными рисунками.* Соч. профессора перспективы Тено; перевелъ съ французскаго П. Осиповъ. *Спб., 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Полная русская хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ. *Изданіе пятое, съ перемѣнами. Три тома. М., 1852., въ бол. 8. д. л., 1,204 стр.*

Нѣмецкая Хрестоматія, 1-й курсъ, составленная г. Бейзертомъ. *Спб., 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Къ книгамъ для первоначальнаго обученія отнесемъ и книги для первоначальнаго чтенія:

Историческія повѣсти для дѣтей. Соч. Евгенія Лунскаго (С. К.), *съ четырьмя раскрашенными картинками. Спб., 1852 г.*

Маленькіе натуралисты, или семейныя бесѣды о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ. Соч. г-жи Ульякъ-Тремадеръ. Переводъ г-жи Ротчевой. *Два тома. Спб., 1852 г., въ 12-ю д. л. 462 и 499 стр.*

Лучшая изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь книжекъ—«Маленькіе натуралисты», прекрасное изданіе, которое непремѣнно будетъ имѣть большой успѣхъ, потому-что составлено очень умно, и весьма хорошо переведено на русскій языкъ. Наружность этого изданія говоритъ въ его пользу: печать, бумага, рисунки—все хорошо. Чтобы ближе познакомить людей, могущихъ интересоваться этимъ изданіемъ, выписываемъ предисловіе, въ которомъ переводчица говоритъ о причинахъ, побудившихъ ее перевести этотъ милый женско-ученый трудъ, и о достоинствахъ которыя она сама нашла въ немъ.

«Когда я рѣшилась переводить предлагаемую мною книгу, я увлеклась не наукой, въ которой не имѣла спеціальныхъ достаточныхъ познаній, и не могла опредѣлять непогрѣшимости ея въ отношеніи къ тремъ царствамъ природы. За ученое достоинство книги мнѣ ручалось то, что она принята во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи, какъ руководство къ подробнѣйшему объясненію краткихъ лекцій преподавателей естественной исторіи. Итакъ, я увлеклась не ученымъ ея изложеніемъ, но религіознымъ, нравственнымъ направленіемъ цѣлаго творенія. Занимаясь умственнымъ образованіемъ своихъ дѣтей, я чувствовала нужду въ такой книгѣ, и когда нашла ее, почла долгомъ подѣлиться съ тѣми изъ родителей и наставниковъ, которымъ важны будутъ первыя добрыя впечатлѣнія дѣтей. Зная по опыту, какъ тяжело бываетъ на жизненномъ пути, если убѣжденіе въ истинѣ освѣщаетъ одинъ холодный разумъ, не касаясь нашего сердца, я передовалась, наполнивъ въ книгѣ г-жи Трембле полное развитіе религіозной идеи, нерѣдко выпускаемой изъ виду родителями при воспитаніи дѣтей.

«Величайшая ошибка, свойственная многимъ воспитателямъ, есть увѣренность, что дѣти не въ состояніи понять высокаго. Мнѣ всегда казалось, что еслибы наставникъ изучилъ младенческій языкъ ихъ, онъ увидѣлъ бы, что все прекрасное и истинное доступно дѣтямъ. Такъ есть зеркала, уменьшающія предметы, но не искажающія ихъ. Я предлагаю здѣсь не теорію. По необходимости и призванію, я прилагала случай приложить слова свои къ практикѣ, и полный успѣхъ увѣнчалъ мои старанія. И приложеніе это не требуетъ особеннаго труда: дѣти сами помогаютъ намъ, указываютъ путь къ своему сердцу, учатъ насъ своему языку. Они долго подчиняются однимъ впечатлѣніямъ

ощущеніямъ; видъ природы первый привлекаетъ ихъ вниманіе и поражаетъ младенческій умъ. Дитя, ловящее бабочку, срывающее и разсматривающее цвѣтокъ, слѣдующее за трудолюбивымъ муравьемъ или заботливою пчелою, предается не одной живости своего возраста и потребности перемѣнять мѣсто отъ избытка физическихъ силъ; нѣтъ, наблюдательный наставникъ видитъ въ этомъ выраженіе внутренняго чувства, глубокаго и возвышеннаго; въ простодушной радости ребенка при видѣ окружающей его природы отражается пытливость и благоговѣніе взрослаго человѣка. Это запахъ цвѣтка, пѣніе птички, безсознательная хвала Творцу: цвѣтокъ выражаетъ эту хвалу благоуханіемъ, птичка—мелодіей, а дитя—живостью и стремленіемъ къ внѣшнимъ предметамъ. Но живость обратится въ спокойное сознаніе, а стремленіе къ природѣ—въ жажду познаній, открывающихъ истину. Вотъ, по моему мнѣнію, съ какой точки должно смотрѣть на рѣзвость дѣтей, и вотъ гдѣ наставникъ можетъ почерпнуть всѣ свои доводы и убѣжденія. Естественная исторія говоритъ сердцу посредствомъ внѣшнихъ предметовъ, и готовитъ богатую почву для посѣянія слова Божія.

«Эта идея развита превосходно въ книгѣ госпожи Тремадёръ; вы видите въ ней постоянное стремленіе доказать дѣтямъ, что если милосердый Творецъ не забылъ малѣйшаго созданія, одаривъ его всѣми орудіями, сохраняющими жизнь и доставляющими наслажденія въ той средѣ, въ которой ему назначено жить, то могъ-ли онъ забыть человѣка, одѣлить его въ цѣпи существъ? Въ заключеніе своей книги сочинительница спрашиваетъ: не обязанъ ли человѣкъ безпредѣльною любовію и вѣрою къ Творцу, требующему, въ замѣнъ всѣхъ благъ, разсыпанныхъ на насъ—одной любви и повиновенія Его закону? Не развивая въ душѣ любви и нарушая законъ, гармонію, не лишаемся ли мы счастія, какъ на землѣ, такъ и за предѣлами гроба?

«Въ твореніи госпожи Тремадёръ я увлеклась прекраснымъ развитіемъ религіозной идеи, наглядно и нечувствительно внушающей дѣтскому сердцу вѣру и покорность волѣ всевышняго Творца! Если трудъ мой принесетъ хоть каплю добра, заронитъ хоть искру любви и преданности въ юныя души—я вполнѣ награждена.»

«Книга эта унесла четыре года моей жизни. Я должна была преодолѣвать трудности, бороться съ тяжелыми препятствіями, изучать

предметъ, бывшій для меня новымъ въ подробностяхъ. Справка съ книгами, принятыми у насъ въ руководство по естественнымъ наукамъ, показала мнѣ ошибки, вольныя и невольныя, моего предмета. Чтобы переводъ мой не противорѣчилъ принятой у насъ системѣ, я должна была не только измѣнить, но и совершенно отвергнуть систему распредѣленія животныхъ, принятую госпожею Тремадёръ, и замѣнить ее системою господина профессора Фишера.

«Если я не избѣгла ошибокъ, это меня не удивитъ нисколько, и я съ благодарностью приму всякое указаніе, требующее поправокъ. Впрочемъ, я желала бы, чтобы на трудъ мой смотрѣли такъ же, какъ я смотрѣла на трудъ госпожи Тремадёръ: это книга не ученая; но она не даетъ ошибочныхъ понятій дѣтямъ о естественной исторіи; наука въ ней не цѣль, а рамка, въ которую сочинительница вставляетъ безпрерывную цѣпь существъ, доказывающихъ могущество и милосердіе Творца.»

Послѣ предисловія, переводчица нашла нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку:

«Почитаю долгомъ сказать, что мой переводъ не подстрочный: въ иныхъ мѣстахъ я отступала отъ подлинника, и замѣняла его тѣмъ, что мнѣ казалось приличнѣе и доступнѣе дѣтямъ. Относительно классификаціи животныхъ вообще, позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, я рѣшительно не слѣдовала за сочинительницей, и помня, что книга моя будетъ читана русскимъ юношествомъ, приняла систему животнаго царства профессора московскаго университета, господина Фишера....»

Чтобы сдѣлать науку естественной исторіи доступною самому нѣжному, невнимательному, разсѣянному и шаловливому возрасту, г-жа Тремадёръ излагаетъ дѣтямъ естественную исторію въ разговорахъ. Для образца какъ удачно задуманъ трудъ г-жи Тремадёръ, выписываемъ начало перваго томика:

«Овчарка.—Собаки Мексики и Виргиніи.—Ракунъ.—Инстинктъ собакъ. Господинъ Дервиль возвращался однажды вечеромъ съ прогулки; съ нимъ были дѣти его, Амедей и Цецилія. Для сокращенія пути, они пошли проселочною дорогою, встрѣтили стадо овецъ, поднявшее облако пыли, и остановились, чтобы дать ему пройти. Вслѣдъ за стадомъ шелъ пастухъ, спокойно куря трубку,

между-тѣмъ, какъ большая собака его бѣгала взадъ и впередъ, собирая разбредшихся овецъ: однѣ отстали, другія разбѣжались по оврагамъ и щипали освѣженную прохладой траву.

—«Чего ты боишься?» спросилъ господинъ Дервиль у дочери, прижимавшейся къ нему всякой разъ, какъ собака подбѣгала слишкомъ близко къ тому мѣсту, гдѣ они стояли.

—«Не бойся! говорилъ Амедей: собака очень занята своими овцами и вовсе не думаетъ о тебѣ.»

—«Какой у нея злой видъ! отвѣчала испуганнымъ голосомъ Цецилія.

—«Это не мѣшаетъ ей быть такою же доброй, какъ и прочія собаки; неправда ли, папенька? сказалъ Амедей.»

—«Такъ точно, сынъ мой: собака не только доброе, но и понятливое созданіе, благодаря природному ея инстинкту. Собака, которую мы видимъ, называется овчаркою или пастушеокою собакой; она рано понимаетъ, что хлѣбъ, растущій на поляхъ, есть запрещенная пища для овецъ, что хозяинъ тщательно бережетъ его; посмотри, какъ ловко она принуждаетъ овецъ повиноваться такому запрещенію и уважать его. Самъ пастухъ безпечно идетъ за стадомъ, мало заботится о немъ; онъ знаетъ, что у него есть умный, преданный, усердный и вѣрный слуга, понимающій всю важность возложенной на него обязанности. Слышишь, какъ лаетъ овчарка?

Цецилія. Я увѣрена, что она до-крови кусаетъ бѣдныхъ овецъ!

Г-нъ Дервиль. Еслибы и кусала, то сквозь густую шерсть овцы собака не можетъ прокусить ее, а впрочемъ овчарку отучаютъ отъ привычки кусаться.

Цецилія. Зачѣмъ пастухи не держатъ пуделей или лягавыхъ? Они красивѣе; содержаніе ихъ не стоило бы дороже, и достать ихъ нетруднѣе.

Г-нъ Дервиль. Можетъ-быть; но пуделя и лягавую собаку нетакъ легко пріучить стеречь стадо, между-тѣмъ какъ овчарка родится, такъ-сказать, совсѣмъ уже выученная, легко привыкаетъ къ стаду, стережетъ его. Этотъ инстинктъ такъ сильно въ ней развитъ, что пастуху ничего не значитъ довести его до совершенства.... Теперь пойдемъ далѣе, милыя дѣти.

—«Папенька! сказалъ Амедей, взявъ отца за руку: скажите мнѣ, гдѣ нашли первыхъ собакъ?

Г-нъ Дервиль. Это довольно трудно сказать, потому-что собаки водятся вездѣ, даже въ Америкѣ.

Амедей. Привезенныя Европейцами!...

Г-нъ Дервиль. Нѣтъ, мой сынъ. Во-время завоеванія Мехики Испанцами были уже извѣстны въ Америкѣ три породы собакъ; всѣ животныя были въ такомъ множествѣ въ пышной столицѣ Монтезумы, что когда Европейцы ощутили недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, они питались ими.

Амедей. Варвары! неужели они ѣли собакъ?

Г-нъ Дервиль. Какъ быть: голодъ былъ ужасный въ той части города, гдѣ жили Европейцы; ожесточенные жители остановили всякой подвозъ провизіи, чтобы понудить пришельцевъ оставить ихъ столицу. Мехиканскія собаки непохожи на нашихъ; у перуніанскихъ собакъ такая коротенькая шея, какъ-будто голова тѣсно соединена съ туловищемъ, очень сутуловатымъ; ихъ охотничьи собаки имѣютъ болѣе сходства съ нашими европейскими, но онѣ меньше ростомъ; видъ у нихъ угрюмый и дикій; есть еще замѣчательная порода въ Гвіанѣ, она совсѣмъ безъ шерсти; гладкая и мягкая кожа этихъ собакъ покрыта фіолетовыми и голубыми пятнами,—на головѣ и хвостѣ у нихъ—хохолки.»

Грамматика старославянскаго языка, *составленная* Петромъ Перевлѣсскимъ. *Спб., 1852 г., въ 8 д. л., 64 стран.*

Собственно это милая пародія на славянскую грамматику вообще! Особенный свѣтлый взглядъ, близкое знаніе дѣла и быстрое смѣканіе нуждъ учащихся, дали господину Перевлѣсскому возможность изложить правила древнеславянскаго языка на 64 стр.! Мы учились славянской грамматикѣ, видали разнаго рода и вида славянскія грамматики, но не видали ни одной въ 64 стр., изъ которыхъ

— 8 стр. посвящено введенію, въ 18 параграфовъ; значитъ приходится по 2¼ параграфа на страницу,

— 44 стр. — этимологіи,

— 3 стр. — орѳографіи и

— 9 стр. синтаксису.

Итого 64 стр. теоріи славянскаго языка.

— 4 стр. посвящено оглавленію,

— 5 стр.—предисловію, котораго конецъ составляетъ переходъ къ введенію, и этотъ переходъ, по моему мнѣнію, лучшее мѣсто во всей старославянской грамматикѣ. Вотъ онъ:

«ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, на Невскомъ проспектѣ, близъ Полицейскаго моста, *у П. А. Ратькова,* близъ Казанскаго моста, *у Ѳ. В. Базунова,*

ВЪ МОСКВѢ, на Тверской, въ домѣ Матлева, *у П. А. Ратькова,* на Страстномъ бульварѣ, *у И. В. Базунова,*

продаются слѣдующія изданія н. перевлѣсскаго:

1. НАЧЕРТАНІЕ РУССКАГО СИНТАКСИСА. 1848 г. Изд. 2-е. Ц. 75 копѣекъ.
2. РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНІЕ. 1849 г. Изд. 2-е. Ц. 25 копѣекъ.
3. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

   Выпускъ первый. Избранныя сочиненія Ломоносова. 520 стран. 1846 г. Ц. рубль.

   Выпускъ второй. Избранныя сочиненія Кантемира. 329 стран. 1849 г. Ц. 60 копѣекъ.

   Выпускъ третій. Избранныя сочиненія Тредьяковскаго. 266 стр. 1849 г. Ц. 60 копѣекъ.

При каждомъ изъ этихъ выпусковъ приложены портретъ автора, факсимиле, біографія и собраніе всѣхъ критическихъ статей о немъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.» (Стр. IX)

Этого, кажется, весьма достаточно, чтобы постигнуть главную мысль, которою руководствовался авторъ при составленіи своей многотрудной грамматики; мы не дерзали бы говорить объ этой кабинетной обмолвкѣ, еслибъ пагинація предисловія не подала къ тому повода..

Въ этомъ замѣчательномъ предисловіи, издатель «Начертанія русскаго синтаксиса», «Русскаго стихосложенія» и «Собранія сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей (Ломоносова, Кантемира и Тредьяковскаго) говоритъ «Необходимость *основательнаго* изученія старославянскаго языка давно сознана всѣми *преподавателями* и *распорядителями* учебныхъ заведеній, но еще несознана учащимся юношествомъ и ихъ родителями»; и потому господинъ Петръ Перевлѣсскій, желая привести въ сознаніе учащееся юношество и родителей, рѣшился *сочинить* грам-

матику въ 64 стр., чтобы не утомить учащихся и ихъ родителей, приводя тѣхъ и другихъ къ сознанію необходимости изученія славянскаго языка. Вотъ причина, побудившая автора водворить славянскій языкъ въ своей грамматикѣ; но онъ, къ несчастью, не водворился, убѣжалъ на старое мѣсто жительства, въ прекрасную краткую грамматику Пениинскаго, а въ грамматичкѣ г-на Перевлѣсскаго оставилъ только слабые слѣды своего временнаго въ ней пребыванія.

Не имѣю ни охоты ни времени углубляться въ этотъ загадочный трудъ издателя «Собранія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей»...

По части географіи вышло нѣсколько вторыхъ изданій и нѣсколько путевыхъ замѣтокъ;

Руководство къ географіи Россійской Имперіи. *Составленное* Иваномъ Павловскимъ. *Четвертое изданіе, исправленное и пополненное. Дерптъ. 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Это первая у насъ географія, въ которую весьма кстати введенъ историческій элементъ.

Учебная книга всеобщей географіи, *принятая для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Составилъ* А. Ободовскій. *Изданіе седьмое. Спб. 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Краткая всеобщая географія. *Составилъ* А. Ободовскій. *Съ 8-ю фигурами въ текстѣ и съ таблицею системъ міра, въ концѣ книги. Изданіе второе. Спб. 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Ободовскій умеръ, и потому, по поводу новыхъ изданій трудовъ его, скажемъ о немъ два слова.

Александръ Григорьевичъ Ободовскій родился 23 марта 1796 года, въ городѣ Галичѣ, костромской губерніи. Отецъ его былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ тамошнихъ врачей и, какъ человѣкъ просвѣщенный, вселилъ въ своемъ сынѣ любовь къ наукамъ и между-прочимъ склонность къ медицинѣ, къ которой Ободовскій во всю жизнь имѣлъ особенное влеченіе. Онъ началъ свое образованіе въ с. петербургской гимназіи, единственномъ тогда у насъ заведеніи, гдѣ древніе языки были преподаваемы основательно; впослѣдствіи былъ отправленъ за-границу, гдѣ всего болѣе на него подѣйствовало пребываніе у Песталоцци. Черезъ три года онъ возвратился въ отечество, и поступилъ въ не-

большое заведеніе, гдѣ, подъ руководствомъ опытнаго ветерана-педагогики, Ѳ. И. Миддендорфа, былъ вмѣстѣ и надзирателемъ и почти единственнымъ преподавателемъ. Тутъ Ободовскій принялъ на себя преподованіе географіи, и предался этой обязанности съ энтузіазмомъ. Впослѣдствіи, когда Учительскій Институтъ былъ преобразованъ въ Третью Гимназію, Ободовскій продолжалъ въ ней преподаваніе науки землевѣдѣнія; а нѣсколько лѣтъ спустя, занималъ каѳедру статистики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Съ 1826 года онъ былъ инспекторомъ классовъ въ Воспитательномъ Домѣ. Кромѣ главнаго надзора за обученіемъ, Ободовскій принималъ участіе и въ самомъ преподованіи, и послѣдовательно читалъ въ разныхъ классахъ этого заведенія педогогику, дидактику, энциклопедію медицинскихъ наукъ, начальныя основанія технологіи, физики и естественной исторіи, русскую грамматику и словесность.

Сдѣлавшись отцомъ многочисленнаго семейства, онъ посвящалъ свои короткіе досуги составленію разныхъ общеполезныхъ руководствъ, какъ по части педагогики, такъ и въ особенности любимыхъ имъ наукъ географическихъ. Такимъ-образомъ въ 1834 году вышли его «Начальныя основанія космографіи или основаніе устройства вселенной», съ атласомъ; въ 1835 «Руководство къ педагогикѣ или наукѣ воспитанія», составленное на основаніи знаменитаго творенія Нимейера; а два года спустя «Руководство къ дидактикѣ или наукѣ преподаванія», два сочиненія, которыми Ободовскій первый проложилъ у насъ стезю въ области педагогической литературы; въ 1836 г. вышла «Математическая географія»; въ 1838 году «Теорія статистики», увѣнчанная при демидовскомъ конкурсѣ 1839 года преміею; въ 1844 г. его учебная книга «Всеобщей географіи», которая была принята учебнымъ руководствомъ во всѣхъ гимназіяхъ, и которая передъ самою смертью автора вышла 7-мъ, исправленнымъ изданіемъ; и наконецъ, очень-полезное для обучающихся географіи «Обозрѣніе земнаго шара». Въ послѣдніе годы жизни онъ занимался составленіемъ полнаго учебнаго атласа новѣйшей географіи, который почти совершенно приведенъ къ окончанію. Сверхъ-того Ободовскій, первый основалъ у насъ періодическое изданіе, посвященное педагогикѣ.

Указатель Москвы. Составилъ М. Захаровъ. *Часть вторая. Москва 1852 г., въ 12-ю д. л.*

Вторая часть этого Указателя посвящена исключительно промышлености. Выписываемъ изъ предисловія этой книжечки нѣкоторыя мѣста, дающія довольно близкое понятіе объ обширной московской промышлености, питающей всю Россію:

«Внутренніе хлѣбородныя губерніи снабжаютъ Москву жизненными припасами, не только для жителей столицы, но и для всего населенія московской губерніи, которое, вмѣстѣ съ прибылымъ рабочимъ народомъ, простирается почти до *полутора милліона* человѣкъ; Южная Россія разными предметами хозяйства, преимущественно шерстью, скотомъ, конопляннымъ масломъ и, съ недавняго времени, новымъ топливомъ, — одесскимъ антрацитомъ; изъ при-каспійскихъ и юго-восточныхъ губерній Москва получаетъ произведенія Персіи, Закавказья и рыбныхъ промысловъ волжскаго низовья; порты Балтійскаго, Черпаго и Азовскаго морей присылаютъ Москвѣ первообразные, полуобработанные и колоніальные товары и мануфактурныя произведенія Европы; Сибирь и сѣверовосточныя губерніи доставляютъ ей избытки горнозаводской промышлености, пушныхъ промысловъ и торговыхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, Бухарою и среднею Азіею вообще.

«Въ свою очередь, Москва доставляетъ приготовляемыя на ея мануфактурахъ издѣлія, также какъ и привозныя сюда колоніальные, азіятскіе и другіе товары, на всѣ рынки, ярмарки и промышленые пункты Имперіи, откуда они уже переходятъ за границу, достигая самыхъ отдаленныхъ точекъ земнаго шара. До чего важно значеніе Москвы, какъ средоточнаго торговаго пункта всей Россіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

«Казань, Нижній-Новгородъ и Владиміръ лежатъ на пути, которымъ идутъ чай изъ Кяхты и пушные товары изъ Сибири; но бо̀льшую часть потребностей своихъ въ этихъ товарахъ закупаютъ, послѣ Нижегородской-ярмарки, въ Москвѣ (такъ же какъ и многіе торговцы изъ другихъ губерній, посѣщающіе ярмарку). Первообразные и полуобработанные матеріялы, красильныя вещества и иностранныя мануфактурныя издѣлія, отправляемыя изъ С.-Петербурга въ Москву, проходятъ черезъ тверскую губернію; но всѣ города и фабрики этой губерніи запасаются ими въ Москвѣ. Шуйскіе и ивановскіе фабриканты могутъ получать все количество англійской бумажной пряжи и коло-

ціальныхъ товаровъ, водою, прямо изъ С.-Петербурга; но они пріобрѣтаютъ эти товары преимущественно въ Москвѣ, гдѣ пользуются кредитомъ у капиталистовъ, получающихъ необходимые для нихъ предметы изъ первыхъ рукъ. Орловская, тульская и рязанская губерніи, черезъ которыя проходятъ всѣ транспорты шерсти, снабжаются этимъ матеріяломъ, бо̀льшею частью, изъ Москвы, а не изъ южныхъ губерній. Суконные фабриканты кіевской и волынской губерній покупаютъ красильныя вещества только лишь отчасти въ Одессѣ, болѣе же въ Москвѣ. Словомъ-сказать, Москва есть главное складочное мѣсто для всѣхъ цѣнностей, которыми питаются торговые обороты Имперіи....

«Чтобы еще осязательнѣе можно было судить о важности Москвы въ этомъ отношеніи, достаточно взглянуть на количество тяжестей, привозимыхъ ежегодно сюда по всѣмъ направленіямъ, сухимъ путемъ. На основаніи среднихъ выводовъ изъ пятилѣтія (1847 — 1851 гг.), можно положить, что въ Москву привозится каждогодно, круглымъ числомъ, до *девяноста милліоновъ пудовъ*, что̀ дастъ на каждый день слишкомъ *двѣсти сорокъ тысячъ пудовъ* *. С.-петербурго-московская желѣзная дорога, сократившая семисотверстное разстояніе между обѣими столицами на одни сутки, должна придать новую жизнь этому движенію, усилить его; предполагаемыя (частными компаніями) желѣзныя дороги, — одна до Коломны, этого Кронштадта Москвы, другая до Серпухова, также выгодно подѣйствуютъ на усиліе перевоза по этимъ трактамъ; развитіе пароходства по Волгѣ съ ея притоками навѣрно будетъ благотворно для расширенія многихъ торговыхъ операцій, имѣющихъ отношеніе къ Москвѣ. И такимъ-образомъ пред-

* Въ этомъ количествѣ заключаются и всѣ предметы потребленія (хлѣбъ, мясо, соль, огородные овощи и т. п.), предметы хозяйства (сѣно, строительные матеріалы и проч.), и наконецъ относящіеся къ фабрикамъ и ремесламъ. Замѣтимъ слѣдующія статьи привоза: сахару и сахарнаго песку привозится въ Москву до 240,000 пудовъ; чаю и кофе болѣе 150,000 пудовъ; табаку слишкомъ 2,000 возовъ, москательнаго товару, красильныхъ и химическихъ матеріяловъ около 13,000 возовъ; металловъ и разныхъ издѣлій изъ нихъ слишкомъ 50,000 возовъ; стекла и издѣлій изъ него до 4,500 возовъ, цѣннаго дерева (краснаго, орѣховаго, и т. п.) до 5,000 возовъ; шерсти почти до 500,000 пудовъ; хлопчатой бумаги, шелку, суконъ и другихъ мануфактурныхъ произведеній около 14,000 возовъ; машинъ для фабрикъ до 1,500 возовъ.

ставленная нами цыфра движенія привоза въ Москву, безъ сомнѣнія, должна увеличиться съ теченіемъ времени *.

«Съ другой стороны, въ промышленномъ отношеніи, заключая въ себѣ всѣ отрасли искусствъ и ремеслъ, всѣ основныя и вспомогательныя начала, содѣйствующія развитію мануфактурной дѣятельности, Москва, удовлетворяя, посредствомъ ихъ, потребностямъ не одного милліона людей, въ тоже время служитъ средоточіемъ, откуда берутъ необходимыя силы мануфактуристы другихъ губерній для своихъ заведеній. Москва снабжаетъ ихъ мастерами, колористами, механиками; изъ Москвы они выписываютъ жакардовы снаряды, суконные аппараты и вообще бо́льшую часть машинъ (хотя бы дѣло шло черезъ посредство иностранныхъ коммиссіонеровъ); въ Москвѣ запасаются они всѣми необходимыми матеріялами, до фабричнаго производства относящимися; изъ Москвы получаютъ главныя техническія нововведенія, начиная отъ изобрѣтеній механики до модныхъ рисунковъ матерій.»

Соберемъ теперь данныя, разсѣянныя въ «Указателѣ». Промышленность и торговля Москвы представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: заводовъ 171, фабрикъ 565, ремесленныхъ заведеній 3,897, всего 4,633; на нихъ работаютъ 68,500 человѣкъ; сумма годоваго производства 29 милліоновъ рублей серебромъ. Магазиновъ 412, лавокъ 5,737, разныхъ торговыхъ заведеній 1,546, всего 7,695; сумма годоваго оборота на 63½ милліоновъ рублей серебромъ.

Такимъ-образомъ, общій годовой итогъ торговыхъ оборотовъ Москвы простирается до *девяноста двухъ съ половиною милліоновъ рублей серебромъ*. Но это число, показанное приблизительно, далеко не можетъ дать истиннаго понятія о торговомъ движеніи столицы и обращеніи въ ней капиталовъ, потому-что, не говоря уже о несовершенной точности показаній производителей и торговцевъ, главнѣйшіе торговые обороты, особенно неограничивающіеся одною столицею, остаются болѣе или менѣе неизвѣстными.

Нельзя не замѣтить и самаго размѣщенія промышленныхъ заведеній. Такъ, заводы и фабрики находятся преимущественно въ отдален-

* Касательно движенія товаровъ изъ Москвы, мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній; но судя по даннымъ относительно сбыта разныхъ московскихъ издѣлій, можемъ съ полною вѣроятностью заключить, что цыфра отвоза также должна быть довольно значительна.

ныхъ частяхъ столицы, въ предмѣстіяхъ и даже за городомъ; ремесленыя заведенія, напротивъ, находятся особенно въ частяхъ, составляющихъ центръ города, (Тверской, Мясницкой и Срѣтенской)*. Наибольшее число заводовъ въ частяхъ: Серпуховской 51 и Пречистенской 23; наименьшее въ Мясницкой, Арбатской и Срѣтенской, по 1. Въ частяхъ Городской, Тверской и Пречистенской вовсе нѣтъ заводовъ. Фабрикъ наибольшее число въ частяхъ: Лефортовской 157, Серпуховской 84, Басманной 73 и Рогожской 61; наименьшее: въ Городской 6, Пречистенской и Арбатской по 2.

Далѣе господинъ Захаровъ пишетъ:

«Изъ подробнаго исчисленія заводовъ, фабрикъ и ремесленыхъ заведеній, находящихся въ Москвѣ, читатель можетъ видѣть, какъ должны быть разнообразны производимыя ими издѣлія. При этомъ понятно, что не всѣ же отрасли промышлености Москвы достигли одинаковой степени развитія, не всѣ же равно удовлетворительны. Особенную, заслуженную извѣстность пріобрѣли произведенія фабрикъ шелковыхъ **, парчевыхъ, суконныхъ, шерстяныхъ, ситцевыхъ, бумажноткацкихъ, шерстяныхъ, и вообще производящихъ смѣшанныя матеріи, которыя у здѣшнихъ мануфактуристовъ отличаются и новизною рисунка (главное условіе), и прочностью цвѣтовъ (колеровъ); фабрики металлическихъ издѣлій, машинъ, парфюмерныя и экипажныя тоже могутъ быть причислены сюда. Изъ заводовъ назовемъ кожевенные

* Исключеніе составляютъ лишь тѣ ремесла, которыя, по роду своего производства, служа вспомогательными для другихъ ремеслъ, не имѣютъ нужды къ вывѣскахъ, или такія, для которыхъ относительно помѣщенія главное условіе составляетъ дешевизна. Въ перечнѣ разнаго рода ремеслъ указаны преимущественно извѣстнѣйшія заведенія; при нѣкоторыхъ же обращено вниманіе на то, въ какой степени служатъ они вспомогательными для другихъ производителей.

** Замѣтимъ кстати, что шелковая фабрикація, древнѣйшая въ Россіи, процвѣтавшая въ Москвѣ еще при Борисѣ Годуновѣ, и въ настоящее время сосредоточивается въ Москвѣ и одномъ изъ ея уѣздовъ, (Богородскомъ) гдѣ находится болѣе восьмидесяти шелковыхъ фабрикъ. Нельзя также не обратить вниманія на предполагаемую здѣшними фабрикантами размотку закавказскихъ шелковыхъ коконовъ въ Москвѣ, чему уже и положено начало, благодаря дѣятельности Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и предпріимчивости нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, очень дѣльно принявшихся за эту новую отрасль промышлености.

и солодяные, шелкомотальные, пивоваренные, стеариновыхъ свѣчъ и чугунно-литейные; изъ ремесленыхъ заведеній (кромѣ тѣхъ, которыя служатъ почти исключительно для потребностей жителей столицы): бронзовыя, золотопрядильныя, иконописныя, инструментальныя, кузнечныя, машинныя, мебельныя, мѣдныя, обойныя, оптическія, органныя, переплетныя, рѣзныя по дереву и золотарныя, серебряныя, скорняжныя, сусальнаго золота и серебра, и шляпочныя. Многія изъ фабричныхъ и ремесленыхъ заведеній, служащихъ вспомогательными для другихъ производствъ (красильныя, отбѣльныя, отдѣлочныя, аппретурныя и т. п.) значительно содѣйствуютъ улучшеніямъ, замѣчаемымъ въ издѣліяхъ нѣкоторыхъ фабрикъ, находящихся въ московской губерніи».

Путешествіе изъ Петербурга до Нижняго-Новгорода водянымъ путемъ. Соч. Статскаго Совѣтника В. Беккера. *Москва, 1852 года.*

Поѣздка въ Остзейскія губерніи. Статскаго Совѣтника В. Беккера. *Москва, 1852 года.*

Воспоминанія о Саратовской губерніи. Статскаго Совѣтника В. Беккера. *Москва, 1852 г.*

Астрахань и Астраханская губернія, описаніе края и общественной и частной жизни его. Изданіе. Н. Ер—кова. *Москва 1852 г.*

Памятная Книжка *Виленской губерніи на 1852 г. 2 части. Вильна 1852 г., въ 8-ю д. л., 137 и 223 стр.* Первая часть Памятной Книжки посвящена росписи праздниковъ, статскихъ и торжественныхъ дней, росписанію всѣхъ чиновъ въ губерніи и вилесскихъ адрессамъ. Вторая часть имѣетъ заглавіе: *Историческо-статистическіе очерки виленской губерніи, изданы, съ разрѣшенія начальства, виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ.*

Вся эта часть весьма любопытна. Это краткое и сжатое извлеченіе изъ всего, что было писано о великомъ княжествѣ Литовскомъ въ различныя времена, въ различныхъ странахъ и на различныхъ языкахъ. Многіе источники, изъ которыхъ почерпнуты эти свѣдѣнія, частью сдѣлались весьма рѣдки, частью недоступны для большинства русскихъ читателей. Этотъ сжатый перечень событій, случившихся въ виленской губерніи, можетъ принести большую пользу

для тѣхъ, кто хотѣлъ бы близко познакомиться съ исторіею литовскаго края, кто хотѣлъ бы пояснить себѣ тѣ общія мѣста о великомъ княжествѣ Литовскомъ, которыя встрѣчаются обыкновенно въ нашихъ русскихъ исторіяхъ, и даютъ довольно слабое и темное объ немъ понятіе.

Три четверти этой второй части (148 страницъ) посвящены: хронологическому перечню достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 года, статья А. *Киркора*. Этотъ хронологическій перечень раздѣляется на пять періодовъ, заключающихъ: 1) Народы населяющіе нынѣшнюю виленскую губернію, событія предъ-историческія, до 1226 г. — 2) Литва самостоятельная, или великое княжество Литовско-Русское, съ 1226 по 1387. — 3) Борьба за независимость, съ 1387 по 1569. — 4) Владычество Польши, съ 1569 по 1795. — 5) Виленская губернія, съ 1795 по 1852. За этимъ слѣдуютъ перечни: 1) владѣтельныхъ государей виленской губерніи; 2) главноначальствовавшихъ надъ краемъ, занимаемымъ нынѣшнею виленскою губерніею, то-есть, виленскихъ воеводъ, троцкихъ воеводъ, литовскихъ и виленскихъ военныхъ губернаторовъ и генералъ губернаторовъ; 3) православныхъ митрополитовъ Западной Руси (статья А. Кандидова) и 4) виленскихъ епархіальныхъ римско-католическихъ епископовъ (ст. прелата Мамерта Гербурта).

Вторая большая и весьма замѣчательная статья того же автора, господина Киркора, — очерки городовъ виленской губерніи, то есть Вильны, Троковъ, Ошмяны, Свенцянъ, Вилейки и Дисны.

Въ заключеніи находимъ статистическія свѣдѣнія.

Еслибъ у насъ были такія памятныя книжки для каждой губерніи, знаніе отечественной исторіи, географіи и статистики нетолько быстро подвинулось бы впередъ, но намъ стыдно было бы не знать того, въ чемъ теперь мы обыкновенно отговариваемся неимѣніемъ источниковъ, откуда можно бы почерпнуть необходимыя свѣдѣнія. Нельзя не поблагодарить отъ души виленскій статистическій комитетъ за такое прекрасное изданіе, и не пожелать, чтобы этотъ трудъ послужилъ образцомъ для подобныхъ памятныхъ книжекъ другихъ губерній.

Для образца, какъ составлена эта прекрасная книжка, выписываемъ перечень событій 1812 года, случившихся въ литовскомъ краѣ:

«1812. Въ достопамятную отечественную войну, виленская губернія, а въ особенности г. Вильна занимали немаловажное мѣсто. 14 апрѣля, въ 2 часа пополудни, громъ орудій и колокольный звонъ возвѣстили жителямъ г. Вильны прибытіе Императора Александра. Государь встрѣченъ былъ главнокомандующимъ 1-ю русскою арміею, Барклаемъ-де-Толли, въ предмѣстьѣ Антоколь; здѣсь же ожидали Его Величество виленскій магистратъ, всѣ городскіе цѣхи съ знаменами и литаврами, кагалъ еврейскій съ десятословіемъ и хлѣбомъ, и тысячи народа. Монашествующее римско-католическое духовенство со Св. Крестомъ встрѣчало Императора при костелахъ Іисуса Христа и св. Петра; Государь съ многочисленной свитой ѣхалъ верхомъ, среди безчисленнаго множества народа, такъ-сказать, залившаго собою нетолько улицы и площади, но антокольскіе холмы, башни костеловъ, крыши домовъ. При каѳедральномъ римско-католическомъ соборѣ ожидалъ виленскій капитулъ въ торжественномъ облаченіи, со всѣмъ свѣтскимъ духовенствомъ; отъ замковыхъ воротъ (нынѣ несуществующихъ) до воротъ академическихъ по одну сторону улицы стояло въ три шеренги войско, а по другую тысячи народа; отъ академическихъ воротъ до самаго дворца, на всемъ протяженіи Святоянской и Дворцовой улицы, студенты университета и воспитанники гимназіи со всѣми профессорами и учителями въ одной длинной шеренгѣ; наконецъ, въ самомъ дворцѣ всѣ военные и гражданскіе чины, правленіе университета и многочисленное дворянство. На другой день Государь Императоръ принималъ духовенство и всѣ власти, а также чины университета, магистратъ, купечество и кагалъ. Всѣ знатнѣйшіе сановники и дворяне были приглашены къ столу Его Величества. 21 числа, въ первый день Свѣтлаго Праздника, Государь Императоръ, въ присутствіи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ и множества дамъ, изволилъ находиться у заутрени и вслѣдъ за тѣмъ слушалъ Божественную литургію въ дворцовой часовнѣ; послѣ принималъ поздравленія. Въ тотъ же день были большіе маневры на Погулянкѣ. 23 пріѣхали въ Вильну Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій Георгій и Герцогъ Августъ, ревельскій военный генералъ-губернаторъ. 25 Государь Императоръ удостоилъ своимъ присутствіемъ великолѣпный, данный дворянствомъ балъ (въ домѣ Пана, гдѣ нынѣ квартира корпуснаго командира). Тамъ были приготовлены аллегорическіе хра-

сфаранты, приличныя торжеству кантаты, музыка вокальная и инструментальная. 26 апрѣля Императоръ Александръ изволилъ отправиться въ Вилькомиръ и Шавли, откуда возвратился 30 числа. Сверхъ того, Государь Императоръ неоднократно отправлялся изъ Вильны для осмотра 1-й арміи, состоявшей подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, расположенной по Нѣману, отъ Россіенъ до Лиды, а въ окресностяхъ Вильны производилъ смотры гвардейскимъ полкамъ и резерву. 17 мая Государь ѣздилъ въ Гродно. 15 іюня Императоръ Александръ опять отправился осматривать войска. Во все время пребыванія Государя въ Вильнѣ находились при Его Величествѣ: Барклай-де-Толли, генералъ Коновницынъ, князь Волконской, баронъ Бенингсенъ, Балашовъ, Аракчеевъ, д. т. с. графъ Кочубей и вице-адмиралъ Шишковъ. Здѣсь же, въ Вильнѣ, Государь, получивъ извѣстіе о переходѣ наполеоновскихъ полчищъ черезъ Нѣманъ, писалъ, 13 іюня, къ предсѣдателю государственнаго совѣта, графу Салтыкову о необходимости поднять оружіе. 23 іюня данъ былъ великолѣпный балъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Бенингсена, (бывшемъ іезуитскомъ монастырѣ). Ночью получено извѣстіе о приближеніи непріятеля. Императоръ Александръ съ цѣлымъ дворомъ, на слѣдующій день, отправился въ Свенцяны. Русская армія начала отступать, чтобъ сосредоточиться около Свенцянъ; центръ ея, состоявшій изъ 70.000, оставался еще въ Вильнѣ; но при приближеніи непріятеля, Барклай-де-Толли, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ лѣваго и праваго крыла, велѣлъ сжечь зеленый мостъ чрезъ Вилію, истребилъ всѣ магазины и съ остальными войсками отступилъ къ Нѣменчину. Жители города заняли гауптвахту и городскіе посты. 28 іюня вступилъ въ городъ 8-й уланской полкъ. Потомъ и самъ Наполеонъ, съ отрядомъ конной гвардіи, осмотрѣвъ сначала окрестности города, вступилъ въ Вильну. Послѣ кратковременнаго отдыха во дворцѣ, Наполеонъ отправился на берегъ Виліи и тотчасъ велѣлъ наводить мосты, а самъ сѣлъ на скамьѣ и впродолженіе двухъ часовъ разговаривалъ со всѣми, кто только подходилъ къ нему; наиболѣе же бесѣдовалъ съ ксендзомъ піаристомъ Глоговскимъ, распрашивалъ его о Императорѣ Александрѣ, о мануфактурахъ и промышлености въ здѣшнемъ краѣ, и проч. На слѣдующій день, Наполеонъ осматривалъ городъ верхомъ, въ полдень принималъ духовенство и дворянство, а 30 іюня принялъ университетское правленіе и всѣхъ профессоровъ,

1 іюля учреждено было верховное правленіе. Оно состояло подъ предсѣдательствомъ назначеннаго литовскимъ военнымъ губернаторомъ барона *Гогендорфа*, а баронъ *Биньонъ* присутствовалъ въ качествѣ коммиссара со стороны Наполеона. Членами были: графъ *Осипъ Сѣраковскій*, князь *Александръ Сапѣга*, *Францъ Іельскій*. Ректоромъ университета *Иванъ Снядецкій*. Секретаремъ генералъ *Коссаковскій*. 4 іюля Наполеонъ принималъ членовъ вновь учрежденнаго правленія и давалъ имъ разныя наставленія; а послѣ принималъ знатнѣйшихъ дамъ. Здѣсь же принималъ онъ и посланнаго отъ Императора Александра, генерала Балашева. Тогда же пріѣхалъ сюда князь *Милошъ Сербскій*. По воскресеньямъ Наполеонъ слушалъ обѣдню въ нарочно устроенной часовнѣ во дворцѣ. Богослуженіе совершалъ епископъ Коссаковскій, которому Наполеонъ подарилъ драгоцѣнный перстень, а его ассистентамъ 300 наполеондоровъ (1,800 р. с.). Наполеонъ уѣхалъ изъ Вильны 16 іюля въ Свенцяны, гдѣ остановился въ домѣ казначея Кашинскаго. Въ Вильнѣ остались *Герцогъ Бассано*, *баронъ Жомини*, *баронъ Биньонъ* и весь дипломатическій корпусъ, исключая пословъ турецкаго и англійскаго. Вильна сдѣлалась важнымъ стратегическимъ пунктомъ: изъ всей Литвы сюда свезены были жизненныя продовольствія, и учреждены огромные магазины запасовъ, депо, госпитали на 6,000 больныхъ, назначенные въ медицинской клиникѣ, въ гимназіальномъ домѣ, въ монастырѣ Базиліановъ, въ Игнатьевскихъ казармахъ и въ окресностяхъ города, въ Веркахъ и Закретѣ; составленъ былъ особый отрядъ изъ корпусовъ *Удино* и *Сенъ-Сира* собственно для прикрытія Вильны. Учрежденное здѣсь верховное правленіе завѣдывало всѣми комитетами, учрежденными въ другихъ губерніяхъ. Главный губернаторъ всей Литвы, генералъ Гогендорфъ, генералъ Жомини, назначенный виленскимъ генералъ-губернаторомъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано были главными дѣйствующими лицами. Въ каждомъ губернскомъ городѣ назначенъ былъ префектъ, а въ каждомъ уѣздѣ подпрефектъ. Въ Трокахъ подпрефектомъ былъ Петриковскій, въ Свенцянахъ графъ Эдуардъ Мостовскій. Учреждены были также уѣздные жандармы, подъ начальствомъ помѣщиковъ Антона Свенторжецкаго, Осипа Буковскаго и Ивана Бучинскаго. Интендантъ *Де Во* описывалъ уже казенныя имѣнія, равно имѣнія тѣхъ помѣщиковъ, кои дерзнули не вѣрить въ незыблемость счастія Наполеона и удалились въ

Россію, предполагая конфисковать все ихъ достояніе. Наполеонъ оставилъ въ Вильнѣ полмилліона франковъ; изъ частныхъ мѣстныхъ пожертвованій собрано было около 40 т. р. с. Всѣ эти суммы верховное правленіе успѣло израсходовать. Распорядителемъ казны былъ бывшій виленскій казначей Эйсмонтъ. Особенная администраціонная коммиссія, завѣдывавшая продовольствіемъ, магазинами, госпиталями, состояла подъ предсѣдательствомъ барона *Николяи*, въ коей были членами графъ *Адамъ Хрептовичъ* и графъ *Фердинандъ Платеръ*.

«Послѣ втораго сраженія подъ Полоцкомъ, 6 и 7 октября, часть наполеоновской арміи, подъ начальствомъ *Вреде*, отступила на мѣсто *Глубокое* (дисненскаго уѣзда), для прикрытія Вильны; но несмотря на это, графъ *Витгенштейнъ* успѣлъ прервать прямое сношеніе съ Наполеономъ, находившимся тогда въ Оршѣ. Считая здѣсь излишнимъ входить въ подробности достопамятной отечественной войны, описанной уже столькими историками, скажемъ только, что Наполеонъ, убѣдившись въ необходимости бѣжать изъ Россіи, преимущественно послѣ переправы черезъ Березину, оставя несчастныя свои полчища Мюрату, самъ съ двумя любимцами своими, Коленкуромъ и Дюрокомъ, 23 ноября, при 28 градусахъ мороза, помчался въ простыхъ саняхъ изъ мѣстечка Сморгони въ Ковно, не остановился въ Вильнѣ, и только перемѣнилъ лошадей за городомъ. Такимъ-образомъ, пробывъ въ Россіи 5 мѣсяцевъ и 14 дней, рано утромъ 26 ноября онъ уже былъ за границей. Нестройныя толпы окостенѣвшихъ воиновъ великой арміи брели полумертвыя къ Вильнѣ, преслѣдуемыя *Витгенштейномъ*, *Чаплицомъ*, *Платовымъ* и *Бороздинымъ*. Они понесли важную потерю отъ нападеній Чаплица при Молодечнѣ, Сморгони и Ошмянѣ. При переходѣ отъ Сморгони въ Вильну погибло 20 т.; остальные, около 60 т., съ отчаяніемъ бросились на магазины, госпитали и даже частные дома въ Вильнѣ, утоляя голодъ чѣмъ попало. Начались страшныя болѣзни, городъ превратился въ лазаретъ. Болѣе 15,000 больныхъ и изнеможенныхъ Французовъ боролись со смертью въ Вильнѣ. Остальные пошли по дорогѣ въ Ковно. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Вильной, на Понарскихъ горахъ, они должны были подниматься на значительную крутизну, по гололедицѣ, подъ смертоноснымъ огнемъ артиллеріи Платова, и тамъ принуждены были покинуть бо́льшую часть артиллеріи, обозы и казну. 28 ноября генералъ Чаплицъ приблизился къ Вильнѣ съ ошмянской дороги, и въ тоже вре-

мя генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ Бороздинъ отъ Нѣменчина и Червонаго двора. Вильна взята безъ всякаго сопротивленія. 30 ноября фельдмаршалъ князь Кутузовъ вступилъ въ Вильну, любимый имъ городъ, гдѣ дважды онъ былъ генералъ-губернаторомъ (1800, 1810 и 1811 г.). Здѣсь, забывъ Наполеона, всѣ бросились къ великому Кутузову, посыпались оды, привѣтственныя рѣчи, на театральной сценѣ ярко засіяло эмблематическое изображеніе Кутузова съ надписью: «*Спасителю Отечества*»!

«Императоръ Александръ, узнавъ о занятіи Кутузовымъ Вильны, отправился сюда изъ С. Петербурга, 11 декабря. Кутузовъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ (въ первый разъ во-время всей кампаніи), въ шарфѣ черезъ плечо, съ рапортомъ въ рукѣ, стоялъ у дворцоваго подъѣзда съ почетнымъ карауломъ. Въ 5 часовъ вечера Монархъ прижалъ къ сердцу побѣдоноснаго вождя, и объ-руку пошелъ съ нимъ во дворецъ. Черезъ нѣсколько минутъ, оберъ-гофъ-маршалъ графъ Толстой поднесъ князю Кутузову, на серебряномъ блюдѣ, пожалованный ему орденъ Св. Георгія 1-го класса. На другой день Государь обѣдалъ у князя. Во-время стола стрѣляли изъ наполеоновыхъ пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ былъ блистательный балъ у Кутузова. При входѣ Государя въ залу, фельдмаршалъ повергъ къ стопамъ его только что присланныя Платовымъ непріятельскія знамена. И день этотъ, 12 декабря, достопамятенъ для здѣшняго края; въ этотъ день Императоръ Александръ подписалъ милостивый манифестъ забвенія прошлаго.

«Очевидцы разсказываютъ ужасы про несчастныхъ Французовъ во-время ихъ бѣгства изъ Россіи. Въ Вильнѣ, на Антокольскомъ предмѣстьи, зарыто 5,000 непріятельскихъ труповъ, замерзшихъ, умершихъ отъ ранъ, холода и голода; около Свенцянъ болѣе 1,500 труповъ, а въ Ковнѣ спущено подъ ледъ, въ Нѣманъ, 15,000 труповъ! Сверхъ-того, по занятіи Вильны, фельдмаршалъ Кутузовъ донесъ Государю, что въ это время находилось здѣсь въ плѣну семь французскихъ генераловъ: *Vivier*, *Guss*, *Normand*, *Guillau*, *Lefebre*, *Ивановскій* и *Заіончекъ*; 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9,517 солдатъ и 5,139 больныхъ въ госпиталяхъ. По осмотрѣ арсенала и магазиновъ, найдено 41 орудіе, множество понтоновъ и всякаго оружія, 14,000 четвертей ржи и 5,000 четвертей муки.

«Виленская губернія понесла въ эту зиму значительные убытки.

Въ одномъ виленскомъ уѣздѣ полагаютъ на 602,309 руб. 57½ к. с. Въ трокскомъ уѣздѣ, отъ нашествія непріятеля и возникшихъ подъ конецъ компаніи горячекъ, какъ полагаютъ, погибла третья часть всего народонаселенія. По благодѣтельному велѣнію Промысла, неслыханный урожай на слѣдующее лѣто далъ средство къ обильному прокормленію цѣлой губерніи и возвратившагося русскаго воинства, а оставленные Французами магазины съ огромными запасами дозволили сарацинскимъ пшеномъ замѣнить ячную крупу.

«Императоръ Александръ во все время пребыванія своего въ Вильнѣ ежедневно посѣщалъ Кутузова. 26 декабря, Государь выѣхалъ изъ Вильны въ мѣстечко Меречь, гдѣ была назначена временная главная квартира. Кутузовъ, осуществляя Высочайшую волю, приказалъ арміямъ выступать впередъ изъ окрестностей Вильны. 1 января 1813 года, Кутузовъ объявилъ войскамъ: «*надобно довершить пораженіе непріятелей на собственныхъ поляхъ ихъ*», — и часть арміи переправилась черезъ Нѣманъ. Главная армія двинулась изъ Мерча къ Плоцку, гдѣ 1-го февраля переправилась чрезъ Вислу, вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ и фельдмаршаломъ Кутузовымъ.

«Военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ и гражданскій губернаторъ Лавинскій возвратились въ Вильну. 6-го марта возстановлены губернское правленіе и казенная палата, и вообще прежняя система управленія».

Сельское счетоводство. *Настольная книга для сельскихъ хозяевъ*. Сочиненіе П. Преображенскаго. *Москва, 1852*.

Хозяинъ пчеловодъ. *Почерпнувшій свѣдѣнія изъ сорока шестилѣтнихъ практическихъ опытовъ и наблюденій и т. д. Москва, 1852*.

Огородничество и садоводство. Сочиненіе В. Боборыкина. *Изданіе 2-е, съ рисунками. Москва. 1852 г., въ 12-ю д. л., 104 стр.*

Это второе изданіе, подобно первому, идетъ къ цѣли безъ предисловій. Замѣчательнѣйшія статьи въ этой книгѣ: — *прививка глазками*, и особенно прививка *спящимъ глазкомъ;* прививка *зрячимъ глазкомъ* и — *прививка въ тупъ*. «Прививка глазками — способъ, — говоритъ господинъ Боборыкинъ, — имѣющій нѣкоторыя достоинства: прививаемое «деревцо повреждается весьма мало, и можно производить прививку въ «три различныя времени года». Прививка глазками въ обществѣ

имѣетъ совершенно обратное значеніе: прививаемое сердечко сильно повреждается, и прививка можетъ производиться во всякое время года. «Прививка на глазокъ, говоритъ авторъ, состоитъ въ томъ, что съ «хорошаго дерева вынимается глазокъ или ростокъ, и приставляется къ дичку». Прививка на глазокъ между людьми состоитъ въ томъ, что дѣвушку ослѣпляютъ пламенные взоры добраго молодца, это тоже, что̀ вынуть у нея глазки!

«Прививка зрачкомъ глазкомъ дѣлается частью весной, бо̀льшею же частью во-время втораго движенія соку, т. е. за восемь дней до Иванова-дня, и продолжается четырнадцать дней спустя». (70 стр).

«Способъ прививки въ пупъ есть самый насильственный, а потому въ настоящее время онъ употребляется тогда только, когда дички слишкомъ толсты для прививки по способамъ предъидущимъ. Эта прививка бываетъ двухъ родовъ: въ расчепъ и въ кору. Прививка въ расчепъ — самая насильственная, потому-что стволъ дерева раскалывается, и рѣдко болона и мозжечекъ совершенно снова сростутся» и т. д. Этого довольно, чтобъ имѣть вѣрное понятіе о̀ важнѣйшихъ способахъ прививки.

Руководство къ химическому анализу важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ матерьяловъ и продуктовъ. Составилъ Константинъ Шмидтъ, младшій профессоръ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института, *въ 2 выпускахъ, съ политипажами въ текстѣ. Москва, 1852 г., въ 8-ю. д. л., 176 стр.*

Это только первый выпускъ, а господинъ Шмидтъ обѣщаетъ и второй; вслѣдствіе чего мы находимъ при первомъ выпускѣ вещь, дѣлающую эпоху въ книжномъ мірѣ, — находимъ два предисловія: одно къ цѣлому руководству и относящееся собственно къ получившимъ образованіе въ Горыгорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ, а другое — вообще къ благосклонному читателю перваго выпуска. Не бывъ воспитанникомъ *вышеупомянутаго* заведенія, мы не можемъ простирать своихъ видовъ на все руководство, и по необходимости ограничимся первымъ выпускомъ.

Первый выпускъ предлагаетъ читателю воду, картофель, пиво и молоко. — Мало вамъ этого, — употребляйте свекловичный сахаръ и крахмалъ. Хотите говядины, дичи, сыру и т. д. — дожидайтесь вто-

раго выпуска. Что дѣлать, аппетитъ вашъ возбудятъ въ высшей степени, зато все вамъ покажется прекраснымъ.

Вообразите мое удивленіе, когда я узналъ изъ этой книги, что молоко — ни болѣе ни менѣе, какъ смѣсь *воды*, *сыра*, *масла*, *сахару* и *солей*. Какъ жаль, что мы этого прежде не знали! сколько можно было сдѣлать экономіи! А мы постоянно пьемъ чай съ молокомъ, сахаромъ, бутербротомъ съ швейцарскимъ сыромъ и солью ...

Узнавъ составъ молока, я приказалъ своей ключницѣ не дѣлать чаю на водѣ, это лишній расходъ: вода есть уже въ молокѣ; не велѣлъ класть въ чай сахару, подавать соли и масла, покупать швейцарскаго сыру; а взять кувшинъ молока, нагрѣть его, положить туда три ложечки чаю, потомъ разливать въ чашки и подавать моимъ домочадцамъ, мнѣ и гостямъ; къ этому подается хлѣбъ, — и все тутъ. Спустя мѣсяцъ, я свелъ счеты, и оказалась большая экономія отъ такого употребленія чаю, именно пятнадцать рублей серебромъ менѣе противъ прежняго. Отъ души благодаримъ химію, за то что она постаралась открыть намъ глаза! теперь многіе имѣютъ возможность скопить тысячи, которыя издерживаютъ на чай, сахаръ, масло и сыры. Будемъ надѣяться, что во второмъ выпускѣ окажутся открытія насчетъ съѣстнаго. Съ нетерпѣніемъ и аппетитомъ ожидаемъ полнаго химическаго обѣда, который, вѣроятно, произведетъ большую перемѣну въ общежитіи: люди будутъ менѣе ѣсть и пить, достигнутъ въ этомъ возможной простоты и единства, сдѣлаются воздержнѣе, а слѣдовательно, чиннѣе и добродѣтельнѣе; для общества же этого именно и надо.

Вотъ какія дива оказываются во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія!

Начертательная гномоника, или *легкое и простое указаніе устраивать солнечные часы на всякихъ плоскостяхъ, равно и на кривыхъ поверхностяхъ или окружностяхъ шара и прямаго цилиндра. безъ всякихъ вычисленій. Съ 12-ю чертежами. Переводъ съ французскаго. Москва, 1852 г., въ 8-ю д. л.*

Памятная полевая карманная книжка *для сельскихъ хозяевъ, приказчиковъ и управителей, съ 4-мя бухгалтерскими таблицами, служащими къ легчайшему управленію сельскою конторою и*

зомъ. При вольнонаемныхъ работникахъ, которые, напримѣръ, приговорены для жатвы, или, положимъ, для вспашки глинистыхъ почвъ — въ случаѣ неудобной погоды, имъ можно и отказать въ работѣ; но когда собраны барщинные, то отпустить ихъ — значитъ потерять иногда нѣсколько сотъ рабочихъ дней и болѣе. — Когда намъ впередъ извѣстно, что будетъ неблагопріятная погода для работы подъ открытымъ небомъ, слѣдовательно, не будемъ въ необходимости (если даже и имѣется въ виду послѣдняя работа) переводить работниковъ съ поля въ усадьбу, что иногда бываетъ невозможно въ тотъ же день, по отдаленности полей, и во всякомъ случаѣ сопряжено съ потерею. Впрочемъ важность узнавать погоду впередъ не требуетъ большихъ доказательствъ, она весьма понятна и близка каждому хозяину.

«До-сихъ-поръ и въ русской (напримѣръ, въ «Памятной книжкѣ» Муханова, въ переводѣ «Календаря Домбаля» и другихъ) и въ иностранной литературѣ встрѣчались способы предвѣщанія погоды, но они были исключительно взяты изъ чисто эмпирическихъ наблюденій, не были основаны на законахъ науки, почему эти предвѣщанія, часто неоправдывающіяся, потеряли довѣріе.

«Профессоръ маримонтскаго земледѣльческаго института, г. Ястржембовскій, извѣстный своими учеными трудами по части естественныхъ наукъ, и особенно по метеорологіи, составилъ систематическую объ этомъ предметѣ брошюру изъ своихъ многолѣтнихъ наблюденій, которую мы передаемъ въ переводѣ, въ несомнѣнной увѣренности, что она принесетъ существенную пользу тѣмъ хозяевамъ, которые пожелаютъ воспользоваться этимъ добросовѣстнымъ трудомъ, имѣвшимъ большой успѣхъ въ царствѣ Польскомъ, потому-что наставленія, здѣсь изложенныя, оправдались въ дѣйствительности, и исключая указаній температуры, ими можно пользоваться повсемѣстно въ Россіи».

Мы весьма благодарны г. Реутовичу за переводъ труда Ястржембовскаго, тѣмъ болѣе, что книжечка эта необходима для каждаго изъ насъ; потому-что всѣ мы болѣе или менѣе, и довольно часто хотѣли бъ знать, какой завтра, или на дняхъ, должно ожидать погоды, и какъ бы это предугадать. Здѣсь собрано все, что практическій и ученый человѣкъ успѣлъ подмѣтить, что̀ узналъ вслѣдствіе долголѣтнихъ наблюденій.

Половина книжки г. Реутовича посвящена перемѣнамъ атмосферы вооб-

ще и трактату о естественномъ раздѣленіи времени; вторая половина — исчисленіямъ признаковъ или предсказаній непостоянныхъ, случайныхъ перемѣнъ атмосферы. Эта вторая половина раздѣлена на четыре отдѣла: первый излагаетъ признаки погоды: холода, мороза, тепла, оттепели, засухи и другихъ тѣсно связанныхъ съ этими явленіями перемѣнъ воздуха. Второй отдѣлъ — признаки непогоды: дождя, снѣга и другихъ перемѣнъ воздуха. Третій — признаки вѣтра: бури, града, грозы и тиши. — Четвертый отдѣлъ — признаки урожая. Такъ, напримѣръ, излагая признаки вѣтра, авторъ сообщаетъ: 1) замѣчанія по солнцу и другимъ тѣламъ небеснымъ; 2) замѣчанія по облакамъ и другимъ явленіямъ атмосферы; 3) замѣчанія по барометру и другимъ метеорологическимъ орудіямъ; 4) замѣчанія по разнымъ неодушевленнымъ предметамъ; 5) замѣчанія по паукамъ и другимъ насѣкомымъ; — (все это для селянъ и горожанъ; теперь собственно для селянъ:) 6) замѣчаніе по червямъ, рыбамъ и земноводнымъ; 7) замѣчаніе по птицамъ; 8) замѣчанія по животнымъ и людямъ.

Чтобы читатели могли себѣ составить хотя приблизительное понятіе объ изданіи г. Реутовича, выписываемъ замѣчанія 4, 5, 6, 7 и 8.

а) *Замѣчанія по разнымъ неодушевленнымъ предметамъ.* — Если угли въ каминѣ окажутся горящими сильнѣе обыкновеннаго, а пламень ихъ не остается спокойнымъ, но мечется въ стороны — это признакъ, что воздухъ вверху начинаетъ быть неспокойнымъ, и поэтому можетъ произойти вѣтеръ. — b) *Замѣчанія по паукамъ и другимъ насѣкомымъ.* Передъ вѣтромъ пауки крестовики растягиваютъ только боковыя нити своей паутины и не перепутываютъ ихъ поперечными или круглыми нитями; иногда не производятъ и этой работы, или ее дергаютъ и прячутся заблаговременно въ свои гнѣзда. Когда мухи, слѣпни и другія насѣкомыя бываютъ необыкновенно досадны, а пчелы болѣе недоступны и злы, нежели обыкновенно бываютъ во-время постоянной погоды, можно принимать за признакъ бури, соединенной съ дождемъ. — Передъ подобною же бурею муравьи работаютъ старательнѣе обыкновеннаго: пчелы не летятъ въ поле, но остаются въ ульѣ, или сидятъ на наружной сторонѣ его; а вылетѣвшія собираются густо, заблаговременно передъ вечеромъ, и не всѣ бываютъ обремены взяткомъ. — c) *Замѣчанія по червямъ, рыбамъ и земноводнымъ.* Передъ вѣтромъ піявки дѣлаются неспокойны-

ми, и оставаясь на одномъ мѣстѣ, вертятся; передъ бурею же, соединенною съ громомъ и ударами, вылезаютъ изъ воды къ отверзтію сосуда, отдыхаютъ и оказываютъ какъ-бы конвульсивныя движенія.— Точно тоже происходитъ съ пискарями, содержимыми въ стеклянномъ сосудѣ для предсказыванія перемѣнъ атмосферы; а древесная лягушка прячется въ мохъ и сидитъ спокойно. — Передъ бурею угри выходятъ на поверхность воды. — d) *Замѣчанія по птицамъ.* Когда утки, гуси или лебеди бѣгутъ на воду, бьютъ по ней крыльями, ныряютъ и сильно кричатъ; когда дикіе гуси летятъ вереницею очень высоко; когда лыски бываютъ неспокойны и кричатъ; когда вороны играютъ надъ водою и подлетаютъ вверхъ; когда хищныя птицы, какъ напр. перепелятники и конюки собираются въ значительномъ числѣ надъ полями и кричатъ въ воздухѣ; когда дрозды поютъ голосистѣе обыкновеннаго; когда морскія птицы слетаются на берега: это признакъ имѣющаго наступить морскаго вѣтра и бури. Противное бываетъ, когда зимородокъ оставляетъ берега и пускается въ пространство водъ; когда воробьи часто повторяютъ свое щебетанье и другія птицы начинаютъ показываться изъ своихъ убѣжищъ: хотя буря еще и не перестала, можно это принимать за признакъ близкаго ей конца и за благое предзнаменованіе желанной тишины. — e) *Замѣчанія по животнымъ и людямъ.* Передъ бурею свиньи очень хрюкаютъ, поднимаютъ рыло, дергаютъ солому и весьма сильно кричатъ; рогатый скотъ бываетъ безпокоенъ, бѣгаетъ туда и сюда, выскакиваетъ изъ загородокъ, бодается и бьетъ ногами; рогатый скотъ, лошади и овцы, не имѣя надежды найти для себя укрытіе, собираются кучами вмѣстѣ и обращаются задомъ къ вѣтру. — Передъ имѣющей наступить тишиной, кроты, во-время продолжающагося еще вѣтра, показываются на поверхности земли и ищутъ поживы.

«Передъ бурею дѣти, а равно и взрослые люди, обладающіе большимъ предчувствіемъ, нежели сколько его могутъ доставить опытъ и наука, бываютъ неспокойны и прячутся въ безопасныхъ мѣстахъ, а слабые люди и подверженные разнымъ недугамъ ощущаютъ въ такое время сильнѣйшую боль, нежели передъ обыкновенной непогодой или слабымъ вѣтромъ». — (Стр. 104 — 108).

Поваренная книга, *полнѣйшая всѣхъ донынѣ изданныхъ, въ 44-хъ отдѣленіяхъ, содержащая въ себѣ 1250 наставленій.* Состав-

лена русскою хозяйкою А. И. М — ой. *Четыре части. Москва, 1852 года.*

Мы слышали отъ одного опытнаго человѣка, что кормить наставленіями несравненно легче, чѣмъ хорошими обѣдами. Въ обыкновенный годъ, по этой книгѣ приходится почти по четыре наставленія въ день, а въ высокосный нѣсколько менѣе. Обѣды госпожи Авдѣевой далеко вкуснѣе наставленій госпожи А. И. М — ой.

Ручная поваренная книга, *составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій русской хозяйки. Въ 3-хъ частяхъ. М. 1852.*

Опять русская хозяйка *съ многолѣтнимъ опытомъ!*

Альманахъ обѣдовъ, *заключающій въ себѣ 30 полныхъ обѣдовъ, означенныхъ записками русскими и французскими; правила для накрытія стола, служенія за онымъ, порядокъ винъ, то-есть, какое именно, за которымъ кушаньемъ подается, и практическое руководство для кухни.* Составлено П. Радецкимъ. *Спб., 1852 въ 8-ю д. л.*

Вотъ до чего дошла наша кухонная литература — до альманаховъ! Вотъ оно! Ну, мы поэтому превзошли всѣ литературы древности. Теперь наши повара не чистятъ живности, не смотрятъ въ кастрюли, не ходятъ на рынокъ, — а заняты литературой, читаютъ альманахи, учатся французской литературѣ и чувствуютъ надобность въ «Academia della cucina....» Что бы сказалъ Данте, еслибъ дожилъ до 1852 года, когда у насъ, въ Россіи, издаютъ альманахи для поваровъ и кухарокъ!

Господинъ Радецкій достоинъ памятника за такое важное нововведеніе въ тихомъ, скромномъ поваренномъ искусствѣ; на этомъ памятникѣ слѣдуетъ изобразить повара въ бѣломъ фартукѣ, въ бѣломъ колпакѣ и съ книгою въ рукахъ; на обложкѣ этой книги можно бы весьма кстати употребить бо́льшую часть такихъ эмблематическихъ знаковъ, какими иногда украшаются подобнаго рода изданія. Какія были побудительныя причины, вызвавшія потребность альманаха, изданнаго господиномъ Радецкимъ, вы увидите изъ слѣдующихъ словъ автора-метрдотеля:

«На русскомъ языкѣ, говоритъ господинъ Радецкій, существуетъ множество поваренныхъ книгъ, составленныхъ почтенными хозяюшками, или изданныхъ господами книгопродавцами; но нѣтъ ни одной книги въ этомъ родѣ, написанной русскимъ метродотелемъ или кухмисто-

ромъ, который, изучивъ основательно свой предметъ въ юношескихъ лѣтахъ, представилъ бы публикѣ крайніе результаты своей опытности въ поваренномъ искусствѣ. Авторъ этой книги, едва ли не первый, который написалъ *самостоятельную* русскую поваренную книгу, основываясь на собственной опытности. Все, что здѣсь описано, испробовано авторомъ книги, который по ремеслу своему принадлежитъ къ разряду людей, которыхъ Французы называютъ Chef de cuisine, то-есть, главою или начальникомъ кухни. Въ Россіи начальникъ кухни называется *главнымъ поваромъ* или съ французскаго *метродотелемъ*. Прослуживъ бо́льшую часть жизни въ знатныхъ домахъ, на великолѣпныхъ кухняхъ, авторъ этой книги убѣдился, что хорошая стряпня не только уменьшаетъ издержки хозяевъ, но и способствуетъ къ сохраненію ихъ здоровья, потому-что оно основывается на пищѣ, употребляемой въ домѣ ежедневно, на выборѣ припасовъ и на ихъ приготовленіи. Въ этой книгѣ собрано 330 различныхъ кушаньевъ и приготовленій, дорогихъ и дешевыхъ, русскихъ и иностранныхъ, на томъ основаніи, что по сознанію извѣстнѣйшихъ гастрономовъ, лучшій столъ тотъ, который составленъ изъ лучшихъ національныхъ блюдъ всѣхъ народовъ. Все объяснено въ этой книжкѣ такимъ-образомъ, что пойметъ не только каждый хорошій поваръ, но и каждый гастрономъ. Что̀ покажется непонятнымъ, при означеніи *тридцати* обѣдовъ, то объяснено въ алфавитномъ спискѣ кухонныхъ припасовъ.»

Издатель книги вполнѣ убѣжденъ въ ея пользѣ и надѣется, что предлагаемыя имъ блюда понравятся людямъ, одареннымъ тонкимъ вкусомъ, точно такъ же, какъ эти блюда нравились тѣмъ, для которыхъ авторъ книги приготовлялъ ихъ, завѣдывая аристократическими кухнями. Простыми, или обыкновенными блюдами здѣсь вовсе не пренебрегается, потому-что въ поваренномъ искусствѣ все зависитъ отъ качества припасовъ и приготовленія; простое превращается приготовленіемъ въ изящное.

Для большихъ столовъ принята въ основаніе французская кухня, почитаемая первою въ свѣтѣ. Авторъ книги обучался поварскому искусству въ Парижѣ, и долговременною своею опытностію усовершенствовалъ многія блюда, которыя неизвѣстны во Франціи, и почтетъ себя счастливымъ, если русская публика обратитъ вниманіе на его трудъ. Тогда только онъ издастъ и продолженіе этой книги. Вотъ

что значитъ знать свое дѣло. Шутки въ сторону, а Альманахъ придется не по многолѣтне-опытнымъ зубамъ нашимъ кухаркамъ и хозяйкамъ, которымъ далеко до господина Радецкаго, изучившаго свой предметъ классическимъ образомъ.

Изволили вы замѣтить, что авторъ, самъ отвѣдалъ всѣ излагаемыя въ Альманахѣ блюда; слѣдовательно, тутъ ужъ критикѣ нечего и полизать, не только попробовать...

Явились еще двѣ книги по части охоты:

Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. *С. А — ва. Москва, 1852 г.*

Егерь, *псовый охотникъ и стрѣлокъ. Выбрано изъ сочиненій лучшихъ иностранныхъ писателей.* М. М. *Изданіе второе. Москва, 1852 г.*

Мы такъ занялись обѣдами, что, право, отказываемся охотиться за дичью, которую намъ указываютъ и обѣщаютъ С. А. и М. М. Благодаримъ васъ, господа, за вниманіе, и въ другое время обратимся къ охотѣ.

Наконецъ вышло много вторыхъ изданій медицинскихъ книгъ. Вотъ они:

Полное изложеніе правилъ діететическаго и врачебнаго употребленія холодной воды, *для сохраненія здоровья и леченія болѣзней по методѣ* Присница *въ Грефенбергѣ.* Составлено Іоанномъ Гроссомъ, *переводъ съ французскаго, съ 9-ю картинками. Въ двухъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва,* 1852.

Онанизмъ, *или разсужденіе о болѣзняхъ, происходящихъ отъ рукоблудія.* Сочиненіе доктора Тиссота, переводъ доктора медицины А. Никитина. *Изданіе пятое. Санктпетербургъ, 1852.*

Письмо къ пріятелю *о гомеопатіи и гомеопатическомъ леченіи, съ приложеніемъ исторіи болѣзни* П. Р., *продолжавшейся болѣе тридцати лѣтъ, и излеченной по гомеопатической методѣ.* Сочиненіе безмезднаго врача. *Москва, 1852.*

Популярная діететика, *или указаніе средствъ къ сохраненію здоровья.* Составлено докторомъ медицины А. Никитинымъ. *Изданіе второе. Санктпетербургъ, 1852.*

О весеннемъ леченіи болѣзней, *или наставленіе какъ весною и лѣтомъ лечиться травами, травяными соками, молокомъ, сывороткою, холодными и теплыми ваннами, естественными и искуственными минеральными водами*, начертанное докторомъ медицины А. Никитинымъ. *Изданіе третье.*

Все это книги о предметахъ, близко извѣстныхъ многимъ изъ нашихъ читателей, и потому мы не станемъ распространяться объ нихъ.

По части богословія вышли слѣдующія сочиненія:

Новый русскій скитъ *Св. Апостола Андрея Первозваннаго на Аѳонѣ. Санктпетербургъ, 1852 года, въ 12-ю д. л.*

Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и *Церкви Его въ Ветхомъ-Завѣтѣ.* Сочиненіе С. Смирнова. *Москва, 1852.*

Краткое обозрѣніе *Богослуженія Православной Церкви. Изданіе второе. Санктпетербургъ, 1852.*

Сказаніе о жизни *и подвигахъ блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни іеромонаха и затворника, съ присовокупленіемъ духовныхъ его наставленій, и начертанія жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка. Изданіе третье. Москва, 1852.*

Введеніе въ православное богословіе, Д. Г. Макарія, епископа винницкаго, ректора санктпетербургской духовной академіи. *Изданіе второе, исправленное. Санктпетербургъ, 1852.*

Указатель *законовъ о властяхъ и установленіяхъ духовныхъ*, составленный Колоколовымъ. *Изданіе второе. Москва, 1852.*

Въ послѣднее время богословская литература стала постоянно обогащаться весьма замѣчательными учеными трудами.

Сочиненія Лермонтова. *Изданіе третье. Два тома. Спб. 1852 г. 8-ю д. л., 384 и 436.*

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы появленія третьяго изданія сочиненій Лермонтова, тѣмъ-болѣе, что носился слухъ, будто оно явится въ новомъ видѣ. Вообразите же наше неудовольствіе, когда мы наконецъ увидѣли ожидаемое третье изданіе, и когда нашли, что оно не болѣе, какъ механическое воспроизведеніе втораго изданія и отличается отъ послѣдняго тѣмъ только, что бумага въ немъ хуже, печать сѣ-

рѣе что обложка другаго цвѣта, и рамка на обложкѣ вычурнѣе.... Вотъ вамъ вѣрное изображеніе достоинствъ третьяго изданія.... Всѣ опечатки втораго изданія сохранены здѣсь со всею точностью; даже и та колоссальная опечатка на третьей страницѣ втораго тома, гдѣ стоитъ: *проза*; это означаетъ, что весь второй томъ посвященъ прозѣ — а на четвертой страницѣ читаемъ: «*Маскарадъ, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ*». Маскараду въ стихахъ посвящено болѣе трети втораго тома и, значитъ, все это *проза*!

Помилуйте, господа издатели, надо же вамъ помнить, что критика и библіографія имѣютъ право и обязанность говорить справедливо и незастѣнчиво о достоинствахъ и недостаткахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, не только перваго и втораго, но даже сотаго изданія....

Не знаемъ, кто постарался подарить русскую публику такимъ третьимъ изданіемъ, знаемъ только, что это изданіе не имѣетъ никакого права называться третьимъ, потому-что оно буквальная перепечатка втораго изданія.

А. Смирдинъ сдѣлалъ большую ошибку, начавъ издавать русскихъ классиковъ безъ біографій и безъ участія въ дѣлѣ изданія литераторовъ. Весьма полезно сообщить русскому читателю свѣдѣнія о жизни автора, котораго труды вы предлагаете ему; надо же сдѣлать иногда поясненіе нѣкоторыхъ словъ и выраженій.... Это дѣло требуетъ положительныхъ знаній, и съ большою удобностію могло бы быть исполнено опытнымъ литераторомъ. Тогда бы и успѣхъ въ изданіи былъ бы гораздо надежнѣе и выгоднѣе для издателя.

Еслибъ господинъ, издавшій Лермонтова въ этотъ разъ, обратился къ любому изъ нашихъ литераторовъ и попросилъ его помощи въ дѣлѣ изданія, вѣроятно ни одинъ не отказалъ бы ему въ этомъ: всякій изъ литераторовъ поставилъ бы себѣ въ честь составить болѣе или менѣе полную біографію Лермонтова, и сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ труды его были приняты нашей публикой и журналами. Притомъ необходимо было сдѣлать примѣчанія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, и все это обошлось бы господину издателю въ самую незначительную сумму, между-тѣмъ какъ онъ имѣлъ бы полное право назвать свое изданіе третьимъ, и тотъ, кто имѣетъ второе изданіе, не

пожалѣлъ бы трехъ рублей серебромъ, чтобы пріобрѣсти новое изданіе произведеній любимаго имъ поэта, съ его біографіею, критическою оцѣнкою и необходимыми примѣчаніями. Теперь же, имѣющіе второе изданіе совсѣмъ не нуждаются въ третьемъ, которое собственно то же второе.

Еслибъ, наконецъ, и не было возможности составить біографію автора издаваемыхъ сочиненій, за недостаткомъ свѣдѣній, то можно бы сказать въ предисловіи, гдѣ и когда Лермонтовъ былъ разобранъ, выписать все, что сказано въ его пользу и сдѣлать примѣчанія; чего, конечно, не можетъ сдѣлать всякій издатель, и что весьма легко сдѣлать любому литератору. И такъ, когда книгопродавецъ, во избѣжаніе ничтожныхъ издержекъ, приступаетъ къ изданію чьихъ-либо сочиненій безъ помощи литератора, онъ самъ себѣ приготовляетъ вѣрный убытокъ, котораго можно было избѣжать.

Еслибъ третье изданіе сочиненій Лермонтова поручено было литератору, онъ непремѣнно замѣтилъ-бы, отчего мы такъ часто встрѣчаемъ у этого поэта повтореніе однихъ и тѣхъ же стиховъ, чего не находимъ ни у Пушкина, ни у Баратынскаго, ни у другихъ: такъ напримѣръ, на 86 страницѣ перваго тома третьяго изданія, въ стихотвореніи «Мцыри» читаемъ:

Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ;
Душой дитя, судьбой монахъ,
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ!—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ,
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ;
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!

а на 134 стр., въ поэмѣ «Бояринъ Орша», опять находимъ:

И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ;
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать»,

Конечно ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ;
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!

На стр. 87, въ стихотвореніи «Мцыри», читаемъ:

Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей,
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ, порой,
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ испуганный грозой?

а на 138 читаемъ:

Меня могила не страшитъ.
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ,
Я молодъ, молодъ.... Зналъ ли ты
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей,
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,

Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?...

Я могъ бы привести здѣсь множество подобныхъ случаевъ, но считаю это излишнимъ... Однако что̀ это доказываетъ? Какъ вы думаете?...

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ самый день выхода іюльской книжки «Библіотеки для Чтенія», вышли три тома сочиненій Н. В. Кукольника, заключающіе:

Романы III: 1) Два Ивана, Два Степаныча, два Костылькова (ч. IV); 2) Три періода; 3) Альфъ и Альдона (ч. I и II). — Романы IV: Альфъ и Альдона (ч. III. — IX) — Повѣсти и разсказы, III: 18) Егоръ Ивановичъ Сильвановскій; 19) Три оперы; 20) Староста Меланья; 21) Старый хламъ; 22) Шахъ и Матъ; 23) Закладъ; 24) Инструментъ; Остапъ и Ульяна; 26) Леночка, или новый 1746 годъ; 27) Вольный гетманъ Панъ Савва и 28) Девятое марта.

— Отрадно также появленіе втораго тома «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ событія съ 1169 до 1362 года, и стоитъ одинъ руб. серебр. Вся Исторія Карамзина будетъ стоить, безъ примѣчаній, 6 руб. серебр.

— Третья новость — «Жалонерное ученіе», составленное г. Трояновскимъ, который говоритъ въ предисловіи къ своей книжечкѣ:

«По служенію моему въ Гренадерскомъ Корпусѣ, я нѣсколько лѣтъ проходилъ обязанность дивизіоннаго жалонера, и каждый разъ, при сборѣ команды въ дивизіонную квартиру, былъ крайне затрудненъ теоретическимъ изложеніемъ предмета тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые вновь поступали въ команду.

«Воинскій уставъ, при всей простотѣ слога, ясности и опредѣлительности, имѣетъ своимъ предметомъ — указать обязанности всѣхъ чиновъ отъ генерала до рядоваго, и потому параграфы, относящіеся собственно до званія жалонера, перемежаются параграфами, объясняющими обязанности линейнаго начальника или баталіоннаго командира. Извлекая изъ устава параграфы, относящіеся собственно до знанія жалонеровъ, теряется та постепенность, которая такъ необходима при изложеніи всякаго предмета, въ-особенности того, который долженъ обнять человѣкъ почти неграмотный.

«Чтобы избѣгнуть означенныхъ затрудненій и облегчить жалонерамъ ввѣренной мнѣ команды теоретическое изученіе ихъ обязанности, я составилъ для нихъ жалонерное ученіе съ вопросами и отвѣтами. — Ве-

просы доставляютъ удобство офицеру повѣрить знаніе нижнихъ чиновъ, и устраняя затрудненіе, совершенно необходимы для дядьки, которому поручено приготовить молодаго солдата. Выписавъ почти цѣликомъ изъ воинскаго устава все то, что́ долженъ знать жалонеръ, и не уклоняясь отъ основныхъ правилъ и слога устава, я прибавилъ отъ себя только то, что́ нашелъ совершенно необходимымъ, заключивъ все это краткимъ наставленіемъ для обучающаго».

— Четвертая литературно-ученая новость: «Легчайшій способъ плавать». Нѣсколько уроковъ (съ 6 чертежами). С-П-бургъ, 1852 г., въ 96 д. л., 29 стр.

Это самая новая теорія искусства плавать, доведенная до возможной простоты, такъ что все хитрое ея ученіе потребовало только около двухъ печатныхъ стран. обыкновеннаго формата (въ 8 д. листа). Еслибъ всѣ теоріи были такъ просто и понятно изложены, люди были бы несравненно толковѣе, и непремѣнно лучше, чѣмъ теперь. Предлежащая теорія тѣмъ превосходитъ всѣ прежнія теоріи плаванія, что ей почти ненужно учиться. Вамъ не предстоитъ надобности изучать ее передъ погруженіемъ въ воду: вы раздѣлись, взяли два листка въ зубы, и бухъ въ воду! Правило у васъ подъ самымъ носомъ, смотрите себѣ, читайте и выдѣлывайте: *эйнъ*, *цвай*, *драй*. А еще удобнѣе пользоваться этой теоріею, плавая на животѣ, или безъ движенія на спинѣ, или на спинѣ въ произвольномъ направленіи. Предварительно я плавалъ по этой теоріи на своемъ диванѣ, и вполнѣ надѣюсь, что сумѣю теперь не утонуть и въ рѣкѣ; если же утону, то этому виной слишкомъ краткая теорія или рисунки съ различными *па*. Плаваніе есть собственно танцованіе въ водѣ, съ тою только разницею, что оно проще и утомительнѣе.

— Въ заключеніе извѣщаемъ любителей легкаго чтенія, что въ Тифлисѣ вышелъ романъ г. Токарева: «Сила воли», котораго экземпляры, безъ мѣры и надобности пополненные опечатками.... уже получены въ Петербургѣ.

=

VII.

СМѢСЬ.

Безсонница Тони охотника. Жилъ-былъ охотникъ въ густомъ и темномъ лѣсу, служившемъ непроницаемымъ убѣжищемъ всевозможныхъ родовъ дичи, въ такомъ множествѣ, что продавая шкуры убитыхъ имъ животныхъ и питаясь ихъ мясомъ, нашъ охотникъ пользовался удобствами жизни, въ которыхъ полезное соединялось съ пріятнымъ. Цѣлые дни рыскалъ онъ подъ тѣнью столѣтнихъ деревъ, а при наступленіи ночи для крова и отдохновенія у него была прехорошенькая и чистенькая хижина, окруженная прелестнымъ садикомъ, которымъ съ любовію онъ надосугѣ занимался.

Такою пріятною жизнью Тони прожилъ нѣсколько лѣтъ, и на нѣсколько миль въ окрестностяхъ славился за самаго отважнаго охотника и лучшаго товарища. Но случилось однажды вечеромъ, что Тони, возвращаясь домой, при чудномъ свѣтѣ луны, встрѣтилъ на пути своемъ незнакомца, болѣе походившаго на привидѣніе съ того свѣта, нежели на живое существо, имѣющее плоть и кости, подобно вамъ, или мнѣ, дотого казался онъ прозрачнымъ и такъ, въ-особенности, глаза его блистали сверхъестественнымъ огнемъ. По счастью, прохожій несъ на спинѣ что̀-то въ родѣ котомки, по которой можно было принять его за разнощика. Однако, всякой, не будь такъ без-

страшенъ, какъ Тони, смутился бы при встрѣчѣ чуть не съ привидѣніемъ; впрочемъ странникъ самымъ человѣческимъ голосомъ попросилъ Тони указать ему прямую и кратчайшую дорогу, которая вывела бы его изъ лѣсу.

— Это очень легко, — отвѣчалъ Тони,— но предупреждаю, что до ближайшей деревушки очень далеко, да и тамъ нѣтъ никакой гостинницы, а потому ты лучше сдѣлаешь, если переночуешь у меня, а завтра утромъ отправляйся себѣ съ Богомъ опять въ дорогу.

Гостепріимное предложеніе было сдѣлано сколько изъ добродушія, составлявшаго отличительную черту характера Тони, столько же, — нужно сказать всю правду,—изъ желанія убѣдить самого себя, что встрѣченное привидѣніе не имѣетъ ничего сверхъестественнаго.

— Переночевать! воскликнулъ чужестранецъ, и глаза его расширились до невѣроятной степени, а отъ дико-пронзительнаго хохота зашевелились листья мирныхъ сосенъ, древнихъ жительницъ лѣсовъ. Ну, не думаю, чтобы я могъ заснуть, развѣ у тебя есть въ запасѣ лишній сонъ, который ты согласишься продать мнѣ. Впрочемъ, я охотно проведу у тебя ночь и искренно благодарю за предложеніе.

Изъ такого страннаго отвѣта Тони вывелъ заключеніе, что собесѣдникъ его большой чудакъ, да и умъ-то его несовсѣмъ здоровъ, а потому, не любопытствуя болѣе разузнавать, что̀ онъ за человѣкъ, счелъ обязанностью провести его къ своей избушкѣ, надѣясь позабавиться надъ странностями этого чудака. Пришедши въ хижину, незнакомецъ тотчасъ сбросилъ съ себя ношу, повидимому очень тяготившую его, а Тони поспѣшилъ уставить столъ питательными яствами, съ неизбѣжнымъ прибавленіемъ большой кружки пива. Окончивъ свои приготовленія, онъ радушно пригласилъ своего призрачнаго товарища сѣсть за столъ и сдѣлать честь безцеремонному ужину.

Когда они садились за столъ, Тони спросилъ у своего гостя:

— Скажи-ка, пріятель, что̀ это за товары носишь ты за спиною?

— Все самыя рѣдкія, отвѣчалъ разнощикъ, устремивъ пронзительный взглядъ на своего хозяина.—Сумка моя нѣсколько походитъ на колоду картъ, которыя, смотря по тому, какъ случай ихъ расположитъ, предсказываютъ счастливую или несчастную судьбу гадающаго.

Тони разсмѣялся такому уклончивому отвѣту, и не желая проникать въ тайны своего гостя, предоставилъ ему говорить о постороннихъ предметахъ, самъ же такъ мало заботился о мѣрахъ предосто-

доможности, что ужинъ не успѣлъ кончиться, какъ болтая всякой вздоръ, и самъ того не замѣтя, высказалъ новому своему пріятелю всю подноготную своей жизни, не получивъ отъ него ни малѣйшаго признака довѣренности, взамѣнъ на свою безграничную откровенность; но въ оправданіе его надо сказать, что незнакомецъ такъ увлекательно говорилъ, такъ хорошо и краснорѣчиво разсказывалъ, да и о такихъ чудныхъ и занимательныхъ предметахъ, о которыхъ прежде Тони никогда и не слыхивалъ, что, конечно, ему не приходило и въ голову прерывать разсказы своего гостя пустыми разспросами.

Однако было уже очень поздно. Тони, привыкнувъ всегда рано ложиться спать, не могъ сопротивляться желанію, клонившему его ко сну, и потому уступая постель гостю, самъ намѣревался растянуться на звѣриныхъ кожахъ, сложенныхъ въ одномъ углу хижины. Но незнакомецъ увѣрялъ его, что время сна для него еще не наступило, и что онъ охотнѣе просидитъ всю ночь на стулѣ. Тони предоставилъ ему полную свободу дѣйствій, а самъ, бросившись на постель, скоро заснулъ тѣмъ глубокимъ сномъ, который всегда готовъ къ услугамъ дѣятельнаго и трудолюбиваго человѣка, наслаждающагося здоровьемъ и утомленнаго дневными трудами.

Не прошло и третьей части ночи, когда голосъ незнакомца разбудилъ Тони:

— Эй, хозяинъ! пора вставать; ужъ разсвѣтаетъ.

Тони едва могъ проглянуть сквозь смежающіяся рѣсницы.

— Ба! ты ошибаешься, товарищъ,—отвѣчалъ Тони,—лунный свѣтъ тебѣ показался разсвѣтомъ. Ради Бога оставь меня въ покоѣ и не мѣшай мнѣ спать! И, повернувшись на другой бокъ, онъ тотчасъ же захрапѣлъ изо-всѣхъ силъ. Незнакомецъ опять усѣлся на стулъ, потомъ началъ ходить по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ и терпѣливо ждалъ нѣсколько времени; но оставалась еще добрая треть ночи, какъ онъ снова сталъ будить Тони, увѣряя, что теперь уже разсвѣло.

Противъ воли, Тони принужденъ былъ снова открыть глаза и снова безъ труда увидѣлъ, что не показывалось ни малѣйшаго признака разсвѣта, а непреодолимое желаніе спать разумно докладывало ему, что еще очень далекъ часъ, когда онъ обыкновенно просыпàлся, а потому на вторичную помѣху любимѣйшаго времепрепровожденія, онъ отвѣчалъ съ досадою:

— Отправляйся гулять, если у тебя есть охота, только, говорю тебѣ, не мѣшай мнѣ спать!

— Спать!... прошепталъ незнакомецъ, ужели въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего слаще сна?

Но замѣчаніе осталось безъ отзыва; какъ-бы въ доказательство, что дѣйствительно сонъ есть высшее благо въ мірѣ, Тони уже предался сну или, лучше сказать, своему сокровищу, на минуту отнятому, и снова захрапѣлъ на-славу.

Поневолѣ незнакомцу пришлось призвать на помощь терпѣніе, пока, къ величайшему его удовольствію, аврора растворила наконецъ своими розовыми пальчиками врата востока и разлила пламенные лучи свои на оживленную природу.

Въ ту же минуту онъ принялся хлопать дверьми, стучать стуломъ, передвигать столъ, словомъ, производить всевозможный шумъ, который, замѣнивъ слова, могъ разбудить соню и предупредить, что время уже вставать. Тони не былъ глухъ къ шумнымъ воззваніямъ незнакомца.

— Ну, теперь я къ твоимъ услугамъ, —сказалъ онъ, вскакивая съ постели—и готовъ, если тебѣ угодно, избѣгать съ тобою весь лѣсъ, разумѣется, послѣ хорошаго завтраку.

Замѣтивъ, что на лицѣ незнакомца не было никакихъ слѣдовъ, ни утомленія, ни отдохновенія послѣ протекшей ночи, и что глаза его, напротивъ, все такъ же сверкали необыкновеннымъ блескомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему:

— Ты однако престранный человѣкъ!... развѣ можно цѣлую ночь не спать? развѣ ты такъ спѣшишь въ дорогу?

Незнакомецъ отрицательно покачалъ головою.

— Если ты часто проводишь такія безсонныя ночи, то совсѣмъ лишишься силъ. Теперь прошу садиться и подкрѣпить себя завтракомъ.

— О! все зависитъ отъ привычки! сказалъ незнакомецъ, усаживаясь за столъ: — такимъ-образомъ провелъ я прошедшіе полтора года и здоровье мое оттого нисколько не разстроилось.

Ножъ выпалъ изъ рукъ Тони при такомъ странномъ разсказѣ; съ невыразимымъ изумленіемъ посмотрѣвъ на незнакомца, онъ воскликнулъ:

— Какъ? не смыкая глазъ во все это время?

— Именно, какъ ты говоришь! отвѣчалъ незнакомецъ.

— Стало-быть ты самъ дьяволъ! воскликнулъ Тони. вскочивъ съ ужасомъ, который онъ испытывалъ въ первый еще разъ въ жизни.

— Садись, дружище, сказалъ разнощикъ, разсмѣявшись надъ возбужденнымъ имъ страхомъ: для успокоенія своего, знай, что каждый разъ, когда взамѣнъ моихъ товаровъ я могу добыть себѣ хорошаго сна на одинъ или два года, я никогда не пренебрегаю такимъ случаемъ. Но довольно объ этомъ, теперь отвѣчай мнѣ на одинъ вопросъ: отчего ты такъ сладко спишь?

— Но, сказалъ Тони, не зная, что̀ отвѣчать на вопросъ, затрудняющій его именно своею простотою: когда цѣлый день рыскаешь по лѣсу за дичью, очень понятно, что поневолѣ заснешь. Не такъ ли?

— Можетъ-быть; но положимъ, что ты богатъ, охотишься только для своего удовольствія, что у тебя великолѣпныя палаты, съ безчисленнымъ множествомъ вассаловъ, что вся жизнь твоя — рядъ безпрерывныхъ и разнообразныхъ удовольствій, могъ ли бы ты тогда обойтиться безъ сна?

— Мнѣ кажется, ночью мнѣ непремѣнно захотѣлось бы спать, отвѣчалъ Тони.

— Но еслибъ у тебя отнята была охота, или необходимость спать? продолжалъ незнакомецъ.

— О тогда было бы еще выгоднѣе и пріятнѣе жить двойною жизнью и предаваться безпрерывнымъ наслажденіямъ.

— Ужъ правду сказать, что королевская покупка, и если только тебѣ нравится, то сейчасъ же по рукамъ, сказалъ незнакомецъ. Ну что̀, хочешь ли жить во дворцѣ и быть принцемъ?... Продай мнѣ семь лѣтъ сна.

— Какъ же это можетъ быть? воскликнулъ изумленный Тони.

— Ужъ это мое дѣло, тебѣ нечего хлопотать, — отвѣчалъ незнакомецъ. Только согласенъ ли ты.... Разъ, два, три!

— Согласенъ! отвѣчалъ Тони восхищенный великолѣпною будущностью, открывавшеюся предъ его глазами.

Тогда незнакомецъ вынулъ изъ своей сумки крошечный серебряный колокольчикъ, превосходной работы и подавая его Тони, сказалъ:

— Все, чего бы ты ни пожелалъ, сейчасъ будетъ исполнено, только позвони въ этотъ колокольчикъ. По окончаніи седьмаго года, я

тотчасъ явлюсь, лишь только ты позвонишь и мы можемъ возобновить договоръ нашъ на семь, или на четырнадцать лѣтъ и даже на двадцать одинъ годъ.

— А, если я устану отъ безсонницы прежде окончанія семи лѣтъ? замѣтилъ Тони.

— Позвонивши, ты можешь заснуть въ послѣдній день каждаго года; но берегись, чтобы дворецъ твой не разрушился безъ всякаго возврата.

Послѣднія слова были произнесены уже соннымъ голосомъ, новичекомецъ, повалившись на стулъ, тотчасъ же предался сладкому сну, столь давно и вотще желанному сну, который долженъ продолжаться для него по-крайней-мѣрѣ годъ.

— Дворецъ, дворецъ, скорѣе мнѣ дворецъ! закричалъ Тони, звоня въ колокольчикъ какъ съумасшедшій.

Менѣе, нежели въ одно мгновеніе ока, простая одежда Тони замѣнилась великолѣпнымъ нарядомъ, хижина исчезла, а вмѣсто нея появился превосходный портикъ со множествомъ колоннъ изъ превосходнаго мрамора, образующій великолѣпный входъ княжескаго жилища Крошечный его садикъ сталъ раздвигаться, и наконецъ, размѣры его до того раскинулись, что могли соперничать величиною и красотою своею, съ прелестными Борромейскими островами; разумѣется, лѣсъ служилъ границею этому огромному и великолѣпному жилищу, явившемуся такимъ чудомъ. Тони искалъ глазами разнощика, чтобы поблагодарить его и выразить свое удивленіе, но разнощикъ сдѣлался невидимъ. Онъ пошелъ по всему дворцу, разсматривалъ живопись и разныя рѣдкости, приходя въ восторгъ отъ всего видѣннаго, въ-особенности, при мысли, что все это принадлежало собственно ему; налюбовавшись досыта, онъ позвонилъ къ обѣду. Вмигъ явился роскошный обѣдъ къ его услугамъ, придворные сѣли съ нимъ за столъ, и каждый стараясь умомъ своимъ и веселостью угодить ему, забавить его, всѣ вмѣстѣ наперерывъ предупреждали его желанія. Тони, неимѣвшій и понятія о такомъ пиршествѣ, на славу угостился, но несмотря на то, что не пропускалъ ни одного блюда, и пробовалъ всѣ вина, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія отдохнуть послѣ обѣда, какъ бывало прежде, и потому сталъ совѣтоваться со всѣми собесѣдниками, какъ бы пріятнѣе провести вечеръ. Они придумали разныя игры, наперерывъ предлагая свои услуги выучить его этой-

лость, титулъ, которымъ они величали его. Принесли карты, и Тони счелъ обязанностью выучиться играть въ самыя увеселительныя игры.

Погрузившись въ новыя занятія, которыя, повидимому, болѣе утомляли, нежели служили отдохновеніемъ, Тони вспомнилъ веселый обѣдъ и тотчасъ же приказалъ подавать ужинъ. Придворные спѣшили исполнить желаніе его свѣтлости, и всѣ отправились опять въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный ужинъ, приправленный пѣніемъ, веселыми анекдотами, остроумно разсказанными. Впрочемъ, спустя нѣсколько времени, гости, несмотря на всѣ усилія превозмочь овладѣвавшій ими сонъ, дѣлались мало-по-малу неразговорчивы, а тамъ и совсѣмъ замолчали, хотя время-отъ-времени Тони весело обращался къ нимъ съ подобными воззваніями: — «Что же, веселые товарищи, позабавьте меня, вы знаете пословицу: «безъ пѣсенъ и ужинъ не въ ужинъ!» Натура таки взяла свое, и всѣ веселые товарищи одинъ за другимъ заснули, положивъ голову на плечо сосѣда.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія спать, его свѣтлость началъ подумывать, что подобное состояніе довольно скучно; и послѣ тщетнаго напоминанія своимъ подданнымъ объ учтивости, которую, по мнѣнію его, имъ не слѣдовало бы забывать, и наскучивъ бросать имъ въ лицо хлѣбные шарики, которые онъ каталъ для пріятнѣйшаго препровожденія времени, онъ приказалъ служителю проводить себя въ спальню, надѣясь, что лишь-только ляжетъ въ постель, то, по привычкѣ, тотчасъ же заснетъ. Но его надежды не сбылись: битыхъ два часа ворочался онъ съ боку на бокъ, напрасно отыскивая убѣгающій сонъ. Наконецъ Тони счелъ за лучшее встать, одѣться и разгулять въ лѣсу свою безсонницу, не придумавъ, какъ лучше убить время. Какъ на зло, цѣлую ночь шелъ сильный дождь и его шелковое платье покрытое золотомъ, промокло насквозь. Тони возвратился во дворецъ съ насморкомъ и флюсомъ, что и принудило его пролежать въ постели цѣлыхъ три дня, чего съ нимъ отъ роду не случалось, но всего хуже было то, что онъ въ-продолженіе трехъ дней ни на минуту не смыкалъ глазъ и не могъ насладиться вожделѣннымъ сномъ.

По выздоровленіи Тони вздумалъ, что лучшая для него забава была бы охота и рѣшился возвратиться къ прежнему и любимому своему занятію, къ которому всегда питалъ особенную страсть. Но въ этотъ разъ охота была уже не въ прежнихъ размѣрахъ. По звонку его явилось стадо гончихъ собакъ и толпа охотниковъ, и онъ немед-

ленно пустился въ путь, въ сопровожденіи всей свиты. Тони охотился цѣлый день и такъ удачно, что всѣ его товарищи до того утомились, что на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго, всѣ безъ исключенія, заснули и, слѣдовательно, ранѣе обыкновеннаго онъ остался одинъ на собственномъ попеченіи. Тогда ему пришло на умъ доставить себѣ удовольствіе поохотиться при факелахъ, но когда онъ потребовалъ, чтобы на зовъ его явилась вся свита, ему отвѣчали, что всѣ охотники улеглись спать и даже собаки заснули въ своихъ канурахъ.

— Это что́? воскликнулъ Тони :—отъ чего всѣмъ имъ такъ захотѣлось спать? Развѣ они не могутъ такъ же обходиться безъ сна, какъ и я?

Онъ позабылъ, что разнощикъ точно такое же сдѣлалъ ему замѣчаніе.

Взволнованный Тони снова позвонилъ и новая свора собакъ, такъ же какъ и новая толпа охотниковъ, всю ночь охотились съ нимъ въ лѣсу за хищными звѣрями; онъ возвратился во дворецъ, когда уже начало свѣтать, и такимъ образомъ проводилъ сряду нѣсколько дней и ночей; наконецъ, несмотря на его желѣзное здоровье, безпрерывная дѣятельность дотого утомила его, что онъ поневолѣ принужденъ былъ нѣсколько ночей оставаться дома. По звонку его явилась новая толпа придворныхъ, длятого, чтобы ежеминутно вокругъ него были люди, готовые забавлять его; но и вспомогательному обществу невсегда удавалось развеселять его:—самые остроумные и самые веселые теряли и умъ и веселость, послѣ нѣсколькихъ часовъ безпрерывныхъ восторговъ и увлеченій.

— Какъ же я буду убивать время? думалъ однажды утромъ Тони: я могу дѣлать все что́ мнѣ угодно, сто́итъ только пожелать, а не придумаю чего желать?...

Послѣ этого размышленія, онъ приказалъ позвать всѣхъ придворныхъ, и ночныхъ, и дневныхъ, и объявилъ всѣмъ и каждому, что онъ озолотитъ того, кто выдумаетъ новую забаву, которою можно бы развеселить его.

Тогда одинъ каммергеръ приблизился и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— У меня пять дочерей, всѣ онѣ молоды и красавицы; если на-

шей свѣтлости угодно будетъ приказать, то я представлю ихъ; смѣю надѣяться, что умъ ихъ разсѣетъ свѣтлѣйшую скуку.

— Чудесная выдумка! воскликнулъ Тони.—Я всегда любилъ хорошенькихъ дѣвушекъ; на одной изъ нихъ я непремѣнно женюсь и мы сдѣлаемъ балъ. Бѣги, лети, и скорѣе возвращайся съ своими пятью дочерьми; я хочу видѣть всѣхъ, понимаешь ли?

Пока придворный спѣшилъ исполнить приказаніе своего повелителя, Тони разсылаетъ всѣхъ окружающихъ за своими дочерьми, сестрами, родственницами, въ какомъ бы то ни было колѣнѣ, лишь бы онѣ не были слишкомъ стары, слишкомъ безобразны; послѣ чего онъ позвонилъ, чтобъ все было готово къ большому балу. Но чтобы этотъ неожиданный праздникъ не походилъ на семейный праздникъ какого-нибудь гражданина, онъ заказалъ, по звонку же своего колокольчика, сто молодыхъ дѣвицъ и столько же молодыхъ кавалеровъ, явившихся въ самыхъ пышныхъ нарядахъ.

Никогда луна не освѣщала очаровательнѣйшаго вечера и великолѣпнѣйшаго бала, какими наслаждался въ эту ночь Тони; но лишь только придворный появился съ пятью дочерьми, какъ онѣ тотчасъ же затмили всѣхъ красавицъ, даже заказанныхъ по звонку волшебнаго колокольчика. Восхищенный Тони танцовалъ со всѣми пятью сестрами, и выбралъ себѣ въ невѣсты самую младшую изъ нихъ.

— Наконецъ, вотъ жизнь, которою я хочу жить! сказалъ Тони:— днемъ буду охотиться, а ночью стану задавать балы; такимъ образомъ до свадьбы я весело проведу время; а когда женюсь, то и не увижу, какъ оно промелькнетъ.

Сказать и исполнить, для Тони было одно и то же; вслѣдствіе чего балъ сдѣлался настоящимъ и еженощнымъ приказомъ: нѣсколько ночей сряду всѣ танцовали, да танцовали, такъ что всѣ танцоры и танцовщицы затанцовались до упаду, безпамятства, даже самъ Тони, хотя его страшное утомленіе ни на одинъ часъ не давало ему столь вожделѣннаго желанія предаться благодѣтельному сну.

Вотъ наступилъ и день свадьбы. По звонку Тони явились великолѣпные подарки для невѣсты, сестеръ ея, всѣхъ придворныхъ и семействъ ихъ, и начался новый рядъ праздниковъ, баловъ, концертовъ, охоты, рыбной ловли; а новобрачною любовались и восхищались всѣ, кто имѣлъ случай видѣть ее, и молва о красотѣ ея на сто миль въ окружности разгласила неизобразимое счастіе Тони.

Когда Тони насладился всѣми удовольствіями, продолжавшимися довольно долгое время, и увидѣлъ утомленіе и чувство необходимаго отдыха, ясно изображавшіяся на лицахъ всѣхъ и каждаго, тогда онъ отпустилъ своихъ заказныхъ гостей и сталъ провождать мирную жизнь въ кругу своего семейства, несмотря на то, что самъ онъ, подобно каменному гостю, не имѣлъ нужды въ отдыхѣ. Между нимъ и его женою обнаружились маленькія несогласія.

Тони не могъ равнодушно сносить, когда мадамъ Тони дремала и часто засыпала, разговаривая съ нимъ у камелька; мадамъ Тони не скрывала, что въ мірѣ нѣтъ ничего нестерпимѣе мужа, который никогда не спитъ, и что еслибъ папа не скрылъ отъ нея такой странности, она ни за что̀ на свѣтѣ не вышла бы замужъ за человѣка, незнающаго ни сна, ни отдыха, точно проклятаго, что̀ Тони совершенно опровергалъ, утверждая, что напротивъ это доказываетъ человѣка не проклятаго, но высоко стоящаго надъ всѣми, имѣющими нужду во снѣ. Спорамъ и ссорамъ не было конца, такъ-что Тони объявилъ своей прелестной супругѣ, что если она не уймется, то сейчасъ же онъ позвонитъ и весь дворецъ уничтожится, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Звоните, сколько хотите,—отвѣчала жена,—можете дѣлать что̀ вамъ угодно, ужъ я то не помѣшаю вамъ.

Но Тони вспомнилъ, что надо подождать до конца года, для того чтобъ имѣть право уничтожить договоръ; покорился необходимости, и объявивъ во всеуслышаніе, что не хочетъ доходить до такихъ крайностей, не давъ ей времени на размышленіе, вышелъ взбѣшенный изъ дворца и побѣжалъ въ лѣсъ успокоить свои взволнованныя чувства.

— Мнѣ бы очень хотѣлось встрѣтить моего пріятеля разнощика,— думалъ онъ,—но онъ не такъ глупъ, чтобы терять время на праздношатательство; бьюсь объ закладъ, что теперь онъ спитъ глубокимъ сномъ въ какомъ-нибудь уединенномъ уголку; правду сказать, эта жизнь безъ отдыха начинаетъ надоѣдать мнѣ.

Но послѣ минутнаго размышленія глаза его радостно заблистали, и онъ тотчасъ же зазвонилъ въ свой колокольчикъ:

— Требую товарищей, которые также не спали бы, какъ и я, сказалъ онъ.

Между деревьями послышался внезапный шумъ и Тони увидѣлъ

окруженъ былъ толпою маленькихъ фей. Эти прелестныя созданія висѣли гроздами на вѣткахъ деревъ и покрывали землю безчисленными миріадами, такъ что Тони боялся пошевелиться, чтобы не раздавить ихъ цѣлыми сотнями и, такимъ-образомъ, противъ воли сдѣлаться убійцею.

Вотъ чудо-то.... такъ чудо!—воскликнулъ Тони — вотъ, пожалуй, мнѣ товарищи и въ порядочномъ количествѣ.... Но изъ какой преисподней появились вы.... Нѣтъ, это неучтиво. Скажите мнѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ премиленькой феѣ, которая, повидимому, была царицею толпы, скажите мнѣ, кто вы и откуда явились?

— Кто я? отвѣчала фея.... я называюсь *Свѣтило звѣздъ*, явилась же я издалека, по звонку вашей свѣтлости. Теперь и вы скажите мнѣ, чего вы желаете; только отвѣчайте скорѣе, потому-что я не могу терять времени.

— А вотъ что́,—сказалъ Тони,—мнѣ нужно ваше общество, потому-что я страдаю безсонницею, и если дворецъ мой немножко тѣсноватъ для васъ и вашего народа, такъ это не бѣда, я сейчасъ же прикажу его расширить и сдѣлать такимъ же огромнымъ, какъ торговая площадь ближайшаго города.

— Мы не можемъ оставаться съ вами, — отвѣчала королева. Мы должны бодрствовать, когда другіе спятъ. Все, что́ я могу сдѣлать для васъ, это предложить особѣ, на которую вы укажете, даръ безпрерывнаго бодрствованія.

Тони былъ въ восторгѣ отъ такого предложенія и просилъ королеву предложить этотъ даръ женѣ его.

— А гдѣ она, спросила *Свѣтило звѣздъ?*

— Во дворцѣ, отвѣчалъ Тони, и тотчасъ проводилъ туда королеву фей. Жена Тони, утомленная безпрерывнымъ бдѣніемъ, спала въ креслѣ. *Свѣтило звѣздъ* едва притронулась къ ея рѣсницамъ своимъ перстнемъ, какъ она тотчасъ же проснулась и видя, что Тони улыбается, съ досадою спросила, для чего онъ тревожитъ сонъ ея?

— Я думалъ, что ты выспалась, — сказалъ Тони, бросивъ лукавый взглядъ на фею, но та уже исчезла.

— Да и мнѣ тоже кажется,—сказала жена Тони,—потому-что я не чувствую ни малѣйшаго желанія спать.

Въ радости своей Тони не могъ удержаться и разсказалъ ей обо всемъ случившемся, прибавивъ:

— Теперь мы оба не будемъ спать, и слѣдовательно, намъ не будетъ скучно.

Но жена его была поражена мыслью, что должна раздѣлять участь своего мужа. Родившись знатною красавицею, она привыкла считать время не легкимъ, но слишкомъ тяжелымъ бременемъ, и съ ужасомъ увидѣла въ перспективѣ будущаго пытку безконечныхъ часовъ, прибавленныхъ мужемъ къ ея жизни, и безъ того уже скучной. За то какими горькими упреками осыпала она Тони, замѣтившаго, но увы! слишкомъ поздно, какъ безразсудно устроилъ онъ свои взаимные интересы; и дѣйствительно, съ этой минуты въ домѣ не знали ни покоя, ни согласія! Слуги, каммергеры, придворныя дамы безпрестанно призывались мирить супруговъ, а для ссоръ и раздоровъ у нихъ доставало времени вдвое противъ обыкновенныхъ смертныхъ; пользуясь этимъ несчастнымъ преимуществомъ, они употребляли его во зло для всѣхъ окружающихъ; хорошо еще, что на часть другихъ супружествъ въ его владѣнiяхъ, приходилось ссориться не двадцать четыре часа, а только двѣнадцать.

Наконецъ годъ — который для Тони показался вѣкомъ, приближался къ своему концу. Тони пресытился праздниками, балами всевозможными наслажденiями и удобствомъ, что каждое желанiе его исполняется толпами прислужниковъ; однакожъ по одной только привычкѣ, онъ присутствовалъ на великолѣпномъ банкетѣ, который, мимоходомъ сказать, былъ только семейнымъ обѣдомъ, и смотря на подносимыя ему на золотыхъ блюдахъ изящныя яства, восхищавшiя обонянiе и вкусъ, разставленныя на столахъ украшенныхъ вазами съ цвѣтами и группами серебряныхъ статуй, служившихъ вмѣсто подсвѣчниковъ.

— Все это прекрасно,—думалъ онъ, но прежде я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

Жена спросила у него: вѣрно обѣдъ ему не нравится, что онъ ничего не ѣстъ.

— Все хорошо, все прекрасно, — отвѣчалъ Тони: — но я думаю о томъ, чего недостаетъ здѣсь, но что̀ всего лучше въ мiрѣ.

— Что̀ жъ это такое? спросила она?

— Сладкiй сонъ послѣ обѣда, отвѣчалъ Тони.

— Зачѣмъ же ваша свѣтлость не изволите позвонить, сказалъ одинъ придворный: такой великiй принцъ, какъ ваша свѣтлость — потолько

имѣетъ право просить, но даже и требовать все, что угодно вашей волѣ.

Слова придворнаго напомнили Тони, что наступилъ послѣдній день года, проведеннаго въ такомъ невѣроятномъ хаосѣ разсѣянной жизни, гдѣ завтра походило на вчера, гдѣ благосостояніе доставалось безъ труда и расточалось безъ удовольствія. Схвативъ колокольчикъ, онъ воскликнулъ: — Да! клянусь честью, я позвоню.... но вдругъ онъ остановился, какъ-бы спрашивая самого себя: надо ли возобновить контрактъ на всѣ чудные предметы?... Какъ съумасшедшій, онъ позвонилъ: «Дайте мнѣ сонъ! сонъ!... Я хочу спать.... Дайте мнѣ сонъ!...»

Въ одно мгновеніе дворецъ исчезъ въ воздухѣ.... банкетъ, жена, каммергеры, придворные, дамы, все исчезло и Тони очутился прежнимъ Тони охотникомъ, на порогѣ той самой хижины, какою она была годъ тому назадъ.

Разнощикъ, спавшій на стулѣ, торопливо вскочилъ и воскликнулъ:

— Я здѣсь! я здѣсь!

— А! а! воскликнулъ Тони, передразнивая слова его; отчего ты такъ сладко спалъ?

— Развѣ ты не могъ подождать окончанія семилѣтняго сроку, чтобы разрушить дворецъ свой? спросилъ разнощикъ.

— Не говори мнѣ о дворцѣ, отвѣчалъ Тони:—природа повелѣваетъ намъ ѣсть, когда мы голодны; пить, когда у насъ жажда, и спать, когда хочется спать; теперь по опыту я узналъ настоящую цѣну сна; покойной ночи, пріятель!...

Разнощикъ взялъ свой серебряный колокольчикъ и ушелъ, зѣвая, потягиваясь, недовольный, повидимому, что спалъ только одинъ годъ, между-тѣмъ какъ нашъ Тони съ неописанною радостью предался сну.

ПУНЦОВАЯ КОМНАТА или НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ.— Славная вещь—дружба! Чудная вещь—любовь! Какъ и всѣ благородныя чувства, онѣ проистекаютъ отъ добродѣтели, и часто составляютъ самую сущность добродѣтели! Но какъ часто случается, что дружба остается непризнанною, что любви вѣроломно измѣняютъ!

Вначалѣ нынѣшняго вѣка жили въ Парижѣ двое юношей, кото-

рые никогда не разставались съ самаго дня своего рожденія: родились они оба въ одномъ домѣ, въ улицѣ Сент-Оноре, одинъ въ первомъ, другой во второмъ этажѣ, Эженъ Томассенъ отъ богатыхъ, Жанъ Вердье отъ достаточныхъ только родителей. Они вмѣстѣ воспитывались, никогда не теряли другъ-друга изъ виду, и взаимно питали нѣжную любовь,—ну, ни дать ни взять Дамонъ и Пиѳіасъ, или Орестъ и Пиладъ. Какъ всегда случается, дѣти ростутъ и дѣлаются людьми; когда обоимъ юношамъ стукнуло по двадцати лѣтъ, старикъ Вердье, отецъ Жана, позвалъ сына къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Жанъ, другъ мой, вотъ ты и человѣкомъ сталъ; пора подумать о себѣ и войти на поприще жизни хорошими воротами.

— А какія ворота хороши? спросилъ Жанъ.

— Женитьба, сынъ мой. Въ Понтарлье живетъ у меня другъ, богатый человѣкъ, обладатель кузницы, ежегодно приносящей славный доходъ, а у него есть дочка, прекраснѣйшая дѣвушка въ цѣломъ Понтарлье; такъ вотъ онъ то, другъ мой, удостоиваетъ тебя чести сдѣлаться его зятемъ. Ступай же въ дубскій департаментъ, женись на дочери моего друга, и такимъ образомъ вдругъ сдѣлаешься и богатъ и счастливъ. Да не забудь запастись «Трактатомъ о металлургіи» и хорошенько ознакомься съ этою наукою.

Въ 1800 году было еще много сыновей, которые слушались своихъ родителей. Жанъ тотчасъ покорился волѣ отца: ѣхать и жениться; но какъ разстаться съ Эженомъ Томассеномъ, съ половиною своей души, съ другомъ, безъ котораго онъ не умѣлъ ни дѣйствовать, ни думать, ни жить? Прощаніе ихъ было самое трогательное; дилижансъ умчалъ Парижанина, провожаемаго печальными родными и плачущимъ другомъ.

Въ Понтарлье Жана ожидала самая радушная встрѣча; прекраснѣйшая дѣвушка въ цѣломъ Понтарлье была неочень красива; но вѣдь у людей ужъ такъ водится: всегда расхваливать наслѣдницъ; зато, какъ невсегда водится между наслѣдницами, невѣста его была добра, простодушна, кротка, и всею душою полюбила мужа, пріѣхавшаго къ ней изъ Парижа. Жанъ также привязался къ ней искреннею любовью, сталъ изучать металлургію, науку трудную, требующую тщательной и неутомимой практики, и не замедлилъ сдѣ-

латься такъ счастливъ, какъ только можно въ этомъ мірѣ, живучи въ разлукѣ съ сердечнымъ другомъ.

Разлука наповалъ убиваетъ любовь, и помаленьку ослабляетъ нѣжнѣйшія узы дружбы. Эженъ Томассенъ писалъ къ своему другу, Жанъ Вердье всегда отвѣчалъ; однако, не знаю, какъ ужъ это сдѣлалось, только дружеская переписка что-то пошла несовсѣмъ аккуратно, а тамъ — какъ-то пооттянулась, а тамъ — обстоятельства ли, независящія отъ людей, или невольное, хотя естественное увлеченіе человѣческихъ чувствъ, — только она совсѣмъ прекратилась, и безъ всякой причины; да вѣдь и то сказать: живешь далеко другъ отъ друга, видишь не одно и тоже, думаешь не объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, такъ и говоришь какъ-то непонятнымъ языкомъ. А время все уходитъ. Вотъ нашъ Жанъ сдѣлался самымъ искуснымъ кузнечнымъ профессоромъ. Мало-по-малу онъ лишился отца, матери, тестя, и остался одинъ хозяиномъ своего заведенія, которымъ управлялъ съ великимъ успѣхомъ; онъ любилъ жену, жена его любила — все было прекрасно, да друга то ему недоставало.

— Милая Софи, — разъ говоритъ онъ своей женѣ, — ничего недоставало бы къ моему полному счастію, еслибъ со мною былъ здѣсь Эженъ Томассенъ, котораго я послѣ тебя больше всего въ мірѣ люблю; или еслибъ нашу кузницу какой-нибудь благодѣтельный геній перенесъ къ нему поближе въ Севръ, или въ Шаронну, или пожалуй въ Булоньскій лѣсъ.

Въ странахъ, орошаемыхъ Дубсомъ, женщины не вѣрятъ въ благодѣтельныхъ геніевъ, и потому госпожа Вердье пожала плечами.

— Другъ мой, — сказала она, — если тебѣ такъ хочется видѣть своего друга, то пригласи его къ себѣ; мы будемъ угощать его дичью и фруктами, какихъ невездѣ найдешь; днемъ онъ будетъ ходить на охоту, а вечеромъ играть въ бостонъ съ господиномъ меромъ или помощникомъ префекта, или, пожалуй, съ нами въ пикетъ.

Жанъ тотчасъ отговорилъ ее.

— Что ты, голубушка Софи. Ему играть съ понтарльскимъ меромъ, и еще въ пикетъ! такому молодцу, который всѣ вечера проводитъ въ оперѣ или въ блистательнѣйшихъ парижскихъ гостиныхъ.

— Ну, такъ вотъ что сдѣлай, другъ мой, ступай-ка ты самъ въ Парижъ, мѣсяцъ какой-нибудь ты проведешь съ другомъ, и привезешь мнѣ новое платье.

Жанъ тотчасъ ухватился за эту мысль, которая ему весело улыбалась; самъ же онъ никакъ не рѣшился бы сдѣлать это предложеніе. Онъ поцѣловалъ свою жену, и обѣщалъ привезти ей нетолько платье, но и шляпку, и модные часики, то есть осыпанные жемчугомъ, какъ тогда носили.

— Хорошо, хорошо, другъ мой, смотри только — возвращайся веселымъ, да не разоряйся для меня.

На другой день Жанъ уѣхалъ. Какъ-то онъ найдетъ своего друга Томассена? Богатымъ или бѣднымъ, счастливымъ или несчастнымъ, холостымъ или женатымъ? Увлеченный эгоизмомъ своей дружбы къ нему, онъ желалъ бы найти Томассена раззорившимся, проводящимъ ночь гдѣ-нибудь на чердакѣ, а день въ темной конторѣ какого-нибудь купца. О! тогда бы онъ крѣпко прижалъ къ своей груди давно потеряннаго друга, привезъ бы его въ Понтарлье. Да что̀ и говорить! Въ Понтарлье всѣ уже знали господина Эжена Томассена; Жанъ разсказывалъ о немъ и господину пастору, и господину меру, и подпрефекту, и всему муниципальному совѣту, котораго онъ былъ членомъ. Цѣлому Понтарлье извѣстно было, что у Жана Вердье въ столицѣ былъ другъ, соединявшій въ себѣ всѣ качества ума и сердца.

Жанъ пріѣхалъ въ Парижъ утромъ, и остановился въ небольшой гостинницѣ на Карусельской-площади, тогда загроможденной строеніями, и уставъ отъ дороги, легъ соснуть. Тогда были самые длинные іюльскіе дни. Послѣ богатырскаго сна, продолжавшагося нѣсколько часовъ, Жанъ всталъ, закусилъ немного, написалъ письмо къ женѣ, одѣлся, и почувствовавъ необходимость расправить ноги, послѣ невольнаго отдохновенія въ дилижансѣ, машинально направилъ свои шаги къ Елисейскимъ-полямъ.

— Завтра утромъ я отыщу Эжена, думалъ онъ.

Онъ шелъ тихо, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя воздухъ, которымъ дышалъ его другъ, и съ грустью въ сердцѣ, естественно овладѣвающею человѣкомъ по мѣрѣ возмужалости его: тутъ были и разбитыя мечты, и бремя обязанностей, и новый образъ мыслей. Онъ все шелъ, склоня голову, незамѣчая, что прекрасная коляска мчится прямо на него на парѣ чудныхъ лошадей. Вдругъ коляска остановилась, и хозяинъ, небрежно раскинувшійся въ ней, высунулся и сталъ кричать.

— Эй! Жанъ, Жанъ Вердье, другъ мой!

Жанъ поднимаетъ голову и узнаетъ Эжена Томассена. Тотъ бросается изъ коляски; нѣжные друзья обнимаются, цѣлуются, пожимаютъ другъ-другу руки; потомъ начинаются разспросы.

— Такъ я опять тебя вижу, — говоритъ Эженъ, — давно ли ты въ Парижѣ?

— Только нѣсколько часовъ.

— А за какимъ дѣломъ ты пожаловалъ къ намъ?

— Для того, чтобы тебя видѣть и расцѣловать — я рѣшился пуститься въ путь.

— Неоцѣненный другъ! Да, скажи-ка мнѣ, что это мнѣ показалась, когда ты шелъ по тротоару, ты что то печально повѣсилъ голову, руки по карманамъ, — развѣ ты несчастливъ?

— Я знаю одно несчастье, что не вижу тебя.

— Ахъ! какъ ты добръ! но можетъ-быть ты бѣденъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, я очень богатъ, и состояніе мое съ каждымъ днемъ увеличивается.

— И слава Богу, въ добрый часъ! Можетъ-быть ты испытываешь сердечныя горести?

— Ни малѣйшей.

— Такъ семейныя непріятности?

— И тѣни непріятности не проскользнуло между мною и женою. Моя Софи ...

— Твою жену зовутъ Софьею?

— Да. Моя Софи добра, кротка, любитъ меня, и только о томъ и думаетъ, какъ бы угодить мнѣ, а я люблю ее какъ добрый провинціалъ, и совершенно доволенъ своею судьбою.

— Ну, говори по совѣсти, другъ мой, не нужны ли тебѣ какіе-нибудь пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Совсѣмъ не надо.

— Ну, какъ хочешь.

— Да чего ты такъ тревожишься обо мнѣ? спросилъ Жанъ.

— Да оттого, что подмѣтилъ, что ты плетешься въ сторонкѣ, одинъ, пѣшкомъ, съ запыленными сапогами, какъ у какого философа, а вѣдь философами бываютъ только несчастливцы. Это наблюденіе я давно сдѣлалъ.... но ты исключеніе.

При этихъ словахъ ротъ Эжена осклабился, и веселое лицо его расцвѣло улыбкою; онъ крѣпко пожалъ руку своего друга.

— А вотъ мнѣ такъ кажется, что ты, любезный Эженъ, совершенно счастливъ, наслаждаешься цвѣтущимъ здоровьемъ, и вовсе непохожъ на философа.

— Ужъ конечно, отвѣчалъ Эженъ, и надѣюсь, что никогда не буду имѣть причины сдѣлаться философомъ. Я вполнѣ наслаждаюсь минутою настоящаго, прошедшее сонъ, а будущее не существуетъ для меня. Такъ плыву я по рѣкѣ жизни, не жалѣя о сдѣланной уже дорогѣ, не заботясь объ остальной, то есть, безъ малѣйшаго желанія ускорить ходъ моего челнока. У моего челнока, — прибавилъ Эженъ, растягиваясь въ своей коляскѣ — у моего челнока, вожатый — преданность.

— Что̀ ты подразумѣваешь подъ этимъ словомъ?

— Прежде всего, — отвѣчалъ Эженъ самодовольно, — преданность жены; видишь ли, я тоже женатъ: у тебя есть твоя Софи, а у меня моя Клара. Самая прелестная женщина въ цѣломъ Парижѣ, и такъ любитъ меня, что̀ я горжусь такою любовью, и въ награду за то, позволяю дѣлать ей все, что угодно; она-то и управляетъ моимъ челнокомъ съ помощью еще двухъ кормчихъ, которые благопріятнымъ содѣйствіемъ довершаютъ блаженную гармонію моего экипажа. Мы скользимъ по волнамъ жизни, сопутствуемые благопріятными вѣтрами и освѣщаемые благосклонными свѣтилами.

— Кто жъ эти два кормчіе? спросилъ Жанъ.

— Прежде Контоа, мой каммердинеръ и вмѣстѣ главноуправляющій всѣми дѣлами, неоцѣненный человѣкъ, ни съ чѣмъ несравненный слуга, ну, та̀кой человѣкъ, который умеръ бы подлѣ моей кассы, какъ собака умираетъ, охраняя сокровище своего хозяина.... Я не отдалъ бы своего Контоа за милліонъ! прибавилъ Эженъ, имѣвшій привычку на все налагать оправочную цѣну.

— Ну, а потомъ кто еще? спросилъ Жанъ.

— Потомъ ... отвѣчалъ Эженъ нерѣшительно — видишь ли, я долженъ покаяться тебѣ; вѣдь я замѣнилъ тебя.

— Меня?

— Да. Я люблю тебя все попрежнему, но взялъ еще новаго друга, повѣреннаго всѣхъ моихъ печалей и радостей, словомъ, другаго Пилада. Помнишь ли ты то мѣсто, гдѣ Эльвью говоритъ:

Oreste sans Pilade soupe-t-il du souper? (Орестъ безъ Пилада могъ ли поужинать?).

И вѣдь это сущая правда, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи меня; мнѣ необходимо всегда имѣть друга подъ рукою; я ему поввѣряю мои радости и печали; онъ провожаетъ мою жену въ театры, на балы, исполняетъ ея маленькія порученія; зато я, въ свою очередь, занимаюсь его дѣлами, вѣдь я банкиръ, могу предоставить ему всѣ выгоды.

— Вотъ какъ! сказалъ Жанъ Вердье, стараясь скрыть свое горе.

— Ну, да! продолжалъ Эженъ простодушно :—изъ Парижа въ Понтарлье немножко далеко для ежеминутныхъ довѣренностей, для ежечасныхъ изліяній сердца; а я какой счастливецъ! Другіе въ цѣлую жизнь не встрѣтятъ одного друга, а я нашелъ двухъ; тебя я люблю попрежнему; новая дружба ничуть не мѣшаетъ старой. У меня два Пилада, вотъ и все тутъ!

— А какъ имя твоего втораго Пилада?

— Габріель Вербоа; прелесть, что за человѣкъ. Я васъ непремѣнно познакомлю, вы должны подружиться, и мы составимъ тріо, неслыханное во Франціи.—Откровенно сказать,—прибавилъ банкиръ весело, — Габріель обладаетъ качествами, которыхъ у тебя недостаетъ: онъ снисходительнѣе тебя, да и характеръ у него ровнѣе; я внушаю ему нѣкоторое уваженіе, а это очень лестно для моего самолюбія.

Такая довѣренность опечалила бѣднаго Жана Вердье; въ глубинѣ сердца онъ чувствовалъ ревность къ Пиладу номеръ второй, отнявшему у него по-крайней-мѣрѣ на половину сердце друга; но какъ человѣкъ разсудительный, онъ обдумалъ, что самъ же виноватъ; отъѣздъ, небрежная переписка; словомъ, онъ понялъ, что банкиръ имѣлъ право искать новыхъ друзей, и покорился своей судьбѣ.

А между-тѣмъ коляска все ѣхала, и довезла ихъ въ Парижъ, въ улицу Черутти, гдѣ у Томассена былъ великолѣпный домъ. Дорогою онъ разсказалъ своему другу, что жилъ на очаровательной дачѣ въ Булонскомъ-лѣсу, что на дачѣ осталась его жена и неранѣе возвратится въ городъ, какъ завтра, да и что онъ самъ только потому разстался съ своею прекрасною и нѣжно любящею Кларою, что завтра, очень рано утромъ, долженъ побывать у министра по очень важному дѣлу.

— Гдѣ же ты остановился? спросилъ онъ у Жана Вердье.

Тотъ назвалъ гостинницу на Карусельной-площади.

— Такъ ты отъужинаешь со мною?

— Охотно.

Дома никто не ждалъ барина; но что̀ за бѣда! Банкиру сто̀итъ только топнуть ногою, чтобъ изъ-подъ земли выскочилъ самый изящный ужинъ; ему сто̀итъ только сказать, какъ второму Лукуллу, въ какой комнатѣ онъ будетъ ужинать, для того, чтобы слуги уже знали, какого рода онъ требуетъ угощенья. Томассенъ любилъ и много и хорошо поѣсть, и глубоко уважалъ Гримо де-ла-Реньеръ и де-Бовилье, у которыхъ глава его кухни былъ ученикомъ. Словомъ, ужинъ былъ превосходный.

— Гдѣ же Контоа? спросилъ Томассенъ у людей, садясь за столъ.

Контоа, этотъ образецъ слугъ, не разсчитывая на возвращеніе барина, иначе распорядился своимъ вечеромъ и отправился въ театръ.

— Бѣднякъ Контоа,—говорилъ Томассенъ своему другу,—престрастный охотникъ до мелодрамъ; ужъ это его страсть! Тотенъ, Френоа, Марти — вотъ его герои. Я самъ не прочь поглядѣть иногда на Тальму и мадмоазель Дюшеноа: у всякаго свой вкусъ, смотря по состоянію и образу воспитанія.

Наши друзья поужинали отлично; послѣ бордо, подали шампанское. Столъ составлялъ любимѣйшее поле битвы банкира, а Жану Вердье надо было вознаградить себя за плохіе обѣды въ трактирахъ. Откровенность такъ и просилась изъ сердца на языкъ; у друзей не было уже тайнъ другъ для друга; часы летѣли, но они забывали время въ бесѣдѣ, интересной для нихъ однихъ. Но всему же есть конецъ, и Жанъ, допивъ до дна послѣдній бокалъ шампанскаго, сказалъ своему другу:

— Пошли за фіакромъ, или одолжи мнѣ свою коляску, — мнѣ пора домой.

— Послушай, Жанъ, теперь уже поздно ѣхать въ гостинницу, оставайся ночевать у меня.

Жанъ, хоть и успѣлъ соснуть нѣсколько часовъ, несмотря на то, страхъ какъ усталъ; притомъ же трактирная постель неочень прельщала его, и потому онъ тотчасъ же согласился.

— Ты переночуешь, — сказалъ Томассенъ, — въ спальнѣ моей жены.

— Вотъ выдумалъ!

— Спальною я называю пунцовую комнату, потому-что въ ней иногда спитъ моя Клара. Когда я бываю не совсѣмъ здоровъ, что́, впрочемъ, рѣдко бываетъ, или когда Клара страдаетъ мигренемъ, тогда она оставляетъ меня и скрывается въ своей — пунцовой комнатѣ.... Тебѣ будетъ очень хорошо.

— Лучше мнѣ воротиться въ гостинницу, — сказалъ Жанъ: — если твоя жена, узнаетъ что я переночевалъ въ ея комнатѣ, то очень будетъ недовольна; пожалуй, разворчится, что ея убѣжище осквернено присутствіемъ посторонняго; и будетъ имѣть полное право.

Томассенъ принялъ гордый видъ хозяина дома, главы семейства; въ улыбкѣ его отражалось мощное спокойствіе.

Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Кромѣ-того, ты еще можешь оказать мнѣ великую услугу переночевавъ въ пунцовой комнатѣ: жена моя спрятала тамъ свои брильянты, а я, признаюсь тебѣ, всегда побаиваюсь ночныхъ посѣтителей. И понятно, если украдутъ ларчикъ съ драгоцѣнностями, я долженъ буду другой подарить Кларѣ; хоть это пустяки, бездѣлица, какіе-нибудь сто тысячь экю, однако все-таки досадно.

Жанъ понималъ, что послѣдняя причина не имѣла ничего основательнаго, однако позволилъ себя уговорить и согласился ночевать въ пунцовой комнатѣ, куда его и отвели. Комната была въ нижнемъ этажѣ и выходила въ прехорошенькій садикъ, въ концѣ котораго стоялъ павильонъ, выходившій дверью на улицу. Вся мёбель была атласная, пунцоваго цвѣту, затканная серебромъ, всюду отдѣлана серебряною тесьмою, всѣ занавѣсы были перехвачены серебряными снурками съ такими же кистями.

Пунцовый цвѣтъ, то-есть яркій алый съ оранжевымъ оттѣнкомъ, средина между серизовымъ и малиновымъ, былъ въ большой модѣ въ эту эпоху, даже при дворѣ: императоръ Наполеонъ наряжалъ своихъ каммергеровъ въ пунцовое платье. Жанъ былъ ослѣпленъ такою роскошью, вмѣстѣ изящною и великолѣпною, отъ которой далеко отстала мелочная роскошь въ провинціи; онъ внимательно все осмотрѣлъ и легкое жало зависти пронзило его сердце.

— Чортъ возьми! — сказалъ онъ, становясь противъ великолѣпнаго тоалета: — вѣрно сюда госпожа Клара Томассенъ прячетъ свои брил-

янты, стоющіе триста тысячъ франковъ.. Триста тысячъ франковъ... а мужъ-то считаетъ ларчикъ за бездѣлицу!.. А у моей Софи наберется ли брильянтовъ на десять тысячъ франковъ... Да у меня въ Понтарлье нѣтъ комнаты, въ которой бы вся мёбель стоила одного кресла пунцовой комнаты .. И у друга моего Эжена нѣтъ никакой заботы, ни малѣйшаго горя... Ну, ужъ онъ въ сорочкѣ родился... тѣмъ лучше

Предаваясь такимъ размышленіямъ, Жанъ между-тѣмъ раздѣвался и, наконецъ, улегся на постели, гдѣ иногда покоилась прекрасная Клара Томассенъ. Скоро затушилъ онъ свѣчу, горѣвшую возлѣ него на ночномъ столикѣ, и закрылъ уже глаза, чтобы заснуть. Но сонъ ужасно капризничаетъ съ людьми, у которыхъ кровь взволнована лишнимъ бокаломъ шампанскаго: то онъ вдругъ тяжелымъ свинцомъ тяготитъ вѣки, то опять улетаетъ прочь; нервы вмѣсто успокоенія какъ-то сжимаются, виски бьются, въ головѣ какая-то чертовщина. Несовсѣмъ умѣренный ужинъ не обѣщалъ Жану мирнаго сна; онъ сталъ считать до ста, потомъ до тысячи; а сна все нѣтъ. Онъ принялся думать о своемъ работникѣ Матвѣѣ, который влюбился въ молоденькую Жаннету; о другомъ работникѣ Павлѣ, который ухаживалъ за вдовою Михайлы; о Яковѣ, котораго онъ называлъ болваномъ; словомъ, думалъ обо всемъ, что могло бы убаюкать безмятежнымъ сномъ возбужденную дѣятельность ума; выдумывалъ нелѣпыя сказки, которыя всякаго бы усыпили, и впослѣдствіи клялся, что еслибъ онъ вздумалъ на другой день написать эти сказки, то онѣ вышли бы, если не лучше, по-крайней-мѣрѣ ничуть не хуже какой-нибудь Сандрильоны, или Мальчика съ пальчикъ; но на другой день ему было не до того. Наконецъ онъ задремалъ, то-есть почувствовалъ ту неподвижность, которая обыкновенно предшествуетъ настоящему сну; какъ-вдругъ ему померещилось, что окно въ его комнату тихо растворяется, что кто-то осторожно раздвигаетъ занавѣсы, чтобы не разорвать ихъ и спускаетъ уже ноги на паркетъ. Первая мысль Жана была о брильянтахъ Клары Томассенъ; онъ сознавалъ необходимость тотчасъ же вскочить, схватить вора, если можно, кричать, звать на помощь, потому-что драгоцѣнный ларецъ почти былъ порученъ ему. Но тщетно онъ усиливается сдѣлать движеніе или закричать: точно домовой его душитъ, или подагра приковала къ постели — никакъ не можетъ онъ пошевелиться.

— Ну! заражетъ онъ меня,—думалъ Жанъ,—вотъ горе!, я буду жертвою дружбы; смерть моя сохранитъ дорогому Эжену его обожаемую жену.

Только у вора въ головѣ и помину не было о смертоносныхъ мысляхъ; совсѣмъ нѣтъ, онъ отправился къ камину, взялъ кремень и огниво и вырубилъ огонь.

Въ атомъ промежуткѣ Жанъ успѣлъ очнуться и встать съ постели. Между-тѣмъ ночной посѣтитель зажегъ свѣчу и обернулся: двое незнакомыхъ стояли другъ передъ другомъ.

— Ай! воскликнули оба разомъ.

— А! сказалъ Жанъ, бьюсь объ закладъ, что вы Габріель Вербоа; вы тотъ Пиладъ, номеръ второй, моего друга Томассена? А! Такъ, такъ, понимаю! Клара... Клара... мадамъ Томассенъ, самая прелестная женщина въ цѣломъ Парижѣ, такъ, что ли?

— Милостивый государь...

— Да говорите же, вы ли Габріель Вербоа. Да, или нѣтъ? говорите же.

— Какая вамъ до того нужда, сказалъ съ высокомѣріемъ Габріель Вербоа,—потому-что это онъ былъ самъ,—какая вамъ нужда, кто я?

— Я хочу знать, вы ли Габріель Вербоа, искренній другъ Томассена.

— Да, я.

— Слушайте же, — спокойно продолжалъ Вердье, — вы негодяй, бездѣльникъ, подлецъ, быть-можетъ соблазнившій жену своего друга, нанесшій безчестіе его дому, а я... я, другъ Томассена съ самаго его дѣтства, я, случайно узнавшій безчестную тайну, я требую отъ васъ отчета, и, съ помощью Божіею, заставлю васъ дорого поплатиться за такое вѣроломство. Вонъ отсюда, не позволю вамъ ни минуты здѣсь оставаться.

Трудно было бы Габріелю противорѣчить, или произнести хоть слово, потому-что Жанъ бросился на него, правда, въ костюмѣ несовсѣмъ благопріятномъ для схватки, однако все-таки схватилъ его за шиворотъ и вытолкнулъ въ окно, откуда тотъ пришолъ.

— Я слишкомъ горячъ,—думалъ онъ, тщательно затворивъ окно, и снова улегшись на постель:—Какъ? мнѣ, человѣку женатому, хозяину коммерческаго дома, навязать себѣ на шею дуэль, и съ кѣмъ, и за кого? съ бездѣльникомъ, который не заслуживаетъ чести, на-

кую я ему предлагаю, за женщину, которую я никогда не видывалъ, которая...

Въ супружескихъ бѣдствіяхъ, есть что-то возбуждающее неизбѣжный смѣхъ тѣхъ, отъ которыхъ далека мысль, что и съ ними то же можетъ случиться. Но Жану было не до смѣху. Въ этомъ непріятномъ приключеніи ему только и представлялось, что дружба, честь, вѣроломно нарушены. Первое движеніе эгоизма мигомъ миновалось, онъ сознавалъ, что поступилъ какъ слѣдовало по внушенію обязанности. Дружба тоже налагаетъ обязанности. Жанъ не могъ открыть другу о преступленіи жены его, но пе могъ и оставить преступленіе безнаказаннымъ, стало-быть онъ поступилъ какъ слѣдуетъ.

— Ну, что завтра скажетъ; утро вечера мудренѣе, думалъ онъ засыпая.

Раздражительность мозговыхъ органовъ, возбужденная шампанскимъ, совершенно исчезла, сновидѣнія Жана были самыя пріятныя и счастливыя: ему снилось, что онъ сидитъ-себѣ въ своей конторѣ въ Понтарлье, жена стоитъ передъ нимъ и улыбается, а работникъ приходитъ изъ кузницы и приноситъ ему огромный кусокъ золота, вынутый изъ горнила, въ которомъ обыкновенно расплавляли только желѣзо.

Часа два уже прошло, какъ онъ крѣпко спалъ, убаюканный золотыми мечтами, какъ-вдругъ скрипъ ключа въ замкѣ двери, разбудилъ его. Жанъ подумалъ, что онъ проспалъ всю ночь, что Томассенъ, вставъ рано поутру, чтобъ ѣхать къ министру, зашелъ къ нему еще разъ пожать руку.

— Да чего онъ мнѣ не даетъ спать,—думалъ Жанъ,—это гораздо лучше было бы, и для меня и для него; а то, пожалуй, онъ еще прочтетъ на лицѣ моемъ свое несчастье.

Жанъ повернулся на бокъ и укрылся подушкою, въ надеждѣ, что банкиръ не будетъ имѣть безчеловѣчія, будить человѣка, уставшаго и спящаго сномъ праведника.

Однако онъ предоставилъ себѣ возможность видѣть, что будетъ дѣлать его другъ.

— Томассенъ,—продолжалъ онъ думать,—говорилъ о трехъ стахъ тысячахъ франковъ, какъ о сущей бездѣлицѣ, которую ему ничего не стоитъ бросить на вѣтеръ, для того только, чтобъ отстранить малѣйшее огорченіе отъ жены своей, а видно драгоцѣнный ларчикъ

вѣроломной красавицы у него порядочно на сердцѣ, такъ-что онъ даже передъ отъѣздомъ хочетъ перенести его въ безопаснѣйшее мѣсто, въ свою кассу... И прекрасно дѣлаетъ!.. Только эти банкиры завсегда увеличиваютъ размѣры своего богатства... Ну, да вѣдь это для кредиту... Томассенъ совсѣмъ нетакъ богатъ, какъ разсказываетъ.

А Жану было время раздумывать. Томассенъ плотно поужиналъ, ему слѣдовало хорошенько проспаться послѣ вчерашней попойки. Да ужъ какъ бы министръ ни былъ трудолюбивъ, а вѣдь не встаетъ же онъ до разсвѣту для назначенныхъ пріемовъ. Жанъ прислушивается, приподнимаетъ голову, и видитъ, что посѣтитель пробуетъ отомкнуть тоалетъ, разными крючками и ключами.

— Чортъ возьми! проворчалъ ночной художникъ, не ужто не придется ни одинъ ломъ и не удастся мнѣ покончить дѣла?

Теперь Жанъ все понялъ, онъ вскочилъ съ постели, бросился на этого человѣка, крѣпко схватилъ его за горло, такъ-что чуть не задушилъ, а самъ сталъ кричать стенторскимъ голосомъ, тѣмъ самымъ голосомъ, который покрывалъ даже неизобразимую стукотню въ кузницѣ:

— Караулъ! караулъ! разбой! Громкій голосъ его шумно нарушилъ безмолвіе, царствовавшее въ домѣ; воръ, стараясь вырваться изъ геркулесовскихъ рукъ кузнеца, разбилъ зеркало и опрокинулъ два или три кресла; сосѣдскій пѣтухъ проснулся и разбудилъ всю окрестность своимъ пронзительнымъ кукареку!.. До ушей дозора, проходившаго въ это время по улицѣ Черутти, дошли и оглушительные кукареку пѣтуха, и громогласныя восклицанія Жана, и шумная тревога, поднявшаяся въ домѣ; и онъ прикладами выломалъ ворота.

Въ одну минуту пунцовая комната наполнилась служителями, солдатами, и, наконецъ, между ними появилась заспанная фигура Томассена въ халатѣ и со свѣчою въ рукахъ.

— Чтó случилось? Боже мой! Пожаръ, чтò-ли? кричалъ онъ.

И онъ освѣтилъ толпу людей, толкавшихся въ темнотѣ.

— Какой-то человѣкъ отмыкалъ тоалетъ, чтобъ украсть ларчикъ твоей жены, сказалъ ему Жанъ.

Томассенъ поднесъ поближе свѣчу.

— Контоа! воскликнулъ онъ, — мой вѣрный Контоа! Нѣтъ, это невозможно!

— Онъ или я, кто же нибудь изъ насъ двухъ, отвѣчалъ Жанъ хладнокровно.

Съ первымъ Контоа сдѣлалась судорожная дрожь, въ рукѣ его замеръ инструментъ, которымъ онъ собирался выломать ящикъ, а на лицѣ еще видны были слѣды мощныхъ кулаковъ Жана. Не было возможности отрекаться; онъ бросился на колѣни и просилъ помилованія, сознаваясь въ своемъ преступномъ намѣреніи. Вѣрнаго служителя схватили, связали, а по обыскѣ въ его комнатѣ оказались многочисленные и часто повторяемые свидѣтели его воровства: дорогія, вышедшія изъ моды шали мадамъ Томассенъ, заброшенные банковые билеты, старые брильянты, старое серебро съ вензелемъ Томассена. Когда стали допрашивать Контоа, то онъ сознался, что у него все уже было готово къ побѣгу, и что онъ намѣревался положить въ англійскій банкъ банковые билеты барина и брильянты барыни. Возвратившись ночью домой, онъ узналъ, что баринъ ночуетъ въ Парижѣ безъ барыни, слѣдовательно, нунцовая комната пуста; онъ узналъ также отъ самого Томассена, что съ этого времени брильянты будутъ храниться въ безопаснѣйшемъ мѣстѣ, и потому хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ случаемъ и потомъ бѣжать съ своею добычею. Но его встрѣтила сцена изъ любой мелодрамы, которыя онъ такъ любилъ смотрѣть, и можетъ-быть въ этотъ же вечеръ видѣлъ, если только въ-самомъ-дѣлѣ передъ отъѣздомъ захотѣлъ взглянуть на Тотена и Марти.

Когда преступникъ былъ сданъ на руки правосудію, и спокойствіе водворилось въ домѣ, Томассенъ, скрестивъ руки на груди, сказалъ своему другу:

— Какъ я счастливъ, Боже мой! какъ я счастливъ, что жена моя не пріѣхала со мною въ Парижъ вчера вечеромъ; она умерла бы отъ страху.

— Развѣ она ночевала бы въ нунцовой комнатѣ? спросилъ Жанъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Томассенъ.

— Кто бы могъ подумать? продолжалъ Томассенъ, —Контоа, которому я довѣрялъ цѣлый домъ, ключъ отъ моей конторки и даже портфёйль, который наша братья-банкиры запираютъ тройнымъ замкомъ, такъ-что даже жены не знаютъ, что́ тамъ такое хранится.

— Я и не совѣтую тебѣ довѣряться женѣ, сказалъ Жанъ.

— Почему же? Развѣ ты думаешь, что я имѣю причины недовѣрять женѣ моей?

— Я не имѣю чести знать твоей супруги,—отвѣчалъ Жанъ спокойно, — а говорю вообще:—Не ввѣряй своей тайны женщинѣ — и въ афоризмахъ такъ говорится.

— Ну, въ добрый часъ! А ты тоже имѣешь тайны отъ своей Софи?

— Ну, это дѣло другаго роду.

— Какъ другаго роду?

— Ужъ извини, любезный другъ, видишь-ли, жена моя не первая красавица не только въ Парижѣ, но и не въ Понтарлье даже; у нея нѣтъ брильянтовъ на триста тысячъ франковъ, да притомъ же не она мой кормчій, а я управляю ею.

— Тѣмъ хуже для тебя, отвѣчалъ Эженъ.

Жанъ Вердье немного откашлянулся: «гмъ! гмъ!» что, вѣроятно, означало, что онъ несовсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ своего друга.

Томассенъ приказалъ запречь коляску и отправился къ министру, а Вердье, взявъ его слугу, отправился отъискивать Габріеля Вербоа, что было очень легко.

Вербоа былъ какъ на иголкахъ: онъ страстно желалъ дуэля, но страхъ какъ боялся, чтобы Жанъ Вердье не разсказалъ своему другу свои ночныя похожденія. Мосье Габріель считалъ за стыдъ вчерашнюю роль, которую заставили его разыграть.

— Милостивый государь,—сказалъ Жанъ подходя къ нему:—безъ всякаго сомнѣнія вы человѣкъ опасный... Я, со шпагою въ рукахъ, могу выдержать нападеніе всевозможныхъ фехтовальныхъ профессоровъ; господа офицеры, состоящіе въ гарнизонѣ Понтарлье, знаютъ въ этомъ толкъ. Слѣдовательно, если я одѣлаю вамъ честь и буду драться съ вами, то непремѣнно убью васъ, а вы не заслуживаете такой честной смерти. По моему мнѣнію, лучше напишите къ Томассену, что разстроенное здоровье принуждаетъ васъ ѣхать въ Италію, гдѣ вы проживете три года, а потомъ мы увидимъ, что дѣлать. Если вамъ нужны деньги, то располагайте мною.

— Мнѣ ненадо денегъ! отвѣчалъ Габріель съ презрѣніемъ.

— Конечно! я и забылъ, что вы пользуетесь кошелькомъ Томассена, онъ мнѣ самъ это сказалъ, а я хотѣлъ-было избавить васъ

еще отъ этой подлости. Ну, что же, согласны ли вы уѣхать черезъ полчаса? или впередъ и будемъ драться.

— Я уже сказалъ вамъ, — отвѣчалъ Вербоа, — сказалъ, и теперь повторяю, что ваша дерзость и насмѣшка не у мѣста и неприличны; люди, истинно храбрые, никогда не употребляютъ угрозъ напередъ, а вы своими угрозами не заставите меня оставить Парижа... Будемъ драться.

— А лучше бы вамъ отправиться въ Италію.

Они направили свои шаги къ заставѣ, а пришедши на мѣсто и принявшись за дѣло, мосьё Жанъ съ дивною быстротою далъ ударъ своему противнику, Пиладу, номеръ-вторый.

Свидѣтели хотѣли прекратить ихъ бой, но Жанъ не позволилъ, и опять также изумительно скоро и вѣрно наградилъ вторымъ ударомъ безчестнаго друга банкира Томассена.

Тогда, приблизившись къ Габріелю, онъ шепнулъ ему на ухо.

— Эти двѣ царапины не помѣшаютъ такому бездѣльнику, какъ вы, чрезъ нѣсколько дней снова начать свои похожденія въ пунцовую комнату, и потому будьте увѣрены, я тѣмъ не ограничусь. Эй! лучше согласитесь на мое предложеніе и рѣшайтесь уѣхать въ Италію, или становитесь въ позитуру и на этотъ разъ извините, ужъ я насквозь проколю васъ, безъ всякой пощады.

Мосье Габріель бросилъ умоляющій взглядъ на своего свидѣтеля.

— О! такъ вы умоляете своего свидѣтеля, чтобъ онъ прекратилъ нашъ бой, — очень хорошо, а я сейчасъ все объясню Томассену, и тогда вмѣсто одного, у васъ будутъ два противника, и кто-нибудь изъ насъ непремѣнно ужъ убьетъ васъ.

Мосье Габріель съ покорностью обѣщался уѣхать сейчасъ послѣ первой перевязки.

Покончивъ это дѣло, Жанъ отправился къ знаменитому геологу, посовѣтоваться съ нимъ о нѣкоторыхъ минеральныхъ затрудненіяхъ, о желѣзѣ, свинцѣ, оловѣ и о плавкѣ этихъ металловъ; о чемъ ему жена нѣсколько разъ напоминала, какъ о важномъ дѣлѣ, которое могло сдѣлать большую экономію въ кузнечныхъ работахъ. Жанъ объяснялъ всѣ свои затрудненія, а между-тѣмъ противъ воли разсѣянно слушалъ получаемые совѣты: судьба несчастнаго Томассена сильно озабочивала его.

— Бѣдняжка! думалъ онъ, можетъ-быть жена ему вѣроломно из-

мѣнила, другъ коварно обманулъ, слуга, на котораго онъ такъ надѣялся—обокралъ его... Хорошо, что я пріѣхалъ и наказалъ обоихъ мошенниковъ. Теперь дѣло стоитъ только за Кларою, но вѣдь тутъ, говоритъ пословица: не клади пальца между деревомъ и корою, не суй своего носа между мужемъ и женою... Довольно, я буду молчать; никогда не захочу видѣть чело моего друга, краснѣющимъ отъ стыда.

Принявъ такое мудрое намѣреніе, онъ направилъ свои шаги въ улицу Черутти. Его встрѣтилъ Томассенъ блѣдный, съ печальною улыбкою на губахъ.

— Жанъ,—сказалъ онъ ему,—я давно уже зналъ, что ты тяжелаго характера, и кажется вчера же сказалъ тебѣ это; но я никакъ не подозрѣвалъ, что въ сердцѣ твоемъ скрывается бѣшеная ревность, подобная тигру бенгальскому.

— Я ревнивъ! воскликнулъ Жанъ.

— Ревнивъ и вздорливъ, какъ любой учитель фехтованія.... О Жанъ! Жанъ? Ты дѣйствовалъ какъ левъ въ пустыняхъ, о которомъ говоритъ Отелло.

И подавая другу своему письмо, Томассенъ прибавилъ трагическимъ голосомъ, точно Тальма въ Манліѣ:

— Читай.

Жанъ взялъ письмо

«Другъ мой, писалъ Габріель Вербоа, Жанъ Вердье поссорился со мною за тебя и далъ мнѣ двѣ, къ-счастью, легкія царапины; но докторъ мой увѣряетъ, что грудь моя въ плохомъ состояніи и требуетъ, чтобъ я сейчасъ же уѣхалъ въ Италію; мнѣ очень грустно, что уѣзжаю изъ Парижа, не успѣвъ даже пожать руки твоей.»

— Не грудь, а сердце очень плохо, подумалъ Жанъ.

— Ну же, разскажи мнѣ причину своей дуэли съ Вербоа, сказалъ Томассенъ.

— Ни за что на свѣтѣ! отвѣчалъ Вердье.

— Пріятно и вмѣстѣ тяжело,—сказалъ Томассенъ поднимая глаза къ небу,—пріятно и тяжело быть любимымъ до такой степени; но тутъ тяжелая печаль выше удовольствія.

Въ эту минуту мадамъ Томассенъ, возвратившаяся уже съ дачи, вошла въ кабинетъ мужа. Эта женщина, молодая, высокая, необыкновенно стройная, съ самовластнымъ, но не жестокимъ взглядомъ, съ правильными и привлекательными чертами лица, вполнѣ заслуживала

названія прелестнѣйшей женщины въ Парижѣ. Жанъ, увидѣвъ ее, понялъ, какую власть возъимѣла подобная красавица надъ сердцемъ его друга.

— Я не хочу погубить ее,—подумалъ Жанъ; — притомъ же я еще неувѣренъ.... быть можетъ и Вербуа приходилъ въ пунцовую комнату за бриліантами....

— Повѣришь-ли, душенька,—сказалъ ей банкиръ,—что я могу внушать такія сильныя страсти, что другъ мой Жанъ Вердье... мой старый Пиладъ... Рекомендую тебѣ мосье Вердье... тотъ самый, о которомъ я тебѣ часто говорилъ... Повѣришь-ли, милая Клара, что я внушаю такія сильныя страсти, что Вердье не могъ вынести равнодушно моей новой привязанности къ Габріелю, и что онъ далъ двѣ раны нашему бѣдному другу.

— Габріелю? — воскликнула она, - Габріелю? Габріель раненъ? Какое злодѣйство. И вы принимаете еще его къ себѣ?

— Сударыня,—сказалъ Жанъ, прямо смотря въ глаза Клары,—къ несчастью, я сдѣлалъ еще хуже, я долженъ сознаться еще въ бóльшемъ преступленіи... я провелъ ночь въ пунцóвой комнатѣ.

— Ахъ, да! подхватилъ Томассенъ,—это правда, но я принудилъ его ночевать въ твоей компатѣ, и если Габріель имѣетъ право жаловаться на него, то ты обязана ему благодарностью. .

— Я? спросила молодая женщина, запинаясь.

— Да, видишь-ли, я принудилъ его остаться у меня и переночевать въ пунцовой комнатѣ, и еслибы не онъ, то твои бриліанты были бы украдены.

— Какъ!—воскликнула Клара, у которой мысли начинали уже путаться,—развѣ мосье Габріель...

— Да кто тебѣ говоритъ о Габріелѣ... Ну, кому теперь можно вѣрить, милая Клара?.. Контоа, нашъ вѣрный Контоа, котораго я считалъ перломъ служителей, — онъ обкрадывалъ насъ... Конечно, теперь ужъ его отправятъ на галеры.

Все это такъ изумило Клару; слова ея мужа показались ей такъ двумысленны, холодный и презрительный видъ Жана Вердье такъ походилъ на неучтивость, что мысли ея совершенно смѣшались, сильное волненіе захватило дыханіе, ей недостало силъ и она упала въ обморокъ.

— Недоставало еще этого, чтобъ жена моя заболѣла! воскликнулъ съ отчаяніемъ Томассенъ.

На крикъ сбѣжались горничныя и унесли Клару въ спальню.

Нѣсколько минутъ спустя, банкиръ возвратился къ своему другу съ видомъ истиннаго отчаянія.

— Ну, что сдѣлалось съ твоею женою? спросилъ Жанъ.

— Страшный истерическій припадокъ, отвѣчалъ бѣдный мужъ: — я боюсь, чтобъ она не умерла.

— Успокойся, завѣряю тебя, нѣсколько часовъ отдохновенія, совершенно возвратятъ ей силы и здоровье, сказалъ Жанъ.

Томассенъ подошелъ къ своему другу, и взявъ его за обѣ руки сказалъ:

— Выслушай меня, Жанъ, я не сержусь на тебя, Боже меня сохрани забыть нашу старую дружбу; но твой пріѣздъ надѣлалъ мнѣ много горя, и ты имѣлъ самое плачевное вліяніе на мою судьбу.

— Какъ? я имѣлъ печальное вліяніе на твою судьбу? я надѣлалъ тебѣ много горя? воскликнулъ Жанъ.

— Ну, да, это очень ясно; до-сихъ-поръ жизнь моя протекала спокойно, безмятежно, совершенно счастливо, но со вчерашняго дня, какъ злому духу захотѣлось устроить нашу встрѣчу, всѣ бѣды на меня посыпались, горе за горемъ, несчастье за несчастьемъ. Драгоцѣннѣйшій, безпримѣрной вѣрности служитель обкрадываетъ меня, ты же отнимаешь у меня несравненнаго, преданнаго друга.

— Нечего сказать, очень преданнаго! сказалъ Жанъ.

— Наконецъ, по милости твоей и жена-то моя захворала... Бѣдная Клара! Она такъ нѣжно любитъ меня!.. Ахъ! Жанъ! какъ я несчастливъ? Сколько горя!.. Но въ головѣ моей составился новый планъ... я тоже уѣзжаю, и съ женою... въ Италію...

Кузнецъ собралъ всѣ свои силы, чтобы не лопнуть со смѣху.

И Пиладъ, померъ-первый, навсегда покинулъ отель въ улицѣ Черутти, и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда потерялъ дружбу своего Ореста.

Полное ослѣпленіе Томассена, обманутаго во всѣхъ привязанностяхъ и приходящаго въ негодованіе противъ дружеской руки, приподнявшей уголокъ повязки, — все это коснулось Жана: тяжелыя и тревожныя думы обуяли его спокойную мысль.

Онъ тщательно сталъ анализировать себя: въ Понтарлье у него не было ни одного Пилада, ни одного безпримѣрнаго служителя, кото-

рому бы онъ повѣрялъ ключъ отъ своей шкатулки. Однако онъ уѣхалъ изъ Парижа, не предупредивъ жены о своемъ отъѣздѣ и изумилъ ее своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ.

— Какъ, ты ужъ и воротился, дорогой мой Жанъ,—говорила Софи обнимая его:—хорошо сдѣлалъ, что скоро вернулся, а то твое отсутствіе мнѣ показалось слишкомъ продолжительнымъ. Но зачѣмъ же было не предупредить меня.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобъ я тебя предупредилъ? спросилъ Жанъ.

— Конечно, хотѣлось бы, я успѣла бы приготовить пару курочатокъ тебѣ на ужинъ.

Жанъ вздохнулъ свободно.

— Да какъ же ты рѣшился такъ скоро разстаться съ своимъ другомъ? Развѣ вы ужъ меньше прежняго любите другъ друга?

— Напротивъ,—отвѣчалъ Жанъ,—но моя любовь къ тебѣ выше дружбы къ нему; притомъ же онъ отправляется въ Италію, а я не хотѣлъ мѣшать его отъѣзду.

— Да,—подхватила Софи,—вотъ какъ кстати, что ты пріѣхалъ, я послѣ твоего отъѣзда приказала за-ново отдѣлать одну комнату, да только не рѣшила еще какого цвѣту сдѣлать обои и обивку на мебель.

— Дѣлай какой хочешь, только пожалуйста не пунцовый.

— Пунцовый! да что ты разсказываешь о пунцовомъ; я сама ненавижу пунцоваго цвѣта?

— И я также, милая Софи.

И у Жана Вердье, понтарльскаго кузнеца, въ дубскомъ департаментѣ, никогда не было въ домѣ пунцовой комнаты.

МУСТАФА. *Исторія собаки.* Нѣкоторый философъ вздумалъ утверждать, что собаки совсѣмъ нелучше людей. Разумѣется, эта мысль забрела ему въ голову только въ черный день, когда ему не улыбалась жизнь. Такая вопіющая несправедливость объясняется, впрочемъ, страшнымъ разочарованіемъ, проистекающимъ отъ ошибокъ и обмановъ; да притомъ же нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія: этотъ философъ былъ Французъ, а извѣстная вещь всѣмъ и каждому, что Франція никогда не отличалась святою срединою, никогда не умѣла оградиться въ истинныхъ предѣлахъ предлагаемаго

вопроса, она тянется всегда за крайностями. Вотъ вамъ образчикъ: лишь-только было доказано, что пастушки совсѣмъ непохожи на Клименъ, разрумяненныхъ и разукрашенныхъ лентами, Французы сейчасъ же обратили бѣдныхъ пастушекъ въ коровницъ; точно такъ же и тѣ, которые, увлекаясь обиженнымъ самолюбіемъ, утверждаютъ, что и собака не есть истинный другъ человѣка, — несправедливо унижаютъ ее сравненіемъ съ собою.

Вчера я проходилъ по мосту; шелъ дождь, желтая и мутная поверхность рѣки не представляла ничего отраднаго, а между-тѣмъ на мосту собрались толпы людей, и взоры всѣхъ были устремлены на рѣку — зачѣмъ? — Кошка утопала. Страшно было на нее смотрѣть — шерсть на ней ощетинилась, глаза выкатились; она смотрѣла на насъ съ выраженіемъ ненависти и моленія; никто изъ людей не думалъ пошевелиться. Случилось, что въ это же время проходила тернёвская собака, — спокойная и величавая, съ блестящей шерстью, добрыми глазами; она тоже взглянула потому же направленію, какъ и мы, люди, и въ одинъ мигъ, однимъ прыжкомъ очутилась на водѣ, вытащила кошку — своего естественнаго врага, вынесла ее на берегъ, и не обращая вниманія на восклицанія, ни на привѣтствія, вызванныя ею, протѣснилась сквозь толпу и скрылась. Поступокъ терне́вской собаки привелъ мнѣ на память другую исторію.

Когда я жилъ еще въ провинціи, то зналъ одну собаку, по кличкѣ Мустафа, совсѣмъ некрасивую, маленькую, хромоногую и трусиху. Правый глазъ у нея былъ выколотъ, изъ единственнаго же лѣваго глаза проливался цѣлый токъ — симпатичности, ужъ лучше не умѣю выразиться; ея грязная и курчавая шерсть посѣдѣла по краямъ, какъ-будто съ горя и нужды. Впрочемъ, она не принадлежала ни къ какой извѣстной породѣ собакъ: ни таксъ, ни пуделей, ни дворняшекъ, она просто была выродокъ изъ собачьяго роду.

Однажды вечеромъ какой-то пьяный увидѣлъ ее на углу улицы, подлѣ тумбы. Вино у иныхъ людей развиваетъ добрыя чувства: пьяный взялъ ее на руки, обмылъ ея раны, и перевязалъ ихъ. Собака покорно принимала его попеченія, но не смѣла лизать руки, помогавшей ей. Человѣкъ легъ спать по окончаніи этихъ хирургическихъ занятій.

Велико было его удивленіе, когда, проснувшись на другое утро,

первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была собака, которая сидѣла противъ него, и подстерегала его взглядъ. Тогда онъ все припомнилъ, и какъ теперь не былъ уже пьянъ, то и хотѣлъ ее выгнать. Собака съ такою раздирающею печалью посмотрѣла на него, что Робертъ, такъ звали молодаго человѣка, приласкалъ ее, и потомъ уже не думалъ о ней.

Такъ прожили два года хозяинъ съ собакою, первый баловнемъ судьбы, вторая замарашкой, но въ добромъ согласіи: — человѣкъ согласился быть любимымъ. Впрочемъ, любовь собаки была совсѣмъ неутомительна; она всегда держалась въ почтительномъ разстояніи, въ единственномъ ея глазѣ всегда сверкала готовность идти на смерть за своего хозяина, но она не утомляла его ласками и не вызывала ихъ.

Прошло еще два года, собака заболѣла накожною болѣзнью, ужасною и зловонною. Роберту не хотѣлось пачкать свои руки, а въ маленькомъ городишкѣ не было больницъ для собакъ, и потому онъ рѣшился утопить Мустафу.

Выждавъ темную ночь, какъ въ то время, когда онъ нашелъ собаку, Робертъ взялъ ее на руки и пошолъ къ взморью. Море было бурно, небо мрачно, волны съ зеленоватымъ отливомъ разбивались бѣлою пѣною у подножія утесовъ; осенній вѣтеръ немилосердо гналъ волну за волной.

Робертъ привязалъ камень на шею собаки, дрожавшей какъ въ лихорадкѣ, — поднялъ наверхъ — бросилъ въ море. Мустафа даже не пикнулъ, послышался только глухой шумъ падающей тяжести. Молодому человѣку несовсѣмъ сдѣлалось ловко и не безъ стыда онъ наклонился — посмотрѣть. Вѣтеръ сорвалъ съ него шапку и умчалъ ее далеко. На немъ была греческая ермолка, которою онъ очень дорожилъ, потому-что она была вышита руками его возлюбленной. Долго искалъ онъ ее глазами, но глазамъ его являлась только бѣлая верхушка бунтующихъ волнъ. Печальный воротился онъ домой.

Уже съ часъ онъ улегся въ постель, какъ-вдругъ кто-то сталъ царапать у двери его; онъ всталъ и отворилъ ее: предъ нимъ стоялъ окровавленный Мустафа, съ ермолкою въ зубахъ — прислонясь къ стѣнкѣ. Вода текла ручьями съ его шерсти небывалаго цвѣта и, смѣшиваясь съ кровью, скатывалась на камни; Мустафа, во всей

своей грозной, ужасающей красотѣ. Робертъ со слезами обнялъ его и — съ радостью схватилъ греческую ермолку. Еще въ послѣдній разъ взглянулъ на него Мустафа, и единственный разъ въ жизни забылъ — завылъ отъ радости, вѣроятно, что хозяинъ его обнялъ, или отъ горя, можетъ-быть, что такъ скоро былъ имъ забытъ, — кто его знаетъ, — завылъ и умеръ.

НЕЗНАКОМКИ. Тридцатаго марта 1817 года, двѣ дамы, одѣтыя всплошь въ черномъ и закрытыя непроницаемымъ воалемъ, позвонили у воротъ стариннаго огромнаго дома, стоявшаго на набережной острова Сен-Люи. Было около семи часовъ вечера. Привратникъ явился у воротъ съ вопросомъ :

— Кого вамъ надо ?

— Господина Натана.

-- Въ первомъ этажѣ.

Дошедши до указанной квартиры, незнакомки остановились и позвонили у дверей. Служанка, вышедшая отворить двери, съ ужасомъ отскочила назадъ, увидѣвъ двѣ фигуры, совершенно закрытыя черными капюшонами и воалями и въ черныхъ платьяхъ.

— Чорныя дамы ! воскликнула она съ испугомъ.

— Добро пожаловать ! произнесъ важный, но пріятный голосъ изъ другой комнаты.

Обѣ незнакомки, все-еще покрытыя длинными воалями, вошли по этому приглашенію въ смежную комнату и остановились у порогу, внимательно разсматривая всѣхъ присутствующихъ.

Вѣроятно, эта комната была столовая. Большой столъ стоялъ посерединѣ, и при свѣтѣ золотой люстры, висѣвшей на трехъ золотыхъ цѣпяхъ, сверкали стоявшіе на немъ хрусталь и серебро ; кромѣ-того столъ былъ уставленъ конфектами, вареньями и пирожными всевозможныхъ видовъ и образовъ. Человѣкъ лѣтъ около пятидесяти занималъ главное мѣсто у стола.... Замѣчательной величины брюхо, державшее его въ почтительномъ разстояніи отъ стола, здоровое и румяное лицо, толстыя губы, широкій носъ, рѣдкіе волосы, покрывающіеся уже сѣдинами и торчавшіе надъ его лысиною, все доказывало его пристрастіе къ лакомому обѣду. По обѣ стороны его сидѣли двѣ дамы : по правую, высокая худощавая и сухопарая, съ жаднымъ и инквизиторскимъ взоромъ хозяйки, дрожащей за провизію, наготов-

ленную ея заботами — то была госпожа Натанъ. По лѣвую же сторону сидѣла женщина маленькаго росту и замѣчательной дородности; на лицѣ ея выражалась сердечная доброта, а монашеское одѣяніе, мало гармонировавшее за столомъ Еврея, облекало всю ея особу облакомъ таинственности, возбуждавшимъ уваженіе цѣлаго дома. Напротивъ этихъ почтенныхъ особъ сидѣло двое юношей, оба высокаго росту, прекрасные, стройные, смуглые, съ благородными чертами лица, глаза какъ миндалины, а носъ съ легкою горбиною, отличительный признакъ Евреевъ, родившихся подъ южнымъ небомъ. Во всякомъ случаѣ, по свободному, открытому виду одного, и по робкой неловкости другаго, легко было отгадать, что первый сынъ хозяина, а второй только приказчикъ.

Обѣ незнакомки приблизились къ столу; граціозность движеній, легкость походки, что-то дивно-очаровательное, все заставляло предчувствовать, что обѣ онѣ молоды и прекрасны.

— Желаемъ вамъ счастливаго праздника, — сказали онѣ.

Потомъ одна изъ нихъ, безъ всякихъ церемоній, взяла съ тарелки двѣ конфекты, одну подала своей подругѣ, другую, приподнявъ немного воаль, положила себѣ въ ротъ. И другая, точно такъ же взявъ съ другой тарелки два пирожка, одинъ подала подругѣ, другой сама скушала. Но вдругъ замѣтивъ судорожное движеніе бровей госпожи Натанъ, полурастворенный ротъ, поднятую руку какъ-бы для наказанія хищниковъ дессерта, обѣ незнакомки залились смѣхомъ.... непринужденнымъ, веселымъ, незлобивымъ смѣхомъ, какимъ только дѣти умѣютъ смѣяться. Смѣхъ заразителенъ: сначала расхохотался хозяинъ, ему послѣдовали молодые люди, сама монахиня не могла не улыбнуться; только госпожа Натанъ оставалась неукротима. Хозяинъ взялъ стоявшее предъ нимъ огромное блюдо, на которомъ высилась цѣлая пирамида плодовъ, варенныхъ въ сахарѣ, желая неподчивать ими обѣихъ хохотушекъ, но рука его супруги налегла на его плечо всею тяжестью сварливой хозяйки, закричавшей рѣзкимъ и писклѝвымъ голосомъ:

— Да что жъ это такое, въ-самомъ-дѣлѣ? Уже ли цѣлую недѣлю я хлопотала, трудилась надъ всѣми этими закусками, для того, чтобъ при моихъ глазахъ ихъ съѣли незнакомые люди!

— Позволь замѣтить, любезная жена, — отвѣчалъ кроткій супругъ, —

что эти закуски не стоили тебѣ ни малѣйшихъ трудовъ; потому-что ниспосланы намъ милостью Божьею.

Госпожа Натанъ собиралась возражать, когда одна изъ незнакомокъ протянула руку, какъ-бы требуя молчанія, и сквозь частый вуаль раздался сладкій голосъ, показавшійся всѣмъ присутствующимъ необыкновенно гармоническимъ:

— Ни слова!... Уже ли вы думаете, что мы затѣмъ только явились къ вамъ, чтобы ѣсть ваши конфекты, а не для другой лучшей, благороднѣйшей цѣли?

— Скажи сначала, кто ты? прервалъ ее Натанъ

— Лучше я скажу вамъ, кто вы,—отвѣчала та, къ которой относился этотъ вопросъ.

— Посмотримъ, посмотримъ! воскликнулъ Натанъ, разлегшись на спинку своего стула и тщетно усиливаясь скрестить свои руки; несмотря на всѣ усилія, ему удалось только свести большіе пальцы, которыми онъ принялся вертѣть то въ ту, то въ другую сторону: —Увидимъ, что̀ это будетъ! Начинай же съ меня, моя красавица.

— Согласна. Пожалуй, не только съ васъ, но даже съ вашего отца, который былъ богатымъ банкиромъ и имѣлъ только одного сына,—васъ,—зато трехъ дочерей, которыми онъ нѣсколько тяготился. Вы любили двоюродную сестру, бѣдную, но добрую. Но отецъ заставилъ васъ жениться на богатой дѣвицѣ Доротеѣ Марини. Потомъ онъ выдалъ обѣихъ дочерей за двухъ братьевъ Фернандесъ, въ Мадритѣ. Третья же, самая старшая изъ васъ, по имени Роза, ребенкомъ еще ушла въ одинъ изъ парижскихъ монастырей, гораздо прежде революціи. Съ наступленіемъ здравомыслящаго возраста, она не захотѣла уже покинуть монастыря и приняла полное постриженіе монахини. Когда, во-время Конвента, сестра Роза, очутилась на улицахъ Парижа, безъ крова и защиты, и обратилась къ брату просить убѣжища, онъ принялъ ее съ добродушною любовью.

— Удивительно! Непостижимо! восклицалъ Натанъ, выпучивъ свои сѣрые глаза отъ изумленія и съ неимовѣрною быстротою вертя большими пальцами.

— Обратимся къ двумъ братьямъ Фернандесамъ,—начала въ свою очередь вторая незнакомка.—Дѣла старшаго брата приняли дурной оборотъ,—онъ и жена его умерли, оставивъ малютку дочь, по имени Ревекку, на попеченіе младшаго брата. . Нѣсколько времени спустя,

умерла и вторая госпожа Фернандесъ, а наконецъ и мужъ ея. У нихъ тоже осталась дочь, по имени Авигея.... Обѣ кузины родились въ одинъ и тотъ же день, и обѣ, говорятъ, очень хороши; однако между ними существуетъ великая разница: у одной три милліона, у другой нѣтъ ничего. Вы опекунъ обѣихъ, и теперь ожидаете ихъ прибытія. Правда ли это?

— Непостижимо!... Непостижимо!... повторялъ Натанъ, попеременно посматривая то на жену, то на сестру, на сына, племянника и двухъ незнакомокъ.

Первая снова заговорила.

— На деньги, присланныя изъ Испаніи, вы купили этотъ огромный домъ, великолѣпно устроили его, для богатой Авигеи приготовили весь бель-этажъ, а для бѣдной Ревекки комнатку чуть не на чердакѣ и, по наущенію своей супруги, сказали сыну Даніилу: —«Смотри только на богатую Авигею и не обращай никакого вниманія на бѣдную Ревекку!» А племяннику Іосифу Марини: —«Не смотри ни на богатую Авигею, — она слишкомъ богата для тебя, ни на бѣдную Ревекку, которая недовольно богата, чтобъ быть твоею женою!» — Ну, а это правда?

— Непостижимо!... Непостижимо!... только и могъ повторять Натанъ, между-тѣмъ какъ жена его бросала яростные взоры, монахиня кротко улыбалась, а молодые люди тщетно пытались разглядѣть сквозь частое покрывало черты лица незнакомокъ.

— Богъ накажетъ васъ за прегрѣшеніе ваше, — прибавила та, которая предъ тѣмъ хранила молчаніе: — сегодня утромъ вы получили большой крѣпко-наполненный ящикъ для раздачи милостыни между бѣдными сынами Израиля, которые не въ состояніи покупать лакомыхъ сладостей... а вы не сдѣлали того?

— А вы почему знаете? глухо проворчала госпожа Натанъ.

— Потому-что, еслибы вы роздали до дна ящика, вы нашли бы тамъ нѣчто такое, что повергло бы васъ въ изумленіе, которое теперь выражалось бы на вашихъ лицахъ. Я сказала. Молю Бога да сохранитъ онъ васъ подъ Своимъ святымъ и благословеннымъ кровомъ!

Послѣ этихъ словъ молодыя незнакомки взялись за руки и вышли изъ дому.

Скажемъ нѣсколько словъ о еврейскихъ обычаяхъ, о ихъ увесе-

ницъ, продолжающейся только одинъ день и называющейся у нихъ *пуримъ*. Въ этотъ день родственники и друзья посылаютъ другъ-другу подарки, состоящіе изъ разнаго роду сластей и пирожныхъ; кромѣ такого пріятнаго и лакомаго размѣна, богатые считаютъ за удовольствіе разсылать бѣднымъ разныя лакомства. Случилось, въ этотъ самый день, очень рано по утру, когда всѣ еще спали въ пимадонскомъ домѣ, что коммиссіонеръ отдалъ привратнику огромный бѣлый ящикъ, съ надписью: *господину Натану*, и ушелъ, прежде нежели полусонный привратникъ успѣлъ спросить у него отъ кого. Ящикъ, переданный госпожѣ Натанъ, сдѣлался предметомъ толковъ и предположеній всего семейства. Когда открыли его, то увидѣли, что онъ полонъ всевозможныхъ плодовъ, варенныхъ въ сахарѣ. Тщетно всѣ хлопатали около крышки, даже сняли сверху нѣсколько плодовъ, но ничего не нашли, что́ бы открыло виновника этого подарка.

— Ну, угощусь же я! воскликнулъ Натанъ, потирая руки и заранѣе облизывая свои толстыя губы.

— Тутъ достанетъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ, отважилась замѣтить сестра Роза.

— Я самъ буду разносить, подхватилъ Даніилъ.

— Ты отнесешь къ богатымъ, а я къ бѣднымъ, робко прибавилъ Іосифъ.

— Та, та, та, заворчала госпожа Натанъ, отталкивая отъ ящика всѣ протянутыя къ нему руки:—да кто тутъ хозяйка? кто имѣетъ право отдавать приказанія?

— Не приказанія, моя голубушка, а совѣты,—сказалъ Натанъ съ наполненнымъ ртомъ.

— Я не принимаю ни приказаній, ни совѣтовъ,—сказала госпожа Натанъ голосомъ, недопускавшимъ возраженій.

День прошелъ пообыкновенному. Госпожа Натанъ получила множество сластей, сама же возвращала мѣрою неравною, скудною. Потомъ наступилъ часъ обѣда, во-время котораго произошла маленькая описанная нами сцена, послѣ чего госпожа Натанъ, къ своей видимой досадѣ, должна была высыпать весь упомянутый ящикъ, и на днѣ его найдено слѣдующее письмо, которое, по приказанію господина Натана, распечаталъ и прочиталъ во всеуслышаніе сынъ его, Даніилъ.

«Любезнѣйшій дядюшка и опекунъ!

«Исполняя милостивыя наставленія ваши, мы оставляемъ Мадритъ «и отправляемся къ вамъ. Но замѣтьте хорошенько слѣдующее.... «Одна изъ насъ, именно богатая Фернандесъ, милліонерка Авигея, «наскучивъ почестями и любовью, которыя она приписываетъ своему «несмѣтному богатству, а можетъ-быть также увлеченная романиче-«скимъ, мечтательнымъ чувствомъ молодыхъ дѣвушекъ, обладающихъ «впечатлительнымъ и любящимъ сердцемъ, приняла такое твердое, «ничѣмъ непреодолимое рѣшеніе. Въ назначенный день отъѣзда, она «повела свою кузину, бѣдную Ревекку, на кладбище, гдѣ покоится «прахъ нашихъ возлюбленныхъ и незабвенныхъ родителей, и тамъ, «предъ этими дорогими сердцу могилами, заставила Ревекку дать клятву, «никогда не измѣнить тайнѣ, ввѣренной ей Авигеею. Вотъ въ чемъ «заключается наша тайна.

«На другой день по полученіи этого письма, пріѣдутъ къ вамъ «обѣ племянницы. Обѣ онѣ почти одного росту, очень похожи ли-«цомъ одна на другую, да и цвѣтъ волосъ одинаковъ. Одна назо-«ветъ себя Миріамой, другая Пепитою. Обѣ всегда одинаково будутъ «одѣты, и въ обществѣ, какъ и дома, никто не узнаетъ, кто изъ «нихъ богатая наслѣдница, или бѣдная сирота. Мы отпустимъ всю «прислугу обратно въ Испанію, а во Франціи возьмемъ новую, и та-«кимъ-образомъ обѣимъ сестрамъ Фернандесъ нечего опасаться не-«скромности.

«Примите, любезнѣйшій дядюшка и любезнѣйшая тетушка, увѣ-«реніе въ почтительныхъ чувствахъ обѣихъ племянницъ, подписыва-«ющихся по извѣстной вамъ причинѣ только фамиліями своихъ ро-«дителей.

«Фернандесъ.... Фернандесъ.»

Письмо это возбудило цѣлый взрывъ негодованія со стороны госпожи Натанъ.

— Вотъ тебѣ и радость! кричала она.—Не знать, какой оказывать любезную учтивость, какую держать въ рукахъ? Кажется, по справедливости, нельзя обращаться одинаково съ тою, у которой три милліона, и у которой нѣтъ ни полушки!

— Луиза, голубушка моя,—сказалъ господинъ Натанъ,—вѣдь ты знаешь какъ я проницателенъ; часу не пройдетъ послѣ ихъ пріѣзду, и я отгадаю, кто изъ нихъ богатая Авигея.

Госпожа Натанъ бросила холодный взоръ презрѣнія на своего мужа, слегка пожавъ плечами.

Послѣ этого все семейство разсталось, всякій удалился въ свою комнату, кромѣ госпожи Натанъ, все приводившей въ порядокъ: она собирала остатки дессерта и прятала въ шкафъ, сливала остатки вина въ одну бутылку, словомъ, исполняла всю обязанность записной хозяйки, прежде нежели отправилась спать.

Гораздо до разсвѣта, всѣ люди, разбуженные госпожею Натанъ, были на ногахъ, всѣ суетились, бѣгали, хлопотали; по совѣту сестры Розы, вмѣсто одной поставили двѣ постели въ спальнѣ, приготовленной для богатой Авигеи. Контора господина Натана была заперта по случаю праздника, слѣдовательно, онъ и оба молодые люди принимали дѣятельное участіе въ общей суматохѣ. Слуги, безпрерывно осыпаемые бранью хозяйки, съ неудовольствіемъ повиновались отдаваемымъ приказаніямъ. Добрая сестра Роза старалась ее успокоить, Даніилъ и Іосифъ охотно помогали переставлять мебель. Самъ же хозяинъ только и дѣлалъ, что бѣгалъ на балконъ, выходившій на улицу, и опять возвращался, чтобъ громогласно извѣщать свою супругу.

— Онѣ еще не ѣдутъ! А! маленькія шалуньи! Вамъ угодно запутать насъ, сбить съ толку! но, къ-счастью, меня-то не удастся вамъ провести; я самъ хитеръ.... о! я сейчасъ же отличу богатую Авигею отъ бѣдной Ревекки.

Когда онъ въ десятый уже разъ оканчивалъ эту фразу, вдругъ раздался сильный стукъ у воротъ.

— Ужь не племянницы ли? спросила госпожа Натанъ, торопливо выбѣгая на балконъ

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Натанъ, свѣсившись до половины черезъ перила:—нѣтъ, будь покойна, я скажу тебѣ, когда онѣ подъѣдутъ... Вѣдь онѣ пріѣдутъ въ почтовой каретѣ на четверкѣ. Издали еще услышимъ хлопанье бича почтальона и стукъ колесъ.... Нѣтъ, это какія-то двѣ дѣвочки; вѣрно пришли къ привратнику....

Но позвонили у дверей, и, къ великому удивленію Натана, въ залу вошли двѣ молодыя особы, которыхъ онъ только-что называлъ—какими-то дѣвочками.... На нихъ были черныя шелковыя платья, такія же мантильи и черныя креповыя шляпки; черный кружевной вуаль скрывалъ ихъ лица.

— Господинъ Натанъ! сказали онѣ съ поклономъ, и поднявъ вуали открыли очаровательныя лица, блиставшія бѣлизною, оживленныя большими черными глазами, опушенныя длинными бархатными рѣсницами; чудные черные волосы ниспадали длинными локонами по обѣимъ щекамъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ Натанъ.

— Извините, сударыни,—подхватила госпожа Натанъ, становясь между ними и мужемъ,—намъ теперь не до васъ; мы очень заняты и ждемъ двухъ племянницъ изъ Мадрита, дѣвицъ Фернандесъ; у одной изъ нихъ три милліона приданаго....

Смѣлый, искренній хохотъ прервалъ слова госпожи Натанъ; и тотчасъ одна изъ молодыхъ дѣвушекъ бросилась на шею господину Натану, съ словами:

— Дядюшка!

А другая къ госпожѣ Натанъ, говоря:

— Тетушка!

На эти восклицанія сбѣжалась вся семья, и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ слышались только слова:—дядюшка, тетушка, племянницы, братцы, кузины!

— Пѣшкомъ! воскликнула госпожа Натанъ, опомнившись отъ неожиданности.

— Только не изъ Мадрита, надѣюсь,—отвѣчала одна изъ дѣвицъ Фернандесъ.

— А съ той стороны рѣки, прибавила другая.

— А скажите-ка, кто изъ васъ Авигея? спросилъ г. Натанъ, поглядывая то на ту, то на другую.

— Авигеи тутъ нѣтъ, быстро отвѣчала та, которая была повыше ростомъ; меня зовутъ Пепитой, а ее Миріамой.

— Хорошо!.. хорошо!.. сказалъ Натанъ,—но черезъ часъ.... вѣдь я тоже хитеръ, вы еще этого не знаете!... я тотчасъ отгадаю.

Вошедшій слуга доложилъ о прибывшемъ имуществѣ дѣвицъ Фернандесъ, а госпожа Натанъ предложила своимъ племянницамъ взглянуть на приготовленныя для нихъ комнаты.

— Ступай за ними, шепнулъ Натанъ женѣ своей,—да наблюдай внимательнѣе, какъ будутъ обращаться съ своими слугами, и которая будетъ взыскательнѣе, та и есть богачиха.... Ужъ дѣло извѣстное!

Къ обѣду обѣ кузины появились опять одинаково въ чорномъ, не-

потому-что носили еще трауръ, и не было никакого различія, ни въ одеждѣ, ни въ обращеніи ихъ.

— Обѣ очень кротко обращаются съ своими слугами, шепнула госпожа Натанъ своему мужу.

— Ну, да,—отвѣчалъ мужъ такъ же тихо,—а чтобы еще болѣе запутать насъ, маленькія шалуньи отослали назадъ въ Испанію всѣхъ служителей, сопровождавшихъ ихъ.

— Да почему же ты это знаешь? спросила жена.

— Ха! ха! ха!—говорилъ Натанъ съ лукавымъ смѣхомъ:—ничто не уйдетъ отъ глазъ моихъ.... Ты, вѣдь, знаешь, какъ я хитеръ! Обо всемъ разсказала мнѣ горничная той, которая называетъ себя Миріамой.

Впродолженіе этого совѣщанія, дѣвицы Фернандесъ разговаривали съ сестрою Розою и осыпали ее ласками и привѣтствіями. Обѣ кузины держали въ почтительномъ разстояніи своего брата. Поданный обѣдъ прекратилъ всѣ разговоры. За обѣдомъ обѣ дѣвушки разговаривали скромно, но съ самостоятельностью независимаго положенія въ обществѣ. Въ осанкѣ Миріамы замѣтна была какая-то тѣнь робости, каждое ея движеніе дышало грустью и мечтательностью. Пепита, живая, рѣзвая, веселая Пепита, одушевляла все общество своею живостью. Къ окончанію обѣда, господинъ Натанъ наклонился къ уху жены своей и шепнулъ:

— Голову свою отдаю на отсѣченіе, если Пепита не Авигея!

Госпожа Натанъ отвѣчала только легкимъ пожатіемъ плечей, чѣмъ обыкновенно принимала всѣ увѣренія мужа въ тонкой проницательности его ума.

Вечеромъ зала наполнилась сосѣдями, друзьями, родными, знакомыми, которые, придравшись къ празднику пуриму, спѣшили удовлетворить своему любопытству и познакомиться съ богатою Авигеею. Каждая матушка желала бы имѣть ее своею невѣсткою, да и сынки были непрочь отъ счастья понравиться наслѣдницѣ трехъ милліоновъ, будь она горбата, хромонога, пожалуй, хоть цѣлый уродъ! Но съ красотою обѣихъ Испанокъ дѣло принимало оборотъ еще заманчивѣе, еще обольстительнѣе.

Вопросъ «которая же?», неизбѣжно вертѣлся на языкѣ каждаго изъ приходившихъ гостей и съ любопытствомъ всматривавшихся въ незнакомокъ.

— Подражайте мнѣ и угадайте? былъ отвѣтъ Натана на такіе вопросы.

Нетрудно понять досаду любопытныхъ, равнявшуюся ихъ тревожной неизвѣстности; какъ справедливо замѣтила госпожа Натанъ, нельзя же привѣтствовать одинаково, что бѣдную сиротку, то и богатую наслѣдницу. Молодыхъ красавицъ сильно забавляло всеобщее смущеніе, произведенное ихъ тайною, и онѣ давали другъ-другу слово продолжить свою забаву.

Съ первыхъ же дней прибытія незнакомокъ, въ домѣ все пошло вверхъ-дномъ. Разъ вздумалось Миріамѣ посѣтить сестру Розу, которая жила чуть не на чердакѣ. Въ сильномъ негодованіи сбѣжала она къ госпожѣ Натанъ и самовластно потребовала, чтобы тотчасъ же отвели другое помѣщеніе для сестры Розы, которое было бы приличнѣе для женщины почтенныхъ лѣтъ.

— О!—говорила госпожа Натанъ, исполняя желаніе Миріамы, еслибъ навѣрное знала, что мною распоряжается Ревекка, показала бы я себя. Но терпѣніе! конечно, я добра, но не позволю же наступить себѣ на ногу!

— Потише, моя голубушка...—убѣждалъ ее супругъ, подслушавшій окончаніе ея замѣчанія.—Тутъ нечего ужъ сомнѣваться, я дамъ голову себѣ на отсѣченіе, что Миріамъ и есть настоящая Авигея.

Въ тотъ же день, Пепита, проходя мимо конторы господина Натана, замѣтила чуланчикъ, гдѣ стояла кровать.

— Для какой собаки такое роскошное помѣщеніе? спросила она у госпожи Натанъ, слѣдовавшей за нею.

— Для собаки! воскликнула та:—да гдѣ же вы видали, чтобъ для собаки приготовляли матрацъ, простыни и покрывало? Здѣсь не собака, а Іосифъ спитъ.

— Іосифъ! сынъ вашей сестры! вашъ племянникъ! воскликнула Пепита.

— Ну, конечно,—отвѣчала госпожа Натанъ.—Ужели вы полагаете, что я приняла бы Іосифа къ себѣ въ домъ, кормила бы его, содержала, одѣвала, еслибъ онъ не былъ сыномъ моей сестры? А теперь я ему ни въ чемъ не отказываю. И бѣлья-то у него чуть не на половину того, что имѣетъ мой сынъ и я сама. Зато всѣмъ извѣстна моя чувствительность и благотворительность.

— Все это можетъ быть,—отвѣчала Пепита,—только я прошу васъ

сдѣлать мнѣ удовольствіе и помѣстить моего двоюроднаго брата въ другой комнатѣ. Зачѣмъ у Даніила двѣ спальни? Ему довольно и одной.

— Другая назначена для друзей, если случится ночевать,—возразила госпожа Натанъ.

— Тѣмъ лучше! Вотъ именно случай назначить ее для Іосифа. Во всякомъ случаѣ, я и кузина, мы обѣ желаемъ того.

Эта фраза, которою обыкновенно обѣ сестры заканчивали свои требованія, прекратила всякое возраженіе.

— Видишь ли, моя голубушка,—сказалъ Натанъ женѣ, пересказывавшей ему этотъ случай:—ну, не говорилъ ли я тебѣ, что голову себѣ дамъ на отсѣченіе, если Пепита не наша богачиха Авигея!

— Не крѣпко же держится у тебя голова на плечахъ! возразила ему жена:—вотъ уже два раза отдалъ ты ее на отсѣченіе за Миріаму и три раза за Пепиту—въ одинъ день.

— Однимъ-словомъ,—торжественно прибавилъ господинъ Натанъ,—вѣрно то, что Пепита и есть Авигея, если только,—прибавилъ онъ простодушно,—Миріама не Авигея.

Годъ прошелъ съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣвицы Фернандесъ жили въ пимодансkомъ домѣ, а дѣла не подвигались впередъ. Несмотря на свою тонкую проницательность, господинъ Натанъ до-сихъ-поръ не могъ открыть, которая изъ двухъ племянницъ богатая Авигея. Госпожа Натанъ, поглощенная въ хозяйственныхъ заботахъ, не очень тревожилась неразгаданною неизвѣстностью. Кажется, сестра Роза немножко догадывалась, но она ни слова не говорила, да и мы сдѣлаемъ то же. Таинственныя же сиротки такъ крѣпко хранили свою тайну, какъ-будто ея и не было. Даніилъ и Іосифъ, безпрерывно занятые въ конторѣ, или внѣ дома, могли видѣться съ кузинами только въ часы обѣда или ужина, всегда въ глазахъ всего семейства, и не имѣли случая разговаривать другъ съ другомъ. Въ одинъ лѣтній вечеръ 1818 года обѣ сестры, гуляя въ саду, вошли въ бесѣдку, сдѣланную изъ жимолости и жасмину, и усѣвшись на близъ стоявшей скамьѣ, разговаривали о своихъ незабвенныхъ родителяхъ, о прекрасномъ небѣ Испаніи, потомъ погрузились въ сладкія думы. Вдругъ послышались въ смежной аллеѣ шаги и голоса ихъ двоюродныхъ братьевъ. Молодыя дѣвушки только-что хотѣли позвать ихъ, когда произнесенное имя Авигеи заставило ихъ притаиться.

— Конечно,—говорилъ Іосифъ,—сначала я одобрялъ намѣреніе Авигеи скрывать свое богатство; она хочетъ быть любимою за свои личныя достоинства, а не за милліоны, и она права. Однако, теперь это мнѣ очень мѣшаетъ, потому-что и мнѣ скоро минетъ двадцать шесть лѣтъ.

— Какое отношеніе имѣютъ твои двадцать шесть лѣтъ къ Авигеѣ, спросилъ Даніилъ.

— Я хочу жениться, и еслибъ я былъ увѣренъ, что Миріама—Ревекка, то просилъ бы дядю позволить мнѣ жениться на ней. Правда, я бѣденъ, а у нея нѣтъ ничего, но въ груди моей бьется любящее сердце, у меня есть добрый дядя, и добрый братъ, и съ этимъ, я увѣренъ, у меня станетъ силы содержать свое семейство.

— Дай мнѣ руку, братъ, благодарю тебя,—отвѣчалъ Даніилъ:—я страхъ какъ боялся, что тебѣ понравится Пепита, и не смѣлъ просить руки ея у батюшки, боясь огорчить тебя. Что́ мнѣ за дѣло, Авигея ли она, или Ревекка! Я самъ такъ богатъ, что мнѣ нечего заботиться, бѣдна ли моя жена,—я могу обойтись и безъ ея богатства. Въ благодарность за твои добрыя слова и за довѣренность, которую ты показалъ мнѣ, я открою тебѣ тайну.

Годъ тому назадъ, батюшка спросилъ у меня, какого подарка я желалъ бы въ день своего рожденья, я просилъ его принять тебя моимъ товарищемъ: сегодня я подводилъ итоги, вышло на твою часть пятьдесятъ три тысячи франковъ, двѣнадцать су, шесть денье.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе, по которому сестры отгадавъ душевное волненіе Іосифа, вышли изъ бесѣдки.

— Не желая васъ подслушивать,—сказала Миріама обоимъ братьямъ,—мы все слышали, что́ вы говорили; Пепита и я, мы одобряемъ ваше намѣреніе требовать нашей руки и сами даемъ на то согласіе.

— Сегодня же вечеромъ, нимало не медля; — сказалъ Іосифъ:— согласны ли вы на то, кузина?

— Тѣмъ болѣе,—подхватилъ Даніилъ,—что теперь всѣ собрались вмѣстѣ. Руку вашу, Пепита. Іосифъ, подай руку Миріамѣ и съ Богомъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано; но подходя къ дому, Пепита спросила, кто изъ нихъ начнетъ говорить, и всѣ четверо вдругъ остановились, чтобъ обдумать хорошенько. Каждый принялъ отступательное положеніе: Іосифъ увѣрялъ, что начать долженъ Даніилъ, какъ

любимецъ госпожи Натанъ, а Даніилъ возражалъ, что господинъ Натанъ никогда еще и ни въ чемъ не отказывалъ Юсифу.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ наконецъ Юсифъ : — сегодня у меня станетъ храбрости за четверыхъ.

Онъ пошелъ впередъ; другіе слѣдовали за нимъ, но, къ великому удивленію всѣхъ, въ залу взошло не четверо, какъ имъ казалось, а пятеро : сестра Роза очутилась между ними.

— Постойте, дѣти, — сказала она, — я первая начну говорить : вѣдь я стояла позади васъ и все слышала.

Она пошла впередъ, прямо къ господину и госпожѣ Натанъ. Натанъ держалъ записную книгу и сводилъ какіе-то счеты, а жена его сидѣла подлѣ и вязала сѣрые шерстяные чулки.

— Любезный братецъ и сестрица, — начала кротко сестра Роза, — можетъ-быть неприлично мнѣ, отказавшейся отъ всѣхъ земныхъ радостей, чтобы посвятить себя Богу, вмѣшиваться въ мірскія дѣла; но благополучіе четырехъ милыхъ дѣтей, заставляетъ меня заняться ими.

— Жена, оставь работу, сказалъ Натанъ, закрывая записную книжку и кладя ее въ карманъ; сестра Роза сегодня что-то очень торжественна ; это заслуживаетъ всего нашего вниманія.

— Это что такое ? — спрашивала госпожа Натанъ, поглядывая то на мужа, то на сестру, то на молодыхъ людей, державшихся за руки.

— А вотъ что, — отвѣчала сестра Роза, — Даніилу и Юсифу скоро минетъ двадцать-шесть лѣтъ , имъ пора ужъ жениться. Миріамѣ и Пепитѣ тоже девятнадцать лѣтъ и обѣ онѣ такія благоразумныя, что можно отдать ихъ замужъ ; вотъ они и пришли къ вамъ : Даніилъ хочетъ жениться на Пепитѣ, а Миріама согласна выдти за Іосифа.

Вмигъ тихій голосъ сестры Розы былъ покрытъ визгливымъ крикомъ госпожи Натанъ.

— Это что значить ? — кричала она : — кто это вздумалъ жениться не спросясь у меня ? Зачѣмъ у дѣтей есть отцы, матери, опекуны, дяди , если не затѣмъ , чтобъ женить ихъ по своему усмотрѣнію ? Что это такое ? Я сказала и навѣрное рѣшила , что когда узнаю, которая изъ двухъ племянницъ Авигея, тогда только той и быть женою моего сына, а Ревекка подождетъ, пока посватается богатый

женихъ. А у кого нѣтъ ни кола, ни двора, какъ у Іосифа, тому нечего и думать жениться.

— Голубушка моя, — ввернулъ Натанъ, когда жена его перевела духъ: - Іосифъ совсѣмъ нетакъ бѣденъ, какъ ты думаешь.... Да, я и забылъ, что это секретъ между мною и Даніиломъ ... Впрочемъ, поспѣшно онъ прибавилъ: — я во всемъ съ тобою согласенъ.

Пепита и Миріама отошли уже отъ своихъ братьевъ и пошептавшись другъ съ другомъ, подошли къ Натану, только-что кончившему свое разсужденіе.

— Дядюшка, — сказала Пепита, — вы и тетушка имѣете полное право не позволить своему сыну и племяннику жениться на насъ и мы безпрекословно покоряемся вашему рѣшенію; но въ то же время объявляемъ вамъ твердую рѣшимость, лишь-только наступитъ наше совершеннолѣтіе, мы тотчасъ же выйдемъ за двухъ братьевъ Мишелей, которые просили насъ въ замужство, не освѣдомляясь, кто изъ насъ Авигея.

— Чтó сказала Пепита, то и я думаю, прибавила Миріама.

И обѣ дѣвушки поклонились дядюшкѣ и тетушкѣ, пожали руку сестрѣ Розѣ и вышли изъ комнаты.

Еслибъ громовой ударъ разразился надъ госпожею Натанъ, то и тогда языкъ ея не могъ бы оцѣпенѣть до такой степени.

Неизвѣстно, въ которомъ часу наши почтеннѣйшіе супруги встали на другой день поутру. Очевидцы, достойные вѣроятія, увѣряли даже насъ, что они цѣлую ночь провели въ страшной ссорѣ, такъ-что даже сосѣди пимоданскаго дома спать не могли. Пробило уже девять часовъ утра, а споръ все-еще не прекращался.

— Говорю вамъ, сударыня, — кричалъ Натанъ внѣ себя, — говорю вамъ, что эти дѣвчонки непремѣнно исполнятъ свою вчерашнюю угрозу.... онѣ выйдутъ за братьевъ Мишелей, и, по вашей милости, три миліона проскользнутъ подъ носомъ нашего сына.

— А развѣ вы оглохли, не слышите, чтó ли? визжала самымъ рѣзкимъ дискантомъ госпожа Натанъ: — вѣдь и я не разъ говорю, что никогда не дамъ своего благословенія на бракъ Даніила съ Ревеккою.

— Да кто сказалъ вамъ, что Пепита Ревекка? возражалъ Натанъ.

— Все, все увѣряетъ меня въ томъ! утвердительно отвѣчала мать Даніила.

— Такъ если вы въ томъ увѣрены, то предложите Миріамѣ выдти за Даніила.

— Да кто же меня завѣритъ, что Миріама не Ревекка?

— Вѣдь не можетъ же быть двухъ Ревеккъ и ни одной Авигеи.

— Господинъ Натанъ, — торжественно говорила супруга его, — я всегда предоставляла вамъ полную свободу управлять внѣшними дѣлами; зато все касающееся до хозяйственныхъ распоряженій необходимо отъ меня зависитъ, и потому положительно объявляю вамъ, что не бывать вашимъ племянницамъ замужемъ ни за моимъ сыномъ, ни за моимъ племянникомъ, пока я не узнаю навѣрное ихъ именъ.

— А я.... — началъ Натанъ, и голосъ его готовъ былъ дойти до самой высокой ноты его супруги, но при видѣ входящей сестры Розы, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и прибавилъ: — я беру судьею сестру Розу.

— И я такъ же, подхватила госпожа Натанъ: — съ условіемъ только, что она согласится, что я права.

Сестра Роза улыбнулась. Благородное созданіе! она всегда носила отпечатокъ такого безмятежнаго спокойствія и достоинства, съ такимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ выносила всѣ мелочныя непріятности своей взыскательной невѣстки, съ такимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивала вѣчные разсчеты брата своего, банкира, о томъ, какъ увеличить свое богатство, и въ-особенности съ такимъ снисхожденіемъ прикрывала маленькія погрѣшности и недостатки сына и племянника, когда тѣ были еще дѣтьми, что заставила всѣхъ окружающихъ любить себя до безконечности.

— На все есть воля Божья, — сказала она, — ни вы, любезный братъ ни вы, любезная сестра, не можете идти наперекоръ тому, что̀ суждено свыше. Сынъ вашъ Даніилъ избралъ себѣ въ подруги жизни Пепиту, племянникъ же полюбилъ прекрасныя качества Миріамы. Милліоны Авигеи хранятся уже въ вашей кассѣ, любезный братъ, вамъ стои̇тъ только позволить молодымъ людямъ вступить въ товарищество, и дѣло слажено: милліонное приданое принесетъ всѣмъ равную пользу.

— Ужъ какую же галиматью вы занесли! закричала Доротея: — У

сына моего своихъ собственныхъ три милліона, да еще три милліона приданаго Авигеи, что составляетъ цѣлыхъ шесть.... а у Іосифа ровно нуль.

— Любезная Доротея, — осторожно замѣтила сестра Роза: — до-сихъ-поръ у Даніила только три милліона, а неизвѣстно еще, можетъ-быть другіе три достанутся Іосифу, тогда и будетъ равенство.

— Не въ томъ дѣло, — подхватилъ Натанъ: — эти вѣтренныя дѣвочки грозили намъ вчера выдти за братьевъ Мишелей, черезъ два года онѣ будутъ совершеннолѣтними и тогда я обязанъ выдать изъ своей кассы, нетолько три полученныхъ милліона, да еще и проценты пять на сто за три года, что составляетъ сумму въ три милліона, четыреста пятьдесятъ тысячъ франковъ!

Послѣдній аргументъ, безъ-сомнѣнія, казался неопровержимымъ въ глазахъ надменной Доротеи.

— Да будетъ воля Бога! произнесла она съ такимъ глубокимъ вздохомъ, какъ-будто вся ея внутренность разорвалась: — я даю свое согласіе.

— И я также, сказалъ Натанъ. Потомъ, взявъ жену за руку и тихо пожавъ ее, онъ прибавилъ: — Ну, успокойся же, голубушка моя, ты знаешь, вѣдь меня не проведутъ, я одаренъ тонкою проницательностью и готовъ голову дать на отсѣченіе, что Пепита и есть богатая Авигея.

Конечно, эти слова не имѣли такого рѣшительнаго вѣсу въ мнѣніи Доротеи, какъ послѣднее доказательство процентовъ на выдаваемую сумму, потому-что она очень долго послѣ даннаго согласія все-еще глубоко вздыхала.

Тогда рѣшено было, что обѣ свадьбы будутъ отпразднованы въ одинъ день, а также утромъ того же дня назначено было подписать контрактъ, и только тогда, по подписямъ невѣстъ, можно было узнать, кто изъ нихъ богатая Авигея.

Вдругъ послѣ завтрака, при которомъ не было никого изъ постороннихъ Пепита подошла къ госпожѣ Натанъ и шепнула ей что-то на ухо. Безпокойство, блеснувшее въ глазахъ Миріамы, показало всѣмъ присутствующимъ, что Пепита дѣйствовала безъ предварительнаго согласія своей кузины. Когда госпожа Натанъ съ Пепитою снова возвратились въ залу, всѣ замѣтили слѣды слезъ на прекрасномъ лицѣ невѣсты Даніила, а суровая физіономія госпожи Натанъ какъ-

то необыкновенно смягчилась и въ голосѣ ея звучало непривычное умиленіе и ласка, когда она сказала Пепитѣ :

— Повѣрь мнѣ, съ радостью я называю тебя моею дочерью.

Но никто не узналъ что̀ произошло въ эти полчаса между ними, даже Миріама тщетно осыпала разспросами свою сестру. Натанъ же, замѣтивъ быструю перемѣну, совершившуюся въ обращеніи жены, ласково привѣтствовавшей свою будущую невѣстку, безпрестанно сталъ повторять ей:

— Ну, отдай же справедливость моей проницательности, вѣдь я угадалъ.... Пепита и есть Авигея, ну не правда ли?

Вмѣсто отвѣту, госпожа Натанъ только улыбалась.

Наступилъ день сватьбы. Приданное обѣихъ сестеръ было равно великолѣпно. Обѣ корзинки, купленныя господиномъ Натаномъ, заключали въ себѣ всевозможную роскошь, такъ-что ни чего не оставалось желать. Наконецъ пробилъ и нетерпѣливо ожидаемый часъ подписыванія контрактовъ.... На лицахъ всѣхъ приглашенныхъ, даже на безстрастной физіономіи нотаріуса, ясно выказывалось любопытство въ ту минуту, когда женихи передавали своимъ невѣстамъ перо для подписи контракта.

— Взгляни же, — шепнулъ Натанъ своей женѣ, — кто изъ нихъ подписался Авигеею?

— Ненадо, — отвѣчала она, — я уже знаю.

Въ это мгновеніе господинъ Натанъ не могъ удержаться отъ восклицанія, возбужденнаго изумленіемъ; глаза его перебѣгали отъ контракта Миріамы и Іосифа, внизу котораго очень ясно было подписано: Авигея Фернандесъ, — къ женѣ, неизъявлявшей нималѣйшаго неудовольствія.

Для объясненія этого чуда, мы должны открыть читателю, что̀ случилось во-время разговора госпожи Натанъ съ Пепитой. Въ тотъ день, когда мать дала противъ воли свое согласіе, молодая дѣвушка, увлекши ее въ другую комнату, схватила за руки и со слезами на глазахъ сказала:

— Милая тетушка, я не могу колебаться между клятвою, данною неопытностью и незнаніемъ жизни, и неблагороднымъ поступкомъ. Вы видите предъ собою бѣдную сироту Ревекку. Я не хочу, чтобъ вы дали согласіе на бракъ сына, не зная кто я.

Слѣдуя первому движенію, госпожа Натанъ оттолкнула свою племянницу, но второе было лучше: она прижала ее къ груди своей.

— Будь же ты благословенна, какъ Ревекка, за то, что возложила всю довѣренность на Бога и на меня, дочь моя. Правда, я желала, чтобъ ты была богата, но Господь сотворилъ тебя прекрасною и доброю, и я благодарю Его за счастье моего сына. Успокойся, я съумѣю сохранить твою тайну.

И съ этого дня, всѣ съ изумленіемъ и радостью замѣтили явную перемѣну въ словахъ, обращеніи и во всей особѣ госпожи Натанъ.

А господинъ Натанъ лишь-только прочелъ имя Авигеи въ концѣ контракта, сейчасъ и воскликнулъ:

— Ну не говорилъ ли я!... Вотъ такъ и вышло: Миріама и есть богатая Авигея. Ужъ меня трудно провести!... Я такъ проницателенъ!

[illegible] Время было ужасное. Яростный декабрьскій вѣтеръ гналъ тучи снѣгу, которымъ вскорѣ покрылись всѣ колокольни добраго города Кельна.

Три иностранца, задержанные свирѣпою непогодою въ прирейнскомъ городѣ, сошлись въ общую залу гостинницы *Императоровъ*, и соединенные общею скукою и желаніемъ развлеченія, вскорѣ почувствовали другъ къ другу симпатическое чувство влеченія. Въ другое лучшее время они, можетъ-быть, не вздумали бы сказать слова другъ-другу; но завывающій вѣтеръ, ослѣпляющій ураганъ снѣгу, сдѣлалъ ихъ сообщительнѣе. Кажется, достаточно намѣкнуть, что одинъ изъ путешественниковъ былъ Англичанинъ, другой Русскій, для того, чтобы догадливый читатель понялъ, что бутылки съ шампанскимъ не замедлили часто появляться на столѣ. Третій туристъ, блѣдный, больной, грустный, не участвовалъ въ угощеніи своихъ товарищей. По всему видимому, онъ заимствовался у бѣлокурыхъ сыновъ Альбіона ихъ роднымъ сплиномъ, безъ чего, впрочемъ, очень можно бы обойтись. Итакъ, онъ довольствовался только тѣмъ, что прислушивался къ живому разговору, юмористическимъ выходкамъ своихъ нежеланныхъ и непрошенныхъ товарищей, изъ которыхъ первый сэръ Лоренсъ Петерсонъ, былъ богатый негоціантъ славнаго города Лондона, а другой — полковникъ русской

императорской арміи, баронъ Влаской, настоящій парижанинъ, если судить по граціи и легкости, съ какими онъ управлялся французскимъ языкомъ.

Вотъ ужъ и вечеръ наступилъ, а вѣтеръ не прекращалъ своего дикаго концерта: долгія, жалобныя завыванья его какъ-будто возвѣщали разрушеніе природы.

Видно Французу надоѣло слушать разговоръ Русскаго съ Англичаниномъ, потому-что онъ всталъ, подошелъ къ окну и устремилъ нетерпѣливый, унылый взоръ на опустѣлую и мрачную улицу.

— А что, любезнѣйшій баронъ, сказалъ Англичанинъ своему собесѣднику,—вѣдь этотъ джентльменъ кажется одержимъ черною немочью. Можно бы сказать, что онъ съ рожденья своего осужденъ былъ дышать туманами Темзы, чего я ему несовсѣмъ желаю, прибавилъ онъ со смѣхомъ.

— Можетъ-быть какое-нибудь грустное воспоминаніе любви.... отвѣчалъ шопотомъ Русскій.

Въ это мгновеніе раздался на улицѣ унылый возгласъ ночнаго стража, невидимаго посреди окружающаго мраку.

Французъ вздрогнулъ при этомъ чуть не погребальномъ провозглашеніи, поспѣшно отошелъ отъ окна, и придвинувъ свой стулъ къ чужестранцамъ, приказалъ служителю подать чашу пуншу. Эти слова были приняты дружескимъ «ура!». Скоро огненная влага заблистала на столѣ и общая бесѣда оживилась.

Вдругъ Русскій призадумался, какъ-будто припоминая давно минувшее, потомъ сказалъ:

— Знаете ли, господа, настоящія наши обстоятельства? эта буря, препятствующая нашему отъѣзду, сильный снѣгъ, яростный вѣтеръ, даже эта гостинница, все приводитъ мнѣ на память одно странное, невѣроятное происшествіе, котораго я былъ....

— Героемъ? прервалъ Англичанинъ.

— Нѣтъ, только простымъ очевидцемъ.

— О, разскажите намъ, умолялъ сэръ Лоренсъ.

— Охотно. Тѣмъ болѣе, что намъ ничего болѣе не остается дѣлать, пока бунтующимъ стихіямъ угодно будетъ позволить каждому изъ насъ продолжать предпринятый путь. Но прежде всего позвольте мнѣ принять мѣры предосторожности всякаго разскасчика, и напередъ завѣрить васъ въ совершенной истинѣ и дѣйствительности

моего разсказа. Теперь, когда вамъ извѣстно уже предисловіе, вы совершенно не въ правѣ сомнѣваться въ моей добросовѣстности.

— Я слушаю,—сказалъ Французъ, принимая свою долю въ обѣщанномъ разсказѣ.

— Мы слушаемъ,—подтвердилъ Англичанинъ.—Страхъ какъ люблю исторіи въ мрачномъ родѣ, съ привидѣніями. Въ молодости я читалъ Анну Радклифъ ... для развлеченія.

Баронъ, ободренный знаками вниманія, такъ началъ свой разсказъ.

«Скоро минетъ десятилѣтняя давность происшествію, которое вы желаете слышать Дни летѣли, годы смѣнялись годами, но этотъ случай неизгладимо остался въ моей памяти. Однако, несмотря на это сильное и глубокое впечатлѣніе, я до-сей-поры никому ни слова не говорилъ о немъ; да и надо ужъ признаться, что и теперь никакъ не рѣшился бы предстать предъ вами неожиданнымъ, безъ всякаго приготовленія, разсказчикомъ, еслибъ настоящее положеніе не поразило меня невольно сходствомъ съ вечеромъ двадцать-шестаго декабря 1843 года.

«По случаю важной и опасной болѣзни, доктора приговорили меня подышать нѣкоторое время воздухомъ Италіи. Получивъ безсрочный отпускъ, я немедленно отправился. Я доѣхалъ до Инспрука, въ Тиролѣ. Погода стояла такая же ужасная, какъ и сегодня. Вихрь снѣгу крутился съ такою же силою и стремительностью, какъ песокъ въ пустыняхъ, вздымаемый самумомъ. Продолжать путь въ подобное время было бы сумазбродною отвагою, за которую можно было поплатиться жизнью. Лошади едва до тащились до гостинницы; всѣ спутники мои были радешеньки, что успѣли укрыться подъ теплымъ кровомъ.

Мнѣ отвели препорядочную комнату. Въ ожиданіи ужина, я сошелъ въ общую залу и сталъ читать нѣмецкія газеты. Вдругъ чей то голосъ заставилъ меня прервать чтеніе.... я обернулся и увидѣлъ человѣка, усѣвшагося близъ огня, на томъ самомъ мѣстѣ, которое я только что оставилъ.

Эта особа, по моему мнѣнію, заслуживаетъ подробнаго описанія, такъ она поразила меня своею необыкновенностью. Конечно, съ тѣхъ поръ, я таки пошатался по бѣлому свѣту, много видалъ разныхъ странъ и племенъ, многіе европейскіе народы промелькнули въ моихъ глазахъ, но во всю жизнь, никогда я не встрѣчалъ никого, хоть нѣсколько похожаго на этого человѣка. Ему стукнуло уже за

шестьдесятъ, онъ былъ маленькаго росту, худъ и дряхлъ по наружности, но жизнь его поддерживалась одною изъ тѣхъ нервныхъ системъ, которою всѣ члены закаляются точно сталью. Сѣдые волосы, покрывавшіе его голову, были аспиднаго цвѣту, а длинная борода снѣговой бѣлизны. Блѣдность его лица была до такой степени поразительна, что щеки его казались оттѣнкомъ бороды. Черныя густыя брови тянулись грозною дугою надъ глазами, блескъ которыхъ былъ такой чудный, что я могъ бы сравнить ихъ съ двумя факелами, вставленными въ рамки его блѣднаго лица. Поистинѣ, изъ его огненныхъ зрачковъ вылетало пламя, пламя грозное, стремительное, на минуту прикрываемое густыми рѣсницами, какъ будто только для того, чтобы потомъ съ бо́льшею силою, снова загорѣться. Всякое движеніе его заслуживало наблюденія, изученія и удивленія. Вся его личность отличалась достоинствомъ, аристократическимъ происхожденіемъ; но онъ напоминалъ долину, сокрушенную грозою, въ которой и слѣдовъ не осталось первобытной красоты; онъ былъ олицетвореніемъ разрушенія, живою развалиною. Послѣ долгаго наблюденія, я сдѣлалъ заключеніе, что онъ имѣлъ несчастіе лишиться разсудка и что какое-нибудь жестокое испытаніе было причиною такого злополучія, испытаніе, послѣ котораго остается только умереть или съ ума сойти.

«Онъ не обращалъ никакого вниманія на мои наблюденія, глаза его блуждали, можетъ-быть даже онъ и не замѣчалъ моего присутствія; вѣроятно, ему было очень холодно, потому-что онъ безпрерывно протягивалъ къ огню исхудалыя и дрожащія руки.

«Вругъ онъ заговорилъ со мною, совсѣмъ несмотря на меня. Я вздрогнулъ. Ужели онъ прочелъ въ моихъ мысляхъ по магнитическому, таинственному предвидѣнію?

— «А! а! сказалъ онъ — плохое время для путешествія.... Но, что̀ за дѣло до того молодости? она ни на что̀ не смотритъ; чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше и отваги. Да и немудрено, для счастливцевъ все хорошо! Ну не правда ли? не правда ли?... Холодно, холодно.... У меня сердце замерзло.... Ты не будешь биться, бѣдное сердце!... Вотъ тутъ у меня пожаръ!...»

«Старикъ приложилъ худую руку къ широкому лбу, который онъ наклонилъ книзу. Вдругъ онъ выпрямился, какой-то вопль вырвался

изъ груди его, сопровождаемый страшнымъ хохотомъ и безпорядочными словами». — Вмѣстѣ! они вмѣстѣ! Радость, упоеніе, забвеніе, неблагодарность, безчестье, все это заключается въ сердцахъ, связанныхъ преступленіемъ. Ужели преступленіе есть такой неразрушимый цементъ, который соединяетъ души сильнѣе, крѣпче, чѣмъ честь и преданность.... И никогда никто не узнаетъ, какъ я любилъ. Полно, замолчи, смѣшная тѣнь... Когда не имѣешь силъ отмстить за себя, надо умѣть умереть!...»

«Въ эту минуту пришли мнѣ сказать, что ужинъ поданъ. Я всталъ; но мнѣ не хотѣлось уйти: незнакомецъ возбудилъ во мнѣ участіе. Я увидѣлъ, что онъ повернулъ нѣсколько голову ко мнѣ и замѣтилъ состраданіе на лицѣ моемъ. Онъ сложилъ руки и прошепталъ трогательнымъ голосомъ: — «Благодарю!... да сохранитъ васъ Господь!

«Никогда, — сказалъ я, — не должно сомнѣваться въ благости Провидѣнія, особенно страдальцы, которымъ нечего ожидать отъ людей, должны надѣяться на Него. Простите мнѣ смѣлость, можетъ-быть нескромнаго предложенія.... Мнѣ кажется вы такъ утомлены, истощены; не имѣете ли вы въ чемъ нужды?... можетъ-быть бѣдность....»

«Незнакомецъ не отвѣчалъ, но вынувъ изъ кармана золотую монету, отдалъ ее служителю съ словами: — «Принести мнѣ бутылку токайскаго въ комнату этого господина.

«Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе и, дѣйствительно, несмотря на его изношенное платье, все въ немъ высказывало человѣка, занимавшаго нѣкогда важное мѣсто въ обществѣ.

Его фантазія слѣдовать за мною не удивила меня: я по опыту зналъ, что сумасшедшіе, даже бѣшенные, иногда ощущаютъ непреодолимую потребность въ изліяніи сердечномъ. Я отправился въ свою комнату, онъ послѣдовалъ за мною. Минуту спустя, мы сидѣли другъ противъ друга. Онъ не прикасался къ своей бутылкѣ; когда я налилъ ему этой благодѣтельной влаги, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ, но не прикасаясь еще къ нему, воскликнулъ: «Забвеніе! тутъ можно найти забвеніе!... Да, но забвеніе скотское.... Къ чему? воспоминаніе для меня пріятнѣе...» И онъ съ живостью опять поставилъ стаканъ на столъ.

«Онъ задумался, потомъ, какъ-бы озаренный новою мыслью, спросилъ меня:

— «Зачѣмъ вы путешествуете? Развѣ вы испытали несчастье на родинѣ? Ваше спокойствіе не было ли отравлено вѣроломною измѣною? Не принуждены ли вы искать спасенья въ бѣгствѣ?

— «О, со всѣмъ не то,—отвѣчалъ я безпечно,—я не знаю другихъ заботъ, кромѣ обязанностей, неразлучныхъ съ военною службою. Я Русскій; фамилія моя баронъ Влаской. По случаю разстроеннаго здоровья, я намѣренъ пожить нѣкоторое время въ Италіи, для поправленія здоровья.»

— «Такъ вы ѣдете въ Италію! воскликнулъ незнакомецъ, — въ Италію, страну чудесъ, въ рай земной!

«И глаза его заискрились кроткимъ, почти радостнымъ блескомъ. Онъ поднесъ къ губамъ своимъ руку и съ живостью поцѣловалъ золотое кольцо, надѣтое на четвертомъ пальцѣ. Но въ то же мгновеніе припадокъ бѣшенства возмутилъ его душу, и онъ укусилъ до крови тотъ же самый палецъ.

«Чтобъ успокоить и развлечь его, я не переставалъ разсказывать ему о своихъ планахъ, о самомъ себѣ и кончилъ любимою мечтою, — посѣтить Флоренцію.

«Старикъ вздрогнулъ: — Какъ, вы ѣдете во Флоренцію?...

— «Непремѣнно. Что же тутъ удивительнаго?

«И я принялся исчислять всѣ красоты столицы Медичи.

«Онъ не слушалъ меня; но, какъ оказалось, обдумывалъ.

«Когда я окончилъ, онъ сталъ говорить, но такъ спокойно, хладнокровно, медленно, что я готовъ былъ признать его за совершенно здороваго

— «Баронъ, вы дворянинъ, нѣкогда и я былъ дворяниномъ. Стало-быть между нами можетъ существовать сочувствіе. Слушайте же внимательно. Во Флоренціи нѣкогда жилъ графъ Антоніо Фермати. Спросите о немъ перваго попавшагося Флорентинца, вамъ скажутъ, что Антоніо Фермати былъ послѣднею отраслью знаменитой фамиліи патриціевъ, что онъ обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ, баснословнымъ счастьемъ. Куда же дѣвался богатый, счастливый, благородный Фермати? Что съ нимъ сдѣлалось.... Кто знаетъ, можетъ-быть онъ предъ вами.

— Вы графъ Антоніо Фермати?

«Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, и сказалъ:

— Я графъ Антоніо Фермати.

При этомъ признаніи я мысленно измѣрялъ всю глубину бездны, въ которую впалъ этотъ несчастливецъ, и затрепеталъ.

Онъ снялъ съ пальца золотое кольцо, долго смотрѣлъ на него, потомъ отвернулся, и протягивая мнѣ кольцо, сказалъ:

— Прошу васъ, возьмите его.

— Зачѣмъ?

— Вы сейчасъ узнаете. Можете ли вы обязаться двоякимъ обѣщаніемъ?

— Охотно, если только ваша просьба непротивна правиламъ чести.

— Обѣщайтесь же мнѣ по пріѣздѣ во Флоренцію, тотчасъ отправиться на кладбище. Тамъ, во второй аллеѣ, въ первомъ ряду направо, вы увидите гробницу изъ чернаго мрамору, надъ которою стоитъ урна, полузакрытая драпировкою изъ бѣлаго мрамору. Вы помолитесь надъ этою могилою.

Что̀ за странная мысль!

— Прошу васъ, не прерывайте меня; моей бѣдной головѣ такъ трудно собираться съ мыслями. Оставивъ Кампо-Санто, вы выйдете на площадь Аннунціата и придете къ дому № 3. Тогда вы потребуете свиданія съ хозяйкою дома. Еслибъ она отказалась принять васъ, то вы требуйте настоятельно. Когда же вы увидите ее, отдайте ей это кольцо и скажите: —«*Старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Инспрукѣ, просилъ меня отдать вамъ кольцо графа Антоніо Фермати.*»

Какъ ни странны были эти порученія, но они внушали мнѣ невольное чувство уваженія,—чувство, которое должны были испытать древніе, вступая въ священные лѣса.

Старикъ удивлялъ меня, даже пугалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ искреннее участіе. Я снова повторилъ обѣщаніе исполнить его желанія. Онъ благодарилъ меня и прибавилъ:

«Вотъ первый лучъ радости, озарившій мою бѣдную голову, давно уже пораженную громовымъ ударомъ. Я очень несчастливъ!... Но нѣтъ!—воскликнулъ онъ задушаемымъ голосомъ:—Могу ли я быть несчастливъ? Нѣтъ, это невозможно, если я дѣйствительно не принадлежу этому міру, міру чувства и страданія. Возможно ли, чтобы душа,

...злучившаяся съ тѣломъ, ощущала страданія земли? Какъ вы думаете?

— Я совершенно согласенъ съ вами.

— Ну, такъ положимъ, что я душа, витающая въ заоблачномъ ...рѣ, а вы странникъ міра земнаго, матеріальнаго, странникъ, подверженный всѣмъ непогодамъ и бурямъ. Посмотрите,—прибавилъ онъ ...мотря въ окно, вѣтеръ утихъ, черезъ часъ время будетъ чудесное, ...вамъ можно будетъ продолжать путь свой... Прощайте... Въ первый ...и послѣдній разъ мы съ вами видѣлись.

«Онъ говорилъ правду: великолѣпная луна явилась на ясномъ небосклонѣ, покрытомъ блистательными звѣздами. Лошади вмигъ были ...запряжены въ мой дорожный экипажъ и я отправился въ путь.

«Старикъ скрылся предо мною въ темнотѣ. Куда онъ ушелъ? ...Откуда пришелъ?... Никто не могъ мнѣ сказать.»

Баронъ остановился, Англичанинъ, смущенный винными парами, пробормоталъ:—Very moving! и захрапѣлъ.

Русскій выпилъ стаканъ пуншу и продолжалъ свой разсказъ для одного уже французскаго путешественника, который, преклонивъ голову на руки, слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи въ Инспрукѣ, я пріѣхалъ во Флоренцію. Въ данномъ мнѣ порученіи, въ неопредѣленномъ и тревожномъ любопытствѣ, ощущаемомъ мною, была какая-то тяжелая тайна, отъ которой сердце болѣзненно сжималось. Я торопился выполнить данное обѣщаніе, честь обязывала меня идти впередъ, а какое-то инстинктивное сомнѣніе удерживало. Я повиновался одному слову. Почти не отдохнувъ послѣ дороги, я отправилъ свой экипажъ въ лучшую флорентинскую гостинницу, а самъ, подъ предводительствомъ чичероне, отправился къ кладбищу. Всю дорогу я не сказалъ ни одного слова своему вожатому, котораго ремесло состоитъ въ томъ, чтобы показывать восторги при видѣ памятниковъ, которые онъ усталъ уже указывать. Наконецъ, мы пришли на грустное поле смерти.

Никто, кромѣ насъ, не нарушалъ его мертваго молчанія. Птицы, порхая по вѣтвямъ тисовыхъ и сикоморовыхъ деревьевъ, присоединили свое беззаботное щебетанье къ жалобному вою зимняго вѣтру, стонавшаго между длинными аллеями. Мой чичероне началъ-было свой обычный комментарій аристократическихъ мавзолеевъ, когда, къ

великому его удивленію, я, не обращая ни какого вниманія на слова его, нигдѣ не останавливаясь, прямо подошелъ къ гробницѣ, мнѣ обозначенной мнѣ старикомъ.... Однимъ взглядомъ я прочелъ слѣдующую надпись:

Графъ Антоніо Фермати, скончавшійся на шестидесятомъ году, 2 августа 1842 года.

Молитесь за него.

Я вздрогнулъ отъ ужасу. Не думаю, чтобы страшный скелетъ, какое-нибудь мрачное привидѣніе, описанныя въ хроникахъ среднихъ вѣковъ, могли внушить мнѣ болѣе страху: колѣна мои подгибались, волосы становились дыбомъ, губы не шевелились, языкъ не въ силахъ былъ произнести слова... а глаза не могли оторваться отъ надписи, вырѣзанной золотыми буквами на черномъ мраморѣ.

Мой чичероне тоже остолбенѣлъ отъ удивленія. Я сдѣлался для него живою загадкою. Почему гробница графа Фермати могла сдѣлать такое сильное впечатлѣніе на чужестранца, никогда, вѣроятно неслыхавшаго ни о покойномъ графѣ, ни о его гробницѣ? Всего вѣрнѣе, что онъ принялъ меня за сумасшедшаго.

Наконецъ я проговорилъ:

— О, Боже мой! возможно ли?

Вдругъ мнѣ пришла мысль, что я былъ жертвою обмана, и эта мысль была единственная доступная разсудку; все остальное представлялось въ непроницаемомъ хаосѣ.

Наконецъ, чичероне мой не могъ выдержать болѣе, и считая, вѣроятно, своею обязанностью показать мнѣ знакъ участія, осмѣлился сказать:

— Ваше сіятельство, кажется, очень тронуты... Вѣроятно, вы были знакомы съ графомъ Фермати?

Нѣтъ,—отвѣчалъ я лаконически. Потомъ, подумавъ, что чичероне можетъ сообщить мнѣ полезныя свѣдѣнія, прибавилъ:

— Я не зналъ графа Фермати, но много слыхалъ о немъ.

— О! графъ былъ истинно благородный вельможа, превосходный христіанинъ, истый дворянинъ, великодушіе его не знало предѣловъ. Вся Флоренція уважала его, зато смерть его была всеобщею печалью.

— Такъ онъ умеръ?

Чичероне отскочилъ отъ меня на два шага, и молча указалъ на гробницу. Я понялъ его, и поспѣшилъ прибавить:

— Безъ всякаго сомнѣнія, по всей наружности, графъ Фермати умеръ, но въ мірѣ часто совершаются такія невѣроятныя вещи, небывалыя тайны... Былъ ли ты самъ во Флоренціи и видѣлъ ли собственными глазами погребеніе графа?

— Точно такъ. Я тоже участвовалъ въ погребальномъ шествіи, гдѣ слышались только рыданія и стоны. Я самъ видѣлъ графа, лежавшего подъ великолѣпнымъ балдахиномъ и присутствовалъ при погребальной церемоніи.

— Такъ опиши же мнѣ наружность графа Фермати?

— Охотно. Онъ и теперь точно у меня передъ глазами: маленькаго росту, худенькой, сѣдой, борода длинная, совершенно бѣлая какъ снѣгъ, глаза, неподвижные огни...

Я съ ужасомъ прервалъ это описаніе и поспѣшно удалился.

— Благодарю, другъ мой, благодарю, проводи меня на площадь Аннунціата къ дому № 3.

Быстрыми шагами, въ глубокомъ молчаніи я спѣшилъ уйти съ кладбища.

Точное описаніе графа Фермати внушало мнѣ ужасъ, почти убѣжденіе, что человѣкъ, явившійся мнѣ въ Инспрукѣ, былъ выходецъ съ того свѣту. Можетъ-быть тѣнь, требующая мщенія, явилась мнѣ.

Придя на площадь, я тотчасъ нашелъ домъ, обозначенный старикомъ, и оставивъ своего чичероне на улицѣ, позвонилъ у дверей дома. Вышелъ слуга въ богатой ливреѣ. Я приказалъ ему доложить госпожѣ дома, что желаю ее видѣть. Такой странный способъ являться въ домъ поразилъ его удивленіемъ, за которымъ послѣдовалъ отказъ. Но я требовалъ настоятельно, говоря, что имѣю важное порученіе передать его госпожѣ. Наконецъ ввели меня въ маленькую гостиную, которая могла бы служить образцомъ изящной роскоши. Черезъ нѣсколько минутъ ожиданія, послышался шелестъ шелковаго платья... Бархатный занавѣсъ раздвинулся.... вошла дама.

При взглядѣ на нее, я пришелъ въ какое-то остолбенѣніе. Никогда въ жизни я ничего не видалъ подобнаго этому греческому мрамору. Необыкновенная красота, соединенная съ поразительною блѣдностью и грустью. Я не могъ собраться съ духомъ, чтобы передать ей данное порученіе.

Но ея суровый взглядъ спрашивалъ меня, заставилъ поторопиться съ отвѣтомъ. Я вынужденъ былъ сказать причину своего посѣщенія.

— Умоляю васъ, синьора, простить мнѣ нескромное желаніе видѣть васъ. Я осмѣлился обезпокоить васъ только по усильнымъ просьбамъ человѣка, встрѣченнаго мною на пути, который, повидимому, былъ очень несчастливъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказала она слабымъ голосомъ.

— Однажды вечеромъ, застигнутый непогодою, я принужденъ былъ остановиться въ гостинницѣ. Это было въ Инспрукѣ. Въ общую залу вошелъ старикъ и заговорилъ со мною....

— Старикъ!

— Онъ просилъ и молилъ меня по пріѣздѣ во Флоренцію, явиться къ вамъ и сказать: «Синьора, старикъ котораго я встрѣтилъ въ Инспрукѣ, просилъ меня передать вамъ кольцо графа Антоніо Фермати.»

Послѣ этихъ словъ я вынулъ кольцо изъ моего бумажника. При первомъ взглядѣ на него, синьора испустила пронзительный вопль и упала безъ чувствъ.

Я бросился къ ней на помощь. Шумъ поспѣшныхъ шаговъ заставилъ меня обернуться; я увидѣлъ молодаго человѣка, почти такого же красавца, какъ и эта дама. Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ; его прекрасныя черты лица дышали гнѣвомъ и угрозою. Онъ грубо оттолкнулъ меня.

— Кто вы? закричалъ онъ, зачѣмъ вы пришли?

Несмотря на оскорбленное самолюбіе, я вполнѣ сохранилъ хладнокровіе и отвѣчалъ:

— Я русскій офицеръ, фамилія моя баронъ Влаской. Исполняя данное порученіе, я вручилъ кольцо этой дамѣ. Теперь я кончилъ и мнѣ остается только уйти.

— Нѣтъ еще!—сказалъ онъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ, пока горничныя уносили изъ комнаты все-еще безчувственную госпожу свою.

— Когда мы остались наединѣ, онъ прибавилъ.

— Случай предалъ во власть вашу нашу тайну... Страшную тайну... Невозможно оставить это въ такомъ положеніи.

— Какъ! сказалъ я, развѣ вы хотите умертвить меня? Повѣрьте, я дорого продамъ жизнь свою.

— За кого вы принимаете меня? сказалъ онъ въ свою очередь: Я тоже дворянинъ. Если вы дѣйствительно дворянинъ, то вы должны драться со мною.

— Но это безуміе. Какъ! я, иностранецъ, являюсь въ этотъ домъ безъ всякаго желанія обидѣть кого-нибудь, а вы вдругъ увѣряете, что я оскорбилъ васъ, и требуете отъ меня удовлетворенія!

— Я хочу молчанія; для этого нужна моя или ваша жизнь.

— Молчанія... но о чемъ же молчать? Я ничего не знаю, совершенно ничего.

— О! судьба!... Говорю вамъ, вы должны драться со мною!... въ трехъ шагахъ, въ саду!

— Никогда! Я отказываюсь.

— Такъ вы презрѣнный обманщикъ.

Тутъ я не могъ уже выдержать болѣе. Бѣшенство овладѣло мною. Я не могъ удержаться отъ движенія гнѣву. Мой противникъ былъ очень радъ.

— Маріони! закричалъ онъ:—двѣ шпаги!... Пойдемте.

Онъ отворилъ дверь, ведущую въ садъ и грознымъ взглядомъ приглашалъ меня слѣдовать за нимъ. Слуга съ мрачнымъ видомъ ожидалъ насъ.

Я еще колебался.

— Если вы будете убиты, обѣщаетесь ли вы, что ваши люди не будутъ препятствовать моему отъѣзду?

— Клянусь вамъ за нихъ. Слышишь ли, Маріони?

Слуга безмолвно преклонилъ голову.

Мы углубились въ крытую аллею. Тутъ у насъ завязалась страшная борьба. Съ живостью ноги наши стучали по землѣ, шпаги безпрерывно сталкивались, сердца сильно бились, дыханіе прерывалось. Дѣло шло о жизни... Очевидно, мой противникъ, обладавшій необыкновенною ловкостью и искусствомъ, твердо рѣшился убить меня. Но счастье мнѣ благопріятствовало: ударъ попалъ въ грудь, незнакомецъ испустилъ глухой вопль и упалъ, плавая въ крови.

Съ ужасомъ отбросилъ я шпагу и поспѣшилъ выйдти изъ этого пагубнаго дома. Голова моя горѣла, умъ былъ близокъ къ помѣшательству. Чичероне, ожидавшій меня на улицѣ, едва узналъ меня,—такъ измѣнилось лицо мое, искаженное страшною тревогою.

— Боже мой! Excellenza, вскричалъ онъ,—что съ вами?

— Уйдемъ, скорѣе уйдемъ отсюда!

Въ ту же минуту я приказалъ заврчь лошадей и спѣшилъ оставить Флоренцію, какъ Содомъ, какъ мѣсто преступленія и проклятія.

Вотъ вамъ и вся моя исторія, — конечно, исторія неоконченная, потому-что въ ней есть тайна, а нѣтъ объясненія. Теперь вы можете понять, почему она остается неизгладимою въ моей памяти. Ну, что вы на это скажете, сэръ Лоренсъ?

Англичанинъ ничего не отвѣчалъ: онъ спалъ безмятежнымъ сномъ. Французъ, повидимому, былъ погруженъ въ глубокую печаль. Онъ поднялъ голову и, къ-изумленію Русскаго, глаза его были орошены слезами.

— Какъ! сказалъ баронъ, — ужели мой разсказъ произвелъ на васъ такое глубокое впечатлѣніе? а я думалъ возбудить только простое ощущеніе, какое обыкновенно испытываешь, слушая сказку о мертвецахъ....

— Увы! прервалъ Французъ, — вашъ разсказъ вызвалъ въ душѣ моей самыя тяжелыя воспоминанія. Вотъ вамъ объясненіе глубокой печали, которая терзаетъ меня и я не въ-силахъ скрыть ее.

— Ахъ! Боже мой! ужъ не были ли вы вмѣшаны въ это странное происшествіе?

— Собственно не я самъ; но очень близкая мнѣ особа.

— Возможно ли!... Вы родственникъ графа Фермати?

— Я братъ несчастнаго, павшаго подъ ударомъ вашей шпаги

— Боже мой!

— Послушайте, я заплачу вамъ довѣренностью за вашу откровенность; надо же когда-нибудь облегчить сердце, переполненное горечью. Если я дамъ вамъ ключъ темной для васъ загадки, обѣщаете ли вы, баронъ, ненарушимо сохранить тайну?

— Даю вамъ честное слово. Товарищъ нашъ крѣпко спитъ, никто кромѣ меня не будетъ слышать васъ. Говорите же, вы можете вполнѣ положиться на мое честное слово.

Французъ задумался, и потомъ такъ началъ свой разсказъ:

Страшная исторія! ужасное сплетеніе обстоятельствъ! съ трудомъ вѣрится; все хочется думать, что это чистая выдумка какого-нибудь свирѣпаго и мрачнаго воображенія. Несчастіе моего бѣднаго брата поразило и меня. Теперь я похожъ на Вѣчнаго Жида, не знавшаго

успокоенія, я безпрерывно странствую, для того только, чтобы наполнять страшную, невыносимую пустоту, терзающую мое сердце. Я такъ любилъ брата!... Лишившись его, я ношу какъ бремя свое печальное существованіе, не находя ни какого утѣшенія въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ богатствомъ.

Въ 1841 году, за два года до плачевной драмы, въ которой противъ воли вы играли немаловажную роль, братъ мой поселился во Флоренціи. Его знатность, умъ, прекрасная наружность, душевныя качества, обратили на него особенное вниманіе высшаго общества. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось очарованіе, которымъ окружалъ его свѣтъ; наконецъ онъ пресытился упоеніемъ, утомился свѣтскими наслажденіями, и потому вознамѣрился опять вернуться въ Парижъ, выбрать себѣ почетную карьеру, и сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ. Но случилось, что въ это самое время его представили графу Ферматн, и судьба его рѣшилась.

«Графъ Фермати, положившя всю жизнь надъ работами въ химической лабораторіи, вдругъ на старости лѣтъ вздумалъ жениться; но вмѣсто-того, чтобы выбрать себѣ жену, которая соотвѣтствовала бы ему по лѣтамъ, онъ предложилъ руку и богатства свои самой бѣдной и самой прелестной воспитанницѣ въ монастырѣ—и получилъ чистый брилльятъ. Вы видѣли графиню Аннунціату, стало-быть не надо вамъ описывать ея портретъ. Но вы видѣли ее въ то время, когда она потеряла уже ослѣпительную свѣжесть и очарованіе молодости, въ безпрерывной, тяжелой борьбѣ съ совѣстью, снѣдавшею ее.

«Рауль неменѣе другихъ удивлялся красотѣ Аннунціаты; но чѣмъ далѣе простиралось это удивленіе, тѣмъ сильнѣе увеличивалось тревожное чувство страху, волновавшее его: онъ измѣрилъ глубину пучины, въ которую могла увлечь его безумная страсть. Онъ старался задушить возрождающуюся любовь отдаленіемъ отъ любимаго предмета, но графъ, увлекаясь невѣроятнымъ ослѣпленіемъ, казалось, считалъ обязанностью, употребить всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ брата, и тревожился и досадовалъ, когда его не было у него въ домѣ. Старикъ такъ долго жилъ въ отвлеченностяхъ науки, внѣ всякой привязанности, что теперь чувствовалъ непреодолимую потребность сердечныхъ изліяній. Онъ выдумалъ привязать брата къ Аннунціатѣ братскою привязанностью: опасное чувство, которое

вначалѣ скользнетъ въ сердце такъ просто, незамѣтно и невинно, а потомъ принимаетъ страшные размѣры пожару. Самъ же графъ подложилъ фитиль къ подкопу, нагруженному порохомъ. Къ чести Рауля я долженъ прибавить, что онъ долго боролся съ собою. Онъ никогда не дѣлалъ признанія въ любви, а Аннунціата вполнѣ это сознавала. Безъ его вѣдѣнія, она слѣдила за его быстрыми успѣхами; въ присутствіи брата она выказывала равнодушіе, зато оставшись одна, припоминала всѣ, самыя ничтожныя обстоятельства, разбирала съ подробностью, развивала ихъ, стараясь ими же оправдать себя.

«Ослѣпленіе графа Фермати все-еще продолжалось, хотя нашлись услужливые друзья, которые старались открыть ему глаза, не столько изъ участія къ мужу, сколько изъ страсти къ сплетнямъ и скандальнымъ происшествіямъ.

«Но вотъ одна пріятельница, взбѣшенная пренебреженіемъ Рауля, поклялась, въ отмщеніе ему, раскрыть глаза графу Антонio, и для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, приняла видъ искренняго участія, въ-особенности стараясь уколоть гордость графа. Минута взрыва была недалеко.

«Однажды вечеромъ, по обыкновенію, Рауль явился въ палаццо Фермати, графъ, тоже по обыкновенію, отправился въ клубъ. Аннунціата сидѣла одна передъ каминомъ, и держала открытую книгу въ рукахъ, но не читала ее, а на лицѣ ея выражалась глубокая дума.

«Чтó съ вами, моя прелестная Аннунціата? спросилъ Рауль съ безпокойствомъ.

«Мнѣ грустно, Рауль. Жизнь, исполненная тревогъ и раскаянія, столько представляетъ причинъ для того, чтобы горевать.

«Зачѣмъ вы предаетесь такимъ мрачнымъ, отчаяннымъ мыслямъ.

«И наклонясь къ книгѣ, онъ прочелъ очаровательную строфу Данте:

«La bocca mi bascio tutto tremante:
Galeotto fù il libro, e chi lo scrisse:
Quel giorno più non vi legemmo avante.»

«Графъ Антонio Фермати явился передъ ними. Вопль ярости вырвался изъ груди его и страшный припадокъ лишилъ его чувствъ. Онъ не могъ отмстить за себя, волненіе лишило его силъ. Нервическая горячка была слѣдствіемъ страшнаго отчаянія. Болѣзнь была опасна, доктора отчаявались въ его жизни, но его крѣпкое тѣло-

сложеніе восторжествовало надъ кризисомъ, и хотя силы и память съ трудомъ возвращались, однако въ жизни его не отчаявались.

«Тогда передъ глазами Рауля и Аннунціаты разверзлась неизмѣримая бездна.

«Преступленіе и отчаяніе тѣсно связывало ихъ. Одинъ проступокъ влечетъ за собою другой: это губительная лѣстница, которая незамѣтно влечетъ по скользкимъ ступенькамъ. Рауль внималъ только совѣту своей страсти, повиновался только страху быть навѣки разлученнымъ съ Аннунціатой. Для избѣжанія этой ужасающей будущности, онъ составилъ отчаянный замыселъ. Вотъ вамъ ключъ тайны, которая поразила васъ.

«Ночью, двое преданныхъ ему служителей, Бруно и Маріани, вынесли графа Антоніо, усыпленнаго опіумомъ, и тщательно уложивъ его въ карету, отвезли въ отдаленный пустынный зàмокъ, окруженный обширнымъ паркомъ, и лежавшій на границѣ флорентинскихъ владѣній. Здѣсь-то оба служителя обязаны были сторожить своего плѣнника, ни на минуту не выпуская изъ виду, и не дозволяя ему ни съ кѣмъ имѣть сношенія. За большія деньги купили въ лазаретѣ трупъ умершаго въ то же время старика, нѣсколько походившаго на графа, и распустили слухи о смерти его. Всѣ мѣры предосторожности были такъ хорошо приняты, что никто и не думалъ сомнѣваться, и погребеніе совершилось со всею пышностью и безъ всякой помѣхи.

«Теперь Рауль и Аннунціата принадлежали другъ-другу, соединенные двойными узами любви и преступленія, съ страшною тайною, которая тяжелымъ свинцомъ налегла на сердцà ихъ.

«По истеченіи непродолжительнаго времени два обстоятельства привели ихъ въ ужасъ. Первое было возвращеніе Маріани, извѣстившаго о побѣгѣ графа, неоставившемъ никакихъ слѣдовъ, такъ-что всѣ поиски были тщетны, а второе — ваше посѣщеніе.

«Не буду описывать вамъ подробности происшествія, въ которомъ вы играли такую драматическую роль; но прямо приступлю къ послѣдствіямъ вашего появленія, и признаюсь вамъ, при этихъ воспоминаніяхъ, сердце мое болѣзненно сжимается.

«Рана Рауля была опасна, но несмертельна, онъ скоро выздоровѣлъ. Новая опасность угрожала преступникамъ: тщетно Рауль, закалившись въ ужасѣ своего положенія, убѣждалъ себя съ неисто-

вою энергіею: — «Какая мнѣ нужда, что Фермати свободенъ! У него нѣтъ никакихъ документовъ, которые могли бы доказать его права!» Но это онъ только говорилъ, въ душѣ же онъ очень хорошо сознавалъ, что такая молва погубитъ Аннунціату; онъ понималъ, что всегда найдутся люди, хотя бы то были адвокаты, жаждущіе славы, которые охотно принимаютъ участіе въ дѣлахъ покрытыхъ, тайною неизвѣстности.

«Поэтому онъ рѣшилъ, что отъѣздъ или, скорѣе сказать, побѣгъ необходимъ. Подъ первымъ предлогомъ они поспѣшили оставить Флоренцію, не открывая никому цѣли своего путешествія.

«Рауль и Аннунціата попеременно проѣзжали Римъ, Неаполь, Миланъ, Венецію, Падую. Но едва успѣвали они укрыться въ какомъ-нибудь уединенномъ скромномъ домикѣ, — они бѣгали людей, — какъ невидимая рука мѣломъ писала на воротахъ слѣдующую надпись крупными буквами:

«Графъ АНТОНІО ФЕРМАТИ,
скончавшійся на шестидесятомъ году,
2 августа 1842.
Молитесь за него.»

«Тщетны были всѣ старанія избавиться отъ грозной надписи, преслѣдовавшей ихъ. Рука была неутомима, и несчастные спѣшили искать спасенія въ бѣгствѣ.... надѣясь, что въ другомъ мѣстѣ они найдутъ покой, по-крайней-мѣрѣ они такъ думали. Но и въ другомъ мѣстѣ невидимая рука чертила ту же надгробную надпись. Казалось, для наказанія ихъ недовольно было вѣчно животрепещущаго въ сердцѣ воспоминанія о совершенномъ преступленіи, надо было еще тревожить ихъ вѣчнымъ очевиднымъ свидѣтельствомъ. Это невидимое, но положительное преслѣдованіе, соединившись съ угрызеніями совѣсти, довершило погибель Аннунціаты. Несчастная томилась въ страшныхъ страданіяхъ. Раздраженіе ея нервной системы достигло до такой степени, что безпрерывно возобновляющіеся припадки подвергали ея жизнь опасности. Мрачная задумчивость, тяжелая тоска истощали силы ея. Тщетно Рауль окружалъ ее нѣжнѣйшими доказательствами пламенной любви.... У него самого едва доставало силы скрывать тревожное волненіе, овладѣвшее имъ, заставлять молчать совѣсть-мучителя. Убѣждать любимую особу успокоиться въ то время, какъ самъ испытываешь адскія муки, это значитъ страдать вдвойнѣ. Оба они были

въ отношеніи другъ друга точно преступники, заключенные человѣческимъ правосудіемъ въ одной темницѣ.

«Понятно, что графъ Фермати хотѣлъ отмстить за себя наказаніемъ медленнымъ — угрызеніямъ совѣсти.

«Что еще вамъ сказать? Такое положеніе было невыносимо и не могло быть продолжительно Развязка была достойна страшной драмы. Аннунціата, увлеченная мрачнымъ направленіемъ духа, замыслила отчаянное намѣреніе. Воспользовавшись кратковременнымъ отсутствіемъ Рауля, она украдкою уѣхала отъ него на почтовыхъ, и безостановочно, не отдыхая нигдѣ, доѣхала до Флоренціи и тотчасъ же добѣжала къ могилѣ, предъ которою нѣкогда была разъиграна страшная драма смерти. Она проливала слезы раскаянія.

Подъ гробницею находился обширный склепъ; куда мраморныя ступени вели къ бронзовой двери, замыкавшей его.

«Въ эту минуту, когда вся душа ея изливалась въ слезахъ и молитвахъ, раздался изъ глубины склепа знакомый, грозный голосъ, произносившій слѣдующія слова:

«Клятвопреступница, прощенья нѣтъ ни для тебя, ни для твоего сообщника!

«Въ испугѣ, Аннунціата испустила вопль ужаса и, падая навзничь, ударилась объ уголъ мавзолея, кровь полилась изъ ея виска ... смерть была мгновенна.

«Не прошло минуты послѣ этого гибельнаго паденія, когда прибѣжалъ на кладбище человѣкъ, у котораго платье было въ безпорядкѣ, волоса растрепаны, лицо искажено. Человѣкъ этотъ былъ мой бѣдный братъ. Онъ предчувствовалъ несчастье и ему достаточно было одного взгляда, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ. Онъ бросился на колѣни, схватилъ бездушное тѣло Аннунціаты, и тотчасъ же удостовѣрился, что ея душа навсегда покинула прекрасное тѣло. Несчастный Рауль поразилъ себя кинжаломъ въ сердце.

«Черезъ два дня послѣ этой трагической развязки, съ пышными церемоніями провожали до послѣдняго жилища смертные останки людей, погибшихъ отъ любви. Каково же было общее удивленіе и ужасъ, когда, отворивъ склепъ нашли тѣло старика, съ исхудалымъ лицомъ и длинною сѣдою бородою. Онъ, казалось, скорчился отъ голоду. Онъ уморилъ себя, удовлетворясь своимъ мщеніемъ. Разные слухи носились объ этомъ происшествіи; потомъ праздное любопытство истощи-

лось, и происшествіе было забыто.... Только вы, да я, сохранили воспоминаніе объ этомъ тяжеломъ сцѣпленіи бѣдствій. Теперь вы не будете удивляться, почему я повсюду ношу въ душѣ своей неисцѣлимую печаль, и поймете, зачѣмъ я просилъ васъ сохранить тайну.

Когда Французъ кончилъ свой разсказъ, служитель провозгласилъ :

— Господа, погода прекрасная, лошади готовы, и если угодно, можно отправляться въ путь.

Англичанинъ вскочилъ отъ сна и закричалъ :

— Oh! very moving, but....

Такою фигурою умолчанія, онъ, вѣроятно, хотѣлъ дать знать : — Но.... исторія романическая и неправдоподобная.

Русскій офицеръ, тронутый разсказомъ, крѣпко пожалъ руку Французу.

ПИСЬМО ПОДГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА.

Лѣтнія книжки журналовъ. — Проселочныя Дороги, романъ безъ интриги. — Примѣрный судъ надъ нимъ. — Поэтъ, разсказъ. — Литва и Крестоносцы. — Отзывы о новой оперѣ Куликовская-Битва и о новомъ драматическомъ представленіи «Русская-Свадьба». — Бракъ какихъ мало, романъ. — Драма-комедія Талисманъ. — № 470, водевиль. — Переводчики, оригинальные водевилисты и заимствователи. — Связь и отношенія между драматическими произведеніями и общественными нравами. — Львы въ провинціи, романъ. — Нынѣшняя любовь, разсказъ. — Необыкновенный ученый трактатъ о рыбахъ. — Ученая задача дальняго рыбопромышленника на предложенную имъ премію. — Поѣздка въ Монголію. — Сумасшедшая актриса, быль. — Поэтическое настроеніе Москвитянина. — Шиллеръ, въ переводѣ г-жи Глинки. — Мнѣніе неизвѣстнаго читателя о неизвѣстномъ сочиненіи. — Заключеніе.

Рѣшаясь во второй разъ выступить передъ публикой съ печатной статьей и съ отчетомъ о послѣднихъ новостяхъ въ нашей журналистикѣ, мы должны начать ее откровеннымъ признаніемъ, что теперь только мы сознаемъ, какъ нелегко достается автору бесѣда его съ читателями. Здѣсь мало одного умѣнья прочитать всѣ журналы, и готовности излить на бумагу мысли ощущенія, возбужденныя произведеніями журнальныхъ сотрудниковъ : нужно перечитать всѣ тиснутыя статейки отъ начала до конца, вчитаться въ нихъ, вникнуть въ ихъ содержаніе, уяснить себѣ ихъ направленіе, и съ полною строгостію къ самому себѣ, съ совершеннымъ безпристрастіемъ къ знако-

кому или незнакомому имени литератора, высказать собственный свой взглядъ на ту или другую изъ появившихся въ послѣднее время журнальныхъ статей. Трусъ, конечно, несмѣлый, именно потому, что боишься за себя, боишься оскорбить чужое авторское самолюбіе, боишься осудить безвинно и напрасно дарованіе, только еще выступающее на литературное поприще, наконецъ, боишься несносною и утомительною бесѣдою надоѣсть читателю, хотя мы и увѣрены напередъ въ его благосклонности, да къ тому же разсчитываемъ еще и на его невзыскательность въ лѣтніе мѣсяцы.

Но «взялся за гужъ—не говори что не дюжъ»! гласитъ пословица, и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ станемъ исполнять временно-принятую нами на себя обязанность, чѣмъ чаще будетъ представляться случай докладывать читателю о произведеніяхъ, вполнѣ заслуживающихъ его просвѣщеннаго вниманія. Одна помѣха дѣлу — непривычность наша: но, Богъ дастъ! искренность нашей бесѣды окупитъ собою другіе недостатки изложенія.

Мы укрылись было подъ защиту невзыскательности въ лѣтніе мѣсяцы: но вправѣ ли мы предполагать такую невзыскательность? Разумѣется, нѣтъ! Читателю должно быть все-одно, іюль ли мѣсяцъ насталъ въ литературѣ, или все тотъ же декабрь тянется! Декабрь, завѣтный мѣсяцъ, вмѣстѣ съ ноябремъ и январемъ радующій всѣхъ насъ богатствомъ и привлекательнымъ разнообразіемъ статей, щедро разсыпаемыхъ зимой по всѣмъ журналамъ. Есть пословица, что-десять «все едино, что хлѣбъ, что мякина», но есть еще и другая поговорка, которая прямо относится къ лѣтнимъ журнальнымъ статейкамъ: «не то бѣда, что ростетъ лебеда: то бѣда есть, какъ нечего ѣсть»! Стало-быть, если въ лѣтней книжкѣ журнала явится хоть одинъ добросовѣстно выполненный отдѣлъ програмы журнала, явится хоть одно выходящее изъ ряда посредственности произведеніе, явится хоть одна увлекательно-написанная страница—право, иной разъ можно и этимъ довольствоваться и сказать хорошее спасибо редакціи, если она не постоянно злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ читателей.

Передъ нами разбросаны по столу всѣ вновь вышедшія книжки журналовъ и, сказать правду, онѣ не внушаютъ собой ничего, что рѣзко напоминало бы намъ о первомъ іюнѣ и вообще о лѣтнихъ мѣсяцахъ.

Перваго іюня, какъ всѣмъ извѣстно, ожидалось здѣсь всеобщее созерцаніе планеты Венеры, которая должна была появиться въ полномъ своемъ блескѣ. Еще наканунѣ предупрежденные о томъ, хозяева, жильцы и управляющіе петербургскихъ домовъ, жаждавшіе взглянуть на звѣздочку, которая, по печатному извѣщенію, станетъ блистать такъ ярко, что ее легко можно видѣть даже невооруженнымъ глазомъ, даже среди бѣлаго дня, при солнечномъ сіяніи, приготовили, всякій по силамъ, кто телескопы, кто обыкновенныя зрительныя трубы, кто театральные бинокли, а кто и простыя закопченныя стеклышки. Но, вѣроятно, читатель не позабылъ, что въ первое число іюня въ Петербургѣ цѣлый день было пасмурно, и дождь накрапывалъ съ утра до вечера, а съ вечера почти вплоть до утра онъ лилъ какъ изъ ведра. Небо было заволочено густыми тучами, и Венера побоялась сырости, побоялась дождя и изъ-за тучь не выглянула ни на минуту.

При такомъ состояніи атмосферы нечего было и думать о загородныхъ удовольствіяхъ; сидѣть закупорившись въ комнатѣ тоже тяжело, и мы рѣшились, послѣ обѣда, хоть подъ дождемъ да пройтись по уединеннымъ улицамъ нашего околотка. Дождикъ какъ будто бы и пересталъ; мы шли-шли, да и прошли, сами того не замѣчая, довольно порядочное пространство, и уже готовы были воротиться обратно, какъ снова полилъ дождь и заставилъ насъ искать укрытія. Мы поспѣшили забѣжать въ красовавшійся пестрою вывѣскою ближайшій кафе-ресторанъ и пріютились въ одной изъ его маленькихъ комнатъ.

Изъ сосѣдней комнаты до насъ доходилъ разговоръ какихъ-то посѣтителей, загнатыхъ сюда тоже, должно-быть, дождемъ; одинъ говорилъ басомъ, другой визгливымъ дискантомъ.

— Вотъ-те и Венера! говорилъ басъ: всѣ глаза высмотрѣлъ, локти отлежалъ, глядя изъ окошка — ну, нѣтъ звѣзды, да и полно!

— Досадно! отвѣчалъ дискантъ — а я еще нарочно взялъ у лучшаго оптика большую трубку, чтобъ глядѣть да и разглядѣть рѣдкостное явленіе.

— Такая, право, обида! Хоть бы я узналъ съ которой стороны Венера-то показывается, а то не знаешь, гдѣ ее искать. И много видишь звѣздъ, а Богъ ихъ знаетъ, которую зовутъ Венерой, которую Сатурномъ: иной разъ и Медвѣдицу-то смѣшаешь съ Плеядами.

— Помилуйте, кто жъ этого не знаетъ! Въ настоящій моментъ Венера должна быть вотъ тутъ! И съ этимъ словомъ, дискантъ, вѣроятно, ткнулъ пальцемъ куда-нибудь въ сторону, чего мы впрочемъ видѣть не могли.

— Но за то, вмѣсто Венеры—продолжалъ онъ — я получилъ сегодня шестую книжку «Отечественныхъ Записокъ», и отъ нечего дѣлать почти половину ея перелистовалъ.

— Ахъ, какъ это пріятно! и вѣрно опять «Проселочныя дороги»? Славная штука! замѣтилъ басъ.

— Бѣда намъ вообще пускаться по проселочнымъ дорогамъ, а тутъ авторъ цѣлые полгода колеситъ по нимъ, и все еще не можетъ выѣхать на главный трактъ.

— Да къ чему спѣшить-то: благо онъ, на перепутьи, завозитъ насъ въ прелюбопытныя мѣста.

— Помилуйте, да тутъ несообразность на несообразности.... Вы читали «Проселочныя дороги»?

— Какъ же, съ отмѣннымъ удовольствіомъ!

— Съ удовольствіемъ? вотъ новость! Да вы поразмыслите только хорошенько: если ли тутъ смыслъ? есть ли тутъ правственные выводы? есть ли хоть порядочно очерченные характеры?

— И смыслу много, и мораль прочная, и характеры — прямо съ натуры!

— А вотъ прочтите шестую книжку—не то скажете. Ну, напримѣръ, хоть бы Балахновъ. Авторъ самъ понимаетъ, что Балахновъ— умница! въ нѣкоторомъ родѣ Меттернихъ, или, аллегорически выражаясь — сэръ робертъ Пиль, у котораго и языкъ какъ бритва, и перо точно иголка. Сравните же теперь то, что́ ему приписано въ первой части, какъ излагателю нравственныхъ сентенцій, или что́ самъ онъ писалъ въ альбомъ Чибезовой «о чувствѣ любви», съ тою подъяческою бумажкой, которая, подъ названіемъ письма къ Балаклееву, содержитъ разсказъ о спасеніи Балахновымъ г-жи Камышевской. И къ чему насмѣшки надъ человѣкомъ, который умѣлъ пріобрѣсти такую огромную репутацію, какъ Балахновъ? Гдѣ же тутъ нравственность? Гдѣ тутъ художественность?

— Да вы, никакъ, со мной шутите? спросилъ дисканта басъ.

— Къ чему мнѣ шутить, говоря о вещахъ серьозныхъ! Теперь, возьмите вы молодаго барича, Бобохова. Онъ совсѣмъ неглупъ, а

авторъ сдѣлалъ изъ него какую-то дубину? Да и можетъ ли быть, чтобъ какой-нибудь нищій Попельковскій сынъ такъ нагло поступилъ съ русскимъ помѣщикомъ? Наконецъ, къ чему колоть человѣка грязной родней, когда онъ собственными заслугами, или оборотами, или капиталами.... однимъ-словомъ тѣми ли, другими ли путями, отрѣшился отъ тины прежней атмосферы, въ которую судьбѣ угодно было его поставить въ первую минуту рожденія. Гдѣ жъ тутъ нравственность? Будь у меня, напримѣръ, дядя, дворецкій, тесть — мѣщанинъ, самая близкая родная особа — кухарка: неужели мнѣ пустить ихъ къ себѣ въ гостиную?

— А то какъ же?

— Я?... ихъ??.. въ гостиную?!

Вотъ вамъ и судъ надъ литературнымъ произведеніемъ! Вотъ вамъ и мораль особаго рода! Мораль — тяжелое слово, не всякому приходящееся по вкусу; но именно за это-то направленіе «Проселочныхъ Дорогъ» и нельзя не отдать должной справедливости господину Григоровичу, за посильно-художественную отдѣлку личностей выскочки Бобохова и главнаго дѣйствующаго лица, Аристарха Ѳедоровича Балахнова. Надо хлестать, безпощадно хлестать порокъ, подрывающій основанія семейнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общественнаго благосостоянія! Балахновъ и Бобоховъ — типы, которыхъ мы, къ несчастію, довольно часто встрѣчаемъ, встрѣчаемъ чуть ли не на каждомъ шагу; въ первомъ господинъ Григоровичъ обрисовываетъ намъ закоренѣлаго и отвратительнаго лицемѣра, умѣющаго закутать грязную свою душонку блестящими наружными покровами, а Бобоховъ представляетъ собою, говоря словами самаго господина Григоровича, жалкій образчикъ тѣхъ молодыхъ людей мѣщанскаго происхожденій, которые заползаютъ не въ свои сани, комически рискуютъ на новомъ своемъ мѣстѣ, и считаютъ себя въ правѣ презирать честное сословіе своихъ предковъ, забывая, что сами они, какъ тунеядцы, безъ воспитанія, образованія и нравственныхъ правилъ, во сто разъ ниже всякаго честнаго ремесленника.

По части легкаго чтенія «Отечественныя Записки» напечатали у себя разсказъ господина Михайлова, подъ названіемъ «Поэтъ». Содержаніе этого разсказа такого рода. Въ здоровенную и зрѣлую дѣву вкралось «постоянное, неутолимое томленіе». Дѣва была стихотворица, уѣздная Сафо. Она ждетъ къ себѣ неизвѣстнаго сыну

поэта. Этотъ поэтъ, никому въ мірѣ, кромѣ своихъ кредиторовъ, неизвѣстный, является къ Сафо, узнаетъ ея слабую сторону и, слово-за-слово, доводитъ ее до того, что она сама брякнула ему свое полновѣсное признаніе. Поэтъ, сколько можно судить по представленному авторомъ портрету, смахиваетъ немножко на очень обыкновеннаго негодяя, лишеннаго пристанища, но наша Сафо не замѣчаетъ ни странностей его костюма и не справляется о родѣ жизни своего «предмета»: легковѣрная и торопливая, какъ петербургская модистка, уѣздная барыня заботится лишь объ одномъ и хлопочетъ отпраздновать свадьбу-скороспѣлку. Женихъ пользуется обстоятельствами, выманиваетъ у стихотворицы денегъ, садится въ повозку и улетаетъ отъ жирной поэзіи навсегда. Сюжетъ разсказа, какъ изволите видѣть, очень незамысловатъ и одобренъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цинизмомъ, но языкъ господина Михайлова легокъ и живъ. А обладай авторъ талантомъ, умѣй онъ вдумываться въ предметъ, умѣй онъ съ художественной стороны изобразить положеніе дѣйствующаго лица — его Сафо могла бы быть героиней весьма хорошей, не грязной, умной повѣсти, а теперь это только пустой, бездушный разсказъ, непроникнутый серьозною мыслью: жалѣешь только напрасно убитаго времени.

Въ другихъ отдѣлахъ той же книжки «Отечественныхъ Записокъ» обращаютъ на себя преимущественное вниманіе слѣдующія статьи: «Крестоносцы и Литва», авторъ которой, господинъ профессоръ С. М. Соловьевъ, поставилъ себѣ задачей показать важное значеніе борьбы Тевтонскаго-Ордена съ Литвою въ исторіи восточной Европы, и разрѣшеніе этой задачи вполнѣ соотвѣтствуетъ той отчетливости въ пріемахъ и изложеніи, которую мы привыкли постоянно видѣть въ трудахъ нашего даровитаго ученаго. Нѣкоторое вниманіе обращаетъ на себя и критическая статья господина Шестакова, по поводу выхода въ свѣтъ второй книги «Пропилеевъ», сборника статей по классической древности, издаваемаго другимъ, равномѣрно весьма уважаемымъ нами московскимъ же профессоромъ, господиномъ Леонтьевымъ, и еще статья тоже извѣстнаго ученаго, продолжающаго, въ отдѣлѣ смѣси, помѣщать свое обозрѣніе лондонской всемірной выставки.

Въ одно почти время съ іюньскою книжкою «Отечественныхъ Записокъ» появилась пятая книжка «Пантеона». И въ той, и въ дру-

гой помѣщенъ разборъ новой русской оперы господина Рубинштейна «Куликовская битва». «Пантеонъ» разбираетъ эту оперу справедливо, но очень строго. Вспоминая о юности лѣтъ новаго русскаго композитора, критикъ направляетъ свою статью противъ *возможной* самонадѣянности молодаго дарованія, и увлекаясь этою *возможностью*, выходитъ какъ будто-бы изъ границъ безпристрастной бесѣды съ публикой, отчего статья его и проникается чѣмъ-то, похожимъ на тонъ личнаго неудовольствія: такъ, по-крайней-мѣрѣ, намъ показалось. Статья «Отечественныхъ Записокъ», трактуетъ предметъ гораздо снисходительнѣе: отсутствіе суровости, стараніе поощрить талантъ, желаніе отдать ему справедливость тамъ, гдѣ слѣдуетъ похвалить, и неуклонность отъ замѣчанія главнѣйшихъ недостатковъ оркестровки и инструментовки — вотъ преимущества, которыя падаютъ на сторону рецензента, и которыя заставляютъ насъ отдать предпочтеніе этой статьѣ. Что̀ жъ касается до отзыва «Современника» объ этой же оперѣ, то фельетонистъ, *обѣщавшійся поговорить* объ ней въ Іюньской книжкѣ этого журнала, признался самъ, что онъ, «какъ человѣкъ, любящій музыку, но понимающій ее чувствомъ, а не умомъ, не можетъ судить о музыкальныхъ достоинствахъ и недостаткахъ новой оперы, а говоритъ только, что она производитъ на слушателя очень благопріятное впечатлѣніе и что въ музыкѣ господина Рубинштейна много свѣжести, силы и чувства.»

Тѣмъ же участіемъ къ *начинающему* проникнута и другая статья, коротенькій разборъ извѣстнаго дивертиссемента, балета-съ-словами, піесы съ подборомъ разныхъ сценъ — право, не знаемъ какъ назвать представленіе, названное «Русскою Свадьбой», представленіе, которому и самъ авторъ никакъ не могъ придумать инаго названія, кромѣ — «представленія». «Пантеонъ» отозвался о «Русской Свадьбѣ» ни то ни сё; сказавъ въ-началѣ, что она «имѣла огромный успѣхъ», рецензентъ не забылъ весьма основательно прибавить, что «рукоплесканія публики становились оглушительны, когда пускались въ плясъ господинъ Каратыгинъ 1, госпожи Самойловы и вообще главныя дѣйствующія лица». «Отечественныя Записки» почти соглашаются, что на «Русскую Свадьбу» у насъ смотритъ какъ «на прекрасный балетъ, восхищаются имъ и... и совершенно забываютъ о его программѣ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣляютъ автора добрыми совѣтами, научаютъ его съ бо̀льшимъ уваженіемъ смотрѣть на сценическія

произведенія, желаютъ ему добра и поощряютъ его къ дѣятельности и къ преуспѣянію на избранномъ имъ поприщѣ.

Въ той же, пятой, книжкѣ «Пантеона» начатъ романъ, подъ заглавіемъ «Бракъ какихъ мало». Такъ-какъ въ настоящее время помѣщено пока одно его начало, то мы и не считаемъ себя вправѣ передавать его содержаніе или разсказывать основную идею. Романъ написанъ легко, легко читается, и читается не безъ интересу... но зато драматическое издѣліе, поставленное рядомъ съ этимъ романомъ и во главѣ той же книжки «Пантеона» вовсе нелитературно, понимая это слово въ его высшемъ значеніи.

Произведеніе это называется «Талисманъ». Оно принадлежитъ автору, который довольствовался прежде скромною работою: клеилъ водевильчики и разныя легонькія піески безъ претензій. Піески эти, разумѣется, не обратили на себя серьóзнаго вниманія: хвалить ихъ было не за-чтó, да и порицать тоже не приходилось. Но автору захотѣлось, должно-быть, пріобрѣсти себѣ славу серьознаго драматическаго писателя — и вотъ онъ принимается за трудъ, превосходящій его силы, разсчитываетъ на собственную усидчивость и терпѣніе, и не обладая достаточнымъ для такого труда талантомъ, мастеритъ новую піесу, громоздитъ сцену на сценѣ, актъ на актѣ, и растягиваетъ свое созданіе на четыре части: на три дѣйствія и на эпилогъ. Конецъ втораго дѣйствія и весь эпилогъ онъ крошитъ на мѣрныя строчки, кое-гдѣ съ риѳмами, кое-гдѣ безъ риѳмъ, и каждую часть, кромѣ третьяго дѣйствія, заканчиваетъ живыми картинами. Герой этой піесы чрезвычайно исключительное существо, справедливо названное въ одномъ мѣстѣ самой піесы «бабой» и «школьникомъ»; характера въ немъ нѣтъ, жизни мало, и въ добавокъ къ этому, авторъ надѣлилъ его нервами необыкновенно слабыми. Узнавъ, что любимая имъ женщина сама любитъ его, этотъ герой падаетъ въ обморокъ! Ну, просто комедія!

Идея созданія такого героя принадлежитъ самому автору; другія же лица піесы—весьма неудачныя подражанія личностямъ, надъ изображеніемъ которыхъ давно и съ успѣхомъ трудились другіе литераторы. — Мы стали бы въ тупикъ, еслибъ насъ спросили, къ какому роду драматическихъ произведеній принадлежитъ эта піеса, комедія она, или драма? Мы думаемъ, что она ни то, ни другое. Но авторъ думаетъ иначе: онъ ее считаетъ и комедіей и драмой вмѣстѣ. Въ-

самомъ-дѣлѣ, на обверткѣ книжки журнала сказано, что «Талисманъ — *комедія* въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ и прозѣ», а на заглавномъ листкѣ въ самой комедіи, комедія эта названа *драмой* въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ. При такихъ сбивчивыхъ понятіяхъ самаго автора о родѣ произведенія собственной своей фантазіи, чего же и ожидать намъ отъ содержанія піесы? И языкъ, и мысли, и чувствованія, и дѣйствія дѣйствующихъ лицъ такъ же мало соотвѣтствуютъ понятію о драмѣ, какъ и понятію о комедіи. Впрочемъ, пора кончить: мы и то слишкомъ долго останавливались надъ этимъ «Талисманомъ».

Кромѣ «Талисмана» въ нынѣшней книжкѣ «Пантеона» мы нашли водевиль, подъ названіемъ «№ 470, или (у нашихъ водевилистовъ, рѣдкій водевиль обойдется безъ *или*!) три тысячи рублей серебромъ». Когда этотъ незамысловатый водевильчикъ въ первый разъ появился на сценѣ Александринскаго театра, то на афишѣ, сколько мы можемъ припомнить, было именно сказано, что это — передѣлка съ французскаго. Теперь нѣтъ этой оговорки, но мы не хотимъ думать, чтобъ цѣлію такого опущенія было желаніе заставить читателей принять этотъ водевиль за оригинальное произведеніе. Мы того мнѣнія, что хорошенькій водевиль-передѣлка лучше пустой оригинальной комедіи, будь это «Разлука та же наука», или будь это «Талисманъ», а «№ 470» передѣлка очень миленькая, которая подтверждаетъ давно составившееся въ публикѣ убѣжденіе, что авторъ ея, господинъ Ѳедоровъ (П. С.), мастеръ своего дѣла и владѣетъ несомнѣннымъ искусствомъ перестроивать парижскіе нравы на русскій ладъ, и что въ этомъ отношеніи онъ едвали не лучшій изъ всѣхъ нашихъ переводчиковъ. Его Квасовъ и Коринкинъ чистые петербургскіе типы, герои выборгской и петербургской стороны, одинъ съ сердечною склонностію къ пѣвчимъ птицамъ, которыхъ онъ выучиваетъ насвистывать «Мальбруга» и выговаривать имена хорошенькихъ дѣвушекъ, другой — юноша, лишенный такта деликатности и готовый при первомъ удачномъ оборотѣ колеса фортуны поднять высоко носъ, заважничать и глупымъ чванствомъ своимъ глубоко-оскорбить самыя близкія къ себѣ лица. Старика Квасова удачно характеризуетъ одна его фраза. Присватываясь къ бѣдной дѣвушкѣ, Олинькѣ, онъ не безъ гордости, а съ сознаніемъ всего своего достоинства, высчитываетъ передъ ней, что у него послѣ двухъ покойницъ женъ остались полны сундуки

всякаго добра, и что она, Олинька, безъ сомнѣнія, занятыя, съ какимъ великолѣпіемъ онъ хоронилъ вторую свою супругу. А Корнишинъ чрезвычайно удачно обрисованъ въ той сценѣ, когда онъ разговариваетъ съ своей невѣстой, воображая себя счастливцомъ, выигравшимъ домъ въ лотерею и разсуждая, что онъ могъ жениться на Олинькѣ, когда онъ былъ нинто, круглый бѣднякъ: ну, а какъ же ему теперь, владѣльцу дома, дать свое имя, имя Корнишина! бѣдной дѣвушкѣ? Содержаніе водевиля представляетъ порядочный запасъ матеріалу на хорошую драму, но переводчикъ не драматургъ: онъ не могъ изъ него сдѣлать ничего, кромѣ незамысловатаго водевильчика.

Все, что имѣетъ самостоятельность и художественность, все должно привлекать на себя вниманіе и заслуживать уваженіе; но совершенно другое бываетъ тамъ, гдѣ видно одно заимствованіе, и заимствованіе самое безцеремонное, выдаваемое подъ чужою фирмою. Былъ у насъ, одно время, сосѣдъ, семейный человѣкъ, но такой широкой, размашистой натуры, что для удовлетворенія его наклонностей «блистать» недоставало самого малаго, средствъ, въ видѣ звонкой монеты или кредитныхъ билетовъ. Сперва онъ перемогался кой-какъ, занимая деньги у пріятелей, но когда и пріятели перестали ему вѣрить, онъ пустился въ иные обороты. Онъ омеблировалъ свою квартиру роскошно и изящно, но мебель для комнатъ набралъ въ разныхъ лавкахъ въ долгъ; началъ дѣлать обѣды, и слѣдуя той-же надувательной системѣ, подрядилъ себѣ рыночныхъ поставщиковъ, обѣщаясь имъ каждые полгода уплачивать суммы, на томъ основаніи, что онъ два раза въ годъ изъ деревни, которой у него не было, получаетъ доходы и два раза расплачивается съ работающими на него магазинщиками. Задавалъ онъ обѣды дружескіе, на ограниченное число кувертовъ, но у одного сосѣда выпроситъ столовыхъ ложекъ, у другаго позаимствуется столовымъ бѣльемъ, у третьяго займетъ посуду, и этими заимствованными отовсюду принадлежностями домовитости пускалъ пыль въ глаза своимъ новымъ знакомцамъ: смотрите-молъ, какъ я славно живу; имѣйте ко мнѣ уваженіе, вѣрьте мнѣ больше денегъ! Выйду, по милости этого блеска, въ люди, вскарабкаюсь повыше по широкой лѣстницѣ — деньги сами собой къ намъ польются!

Удача, если такіе обѣды пройдутъ благополучно: на супѣ, на дичи, на мясѣ, на саладѣ не написано, что это чужое; но серебро,

столовое бѣлье и фарфоръ украшаются фамильными гербами и вензелями — увидятъ, осудятъ! Но нашъ сосѣдъ смѣкалъ дѣломъ; онъ серебро и фарфоръ бралъ гладкіе, безъ вензелей и безъ отмѣтинъ, а чужое бѣлье приказывалъ складывать такъ, чтобъ уголки съ мѣтками были запрятаны въ самую середину!

Такого-то рода позаимствованія встрѣчаются и въ наше время, даже въ литературномъ мірѣ, и не у однихъ насъ, Русскихъ, но и тамъ, на западѣ.... но какое чувство долженъ испытывать тотъ, кто такъ нескромно выставитъ себя хозяиномъ чужой собственности, если убѣдится, что тайна его извѣстна не одному ему? Вотъ бы этакую тему взять нашимъ драматургамъ за основу, да и написать бы на нее піеску: право, вышло бы не безъ эффекта!

Перечитывая нынѣшнюю книжку «Пантеона», по обыкновенію, отъ доски до доски, мы случайно напали на мысль, что въ исторіи драматической литературы всегда были эпохи исключительнаго преобладанія на сценахъ піесъ такого или инаго содержанія, съ такимъ или съ инымъ направленіемъ сатиры на тотъ или другой родъ человѣческихъ слабостей, съ такимъ или инымъ направленіемъ лести общественнымъ наклонностямъ, преобладающимъ въ извѣстномъ кругѣ въ данный періодъ. Говоря словами самого «Пантеона», изученіе этихъ эпохъ чрезвычайно любопытно: онѣ находятся въ такомъ тѣсномъ отношеніи съ исторіею просвѣщенія вообще, что трудно опредѣлить, театръ ли дѣйствуетъ на извѣстное направленіе народныхъ обычаевъ, привычекъ, вкуса, или, на оборотъ, эти обычаи, этотъ вкусъ заставляютъ драматическихъ писателей угождать современнымъ требованіямъ публики. Во всякомъ случаѣ, говоритъ «Пантеонъ», мы твердо убѣждены, что никогда литература письменная, книжная, литература поэмъ и романовъ не имѣла такого вліянія на нравы, какъ литература драматическая.

Послѣ такихъ прекрасныхъ словъ, чего бы, казалось, лучше «Пантеону», этому литературно-художественному журналу, самому принять на себя трудъ ознакомленія нашей публики съ характеромъ и направленіемъ нашихъ отечественныхъ драматическихъ произведеній, хотя за послѣднее десятилѣтіе, или за всю вторую четверть нынѣшняго столѣтія, или и еще полнѣе, начавъ свой обзоръ съ эпохи 1812 года? У кого другаго — не знаемъ, а у «Пантеона» недостатка въ матеріялахъ, вѣроятно, не окажется: ему свободно можетъ быть

открытъ весь архивъ игранныхъ и даже неигранныхъ піесъ; умѣнья излагать предметъ — «Пантеону» тоже не занимать стать. А сколько бы наслажденія принесло публикѣ подробное развитіе и добросовѣстное изслѣдованіе предмета, о которомъ мы сказали! Никто, кромѣ «Пантеона», не обладаетъ бо̀льшею возможностью привести этотъ планъ въ исполненіе; никому, кромѣ «Пантеона», судьба не судитъ такого завиднаго и въ высшей степени почтеннаго и благороднаго труда.

Іюньская книжка «Современника», судя по ея оглавленію, составлена чрезвычайно завлекательно, и мы, съ перваго же разу, напали, разумѣется, на «Львовъ въ провинціи» господина Панаева, желая, наконецъ, поскорѣй узнать развязку того, что такъ хорошо врѣзалось намъ въ память въ окончаніи второй части. Но, увы и ахъ! нашъ почтенный и даровитый бельлетристъ нынѣшній разъ снова задалъ задачу нашему терпѣнію, поскупился на страницы, и помѣстилъ только двѣ первыя, XIX и XX, главы третьей части своего романа, главы съ такими сценами, которыя, вѣроятно, окажутся впослѣдствіи времени имѣющими тѣсную связь съ основною нитью романа; но пока это еще окажется, сцены эти теперь имѣютъ значеніе эпизода, вводнаго обстоятельства, вовсе не вяжущагося съ цѣлымъ. Мѣста въ книжкѣ было, кажется, довольно для того, чтобъ неслишкомъ долго растягивать романъ, но господинъ Панаевъ, вслѣдствіе одному ему извѣстныхъ причинъ, уступилъ первыя страницы отдѣла словесности другому бельлетристическому сочиненію, прелестному разсказу господина Авдѣева, за что, разумѣется, нельзя не сказать ему спасибо. Разсказъ господина Авдѣева называется «Нынѣшняя любовь»; содержаніе его очень просто, очень незамысловато и можетъ быть передано въ двухъ-трехъ словахъ: Въ одинъ губернскій городъ пріѣхалъ изъ Петербурга молодой человѣкъ, увидѣлъ тамъ одну барышню, приволокнулся за нею, успѣлъ съ нею сдружиться, успѣлъ и ее влюбить въ себя, и самъ въ нее влюбиться, и готовился уже просить ея руки, какъ узнаетъ, что у нея неслишкомъ значительно денежное приданое. Разсчитавъ, что это приданое, вмѣстѣ съ собственнымъ его независимымъ состояніемъ, не дастъ ему средствъ жить такъ же широко, какъ онъ самъ привыкъ жить, и какъ привыкла жить его невѣста, нашъ пріѣзжій, чуждый надеждъ на собственныя силы, покидаетъ мечты о семейномъ благополучіи и уѣзжаетъ домой. Случай совершенно обыкновенный, но онъ обстановленъ авторомъ

такъ хорошо, разсказанъ такъ талантливо, проникнутъ такою живою мыслью, что опять-таки нельзя не обратиться къ господину Панаеву и не поблагодарить его за то, что онъ, поскупившись на свой романъ, далъ мѣсто разсказу господина Авдѣева. Все-равно — «Львовъ въ провинціи» онъ не можетъ же цѣликомъ втиснуть въ одну книжку, а его читатели, вѣроятно, не забудутъ всѣхъ обстоятельствъ, которымъ ознаменовался отъѣздъ графа Елецкаго изъ деревни и встрѣча его въ Петербургѣ съ Лидіей-Феклушей.

Въ этой же книжкѣ «Современника» напечатаны восьмая пѣснь Виргиліевой Энеиды, въ переводѣ господина Шершеневича, и «Очерки Лондона» Диккенса. Въ отдѣлѣ наукъ особенное вниманіе наше обратила одна статейка безъименнаго автора «О рыбоводствѣ». Такой предметъ, несмотря на свою исключительность, чрезвычайно важенъ въ наукѣ; но онъ имѣетъ особенное значеніе и для насъ, для каждаго образованнаго русскаго человѣка, по тѣсной связи своей съ рыболовствомъ, составляющимъ, по выраженію одного изъ нашихъ писателей, громаднѣйшую отрасль государственнаго хозяйства Россіи. Нынѣ предметъ этотъ получилъ новый интересъ по особенному обстоятельству, указать на которое всякому и всегда пріятно. Почетный гражданинъ Голиковъ, предложилъ, какъ уже изъ газетъ извѣстно, Императорскому Русскому Географическому Обществу премію въ 3,000 рублей серебромъ: задачею господинъ Голиковъ избралъ подробное изслѣдованіе и описаніе астраханскаго рѣчнаго и морскаго рыболовства.

Статья эта сильно заняла насъ; но, признаться-сказать, мы не смѣемъ считать себя спеціальными знатоками въ этомъ дѣлѣ, а потому, встрѣтивъ въ этой статьѣ, съ первыхъ же ея строкъ, кой-какія сомнѣнія, мы обратились за совѣтомъ къ одному доброму нашему знакомому, неочень давно возвратившемуся изъ краевъ, славящихся широкими размѣрами рыбной промышлености. Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ нимъ по этому предмету, мы сочли себя въ силахъ сказать нѣсколько словъ и объ упомянутой статейкѣ.

Статейка эта, съ перваго взгляда, выдаетъ себя за самостоятельное, русское ученое изслѣдованіе, за трактитъ о предметѣ, изученный русскимъ авторомъ въ своемъ родномъ отечествѣ. Желая вселить въ читателѣ эту увѣренность, безъименный авторъ, въ приличныхъ мѣстахъ, говоритъ о *нашемъ* законодательствѣ, о *нашемъ* Сводѣ

законовъ и указахъ, о *какихъ* рѣкахъ, о *какихъ* ятовьяхъ, о *какой* «бѣшенкѣ» и о *какихъ* татарахъ. Но если это не чистый переводъ какой-нибудь иностранной журнальной статейки, приправленный и сдобренный маскирующими ее вставками, или если это не безхитростная компиляція сочиненія какого-нибудь слабенькаго гелертера, такъ мы ужь и не можемъ придумать ей никакого названія. Не явись эта статейка съ претензіей на самостоятельность, мы, можетъ-быть, и обошли бы ее осторожно, но теперь нельзя не указать читателю хотя, напримѣръ, на степень пониманія авторомъ дѣла, за которое онъ взялся.

Авторъ выдумалъ фразу «эпоха рыбнаго явленія»; отчего же онъ не потрудился разъяснить читателю смыслъ этой таинственной фразы? Или онъ полагалъ, что всякій и безъ него пойметъ, что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ періодическій *ходъ* рыбы для *выметыванія икры*?

Авторъ увѣряетъ что *яловыя самки* вкуснѣе *холостыхъ самокъ*. — Подобная фраза доказываетъ и непониманіе смысла словъ, авторомъ употребляемыхъ, и совершенное непониманіе дѣла. Рыба раздѣляется на самцовъ и самокъ. Самцы бываютъ или съ молоками, или безъ молоковъ, что̀ и называется холостою рыбою; самки тоже бываютъ или икряныя, то есть съ ястыко̀мъ, полнымъ икры, или съ пустымъ ястыко̀мъ, безъ икры, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такая рыба называется яловою рыбою. Какимъ же образомъ теперь, самки могутъ быть раздѣлены на три вида: на икряныхъ, на яловыхъ и на холостыхъ?

Онъ нѣсколько разъ говоритъ о рыболовствѣ въ рѣкѣ Эмбѣ и о тамошнихъ Туркменахъ: но кто же не знаетъ, что у Эмбы нѣтъ устьевъ въ Каспій; что по ней нѣтъ рыболовья какъ промысла, что ни на ней, ни вблизи ея Туркмены не водятся? А еще, русскій человѣкъ, тутъ же ссылается на Сводъ законовъ! Мы вѣримъ, что онъ видѣлъ эту книгу, да не замѣтилъ одного: тамъ про рыболовье въ рѣкѣ Эмбѣ не сказано ни слова, а говорится объ «Эмбенскомъ-ловѣ», а что̀ такое значитъ *Эмбенскій-ловъ* — человѣку, взявшемуся писать ученую статью о рыбоводствѣ, стыдно не знать.

Безъименный авторъ увѣряетъ, что на Дону, на Дунаѣ, на Волгѣ и въ Сальянахъ *красная* рыба гніетъ цѣлыми милліонами и заражаетъ воздухъ міазмами. Смѣемъ увѣрить автора, что тутъ ни на волосъ,

ни даже тѣни нѣтъ истины, и что онъ сказалъ непростительную нелѣпицу. Если онъ станетъ оправдываться тѣмъ, что ни слова не говоритъ о *красной* рыбѣ: то это будетъ служить только новымъ свидѣтельствомъ его незнанія, потому-что клей и икра, о которыхъ онъ говоритъ, да еще вязига, о которой не вспомнилъ, добываются преимущественно изъ красной рыбы, изъ рыбы, дающей намъ чорную икру, чѣмъ отдѣлъ такъ-называемыхъ *красныхъ* рыбъ и отличается, между-прочимъ, отъ отдѣла рыбы *чорной* или *частиковой*, не имѣющей того цвѣта икры, который мы видимъ въ такъ-называемой *свѣжей* и въ паюсной икрѣ.

Лѣтъ двадцать-тридцать назадъ было въ Сальянахъ, именно на Божьемъ-Промыслѣ, и въ Сефидрудѣ, или какъ наше простонародье обыкновенно говоритъ — въ Сефидурѣ — въ Персіи, въ этихъ только двухъ мѣстахъ бывало, что уловъ красной рыбы до такой степени былъ необычаенъ, что силъ человѣческихъ недоставало всю добытую рыбу обратить въ товаръ, и тогда только нужда, самая крайняя необходимость вынуждала конторы довольствоваться одною икрою, вязигою и клеемъ; самое же мясо рыбы бросали, потому-что ни соли для посола, ни мѣста для храненія, ни рукъ для работы не хватало. Но это только *бывало*, и бывало, повторяемъ, лѣтъ двадцать-тридцать назадъ.

Авторъ предлагаетъ правило: за каждую бракованную, выброшенную въ воду рыбу полагать штрафъ на ловца. Такую мысль предложить можетъ только кабинетный человѣкъ, вовсе незнакомый съ рыбопромышленостью на столько, чтобъ о ней писать, да еще и печатать.

Для перевозки живой рыбы, онъ предлагаетъ чаны, и совѣтуетъ три раза въ сутки перемѣнять въ нихъ воду, «но такимъ образомъ, *чтобъ прежняя вода вытекала снизу, по мѣрѣ того, какъ свѣжая наливается сверху*». А умудрился ли авторъ самъ произвести такой опытъ? Чѣмъ предлагать такіе фокусы, не лучше ли бы сказать хотя два слова о *рыбницахъ*.... но можетъ-быть безъименному автору вовсе неизвѣстно что такое *рыбница*? А не мѣшало бы ему знать это нехитрое, но чрезвычайно умное изобрѣтеніе.

Авторъ обѣщается «бросить бѣглый взглядъ на общіе законы оплодотворенія рыбъ»: и говоритъ не о томъ, о чемъ обѣщаетъ.

Авторъ открылъ породы *кочующихъ* рыбъ! Въ морѣ, говоритъ онъ,

кочующія рыбы — треска и сельди, а въ рѣкахъ—лосось и *другія*. Славно знаетъ авторъ физіологію рыбъ!

Авторъ едва ли неувѣренъ, что въ Каспійскомъ морѣ поймали разъ лосося, приплывшаго туда съ *Персидскаго-залива* подземнымъ проходомъ. Эту газетную утку слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Каспійскомъ морѣ могли поймать лосося, принадлежавшаго жителю одной изъ деревушекъ, разсѣянныхъ по *заливамъ персидскихъ береговъ Каспія!* Оно и выйдетъ, что рыба была изъ персидскаго залива.

Авторъ выдумываетъ новыя фразы и новыя слова, напримѣръ *водворять рыбу въ водѣ, отличительная объемость живота, икреніе, ялиться*. Въ первыхъ двухъ фразахъ мы толку можемъ еще добиться, но икреніе и ялиться — это задача премудрёная!

Но всего не перечтешь; впрочемъ не можемъ не привести еще, уже послѣдней выписки. Авторъ увѣряетъ, что бѣшонка въ западной Европѣ принадлежитъ къ самымъ вкуснымъ рыбамъ, а у насъ на святой Руси, на матушкѣ на Волгѣ, она почитается *до того вредною, что всегда или выбрасывается, или продается Татарамъ*. Подобная сказка выходитъ уже изъ предѣловъ приличія и служитъ новымъ доказательствомъ того, что авторъ совершенно не понимаетъ дѣла, за которое взялся.

Судите, благосклонный читатель, сами: можно ли подобныя вещи говорить тогда, когда у насъ, на нижней Волгѣ, ежегодно добывается одного рыбьяго жира, или какъ у насъ здѣсь еще называютъ—ворвани, до *пяти тысячь бочекъ*; въ бочкѣ чистаго вѣсу бываетъ тридцать пудовъ, а чтобъ вытопить пудъ этого жира надо, *по-крайней-мѣрѣ, три тысячи штукъ* бѣшонки, потому, что мы достовѣрно знаемъ, что при произведенныхъ опытахъ, изъ 1780 или 1863 штукъ этой рыбы жиру вытапливали, по временамъ, только отъ 19 до 22 фунтовъ; стало-быть для выработки одного жира добывается въ годъ 450.000.000 штукъ бѣшонки. Но это еще не все. Авторъ, пустившійся въ свои разсказни, не знаетъ видно, что бѣшонка всегда въ огромномъ количествѣ обывалась въ Малороссію и частью въ Бѣлоруссію; не знаетъ онъ и того, что нынѣ развита новая отрасль — изготовленіе изъ бѣшонки, которая принадлежитъ къ породѣ *сельдей* — копченыхъ сельдей: въ одномъ нынѣшнемъ году пошло ея на это дѣло, какъ мы положительно узнали отъ нашего знакомца, 15.000.000 штукъ.

Какъ же могъ авторъ, послѣ такого незнанія, позволить себѣ выступить передъ публикой съ своимъ ученымъ трактатомъ, обнаруживающимъ только непонятную смѣлость тѣшиться легковѣріемъ тѣхъ читателей, которые каждую печатную строку могутъ принять за провѣренную на опытѣ правду? Развѣ таково призваніе писателя? Не ложь распространять долженъ онъ: а долженъ говорить дѣло.

Намъ тяжело высказывать эту горькую истину, и очень больно, что въ такомъ миломъ журналѣ, какъ «Современникъ», мы нашли такую дикую статью.

За потерю времени, причиненную чтеніемъ статьи о *рыбоводствѣ*, мы надѣялись вознаградить себя наслажденіемъ, котораго ждали въ другой, заманчивой по заглавію, оригинальной статьи; она принадлежитъ господину Мордвинову, описывающему въ ней свою «Поѣздку въ Монголію»; но и тутъ немного ошиблись въ разсчетѣ. Статья написана складно и нелишена интересу, но она непроникнута теплымъ участіемъ къ предмету и написана такъ холодно, что представляетъ собой не учено-литературную статью, а какъ-будто бы дѣловой докладъ, котораго первое условіе — сжатость, правдивость и холодное безпристрастіе. Не знаемъ почему, но статья эта представляется намъ не окончательно-обработаннымъ сочиненіемъ, а запиской, наскоро-составленнымъ отчетцомъ, программой къ будущему, болѣе обширному и болѣе обработанному труду. Вы надѣетесь познакомиться съ природою мѣстъ, которыя проѣзжалъ господинъ Мордвиновъ: онъ вамъ будетъ говорить о горныхъ рѣчкахъ, о переправахъ, объ арбѣ, которую называетъ одноколкой, будетъ упоминать слова «прекрасный видъ», «дикая природа», но вы сами этой природы, изъ его словъ, не увидите, не почувствуете. Захотите вы узнать людей разныхъ племенъ, съ которыми авторъ встрѣчался, захотите познакомиться съ ихъ бытомъ; но авторъ и на это скупъ: онъ только упоминаетъ о Русскихъ, о казакахъ, о Бурятахъ, о Монголахъ, но не даетъ вамъ о нихъ нагляднаго понятія, а если гдѣ и не скупится на лишнее словцо, то ограничиваетъ его немногими фразами. Такъ о Тункинскомъ краѣ онъ прибавляетъ, что «бытъ жителей хотя не представляетъ особеннаго изобилія, но, повидимому, нескуденъ»; о другомъ мѣстѣ говоритъ «немноголюдное и бѣдное селеніе; жители довольно просты, промышлености не замѣтно», и такъ далѣе, въ этомъ же родѣ. Мѣстнаго колорита, или во-

Одиннадцатая же книжка красуется «Сраженіемъ съ дракономъ» — переводъ изъ Шиллера, госпожи Глинки. Стихотвореніе это такого рода, что еслибъ при немъ не было сказано, что это переводъ изъ Шиллера, то читателю и въ голову не пришло бы отыскать какую-нибудь связь и тожественность между прекраснымъ, могучимъ стихомъ Шиллера и красивымъ, и не менѣе того мощнымъ стихомъ госпожи Глинки. Возьмите любимую строфу и полюбуйтесь ея картинностью.

Велѣлъ художничей рукой
Устроить съ подлиннымъ вѣрнѣе,
Точь въ точь какъ онъ — дракона змѣя:
Чтобъ на короткихъ лапахъ былъ
Громадный станъ со чревомъ длиннымъ,
И чтобъ какъ панцыремъ свѣтилъ
Хребтомъ чешуйчато-щетиннымъ.

Чтобъ съ длинной шеей оный звѣрь
И пасть имѣлъ, какъ ада дверь,
И чтобъ она какъ адъ зіяла,
Какъ-будто добычу хватала;
Чтобъ въ черной пасти рядъ зубовъ
Всегда къ сраженью былъ готовъ,
Языкъ какъ остріе кинжала,

И молнія бъ изъ глазъ сверкала,
Чтобъ съ длинною спиною змѣй,
Свой хвостъ кольчатый воздымая,
И человѣковъ и коней
Какъ бы душилъ хвостомъ сжимая.

Просто прелесть! Я думаю, что Шиллеръ, еслибъ онъ былъ живъ, сердечно бы соболѣзновалъ, что не знаетъ по-русски: а то кáкъ ему теперь узнать самого себя въ этихъ стихахъ? оно, въ самомъ-дѣлѣ, трудновато!

Кромѣ «Царскосельскаго Лебедя», въ десятой книжкѣ Москвитятина еще одна статья привлекаетъ на себя особенное вниманіе. Статья эта помѣщена въ отдѣлѣ критики и библіографіи, подъ заглавіемъ: «Мнѣніе одного неизвѣстнаго читателя объ одномъ неизвѣстномъ сочиненіи»; статья не велика: но мала пташка соловей, да поетъ голосисто! Мы вполнѣ соглашаемся съ неизвѣстнымъ авторомъ, указываемъ на его

статью, какъ на лучшій вкладъ десятой книжки, и признаемъ ее прекрасною, образцовою критическою статьей.

Не менѣе того любопытны три отвѣта господина Погодина: одинъ несовсѣмъ-то удачный о 852 годѣ, и два чрезвычайно дѣльные и безупречно-вѣрные по другимъ предметамъ; мы не можемъ себѣ позволить пройти о нихъ въ молчаніи.

Въ концѣ іюня, числа около 20-го, вышла пятая, майская книжка «Сына Отечества»... но не пора ли уже кончить? и безъ того статейка наша немножко растянута!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Обязанность бесѣдовать съ читателями о музыкѣ лѣтомъ, у насъ, представляетъ нѣкоторыя неудобства. Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ это время музыка имѣетъ своихъ представителей въ однихъ только садовыхъ оркестрахъ, и что тутъ дѣло собственно не въ музыкѣ, а въ загородныхъ поѣздкахъ и разныхъ другихъ увеселеніяхъ, за которыми обыкновенно ѣздятъ въ Альгамбру, на Минеральныя Воды и въ прочія неменѣе прелестныя мѣста. Въ-самомъ-дѣлѣ, едва ли кто-нибудь отправляется туда единственно за тѣмъ, чтобъ слушать музыку. Исключеніе можетъ остаться развѣ за однимъ только Павловскомъ. Но и тамъ прекрасный паркъ соперничаетъ съ превосходнымъ оркестромъ Іосифа Гунгля. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ, музыка отодвинута рѣшительно на второй планъ и не возбуждаетъ ни общаго вниманія, ни восторговъ, хотя безъ нея, повидимому, не могутъ существовать никакія загородныя общественныя увеселенія. И такъ, лѣтомъ окрестности Петербурга препорядочно оглашаются самыми разнообразными звуками оркестровъ, гдѣ, между-прочимъ, иногда вы услышите удивительные инструменты, нѣчто въ родѣ трещетокъ, которыми пугаютъ птицъ въ саду и отъ которыхъ вскорѣ начинаетъ сильно болѣть голова, а слуховой перепонкѣ угрожаетъ большая опасность. Вотъ почти все, что можно сказать о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ лѣтомъ. Послѣ этого, просимъ извиненія у читателей, если наши извѣстія не будутъ интересны и разнообразны, за то онѣ пріобрѣтутъ другое достоинство: будутъ коротки.

Изъ числа оркестровъ, играющихъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Петербурга, первое мѣсто принадлежитъ, по нашему мнѣнію,

оркестру Іосифа Гунгля, который, попрежнему, играетъ въ павловскомъ воксалѣ. Онъ соединяетъ въ себѣ почти все, что нужно, чтобы заставить слушать себя съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ немъ замѣтенъ только одинъ недостатокъ: слишкомъ много методичности, и, если можемъ такъ выразиться, пуританства въ исполненіи танцевъ, преимущественно вальсовъ и полекъ, которые требуютъ болѣе развязности, увлеченія, того что́ Французы называютъ entrain. Въ этомъ отношеніи Иванъ Гунгль мастерски распоряжается оркестромъ на Минеральныхъ Водахъ, хотя его оркестръ вообще составленъ изъ господъ, во многомъ уступающихъ артистамъ павловскаго оркестра, за исключеніемъ, можетъ быть, господина Жюля Дено, 1-er prix du Conservatoire de Paris, какъ значится въ афишѣ, который очень хорошо играетъ на cornet-à-pistons и успѣлъ уже обратить на себя нѣкоторое вниманіе публики. Здѣсь же, то есть на Минеральныхъ Водахъ, братья Китлеръ очень ловко и проворно постукиваютъ палочками по кускамъ чернаго мрамора, разложеннымъ на соломѣ и названнымъ ими Felsen-Harmonika. Имъ много аплодируютъ. Но, кажется, публику болѣе интересуетъ процессъ игры, чѣмъ самая игра, то-есть, она любитъ болѣе смотрѣть, какъ Китлеры выбиваютъ польки на мраморныхъ кускахъ, чѣмъ слушать эти польки. По крайней мѣрѣ, всякій разъ когда они начинаютъ раскладывать свой незатѣйливый инструментъ на столѣ, около нихъ собирается пропасть народу и нѣкоторые изъ зрителей даже становятся на скамьи, чтобъ лучше видѣть.

На дачѣ Королева владычествуетъ безмятежно и нераздѣльно, какъ и въ прошломъ году, господинъ Ладе. Публика его, отмѣнно чинная и спокойная, слушаетъ его, повидимому, съ похвальнымъ прилежаніемъ, но не обнаруживаетъ большихъ восторговъ и приходитъ въ движеніе только по окончаніи каждаго отдѣленія программы, то-есть, отправляется наслаждаться природою въ маленькомъ, очень маленькомъ садикѣ. Оркестръ вообще исполняетъ свое дѣло удовлетворительно; но мы только посовѣтовали бы господину Ладе играть поменѣе своихъ сочиненій и вовсе не играть попури въ родѣ Leuchtkugeln, о которыхъ можно сказать одно, что они очень длинны, длинны, длинны.

На дачѣ господина Олсуфьева, пышно названной поэтическимъ именемъ Альгамбры, и къ которой проѣздъ бѣднымъ смертнымъ, неимѣю-

щимъ своего экипажа, соединенъ съ нѣкоторыми маленькими непріятностями, играетъ оркестръ подъ управленіемъ господина Дютша. Мы позволимъ себѣ нѣсколько распространиться объ этомъ новомъ загородномъ увеселеніи, гдѣ обѣщали познакомить насъ со всѣмъ разнообразіемъ, изяществомъ и роскошью великолѣпныхъ праздниковъ, происходившихъ въ очаровательныхъ дворцахъ халифовъ мавританскихъ. Вѣдь это касается отчасти и музыки. Мы были тамъ 23 мая, въ день открытія Альгамбры, и 5 іюня. Вотъ впечатлѣнія, какія мы вынесли оттуда въ эти два вечера. Послѣ долгаго и нѣсколько скучнаго плаванія по Финскому Заливу, впродолженіе котораго насъ порядочно качало на пароходѣ, обдавало вѣтромъ, холодомъ, а подчасъ и дождемъ, неизвѣстно откуда падавшимъ при совершенно ясной погодѣ, пробывъ болѣе часу въ такомъ несовсѣмъ завидномъ положеніи, съ однимъ утѣшеніемъ видѣть вездѣ вокругъ себя одну воду, воду и воду съ терявшимся вдали берегомъ, — въ первый разъ, впрочемъ, былъ на пароходѣ оркестръ музыки, который, при переходѣ за городскую черту игралъ лучшія піесы и, между прочимъ, отличную польку «Ванька-Танька», — мы достигли наконецъ пристани. Чувствуемъ, читатели, какъ тяжело и утомительно ложатся подъ перо слова при описаніи нашего печальнаго плаванія. Это описаніе, впрочемъ, вполнѣ достойно совершеннаго нами путешествія. Но къ дѣлу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани стоитъ небольшой домикъ, съ маленькою башенкою, надъ которою развѣвался флагъ съ надписью «Альгамбра». Когда пароходъ нашъ присталъ къ берегу, любезный распорядитель праздника приказалъ музыкантамъ играть тушъ, и мы очень торжественно, при звукахъ музыки, начали выходить на пристань. Нѣкоторымъ показалось, что даже дамы, стоявшія на берегу, привѣтствовали насъ и махали платками; но впослѣдствіи оказалось, что это маханіе производилось не въ честь намъ, а отъ желанія избѣгнуть нашествія комаровъ. Это было одно изъ разочарованій, которыя суждено было испытать многимъ въ этотъ вечеръ Что касается собственно насъ, мы были несказанно обрадованы, только, признаемся, не тому, что пріѣхали въ Альгамбру, а просто, что вышли наконецъ на берегъ. Перейдя валъ, окружающій дачу, мы очутились въ саду, въ полномъ смыслѣ дѣвственномъ, къ которому рука человѣка прикасалась еще очень недавно и очень мало. Здѣсь, какъ водится, были разставлены зеленыя

скамейки передъ бесѣдкою, въ которой играетъ оркестръ. Но самыя близкія къ бесѣдкѣ находились отъ нея, неизвѣстно почему, въ довольно почтительномъ разстояніи. Вѣроятно, предполагали, что это пустое пространство замѣстится страстными любителями музыки, которые обступятъ со всѣхъ сторонъ бесѣдку и дадутъ общей картинѣ болѣе оживленный видъ. Но такихъ любителей музыки въ этотъ вечеръ не оказалось, а случилось даже совсѣмъ другое: большая часть скамеекъ осталась незанятою, и половина посѣтителей, которыхъ вообще было очень немного, предпочла остаться въ маленькихъ комнатахъ домика, за различными столами и столиками, прельщенная, вѣроятно, гастрономическими соблазнами, устроенными искуснымъ и опытнымъ Мезопетомъ. Гуляющихъ по саду было еще менѣе, можетъ быть и потому, что гулять тамъ несовсѣмъ удобно. Музыка находилась здѣсь видимо въ плачевномъ забвеніи: ни одного утѣшительнаго привѣта, ни одного легкаго одобренія. Подчинившись невольно общему настроенію собравшейся публики, мы оставили оркестръ доигрывать кадриль Н. Вителяро, подъ остроумнымъ названіемъ «Flic-flac», и отправились въ залу, какъ видно недавно пристроенную, слушать цыганъ; но увы! и здѣсь почему-то оказалось чрезвычайно мало истыхъ поклонниковъ этой нѣсколько дикой семьи. Послѣ страшнаго гаму, пронзительнаго визгу и нечеловѣческаго крику, сопровождавшими какую-то плясовую пѣсню, подъ которую Лиза съ Петромъ, или Саша съ Матвѣемъ отплясывали, такъ что за нихъ становилось страшно, не было того шумнаго восторгу и бурнаго энтузіазму, которые проявляются обыкновенно въ публикѣ послѣ каждаго отдѣленія цыганскихъ пѣсенъ. Изъ всѣхъ собравшихся въ залѣ слушателей нашелся одинъ только господинъ, который не могъ удержаться, чтобы не покричать немного, и съ отчаянною настойчивостью и какою-то особенно пронзительною интонаціею требовалъ *Ваньку-Таньку* и *Лизу*. Но и онъ, наконецъ, умолкъ, среди общаго равнодушія. Отчего это такъ мало восторговъ производятъ здѣсь Цыгане? спросили мы невольно своего сосѣда въ залѣ. — Оттого, что здѣсь пѣтъ Ивана Васильева, знаменитаго творца знаменитой пѣсни, отвѣчалъ онъ. — Одинъ только малороссійскій пѣвецъ Паливодъ-Карпенко исправно поддерживалъ свою славу. Мимика его — chef-d'oeuvre своего рода. Гимнастическія упражненія дѣвицъ Берты Дюпре и Наталіи Теймеръ и братьевъ послѣдней заключили этотъ

праздникъ, котораго не воспоютъ, вѣроятно, ни въ романсахъ, ни въ балладахъ. Въ первый и, кажется, послѣдній дебютъ лезгинки Майко происходило тоже самое, съ присоединеніемъ очень негармонической музыки, подъ которую выплясывала какая-то очень и очень не молодая госпожа, потерпѣвшая рѣшительное и торжественное fiasco. Музыка была достойна танцовщицы и танцовщица музыки. Люди, болѣе насъ знающіе въ этомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что это была одна только мистификація, что Лезгинки совсѣмъ не такъ танцуютъ свой національный танецъ, что не таковъ костюмъ ихъ и что, наконецъ, будто мы видѣли вовсе не Лезгинку, а переодѣтую Цыганку, знакомую многимъ. Мы не беремся рѣшать, въ какой степени справедливы эти догадки.

Въ петергофскомъ воксалѣ вы также можете слышать прекрасную музыку, исполняемую оркестромъ подъ управленіемъ Фердинанда Лунда. Сначала тамъ пѣли также знакомые уже Петербургу тирольскіе пѣвцы, братья Мейстеръ, Этель и Гольцейзенъ. Потомъ они появились и въ павловскомъ воксалѣ, въ Альгамбрѣ и на Минеральныхъ Водахъ.

По петергофской дорогѣ, на дачѣ купца Лежоева, именуемой Монплезиръ, оркестръ музыки подъ управленіемъ Георга Юнга играетъ піесы изъ лучшаго репертоара, по программѣ, какъ гласитъ объявленіе, господинъ Ивановъ съ женою пляшутъ по-русски, а магикъ Фреверъ даетъ въ павильонѣ Тиволи представленія изъ магіи, фокусовъ, некромантіи, превращеній и механики, подъ названіемъ *«Храмъ очарованій»*.

Въ Екатерингофскомъ воксалѣ.... но намъ не перечесть всѣхъ мѣстъ, въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ играютъ и поютъ, для увеселенія и развлеченія публики. Достаточно сказать, что этихъ мѣстъ довольно, особенно нынѣшнее лѣто, и охотникамъ до того и другаго есть изъ чего выбирать. Этимъ оканчиваемъ домашнія музыкальныя извѣстія, и переходимъ къ заграничнымъ.

Начинаемъ, по обыкновенію, съ Франціи. Здѣсь прежде всего долженъ занять насъ «Вѣчный Жидъ» Галеви.

Авторы либретто, господа Скрибъ и Сенъ-Жоржъ, прекрасно составили драму: они не только дали возможность Галеви выразить чувства, которыя составляютъ безконечную тему искусства, но предоставили въ его распоряженіе все богатство и роскошь сверхъестествен-

ЖИЗНЬ ВЪ АВСТРАЛІИ. *Статья первая.* Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, я былъ жертвою медицинской науки. Въ Англіи трое знаменитыхъ врачей приговорили меня къ смерти, и я, сравнительно, считалъ уже себя счастливымъ, когда четвертый — смягчилъ этотъ приговоръ изгнаніемъ. Человѣкъ богатый поѣхалъ бы въ Неаполь, Мальту, на островъ Мадейру; но такому бѣдняку, какъ я, оставалось одно только средство: ѣхать въ колоніи. Мнѣ совѣтовали поселиться въ западной Австраліи, которой климатъ находили для меня полезнымъ; я съ благодарностью ухватился за это средство, чтобы избѣгнуть смерти. Братья мои были товарищами моего путешествія къ антиподамъ.

Старшій братъ, сынъ Эскулапа, сопровождая меня, не только думалъ о томъ, что попеченіями обо мнѣ удовлетворитъ братской нѣжности и любви къ наукѣ, но надѣялся еще, кромѣ-того, насладиться удовольствіями сельской жизни въ Австраліи. Младшій, по имени Мелибей, былъ восэмнадцатилѣтній юноша. Надѣялись, что онъ получитъ мѣсто въ Оксфордѣ. Но скромно сознавая, что жалованье, которое онъ, вѣроятно, получалъ бы въ Оксфордѣ, не можетъ дать ему слишкомъ блистательнаго положенія, онъ рѣшился надѣть шотландскій плащъ Лаудендсовъ, и торжественно посвятилъ себя заботамъ охраненія стадъ.

Вотъ какимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1841 года, мы трое явились на палубѣ нѣкоего корабля, очень плохо снаряженнаго и отправлявшагося въ западную Австралію. Мы взяли съ собою пару слугъ, четыре барана съ витыми рогами, *нерона*, благородную лягавую собаку, подарокъ благороднаго лорда, знаменитаго искусствомъ воспитывать этихъ животныхъ, собаку настоящей породы

дворовыхъ собакъ старой Англіи, которую звали *Iезавелью*, и *Фига*, чудесную собаку испанской породы, надежду нашего обѣда, потому-что она должна была снабжать насъ дичью.

Кромѣ этого собранія четвероногихъ, съ нами было еще значительное количество безполезной рухляди, которая намъ стоила нѣсколько сотъ ливровъ. Совершенно незнакомые съ мѣстами, куда отправлялись на житье, но предполагая, что они должны имѣть большое сходство съ страною, въ которой такъ долго жилъ Робинзонъ Крузе, мы имѣли благоразуміе запастись всѣмъ безполезнымъ и всѣмъ необходимымъ для жительства въ такихъ странахъ. Съ нами было столько хозяйственныхъ орудій, что можно было вооружить цѣлую роту піонеровъ. Многіе фешьонебельные торговцы мелочными товарами въ Сити, по милости нашей, освободили свои лавки отъ всевозможныхъ обломковъ стараго желѣза, валявшагося у нихъ впродолженіе цѣлой четверти вѣка. У насъ были желѣзныя петли, засовы, винты, щеколды, гвозди всевозможныхъ размѣровъ, словомъ, столько припасовъ, что можно было бы построить деревушку, довольно обширнаго размѣра. Мы везли еще съ собою палатки, клеенки, предохранительные поясы на случай утопленія, кастрюли всякой величины для будущаго пàренаго мяса кангуру, поварскіе ножи, вертелы, словомъ, всю кухонную посуду. Наконецъ наши предохранительныя средства къ нападенію и защитѣ состояли изъ охотничьихъ ружей, одноствольныхъ и двуствольныхъ, карабиновъ, пистолетовъ, изъ шести боченковъ съ порохомъ, безчисленнаго количества ядеръ, и болѣе двухъ сотъ фунтовъ свинцу. Мы запаслись на полтора года съѣстными припасами, которые состояли изъ соленой свинины и муки, разсчитывая, что по истеченіи этого времени, земля прокормитъ тѣхъ, кто будетъ воздѣлывать ее въ потѣ лица; однимъ-словомъ, намъ такъ была незнакома жизнь въ колоніяхъ, что мы истратили бòльшую часть нашего капитала на покупку безполезныхъ вещей, которыя могли бы купить дешевле въ этой же самой колоніи. Подходя къ Санъ-Яго, одному изъ острововъ Зеленаго Мыса, мы слегка ударились, сами того не подозрѣвая, о подводный камень, о который, какъ мы послѣ узнали, шесть недѣль тому, разбился корабль Шарлота, на всѣхъ парусахъ, и пошелъ ко дну въ нѣсколько минутъ.

Послѣ шестинедѣльнаго плаванія, мы бросили наконецъ якорь на

рейдъ Порто-Прайа. Видъ берега былъ вовсе непривлекателенъ. Весь островъ, казалось, состоялъ изъ высокой, совершенно безплодной скалы. Передъ нами былъ городъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ выбѣленныхъ домовъ, стѣны которыхъ блестѣли при солнечныхъ лучахъ. Однако по ту сторону виднѣлась зеленая аллея кокосовыхъ деревьевъ; туда то мы стремились послѣ такого однообразнаго путешествія. Мы подъѣхали къ берегу на перевозномъ капитанскомъ суднѣ, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, были встрѣчены толпою негровъ, почти нагихъ, которые, бросившись вплавь, подставили намъ свои масляныя плеча, на которыхъ верхомъ мы совершили торжественное вшествіе въ городъ. Въ единственной гостинницѣ города и въ единственной залѣ этой гостинницы мы нашли нѣсколько португальскихъ офицеровъ, курившихъ трубки, такія же грязныя, какъ они сами, и глотавшихъ напитокъ, очень похожій на ромъ, смѣшанный съ водою. Никто изъ нихъ не умѣлъ ни слова по-англійски; но наконецъ мы увидали слугу Француза, который, казалось пришелъ въ восторгъ, когда мы заговорили испорченнымъ языкомъ, слабо напоминавшимъ ему языкъ «прекрасной Франціи.»

Мы провели недѣлю въ Санъ-Яго, пока капитанъ запасался водою и ссорился съ своимъ экипажемъ. Однажды, подстрекаемые нашимъ другомъ, служителемъ французской гостинницы, мы сдѣлали семь миль во внутренность острова, чтобы осмотрѣть долину, примѣченную нами еще съ моря. Верхами на ослахъ, въ сопровожденіи двухъ мѣднокожихъ мальчишекъ въ лохмотьяхъ, мы проѣхали главную улицу города, и выѣхали въ открытое поле.

Земля была необработанна и камениста, и дорога, по которой мы ѣхали, шла посреди степей, гдѣ изрѣдка виднѣлись зеленые стебли съ жадностью пожираемые скитавшимися козами. Послѣ многихъ часовъ труднаго пути, вдругъ мы въѣхали въ самую плодоносную долину, какую когда-либо я видалъ въ жизни, простиравшуюся, какъ казалось, на нѣсколько миль. Ручей, катившійся съ горной высоты, протекалъ по долинѣ, и по берегамъ его было разбросано множество хижинъ. Со всѣхъ сторонъ земля покрывалась зеленымъ ковромъ, которымъ природа украшаетъ ее весною. Кругомъ этой смѣющейся долины, взоръ только видитъ безплодіе и опустошеніе, причиняемое жгучими лучами тропическаго солнца. Но въ долинѣ, какая разница! какое внезапное и очаровательное измѣ-

*

неніе! Растительность полная, во всей своей роскоши и красотѣ: дыни всевозможныхъ родовъ, земляныя груши, широколиственные бананы яркозеленаго цвѣта, покрытые пурпуровыми цвѣтами и зрѣлыми золотистыми плодами. Померанцовыя, кокосовыя, лимонныя, фиговыя деревья, виноградъ, гранаты и безчисленное множество другихъ деревьевъ съ превосходнѣйшими плодами, выказывавшимися изъ-за листьевъ, придавали разнообразіе и видъ довольства и изобилія этой блаженной долинѣ. Но намъ суждено было попасть туда только послѣ отчаянной битвы нашихъ ословъ за первенство. Оселъ, на которомъ имѣлъ несчастіе ѣхать Мелибей, вдругъ закинулъ уши назадъ, и съ яростью бросился на осла, на которомъ сидѣлъ докторъ, и это животное безъ всякаго отвращенія вступило съ нимъ въ бой.

Сцена была ужасная. Разъяренные ослы, поднявшись на дыбы, били другъ-друга передними ногами, кусались въ голову, въ шею, безъ всякой жалости и совѣсти. Оба проводника наши кричали, проклинали ословъ, осыпали другъ-друга ругательствами, и размахивая длинными палками, сыпали ударами вправо и влѣво. Полугнѣвные, полуиспуганные несчастные всадники кричали по-англійски на воюющихъ двуногихъ и четвероногихъ, чтобы усмирить ихъ. Наконецъ, крики двухъ женщинъ, пришедшихъ по близости за водою, лай устрашенной собаки, которая, поджавши хвостъ, металась какъ угорѣлая, довершали картину. Но наконецъ миръ былъ установленъ надолго, и мы сошли съ ословъ и пошли пѣшкомъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ прежде садились на нихъ.

Болѣе нечего сказать о Тринидадской долинѣ. Тамъ живутъ поставщики плодовъ и овощей въ Порто-Прайа, въ крайней бѣдности. Сами же они такъ же неопрятны и грязны, какъ ихъ жилища.

Когда наступилъ день отъѣзда, мы всѣ явились на берегу, готовые снова пуститься въ путь. Въ концѣ августа мы приблизились къ цѣли нашего путешествія. Вѣтеръ дулъ благопріятный, солнце ярко свѣтило, и сердца наши наполнялись радостью, при мысли, что сойдемъ наконецъ на твердую землю. Мы обошли островъ Роттнестъ, въ шестнадцати миляхъ отъ устья рѣки Сванъ, и бросили якорь на сѣверъ отъ острова, въ ожиданіи пріѣзда лоцмана изъ Фремептля. Тутъ то мы впервые увидали нашу будущую отчизну. По ту сторону низкой цѣпи песчаныхъ холмовъ, служащей границею между сѣверомъ и югомъ, и простирающейся по этому

направленію такъ далеко, какъ только глазъ можетъ видѣть, мы должны начать новую жизнь, и пріобрѣтать трудами нашихъ рукъ состояніе и доброе имя въ новомъ мірѣ. Ни одинъ дружескій голосъ не будетъ привѣтствовать насъ при выходѣ съ корабля, но безчисленное множество мошенниковъ ожидаютъ насъ, чтобы воспользоваться нашею неопытностью. Въ будущемъ не представлялось намъ ничего отраднаго; но подкрѣпляемые довѣрчивостью и честолюбіемъ молодости, мы не чувствовали никакого унынія. Чтобы какъ-нибудь убить время, мы сошли на островъ, и пройдя черезъ очень густой кипарисовый лѣсъ, подошли къ красивому и хорошо построенному зданію, окруженному множествомъ внѣшнихъ строеній. Это была темница, назначенная преимущественно для туземцевъ. День былъ прекрасный, время ясное, и яркіе лучи солнца освѣщали насъ. Вокругъ, между зелеными листьями, въ полѣ, покрытомъ волнующеюся рожью, въ морскихъ волнахъ, тихо воздымавшихся, было какое-то очарованіе, какая-то прелесть, удалявшая отъ сердца всякое тяжелое чувство, и распространявшая то же обаяніе на обширный и таинственный материкъ, къ которому мы готовились пристать.

Возвратившись на корабль, мы увидѣли быстро приближавшуюся лодку лоцмана. Когда онъ окликнулъ насъ, мы удивились, что съ нами говорятъ по-англійски, такъ далеко отъ береговъ Англіи. Къ этому чувству присоединилось еще сожалѣніе, потому-что эти бѣдные перевозчики, въ грубой одеждѣ, состоявшей изъ шерстяной синей рубашки, холстинныхъ панталонъ и соломенной шляпы, были наши соотечественники, такъ давно невидавшіе родины; они должны были завидовать намъ, только что ее оставившимъ. Лишь только лоцманъ вступилъ на палубу корабля, мы снялись съ якоря, распустили паруса и вошли въ Фрементльскій рейдъ. Наступила ночь, и единственнымъ признакомъ просвѣщенія той страны было нѣсколько дрожащихъ огоньковъ въ городѣ Фрементлѣ; все остальное вдоль берега казалось песчаною пустынею, за которою простирался безконечный лѣсъ. И мы должны были проникнуть въ эту обширную пустыню. Эта картина возбудила въ душахъ нашихъ мрачныя мысли. Рѣка Сванъ, протекая цѣлую цѣпь утесовъ, впадаетъ въ море, представляя опасный проходъ для шлюпокъ или судовъ, захватывающихъ только отъ четырехъ до пяти футовъ воды; на лѣвомъ берегу стоитъ городъ Фрементль; замѣчательнѣйшее зданіе, видимое съ моря, было

кругообразное строеніе изъ бѣлыхъ каменьевъ, на вершинѣ черната утеса при устьѣ Свана: это зданіе—тюрьма.

Первое впечатлѣніе несовсѣмъ благопріятно; вся мѣстность, заключающаяся между Фрементлемъ и Пертомъ, на пространствѣ десяти миль, состоитъ изъ гранитнаго песку съ небольшимъ количествомъ чернозему. Земля покрыта кустарниками и огромнымъ лѣсомъ бэнксіи, краснаго резинковаго дерева и разными родами eucalyptus. Бэнксія—дерево невысокое, величиной съ яблочное, не употребляется на постройку, но годно для топлива. Да еще растеніе xanthorea, о которомъ трудно дать понятіе простымъ описаніемъ. Оно состоитъ изъ крѣпкаго и толстаго стебля, вокругъ котораго растутъ длинные и тонкіе листья, какъ тростникъ; они четырехъ-угольные и чрезвычайно ломки, у корня же широки и плоски, и очень смолисты. Они падаютъ всякой годъ; тысячи акровъ земли покрыты ими, такъ что у путешественника всегда подъ рукою чудесный огонь изъ смолистыхъ корней этого растенія и превосходная постель изъ его листьевъ. Сгарая желаніемъ, какъ можно скорѣе начать новую жизнь колонистовъ, мы совѣтовались съ негоціантомъ, къ которому имѣли рекомендательныя письма, и онъ уговорилъ насъ поселиться сперва около Фрементля, и осмотрѣвъ колонію, окончательно выбрать мѣстопребываніе. Пока мы помѣстились въ гостинницѣ Франциска, гдѣ намъ подали великолѣпнѣйшій французской обѣдъ, который мы запивали чудеснѣйшимъ бордоскимъ, за наше собственное здоровье. При первоначальномъ основаніи колоніи, тогдашній губернаторъ, серъ Джемсъ Стирлингъ, избралъ Фрементль своею резиденціею, и колонисты стали уже строить дачи и красивые загородные дома на берегу рѣки, какъ вдругъ вздумали перенести резиденцію въ Пертъ, который стоитъ на десять миль выше, на болѣе удобномъ мѣстѣ для сообщенія съ внутренними странами. Чиновники принуждены были оставить дома, въ половину построенные, и строить новые, деревянные, потому-что въ окрестностяхъ Перта нѣтъ каменьевъ, а въ то время кирпичей еще не умѣли дѣлать.

Въ одномъ изъ этихъ оставленныхъ домовъ, на берегу рѣки, въ полумилѣ отъ Фрементля, мы устроили свою главную квартиру, по совѣту нашего пріятеля. Зданіе, покрытое довольно крѣпкою соломенною кровлею, съ трехъ сторонъ было обнесено толстою стѣною и деревяннымъ заборомъ, окружавшимъ площадку въ четыре акра, и состояло изъ

большой комнаты въ сорокъ футовъ длины на восемнадцать ширины, съ сѣверной стороны, защищаемой галереей, была дверь и два окна, сохранившія нѣсколько кусковъ стекла и выходившія на рѣку. Кромѣ этой комнаты, были еще двѣ, но, къ несчастью, въ самомъ дурномъ состояніи; а подъ ними, въ нижнемъ этажѣ, еще двѣ маленькія комнаты, тотчасъ же предоставленныя собакамъ и другимъ животнымъ. Съ этой стороны зданіе замыкалось стѣною, окружавшею небольшой дворъ, гдѣ стояла печь, которую надо было немного поправить, для того, чтобы она годилась къ употребленію; по другую сторону дома нѣсколько цвѣтущихъ кустарниковъ и резинковыхъ деревьевъ придавали нашей площадкѣ обманчивый видъ парка, которымъ мы очень гордились, убѣжденные въ совершенной комфортабельности нашего новаго жилища. Нѣсколько дней мы должны были надсматривать надъ выгрузкою нашихъ вещей и переносить ихъ въ магазинъ, который наняли въ городѣ за довольно высокую цѣну; на маленькой двухъ-колесной тележкѣ, привезенной нами, мы перевозили на мѣсто будущаго нашего пребыванія всѣ вещи, необходимыя для настоящей жизни. Двое нашихъ людей уже поселились тамъ съ баранами и собаками, и мы сами наконецъ, съ сожалѣніемъ оставивъ нашу покойную квартиру въ гостинницѣ, съ нѣкоторою нерѣшимостью отправились втроемъ, съ величайшимъ великолѣпіемъ, съ двухствольными ружьями на плечахъ, принять во владѣніе наше сельское жилище. Мы имѣли предосторожность пообѣдать прежде, нежели отправились въ путь, и уже при захожденіи солнца пришли къ берегамъ Свана, къ нашему дому, любуясь тихимъ теченіемъ рѣки. Осмотрѣвшись вокругъ себя, мы поняли, что должны начать новую жизнь: по-крайней-мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ должны обходиться безъ тѣхъ удобствъ, какія самые небогатые Англичане считаютъ необходимыми для своего благосостоянія и счастія. Мы должны спать на полу, сами приготовлять себѣ пищу и постилать для себя постели; только такими лишеніями мы могли пріобрѣсть состояніе въ этой обѣтованной землѣ. Несмотря на все это, увѣренность въ своей энергіи и средствахъ придавала новому нашему положенію болѣе пріятности, нежели неудовольствія. Читатель долженъ взглянуть на насъ въ новомъ нашемъ состояніи колонистовъ. Пусть представитъ онъ себѣ трехъ мужчинъ въ легкой охотничьей одеждѣ, въ суконныхъ фуражкахъ, стоящихъ передъ своимъ живописнымъ и полураз-

рушеннымъ жилищемъ, окруженныхъ собаками; глаза ихъ устремленыя на рѣчку, протекавшую у ногъ; безъ сомнѣнія одинаковыя мысли занимали ихъ: вотъ они заброшены на землѣ, почти пустынной; одно небо было ихъ помощь; они не имѣли другихъ средствъ, кромѣ небольшаго капитала и собственныхъ силъ. Такимъ-образомъ важная сторона жизни начиналась невесело, и главный вопросъ состоялъ въ томъ, какъ продолжать ее съ успѣхомъ. Для этого были необходимы дѣятельность и постоянныя усилія. Твердо убѣжденные въ этой истинѣ, какъ-будто движимые однимъ побужденіемъ, мы дружно принялись за дѣло. Эскулапъ сталъ приготовлять ужинъ для собакъ, Мелибей пошелъ присмотрѣть за стадомъ, которое паслось на лугу, позади дома; а я, съ усердіемъ новичка колониста, схватилъ топоръ и началъ рубить дрова, работа, отъ которой, мимоходомъ сказать, я почти тотчасъ же отказался. Потомъ надо было подумать объ ужинѣ. Вещи самыя необходимыя были завалены подъ грудою желѣза, которымъ мы наполнили магазинъ свой въ Фремантлѣ; тарелки, чашки, блюдечки находились въ ящикѣ, который нельзя было развязать прежде окончательнаго помѣщенія въ нашемъ владѣніи. Однако у насъ было подъ рукою восемь или девять оловянныхъ тарелокъ и довольно большія чашки для яицъ—для каждаго изъ насъ; въ одномъ углу комнаты лежалъ мѣшокъ съ мукóю, въ другомъ мѣшокъ съ сахаромъ, въ третьемъ кадка съ свининой; на столѣ, который состоялъ изъ доски, положенной на два пустыхъ ящика, лежали два хлѣба, купленные Симономъ въ городѣ, и стоялъ большой чайникъ, найденный, по счастью, въ томъ же ящикѣ, гдѣ лежали чашечки для яицъ.

Самоваръ кипѣлъ; скоро всѣ собрались подъ гостепріимную кровлю, и усѣлись, кто на матрасахъ, кто на пустыхъ сундукахъ. Аннибалъ, такъ мы назвали младшаго слугу, по причинѣ его воинскихъ наклонностей, наложилъ на оловянную тарелку сахарнаго песку. Докторъ разливалъ чай. Намъ не доставало только ложекъ. Каждый вынулъ изъ кармана по ножу, и мы принялись за работу. Масло въ это время стоило три франка за фунтъ, потому Симонъ, хозяинъ нашъ, не счелъ за нужное купить его, а такъ какъ онъ забылъ сварить кусокъ свинаго сала, то мы и должны были довольствоваться сухимъ хлѣбомъ, что̀ и сдѣлали безъ жалобъ, обѣщая на будущее время распорядиться лучшимъ образомъ.

Почти въ ту же минуту, мы едва не сошли съума отъ жестокаго

нападенія на наши ноги безчисленныхъ блохъ. Ихъ было такъ много, что полъ почернѣлъ отъ нихъ. Собаки выли отъ боли, и самые терпѣливые изъ насъ не могли удержаться отъ жестокихъ и свирѣпыхъ проклятій. Мы никогда не испытывали подобныхъ мученій, и стали бояться, что блохи совершенно заѣдятъ насъ въ ночь. Эти насѣкомыя родятся въ пескѣ, а во-время зимнихъ дождей укрываются въ пустыхъ домахъ; но во всѣ времена года ими наполняются всѣ жилища въ этой странѣ, и только безпрестанно выметая изъ комнатъ, можно помѣшать имъ сдѣлаться настоящимъ бичемъ, отъ котораго бѣжалъ бы всякой человѣкъ, или иначе онѣ заѣли бы его до смерти. Даже самые дикари никогда не проводятъ двухъ ночей въ одномъ вигвамѣ. Напившись чаю и уложивши на ночь барановъ и собакъ, мы вышли, для утѣшенія, прогуляться съ сигарами; но какъ долго мы ни ходили, надо было наконецъ разослать наши матрасы на землѣ и стараться заснуть съ энергіею отчаянія. Мы остались живы, и считали себя на другой день счастливыми, что такимъ образомъ избѣгли отъ опасности, хотя, по совѣсти говоря, должно признаться, что всю ночь не спали При первомъ разсвѣтѣ сложили постели и принялись разводить огонь, убирать комнату, отвязывать собакъ, выгонять стадо на берегъ рѣки. Послѣ завтрака, который былъ очень невеселъ, принялись устраивать кухню. Симонъ, котораго намѣреніе было непоколебимо, принялъ на себя эту обязанность и взялъ кусокъ черстваго хлѣба вмѣсто дрожжей. Это было важное дѣло; мы всѣ ему помогали или пристально смотрѣли на его дѣйствія. Но несмотря на множество совѣтниковъ, оно не имѣло успѣха. Къ счастью, усилія Аннибалла, съ великимъ искусствомъ сварившаго кусокъ свинины, увѣнчались лучшимъ успѣхомъ.

Въ это время, то есть въ 1841 году, баранина продавалась по тридцать-двѣ копѣйки за фунтъ; теперь она стоитъ вчетверо. И потому надо было прибѣгнуть къ нашимъ ружьямъ, чтобы имѣть свѣжее мясо. Мы привезли съ собою неводъ, и рѣшились на другой день употребить его въ дѣло. Воображеніе колониста по пріѣздѣ его въ Австралію въ особенности занято дикарями. Въ Англіи колонистъ, какъ и всѣ его великодушные соотечественники, чрезвычайно чувствителенъ къ несчастіямъ этихъ злополучныхъ созданій, несчастіямъ, которыя, большею частью существуютъ только въ рѣчахъ филантроповъ Эксетеръ-Галля, возбудившихъ народную симпатію отъ одного кон-

на Великобритании до другаго. Переселенецъ, исполненный благородныхъ чувствованій, прiѣзжаетъ на мѣсто колоніальной жестокости; но едва только онъ вступилъ на землю, какъ значительный переворотъ происходитъ въ его мысляхъ; тогда онъ видитъ, что поселился самъ и бросилъ свое состояніе между дикарей, которыхъ никакой нравственный, ни человѣческій законъ, никакое религіозное чувство не можетъ остановить при желаніи самымъ непріятнымъ образомъ распорядиться этими драгоцѣнными предметами. Пылкій и великодушный филантропъ мало-по-малу превращается въ колониста-эгоиста, съ ограниченными идеями, рѣшившагося защищать себя, свое семейство и свое состояніе всѣми средствами, какія только находятся въ его власти, даже рискуя оскорбить благотворительныя чувства своихъ собратовъ по филантропіи въ Англіи. Въ западной Австраліи дикари, большею частію, смирны. Они довольно миролюбивы съ колонистами, ѣдятъ ихъ хлѣбъ, и въ замѣнъ стерегутъ, а иногда угоняютъ ихъ скотъ, или доставляютъ имъ въ запасъ мясо кангуру. Очень рѣдко, и я никогда не слыхалъ ни одного достовѣрнаго примѣра, чтобы выгода или неизмѣнная доброта пробудили малѣйшую искру благодарности въ низкихъ сердцахъ этихъ дикарей. Даже тѣ, которые питаются только хлѣбомъ и мясомъ, ежедневно получаемымъ отъ колонистовъ, и они равнодушно готовы зарѣзать своего благодѣтеля, какъ и чужаго. Одинъ страхъ наказанія дѣйствуетъ на нихъ, и хотя съ ними никогда не обходятся жестоко, но необходимо, для всеобщей безопасности, держать ихъ строго, и неусыпно наблюдать за ними. Прiѣхавъ сюда, мы были самые пылкіе филантропы въ полномъ смыслѣ слова, исполнены состраданія къ нравственному униженію и бѣдности этого несчастнаго народа. Но когда мы встрѣтили въ первый разъ, на дорогѣ, толпу дикихъ кофейнаго цвѣта, съ кинжалами въ рукахъ и въ плащахъ изъ кожи кангуру, ихъ единственной одеждѣ, сопровождаемыхъ женщинами въ такомъ же одѣяніи, съ мѣшками за спиною, въ которыхъ онѣ носятъ своихъ черноволосыхъ дѣтей, такихъ же грязныхъ, какъ онѣ сами,—мы нисколько не чувствовали расположенія обнять ихъ какъ братьевъ. Самый восторженный филантропъ въ мірѣ не имѣлъ бы рѣшимости протянуть руку существамъ, у которыхъ голова и лицо были совершенно вымазаны смѣсью жира и красной глины, а тѣла не знали омовенія съ самаго дня ихъ рожденія, и о приближеніи которыхъ всегда можно

[illegible] узнать по опыту, который может довести до дурноты самаго соторженнаго друга человѣческаго рода. Но не одно отвращеніе удерживало насъ; надо признаться, что мы были немного устрашены при первой встрѣчѣ съ дикой жизнью, когда увидали острые кинжалы, свирѣпые взоры и чрезвычайно блестящіе зубы нашихъ новыхъ знакомцевъ. Хотя въ дѣйствительности намѣренія ихъ были совершенно миролюбивы, однако мы не могли не почувствовать нѣкотораго страху, когда они подошли и привѣтствовали насъ пронзительнымъ крикомъ и дикимъ хохотомъ. Первымъ вопросомъ ихъ было не cabra-man ли мы, то есть, не мореходцы ли, какъ мы послѣ узнали. Накричавшись и нахохотавшись вдоволь, они пошли по своей дорогѣ, а мы остались очень довольны, что освободились отъ нихъ. Они, казалось, были, какъ потомъ по опыту мы узнали, люди самые беспечные, легкомысленные и самые счастливые въ мірѣ. Они питаются кореньями, ящерицами, змѣями, кангуру и всѣмъ, что попадается имъ подъ руку; они никогда не заботятся о своемъ существованіи, и никогда не думаютъ о завтрашнемъ днѣ. Всякій вечеръ они себѣ строятъ новый домъ, то есть, каждое семейство втыкаетъ въ землю нѣсколько шестовъ, сверху покрываемыхъ дерномъ, головками xanthorea, чтобы укрыться отъ вѣтру, и разведя небольшой огонь у своихъ ногъ, глава семейства, его жена или его жены и дѣти ложатся, свернувшись точно куча змѣй. Но теперь мы приняли свои мѣры на будущее время. У каждаго изъ насъ была койка, которыя мы привѣсили къ бревнамъ крыши, и тамъ уже были недоступны страшнымъ непріятелямъ, и могли спать спокойно и въ безопасности. На другой день утромъ, мы рано позавтракали. Братья вздумали ловить рыбу неводомъ. Я же пошелъ на охоту, взявъ съ собою мальчика, живущаго по сосѣдству. Мы должны были идти къ прудамъ, находившимся въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія и изобиловавшимъ дикими утками и болотными птицами. Мы отправились въ путь, предшествуемые Фигомъ и сопутствуемые Іезавелью. Зима была на исходѣ, воздухъ былъ теплый, пріятный, сухой, какъ въ прекрасный сентябрскій день въ Англіи. Мята и дрокъ были покрыты бѣлыми и желтыми цвѣтами, и безчисленное множество цвѣтущихъ кустарниковъ уподобляли это мѣсто цвѣтнику. Дорогою я убилъ нѣсколько прекрасныхъ зеленыхъ попугаевъ, съ бѣлыми головками и съ желтыми краями крыльевъ. Послѣ двухъ часовой ходьбы, мы при-

или къ прудамъ, лежавшимъ на плоскости, а на берегахъ росъ высокій тростникъ, такъ что трудно было видѣть воду. Мы приготовились къ дѣлу, зарядили ружья, предполагая, что за тростникомъ находится множество птицъ, которыя или спятъ въ совершенной безопасности, или отыскиваютъ себѣ пищу. Оставивъ мальчика съ собаками, я пробирался къ пруду, какъ вдругъ услыхалъ глухое восклицаніе, и обернувшись увидалъ, что мой спутникъ прилегъ къ землѣ, поднявъ руки къ небу; я сдѣлалъ тоже, и слѣдуя глазами по тому же направленію, увидалъ трехъ большихъ птицъ, медленно подлетавшихъ къ тому мѣсту, гдѣ мы находились; онѣ были больше гусей, черныя, съ бѣлыми крыльями, и тяжело летали. Притаивъ дыханіе, я ожидалъ ихъ приближенія; мой маленькій товарищъ удерживалъ собакъ, и казалось, мы всѣ понимали важность этой минуты. Птицы медленно приближались къ намъ, потомъ поворотили направо, и сдѣлавъ нѣсколько круговъ опустились на прудъ. Я подползъ къ самому тростнику, и съ осторожностью вошелъ въ воду по локоть. Какъ я проклиналъ тростникъ, который былъ выше меня на три фута и съ трескомъ ломался подъ ногами! Тогда я увидалъ прудъ величиною въ нѣсколько акровъ. На противоположной сторонѣ плавали три черные лебедя, и по временамъ погружали въ воду свои длинныя шеи. Устремивъ на нихъ все вниманіе, я не замѣчалъ безчисленнаго множества утокъ, отдыхавшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но онѣ, открывъ опасность, поднялись цѣлыми стаями; никогда я не видалъ такого множества ихъ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ онѣ улетали. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ надъ озеромъ съ криками испуга, онѣ скрылись между деревьями. Лебеди, казалось, на минуту раздѣляли всеобщую тревогу, и одинъ уже поднялся надъ водою, но прорѣзавъ поверхность воды на протяженіи нѣсколькихъ шаговъ, опять опустился, а товарищи его подплыли къ нему. Я потихоньку возвратился назадъ, вышелъ на берегъ, и приказавъ мальчику не трогаться съ мѣста, поспѣшилъ обойти вокругъ пруда. Еще съ большею предосторожностью, нежели въ первый разъ, я вошелъ въ тростникъ, и скоро увидѣлъ двухъ лебедей, прилежно ловившихъ рыбу въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Куда же дѣвался третій? Вотъ онъ, возлѣ самаго берега, въ пятидесяти шагахъ отъ меня. И такъ мой первый выстрѣлъ будетъ въ лебедя. Пали! ура! наша взяла, онъ раненъ, онъ мой! Вотъ мы спѣшимъ возвратиться домой, сгарая же-

аніемъ похвастаться добычею передъ глазами завистниковъ. Приближаясь къ нашему жилищу, я выстрѣлилъ изъ ружья, мнѣ отвѣчали акимъ же привѣтствіемъ, и Мелибей выбѣжалъ навстрѣчу.

Рыболовы успѣли поймать дюжину головлей; обѣдъ почти былъ отовъ, и мы скоро усѣлись за столъ. У насъ еще не было ни ножей, ни вилокъ, но мы замѣнили ихъ палочками перечной мяты, расколовъ ихъ кончики. Неохотники до чистой воды, получили порцію грогу, и этотъ обѣдъ, состоявшій изъ рыбы и вареной свинины, на который прежде мы смотрѣли бы съ презрѣніемъ, теперь же, приправленный голодомъ, окончился самымъ удовлетворительнымъ образомъ. На другой день мы ѣли жаренаго лебедя, и старались считать это кушанье роскошью. Новыя усилія Симона испечь хлѣбъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; словомъ, всѣ дѣла принимали лучшій оборотъ.

Поселившись въ новомъ жилищѣ, мы рѣшились пуститься въ дальнѣйшія розысканія по всей странѣ. Братья хотѣли осмотрѣть земли, гдѣ мы окончательно должны были поселиться. Въ полъ-милѣ отъ нашего жилища, дорога въ Фрементль и Пертъ идетъ въ бродъ черезъ рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ сорокъ футовъ ширины. Джонъ де-Ге, харонъ этого перевоза, послѣ многихъ разнородныхъ приключеній въ жизни, вступилъ наконецъ въ услуженіе къ какому-то эмигранту, и поселился въ западной Австраліи. Онъ сдѣлался не только перевощикомъ, но и перепродавцомъ дешевыхъ товаровъ. Въ то время ему было поручено продать нѣсколько маленькихъ тиморскихъ лошадей. И какая рѣдкость между колонистами и барышниками! Джонъ слылъ за честнаго человѣка, и покупщики всегда имѣли къ къ нему полное довѣріе. Узнавъ о такихъ чудесахъ, мы отправились къ его жилищу, очень опрятному, выбѣленному известкою, и тотчасъ же купили у него двѣ англійскія лошадки, вышиною въ тринадцать пядей. Впослѣдствіи лошадки наши доказали, что принадлежатъ къ породѣ самыхъ быстрыхъ и смѣлыхъ лошадей. Онѣ не требовали ни особеннаго присмотра, ни особенной чистки; всегда имѣли отличный апетитъ, ѣли все, что ни попадалось, утромъ и вечеромъ приходили къ двери и получали изъ нашихъ рукъ порцію ячменя, овсяной муки, корки хлѣба и все, что только мы могли отложить для нихъ. Въ одно утро, докторъ и Мелибей осѣдлали лошадокъ и отправились отыскивать наше будущее эльдорадо, оставивъ меня единственнымъ охранителемъ пожитковъ и запасовъ. Братья

мой, сидя на своихъ прекрасныхъ тиморскихъ лошадкахъ, осматривали продававшіяся фермы по другую сторону холмовъ, идущихъ вдоль морскаго берега. Фрементль и Перть, главные города колоніи, стоятъ передъ этими холмами, и потому земли, осматриваемыя братьями, находятся въ совершенной пустынѣ, а какъ здѣшняя промышленность состоитъ въ разведеніи стадъ на лугахъ пустыни, то фермеры нетолько не поселяются по близости городовъ, но сколько возможно удаляются отъ нихъ, чтобы имѣть больше пространства для пастбища. Это пустынное уединеніе нравилось отважному характеру Симона, которому гораздо приличнѣе было служить въ войскахъ ея величества въ военное время, нежели стоять въ мирныхъ рядахъ медицинскаго факультета. И потому онъ остановилъ вниманіе на хорошо построенной фермѣ, отдаленной отъ всякихъ сообщеній. Сдѣлавъ этотъ выборъ, оба кентавра возвратились во всю прыть, гораздо довольнѣе своими конями, нежели ослами во-время знаменитой битвы при въѣздѣ въ долину Санъ-Яго, на островахъ Зеленаго-Мыса. Теперь надо было придумать, какимъ способомъ мы перевеземъ всѣ свои вещи на ферму, находившуюся въ семидесяти миляхъ отъ Фрементля. Дорога изъ Фрементля въ Гильдфордъ была въ то время очень дурная, по этому мы и рѣшились перевезтись водою до дома, находившагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города и принадлежавшаго тому человѣку, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма. Мы условились сложить у него всѣ вещи, и оттуда уже перевезти ихъ въ новое заведеніе, на телегѣ, запряженной быками. Съ этою цѣлью, мы наняли китоловное судно, и во избѣжаніе большихъ расходовъ рѣшились сами перенести туда свои пожитки. Высокая цѣна за перевозъ вещей съ берега на фермы, находившіяся во внутренности земель, была одною изъ главныхъ причинъ медленнаго развитія благоустройства западной Австраліи. Перевощики богатѣютъ, между-тѣмъ какъ фермеры почти раззоряются высокими цѣнами за перевозъ водою. Рѣшившись сами выполнять обязанность перевощиковъ, мы привязали канатомъ наше судно къ небольшому деревянному плоту, находившемуся передъ нашимъ домомъ, и стали переносить всѣ вещи, составлявшія наше богатство. Я очень хорошо помню съ какимъ удовольствіемъ мы прохаживались вечеромъ передъ этимъ плотомъ, не спуская глазъ съ судна, на которомъ должны были совершить въ первый разъ путешествіе по рѣкѣ, тихо волновавшейся не-

редъ нами, едва натягивая веревку, привязанную къ кольцу около самаго берега. Фигъ и Iезавель, всегда неразлучные друзья, гонялись за крысами-кангуру, во множествѣ водившимися на берегу рѣки, передъ нашимъ временнымъ жилищемъ, гдѣ мы проводили дни, ночи же поочередно въ магазинѣ. Недалеко отъ нихъ Аннибалъ чистилъ лошадиную сбрую, развѣшенную на вѣтвяхъ деревъ, и по временамъ посматривалъ на стадо, за которымъ ему порученъ былъ надзоръ. Теплый морской вѣтеръ, дувшій по теченію рѣки, освѣжалъ воздухъ, и казалось на крыльяхъ приносилъ здоровье. Единственный шумъ поражавшій нашъ слухъ и по временамъ приподнимавшій воду вдоль берега, происходилъ отъ безчисленнаго множества маленькихъ рыбокъ, которыя, спасаясь отъ преслѣдованій непріятеля, выпрыгивали на поверхность.

Есть люди, которые умѣютъ находить удовольствіе въ томъ, на что бо̀льшая часть людей смотритъ равнодушно. На такихъ людей подобный вечеръ непремѣнно произвелъ бы впечатлѣніе безмятежнаго счастія, за которымъ никогда не слѣдуетъ раскаяніе. Пріятный трудъ, очаровательный видъ всего окружавшаго, и наконецъ обольстительныя надежды въ будущемъ, все соединялось для того, чтобы представить намъ будущность въ самомъ пріятномъ видѣ. На другой день мы дѣятельно нагружали судно. То-то была радость. И что̀ за благородное мѣсто дѣйствія для первыхъ похожденій: — широкая рѣка или, скорѣе, цѣлый рукавъ моря! Вотъ мы и нашли тайну человѣческаго блаженства: трудъ обратился для насъ въ удовольствіе. Я былъ капитаномъ судна; мой меньшой братъ и Симонъ составляли команду. Вѣтеръ! вѣтеръ! подулъ вѣтеръ съ моря, быстро проскользнувъ по поверхности рѣки. Мы пустились въ путь; маленькій Фигъ съ лаемъ прощается съ Iезавелью и Нерономъ, которые нѣсколько минутъ бѣгутъ за судномъ вдоль берега. Но скоро замѣтивъ, что мы дѣйствительно уѣзжаемъ, они съ удивленіемъ остановились и смотрѣли на удалявшагося друга. Вѣтеръ продолжаетъ дуть по теченію рѣки, и наше судно быстро летитъ. Водою отъ Фремантля до Перта около двѣнадцати миль, отъ Перта до Гильдфорда дорога недлиннѣе. Мы совершили путь до Перта безъ особенныхъ приключеній, но потомъ должны были переѣхать черезъ узкій каналъ, гдѣ чрезвычайно много подводныхъ камней. По неопытности, мы наѣхали на одинъ камень, посадили на мель судно. Мы

тотчасъ спрыгнули въ воду, и съ большими усиліями успѣли наконецъ сдвинуть его. Тогда мы были передъ островомъ, который назывался «островомъ Гаризона», гдѣ Французы, осматривавшіе эту страну, нашли на ночь убѣжище во-время страшной тревоги. Эти Французы составляли часть экипажа капитана Перона, которому поручено было отъ правительства изслѣдовать берега Австраліи. Всю ночь они провели въ страшной тревогѣ и испугѣ отъ безпрерывнаго шума, выходившаго изъ глубины лѣсу, лежащаго на берегу; одни принимали этотъ шумъ за мычаніе дикихъ быковъ, другіе за вой волковъ или за вопли свирѣпыхъ туземцевъ. Послѣ ночи, проведенной въ безпрерывномъ ожиданіи нападенія и рѣзни, Французы поспѣшно опять сѣли въ шлюпку, стремительно спустились по рѣкѣ, и только тогда успокоились, когда увидали себя на бортѣ своего корабля.

Этотъ разсказъ французскихъ мореплавателей сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на воображеніе первыхъ англійскихъ колонистовъ, переселившихся въ здѣшній край, и весьма способствовалъ къ увеличенію ихъ страха, такъ что они не смѣли отдаляться отъ поселенія.

Въ то время, ни одного человѣка не рѣшались отправлять съ порученіемъ отъ губернатора къ главному землемѣру, безъ сопровожденія двухъ солдатъ, которые шли по обѣимъ сторонамъ съ ружьями въ рукахъ, хотя палатка землемѣра и была въ виду отстраивавшагося города.

Берега рѣки тогда покрыты были такимъ густымъ кустарникомъ, что цѣлая толпа двуногихъ и четвероногихъ непріятелей безъ труда могла тутъ скрываться, нисколько не подвергаясь опасности быть открытыми. Когда сиръ Джемсъ Стирлингъ съ первыми колонистами, плылъ въ первый разъ по этой рѣкѣ, на лодкѣ, съ живымъ воспоминаніемъ о приключеніи французскихъ мореходцевъ, то онъ съ своимъ войскомъ, по примѣру предшественниковъ, всю ночь провелъ на сторожѣ, въ сильномъ безпокойствѣ, причиною котораго былъ тотъ же страшный шумъ. Въ то время думали, что лѣса были наполнены лютыми звѣрями, и уже спустя долгое время узнали, что страшные звуки, приводившіе въ ужасъ такое множество храбрыхъ людей, происходили отъ кваканья милліоновъ лягушекъ. Болота, лежащія вокругъ береговъ, наполнены безчисленнымъ множествомъ лягушекъ, которыхъ крики превосходятъ все возможные роды криковъ европейскихъ лягушекъ. И со мною случилось подобное же приключеніе. Я

отыскивалъ уток или водяных курицъ въ тростникѣ, который гораздо выше человѣческаго росту, когда незнакомый вопль, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, заставилъ меня вздрогнуть. Не зная, какого рода дикій звѣрь могъ имѣть тутъ логовище, я приготовился выстрѣлить, при первой опасности. Тотъ же необыкновенный шумъ возобновился. Это, говорилъ я себѣ, хрипѣніе зубра или буйвола, отыскивающаго убѣжище отъ солнечнаго зноя, или, можетъ-быть, какая-нибудь огромная змѣя, чудовищное произведеніе болотъ. Напрасно я смотрѣлъ во всѣ стороны; невозможно было открыть живаго существа, и я уже хотѣлъ оттуда удалиться какъ можно тише, какъ вдругъ взоры мои нечаянно упали на маленькую лягушку, сидѣвшую на верхушкѣ тростника, какъ-разъ у меня подъ носомъ, и безстрашно смотрѣвшую мнѣ прямо въ лицо. По временамъ, когда ей приходила фантазія, она надувалась, и испускала страшные звуки, приводившіе меня въ ужасъ. Но я забылъ, что въ это время мы плывемъ по рѣкѣ Это былъ самый пріятный переѣздъ. Мы плыли мимо многихъ фермъ, лежавшихъ по обоимъ берегамъ и представлявшихъ очаровательный видъ. Иногда же около города виднѣлись жилые дома, чрезвычайно удобные, окруженные оградою и походившіе на англійскіе парки. Въ полдень мы утолили голодъ холодною дикою уткою, и по милости нѣсколькихъ стакановъ грогу находились въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Симонъ и Мелибей потѣшили наше общество аріею «Fi de la mélancolie», и многими другими неменѣе веселыми пѣснями. Между-тѣмъ вѣтеръ утихъ и наступилъ вечеръ, когда мы проѣзжали Гильдфордъ. Пристань въ этомъ мѣстѣ очень крута; тѣнистые холмы, составляющіе берега, набрасывали на рѣку тѣнь, дѣлавшуюся все темнѣе и темнѣе. Мы убрали паруса и принялись за весла. Съ трудомъ и почти ощупью подвигаясь по этой мрачной, зыблющейся дорогѣ, мы уже находили, что трудъ нашъ не такъ пріятенъ, какъ мы до того предполагали. Нашъ романъ кончился вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ, и намъ оставалась только самая печальная дѣйствительность. Однако, покоряясь Провидѣнію, мы продолжали подвигаться, поочередно управляя рулемъ и мучась страхомъ проѣхать мимо означеннаго дома. На высотѣ холмовъ, идущихъ вдоль рѣки виднѣлись между деревьями домá, заставлявшіе насъ вздыхать при мысли, какъ пріятно было бы сидѣть за столомъ, заставленнымъ кушаньями, передъ сверкающимъ огнемъ, недалеко отъ мягкихъ по-

стелей. По временамъ мы останавливались, чтобы разглядѣть не проѣхали ли мы мѣсто своего назначенія, и ненадо ли возвратиться назадъ. Всѣ наши разсужденія кончались новыми усиліями скорѣе подвигаться впередъ. Наконецъ мы увидали невдалекѣ строеніе, подававшее намъ доброе предзнаменованіе; силы наши возвратились, весла еще съ бо́льшею быстротою разсѣкали воду. Предоставляю судить о нашемъ удовольствіи, когда на берегу рѣки мы увидали, противъ дома, человѣка, который, едва примѣтивъ насъ, замахалъ своею шляпою и дѣлалъ знаки, чтобы мы сошли на берегъ.

— Добро пожаловать, сказалъ намъ колонистъ, когда мы подъѣхали къ берегу. Вы немного запоздали, я боялся, что вы проѣдете мимо моего дома, не узнавъ его. Самое близкое жилище по берегу рѣки за три мили отсюда. Но милости просимъ. Домъ передъ вами, и васъ ждутъ съ радушіемъ.

Говоря эти слова, онъ подхватилъ веревку, которую мы перебросили, и привязалъ лодку къ колу, воткнутому въ землю. Съ большимъ любопытствомъ и участіемъ я приближался къ дому. Наконецъ-то я узнаю на дѣлѣ домашнюю жизнь колониста, и увижу, какъ въ зеркалѣ, все, что съ нами должно сбыться, когда мы поселимся въ уединенной фермѣ. Я уже начиналъ видѣть, какъ всѣ золотыя мечты, питаемыя мною во-время пути, разлетались, и предо мною раскрывалась дѣйствительность, исполненная трудовъ и лишеній, неразлучныхъ съ переселеніемъ въ новый край. И потому я не могъ не почувствовать грусти, подходя къ указанному жилищу. Зданіе было построено изъ деревьевъ, покрытыхъ еще корою и воткнутыхъ въ землю одно возлѣ другаго. Двухъ-этажный домъ покрытъ былъ тонкимъ тесомъ, отъ времени и перемѣнъ воздуха принявшимъ сѣроватый цвѣтъ, что придавало ему наружность аспидной доски. Одна сторона этого жилища быта грубо сдѣлана изъ нетесанныхъ каменьевъ, собранныхъ въ окрестностяхъ и соединенныхъ между собою густою известью. Печь, сдѣланная изъ тѣхъ же матеріаловъ, поставлена у этой стѣны. Позади отгорожено мѣсто, подъ навѣсомъ, служившее вмѣсто риги, куда ссыпали рожь и складывали копны послѣ уборки хлѣба; другой рядъ неотесанныхъ кольевъ окружалъ огородъ; я замѣтилъ, что овощи и растенія всякаго рода были тутъ необыкновенной растительной силы.

Передъ домомъ, слуга разбиралъ на части барана, висѣвшаго на

деревѣ, нарочно тутъ оставленномъ для этого употребленія. Молодая еще женщина, загорѣвшая отъ солнца, но пріятной наружности, на минуту появилась въ углубленіи двери, и тотчасъ же исчезла. Любопытство, свойственное ея полу, взяло верхъ надъ желаніемъ показаться во всемъ своемъ блескѣ, но она тотчасъ же скрылась въ домъ, желая воспользоваться, вѣроятно, тѣмъ временемъ, пока мы шли съ берега къ дому, и употребить его для удовлетворенія своего кокетства, существующаго во всѣхъ странахъ свѣта. Но по кипѣнію и шипѣнію, достигавшему до нашего слуха изъ кухни, очевидно было, что хозяйка не ограничилась однимъ своимъ тоалетомъ, но озаботилась и о другихъ приготовленіяхъ къ нашему принятію. Въ нѣкоторомъ разстояніи раздавалось блеянье барановъ, которыхъ загоняли домой, и скоро мы были оглушены хлопаньемъ бича непомѣрной длины, который былъ всегда въ рукахъ пастуха, гнавшаго быковъ; нѣкоторые изъ нихъ были навьючены дровами для топки. Когда мы входили въ домъ, толпа дѣтей, — ихъ было числомъ семеро — бросились между нашихъ ногъ и уцѣпились за платье своего отца. Тотъ, перецѣловавши всѣхъ, спросилъ старшаго сына, которому было не болѣе десяти лѣтъ, о стадѣ. Ребенокъ отвѣчалъ съ большою важностью, изъ чего можно было видѣть, что онъ понималъ цѣну этого главнаго основанія богатства колонистовъ. Всѣ дѣти были ловки и сильны, какъ молодыя, необработанныя растѣнія, неимѣвшія недостатку ни въ воздухѣ, ни въ благотворныхъ лучахъ солнца.

— Войдите, господа, сказалъ намъ хозяинъ: посмотримъ, что-то хозяйка приготовила намъ къ ужину въ этой несчастной сторонушкѣ.

Въ нижнемъ этажѣ, посреди огромной залы былъ накрытъ столъ, состоявшій изъ длинныхъ досокъ, плохо выстроганныхъ и положенныхъ на ножки, имѣвшія форму X. Оловянныя блюда, тарелки и стаканы, разрозненныя вилки и ножи были разставлены предъ всякимъ приборомъ. Впрочемъ скатерти не было, и я помню, что, оперевшись рукою о столъ, для того, чтобы перешагнуть черезъ деревянную скамью, стоявшую вокругъ него, я порядочно расцарапалъ себѣ руку осколкомъ доски, по которой стругъ столяра прошелъ не слишкомъ нѣжно. Наконецъ изъ внутренней комнаты вышла хозяйка дома, съ блюдомъ въ рукахъ, на которомъ возвышался цѣлый столбъ кипящихъ котлетъ, и въ чепчикѣ съ розовыми лентами.

Огромный сыръ, величиною съ тыкву, стоялъ также на столѣ. Въ этомъ заключалась ежедневная пища. Но хозяйка, какъ называлъ ее хозяинъ, приготовила намъ сюрпризъ, и къ довершенію ужина скоро былъ поданъ горячій сладкій пирогъ на огромномъ блюдѣ. При этомъ видѣ, юное поколѣніе не могло удержать радостныхъ восклицаній; съ трудомъ можно было удержать ихъ на мѣстахъ около стола; самые робкіе хотѣли бѣжать съ тарелками къ отцу, самые же предпріимчивые собирались вскочить на столъ, чтобы погрузить свои вилки, а можетъ быть и пальцы въ непреодолимо-привлекательное блюдо. Голосъ хозяйки прекратилъ все это волненіе, а хозяинъ, довольно равнодушно смотрѣвшій на пирогъ, повидимому гораздо съ бо́льшимъ удовольствіемъ придвинулъ къ себѣ огромную бутылку рому. Мы принялись за котлеты; онѣ были чрезвычайно вкусны, особенно для людей проголодавшихся и уже полагавшихъ, что ночь должно провести безъ ужина и въ лодкѣ на водѣ; но котлетамъ недоставало приправы, къ которой такъ привыкли наши европейскіе желудки. Хозяйка замѣтила что мы чего-то ищемъ глазами, чего на столѣ недоставало.

— У насъ нѣтъ соли, сказала она. Предвидя что вы не можете безъ нея обойтиться, я посылала сегодня утромъ къ сосѣдямъ за три мили отсюда, но и у нихъ послѣдняя вышла на солонину.

Это лишеніе было для нашихъ желудковъ очень чувствительно, и въ особенности аппетитъ Мелибея по этой причинѣ значительно уменьшился. Мы такъ устали, что съ нетерпѣніемъ ожидали минуты отдыха. Хозяйка приготовила намъ три постели изъ кожъ кангуру, положила въ головахъ по подушкѣ на это мягкое ложе, и прикрыла одѣялами. Окончивъ это, она удалилась, пожелавъ намъ покойной ночи. Мы улеглись на приготовленныхъ для насъ кожахъ, и были бы очень несправедливы, еслибы назвали свои постели несовсѣмъ сухими. Когда кожу бросали на полъ, она звѣнела какъ пергаментъ. Однако мы заснули. Крѣпкое тѣлосложеніе и молодость могутъ обойтись безъ особенныхъ удобствъ въ жизни. На другой день, Мелибей сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Въ его умѣ произошла совершенная перемѣна. Сколько прельщала его колоніальная жизнь, прежде нежели онъ видѣлъ ее вблизи, столько теперь онъ возненавидѣлъ ее, узнавъ въ дѣйствительности. Проснувшись, я увидалъ его

сидящимъ на постелѣ въ глубокомъ размышленіи. Не давъ мнѣ времени сдѣлать ему вопросъ, онъ сказалъ:

— Что ты думаешь о странѣ, гдѣ ѣдятъ бараньи котлеты безъ соли, и спятъ на пергаментѣ.

— Я думаю, отвѣчалъ я, смѣясь надъ этой вспышкой: я думаю, что не слѣдуетъ говорить объ этомъ громко въ домѣ нашего хозяина, и что намъ надобно, не мѣшкая, приготовляться къ отъѣзду въ новое жилище.

— Не боленъ ли ты, прибавилъ Симонъ: не надобно ли тебѣ пустить кровь? Дай мнѣ пощупать твой пульсъ, ужъ не лихорадка ли у тебя?

Мелибей засунулъ обѣ руки въ карманы, и хотѣлъ уже разразиться гнѣвомъ, когда хозяинъ дома, отворивъ дверь въ залу, остановилъ проклятія, готовыя сорваться съ его языка.

Не стану утомлять читателя разсказомъ о приготовленіяхъ нашихъ къ отъѣзду. Мы купили восемь быковъ для перевозки вещей; но ихъ привели только черезъ два дня. Аннибалъ, которому поручено было привести ихъ, говорилъ намъ, что еберегалъ ихъ силы, тогда какъ въ-самомъ-дѣлѣ заботился только о своихъ ногахъ. На третій день, рано утромъ, телѣги были нагружены, быки запряжены; мы простились съ хозяевами, и отправились въ путь. Скоро мы потеряли всякой слѣдъ дороги, и наши телѣги катились, то черезъ природные луга, перерѣзанные ручьями и болотами, то по прогалинамъ въ лѣсу, гдѣ быки должны были переходить черезъ стволы упавшихъ деревъ и черезъ кучи сухихъ вѣтвей. Въ одномъ мѣстѣ мы должны были переѣхать черезъ бугорокъ, въ другомъ черезъ рѣку. Наши быки, хотя сильные и горячіе и хорошо руководимые старымъ быкомъ, отличавшимся отъ другихъ понятливостью и вѣрностью хода, скоро однако выбились изъ силъ. Мы остановились на отдыхъ въ равнинѣ, усѣянной группами деревьевъ и орошаемой ручьемъ. Тутъ мы отпрягли быковъ и пустили ихъ пастись на свободѣ Въ этой части Австраліи, знойное солнце палитъ во всякое время года, и потому мы только послѣ полудня пустились въ путь. Въ девять часовъ вечера снова остановились, отпрягли быковъ, только на этотъ разъ привязали ихъ за рога къ колесамъ телѣги. Мы согласились поочередно не спать ночью, для избѣжанія всякой нечаянности. Ан-

нибаль первый сталъ на часахъ; мы спросили Мелибея, не хочетъ ли и онъ караулить въ свою очередь.

— Къ чему? отвѣчалъ онъ: если мы избѣгнемъ дикихъ, то, вѣроятно, попадемся въ руки европейскихъ разбойниковъ; если же не встрѣтятся намъ ни бѣлые, ни черные воры, такъ мы не избѣгнемъ какого-нибудь незнакомаго звѣря, который растерзаетъ нашихъ быковъ, или какой-нибудь страшной змѣи, которая уязвитъ ихъ своимъ ядовитымъ жаломъ

Я улегся на травѣ, не отвѣчая ни слова. Симонъ уже спалъ глубочайшимъ сномъ, о чемъ можно было догадаться по его шумному дыханію. Ясная ночь была нетакъ холодна, какъ можно было ожидать по времени года, благодаря одѣяламъ, въ которыя мы укутались. Часы проходили, но ни одно изъ несчастій, предсказанныхъ Мелибеемъ не случилось съ нами. Мы не видали ни дикихъ, ни воровъ, ни алчныхъ четвероногихъ, ни ядовитыхъ змѣй. Когда я проснулся утромъ, Мелибей, исправлявшій должность сторожа, громко храпѣлъ на своемъ постѣ, несмотря на свои опасенія и страхи Мы снова отправились въ путь, и проѣхавъ нѣсколько миль, очутились у подошвы пригорка, довольно утесистаго, покрытаго лѣсомъ и оврагами. Тутъ уже рѣшительно не было никакихъ слѣдовъ дороги. Мелибей, посмотрѣвъ на этотъ холмъ, обратилъ глаза на быковъ; потомъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ прислонился къ дереву скрестивъ руки. Положеніе его ясно высказывало мысль:

— Посмотримъ, что̀ вы теперь будете дѣлать; что̀ касается до меня, я тутъ ничѣмъ не могу помочь и умываю руки во всемъ, что̀ можетъ случиться.

Препятствіе было дѣйствительно важное. Мы съ Симономъ посмотрѣли другъ на друга. Эскулапъ пожалъ плечами, потомъ отправился прямо къ мѣшку, въ которомъ находилась наша провизія; вынувъ кусокъ хлѣба и холоднаго мяса, онъ сталъ преспокойно кушать, съ видомъ человѣка, ничего лучшаго непридумавшаго въ настоящую минуту. При этомъ, Мелибей рѣшился оставить видъ оскорбленнаго достоинства и пришелъ за своею частью обѣда. Что̀ касается до меня, безпокойство сжало мой желудокъ и отняло аппетитъ. Между-тѣмъ, какъ братья съ молчаливою жадностью управлялись съ жизненными припасами, я искалъ средства взвести быковъ съ другой стороны пригорка. По собраннымъ справкамъ о дорогѣ, я зналъ, что неда-

леко отсюда находился домъ одного колониста, родъ гостинницы, гдѣ можно было найти пиво, ромъ и неизбѣжныя бараньи котлетки, составляющія главную пищу всѣхъ колоній. Пока братья оканчивали обѣдъ, я приказалъ нашему Африканцу Аннибалу бѣжать какъ можно скорѣе въ эту гостинницу и привести отдуда всѣхъ, какихъ только отыщетъ вьючныхъ животныхъ, разсчитывая, что онъ долженъ возвратиться, по-крайней-мѣрѣ, черезъ часъ; но прошло болѣе двухъ часовъ, а его еще не было. Наконецъ онъ возвратился одинъ, и дотого пьянъ, что едва держался на ногахъ. Вмѣсто того, чтобы привести лошадей для перевозки нашего имущества, онъ такъ поступилъ, что и его самого еще надобно было перевозить. Мнѣ стоило величайшаго труда доспроситься, что̀ онъ сдѣлалъ и ка̀къ исполнилъ мои приказанія. Наконецъ онъ объяснилъ, что у трактирщика была только одна лошадь, которую онъ не далъ, потому-что самъ завтра хотѣлъ ѣхать въ городъ. Уговаривая его дать намъ эту лошадь, Аннибалъ такъ разгорячился, что ему поневолѣ захотѣлось прохладиться, и все прохлаждаясь, онъ пришелъ наконецъ въ то состояніе, въ которомъ и явился ко мнѣ. Я отвернулся, съ трудомъ удерживаясь отъ сильнаго желанія поколотить его. День приходилъ къ концу; непріятность нашего положенія увеличивалась съ приближеніемъ ночи. Я взлѣзалъ нѣсколько разъ на пригорокъ, чтобы отыскать дорогу получше, и отбрасывалъ деревья, которыя могли мѣшать нашему пути; но всѣ эти предосторожности не могли дать силы быкамъ, чтобы переѣхать черезъ высокій и утесистый пригорокъ. Я сталъ серьозно безпокоиться. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣли, я долженъ остановиться, и можетъ-быть, принужденъ буду возвратиться назадъ. Въ минуту самыхъ тягостныхъ размышленій, я увидалъ, что Симонъ вдругъ вскочилъ, какъ-будто пораженный внезапнымъ открытіемъ. Не сказавъ ни слова о своемъ намѣреніи, онъ сталъ выпрягать быковъ изъ второй телѣги, и припрягъ ихъ къ первой, которую такимъ образомъ тащили восемь быковъ. Потомъ хлопнувъ своимъ бичемъ, онъ погналъ ихъ. Съ легкостью и проворствомъ они всходили на высоту, что̀ ясно и безспорно доказывало успѣхъ выдумки. Докторъ бросилъ торжествующій взглядъ на Мелибея, съ сильною досадою смотрѣвшаго на всѣ его дѣйствія. Такимъ-образомъ до послѣдней минуты никому изъ насъ не пришла самая простая мысль. Въѣхавъ на гору, мы и другую телѣгу взвезли та-

кимъ же образомъ. Потомъ нужно было только спуститься съ этой горки; у подошвы ея стояла наша ферма, окруженная нѣсколькими сотнями акровъ плодоносной земли, не считая природныхъ луговъ для нашихъ будущихъ стадъ. Домъ нашъ, построенный въ описанномъ уже родѣ, былъ однако обширнѣе и удобнѣе, и мы увидали, что съ нѣкоторыми легкими, недорогими поправками будемъ имѣть очень покойное жилище. Снявъ съ телѣгъ поклажу и разобравъ всѣ свои пожитки, мы увидали, что намъ недоставало множество необходимыхъ вещей, и положили, что кто-нибудь изъ насъ долженъ воспользоваться первымъ случаемъ ѣхать въ Фрементль, чтобы привезти все въ чемъ мы имѣли нужду. Я взялъ на себя эту коммиссію, съ условіемъ, что отправлюсь въ городъ водою, въ лодкѣ, принадлежавшей нашему сосѣду. Такъ какъ Мелибей поклялся не притрогиваться къ весламъ во всю свою жизнь, или, по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ плыть по Темзѣ, то и было рѣшено, что я найму въ Фрементлѣ барку и судовщиковъ, чтобы перевезти остальную поклажу. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего вступленія въ домъ, я отправился къ нашему сосѣду, который и во второй разъ оказалъ мнѣ свое гостепріимство котлетами и кожами кангуру. На другой день утромъ я уже готовъ былъ пуститься въ предположенный путь.

Плаваніе по рѣкѣ Свану очень опасно съ апрѣля до октября. Въ эти шесть мѣсяцевъ сѣверозападный вѣтеръ дуетъ съ необыкновенною силою и производитъ страшныя бури, особенно въ заливахъ, образуемыхъ при устьѣ, тамъ, гдѣ теченіе разливается въ обширный и глубокій бассейнъ и теряется среди морскихъ волнъ. Приближеніе этого урагана возвѣщается вообще внезапнымъ пониженіемъ барометра, а въ Фрементлѣ, кромѣ этого, сильнымъ волненіемъ воды въ устьѣ, обыкновенно тогда выходящей изъ своихъ береговъ. Я былъ слишкомъ еще неопытный колонистъ, чтобы по примѣтамъ узнавать погоду. На фермѣ у насъ не было барометра, но и во всякомъ случаѣ, вѣроятно, я не обратилъ бы вниманія на его предостереженія, столько я былъ увѣренъ въ своемъ искусствѣ править лодкою. Притомъ же я не имѣлъ никакого понятія о жестокой бурѣ, опасности, которой безсознательно подвергался. Я отправился одинъ. Аннибалъ, противъ обычая Африканцевъ, которые вообще превосходнѣйшіе гребцы, имѣлъ инстинктивное отвращеніе къ водѣ въ наружномъ и вну-

тренномъ употребленіи. Братья мои имѣли нужду въ его услугахъ. А я, какъ уже сказалъ, хотѣлъ нанять въ Фремептлѣ двухъ матросовъ, чтобы грести веслами, къ чему всѣ мы получили совершенное отвращеніе послѣ перваго нашего плаванія. Начало моего путешествія было совершенно спокойно. Воздухъ былъ тяжелъ, но недушенъ; солнце сіяло на чистомъ небѣ, и вѣтерокъ, хотя слабый, достаточно надувалъ мой парусъ. Я былъ до того увѣренъ, что принялся за книгу *«Путеводитель колониста»*. Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, я старался довольно безполезно, напечатлѣть въ памяти своей указанія и средства этого достопочтеннаго сочиненія. Моя лодка скользила по водѣ, слегка волнуемой легкимъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ моря, и мнѣ оставалось только поддерживать ее на среднемъ разстояніи между обѣими берегами. Такимъ-образомъ я вошелъ въ Мэльвильскую-бухту. На этомъ неизмѣримомъ пространствѣ царствовало совершенное спокойствіе. Вѣтеръ утихъ, воздухъ сгустился, настала совершенная тишина. Взглянувъ на небо, я увидалъ на горизонтѣ, съ сѣверозападной стороны, быстро идущія тучи, распространявшіеся съ ужасающимъ величіемъ. Я начиналъ чувствовать безпокойство. Вдругъ вѣтеръ подулъ съ жестокостью; лодка моя, отъ нечаяннаго нападенія, покачнулась на бокъ, и высунувъ свой киль, понеслась по волнѣ къ противоположной сторонѣ отъ вѣтра; потомъ вдругъ, какъ-будто пришпоренная, она еще быстрѣе помчалась.

Небо было мрачно и покрыто тучами, предвѣщавшими бурю. Вѣтеръ сначала жалобно завывалъ. Можно было подумать, что духъ, принужденный нести разрушеніе, чувствуетъ сожалѣніе при мысли о преступленіяхъ, на которыя осужденъ. Потомъ, какъ бы желая заглушить въ себѣ всякое раскаяніе, вѣтеръ приходитъ въ ярость, и со всею силою и съ ревомъ разразился надъ водою, вздымая пѣною волны, съ шумомъ и волненіемъ приподнимая валы. Тщетно челнъ мой силился бороться съ бурею, гнавшею его въ глубину бездны, бороздимой яростнымъ вѣтромъ, который выбрасывалъ ея воду изъ береговъ. Было около шести часовъ вечера. Внезапно вокругъ меня распространилась преждевременная темнота, произведенная бурею. Волны, какъ-будто хотѣвшія вырваться изъ бездны глубокаго внутренняго разрушенія, съ шумомъ воздымались надъ моею головою, между-тѣмъ какъ моя бѣдная «Пертская Красна-Дѣвица» погружала въ нихъ

свою треснутую мачту и изорванные паруса. Однако течи въ ней еще не оказывалось; напротивъ, снова приподнимаясь, она презирала натиски бури, и дѣлала неслыханныя усилія для достиженія берега. Но тучи становились все чернѣе и чернѣе; буря еще болѣе усилилась; вѣтеръ ревѣлъ съ такою силою, что никакой человѣческій голосъ въ борьбѣ со смертью и отчаяніемъ не могъ быть услышанъ въ этой всесокрушительной борьбѣ. Волны воздымались все выше и выше, до-тѣхъ-поръ, пока уже казались мнѣ цѣлыми водяными горами, съ которыми безумно было бы бороться. Вѣтеръ и волны казались живыми существами, соединившимися для моей погибели. Я расказываю не вымыселъ, а истинное происшествіе, котораго самъ былъ жертвою, и нисколько не преувеличиваю. Никогда не забуду я послѣдней волны, нагнанной на меня вѣтромъ съ такою отчаянной силой, о которой одни только моряки могутъ имѣть настоящее понятіе. Вокругъ меня свирѣпствовалъ яростный вихрь, съ невыразимымъ свистомъ и воемъ разбивавшій волны. Тщетно предоставилъ я судно на волю волнъ, тщетно отказался я отъ борьбы съ вѣтромъ. Въ этой крайности невозможно было оставить руля. Давно уже я хотѣлъ снять паруса, но это нетакъ легко сдѣлать, особенно въ такую погоду, даже еслибы я былъ не одинъ въ лодкѣ; но теперь я не могъ оставить руля безъ того, чтобы другой конецъ лодки, предоставленный на волю вѣтра, совершенно не погрузился въ воду. Однако я былъ такъ близко къ берегу, что надежда несовсѣмъ оставила меня. Еще нѣсколько мгновеній, и я достигъ бы берега; но послѣдняя волна и послѣдній вихрь, о которомъ я сказалъ, были такъ сильны, что судно не могло болѣе выдержать. Оно наклонилось въ сторону и опрокинулось. Рей погрузился въ воду и волны хлынули черезъ бортъ. Лодка мужественно вынесла это предсмертное нападеніе, и силилась выплыть, но напрасны были всѣ усилія, она не вынесла тяжести воды, поглотившей ее съ одной стороны, и медленно повернувшись, пошла ко дну. Впечатлѣніе, испытанное мною, было несовсѣмъ пріятно. Я чувствовалъ, какъ лодка исчезала подъ моими ногами, и ничего не могъ сдѣлать, чтобъ удержать ее на волнахъ. Я глядѣлъ вокругъ, надѣясь встрѣтить помощь, но не оставалось никакой надежды. Я видѣлъ только волны, слышалъ только завыванія вѣтра. Я былъ подлѣ самаго берега; но высоко воздымавшіяся волны и темнота, происходящая отъ бури, препятствовали

мнѣ видѣть даже верхушки деревъ. Увидя, что лодка идетъ ко дну, я сбросилъ башмаки, одежду, жилетъ, и ухватившись за мачту обѣими руками, спустился въ воду, разсчитывая, что здѣсь неглубоко. Но именно въ этомъ мѣстѣ рѣка была очень глубока. Тогда я употребилъ всѣ усилія, чтобы подплыть къ берегу. Къ несчастью, самый искусный пловецъ тщетно старался бы пробиться сквозь разъяренное море; я съ трудомъ могъ удерживаться на поверхности воды. Я поплылъ къ лодкѣ, одинъ только край которой виднѣлся еще поверхъ воды. Мнѣ удалось вскочить на нее; но читатель можетъ себѣ представить,—или нѣтъ, онъ не можетъ себѣ представить—какой почувствовалъ я ужасъ, когда эта доска, послѣдняя надежда моего спасенія, стала постепенно погружаться въ воду подъ моею тяжестью. Казалось, все кончилось. Ударилъ часъ моей смерти, мои послѣднія минуты приближались. Я старался собраться съ мыслями, чтобы приготовиться къ смерти. Однако это положеніе не произвело во мнѣ такого ужасу, какъ я воображалъ. Смерть казалась мнѣ неизбѣжною; я собрался съ мыслями и сталъ молиться. Во-время этой борьбы съ смертью, прошедшее не представилось моему уму и не смутило меня, какъ могъ бы это вообразить себѣ читатель. Я не думалъ ни о моихъ друзьяхъ, ни о времени, дурно употребленномъ, ни о неоконченныхъ дѣлахъ. Всѣ чувства мои поглощены были мыслью о смерти и вѣчности. Въ эту минуту, болѣе нежели когда-нибудь я вѣрилъ въ безсмертіе моего бытія. Я чувствовалъ вмѣстѣ и ужасъ и надежду, и во мнѣ уже произошла великая перемѣна между прежнею и новою жизнью. Было ли это слѣдствіе страха? Не знаю. Видя, что все для меня кончилось, въ душѣ моей не оставалось мѣста для терзаній, производимыхъ сомнѣніемъ.

Лодка пошла ко дну. Волны закипѣли надъ моею головою, схватили меня за горло и, казалось, увлекали въ разверзтую могилу. Въ тотъ мигъ, когда уже зрѣніе мое помрачалось, когда душа ожидала каждую минуту послѣдняго сотрясенія, освобождающаго ее отъ узъ земной жизни, я увидалъ верхушку мачты, медленно поднимавшуюся надъ поверхностью, между-тѣмъ какъ другой конецъ лодки подъ тяжестью моего тѣла погружался въ воду. Инстинктивно, я выпустилъ лодку и плавалъ около нея, въ надеждѣ, что она вся всплыветъ. Надежда моя оправдалась, но силы мои начинали уже истощаться, я опять вскочилъ на нее; но она снова потонула подо мною, и ког-

да волны въ другой разъ поглощали меня, я увидалъ нижній конецъ мачты, верхняя же оконечность погрузилась въ воду. Я ухватился за край лодки, но новый шквалъ, нагнавъ чудовищный валъ, перевернулъ судно, и на мгновеніе оно очутилось на килѣ, мачта же и парусъ надъ водою, потомъ оно тотчасъ же перевернулось на другую сторону, обозначивъ такимъ образомъ совершенный кругъ. Послѣ всѣхъ этихъ движеній, оно погрузилось въ воду, но недовольно глубоко, такъ, что опершись рукою на часть, находившуюся близко къ поверхности, я могъ держать голову надъ водою, а правую руку на свободѣ. Я воспользовался этимъ положеніемъ для того, чтобы снять съ себя всю одежду, кромѣ рубашки, имѣвъ однако предосторожность положить ножъ въ карманъ. Потомъ я хотѣлъ подрѣзать штаги, прикрѣплявшія мачту, въ надеждѣ, что судно, освободясь отъ этой тяжести, могло-бы подняться и выплыть на воду. Лезвее моего ножа скоро сломалось, и я долженъ былъ отказаться отъ мысли срубить мачту и снять паруса. Буря продолжала страшно свирѣпствовать, морская пѣна хлестала меня по лицу, и волны всякую минуту приподнимали меня съ лодки, на которую я уперся; онѣ продолжали ее вертѣть самымъ страннымъ образомъ, выказывая то верхушку мачты, то наконечникъ киля. Я цѣплялся за что могъ, употребляя всю ловкость и проворство, чтобы избѣгнуть ударовъ мачты, парусовъ и шкафута судна, выплывавшаго на поверхность. Очевидно, для меня не было уже никакой надежды на спасеніе; но оставалось еще одно средство, чтобы судно понеслось по вѣтру черезъ водоемъ шириною въ четыре мили, и было-бы выброшено на берегъ. Долго, но тщетно старался я узнать, дѣйствительно ли неслось оно по вѣтру. Якорь, привязанный къ судну канатомъ около двадцати-пяти футовъ, безъ сомнѣнія, упалъ на дно и удерживалъ судно на мѣстѣ. Наступила ночь, и темнота дотого усилилась, что я не могъ уже различать берегъ и лѣсъ, его окружавшій. Подобныя бури продолжаются часто по три дня, я же понималъ, что невозможно оставаться такъ долго въ водѣ, не погибнувъ. Всего же болѣе я боялся, что члены мои оцѣпенеютъ, и я не буду въ состояніи держаться за лодку. Для поддержанія сколько возможно обращенія крови, я сталъ кричать изъ всѣхъ силъ, и рукою, оставашеюся на свободѣ, растиралъ себѣ грудь и ноги.

Недалеко отъ меня показался на водѣ какой-то черный предметъ, и съ быстротою приближался ко мнѣ на встрѣчу. Наконецъ я могъ

различить, что это было китоловное судно, на которомъ находилось нѣсколько человѣкъ; на немъ не было ни паруса, ни веселъ, но, гонимое вѣтромъ, оно быстро неслось. Когда оно проходило въ двадцати шагахъ отъ меня, я соединилъ всѣ силы въ страшный вопль, который былъ услышанъ сидѣвшими на суднѣ, потому-что они оборотились ко мнѣ и махали руками. Безъ сомнѣнія, они мнѣ отвѣчали; но вой бури былъ такъ ужасенъ, что я не могъ слышать ихъ голосовъ; водяные валы, возставшіе между нами, скоро скрыли ихъ отъ моихъ взоровъ. Взошла луна и частью разогнала тучи. Я могъ наконецъ различить лѣсъ, идущій вдоль берега, и теперь могъ измѣрить обширное пространство воды, отдѣлявшей меня отъ этого берега. Чтобъ избѣгнуть смерти, надобно было переплыть его. По временамъ вѣтеръ дулъ съ меньшею силою, и я успѣлъ усѣсться на киль погруженнаго въ воду судна. Воспользовавшись отдыхомъ, я разбиралъ мое положеніе и средства къ спасенію. Послѣ продолжительнаго размышленія и наблюденія я убѣдился, что лодка дѣйствительно неслась, хотя чрезвычайно медленно, и сталъ бояться, что когда она станетъ приближаться къ берегу, якорь, опустившійся на дно, остановитъ ее на глубинѣ двадцати-пяти футовъ воды; въ такомъ случаѣ я долженъ былъ неизбѣжно погибнуть отъ холода. Въ эту незабвенную ночь я забылъ, что утромъ, отправляясь въ путь, отпустилъ канатъ только на пять футовъ длины, чтобы въ случаѣ необходимости легче было поднять якорь. Эта случайность, внушенная самимъ Провидѣніемъ, была причиною моего спасенія. За нѣсколько миль отсюда, на краю рѣки, я увидалъ свѣтъ, въ домѣ, стоявшемъ на самой вершинѣ высокаго берега; тамъ, въ эту минуту двое моихъ друзей ужинали около пылавшаго огня, тогда какъ я былъ жертвою волнъ и бури, и каждую минуту страшился, что паруса и мачта моей барки, напитавшись водою, совсѣмъ увлекутъ ее на дно. Мнѣ оставалась только самая слабая надежда на спасеніе, и потому, наконецъ, я примирился съ мыслью о смерти, и спокойно ждалъ страшной минуты. Луна уже совершила половину своего теченія, вѣтеръ укротился; я удвоилъ усилія для поддержанія въ себѣ теплоты криками и движеніями, какія только были возможны, неслишкомъ потрясая слабой опоры, поддерживавшей меня. Всѣ предметы такъ неясно отдѣлялись въ темнотѣ ночной, что невозможно было узнать, въ какомъ разстояніи нахожусь я отъ земли. Съ какимъ же удивленіемъ, радостью и благодарностью вдругъ

почувствовалъ я, что барка тянется по песку. Нѣтъ! никогда не буду я въ состояніи выразить чувства, отозвавшагося въ моей груди на это первое движеніе лодки, возвѣстившей мнѣ спасеніе послѣ пяти-часовой страшной опасности. Я едва вѣрилъ самому себѣ, и со страхомъ опустилъ оцѣпенѣвшія ноги и — онѣ ощутили дно. Земля! столь желанная земля была у меня подъ ногами. Я приблизился къ берегу, вода была мнѣ только по поясъ. Вѣтеръ утихъ; сталъ накрапывать дождь. Я очутился при опушкѣ лѣса, въ совершенной пустынѣ. Ни одного дома не было по близости. Самый близкій находился въ нѣсколькихъ миляхъ, и почти не было возможности дойти до него въ темнотѣ, босыми ногами, черезъ болота и хворостъ. Мнѣ оставалось только провести ночь подъ открытымъ небомъ. Къ счастью, я вспомнилъ, что проѣзжая съ братьями въ этихъ мѣстахъ я видѣлъ не близости развалины хижины пастуха. Послѣ многихъ трудовъ, расцарапавъ ноги о терновые кусты, я отыскалъ развалины хижины. Часть крыши еще не обрушилась, и почти укрыла меня отъ вѣтра и дождя. Дверь, валявшаяся на полу, служила мнѣ вмѣсто постели. Я поблагодарилъ Бога, сохранившаго мнѣ жизнь, и скорѣе упалъ, нежели легъ на доску, проточенную червями, и, страшно утомленный, тотчасъ-же заснулъ. Проснувшись на разсвѣтѣ, я проходилъ черезъ лѣсъ, оцѣпенѣвъ отъ холода, но сердце мое было исполнено теплоты и радости. Такимъ-образомъ дошелъ я до дому, где наканунѣ видѣлъ издали свѣтъ, блиставшій во-время бури. Пусть представятъ себѣ удивленіе и ужасъ обитателей его, когда вдругъ, пробужденные моими криками, они увидали у дверей совершенно нагаго человѣка. Узнавъ о претерпѣнномъ мною несчастіи, меня поспѣшно уложили на мягкую постель, развели яркій огонь и налили стаканъ вина. Около полудня, я всталъ, желая какъ можно скорѣе отправиться на ферму, гдѣ братья, вѣроятно, безпокоились уже о моей участи. Меня снабдили бѣльемъ и платьемъ, дали лошадь, и послѣ чудеснаго обѣда, я отправился въ такомъ веселомъ расположеніи духа, какъ-будто со мной ничего не случилось наканунѣ. Черезъ нѣсколько часовъ я надѣялся быть дома, но небо иначе располагало; или скорѣе, мое неблагоразуміе, подвергнувшее меня опасностямъ прошедшей ночи, приготовляло новыя, неменѣе страшныя. Я скоро пріѣхалъ въ Пертъ, но не останавливался, потому-что спѣшилъ возвратиться домой и насладиться счастіемъ спокойствія, понятнымъ всякому, кто, послѣ страшныхъ опас-

костей, нашелъ убѣжище въ надежномъ теплонъ уголку, укрывающемъ его отъ свирѣпствующихъ стихій. Дорога шла по берегамъ рѣки, до цѣпи холмовъ, лежащихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берегу: за этими холмами находилось наше жилище. Многія долины проходятъ черезъ эту цѣпь, но надобно хорошо знать мѣстность, чтобы пуститься въ путь, потому-что между ними есть безвыходныя долины и которыя сбиваютъ съ дороги. Самое лучшее не оставлять береговъ Свана, гдѣ всегда встрѣтишь фермы въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой. Эта дорога дальше, зато по ней нельзя заблудиться. Мое намѣреніе было не сворачивать съ нея. Я пришпорилъ свою лошадь, желая пріѣхать на ферму прежде наступленія ночи, какъ вдругъ вниманіе мое было привлечено ружейнымъ выстрѣломъ, раздавшимся на лугу, около рѣки. Въ тоже мгновеніе охотникъ, котораго я прежде не замѣтилъ за деревьями, прибѣжалъ за своею дичью. Я остановилъ лошадь, и узналъ въ немъ одного изъ своихъ пертскихъ друзей; приближаясь онъ также дѣлалъ мнѣ знаки, доказывавшіе, что и онъ узналъ меня. Скоро мы сошлись.

— Вы охотитесь безъ собаки? сказалъ я ему.

— О нѣтъ! отвѣчалъ онъ. Но мои собаки слишкомъ благородныя животныя, чтобы охотиться за подобною дичью. Онѣ остались съ моими пріятелями, которые цѣлое утро охотятся за кангуру, и назначили мнѣ свиданіе за двѣ мили отсюда. Они теперь должны меня дожидаться. Если вы захотите поѣхать со мною, то мы позавтракаемъ вмѣстѣ, и вы недолжны отказываться отъ этого приглашенія, потому-что вамъ остается еще длинный путь.

— Не могу принять вашего приглашенія, отвѣчалъ я: я долженъ возвратиться на ферму до ночи.

— Вы еще успѣете, возразилъ мой пріятель: ваша лошадь, кажется, недурна, да и дорога хороша. Поѣдемте, я покажу вамъ стараго Типа, лучшую собаку во всей колоніи. При томъ же вы увидитесь съ пертскими знакомыми. Поѣдемъ. Теперь настоящая пора съѣсть кусокъ дичины и выпить стаканъ грогу въ честь старой Англіи.

Разсудокъ запрещалъ мнѣ прерывать дорогу, но желудокъ говорилъ въ пользу приглашенія. И такъ я послѣдовалъ за своимъ другомъ на назначенное мѣсто свиданія, гдѣ мы нашли двухъ охотниковъ съ тремя лошадьми и полдюжиною собакъ-кангуру. Они удачно по-

охотились, и животные и люди, казалось, имѣли нужду въ отдыхѣ. Мы весело усѣлись за обѣдъ, впродолженіе котораго я разсказалъ своимъ хозяевамъ приключенія прошлой ночи. Мы уже оканчивали послѣдній стаканъ грогу, когда одинъ изъ туземцевъ, сопровождавшій охотниковъ вдругъ вскочилъ, закричавъ: *Эму*!

За милю разстоянія, на лугу, гдѣ мы сидѣли, два эму, птицы огромной величины, преспокойно отыскивали себѣ пищу. Собакъ тотчасъ же скликнули; онѣ, казалось, подобно хозяевамъ воодушевились новымъ мужествомъ, и въ одно мгновеніе мы пустились на охоту. Я говорю мы, потому что отправился вмѣстѣ съ другими. Демонъ охоты, воспользовавшійся этимъ случаемъ, чтобы увлечь меня съ прямой дороги, слишкомъ обольстительно разставилъ свое искушеніе, я не могъ ему сопротивляться.

Случается что за эму охотятся съ ружьемъ, какъ и за всякою дичью, но обыкновенно на нее спускаютъ собакъ-кангуру, происходящихъ отъ борзыхъ собакъ и ищейки, и соединяющихъ съ острымъ зрѣніемъ самое тонкое обоняніе, необыкновенную быстроту и силу. Когда собака-кангуру почуетъ дичь, она бѣжитъ за нею по приказанію охотника, отъ воли котораго зависитъ слѣдовать за ней верхомъ или спокойно оставаться на мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи, такого рода охота, съ перваго взгляда покажется удовольствіемъ, приличнымъ только для лѣнтяевъ; но и тутъ есть своя противоположная сторона. Когда собака-кангуру настигнетъ свою добычу, то вступаетъ съ нею въ бой, и если птица велика и сильна, то собакѣ сильно достается; часто она получаетъ глубокія раны; но обыкновенно она выходитъ побѣдительницею изъ борьбы, и придушивъ дичь, возвращается къ охотнику. Очень любопытно наблюдать дѣйствія собаки-кангуру въ подобныхъ случаяхъ. Обыкновенно она тихо возвращается и часто ложится у ногъ своего хозяина съ равнодушнымъ видомъ, какъ будто боясь, чтобы другія собаки, ея товарищи, не усумнились, что она побѣдила дичь и не воспользовались ея заслугою. Но пасть ея всегда окровавлена, охотникъ никогда не пропуститъ осмотрѣть этого признака борьбы, которая впрочемъ узнается не только по кровавой пасти, но и по ранамъ, часто глубокимъ, которыя наноситъ ей въ шею, во-время борьбы, задушаемая птица. Тогда охотникъ встаетъ, и говоритъ собакѣ: «Шершъ, шершъ»! Животное смѣло бѣжитъ, рыча на другихъ своихъ собра-

тій, если они вздумаютъ ее обгонять, и какъ-будто понимая, что имѣетъ право прибѣжать первая на мѣсто, гдѣ лежитъ дичь. Иногда же она старается сбить ихъ съ дороги, принимая ложное направленіе, и когда ей удается это намѣреніе и они вдругъ быстро понесутся, какъ бы приглашая своего господина слѣдовать за ними, чтобы присвоить себѣ славу, по справедливости принадлежащую ихъ пріятельницѣ, она внезапно сворачиваетъ въ другую сторону, видимо подсмѣиваясь надъ искусно обманутыми товарищами. Тогда она бѣжитъ съ необыкновенною быстротою къ своей цѣли; нерѣдко съ большимъ трудомъ можно за нею слѣдовать, тѣмъ болѣе, что она невсегда выбираетъ дорогу, удобную для охотника, а часто увлекаетъ по опаснымъ тропинкамъ, куда онъ не осмѣлился бы забраться со всѣми предосторожностями и при самой медленной и спокойной ходьбѣ. Наконецъ, достигнувъ цѣли своего труднаго пути, охотникъ находитъ собаку подлѣ дичи; она встрѣчаетъ его радостно, размахивая хвостомъ, какъ-будто выражая свое удовольствіе, что онъ можетъ оцѣнить ея услуги; однако это не мѣшаетъ ей чувствовать, что она невсегда награждена по заслугамъ: осунувшіяся кости, печальное выраженіе глазъ ясно показываютъ, что она всегда голодна; она, кажется, очень помнитъ, что отъ своего жестокаго и грубаго господина получаетъ болѣе побоевъ, нежели ласкъ; однако исполняетъ свою обязанность, и до конца будетъ исполнять ее; она отказываетъ себѣ даже въ кускѣ дичины, которую сама убиваетъ, хотя легко могла бы удовлетворить ею свой голодъ, оставляя добычу свою никому неизвѣстною въ лѣсу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ удушила ее. Я часто охотился съ старой собакою, выказывавшей столько ума и проницательности, что я питалъ къ ней невольное уваженіе. Всякой разъ, когда ее били люди, болѣе уподоблявшіеся скоту, нежели она сама, она не визжала и не рычала, но удалялась отъ нихъ со взоромъ, полнымъ упрека и глубокой печали.

Но возвратимся къ эму, птицѣ самого страннаго нрава. Если успѣешь, не спугнувъ ее, подойти къ ней на довольно близкое разстояніе, то можно удержать и даже привлечь ее къ себѣ, простымъ свистомъ, такъ что она подойдетъ почти къ стремени. Я видѣлъ многіе опыты подобнаго рода. Когда начинаютъ свистѣть, эму наклоняетъ головку и слушаетъ со вниманіемъ. Скоро, привлеченная этою музыкою, она мало-по-малу приближается къ мѣсту, откуда

слышались звуки. Увидавъ человѣка, она останавливается въ нерѣшимости, потомъ начинаетъ описывать около его круги, которые постепенно все съуживаются, такъ что между нимъ и птицею остается нѣсколько шаговъ разстоянія. Если ея довѣріе невознаграждено ружейнымъ выстрѣломъ, то, удовлетворивъ своему любопытству она долго и съ удивленіемъ наглядѣвшись на васъ, спокойно скрывается въ свой родной лѣсъ. Эму, которыхъ мы увидали, бѣжали съ величайшею быстротою, и далеко увлекали насъ за собою. Увлеченный охотою, я забылъ, что удаляюсь отъ цѣли своего путешествія. Наконецъ, одна собака схватила птицу за лапу и пріостановила на бѣгу. Остальныя собаки прибѣжали къ ней на помощь, повалили птицу, и когда мы подъѣхали, она была уже мертва. Она была огромной величины. Мы подѣлились перьями ея хвоста, и воткнули ихъ въ наши шляпы, въ знакъ торжественной побѣды, и отрубивъ ноги, бросили остовъ. Лапы единственная часть въ этой птицѣ, которую можно ѣсть, но и онѣ неслишкомъ-то вкусны. Мясо ея походитъ на кусокъ низшаго сорту говядины. Пока всѣ были заняты разсматриваніемъ дичи, вниманіе мое было привлечено движеніями стараго Типа, лучшей собаки изъ всѣхъ, которая, оставивъ насъ, бродила у опушки лѣса, за четверть мили отъ насъ. Тщетно хозяинъ звалъ ее; я хотѣлъ узнать на чьи слѣды она напала; тогда собака понеслась во всю прыть и я поскакалъ вслѣдъ за нею, между деревьевъ. Скоро я увидалъ большую прогалину въ лѣсу, и Типа, со всѣмъ жаромъ преслѣдующаго полдюжины — кангуру, прыгавшихъ во сто шагахъ отъ него. Напрасны были бы старанія отозвать его назадъ; впрочемъ, признаюсь, мнѣ самому не было большой охоты возвращаться, и я безразсудно слѣдовалъ за собакою, хотя она увлекала меня совсѣмъ по другому направленію, нежели по какому мнѣ слѣдовало ѣхать. Старый Типъ гонялся съ такимъ жаромъ, какъ-будто въ первый разъ охотился въ этотъ день; мы пробѣжали уже около двухъ миль черезъ лѣса и луга, когда я сталъ раскаяваться, что не остался съ товарищами. По счастью, въ этой странѣ немного заборовъ, - но не менѣе того все-таки встрѣчаешь множество препятствій всякаго рода; то упавшія деревья, то бэнксія, растущая въ равнинѣ густыми рядами, которую невозможно объѣхать, то кустарники, черезъ которыя дичь бросается со всевозможною быстротою, да и вы должны черезъ нихъ же скакать съ

опасностью сломить голову или ногу о деревья, или быть сброшеннымъ съ лошади какою-нибудь вѣткою. Но въ жару преслѣдованія ничто не можетъ остановить, чтобы только не выпустить дичи изъ виду. Вы то бросаетесь черезъ кусты, то ударяетесь о каменный утесъ, то пробираетесь съ лошадью между деревьями, какъ корабль между подводныхъ каменьевъ; здѣсь наклоняете голову подъ вѣтвью, тамъ попеременно приподнимаете ноги на сѣдло, чтобы не избить ихъ о стволъ чернаго дерева или о бэнксію. Такъ гнался я по слѣдамъ браваго Типа, бѣжавшаго съ неутомимою быстротою.

Наконецъ, дичь скрылась за обширнымъ болотомъ, покрытымъ лѣсомъ тростника, въ которомъ моя лошадь страшнымъ образомъ увязла. Считая еще болѣе опаснымъ возвращаться, нежели идти впередъ, я долго еще бился съ лошадью среди болота, подвергаясь очевидной опасности совсѣмъ въ немъ утонуть, и только съ величайшимъ трудомъ мы успѣли наконецъ выйти на твердую землю. Я слѣзъ на землю, чтобы дать отдохнуть лошади, задыхавшейся и дрожавшей, вслѣдствіе сдѣланныхъ усилій. Я громко звалъ Типа, но напрасно; наконецъ, увидѣлъ кангуру огромнаго размѣру, выбѣжавшую изъ своего убѣжища, а Типа по слѣдамъ ея, въ разстояніи сорока шаговъ. При видѣ этомъ все благоразуміе оставило меня, движеніемъ и голосомъ ободряя благородное животное, я вспрыгнулъ на сѣдло, и снова пустился по его слѣдамъ. По какому же отчаянному пути увлекла насъ эта проклятая кангуру! Сквозь лѣса, по равнинамъ я скакалъ въ пылу увлеченія, оставляя на кустарникахъ куски одежды; лицо мое было исцарапано, руки и ноги избиты. Кангуру, хитрая какъ заяцъ, заставила насъ сдѣлать столько поворотовъ, что мнѣ показалось, будто я очутился на прежнемъ мѣстѣ, и даже проѣзжалъ то мѣсто, гдѣ оставилъ другихъ охотниковъ. Немудрено заблудиться въ лѣсахъ человѣку, непроводившему въ нихъ своей жизни, если онъ одинъ, вдали отъ проложенной дороги. Густыя деревья, болота и равнины такъ похожи одни на другія, что невозможно по виду ихъ составить вѣрную идею о положеніи мѣста, гдѣ находишься. Тогда кангуру приближалась къ цѣпи горъ, называемой Дерлингъ-Галлъ, шаги ея были медленны, прыжки тяжелы и трудны; легко было бы ее догнать, еслибы бѣдная собака сама не была такъ измучена. Старый Типъ, видимо, съ трудомъ тащился по слѣдамъ кангуру и совсѣмъ тѣмъ не могъ отказаться отъ охоты

преслѣдовать ее. Лошадь, измученная переѣздомъ черезъ болота не въ состояніи уже была скакать, и я принужденъ былъ ѣхать рысью. Совсѣмъ тѣмъ я самъ ни за что́ въ мірѣ не захотѣлъ бы отказаться отъ преслѣдованія. Я считалъ бы за низость оставить храбраго Типа. Еще другое чувство заставляло меня не покидать товарища моихъ похожденій. Я понималъ, что совершенно заблудился, а въ подобныхъ обстоятельствахъ собака есть другъ, съ которымъ не хочешь разстаться. Послѣдствія доказали, что я вѣрно разсчитывалъ, сохранивъ столь полезнаго помощника. Наконецъ, надъ всѣми этими чувствами владычествовало упорное желаніе, возбужденное неуспѣшнымъ преслѣдованіемъ; поймать кангуру казалось мнѣ необходимымъ вознагражденіемъ всѣхъ трудовъ, перенесенныхъ по милости его. И такъ мы продолжали путь втроемъ — собака вслѣдъ за кангуру, а я за собакой. Наконецъ лошадь моя оступилась и упала. Измученная чрезмѣрною усталостью, она не могла подняться и тяжело повалилась на бокъ. Чувствуя ея паденіе, я бросился въ сторону, но это движеніе было неудачно: нога моя зацѣпилась подъ сѣдломъ, такъ что и всадникъ и лошадь повалились вмѣстѣ. Въ эту минуту въ близкомъ разстояніи отъ меня пробѣжали кангуру и собака, упорно продолжая путь. Лошадь и не думала вставать, напрасно я употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободить свою ногу. Наконецъ, мнѣ удалось ударить ее кнутомъ, она сдѣлала движеніе, а я воспользовался имъ, чтобы встать, однако не безъ нѣкотораго труда. Я неопасно ушибся, а бѣдный конь мой совершенно лишился силъ. Прежде всего я сталъ отыскивать собаку и кангуру; мнѣ показалось, что я вижу довольно далеко отъ себя стараго Типа, на небольшомъ возвышеніи. Прихрамывая, я пошелъ къ тому мѣсту, оставивъ лошадь тамъ, гдѣ она упала. Взойдя на холмъ, примѣченный мной издали, я увидалъ собаку и кангуру распростертыми на землѣ; обѣ были живы, но совершенно измучены и не въ состояніи ни нападать, ни бѣжать. Прежде всего я завязалъ платокъ вокругъ шеи собаки, чтобъ она снова не вздумала бѣжать, потомъ сѣлъ, выжидая минуты, когда оба будемъ въ состояніи пуститься въ обратный путь. Спустя нѣсколько минутъ, кангуру подняла голову и осмотрѣлась вокругъ себя. Собака сѣла на заднія лапы и дышала такъ тяжело, какъ будто сердце ея хотѣло выскочить; она не обращала никакого вниманія на своего сосѣда кангуру, употреблявшаго послѣднія усилія, чтобы

встать на ноги, но сдѣлавшаго нѣсколь шаговъ и снова упавшаго. Ступай, старый товарищъ, кричалъ я, какъ-будто она могла меня понять. Ты надѣлалъ намъ много зла, но убить тебя, когда ты не въ силахъ даже спасаться, было бы преступленіемъ. Итакъ добрый путь!

Оно сдѣлало скачокъ, и мы потеряли его изъ виду. Я, лошадь и собака остались вдали отъ всякаго убѣжища, и не знали, по-крайней-мѣрѣ что касается до меня, въ какую сторону намъ держать путь, чтобы соединиться съ нашими друзьями. Типъ могъ ходить только на трехъ лапахъ, я на одной ногѣ, и въ такомъ состояніи мы подошли къ бѣдной лошади, лежавшей все на одномъ мѣстѣ, наклонивъ голову, съ явнымъ образомъ величайшаго унынія. Тогда я принялся искать дороги, по которой надо было отправляться. Вокругъ меня ничего не было, кромѣ деревьевъ и болотъ, какъ и вездѣ въ Австраліи; невозможно было узнать, направо или налѣво находились друзья мои. Однако я вспомнилъ, что мѣсто нашего сборища было у пригорка, около ущелья; но какъ найти къ нему дорогу! Я рѣшился идти сколько возможно по слѣдамъ, оставленнымъ копытами моей лошади, и хотѣлъ поднять ее за узду, но скоро убѣдился что необходимо было ее оставить. Я снялъ сѣдло и мундштукъ, и поставивъ ихъ подъ дерево, пустилъ ее на свободу. Бѣдное животное обращало ко мнѣ безпокойные взоры и, казалось, умоляло не оставлять его. Но я надѣялся, что инстинктъ, конечно приведетъ его къ жилому мѣсту, и былъ увѣренъ, что она повсюду найдетъ изобильный кормъ. Въ Австраліи очень немного плотоядныхъ животныхъ, слѣдовательно, я не боялся, что она будетъ ихъ добычею. Я оставилъ ее. Типъ медленно бѣжалъ возлѣ меня, и повременамъ устремлялъ на меня печальные взоры, какъ-будто сознавая наше печальное положеніе. Послѣ часовой ходьбы, мы очутились передъ огромнымъ болотомъ, и мнѣ показалось что это то самое, изъ котораго мы могли выбраться съ такимъ трудомъ. Повернувъ направо, я шелъ нѣкоторое время по этому направленію, въ надеждѣ обойти болото, но скоро увидалъ, что оно простирается до самыхъ холмовъ, слѣдовательно, надо было отказаться отъ намѣренія обойти его. Солнце уже склонялось къ западу. Мучимый безпокойствомъ, я бросился въ густую траву, покрывавшую эту сырую почву; но она большею частью была покрыта тростникомъ, чрезвычайно густымъ и переплетеннымъ множествомъ вьющихся растеній. И хотя почва болота

была довольно суха и тверда, однако я не могъ пройти сквозь эту преграду, и возвратился назадъ. Между-тѣмъ, темнота начала распространяться вокругъ насъ, и будущность наша становилась все страшнѣе. Мы повернули налѣво отъ болота, и напали на настоящее направленіе, потому-что тотчасъ же избѣгли препятствій и увидали съ другой стороны развертывавшуюся передъ нами обширную равнину, которую скоро прошли. Ходьба возвратила моей ушибенной ногѣ всю прежнюю гибкость; но пока мы дошли до другаго конца равнины, было уже совершенно темно, такъ-что не было возможности различать предметы въ тридцати шагахъ. Безумно было бы идти далѣе. Мы взобрались на лѣсистой пригорокъ по небольшой отлогости. Я сѣлъ, Типъ также усѣлся подлѣ меня, и мы рѣшились сколько возможно терпѣливо ждать утра. Вѣроятно, собака напилась воды изъ болота, потому-что, казалось, не такъ страдала отъ жажды, какъ я. Скоро она заснула, и я завидовалъ ея сну, потому-что впродолженіе долгихъ часовъ не могъ успокоиться ни на минуту. Вѣтеръ со свистомъ поднимался снизу въ верхъ и гудѣлъ между деревьями. Печальнымъ и холоднымъ свѣтомъ мѣсяцъ озарялъ окружающій насъ лѣсъ. Холодный, голодный, умирающій отъ жажды, покрытый царапинами, съ оцѣпенѣвшими членами, я не находилъ ничего утѣшительнаго въ моемъ положеніи, и улегшись на сырой мохъ подъ деревомъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о сухихъ кожахъ кангуру моего прежняго хозяина-сосѣда. Огонь принесъ бы мнѣ большую отраду, но я не имѣлъ, или, по крайней-мѣрѣ, мнѣ казалось, что не имѣю никакого средства развести его. Наконецъ благотворный сонъ снизошелъ на меня. Первые лучи солнца уже начинали освѣщать вершины деревъ, когда я проснулся, совсѣмъ оцѣпенѣлый и вовсе неспособный къ продолжительному пути. Но мнѣ не изъ чего было выбирать, и когда Типъ поднялся на ноги, вытянулся и окончилъ свой длинный зѣвокъ, мы снова пустились въ свой невѣдомый путь. Собака лизала мнѣ руку, какъ будто желая выразить, что не оставитъ меня въ затруднительномъ положеніи. Напрасно старался я заставить ее отыскать дорогу къ моимъ товарищамъ; она не отходила отъ меня. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть; завтракъ вчерашняго дня давно уже прошелъ. Я осмотрѣлся вокругъ; никакого признака обработанности или труда человѣческаго не представлялось моимъ взорамъ. Природа въ Австраліи не производитъ самопроизвольно плодовъ, какъ это бываетъ иног-

да въ другихъ частяхъ свѣта. Туземцы постоянно испытываютъ голодъ, и нѣкоторые путешественники приписываютъ обыкновеннымъ страданіямъ ихъ желудка чрезвычайную худобу рукъ и ногъ, отличающую это племя. Но чтó бы ни было, я принужденъ былъ поститься. Мысли мои были совершенно ясны, и я не испытывалъ никакого припадка умственнаго разстройства, или безумія, которое овладѣваетъ людьми, заблудившимися въ лѣсу. Рѣшившись идти по одному направленію, я отважно пустился въ путь, со вниманіемъ осматривая окрестности, и иногда мнѣ казалось, что по этой самой мѣстности я проходилъ вчера. Но всѣ эти мечты только очевиднѣе доказывали безплодность моихъ усилій, такъ что скоро я снова сталъ сомнѣваться, идти ли мнѣ направо или налѣво, впередъ или назадъ. Однако недостатокъ пищи на открытомъ воздухѣ и послѣ усиленной ходьбы произвелъ во мнѣ головокруженіе. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, я почувствовалъ, что мысли мои начинаютъ путаться среди этой неизмѣримой пустыни. Мысль, что я заблудился, не имѣя никакой точки соединенія, не зная, куда направить шаги, безъ всякаго средства, чтобы на чемъ-нибудь основать свое предположеніе, эта мысль колебала мой разсудокъ. Хладнокровіе оставило меня, мысли закрутились въ вихрѣ неизвѣстности. Съ ужасающею быстротою я приближался къ состоянію, которое если не самое сумасшествіе, то, по-крайней-мѣрѣ, похоже на то, когда человѣкъ, не сознавая причины своихъ дѣйствій, поступаетъ наудачу, какъ лишенный разсудка. Однако, въ этомъ положеніи прежде всего распознаются потребности вещественныя. У человѣка, наслаждающагося полнымъ разсудкомъ, душевныя страданія сжимаютъ желудокъ и уничтожаютъ аппетитъ. Напротивъ, у потерявшаго разсудокъ жизнь животная беретъ верхъ. Слѣдовательно, я прежде всего озаботился удовлетвореніемъ голода, единственное дѣло, которое могло меня серьозно занимать. У меня было ружье и нѣсколько зарядовъ пороху и пуль. Но въ это время, я находился въ обширной равнинѣ, гдѣ невидно было ни одной птички, которую можно было бы застрѣлить. Тогда мнѣ пришла мысль употребить въ дѣло Типа. Я уже испыталъ его усердіе и тонкость чутья, зналъ что онъ будетъ преслѣдовать кангуру до-тѣхъ-поръ пока поймаетъ его. Но принадлежалъ ли онъ къ числу тѣхъ собакъ, которыя, задушивъ дичь, умѣютъ отыскать своего хозяина и привести его на мѣсто, гдѣ осталось животное? я не былъ въ томъ увѣренъ,

хотя это было единственнымъ средствомъ, чтобы не погибнуть отъ голодной смерти; слѣдовать же за собакою при такомъ изнеможеніи нечего было и думать. Еще одна мысль тревожила меня, захочетъ ли Типъ, такъ утомившись отъ вчерашней охоты, теперь гнаться за кангуру? Собравъ все свое мужество, для столь важнаго испытанія, я засвистѣлъ веселую пѣсню, и поставилъ свое ружье на стойку; потомъ, показывая видъ, что отыскиваю на землѣ слѣды дичи, громко и весело закричалъ Типу: «Ну! Типъ, ну же добрая собака, на охоту! за кангуру!» Собака вздрогнула, подняла на меня свои умные глаза и замахала хвостомъ; потомъ, послѣ минутной нерѣшительности, причинившей мнѣ жестокое безпокойство, побѣжала, описывая около меня круги, постепенно увеличивавшіеся, пока исчезла изъ вида. Я сѣлъ на землю; начало сдѣлано, будетъ ли успѣхъ? Это была моя послѣдняя ставка, если я проиграю, то мнѣ оставалось только приготовиться къ голодной смерти въ этой пустынѣ. Послѣ часоваго ожиданія, видя, что собака не возвращается, я подумалъ, что она напала на слѣдъ. Прошло еще два часа, а Типъ все не возвращался. Мысль, что и она меня оставила, встревожила меня, и одиночество все болѣе и болѣе казалось мнѣ ужаснымъ; но я жестоко ошибался, не довѣряя чудесному инстинкту и вѣрности этого животнаго. Къ великой моей радости, Типъ возвратился, подбѣжалъ прямо ко мнѣ и легъ у ногъ моихъ, съ видимымъ утомленіемъ. Я встрѣтилъ его какъ друга, потеря котораго сильно страшила меня; я гладилъ его и ободрялъ голосомъ; потомъ, осмотрѣвъ его пасть, увидалъ, что она окровавлена. Ничто такъ не можетъ возвратить силы человѣку голодному, какъ надежда на предстоящій хорошій обѣдъ. Восхищенный своимъ открытіемъ, я поспѣшно всталъ, сказавъ храброму Типу: «За кангуру, Типъ, за кангуру!» Собака тотчасъ же вскочила, и въ этотъ разъ не отказалась указывать мнѣ дорогу, и пустилась бѣжать во всю прыть, такъ что, несмотря на подстрекавшій меня голодъ, я съ трудомъ могъ слѣдовать за нею. Она вела меня черезъ густой лѣсъ, окружавшій со всѣхъ сторонъ равнину; потомъ мы перешли болото, и вошли въ мѣсто, покрытое холмами и долинами, которыя съ горной высоты или съ вершины дерева, уподоблялись волнамъ морскимъ, гонимымъ сильнымъ вѣтромъ. Типъ удивительно поддержалъ свою славу, и несмотря на усталость, шаги его были тверды, онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей нерѣшимости. Что же

асается до меня, я былъ такъ слабъ и приходилъ въ такое уныніе, то нѣсколько разъ уже хотѣлъ оставить своего охотника. Наконецъ я потерялъ его изъ виду подъ кустомъ, куда онъ пролѣзъ. Вѣтви кустарника были такъ часты, что и я принужденъ былъ пролѣзать на колѣняхъ и на рукахъ. Къ-счастью это было послѣднее мое усиліе. На небольшой прогалинѣ, покрытой свѣжимъ и зеленымъ дерномъ, я нашелъ Типа, вытянувшагося на кангуру, только-что затравленной. Я сѣлъ возлѣ собаки. Зрѣніе мое помутилось, я готовъ былъ лишиться чувствъ. Пришедъ въ себя, я разорвалъ на части дичь, и далъ хорошую часть вѣрному товарищу; потомъ отрѣзалъ нѣсколько ломтиковъ отъ почки, которая составляетъ лучшую часть въ этой дичи. Оставалось только ее изжарить. Ружье доставило мнѣ для этого средство; когда мнѣ удалось развести огонь, я бросилъ въ него окровавленные куски дичи, и потомъ съ жадностью съѣлъ ихъ. Эта пища не только возстановила мои силы, но и возвратила все прежнее хладнокровіе. Я осмотрѣлъ окрестности. Охота за кангуру, очевидно, увлекла меня далеко отъ вчерашнихъ мѣстъ. Чтобы выбраться изъ этой пустыни, оставалось прибѣгнуть къ собственной догадливости; я не могъ уже полагаться на нѣкоторые признаки воспоминанія. Я старался хорошенько вглядѣться въ мѣстность, и съ удовольствіемъ замѣтилъ во ста шагахъ отъ себя верхушку холмовъ, цѣпь которыхъ проходитъ по этой части Австраліи Я находился на правомъ берегу Свана, пересѣкающаго эту цѣпь горъ отъ запада къ востоку. Направляясь къ югу, и постоянно придерживаясь холмовъ, я долженъ дойти до рѣки, и тогда я былъ бы спасенъ. Эта мысль возвратила мнѣ все мужество, и я приготовился, безъ особеннаго сожалѣнія, провести еще ночь въ одиночествѣ, потому-что день уже склонялся къ вечеру. По опыту я узналъ все благодѣяніе, какое приноситъ огонь во мракѣ ночи. Я собралъ большое количество сухихъ вѣтвей, съ помощью которыхъ поддерживалъ огонь, и помѣстился, какъ могъ лучше, у ствола толстаго дерева. Типъ улегся у моихъ ногъ, и я заснулъ. Звѣзды уже изчезали, когда я проснулся. Холодъ проникъ меня насквозь, я поспѣшилъ возобновить огонь. То ложась передъ огнемъ, то прохаживаясь, я наконецъ согрѣлся, и жаренымъ мясомъ кангуру снова подкрѣпилъ свои силы. Когда совсѣмъ разсвѣло, я взялъ столько мяса, сколько могъ нести на себѣ, потомъ надѣлъ ружье на перевязь, и срѣзалъ палку, чтобы опираться

на нее. Типъ угостилъ себя кускомъ дичи, имъ же пойманной, и мы снова пустились въ путь. Я прошелъ пространство, отдѣлявшее меня отъ подошвы холмовъ, безъ всякихъ препятствій. Въ этотъ разъ я уже не колебался въ избраніи дороги. Съ того времени, какъ я заблудился въ пустынѣ, это была первая минута успокоенія. Еще одна мысль нѣсколько тревожила меня, желаніе знать: въ какомъ разстояніи находился я отъ рѣки. Я шелъ въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не теряя изъ виду холмовъ, хотя, по временамъ, различныя препятствія принуждали меня отдаляться отъ нихъ. Около полудня, я остановился отдохнуть, развелъ огонь и поѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Собака моя получила свою долю, и мы опять тотчасъ же пустились въ нашъ трудный путь. Спустя часъ, дорога опять привела меня къ самой цѣпи горъ, которой я придерживался, передъ мною открывалась широкая долина, орошаемая небольшимъ ручьемъ, склонявшимся къ равнинѣ, и еслибы я не зналъ, что въ Австраліи ручьи, большею частью, не соединяются съ рѣками, а рѣки не впадаютъ въ море, но теряются въ землѣ посреди болотъ, то непремѣнно послѣдовалъ бы по теченію воды, въ увѣренности, что она рано или поздно приведетъ меня къ руслу Свана. Мнѣ казалось, что я узнаю эту долину, лежавшую по другую сторону холмовъ, и которая много бы сократила мнѣ дорогу. Неблагоразумно, можетъ-быть, идти по ней и потерять выгоду увѣренности въ своей дорогѣ, слѣдуя по направленію холмовъ; притомъ же скаты и окраины ихъ покрыты были лѣсомъ, между которымъ надо было пробираться, а мнѣ казалось большимъ преимуществомъ идти подъ открытымъ небомъ. Къ-тому же, въ случаѣ нужды, я легко могъ бы возвратиться назадъ. Такимъ-образомъ я рѣшился вступить въ долину. Она шла, постепенно съуживаясь, и оканчивалась въ родѣ бассейна, окруженнаго со-всѣхъ-сторонъ холмами, неочень высокими, но чрезвычайно крутыми. Я былъ непріятно пораженъ, увидавъ, что такой долгій путь привелъ къ безвыходному мѣсту. И въ-самомъ-дѣлѣ, солнце уже начинало склоняться къ западу; не было возможности выдти изъ этого ущелья до наступленія ночи, а я вовсе не имѣлъ охоты провести ночь въ холодныхъ ущельяхъ. Тщетно искалъ я другаго выхода, и наконецъ рѣшился взобраться на одинъ изъ холмовъ, возвышавшихся передо мною. Съ большимъ усиліемъ достигнулъ я вершины; передъ глазами моими развернулась такая неровная мѣстность, какъ-будто море по-

сѣ бури. Все пространство, какое только могъ обнять глазъ съ высоты горы, было покрыто холмами, наброшенными одни на другіе точно волны. Этотъ видъ заставилъ меня отказаться отъ намѣренія пуститься въ ту сторону, и я съ поспѣшностью сошелъ съ горы. Темнота начинала распространяться въ долинѣ; это обстоятельство еще болѣе ускорило мое отступленіе. Я спѣшилъ оставить эти мѣста; но тщетно старался я ускорить шаги. Темнота, усиливавшаяся вокругъ меня, не оставляла никакой надежды выдти на ровное и открытое мѣсто прежде завграшняго дня. Я остановился. Совершенно обнаженная гора, покрытая каменьями, волканическими обломками, вдругъ воздвиглась передо мною, какъ стѣна. Внизу былъ прудъ съ чорною, замершею и неподвижною водою. Я задрожалъ, признавъ необходимость провести въ этомъ мѣстѣ длинные часы третьей ночи. Рѣдкіе кустарники, кой-гдѣ вокругъ меня разбросанные, съ трудомъ доставили мнѣ средство развести огонь. Я поужиналъ съ собакою остатками провизіи. Типъ выказывалъ необыкновенное безпокойство. Время-отъ-времени онъ приподнималъ морду, и всѣ движенія его обнаруживали необычайное волненіе. Противъ обыкновенія, онъ не легъ передъ огнемъ, чтобы заснуть тотчасъ послѣ ужина, а оставался подлѣ меня, едва отвѣчая на мои ласки. Эта странность возбудила во мнѣ страхъ и прогнала сонъ. Первые часы ночи прошли въ жестокомъ безпокойствѣ. Во все это время я держалъ въ рукахъ заряженное ружье, прислушиваясь съ величайшимъ вниманіемъ къ малѣйшему шороху, возвѣщавшему о приближеніи врага.

Никакая опасность не устрашаетъ такъ одинокаго путника, какъ встрѣча съ толпою туземцевъ. Сколько они смирны въ окружности колоніяльныхъ поселеній, гдѣ бдительность полиціи строго слѣдитъ за ними, столько же они страшны въ томъ положеніи, въ какомъ я находился, безъ всякой защиты, кромѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Однако ночь приближалась среди глубочайшаго безмолвія; усталость, наконецъ, побѣдила безпокойство: я заснулъ. Уже давно Типъ, свернувшись, грезилъ объ охотѣ за кангуру. Не знаю, сколько времени продолжался мой сонъ, но я былъ разбуженъ воемъ собаки. Вскочивъ въ одно мгновеніе, я увидалъ Типа, который, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимался ко мнѣ. Уже разсвѣло, но какая-то тѣнь, казалось, легла между солнцемъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я находился. Я посмотрѣлъ вверхъ и увидалъ орла необычайной величины

парившаго надо мною, и, казалось, готоваго броситься на меня. Я уже бывалъ свидѣтелемъ, какъ орлы похищаютъ барановъ. Они бросаются на бѣдное животное и впиваются когтями въ ихъ шерсть; клювомъ вырываютъ имъ глаза, и съ легкостью уносятъ ихъ потомъ въ свое гнѣздо. Страхъ подобной участи невольно заставилъ меня поднести руку къ глазамъ. Впрочемъ страхъ мой, конечно, не былъ преувеличенъ, никогда я не подвергался большей опасности; мнѣ казалось, что я уже слышу надъ собою шумъ крыльевъ страшной птицы. Въ ужасѣ я махалъ палкой по воздуху, чтобы не допустить ее. Взглянувъ опять вверхъ, я увидалъ еще другаго орла, который, описывая круги надъ первымъ, казалось, былъ готовъ помогать ему въ нападеніи. Тогда я понялъ, что остановился у подошвы горы, гдѣ находились гнѣзда этихъ хищныхъ птицъ, пришедшихъ въ негодованіе отъ моего присутствія у пруда, куда, обыкновенно, онѣ приходили утолять жажду. Изъ предосторожности, пользу которой я тогда почувствовалъ, я не снялъ съ себя ружья, когда ложился спать; оно было перекинуто черезъ мое плечо. Я тихо снялъ его, и сдѣлалъ два выстрѣла въ своихъ враговъ. Они испустили страшные крики, и поднялись немного выше, но все продолжая летать надо мною. Ужасъ до такой степени овладѣлъ умомъ моимъ, что я бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, куда глаза глядятъ. Такимъ-образомъ я бѣжалъ болѣе четверти часа, и наконецъ остановился, задыхаясь отъ усталости. Усиленная ходьба въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, послѣ ужасной ночи, проведенной мною въ борьбѣ съ волнами, совсѣмъ лишила меня силъ и мужества. Мои уже больныя ноги до такой степени распухли, что малѣйшее прикосновеніе къ каменьямъ заставляло меня испытывать жесточайшія страданія. Наступала минута, когда я уже не могъ болѣе двигаться. Кромѣ того, я чувствовалъ голодъ, а провизія моя вся вышла еще наканунѣ. Захочетъ ли Типъ опять гнаться за дичью, а въ случаѣ, еслибы онъ затравилъ, въ состояніи ли я буду слѣдовать за нимъ до мѣста, гдѣ онъ настигнетъ дичь? Всѣ эти размышленія пришли мнѣ въ голову, когда я въ унынiи упалъ на землю. Къ довершенію несчастія, Типъ, еще наканунѣ чрезвычайно утомленный продолжительностью нашего пути, вдругъ ушелъ отъ меня, не обращая никакого вниманія на мои призывы. Я былъ убѣжденъ, что и онъ меня оставилъ, и я теперь одинъ въ этой пустынѣ, лишенный всякой помощи. Нельзя

имѣть понятія, до какой степени слабости, печаль и отчаяніе могутъ довести человѣка самаго энергическаго. Глубоко проникнутый чувствомъ своего отчаяннаго положенія, и безполезностью усилій выйти изъ него, я принялся кричать. Тотчасъ же мнѣ отвѣчали такимъ же крикомъ, и почти въ то же время на вершинѣ одного холма появилось нѣсколько туземцевъ въ сопровожденіи Европейцевъ, которые бѣжали мнѣ навстрѣчу, махая шляпами, испуская радостные крики. Впереди ихъ находились мои братья. Симонъ прыгнулъ мнѣ на шею, Мелибей неменѣе дружески обнялъ меня. На щекахъ его блистали слезы, слѣды его чувствительности.

— Я всего ожидалъ въ этой проклятой сторонѣ, воскликнулъ онъ. Когда-нибудь стадо наше разграбятъ, ферму сожгутъ, мы совсѣмъ разоримся; но это превосходитъ уже все, чтò только я могъ вообразить. Надѣюсь, что послѣ такого испытанія мы недолго останемся въ Австраліи.

Я не отвѣчалъ. Видъ друзей моихъ произвелъ во мнѣ такое волненіе, что я лишился чувствъ. Надо сказать, что Типъ первый явился ко мнѣ съ поздравленіями. Онъ оставлялъ меня для того только, чтобы побѣжать навстрѣчу искавшимъ меня. Симонъ заставилъ меня выпить водки, это было самое лучшее лѣкарство изъ всѣхъ предписанныхъ имъ. Водка возвратила мнѣ силы, я могъ слѣдовать за своими избавителями. При выходѣ изъ лабиринта горъ, въ которыхъ я заблудился, мы нашли лошадей подъ надзоромъ Аннибала, всегда вѣрнаго принятому имъ правилу имѣть какъ можно менѣе движенія и труда. Дорóгой я узналъ, какъ совершилось мое освобожденіе. Туземцы шли по моимъ слѣдамъ съ вѣрностью взгляда, отличающаго жителей пустынь. Они нашли лошадь, пасущуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ я ее оставилъ. Всѣ извѣстія, передаваемыя ими братьямъ моимъ, по мѣрѣ того, какъ они открывали слѣды моего пребыванія въ пустынѣ, оказались совершенно вѣрными. Я кружился въ этихъ мѣстахъ въ-продолженіе четырехъ дней, и отошелъ только на двѣ мили отъ мѣста, гдѣ оставилъ друзей, чтобы поохотиться за кангуру по слѣдамъ Типа. Во все это время я блуждалъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ могъ бы остаться навсегда. Нѣсколько дней попеченій и отдыха совершенно возстановили мои силы, такъ-что, спустя немного времени, я могъ уже участвовать въ новыхъ увеселеніяхъ. На новой землѣ Австраліи все скоро приходитъ въ дикое и невоздѣланное со-

стояніе. Если нѣсколько дней вы не станете очищать вашъ садъ, то онъ опять покроется первобытною растительностью. Тамъ, гдѣ вы прежде видѣли аллеи, усыпанныя пескомъ, цвѣтники, наполненные цвѣтами, чудный дернъ, теперь только густой кустарникъ переживишихся растеній. То же самое можно сказать и о животныхъ. Разведеніе стадъ, составляющихъ главную промышленость колонистовъ, соединяетъ иногда нѣсколько тысячъ головъ скота въ одномъ владѣніи. Блуждая на свободѣ по неимовѣримымъ лугамъ пустыни, эти животныя неприступны, никто не осмѣлится приблизиться къ нимъ, а потому за своими быками надо ходить на охоту, какъ за кангуру. Надо долго ѣхать, выдержать настоящую борьбу, чтобы выдоить изъ коровы чашку молока. За нею гонятся, загоняютъ ее за перегородку, окруженную крѣпкимъ заборомъ изъ кольевъ, и пока она съ яростью силится преодолѣть это препятствіе, на рога ея накидываютъ петлю, и потомъ нѣсколько человѣкъ силятся затянуть веревку, какъ-будто дѣло идетъ о поднятіи реи. Тогда только удается выдоить изъ нея нѣсколько капель молока, и то подвергаясь опасности получить ударъ копытомъ или рогами. Дворовыя птицы неменѣе дики. Въ этой удивительной сторонѣ, чтобы убить гуся, надо употребить въ дѣло ружье, чтобы достать кусокъ ростбифа, надо вооружиться какъ на войну, пистолетами, ножами, карабинами. Совсѣмъ-тѣмъ, этотъ родъ охоты имѣетъ много смѣшнаго и всегда доставляетъ охотникамъ случай къ грубой веселости. Однажды намъ понадобилось нѣсколько штукъ скота изъ многочисленныхъ стадъ дикихъ быковъ, пасшихся на лугахъ, на разстояніи одного дня на югъ отъ нашей фермы. Я, братья и еще нѣсколько знакомыхъ согласились охотиться вмѣстѣ. Мы заботились о нашихъ приготовленіяхъ въ-продолженіе цѣлаго дня. Тележка, запряженная быками, была полна огнестрѣльнымъ оружіемъ, тыквенными бутылками съ водкою, всякою провизіею, плащами и одѣялами. Мы пригласили двухъ дикарей быть нашими проводниками, и оба они съ своими женами и дѣтьми прошатались бóльшую часть дня около моего магазина, безпечно смотрѣли на наши приготовленія и спали на солнцѣ, лѣнивые какъ свиньи, но еще грязнѣе ихъ. Вечеромъ они взяли съ собою хлѣба и отправились съ намѣреніемъ спать на дорогѣ, чтобы мы могли ихъ нагнать. На другой день, съ разсвѣтомъ мы были ужъ на коняхъ; когда мы проѣзжали безмолвныя улицы, Мелибей находилъ удоволь-

ствіе потревожить сонъ мирныхъ жителей, трубя въ охотничій рогъ; другіе забавлялись дѣлая разныя восклицанія собакамъ, которыхъ не было. Въ этомъ случаѣ Мелибей, какъ главный управляющій нашихъ стадъ, занималъ чрезвычайно важное мѣсто. Къ тому же онъ пріобрѣлъ совершенно отличительный талантъ въ искусствѣ обдирать кожу съ убитой скотины. Вотъ къ чему привели его классическія науки. Скоро мы переѣхали черезъ деревянный мостъ и въѣхали въ лѣсъ, походившій на англійскій паркъ: мѣстоположеніе ровное, деревья высокія и правильныя, тамъ-и-сямъ разбросаны цвѣтущіе кустарники и высокая трава, куда пряталась при нашемъ приближеніи цѣлая толпа ящерицъ. Въ сѣверной части Австраліи встрѣчаются ящерицы въ пять футовъ длины; но въ здѣшней сторонѣ попадаются игуаны, небольшія ящерицы отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ длины; онѣ имѣютъ плоскую голову, широкую пасть и едва примѣтное основаніе хвоста; онѣ совершенно безвредны и питаются только муравьями и насѣкомыми, скрываются въ травѣ, такъ что ихъ не видно, кромѣ высунутаго языка, похожаго на лепестокъ розоваго или алаго цвѣта; мухи спѣшатъ сѣсть на этотъ обманчивый цвѣтокъ, покрытый клейкою слюною, лапки ихъ липнутъ къ нему, а онъ влечетъ ихъ къ неизбѣжной гибели. Мы уже нѣсколько часовъ были въ дорогѣ, когда увидали ферму. Одинъ изъ насъ сталъ трубить въ рогъ. Хозяинъ поспѣшно вышелъ къ намъ навстрѣчу съ тремя сыновьями — молодцами. Завтракъ скоро былъ приготовленъ въ большой залѣ, лошадей же нашихъ отвели въ поле, покрытое трилистникомъ. Послѣ утренней прогулки, завтракъ — чудесная вещь; кромѣ хорошаго аппетита, всегда находишься въ веселомъ расположеніи духа. Полдюжины лягавыхъ собакъ, привлеченныхъ стукомъ вилокъ и пріятнымъ запахомъ, распространявшимся изъ кухни, собрались около двери и, казалось, совсѣмъ не одобряли эгоизма завладѣвшихъ обѣдомъ. Жалобный визгъ возобновлялся всякой разъ, когда приносили на столъ новое подкрѣпленіе котлетъ или жареную свинину. Одна только собака была допущена къ столу; но то была заслуженая собака; во-время неурожая, она приносила своему хозяину въ недѣлю пять ливровъ доходу, ловя ему кангуру для продажи на фрементльскомъ рынкѣ, и съ-тѣхъ-поръ всегда сидѣла по правую руку своего господина. Время отъ времени, ей давали по куску, который она принимала съ приличною благопристойностью и важностью. Окончивъ завтракъ, мы

снова пустились въ путь, въ сопровожденіи сыновей нашего хозяина. Мы выѣхали въ песчаныя мѣста, и перебравшись черезъ послѣдній холмъ, вступили наконецъ въ равнину. Скоро мы попали на слѣды нашей телѣги, и стали звать; намъ отвѣчали. Руководимые звуками голосовъ и столбомъ дыма, возвышавшагося надъ деревьями, мы скоро нашли нашего слугу и туземцевъ, строившихъ шалашъ, гдѣ мы должны были провести ночь. Недалеко отъ насъ, три жены туземцевъ съ дѣтьми лежали вокругъ огня, и привѣтствовали насъ пронзительными криками. Первою нашею заботою было разсѣдлать лошадей, напоить и пустить пастись на свободѣ; потомъ мы подумали уже о себѣ; каждый изъ насъ взялъ съ телѣги свой свертокъ съ платьемъ и одѣялами, развязалъ его въ шалашѣ и приготовилъ себѣ постель по своему вкусу; старательно осмотрѣвъ всѣ щели, въ которыя могъ бы проникнуть вѣтеръ ночью, мы заткнули ихъ широкими листьями или корою. Жилище наше было готово, и найдено превосходнымъ; солнце уже скрывалось за горизонтъ, надобно было подумать объ ужинѣ. Открыли ящики и вынули оттуда холодное жаркое, языки, ветчину и пирогъ; сосиски—самое чудное кушанье послѣ ѣзды по лѣсамъ,—и каждый жарилъ свою порцію, воткнувъ на конецъ длинной палочки. Можно судить, сколько смѣху и шутокъ возбуждала неловкость несчастнаго, ронявшаго въ огонь лучшую часть своего ужина. Солнце уже зашло, когда мы пили чай; сумерки здѣсь очень коротки, такъ что вскорѣ насъ освѣщалъ только огонь. Пѣсни и разговоры мало-по-малу утихали, потомъ совсѣмъ прекратились, и всѣ заснули. Я всталъ въ полночь; всѣ товарищи мои спали; я еще подложилъ дровъ на огонь, и онъ снова запылалъ. Дикари столпились подъ свой вигвамъ, имѣющій величину и форму открытаго большаго дождеваго зонта, стоящаго на своей ручкѣ; небольшій кругъ свѣта, посреди котораго я находился, казался волшебнымъ кольцомъ. Тутъ я находился въ спокойствіи и безопасности, но кто могъ бы поручиться, что вокругъ этого огненнаго круга не бродилъ какой-нибудь злой и печальный духъ? Напрасно взоръ мой старался проникнуть во мракъ лѣса, воображеніе населяло его движущимися тѣнями, и въ каждомъ стволѣ дерева, на которое падалъ свѣтъ, представлялось привидѣніе. Я съ жадностью прислушивался къ малѣйшимъ звукамъ пустыни, и мнѣ мерещилось, что я слышу громкій хохотъ и вопли ужаса, приносимые вѣтромъ съ подножія холмовъ.

Адскіе духи кажутся естественными товарищами дикарей, язычниковъ; печальная и пустынная страна, проходимая только днемъ, и то очень рѣдко, туземцами, неимѣющими ни ума, ни мужества, такая страна не должна ли служить любимымъ пребываніемъ злаго духа! Туземцы, лежа подъ своими кожами изъ кангуру, прижавшись другъ къ другу въ испугѣ, часто видятъ исполинскаго chingé, мрачнаго и дикаго, расхаживающаго по холмамъ, между-тѣмъ, какъ луна робко скрывается за тучею облаковъ. Въ эту ночь однако не было луны, и слѣдовательно, я не могъ видѣть chingé; ни одинъ звукъ не потревожилъ безмолвія лѣса, развѣ изрѣдка слышалось ржанье нашихъ лошадей, когда онѣ находили песокъ. Съ желаніемъ встрѣтить духовъ, которымъ пришла бы охота появиться, я пошелъ къ лошади, но она преспокойно спала; я оставилъ ее на свободѣ мечтать объ овсѣ и ячменѣ завтрашняго дня и возвратился на свое ложе. Видъ нашего кочевья, котораго половина скрывалась въ темнотѣ, былъ чрезвычайно живописенъ; пламя освѣщало каждый предметъ: телѣга, въ половину выгруженная, узлы, наваленные на землѣ, шалашъ, укрывавшій спящихъ, лягавыя собаки, вытянувшіяся передъ огнемъ, это были самые близкіе предметы; позади же шалаша завѣса деревьевъ, на листьяхъ которыхъ отражались всевозможные оттѣнки. Мы встали до разсвѣта, и вскочивъ на коней, пустились за своей добычей. Наши путеводители вскорѣ подали намъ знакъ слѣдовать за ними въ молчаніи. Проѣхавъ нѣсколько миль, мы явились передъ густымъ maquis, сквозь который быки проложили себѣ дорогу. Сквозь maquis можно было видѣть утесы и луга, покрытые мягкою нѣжною травою, привлекавшею стадо. Мы ѣхали то по обнаженному утесу, то по землѣ, покрытой широкими камнями, на которыхъ невидно было никакого слѣда; но дикари всегда находятъ слѣдъ скота. Послѣ труднаго двухъчасоваго пути, одинъ изъ Австралійцевъ остановилъ насъ, и мы увидали за кучею деревъ около дюжины быковъ. Они уже предугадывали опасность и осматривались кругомъ; одинъ изъ дикарей взялъ мое двуствольное ружье и поползъ на рукахъ и колѣняхъ по травѣ, между-тѣмъ какъ мы съ осторожностью шли вдоль лѣса.

Стадо состояло изъ огромнаго чернаго быка, дюжины коровъ и нѣсколькихъ телятъ. Быкъ медленно приближался къ намъ, мыча и потрясая головою и жилистою шеею, на которой развивалась чорная

грива; дикарь выстрѣлилъ прежде, нежели быкъ подошелъ на ружейный выстрѣлъ; быкъ вдругъ остановился, какъ-будто пораженный удивленіемъ, потомъ, по нѣкоторомъ размышленіи, возвратился назадъ къ своимъ самкамъ. Тогда все стадо стало медленно проходить равнину, имѣвшую цѣлую милю ширины. Мы съ жаромъ бросились ихъ преслѣдовать, и Мелибей, закричавъ, чтобы мы за нимъ слѣдовали, поскакалъ вправо отъ стада, надѣясь какимъ-нибудь искуснымъ маневромъ опередить животныхъ и перерѣзать имъ дорогу. Но лишь только онъ скрылся, быкъ остановился, потомъ пошелъ черезъ равнину по другому направленію.

Я оставался назади, и потому только одинъ видѣлъ новое движеніе непріятеля. Желая быть первымъ въ стычкѣ, я пустился по прямому направленію за стадомъ, не дождавшись своего ружья, съ одними пистолетами, находившимися въ чушкѣ. Быкъ и коровы, бѣжавшіе рысью, пустились вскачъ, когда увидали, что я гонюсь за ними. Я боялся, чтобы они не успѣли перебѣжать равнину и скрыться въ густотѣ лѣса, и для того поскакалъ во всю прыть. Черезъ нѣсколько минутъ, я уже обогналъ стадо, и старался заставить его отступить назадъ, но оно не перемѣняло своего направленія, и прошли бы кажется сквозь цѣлый полкъ пѣхоты, еслибы встрѣтили его на дорогѣ. Я объѣхалъ быка, бѣжавшаго впереди и очутился посреди стада. Я былъ совершенно увѣренъ въ своей лошади и въ своемъ искусствѣ управлять ею, и понялъ, что могъ бы убить любое животное, но мнѣ недоставало ружья, чтобы напасть съ одними пистолетами на такого огромнаго быка, какъ этотъ и потому я ограничилъ свое честолюбіе одною коровою. Мы уже миновали равнину, быкъ вошелъ въ лѣсъ, остальные слѣдовали за нимъ, когда я вздумалъ остановить отставшую корову, и удержать ее на равнинѣ; она не поворачивала головы, и потому я прицѣлился прямо въ глазъ; выстрѣлъ мой попалъ ей только въ щеку, но я успѣлъ отдѣлить ее отъ стада. Въ это мгновеніе четыре смѣлыя, сильныя и быстрыя лягавыя собаки, сопутствовавшія намъ, увидя, что я серьозно завязалъ борьбу съ однимъ изъ животныхъ, бросились на несчастную корову, кусая ее за морду и за бока.

Страшно было смотрѣть на этихъ четырехъ благородныхъ собакъ, съ остервенѣніемъ нападавшихъ на могучее животное, которое, не

останавливаясь, по временамъ наклоняло голову и обороняясь отъ непріятелей рогами. Представился опять случай выстрѣлить, но пуля едва задѣла кожу. Я снова зарядилъ пистолетъ, и выстрѣлилъ съ большимъ успѣхомъ; корова стала идти гораздо медленнѣе. Въ это мгновеніе товарищи присоединились ко мнѣ, и съ громкими восклицаніями стали охотиться; корова бросилась въ лѣсъ, гдѣ кустарники были довольно высоки, чтобы скрыть лошадей и охотниковъ, но это насъ не остановило, мы нашли корову на краю грязной лужи; собаки лаяли вокругъ нея; она была вся въ пѣнѣ, крови и грязи, и защищалась съ яростью; когда мы приблизились къ ней, она однимъ прыжкомъ повалила нѣсколько собакъ, и бросившись на передоваго всадника, подняла лошадь на рога, и повалила ее на землю, мы всѣ залпомъ выстрѣлили въ нее, что не помѣшало ей, однако, броситься на меня; но я успѣлъ увернуться, и она упала въ истощеніи.

Все это можетъ показаться очень дикимъ; но въ настоящую минуту борьба была исполнена сильныхъ ощущеній; къ-тому же извѣстно, что во-время охоты человѣкъ жаждетъ крови Мы съ жаромъ преслѣдовали бѣдное животное, пробѣжавшее, по-крайней-мѣрѣ, пять миль, и съ такою быстротою, что наши лошади, покрытыя пѣною, задыхались и дрожали всѣмъ тѣломъ. Отдохнувъ нѣсколько времени, мы возвратились на наше кочевье, неся хвостъ какъ трофей. Вечеромъ двое изъ насъ поѣхали въ телѣгѣ за коровой; бо́льшая часть мяса была посолена искусною рукою Мелибея, занимавшагося исполненіемъ своей обязанности съ такою важностью, что онъ въ жару забылъ проклинать колонію по своему обыкновенію. Мы такъ устали, что тотчасъ же заснули по окончаніи дня.

На другой день утромъ дикарь возвѣстилъ намъ, что стадо пасется въ оврагѣ, въ четырехъ миляхъ отъ насъ. Мы принуждены были идти пѣшкомъ, потому-что не было возможности ѣхать на лошадяхъ. Мы уже приближались къ лѣсу, какъ вдругъ дикарь, шедшій впереди, остановился; мы сдѣлали то же, сами не зная для чего; онъ тихо подошелъ къ намъ, безъ всякихъ церемоній взялъ мое ружье, и сказавъ, чтобъ мы не трогались съ мѣста, поползъ къ кустарнику. Посмотрѣвъ по этому направленію, мы увидали въ двухъ стахъ метрахъ отъ себя небольшую прогалину, гдѣ шесть индѣекъ клевали кормъ. Дикарь проскользнулъ между кустарниками, и мы его поте-

рали изъ виду. Однако намъ показалось, что индѣйки испугались; они вытянули свои длинныя шеи, и осматривались кругомъ, какъ встревоженные часовые. Ну, убѣгутъ, говорили мы; но когда они принялись бѣжать съ необыкновенной быстротою, одна изъ нихъ замахала крыльями и упала, а ружейный выстрѣлъ возвѣстилъ победу Миго. Мы всѣ бросились, радостные какъ школьники, убившіе перваго воробья, и нашли дикую птицу уже въ рукахъ Индѣйца, котораго чорное лице блистало гордостью.

Мы снова отправились въ путь, и съ холма спустились въ оврагъ, гдѣ надѣялись найти быковъ; но оврагъ былъ пустъ; тогда мы взошли на другой холмъ, и пройдя его, очутились въ новой долинѣ, гдѣ и увидали стадо, пасшееся въ совершенной безопасности. Мы старались какъ можно тише, приблизиться къ нимъ; но у этихъ животныхъ такое тонкое чутье, что они слишкомъ скоро отгадали опасность и убѣжали изъ долины, прежде нежели мы успѣли дойти до нихъ. Тогда и мы разбѣжались въ разныя стороны, для того, чтобы обогнать ихъ, или перерѣзать имъ путь. Въ сопровожденіи Миго, считавшаго мое ружье за лучшее, потому-что оно убило индѣйскаго пѣтуха, я бѣжалъ болѣе получасу, ничего не видя; ружейный выстрѣлъ и громкій крикъ подали мнѣ сигналъ; минуту спустя мы услыхали трескъ вѣтвей, и увидали шесть коровъ и двухъ или трехъ телятъ, пролагавшихъ себѣ дорогу къ холму, находившемуся въ довольно далекомъ разстояніи отъ насъ.

— Зачѣмъ ты не прячешься за дерево? гнѣвно сказалъ дикарь, толкая меня съ грубостью, чтобы заставить скорѣе принять надлежащее положеніе.

Вдругъ молодой быкъ, у котораго рога едва начинали пробиваться, выбѣгаетъ, какъ сумасшедшій, изъ-за деревъ, не зная куда броситься отъ страху. Въ то время, какъ онъ поворачивалъ головою, я выстрѣлилъ; онъ упалъ на колѣна, пораженный въ плечо; въ одну минуту Миго вскочилъ на него, и ударомъ своего каменнаго молотка положилъ его замертво. Я испустилъ торжественный крикъ побѣды, на который отвѣчали такимъ же восклицаніемъ, одинъ изъ нашихъ возвѣстилъ мнѣ, что убилъ чудесную корову и разсѣялъ стадо. Быкъ и нѣсколько коровъ ушли изъ долины на равнину. Вскорѣ вся толпа охотниковъ, кромѣ Мелибея, собралась вокругъ чорной прекрасной коровы, которая очевидно была дойная,

и теленокъ, убитый мною, вѣроятно, ей принадлежалъ. Всѣ спрашивали другъ у друга, гдѣ Мелибей, присутствіе котораго было необходимо, чтобы раздѣлить на части убитыхъ животныхъ; одинъ изъ нашихъ услыхалъ звукъ его ружья внизу долины; мы принялись кричать во все горло и звать его; вскорѣ онъ отвѣчалъ намъ едва слышнымъ призывомъ. Мы бросились по тому направленію, откуда слышался голосъ, и чрезъ десять минутъ гораздо явственнѣе услыхали голосъ Мелибея, а вмѣстѣ и ревъ быка. Зарядивши ружья, мы осторожно подошли и увидали огромнаго быка съ яростнымъ ревомъ взрывавшаго землю копытами и рогами. Радостное восклицаніе заставило насъ устремить взоры на вѣтви одного дерева, гдѣ съ великимъ трудомъ укрывался несчастный Мелибей, въ небольшомъ разстояніи отъ быка. Яростное животное падало даже иногда на колѣна ломая и уничтожая какую-то вещь; въ этой вещи мы съ трудомъ могли узнать ружье моего бѣднаго брата.

— Онъ сильно раненъ, кричалъ Мелибей; стрѣляйте и не бойтесь ничего.

Но мы выстрѣлили уже, не ожидая его совѣта, и замертво положили животное, которое послѣ слабыхъ усилій броситься на насъ, протянулось, чтобы не вставать уже болѣе, а первый его непріятель Мелибей, спустившись съ своего насѣста, бросился къ остаткамъ ружья, осыпая страшными проклятіями быка, и утолялъ гнѣвъ свой, отплачивая пинькали убитому врагу. Красная его блуза, доходившая теперь только до лядвей, не могла скрыть широкой дыры изорваннаго нижняго платья и лохмотьевъ окровавленной рубашки.

Бѣдный Мелибей бывалъ часто предметомъ нашихъ шутокъ, но никогда онъ такъ не страдалъ, какъ теперь, и считалъ себя счастливымъ, когда въ объятіяхъ Морфея могъ забыть свое горе.

Во все продолженіе нашей охоты, нельзя было не замѣтить отсутствія моего брата, доктора. Со времени прибытія одного семейства, поселившагося по сосѣдству съ нашей фермой, Симонъ сталъ задумываться и грустить. Чтó касается до меня, я не видалъ ничего печальнаго въ этомъ сосѣдствѣ, оживлявшемъ наше уединеніе. Наши сосѣди были люди очень услужливые, а у дочки ихъ Бетси были чудесные глазки и премиленькій голосокъ. Часто случалось вечеромъ, мы пили чай съ сосѣдями, а она садилась за фортепіано и пѣла намъ разные романсы. Симонъ и Мелибей вдругъ сильно пристрастились къ му-

зыкѣ, и когда раздавался голосокъ миссъ Бетси, они другъ передъ другомъ начинали испускать глубокіе вздохи. Тогда, мнѣ казалось, они очень походили на раздувальные мѣхи у органа.

Какъ бы то ни было, Симонъ не хотѣлъ принять участія въ преслѣдованіи стада, онъ ушелъ отъ насъ, и цѣлый день мы не видали его. Я нисколько не безпокоился о немъ, зная, что онъ слишкомъ разсудителенъ для того, чтобы заблудиться въ лѣсахъ, и думалъ, что онъ удалился куда-нибудь въ сторону, чтобы на просторѣ припомнить какую-нибудь пѣсенку, которая, безъ сомнѣнія, особенно ему понравилась. Вотъ мы и усѣлись ужинать безъ него; но онъ явился въ половинѣ ужина, и его единодушно привѣтствовали прозваніями «мрачнаго красавца» и «князя лѣнтяя.»

Задѣтый за живое, онъ воскликнулъ:

— Господа, я встрѣтилъ туземцевъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ насъ навострить уши, а Симонъ, утоляя свой аппетитъ, нимало неуменьшившійся отъ внезапной страсти къ музыкѣ, началъ такъ повѣствовать о провожденіи дня своего, среди внимательныхъ слушателей.

Я сѣлъ на лошадь, говорилъ онъ, и отправился, куда глаза глядятъ; я заснулъ бы, еслибы не мухи, безъ умолку жужжавшія вокругъ лица и ушей моихъ; чѣмъ больше день подвигался, тѣмъ нестерпимѣе дѣлался этотъ бичъ лѣсовъ Австраліи; тревожно и гнѣвно бился конь мой, да и самъ я, правду сказать, не очень былъ въ веселомъ расположеніи духа. Поднялась страшная пыль; губы мои и языкъ сохли отъ жгучей жажды. Со всѣхъ сторонъ искалъ я длинныхъ рядовъ мимозъ, возвѣщающихъ усталымъ путникамъ о потокахъ воды; но повсюду глаза мои встрѣчали только безводный лѣсъ. Конь мой былъ добычею такихъ же страданій, и такъ тяжело дышалъ, какъ-будто каждую минуту готовъ былъ повалиться.

А день дѣлался все жарче и жарче. Каждую минуту я ожидалъ, что истощенная лошадь моя упадетъ, а кругомъ видѣлъ только изсохнувую землю и не встрѣчалъ ничего, что̀ прервало бы это страшное однообразіе. Я терялъ уже надежду найти возможность покормить лошадь и самому освѣжиться, когда длинный рядъ зеленыхъ деревъ представился моимъ глазамъ. Только тотъ, кто самъ былъ томимъ жаждою, можетъ понять, какое мученіе она причиняетъ. Я ускорилъ

шаги, и дойдя до маленькой речки, пилъ до-тѣхъ-поръ, пока утолилъ страшную жажду, томившую меня, потомъ вымылъ лицо и руки, что очень освѣжило меня.

Я развелъ огонь, открылъ небольшой мѣшокъ, который носилъ за спиною, вынулъ мѣдный чайникъ и сталъ кипятить воду, чтобы сдѣлать себѣ чай. Сначала я такъ былъ занятъ приготовленіями завтрака, что не успѣлъ оглядѣться вокругъ себя. Теперь же, пока вода согрѣвалась, я усѣлся возлѣ огня и сталъ осматривать мѣстность. Надо мною могучій eucalyptus распростиралъ свои широкія вѣтви, покрытыя густою зеленью; рѣка обрамливалась развѣсистыми мимозами; тамъ и сямъ прямое и величественное чайное дерево возвышалось надъ всѣми другими деревьями; вдали множество цвѣтущихъ кустовъ и кустарниковъ устилали землю, и лѣсъ уподоблялся великолѣпному саду. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого очаровательнаго зрѣлища. Другой берегъ, куда я устремилъ глаза, былъ высокъ, но некрутъ; скатъ незамѣтно спускался почти въ уровень съ водою, мирно протекавшею между двумя рядами зеленыхъ деревьевъ.

Подъ тѣнью огромнаго дерева лежалъ дикарь, устремивъ глаза на небо; онъ былъ такъ неподвиженъ, что сначала я думалъ, что онъ спитъ, и только тогда былъ выведенъ изъ заблужденія, когда увидалъ, что онъ раза два смахнулъ съ лица муху, его безпокоившую. Я позвалъ его и сдѣлалъ ему знакъ подойти ко мнѣ, что онъ тотчасъ и исполнилъ. Я былъ пораженъ его благороднымъ видомъ. Дикари обоихъ половъ, достигши извѣстнаго возраста — исключеній очень мало — дряхлѣютъ, покрываются морщинами и дѣлаются страшно безобразны. Физическія и моральныя способности принимаютъ здѣсь такое быстрое развитіе, кажется, для того только, чтобы подвергнуться преждевременному разрушенію. Дикари, достигшіе тридцати или тридцати пяти лѣтъ, теряютъ свою легкую и свободную поступь; ихъ волосы, чорные какъ смоль, сѣдѣютъ и дѣлаются рѣдки; черты лица сжимаются, физіономія теряетъ всякое выраженіе, кромѣ выраженія глупости или хитрости. Всѣ вы могли тоже самое замѣтить. Изученія, необходимыя въ моемъ званіи, доставили мнѣ доказательства этой преждевременной старости.

Но не таковъ былъ мой новый знакомецъ: онъ имѣлъ благород-

ную и умную наружность; подошедши ко мнѣ съ величественною важностью, онъ пожалъ мнѣ руку.

Я спросилъ, далеко ли отъ него кочуетъ его племя; онъ отвѣчалъ, что на разстояніи двухъ миль, прибавивъ, что племя его сильно, что въ немъ считается до пятисотъ воиновъ, а онъ предводитель ихъ. Люди его отправились на охоту, а онъ, слѣдуя природной наклонности, созерцалъ красоты мѣстоположенія, гдѣ мы находились. Имя его было Данадана; отецъ его былъ великимъ начальникомъ, и племя его существовало уже многіе годы, и онъ объяснялъ это тѣмъ, что нѣсколько разъ поднималъ къ верху свои десять пальцевъ, какъ бы желая тѣмъ показать, что не десятками можно считать эти годы существованія. Онъ сказалъ, что племя его благоденствуетъ, что кочевье его изобилуетъ мясомъ и рыбою, и что когда злые чорные люди селились на ихъ охотничьей землѣ, то ихъ убивали.

— Такъ ты любишь смотрѣть на все это, Данадана? спросилъ я, постепенно указывая рукою на рѣку, облака и солнце.

— Да, отвѣчалъ онъ, чорный начальникъ любитъ сидѣть здѣсь и смотрѣть, сидѣть и все смотрѣть; онъ не любитъ охоты съ тѣхъ поръ, какъ его возлюбленная умерла; онъ любитъ приходить сюда и сидѣть. Возлюбленная его придетъ когда-нибудь сюда, переселившись въ бѣлую женщину, для того, чтобы выйти замужъ за бѣлаго человѣка. Начальнику пріятно было бы видѣть ее, но для него жестоко, что она выйдетъ за бѣлаго человѣка.

Дѣйствительно, дикари воображаютъ, что души чорныхъ по смерти переселяются въ тѣла бѣлыхъ людей, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ возвращаются къ мѣсту своего рожденія. Они думаютъ также, что всѣ бѣлые были нѣкогда чорными, и что по смерти они посылаются въ страну невѣдомую, гдѣ снова дѣлаются чорными. Многіе изъ нихъ считаютъ Ван-Дименову землю за страну духовъ.

Когда онъ раздѣлилъ со мною обѣдъ, я всталъ, и цѣлыя полмили шелъ вмѣстѣ съ индѣйскимъ начальникомъ. Дорогою я собралъ нѣсколько чудесныхъ образцовъ ископаемыхъ, которые совсѣмъ нерѣдки въ этой части Австраліи. Любопытствуя узнать, какого мнѣнія о нихъ мой товарищъ, я спросилъ у него объ этомъ предметѣ.

— Нѣкогда это было прекрасное дерево, отвѣчалъ Данадана: вотъ такое, какъ это, и онъ указалъ на резинковое дерево съ желтыми цвѣтами. Томагавкъ, или вѣтеръ сломалъ его во всей силѣ, оно дол-

го лежало, ахъ! очень долго, смѣшалося съ землею, перестало быть деревомъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ, чрезъ много лѣтъ, сдѣлалось вотъ этимъ.

Не очень ли ясное тутъ опредѣленіе ископаемыхъ окаменѣлостей, и вѣроятно немногіе изъ бѣлыхъ, неполучившихъ образованія, могли бы сдѣлать лучшее опредѣленіе.

— Данадана, сказалъ я ему: я сердитъ на тебя; да, я очень удивляюсь, какъ такой начальникъ, какъ ты, скитается одинъ и такъ далеко отъ кочевья своего племени. Еслибы вдругъ чорный чужестранецъ напалъ на тебя, что̀ тогда сдѣлалъ бы ты?

Одну минуту, казалось, Данадана разсердился, потомъ онъ отвѣчалъ: пусть придетъ, я убью его.

— А еслибы пришло пятьдесятъ? Данадана бросилъ на меня взглядъ, въ которомъ въ одно время изображались гордость и презрѣніе; губы его сжались и онъ испустилъ продолжительный, звонкій крикъ, повторенный лѣснымъ эхомъ; и менѣе чѣмъ въ пять минутъ сотня дикарей очутилась близъ него. Данадана, съ сверкающими гордостью взорами, воскликнулъ: пусть придутъ чужестранцы; они найдутъ Данадана воиномъ.

Правду сказать, славное было войско Индѣйцевъ: всѣ они были высоки, прекрасны и сильны. Желая показать ихъ ловкость, Данадана приказалъ имъ метать копья. Дерево, отстоявшее шагахъ во ста, было избрано мишенью. Дикари должны были метать одинъ за другимъ.

Первый всунулъ рукоятку своего копья въ палку, одну минуту прицѣливался, и кинулъ свое оружіе. Копье полетѣло, трепеща, какъ-будто живое существо, и воткнулось въ самую средину дерева. Всѣ дикари сдѣлали то же одинъ за другимъ съ легкостью опытныхъ стрѣлковъ.

Вотъ мои дѣти, сказалъ начальникъ: не правда ли, что это красивое племя? А громы бѣлаго человѣка разсѣваютъ его, какъ вѣтеръ листья. Но все къ лучшему, я полагаю, что такъ уже суждено.

Мы въ правѣ думать, продолжалъ Симонъ, разсказы котораго принимали всегда оборотъ немного педантическій, что всѣ они, или почти всѣ, считаютъ, что все къ лучшему. Это заключеніе можно вывести изъ нѣкоторыхъ выраженій, случайно у нихъ вырывающихся; потому-что они всегда тщательно избѣгаютъ всякаго разговора съ бѣлы-

ми о серьезныхъ предметахъ; какъ-будто не хотятъ, чтобы бѣлое племя знало ихъ чувствованія, какъ-будто боятся, чтобы чувствованія, священныя для нихъ, не были обращены въ посмѣяніе *бѣлыми демонами*.

День склонялся къ западу, а я долженъ былъ проѣхать еще большое пространство, чтобы присоединиться къ вамъ; я простился съ индѣйскимъ начальникомъ, искренно сожалѣя, что такъ скоро долженъ разстаться съ нимъ. Данадана, сказалъ я ему, я долженъ уѣхать, но бѣлый человѣкъ очень сожалѣетъ, что долженъ разстаться съ чернымъ человѣкомъ, съ добрымъ индѣйскимъ начальникомъ.

— Такъ прощай, братъ, начальнику пріятно тебя видѣть у себя, пріятно еще тебя видѣть. Комболи, ика, ика, сказалъ онъ, подзывая одного изъ своихъ воиновъ: вотъ начальникъ Никанини, прибавилъ онъ, представляя его мнѣ, сынъ Данадана.

Я пожалъ руки отцу и сыну, продолжалъ Симонъ въ родѣ заключенія, и удалился съ сожалѣніемъ, что этотъ дикарь подобно всѣмъ своимъ родичамъ подверженъ такимъ грубымъ предразсудкамъ. Почти невозможно имѣть вѣрнаго свѣдѣнія объ ихъ настоящихъ понятіяхъ о верховномъ существѣ; но они не въ состояніи скрывать своего малодушія, впрочемъ чрезвычайно страннаго въ такомъ воинственномъ народѣ. Я часто видалъ, что ночью они разводятъ сильный огонь, отъ котораго не осмѣливаются отойти ни на шагъ до самаго разсвѣта. Однажды мнѣ случилось провести ночь въ овчарнѣ, гдѣ расположилось нѣсколько Индѣйцевъ; кажется, они не замѣтили моего прибытія, и когда лошадь, пущенная мною на пастбище, въ темнотѣ пробѣжала мимо нихъ, Индѣйцы переполошились отъ страху, и всею толпою бросились къ хижинамъ. «Вставайте, бѣлый человѣкъ, кричали они, вставайте, вставайте, бѣлый человѣкъ, dible tuambo (онъ идетъ сюда) dible tuambo». Въ первую минуту мы вообразили, что между дикарями возмущеніе, и схватились за оружіе. Но когда это волненіе объяснилось, одинъ изъ насъ вышелъ, чтобъ узнать причину такого паническаго страху, что и открылось безъ труда, потому-что лошадь, виновница суматохи, изумленная всѣмъ происшедшимъ, не двигалась съ мѣста, откуда заставила убѣжать Индѣйцевъ, и не подозрѣвая, какой ужасъ внушила имъ.

Послѣ этого разсказа, мы всѣ расположились спать, а на другой день рано утромъ возвратились домой.

Въ Австраліи считаются сосѣдями, когда живутъ только на разстояніи пятнадцати миль. Въ округахъ, заключающихъ огромныя пастбища, гдѣ жители имѣютъ стада въ пять и десять тысячъ барановъ, называютъ другъ-друга сосѣдями, если для свиданія надо пройти какія-нибудь тридцать миль.

Сосѣди, о которыхъ я упоминалъ, говоря о задумчивости Симона, вздохахъ Мелибея, и о внезапной, непредвидѣнной страсти ихъ обоихъ къ музыкѣ, поселились отъ нашей фермы только на разстояніи пяти миль, и невозможно уже быть болѣе ближайшими сосѣдями. Въ одно утро они пожаловали къ намъ въ числѣ пяти человѣкъ: мисъ Бетси, ея матушка, глава семейства и двое слугъ. Пятеро голодныхъ гостей, неожиданно пріѣхавшихъ въ загородный домъ въ Европѣ, произвели бы порядочную тревогу; но въ Австраліи посѣщеніе незнакомцевъ никогда не бываетъ неожиданнымъ и всегда принимается съ радушнымъ гостепріимствомъ. Одно несчастіе: пироги, ветчина и сосиски не всегда бываютъ наготовѣ въ вашемъ распоряженіи; но только въ торжественныхъ случаяхъ, къ которымъ приготовляются за нѣсколько дней ранѣе, или когда изъ Англіи приходитъ судно, нагруженное съѣстными припасами, — тогда только наслаждаются подобною исключительною роскошью. Общее же правило: супъ изъ хвоста кангуру, похожій на клей, чорствый хлѣбъ, испеченный дома, котлеты изъ баранины.... безъ соли, вотъ что̀ составляетъ неизмѣнное основаніе прокормленія колонистовъ и въ будни и въ праздники.

При видѣ нежданнаго общества, которое Господь посылалъ намъ, вылѣзавшаго изъ тяжелой повозки, нагруженной мебелью и разнаго рода вещами, которую тащили четыре быка, я только отдалъ приказаніе зарѣзать барана. Мелибей, обязанный по званію своему передать это приказаніе сторожу стада, не слыхалъ меня. При видѣ мисъ Бетси онъ чрезвычайно смутился и нѣсколько разъ принимался пальцами расчесывать свои волосы, выросшіе на волѣ со всею роскошью первобытной растительности. И Симонъ также похожъ былъ на человѣка, несущаго тяжелое бремя на груди. Онъ задыхался; но, облегчивъ себя глубокимъ вздохомъ, схватилъ ружье, и не сказавъ ни слова, скрылся.

Одинъ я оставался спокойнымъ, и потому считалъ, что на мнѣ лежитъ обязанность оказать радушный пріемъ гостямъ нашимъ. Пока на кухнѣ разводили огонь, чтобъ жарить котлеты, я разговаривалъ

съ пріѣзжими, и разговоръ нашъ естественно коснулся колоніи. Мелибею тотчасъ же возвратился даръ слова, для того, чтобы, по обыкновенію, разгромить этотъ край.

— Это ужасное мѣсто, загремѣлъ онъ: здѣсь ничего не дѣлается какъ въ другихъ мѣстахъ. Вотъ и братъ мой, проведя цѣлую ночь въ водѣ между жизнью и смертью, чуть было не умеръ съ голоду въ пустынѣ, гдѣ не могъ отыскать дороги. Такъ, мистръ, продолжалъ онъ, все болѣе одушевляясь, мы находимся въ такой землѣ, гдѣ нельзя достать даже необходимаго, гдѣ безпрерывно вооруженною рукою должно защищать и то немногое, чѣмъ владѣешь.

Съ окончаніемъ его длинной рѣчи вошелъ Симонъ и показалъ дикую утку, только-что имъ убитую; въ то же время изъ другой двери вышелъ поваръ, и поставилъ на столъ три дюжины котлетъ, яйца въ смятку и бутылку рому, предувѣдомивъ, что утку нельзя такъ скоро приготовить къ завтраку, почему она останется къ обѣду, но зато прибавилъ, что у насъ будетъ чай и шоколатъ.

— Я не вижу, сказала мисъ Бетси, выказывая свои хорошенькія зубки, чтобы здѣсь можно было такъ жаловаться за недостатокъ необходимаго. Вотъ яйца, котлеты, чай, шоколатъ и утка. Чего же еще надо?

— Ахъ! мисъ, воскликнулъ Мелибей, увлекаемый страстью къ преніямъ, къ которымъ привыкъ во-время теологическихъ изученій: это правда, вотъ яйца, но съ какимъ трудомъ достаютъ ихъ. Цѣлый день избѣгаешь за курицею, которая, одинъ Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ несетъ ихъ. Что́ же касается до котлетъ, здѣсь не будетъ въ нихъ недостатка, если вы только любите ихъ кушать — безъ соли.

— У насъ есть соль, воскликнулъ Симонъ; проходя мимо сосѣда нашего, мистра Витбоя, я взялъ у него соли.

Словомъ, мы оказали гостямъ своимъ все гостепріимство, какого только они могли желать отъ насъ. Симонъ, въ своемъ пламенномъ усердіи, желалъ бы, чтобы все семейство заболѣло, и онъ могъ бы попеченіями о каждомъ членѣ его доказать свою привязанность къ нему. Къ-сожалѣнію, въ здѣшнихъ странахъ не существуетъ болѣзней, и Симонъ часто говорилъ, что ему, вѣроятно, пришлось бы умереть съ голоду, еслибъ онъ не имѣлъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ своего врачебнаго искусства. Пресмѣшно было слушать его сожалѣнія, что всѣ

колонисты въ окружности наслаждаются самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ. Правду сказать, иногда онъ вознаграждалъ себя за отсутствіе болѣзней, обыкновенныхъ въ старомъ свѣтѣ, множествомъ ушибовъ, вывихнутыхъ рукъ, не говоря уже о царапинахъ, нанесенныхъ рогами дикихъ быковъ.

Однимъ-словомъ, отношенія наши къ семейству сосѣдей сдѣлались самыя пріязненныя. Мистръ Маршъ, человѣкъ дѣятельный, исполненный здраваго смысла, не замедлилъ привести свое поселеніе въ самое цвѣтущее положеніе. Характеръ дочки его, мисъ Бетси, отличался рѣшительностью, умъ — незлобивымъ лукавствомъ. Хотя мною не овладѣла музыкальная манія, какъ моими братьями, но я съ удовольствіемъ прислушивался къ голосу молодой дѣвушки. Одно безпокойство уменьшало для меня прелесть этихъ отношеній — видѣть обоихъ братьевъ влюбленными въ одну и ту же особу. Съ опытностью вдовца, я наблюдалъ за поступками мисъ Бетси, и со-всѣмъ-тѣмъ оставался въ неизвѣстности. Безъ всякаго кокетства, она одинаково обращалась съ Мелибеемъ и Симономъ; быть-можетъ, съ меньшею короткостью съ Симономъ; то, мнѣ казалось, она болѣе склонялась на сторону одного, то рѣшительно на сторону другаго. Въ такихъ дѣлахъ самая невинная изъ нихъ всегда проведетъ самаго умнаго изъ насъ. Наступилъ день, однако, когда ея предпочтеніе явственно высказалось по-случаю происшествія, едва несдѣлавшагося пагубнымъ для всѣхъ насъ.

Однажды вечеромъ, мы всѣ собрались у мистра Марша, вокругъ чайнаго стола. Мисъ Бетси, по просьбѣ моихъ братьевъ, спѣла намъ нѣсколько чувствительныхъ романсовъ, привезенныхъ изъ Англіи на послѣднемъ кораблѣ. Когда музыка соединяется съ тишиною прекраснаго вечера и съ видомъ неизмѣримаго горизонта пустыни, она имѣетъ почти непреодолимое вліяніе на нервную систему. За послѣдними звуками нашей прелестной сосѣдки послѣдовало общее молчаніе, въ-продолженіе котораго каждый изъ насъ наслаждался, по своему, испытываемыми впечатлѣніями. Симонъ первый прервалъ молчаніе предложеніемъ посѣтить одно мѣсто, гдѣ, по увѣреніямъ его, онъ открылъ каменоломню, въ которой нуждался мистръ Маршъ, для того, чтобы обнести заведеніе свое оградою.

— А я могу показать сосѣдямъ нашимъ нѣчто получше этого, сказалъ я: — покажу имъ развалины. У насъ въ окружностяхъ есть

небольшой, чрезвычайно живописный заливъ, на берегахъ котораго возвышаются почернѣвшія и разрушенныя стѣны маленькаго, но прелестнаго домика, лежащаго у опушки лѣса и окруженнаго прекраснымъ садомъ, нынѣ поросшимъ высокою травою. Этотъ уголокъ, теперь запущенный и забытый, былъ нѣкогда цвѣтущимъ жилищемъ страннаго старика. Старикъ этотъ питался произведеніями своего огорода и рыбою, которую ловилъ на маленькой лодочкѣ, стоявшей въ заливѣ, передъ его домикомъ. Никто не зналъ приключеній его жизни, но по его обращенію и языку очень видно было, что онъ принадлежалъ къ порядочному семейству и получилъ хорошее образованіе. Онъ всегда радушно принималъ всѣхъ посѣтителей, и, казалось, съ удовольствіемъ показывалъ свои гряды и цвѣты, составлявшіе единственную его отраду.

Онъ всегда останавливался на минуту передъ розовымъ кустомъ, который цвѣлъ со всею роскошью растительности, при самомъ заботливомъ воздѣлываніи. Онъ самъ вывезъ его черенкомъ изъ Англіи, и очевидно было, что съ этимъ кустомъ соединялось какое-нибудь дорогое для него воспоминаніе; но никогда никому онъ не ввѣрялъ его: исторія розоваго куста, какъ исторія самаго старика, была тайною. Однимъ только, казалось, онъ гордился,—это именемъ своимъ. Всякому другому это имя, вѣроятно, не внушило бы такой гордости; но для него оно составляло предметъ благоговѣнія. Имя его было Антоній-Елиза-Симсонъ, и онъ никогда не упускалъ случая замѣтить, что Симсонъ пишется безъ п. Ничто не могло его болѣе разсердить, какъ письмо съ такою надписью: А. — Е. Симпсонъ esq. Симсоны, говорилъ онъ, происходятъ отъ древней фамиліи въ Сѣверной Англіи, и увѣрялъ, что генеалогія ихъ доходитъ до временъ завоеванія. Что̀ касается до Симпсоновъ, то происхожденіе ихъ совершенно различно, и конечно уже гораздо ниже. Но ни слова болѣе не прибавлялъ онъ къ исторіи своего семейства и о происшествіяхъ собственной жизни.

Онъ прибылъ въ Фремептль немного времени спустя, послѣ основанія его. Все пожитки его заключались въ одномъ чемоданѣ, дорожномъ мѣшкѣ, да нѣсколькихъ золотыхъ монетахъ въ копелькѣ. Онъ поселился въ томъ уголку, о которомъ я говорилъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Симсонъ обнаружилъ большое желаніе получить письма изъ Англіи. Всякой разъ, какъ какой-нибудь корабль входилъ въ при-

стамъ, онъ надѣвалъ свое старое охотничье платье, и отправлялся въ Фрементль. Потомъ безуспѣшно спросивъ на почтѣ, есть ли письма на имя его, онъ, обыкновенно, покупалъ фунтъ чаю, и возвращался домой.

Такъ проходили годы. Бѣдный Симсонъ не переставалъ бѣгать въ городъ, при первомъ сигналѣ корабля. Съ тоскливымъ взглядомъ, онъ слѣдилъ за чемоданами съ письмами, когда переносили ихъ въ почтовую контору. Между множествомъ писемъ, вѣроятно, было нѣсколько страницъ на его имя. И цѣлые часы онъ терпѣливо ждалъ подъ окномъ почты, пока почтмейстеръ и его чиновники разберутъ письма, и дадутъ ему неизмѣнный отвѣтъ на его вопросъ; тогда онъ печально возвращался домой.

Съ каждымъ днемъ нетерпѣніе его увеличивалось. Пламенное желаніе возвратиться въ отчизну, казалось, овладѣло имъ, и посѣтители его поняли изъ нѣкоторыхъ словъ, невольно вырвавшихся у него, что онъ охотно оставилъ бы колонію, еслибъ имѣлъ средства заплатить за переѣздъ, или, еслибъ важныя причины не удерживали его. Напослѣдокъ, онъ уже съ видимымъ отвращеніемъ занимался садоводствомъ и рыболовствомъ. Цѣлые часы стоялъ онъ, какъ часовой, на снѣжной горѣ, устремивъ глаза въ ту сторону, гдѣ лежитъ Англія. Безъ сомнѣнія, мысль о томъ, что̀ онъ тамъ оставилъ или что̀ сдѣлалъ, поглощала всѣ его способности. Никто не писалъ къ нему, никто не вспоминалъ, или не хотѣлъ вспомнить его. Любовь къ родинѣ и къ семьѣ жила въ его сердцѣ, хотя у него уже не было ни родины, ни семьи. Тоска, какъ бремя тяготившая его душу, подѣйствовала и на здоровье его. Онъ видимо ослабѣвалъ и разрушался; а между-тѣмъ, едва показывался парусъ, огибавшій сѣверный мысъ острова Ротнеста и направленный къ пристани, онъ бралъ свою палку, отправлялся въ Фрементль, и спѣшилъ спросить, нѣтъ ли къ нему писемъ.

Легко себѣ представить отчаяніе, овладѣвшее душею бѣднаго изгнанника, оно росло съ годами, а съ родимой стороны не было ни извѣстія, ни утѣшенія. Часто онъ самъ писалъ и все на одно и то же имя, на имя купца въ Сити; но никогда не получалъ отвѣта. Развѣ у него не было ни дѣтей, ни друзей?

Обращеніе его было чрезвычайно вѣжливо, и всѣ поступки его обнаруживали столько кротости въ характерѣ, столько покорности

Провидѣнію, что въ послѣднее время, всѣ, уходя отъ него, едва могли удерживать слезы на глазахъ. Съ ослабленіемъ силъ, желаніе получить извѣстіе изъ своего отечества все усиливалось. Каждаго человѣка, подходившаго къ его дому, онъ считалъ подателемъ письма, такъ давно и тщетно желаннаго; онъ спѣшилъ къ нему навстрѣчу, и съ тоскливымъ взглядомъ, съ легкимъ румянцемъ, разливавшимся по его щекамъ, онъ ждалъ его у дверей; но этимъ онъ приготовлялъ себѣ только новое огорченіе.

Наконецъ онъ съ великимъ уже трудомъ могъ всходить на гору, чтобы увидѣть на неизмѣримомъ пространствѣ тотъ благословенный корабль, который привезетъ ему письмо съ родимой стороны. Хотя ни одно судно не вступило на рейдъ со-времени его послѣдняго путешествія въ Фрементль, но онъ не могъ удержаться, чтобы не попросить каждаго своего гостя, хотя запинаясь, зайти по возвращеніи въ городъ на почту, освѣдомиться, нѣтъ ли къ нему писемъ. Онъ чувствовалъ, что предѣлъ его жизни недалекъ; но не могъ перенести мысли, какъ говорилъ онъ, мысли отправиться на долгій путь въ другой міръ, не получивши вѣсточки отъ матери - отчизны. Иногда онъ разговаривалъ самъ съ собою, и съ устъ его вылетало слово измѣна. Но душа его ненадолго останавливалась на подобныхъ мысляхъ. Ему случилось однажды попытаться собрать столько денегъ, чтобы заплатить за свой переѣздъ; но тщетно предлагалъ онъ вексель съ своею подписью, никто не хотѣлъ дать ему въ займы.

Послѣдній посѣтитель, видѣвшій его, засталъ его сидящимъ на стулѣ, который онъ сдѣлалъ собственными руками. Казалось, онъ былъ нетакъ печаленъ, какъ обыкновенно. Онъ выразилъ надежду скоро получить письмо изъ Англіи, и улыбнулся съ дѣтскою радостью. Пріятель подвелъ его къ любимому розовому кусту, который былъ покрытъ первыми весенними распукольками.

— Дайте мнѣ слово, сказалъ старикъ, положивъ свою дрожащую руку на руку пріятеля, дайте мнѣ слово приходить сюда, когда меня уже не будетъ на свѣтѣ, посмотрѣть на него, какъ онъ покроется цвѣтами. Дайте мнѣ это обѣщаніе, вы сдѣлаете меня счастливымъ.

На другой день фрементльскіе знакомые прислали къ нему мальчика, чтобы онъ ухаживалъ за нимъ. Мальчикъ нашелъ его сидящимъ

на стулѣ. Онъ умеръ. Небольшая насыпь подъ тѣнью резинковаго дерева указываетъ мѣсто, гдѣ онъ погребенъ.

— Отсюда недалеко до развалинъ, о которыхъ ты говоришь, сказалъ Симонъ. Мнѣ ихъ показывали уже, но я охотно сдѣлалъ бы двадцать миль, чтобы увидать ихъ.

— А никто не позаботился о садѣ? спросила миссъ Бетси, не стараясь скрыть слѣды умиленія, видимые на ея розовыхъ щечкахъ.

— А это увидимъ мы завтра, если только вы позволите намъ провожать себя до тѣхъ мѣстъ.

Молодая дѣвушка, казалось пришла въ замѣшательство, и посмотрѣла на мать, которая, повидимому, совсѣмъ потерялась. Впрочемъ мистрисъ Марпъ совсѣмъ не была изъ числа находчивыхъ женщинъ, и управлялась всегда чужою волею, и даже, какъ я полагаю, чужими мыслями. Наконецъ дочка ея, расхохотавшись, сказала:

— Вы видите наше замѣшательство, я скажу вамъ причину его. При отправленіи нашемъ изъ Англіи, насъ уговорили не дѣлать никакихъ лишнихъ запасовъ, даже для нарядовъ, увѣряя, что въ колоніи мы найдемъ все необходимое, и даже гораздо дешевле. Но вовремя переѣзда, продолжавшагося цѣлые пять мѣсяцевъ, и въ то время, какъ мы поселились уже здѣсь, я износила всѣ шляпки, привезенныя мною изъ Англіи. Съ маменькой сдѣлалась такая же бѣда. Мы узнали, что на кораблѣ, недавно прибывшемъ въ Фрементль, находятся также и модныя вещи для нашихъ нарядовъ, и вотъ уже нѣсколько дней упрашиваемъ папа поѣхать въ городъ, затѣмъ, чтобы закупить намъ необходимое; но онъ воображаетъ, что гораздо нужнѣе окончить ограду, нежели безпокоиться о покупкѣ тряпокъ, какъ онъ называетъ. Не правда ли, что это очень несправедливо?

— Отсюда до Фрементля двадцать миль, сказалъ съ благоразумною расчетливостью отецъ. Двадцать миль туда, да двадцать миль оттуда, вотъ тебѣ сорокъ миль пути. Для однихъ шляпокъ сдѣлать сорокъ миль, слишкомъ далеко.

— Можетъ-быть, но что же мы будемъ дѣлать? На цѣлую колонію будетъ смѣху, если мы пойдемъ гулять въ чепчикахъ. Да и чепчики, которые еще остались у насъ, скоро невозможно будетъ надѣвать.

— Въ первый разъ, какъ пошлю Джона въ городъ за угольями, прикажу ему купить для васъ шляпки.

Мисъ Бетси подняла руки къ небу, и даже матушка ея не могла удержаться отъ восклицанія.

— Слыхано ли когда, чтобы кто вздумалъ мѣшать шляпки съ угольями? Очень чисты были бы ленты. Въ-самомъ-дѣлѣ ужасно, что за каждою необходимостью должно такъ далеко ѣхать. Я совершенно раздѣляю мысли мистра Мелибея, прибавила она. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, здѣшняя сторона ужасна.

Мелибей ничего не отвѣчалъ. Нѣсколько уже минутъ въ головѣ его, казалось, созрѣвало какое-то предпріятіе, которое онъ не считалъ за нужное сообщать намъ. И потому Симонъ поднялъ перчатку, и съ рыцарскою вѣжливостью отвѣчалъ, „что за себя онъ ручается, что за великую честь будетъ считать сопутствовать мисъ Бетси и ея матушкѣ повсюду; я спѣшилъ присоединиться къ его увѣреніямъ. Такимъ-образомъ мы условились, что завтра послѣ обѣда, отправимся всѣ пятеро осматривать развалины домика бѣднаго Симсона.

На другой день утромъ должны были пригнать ко мнѣ стадо быковъ съ фермы, лежащей въ окружностяхъ Перта; несмотря на всегдашнія затрудненія при подобной операціи, я предполагалъ, что буду имѣть время загнать стадо за ограду прежде назначеннаго часу странствія нашего къ домику Симсона. Я всталъ очень рано, и не мало былъ удивленъ, узнавъ, что Мелибей всталъ еще раньше и уѣхалъ до разсвѣта на одной изъ нашихъ телегъ. Куда онъ уѣхалъ? Чтó значитъ эта таинственность? Я терялся въ предположеніяхъ, и никакъ не могъ попасть на истину. Симонъ, узнавъ объ его отъѣздѣ, наморщилъ брови съ недовольнымъ видомъ. Не знаю, можетъ-быть, онъ былъ прозорливѣе меня, но не сообщилъ мнѣ своихъ предположеній. Онъ взялъ ружье, и удалился, насвистывая себѣ подъ носъ, чтó было у него всегда признакомъ недовѣрія и досады.

Утро прошло, а мои быки не являлись. Я начиналъ уже думать, что они и не придутъ сегодня, и когда Симонъ, въ бѣломъ галстукѣ, нанковомъ камзолѣ, съ розою въ петлицѣ и тростью въ рукахъ, щеголемъ, заломивши соломенную шляпу на бекрень, пришелъ напомнить мнѣ, что время отправляться къ сосѣдкамъ, я и не думалъ отговариваться необходимостью оставаться дома въ ожиданіи быковъ; но поспѣшно занявшись своимъ тоалетомъ, совсѣмъ не такимъ изысканнымъ, какъ у Симона, взялъ ружье, и мы отправились.

Мисъ Бетси съ своею матушкою, противъ обыкновенія прекраснаго пола, не заставили насъ ждать. Молодая дѣвушка ничего не теряла оттого, что у нея не было шляпки, о которой она такъ горевала наканунѣ. Маленькій кружевной чепчикъ, наброшенный на косу придавалъ ей видъ своенравія, что чрезвычайно было ей къ-лицу. Мы отправились въ дорогу, и я, по званію старшаго, главы семейства, обязанъ былъ выполнять роль благороднаго отца и храбро подалъ руку мистрисъ Маришъ, предоставляя Симону счастіе вести пригожую мисъ Бетси. Если хотите, это была маленькая измѣна противъ бѣдняжки Мелибея, но зачѣмъ его не было здѣсь? Поведеніе его для влюбленнаго казалось мнѣ очень страннымъ.

Мы не сдѣлали еще и двухъ миль, какъ облако пыли поднялось передъ нами. По-временамъ изъ этого облака выказывалось четвероногое животное, тяжело бѣжавшее по лугамъ, пересѣкаемымъ группами деревъ, разсаженными по обѣимъ сторонамъ дороги. То были мои быки, которыхъ гнали три пастуха, да два сосѣда, принявшіе участіе въ этомъ занятіи, ради собственнаго увеселенія. Легко было замѣтить, что стадо состояло изъ быковъ дикихъ и упрямыхъ. Въ Европѣ невозможно себѣ вообразить, до какой степени увлекаетъ гонка подобнаго стада. Это настоящая травля, оживляемая опасностью. Ревъ испуганныхъ и грозныхъ быковъ, разбѣгающихся въ разныя стороны; хлопанье длинныхъ бичей, необходимая принадлежность волопасовъ; вихрь людей, лошадей, быковъ, несущихся въ скачь, озаряемыхъ лучами палящаго солнца, все это увлекаетъ до упоенія. Почти всегда случается, что число провожатыхъ увеличивается дорогою при каждой фермѣ, мимо которой проходитъ стадо; но когда чувство собственности подстрекаетъ эту естественную страсть, побуждающую каждаго колониста присоединяться къ подобной охотѣ, тогда уже нѣтъ возможности противостоять увлекающему искушенію.

Я не имѣлъ уже силъ предводительствовать нашею прогулкою; но приказавъ одному изъ пастуховъ соскочить съ лошади, бросилъ свое ружье въ руки Симона, изумленнаго моею торопливостью, пробормотавъ нѣсколько словъ извиненія своимъ дамамъ, вскочилъ на лошадь, и съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ бросился въ самую средину свалки.

Съ великимъ трудомъ намъ удалось догнать стадо свое до входа

ограды, куда я хотѣлъ ихъ запереть. Но тутъ они заупрямились и никакъ не захотѣли войти, и вдругъ молодой быкъ, еще болѣе одичалый чѣмъ другіе, повернулся назадъ, пронесся между моею лошадью и лошадью другаго товарища и бросился въ смежный лугъ. Все стадо бросилось по его слѣдамъ. Къ-счастію для насъ обоихъ, что быкъ не бросился на насъ, мы были бы опрокинуты, и все стадо промчалось бы черезъ насъ. Съ величайшимъ трудомъ, соединясь общими силами, намъ удалось снова направить свое стадо на настоящій путь. Накричавшись вдоволь и нахлопавшись бичами, мы успѣли снова подвести его къ оградѣ, и опять оно не захотѣло войти. Не знаю, какимъ способомъ намъ удалось бы побѣдить это упрямство, еслибы двѣ коровы уже ручныя и жившія въ хлѣву, не бросились въ ворота, изъ страху, чтобы ихъ не задавили при входѣ. Всѣ быки послѣдовали за ними, сильными ударами бича мы помогали общему движенію, и когда всѣ они вошли, мы поспѣшили запереть входъ, думая, что все уже кончено. Но мы основывали свои разсчеты, не спросясь у молодаго быка, который съ яростнымъ ревомъ принялся бѣгать въ окружности парка. Онъ хлесталъ воздухъ своимъ хвостомъ, и взрывалъ землю рогами; съ бѣшенствомъ бросался на сваи забора и сильно потрясалъ всю ограду, потомъ, приведенный въ отчаяніе встрѣченнымъ сопротивленіемъ, однимъ скачкомъ перескочилъ заборъ, хотя онъ былъ семи или восьми футовъ вышины, промчался черезъ поляну и скрылся въ лѣсу.

Первое мое движеніе было бѣжать за нимъ; но всѣ мы были уже утомлены, и поразмысливши, что всегда безъ труда можно будетъ достать одну скотину, я предоставилъ ему свободу. Вдругъ поразила меня мысль, что онъ побѣжалъ въ ту сторону, гдѣ проходили Симонъ съ своими дамами; я затрепеталъ при мысли, какой опасности они подвергнутся, если бѣшеное животное встрѣтитъ ихъ. Тотчасъ же, вскочивъ на свѣжую лошадь, я поскакалъ за быкомъ, выбирая поперечную дорогу, чтобы выѣхать прямо противъ него, и пересѣчь ему, такимъ-образомъ, дорогу.

Между-тѣмъ, Симонъ, мистрисъ Маршъ и дочка ея продолжали свою прогулку.

Въ то время, какъ они сворачивали съ дороги на равнину, ведшую къ уединенному домику, стукъ телѣги, ѣхавшей къ нимъ навстрѣчу изъ города, привлекъ ихъ вниманіе, и вскорѣ они увидали,

среди облака пыли, Мелибея, издали махавшаго имъ платкомъ. Подъѣхавъ къ дамамъ, онъ вспрыгнулъ на землю съ торжественнымъ видомъ, вынулъ изъ телѣги двѣ картонки почтеннаго размѣра, и съ почтительнымъ поклономъ подалъ одну мисъ Бетси, а другую ея матушкѣ.

— Какъ вы любезны, сказала мистрисъ Маршъ. Такъ это вы обѣщали вчера привезти намъ шляпки? Вы купили ихъ у мадемоазель Люси? Что она сказала вамъ, отдавая ихъ?

— Она сказала, мистрисъ, что ваша шляпа будетъ вамъ очень къ-лицу, а шляпка мисъ Бетси сдѣлала бы ее еще прекраснѣе, еслибъ только это было возможно. Вотъ она, въ этой картонкѣ, съ серизовыми лентами.

— Мы послѣ посмотримъ ихъ, сказала молодая дѣвушка, тутъ очень пыльно. Но вы такъ много безпокоились, что я не знаю, какъ и благодарить васъ.

— Своротимъ съ дороги, грубо прервалъ Симонъ, тутъ нестерпимо жарко и душно. Пойдешь ли ты съ нами, Мелибей. Твои быки имѣютъ нужду въ отдыхѣ. Для двухъ дамскихъ шляпокъ взять четырехъ быковъ, по истинѣ, этого слишкомъ недостаточно.

Мелибей не отвѣчалъ на эту насмѣшку, но поставивъ телѣгу подъ тѣнь нѣсколькихъ деревъ, отправился съ дамами къ цѣли общей прогулки.

Печальный видъ представлялъ садъ стараго Симсона. Дурная трава покрывала гряды и заглушала цвѣты. Аллеи, нѣкогда съ такимъ тщаніемъ подчищаемыя, заросли земляничникомъ, оспаривавшимъ мѣсто у отростковъ гераніума, завладѣвшаго пожелтѣвшимъ дерномъ. Розовый кустъ изъ Англіи, драгоцѣнный кустъ, составлявшій отраду бѣднаго старика, впродолженіе его изгнанія, завялъ; чужеядныя растенія истощали, въ большомъ количествѣ, жизненный сокъ изъ его корней, и отвращали его отъ главнаго ствола; настоящіе отростки, выросшіе надъ черенкомъ, печально склонили свои почернѣвшіе, измятые листья, и по волѣ морскаго вѣтра подметали землю, а онъ жестокій, упитанный солью, изсушилъ распуколки до самаго сердца, прежде нежели они успѣли распуститься. Очевидно, что другъ старика не исполнилъ даннаго слова посѣщать розовый кустъ во-время его цвѣта. Бѣдный Симсонъ! во-время жизни, имъ пренебрегали, а по смерти его совсѣмъ забыли.

Это зрѣлище тронуло до слезъ мисъ Бетси; она сорвала нѣсколько засохшихъ розъ, и положила ихъ на могилу, гдѣ старецъ уснулъ навѣки. Въ это время Симонъ съ помощью подпорки приподнялъ дерево, подчистилъ его, полилъ водою изъ смежнаго залива, потомъ укрылъ его со стороны моря небольшимъ валомъ, сложивъ стѣну изъ каменьевъ, отпавшихъ отъ развалинъ. Послѣ того общество отправилось домой.

Между-тѣмъ, преслѣдуемый мною быкъ много опередилъ меня. Тщетно пришпоривалъ я лошадь, заставлялъ ее скакать стремглавъ черезъ всѣ препоны, встрѣчавшіяся на дорогѣ; когда я выѣхалъ на дорогу, его уже не было тамъ. Всѣ мои ужасы могли осуществиться. Я еще пришпорилъ лошадь, истощившуюся отъ усилій, и черезъ десять минутъ подъѣхалъ, именно, во-время, чтобъ присутствовать при развязкѣ сцены, такъ меня устрашавшей.

Я увидалъ быка, разъяреннаго преслѣдованіемъ, въ десяти шагахъ отъ мисъ Бетси, готоваго броситься на нее. Мать ея и братья оцѣпенѣли отъ ужаса.

На шляпѣ, такъ торжественно привезенной Мелибеемъ, на этой злополучной шляпѣ были красныя ленты. Молодая дѣвушка не могла противиться желанію пощеголять новымъ нарядомъ; въ развалинахъ вытащили шляпку изъ картона, и надѣли на граціозную головку мисъ Бетси. Правда ли, что красный цвѣтъ приводитъ въ ярость быковъ, не знаю; но какъ бы то ни было, яростное животное обратило все свое вниманіе на молоденькую мисъ, казалось, окаменѣвшую отъ ужаса. Съ яростнымъ ревомъ, взрывая землю рогами, онъ готовъ былъ броситься, а я былъ еще слишкомъ далеко для того, чтобы отвратить его ярость на себя. Но въ эту страшную минуту Симонъ первый опомнился и вышелъ изъ оцѣпенѣнія. Онъ сдѣлалъ два шага, сталъ предъ мисъ Бетси, и твердою рукою прицѣлясь, со всѣмъ хладнокровіемъ человѣка, готоваго умереть, онъ выстрѣлилъ. Меткая пуля, метко прицѣленная, прошла между рогами въ самый мозгъ. Животное упало на оба колѣна, но сдѣлавъ послѣднее предсмертное усиліе, чтобы отмстить нанесшему смертельный ударъ, оно опрокинулось на Симона, который неподвижно лежалъ на землѣ, оглушенный силою удара.

Увидя его лежащимъ безъ движенія, Мелибей бросился къ нему, положилъ его голову къ себѣ на колѣна и вытиралъ своимъ плат-

комъ челю его. Мистрисъ Маршъ испускала вопли и приходила въ отчаяніе, что забыла взять свой спиртъ; мисъ Бетси стояла передъ своимъ бездыханнымъ избавителемъ, безмолвно смотрѣла на него и въ отчаяніи ломала руки. Я соскочилъ наземь, и поспѣшилъ пустить ему кровь ланцетомъ, который онъ всегда носилъ при себѣ. Когда нужно было перевязать ему руку, мистрисъ Маршъ подала мнѣ батистовый платокъ, а мисъ Бетси оторвала ленты отъ своей шляпки для завязокъ.

Впрочемъ она не выказала ни словомъ, ни движеніемъ своей горести; но когда Симонъ открылъ глаза, и съ помощью моею и Мелибея всталъ, мисъ Бетси поблѣднѣла, невольно схватилась за сердце, и склонивъ головку на плечо матери, поддерживавшей ее, лишилась чувствъ. Мелибей побѣжалъ къ рѣкѣ за водою, и намочилъ ей виски. Онъ выполнялъ эти попеченія съ особенною почтительностью. Когда она пришла въ себя, мы посадили ее съ матерью въ телѣгу, Симонъ сѣлъ на мою лошадь, и всѣ мы безъ дальнѣйшихъ приключеній возвратились домой.

Съ этого времени Симонъ и Бетси считались уже женихомъ и невѣстою. Антипатія Мелибея къ западной Австраліи превратилась въ нестерпимое отвращеніе. Мѣсяцъ спустя, онъ уѣхалъ въ Сидней, съ небольшою суммою денегъ, добытой отъ продажи части нашего скота. Мы надѣялись въ скоромъ времени увидѣться; но много лѣтъ прошло, прежде нежели мы всѣ вмѣстѣ соединились за однимъ столомъ.

Оставимъ на нѣкоторое время своихъ друзей въ западной Австраліи, ихъ ожидаютъ еще новыя приключенія, но о нихъ мы поговоримъ послѣ. Теперь же попросимъ читателя послѣдовать за нами въ другую часть Австраліи, на восточный берегъ этого обширнаго материка, гдѣ, по истеченіи многихъ лѣтъ, снова встрѣтимъ Мелибея.

Характеръ его очень измѣнился. Его невинность, чистосердечіе, пылкое прямодушіе много утратили среди коммерческихъ треволненій. Но въ нѣдрахъ общества, испорченнаго смѣшеніемъ бѣглыхъ каторжниковъ, онъ сохранилъ качества, возвышающія его и дѣлающія достойнымъ особеннаго вниманія. Впрочемъ слѣдующій разсказъ представитъ, къ-сожалѣнію, вѣрную картину торговыхъ обы-

чаевъ въ этой части свѣта, разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній.

Ко всѣмъ перемѣнамъ, совершившимся въ его характерѣ и въ немъ самомъ, Мелибей призналъ полезнымъ присоединить еще перемѣну своего имени; теперь имѣемъ честь представить его читателямъ подъ именемъ Меки.

Гобсоновская бухта — не что-иное, какъ небольшое углубленіе залива Портъ-Филиппа. Огражденная съ трехъ сторонъ, она представляетъ безопасную пристань для кораблей съ тяжелымъ грузомъ, ведущихъ торговлю съ городомъ Мельбурномъ. Рѣка Ярра-Ярра, принявъ въ себѣ рѣчку Соляныхъ-водъ, впадаетъ двумя милями ниже въ Гобсоновскій-заливъ. На одномъ берегу рѣки находится городъ Уильямстоунъ, нерѣдко посѣщаемый моряками; а съ другой стороны деревушка, называемая *Приморьемъ*, состоящая изъ двухъ огромныхъ, опустѣвшихъ и полуразрушенныхъ гостинницъ, съ многоразличными службами и обширными пустыми конюшнями. Деревушка и въ упадкѣ своемъ сохранила видъ величія, какъ-будто въ память своего первобытнаго великолѣпія. Высокія ворота гостинницъ, сѣни, выложенныя плитами, широкія окна, выходящія на бухту, большіе балконы, все свидѣтельствовало о минувшемъ благоденствіи.

Нѣкогда, то есть два-три года тому, *Приморье* было веселымъ и торговымъ мѣстечкомъ. Двѣ небольшія деревянныя набережныя, находящіяся противъ обѣихъ гостинницъ, были покрыты моряками и пассажирами, непремѣнными данниками одной изъ гостинницъ. Каждая имѣла своихъ приверженцевъ, насмѣхавшихся надъ посѣтителями другой. По прибытіи одного или двухъ кораблей, наполненныхъ переселенцами, столько пассажировъ надо было перевезти, столько вещей перенести, что приморскіе жители на нѣсколько дней дѣлались самыми беззаботными, и ужъ правду сказать, самыми наглыми негодяями въ мірѣ. Въ то время гостинницы были полны, начиная отъ двора до чердака; и запахъ кушаньевъ, шумъ тостовъ и чоканье стакановъ, все доказывало обильную жатву для содержателя гостинницы. Но все измѣнилось по милости страсти Англичанъ, употребляющихъ свои деньги на предпріятія, за пять тысячъ миль отъ нихъ. Однажды вдругъ появилось на рѣкѣ Ярра-Ярра нѣсколько пароходовъ для перевоза переселенцевъ даже до Мельбурна, а потому су-

-повутная дорога тотчасъ же была оставлена. Въ Приморьи суда уже не останавливались; судовщики покинули мѣсто, гдѣ не было для нихъ работы, и гостинницы, накогда столь шумныя и оживленныя, теперь представляли только обширную пустыню.

Въ маѣ 18.... въ пасмурный день, одинъ человѣкъ бродилъ по морскому берегу, между приморьемъ и устьемъ Ярры. Онъ не видалъ вокругъ себя ни малѣйшаго слѣда человѣческаго, потому-что неизмѣримый лѣсъ покрывалъ все пространство, гдѣ нынѣ находится Уильямстоунъ съ своими улицами, магазинами, красивыми виллами и заразою. Сильный вѣтеръ дулъ съ юго-запада, бухта обыкновенно спокойная, страшно волновалась. Волны вздымались величественными горами и съ шумомъ разбивались о берегъ морской. Безчисленное множество морскихъ птицъ пролетали надъ водою такъ близко, что ихъ крылья покрывались пѣною, которую они потомъ стряхивали съ себя, испуская пронзительные крики. Вѣтеръ дулъ безпрерывно, и необыкновенное возвышеніе воды въ бухтѣ, ясно показывало, какъ страшна должна быть буря въ открытомъ морѣ. Когда въ этомъ направленіи вѣтеръ продолжительно дуетъ, проливъ Баесъ дѣлается чрезвычайно опаснымъ для кораблей, тамъ находящихся, и проходъ этотъ пріобрѣлъ бы между моряками самую страшную извѣстность, еслибъ, по счастью, напоры югозападныхъ вѣтровъ не были столько же рѣдки, какъ ужасны.

Прохожій бросалъ на океанъ взоръ, примѣтно тревожный, а грозный видъ облаковъ, все сгущавшихся на горизонтѣ, не могъ успокоить его. Напрасно глазами вопрошалъ онъ яростное море,—ничего нельзя было примѣтить, кромѣ волнъ, становившихся все выше и грознѣе. — Что могло задержать Бигса? бормоталъ нашъ прохожій сквозь зубы: если онъ пьянъ, то въ такую бурю быть лучше на берегу! Чѣмъ онъ занятъ теперь? И снова онъ началъ ходить вдоль берега, гдѣ песокъ такой сухой и жосткій, какъ булыжникъ на каменной мостовой. По временамъ онъ останавливался, топалъ ногою, говоря: но вѣдь это чистаго убытку на три тысячи лавровъ, если она сядетъ на берегъ; я надѣюсь, что старый Бигсъ побережется отъ рому! И онъ снова начиналъ поспѣшно ходить по берегу.

Этотъ одинокій прохожій, любитель прогулокъ, былъ молодой человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень хорошъ; всѣ черты лица его были неправильны, цвѣтъ смуглый. Но черные

глаза его были живы и проницательны; онъ обладалъ тонкостью свѣтскаго человѣка, съ знаніемъ дѣловаго. Ученикъ Лафатера, не колеблясь приписалъ бы ему необыкновенное познаніе людей и сердца человѣческаго. Кромѣ этого, онъ имѣлъ какую-то особенную манеру сжимать свои губы, которая обнаруживала сатирическій умъ, привычку метать сарказмъ и насмѣшки. Одежда его непохожа была на одежду колонистовъ внутреннихъ странъ, тѣмъ менѣе походила она на костюмъ скотоводцевъ Ванъ-Дименовой-земли; по одеждѣ нельзя было его счесть ни за колониста, ни за купца, ни за моряка, и немногіе жители Мельбурна приведены были бы въ большое затрудненіе, еслибы по его наружности должны бы было сказать, какое было его званіе, и отгадать, зачѣмъ пришелъ онъ въ это пустынное мѣсто. Платье было на немъ изъ сѣраго сукна, съ большими черными пуговицами, синяя суконная фуражка, бѣлыя панталоны и красный жилетъ По панталонамъ, забрызганнымъ грязью, по шпорамъ на сапогахъ и хлысту въ рукахъ можно было заключить, что онъ только что совершилъ продолжительный путь верхомъ. То былъ никто иной, какъ самъ господинъ Маки, глава извѣстнаго дома Маки и Кертуайрайтъ, спекуляторовъ, купцовъ, коммисіонеровъ и маклеровъ въ городѣ Сиднеѣ, то есть глава дома, вообще слывшаго самымъ значительнымъ и самымъ бѣднымъ въ колоніи.

Господинъ Кертуайрайтъ нѣкогда правилъ кабріолетомъ и накопилъ себѣ деньгу, когда времена были хороши. Господинъ Маки былъ главнымъ прикащикомъ у обанкрутившихся негоціантовъ. Эти двѣ умныя головы встрѣтились и выискали удобный случай пуститься въ торговлю; вотъ происхожденіе знаменитаго дома Маки Кертуайрайтъ.

Наняли маленькую лавчонку, въ которой оба товарища и кушанье себѣ готовили, и сами постели себѣ стлали. Трудолюбіемъ и экономіей они скоро пріобрѣли кредитъ. Кертуайрайтъ, человѣкъ смирный и разсудительный, охотно оставался въ магазинѣ съ утра до ночи. Маки былъ дѣятеленъ, въ безпрерывномъ движеніи, и хотѣлъ все болѣе пріобрѣтать. Цѣлые дни онъ проводилъ внѣ дома, бѣгая по дѣламъ; онъ ѣздилъ въ Англію, чтобы завести связи, нѣсколько разъ, для мѣны товаровъ, предпринималъ путешествія на маленькомъ бригѣ, на острова Южнаго-моря, въ Восточную Индію, даже до Китая; словомъ, распространилъ по цѣлому свѣту сношенія своего дома. Въ Сиднеѣ никто не зналъ откуда онъ, ни чѣмъ занимался до при-

ѣзда своего въ колонію. Въ одно прекрасное утро, онъ вышелъ на берегъ въ Портъ-Джаксонѣ, безъ состоянія и безъ друзей. Къ негоціантамъ онъ вступилъ послѣднимъ прикащикомъ, но вскорѣ сдѣлался главою дома; потому-что всѣ признавали въ немъ величайшую способность къ коммерческимъ дѣламъ. Впродолженіе трехъ лѣтъ онъ получалъ значительное жалованье отъ своихъ хозяевъ, а когда они обанкрутились, у него нашлось триста ливровъ экономіи.

При началѣ, Маки и Кертуайрайтъ выказали чрезвычайное благоразуміе и осмотрительность въ своихъ предпріятіяхъ. Когда же кредитъ ихъ надежно установился, они распространили свои занятія и пустились въ значительныя спекуляціи; купили судно, выстроили два прекрасныхъ магазина, разсчитывая уже въ большихъ размѣрахъ. Но откуда брались у нихъ деньги, необходимыя для поддержанія такихъ обширныхъ операцій? Этого-то никто и не зналъ. Знали только, что они начали ни съ чѣмъ, и выводили изъ того заключеніе, что эти спекуляціи превосходили ихъ средства. Негоціанты, не умѣя объяснить себѣ того, качали головами; слухъ прошелъ, что дѣла этого дома идутъ дурно; потомъ сказали даже, что онъ отсрочилъ платежи. Но чудное дѣло! онъ никогда даже на одинъ день не отсрочивалъ своихъ платежей по заемнымъ письмамъ, несмотря на то, что ими можно было бы наполнить цѣлый возъ. Однако по всѣмъ заемнымъ письмамъ уплачивалось въ срокъ. Напротивъ, съ каждымъ днемъ операціи ихъ не уменьшались, но становились обширнѣе. Они посылали шерсти въ бо̀льшемъ количествѣ, нежели какой-либо домъ въ колоніи, закупали и продавали втрое болѣе товаровъ; ихъ коммисіями впродолженіе только одного году можно было бы разбогатѣть маклеру. Совсѣмъ тѣмъ въ наличности у нихъ никогда не было денегъ. Если они вамъ были должны хоть два ливра, невозможно было получить ихъ; не потому, чтобъ они не хотѣли платить, имѣя деньги, но потому-что у нихъ не было денегъ и все, что̀, они получали, употреблялось до послѣдней копѣйки на уплату товаровъ.

Такъ проходили годы. Иногда изъ Англіи приходила вѣсть, что они остановили уплаты, и кредитъ ихъ упадалъ на нѣкоторое время; потомъ, когда этотъ слухъ оказывался ложнымъ, ихъ корреспонденты чрезвычайно скорбѣли, что усумнились въ основательности дома, столь достойнаго уваженія, какъ Маки и Кертуайрайта; и какъ бы въ воздаяніе, они нерѣдко увеличивали отправленіе товаровъ на ихъ

домъ. Въ коммерческомъ мірѣ начали принимать за шутку толки о неплатежѣ дома Маки и Кертуайрайта; такъ часто распространяли слухи о паденіи ихъ, что они не производили уже никакого впечатлѣнія. Всѣ удивлялись, видя ихъ устоявшими, но никто не отказывалъ имъ въ кредитѣ, и въ 1825 году, они были точно въ такомъ же положеніи, какъ пять лѣтъ тому назадъ. Только всѣ говорили, что Маки долженъ быть ужасный человѣкъ; иначе не называли его, какъ *этотъ сатана Маки.*

Безспорно, Маки былъ замѣчательный человѣкъ по своимъ способностямъ. Среди превратностей и коммерческихъ опасностей, онъ умѣлъ поддерживать честь своего дома. Однакожъ у него былъ одинъ недостатокъ или, по-крайней-мѣрѣ, его обвиняли въ томъ; въ его поступкахъ недоставало благородной деликатности; никогда никто не могъ полагаться на его слово; у него были безконечныя уловки и извороты; онъ или отдѣлывался отъ васъ, или привязывалъ къ себѣ, смотря по надобности. Вотъ, напримѣръ, одна штука изъ числа любимыхъ его уловокъ. Кто-нибудь получаетъ переводъ своихъ денегъ на ихъ домъ; Маки водитъ день за день, до-тѣхъ-поръ пока начинаютъ опасаться недостатка средствъ для уплаты, и тревожась за свои деньги, дѣлаются неотвязными.

— Хорошо, говоритъ Маки: теперь у насъ нѣтъ денегъ, но такъ какъ они вамъ очень нужны, мы можемъ занять, чтобы удовлетворить васъ; но какую же уступку вы сдѣлаете?

— О, восклицаетъ кліентъ въ восторгѣ, что получитъ деньги: я не постою за пять процентовъ на сто.

— Этого мало, говоритъ Маки: если вы хотите дать по пятнадцати на сто, мы увидимъ, чтó можно сдѣлать.

Кліентъ отказывался и предлагалъ по десяти на сто; Маки и слышать не хотѣлъ, и бѣднякъ оканчивалъ тѣмъ, что соглашался по пятнадцати на сто.

Маки тотчасъ же подписываетъ вексель и уходитъ; прикащикъ беретъ его производитъ что слѣдуетъ, и возвращаетъ кліенту, приглашая получить деньги изъ кассы. Тогда только бѣдняга замѣчаетъ, что онъ обманутъ, горячится и изливаетъ свой гнѣвъ огнемъ и пламенемъ. Но для прикащиковъ Маки и Кертуайрайта этого рода сцены слишкомъ обыкновенны, чтобы обращать на нихъ вниманіе; а

если кліентъ начиналъ слишкомъ шумѣть, его брали за плеча и выталкивали за дверь, отсылая въ преисподнюю.

Маки былъ слишкомъ уменъ и опытенъ для того, чтобы продѣлывать подобныя штуки съ людьми, благосклонностію которыхъ дорожилъ; зато безъ всякой жалости поступалъ такимъ-образомъ съ мелкими торговцами, продавцами скота и съ иностранцами; онъ понималъ людей, зналъ ходъ всѣхъ настоящихъ дѣлъ, и если какое-нибудь дѣло требовало заботъ и старанія, то никто уже лучше и скорѣе не могъ выполнить его. Шло ли дѣло о покупкѣ, онъ умѣлъ найти столько недостатковъ въ покупаемомъ товарѣ, что продавецъ считалъ себя счастливымъ, что наконецъ избавлялся отъ своего товара. Когда же, напротивъ, Маки продавалъ, то превосходнѣйшій ораторъ, самый краснорѣчивый риторъ, не могли такъ красно выражаться, не умѣли возбудить такую симпатію, польстить самолюбію и пробудить тщеславіе. Душою и тѣломъ онъ предавался продажѣ, за которую взялся, и всегда кончалъ выгодно. При равныхъ условіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія онъ получалъ преимущество надъ всѣми.

Но разъ случилось, что и его чудесно надули. У него была водка для продажи; а такъ какъ эта статья была обременительна для него, и, казалось, теряла свою цѣнность, то Маки очень желалъ отъ нея отдѣлаться, за чистыя денежки. Два или три шутника явились къ нему и сочинили исторію о довольно значительной суммѣ, которую они хотѣли бы употребить на покупку товаровъ, которые могли бы доставить имъ вѣрную прибыль. Наслышавшись о превосходной репутаціи и объ опытности Маки, они рѣшились просить у него безпристрастнаго совѣта. Маки объявляетъ, что считаетъ за честь подобную довѣренность, и что въ настоящее время для этого у него столько выгодныхъ статей, что онъ не знаетъ, на которую указать. Посѣтители подбодрили его, сказавъ, что теперь большое требованіе на крѣпкіе напитки, и спрашивали по совѣсти, что онъ думаетъ объ операціи на водку. Маки попался на удочку, и какъ-будто внезапно озаренный лучемъ свѣта, восклицаетъ, что это самое выгодное предпріятіе, и тотчасъ же прибавляетъ, что недавно пріобрѣлъ водку лучшаго достоинства, которую можетъ уступить до баснословныхъ цѣнъ, если только товарищъ его не всю уже продалъ. Господинъ Кертуайрайтъ приказалъ отвѣчать, что у него еще осталось нѣсколько бочекъ и присылаетъ пробу. Пока вино отвѣдывали, одинъ изъ посѣ-

пителей небрежно перевертывалъ бутылку, чтобы лучше удержать въ памяти клеймо и нумеръ, находящійся на ярлычкѣ. Потомъ достойное тріо прощается съ Маки, объявивъ, что объ этомъ дѣлѣ хотятъ переговорить между-собою, отвѣтъ же пришлютъ вечеромъ. Отъ него они отправляются прямо въ кладовую, гдѣ складываютъ товары; объявляютъ, что прислали отъ Маки, и ссылаясь на клеймо и нумеръ бочонка, заставляютъ отдать себѣ пробу водки.

Вечеромъ они снова являются къ Маки, съ пробою въ рукѣ, объявить ему свое сожалѣніе, что не могутъ заключить съ нимъ условіе, потому-что въ другомъ мѣстѣ имъ отдаютъ такого же достоинства водку, шиллингомъ менѣе на ящикъ.

— А это проба? спросилъ Маки, протягивая руку. Онъ налилъ рюмку, смотритъ съ величайшимъ презрѣніемъ на вино, и наконецъ рѣшается поднесть его къ губамъ, но вдругъ дѣлаетъ гримасу, и выплюнувъ на полъ, восклицаетъ:

— Неужели существуетъ на свѣтѣ бездѣльникъ, до того безсовѣстный, чтобы за подобное питье требовать такую цѣну?

— Развѣ вы находите его дурнымъ? спросилъ одинъ изъ покупателей.

— Дурнымъ! отвѣчалъ Маки съ улыбкой сожалѣнія: но это совсѣмъ не водка, это спиртъ, нацѣженный изъ лужи испанскаго вина; цѣлый галонъ не стóитъ шести пенсовъ; чтó касается до меня, я не сталъ бы тратиться на перевозку, еслибъ мнѣ отдавали его даромъ.

— Вы шутите, господинъ Маки?

— Нисколько не шучу, любезнѣйшій другъ; я нисколько не завидую вамъ въ этой находкѣ, и еще менѣе думаю продавать вамъ свою; но хочу дать дружескій совѣтъ: не берите водку, отъ которой вы мнѣ представили пробу; вы навѣрное раскаетесь, если возьмете ее.

— Прекрасно, господинъ Маки, сказали всѣ вдругъ ложные покупатели: мы очень обязаны за этотъ искренній совѣтъ, тѣмъ болѣе что это водка ваша; слѣдуя совѣту вашему, мы оставляемъ васъ.

Когда Маки увидалъ, что его осмѣяли, и что насмѣшники конечно не будутъ на его сторонѣ, онъ принялъ все за шутку. Когда анекдотъ сдѣлался гласнымъ, Маки смѣялся громче и продолжительнѣе всѣхъ, и объявлялъ во всеуслышаніе, что это самая забавная шутка, никогда неслыханная. Онъ только прибавлялъ, что ремесло его со-

стояло въ томъ, чтобы продавать, во что бы ни стало, и что водка самаго лучшаго или самаго худшаго достоинства чужой продажи была бы равно предметомъ его порицанія, потому-что онъ долженъ собственно свою сбыть съ рукъ. Были люди, полагавшіе, что такой образъ мыслей, былъ, по-крайней-мѣрѣ, столько же любопытенъ, сколько остроуменъ, но они не считали за нужное разглашать публично своихъ замѣчаній.

Всего страннѣе было то, что Маки, несмотря на подобнаго рода продѣлки, умѣлъ сохранить выгодное положеніе въ коммерціи и въ свѣтѣ. Онъ думалъ, что не должно позволять себѣ подобныхъ продѣлокъ съ извѣстными домами, не должно для сохраненія собственно своего добраго имени. Съ уважаемыми негоціантами онъ былъ весь честь и праводушіе, цвѣтъ честныхъ людей; за-то и негоціанты уважали его таланты, и всѣ слухи о его продѣлкахъ считали за чистую ложь, за выдумки завистниковъ его. Небогатые купцы, бывшіе его жертвами, хорошо знали, какъ объ этомъ думать, но только удивлялись, что человѣкъ, умѣющій такъ легко пріобрѣтать деньги, унижался до подобныхъ поступковъ.

Возвратимся къ нашему разсказу. Два часа уже прошло въ ожиданіи, а дни въ это время года очень коротки, и Маки начиналъ уже отчаяваться въ прибытіи ожидаемаго судна, и собирался уходить; онъ еще напрасно два или три раза пробѣжалъ глазами горизонтъ, и вдругъ вздрогнулъ при видѣ, какъ ему показалось, верхушки мачты. Глаза его устремились на ту же точку; волна опустилась и снова дала ему возможность примѣтить край бѣлаго паруса, отдѣляющагося на черномъ фонѣ моря. — Это вѣрно шкуна, воскликнулъ Маки: я зналъ, что старый Бигсъ не нарушитъ даннаго слова. Почти черезъ полчаса можно было ясно видѣть небольшую шкуну, на всѣхъ парусахъ, направляющуюся къ бухтѣ.

— А! старый Бигсъ пользуется вѣтромъ, сказалъ купецъ: я надѣюсь, что онъ въ своемъ умѣ, потому-что этотъ плоскій берегъ не очень улыбается хозяевамъ, у которыхъ судно незастраховано. Старый дуракъ! для чего онъ такъ близко подходитъ къ берегу? Онъ непремѣнно сядетъ на мель.

Маки боялся не безъ причины. Судя по мѣстоположенію пристани, шкуна должна бы подобрать, по-крайней-мѣрѣ, самый большой парусъ, а летѣть на всѣхъ парусахъ прямо по направленію вѣтра, это было

почти безуміе. Несмотря на это, она подошла къ самымъ подводнымъ камнямъ, не свернувши даже кончика паруса, и потомъ, вдругъ, какъ-бы по волшебному мановенію, всѣ паруса исчезли, судно повернулось само собою, какъ стрѣла проскользнуло мимо берега, до самой пристани, и бросило якорь во сто метрахъ отъ берегу. Негодяй, разбойникъ, извергъ, какъ онъ шутитъ моимъ добромъ! восклицалъ Маки съ бѣшенствомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Потомъ, подбѣжавъ къ берегу, сложилъ свои руки на подобіе рупора и закричалъ, чтобы ему прислали лодку.

Едва только отвязали канатъ, лодка, увлеченная теченіемъ, съ быстротою молніи приблизилась къ берегу. Маки принужденъ былъ войти въ воду, чтобы поймать канатъ, потому-что гребцы едва могли удерживать ее, и съ величайшимъ трудомъ причалили къ борту корабля. Маки, промокшій до костей, наконецъ вышелъ на палубу судна.

— Время ли теперь ребячиться, капитанъ, воскликнулъ онъ: и передразнивать ласточку, когда у васъ на бортѣ товаровъ на три тысячи ливровъ, и изъ которыхъ ни на одну копѣйку не застраховано? Не думаете ли вы, что дрянной якорь можетъ удержать васъ на мѣстѣ и воспрепятствуетъ прибиться къ берегу? Если шквалъ хоть немного увеличится, и въ подобную ночь, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ утру вы всѣ превратитесь въ щепки?

— Хорошо, хорошо, сказалъ капитанъ: не въ первый разъ бросить мнѣ якорь въ опасномъ мѣстѣ; я всегда выводилъ благополучно мое судно.

— Правда, капитанъ; но вы играли въ большую игру. На этотъ разъ если корабль сядетъ на берегъ, будетъ чистый убытокъ: вамъ слѣдовало быть осторожнѣй.

Морякъ, къ которому обращался такой крутой выговоръ, былъ небольшаго роста, широкоплечій, шея почти вросла въ плеча, перешедшій уже зрѣлый возрастъ; но по пріемамъ его и по наружности видно было, что онъ сохранилъ большую силу и чрезвычайную дѣятельность. Лицо его побагровѣло, когда Маки заговорилъ съ нимъ, потому-что всѣ люди были на палубѣ и въ такомъ разстояніи, что могли слышать сказанное. Но чувствуя свою вину, онъ сдержалъ, какъ могъ, досаду, и спросилъ у хозяина шкуны, не промокъ ли онъ?

— Прекрасный вопросъ, воскликнулъ Маки: развѣ вы не видите,

что съ моего платья еще текутъ ручьи! Нѣтъ ли у васъ немного грогу?

Капитанъ сошелъ въ каюту и возвратился съ бутылкою въ рукѣ. Вотъ ромъ, сказалъ онъ, съ сверкающими отъ удовольствія глазами; къ-несчастью, у меня нѣтъ рюмокъ; но на этотъ разъ можно употребить въ дѣло старую солонку. Вамъ налить полную?

Онъ подалъ Маки солонку, наполненную вполовину; потомъ, не говоря ни слова, налилъ чайную чашку рому и однимъ глоткомъ опорожнилъ ее.

Воспоминанія объ Испаніи. На языкѣ новѣйшей Испаніи нападеніе на путешественниковъ на большой дорогѣ не называется, какъ вездѣ, грабежемъ, а novedad—*новостью*. Хотя уже довольно давно никакая *новость* такого рода не происходила на дорогѣ изъ Константины въ Пуэбла де-лосъ-Инфантесъ, такъ-какъ, однако, эта страна пользуется самой дурной извѣстностью, я счелъ благоразумнымъ взять съ собою двухъ товарищей, для охраненія моей особы и поклажи. Я взялъ movilizados, родъ солдатъ, которымъ поручено охранять дороги и прогонять разбойниковъ. Это были люди, совершенно для того способные, потому-что, родившись въ сосѣдствѣ, обладали тѣмъ точнымъ знаніемъ страны, всѣхъ тропинокъ, всѣхъ скрытыхъ убѣжищъ, безъ котораго разбойниковъ невозможно изгнать изъ мѣстъ, гдѣ они однажды поселились.

Мы выѣхали въ четыре часа утра, какъ только первые дневные лучи позволили глазамъ различать предметы. Впереди ѣхалъ мой конвой, въ довольно странномъ одѣяніи. Короткое полукафтанье, коническая шляпа, длинные кожаные штиблеты составляли этотъ несовсѣмъ военный мундиръ. Съ правой стороны висѣлъ небольшой штуцеръ (родъ винтовки), прикрѣпленный къ сѣдлу, но такимъ-образомъ, чтобы можно было тотчасъ же выхватить его и выстрѣлить; съ лѣвой прямая сабля въ заржавленныхъ ножнахъ. Впереди сѣдла лежалъ свернутый плащъ, а сзади груда одѣялъ и попонъ, возвышавшаяся до плечъ. Съ этимъ-то снарядомъ movilizados исполняютъ свой дозоръ; они принуждены проводить ночь на открытомъ воздухѣ, сходятъ на землю и спутываютъ лошадей; одѣяла разстилаютъ на землѣ, и завернувшись въ плащи, засыпаютъ глубокимъ сномъ. На разсвѣтѣ снова пускаются въ путь, по слѣдамъ контрабандистовъ и разбойни-

ковъ, принимая мѣры, чтобы напасть нечаянно, и исполняя всѣ свои экспедиціи не только благоразумно, но и таинственно.

Мы медленно подвигались по дикой странѣ. Приближаясь къ нѣкоторымъ узкимъ ущельямъ, гдѣ дорога углубляется словно въ оврагѣ, между двумя почти перпендикулярными возвышеніями, конвой мой удвоилъ предосторожности; тутъ-то особенно должно опасаться внезапнаго нападенія; путешественникъ узнаетъ объ опасности только изъ выстрѣла мушкетона, опускающагося передъ его грудью, и изъ страшнаго Boca abajo, привѣтствующаго его слухъ.

Однако ничего подобнаго не случилось, пока мы безмолвно проѣзжали эти ущелья, и скоро Пуэбла де-лосъ-Инфантесъ явилась передъ нами. Пуэбла имѣла прежде свой зáмокъ, котораго развалины еще виднѣются на сосѣднемъ возвышеніи; конечно тогда деревня процвѣтала подъ покровительствомъ рыцарей и воиновъ, охранявшихъ башни, нынѣ обрушивающіяся; теперь же она представляетъ грустное зрѣлище упадка и нищеты. Здѣсь кончалась обязанность моего конвоя, и оба movilizados оставили меня, исполненные признательности къ скромному вознагражденію, которое я имъ заплатилъ.

Отъ Пуэблы тропинка сходитъ среди плантаціи оливковыхъ деревъ и скоро, обогнувъ холмъ, имѣешь передъ собою обширную Гвадалквивирскую долину Это прекрасный видъ: такъ далеко, какъ только глазъ можетъ обнять пространство, безконечно смѣняются поля хлѣбныхъ колосьевъ, которыхъ золотистый оттѣнокъ прерывается только нѣсколькими группами оливковыхъ деревъ, разбросанныхъ тамъ-и-сямъ. Не видно ни деревушекъ, ни мызъ, ни дачъ; ничто не показываетъ присутствія человѣка среди этой пустыни, которой плодоносный видъ обнаруживаетъ, однако, старательную обработку. Отсюда, обогнувъ налѣво, вдоль подошвы горы, и слѣдуя по правому берегу рѣки, мы пріѣхали въ полдень къ Пасадасъ.

Мой проводникъ направился къ одной изъ трехъ скверныхъ гостинницъ, находящихся въ деревнѣ. Въѣхавъ въ ворота, открытыя на дорогу, мы нашли каравансераль занятымъ толпою погонщиковъ лошаковъ, которые въ это время года, чтобы избѣжать слишкомъ сильнаго зноя, путешествуютъ ночью, а днемъ отдыхаютъ. Со всѣхъ сторонъ громоздились тюки товаровъ, на которыхъ они спали, не заботясь о шумѣ, происходившемъ вокругъ. По обыкновенію, ни трактирщикъ, ни слуга, качаясь на низкихъ стульяхъ, не побезпокои-

лись встать при нашемъ пріѣздѣ, а только устремили на насъ пристальные взоры; столкнувъ одного на землю, я сѣлъ на его мѣсто, и послѣ этого нѣсколько грубаго вступленія начались обычные вопросы: «Откуда вы? Куда? Потомъ мои отвѣты сдѣлались предметомъ толковъ семьи. Видя, что дѣла пошли порядкомъ, я рѣшился спросить, есть ли свободная комната, гдѣ я могъ бы въ уединеніи послѣдовать примѣру погонщиковъ муловъ, храпѣвшихъ вокругъ насъ. Комната, отдѣленная перегородкой отъ общей залы, была мнѣ указана, какъ единственное мѣсто, годное для моего намѣренія, и сверхъ-того мнѣ обѣщали хорошую постель. Сначала надо было выгнать оттуда двухъ погонщиковъ, вкравшихся туда тайкомъ, послѣ чего приготовленія были непродолжительны: тюфякъ на полу, двѣ простыни, подушка дополнили убранство этой комнаты, какъ это дѣлается въ городкахъ и деревушкахъ испанскихъ провинцій. Но напрасно ожидалъ я сна на этомъ обольстительномъ ложѣ. Правда, что атмосфера моей спальни не уступала атмосферѣ пекарной печи; можно было задохнуться тому, кто не привыкъ къ зною андалузскаго климата. Я всталъ, чтобы насладиться свѣжестью вечера на берегу рѣки, и сѣлъ на пригоркѣ, откуда могъ видѣть Гвадалквивирскую долину, которая съ другой стороны воды, около ста футовъ надо мною, простиралась до горъ Лироны и Эстены. Положеніе, занимаемое мною, образовало оконечность гористой области, которой шероховатая почва покрываетъ пространство нѣсколькихъ миль, до горъ Рондскихъ и Гренадскихъ, у подошвы которыхъ текутъ спокойныя воды Средиземнаго-моря.

На разстояніи ружейнаго выстрѣла, я видѣлъ паромъ, переѣзжавшій черезъ рѣку, нагруженный пассажирами и животными; одни крики лодочниковъ возмущали безмолвіе вечера. Скоро стадо ословъ приближается рысью, и паромъ подъѣзжаетъ къ берегу принять ихъ. Для этихъ животныхъ дневной трудъ кончился; ослы, освободившись отъ ноши, которую носили съ разсвѣта, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются добраться до дому; звукъ колокольчиковъ, которые они носятъ на шеѣ, весело сопровождаетъ ихъ быстрый бѣгъ. Достигнувъ вершины спуска, первый останавливается, ища глазами узкую и извилистую тропинку, по которой долженъ идти. Но грубый крикъ arre burro прерываетъ его нерѣшимость, заставляя сходить медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ, которому всѣ другіе слѣдуютъ одинъ за другимъ. Внизу склона передовому представляется трудный шагъ:

тропинка сдѣлалась скользкою отъ воды рѣки, безпрестанно ее омывающей, а внизу бортъ парома угрожаетъ разбить ему ноги, если онѣ оступится. Бѣдное животное понимаетъ опасность, смотритъ съ минуту направо и налѣво, потомъ, собравшись съ мужествомъ, прыгаетъ, потомъ скользитъ, съ быстротою, все болѣе и болѣе увеличивающеюся. Такимъ-образомъ онъ достигаетъ парома, противъ киля котораго, кажется, долженъ бы разбиться, когда вдругъ съ усиліемъ, искусно разсчитаннымъ, бросается и падаетъ здравъ и невредимъ среди судна. Другіе подражаютъ этому движенію съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, и скоро все стадо выходитъ на противоположный берегъ. Тогда они опять пускаются въ путь, прыгая и толкая другъ-друга, и звукъ ихъ колокольчиковъ слышится долго спустя послѣ того, какъ они исчезли вдали.

Испанскій оселъ вовсе непохожъ наословъ сѣверныхъ странъ. У него нѣтъ этой смиренной и щедушной наружности, къ которой мы привыкли; онъ гораздо больше и сильнѣе, и видъ его сбиваетъ съ толку наши понятія о медлительномъ и миролюбивомъ характерѣ этого животнаго; рѣзвый оселъ кажется намъ невозможностью; а между-тѣмъ въ этой странѣ противорѣчій нерѣдко встрѣтишь такихъословъ.

На другой день до разсвѣта меня разбудилъ Химепесъ, все приготовившій къ отъѣзду. Когда я вышелъ изъ моей конурки, любопытная сцена поразила взоръ мой: передо мною была груда сонныхъ, черезъ которыхъ я съ трудомъ могъ пробраться. Плащъ или одѣяло, разостланное на острыхъ камняхъ, составляли ихъ ложе, гдѣ они наслаждались глубокимъ сномъ, который невсегда находитъ сибаритъ на самой лучшей постели. Въ одномъ углу дочери трактирщика спали, обнявшись между собою, а возлѣ нихъ лежала мать, завернувшись въ одѣяло. Никто не раскрылъ глазъ пока наши лошаки шумно проѣзжали по двору, и мы уѣхали не размѣнявшись ни однимъ словомъ.

Болѣе мили дорога наша шла вдоль послѣднихъ склоновъ горы; потомъ, переѣхавъ безчисленное множество ручейковъ, мы спустились къ главному рукаву Гвадіато. Тамъ находился мостъ, который movilizados употребили на то, о чемъ его строители, вѣрно, не думали: они бросили черезъ перила разбойника, котораго, вѣроятно, не считали достойнымъ выстрѣла. Послѣ этого примѣра проворнаго

правосудія, мы въ нѣсколько минутъ достигли замка Алмодовара, котораго четвероугольныя башни виднѣлись давно. Ничто не можетъ лучше дать понятія объ уединеніи, какъ видъ этой крѣпости, построенной на вершинѣ скалы. Хотя разоренная, она представляетъ еще однако изображеніе разбойничаго вертепа, котораго владѣлецъ могъ безнаказанно грабить путешественниковъ. Во времена Мавровъ она славилась какъ крѣпость.

Въ эпоху болѣе близкую, Альмодоваръ былъ темницею Донъ-Жуаны-де-Лары, бискайской владычицы, которую Петръ Жестокій лишилъ свободы и черезъ нѣсколько времени и жизни, хотя она была его невѣсткой. Тамъ онъ спряталъ королевскую казну. Въ самые бурные періоды испанской исторіи, замокъ Альмодоваръ служилъ попеременно то тюрьмою, то крѣпостью, до того времени, когда соединеніе кастильской и аррагонской коронъ положило конецъ междуусобной войнѣ, и имя его совершенно исчезло изъ испанскихъ лѣтописей.

Послѣ краткого отдыха, мы поѣхали по черноватой дорогѣ, которая, проходя черезъ долину, прямо ведетъ въ Кордову. Скоро показались обелиски и куполы, выдававшіеся изъ-за деревьевъ, скрывавшихъ отъ насъ стѣны города. Приближаясь къ древной столицѣ Андалузіи, я искалъ со всѣхъ сторонъ какого-нибудь слѣда великолѣпнаго лѣтняго дворца, который былъ воздвигнутъ съ этой стороны города Абдерахманомъ Третьимъ и который славился какъ чудо искусства и великолѣпія. Конечно нечего было надѣяться отъискать хотя малѣйшій слѣдъ тлѣнныхъ украшеній этого очаровательнаго убѣжища, его общирныхъ садовъ, лавровыхъ рощъ и многочисленныхъ фонтановъ; но я думалъ, что, по-крайней-мѣрѣ, останутся какія-нибудь развалины отъ его прекрасныхъ залъ, мечети, павильоновъ, искуственной горы, откуда монархъ могъ любоваться городомъ и наслаждаться окрестнымъ пейзажемъ. Что сдѣлалось съ 4300 колоннъ, богато изваянныхъ, которыя служили перистилемъ этой великолѣпной резиденціи? Ахъ! отъ всѣхъ этихъ чудесъ, такъ же какъ и отъ мрамора, которымъ были устланы даже конюшни, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ; безъ свидѣтельства историковъ, съ трудомъ можно повѣрить, что Медина-Азагара покрылъ когда-нибудь это мѣсто великолѣпными зданіями.

Объѣхавъ вдоль пустынной Аламеды, подъ тѣнью стѣнъ, сожжен-

ныхъ солнцемъ, мы въѣхали въ городскіе ворота, проѣхавъ мимо множества другихъ, которыя лѣность или подозрительность испанская велѣла заложить. Мы подвергнулись неизбѣжному осмотру таможенныхъ; потомъ по безмолвнымъ улицамъ доѣхали до гостинницы, которую я нашелъ лучшею изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Андалузіи.

Здѣсь кончалось условіе мое съ Хименесомъ; я долженъ сказать, разставаясь съ нимъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа поставила на сценѣ міра, чтобы исполнять свою роль, произнося какъ можно менѣе словъ. Онъ былъ самый скромный, самый несообщительный изъ всѣхъ андалузскихъ arrieros, которыхъ я встрѣчалъ; а если невзначай онъ начиналъ говорить, то съ такимъ гортаннымъ акцентомъ, что языкъ его былъ столь же для меня непонятенъ, сколько и для кордовскихъ прохожихъ, у которыхъ онъ спрашивалъ дорогу къ гостинницѣ. И потому мнѣ было даже пріятно, когда кастиланскій діалектъ кордовскаго слуги прервалъ безмолвныя размышленія, къ которымъ я былъ насильно приведенъ въ послѣдніе сорокъ восемь часовъ.

Когда достаточно налюбуешься великолѣпною мечетью, отъ описанія которой меня избавляютъ дорожники, пребываніе въ Кордовѣ не представляетъ ничего привлекательнаго. Это самый скучный изъ всѣхъ скучныхъ городовъ, и проходя по его улицамъ, можно вообразить себя среди гробницъ. Если кто хочетъ узнать, чтó такое печальный и угрюмый городъ, пусть пріѣдетъ въ Кордову; видя пустынныя улицы, находясь одинъ на площадяхъ среди бѣлаго дня, слыша шумъ своихъ шаговъ, раздающихся по мостовой тогда какъ никакой другой звукъ не поразитъ слуха его впродолженіе цѣлыхъ часовъ, онъ можетъ вообразить, что перенесенъ въ тотъ очарованный городъ Тысяча одной ночи, котораго жители были превращены въ мраморъ. Однако это былъ прежде цвѣтущій городъ; подъ римскимъ владычествомъ Кордова была главнымъ городомъ провинціи, оба Сенеки и Лукіанъ тамъ родились. Литература облагороживала тамъ наслажденія богатства, и остатки римскаго искусства, еще неразрушенные временемъ, свидѣтельствуютъ, что жители любили украшать улицы лучшими произведеніями архитектуры и скульптуры. Подъ владычествомъ Аравитянъ, Кордова достигла высшей степени своей славы, сдѣлавшись столицею Испаніи.

Но нынѣ, литература, искусство, торговля, богатство, дѣятельность,

все исчезло, и дѣйствіе этой противоположности между прошедшимъ и настоящимъ конечно способствовало тягостному впечатлѣнію, которое она во мнѣ оставила. Надо прибавить однако и другую причину, сдѣлавшую Кордову еще печальнѣе въ моихъ глазахъ. Тотчасъ послѣ моего пріѣзда я занемогъ, вѣроятно, отъ слѣдствія дорожнаго утомленія, и счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ докторомъ. Я рѣшился на это не безъ отвращенія, но, къ счастію, лекарства моего Санградо были гораздо проще, чѣмъ я смѣлъ надѣяться. Онъ предписалъ мнѣ не пить вина, а освѣжительные напитки, діэту, на которую я самъ себя осудилъ съ нѣкотораго времени. Лекарствъ давалъ онъ мнѣ мало, сопровождая ихъ цѣлымъ потокомъ словъ, по привычкѣ своихъ соотечественниковъ, которые, когда надо дѣйствовать, ничего не дѣлаютъ а много болтаютъ. Въ этомъ краю медицинское искусство вовсе не сдѣлало успѣховъ со временъ Жиль Блаза. Осматривая библіотеки многихъ врачей, я могъ убѣдиться, что онѣ состояли, по бо́льшей части, изъ изданій восемнадцатаго столѣтія, между которыми случайно находились два или три новѣйшія сочиненія. Это не очень успокоительно для ихъ больныхъ, но, какъ бы то ни было, Андалузцы довольствуются этимъ ; имъ угодно отправляться на тотъ свѣтъ по тому же способу, какъ отправлялись ихъ предки, и они способны возмутиться противъ всякаго улучшенія.

Я надѣялся, что нѣсколько дней спокойствія принесутъ мнѣ болѣе пользы, чѣмъ всѣ лекарства, и не ошибся. Для разсѣянія, я дѣлалъ утромъ и вечеромъ небольшія прогулки, направлялъ свои нетвердыя шаги, то къ Аламедѣ, гдѣ садился на скамью любоваться закатомъ солнца, то къ церквамъ, въ которыхъ изучалъ нѣкоторые изъ самыхъ чудныхъ образцевъ школы кордовской живописи. Это последнее занятіе имѣло послѣдствія, которыхъ я вовсе не ожидалъ: меня скоро осадили просьбы отъ владѣльцевъ картинъ, которыя узнавъ, что я «muy aficionado a la pintura» заключили изъ того, что я долженъ быть собирателемъ картинъ, и, слѣдовательно, покупать у нихъ всѣ картины, какія они желаютъ продать. Это предположеніе не имѣло ни малѣйшаго основанія ; я ходилъ любоваться картинами просто отъ бездѣлья, не имѣя никакого другаго разсѣянія. Но въ испанскихъ городахъ народъ производитъ родъ безмолвнаго шпіонства. Иностранецъ можетъ быть совершенно увѣренъ, что малѣйшія движенія его подстерегаютъ многочи-

сленные наблюдатели, большею частью скрытые отъ его взору; его наружность, одежда, самыя незначительныя дѣйствія замѣчаются съ необыкновеннымъ любопытствомъ; потомъ, въ вечернихъ собраніяхъ, всѣ эти малѣйшія подробности становятся предметомъ разговоровъ Я самъ много разъ удивлялся, когда мнѣ напоминали такое обстоятельство, на которое я никогда не воображалъ, чтобы обратили какое-нибудь вниманіе. Между прочимъ я помню, что житель деревни, находящейся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Севильи, сказалъ мнѣ, что я имѣлъ привычку часто гулять подъ аркадой площади Санъ-Франсиско. Въ-самомъ-дѣлѣ мнѣ случалось это дѣлать, когда погода была дождлива, и это пустое обстоятельство, которое всюду осталось бы непримѣченнымъ, привлекло вниманіе сосѣдей, и одинъ изъ нихъ нашелъ его такъ важнымъ, что упомянулъ о томъ въ письмѣ къ своему деревенскому пріятелю.

Подобное надзираніе весьма неудобно въ такой странѣ, гдѣ тотъ, кто уклоняется въ чемъ бы то ни было отъ принятыхъ обычаевъ, становится подозрительнымъ. Иностранецъ скоро это примѣчаетъ, потому-что Испанцы, не будучи путешественниками, не могутъ понять, что утомленіямъ путешествія подвергаются съ единственной цѣлью удовлетворить своему любопытству: нѣтъ, нѣтъ, путешественникъ долженъ непремѣнно имѣть другіе виды и, разумѣется, вредные. Если онъ осматриваетъ развалины древней крѣпости, это для того, чтобы найти зарытый кладъ; если осматриваетъ рудникъ, то затѣмъ, чтобы купить его въ ущербъ тѣмъ, кто его разработываетъ; если всходитъ на холмъ полюбоваться хорошимъ видомъ, это чтобы подсмотрѣть нищету страны, и удовлетворить какому-нибудь злобному намѣренію. Подобныхъ дѣйствій достаточно, чтобы привести цѣлую провинцію въ безпокойство, возмутить сонъ алькадовъ и коррехидоровъ, вездѣ, гдѣ путешественникъ появится, и послать цѣлый полкъ шпіоновъ мужскаго и женскаго полу, которые слѣдуютъ за нимъ съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла.

Всѣ мои увѣренія не могли убѣдить продавцевъ картинъ, что я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія купить ихъ драгоцѣнности; справедливо, что труднѣе избавиться отъ какой-нибудь извѣстности, чѣмъ пріобрѣсти ее. Однажды я получилъ убѣдительное приглашеніе посмотрѣть картину высокаго достоинства, и какъ было прибавлено, что будетъ въ моей волѣ купить или не купить ее, я согласился.

Меня приняла сестра владѣльца, женщина уже пожилая, которая, по испанской модѣ, носила открытые волосы, не скрывая свѣжихъ слѣдовъ, начинавшихъ на нихъ появляться. Картина была замѣчательна, кажется, работы Антоніо Катильо, и изображала монаха, молящагося передъ трупомъ, распростертымъ у его ногъ. Этотъ торжественный и ужасный сюжетъ нисколько не терялъ отъ мрачной манеры художника. Удовлетворивъ любопытство, я вышелъ, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ, что меня звали словомъ «Hist», свойственнымъ однимъ испанскимъ губамъ. Я обернулся и увидѣлъ, что эта пожилая госпожа съ таинственнымъ видомъ приглашала меня слѣдовать за нею. Я послушался не безъ нѣкотораго удивленія и вошелъ съ нею въ маленькую комнату, которой дверь она затворила за нами. Потомъ она ввела меня въ другую комнату и также старательно заперла дверь; я приготовился услышать какую-нибудь страшную тайну, когда она сказала мнѣ тихо:

— Сеньоръ, хотите оказать мнѣ милость?

Я ограничился спросить ее, что̀ это за милость.

— Мнѣ сказали, отвѣчала она, что у васъ въ Англіи дѣлаютъ воду, чтобы красить бѣлые волосы: можете ли достать ее мнѣ?

Эта глупая развязка приключенія, возбудившаго въ высшей степени мое любопытство, такъ меня раздосадовала, что я чуть-было не разсердился на старую кокетку. Однако я отвѣчалъ, что дѣйствительно въ Англіи есть такія косметическія средства, но что употребленіе ихъ небезвредно, и что если употреблять ихъ неосторожно, то онѣ могутъ окрасить волосы въ красный или зеленый цвѣтъ; и я такъ хорошо постарался, что отбилъ у ней охоту попробовать эти средства. Тогда она проводила меня съ такими же предосторожностями, и я оставилъ ее совершенно излеченною отъ желанія помолодѣть.

Изъ тѣхъ немногихъ домовъ, гдѣ я былъ принятъ, въ домѣ генералъ-капитана провинціи нашелъ я особенно пріятное общество. Старый офицеръ, посѣдѣвшій на службѣ отечеству, онъ заслуживалъ высокій постъ, занимаемый имъ и своими дарованіями, и характеромъ, и ранами, полученными въ кампаніяхъ Южной-Америки, гдѣ онъ отличался замѣчательнымъ образомъ.

Когда я сообщилъ ему однажды о намѣреніи моемъ осмотрѣть Алмаденскіе ртутные рудники, онъ совѣтовалъ мнѣ не предпринимать одному этой поѣздки, потому-что дорога была небезопасна для

одинокаго путешественника, особенно около границъ Ламанчи. Въ этой провинціи еще находились шайки «faciosos», которые величали себя именемъ карлистовъ, но въ дѣйствительности были настоящіе разбойники; иногда они сходили къ сѣверу, до предѣловъ Сіерры-Морены и опустошали дорогу, по которой я располагалъ ѣхать. Черезъ два или три дня кавалерійскій отрядъ долженъ былъ ѣхать въ Алмаденъ, и послужилъ бы мнѣ конвоемъ, еслибы я хотѣлъ дождаться до-тѣхъ-поръ.

И такъ въ одно утро я очутился до разсвѣта среди дюжины улановъ, и проѣзжалъ мрачныя и пустынныя улицы Кордовы. Скоро мы достигли горъ, на которыя начали взбираться въ ту минуту, какъ первые лучи солнца появились на востокѣ. Въ первый день мы то и дѣло, что всходили и сходили съ холмиковъ на холмики, между которыми иногда находился лѣсъ уединенныхъ сосенъ, или потокъ, по высохшему ложу котораго мы слѣдовали нѣсколько времени. Нигдѣ не видно было ни малѣйшаго слѣда земледѣлія; дикая лаванда и цистусъ оспоривали владычество почвы, и за исключеніемъ уединенной венты, мы не примѣтили ни одного жилища въ этой негостепріимной пустынѣ, до Виллагарты, гдѣ мы остановились. Груда бѣдныхъ хижинъ не обѣщала ничего хорошаго утомленному путешественнику; однако я былъ пріятно удивленъ при видѣ чистенькаго домика, назначеннаго мнѣ для квартиры. Письмо алькада, предписывавшаго хозяйкѣ принять меня, послужило мнѣ билетомъ на квартиру, и я могъ считать себя очень счастливымъ, сравнивая свою участь съ участью товарищей, тѣснившихся въ общей залѣ *позады* послѣдняго разбора.

Вечеромъ меня удостоилъ посѣтить секретарь ayuntamiento, желавшій оказать путешественнику иностранцу всѣ возможныя вѣжливости и въ то же время постараться узнать причины и цѣль его присутствія въ провинціи. Я совершенно разочаровалъ его, разсказавъ просто всю правду, то есть, что я путешествовалъ для своего удовольствія и пользы. Деревенскій писарь, съ важнымъ видомъ человѣка, который знаетъ свѣтъ и можетъ читать въ глубинѣ сердца, значительно покачалъ головою въ знакъ сомнѣнія. Это невозможно! никогда ни онъ, ни алькадъ не дѣлали этого; развѣ можно путешествовать для удовольствія?

— Нѣтъ, нѣтъ, заключилъ онъ: у васъ должно быть что нибудь другое въ виду.

Эта разность въ мнѣніяхъ не помѣшала намъ посѣщать вмѣстѣ сельскія окрестности, гулять въ зеленыхъ дубовыхъ рощахъ, и секретарь съ гордостью показывалъ мнѣ натуральныя рѣдкости своей родины.

Постель мою составлялъ тонкій тюфякъ, положенный на длинномъ и широкомъ сундукѣ, служившемъ, вѣроятно, гардеробомъ и составлявшимъ всю мебель моей спальни. Я спалъ однако очень хорошо, и на разсвѣтѣ снова отправился въ путь съ отрядомъ.

Дорога наша шла около холмовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго глубокими долинами, съ крутыми и опасными спусками. До полудня мы достигли столицы области Поцобланко, большой деревни съ каменными, хорошо выстроенными домами. Здѣсь конвой долженъ былъ меня оставить, и я простился съ нимъ не безъ сожалѣнія. Я впрочемъ зналъ, что комендантъ получилъ приказаніе дать мнѣ другой конвой, и когда я подалъ ему рекомендательное письмо, онъ принялъ меня очень дружески, и сказалъ, что если я хочу пріѣхать вечеромъ въ Санта-Ефемію, мнѣ надо быть готовымъ ѣхать въ четыре часа съ моимъ новымъ конвоемъ. Въ назначенный часъ я былъ пріятно удивленъ, увидя, что мои вчерашніе товарищи получили приказаніе продолжать дорогу со мной.

Начальникъ ихъ Матрэнь Діасъ былъ молодой человѣкъ прекрасной наружности. Его отличныя манеры, изящество языка, чрезвычайная учтивость сильно меня поразили. Онъ былъ не безъ образованія, и игралъ на гитарѣ съ замѣчательнымъ талантомъ. Люди же, находившіеся подъ его начальствомъ, произвели на меня нестоль выгодное впечатлѣніе. Видъ ихъ не имѣлъ ничего воинственнаго; въ нихъ недоставало тѣхъ праводушныхъ пріемовъ, которыми вездѣ отличаются солдаты. Можетъ-быть, не они были въ томъ виноваты. На нихъ были не форменные мундиры, и до того истасканные, что навѣрно они служили уже нѣсколько лѣтъ. По безпорядку ли, по бѣдности ли, правительство часто заставляетъ солдатъ нуждаться въ необходимомъ; напримѣръ они сказали мнѣ, что лѣтнее платье отпускалось имъ въ концѣ осени, а зимнее въ началѣ лѣта.... Впрочемъ они были веселые товарищи, всегда готовые прогнать скуку пѣснями или веселыми прибаутками.

Близъ Попобланко земля была старательно обработана. По полямъ, раздѣленнымъ небольшими стѣнами, мы продолжали путь назадъ до Торремилана, деревни, очень древней наружности, и черезъ два часа были въ Санта-Евеміи, гдѣ должны были провести ночь.

Уѣзжая на другое утро, я могъ различить слѣды мавританскихъ построекъ и старый зàмокъ на вершинѣ скалы. Хотя частію разрушенный, онъ казался однако обитаемымъ. Около миля отъ Санта-Евеміи, переѣхавъ неглубокую рѣку, которой воды впадаютъ въ Гвадіану, мы нашли страну болѣе плоскую, и въ первый разъ отъ Кордовы примѣтили дорогу, сколько-нибудь удобную. До-тѣхъ-поръ мы ѣхали по узкимъ тропинкамъ, труднымъ и негладкимъ, по которымъ можно было ѣхать только шагомъ; теперь мы пустили лошадей рысью, вдоль берега спокойнаго ручейка, который въ одномъ мѣстѣ протекалъ сквозь скалу. Отсюда мы увидѣли Алмаденъ, расположенный на вершинѣ холма, и въ полдень я лежалъ въ дрянной гостинницѣ, снова страдая тѣмъ же нездоровьемъ, какъ въ Кордовѣ. Благодаря попеченіямъ доброй хозяйки и полъунціи чаю, который не безъ труда достали въ аптекѣ, я заснулъ нѣсколько часовъ, и потомъ почувствовалъ себя отакъ хорошо, что могъ выйти и осмотрѣть городъ.

Входъ въ рудокопни находится на западѣ, у подошвы холма. Было слишкомъ поздно, чтобы сойти туда, и къ тому же я долженъ былъ сначала получить позволеніе. Пока я ждалъ въ правленіи, я имѣлъ возможность замѣтить, какъ дѣйствія меркуріальныхъ испареній вредны: каждый работникъ проходившій мимо меня, носилъ болѣе или менѣе чувствительные знаки того. Всѣ, даже и молодые и крѣпкіе, были страшно блѣдны. Видъ тѣхъ, у которыхъ эта мертвенная наружность противорѣчила мускулистымъ и сильнымъ членамъ, былъ тѣмъ еще страннѣе. У нѣкоторыхъ ядъ проникнулъ сильнѣе; другіе, получившіе паралачъ, шли шатаясь; третьи безпрерывно дрожали; наконецъ, нѣкоторые лишились или губъ, или глаза или руки. Но самый поразительный феноменъ было поврежденіе глазъ у всѣхъ. Живой и мрачный глазъ Испанца исчезъ, а мѣсто его заступило тусклое яблоко, синеватаго цвѣта, имѣющее неподвижность идіотизма. Но это было только въ выраженіи, потому-что разговаривая съ ними, я убѣдился, что они довольно умны. Эти люди рѣдко работаютъ болѣе шести часовъ сряду въ рудокопняхъ, а тѣ, которые берегутъ здоровье, сходятъ туда черезъ день. Имъ платятъ по два франка въ день,

и какъ не ничтожно такое вознагражденіе за трудъ, разрушающій силы работника, городскіе и окрестные жители тѣмъ неменѣе гонятся за этой работой. Правда, что эта плата высока для Андалузіи, гдѣ заработке земледѣльца не превышаетъ двадцати-пяти су въ день.

Какъ обыкновенно случается, въ опасныхъ предпріятіяхъ, никто не думаетъ о будущемъ, никто не копитъ для обезпеченія себя прежде, чѣмъ будетъ поздно. Сдѣлать жизнь сладостною — единственная цѣль рудокоповъ, тратящихъ деньги по мѣрѣ полученія ихъ. Мало такихъ, которые бы не пировали каждый день. Между-тѣмъ, какъ земледѣлецъ довольствуется скромнымъ обѣдомъ изъ чесноку, хлѣба и дыни, рудокопъ ѣстъ говядину, дичь, угощаетъ себя хорошими винами, лимонадомъ и другими утонченностями роскоши. И потому первый достигаетъ часто преклонныхъ лѣтъ, другой расточаетъ жизнь въ нѣсколько лѣтъ; и умираетъ въ молодыхъ лѣтахъ, или разстроитъ свою организацію и впадаетъ въ преждевременную дряхлость.

На другой день я сначала осмотрѣлъ снаряды для извлеченія ртути изъ руды. Они заключаются въ рядѣ горновъ, въ которыхъ руда подвергается дѣйствію огня; паръ проходитъ черезъ назначенныя для того трубы, и осаждается ртутью въ каменныхъ резервуарахъ. По мѣрѣ образованія ртути, ее перевозятъ въ общее складочное мѣсто, откуда она отсылается, въ желѣзныхъ кувшинахъ, въ Севилью, для отправленія во всѣ концы свѣта. Войдя въ рудникъ дверью, надъ которой висѣлъ образъ Богородицы, мы пошли по длинной галлереѣ, и на концѣ ея начали спускаться. Это было утомительно, но неопасно, — то лѣстницы, то полъ, въ недальнемъ разстояніи одни отъ другихъ; мы прошли одну или двѣ галлереи, и спустившись еще по нѣсколькимъ дюжинамъ ступенекъ, дошли до того мѣста, гдѣ рудокопы работаютъ. Мы были на девятьсотъ футовъ ниже поверхности земли. Сцена, представившаяся намъ, мало отличалась отъ тѣхъ, которыя обыкновенно происходятъ внутри всѣхъ рудниковъ. Работники занимались при слабомъ свѣтѣ лампъ различными работами, сопряженными съ добываніемъ руды: одни копали, другіе тащили тачки, приводили въ движеніе подъемныя машины, или свозили руду на середину шахтъ, откуда она вытаскивается въ нѣкотораго рода ведрахъ. Жила, разработывавшаяся въ это время, казалось очень богатою; по всѣмъ разсѣлинамъ просачивалась чистая ртуть; разбивая

куски киновари, находили въ нихъ безчисленное множество шариковъ ртути, которые были разсѣяны по всей массѣ.

Этотъ рудникъ, можетъ-быть, самый древній изъ всѣхъ. Теофрастъ, жившій за триста лѣтъ до Рождества Христова, говоритъ объ испанской киновари, а Витрувій современникъ Августа, также о ней упоминаетъ. Плиній описываетъ его находящимся въ Бетикѣ, что справедливо, хотя по новѣйшему раздѣленію Испаніи Алмаденъ послѣдняя деревня Ламанги и отдѣляется только небольшимъ ручейкомъ отъ Кордовской провинціи. Римляне много употребляли киноварь, хотя считали меркурій ядомъ. Ее употребляли старухи для румянъ и живописцы для червленеца (vermillion). Плиній говоритъ намъ, что рудникъ былъ запертъ и запечатанъ съ величайшимъ стараніемъ; его открывали только, чтобы добыть нѣкоторое количество минералу, которое считали достаточнымъ. Подъ владычествомъ Мавровъ исторія его мало извѣстна, и вѣроятно, что послѣ ихъ изгнанія состояніе европейскихъ мануфактуръ и торговли остановило на нѣсколько вѣковъ разработку. Но въ 1525, кажется, что требованія на этотъ продуктъ сдѣлались значительны; въ тотъ годъ два брата, Маркосъ и Кристоваль Фуггурсъ, откупили рудникъ, съ условіемъ ежегодно доставать оттуда четыре тысячи квинталовъ, покупаемые государствомъ. Нынѣ добываютъ болѣе двадцати тысячъ квинталовъ, и получаемый доходъ возвышается до шести милліоновъ франковъ.

Возвращеніе было скучно и утомительно. Проводникъ нашъ, помощникъ директора, толстый и низенькій человѣкъ, съ трудомъ всходившій по ступенямъ, заставлялъ насъ часто останавливаться, и признаюсь, что его многотрудныя усилія причиняли мнѣ коварное удовольствіе. Дѣло въ томъ, что почтенный помощникъ былъ одного мнѣнія съ секретаремъ деревни Виллагарты; онъ видѣлъ въ моемъ посѣщеніи скрытую цѣль, и открыть ее и воспрепятствовать ей считалъ своей обязанностью. Я не могъ сдѣлать шагу безъ того, чтобы онъ не явился за мною, какъ тѣнь, ни заговорить съ работникомъ, чтобы слухъ его не вострился для выслушанія вопроса и отвѣта, ни поднять обломокъ киновари, чтобы онъ не принялъ важный видъ, какъ-будто размышляя о таинственныхъ послѣдствіяхъ, которыя произойдутъ оттого, что я разсматривалъ минералъ. Все это было довольно непріятно и мѣшало мнѣ осмотрѣть рудникъ какъ мнѣ хотѣлось; но въ Испаніи это неизбѣжно; если иностранецъ

уклоняется отъ большой дороги, онъ не можетъ никуда отправиться, не сдѣлавшись предметомъ самыхъ смѣшныхъ подозрѣній.

Скоро я воротился въ Поцобланко, куда пріѣхалъ въ полдень безъ novedad, и послѣ нѣсколькихъ часовъ спокойствія поѣхалъ съ новымъ конвоемъ въ Виллагарту, гдѣ мы остановились довольно поздно ночью. Уланы мои остановились въ Поцобланко, и уѣзжая оттуда, я видѣлъ ихъ всѣхъ въ трактирѣ, угощавщихся на тѣ доллары, которые я имъ подарилъ. Сержанту я было совѣстился дать денегъ. Онъ мнѣ казался слишкомъ хорошо воспитанъ; но солдатъ, бывшій у меня слугою, примѣтилъ мою нерѣшимость и началъ разсказывать, какъ сержантъ разъ провожалъ краковскаго архіепископа и какъ архіепископъ, разставшись съ нимъ, далъ ему свое благославеніе и десять долларовъ, и какъ онъ благодарилъ архіепископа. Я поспѣшилъ послѣдовать примѣру архіепископа, и сержантъ былъ очень этому радъ.

Начальникъ моего новаго конвоя, хотя чиномъ былъ выше, но во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ ниже сержанта. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, котораго главное достоинство состояло въ томъ, чтобы безпрестанно ворчать и ругаться. У него было особенное отвращеніе къ солнцу, и потому онъ заставлялъ насъ ѣхать ночью. Едва показывались первые дневные лучи, онъ вытаскивалъ красный бумажный носовой платокъ и закрывалъ имъ лицо. Это было такъ смѣшно, что я безпрестанно готовъ былъ расхохотаться. Въ первое наше ночное шествіе, меня вывела изъ дремоты остановка наша передъ вентой, единственнымъ одинокимъ жилищемъ, среди пустыни въ нѣсколько миль. Солдаты уже слѣзали съ лошадей, когда начальникъ вскричалъ:

— Постойте! можетъ-быть въ вентѣ есть разбойники, я самъ видѣлъ, какъ эти мерзавцы убѣжали изъ-подъ носу у моихъ солдатъ, которые не могли ихъ преслѣдовать, потому-что сошли съ лошадей.

Нѣкоторые, повинуясь приказанію, сѣли на лошадей, другіе, вытащивъ сабли, подошли къ двери. Послѣ многократныхъ вызововъ, дверь медленно растворилась и представила нашимъ взорамъ не свирѣпыхъ разбойниковъ, а тощую фигуру хозяина, покрытаго самой простой и короткой одеждой, съ лампой въ рукѣ. Я не могъ далѣе дѣлать наблюденій, потому-что, испугавшись обнаженныхъ сабель,

бѣдный трактирщикъ уронилъ лампу, такъ что все исчезло въ совершенной темнотѣ.

Безъ всякаго другаго приключенія я доѣхалъ до Кордовы, и на слѣдующій день былъ на дорогѣ въ Андухаръ.

СВАТЬБА ВЪ НУБІИ. Во-время пребыванія моего въ Нубіи, мнѣ не разъ случалось присутствовать на свадебныхъ церемоніяхъ, преимущество, за которое я была обязана троякому достоинству своему, какъ бѣлокожая, какъ иностранка, а главное какъ находящаяся подъ покровительствомъ французскаго падишаха; и потому мнѣ очень легко сообщить читателямъ своимъ подробности нубійской сватьбы. Я опишу сватьбу Милахи, молодой и прелестной Негритянки, которую я чрезвычайно полюбила, пользуясь гостепріимствомъ въ домѣ ея родителей.

Отецъ ея былъ шейхомъ или начальникомъ племени, и потому въ жизни его должна была выказываться роскошь и щедрость, соотвѣтственныя богатству и высокому его званію. За двѣ недѣли до сватьбы привезено было огромное количество провизіи, для удовлетворенія аппетита цѣлой арміи гостей. Амбары оказались недовольно просторными для помѣщенія всѣхъ накупленныхъ припасовъ, нашли необходимымъ обнести заборомъ большое пространство подъ навѣсомъ, для укрытія ихъ отъ алчности толпы. Въ Нубіи, какъ и вездѣ, водятся нескромные языки, всегда готовые заранѣе разглашать, особенно же въ случаѣ близкаго общаго торжества. Счастливые служители шейха, видя такое необыкновенное изобиліе, не заставляли себя просить разславлять о предстоящихъ увеселеніяхъ, и вмѣстѣ суетились, приготовляли и пировали.

У невѣсты тоже было много хлопотъ; только всѣ заботы ея сосредоточивались въ принятіи подарковъ, присылаемыхъ друзьями ея отца. Большое количество подарковъ, по народному суевѣрію, есть вѣрный признакъ благополучія, ожидающаго невѣсту въ ея домашнемъ быту. И правду сказать, только такое суевѣріе можетъ заставить молодую дѣвушку находить привлекательность въ такихъ подаркахъ, всегда состоящихъ изъ финиковъ, дынь, меду, сѣмянъ, сыру и спиртныхъ напитковъ. Подарки жениха, что называется по нашему свадебная корзинка, обыкновенно появляются только при началѣ церемоніи.

Въ торжественный день свадьбы, весь домъ, даже можно сказать весь городъ, поднялся вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, и съ этихъ-же-поръ многочисленная толпа оглушала насъ радостными криками. Гости собирались одинъ за другимъ, и подходили привѣтствовать отца невѣсты съ строго соблюдаемымъ этикетомъ. Представьте себѣ эту картину: два человѣка кладутъ лѣвую руку другъ-другу, на плечо, и въ такомъ положеніи раскланиваются, взявшись всякой разъ за правую руку, которую потомъ кладутъ на сердце, ротъ и лобъ. И все это сопровождается нескончаемыми вопросами о благосостояніи одушевленныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, которые дороги ихъ сердцу. Въ этомъ заключается самое сердечное и вмѣстѣ самое модное привѣтствіе туземной знати.

Совершивъ долгъ общежитія, каждый изъ приглашенныхъ занимаетъ мѣсто за столомъ, приготовленнымъ въ обширномъ сараѣ. Двадцать цѣлыхъ быковъ представляли привлекательное зрѣлище для ихъ гастрономическихъ желудковъ, и Богъ знаетъ сколько бочекъ пива и меду приготовлено было для приличныхъ возліяній. Нубійцы, хотя мусульмане, однако съ охотою нарушаютъ законъ Магомета, въ отношеніи спиртныхъ напитковъ, и гости, разъ увлекшись по этому пути, предались такой шумной веселости, что не было возможности выдержать, а потому я и удалилась въ женское отдѣленіе.

Тутъ всѣ предавались тихой и простодушной радости, изливающейся прямо изъ сердца и происходящей въ семейномъ кругу въ торжественную минуту, когда рѣшается судьба любимой особы. Любопытству моему предстояло обширное поле при совершеніи тоалета невѣсты, для котораго не пожалѣли всевозможныхъ утонченностей нубійскаго кокетства. Мать и другія родственницы присутствовали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Двѣнадцать лѣтъ минуло Млахѣ; по тамошнему обыкновенію замужъ выходятъ десяти и двѣнадцати лѣтъ; но продолжительная болѣзнь задержала ея ростъ и воспрепятствовала ранѣе отдать свою руку одному изъ многочисленныхъ претендентовъ. Ея стройность, чорные бархатные глаза, граціозная простота движеній привлекали къ ней всѣ взгляды. Чорная кожа съ зеленоватымъ отливомъ, испещренная искусными татуированіемъ на щекахъ, плечахъ и на груди, придавала ей видъ величественной бронзовой статуи, обложенной,

перламутромъ и кораллами. Чтобы выказать всѣ свои прелести, молоденькая невѣста мужественно покорилась мучительной операціи для перемѣны кожи.

Вотъ въ чемъ состоитъ это странное обыкновеніе. Когда знатная дѣвица помолвлена, она удаляется въ отдѣльную комнату, впродолженіе трехъ мѣсяцовъ покрывается плотною шерстяною матеріею, которая собрана около шеи и чрезвычайно широка внизу. Возлѣ нея невольница, обязанность которой состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать огонь изъ сырыхъ дровъ подъ этою одеждою. Отъ спертаго дыма и пара сохнетъ и отпадаетъ верхняя кожа, и является другая, гладкая и блестящая, которая высоко цѣнится туземными дамами. Очень мучительная операція. А чтобы подвергающаяся ей дѣвушка не похудѣла отъ утомленія и поту, каждую четверть часа суютъ ей въ ротъ катышки изъ муки и рубленной говядины. Не истинный ли это героизмъ кокетства, доведенный до послѣдней степени? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя ли видѣть въ этой потребности чисто матеріяльнаго очищенія, эмблему душевной чистоты, которая требуется между всѣми народами и во всѣхъ религіяхъ, отъ дѣвушки, призванной къ чести быть жёной?

Туалетъ начался сильнымъ натираніемъ всего тѣла бараньимъ жиромъ, тщательно соблюдая при томъ, чтобы каждый составъ хруснулъ. Окончивъ эту операцію, двѣ невольницы, мнѣ такъ и хочется назвать ихъ горничными, облили страдалицу благовонным масломъ изъ гвоздики, сандалу и крокодиловаго мускуса. Признаюсь, несмотря на любовь свою къ невѣстѣ, она была противна мнѣ, блистая точно червякъ и разливая вокругъ себя отвратительнѣйшій запахъ стараго мускатнаго масла.

Хотя волоса у нубійскихъ женщинъ очень курчавы, однако со всѣмъ не жостки и удобно покоряются всѣмъ многосложнымъ требованіямъ головнаго искусства Волоса Милахи, крѣпко напомаженные, были раздѣлены на маленькія косички равной длины; нѣкоторыя прикрѣплялись длинною серебряною шпилькою къ головѣ, а другія, разукрашенныя кусками янтаря, кораллами, слоновой костью, сердоликомъ и мелкими монетами, ниспадали на шею, на которой было уже навѣшано въ нѣсколько рядовъ ожерелье изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. О платьѣ и помину не было; мѣсто платья замѣнялъ передникъ изъ газелевой кожи, прикрѣпленной къ поясу и доходив-

шій до колѣнъ. Серебряныя кольца въ ушахъ и ноздряхъ, серебряные же браслеты на рукахъ и ногахъ довершали тоалетъ молодой невѣсты.

Въ два часа послѣ обѣда шумныя восклицанія возвѣстили о прибытіи жениха, гордо выступавшаго впереди многочисленной толпы всадниковъ и пѣшеходовъ. Высокій, стройный молодой Негръ, съ мускулистымъ станомъ и воинственною осанкою — таковъ былъ видъ жениха Милахи. Ослѣпительной бѣлизны рубашка съ длинными рукавами и исподнее платье изъ бумажнаго холста разительно выдѣляли чорный цвѣтъ его кожи. На немъ были кожанныя сандаліи, привязанныя къ ногамъ ремнями, которые украшались перьями краснаго ибиса. На головѣ, укрытой чѣмъ то въ родѣ трубы, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ, величественно красовалась огромная пальмовая же шляпа, исполнявшая назначеніе зонтика. Два блестящіе кинжала висѣли, одинъ на рукѣ, другой на лѣвомъ колѣнѣ. Словомъ, Залебъ былъ вполнѣ достойный юноша.

Прибывшіе гости должны были начать сцену привѣтствій; послѣ чего кади составилъ статьи контракта въ присутствіи свидѣтелей, прежде нежели женихъ увидѣлъ свою невѣсту. Залебъ объявилъ, что вмѣсто свадебныхъ подарковъ, онъ даетъ нѣкоторую сумму денегъ, пять невольниковъ, часть скота, и драгоцѣнности. Только послѣднія переходили въ собственность его жены, невольники же и скотъ предлагались обезпеченіемъ свадебныхъ издержекъ для ея семейства; а деньги мать брала подъ свое сохраненіе, для обезпеченія дочери въ случаѣ развода, что̀ очень часто позволяютъ себѣ господа Нубійцы. Въ случаѣ развода жена обязана держать при себѣ всѣхъ дѣтей до семилѣтняго возраста, а потомъ дочери остаются при ней, сыновья же вступаютъ въ званіе отца.

Когда взаимныя условія были рѣшены, шаферъ отправился за невѣстою и принесъ ее на спинѣ, закутанную непроницаемою воалью. Поставить ее на землю, сорвать воаль и представить на удивленіе присутствующихъ было дѣломъ одного мгновенія. Единодушныя восклицанія выражались такими пронзительными звуками, что даже страшный шумъ трубъ и цимбалъ не могъ покрыть ихъ. Залебъ не помнилъ себя отъ радости, подбѣгалъ отъ одного къ другому съ криками: «Посмотрите, какъ она хороша!» И мѣстные поэты отвѣчали ему поэтическимъ языкомъ Востока: «Богъ, сотворившій кипа-

рисъ, чтобъ осѣнять поле смерти, розу для украшенія садовъ, сотворилъ также женщину, чтобы веселить кровь мужа.»

Религіозная же церемонія совершилась такимъ образомъ, посреди общаго молчанія, отецъ невѣсты выступилъ со свѣчою въ одной рукѣ и съ сосудомъ съ медомъ въ другой; женихъ съ невѣстою стали передъ нимъ, держась за мизинцы. Отецъ потребовалъ отъ нихъ обѣщанія сохранять вѣрность другъ-другу, любить другъ-друга и взаимно помогать. По произнесеніи клятвы, отецъ прибавилъ: «Кто нарушитъ данное обѣщаніе, да угаснетъ тотъ, какъ эта свѣча,» и задулъ свѣчу: «Кто измѣнитъ клятвѣ, да сойдетъ тотъ въ землю, какъ этотъ напитокъ», и бросивъ на землю сосудъ, разбилъ его. Потомъ, для призванія благословенія небеснаго на молодую чету и для отвращенія отъ нихъ вліянія нечистой силы, были принесены въ жертву два быка, пятьдесятъ барановъ, а мясо ихъ роздано бѣднымъ.

До самаго вечера, и даже ночью, гости занимались игрою джеридъ, гдѣ выказывалась ловкость мужчинъ, и танцами, которыя очаровательно исполняются граціозными танцовщицами. Для большей части зрителей возвратился утренній аппетитъ, и желудокъ, какъ и глаза, вполнѣ услаждались.

Черезъ часъ по захожденіи солнца, новобрачная съ великимъ торжествомъ отправилась въ свое брачное жилище, сидя на колѣнѣ у шафера, ѣхавшаго на гордомъ конѣ, въ сопровожденіи толпы друзей и служителей мужа. Не переступивъ еще за порогъ, она снова должна была раздать бѣднымъ нѣсколько денегъ и съѣстные припасы, для того, чтобы показать, что хозяйка никогда не вступаетъ въ домъ не сдѣлавъ добраго дѣла.

На другое утро родственники присутствовали при пробужденіи молодыхъ, и тщательно подобрали сѣмяна, положенныя подъ рогожу, служившую брачнымъ ложемъ. Эти сѣмяна сѣются съ торжественною церемоніею, и все собранное послѣ раздается бѣднымъ семействамъ, неимѣющимъ возможности приличнымъ образомъ праздновать свадьбу своихъ дѣтей.

Данте Алигіери. Безсмертный творецъ «Божественной Комедіи», Divina Comedia, родился во Флоренціи, 8 мая 1265 года. Отецъ его, Алигіери, былъ извѣстнымъ юристомъ; имя матери Бе-

на. Дѣдъ его, Качіа Джіуда, сопровождалъ императора Конрада-Третьяго во-время крестоваго похода, былъ произведенъ имъ въ рыцарское достоинство, и умеръ въ Птолемандѣ, въ 1147 году. Дуранте, сокращенно Данте, Алигіери имѣлъ учителемъ Брунетто Латини, знаменитаго автора нѣкоторыхъ сочиненій, сохранившихся и до нашихъ временъ. По желанію родителей, Данте отправился въ Болонью и потомъ въ Падуу, чтобь усовершенствоваться въ наукахъ, и такъ сказать проглотилъ всю современную ученость; но никогда не зналъ греческаго языка.

Флоренція и вся Италія во времена Данте находились въ самомъ тревожномъ состояніи. Только и слышно было о войнахъ между папою и императоромъ, смутахъ въ областяхъ, раздорахъ въ городахъ. Безполезно повторять все давно извѣстное о Гвельфахъ и Гибеллинахъ, о *Priori*, *Signori*, *Papolani*, о *Бѣлыхъ* и *Чорныхъ*, которые, поочередно помогая другъ-другу, или поражаемые Римомъ, Франціею или Германіею, владычествовали надъ злополучною Флоренціею. Но въ дѣтствѣ Данте случилось происшествіе такое замѣчательное, что нельзя о немъ не упомянуть.

Данте случайно встрѣтилъ Беатриче Портинари, изъ богатаго семейства. Видъ ея произвелъ сильное впечатлѣніе на поэта. Только черезъ девять лѣтъ онъ снова встрѣтилъ ее, въ бѣлой одеждѣ, въ сопровожденіи двухъ женщинъ; она взглянула на Данте, стоявшаго въ нѣкоторомъ разстояніи, и поклонилась ему съ граціозною стыдливостью.... Новый міръ открылся воображенію Алигіери; очаровательная, дѣвственная и могучая поэзія возстала въ его сердцѣ, и вся Флоренція признала его *поэтомъ*. Беатриче вышла замужъ въ 1287 году, но вскорѣ и умерла. Братъ ея просилъ Данте посвятить нѣсколько стиховъ памяти прекрасной женщины.... Отчаяніе бѣднаго юноши не знало предѣловъ. «Вы часто услышите мои воззванія къ женщи-«нѣ, отлетѣвшей въ лучшій міръ—достойное пребываніе добродѣтели; «вы часто услышите мое презрѣніе къ жизни, гдѣ нѣтъ блажен-«ства.» Тогда онъ написалъ сонетъ къ пилигримамъ, отправлявшимся въ Римъ. Надѣясь доставить удовольствіе нашимъ читателямъ мы переводимъ его.

Deh! perigrini, che pensosi andate
Forse di cosa che non v'è presente,
Venite voi di si lontana gente,

Come alla vista voi ne dimonstrate?
Che non piangete, quando voi passate
Per la suo mejjo la città dolente
Come quelle persone, che niente
Par che'ntendesser la sua gravitate
Se voi restate, per volere udire
Certa la core ne'sospir mi dire
Che la crimando n'uscirete pin.
Elle ha perduta la sua Beatrice
Elle parole, ch'uom di lei puó dire
Hanno virtu di far piangere altrui.

— О пилигримы! вы которые странствуете мечтая, можетъ-быть, о далекомъ, развѣ вы пришли изъ такихъ далекихъ странъ, какъ это кажется по вашему виду? Что̀ проходите безъ слезъ по странѣ отчаянія, ничему не внимая, подобно тѣмъ, которые озабочены великими горестями? А еслибъ вы остановились прислушаться, конечно, сердце со вздохами мнѣ говоритъ, вы не могли бы безъ слезъ мимо пройти. Она утратила свою Беатриче, и каждое слово, которое можно о ней сказать, имѣетъ свойство извлекатъ слезы.

Чистое воспоминаніе, посвященное поэтомъ памяти Беатриче, было главнымъ руководителемъ его во всю жизнь. Повсюду ему являлась Беатриче: она охраняетъ его въ *Аду*, подкрѣпляетъ въ *Чистилищѣ*, приводитъ въ *Рай*, гдѣ она обитаетъ въ блаженствѣ.

Алигіери жилъ, пока могъ, въ области наукъ и въ мірѣ, созданномъ его воображеніемъ; но наконецъ вынужденъ былъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Онъ былъ въ сраженіи при Кампольдино, между Флорентинцами и Аретинами. «Верхомъ на лошади, онъ находился въ первыхъ рядахъ, и подвергался многимъ опасностямъ.» Послѣ, онъ присутствовалъ при взятіи цитадели Капрона, въ войнѣ съ Пизою. Въ 1292 году, онъ женился на Джеммѣ Донати, дочери знатнаго и могущаго семейства. Ему давали разныя важныя порученія: онъ занималъ одно изъ важнѣйшихъ судейскихъ мѣстъ во Флоренціи, а въ Римѣ былъ посланникомъ, когда его осудили на изгнаніе. Онъ оставилъ въ неблагодарной отчизнѣ Джемму, отъ которой имѣлъ шесть сыновей и одну дочь. Состояніе поэта было прожито, женино имущество разстроено, такъ что она, по словамъ Бокаччіо, «принуждена была прибѣгнуть къ непривычному труду.» А бѣдный изгнанникъ, сколько горя, сколько страданій онъ вынесъ!

Попеременно укрываясь въ Сіеннѣ, Ареццо, Болоньи, Форлѣ, Веронѣ, онъ издалъ новое произведеніе «Il Convito», занимался своею великою поэмою и кончилъ трактатъ объ общежительномъ языкѣ. До насъ дошла только часть этого трактата. Въ 1308 году, кажется, былъ оконченъ его *Адъ*, прежде отъѣзда знаменитаго изгнанника изъ Италіи во Францію. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ въ особенности, что эта знаменитая поэма была тогда уже извѣстна Италіи:

Вскорѣ послѣ своею изгнанія, Данте, находясь въ Веронѣ, проходилъ медленно и погруженный въ думу, мимо толпы женщинъ. Одна изъ нихъ сказала: «Видите ли, вотъ онъ сходитъ въ адъ когда вздумаетъ, и опять появляется на землю по желанію. — Послѣ этого я не удивляюсь, отвѣчала другая, что у него такіе курчавые волосы и загорѣлое лицо.» Данте, услышавъ это, удалился съ улыбкою на устахъ.

По напечатаніи первой части, онъ послѣдовательно написалъ *Чистилище* и *Рай*, довершивъ такимъ образомъ гигантаское свое твореніе. И вся эта дивная поэма была написана имъ въ изгнаніи. Несчастный, но знаменитый изгнанникъ дѣлалъ попытки, чтобы возвратиться въ свое неблагодарное отечество. Онъ былъ во Франціи, и даже учился въ знаменитомъ парижскомъ университетѣ. Послѣ бурной жизни, онъ скончался въ Равеннѣ, 14 сентября 1321 года, съ твердымъ упованіемъ на милосердіе и благость Божію, воздавъ хвалу въ чудныхъ стихахъ Его правосудію и величію.

Данте обладалъ глубокою ученостью, и такъ-сказать, преобразовалъ итальянскій языкъ, придавъ ему мощную силу, величіе и сладость.

Бокаччіо такъ передаетъ намъ портретъ великаго поэта:

«Данте былъ средняго росту, а достигнувъ зрѣлаго возраста, ходилъ нѣсколько сгорбившись. Осанка его была исполнена величія и кротости; одежда всегда прилична возрасту и изъ тонкаго сукна; лицо длинное, носъ орлиный, глаза скорѣе велики, чѣмъ малы, подбородокъ продолговатый, нижняя губа выдавалась впередъ; лицо смуглое, борода и волоса густые, чорные, курчавые; грустное и задумчивое выраженіе лица; онъ рѣдко говорилъ, но при случаѣ бывалъ очень краснорѣчивъ.»

Встрѣча съ Россини. *Статья Ламартина.* Въ 1828 году я занималъ мѣсто при посольствѣ во Флоренціи. По окончаніи ежедневныхъ и обычныхъ занятій въ канцеляріи, я садился верхомъ на лошадь на набережной Арно, и выѣзжалъ за городъ черезъ древнія прекрасныя ворота, ведущія въ близълежащія деревни; одиноко пробирался я между рядами оливковыхъ, фиговыхъ и кипарисовыхъ деревьевъ, облекающихъ холмы своимъ блѣднымъ, но пріятнымъ для глазъ покровомъ, и внимательно прислушивался къ мимолетнымъ, но бо̀льшею частію религіознымъ вдохновеніямъ, восходившимъ отъ земли къ сердцу.

По захожденіи солнца, я возвращался домой длинными и мрачными улицами, вымощенными звучными плитами, съ сильнымъ смолянистымъ запахомъ, испаряемымъ отъ деревянныхъ построекъ и кипарисныхъ палаццо Флоренціи. По временамъ, я записывалъ вдохновенія, приходившія мнѣ на память. Потомъ отправлялся въ театръ для душевнаго отдохновенія и сердечнаго услажденія звуками россиніевской поэзіи, этого пѣнія безъ словъ, гдѣ одна нота сто̀итъ всѣхъ нашихъ стиховъ.

Я видалъ Россини еще въ 1820 году, въ Неаполѣ, во-время революціи, въ домѣ молодой герцогини д'Альбы; тогда онъ жилъ въ бѣдности и неизвѣстности, скорѣе разгаданный, нежели прославленный нѣкоторыми сердцами, одаренными предвидѣніемъ, которыя слыхали его первыя мелодіи въ Сан-Карло; я тоже былъ въ числѣ послѣднихъ, хотя зналъ его только по имени.

Однажды вечеромъ, при входѣ въ залу герцогини д'Альбы, гдѣ тѣснилось многочисленное общество, прекрасный юноша съ мужественнымъ лицомъ, задумчивымъ, но смѣлымъ взглядомъ человѣка, сознающаго, что его грусть есть геній, прямо подошелъ ко мнѣ, и не дожидаясь представленія, протянулъ мнѣ дружескую руку съ гордымъ, но вмѣстѣ ласковымъ видомъ, и звучнымъ, задушевнымъ, трагическимъ голосомъ, въ которомъ слышалось заальпійское нарѣчіе, произнесъ нѣсколько строфъ изъ думы — méditation — подъ названіемъ Отчаяніе — le Désespoir — только, что напечатанной въ Парижѣ, и оканчивавшейся слѣдующими словами.

«Jusqu'à ce que la mort ouvrant son aile immense,
«Engloutisse à jamais l'éternel silence,
«L'eternelle douleur.»

(Пока смерть, распустивъ свои безмѣрныя крылья, поглотитъ навсегда вѣчное молчанiе, вѣчную печаль.)

И потомъ назвалъ меня по имени.

Я съ гордостью услышалъ свои собственные звуки въ устахъ того, чьи звуки раздавались въ моихъ ушахъ и наполняли слухъ цѣлой Европы. Мы бесѣдовали съ нимъ; онъ разсказалъ мнѣ, что за его дивныя творенiя итальянскiе театры расплачиваются только восторгами, отчего его положенiе съ матерью очень незавидно и ненадежно. Я совѣтовалъ ему ѣхать въ Парижъ и Лондонъ, два центра артистическаго мiра, гдѣ слава его, конечно, вѣрнѣе и лучше прогремитъ, нежели въ уголку Италiи. Къ несчастiю, онъ послушался меня.

Всегда буду упрекать себя за этотъ совѣтъ. Это значило уговорить его принести себя въ жертву варварамъ; онъ нашелъ у нихъ богатство, прославилъ свой генiй; зато, быть-можетъ, самый этотъ генiй истощился необходимостью примаровиться къ болѣе драматическому, чѣмъ музыкальному генiю Францiи. Шумъ неаполитанскихъ волнъ, шелесть сосенъ на римскихъ холмахъ, соррентскiе или гаэтскiе рыбаки, молодыя обитательницы острововъ, пастухи на горахъ, озаряемыхъ солнцемъ Средиземнаго-моря, совсѣмъ иначе распѣваютъ нежели сенскiя волны, парижская грязь, лондонскiе дожди; это значило отнять у дерева его родную почву, у насѣкомаго жужжанье на солнцѣ, у доморощеннаго генiя врожденное и безпрерывное вдохновенiе. Безъ всякаго сомнѣнiя, этотъ совѣтъ лишилъ мiръ звуковъ многихъ сладостныхъ мелодiй.

Какъ соловей, Россини пересталъ пѣть по наступленiи своего лѣта; онъ удалился въ полномъ цвѣтѣ силы и славы; онъ шелъ все выше, и никогда не хотѣлъ спускаться. А кто знаетъ, сколько оставалось ему еще идти впередъ? Т[illegible]ѣсть благоразумiе, но также желанiе преждевременнаго поко[illegible]рументъ долженъ издавать звуки, пока не разобьется; не ему говорить «довольно!» не его художнику.

Теперь Россини, счастливый, богатый, равнодушный, проводитъ жизнь въ Болоньи; а я все еще борюсь съ бурными волнами и песчаными путями жизни! Если когда-нибудь случится ему пробѣжать эти строки, пускай онъ вспомнитъ молодаго чужестранца

въ гостиной герцогини д'Альбы, который шлетъ вѣчный привѣтъ удивленія очаровательнѣйшему современному генію.

ТАЛЬМА ВЪ БРЮНОА. Недолго послѣ прибытія моего въ Парижъ, для окончанія курса правовѣдѣнія, въ одно прекрасное іюньское утро, я отправился, по приглашенію Тальмы, на его очаровательнѣйшую дачу, украшенную, или скорѣе, созданную имъ въ Брюноа, на берегахъ Іера. Тамъ, какъ Горацій въ Тибурѣ, онъ любилъ сближаться съ природою въ мирныхъ размышленіяхъ.

Я увидѣлъ его на другомъ концѣ липовой аллеи, идущаго ко мнѣ навстрѣчу въ клѣтчатой курткѣ, въ sabots, деревянныхъ башмакахъ, — и въ огромнѣйшей шляпѣ. Меня поразилъ этотъ костюмъ, вовсе непохожій на одѣянія греческихъ и римскихъ героевъ. Онъ замѣтилъ мое изумленіе. Глубокомысленнымъ изученіемъ, онъ такъ научился читать на лицахъ, что безъ преувеличенія можно сказать, каждый, подходя къ нему, подносилъ ему на лицѣ своемъ страницу занимательной книги человѣческой физіономіи. Я еще ничего не сказалъ, а онъ уже отвѣчалъ мнѣ:

— Здѣсь вы не увидите ни Ореста, ни Цинну, а просто колониста, американскаго поселенца. Не удивляйтесь же, что и костюмъ мой соотвѣтствуетъ роли.

— Онъ удивительно вамъ къ лицу; съ иными людьми бываетъ точно то же, что̀ съ иными мыслями: чѣмъ они выше, тѣмъ болѣе поражаютъ своею простотою. Это сказалъ мой землякъ, Вовенаргъ, и вы, конечно, найдете естественнымъ, что я пользуюсь умомъ своихъ соотечественниковъ.

На устахъ и въ глазахъ его промелькнула благодарная улыбка, которой я не въ состояніи выразить. Эта улыбка была такъ же многозначительна въ своемъ [illegible] какъ страшный взглядъ Гамлета. Колонистъ какъ ни трудись, [illegible]дѣнъ Тальма.

Мы пошли вмѣстѣ, вдругъ онъ [illegible]ричалъ:

— Осторожнѣе, пожалуйста, будьте осторожнѣе.

— А что̀ такое?

— Вы топчете мою боярышниковую изгородь.

— Да гдѣ же она?

— Подъ вашими ногами.

— Я наклонился и дѣйствительно увидалъ маленькіе стебли, едва показывавшіеся изъ земли. Онъ продолжалъ:

— Чрезъ нѣсколько лѣтъ, обѣ стороны аллеи опояшутся живою изгородью; мои липы будутъ казаться въ длинныхъ ящикахъ, покрытыхъ зеленью и цвѣтами. Вамъ надо смотрѣть на мои владѣнія глазами будущаго. Все, что у васъ здѣсь на глазахъ, есть дѣло рукъ моихъ, и все начато еще такъ недавно. Даже моя рѣчонка Іеръ, покорная плану, начертанному моею рукою, извивается по волѣ моей фантазіи.

Я купилъ это мѣсто, совсѣмъ неустроенное, что заставило меня сдѣлаться вдругъ и архитекторомъ, и садовникомъ, самыя пріятныя занятія, только онѣ обходятся мнѣ слишкомъ дорого. Зато всюду мои издержки называются безуміемъ; но зачѣмъ же не смотрѣть на эти сумасбродства, или скорѣе, на эти развлеченія, съ настоящей точки? Имъ обязанъ я минутнымъ отдыхомъ послѣ утомительныхъ занятій искусствомъ, или скорѣе, усовершенствованіемъ моего искусства, возможностью работать здѣсь, среди молчанія и спокойствія. Впрочемъ неестественно ли вносить въ частную жизнь частичку наклонностей, за которыя публика такъ мнѣ благодарна. Тысячу разъ было сказано, что всѣ искусства составляютъ одну семью. Актеръ вмѣстѣ и живописецъ, и поэтъ, какъ поэтъ и живописецъ тѣ же актеры: въ садахъ Ленотра разлита поэзія; Давидъ, заставляя дѣйствовать и мыслить своихъ дѣйствующихъ лицъ на полотнѣ, выказываетъ первостепенный драматическій талантъ.

Говоря о моихъ наклонностяхъ, Императоръ сказалъ мнѣ, шутя, что охотно произвелъ бы меня въ главноуправляющіе надъ всѣми постройками и зданіями, еслибъ не боялся отнять меня у театра, на что я отвѣчалъ:

— «Пока ваше величество будете на поляхъ битвы писать исторію наподобіе Квинта-Курція, я буду сочинять въ вашихъ садахъ сказки въ родѣ *Тысячи и одной ночи.*»

Но непохоже ли это на формальную рѣчь, въ защиту себя? Можетъ-быть, меня немножко бѣсятъ эти слухи о моей расточительности, распускаемые недоброжелателями? На меня указываютъ, какъ на расточителя, обремененнаго долгами. По ихъ словамъ скоро Фредерикъ, камердинеръ мой, придетъ ко мнѣ и скажетъ, какъ Дю-

газонъ въ комедіи «Расточитель», *Немногое, чѣмъ я владѣю....* Но это преувеличеніе есть вопіющая несправедливость.

— Пускай они толкуютъ себѣ, что хотятъ; зависть, ничего не находя сказать противъ вашего таланта, нападаетъ на страсть къ постройкамъ и плантаціямъ.

При этихъ словахъ онъ остановился, и съ полусерьознымъ видомъ сказалъ:

— Я вспомнилъ одну вещь, и это пугаетъ меня: Брюноа всегда принадлежалъ сумасшедшимъ, или, по-крайней-мѣрѣ, чудакамъ, сумасбродамъ. Нѣкто маркизъ де-Брюноа, хотя не имѣлъ никакого сходства съ Карломъ Великимъ, приказалъ похоронить себя заживо, для того, чтобы насладиться зрѣлищемъ своихъ собственныхъ похоронъ. Одинъ изъ его преемниковъ, еще больщій забавникъ, принималъ живое участіе въ кровавой драмѣ, разыгранной на балу замаскированными дѣйствующими лицами. Теперь моя очередь; я ужъ всегда постоянный злодѣй, еще разрумяненный, набѣленный; меня погребаютъ раза три—четыре въ недѣлю, меня убиваютъ, или я самъ себя лишаю жизни ядомъ или кинжаломъ.

— Признаться ли вамъ? если вашъ колонистскій костюмъ нѣсколько удивилъ меня, то шутливость ваша, о которой мнѣ и мысль не приходила въ голову, изумляетъ меня еще болѣе. Вы ли это Тальма?

— Точно я. Въ моемъ характерѣ отъ природы много веселаго, даже дѣтскаго. Объясните, если можете, эту странность: Доминикъ, я не смѣю уже назвать Мольера, Доминикъ такой забавный на сценѣ, въ домашней жизни былъ печаленъ и грустенъ; а я, привыкшій къ величественнымъ слезамъ трагедіи, люблю смѣяться въ мирной семейной жизни; меня забавляетъ всякая бездѣлица.

— Быть-можетъ, природа отдыхаетъ, отъ одной крайности переходя въ другую; но теперь потрудитесь-ка вы объяснить мнѣ вотъ это: вы говорите, что въ вашемъ характерѣ есть даже что̀ то дѣтское, скажите же, отчего это случается почти со всѣми геніальными людьми. Что̀ тому за причина?

— Вы возводите вашъ разговоръ до высшихъ предѣловъ философіи, только я за вами туда не послѣдую; притомъ же, присоединивъ меня къ числу высшихъ умовъ, передъ которыми я такъ бла-

соговѣю, что никогда не дерзну ставить себя на одну точку съ ними, вы сами отняли у меня возможность отвѣчать вамъ. Про то они и знаютъ.

— Не будемъ заводить ссоры изъ скромности, которая отводитъ только отъ настоящаго вопроса. Мнѣ непремѣнно хочется знать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ. Вы должны были глубоко и точно изучить человѣка, чтобъ умѣть представить его со всѣми страстями.

— Пусть будетъ по вашему! геніальные люди, по моему мнѣнію, всегда похожи немножко на дѣтей, потому-что источникъ генія есть душа, а душа никогда не старѣется. Это напоминаетъ мнѣ молодаго Итальянца, находившагося въ свитѣ неаполитанскаго короля, и говорившаго мнѣ, что во всѣхъ ангельскихъ головкахъ, которыя съ такою любовью рисовала кисть Рафаеля, онъ видѣлъ нашу душу, которая принадлежитъ небу своими крылышками, а землѣ дѣтскимъ личикомъ.

ПОСЛѢДНІЙ КОНЦЕРТЪ ВЪ ТЮЛЬЕРИ. Послѣдній концертъ при дворѣ императора Наполеона происходилъ въ Тюльери, за нѣсколько дней передъ отправленіемъ его въ Россію, то есть въ началѣ 1812 года. Всѣ музыкальныя собранія обыкновенно происходили въ обширной четвероугольной залѣ, гдѣ стоялъ превосходный инструментъ Эрара. Императоръ сидѣлъ въ одномъ углу комнаты, за карточнымъ столомъ, по правую руку у него императрица Марія-Луиза, а по лѣвую, какъ припоминаю, королева Гортензія, мать президента или прекрасная принцесса Боргезе, сестра императора; напротивъ сидѣлъ мосье де-Монтескьё, оберъ-камергеръ. Въ десяти шагахъ противъ креселъ ихъ величествъ поставлено было фортепіано. Паэръ, авторъ *Гризельды*, *Сарджино* и многихъ другихъ прелестныхъ сочиненій, сидѣлъ уже за фортепіано, готовый аккомпанировать; съ одной стороны у него была мадамъ *Грассини*, — до того времени наилучшимъ образомъ принимаемая при дворѣ, но звѣзда ея, казалось, уже блѣднѣла, — и мадамъ *Барильи*, съ другой же стоялъ *Крешентини*, украшенный орденомъ желѣзной короны, теноры *Крувелли*, *Таккинарди* и *Перрини*, потомъ басы *Порта* и *Барильи*. Позади *Паэра* были молодой Друэ, толстой Дюссекъ и громадный Надерманъ. У окна настройщикъ скрывался за роскошными складками драпировки. На всѣхъ артистахъ было придворное платье, женщины

блистали брильянтами и жемчугомъ, мужчины, со шпагой на боку, немало затруднялись своими кружевными маншетами, жабо и галстухами, составлявшими необходимую принадлежность параднаго костюма Всѣ блистали шитьемъ и драгоцѣнностями; одинъ Наполеонъ отличался простотою. Въ этотъ вечеръ на немъ былъ фракъ, застегнутый до самого воротника, бѣлые короткіе панталоны, шелковые чулки, обрисовывавшіе тогда еще прекрасныя формы его ногъ, башмаки съ пряжками, знаменитая трехугольная шляпа, а въ рукахъ золотая табакера, которую онъ вертѣлъ во все время концерта.

За нѣсколько минутъ до начала, я слышалъ, какъ Паэръ говорилъ Друэ: — «Сдѣлайте, одолженіе переворачивайте мнѣ листы, потому-что Крешентини всегда переверпетъ или слишкомъ рано или слишкомъ поздно: Questi cantanti sono asini! прибавилъ онъ, fa mi questo piacere Druettino carissimo di voltare.

Лишь только оберъ-камергеръ подалъ знакъ для начала, *Крешентини* подошелъ къ *Пазру*, для исполненія своей обыкновенной обязанности, но тотъ оттолкнулъ его, сказавъ: Va te ne che sei una bestia. Но Крешентини, зная характеръ Паэра, не обратилъ вниманія на слова его и хотѣлъ стать впереди Друэ, стоявшаго уже у фортепіано, съ намѣреніемъ переворачиватъ листы. Крешентини даже порядочно толкнулъ его локтемъ, чтобы заставить отступить, но флейтистъ такъ сильно ступилъ ему на ногу, что тотъ принужденъ былъ отскочить, бросая на него свирѣпый взглядъ.

Концертъ начался чуднымъ дуэтомъ, написаннымъ Чимарозою для двухъ бассовъ, Se fiato in corpo avete, исполненнымъ синьорами Порта и Паэромъ, потому-что композиторъ то же пѣлъ, и удивительный вкусъ, чудная манера замѣняли ету недостатокъ голоса. При первомъ аккордѣ, императоръ положилъ карты на столъ; примѣру его послѣдовали всѣ за столомъ. Несмотря на превосходный голосъ Порты, Паэръ однако произвелъ болѣе эффекта буффонскимъ выраженіемъ словъ и пѣнія. Мадамъ Грассини своимъ роскошнымъ, чуднымъ голосомъ спѣла арію Зингарелли; потомъ слѣдовалъ дуэтъ, исполненный Крувелли и Таккинарди; за тѣмъ варіаціи для арфы и фортепіано, сочиненныя и исполненныя Надерманомъ и Дюссекомъ на мотивы Ричарда Грѣтри. Фортепіанистъ бытъ такъ толстъ, что едва усаживался во всю ширину инструмента, а Надерманъ, неуступавшій ему въ толщинѣ, крѣпко сжималъ арфу между ногами, чтобы

уки въ состояніи были достать струны. Піеса исполнялась отлично, о когда мелодія дошла до мотива: *о Ричардъ! о мой король!* друг ъ струна на арфѣ лопнула и сильно ударила въ носъ Надерiana, который обѣими руками ухватился за него. На этотъ разъ мператоръ не могъ удержаться отъ смѣху; исполнители пришли въ замѣшательство, и поспѣшно кончили неслыханною кодою, начатою ъ тонѣ sol, конченною въ mi. Крешентини выступилъ на помощь ъ нимъ, незнавшимъ уже какъ прикрыть свое отступленіе, и проѣлъ очаровательную арію: Quello pupillo tenore. Потомъ пришла чередь Друэ, который чудпымъ образомъ исполнилъ фантазію на отивы Ner cor piunon mi sento, и первая часть концерта окончиась хоромъ, сочиненія Керубини, въ которомъ приняли участіе всѣ рисутствующіе артисты. По окончаніи императоръ положилъ носоой платокъ въ карманъ, и взявъ шляпу со стола, подошелъ къ Іаэру съ табакеркою въ рукахъ.

— Добрый вечеръ, мось Паэръ, каково ваше здоровье? Вы услаили насъ очаровательною музыкою. Вашъ дуетъ Se fiato in corpo vete былъ исполненъ наилучшимъ образомъ; вы такъ натурально ередали свою часть.

— Ваше величество очень милостивы: у меня плохой голосъ.

— Я предпочитаю плохой голосъ, искусно управляемый, прекрасному голосу безъ всякой методы. — Обращаясь къ Портѣ. — Вотъ у мосье Порты прекрасный голосъ.

— Altezza! могъ только произнести Порта съ низкимъ поклономъ, отправивъ конецъ своей шпаги прямо въ лицо Крешентини, который стоялъ позади его и то же поклонился.

— Съ какою прелестью вы передали свою арію! сказалъ Наполеонъ мадамъ Грассини. Вы въ высшей степени обладаете волшебною чистотою стиля, доступною только итальянскимъ артистамъ.

— Ваше величество, я пѣла хуже обыкновеннаго, потому-что старалась лучше спѣть, отвѣчала синьора ломаннымъ французскимъ языкомъ, съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, хуже нежели у Паэра.

— Если вы всегда будете пѣть, какъ сегодня, то большое удовольствіе доставите намъ: хотя вы совершенно справедливо сказали, что когда усиливаешься сдѣлать что-нибудь лучше обыкновеннаго, то часто случается, что сдѣлаешь хуже, какъ пословица говоритъ: *луч-*

ше всегдашній врагъ *хорошаго*; но вамъ нечего бояться, потому-что вы всегда очаровательно поете.

Потомъ, направляясь къ Крувелли и Таккинарди, сказалъ.

— Въ исполненіи вашего дуэта было много огня и жизни, и вы избрали настоящій тактъ, приличный этой піесѣ.

Артисты поклонились, одинъ съ словами: Ah, Maestro, другой: ah Altezza.

— Нѣтъ ничего восхитительнѣе аріи, которую вы намъ спѣли, Крешентини; вы сегодня въ голосѣ, а въ прошедшемъ концертѣ, вы были нѣсколько risca dato.

Наступила очередь Дюссека и Надермана получить привѣтствіе отъ Наполеона, у котораго всегда было пріятное слово для каждаго.

— Вы сдѣлали намъ чрезвычайное удовольствіе; удивительно какъ хороши аріи Грётри, я оченъ люблю его музыку; въ его мелодіяхъ нѣтъ ничего насильственнаго, но все такъ естественно, плавно, какъ-будто-само, безъ всякаго труда, выливалось съ пера его. Не правда ли, мосье Паэръ? никогда не найдешь мелодію, когда добиваешься ее.

— Нѣтъ ничего справедливѣе, ваше величество: когда я началъ писать Гризельду, цѣлый мѣсяцъ я мучилъ себя отыскивая мотивы, но ничего не приходило въ голову.... Я приходилъ уже въ отчаяніе и не хотѣлъ жить на свѣтѣ, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, я, не думая, нашелъ то, что́ искалъ; идеи толпились одна за другою, мелодіи бѣжали, какъ кредиторы... безъ зову.

— Вы хорошо сдѣлали, что остались жить; въ другой разъ, когда придетъ вамъ такое желаніе, совѣтую прочесть у Шекспира монологъ Гамлета: to be, or not to be. А вамъ, мосье Друэ, искренній привѣтъ за вашу сладостную и вмѣстѣ блистательную фантазію; исполнена же она была съ такою быстротою и чистотою, а главное съ такою легкостью, что всѣ чувствовали какое-то особенное удовольствіе, когда вы играли. Нѣкоторые музыканты разрушаютъ эффектъ своей музыки смѣшными гримасами. Не такъ-ли, мосье Паэръ?

— Совершенно справедливо, ваше величество, музыканты иногда дѣлаютъ такія гримасы и судорожныя движенія, какъ-будто приняли яду; но юный Друэ исполняетъ труднѣйшіе пассажи безъ малѣйшаго усилія, какъ-будто ему это ничего не стоитъ.

— Точно, прибавилъ императоръ, какъ смотришь на него, такъ, ка-

жется, и самъ бы сейчасъ же сталъ выдѣлывать тѣже звуки, такъ лицо его спокойно, такъ свободно онъ играетъ. Клянусь честью, Минерва никакъ бы не бросила своей флейты за то, что поневолѣ играя на ней, дѣлала гримасы, еслибъ увидала какъ Друэ играетъ... Вы, вѣроятно, очень много трудитесь, что дошли до такого совершенства.

— Ваше величество, я не имѣю времени учиться: днемъ у меня много уроковъ, а вечеромъ приглашенія на концерты.

— Все это хорошо возразилъ Наполеонъ, однако вы должны же упражняться? Вѣроятно, по ночамъ, и иногда по цѣлымъ ночамъ вы предаетесь своему инструменту, но я прошу васъ не употреблять во зло молодости и непремѣнно спать. Берегите свое здоровье, оно, кажется, неочень крѣпко; въ ваши годы, такъ легко не спать ночь, но помните: природа дорого продаетъ свои дары. Спросите вотъ у этихъ господъ: природа одарила ихъ превосходными голосами, но сколько надо было прежде учиться, чтобы сдѣлаться пѣвцами, сколько требовалось ежедневныхъ лишеній, чтобы сохранить чистоту своего инструмента

Во все время этого разговора, длившагося минутъ десять, императоръ держалъ въ рукахъ и, казалось, внимательно разсматривалъ чудесную флейту, лежавшую на фортепіано. Друэ, увидавъ новый инструментъ, мучился желаніемъ, чтобъ императоръ предложилъ ему попробовать его. Но Наполеонъ, замѣтивъ его желаніе, находилъ удовольствіе помучить артиста, и не сказавъ ни слова, опять положилъ флейту на мѣсто, обратился къ королевѣ Гортензіи, и размѣнявшись нѣсколькими словами съ Талейраномъ, снова сѣлъ за ломберный столъ.

Вторая часть концерта началась тріо Le fassio un incilino, исполненнымъ синьорами Грассини, Барильи и Перрини. Vergogna была выражена съ совершенствомъ, подобное которому мнѣ удалось слышать только двадцать лѣтъ спустя, отъ Пизарони. Таккинарди и Барильи спѣли потомъ очаровательное дуо: Che bella vita, за которымъ слѣдовала арія Майера, исполненная Крешентини; арія эта впослѣдствіи была вставлена синьорою Барильи въ роль графини въ «Сватьбѣ Фигаро». Надерманъ и Дюссекъ должны были исполнить Notturno для арфы и фортепіано на темы Алины, изъ оперы «Бертона», тогда бывшей въ большей славѣ. Едва только они начали, какъ на арфѣ лоп-

нуло нѣсколько струнъ одна за другою. Императоръ замѣтилъ это и громко сказалъ:

— Вотъ и арфа производитъ стрѣльбу по-взводно.... Бѣдные арфисты! какая жалкая участь, проводить половину жизни за тѣмъ, чтобъ навязытать струны, да настраивать ихъ.

Дюссекъ тотчасъ же началъ играть, вмѣсто несчастнаго ноктурно, свою извѣстную сонату, въ тонѣ si, и исполнилъ ее съ такимъ чувствомъ и нѣжностью, что Талейранъ воскликнулъ: Что за прелесть! клянусь честью, когда Дюссекъ играетъ свою сонату, тогда никому въ голову не придетъ спросить: *Соната, чего ты хочешь отъ меня?* За тѣмъ послѣдовалъ хоръ изъ обѣдни, сочиненной Паэромъ въ Амстердамѣ. Друэ послѣдній исполнилъ adagio и rondo изъ своего третьяго концерта. который онъ впослѣдствіи посвятилъ Каталани. По окончаніи Наполеонъ снова всталъ и подошелъ къ фортепіано.

— Браво! чудесно! удивительно какъ можно такъ играть на флейтѣ; какая легкость! А вы, Дюссекъ, точно поете на фортепіано; подъ вашими пальцами и звукъ у него совсѣмъ другой. Да и всѣ высказалъ онъ, обращяясь къ артистамъ, кажется, съ каждымъ днемъ совершенствуетесь. А что, Крешентини, въ-самомъ-ли-дѣлѣ вы дѣлаете успѣхи?

— Боюсь, что нѣтъ, ваше величество.

— А вы, Дюссекъ, думаете ли что когда-нибудь вы будете въ состояніи сыграть еще лучше, нежели сегодня?

— Надѣюсь.

— Ну и вы, Друэ, всѣ намѣрены идти впередъ?

— Ваше величество, съ каждымъ днемъ я научаюсь, что ничего не знаю.

— Ну да, да, вы правы, границы искусства, безконечны. Артистъ, достигши нѣкоторой точки совершенства, воображаетъ себѣ, что не можетъ идти далѣе; но не тутъ-то было. Путь наукъ и художествъ безпредѣленъ. А что эта идея не мучитъ васъ иногда?

— Никогда ваше величество; я бросилъ бы въ огонь свою флейту, еслибъ не имѣлъ надежды съ каждымъ днемъ совершенствоваться..

— А! вы похожи немножко на Паэра, который хотѣлъ себя убить оттого, что ему не удавалось найти хорошенькой мелодіи. При такой сумасбродной идеѣ, которая приходитъ вамъ въ голову, бросить флей-

ту въ огонь, надо имѣть инструментъ несгораемый, какъ напримѣръ вотъ этотъ; не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженія попробовать его?

При этихъ словахъ, императоръ подалъ ему хрустальную флейту, которую нѣсколько уже минутъ вертѣлъ въ рукахъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ Друэ, я умираю отъ нетерпѣнія поиграть на немъ.

— Еслибъ инструментъ могъ говорить, всего вѣроятнѣе, онъ выразилъ бы туже идею, сказалъ Наполеонъ.

Друэ приложилъ губы къ отверстію флейты, и изъ нея полились самыя сладкія мелодіи, варьированныя очаровательнымъ образомъ.

— Кажется, вы дѣлаете что хотите съ этимъ инструментомъ, онъ покоряется всѣмъ вашимъ требованіямъ, сказалъ императоръ: счастливы же вы, что не родились сто лѣтъ тому назадъ, ужъ тогда бы сожгли васъ, какъ чародѣя. Однако флейта много потеряетъ перейдя, изъ вашихъ рукъ, а потому, прошу васъ, примите ее и берегите на память.

— Ваше величество, удостойте принять мою признательность, и вѣрьте, что воспоминаніе объ этомъ вечерѣ никогда не изгладится изъ памяти моей.

— Надѣюсь, что въ будущій концертъ, вы дадите намъ послушать какія-нибудь варіаціи, которыя вы такъ хорошо умѣете писать и исполнять, а темою выберите хоть Voi che sadete..... А! а! у Паэра глаза блестятъ, какъ только заговорятъ о Моцартѣ; вѣдь онъ съума сходитъ отъ Моцарта, да и правъ; что за величественная и блистательная музыка; только, чтобы правильно судить о ней, надо быть болѣе чѣмъ любителемъ или обыкновеннымъ музыкантомъ; лишь хорошій, превосходный музыкантъ можетъ обнять всѣ его красоты и утонченности. Въ настоящее время музыка во Франціи сдѣлала великіе успѣхи; такъ что еслибъ Руссо ожилъ, ему никакъ не пришлось бы сказать: «Юный композиторъ, если у тебя есть хоть нѣсколько геніа, то спѣши въ Неаполь, возьми какую-нибудь поэму «Метастазія и работай; если же въ тебѣ нѣтъ творчества, то пиши «французскую музызу»! Ваша музыка, Паэръ — соединеніе итальянской мелодіи съ нѣмецкою гармонеію.... Иногда какъ-будто слышишь Жомелли, Лео, Дуранте и даже Перголезе, а тамъ встрѣчаешь манеру Гайдна и даже Моцарта. Въ обѣдни, сочиненной въ Амстердамѣ, видѣнъ ученый. Тутъ все есть: и обдуманныя модуляціи, и ис-

кусныя подражанія; тема слышится то въ басу, то переходитъ въ средніе тоны, и наконецъ повторяется въ самыхъ высокихъ; а тамъ, смотришь, таже мелодія является еще съ новыми модуляціями; кажется, это называется фугою, не такъ-ли, Паэръ?

— Точно такъ, ваше величество, финальная фуга

— Мнѣ кажется, однако, что на этой музыкѣ отражаются нѣсколько туманы Зюйдерзе.

— О! признаюсь, воскликнулъ композиторъ: она дѣйствительно очень дурна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Паэръ, вы преувеличиваете, потому-что вы не можете написать дурной музыки; но скажу вамъ, мнѣ не нравится когда смѣшиваютъ духовную музыку со свѣтскою; конечно, можно иногда заимствоваться ею, какъ напримѣръ въ «*Іосифѣ*», Мегюль очень хорошо сдѣлалъ, допустивъ введеніе духовной музыки; превосходство этой оперы доказывается ея огромнымъ успѣхомъ, хотя въ ней нѣтъ ни любви, ни женщинъ, обыкновенныхъ вспомогательныхъ средствъ; но вы, Паэръ, нехорошо сдѣлали, допустивъ въ обѣдню слишкомъ свѣтскія мелодіи. Да кстати объ оперѣ «*Іосифъ*»; совѣтую вамъ, Друэ, сочинить что-нибудь на его романсъ. Вы умѣете извлекать изъ своего инструмента такіе дивные, чистые звуки, что эта мелодія должна быть истиннымъ очарованіемъ на среднихъ тонахъ флейты. А вамъ, Паэръ; не совѣтую ѣхать въ Амстердамъ, когда вздумаете сочинять оперу.

О! ваше величество совершенно правы; въ Амстердамѣ не перестаешь мучиться: днемъ шарманки, однообразное пѣніе нищихъ или слѣпыхъ, не даютъ покою; а ночью каждую минуту будитъ караульщикъ или, какъ тамъ называютъ, Klapperman. Никогда не забуду этого клаппермана, такъ онъ мучилъ меня. Злодѣй каждые полчаса пѣлъ какую-то пѣсенку, и каждые полчаса будилъ меня, за тѣмъ, чтобы сказать который часъ. Въ надеждѣ заставить его молчать, я послалъ-было ему денегъ, но варваръ отослалъ мнѣ ихъ назадъ, приказавъ сказать, что я съ ума сошелъ.

— Голландцы добрый, честный и прямодушный народъ, они страстно любятъ музыку, и вы имѣли тому доказательство, потому-что имъ нужна музыка даже когда они спятъ. Удивительный народъ эти, Голландцы: у нихъ вы встрѣчаете неслыханную смѣсь аристократіи и демократіи. Въ каждомъ городишкѣ у нихъ вы найдете особенный

концертъ для дворянства, другой для купечества, третій для мѣщанства, и наконецъ, есть даже особенный концертъ для рабочаго класса; а потомъ какъ они вмѣстѣ соберутся, то выходитъ такая смѣсь: въ одномъ и томъ же мѣстѣ случается видѣть, что графиня играетъ на фортепіано, булочникъ поетъ каватину; потомъ варіаціи на кларнетѣ исполняетъ банкиръ, а дуо поютъ баронесса съ мельникомъ; какой-нибудь матросъ играетъ соло на скрипкѣ, и такъ далѣе. У Голандцевъ много здраваго смысла и разсудка, но что за климатъ!.. Бѣднякъ Крешентини въ шесть мѣсяцевъ охрипъ, какъ побывалъ въ этой свирѣпой странѣ.... А въ Амстердамѣ, мосье Пазръ, клапперманъ кричитъ теперь: *полночь*.

— Какъ теперь его слышу, государь.

Этими словами императоръ подалъ знакъ къ разъѣзду, и каждый это понялъ. Однако Наполеонъ еще разъ подошелъ къ синьорѣ Грассини, которая, замѣтивъ, что ея блестящая звѣзда померкла, воспользовалась этимъ концертомъ, чтобъ испросить дозволеніе покинуть Францію.

— Надѣюсь, синьора, вы скоро доставите намъ случай еще послушать сладкія мелодіи, которыя вы передаете съ такимъ очарованіемъ.

— Ваше величество, чтобы хорошо пѣть, для птицы нужно чистое небо ея родины, и мнѣ необходимо свѣтлое небо Италіи: густой воздухъ Парижа уничтожаетъ мой голосъ. Когда я вижу парижское солнце, мнѣ все кажется, оно блѣдностью своею напоминаетъ неаполитанскую луну.

Императоръ ничего не отвѣчалъ, но благосклонно раскланялся съ артистами; потомъ обернулся къ Талейрану, сказалъ нѣсколько словъ принцессѣ Боргезе, королевѣ Гортензіи, графу Перигору, и вышелъ вмѣстѣ съ императрицею. Такъ кончился послѣдній концертъ при дворѣ императора Французовъ.

мистриссъ сиддонсъ. Миссъ Сара Кембль родилась въ Брекнокѣ, въ 1735 году. Отецъ ея получилъ за женою въ приданое труппу странствующихъ актеровъ — самое жалкое приданое, какое только жена можетъ принести мужу. Кембль занимался своимъ ремесломъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ отъ Лондона; его театральная телѣжка каталась изъ деревни въ деревню. Рожеръ Кембль былъ довольно пло-

хой актеръ, чтó не мѣшало ему однако исполнять первыя роли своего репертоара; товарищи его равнялись въ посредственности своему начальнику. Вся труппа находилась въ брекнокской гостинницѣ, подъ вывѣскою *Баранья Лопатка*, и пока мужъ разъигрывалъ роль Гамлета передъ Валлійцами, собравшимися въ общей залѣ, на то время превращенной въ театръ, въ это самое время жена, на чердакѣ той же гостиницы, родила маленькую Сару, будущую славу англійской сцены.

Въ то время когда Сара могла ходить и говорить, въ Англіи развилась мода заставлять маленькихъ дѣтей разъигрывать комедіи. Ребенокъ актеръ, по имени Боузъ, умѣлъ трогать и забавлять публику, послѣ чего повсюду явились маленькіе, безбородые Отелло. И Сара Кембль была принесена въ жертву мимолетной прихоти: она появилась передъ публикою, и была освистана наистраннѣйшимъ образомъ. Бѣдная дѣвочка пришла въ замѣшательство, слезы задушили ея слова, и она бросилась за кулисы, къ матери. Но мать, взявъ ее за руку, снова вывела на сцену, и оставивъ въ покоѣ смѣшную трагедію, которой былъ сдѣланъ такой дурной пріемъ, приказала ей продекламировать басню. Сперва это всѣхъ разсмѣшило, потомъ, когда увидѣли, что слезы малютки въ одинъ мигъ высохли передъ непреклонною волею матери, тогда громкія рукоплесканія огласили театръ; и оттого ли, что басня дѣйствительно была хорошо продекламирована, или изъ состраданія къ ребенку, только маленькая актриса имѣла успѣхъ, и играла во всѣхъ роляхъ, по волѣ минутной прихоти: и леди Макбетъ, и Готспура, и Ричарда Третьяго и имѣла большой успѣхъ. Само-собою разумѣется, что для такихъ актеровъ всѣ драмы Шекспира претерпѣвали страшное искаженіе, потому-что отъ каждой роли отнималось все превосходившее предѣлы дѣтскихъ понятій маленькихъ актеровъ.

Чарльсъ Лемъ оставилъ восхитительныя подробности о первыхъ лѣтахъ мистрисъ Сиддонсъ.

«Сара состарѣлась, и талантъ доставилъ ей богатство; я часто посѣщалъ ее. Въ библіотекѣ ея мнѣ случалось видѣть тетрадки первыхъ ея ролей, переписанныхъ дрожайщею рукою суфлера, всѣ въ чернильныхъ пятнахъ и перепачканныя дѣтскими руками. Далеко неблестяща была наружность этихъ тетрадокъ, но она сохраняла ихъ какъ драгоцѣнность: каждая была отдѣльно переплетена въ красномъ сафьянѣ, съ золотыми застежками и великолѣпною позолотою, и

всѣ вмѣстѣ составляли прекрасную коллекцію небольшихъ томиковъ. Сара питала къ нимъ не простое уваженіе, но даже какое-то благоговѣніе. Не онѣ ли были первымъ основаніемъ ея славы, главными атомами ея генія, первою степенью извѣстности и богатства? Она тщательно хранила достопочтенныя пятна Мнѣ нравилось такое воспоминаніе: много признательности и нравственнаго чувства заключалось въ этомъ уваженіи къ первымъ годамъ, проведеннымъ въ честной бѣдности и трудахъ. Можно было бы пемзою или резинкою, вымоченною въ хлорѣ, искусно вычистить всѣ страницы сѣрой бумаги; но тогда для Сары въ нихъ утратилась бы бо́льшая часть интереса.

«Однажды, раскрывъ одинъ изъ томиковъ in-quatro, я замѣтилъ слѣды оливковаго цвѣта, отъ которыхъ буквы какъ будто расплылись, какъ отъ капли воды, упавшей на только что написанныя строки и изгладившей нѣкоторыя быквы.

«— Это мои дѣвичьи слезы сказала она мнѣ; я была такъ сильно взволнована, когда учила роль Дездемоны, что слезы изгладили часть этой роли, какъ вы видите.

«— А въ-продолженіе вашихъ успѣховъ сохранили ли вы живость впечатлѣній, простодушіе до слезъ.

Этотъ вопросъ близко касался любопытной проблемы, тайны искусства; вопросъ, заключавшійся въ томъ, чтобъ узнать, чувствуетъ ли самъ актеръ ту страсть, которую внушаетъ другимъ, или, увлекая другихъ выражаемою имъ страстью, самъ остается неприкосновеннымъ ей. Достаточно ли драматическому артисту одного воспоминанія о первомъ впечатлѣніи. Живетъ ли онъ только своею памятью? Наскучивъ вѣчнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же движеній рукъ и выраженій въ голосѣ, не дѣлается ли онъ наконецъ нечувствительнымъ къ горестямъ, наружную оболочку которыхъ принимаетъ на себя? или талантъ его именно и состоитъ въ этой впечатлительности, или особенной способности прочувствовать каждый разъ всѣ ощущенія, которыя онъ мощною электрическою струею вызываетъ и въ другихъ?

«— Всегда, отвѣчала Сара».

Нетаково мнѣніе Дидро, и хотя Чарльсъ Лемъ считаетъ его неспособнымъ рѣшить этотъ вопросъ, потому-что, говоритъ онъ, Дидро

писалъ драмы неестественныя, и никогда не игралъ комедій; однако мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ англійскаго писателя.

Но возвратимся къ Сарѣ Кембль.

Въ четырнадцать лѣтъ она была уже очень велика, стройна и прекрасна собою, величественной осанки. Съ четырнадцати же лѣтъ все дѣлалось наперекоръ ея наклонностямъ. Отецъ отнялъ у нея Шекспира, и заставлялъ изучать либретто комическихъ оперъ и сценаріо балетовъ: она должна была пѣть и танцовать. Мать была еще строже: она безпрерывно противорѣчила ея твердому, нѣсколько настойчивому характеру.

Въ числѣ труппы, находившейся подъ управленіемъ мистра Кембля, былъ одинъ молодой человѣкъ, почти необходимый директору,—это былъ мистеръ Сиддонсъ, прекрасный и кроткій юноша, способный ко всему: онъ пѣлъ и танцовалъ, игралъ Коріолана и паяца, Брута и арлекина. Кромѣ-того, онъ выражался краснорѣчиво, а писалъ еще лучше, былъ немножко поэтъ, а счетныя книги умѣлъ вести нехуже любаго бирмингэмскаго или манчестерскаго приказчика. Послѣдній талантъ былъ въ особенности очень полезенъ мистру Кемблю, у котораго счетная часть до вступленія молодаго Сиддонса находилась въ страшномъ безпорядкѣ. Скромный и робкій актеръ только любимому предмету осмѣлился признаться въ пламени, которымъ горѣлъ; но Сара была рѣшительнѣе, и откровенно призналась отцу и матери, что любитъ Сиддонса, и что никто, кромѣ его, не будетъ ея мужемъ.

— Какъ! какой-нибудь Сиддонсъ! воскликнула мать.

— Ты слишкомъ хороша для него, сказалъ отецъ. Мисъ Сара, съ своими чудными волосами, чернѣе воронова крыла, ослѣпительною бѣлизною, высокая, стройная, очень могла выдти за какого-нибудь лорда, или черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться знаменитостью Друриленскаго театра, яркою звѣздою. Ну можно ли отдать такое сокровище какому-нибудь Сиддонсу, неизвѣстному провинціальному актеру?

— Никогда, никогда этого не будетъ! повторяли отецъ и мать.

Молодые люди предались жестокому отчаянію. Мисъ Сара являлась передъ публикою съ глазами, опухшими отъ слезъ; паяцъ былъ печаленъ, у арлекина вырывались только грустныя шутки. Въ маленькихъ городкахъ публика разсѣеваетъ свое праздное любопытство самыми тайными семейными происшествіями; такъ и здѣсь, всѣ обратили вни-

нанiе на несчастную любовь молодыхъ людей, только и разговору было, что о ежедневныхъ событiяхъ, съ ними случавшихся. — Это разстроило все дѣло.—Мисъ Сара покинула городокъ и вступила въ богатое семейство, въ качествѣ чтицы. Сиддонсъ не захотѣлъ принадлежать труппѣ, гдѣ не было его возлюбленной. Наконецъ, молодые люди соединились 26 ноября 1773 года. Сара Кембль сдѣлалась мистрисъ Сиддонсъ. Съ этой минуты мужъ перестаалъ быть актеромъ; прежде способный на все, теперь онъ былъ рѣшительно ни на что не годенъ; даже жена, казалось, уже не разсчитывала на его помощь для жизненныхъ потребностей, хотя они находились въ крайней нуждѣ. Все богатство мистрисъ Сиддонсъ заключалось въ талантѣ, который въ то время не былъ еще ни развитъ, ни признанъ.

Въ Батѣ она вступила въ труппу плохихъ актеровъ; однажды пришлось ей играть мужскую роль, а у нея былъ совершенный недостатокъ въ приличномъ костюмѣ. Тогда одинъ изъ зрителей, желая вывести ее изъ затруднительнаго положенiя, вышедъ за кулисы, снялъ съ себя платье, а на себя пока надѣлъ платье Сары; она же, пользуясь снисходительностью своего почитателя, могла выдти на сцену. Такимъ-образомъ долго еще она странствовала изъ Бирмингэма въ Честенгамъ, изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, въ бѣдности, неизвѣстности, почти незамѣченная и скрытая въ толпѣ самыхъ жалкихъ актеровъ въ Англiи.

Въ Честенгэмѣ вздумали однажды представить *Спасенную Венецiю*; мистрисъ Сиддонсъ была отдана роль Белвидеры, самая трудная роль новѣйшей англiйской трагедiи. Въ это время Честенгэмъ былъ мѣстомъ сборища лондонской аристократiи, и всѣ наперерывъ спѣшили разобрать ложи, не для того, чтобы восхищаться образцовымъ произведенiемъ Отуэйя, но чтобы посмѣяться надъ жалкими провинцiальными актерами, которые не умѣютъ ни ходить, ни говорить и такiя смѣшныя и неловкiя движенiя дѣлаютъ руками и ногами. Явилась мистрисъ Сиддонсъ, и удивленiе заступило мѣсто насмѣшливости. Искреннее удивленiе сопровождалось чистосердечными рукоплесканiями. На другой же день, знатнѣйшiя дамы, замѣтивъ бѣдность ея костюма, снабдили ее роскошнымъ гардеробомъ. Лордъ Эйльсбюри написалъ къ Гэррику, тогда бывшему директору Друриленскаго театра, что Честенгэмъ обладаетъ жемчужиною, алмазомъ, созданнымъ для того, чтобы блистать передъ лондонскою публикою. Гаррикъ

прислалъ своего повѣреннаго, для достовѣрнѣйшаго изслѣдованія этого факта, и мистрисъ Сиддонсъ была ангажирована въ Лондонъ.

Кто бы не подумалъ, что пришелъ конецъ чорнымъ днямъ, что талантъ, никогда неимѣвшій себѣ равнаго, озарится наконецъ яркимъ и продолжительнымъ свѣтомъ. Не тутъ-то было.

«Мнѣ предложили пять фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю, пишетъ она; я, была молода, и какъ говорили, очень хороша, ужъ конечно я стоила этой цѣны. Мистръ Гэррикъ принялъ меня отлично, осыпая похвалами и вниманіемъ. Но несмотря на то, великій артистъ постоянно противился моему желанію испытать мои силы въ главныхъ роляхъ, единственно приличныхъ свойству моего таланта и физическимъ качествамъ.

Гэррикъ давалъ ей самыя ничтожныя роли, а по окончаніи срока откланялся ей.

«Глубоко и горько, говоритъ она, было мое униженіе; но это еще не все: моимъ малюткамъ предстояла голодная смерть. Впродолженіе полутора года, мое отчаяніе и уныніе были такъ велики, что здоровье мое разстроилось; но я снова собралась съ духомъ, ободрилась и мужественно встрѣтила напоръ судьбы. Я была изгнана изъ Друриленскаго театра, униженa, уничтожена, и снова начала свою первобытную жизнь странствующей провинціальной актрисы.»

Мистрисъ Сиддонсъ не говоритъ, чтобъ у нея былъ природный талантъ, но что она такъ много училась и трудилась, что могла пріобрѣсти его; вотъ почему она безпрерывно училась и подвергала себя ежедневнымъ опытамъ. Она играла и въ комедіи, но безъ успѣха, а потому, возвратясь къ трагедіи, дала себѣ слово никогда уже не оставлять ее. Она хотѣла обладать тѣми качествами, которыхъ никто не имѣлъ изъ окружающихъ ее: простотою и натуральностью игры, то есть двумя труднѣйшими предметами, какъ для пріобрѣтенія, такъ и для того, чтобы заставить на цѣнить ихъ театрѣ. — Простота ея игры, говоритъ одинъ изъ ея біографовъ, глубина и истина ея намѣреній, слабо поражали толпу. — Весь міръ хочетъ истины, весь міръ призываетъ истину, а какъ истина появится, такъ всѣ и назадъ: иные отрицаютъ ее, а другіе совсѣмъ и не чувствуютъ. Только въ 1777 году, послѣ семилѣтнихъ трудовъ и безплодныхъ попытокъ, публика, только не лондонская, а бирмингэмская да манчестерская, открыли глаза, и признали наконецъ все совершенство артистки; но

и тутъ вмѣшался счастливый случай въ голосѣ, раздавшемся въ толпѣ:

— Нѣтъ, никогда не было ничего равнаго этой актрисѣ, и никогда никто не превзойдетъ ее!

Слова эти, произнесенныя актеромъ Гендерсономъ, открыли всѣмъ глаза. Какой-то журналистъ, раздѣляя его восторгъ, написалъ въ своемъ фельетонѣ, что не понимаетъ, какъ это Лондонъ не отыщетъ такого таланта, и допускаетъ подобную актрису безславно и бѣдственно влачить свою жизнь въ провинціи. А Лондонъ, нимало не заботясь о неизвѣстной ему актрисѣ, обращалъ все свое вниманіе на бой пѣтуховъ и огромнаго слона, возбуждавшаго удивленіе всего столичнаго народонаселенія. Между-тѣмъ вотъ какую жизнь вела Сара:

«Въ Батѣ, пишетъ она въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, впервые я пожинала запоздалые плоды своихъ неутомимыхъ трудовъ; а дотого времени я была очень несчастлива; трагедія, высокая трагедія, единственная, къ которой я имѣла врожденныя способности, давно уже была изгнана со сцены. Можетъ-быть, я содѣйствовала тому, что она снова заняла свое мѣсто, но Боже мой! сколько это стоило трудовъ! Вотъ сами судите: въ понедѣльникъ утромъ, я была въ Батѣ на репетиціи трагедіи; вечеромъ того же дня должна была въ Бристолѣ играть въ комедіи, послѣ чего возвратиться въ Батъ, чтобы во вторникъ вечеромъ играть свою трагическую роль. Величайшее для меня было горе, когда заставляли меня играть второстепенныя роли въ комедіяхъ или фарсахъ. И такая работа приносила мнѣ неболѣе трехъ фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю; за то вокругъ меня собирался уже кружокъ друзей, меня уважали, поощряли одобреніемъ, я надѣялась восторжествовать, и съ мужествомъ предавалось неутомимому труду. Какъ припоминаю всѣ чрезмѣрныя умственныя усилія и тѣлесные труды, которые безропотно выносила въ то время, то рѣшительно не понимаю откуда бралось у меня столько силы и мужества. Всѣ заботы матери лежали на мнѣ и отвлекали меня отъ театральныхъ занятій, и нерѣдко я принуждена была прекращать шумные игры моихъ малютокъ, чтобы разучивать роль, которою вырабатывала насущный хлѣбъ для нихъ.»

А между-тѣмъ слава ея все росла; она была предметомъ восторговъ цѣлаго Бата, и спокойная, скромная, въ тихомъ уединеніи семей-

ной жизни совершенствовалась во всѣхъ талантахъ, отъ поэзіи до скульптуры. Такъ прошло пять лѣтъ, и наконецъ, въ 1782 году, она снова получила приглашеніе пріѣхать въ Лондонъ и играть на сценѣ Друриленскаго театра, гдѣ два раза уже появлялась. Сначала она колебалась; но какое-то внутреннее убѣжденіе говорило ей, что въ Лондонѣ ждутъ ее слава и богатство, — и она приняла предложеніе. Наступила разлука съ батскими жителями, которые впервые признали ея талантъ и рукоплескали ей. Эта разлука казалась ей какою-то неблагодарностью. Наканунѣ своего отъѣзда, въ тотъ вечеръ, когда въ послѣдній разъ для нея поднялся занавѣсъ въ Батѣ, она явилась передъ многочисленною публикою грустная, съ глазами, влажными отъ слезъ, голосомъ, дрожащимъ отъ сердечной печали, явилась не со стихами Шекспира, но съ своими собственными нѣжными, сладкими стихами, въ которыхъ слышалась скорбь и боязнь: благодарность, говорила она, заставили ее написать стихи, на прощанье съ тѣми, которыхъ рукоплесканія прославили ее имя.... но къ чему же и покидать ихъ? зачѣмъ оставлять благосклонную публику, снисходительную къ ея недостаткамъ и поощряющую ея труды? Зачѣмъ мѣнять вѣрное покровительство на неизвѣстность будущаго? Какая причина заставляетъ предпринять такое намѣреніе? Для чего?

Въ эту минуту приблизились къ ней трое малютокъ, которыхъ она представила публикѣ. Всѣмъ было извѣстно, что она очень бѣдна, что безпрерывные недостатки осаждали ее со всѣхъ сторонъ, и что эта тетральная выходка была только зеркаломъ жестокой и раздирающей истины.

«Вотъ тѣ, продолжала она, для которыхъ я разстаюсь съ вами; эти слабыя созданія заставляютъ меня броситься въ пучину новыхъ опасностей. Бѣдныя малютки! одни только вы заставляете меня броситься въ невѣдомое море. Не было ли для меня здѣсь и вѣтра попутнаго, и неба благопріятнаго? Чего же я буду искать вдали отсюда? Быть-можетъ гибельныхъ бурь... Будьте же моимъ извиненіемъ передъ нашими покровителями! А вы, которымъ я не въ силахъ принести въ даръ ни божественнаго вдохновенія поэта, ни увлекательнаго краснорѣчія оратора, примите, по-крайней-мѣрѣ, самую сердечную, самую глубокую и пламенную дань признательнаго сердца.»

Да не подвергнутся строгой критикѣ стихи мистрисъ Сиддонсъ. Хо-

роши ли они или дурны, но въ нихъ ярко сверкаетъ чистота и благородство ея чувствованій.

Въ сентябрѣ, 1782 года такъ взывала мистрисъ Сиддонсъ къ жителямъ Бата, а 10 октября того же года, слава ея уже была утверждена, и тройственный союзъ труда, умственныхъ и физическихъ достоинствъ, истинно замѣчательныхъ, предоставлялъ ей долгую будущность славы и торжества. Ей довольно было одной роли, чтобы удивить публику, чтобы вырвать крики удивленія и восторга изъ груди пораженной толпы. Эта роль была *Изабеллы* въ «Пагубномъ Бракѣ» Соутерна. Успѣхъ придалъ ей новыя силы, которыхъ она еще и не подозрѣвала въ себѣ. Очень любопытно и трогательно описаніе этого происшествія въ ея запискахъ:

— «Я возвратилась домой, сопровождаемая громкими восторженными криками толпы, почти донесшей меня на рукахъ. Отъ радости занималось у меня дыханіе, я была полумертва. Возвратившись подъ свой мирный кровъ, я сѣла за скромный ужинъ между мужемъ и отцемъ. Общее молчаніе иногда прерывалось радостными восклицаніями мистра Сиддонса. Батюшка, достигшій тогда глубокой старости, спокойно ужиналъ, но изрѣдка оставлялъ ножикъ и вилку, подымалъ свою почтенную голову, отбрасывалъ назадъ длинные серебряные волосы, и открывая лицо, орошенное слезами, произносилъ нѣсколько радостныхъ словъ, трогавшихъ меня до глубины души. Утомленная трудными занятіями, я впала въ глубокую задумчивость; въ головѣ моей промелькнула картина моего тяжелаго прошедшаго, въ душѣ возстали мысли, которыя трудно выразить словами. Потомъ напалъ на меня такой летаргическій сонъ, что я проснулась только на другой день, въ часъ пополудни. Я встала съ новыми силами мужества, ума и здоровья.»

Мадамъ Сталь видѣла ее въ роли Изабеллы, и провозгласила первою актрисою въ мірѣ.

«Сиддонсъ была, говоритъ она, благороднѣйшая, величественнѣйшая, совершеннѣйшая женщина, какую только мнѣ случалось встрѣтить въ жизни; она никогда не теряла достоинства, играя даже ничтожныя роли.»

«Играя леди Макбетъ, говорилъ лордъ Байронъ, она казалась сверхъестественнымъ существомъ, упавшимъ съ облаковъ, на удивленіе цѣлаго міра. Величіе, могущество, страсть, все таилось въ ней;

невозможно забыть ее, хоть разъ видѣвши въ сценѣ сомнамбулизма, когда она съ открытыми глазами, во снѣ, шевелитъ губами, не произнося ни слова, скользитъ гигантскою тѣнью. Она составляла событіе въ жизни всѣхъ видѣвшихъ ее.»

Мы можемъ представить личное доказательство, что восторгъ лорда Байрона не имѣлъ ничего преувеличеннаго и что дѣйствіе, производимое мистрисъ Сиддонсъ въ роли леди Макбетъ, оставляло долгое впечатлѣніе. Въ 1840 году случилось намъ сидѣть во французскомъ театрѣ въ Парижѣ; подлѣ насъ сидѣлъ какой-то господинъ, очень старый, но безукоризненность наряда, глаза, полные огня, воинственная осанка, скрывали его годы. Это былъ эмигрантъ, который и по возвращеніи Бурбоновъ оставался на житьѣ въ Англіи, гдѣ онъ женился. Желаніе увидѣть родину привело его на нѣкоторое время въ Парижъ.

—.Притомъ-же я не прочь былъ отъ удовольствія видѣть мадмоазель Рашель, сказалъ онъ мнѣ.

Молодая артистка играла въ этотъ вечеръ роль *Роксаны* въ «*Баязетѣ*.»

— Когда-то я видѣлъ въ этой роли Дюмениль, продолжалъ онъ: но мнѣ случилось видѣть еще получше того.

— Развѣ вы видѣли Клеронъ? спросилъ я.

— Клеронъ? Натянутую актрису, въ которой ничего не было натуральнаго, которая не говорила, а декламировала, а при случаѣ и пѣла.... Нѣтъ, милостивый государь, я видѣлъ мистрисъ Сиддонсъ, еще прекрасную, хотя уже немолодую, но всегда величественную, непринужденную, вѣрную естественности.... Никогда не видать мнѣ осанки, движеній, болѣе трагическихъ, никогда уже не слыхать такого голоса, который умѣлъ бы возбуждать въ сердцахъ слушателей, удивленіе, жалость или ужасъ... о скажите мнѣ что-нибудь о Рашели; дѣйствительно ли обладаетъ она тѣми достоинствами, которыя ей приписываютъ.

— Она играетъ съ замѣчательною непринужденностью и истиною, отвѣчалъ я; что касается до другихъ ея достоинъ, то вы сами сейчасъ будете судить о нихъ, занавѣсъ поднимается..... Роксана—одна изъ лучшихъ ея ролей.

Старый эмигрантъ выслушалъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ первые три акта, а при началѣ четвертаго сказалъ мнѣ:

— Не хотите ли, выпьемъ по стакану пуншу въ ближайшей кондитерской, и побесѣдуемъ о мистрисъ Сиддонсъ.

Надо было ее видѣть, говоритъ англійскій писатель, на высшей точкѣ успѣховъ, надо было посмотрѣть на нее, высокую, стройную, съ возвышеннымъ и безмятежнымъ челомъ, увѣнчаннымъ чорными какъ воронова крыло волосами и чорными глазами, выражающими и гнѣвъ, и любовь, и скорбь. Въ одной только роли Джульетты въ «*Ромео*» она не имѣла большаго успѣху. Къ ней какъ-то не пристала нѣжная, сладострастная грація, восторженность, почти бѣдственное увлеченіе молодой Итальянки. Нераздѣльно она одна господствовала на покоренной ею сценѣ, до половины восемнадцатаго столѣтія. Общій энтузіазмъ не зналъ ни охлажденія, ни предѣловъ.

Но не въ порядкѣ было бы человѣческой жизни, еслибы мистрисъ Сиддонсъ наслаждалась безоблачнымъ счастьемъ: рядомъ съ славою идетъ и клевета.

Въ это время въ Лондонѣ жила одна женщина, бывшая прежде служанкою; имя ея было Лидсъ. Она путешествовала съ однимъ семействомъ по Италіи, наконецъ возвратилась въ Лондонъ; но по пріѣздѣ постигъ ее страшный ревматизмъ, вслѣдствіе чего у нея отнялись обѣ ноги.

Мистрисъ Лидсъ была одинакаго роста съ мистрисъ Сиддонсъ, ея прекрасные черные волосы и правильный оналъ лица имѣли большое сходство съ великою артисткою. Изъ этого-то несовершеннаго, но замѣчательнаго сходства она попыталась сдѣлать опасное ремесло, но тѣмъ неменѣе получила успѣхъ. Она съ трудомъ ходила, на двухъ костыляхъ. Чтобы получить желаемый пріемъ въ недоступныхъ для нея домахъ, она передавала человѣку, отворявшему ей двери, карточку, съ слѣдующими словами:

«Старшая сестра мистрисъ Сиддонсъ, актрисы Друриленскаго театра, испрашиваетъ одной минуты свиданія.»

Разумѣется, хозяинъ дома спѣшилъ на встрѣчу мистрисъ Лидсъ, которая называла себя мисъ Люси Кембль, старшею сестрою мистрисъ Сиддонсъ.

— Мистрисъ Сиддонсъ, говорила она, была ко мнѣ доброю сестрою, пока жила въ бѣдности; но счастье измѣнило ея сердце, заставило ее забыть своихъ родственниковъ; теперь она стыдится

ціи, и по скупости и алчности своей не может облегчить моего положенія.

Въ сердцахъ людей есть зародышъ тайной зависти, которая всегда съ удовольствіемъ отыскиваетъ какой-нибудь порокъ въ человѣкѣ высшаго достоинства; какъ-то пріятно отыскать слабую сторону; хочется найти въ талантѣ равновѣсящее несовершенство, въ добродѣтели тайную слабость, даже въ геніи его постыдную сторону. Нѣкоторыя особы не безъ удовольствія повторяли:

— Однако эта прекрасная мистрисъ Сиддонсъ, съ возвышеннымъ челомъ, благороднымъ лицомъ, Сиддонсъ, умѣющая выражать съ такою силою и истиною самыя великодушныя чувства, когда сходитъ съ своихъ театральныхъ подмостокъ, то дѣлается самою простою смертною, скупою, алчною, забывающею самыя священныя обязанности родства.

Золото сыпалось на мнимую сестру Сиддонсъ, всѣ жалѣли о ней, утѣшали ее и удивлялись обманчивому сходству; а попрошайка, удаляясь, оставляла въ умахъ всѣхъ убѣжденіе, что еслибъ не неизлечимая болѣзнь, которою Господь испытываетъ ее, то она нехуже сестры блистала бы на театрѣ.

Лидсъ не удовольствовалась своимъ успѣхомъ, она отправилась въ Гайдъ-Паркъ, и прислонившись къ дереву, протянула руку и просила милостыни для сестры мистрисъ Сиддонсъ. Тогда всѣ стали разспрашивать объ этомъ происшествіи, оно сдѣлалось гласнымъ предметомъ общихъ разговоровъ; весь Лондонъ возмутился и закричалъ:

— Какъ! богатая женщина, на которую сыпятся гинеи, у которой свои конюшни, экипажи, слуги, отказываетъ въ насущномъ кускѣ хлѣба родной сестрѣ!

Актеры — соперники и газеты распространяли самыя безчестныя клеветы о ея поведеніи и семейныхъ отношеніяхъ:

«Мистрисъ Сиддонсъ не хотѣла играть въ пользу своихъ и отвергла родную сестру.»

Публика при первомъ случаѣ освистала свою любимицу:

— Долой ее! Ненадо на сценѣ! кричалъ партеръ.

При непривычномъ шумѣ, при новыхъ, незаслуженныхъ оскорбленіяхъ, великая артистка высоко подняла голову, и закутавшись въ мантію, величественно оставила сцену и скрылась за кулисами.

Семейство Кемблей было многочисленно; два брата мистрисъ Сид-

комедіи играли ее вмѣсто на Друриленскомъ театрѣ. Сэръ Джонъ Кембль былъ въ полномъ цвѣтѣ своего таланта, а Чарльсъ Кембль начиналъ входить въ извѣстность красотою своею и прекрасною натуральною игрою въ роли любовника въ «Школѣ скандала», сочиненія Шеридана. Мы видѣли Чарльса Кембля въ Парижѣ, и можемъ судить о немъ. Джонъ, актеръ замѣчательный глубокою истиною своего настоящаго англійскаго таланта, никогда не игралъ въ Парижѣ. Благороднымъ сердцемъ и суровою точностью своей игры онъ заслужилъ общее уваженіе и прозваніе актера-философа. Одинъ только онъ сохранялъ, какъ тогда говорили, шекспировское преданіе. Мистрисъ Сиддонсъ, удаляясь со сцены, упала въ объятія брата своего Джона. Онъ снова вывелъ ее передъ публику и открылъ уже ротъ, чтобы защищать ее, но тутъ силы и спокойствіе возвратились ей и она сама начала говорить. Приблизившись къ рампѣ, она твердымъ, спокойнымъ, внушающимъ довѣріе голосомъ объявила, что всѣ приписываемые ей поступки ложны; что извѣстная женщина, нищая, никогда не принадлежала къ ея семейству, но воспользовавшись страннымъ сходствомъ, выдаетъ себя за ея сестру, обманывая такимъ образомъ публику. Ея же семейство, всѣмъ извѣстно, никогда не покидало Англіи, и всѣ Кембли, благодаря крѣпкому тѣлосложенію и доброй нравственности, наслаждаются наилучшимъ здоровьемъ и владѣютъ всѣми членами своего тѣла. Что касается до ея товарищей, то она въ присутствіи всѣхъ говоритъ и призываетъ ихъ во свидѣтели. Около четверти часа она говорила въ защиту себя, и оставила сцену только среди оглушительныхъ рукоплесканій.

Однако и этотъ дивный талантъ подвергся общей участи всего совершеннаго на земли. какъ Шекспиръ, и она была покинута, и Англія въ одно время предала забвенію величайшаго поэта и совершеннѣйшую актрису:

«Публика бросаетъ насъ, писала она къ своей подругѣ, которой повѣряла всѣ свои печали: она пренебрегаетъ Шекспиромъ: ни юный и таинственный Гамлетъ, ни величественный Юлій Цезарь, ни Макбетъ, ни Ричардъ-Третій, ничто уже не привлекаетъ ее; и я бѣдная, посвятившая всю жизнь свою на изученіе великаго поэта, и Джонъ, такъ искусно, съ такимъ умѣньемъ воспроизводящій всѣ оттѣнки очарователя, мы играемъ въ пустынѣ. Просперъ сломалъ свой волшебный жезлъ и бросилъ его въ глубокое озеро. Знаете ли, кто за-

мѣнилъ насъ въ Друрилейскомъ театрѣ? громадный слонъ, поднимающій пушку, собака, вытаскивающая изъ воды,—жалкія мелодрамы, переведенныя съ французскаго и неразъ освистанныя на второстепенныхъ парижскихъ театрахъ, но у насъ составляющія восторгъ средняго класса, а нерѣдко и аристократіи. Вчера Друрилейскій театръ предоставилъ свою сцену канатной плясуньѣ, восхищавшей публику пригожимъ личикомъ и опасными прыжками».

Къ огорченіямъ артистки присоединилась скорбь матери. У мистрисъ Сиддонсъ было трое дѣтей; двое изъ нихъ умерли въ непродолжительномъ времени одинъ послѣ другаго, а третій опасно занемогъ.

«Не вѣрьте счастью, писала она къ своему другу, это жребій другаго міра. Быть умѣреннымъ и довольствоваться немногимъ, вотъ послѣдній терминъ человѣческаго счастья на землѣ. Нерѣдко судьба доводитъ до страдательной покорности: двѣ мои прекрасныя малютки отлетѣли на небо; третья, возвращаясь изъ школы, поражаетъ меня зловѣщею красотою, какъ прежде старшія сестры, красотою, предвозвѣстникомъ болѣзни и смерти.

Но публика скоро бросила свою минолетную страсть, и снова обратилась къ Шекспиру, и великая артистка снова заняла мѣсто, справедливо ей принадлежащее.

Въ это время Тальма во Франціи былъ на верху славы и почестей. Ничего такъ не желала мистрисъ Сиддонсъ, какъ видѣть французскаго артиста, и потому рѣшилась посѣтить Парижъ вмѣстѣ съ братомъ Джономъ Кемблемъ, и воспользоваться давно имъ предлагаемымъ гостепріимствомъ Тальмы. Путешествіе было рѣшено; но какъ въ это время между Англіею и Франціею была война, то слѣдовало испросить дозволенія своего монарха оставить отечество, и разрѣшенія Наполеона пріѣхать во Францію. Императоръ съ чрезвычайною благосклонностью далъ согласіе на желаемое; но не такъ было съ Георгомъ-Третьимъ, который терпѣть не могъ и боялся Наполеона. Притомъ же онъ не хотѣлъ, чтобы любимые его актеры оставили Лондонъ и Джонъ Кембль только съ великимъ трудомъ добился позволенія ѣхать во Францію.

— Да ужъ онъ произведетъ его въ сержанты, говорилъ король.

Но мистрисъ Сиддонсъ онъ никакъ не рѣшился отпустить, и считая своею обязанностью вознаградить любимую актрису за изъявленную по-

корность, онъ пожаловалъ ей титулъ чтицы королевской фамиліи: неслыханная почесть, которою не пользовалась ни одна актриса. Она часто получала приглашеніе исполнять свою обязанность чтицы.

Однажды случилось ей играть въ Манчестерѣ, съ помощью самыхъ плохихъ провинціальныхъ актеровъ, безталанность которыхъ еще сильнѣе бросалась въ глаза отъ ея превосходства. Вся публика стала что-то перешептываться; особенное волненіе пробѣжало по всѣмъ ложамъ, партеръ, казалось, собиралъ голоса; мистрисъ Сиддонсъ смутилась; актеры остановились; наконецъ какой-то ораторъ,—въ Англіи всегда найдется человѣкъ, готовый произвести общее желаніе,—ораторъ встаетъ и такъ начинаетъ:

—Мистрисъ, манчестерскіе жители рѣдко имѣютъ счастье видѣть васъ, и не увѣрены возвратитесь ли вы еще когда-нибудь къ намъ, а потому хотятъ насладиться вашимъ талантомъ въ полномъ блескѣ, то есть не хотятъ, чтобъ его затемняли окружающія васъ тѣни.

— Ура! ура! заревѣла публика. Мы хотимъ одну Офелію.

— Мистрисъ Сиддонсъ подошла къ публикѣ:

— Милорды и господа! прежде всего благодарю васъ за уваженіе, которое вы показываете моему смиренному таланту; потомъ позвольте замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ моимъ товарищамъ.

— Никакъ мистрисъ, мы не строги, а только справедливы; они помрачаютъ вашъ талантъ, заставляя насъ смѣяться, тогда какъ вы извлекаете изъ глазъ слезы.

— Но, я, не могу же въ одиночку играть трагедію.

— Напротивъ, мистрисъ, можете. Долой жалкихъ актеровъ, помрачающихъ трагическую звѣзду Альбіона.

Актеры удалились, а мистрисъ Сиддонсъ, вмѣсто того, чтобъ играть трагедію, принуждена была продекламировать лучшіе монологи своего репертоара.

Съ годами увеличивался ея артистическій талантъ; но какъ всегда, и тутъ природа поставила преграду развитію совершенства, все идущаго впередъ.

Въ мірѣ, говоритъ Дидро, никогда не будетъ совершенства въ актерахъ, потому-что искусство безконечно, а жизнь коротка. Когда актеръ, послѣ двадцати или тридцати лѣтнихъ трудовъ, достигаетъ наконецъ трудной вершины искусства, тогда постигаетъ его старость и заставляетъ идти назадъ, потому-что физическія качества оставляютъ

его: голосъ теряетъ силу и свѣжесть, глаза блескъ, тѣло стройныя и прекрасныя формы, необходимыя для полнаго очарованія на сценѣ; короче у него недостаетъ уже средствъ для исполненія. Мистрисъ Сиддонсъ оставила театръ до наступленія старости, потому-что рука времени лишила ее одного изъ физическихъ совершенствъ; она очень растолстѣла; несмотря на то, когда она въ послѣдній уже разъ появлялась въ Макбетѣ, послѣ сцены лунатизма, восторгъ публики дошелъ до такой степени, что весь партеръ всталъ и требовалъ, чтобы представленіе тутъ и прекратилось;

Послѣ этого она жила тихою семейною жизнью, и въ послѣдніе годы, скульптура занимала первое мѣсто въ ея артистическихъ досугахъ.

Мисъ O'Neil, бѣлокурая дочь Ирландіи, заняла ея мѣсто на театрѣ, но не замѣнила ее.

Мистрисъ умерла шестидесяти-восьми лѣтъ, добродѣтельной и уединенной жизни, не лишенной житейскихъ горестей. Она заслужила мѣсто въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, въ уголку поэтовъ, недалеко отъ Шекспира, геній котораго она такъ живо умѣла выражать.

ПИСЬМО ПОДГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА.

Юльскіе сюрпризы. — Современныя лакомства. — Отечественная галлерея новыхъ знаменитостей. — Лѣтній вечеръ Пантеона.

Ранешенько утромъ сегодня разбудилъ меня шумъ нежданно раздавшійся на маленькомъ дворикѣ моего скромнаго подгороднаго обиталища. Я сталъ прислушиваться и въ ушахъ моихъ раздался говоръ моего человѣка съ почталіономъ, который говорилъ:

— Провѣрь же братецъ, по реестру: здѣсь всѣ журналы налицо!

— Давай его сюда, реестръ-отъ! Аль думаешь, грамотѣ не знаю? Нутка, давай! «Библіотека для Чтенія!»

— Здѣсь! отвѣтилъ почталіонъ.

— «Отечественныя!»

— Вотъ тебѣ онѣ, вотъ еще Москвитянинъ, Пантеонъ....

— А «Сынъ Отечества!...» Гдѣ жъ «Сынъ Отечества?...» Здѣсь онъ, что ли, али въ нѣтчикахъ?... А вотъ это!

— Нѣтъ это «Современникъ», а не «Сынъ Отечества!» замѣтилъ принимавшій.

— Гдѣ жъ «Сынъ Отечества?» Безъ него нельзя!...

— Не держи меня, любезный, понапрасну; мнѣ и то некогда.... Сынъ отечества представлю тебѣ послѣ.

Я вскочилъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, отсунулъ въ окошко, и велѣлъ нежданныхъ посѣтителей предоставить въ мою комнатку.

Въ это время ко мнѣ явился одинъ мой знакомый, въ охотничьемъ костюмѣ, въ зеленомъ кругломъ фракѣ, въ зеленомъ картузѣ, съ приглашеніемъ отправиться на охоту; но увидавъ на столѣ новые журналы, онъ бросился къ одному изъ нихъ въ зеленой оберткѣ. А наша Библіотека. Послушайте, почтеннѣйшій, у меня есть къ вамъ просьба.

— Ну-съ, что жъ вамъ угодно?

— Напишите ка по совѣсти о Библіотекѣ.

— Я самъ сотрудникъ этого журнала, и не могу о немъ сказать ни слова.

— Напрасно! Отчего жъ? Васъ никто въ этомъ не связываетъ....

— Таковъ ужъ обычай!

— Но въ іюльской книжкѣ Библіотеки отличный «Римскій міръ», статья о «Пропилеяхъ», стихи, «Младшій братъ», «Калмыки», «Жмудь» и «Человѣкъ съ характеромъ....»

— Объ этомъ будутъ говорить другіе!

— Нѣтъ ужъ, вы приложите свое стараніе.... обратите вниманіе, что,» критики указываютъ только на немногія слабыя стороны «Библіотеки для Чтенія».... а въ чемъ нѣтъ слабыхъ сторонъ? и въ солнцѣ есть пятна! Но вѣдь вы изволите знать, что самъ Горацій недаромъ же сказалъ.

> Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
> Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

— Такъ, такъ, но право это не мое дѣло!

— «Библіотеку» упрекаютъ въ томъ, да въ семъ, а вотъ хотя бы «Отечественныя Записки....» онѣ сами теперь только печатаютъ тотъ романъ, который публика прочла давнымъ давно въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ хорошемъ переводѣ, въ отдѣлѣ Смѣси....

— Не будемъ заниматься мелочами....

— Разберите ка хорошенько послѣдніе нумера нашихъ антагонистовъ. Это третье письмецо ваше?

— Третье и послѣднее.

— Никакъ нѣтъ-съ: мы ждемъ отъ васъ еще два-три письма.

— Нѣтъ, нынче я пишу послѣднее.... но это, впрочемъ, не до васъ касается....

Господинъ въ зеленомъ охотничьемъ костюмѣ вышелъ, и минуту спустя, въ дверяхъ моей комнатки показались два новые незнакомца, одинъ коренастый такой, широкоплечій, въ рыжеватомъ осеннемъ пальто, другой худощавый въ синеватомъ пальто.

— A bon jour! это что у васъ, седьмой нумеръ «Современника»!

— Къ вашимъ услугамъ.

— Прекрасно! великолѣпно. Синее пальто прищурило глаза и стало читать: Совре.... Совре.... Современникъ; потомъ далѣе: «подписка за распродажею всѣхъ экземпляровъ прекратилась!

— А что вы скажите о нашихъ «Отечественныхъ». Мнѣ любопытно знать я вѣдь ихъ сотрудникъ. Но aproрos. Какое у насъ лѣто! хуже осени... видите, я явился къ вамъ вовсе не полѣтнему! пробормотало пальто съ гримасой.

— Какое же развлеченіе вашъ журналъ даетъ публикѣ?

— Онъ представляетъ цѣлую галлерею современныхъ знаменитостей... Оригинальныя картины и гравюры....

— А мастера кто?

— Все отечественные художники, наподрядъ отечественные....

— Сюжеты, вѣроятно, тоже все отечественные....

— Это что за огромное произведеніе?

— Это — окончаніе «Проселочныхъ Дорогъ» господина Григоровича... романъ!.. поэма!... господинъ Григоровичъ истинный поэтъ.

— Но вотъ бѣда здѣсь ему захотѣлось скромную, по настоящую свою сферу перемѣнить на обширнѣйшую; но онъ не легко несетъ свое бремя, а тащится, тянется нога-за-ногу, волочитъ его шагъ за шагомъ, сбивается съ пути, и растягиваетъ путеводную нить на почти-необозримое разстояніе.

— Но все-таки же онъ поэтъ, и поэтъ, которому нельзя не сочувствовать. Это не тотъ литераторъ, къ которому вы вправѣ были бы примѣнить слова Катулла: Saeculi incommoda pessimi poëtae...

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, и готовъ отдать господину Григоровичу должное предпочтеніе предъ другими литераторами, въ главѣ которыхъ онъ находится; мнѣ нравится его легкая кисть, его свѣжія, живыя краски, его мѣткія очертанія характеровъ; мнѣ нра-